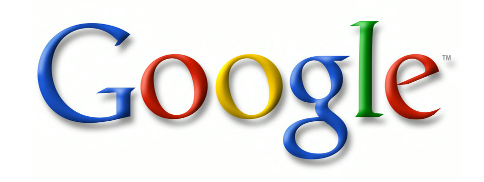
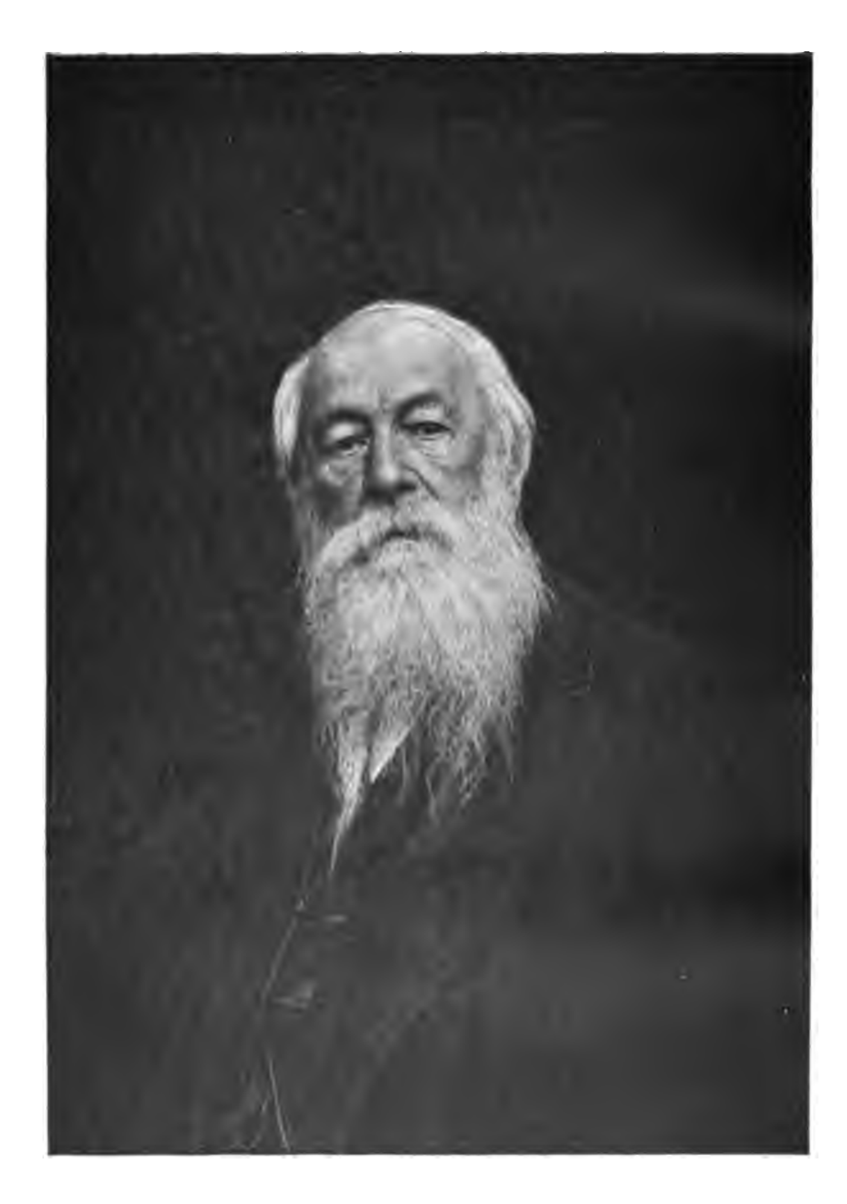

Владимiръ Васильевичъ
Стасовъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1907.

АПРѢЛЬ.—МАЙ.—ІЮНЬ.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1907.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1907 годъ.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъ документовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, на сколько они доступны для частнаго человѣка, конечно, имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—оффиціальную,—поясняютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, а матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нерѣдко дневникъ простого обывателя своими правдивыми разсказами лучше всякаго оффиціальнаго документа нарисуетъ бытовой характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА“, имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разсказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивные документы.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, вступая въ 1907 году на тридцать восьмой годъ своего существованія, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду измѣнившіяся условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала. Сохраняя своихъ прежнихъ, многочисленныхъ, сотрудниковъ, редакція получила согласіе на помѣщеніе въ журналѣ трудовъ слѣдующихъ лицъ: П. Я. Дашкова, П. А. Ефремова, А. Ѳ. Кони, С. Ф. Платонова, М. А. Поліевктова, В. И. Саитова и С. М. Середонина.

Въ 1907 году будутъ напечатаны: изъ автобіографическихъ воспоминаній графа Л. Н. Толстого, записки генерала Зотова, записки основателя „Русской Старины“ М. И. Семевскаго, де Санглена, Тургенева, Петрушевскаго, Инсарскаго, Никитина, Золотарева, графа Головкина, Каразина и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка, по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVIII-й. АПРѢЛЬ. 1907 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) Портретъ Владиміра Васильевича Стасова.

2) Планъ атаки брандеровъ 19—20 апрѣля 1904 года у Портъ-Артура.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія „Надежда“, Морская, 65.
1907.

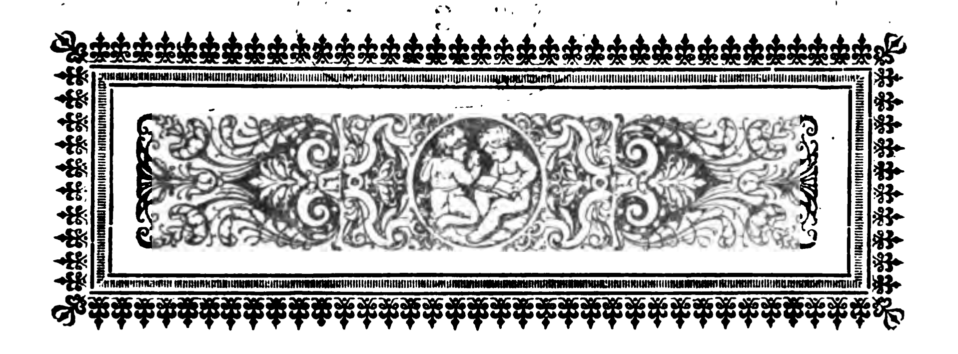
IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1907 года.

Библіографическій листокъ.

Библіотека великихъ писателей, подъ редакціею С. А. Венгерова. Пушкинъ. Томъ I-й, выпускъ 1-й. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона. Спб., 1907.

Глубокій и живой общественный интересъ къ Пушкину въ наши тяжелые дни—одно изъ самыхъ свѣтлыхъ явленій русской дѣйствительности. Имя величайшаго русскаго поэта утвердилось прочно въ родномъ народѣ, который научился любить и цѣнить его. Послѣдніе годы ознаменованы появленіемъ нѣсколькихъ крупныхъ собраній произведеній Пушкина. Книгопродавцы убѣдились, что „на Пушкинѣ не потеряешь", что эта книга необходима въ каждомъ русскомъ домѣ,—настолько необходима, что истрепанный или утерянный экземпляръ бываетъ нужно немедленно замѣнить новымъ, и изданія сочиненій Пушкина идутъ все глубже и глубже въ народъ. Раскупаются не только дешевыя, неряшливыя изданія, на дрянной бумагѣ, но появилась потребность въ болѣе дорогихъ и изящныхъ изданіяхъ любимаго поэта. Въ послѣдніе 3—4 года появились крупныя и недешевыя собранія П. О. Морозова и П. А. Ефремова, медленными шагами подвигается крупнѣйшее академическое изданіе. Нынѣ стала выпускать монументальное собраніе твореній великаго поэта фирма Брокгаузъ-Ефронъ, извѣстная своими прекрасными изданіями перваго полнаго русскаго словаря, Шиллера, Байрона, Шекспира. Собраніе сочиненій Пушкина редактируетъ С. А. Венгеровъ. Начало его работы недавно вышло въ свѣтъ: первый выпускъ, занимающій 10 печатныхъ листовъ и составляющій четвертую часть тома (всѣхъ томовъ будетъ шесть), уже своею внѣшностью производитъ подкупающее впечатлѣніе. Форматъ in-quarto, печать въ два столбца, шрифтъ пушкинскихъ временъ, стильная орнаментовка, состоящая изъ разнообразныхъ виньетокъ, концовокъ и заставокъ, и цѣлый рядъ иллюстрацій, превосходно исполненныхъ, могутъ угодить самому прихотливому вкусу. Это настоящая édition de luxe, изъ тѣхъ, къ какимъ еще не пріучили нашу публику экономные русскіе издатели. Между тѣмъ, внѣшняя сторона венгеровскаго изданія, превосходящаго изяществомъ даже выпущенныя той же фирмою собранія иностранныхъ писателей, заслуживаетъ особаго вниманія. Въ разсматриваемомъ выпускѣ—цѣлый рядъ прекрасныхъ иллюстрацій: тутъ и рисунки, и факсимиле самого Пушкина, и каррикатуры, и портреты. Особенно украшаютъ книгу три великолѣпныя литографіи, впервые воспроизводящія въ краскахъ портреты отца, матери и сестры поэта; глядя на нихъ, убѣждаешься, какъ далеки были отъ истины прежнія, неряшливыя изображенія. Нужно замѣтить, что портретъ сестры Пушкина, а также ея собственноручный рисунокъ и снимокъ съ той страницы церковной метрической книги, гдѣ записаны рожденіе и крещеніе поэта, появляются вообще въ первый разъ. Историко-генеалогическая статья о родѣ Пушкина украшена заставками въ русскомъ стилѣ; проникнутые вліяніемъ французскихъ эротиковъ стихи украшены подходящими иллюстраціями въ шаловливомъ, легкомъ стилѣ Людовика XVI; вообще, къ достиженію стильности было приложено немало заботы. Кромѣ отличнаго портрета двѣнадцатилѣтняго Пушкина, находимъ изображенія писателей, имена которыхъ выдѣляются въ его творчествѣ, виды мѣстностей и т. д.

Внутренняя сторона изданія еще внушительнѣе внѣшней. Судя по началу дѣла, редактору вполнѣ удастся его намѣреніе дать русской публикѣ не только богатое, но и научное изданіе произведеній нашего національнаго поэта. Планъ изданія задуманъ широко: въ него войдутъ отдѣльные этюды о различныхъ періодахъ жизни Пушкина, біографическіе очерки, посвященные людямъ, съ которыми онъ былъ лично близокъ либо такъ или иначе связанъ

Изъ автобіографическихъ воспоминаній графа Льва Николаевича Толстого [1]).

Поселясь въ деревнѣ, Левъ Николаевичъ дѣятельно занялся устройствомъ школъ въ Ясной Полянѣ и во всемъ Крапивенскомъ уѣздѣ. Увлекшись вопросомъ о народномъ образованіи, онъ рѣшилъ побывать вторично за границею, этотъ разъ со спеціальной цѣлью познакомиться съ тѣмъ, что сдѣлано въ Европѣ по этой части, и осмотрѣть учрежденія, имѣвшія цѣлью поднять уровень рабочаго населенія.

Его отъѣздъ ускорился вслѣдствіе болѣзни его старшаго брата, который лечился отъ грудной болѣзни сначала въ Соденѣ, а затѣмъ на югѣ Франціи, гдѣ онъ скончался на рукахъ Льва Николаевича.

20 сентября 1860 г. Толстой писалъ Ергольской: „Дорогая тетушка, черная печать скажетъ вамъ все. То, что я ожидалъ со дня на день послѣдніе двѣ недѣли, случилось вчера вечеромъ въ девять часовъ. Только вчера онъ позволилъ мнѣ помочь ему раздѣться, легъ окончательно въ постель и попросилъ сидѣлку. Онъ былъ до конца въ полномъ сознаніи. За четверть часа до смерти онъ выпилъ молока и сказалъ, что чувствуетъ себя хорошо. Въ самый день смерти онъ шутилъ и интересовался моими педагогическими дѣлами. Только въ самый моментъ кончины онъ прошепталъ нѣсколько разъ: „Боже мой, Боже мой!“ Мнѣ кажется, онъ понималъ свое положеніе и старался обмануть себя и насъ. Маша разсталась съ нимъ за че-

[1]) См. „Русская Старина“, мартъ 1907 г.

тыре часа передъ тѣмъ, уѣхала за четыре версты отъ Hyères, гдѣ она живетъ. Она не ожидала, что онъ такъ скоро умретъ. Я закрылъ ему глаза. Теперь я скоро буду съ вами и все разскажу вамъ лично. Я не могу перевезти его тѣло. Всѣ хлопоты по похоронамъ взяла на себя княгиня Голицына. До свиданія, дорогая тетушка, я не могу ничего сказать вамъ въ утѣшеніе. Это воля Божія,— вотъ и все! Пока я не пишу Сережѣ. Онъ вѣроятно на охотѣ; вамъ конечно извѣстно, гдѣ онъ, поэтому напишите ему или перешлите ему это письмо"[1]).

На другой день послѣ похоронъ Л. Н. писалъ брату Сергѣю Николаевичу:

„Я полагаю, что ты уже получилъ извѣстіе о смерти Николеньки. Я сожалѣю ради тебя, что ты не былъ при этомъ. Какъ это ни было ужасно, я счастливъ, что все произошло въ моемъ присутствіи и подѣйствовало на меня, какъ должно. Это не то, что смерть Мишеньки, о которой я узналъ въ то время, когда я вовсе не думалъ о немъ. Впрочемъ, это совсѣмъ другое дѣло. Съ Мишенькой насъ связывали воспоминанія дѣтства и родственныя чувства—вотъ и все. Онъ же былъ для тебя и для меня человѣкомъ, котораго мы любили и уважали болѣе всего въ мірѣ. Тебѣ извѣстно эгоистическое чувство, которое мы испытывали послѣднее время: „чѣмъ скорѣе кончится, тѣмъ лучше"; а теперь ужасно писать объ этомъ и вспоминать, что мы это думали.

Благодаря присущимъ ему силѣ воли и характера, онъ до послѣдняго дня дѣлалъ все возможное, чтобы не быть въ тягость. Въ день смерти онъ всталъ и одѣлся самъ; по утру я засталъ его совсѣмъ одѣтымъ въ креслѣ. Только въ девять часовъ, передъ кончиной онъ поддался болѣзни и попросилъ раздѣть его. Первый разъ это случилось въ кабинетѣ уединенія. Спускаясь съ лѣстницы, я услыхалъ, что его дверь отворилась. Я вернулся; его нигдѣ не было. Сначала я побоялся вернуться, онъ этого не любилъ, но этотъ разъ онъ самъ сказалъ мнѣ: „помоги мнѣ". И въ тотъ день онъ былъ совсѣмъ другой: кроткій, добрый, онъ не жаловался, ни о комъ не говорилъ, хвалилъ всѣхъ и говорилъ мнѣ: „спасибо, другъ мой".

Понимаешь ли ты, что это означало при нашихъ отношеніяхъ? Я сказалъ ему, что я слышалъ, какъ онъ кашлялъ по утру, но не вошелъ къ нему изъ ложнаго стыда. „Напрасно, отвѣчалъ онъ, это было бы мнѣ утѣшеніемъ".

Что касается страданій,—онъ страдалъ, но онъ сказалъ мнѣ только одинъ разъ, за два дня до смерти, какъ ужасны были его

---

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

безсонныя ночи: „Утромъ меня душитъ кашель, и это тянется мѣсяцъ! А какіе бываютъ сны! Одному Богу извѣстно! Еще двѣ такія ночи; это ужасно“!

Онъ ни разу не сказалъ мнѣ совершенно ясно, что онъ чувствовалъ приближеніе смерти. Онъ не только не говорилъ этого, но въ день смерти онъ заказалъ себѣ халатъ; когда я сказалъ ему, что если ему не будетъ лучше, то мы съ Машей не поѣдемъ въ Швейцарію, то онъ сказалъ: „Развѣ ты думаешь, что мнѣ будетъ лучше?“ Это было сказано такимъ тономъ, что чувствовалось, что онъ знаетъ правду, но не говоритъ ее ради меня, также какъ я не говорилъ объ этомъ ради него. Однако я съ утра зналъ все и не оставлялъ его. Онъ умеръ безъ страданій, видимыхъ по крайней мѣрѣ. На другой день я сошелъ въ его комнату; мнѣ страшно было открыть его лицо; мнѣ казалось, что оно должно быть еще болѣе страдальческимъ, еще болѣе страшнымъ, чѣмъ во время его болѣзни, но ты не можешь себѣ представить, какое у него было прекрасное лицо и какое доброе, веселое, спокойное выраженіе.

Вчера его похоронили здѣсь. Былъ моментъ, когда я сильно подумывалъ перевезти его тѣло, но, обдумавъ это хорошенько, я измѣнилъ намѣреніе. Не слѣдуетъ растравлять раны. Мнѣ жаль, что ты получилъ это извѣстіе на охотѣ, въ то время, какъ ты развлекаешься, и что оно не потрясетъ тебя такъ, какъ меня. Я чувствую теперь то, что я слышалъ нерѣдко: какъ только лишишься человѣка, такого, какимъ онъ былъ для насъ, становится гораздо легче думать о смерти.

Твое письмо пришло въ то время, когда по немъ служили панихиду. Да, ты не будешь болѣе охотиться съ нимъ.

За два дня до смерти онъ читалъ мнѣ свои замѣтки объ охотѣ и говорилъ много о тебѣ. Онъ сказалъ, что Господь далъ тебѣ счастье, но что ты самъ мучаешь себя.

На другой день смерти я велѣлъ снять съ него портретъ и маску; въ портретѣ не схвачено его выраженіе, но маска вышла весьма удачной“.

По поводу смерти брата, произведшей на него потрясающее впечатлѣніе, Л. Н. записалъ въ дневникѣ:

„13 октября 1860 г. Скоро мѣсяцъ, какъ умеръ Николенька. Это событіе какъ-то оторвало меня отъ жизни. Снова является вопросъ: зачѣмъ? Уже недалеко до отхода туда. Куда?.. Я стараюсь писать, дѣлаю усиліе, но дѣло не идетъ на ладъ, такъ какъ я не могу придать работѣ того значенія, которое необходимо для того, чтобы имѣть силу и терпѣніе работать. Во время похоронъ мнѣ пришла мысль написать матеріалистическое евангеліе. Матеріальную жизнь Христа“.

Мѣсяцъ спустя, по поводу другой смерти онъ писалъ:

„Тринадцатилѣтній мальчикъ умеръ отъ чахотки въ ужасныхъ страданіяхъ. За что? Единственное объясненіе даетъ вѣра въ будущую награду. Если нѣтъ будущей жизни, нѣтъ справедливости; и ея не нужно, да и самая потребность въ справедливости—предразсудокъ... Справедливость есть самая насущная потребность человѣка по отношенію къ другому человѣку. Человѣкъ старается установить подобное же отношеніе къ вселенной. Безъ будущей жизни нѣтъ справедливости. Цѣлесообразность и польза—единственный неизмѣнный законъ природы, скажутъ натуралисты. Ихъ нѣтъ въ любви къ поэзіи, въ лучшихъ проявленіяхъ человѣческой души. Все это существуетъ и часто исчезаетъ, не проявивъ себя ничѣмъ.

Если польза есть единственный законъ природы, въ такомъ случаѣ природа переступила свою цѣль, давъ человѣку потребность въ поэзіи и любви".

Двадцать семь лѣтъ спустя онъ писалъ: „Жизнь человѣка—есть стремленіе къ добру. Ему дано то, къ чему онъ стремится—жизнь, которая не можетъ кончиться смертью, и добро, которое не можетъ быть зломъ".

По смерти брата Л. Н. провелъ всю зиму въ путешествіи по Германіи, гдѣ онъ осматривалъ учебныя заведенія и знакомился съ методами преподаванія. Въ апрѣлѣ онъ былъ въ Дрезденѣ, откуда писалъ Т. А.

„Я здоровъ и горю нетерпѣніемъ вернуться въ Россію. Но разъ я попалъ въ Европу и не знаю, когда удастся побывать тутъ еще, вы поймете, что мнѣ хотѣлось воспользоваться своимъ путешествіемъ, какъ слѣдуетъ.

Кажется, это мнѣ удалось. Я получилъ такую массу впечатлѣній, сдѣлалъ столько знакомствъ, что придется еще долго поработать, прежде чѣмъ все это уляжется въ головѣ.

Я предполагаю пробыть въ Дрезденѣ до 10/22, а къ Пасхѣ, во всякомъ случаѣ, надѣюсь быть въ Ясной. Если къ 25-му навигація не откроется, я поѣду черезъ Варшаву въ Петербургъ, гдѣ мнѣ необходимо быть, чтобы получить разрѣшеніе на журналъ, который я предполагаю издавать при Ясно-Полянской школѣ.

Я везу съ собою нѣмца съ университетскимъ образованіемъ. Это будетъ учитель и управляющій. Онъ человѣкъ очаровательный и весьма образованный, но еще очень юный и мало практичный" [1]).

23 апрѣля 1861 г., пробывъ за границей девять мѣсяцевъ, Л. Н. вернулся въ Россію, въ самый разгаръ того необычайнаго подъема, который охватилъ русское общество послѣ освобожденія крестьянъ.

---

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

„Что касается того, какъ я смотрю на возбужденіе, охватившее тогдашнее общество, сказалъ Толстой, отвѣчая на вопросъ своего друга, Бирюкова, „то я долженъ вамъ сказать (и это черта моего характера, хороша она или дурна, но она всегда была мнѣ присуща), я всегда невольно старался не поддаваться эпидемическимъ внѣшнимъ вліяніямъ, и если я въ то время самъ былъ возбужденъ и веселъ, то этому были особыя личныя причины, тѣ самыя, которыя побудили меня заняться школами и сблизиться съ народомъ.

Вообще, даже теперь, я нахожу въ себѣ то же чувство отвращенія къ тогдашнему общественному движенію, которое проявлялось впрочемъ въ очень робкой формѣ".

Кипучая дѣятельность, которой предался Толстой по возвращеніи въ Россію, состоя мировымъ посредникомъ и дѣятельно занимаясь устройствомъ школъ въ Крапивенскомъ уѣздѣ и въ Ясной Полянѣ, гдѣ онъ самъ велъ занятія при помощи нѣсколькихъ учителей, повліяла на его здоровье; весною 1862 г. онъ чувствовалъ себя больнымъ, боялся даже, что у него развивается чахотка; это побудило его отправиться въ маѣ мѣсяцѣ на кумысное леченіе въ Самарскую губернію, куда онъ поѣхалъ въ сопровожденіи своего слуги Алексѣя и двухъ своихъ учениковъ.

Пріѣхавъ въ Самару, онъ писалъ Т. А. Ергольской 27 мая 1862 г.:

„Сегодня я уѣзжаю изъ Самары за сто тридцать верстъ отсюда, въ Каралыкъ Николаевскаго уѣзда. Мой адресъ: Самара. Югію Ѳедоровичу Самарину для передачи Л. Н. Толстому.

Я совершилъ превосходное путешествіе; мѣстность тутъ мнѣ очень нравится. Я чувствую себя гораздо лучше, т. е. меньше кашляю. Алексѣй и дѣти живы и здоровы; можете передать это ихъ родителямъ. Пожалуйста, напишите, что съ Сережей, или попросите его написать мнѣ. Кланяюсь всѣмъ моимъ дорогимъ товарищамъ и прошу ихъ написать мнѣ, что дѣлается у нихъ. В. И. Ушковъ еще здоровъ и бодръ. Какъ только пріѣду на мѣсто, напишу подробнѣе.

Цѣлую ваши ручки".

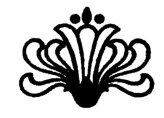
Пріѣхавъ на мѣсто, онъ писалъ:

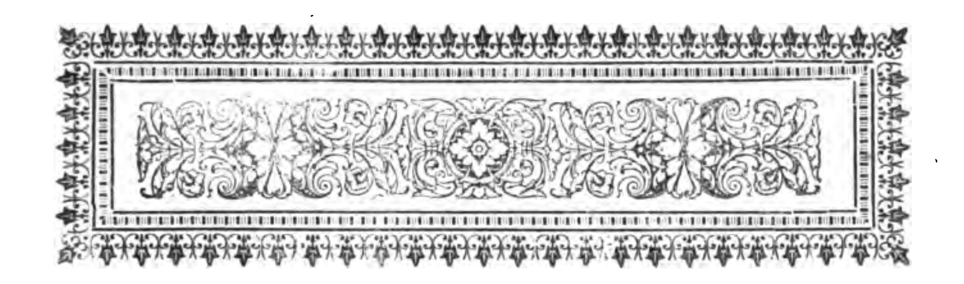
„28 іюня 1862 г.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я не имѣлъ извѣстій отъ васъ и изъ дома. Прошу васъ, напишите обо всѣхъ: 1, о родныхъ; 2, объ ученикахъ и т. д. Мы съ Алексѣемъ пополнѣли, онъ въ особенности; кашляемъ мало, онъ въ особенности. Живемъ въ кибиткѣ. Погода прекрасная. Я разыскалъ моего друга Столыпина, онъ командуетъ уральскими казаками. Я былъ у него и привезъ оттуда переписчика, но диктую и пишу мало. Когда пьешь кумысъ, овладѣваетъ лѣнь.

Я предполагаю уѣхать отсюда недѣли черезъ двѣ и надѣюсь быть дома въ Ильинъ день. Въ этой трущобѣ меня мучаетъ неизвѣстность, а равно мысль о томъ, что я страшно запоздаю съ изданіемъ моего журнала. Цѣлую ваши ручки. Прошу васъ, напишите мнѣ обстоятельно о Сережѣ, Машѣ и ученикахъ, коимъ я кланяюсь. Прилагаю письмо дѣтей къ ихъ родителямъ".

(Продолженіе слѣдуетъ).

Марина Мнишекъ и второй самозванецъ.

Марина Мнишекъ, жена перваго самозванца, героиня многочисленныхъ повѣстей, романовъ и драматическихъ произведеній, извѣстная въ памяти русскаго народа подъ именемъ „Маринки безбожницы“, „еретицы“ и „колдуньи“—составляетъ предметъ новаго изслѣдованія Александра Гиршберга, вышедшаго па польскомъ языкѣ, въ Львовѣ [1]). Ея исторія конечно тѣсно связана съ жизнью самозванца, и въ этомъ отношеніи трудъ А. Гиршберга является какъ бы дополненіемъ изслѣдованія того же автора о Димитріи Самозванцѣ, съ которымъ читатели „Русской Старины“ уже знакомы [2]).

Матеріаломъ для исторіи девятнадцатилѣтней бурной, полной приключеній, карьеры Марины послужили автору, кромѣ печатныхъ русскихъ и польскихъ сочиненій, многочисленныя польскія рукописи и письма, разсѣянныя въ частныхъ архивахъ и библіотекахъ.

Первое мѣсто среди этихъ источниковъ принадлежитъ дневнику Яна-Петра Сапѣги (1611—1659), извѣстнаго своимъ участіемъ въ смутахъ эпохи самозванцевъ, который поддерживалъ Тушинскаго вора, велъ осаду Троицкаго монастыря, переходилъ то отъ Тушинскаго вора къ королю, то обратно. Этотъ дневникъ вели секретари Сапѣги, записывая въ него изо дня въ день не только все, что происходило въ его обозѣ, но и всѣ вѣсти, доходившія до него съ разныхъ сторонъ. До послѣдняго времени дневникъ былъ извѣстенъ въ самомъ сокращенномъ видѣ,—лучше сказать, въ крайне произвольной передѣлкѣ, а не въ извлеченіи.

---

1) Aleksander Hirschberg. Maryna Mniszchówna we Lvowie, 1906.,

2) Подробное извлеченіе изъ этого труда помѣщено въ „Русской Старинѣ“ 6 . . янв.—іюль.

Другимъ важнымъ источникомъ служилъ автору дневникъ Вацлава Діаментовскаго, изъ котораго обширные отрывки были обнародованы Тургеневымъ; но тѣ мѣста дневника, которыя до послѣдняго времени лежали подъ спудомъ, заключаютъ еще много любопытныхъ подробностей о пребываніи семейства Мнишекъ въ Ярославлѣ, когда сендомірскій воевода не только состоялъ въ тайной перепискѣ съ врагами Василія Шуйскаго, но посылалъ пространныя меморіи и Сигизмунду, который совѣтовалъ ему помочь второму самозванцу.

Гиршбергъ воспользовался наконецъ еще однимъ весьма важнымъ и до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ источникомъ, который ему посчастливилось найти въ собраніи рукописей графовъ Браге, хранящихся въ ихъ архивѣ въ Стокгольмѣ. Это дневникъ московскаго посольства, отправленнаго въ исходѣ 1611 г. въ Варшаву.

Пользуясь этими матеріалами, которые бросаютъ на событія смутнаго времени новый свѣтъ, Гиршбергъ рисуетъ біографію Марины Мнишекъ на фонѣ историческихъ событій, выясняетъ между прочимъ тѣсную связь, существовавшую между замыслами самозванцевъ и дѣйствіями недовольныхъ поляковъ, изображаетъ въ правдивомъ свѣтѣ происки Льва и Яна-Петра Сапѣги и ту роль, которую они играли въ событіяхъ того времени, и наконецъ старается выяснить истинную причину, заставившую Владислава отказаться отъ кандидатуры на московскій престолъ.

Развѣнчивая легенду о красотѣ Марины, Гиршбергъ не соглашается и съ тѣмъ, что безгранично честолюбивая и жаждавшая власти дочь сендомірскаго воеводы была игрушкою судьбы и жертвою алчности и тщеславія своего отца, какою ее изображаютъ историки, и говоритъ, что она была скорѣе жертвою своего собственнаго ненасытнаго честолюбія и безграничной жажды власти, ради чего она, воспитанная въ строгихъ правилахъ католицизма, не задумалась перемѣнить вѣру и готова была поплатиться всѣмъ, даже своей честью, признавъ Тушинскаго вора, несмотря на его отталкивающую грубость, а потомъ перешла къ дикарю Заруцкому.

Этой основной чертой характера Марины, которая руководила всѣми ея поступками, легко объясняется ея рѣшимость: соединить своею судьбу съ судьбою самозванца: эти два умныя, безгранично честолюбивыя существа, встрѣтясь, сразу поняли другъ друга и рѣшили идти рука объ руку.

Въ виду несомнѣннаго интереса, который представляетъ изложеніе событій смутнаго времени въ томъ освѣщеніи, какое даетъ имъ А. Гиршбергъ, мы познакомимъ съ ними читателей въ возможно полномъ извлеченіи.

В. Т.

I.

Дѣтскія впечатлѣнія Марины Мнишекъ.—Тогдашнее положеніе Московскаго государства.—Димитрій Самозванецъ.—Была ли Марина красива собою.—Какія побужденія руководили Мариной и ея отцомъ отдать ея руку Самозванцу?—Успѣхи Димитрія.—Обрученіе Марины въ Краковѣ и ея бракосочетаніе въ Москвѣ.—Бунтъ 27 (17)-го мая 1606 г.

Марина Мнишекъ, четвертая дочь сендомірскаго воеводы Юрія Мнишека, родилась въ роскошномъ отцовскомъ замкѣ, въ Самборѣ, у подножія Карпатъ, въ 1588 или 1589 году; точный годъ ея рожденія неизвѣстенъ. О томъ, какъ протекали первые годы ея жизни, чему и какъ она училась, также не сохранилось свѣдѣній. Извѣстно только, что она умѣла читать и писать и по всей вѣроятности обучалась начаткамъ католической вѣры. Наставниками ея были конечно бернардинскіе монахи, которые издавна проживали въ Самборѣ, состояли въ дружескихъ отношеніяхъ съ семействомъ Мнишекъ и пользовались впослѣдствіи особымъ довѣріемъ Марины; несомнѣнно, что она часто слышала въ дѣтствѣ разсказы о знатности своего рода и о доблестныхъ подвигахъ предковъ пана воеводы, которые оказали въ былое время не мало услугъ нѣмецкимъ императорамъ. Эти разсказы, а также блестящая партія, сдѣланная ея старшей сестрою, Урсулой, которая была обвѣнчана въ 1603 г. въ Самборѣ съ Константиномъ Вишневецкимъ, должны были произвести сильное впечатлѣніе на молодую дѣвушку и пробудить въ ея душѣ честолюбивыя мечты.

Въ то время, какъ Марина подростала въ Самборѣ, въ сосѣднемъ Московскомъ государствѣ готовились важныя событія.

По смерти Ѳедора Іоанновича, послѣдняго Мономаха, вступилъ на престолъ Борисъ Годуновъ. У него, какъ извѣстно, было много завистниковъ, которые были не прочь погубить его. Эти люди рѣшили воспользоваться исконной любовью народа къ угасшей династіи, распустили слухъ, будто истинный наслѣдникъ престола, царевичъ Димитрій, спасся отъ руки убійцы, подосланнаго Годуновымъ, и благодаря ихъ стараніямъ имъ удалось найти человѣка, который взялся разыграть роль убитаго царевича.

Этотъ таинственный юноша появился впервые въ Кіевѣ въ 1601 г.; жилъ сначала подъ видомъ чернеца въ Печерской Лаврѣ, затѣмъ у кіевскаго воеводы князя Острожскаго и послѣ разныхъ скитаній появился въ 1602 г. въ домѣ князя Адама Вишневецкаго, гдѣ въ слѣдующемъ году онъ выступилъ уже открыто претендентомъ на московскій престолъ [1]).

---

[1]) Главныя событія изъ жизни перваго самозванца съ момента его появленія на исторической сценѣ и до его кончины, равно какъ и связанный съ

Стараніями Вишневецкаго и другихъ лицъ, въ числѣ коихъ былъ и великій канцлеръ литовскій, Левъ Сапѣга, въ январѣ мѣсяцѣ 1604 г. въ Лубнахъ было собрано большое войско, во главѣ котораго самозванецъ предполагалъ въ мартѣ того же года вступить въ предѣлы Московскаго государства, чтобы отвоевать „престолъ предковъ“, узурпированный Годуновымъ. Его задержалъ Сигизмундъ III, вначалѣ отнесшійся къ этимъ замысламъ несочувственно, но затѣмъ пригласившій его къ своему двору.

Вмѣстѣ съ Димитріемъ отправился въ Краковъ князь Константинъ Вишневецкій, который по пути заѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ къ своему тестю въ Самборъ, гдѣ послѣ продолжительныхъ обсужденій было рѣшено, что впредь главнымъ совѣтникомъ и покровителемъ самозванца будетъ Юрій Мнишекъ.

Во время пребыванія въ Самборѣ Димитрій познакомился съ Мариной. Не подлежитъ сомнѣнію, что дочь воеводы произвела на него большое впечатлѣніе, ибо онъ тогда же просилъ ея руки.

Была ли Марина хороша собою? почти всѣ современные и позднѣйшіе писатели говорятъ, что она была очень привлекательна и превозносятъ ея нравственныя качества.

До насъ дошло два портрета Марины, изъ коихъ одинъ находится въ Эрмитажѣ, въ Петербургѣ, а другой хранился до послѣдняго времени въ Вишневецѣ, откуда онъ перевезенъ въ московскій историческій музей, гдѣ и находится нынѣ. На обоихъ портретахъ Марина изображена въ богатомъ платьѣ, отдѣланномъ золотымъ позументомъ, съ діадемой на головѣ и по тогдашней модѣ въ большомъ испанскомъ воротникѣ съ брыжами; хотя на обоихъ портретахъ нарядъ Марины изображенъ не вполнѣ тождественно, но черты ея лица сходны: высокій, немного выпуклый лобъ, длинный вытянутый носъ, маленькій плотно сжатый ротъ, выступающій подбородокъ; овалъ лица неправильный, значительно шире въ нижней части по сравненію съ верхней, рѣдкіе черные волосы; въ общемъ, выраженіе упорства, настойчивости и хитрости, которое производитъ скорѣе непріятное выраженіе. При томъ, она была такъ мала ростомъ, что когда заговорщики ворвались въ ея комнаты въ Кремль, то она спряталась подъ юбку своей воспитательницы, Казановской. Вся прелесть Марины заключалась въ большихъ глазахъ, сверкавшихъ умомъ, которые и придавали пріятность ея лицу.

Родители Марины, удивленные нѣсколько предложеніемъ Димит-

нимъ періодъ жизни Марины Мнишекъ, передаются лишь въ общихъ чертахъ, такъ какъ они изложены со всѣми подробностями въ упомянутой статьѣ о Димитріи Самозванцѣ („Р. Ст.“ 1896 г.).

рія, не отклонили его, но отложили окончательное рѣшеніе вопроса до тѣхъ поръ, пока ему удастся осуществить свои замыслы. Марина отвѣчала на его предложеніе согласіемъ. Чѣмъ руководствовалась она при рѣшеніи столь важнаго вопроса?

Нѣкоторые историки, судя по выраженію ея лица, которое свидѣтельствуетъ о хитрости и настойчивости, приходятъ къ заключенію, что ея лицо говоритъ скорѣй о холодномъ разсчетѣ, нежели о способности къ искреннему, горячему или страстному чувству. Весьма возможно, что въ этомъ случаѣ главную роль играло дѣйствительно честолюбіе, тѣмъ болѣе, что наружность Димитрія была далеко не привлекательная.

По описанію лицъ, хорошо его знавшихъ (Масса, Маржеретъ, Нѣмоевскій, Рангони), онъ былъ ростомъ ниже средняго, широкоплечъ и коренастъ. Лицо имѣлъ круглое, смугловатое, черты лица неправильныя, заурядныя, волоса рыжеватые. Вдобавокъ его безобразили двѣ бородавки—одна большая подъ носомъ, а другая, поменьше, у праваго глаза и полное отсутствіе на лицѣ растительности. Но бѣлыя красивыя руки говорили объ аристократическомъ происхожденіи. Судя по портрету Димитрія, находящемуся въ московскомъ историческомъ музеѣ, у него были очень умные, осмысленные глаза, которые придавали ему особенное выраженіе.

Его личныя качества могли располагать въ его пользу. Онъ отличался умомъ, былъ краснорѣчивъ, обходителенъ и обладалъ способностью располагать къ себѣ людей, былъ очень храбръ и на охотѣ—излюбленномъ въ то время препровожденіи времени, обращалъ на себя вниманіе, какъ ловкій наѣздникъ и силачъ. Всѣ эти качества, а главное обаяніе царственнаго происхожденія, которыя такъ сильно дѣйствовали въ то время на умы, конечно, могли расположить въ его пользу сердце молодой дѣвушки.

Къ сожалѣнію, источники не даютъ на этотъ вопросъ категорическаго отвѣта, и нельзя, не вдаваясь въ область предположеній, сказать, отдала ли Марина свою руку Димитрію, повинуясь только голосу сердца, или же ею руководило одно честолюбіе и надежда на блистательную будущность; можно сказать одно, что такъ какъ на наши поступки вліяютъ обыкновенно самые разнообразные стимулы, то и въ данномъ случаѣ дѣйствовали скорѣе всего обѣ указанныя причины: спокойный, холодный разсчетъ и чувство искренней, хотя быть можетъ и не особенно глубокой симпатіи.

Гораздо легче понять побужденія, руководившія ея отцомъ.

Расточительный образъ жизни, который вели Мнишеки, требовалъ большихъ средствъ, и воевода былъ всегда кругомъ въ долгахъ; его дѣла были такъ запутаны, что ему могло помочь только какое-нибудь

чрезвычайное обстоятельство или услуга, оказанная человѣку, который могъ бы щедро вознаградить его. Такимъ человѣкомъ былъ для него претендентъ на московскій престолъ, неожиданно появившійся въ его домѣ въ началѣ 1604 г.

Въ исходѣ февраля воевода отправился съ нимъ въ Краковъ, гдѣ, благодаря стараніямъ Мнишека, самозванецъ вскорѣ обратилъ на себя общее вниманіе. Они дѣйствовали оба такъ искусно, что не только успѣли расположить къ себѣ Сигизмунда и нѣсколькихъ польскихъ магнатовъ, но имъ удалось даже заручиться поддержкою папскаго нунція и іезуитовъ, которые имѣли въ то время огромное вліяніе на дѣла.

Возвратившись въ Самборъ, воевода, при помощи родныхъ и друзей, сталъ подготовлять выступленіе Димитрія въ походъ, позаботившись въ то же время обезпечить себѣ и своей дочери блестящее будущее.

По его настоянію, самозванецъ далъ 25-го мая письменное обязательство жениться на Маринѣ и дать ей изъ царской казны много „серебра и драгоцѣнныхъ камней", а отцу ея—милліонъ польскихъ злотыхъ на уплату долговъ и на путевые расходы Марины. По вступленіи на престолъ, Димитрій обѣщалъ тотчасъ прислать королю посольство просить руки Марины и обязался дать ей въ приданое Псковъ и Великій Новгородъ.

Въ половинѣ сентября „царевичъ" выступилъ въ походъ; войско его росло не по днямъ, а по часамъ, и къ моменту вступленія въ Кіевъ въ немъ насчитывали до 20.000 человѣкъ. Вначалѣ военныя дѣйствія шли успѣшно; цѣлый рядъ укрѣпленныхъ мѣстъ и городовъ (Моравскъ, Черниговъ, Путивль, Курскъ, Рыльскъ, Кромы) добровольно сдались самозванцу; первая битва подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ была крупнымъ пораженіемъ Годунова.

Но въ концѣ января 1605 г. счастье измѣнило Димитрію, понесшему большое пораженіе подъ Добрыничами; его войско было совершенно разбито, и ему едва удалось спастись; онъ бѣжалъ сначала въ Рыльскъ, а затѣмъ въ Путивль, откуда послалъ гонцовъ къ Мнишеку и другимъ покровителямъ, прося о помощи.

Благодаря тому, что въ войскѣ Годунова и въ самой Москвѣ у „царевича" было много сторонниковъ, русскіе не воспользовались одержанной побѣдой, и счастье снова стало благопріятствовать Димитрію; когда же, 23-го апрѣля, неожиданно скончался Годуновъ, то въ его войскѣ, осаждавшемъ Кромы, вспыхнулъ мятежъ.

Извѣстіе о кончинѣ Годунова, о переходѣ войска на сторону Димитрія и о его побѣдоносномъ шествіи на Москву ободрило обитателей Самборскаго замка; еще болѣе порадовало ихъ письмо самого

Димитрія, коимъ онъ приглашалъ воеводу „поспѣшить въ Москву, чтобы отпраздновать его свадьбу“. „Все нами вмѣстѣ условленное,“— такъ заканчивалъ „царевичъ“ свое посланіе,—„мы намѣрены вскорѣ исполнить, и какъ только Господь Богъ приведетъ насъ въ столицу блаженной памяти предковъ нашихъ, мы не замедлимъ послать о томъ вашей свѣтлости увѣдомленіе“.

Дальнѣйшія событія были для Димитрія рядомъ тріумфовъ. 30-го іюня онъ совершилъ торжественный въѣздъ въ Москву, мѣсяцъ спустя настоящая мать царевича признала его всенародно своимъ сыномъ, и московскій патріархъ увѣнчалъ главу его царской короной.

Самозванецъ не прерывалъ въ это время своихъ сношеній съ семействомъ Мнишекъ, велъ съ воеводою частую переписку и посылалъ ему такъ много денегъ, что тотъ вскорѣ уплатилъ весь свой долгъ казнѣ.

Спѣша выполнить и прочія обѣщанія, данныя имъ Маринѣ и ея отцу, Димитрій отправилъ въ началѣ ноября въ Краковъ торжественное посольство, во главѣ коего стоялъ дьякъ Аѳанасій Власьевъ, которому поручено было просить у короля отъ имени Димитрія руки Марины. 22-го ноября состоялось заочно ея обрученіе съ Димитріемъ, замѣстителемъ котораго былъ Власьевъ. Это торжество сопровождалось столь пышными празднествами, и подарки, присланные царемъ своей невѣстѣ, ея отцу и Сигизмунду, были такъ роскошны, что объ этомъ говорила вся Европа.

Празднества, происходившія въ Краковѣ, были нѣсколько омрачены для Юрія Мнишека прибытіемъ царскаго гонца Ивана Безобразова, который сильно жаловался на Димитрія и подъ рукою распускалъ слухъ, что бояре рѣшили свергнуть его съ престола и даже предложить корону Владиславу.

Мнишекъ узналъ объ этихъ слухахъ и поэтому, хотя онъ обѣщалъ Маринѣ два дня послѣ свадьбы отправиться съ нею въ Москву, но онъ медлилъ отъѣздомъ, въ надеждѣ, что тѣмъ временемъ дѣло выяснится.

Марина, со своей стороны, не спѣшила въ Москву, но по другой причинѣ: до нея тоже дошли оттуда тревожныя вѣсти о веселой жизни, которую велъ Димитрій, и объ особомъ вниманіи, какое онъ оказывалъ несчастной дочери Бориса Годунова, Ксеніи, долгое время жившей въ царскомъ дворцѣ. Марина такъ была оскорблена этимъ, что не отвѣчала даже на письма Димитрія. Но въ концѣ концовъ воеводѣ пришлось уступить настойчивымъ просьбамъ Димитрія, и въ началѣ марта онъ выѣхалъ изъ Кракова вмѣстѣ съ дочерью и огромной свитой. Это путешествіе было для Марины рядомъ тріумфовъ: ее встрѣчали вездѣ какъ московскую царицу. Ея въѣздъ въ Москву совершился также весьма торжественно.

Нѣсколько дней спустя совершилось ея коронованіе и бракосочетаніе съ Димитріемъ.

Во время коронаціи Марина приняла причастіе изъ рукъ московскаго патріарха, не получивъ на то никакого разрѣшенія отъ папскаго престола. Такъ передъ честолюбивымъ желаніемъ быть московской царицей не устояла даже ея преданность католической вѣрѣ, въ которой ее воспитали іезуиты.

Въ самый разгаръ свадебныхъ пиршествъ, 27-го мая 1606 г. [1]), вспыхнулъ въ Москвѣ бунтъ, подготовленный Шуйскими; довольные тѣмъ, что они отдѣлались отъ Бориса, они вовсе не думали уступить власть въ руки пришлаго авантюриста, а хотѣли захватить ее въ свои руки.

Марина, предупрежденная Димитріемъ объ опасности, ей угрожавшей, бѣжала изъ своихъ покоевъ въ избу, гдѣ спали ея служанки. Но заговорщики кинулись и туда и, найдя двери запертыми, выломали ихъ.

Ужасъ Марины не поддается описанію; она была совершенно беззащитна. Только ея спальникъ, Янъ Осмольскій, ставъ въ дверяхъ, сдерживалъ довольно долго натискъ злодѣевъ, пока не палъ въ неравной борьбѣ. Тогда чернь бросилась на него и растерзала его въ клочки, и, ворвавшись въ избу, принялась съ остервененіемъ все бить въ ней и истреблять.

Осыпая перепуганныхъ служанокъ площадной бранью, заговорщики кричали:

— Гдѣ вашъ царь, гдѣ ваша царица?

На что воспитательница Марины, Казановская, отвѣчала:

— Мы отвезли ея величество сегодня рано утромъ къ ея отцу, пану воеводѣ, а гдѣ царь, о томъ вамъ лучше знать.

Къ счастью Марины въ это время подоспѣло нѣсколько бояръ, которые разогнали чернь и дали, для ея личной охраны, стражу, но вмѣстѣ съ тѣмъ они приказали опечатать всѣ вещи, принадлежавшія ей и ея служанкамъ, которыя остались буквально въ однѣхъ рубашкахъ.

Между тѣмъ во дворцѣ былъ убитъ Димитрій, и въ слободѣ, гдѣ жили поляки, началась страшная рѣзня, ихъ погибло въ тотъ день до 500 человѣкъ.

Со смертью Димитрія окончились для Марины дни ея блестящихъ тріумфовъ; и началась жизнь полная тревогъ и тяжкихъ испытаній, закончившаяся трагической смертью.

---

[1]) Всѣ даты приводятся какъ въ оригиналѣ по новому стилю.

II.

Происки враговъ Василія Шуйскаго.—Его старанія упрочить свою власть.—Участь поляковъ въ Москвѣ.—Шуйскій разсылаетъ ихъ по отдаленнымъ городамъ.—Тяжелыя условія жизни заключенныхъ поляковъ въ Бѣлозерскѣ.—Пребываніе семейства Мнишекъ въ Ярославлѣ.—Интриги Юрія Мнишека.

Два дня спустя послѣ вышеописанныхъ событій вступилъ на престолъ, избранный боярами, Василій Шуйскій. Небольшого роста, лысый, тучный, съ хитрымъ выраженіемъ лица, этотъ честолюбивый старикъ не могъ, своею внѣшностью, никого расположить къ себѣ. Неглупый, но крайне подозрительный и недовѣрчивый, онъ окружилъ себя толпою льстецовъ и наушниковъ и руководствовался во всемъ ихъ мнѣніемъ. Его положеніе было въ высшей степени затруднительно, потому что на его сторонѣ были только представители знатныхъ боярскихъ родовъ и часть московскихъ мѣщанъ, коихъ удалось привлечь разными обѣщаніями, но большинство бояръ, не принадлежавшихъ къ этой высшей московской аристократіи, относились къ нему не сочувственно, или, по меньшей мѣрѣ, равнодушно; представители же той партіи, которая выдвинула самозванца, а равно и всѣ близкіе къ нему люди, относились къ Шуйскому враждебно, и онъ спѣшилъ избавиться отъ нихъ, заточивъ однихъ въ монастырь, сославъ другихъ въ болѣе или менѣе отдаленные города; такъ, князь Рубецъ-Масальскій былъ сосланъ въ Корелы, Салтыковъ въ Ивангородъ, Бѣльскій въ Казань, Власьевъ въ Уфу; но ему не удалось этимъ отдѣлаться отъ ихъ происковъ.

Уже нѣсколько дней спустя послѣ смерти Димитрія былъ пущенъ слухъ, что онъ остался живъ, а вмѣсто него убитъ походившій на него сынъ одного нѣмца, а по другой версіи поляка, находившагося въ его спальнѣ въ тотъ моментъ, когда убійцы ворвались въ Кремль. Говорили, будто у труна, выставленнаго на-показъ народу, была густая борода,—хотя она была обрита, но все же это было замѣтно,—а у самозванца, какъ извѣстно, не было на лицѣ никакой растительности. Иные утверждали, что Димитрій уѣхалъ изъ Москвы за нѣсколько дней до мятежа, вмѣстѣ съ своимъ любимцемъ Молчановымъ, и что это было сдѣлано имъ съ цѣлью удостовѣриться въ томъ, кто изъ его подданныхъ былъ истинно преданъ ему.

Нашлись лица, видѣвшія самозванца на почтовыхъ станціяхъ, гдѣ онъ мѣнялъ лошадей, и утверждавшія, будто владѣлецъ дома, въ которомъ Димитрій останавливался до отъѣзда изъ столицы, самъ разговаривалъ съ нимъ и даже доставилъ въ Москву отъ него собственноручное письмо, въ которомъ Димитрій жаловался на своихъ поддан-

ныхъ, не съумѣвшихъ оцѣнить его благоволенія и его благодѣяній; въ заключеніе онъ обѣщалъ скоро быть въ Москву и строго наказать ихъ.

Появилось множество подобныхъ, яко бы собственноручныхъ его писемъ, возвѣщавшихъ о его спасеніи; они разбрасывались на улицахъ, на площадяхъ, прибивались къ воротамъ боярскихъ домовъ.

Подобныя же вѣсти распространялъ, по словамъ Буссова, князь Юрій Шаховской, назначенный Шуйскимъ воеводою въ Путивль. По дорогѣ въ Путивль, переправляясь съ двумя товарищами черезъ Оку, онъ далъ перевозчику шесть польскихъ злотыхъ и спросилъ его, знаетъ ли онъ съ кѣмъ онъ говоритъ?

Перевозчикъ отвѣтилъ:

— Не знаю, сударь, ни одного изъ васъ, на что Шаховской возразилъ:

— Не говори никому, но знай, что ты перевозилъ Димитрія, царя всея Руси!—при этомъ онъ указалъ на одного изъ своихъ спутниковъ.

— Вотъ доблестный юноша, котораго хотѣли погубить жители столицы! Благодаря Бога ему удалось спастись. Мы ѣдемъ въ Польшу, чтобы привезти оттуда вооруженную рать, и ежели Господь снова поможетъ намъ, то государь нашъ щедро вознаградитъ тебя.

Подобный же разговоръ Шаховской велъ и въ Серпуховѣ съ одной нѣмкой, у которой онъ останавливался. Пообѣдавъ, онъ далъ ей пригоршню денегъ и сказалъ:

— Пока довольствуйся этимъ. Приготовь хорошаго меда и водки; если Господь сподобитъ, мы скоро вернемся сюда съ большимъ войскомъ; но вамъ, нѣмцамъ, нечего бояться.

Удивленная этими словами женщина спросила:

— Что вы за люди, коли вы говорите такія дивныя вещи?

— Я только князь московскій,—отвѣчалъ Шаховской,—но я открою тебѣ, что у тебя ѣлъ и пилъ царь Димитрій, противъ котораго взбунтовались жители Москвы и хотѣли убить его. Благодаря Бога ему удалось спастись, онъ оставилъ на своемъ мѣстѣ другого, котораго убили. Мы скоро снова будемъ къ вамъ.

Подобныя же рѣчи слышали отъ Шаховского многія лица, у которыхъ онъ останавливался по пути въ Путивль. Изъ мести къ Шуйскому эти слухи распространялись и поляками.

Маржеретъ приводилъ разсказъ француза повара, служившаго у сендомірскаго воеводы, который говорилъ, будто Марина увѣрена въ томъ, что ея мужу удалось спастись, и съ тѣхъ поръ, какъ она о томъ узнала достовѣрно, она стала гораздо веселѣе.

Шуйскій, со своей стороны, всячески старался убѣдить своихъ

подданныхъ въ томъ, что Димитрій убитъ; и что онъ былъ не только обманщикъ, но и человѣкъ очень опасный и вредный, и поэтому хорошо, что его убили.

Нѣсколько дней спустя по вступленіи на престолъ, Шуйскій разослалъ всюду грамaты, какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени бояръ и царицы Мароы, въ которыхъ, оповѣщая народъ о своемъ избраніи, онъ дѣлалъ всевозможные извѣты на самозванца, писалъ, что онъ не сынъ Іоанна Грознаго, а Гришка Отрепьевъ, еретикъ и чернокнижникъ, что онъ собирался уничтожить въ Московскомъ государствѣ православную вѣру и ввести латинскую и вошелъ съ этой цѣлью въ тайныя сношенія съ Польшей и съ папой и, наконецъ, хотѣлъ даже подѣлить все царство и отдать одну часть Мнишекамъ, а Смоленское и Сѣверское княжества—королю польскому.

Кромѣ этихъ, болѣе или менѣе справедливыхъ обвиненій, Шуйскій распространялъ о Димитріи не мало вымысловъ, между прочимъ, утверждалъ, будто онъ намѣревался избить знатнѣйшихъ бояръ, относился къ нимъ пренебрежительно, любилъ веселую, разгульную жизнь, позволилъ себѣ святотатства относительно православной церкви и т. п.

Но всѣ эти разсказы, хотя они и были подтверждены боярами, не производили на народъ никакого впечатлѣнія,—онъ имъ не вѣрилъ. Также точно не произвело на народъ ожидаемаго впечатлѣнія торжественное открытіе мощей убитаго царевича Димитрія и перенесеніе ихъ изъ Углича въ Архангельскій соборъ, такъ какъ враги Шуйскаго и иностранцы, главнымъ образомъ протестанты, не вѣрившіе въ подобныя чудеса, говорили, что въ Москву привезли не мощи царевича, а тѣло нѣкоего Ромушки, стрѣлецкаго сына, убитаго нѣсколько дней передъ тѣмъ, и который еще не успѣлъ разложиться.

Послѣ кроваваго дня 27-го мая, поляки, бывшіе въ Москвѣ, въ томъ числѣ польскіе послы: Николай Олесницкій и Александръ Госѣевскій, пріѣхавшіе на свадьбу самозванца въ качествѣ представителей Сигизмунда III, содержались подъ строгимъ карауломъ въ такъ называемомъ Посольскомъ дворѣ; Марина со своими служанками жила также подъ строгимъ надзоромъ, во дворцѣ, построенномъ Димитріемъ, а Юрій Мнишекъ—въ домѣ, принадлежавшемъ Борису Годунову въ Кремлѣ. Всѣ знатные поляки были задержаны въ Москвѣ, только часть польскихъ солдатъ и прислуга были отпущены въ Польшу.

Шуйскій особенно преслѣдовалъ Марину и ея отца и, хотя 2-го іюня ей было разрѣшено переѣхать къ воеводѣ, но въ то же время у нихъ было приказано отобрать все, что они получили отъ самозванца.

„Отъ пана воеводы сендомірскаго,—пишетъ Нѣмоевскій,—было

отобрано 70.000 злотыхъ, которые онъ могъ бы нѣсколько дней передъ тѣмъ отослать въ Польшу для уплаты послѣднихъ долговъ", сверхъ того у него взяли „оправленную золотомъ конскую сбрую, присланную ему Димитріемъ передъ его въѣздомъ въ Москву. У Марины отобрали не только всѣ вещи, подаренныя ей царемъ къ свадьбѣ, но и всѣ подарки, сдѣланные ей королемъ польскимъ и другими лицами, и все, лично ей принадлежавшее; ей оставили только одно платье, да нѣсколько рубахъ".

„Но Марина этимъ не особенно огорчалась, и какъ бы не вполнѣ понимая по молодости лѣтъ постигшаго ее несчастія, она не придавала большого значенія тому, что имѣла, и говорила:

— Я бы отдала всѣ драгоцѣнности и бездѣлушки, а ихъ было у меня не мало, если бы мнѣ только оставили моего арапченка.

Недѣлю спустя бояре вызвали воеводу въ Кремль. Тутъ, осыпая его бранью, они старались выпытать у него, каковы были истинныя намѣренія его и самозванца. Допросъ продолжался болѣе часа. Мнишекъ отвѣчалъ подробно на всѣ вопросы, стараясь конечно выгородить себя.

Отпуская его, бояре наобѣщали, что его роднымъ и друзьямъ будетъ дозволено возвратиться въ Польшу, какъ только между Польшей и Москвой будетъ заключенъ міръ.

На вопросы польскихъ пословъ о томъ, когда ихъ отпустятъ, бояре отвѣчали однѣми обѣщаніями и во всѣхъ приключившихся бѣдствіяхъ винили поляковъ. Въ сущности, Василій Шуйскій и въ мысляхъ не имѣлъ отпустить поляковъ и поэтому, когда волненія, вспыхнувшія въ Сѣверскомъ княжествѣ, стали разростаться, опасаясь, чтобы поляки не вошли въ сношенія съ его врагами въ Москвѣ, онъ рѣшилъ отправить ихъ въ болѣе отдаленныя мѣста.

8 августа князь Константинъ Вишневецкій былъ высланъ въ Кострому, недѣлю спустя Стадницкій, Станиславъ Нѣмоевскій и нѣкоторыя другія лица были отправлены сперва въ Ростовъ, а затѣмъ на Бѣлое озеро; позднѣе Тарловъ былъ отправленъ въ Тверь и наконецъ 26 августа Марина, ея отецъ и родные были отправлены въ Ярославль, гдѣ имъ предстояла тяжелая жизнь.

Объ ихъ пребываніи въ Ярославлѣ, которое продолжалось два года, сохранилось два дневника, подробно описывающіе ихъ жизнь въ этомъ городѣ, а равно участь тѣхъ плѣнныхъ, которые были высланы въ Бѣлозерскъ.

Бѣлозерскъ представляетъ въ настоящее время изъ себя небольшой городокъ, расположенный на южномъ берегу Бѣлаго озера; въ 17-мъ вѣкѣ это была только рыбацкая деревушка, въ которой насчитывали не болѣе трехсотъ „жалкихъ и убогихъ хижинъ". „Во всей деревнѣ, пишетъ Немоевскій, не найдется ни одной свѣтлицы".

На берегу самаго озера возвышалось укрѣпленіе, обнесенное валомъ. „На углахъ его находились башни. Въ укрѣпленіе вело двое воротъ; ограда на валу сгнила, крыши на башняхъ и оградѣ развалились". Внутри крѣпостной стѣны находилось „всего нѣсколько избъ для арестантовъ, которые ссылались туда на продолжительное время или на вѣчное жительство".

Окрестная мѣстность производила удручающее впечатлѣніе; всюду виднѣлись одни болота и непроходимый лѣсъ.

Свою жизнь въ Бѣлозерскѣ Нѣмоевскій описываетъ такъ:

„Когда мы прибыли въ эту „отрадную" резиденцію", насъ развели по разнымъ дворамъ и помѣстили въ черныхъ избахъ. Насъ постоянно караулили день и ночь три стрѣльца, пріѣхавшіе вмѣстѣ съ нами; имъ даны были въ подмогу посадскіе люди". Былъ отданъ строгій приказъ, „чтобы съ нами никто не говорилъ, кромѣ смотрителя и карауливших насъ стрѣльцовъ. Ни одного изъ нашихъ служителей не пускали на рынокъ, за покупками, иначе какъ въ сопровожденіи смотрителя, слѣдившаго за тѣмъ, чтобы они ни съ кѣмъ не разговаривали, и торопившаго ихъ обратно".

„На всѣ бѣдствія и угнетенія, которыя намъ приходилось сносить все время, мы смотрѣли, какъ на Божью кару, тѣмъ болѣе, что по пріѣздѣ въ это унылое мѣсто мы узнали, что тутъ живутъ лишь тѣ, которые ссылаются сюда на продолжительное или на вѣчное заточеніе. До границы Польши было двѣсти миль; мы ни откуда не могли ожидать помощи, не пользовались никакими развлеченіями и не получали ни откуда вѣстей; добиться разрѣшенія отправить письмо на родину было не возможно; въ довершеніе всего мы хворали, не имѣли ни священника, ни доктора и ни откуда помощи".

Томительно тянулась жизнь въ неволѣ; „наступила зима, а у насъ не было шубъ, такъ какъ насъ, несчастныхъ, занесло въ этотъ край въ лѣтнее время. Наша челядь, которой намъ нечѣмъ было платить жалованіе, была вынуждена распродать свои пожитки за безцѣнокъ рыбакамъ, чтобы купить ѣду и пріобрѣсти теплую одежду и обувь и облачиться въ сермяги. Также и намъ, старшимъ, пришлось все распродать, чтобы имѣть деньги на ѣду и одежду, ибо въ началѣ, пока у насъ еще было кое-какое имущество, мы не хотѣли ѣсть невкусную пищу, которую намъ давали отъ казны, въ надеждѣ, что мы скоро уѣдемъ, когда насъ пріѣдетъ избавить посланный отъ короля польскаго. Но мы не дождались его, и нужда заставила насъ ѣсть то, что намъ предлагали, намъ, старшимъ, давали на день бѣлаго и чернаго хлѣба на два гроша, тощую курицу, крупы на полъгроша, соли на четверть гроша, меду питьеваго три кварты, пива двѣ кварты, водки на грошъ,—а на нашу челядь отпускалось во-

ловьяго мяса по два куска, хлѣба на полъ-гроша, кварту пива и на полъ-гроша водки.

Разумѣется, этой порціи было совершенно недостаточно для людей состоятельныхъ, привыкшихъ жить въ довольствѣ; они стали жаловаться еще больше, когда, въ половинѣ марта 1607 г., у нихъ отняли третью часть и этого пайка. Всѣ жаловались также на притѣсненія со стороны смотрителей, все чаще и чаще писали челобитныя царю, прося его отпустить ихъ на свободу либо, по крайней мѣрѣ, дать имъ лучшее помѣщеніе и перевести ихъ въ другой городъ, гдѣ бы имъ легче жилось. Они просили также прислать имъ одного изъ ксендзовъ, высланныхъ въ Ярославль одновременно съ сендомірскимъ воеводою, но всѣ просьбы и заявленія оставались безъ результата.

Въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ находилось семейство Мнишекъ въ Ярославлѣ.

„26 августа“, пишетъ Діаментовскій, одинъ изъ домашнихъ воеводы, „предъ нашимъ отъѣздомъ насъ провѣрили по списку, включили въ него еще 58 человѣкъ шляхты и купцовъ, взятыхъ послѣ погрома на такъ называемый Глинный дворъ; въ числѣ ихъ были Запорскій и Дворжицкій. Всѣхъ насъ, считая со служанками царицы, было 375 человѣкъ. Давъ намъ охрану изъ 300 стрѣльцовъ, насъ отправили въ путь“.

Ѣхали не спѣша, не болѣе нѣсколькихъ миль въ день; и на девятый день по выѣздѣ изъ столицы прибыли въ Ярославль.

„Ярославль довольно большой, но бѣдный городъ. Кромѣ монастыря въ немъ нѣтъ ни одного каменнаго зданія. Обнесенная стѣною, развалившаяся крѣпость стоитъ на косѣ, при сліяніи двухъ рѣкъ: Которосли, черезъ которую мы переѣзжали, и Волги. Городъ отдѣленъ отъ предмѣстья насыпью, которая тянется отъ одного берега до другого; мы жили за этой насыпью. Намъ отвели четыре дома, въ которыхъ должны были помѣститься паны. Въ одномъ изъ нихъ поселился панъ воевода со своими слугами, въ другомъ, рядомъ, царица со своими служанками. Въ третьемъ домѣ—напротивъ, племянникъ воеводы и староста саноцкій Станиславъ Мнишекъ, сынъ Юрія; въ четвертомъ, стоявшемъ поодаль—староста Красноставскій, Янъ Мнишекъ, братъ Юрія, и вся остальная челядь; для другихъ было отведено помѣщеніе поближе, смотря по надобности“.

Впослѣдствіи для поляковъ былъ выстроенъ одинъ большой домъ, въ которомъ они могли помѣститься чуть не всѣ вмѣстѣ. У нихъ было отобрано оружіе; этому пришлось подчиниться также и польскимъ солдатамъ, отосланнымъ на границу, а равно и всѣмъ сосланнымъ на Бѣлое озеро. Но семейство Мнишекъ, несмотря ни на какія

просьбы и угрозы, не согласилось отдать бывшее у нихъ оружіе. Ихъ рѣшительный отказъ подчиниться этому требованію имѣлъ самое благодѣтельное вліяніе на ихъ дальнѣйшую участь: когда Шуйскому доложили объ этомъ, то онъ приказалъ обращаться съ ними мягче и снисходительнѣе.

По его приказанію, 12 января 1607 г. явились къ воеводѣ сендомірскому смотрителя и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Государь жалуетъ тебя; онъ приказалъ не отбирать отъ тебя оружія, но у тебя должно храниться все оружіе, принадлежащее полякамъ, и если кто-либо изъ нихъ набѣдокуритъ, то ты отвѣтишь за это царю.

Сообщивъ о нѣкоторыхъ другихъ царскихъ „милостяхъ", смотритель присовокупилъ:

— Государь приказалъ не отсылать тебя дальше, а если ты захочешь послать за женой, то государь милостиво разрѣшилъ тебѣ это. И о прочихъ твоихъ надобностяхъ государь приказалъ тебѣ писать прямо къ нему".

Шуйскій все время оказывалъ Мнишеку такое же благоволеніе: то предлагалъ ему прислать лекарства, то облегчалъ его сношенія съ родными, бывшими въ Польшѣ, то обнадеживалъ его, что онъ получитъ вскорѣ возможность вернуться на родину. Видимо, онъ не хотѣлъ возстановлять противъ себя Мнишека, а главное, онъ оказывалъ этимъ уваженіе Маринѣ, которая хотя и вышла за самозванца, но все же была коронованной московской царицей.

Благоволеніе царя повліяло, разумѣется, и на смотрителей, которые стали обращаться съ Мнишеками гораздо снисходительнѣе прежняго. Воевода, со своей стороны, всячески старался расположить ихъ въ свою пользу, часто дѣлалъ имъ подарки, приглашалъ къ себѣ и угощалъ ихъ.

Онъ старался и внѣшнимъ видомъ болѣе походить на русскихъ; съ этой цѣлью началъ носить одежду русскаго покроя, отпустилъ длинную бороду и волосы, ниспадавшіе до плечъ. Въ такомъ нарядѣ онъ явился даже въ Варшаву на сеймъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1609 г., „въ кафтанѣ и красныхъ сапогахъ, совсѣмъ, какъ настоящій московскій человѣкъ".

Мнишекъ умѣлъ ладить не съ одними смотрителями, онъ съумѣлъ расположить къ себѣ и стрѣльцовъ, приставленныхъ къ нимъ для охраны, и такимъ образомъ стража, стоявшая во дворѣ его дома, несла свои обязанности только для вида и Мнишекъ черезъ тѣхъ же стрѣльцовъ пересылалъ обширную корреспонденцію и получалъ нужныя ему извѣстія.

Такъ продолжалось во все время его пребыванія въ Ярославлѣ,

несмотря на то, что стрѣльцы не разъ присягали въ томъ, что они не будутъ передавать заключеннымъ никакихъ извѣстій. При ихъ же посредствѣ поляки запаслись военными снарядами, поэтому есть основаніе вѣрить слуху, передаваемому Массой, будто стрѣльцы замышляли бунтъ и хотѣли вмѣстѣ съ польскими плѣнными присоединиться къ непріятелямъ Шуйскаго.

Впрочемъ, Діаментовскій жалуется и на нихъ въ своемъ дневникѣ, говоря, что они пугали поляковъ своими угрозами, хотя по его словамъ выходитъ, что поляки сами вынуждали ихъ къ этому: они имъ всячески досаждали, ругали ихъ и причиняли много непріятностей.

Въ общемъ, хотя жизнь въ Ярославлѣ, какъ жизнь подневольная, была для Мнишекъ очень непріятна, но все-таки имъ жилось не такъ тяжело, какъ прочимъ плѣннымъ полякамъ; случалось даже, что они проводили время очень весело.

Благодаря вышеописаннымъ обстоятельствамъ Мнишекъ не только могъ поддерживать дѣятельныя сношенія съ врагами Шуйскаго, но даже имѣлъ возможность принимать участіе въ ихъ проискахъ. Онъ старался главнымъ образомъ о томъ, чтобы въ Польшѣ и въ Москвѣ повѣрили, что Димитрій не былъ убитъ, что онъ скрывался до поры до времени и только ждалъ удобнаго момента, чтобы вступить въ борьбу съ врагами.

Съ этой цѣлью одинъ изъ приближенныхъ самозванца, Михаилъ Молчановъ, вскорѣ послѣ его убійства, отправился въ Самборъ, гдѣ въ присутствіи людей, не знавшихъ Димитрія въ лицо, онъ разыгрывалъ его роль.

Изъ Москвы къ нему то и дѣло пріѣзжали гонцы въ пограничный городъ Фастовъ, гдѣ ихъ задерживали, а привезенныя ими грамаѳы отсылали въ Самборъ. Жена сендомірскаго воеводы, также принимавшая участіе въ этихъ проискахъ, поручала сказать гонцамъ, чтобы они ободряли Москву, ибо столица вскорѣ увидитъ царя въ добромъ здоровьи. Такимъ образомъ уже въ августѣ 1606 г. усиленно распространялись слухи о спасеніи самозванца. Они дошли до Рима и возбудили въ Ватиканѣ надежду, что Димитрію удастся вернуть свой престолъ. Папа Павелъ V хотѣлъ и этотъ разъ заручиться для него поддержкою Сигизмунда.

Одному изъ довѣренныхъ лицъ Мнишека, нѣкоему Яну Бильчинскому, было поручено увѣрять всѣхъ и каждаго въ томъ, что Димитрію дѣйствительно удалось спастись; Бильчинскій, переодѣвшись въ мужицкое платье, успѣлъ выбраться изъ Ярославля, онъ прибылъ въ началѣ января 1607 г. въ Львовъ, гдѣ разсказалъ кн. Андрею Лавицкому и вѣроятно многимъ другимъ, что самозванецъ уѣхалъ изъ

Москвы до начала бунта; онъ утверждалъ, какъ очевидецъ, что трупъ, выставленный на лобномъ мѣстѣ, не имѣлъ съ нимъ ни малѣйшаго сходства. Бильчинскій говорилъ также, что по пути въ Польшу онъ останавливался въ Путивлѣ и видѣлъ тамъ лошадей, на которыхъ Димитрій уѣхалъ изъ столицы вмѣстѣ со своимъ любимцемъ Молчановымъ; наконецъ, онъ открылся Лавицкому въ томъ, что Марина приказала ему розыскать своего мужа и даже дала ему тайное къ нему порученіе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ардаганскій отрядъ.

Воспоминанія о войнѣ 1877—1878 годовъ.

Мнѣ поневолѣ придется часто говорить о себѣ самомъ, но надѣюсь, что читатели не усмотрятъ въ этомъ самовосхваленія, а только необходимость, такъ какъ писать воспоминанія и не говорить о себѣ вполнѣ невозможно.

Замѣтки мои, во время кампаніи 1877—78 годовъ, сохранились въ видѣ отдѣльныхъ листовъ. Дневника же по недостатку времени и большой ежедневной усталости я тогда не велъ. Нынѣ, приступая къ составленію моихъ воспоминаній о томъ времени и ясно сознавая важность этого дѣла, я съ математическою точностью озабочусь воспроизвесть ту обстановку, при которой дѣло дѣлалось, не стѣсняясь результатами, къ которымъ оно приводило.

Въ 1876-мъ году я уже 10-й годъ командовалъ 152-мъ Владикавказскимъ полкомъ (38-й пѣхотной дивизіи), располагавшимся въ станицѣ Невинномысской, Баталташинскаго уѣзда, на р. Кубани. Кромѣ этой станицы, гдѣ былъ расположенъ только лишь штабъ полка, полкъ занималъ еще нѣсколько другихъ станицъ, въ числѣ коихъ были: Николаевская и Баталташинская.

Стоянка была вполнѣ тягостная, по бѣдности помѣщеній. Я лично, съ семействомъ изъ 4-хъ душъ, занималъ лучшій домъ, который имѣлъ 14 аршинъ длины и 9 ширины, раздѣленный на 4 комнаты-конуры. У всѣхъ прочихъ офицеровъ квартиры были много хуже, у нѣкоторыхъ съ глино-битными полами. Нижніе чины располагались вмѣстѣ съ жителями еще въ болѣе худшихъ помѣщеніяхъ. Зимою царствовалъ во всѣхъ помѣщеніяхъ холодъ, такъ какъ дома были выстроены или изъ саманнаго кирпича (смѣсь соломы, глины, навоза), или же изъ тонкаго дерева и хвороста подъ общимъ названіемъ турлукъ. Лѣтомъ зной доходилъ нерѣдко до 30 градусовъ по Реомюру. Вес-

ною и осенью стояла столь невылазная грязь, что изъ полковой канцеляріи, отстоявшей отъ меня на 200 саженей, бумаги привозились иногда на волахъ. Выходъ полка въ лагерь былъ истиннымъ праздникомъ.—Полковые цейхгаузы, обозъ, кузница, ружейная мастерская, гауптвахта помѣщались въ строеніяхъ, наскоро выстроенныхъ полкомъ тоже изъ саманнаго кирпича, подъ соломенными крышами. Окарауливаніе и охраненіе зданій отъ пожара требовали большаго наряда людей. Снабженіе нижнихъ чиновъ новою мундирною одеждою всегда производилось въ штабѣ полка. Существовалъ такой порядокъ: батальоны по очереди, въ полномъ составѣ ротъ, требовались въ штабъ полка; здѣсь имъ, прямо съ похода, производилось ученье, смотръ, повѣрка занятій, снабженіе всѣмъ необходимымъ и въ тотъ же день отправка домой, что составляло въ оба пути, для ближайшихъ батальоновъ, до 45 верстъ. Дальніе же батальоны, изъ Баталташинска и ст. Николаевской, путь, въ оба конца въ 84 версты, дѣлали въ 4 сутокъ. Втянутость людей была поразительная: никто не находилъ этого хожденія обременительнымъ, и побывать въ штабѣ полка многіе считали за большое удовольствіе. Въ лагерь полкъ выходилъ въ гор. Пятигорскъ и разстояніе въ 100 верстъ обыкновенно проходилъ въ 2 перехода; обусловливалось это тѣмъ, что вода была олько на половинномъ разстояніи въ ст. Суворовской, а ночевать езъ воды не стоило. Можно было, съ увеличеніемъ переходовъ, ходить и другимъ маршрутомъ, но отъ этого увеличивалось разстояніе, а потому всѣ находили, что это не по-солдатски. Конечно, бывали и исключенія, но рѣдко: лишь въ очень дурную погоду и невылазную грязь.

Въ 1876 году всѣ были заинтересованы событіями въ Сербіи и, несмотря на то, что въ газетахъ только и говорилось, что миръ нарушенъ не будетъ, всѣ были увѣрены, что война, такъ сказать, на носу.

Въ началѣ октября, лично мнѣ, было предписано устроить экстренно продовольствіе на желѣзнодорожной станціи „Невинно-мыская" для нижнихъ чиновъ, слѣдующихъ изъ Ростова въ Закавказье, въ числѣ до 50 т. человѣкъ. Это былъ первый сигналъ, что надобно быть готовымъ, хотя о моемъ полку ничего не говорилось. Весь октябрь и ноябрь шла вышесказанная перевозка запасныхъ нижнихъ чиновъ. Трудъ кормить людей былъ невѣроятный, такъ какъ ничего не было заранѣе приготовлено. Около маленькой желѣзнодорожней станціи Невинно-мысской наскоро устроились кухни, столы, но люди кормились подъ открытымъ небомъ во всякую погоду; ненастья же было больше, чѣмъ хорошихъ дней. Особенное затрудненіе дѣлали ложки, простыя деревянныя ложки, ихъ и достать было не откуда, и часто

онѣ увозились „на память". Приходилось ихъ выписывать изъ Ростова-на-Дону, большими партіями, такъ какъ въ станицахъ ихъ не дѣлаютъ. Къ чести нашихъ призывныхъ надобно отнести, что ѣхали они на войну съ большимъ спокойствіемъ и никакихъ безпорядковъ не дѣлали. Было два, три случая ослушанія, но не важныхъ. Хорошо шли. Сколько помню, отсталыхъ или заблудившихъ совсѣмъ не было.

Напряженное состояніе духа въ командуемомъ мною полку переливало черезъ край: всѣ задавались вопросами: отчего нѣтъ приказанія мобилизовать полкъ? будетъ ли война? Потребуютъ ли полкъ на войну?..

1-го декабря, по случаю прихода въ штабъ полка одного батальона, у меня обѣдало нѣсколько штабъ-офицеровъ, когда въ 3 часа по полудни была получена отъ главнокомандующаго арміею, — великаго князя Михаила Николаевича,—депеша слѣдующаго содержанія: „во сколько времени полкъ будетъ готовъ къ походу?" Послѣ короткаго совѣщанія съ завѣдывающимъ хозяйствомъ, я отвѣтилъ коротко: „въ 24 часа".

2-го декабря вновь была получена депеша: „полкъ 6-го декабря выступаетъ въ Тифлисъ двумя эшелонами, по Владикавказской желѣзной дорогѣ".

Четыре дня полкъ готовился къ походу и сосредоточивался въ ст. Невинно-мысской, 6-го полкъ двинулся, 8-го былъ уже во Владикавказѣ. Предстоялъ трудный зимній походъ по военно-грузинской дорогѣ, трудный потому, что, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, на этапахъ не было вовсе сѣна, было мало дровъ, а ночлеги въ выставленныхъ киргизскихъ кибиткахъ, обратившихся формально въ клоповники, представляли изъ себя нѣчто ужасное.

Дабы сократить всѣ эти бѣдствія до minimum'а, я рѣшилъ дѣлать по два перехода въ сутки и выиграть время, для 3-хъ дневокъ въ Ананурѣ, маленькомъ городѣ, въ которомъ все имѣлось въ относительномъ изобиліи. Впереди меня идущихъ войскъ не было, слѣдовательно, я никого и не обгонялъ. Первый мой эшелонъ прошелъ благополучно, но 2-й застрялъ на ст. Млеты, вслѣдствіе того, что снѣжный завалъ, слетѣвшій съ Ламійской горы, похоронилъ подъ собою всю эту станцію и уничтожилъ конюшню, въ которой было около 60 почтовыхъ лошадей. Дорога была тоже завалена снѣгомъ на нѣсколько верстъ въ длину и на нѣсколько аршинъ въ высоту. По приходѣ въ Млеты мнѣ была подана депеша оставаться въ Млетахъ и приступить къ разработкѣ дороги. Дѣлать нечего, пришлось покориться судьбѣ.

Оба батальона принялись за работу съ большимъ усердіемъ; черезъ 4 дня было откопано станціонное зданіе, и оказалось, что оно

мало пострадало отъ снѣжнаго завала; въ этомъ зданіи удобно размѣстились штабъ полка и почти всѣ строевые офицеры. Нижніе чины заняли всѣ уголки въ сосѣдней осетинской деревушкѣ, въ коей дома построены изъ одного камня, безъ извести и безъ печей, съ простыми каминами. Расквартированіе людей, по истинѣ, было бѣдственное. Обозъ и лошади оставались подъ открытымъ небомъ. Цѣны на всѣ продукты поднялись донельзя. За пудъ сѣна платили 1 руб. и 1 руб. 20 коп. За сажень дровъ 85 руб. За 1 фунтъ баранины 15 к. и столько же за мясо. За фунтъ сахара 80 копѣекъ. Нижнимъ чинамъ было добавлено на приварокъ по 5 коп. на человѣка въ сутки, и это было достаточно, но офицеры формально бѣдствовали.

Въ этомъ положеніи названные баталіоны простояли почти 3 недѣли и только, по окончаніи работъ съ открытіемъ пути, двинулись въ Тифлисъ. Какъ командиръ полка, я былъ въ отчаяніи: лошади исхудали, матерьяльная часть разстроилась значительно, въ письмоводствѣ и отчетности завелись упущенія; и это передъ началомъ кампаніи, когда все должно быть прочно, крѣпко и не только полностью, но и съ излишкомъ. Въ Тифлисъ полкъ собрался въ первыхъ числахъ марта и расположился на обывательскихъ квартирахъ. 12-го марта главнокомандующій сдѣлалъ ему смотръ и остался вполнѣ доволенъ, понятно, принимая во вниманіе только-что перенесенные труды и тяжелую продолжительную стоянку въ горахъ, при бѣдственныхъ условіяхъ.

Въ Тифлисѣ царило въ ту пору полное спокойствіе: всѣ говорили о близости войны, и никто въ нее не вѣрилъ. Тѣхъ же, кто понималъ, что война неизбѣжна, считали чуть чуть что не вольнодумцами. Городъ получалъ и почерпалъ свои свѣдѣнія отъ глубоко всѣми уважаемаго, генерала-отъ-инфантеріи и генералъ-адъютанта Григорія Дмитріевича Орбеліани, который бывалъ часто у намѣстника во дворцѣ и понятно могъ имѣть точное представленіе о томъ, чего должно ожидать. Словомъ, мирная дѣятельность не только Тифлиса, но и всего края не прерывалась ни на одну минуту. Консулы: турецкій и персидскій и тѣ были убѣждены, что войны не будетъ. Нельзя было однако же сомнѣваться, по тѣмъ распоряженіямъ, которыя дѣлались и въ окружномъ штабѣ и въ интендантствѣ, въ противномъ, но тамъ не промолвливался ни однимъ словомъ никто изъ служащихъ. Да и могли ли они что-нибудь знать, когда сама высшая власть сообщеніями изъ Петербурга держалась въ недоумѣніи и ежели готовилась къ войнѣ, то такъ себѣ, на всякій случай.

Группировка войскъ въ Закавказьи выражалась въ это время, около 20 чиселъ марта, въ такомъ видѣ:

Въ гор. Эривани и окрестностяхъ—отрядъ генералъ-лейтенанта Тергукасова.

Въ кр. Александрополѣ—отрядъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова.

Въ городѣ Ахалцыхѣ—отрядъ генералъ-лейтенанта Девеля.

Въ гор. Озургетахъ и окрестностяхъ—отрядъ генералъ-лейтенанта Оклобжіо. Остальныя войска, разбросанныя по всему Кавказу, были частью уже мобилизованы, частью оставались въ неопредѣленномъ положеніи. Во всѣхъ уголкахъ Кавказа было совершенно спокойно.

Съ 20-го марта въ русскихъ газетахъ забили тревогу, но отъ властей предержащихъ все еще на всѣ лады повторялось, что миръ нарушенъ не будетъ. Къ этому времени въ Тифлисъ собрались всѣ начальники отрядовъ, стоящихъ на границѣ, для полученія инструкцій. Въ скромной должности командира полка, не считая себя призваннымъ ни къ какому командованію большими отрядами, я просто изъ любви къ боевому дѣлу приступилъ къ изученію нашихъ границъ, разумѣется по картамъ, имѣвшимся въ нашемъ топографическомъ отдѣлѣ, общая же карта Кавказа всегда имѣлась у меня передъ глазами и висѣла въ той комнаткѣ, которую я занималъ по отводу. Въ одной же со мною квартирѣ помѣщались: мой родной братъ, начальникъ кавказской гренадерской дивизіи, генералъ-лейтенантъ Д. В. Комаровъ, и командиръ 2 бригады 19 пѣх. дивизіи генералъ-майоръ Я. Х. Алхазовъ.

Каждое утро шли у насъ бесѣды о способахъ, какъ скорѣе и лучше разбить турокъ. Генералъ Алхазовъ былъ всегда хладнокровенъ, а братъ мой горячъ до невозможности и, обладая даромъ слова и многими свѣдѣніями, не давалъ намъ, что называется, ступить одного шага. Его теорія захватывала все, но свойства нашихъ войскъ онъ зналъ не основательно и всегда забывалъ враговъ внутреннихъ, называющихся: госпиталями и продовольствіемъ. Въ одно такое утро, когда мы горячо спорили, стоя около карты, къ намъ пріѣхалъ „отдать визитъ“ генералъ-лейтенантъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ. Онъ вошелъ тихо и добрыхъ полчаса уже слушалъ нашъ споръ, прежде чѣмъ мы его замѣтили. Смущеніе наше было полное: было жарко, и мы всѣ трое были раздѣты; по-просту сказать, какъ завели споръ, только-что поднявшись рано утромъ съ походныхъ кроватей, такъ и не одѣвались.

— Во многомъ, господа, я съ вами не согласенъ,—сказалъ Лорисъ-Меликовъ,—я вамъ объясню, какъ я понимаю дѣло, и прошу васъ не стѣсняться вашими опроверженіями. Разговоръ послѣ этого оживился чрезвычайно, и мы проговорили почти до 3-хъ часовъ по полудни. Были затронуты всѣ вопросы, но вся суть сводилась къ тому, что прежде всего нужно брать Карсъ и затѣмъ дѣйствовать на Эрзрумъ; въ виду же возможныхъ возстаній въ Чечнѣ и Дагестанѣ

дѣйствовать крайне осторожно, т. е. медленно, навѣрняка. Вечеръ я проводилъ не дома и возвратился лишь въ 12 часовъ ночи. На порогѣ своей квартиры я засталъ курьера Лорисъ-Меликова, который мнѣ подалъ записку слѣдующаго содержанія: „Какъ бы поздно ни было, пожалуйте ко мнѣ, буду васъ ожидать“.

Былъ часъ или два часа ночи, когда я явился къ Лорисъ-Меликову; онъ жилъ въ двухъ небольшихъ комнатахъ у князя Ираклія Грузинскаго. Очевидно онъ меня ожидалъ. Поблагодаривъ за то, что я къ нему явился, онъ началъ рѣчь такъ:

„Все, что я сегодня отъ васъ слышалъ, могло бы принесть большую пользу, при наступленіи въ Турцію. Завтра въ 2 часа дня назначено совѣщаніе у великаго князя. Я настоялъ, чтобы васъ туда позвали. Дайте мнѣ честное слово, что вы все, вами сегодня сказанное, повторите безъ всякихъ измѣненій и колебаній“.

Я долго отказывался отъ этого предложенія, опираясь на то, что въ своихъ комбинаціяхъ я и самъ не увѣренъ, что всѣ мои предложенія—догадки, что точныхъ свѣдѣній имѣть я и не могъ, и что, наконецъ, чтобы опровергать какой-нибудь планъ, надо быть предварительно съ нимъ знакомымъ.

„Совсѣмъ этого ничего не нужно,—сказалъ Лорисъ-Меликовъ,— „возьмите темою“, какъ бы вы предполагали дѣйствовать, а затѣмъ, встрѣчными репликами вопросъ выяснится самъ собою. Я же вамъ гарантирую, что никакихъ дурныхъ послѣдствій отъ этого для васъ не будетъ. Въ этомъ лежитъ общая польза и къ этому васъ обязываетъ ваша присяга“,—добавилъ Лорисъ-Меликовъ. Послѣ этого я согласился.

На слѣдующій день въ 2 часа дня я былъ, вмѣстѣ съ другими, въ большомъ зеленомъ кабинетѣ у его высочества, главнокомандующаго кавказскою арміею; тутъ же собрались: командиръ корпуса, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, помощникъ главнокомандующаго, князь Дмитрій Ивановичъ Мирскій, генералъ-лейтенанты: начальникъ Эриванскаго отряда Арзасъ Артемьевичъ Тергукасовъ, начальникъ 30 пѣхотной дивизіи Ѳедоръ Даниловичъ Девель, инспекторъ госпиталей, генералъ-маіоръ Павелъ Васильевичъ Кузьминскій, командиръ Лейбъ-Эриванскаго полка, флигель-адъютантъ, полковникъ Гурчинъ и начальникъ окружного штаба, генералъ-маіоръ Павловъ.

Его императорское высочество открылъ засѣданіе весьма тепло сказанными словами о возможности войны, о необходимости быть готовыми и имѣть готовый для этого планъ, что, въ этомъ засѣданіи, онъ убѣждаетъ говорить не стѣсняясь ни въ чемъ, въ своихъ мнѣніяхъ. „Вамъ первое слово, вы здѣсь младшій“,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—„Здѣсь младшій полковникъ Гурчинъ“,—отвѣтилъ я.—

„Ничего, говорите вы!“ Въ голосѣ послышался приказъ, соединенный съ легкимъ неудовольствіемъ. Генералъ Павловъ, по моей просьбѣ, перечислилъ количество войскъ, находившихся уже на границѣ, въ составѣ главныхъ 4-хъ отрядовъ, образующихъ Кавказскій корпусъ на кавказско-турецкой границѣ. Послѣ чего я приступилъ къ изложенію своихъ взглядовъ на предстоящую кампанію. Суть моихъ выводовъ сводилась къ слѣдующему: а) наступленіе на Батумъ весьма трудно по мѣстнымъ условіямъ; обладаніе имъ не принесетъ никакой пользы; вся операція выражается отвлеченіемъ нашихъ силъ отъ главнаго направленія на Карсъ и Эрзрумъ.

б) Присутствіе большого количества войскъ въ Ахалцыхѣ безполезно; оттуда наступать въ предѣлы Турціи, съ колеснымъ обозомъ и полевою артиллеріею, невозможно.

в) Разстояніе между Ахалцыхомъ и Александрополемъ весьма велико, чтобы оставить его безъ значительнаго числа войскъ и, такъ сказать, обнажить Тифлисъ.

г) Александропольскій отрядъ не достаточно силенъ, чтобы могъ немедленно приступить къ осадѣ Карса; въ особенности же слаба и не подготовлена осадная артиллерія.

е) Эриванскій отрядъ, въ свою очередь, весьма слабъ, чтобы достигнуть рѣшительныхъ результатовъ; прикрыть же Эриванскую губ. отъ вторженія турокъ вполнѣ способенъ.

На основаніи этихъ соображеній, я доказывалъ полную необходимость сосредоточить главныя силы къ Александрополю и оттуда дѣйствовать по обстоятельствамъ, задаваясь задачею обойти Карсъ и брать Эрзрумъ вмѣстѣ съ Эриванскимъ отрядомъ.

Это послѣднее предложеніе было принято въ собранномъ комитетѣ молчаливо и неодобрительно. Этого не ожидалъ и Лорисъ-Меликовъ и тутъ же сдѣлалъ нѣсколько возраженій.

Князь Дмитрій Ивановичъ Мирскій посмотрѣлъ на часы и замѣтилъ, что уже скоро 6 часовъ по полудни, часъ обѣда великаго князя, сказалъ:

„Кажется, высказали уже все, слѣдуетъ отобрать мнѣнія“. Къ чему тотчасъ же и приступили. Мой сосѣдъ генералъ-маіоръ Кузьминскій не подалъ никакого мнѣнія и послѣ нѣсколькихъ фразъ заявилъ: что лучшій способъ дѣйствій будетъ тотъ, который изойдетъ отъ самого главнокомандующаго. Генералъ-лейтенантъ Девель послѣдовалъ его мудрому примѣру. Я началъ приходить въ смущеніе и досадовалъ уже на себя и на свою опрометчивую смѣлость идти противъ теченія. Меня поддержалъ генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ, сказавъ, что онъ со мною во всемъ согласенъ и проситъ на это обратить вниманіе. Князь С. Мирскій замѣтилъ, что во взглядахъ

моихъ очень многое не ясно и, что онъ желаетъ сегодня же вечеромъ переговорить со мною болѣе подробно и потомъ доложить его императорскому высочеству свое окончательное мнѣніе. Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ сказалъ, что онъ остается при особомъ мнѣніи и подастъ о томъ записку. Генералъ-маіоръ Павловъ окончательнаго отзыва не далъ.

Засѣданіе было закрыто. Изъ внутреннихъ комнатъ вышла великая княгиня Ольга Θедоровна. Повидимому, всѣ члены засѣданія удалились изъ дворца въ большомъ напряженіи. Я больше всѣхъ чувствовалъ себя не по себѣ, понимая, что я никого не убѣдилъ ни въ чемъ и что сразу окинуть весь Кавказъ съ его вооруженными силами, въ короткомъ разговорѣ, задача вполнѣ превосходящая мои способности. Мой товарищъ по академіи и по службѣ, генералъ-маіоръ Кузьминскій, по дорогѣ, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько замѣчаній, отзывавшихся укоромъ за мою дерзость, которую я предъявилъ въ этомъ засѣданіи.

Вечеромъ, въ этотъ же день, около 9-ти часовъ, я былъ у князя Мирскаго. Погода была дивная. Мы вышли на балконъ и вновь приступили къ разбору тѣхъ же темъ, о которыхъ говорили въ засѣданіи. Милое обхожденіе князя Дмитрія Ивановича развязало мой языкъ вполнѣ; здѣсь, уже не стѣсняясь, я резонировалъ и pro, и contra и ушелъ далеко послѣ полуночи съ тѣмъ впечатлѣніемъ, что движенію на Батумъ онъ придаетъ самое главное значеніе, а центръ нашъ не важенъ и свойство его второстепенное. Мысль же обойти Карсъ и дѣйствовать на Эрзрумъ просто абсурдъ.

Возвратился я домой разбитый и физически и морально, давая себѣ честное слово впредь не соваться ни въ какія разсужденія выше своего скромнаго служебнаго положенія.

На слѣдующій день я получилъ предписаніе экстренно отправить два батальона въ Новые Закаталы, для подавленія тамъ бунта, содѣяннаго тамъ мѣстными жителями. Вечеромъ послѣдовала отмѣна. Оказалось, что нѣсколько туземцевъ сдѣлали неповиновеніе уѣздному начальнику, а этотъ послѣдній оробѣлъ и, желая себя гарантировать отъ отвѣтственности, донесъ, что у него бунтъ. Все ограничилось тѣмъ, что буяновъ арестовали, а уѣздную полицію на всякій случай усилили.

Въ концѣ марта, кажется 28-го, изъ Тифлиса въ Озургеты былъ экстренно отправленъ 1-й кавказскій стрѣлковый батальонъ. Я имѣлъ счастье командовать этимъ боевымъ и славнымъ батальономъ, съ 1863—1866 годъ и потому пошелъ его проводить. Отправленіе его изъ Тифлиса было высокоторжественное. Послѣ молебствія съ водосвятіемъ и окропленіемъ, батальонъ размѣстился по вагонамъ За-

кавказской желѣзной дороги и съ криками „ура“ выѣхалъ изъ Тифлиса.

Главнокомандующій съ августѣйшею супругою и нѣсколько тысячъ тифлисскихъ жителей провожали батальонъ съ теплыми чувствами и пожеланіями успѣха.

Не туда направляются войска, куда нужно, опять мелькнуло у меня въ головѣ и въ то же время стало ясно, что набѣгъ на Батумъ рѣшенъ безповоротно.

31-го марта я получилъ предписаніе выступить съ полкомъ изъ Тифлиса и слѣдовать въ Ахалцыхъ, въ составъ отряда генералъ-лейтенанта Девеля. Полкъ все еще не былъ пополненъ, а оставался въ составѣ мирнаго времени. Хозяйство его было разрознено: часть находилась въ Тифлисѣ, а часть оставалась по-прежнему, за 600 верстъ, по ту сторону главнаго хребта въ ст. Невинно-Мысской. Для полкового командира подобное положеніе было истиннымъ несчастіемъ: громадная отвѣтственность за большое хозяйство, безъ возможности его видѣть и охранять, съ упованіемъ, что разумъ и честность подчиненныхъ все выполнитъ исправно и благополучно. 2-го апрѣля я выѣхалъ съ полкомъ изъ Тифлиса по желѣзной дорогѣ на ст. Михайлово и на слѣдующій день оттуда выступилъ въ Ахалцыхъ.

5-го апрѣля въ Ахалцыхѣ я являлся къ Лорисъ-Меликову и къ Девелю.

„Васъ-то мнѣ и нужно,—сказалъ Михаилъ Таріеловичъ,—черезъ часъ я уѣзжаю въ Александрополь. Генералъ Девель съ 39-ю пѣхотною дивизіею завтра переходитъ въ Ахалкалаки. Вы будете охранять линію отъ Ахалцыха до Абасъ-Тумана. Въ вашемъ распоряженіи два пѣхотныхъ полка, да ахалцыхскій крѣпостной батальонъ, двѣ сотни ахалцыхскаго коннаго дивизіона. При горной батареѣ этого довольно. Инструкцію получите отъ генерала-лейтенанта Девеля. Прощайте, вполнѣ на васъ надѣюсь“.

И дѣйствительно, черезъ часъ Лорисъ-Меликовъ уѣхалъ.

Отъ генералъ-лейтенанта Девеля я не получилъ никакихъ письменныхъ приказаній. На словахъ же онъ мнѣ указывалъ держаться оборонительно и ждать мобилизаціи обоихъ полковъ, ранѣе чего никакія предпріятія невозможны. 6-го апрѣля генералъ Девель уѣхалъ въ Ахалкалаки къ своему большому отряду.

Такою обстановкою я былъ просто ошеломленъ. Надо было что-то дѣлать, а что? я недоумѣвалъ.

Первый, кто мнѣ сдѣлалъ визитъ, былъ престарѣлый комендантъ ахалцыхской крѣпости полковникъ Чеченскій. Это былъ тогда уже старый воинъ, прослужившій около 50-ти лѣтъ, нѣсколько мнѣ знакомый по службѣ моей въ 1857—1859 годахъ на Лезгинской линіи,

гдѣ онъ въ Тифлисскомъ гренадерскомъ полку командовалъ батальономъ, дослужившись до этого званія изъ вольноопредѣляющагося. Докладъ свой полковникъ Чеченскій началъ съ того, что крѣпость города не защищаетъ, а затѣмъ, что онъ заваленъ складомъ выбывшихъ изъ употребленія пистонныхъ ружей, съ патронами въ огромномъ количествѣ и имѣетъ госпиталь, въ которомъ можетъ лѣчиться не болѣе 100 человѣкъ. О своихъ сосѣдяхъ туркахъ мой собесѣдникъ ничего не зналъ и на рядъ многихъ вопросовъ отвѣчалъ:

„Это все у насъ знаетъ отставной юнкеръ милиціи Михаилъ Меписовъ, онъ вамъ будетъ очень полезенъ, пошлите за нимъ".

За симъ у меня перебывали всѣ власти г. Ахалцыха, и оказалось, что они знаютъ не болѣе стараго коменданта. Пришлось посылать за Михаиломъ Меписовымъ, про котораго, отъ чиновника таможеннаго вѣдомства, я узналъ, что это человѣкъ опасный, заподозрѣнный въ водвореніи контрабанды, въ тайныхъ сношеніяхъ съ турками вообще, а съ Шерифъ-Бекомъ Аджарскимъ въ особенности.

Вечеромъ я долго бесѣдовалъ съ Меписовымъ и дополнялъ на картѣ то, чего она не говорила. Дѣйствительно, этотъ человѣкъ зналъ всю окрестность, и свою и турецкую, вполнѣ точно; зналъ всю обстановку и оцѣнивалъ препятствія и преграды съ знаніемъ стараго воина. Я зачислилъ его въ тотъ же вечеръ къ себѣ въ переводчики.

Безъ колебаній я тогда же принялъ нѣсколько рѣшеній:

1) Испросить разрѣшеніе завесть для своего отряда вьюки, такъ какъ съ полковымъ обозомъ нельзя было сдѣлать и одного шага. На посланную мною телеграмму, по этому поводу, получился утвердительный отвѣтъ.

2) Сформировать изъ горожанъ нѣсколько дружинъ для охраны города и его окрестностей, вооруживъ ихъ пистонными ружьями изъ складовъ крѣпости,

и 3) усилить нашу пограничную линію, идущую по Кобліанъ-Чаю командами изъ туземцевъ татаръ, подъ главенствомъ Маматъ-Али-Бека Кобліанскаго, штабсъ-капитана милиціи, проживавшаго въ Ахалцыхѣ, но имѣвшаго на Кобліанъ-Чаѣ свои земли, которыя ему дорого было сохранить отъ разгромленія. Изъ нашихъ войскъ на означенной линіи находилось всего двѣ казачьихъ сотни и подкрѣпить ихъ немобилизованными ротами, то есть разбрасывать свои небольшія силы, мнѣ вполнѣ было нежелательно.

Въ два дня все это было исполнено, при чемъ вьюки я получилъ отъ Караванъ-Баши, персидскаго подданнаго, безъ особыхъ затрудненій, разумѣется за деньги.

9-го апрѣля генералъ-лейтенантъ Девель вызвалъ меня въ Ахалкалаки за полученіемъ инструкцій и денегъ. Путь въ 87 верстъ я сдѣлалъ въ 5 часовъ, на курьерскихъ.

Въ Ахалцыхѣ было жарко, въ Ахалкадакахъ холодно; кое-гдѣ на окрестныхъ высотахъ лежалъ еще снѣгъ. Понятно, Ахалкалаки выше Ахалцыха почти на 2.000 футовъ.

Отрядъ генералъ-лейтенанта Девель выступалъ въ это утро, по направленію къ Ардагану, въ нашу пограничную деревню Зурзуку. Я засталъ всѣхъ уже готовыми къ выступленію. Инструкцію мнѣ писалъ полковникъ генеральнаго штаба Макѣевъ. Инструкція гласитъ: выжидать мобилизаціи и строго держаться оборонительно. Я проглядѣлъ инструкцію, остался ею недоволенъ и просилъ генералъ-лейтенанта Девеля по крайней мѣрѣ разрѣшить мнѣ дѣйствовать согласно обстоятельствамъ и обстановкѣ.

„Разрѣшаю, но инструкцію не перемѣню. Отвѣчать за васъ не намѣренъ: ваша задача строгая оборона".

Денегъ на экстра-ординарные расходы мнѣ дали довольно. Черезъ часъ я уже ворочался въ Ахалцыхъ. Стояла снѣжная буря, уѣздный начальникъ, князь Тумановъ, весьма любезно снабдилъ меня шубою. Вечеромъ въ тотъ же день я вернулся въ Ахалцыхъ совершенно больной, вслѣдствіе того, что промокъ въ затонѣ, по которому пришлось проѣхать, такъ какъ разливомъ оборвало и унесло на нѣсколько саженъ шоссе, идущее все время берегомъ рѣки Куры. Нѣсколько рюмокъ водки во внутрь и учащенное растираніе, какъ наружное, за одну ночь возстановили мое здоровье.

10-го. Послѣ смотра городской милиціи, я обошелъ всѣ базары, посѣтилъ многихъ почетныхъ купцовъ и лично бесѣдовалъ со многими турками и аджарцами. Отъ всѣхъ слышалъ одинъ отвѣтъ:

„Какой война, зачѣмъ война, у насъ война не хотятъ и война не будетъ".

Этотъ общій отзывъ ясно показывалъ, что въ сосѣднемъ Посховскомъ санджакѣ никакихъ приготовленій еще не дѣлалось, и все оставалось на мирномъ положеніи. Всего же тамъ было турецкихъ войскъ около 3-хъ таборовъ пѣхоты и 3 сотни кавалеріи. Помѣшать турецкой мобилизаціи представлялось мнѣ самою заманчивою задачею.

11-ое число прошло вполнѣ спокойно. Войска мои были совершенно готовы. Около 8 часовъ вечера я получилъ отъ главнокомандующаго депешу слѣдующаго содержанія: „война объявлена, да благословитъ васъ Господь Богъ!"

Немедленно я собралъ всѣхъ отдѣльныхъ начальниковъ и, не объявляя имъ депеши, приказалъ, чтобы завтра въ 4 часа утра войска были бы готовы къ выступленію для рекогносцировки турецкой границы. Мнѣ важно было сохранить секретъ хотя бы до утра, такъ какъ турецкая пограничная стража стояла отъ насъ всего въ 4 верстахъ.

12-го въ 4 часа утра, войска мои были готовы. Отслужили молебенъ. Я прочиталъ депешу объ объявленіи войны. Раздалось дружное „ура". Въ 5 часовъ утра мы уже переходили черезъ нашу границу, а въ 6-ть окружили турецкій таможенный карантинъ, обнесенный маленькими земляными валами.

Послѣ нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ (наши не стрѣляли) карантинъ и 40 человѣкъ команды сдались; у насъ было 4-ре легко раненыхъ.

Пройдя 25 верстъ, я заночевалъ въ дер. Бадели, а на слѣдующій день занялъ главный пунктъ Посховскаго санджака, дер. Дгвиръ. Турецкія войска отступили частью въ Ардаганъ, частью въ Аджарію, двумя противоположными путями.

Набѣгъ этотъ сразу далъ блистательные результаты: 1) Вся линія наша успокоилась 2) у непріятеля отнята всякая возможность къ мобилизаціи въ этой мѣстности. 3) Взяты: арсеналъ съ 3.000 ружей, боевые запасы, 3 т. четвертей провіанта, которыя я приказалъ перевозить въ Ахалцыхъ для поддержанія нашего магазина. Конфисковалъ я только турецкое казенное добро; все же частное оставалось неприкосновеннымъ; жители насъ встрѣчали вполнѣ дружелюбно и покорно. Порядокъ въ странѣ былъ образцовый, я даже не стѣснялъ и каймакамовъ (турецкихъ старшинъ въ обществахъ). Мусульманское духовенство въ приходѣ нашемъ увидѣло волю Божію и покорилось безропотно.

Съ 16-го по 26-ое апрѣля я сдѣлалъ рекогносцировки по всѣмъ направленіямъ, и долженъ былъ убѣдиться, что за большими снѣгами на окружающихъ горахъ изъ Посховскаго ущелья нельзя сдѣлать и одного шага; пришлось бездѣйствовать и ждать приказаній. Въ особенности меня мутило ожиданіе, что нѣтъ извѣстія о взятіи Батума. Отъ своего прямого начальника генералъ-лейтенанта Девеля я получилъ всего двѣ записки: одну, что онъ сталъ, въ 7 верстахъ отъ Ардагана, на р. Ольсекъ, и другую, что онъ строитъ черезъ Куру мостъ, чтобы владѣть обоими берегами рѣки и войти со мною въ сообщеніе кратчайшимъ путемъ.

Увѣрившись, что изъ Аджаріи никакихъ серьезныхъ покушеній безпокоить нашу границу не будетъ, я обратилъ, тѣмъ не менѣе, вниманіе на Годерскій перевалъ, какъ ближайшій къ Абасъ-Туману, и устроилъ здѣсь сильный кордонъ, изъ казаковъ и милиціи; этотъ же кордонъ охранялъ и пути, ведущіе горами прямо къ Боржому. Перевалъ же изъ дер. Бабо въ Дгвиръ наблюдался слабо: этимъ путемъ противникъ пользоваться не могъ, онъ приводилъ его подъ стѣны Ахалцыха, слѣдовательно, ставилъ его самого въ тяжкое положеніе. Обстановка была для меня благопріятная, я донесъ объ этомъ гене-

ралъ-лейтенанту Девелю и 2-го мая двинулся прямою дорогою на соединеніе съ Ардаганскимъ отрядомъ къ р. Уръ.

Подъемъ на гору Цурумаль, мѣстами по снѣгу, былъ очень затруднителенъ, не только для моей горной батареи, но и для пѣхоты. Ночевалъ отрядъ на высотѣ 6.000 футовъ, безъ палатокъ. Люди и лошади были, послѣ стоянки въ Посховскомъ санджакѣ, здоровы, бодры, веселы.

3-го ночевали въ зажиточномъ аулѣ Диканъ; здѣсь была настоящая сѣверная весна, съ массою уже разцвѣтшихъ желтыхъ цвѣтовъ, точь въ точь какъ въ Новгородской губерніи.

4-го отрядъ двинулся въ дер. Уръ. На переходѣ я узналъ, что генералъ Девель находится на рекогносцировкѣ подступовъ къ Ардагану, на лѣвомъ берегу рѣки Куры и, оставивъ свои войска слѣдовать по назначенію, самъ лично поѣхалъ къ нему, дабы представиться и, въ то же время, и познакомиться съ мѣстностью. На самомъ же дѣлѣ это была не рекогносцировка, а выполненіе плана штурма Ардагана. По приказанію Лорисъ-Меликова колонна, подъ командою генералъ-лейтенанта Геймана, пришедшая съ юго-востока отъ Карса, должна была штурмовать Ардаганъ, на правомъ берегу Куры, а колонна генералъ-лейтенанта Девеля на лѣвомъ. Штурмъ былъ назначенъ въ 3 часа по полудни. Сигналъ: „3 ракеты и залпъ изъ всѣхъ орудій".

Ардаганъ былъ виденъ какъ на ладони. Долина Куры обстрѣливалась великолѣпно съ двухъ укрѣпленій: Рамазанъ-Табія, Истикямъ и Кая-Баши. Задача была трудная, почти невозможная, предвидѣть успѣха было нельзя, напротивъ того были всѣ шансы понести большія потери и цѣли не достигнуть. Оглядѣвъ мѣстность и кой-кого разспросивъ, я воочію удостовѣрился, что хребетъ горъ огибаетъ Ардаганъ съ запада и подводитъ къ Рамазанъ-Табіи, на весьма близкое разстояніе, почти на ближній ружейный выстрѣлъ, постоянно командуя этимъ укрѣпленіемъ, въ такой степени, что ни одинъ непріятельскій выстрѣлъ тутъ не дѣйствителенъ. Я сообщилъ свое мнѣніе генералъ-лейтенанту Девелю и просилъ его разрѣшенія двинуть сейчасъ свой отрядъ въ этомъ направленіи, доказывая, что эта демонстрація будетъ для дѣла весьма полезна.

„Точно, этотъ вашъ взглядъ я одобряю", отвѣчалъ Ѳедоръ Даниловичъ: „но теперь уже 4 часа и, значитъ, штурмъ отложенъ до завтра. Ваши устали и пусть отдохнутъ на этомъ берегу рѣки. Пожалуйте со мною въ лагерь; тамъ послѣ сношенія моего съ Лорисъ-Меликовымъ, я вамъ отдамъ окончательное приказаніе".

До лагеря генерала Девеля на Ольсекѣ было всего 4 версты. Войска получили приказаніе идти въ лагерь. Мы поѣхали рысью.

По дорогѣ я отдалъ своей колоннѣ приказаніе стать близъ д. Уръ бивакомъ и палатокъ не разбивать. Мнѣ ясно представлялось, что тутъ есть какое-то недоразумѣніе и что что-то дѣлается не такъ, какъ бы слѣдовало: надо было ожидать тревоги и всевозможныхъ сюрпризовъ.

Въ лагерѣ, начальникъ штаба Ардаганскаго отряда, полковникъ генеральнаго штаба Макѣевъ, познакомилъ меня подробно со всею обстановкою и съ крайнимъ негодованіемъ выразился, что съ той минуты, какъ прибылъ отрядъ изъ Карса и расположился у Аладжи, у нихъ идетъ сумбуръ и никто не знаетъ, что дѣлать. Послѣ взятія, 1-го мая, отдѣльнаго форта Гелля-верды, говорилъ онъ, Ардаганъ совсѣмъ ослабѣлъ и Гейманъ хочетъ, безъ участія Девеля, одинъ воспользоваться легкою побѣдой. Правда, Гелля-верды полковникъ Амираджибовъ взялъ личною волею, въ то время, когда ему было уже послано приказаніе отступить, но разъ это ему удалось, слѣдовало развить успѣхъ немедленно и не давать непріятелю опомниться. Было уже 7 часовъ вечера, какъ со стороны Ардагана послышались частые пушечные выстрѣлы.

„Гейманъ беретъ Ардаганъ!“ воскликнулъ Макѣевъ и поблѣднѣлъ, какъ полотно. „Будутъ большія потери, когда можно было ихъ избѣжать. Я говорилъ Девелю, что онъ не то дѣлаетъ; вотъ и вышло по моему“.

Въ $8^1/_2$ часовъ выстрѣлы замолкли. Что произошло подъ Ардаганомъ, еще извѣстно не было, генералъ Девель былъ взволнованъ до крайности. Сѣли ужинать. Разговоръ не клеился. Въ $9^1/_2$ часовъ пришло извѣстіе, что всѣ укрѣпленія праваго берега взяты, и турки бѣгутъ на лѣвый берегъ.

Въ $10^1/_2$ часовъ Девель мнѣ отдалъ приказаніе идти къ Ардагану, направляясь па Рамазанъ-Табію, по теченію р. Куры, а ежели возможно, такъ и горами; выступить по усмотрѣнію. Въ 12 часовъ я пробилъ въ Урѣ тревогу своему отряду и пошелъ горами; былъ 1 часъ утра.

Въ 5 часовъ утра, трудными горными тропами, я дошелъ до Рамазанъ-Табія и очутился надъ самою головою этого укрѣпленія, въ разстояніи до 200 саженей; вызвалъ четыре горныя орудія и пустилъ въ укрѣпленіе нѣсколько выстрѣловъ. Отвѣта не было. Въ глазахъ нашихъ, незначительный гарнизонъ укрѣпленія началъ выходить изъ него и направляться прямо на югъ. Будь дороги, — его можно бы было преслѣдовать, но спускъ въ этомъ мѣстѣ представлялъ сплошной обрывъ и надо было искать способовъ съ него спуститься. Приходилось дѣлать обходъ въ нѣсколько верстъ. Одновременно съ моимъ отрядомъ прибыло двѣ сотни казаковъ, подъ командою полковника

Панина. – Казаки пробовали спуститься, но безъ успѣха; пошли въ обходъ. Спустились только команды охотниковъ и затѣмъ безъ труда влѣзли въ укрѣпленіе. Я прибылъ туда же минутъ черезъ 20-ть. Въ укрѣпленіи не было уже ни одного турка. Въ большихъ котлахъ варился рисъ. Порядокъ и благоустройство форта были образцовые: фортъ былъ законченъ и отлично вооруженъ. Взять эту твердыню штурмомъ, или осадою, было бы невозможно. Надо было брать голодомъ. Единственный недостатокъ этой твердыни, ея Ахиллесова пята, это командующая высота съ западной стороны, о которой я сказалъ выше и которая уничтожала все достоинство этого сооруженія.

Изъ Рамазанъ-Табія все отступленіе турокъ было видно, какъ на ладони, но пѣхотою догнать ихъ было уже невозможно, а кавалеріи было весьма мало, да она мнѣ и не подчинялась.

Оставивъ двѣ роты въ Рамазанъ-Табіи, съ остальнымъ отрядомъ, около 6-ти батальоновъ, я вступилъ въ Ардаганъ съ западной стороны и занялъ его безъ выстрѣла.

Отъ восточнаго отряда генерала Геймана тамъ еще не было войскъ, а случайно перешедшіе молодцы шарили, гдѣ могли, и тащили, что попало. На улицахъ и въ особенности близъ моста валялись раненые и убитые. Около полудня я явился къ Лорисъ-Меликову. Онъ тутъ же приказалъ мнѣ быть комендантомъ Ардагана и возстановить порядокъ.

Къ вечеру 5-го мая все успокоилось; все разобралось по палаткамъ и по квартирамъ. Началась кой-какая торговля, преимущественно живностью, сначала у нашихъ маркитантовъ, а потомъ у жителей. Страдали лишь брошенные турецкіе казенные склады, въ нихъ фуражировали — кто хотѣлъ и кто могъ; матерьяла впрочемъ не портили.

6-го я осмотрѣлъ всѣ турецкія укрѣпленія и установилъ тамъ караулы. При этомъ осмотрѣ я удостовѣрился, что мы избрали самый трудный способъ для овладѣнія ими и понесли много лишнихъ потерь. Въ сущности это была не крѣпость, а основательно укрѣпленная позиція, расположенная въ обширной ямѣ. Ежели прибавить къ этому, что съ южной стороны она была совсѣмъ открыта и оборонена лишь наскоро выкопанною траншеею, то станетъ ясно, что мы дѣйствовали торопливо и слабо воспользовались громаднымъ перевѣсомъ въ силахъ. Послѣдствіемъ этой торопливости было то, что весь гарнизонъ крѣпости ушелъ на югъ безнаказанно, тогда какъ при другомъ образѣ дѣйствій онъ былъ бы поставленъ въ необходимость сдаться на капитуляцію безъ всякихъ условій.

7-го мая оба отряда, генералъ-лейтенанта Геймана и генералъ-

лейтенанта Девеля, направлены къ Карсу. Я былъ назначенъ начальникомъ Ардаганскаго отряда и оставленъ въ Ардаганѣ, чтобы отсюда прикрывать всѣ пути, ведущіе въ наши предѣлы между Карсомъ и Абасъ-Туманомъ. Ардаганъ мнѣ приказано разоружить и взорвать, а трофеи отправить въ Ахалкалаки.

Передъ выступленіемъ изъ Ардагана Лорисъ-Меликовъ далъ завтракъ на 10 человѣкъ, къ которому пригласилъ отдѣльныхъ начальниковъ. Бесѣда была невеселая. Инстинктивно, какъ-то вдругъ всѣ поняли, что за успѣхъ мы заплатили очень дорого (около 400 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ) и что торопливость, съ которою атаковала одна лишь колонна генерала Геймана, безъ участія отряда генерала Девеля, ничѣмъ оправдана быть не можетъ.

Въ 3 часа по полудни Лорисъ-Меликовъ уѣхалъ, дабы догнать войска наши, еще рано утромъ выступившія къ Карсу.

Оставшись въ Ардаганѣ и выставивъ по всѣмъ путямъ, идущимъ на югъ, наблюдательные посты, я приступилъ къ разоруженію Ардагана. Изъ 98 орудій, здѣсь бывшихъ, около 30 оказались большихъ калибровъ, новыхъ, дальнобойныхъ; остальныя были старыхъ образцовъ, съ плохими лафетами и сгнившими деревянными частями. Крѣпостныхъ передковъ было мало. Приготовить всѣ эти орудія къ отправкѣ былъ трудъ немаловажный. Всю эту работу исполнялъ полковникъ артиллеріи Макаровъ. Въ 20-хъ числахъ мая транспортъ уже былъ доставленъ въ Ахалкалаки. Въ то же время были взорваны и приведены въ негодность всѣ каменныя постройки въ укрѣпленіяхъ Ардагана. Жаль было ихъ взрывать, но никто не предвидѣлъ, что война будетъ побѣдоносна и что всѣ эти мѣста отойдутъ въ составъ нашихъ владѣній въ Малой Азіи.

Большую заботу и опасность представлялъ турецкій госпиталь, расположенный въ низинѣ, близъ моста черезъ Куру. Я посѣтилъ его 8-го мая и былъ пораженъ ужасомъ. Грязь, вонь, дурная пища, отсутствіе прислуги, медикаментовъ, бѣлья, посуды. Масса больныхъ и раненыхъ (болѣе 650); необычная скученность. Единственный докторъ, грекъ Ѳистосъ, со своимъ фельдшеромъ, представляли медицинскій персоналъ. Настояло принять самыя энергическія мѣры, столько же изъ великодушія, сколько изъ опасенія заразы.

Обезпечивъ больныхъ, частью изъ взятыхъ нами турецкихъ запасовъ, частью изъ экстраординарныхъ суммъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи, я объявилъ всѣмъ окрестнымъ жителямъ, что они могутъ брать больныхъ на излеченіе къ себѣ и что таковые военноплѣнными считаться не будутъ. Послѣдняя мѣра оказалась дѣйствительною; госпиталь началъ освобождаться и черезъ двѣ недѣли въ немъ оставалось уже, на хорошемъ содержаніи, не болѣе 70 чело-

вѣкъ. Несмотря на всѣ мѣры, появился сыпной тифъ. Борьба съ нимъ была довольно успѣшна. Въ ту пору на наши военно-походные госпитали онъ не распространился. Наши больные жили въ палаткахъ.

Замѣчательное добродушіе было, въ это время, проявлено турчанками. Онѣ являлись, съ провожатыми мужчинами, по ночамъ, и на арбахъ вывозили къ себѣ больныхъ на излеченіе „для спасенія души".

Весьма неблагодарнымъ и дурнымъ человѣкомъ оказался докторъ Ѳистосъ. Онъ получалъ содержаніе наравнѣ съ нашими медиками, а по возвращеніи въ Турцію напечаталъ въ газетахъ статью, въ которой описывалъ лишь наши варварство и жестокость, въ отношеніи больныхъ и раненыхъ.

Окрестное населеніе не только вело себя тихо, но и крайне дружелюбно. Поставленный мною, съ согласія и утвержденія въ должности генераломъ Лорисъ-Меликовымъ, уѣзднымъ начальникомъ Меписовъ, распоряжался ими дѣятельно, справедливо; квартирная и подводная повинности исполнялись точно. Словомъ, спокойствіе водворилось настолько прочно, что я имѣлъ возможность отправить на вьюкахъ до 3-хъ тысячъ четвертей зерна изъ Ардагана въ Ахалцыхъ, при самомъ незначительномъ конвоѣ изъ милиціонеровъ. Эта отправка зерна ясно свидѣтельствуетъ, что въ ту пору въ планы наши не входило соображеніе долго оставаться не только въ Ардаганѣ, но и вообще въ предѣлахъ турецкихъ владѣній.

Торопливость, съ которой вершились всѣ дѣла въ первые же дни войны, обнаружила, что благонадежныхъ и знающихъ исполнителей мало. Перевозимый въ Ахалцыхъ провіантъ доходилъ туда не полностью. Подводчики уходили съ дороги партіями, съ довѣренною имъ посылкою. Штабъ мой, какъ начальника отряда, состоялъ всего изъ 2-хъ молодыхъ неопытныхъ офицеровъ, выхваченныхъ изъ отряда, и одного юнкера. Не только важныя депеши, но и мелочную переписку мнѣ приходилось вести самому собственноручно. Я былъ каждый день утомленъ до чрезвычайной степени. Сознаніе, что въ дѣлопроизводствѣ нѣтъ точности, безпокоило меня и лишало хорошаго расположенія духа. Одинъ разборъ шифрованныхъ депешъ отымалъ много времени.

Свѣдѣнія о непріятелѣ доходили неясныя; отыскать умныхъ и понимающихъ дѣло рекогносцеровъ было почти невозможно, да и за тѣ данныя, которыя приходили секретнымъ путемъ, приходилось платить огромныя суммы.

Изъ этихъ свѣдѣній, около 14 мая, опредѣлилось, что турецкихъ войскъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Ардагана нѣтъ, но что фор-

мируются въ городахъ: Ольты, Ардануча и Кеда (въ Аджаріи) сильные отряды, которымъ дается назначеніе выбить насъ изъ Ардагана и поднять возстаніе не только между турецкими подданными, но и между нашимъ татарскимъ населеніемъ на пространствѣ отъ Ахалкалаки до Тифлиса, то есть въ тылу нашихъ войскъ.

Рѣшивъ бить противника по частямъ, я донесъ о своемъ планѣ генералу Лорисъ-Меликову и испрашивалъ его утвержденія на приведеніе его въ исполненіе. Донесеніе мое, за отсутствіемъ Лорисъ-Меликова, было прочитано въ главномъ штабѣ кавказской арміи, и я тотчасъ же получилъ отвѣтъ, что его императорское высочество главнокомандующій соображеніе это одобряетъ.

17-го мая я выступилъ изъ Ардагана съ 6-ю батальонами въ Ольты и, сдѣлавъ два усиленныхъ перехода, болѣе чѣмъ по 30 верстъ въ сутки, черезъ перевалъ *Пэнджере* спустился въ долину Ольты-Чай. По полученнымъ здѣсь точнымъ свѣдѣніямъ часть турецкихъ войскъ находилась въ г. Пенякѣ, а наибольшій отрядъ стоялъ въ г. Ольты.

Прикрывъ свой флангъ отъ покушеній противника изъ Пеняки, я 20-го мая атаковалъ турокъ, расположенныхъ у Ольты. Бой былъ очень короткій. Турки бросили Ольты и начали отступать черезъ Мухуртабъ къ Эрзруму. Потеря моя въ людяхъ была ничтожна, всего до 30 человѣкъ. Въ Ольты захваченъ нами большой арсеналъ съ 3 тысячами ружей, склады боевыхъ запасовъ и провіанта. 21-го мая все это было уничтожено. Въ тотъ же день я получилъ отъ генерала Лорисъ-Меликова записку: „предписываю немедленно отступить къ Ардагану". Тогда я не ясно понялъ необходимость такого категорическаго приказанія и только впослѣдствіи узналъ, что до Лорисъ-Меликова дошло извѣстіе изъ Эрзрума, что оттуда сдѣлали распоряженіе направить на мои сообщенія значительные отряды изъ Пеняки, Ардануча и изъ Кеды (Аджаріи). И дѣйствительно, разсуждая теоретически, я могъ быть поставленъ въ критическое положеніе. Практически же эта затѣя турокъ, по свойству мѣстности и отсутствію дорогъ, была не выполнима, и я узналъ, что рискую мало. Приказу пришлось повиноваться, я отступилъ въ Ардаганъ въ тотъ же день вечеромъ. Намѣреніе мое разстроить тылъ турокъ въ Пенякѣ осталось безъ исполненія, хотя отчасти и тамъ имъ были нанесены незначительные убытки милиціонерами Ахалцыкскаго конно-иррегулярнаго полка.

По возвращеніи въ Ардаганъ, отрядъ мой простоялъ на широкихъ квартирахъ до 12-го іюня. Въ это время я получилъ точныя данныя, которыя удостовѣряли, что у города Ардануча организовался значительный турецкій отрядъ, который ожидаетъ только вьючныхъ средствъ

дабы двинуться оттуда на Ардаганъ. Содѣйствовать ему должна была Аджарская милиція тѣмъ, чтобы перейти Годерскій перевалъ и направиться на Абасъ-Туманъ и Боржомъ. Послѣднее предположеніе опровергалось однако моими довѣренными лицами, жившими въ Аджаріи и хорошо знавшими тамъ всѣ дѣла.

12-го іюня, съ отрядомъ изъ 14-ти ротъ пѣхоты и горною батареею полковника Макарова, я выступилъ изъ Ардагана въ Ардanучъ, съ цѣлью воочію удостовѣриться въ силахъ противника и простоять нѣкоторое время на перевалѣ Яланусъ-Чамъ, возвышающемся до 7.000 футовъ.

14-го іюня я спустился съ этого труднаго перевала, представляющаго на своемъ южномъ склонѣ формально обрывъ, и расположился лагеремъ. Не успѣли мы разбить бивуакъ и поставить нѣсколько палатокъ, какъ прискакалъ изъ моего авангарда всадникъ съ извѣстіемъ, что мой авангардъ, выдвинутый на 7 верстъ впередъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, находится въ критическомъ положеніи.

Вызвавъ и пославъ впередъ охотниковъ, вслѣдъ за ними, несмотря на крайнюю усталость людей, я двинулъ весь отрядъ. Едва показалась наша пѣхота, какъ нестройныя толпы турецкой милиціи быстро начали уходить по направленіямъ — частью къ Ардануча, частью прямо въ овраги, окружающіе отроги урочища Момонелисы. Я заночевалъ на этомъ урочищѣ, на представившейся превосходной, въ оборонительномъ смыслѣ, позиціи. Ночь была дивная, свѣтлая, теплая. Мы были на горѣ, непріятель въ долинѣ. Въ 10 часовъ вечера началась перестрѣлка; вреда намъ она не дѣлала. Я запретилъ нашимъ аванпостамъ стрѣлять, дабы сберечь патроны. Мы занимали формально крѣпость, которую снизу вверхъ атаковать по обрывамъ было вполнѣ невозможно.

Вѣчно и во всемъ сомнѣвающіеся субъекты находили, что весь отрядъ попалъ въ клѣтку, изъ которой потомъ не выберется. Не смѣя о томъ мнѣ сказать прямо, они являлись испрашивать приказаній: какъ распорядиться завтра въ случаѣ отступленія. Я думалъ совершенно иначе и рѣшилъ въ случаѣ неудачи пробиться черезъ Арсіанскій перевалъ, но ни въ какомъ случаѣ не возвращаться назадъ пройденнымъ путемъ, ежели онъ будетъ занятъ непріятелемъ. Поэтому я отвѣчалъ на всѣ вопросы: „завтра идемъ впередъ“.

Свѣтало около 3-хъ часовъ утра. Движенія турокъ были видны вполнѣ ясно. Главныя ихъ силы выступили изъ Ардануча и занимали позицію на хребтѣ Годахвеція параллельно дорогѣ, ведущей въ городъ, и ихъ укрѣпленный лагерь, т. е. они очистили Ардануче и перемѣнили свой фронтъ, предполагая, что эту сильную позицію мы

атаковать не рѣшимся. Въ то же время турецкая милиція изъ туземцевъ начала меня обходить долиною рѣки Ардануч-Чай, чтобы отрѣзать отъ Ардагана, а незначительная часть, человѣкъ 200, двинулась на Кучени, чтобы отнять у меня дорогу и на Арсіанскій перевалъ.

Предвидя горячій бой и много трудовъ, я приказалъ варить пищу, чтобы работать потомъ съ сытыми людьми. Диспозиція отдана простая: „атаковать противника всѣми силами на хребтѣ Годахвеція и отбросить его отъ Ардануча. Обходными колоннами не заниматься. Вагенбургъ съ больными и ранеными оставить на мѣстѣ ночлега.

Всѣ движенія совершались по чрезвычайно крутымъ оврагамъ; мертвыхъ пространствъ было сколько угодно. Непріятель маневрировать не могъ.

Едва мы двинулись впередъ, какъ были осыпаны дождемъ пуль. Ротныя наши колонны легли и перестрѣливались лишь изрѣдка. Работала сильно горная артиллерія. Около часа времени продолжалась эта горячая перепалка, затѣмъ стрѣльба пошла тише. Пули неслись съ усилившимся свистомъ.

Опытъ нашихъ стрѣлковъ выразился тѣмъ, что во всѣхъ ротахъ прошелъ говоръ: да у нихъ нагорѣли ружья.

Было 12 часовъ дня, я получилъ извѣстіе, что Ахалцыхская наша милиція обошла лѣвый флангъ противника и направляется ему въ тылъ.

Наступило время, я далъ сигналъ: „всѣ впередъ!“ Атака была ведена дружно. Въ 1 часъ дня турки оставили свои позиціи и стали быстро отходить къ урочищу Долисъ-Хана, на соединеніе съ имѣвшимися тамъ войсками. Дорога въ Ардануч была свободна, я двинулъ туда свой резервъ изъ 3-хъ ротъ и двухъ сотенъ казаковъ.

Городъ сдался безъ выстрѣла и выслалъ депутацію съ просьбою о пощадѣ жителей. Турецкій лагерь, расположенный на горѣ выше города, былъ оставленъ на попеченіе больныхъ и слабыхъ: они дали нѣсколько выстрѣловъ и сдались военно-плѣнными.

Весь день 16-го іюня былъ жаркій до невозможности: температура доходила до 38 градусовъ на солнцѣ. У меня сдѣлался приливъ крови къ головѣ; только съ наступленіемъ вечерней прохлады я почувствовалъ себя лучше, послѣ холодныхъ компрессовъ.

Къ 10 часамъ вечера со всѣхъ мѣстъ получились точныя свѣдѣнія о непріятеля. Положеніе моего отряда было растянуто въ полномъ несоотвѣтствіи съ его силами. Цѣль достигнута вполнѣ: непріятельскій лагерь и всѣ его запасы въ Арданучѣ уничтожены, равномѣрно, какъ складъ оружія и патроновъ. Желая отступить спокойно, холодкомъ, я отдалъ приказаніе немедленно отходить назадъ, въ свою крѣ-

пость, т. е. опять въ Момонелисы. Прикрывать меня во время пути должны были Кубанскіе казаки Полтавскаго полка полковника князя Эристова, много и отлично потрудившіеся въ этотъ славный день.

Къ утру отрядъ благополучно достигъ своего бивуака и имѣлъ здѣсь дневку.

Наканунѣ пѣхота съ боемъ сдѣлала не менѣе 50 верстъ, на долю кавалеріи труды выпали еще большіе.

Турки такъ были ошеломлены, что насѣдать на насъ при обратномъ движеніи даже и не надумались.

Вся потеря отряда исчислялась не болѣе, какъ въ 80 человѣкъ раненыхъ и 18 убитыхъ.

К. В. Комаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Австрія и Россія послѣ Крымской войны[1]).

I.

Двуличное отношеніе Австріи къ Россіи во время конференціи въ Вѣнѣ и заключенія парижскаго договора.

Во время переговоровъ объ основаніяхъ мира, которые велись на конференціи въ Вѣнѣ, пока военныя событія чередовались подъ Севастополемъ, въ теченіе 1854 и 1855 гг., русскій уполномоченный князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, отстаивая шагъ за шагомъ законныя права своего государя, защищался не столько отъ открытаго наступленія уполномоченныхъ Великобританіи и Франціи, сколько отъ коварнаго образа дѣйствій уполномоченнаго Австріи, императоръ которой, прикидываясь другомъ государя Николая Павловича, сказалъ князю Горчакову на аудіенціи (21-го декабря 1854 г. 2-го января 1855 г.), что онъ никогда не дастъ своего согласія на такую комбинацію, которая была бы противна достоинству русскаго императора—„Avant toute chose, je vous prie, d'être persuadé que jamais mon nom ne se trouvera attaché à une condition qui blesserait son honneur ou sa dignité (de l' empereur Nicolas) [2]).

Довѣряя слову императора Франца-Іосифа, князь Горчаковъ вы-

---

[1]) Настоящая статья выдѣлена изъ особаго историческаго изслѣдованія того же автора о проливахъ „Босфоръ и Дарданеллы" и составлена на основаніи дипломатической переписки, хранящейся въ СПБ. Главномъ Архивѣ мин. ин. дѣлъ. Въ это изслѣдованіе, которое уже появилось изъ печати, означенная статья не вошла.

[2]) СПБ. Главный архивъ. 1854 Vienne. Réc. dép. 21 décemdre (2 janvier) № 276.

сказался за обсужденіе конференціею задачи объ уменьшеніи русскаго преобладанія въ Черномъ морѣ [1]). Желая соблюсти слово, данное Францемъ-Іосифомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ понудить русскаго представителя къ уступкамъ, австрійскій уполномоченный на конференціи министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Буоль въ бесѣдѣ съ княземъ Горчаковымъ настаивалъ на томъ, что русскій императоръ долженъ былъ въ интересахъ мира самъ добровольно поступиться своими верховными правами въ Черномъ морѣ и ограничить число своихъ военныхъ судовъ. На такое предложеніе князь Горчаковъ возразилъ, что малѣйшій намекъ, выраженный однимъ изъ членовъ конференціи, на ограниченіе свободы дѣйствій нашихъ военныхъ судовъ [2]) въ Черномъ морѣ повлечетъ за собой безусловный отказъ съ нашей стороны въ обсужденіи такого предложенія, но что если уполномоченные положатся на чувство справедливости императора и довѣрятъ ему, не входя ни въ какія-либо соображенія, пріисканіе средствъ къ успокоенію Европы въ отношеніи русскаго флота, то онъ готовъ былъ представить высказанное уполномоченными желаніе на усмотрѣніе государя (ad referendum) [3]).

Когда же изъ хода переговоровъ князь Горчаковъ убѣдился въ томъ, что стремленія уполномоченныхъ клонятся къ запрещенію Россіи свободной постройки въ Черномъ морѣ военныхъ судовъ въ неограниченномъ числѣ, онъ, помня обѣщаніе Франца-Іосифа никогда не допускать умаленія верховныхъ правъ русскаго императора и его предложеніе всегда обращаться къ нему въ случаѣ недоразумѣнія, просилъ аудіенціи у австрійскаго императора [4]). Напрасно князь Горчаковъ ее ожидалъ, она ему не была дана. Такое обращеніе съ нимъ вызвало съ его стороны сообщеніе графу Нессельроде слѣдующей телеграммы: „Buol agit en fourbe, notre histoire parle trop haut; sur plus d' une de ses pages se trouve la preuve que l' Autriche nous a toujours trahis, quand cela lui convenait“ [5]). (Буоль дѣйствуетъ, какъ плутъ, наша исторія говоритъ слишкомъ громко; не одна ея страница служитъ доказательствомъ того, что Австрія насъ всегда предавала, когда ей было это выгодно). Такое заключеніе князя Горчакова вполнѣ подтвердилось въ теченіе дальнѣйшихъ переговоровъ въ Вѣнѣ, когда, по предложенію Австріи, число русскихъ военныхъ судовъ было сперва опредѣлено составомъ судовъ, плававшихъ въ то время въ Черномъ морѣ (bâtiments actuellement

---

[1]) 1854. Vienne. Réc. dép. 22 décemdre № 278 (3 janvier).
[2]) 1855. Vienne. I. Réc. dép. 9/21 janvier № 14.
[3]) 1855. Vienne. II. Réc. dép. 12/24 mars № 120.
[4]) 1859. Vienne. II. Réc. dép. 8/20 avril № 162.
[5]) 1855. Vienne. III. Réc. tél. 12/24 avril № 808.

à flot dans l' Euxin) [1]). Это выраженіе, придуманное графомъ Буолемъ, имѣло не вполнѣ понятное значеніе, такъ какъ весь русскій флотъ въ Черномъ морѣ погибъ или былъ потопленъ. Австрійскій министръ прибѣгъ къ хитрости и увертке для того, чтобы оправдать свои дѣйствія. Онъ, какъ будто, преклонялся передъ верховными правами русскаго императора, признавъ справедливымъ Россіи и Турціи самимъ предоставить опредѣленіе числа судовъ, которыми онѣ располагали бы въ Черномъ морѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ своею оговоркою онъ доводилъ число русскихъ судовъ до нуля.

Затѣмъ, когда въ концѣ 1855 года установились окончательныя условія мира, Австрія настояла на томъ, чтобы опредѣленіе размѣра морскихъ силъ, которыя Россія и Турція признали бы необходимымъ содержать, отнюдь не зависѣло отъ прямого соглашенія между ними, но чтобъ этотъ размѣръ былъ опредѣленъ въ особой конвенціи, одобренной всѣми державами, которая не могла быть уничтожена, ни измѣнена безъ ихъ согласія [2]).

Такимъ образомъ умаленіе верховныхъ правъ русскаго государя было достигнуто Англіей и Франціей, только благодаря коварному образу дѣйствій австрійскаго императора, который, несмотря на данное имъ слово не допускать сдѣлки противной достоинству государя, черезъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, постоянно настаивалъ на ограниченіи русскихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ и произвелъ на русское правительство окончательное давленіе для принятія предварительныхъ условій мира, выработанныхъ Австріей совмѣстно съ побѣдителями. Въ силу этихъ условій верховныя права Россіи въ Черномъ морѣ были попраны; ей были запрещены содержаніе и учрежденіе арсеналовъ на берегу Чернаго моря и ограничено до послѣдней степени число ея военныхъ кораблей; проливы остались закрытыми для нихъ за исключеніемъ судовъ сторожевыхъ и прислуживавшихъ посольству въ Константинополѣ.

Двуличная политика Австріи обнаружилась еще яснѣе послѣ Парижскаго договора, 30-го марта 1856 г., когда она совмѣстно съ Англіею потребовала отъ Наполеона исполненія обязательства, которое вытекало изъ акта, подписаннаго въ Вѣнѣ 14-го ноября 1855 г. представителями Австріи, Англіи и Франціи и въ силу котораго, по заключеніи мира съ Россіею, правительства этихъ государствъ должны были поручиться между собою особою конвенціею за независимость и цѣлость оттоманской имперіи. Въ силу этой конвенціи,заклю-

---

[1]) 1855. Vienne. IV. Réc. № 1175, dép. 24 maie 5 juin) № 245.

[2]) 1855. Autriche. Réc. Esterhazy, dép. de Buol 16 décembre.

ченной въ Парижѣ, 3 (15-го) апрѣля 1856 г., всякое нарушеніе договора 18 (30-го) марта 1856 года служило для державъ, подписавшихъ конвенцію, поводомъ къ войнѣ.

Только 15 дней спустя послѣ подписанія этой конвенціи французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Валевскій счелъ умѣстнымъ сообщить о ней русскому уполномоченному на парижскомъ конгрессѣ графу Орлову [1]), который замѣтилъ въ своей депешѣ, что парижскому кабинету приличнѣе было бы сдѣлать это сообщеніе двумя недѣлями ранѣе, но съ другой стороны графъ Орловъ не допускалъ задней мысли со стороны французскаго правительства, такъ какъ оно могло и не предупреждать насъ о состоявшейся сдѣлкѣ. „Если я не ошибаюсь, продолжалъ графъ Орловъ, Австрія и Англія нарочито воспользовались этой комбинаціею съ цѣлью очернить Францію въ нашемъ мнѣніи и тѣмъ повредить нашимъ сношеніямъ, кажущаяся откровенность которыхъ начинала уже сильно безпокоить вѣнскій и лондонскій дворы".

На этой депешѣ государь сдѣлалъ слѣдующую помѣту: „Cette conduite de la France envers nous n'est pas loyale et doit nous servir de norme du degré de confiance que Napoleon paraît nous inspirer" (это поведеніе Франціи въ отношеніи къ намъ не искренно и должно служить мѣриломъ довѣрія, которое Наполеонъ внушилъ намъ).

Сообщая текстъ самой конвенціи при слѣдующей депешѣ [2]), графъ Орловъ пояснилъ, что французское правительство изложило конвенцію въ общихъ выраженіяхъ, не упоминая въ ней о Россіи во избѣжаніе неудовольствія съ ея стороны, но оно само поняло, что существованіе такого акта, коль скоро оно стало бы извѣстнымъ русскому правительству, должно было породить въ немъ обвиненіе Франціи въ коварствѣ; почему парижскій кабинетъ, въ предотвращеніе такого упрека, счелъ необходимымъ раскрыть русскому правительству всѣ обстоятельства, вынудившія Францію исполнить обязательство, принятое ею на себя передъ Австріею и Англіею актомъ, подписаннымъ въ Вѣнѣ 14-го ноября 1855 г. Графъ Орловъ выразилъ [3]) Валевскому свое удивленіе по поводу того, что онъ такъ поздно повѣдалъ ему о существованіи конвенціи, упрекнувъ его въ недостаткѣ прямоты, что̀ не согласовалось съ отношеніями, существовавшими между нами, и замѣтивъ, что заключеніе особой конвенціи оскорбляло насъ недовѣріемъ къ обязательствамъ, принятымъ нами на себя, по только-что подписанному договору. Наполеонъ счелъ своимъ долгомъ оправ-

---

[1]) 1856. Paris, II. Comte Orloff. Réc. № 658, tél. 18 (30 avril) № 86.
[2]) 1856. Paris. Réc. № 718, dép. 19 avril (12 mai) № 91.
[3]) 1856 Paris. II. C-te Orloff. Réc. № 668, tél. 21 avril (3 mai) № 93.

дать свои дѣйствія настояніями графа Буоля и лорда Кларендона [1]), а императрица Евгенія [2]) высказала графу Орлову на прощальной аудіенціи, опасенія, какъ бы мы не считали Наполеона обманщикомъ за подписаніе имъ конвенціи 15-го апрѣля, „но я знаю отъ Валевскаго, сказала она, что англичане и австрійцы непремѣнно настаивали на подробномъ опредѣленіи поводовъ къ войнѣ; Наполеонъ безусловно отвергъ ихъ предложеніе, объявивъ: „я подпишу только одну общую формулу, такъ какъ я исключительно самому себѣ предоставляю рѣшить, въ чемъ заключается поводъ къ войнѣ“.

II.

Австрія платится за свое двуличное отношеніе къ Россіи пораженіемъ, нанесеннымъ ей Наполеономъ III. Она ищетъ сближенія съ нею на почвѣ отмѣны нѣкоторыхъ постановленій парижскаго договора.

Россія, разбитая союзными войсками на Крымскомъ полуостровѣ, потерявшая часть Бессарабіи, лишившаяся своего флота и приниженная въ своихъ верховныхъ правахъ въ Черномъ морѣ, тщетно пыталась въ теченіе 15 лѣтъ сбросить съ себя путы, стѣснявшія ея развитіе и оскорблявшія ея достоинство, какъ государства. Стремленіе ея освободиться отъ нихъ очень ясно понималось западною Европою; имъ пользовалась то та, то другая держава, чтобы заманить Россію въ свой лагерь. Отмѣна ограничительныхъ постановленій парижскаго договора служила приманкой для Наполеона, чтобы привлечь Россію на свою сторону въ 1858 г. передъ войною съ Австріею,— для Австріи въ 1859 г. послѣ этой войны и въ 1867 г. послѣ пораженія, нанесеннаго ею Пруссіей. Но каждый разъ Россіи предстояло или втянуться въ обще-европейскую войну, которую замышлялъ Наполеонъ III для осуществленія своей завѣтной мысли объ отмѣнѣ постановленій вѣнскаго конгресса 1815 г. относительно границъ Франціи, или же передать вопросъ, затрогивавшій честь русскаго государства на разрѣшеніе конгресса державъ. Благоразуміе требовало избѣгать обще-европейской войны, а отъ созыва конгресса уклонялась то Австрія, то Англія, которая не скрывала своего нерасположенія къ пересмотру постановленій парижскаго договора, нарушившихъ верховныя права Россіи. !!

Миръ, завершившій крымскую войну, состоялся, благодаря усиліямъ Наполеона III, такъ какъ его союзница Англія была настроена

---

[1]) 1856. Paris. II. Baron Brunnow. Réc. № 901; dép. 11 (23 mai) № 115.
[2]) 1856. Paris. II. C-te Orloff. Réc. № 679; dép. 27 avril (4 mai) № 95.

воинственно, и общественное мнѣніе въ этомъ государствѣ требовало продолженія военныхъ дѣйствій. Но императоръ французовъ считалъ свое честолюбіе удовлетвореннымъ и желалъ сближенія съ русскимъ императоромъ, который не чуждался его, но остерегался политическихъ увлеченій Наполеона. Въ секретныхъ инструкціяхъ, данныхъ графу Орлову, передъ его отъѣздомъ на парижскій конгрессъ [1]), указывалось, что государь желалъ сохранить свою полную свободу дѣйствій. Россія не нуждалась въ заключеніи поспѣшныхъ союзовъ съ цѣлью вернуть себѣ въ Европѣ то политическое вліяніе, которымъ она пользовалась такъ долго. Мы однако не имѣли въ виду оставаться добровольно въ одиночествѣ. Мы должны были остерегаться Наполеона, такъ какъ намъ не было извѣстно, что онъ думалъ предпринять изъ чувства собственнаго самосохраненіи, почему мы не могли впередъ связать себя съ его политикою. Но съ другой стороны благоразумiе требовало, чтобы мы снискали его расположеніе, доказавъ ему, что безъ прямого участія Россіи никакая коалиція противъ него и его династіи не была бы возможна, ни осуществима, независимо отъ того, какія стремленія господствовали бы въ остальной Европѣ.

Послѣ заключенія мира графъ Нессельроде писалъ графу Орлову опредѣленѣе [2]) о томъ положеніи, въ которомъ очутилась Россія: „Союзъ трехъ сѣверныхъ дворовъ уже болѣе не существуетъ. Швеція на сѣверѣ, Турція на югѣ находятся въ новыхъ и сложныхъ условіяхъ въ отношеніи къ намъ. Англія недовольна заключеннымъ миромъ. Составныя части коалиціи и причины, ее вызвавшія, продолжаютъ существовать. Единственное ваше спасеніе противъ возобновленія раздора находится въ расположеніи Наполеона. Посему всѣ наши усилія должны сосредоточиться на томъ, чтобы сохранить это расположеніе, не обязываясь однако слѣдовать за Наполеономъ въ его предпріятіяхъ“. Прощаясь съ графомъ Орловымъ, Наполеонъ высказалъ [3]) ему надежду на то, что тѣ же симпатіи, которыя существуютъ между обоими народами, окрѣпнутъ еще болѣе отъ соглашенія, установившагося между обоими государями. „Это чувство моего сердца, прибавилъ онъ въ большомъ волненіи, съ слезами на глазахъ“. Императоръ Александръ II сдѣлалъ на депешѣ слѣдующую помѣту: „tout cela serait très-bien, si c'était sincère“ (все это было бы очень хорошо, если бы это было искренно).

Въ теченіе послѣдовавшаго времени между с.-петербургскимъ и

[1]) 1856. Paris. VI, Exp. № 40, dép. 30 janvier, instructions secrètes sur des alliances futures possibles.

[2]) 1856. Paris. VI. Exp. № 120, dép. 5 avril.

[3]) 1856. Paris. II. C-te Orloff. Réc. № 840; tél. 12 (24) mai № 119.

парижскимъ дворомъ завязались очень дружескія сношенія, выразителями которыхъ были приближенный къ государю Александру Николаевичу генералъ-адъютантъ графъ Киселевъ, назначенный посломъ при Тюльерійскомъ дворѣ и близкій къ Наполеону III герцогъ Морни, а затѣмъ герцогъ Монтебелло, состоявшій посломъ въ С.-Петербургѣ. Оба императора имѣли свиданіе въ сентябрѣ 1857 г. въ Штутгардѣ; на немъ, между прочимъ, былъ затронутъ вопросъ о томъ, что, въ случаѣ замышлявшейся уже тогда Наполеономъ войны съ Австріей въ Италіи, мы выставили бы обсерваціонный корпусъ на австрійской границѣ; съ своей стороны Наполеонъ споспѣшествовалъ бы намъ отмѣнѣ постановленій парижскаго договора, ограничившихъ верховныя права Россіи въ Черномъ морѣ. Этотъ же вопросъ послужилъ предметомъ особыхъ переговоровъ, бывшихъ въ сентябрѣ 1858 г. въ Варшавѣ, куда прибылъ отъ лица императора французовъ его двоюродный братъ принцъ Наполеонъ на свиданіе съ государемъ Александромъ Николаевичемъ. Встревоженный состоявшимся между Россіей и Франціей сближеніемъ берлинскій кабинетъ въ концѣ декабря 1858 г. обратился къ императорскому министерству съ запросомъ о томъ, не существовало ли между нами и Франціею соглашеніе, вслѣдствіе котораго мы бы обязались, въ случаѣ войны Австріи съ Франціею въ Италіи, дѣйствовать противъ Германіи [1]). Князь Горчаковъ отвѣтилъ прусскому министерству, что между Россіей и Франціей никогда не обсуждался вопросъ о коалиціи противъ германскаго союза, но что если онъ призналъ бы себя вынужденнымъ участвовать къ какой-либо борьбѣ, не имѣвшей никакого касательства къ интересамъ германскимъ, то мы бы усмотрѣли въ ней не германскія выгоды, а политическіе расчеты, съ которыми намъ бы пришлось сообразоваться.

Нѣсколько времени спустя, великобританское министерство запросило насъ, не было ли возможности предотвратить угрожавшую войну изъ-за итальянскихъ дѣлъ. Князь Горчаковъ отвѣтилъ, что государь не желалъ войны, но не принималъ на себя почина въ посредничествѣ. Мы поставили себѣ въ отношеніи Пруссіи задачей удерживать ее въ нейтралитетѣ; воздержаніе ея раздражало Австрію, которая надѣялась на ея помощь, что̀ не помѣшало Австріи однако отклонить англійскія предложенія о преобразованіяхъ въ ея итальянскихъ владѣніяхъ. Сдерживая Пруссію, мы, съ другой стороны, умѣряли замыслы Наполеона насчетъ германскаго союза, требуя отъ него декларацiи о неприкосновенности германскихъ областей. Но онъ, уклонившись отъ такого заявленія, не удовольствовался манифестаціею, произведенной нами согласно уговору на австрійской границѣ,

---

[1]) 1859 г. Всеподданнѣйшій отчетъ за 1858 г.

просилъ насъ двинуть обсерваціонный корпусъ къ прусской границѣ, въ чемъ мы ему отказали, такъ какъ подобная мѣра только бы заставила Пруссію выйдти изъ занятаго ею нейтральнаго положенія. Увлеченный своимъ воображеніемъ, Наполеонъ задумалъ, кромѣ того, произвести диверсію въ Адріатическомъ морѣ, поднять славянъ въ Австріи, и даже въ Турціи, чтобы сразу разрѣшить обѣ задачи, и тѣмъ объединить наши интересы съ его собственными. Не безъ труда и не безъ ущерба нашимъ дружескимъ сношеніямъ пришлось уговорить Наполеона не прибѣгать къ такимъ опаснымъ мѣрамъ.

Въ виду усложненій и съ цѣлью предотвращенія войны графу Киселеву [1]) было поручено предложить французскому правительству созывъ конгресса по итальянскимъ дѣламъ для установленія того, что Италія находилась тогда въ условіяхъ, противорѣчащихъ всеобщему равновѣсію и не согласныхъ съ европейскимъ публичнымъ правомъ, что такое состояніе угрожало спокойствію Европы и что оно служило источникомъ постоянныхъ смутъ. Наполеонъ одобрилъ мысль о созывѣ конгресса [2]); это предположеніе было сообщено лондонскому кабинету, который обидѣлся за то, что Россія его опередила въ этой мысли. Вопросъ о конгрессѣ затѣмъ потерпѣлъ неудачу, вслѣдствіе коварства Австріи, объявившей войну Сардиніи. Между тѣмъ, въ виду настоятельныхъ стараній Наполеона привлечь Россію къ дѣятельному участію въ предстоявшей войнѣ съ Австріей, князь Горчаковъ писалъ графу Киселеву [3]): „необходимо Наполеону понять, что государь, не колеблясь исполнить въ полномъ объемѣ обѣщанія, которыя онъ ему сдѣлалъ, долженъ обосновать свое дѣятельное участіе въ войнѣ на выгодахъ; при наличности послѣднихъ онъ не призадумался бы ни на одно мгновеніе. Въ дѣйствительности же причастны ли онѣ къ этой войнѣ? Настоящее положеніе имѣетъ свои неудобства, но главнымъ и единственно существеннымъ неудобствомъ являются условія парижскаго договора, несовмѣстимыя съ достоинствомъ государства перваго разряда. Мы не вѣримъ ихъ продолжительности. Европа знаетъ, а если она еще недостаточно прониклась этимъ, то каждый протекшій день долженъ усилить ея убѣжденія въ томъ, что, пока существуютъ эти узы, связывающія Россію, она будетъ держаться въ сторонѣ отъ всякихъ общихъ могущихъ возникнуть волненій. Устраненіе такой державы, какъ Россія, образуетъ пробѣлъ, который нѣтъ возможности восполнить; онъ надолго будетъ служить препятствіемъ къ установленію нормальнаго положенія между

[1]) 1859. Paris. IV. Exp., lettre 21 février.
[2]) 1859. Paris. I. Réc., lettre du C-te Kisselew 4 (16) mars.
[3]) 1859. Paris. IV. Exp., lettre 22 mars.

различными государствами Европы. Мы въ состояніи ждать, пока это убѣжденіе не вкоренится настолько глубоко, чтобы Европа сама признала необходимымъ пріискать средства врачеванія. Между тѣмъ это средство вполнѣ извѣстно. Пользуясь промежуткомъ времени, мы путемъ преобразованій постепенно увеличимъ свои силы и свое могущество. Но положимъ, что мы настолько были бы нетерпѣливы, что не выждали бы этихъ результатовъ, поможетъ ли намъ дѣятельное участіе въ войнѣ между Австріей и Франціей ихъ достиженію? При каждомъ обращеніи нашемъ къ Наполеону съ указаніемъ на тѣ условія парижскаго договора, которыя насъ особенно стѣсняютъ, онъ намъ отвѣчалъ не болѣе какъ выраженіемъ своихъ пожеланій и засвидѣтельствованіемъ своихъ усилій. Я чистосердечно прибавлю, что болѣе онъ намъ не могъ обѣщать и что неопредѣленность этого отвѣта указывала даже на искренность его словъ". На основаніи этихъ соображеній графу Киселеву поручалось княземъ Горчаковымъ внушить въ откровенной бесѣдѣ Наполеону, что государь не остановился бы передъ войною, если бы того требовали выгоды государства, но что въ ту минуту онѣ не выяснились.

Въ отвѣтъ на это письмо князя Горчакова графъ Киселевъ сообщилъ [1]), что, по мнѣнію Наполеона, моментъ былъ благопріятемъ для осуществленія задуманной отмѣны договоровъ 1815 и 1856 гг., которая не могла бы быть произведена иначе какъ путемъ войны; почему Наполеонъ предлагалъ воспользоваться наступавшею, чтобы съ цѣлью выгодъ обѣихъ имперій привести въ исполненіе предначертанія ихъ государей. Но Александръ II не послѣдовалъ предложеніямъ императора французовъ. Онъ рѣшился занять выжидательное положеніе, такъ какъ оно соотвѣтствовало и выгодамъ и средствамъ Россіи [2]).

Мы поставили обсерваціонный корпусъ на нашихъ западныхъ границахъ, утаивъ его ближайшее предназначеніе. Расчетъ заключался въ томъ, что если бы при такой демонстраціи война была локализирована и Наполеонъ могъ справиться одинъ съ австрійскими войсками, цѣль была бы достигнута; если бы, напротивъ, война приняла такой размѣръ, при которомъ намъ не было бы выгодно оставаться зрителями, мы, свободные отъ всякаго обязательства, приняли бы то участіе въ борьбѣ, которое намъ бы заблагоразсудилось. Это рѣшеніе состоялось наканунѣ полученія государемъ собственноручнаго письма Наполеона [3]), увѣдомлявшаго его о томъ, что онъ вы-

[1]) Paris. 1859. Réc., lettre 7 (19) avril.
[2]) Paris. 1859. Exp., lettre 5 mai.
[3]) 1859, France, empereur. Réc. № 913, lettre autographe de Napoléon III 5 mai 1859, reçue le 6 (18) mai.

ступалъ въ походъ и расчитывалъ на обѣщанное ему содѣйствіе, онъ писалъ между прочимъ: „V. M. me permettra de lui dire, il faut que cette attitude soit bien nette et bien dessinée. C'est à ce prix seulement que la diversion, que V. M. m'avait promis d'exécuter vers la Galicie, peut avoir d'heureux résultats, car pour le présent, l'Autriche n'ayant aucune crainte pour ces frontières du Nord, elle les a complétement dégarnies" (ваше величество позволитъ мнѣ сказать слѣдующее: необходимо, чтобъ это положеніе было яснымъ и хорошо обрисованнымъ; только за эту цѣну диверсія, которую ваше величество мнѣ обѣщало исполнить въ сторону Галиціи, можетъ принести хорошій результатъ, такъ какъ въ настоящее время Австрія, не опасаясь за свои сѣверныя границы, ихъ совершенно оголила). Въ отвѣтномъ письмѣ Александра II [1]) говорилось, что занятое имъ нейтральное положеніе благосклонное по отношенію къ Франціи, которое онъ обѣщалъ Наполеону, и вызванныя тѣмъ военныя и политическія мѣры оказались вполнѣ дѣйствительными и что было бы невыгоднымъ измѣнить это положеніе, придавъ ему болѣе рѣшительный характеръ, такъ какъ неизвѣстность, которою были облечены намѣренія русскаго императора, служила тормозомъ вполнѣ необходимымъ, какъ это доказали событія. Неизвѣстность намѣреній Россіи очень озабочивала австрійскій дворъ. Помимо министра иностранныхъ дѣлъ графа Буоля фельдмаршалъ князь Виндишгрецъ убѣждалъ Франца-Іосифа отправить его въ С.-Петербургъ, чтобы получить отъ Александра II увѣреніе въ томъ, что Россія не нападетъ на Австрію, при чемъ, какъ выразился князь Виндишгрецъ нашему посланнику Балабину [2]), онъ надѣялся получить это увѣреніе подъ условіемъ отмѣны нѣкоторыхъ статей парижскаго договора. Балабинъ старался его отговорить отъ поѣздки въ С.-Петербургъ, доказывая, что онъ могъ бы натолкнуться на безповоротное рѣшеніе государя. Но иначе взглянулъ на это князь Горчаковъ; въ своемъ докладѣ государю [3]) онъ выразилъ сожалѣніе, что Балабинъ такъ рѣшительно отговаривалъ Виндишгреца отъ поѣздки въ С.-Петербургъ. „Это насъ ни къ чему не обязывало бы, говорилъ князь Горчаковъ въ своемъ докладѣ, тогда какъ формальный починъ, который бы приняла Австрія, предложивъ измѣнить парижскій договоръ, послужилъ бы полезнымъ прецедентомъ. Посылка такого виднаго сановника, какъ Виндишгреца, имѣла бы значеніе явнаго засвидѣтельствованія императоромъ Францомъ-Іосифомъ своего уваженія могуществу вашего величества, хотя бы это порученіе осталось безъ послѣдствій для австрійскихъ инте-

[1]) 1859. France, empereur. Exp. № 272, lettre autographe 6 mai.

[2]) 1859. Vienne. Réc., tél. 21 avril (3 mai).

[3]) 1859 г., доклады 22-го апрѣля.

ресовъ". Вслѣдствіе предписанія, даннаго Балабину, не препятствовать пріѣзду князя Виндишгреца, онъ увѣдомилъ князя Горчакова [1]), что фельдмаршалъ отправлялся по личному порученію австрійскаго императора безъ участія графа Буоля, миссія князя Виндишгреца однако не состоялась [2]); ей противился графъ Буоль, который вскорѣ послѣ того былъ отстраненъ; какъ на причину его увольненія указывали на необходимость сближенія съ Россіей и устраненія разрыва съ Пруссіею [3]).

Итальянскій походъ Наполеона кончился перемиріемъ, внезапно заключеннымъ имъ въ Виллафранкѣ 12-го іюля 1859 г. Впослѣдствіи въ собственноручномъ письмѣ [4]) Наполеонъ, признавъ, что Александръ II сдѣлалъ все возможное для предотвращенія войны, а по ея объявленіи для ограниченія ея предѣловъ въ угоду Франціи объяснилъ, что однимъ изъ соображеній, побудившихъ его заключить миръ, было желаніе избѣгнуть усложненій, которыя не согласовались бы съ политикою Россіи въ виду расширенія района военныхъ дѣйствій, ожидавшагося возстанія Венгріи, могущаго распространиться на смежныя области.

С. Горяиновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) 1859. Vienne. Réc., tél. 24 avril.
[2]) 1859, Vienne. Réc., tél. 27 avril (9 mai), 29 avril (11 mai).
[3]) 1859, Vienne, Réc., tél. 1 (13) mai, 3 (15) mai.
[4]) 1859, France, empereur. Réc. № 1799, lettre autographe du 4 septembre.

Введеніе русскаго языка въ Остзейскихъ губерніяхъ.

19-го декабря 1836 г. (П. С. З. № 9792 *а*) [1]) императоръ Николай I повелѣлъ строго подтвердить Дерптскому университету, чтобы никто не былъ удостоиваемъ званія дѣйствительнаго студента, кандидата и лекаря безъ достаточнаго знанія русскаго языка. За тѣмъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе (22 января 1837. П. С. З. № 9893), чтобы по истеченіи 3-хъ лѣтъ никто изъ уроженцевъ Остзейскихъ губерній не былъ опредѣляемъ учителемъ въ гимназіи или въ училище, если не будетъ способенъ преподавать предметъ на русскомъ языкѣ. По Высочайше утвержденному 15-го декабря 1837 г. всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія графа Уварова было однако повелѣно отсрочить до 1845 года силу указа 19-го декабря 1836 года относительно требованія знанія русскаго языка отъ воспитывающихся въ заведеніяхъ Дерптскаго округа. Графъ Уваровъ, находя, что вышепоказанное постановленіе о преподавателяхъ (1837 года) состоитъ въ прямой связи съ симъ послѣднимъ указомъ, всеподданнѣйше испрашивалъ 23 декабря 1839 года, не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству повелѣть, чтобы и дѣйствіе этого постановленія было также отсрочено до 16 декабря 1845 года.

На этомъ докладѣ послѣдовала слѣдующая Высочайшая резолюція. „*Это* не есть послѣдствіе сего указа, ибо согласиться на отсрочку назначенія учителей значило бы опять отсрочить и послѣдствія недостатка въ оныхъ; напротивъ того нынѣ же *пріискать* и *назначить*“.

Послѣ этого графъ Уваровъ черезъ пять дней, 28 декабря 1839 г., докладывалъ, что во исполненіе этого Высочайшаго приказанія назначены имъ *нынѣ вновь* въ учители русскаго языка одиннадцать воспитанниковъ главнаго Педагогическаго Института въ гимназіи: Дерптскую, Рижскую, Митавскую и Ревельскую и въ Ревельское Домское училище и, наконецъ, въ уѣздныя училища: Дерптское, оба Рижскія, Ревельское, Перновское и Митавское.

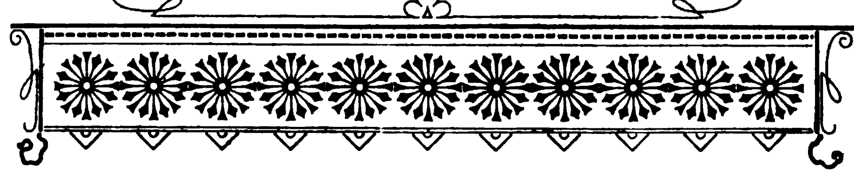
Государь Императоръ на этомъ докладѣ написалъ карандашемъ: „*хорошо начало*“.

Сообщ. П. Майковъ.

---

[1]) Этотъ указъ помѣщенъ въ *прибавленіяхъ* къ XII тому Пол. Собр. Законовъ, за 1837 г., отдѣленіе 2, стр. 39, изъ дѣла II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 1839 г. № 149 а.

Портъ-Артурская эскадра наканунѣ гибели.

(СЪ ПЛАНОМЪ).

I.

Критическимъ временемъ русско-японской войны морской историкъ непремѣнно будетъ считать періодъ между 31 марта по 28 іюля 1904 г., т. е. со дня гибели броненосца „Петропавловска“ съ командующимъ флотомъ вице-адмираломъ Макаровымъ, по день смерти другого командующаго на „Цесаревичѣ“—контръ-адмирала Витгефта.

И въ самомъ дѣлѣ, Портъ-Артурская эскадра въ названный періодъ времени могла исправить всѣ причиненныя ей поврежденія въ ночь на 27 января, прорваться во Владивостокъ,—эту новую, болѣе надежную базу, безпокоить оттуда и громить японскія побережья, уничтожать дессантные транспорты, преслѣдовать торговое мореходство и лишить Японію подвоза военныхъ припасовъ изъ Европы и Америки [1]).

Наши эскадренные броненосцы въ ожиданіи флота Рожественскаго во Владивостокѣ были бы приведены въ полнѣйшую исправность за это время, а эскадра Того не имѣла бы досуга для отдыха, перемѣны разстрѣлянныхъ подъ Портъ-Артуромъ орудій, переборки механизмовъ и т. д.

Наконецъ, наша эскадра, прорвавшись изъ П.-Артура, могла уйти на югъ, навстрѣчу эскадрѣ Рожественскаго.

---

[1]) Въ 1904 году было ввезено въ Японію товаровъ на 488.538.000 іенъ. Противъ предыдущаго года эта сумма увеличилась на 117 м., или на 32%. Японское м-во финансовъ это увеличеніе объясняетъ покупкою въ Европѣ и въ Америкѣ военныхъ матеріаловъ. Изъ Англіи было ввезено въ этомъ году такихъ матеріаловъ на 74 м., изъ Соединенныхъ Штатовъ на 58 м., изъ Германіи на 28 м. Всѣ военные грузы—контрабанда въ военное время, и всѣ они или большая часть прошли Краснымъ моремъ или вокругъ Африки Зондскимъ проливомъ, гдѣ крейсеры наши могли дѣйствовать круглый годъ.

Въ Японіи, повидимому, ясно понимали, что болѣе или менѣе счастливый исходъ войны зависитъ не отъ паденія Артура, или выиграннаго сраженія подъ Ляояномъ, а отъ конечнаго уничтоженія нашего флота, или приведенія его въ состояніе безусловной невозможности дѣйствовать въ открытомъ морѣ. Это соображеніе оправдывало и предательскую минную атаку 26 января и бѣшеныя попытки заградить выходъ изъ Портъ-Артура.

Уничтожая нашъ флотъ, японцы подготовляли паденіе Владивостока въ случаѣ успѣховъ своего оружія на континентѣ, и безопасное возвращеніе своихъ дессантныхъ армій на родину, въ случаѣ катастрофы въ Маньчжуріи. Слова генерала Куропаткина, сказанныя при отъѣздѣ въ армію изъ Петербурга, повторялись не только всѣми въ Россіи, но и въ Японіи. А этотъ генералъ, назначенный самостоятельнымъ и отвѣтственнымъ командующимъ Маньчжурской арміи, обѣщалъ заключить миръ лишь въ Токіо, чего нельзя было исполнить безъ помощи и услугъ военнаго флота и господства его въ Японскомъ морѣ.

Нельзя ни минуты упускать изъ вида, что, занявъ Портъ-Артуръ въ 1898 году и начавъ этимъ, по выраженію бывшаго министра финансовъ, нынѣ графа С. Ю. Витте, политику приключеній, мы не придавали должнаго значенія возрождающейся на Дальнемъ Востокѣ новой соперницы, Японіи. На усиленіе флота дано было 90 милліоновъ, Квантунскій полуостровъ рѣшено было обратить въ укрѣпленный лагерь. Но морское министерство дѣйствовало чрезвычайно вяло. Шли длинные дебаты о типѣ судовъ, о наивыгоднѣйшемъ использованіи для нашихъ заводовъ ассигнованной суммы. Наше судостроеніе, всегда отличавшееся медленностію и недоброкачественностью, не сдѣлалось лучше отъ увеличенія бюджета морского министерства; личный составъ корпуса офицеровъ, растлѣваемый примѣненіемъ установленнаго ценза, менѣе нежели когда-либо отвѣчалъ требованіямъ современной техники. Въ особенности это замѣчалось въ командномъ персоналѣ флота.

Въ виду состоявшагося въ мартѣ 1902 года Англо-Японскаго договора о союзѣ, военному министру былъ поданъ рапортъ начальникомъ Квантунской области объ укрѣпленіи Портъ-Артура. Въ приложенной запискѣ къ рапорту онъ настаивалъ на усиленіи обороны Квантунскаго полуострова и указывалъ на укрѣпленіе Кинчжоусской позиціи долговременнымъ фортомъ-заставою съ примкнутыми батареями для крѣпостныхъ орудій. Въ началѣ 1903 года снова напоминалось о тѣхъ же нуждахъ крѣпости и указывалось на крайне слабую защиту ея сухопутнаго фронта. Въ томъ же докладѣ было высказано соображеніе о томъ, что Дальній вслѣдствіе развитія

портовыхъ сооруженій и полной беззащитности легко можетъ быть захваченъ непріятелемъ и сдѣлаться для него отличною базою въ операціяхъ противъ Артура. Очевидно, что съ сооруженіемъ Дальняго Кинчжоусская позиція пріобрѣтала еще большее значеніе.

Въ докладѣ, вѣроятно уцѣлѣвшемъ въ архивѣ военнаго министерства, упоминалось и о томъ, что къ веснѣ 1903 года, съ выводомъ нашихъ войскъ изъ южной Маньчжуріи, наше стратегическое положеніе, въ случаѣ войны съ Японіею, будетъ значительно хуже, чѣмъ было въ предыдущемъ, т.-е. въ 1902 г. И въ самомъ дѣлѣ, ухудшеніе наше не уравновѣшивалось потому, что увеличеніе русскихъ морскихъ силъ шло очень вяло, не въ уровень съ приростомъ японскаго флота.

Могло ли военное министерство допустить даже мысль, что вся судьба Квантунскаго полуострова вмѣстѣ съ крѣпостью зависитъ отъ такой случайности, какъ счастливый исходъ морского сраженія?

Перечитывая въ 1903 году въ Портъ-Артурѣ всѣ эти рапорты по возвращеніи изъ Японіи, гдѣ я видѣлъ эскадру ад. Того, я былъ увѣренъ, что флота мы не усиливаемъ и укрѣпленій не сооружаемъ только потому, что съ Японіею заключенъ союзъ и продолжительный миръ гарантированъ цѣною уступки всей Кореи.

Квантунскій полуостровъ, омываемый съ обѣихъ сторонъ на протяженіи тринадцати миль моремъ, при энергіи и единодушныхъ усиліяхъ военнаго и морского вѣдомствъ, дѣйствительно могъ быть обращенъ въ неприступный лагерь. Но военное вѣдомство не торопилось. Между Портъ-Артуромъ и Петербургомъ шла безконечная переписка насчетъ проектированныхъ на мѣстѣ сооруженій. Самостоятельныя и ревнивыя къ власти инженерное и артиллерійское управленія спорили по каждому пункту предложеній изъ Портъ-Артура, время тратилось безполезно.

Въ своихъ разъясненіяхъ о сдачѣ Портъ-Артура г. Стессель между прочимъ писалъ: „Я всегда настаивалъ на укрѣпленіи Дагушаня и Сяогушаня, но инженеры (генералы Величко, Вернандеръ и др.) отвѣчали, что если Дагушань и Сяогушань и будутъ взяты непріятелемъ, то послѣдній, будучи подъ выстрѣлами съ артурскихъ высотъ, тамъ не удержится. Такой же отзывъ былъ данъ этими господами и объ укрѣпленіяхъ на Кумириской высотѣ“.

Однако генералы ошиблись. Японцы, взявъ названныя высоты, удержались на нихъ. Стессель, какъ видно изъ тѣхъ же разъясненій, просилъ, настаивалъ, доказывалъ генералу Куропаткину на мѣстѣ въ іюлѣ 1903 года, т. е. за шесть мѣсяцевъ до начала войны, объ укрѣпленіи Кинчжоусской позиціи.

Но генералъ Куропаткинъ, какъ читатель увидитъ ниже, уже тогда этой позиціи не придавалъ большого значенія.

Занявъ Портъ-Артуръ въ 1898 году, военное вѣдомство ограничилось сначала только приморской обороной, поставивъ 20 орудій на старыхъ китайскихъ батареяхъ и назначивъ лишь четыре имѣвшихся тамъ баталіона пѣхоты для защиты его.

Затѣмъ, военное вѣдомство, принимая во вниманіе, что сухопутная линія обороны тянется на разстояніи 20 верстъ, предназначило 18.000 человѣкъ для этой цѣли. Но подъ давленіемъ финансовыхъ соображеній и боязни возбудить тревогу въ умахъ впечатлительныхъ японцевъ, военное вѣдомство выразило согласіе не увеличивать гарнизонъ Портъ-Артура свыше 11.300 человѣкъ. При этомъ въ коммиссіи, обсуждавшей эти, чрезвычайной важности, вопросы было высказано, что „сила Артура заключается не въ его веркахъ и гарнизонѣ, а въ томъ, что за этимъ пунктомъ *стоитъ вся Россія*" [1]).

Наконецъ, самъ военный министръ, генералъ Куропаткинъ, за шесть мѣсяцевъ до войны бывшій въ Артурѣ и присутствовавшій на военныхъ маневрахъ въ Японіи, возвратился въ Петербургъ въ іюлѣ настолько успокоеннымъ въ безопасности Квантуна, въ несерьезности вооруженій Японіи и въ правѣ располагать временемъ для сооруженія укрѣпленій въ Артурѣ, во Владивостокѣ, въ Николаевскѣ и на Сахалинѣ, что, несмотря на страстно раздуваемую въ Японіи политическую распрю и приближающуюся грозу, центральныя управленія столицы не особенно торопились исполнить требованія только-что назначеннаго намѣстника. Мало того, осенью 1903 года, какъ бы въ предвидѣніи ненарушимости глубокаго мира Квантунскіе баталіоны уволили очередной контингентъ въ запасъ.

Однимъ словомъ, война захватила насъ врасплохъ. Атака японскихъ миноносцевъ въ ночь на 27 января лишила Портъ-Артурскую эскадру на время трехъ линейныхъ кораблей и этимъ самымъ возможности съ перваго же дня войны оспаривать власть надъ моремъ. Естественно, что всѣ усилія мѣстной власти въ лицѣ намѣстника, назначеннаго тогда же главнокомандующимъ [2]), были направлены къ тому, чтобы сохранить отъ внезапнаго захвата базу для флота хотя бы временно, пока исправятся поврежденные броненосцы, и по узкой, одноколейной стальной лентѣ будутъ доставлены изъ сердца Россіи новыя силы.

И надобно отдать полную справедливость мѣстной власти, проявившей удивительную энергію въ минуты крайней опасности, когда,

---

[1]) Нѣчто о Портъ-Артурѣ и вообще объ организаціи крѣпостной обороны Г. Тимченко-Рубанъ. „Военный Сборникъ" 1905 г. № 3.

[2]) Были предоставлены права главнокомандующаго.

по словамъ самаго безпристрастнаго корреспондента въ японской арміи, Б. В. Норригаарда [1]), достаточно было японцамъ одновременно съ атакою флота бросить десять тысячъ солдатъ на полуостровъ, чтобы завладѣть полуостровомъ и войти безъ особыхъ усилій въ Портъ-Артуръ.

Къ концу марта, благодаря энергіи на мѣстѣ сдѣлано было такъ много для обороны крѣпости съ моря и суши, что острая опасность внезапнаго захвата уже миновала и, какъ мы знаемъ теперь, экспромптомъ созданная крѣпость держалась почти восемь мѣсяцевъ. Оставалось существенно важнымъ исправить всѣ боевыя единицы и привести ихъ въ состояніе полной пригодности къ борьбѣ съ японскимъ флотомъ въ открытомъ морѣ. За это и принялись съ прибытіемъ намѣстника въ Портъ-Артуръ 2 апрѣля. 13-го мая, по оставленіи Кинчжоусской позиціи, судьба Портъ-Артура выяснилась окончательно. Дѣлаясь съ каждымъ днемъ послѣ высадки дессанта въ Бицзиво болѣе и болѣе опасною базою для флота, предоставленною только собственнымъ средствамъ защиты, отступающею арміею Куропаткина, она грозила превратиться, наконецъ, въ ту пропасть, изъ которой уже не могло быть выхода.

Катастрофа совершилась, Портъ-Артурская эскадра, немногимъ уступавшая по численному составу японскому флоту, дѣйствительно ненашла этого выхода и безславно погибла въ мелководныхъ бассейнахъ въ декабрѣ 1904 г. Катастрофа совершилась не внезапно и могла быть, повидимому, предотвращена.

Собранные мною самые достовѣрные матеріалы этого періода войны представляются крайне интересными и не лишены поучительнаго значенія для русскихъ моряковъ вообще и будущихъ флотоводцевъ нашихъ, въ особенности.

II.

Въ ночь съ 30 на 31 марта сквозь густую сѣть дождя съ крейсера „Діаны", стоявшаго въ дежурствѣ на бочкахъ на наружномъ рейдѣ, были замѣчены силуэты судовъ въ открытомъ морѣ. Но такъ какъ еще днемъ 30-го вышелъ изъ Портъ-Артура отрядъ изъ восьми миноносцевъ для осмотра ближайшихъ острововъ и въ показавшихся силуэтахъ возможно было предполагать нѣкоторые свои, отбившіеся отъ отряда и не рѣшавшіеся въ ночную пору войти въ портъ, командующій флотомъ, в.-а. Макаровъ, находившійся на „Діанѣ", стрѣ-

[1]) Великая осада. Б. В. Норригаарда, стр. 16.

лять по силуэтамъ не приказалъ. Въ 4 часа утра 31 онъ перебрался на флагманскій броненосецъ „Петропавловскъ“. Вскорѣ выяснилось, что въ предыдущую ночь миноносецъ „Страшный“ дѣйствительно потерялъ слѣдъ своего отряда, и на разсвѣтѣ 31 оказался въ близкомъ сосѣдствѣ съ четырьмя японскими, открывшими по немъ убійственный огонь. Крейсеръ „Баянъ“, высланный командующимъ на выручку „Страшнаго“, успѣлъ спасти лишь пять человѣкъ изъ его экипажа, державшихся на водѣ послѣ гибели миноносца. Вслѣдъ за „Баяномъ“ вышелъ крейсеръ „Аскольдъ“ и немного позднѣе броненосцы „Петропавловскъ“ подъ флагомъ в.-а. Макарова и „Полтава“ и нѣсколько миноносцевъ. Остальныя суда выходили еще изъ гавани. Командующій торопился къ мѣсту гибели „Страшнаго“, гдѣ уже держались шесть японскихъ крейсеровъ. Японскіе крейсеры, однако, не ожидали его и удалились въ море, обмѣнявшись съ разстоянія 50 кабельтовъ нѣсколькими выстрѣлами, какъ бы поощряя слѣдовать за собою. Однако когда въ 8 час. 40 мин. утра показалась японская эскадра изъ девяти броненосцевъ, в.-а. Макаровъ поворотилъ въ Артуръ, гдѣ на рейдѣ къ нему присоединились „Побѣда“, „Пересвѣтъ“ и „Севастополь“, два минныхъ крейсера и пять миноносцевъ. Отдавъ приказаніе миноносцамъ идти въ гавань, а крейсерамъ вступить въ кильватеръ, в.-адмиралъ Макаровъ, идя головнымъ на „Петропавловскѣ“, повернулъ на О и сталъ склоняться вправо къ непріятелю. Въ 9 час. 43 минуты утра у праваго борта „Петропавловска“ произошелъ взрывъ, а вслѣдъ за нимъ и второй болѣе сильный подъ мостикомъ. Броненосецъ легъ на правый бортъ, носъ его зарылся въ воду, корма поднялась, оголивъ работавшіе на воздухѣ винты. Не болѣе какъ черезъ двѣ минуты отъ грознаго корабля остались на водѣ кое-какіе обломки и часть экипажа, успѣвшая выброситься за бортъ и не увлеченная водоворотомъ. Вмѣстѣ съ броненосцемъ погибъ командующій флотомъ, в.-адм. Макаровъ со штабомъ. Старшимъ на эскадрѣ оставался к.-адм. князь Ухтомскій. Поднявъ сигналъ „слѣдовать за мной, быть въ кильватерѣ“, онъ на „Пересвѣтѣ“ занялъ мѣсто головнаго и повелъ эскадру въ гавань. Но лишь только броненосецъ „Побѣда“ пересѣкъ линію створа, какъ подъ его правымъ бортомъ произошелъ взрывъ мины. По счастію, „Побѣда“ вѣроятно только коснулась мины и взрывъ не произвелъ такого же, какъ на „Петропавловскѣ“, губительнаго дѣйствія. „Побѣда“ накренилась, но собственнымъ ходомъ успѣла войти въ гавань. Японская эскадра съ безопаснаго разстоянія отъ выстрѣловъ съ батарей наблюдала за катастрофою на Портъ-Артурскомъ рейдѣ и въ часъ по полудни скрылась за горизонтомъ.

Извѣстіе о новомъ несчастіи, постигшемъ нашу эскадру, пришло

въ Петербургъ въ тотъ же день, а 1-го апрѣля по Высочайшему повелѣнію главный командиръ Черноморскаго флота и портовъ, в.-адм. Скрыдловъ, былъ назначенъ командующимъ флотомъ въ Тихомъ океанѣ.

Но въ виду чрезвычайнаго значенія морскихъ вооруженныхъ силъ въ войнѣ съ Японіею, невозможности скораго прибытія новаго командующаго и, надобно полагать, нравственно удрученнаго новымъ бѣдствіемъ личнаго состава Портъ-Артурской эскадры, въ то же время по Высочайшему повелѣнію намѣстникъ уже 2-го апрѣля въ 8 ч. утра прибылъ въ Портъ-Артуръ и немедленно поднялъ свой флагъ на „Севастополѣ".

Въ печальномъ состояніи засталъ онъ эскадру.

Броненосцы „Цесаревичъ" и „Ретвизанъ" были въ кессонахъ, исправляя поврежденныя подводныя части. Работы на нихъ могли быть исполнены не ранѣе 1 іюня. „Побѣда", какъ сказано выше, получила повреждение 31 марта. Ея два угольныя отдѣленія и патронные погреба были затоплены. Для исправленія надобно было сначала приготовить для этого броненосца кессонъ. „Севастополь" при столкновеніи съ „Пересвѣтомъ" 13 марта погнулъ лопасть винта. Ее требовалось замѣнить новою подъ водою, для чего дѣлали въ порту особый стальной колоколъ. Кромѣ того, на броненосцѣ исправлялась установка носового 12 дюймоваго орудія, поврежденная при перекидной пальбѣ, и мѣнялись параллели правой машины. Съ прежними параллелями броненосецъ не могъ дать болѣе 11 узловъ хода, не рискуя очень серьезными поломками машины. Крейсеры „Баянъ", „Аскольдъ", „Діана" и „Новикъ" были въ исправности, хотя для развитія полныхъ скоростей хода и сохраненія котловъ необходимо было дать много времени для очистки послѣднихъ и переборки машинъ.

„Паллада" была выведена изъ дока и, оставаясь на внутреннемъ рейдѣ, устанавливала трубопроводъ и боевую электрическую цѣпь. Транспортъ „Амуръ", пропоровшій свой бортъ о затопленный на фарватерѣ пароходъ „Хайларъ", исправлялся въ накрененномъ видѣ.

Изъ числа 22 миноносцевъ только 12 были въ сравнительной исправности. Пять миноносцевъ стояли въ докѣ, очищенномъ „Палладою", остальные же десять требовали не менѣе мѣсяца для приведенія въ порядокъ котловъ, очистки подводной части и т. д. Миноносецъ „Внушительный", затопленный въ Голубиной бухтѣ, готовили къ подъему.

По отзыву всѣхъ морскихъ офицеровъ, всѣ миноносцы Невскаго завода были хуже японскихъ, меньшихъ размѣровъ, слабѣе вооружены, тихоходны и вообще годились лишь для недалекихъ экспедицій. Погибшій на „Петропавловскѣ" командующій флотомъ для со-

храненія судовъ отъ японскихъ снарядовъ, попадавшихъ при перекидной стрѣльбѣ изъ-за Ляотешана, принялъ за правило передвигать корабли съ мѣста на мѣсто. Но при тѣснотѣ рейда и узкости прохода происходили постоянныя столкновенія броненосцевъ, да и японцы неутомимо забрасывали рейдъ минами. Комиссія подъ предсѣдательствомъ командира броненосца „Ретвизана", кап. 1 ранга Щенсновича, разлѣдовавшая гибель „Петропавловска", пришла къ заключенію, что распространившаяся молва, смущавшая экипажи и приписывавшая эту гибель подводнымъ лодкамъ, не имѣла ни малѣйшаго основанія и что катастрофа произошла отъ того, что выходъ эскадры 31 марта совершился спѣшно, безъ предварительнаго тщательнаго траленія фарватера. Надобно полагать, что „Петропавловскъ" прикоснулся дномъ къ цѣлой группѣ соединенныхъ между собою минъ, накануне поставленныхъ непріятелемъ, замѣченнымъ, какъ сказано выше, съ „Діаны". Прикосновеніе вызвало взрывъ подъ носовыми аппаратами и погребами, „Петропавловска", отъ детонаціи же послѣдовали взрывы пироксилина въ судовыхъ минахъ и въ снарядахъ, воспламененіе и затѣмъ взрывъ цилиндрическихъ котловъ.

16 апрѣля недалеко отъ мѣста гибели броненосца, обставленнаго вѣхами, была поднята группа изъ трехъ минъ загражденія. Зарядъ мины состоялъ изъ $2^1/_4$ пудовъ взрывчатаго вещества подобнаго мелениту. „Петропавловскъ" вѣроятно и наскочилъ на подобную группу.

И такъ, въ началѣ апрѣля суда Портъ-Артурской эскарды не были въ состояніи вести активную войну, и господство надъ ближайшими водами, омывающими Квантунскій полуостровъ, съ 31 марта принадлежало японцамъ. Всѣ усилія Портъ-Артура должны были быть и дѣйствительно были направлены для исправленія аварій и подготовки кораблей для выхода въ открытое море, по которому со дня на день могли прибыть дессантные баталіоны изъ Японіи. На стражѣ безопасности ихъ въ пути моремъ, однако держался въ виду Портъ-Артура японскій флотъ, энергично замедлявшій портовыя работы по исправленію. 2 апрѣля японская эскарда, состоявшая изъ шести броненосцевъ и восьми крейсеровъ, подошла къ Ляотешану. Одинъ отрядъ эскадры открылъ перекидной огонь по Портъ-Артуру, другой же, проходя до меридіана Золотой горы, сигналами корректировалъ пальбу перваго. Къ счастію она не причинила вреда нашимъ судамъ, но замедляла работу на нихъ. Японцы не остались безъ отвѣта въ этотъ день и на свои 185 выпущенныхъ снарядовъ получили около того же количества съ „Севастополя", „Пересвѣта", „Побѣды", „Полтавы" и крейсера „Баянъ" и съ Тигровой и Новой батарей на Ляотешанѣ.

Въ полдень непріятельская эскадра скрылась изъ вида и въ Портъ-Артурѣ принялись тотчасъ же за устройство новыхъ наблюдательныхъ пунктовъ и связи ихъ телефонною сѣтью. Это давало возможность въ будущемъ поддерживать огонь по непріятельскимъ кораблямъ съ восточныхъ береговыхъ батарей. Съ полудня 2 апрѣля до 15-го японская эскадра не появлялась въ виду Портъ-Артура. Исправлялись ли непріятельскія суда, или отдыхали ихъ экипажи, готовясь нанести новый ударъ, трудно рѣшить. Можно утверждать лишь одно, что адмиралъ Того черезъ своихъ шпіоновъ среди артурцевъ былъ вполнѣ освѣдомленъ о состояніи кораблей русской эскарды и объ энергичной работѣ по ихъ исправленію.

Ночью 15 апрѣля съ Электрическаго утеса замѣтили въ разстояніи шести миль отъ берега отрядъ изъ крейсеровъ и миноносцевъ. Отъ отряда отдѣлилось нѣсколько миноносцевъ, подошедшихъ еще ближе, но лишь батарея № 22 начала обстрѣливать ихъ, они удалились и затѣмъ скрылись изъ вида вмѣстѣ съ крейсерами. Очевидно, японскому адмиралу что-то надобно было разузнать, сдѣлать и въ чемъ-то убѣдиться. Вѣроятнѣе же всего задумано было набросать банки изъ минъ загражденія на наружномъ рейдѣ и на пути въ море.

Въ ночь съ 19 на 20 апрѣля послѣдовала новая, самая отважная и бѣшеная изъ всѣхъ предыдущихъ, попытка заградить выходъ нашему флоту изъ Портъ-Артура, еще разъ доказывавшая, какое чрезвычайное значеніе придавали японцы нашимъ морскимъ вооруженнымъ силамъ.

Въ холодную лунную ночь, при юго-восточномъ довольно свѣжо дувшемъ вѣтрѣ, на видъ крѣпости приблизились четыре непріятельскіе миноносца. Съ батарей и судовъ, охранявшихъ фарватеръ, они были замѣчены и, встрѣтивъ жестокій отпоръ, скоро исчезли. Нужна была большая выдержка со стороны начальства въ Артурѣ, чтобы не увлечься и не выслать въ погоню за ними изъ гавани миноносцевъ. Но прибывшій на „Отважный“ тотчасъ же по тревогѣ намѣстникъ не поддался искушенію въ предвидѣніи дальнѣйшаго хода событій.

И дѣйствительно, не прошло и получаса, какъ съ „Отважнаго“ замѣтили быстро приближавшійся пароходъ съ моря. Несмотря на учащенную пальбу съ судовъ обороны, „Гиляка“, „Отважнаго“ и „Гремящаго“, освѣщенный прожекторами съ батарей, онъ подошелъ полнымъ ходомъ ко входу, но вѣроятно задѣлъ за конецъ бона, вслѣдствіе чего сталъ огибать затопленный „Хайларъ“, и миновавъ линію входнаго створа, повернулъ круто влѣво и, наконецъ, остановился у берега Тигроваго полуострова. Тотчасъ же на пароходѣ произошелъ взрывъ,

а на кормѣ загорѣлся красный огонь. Очевидно, это былъ условный сигналъ державшимся въ морѣ брандерамъ-заградителямъ. Съ парохода моментально отвалили двѣ шлюпки, снявшія съ него людей и торопившіяся доставить ихъ на ожидавшіе миноносцы. Но на пароходѣ сигнализація продолжалась, отважный непріятель не покидалъ окончательно брандера, оставаясь на немъ для сигнализаціи.

Въ 2 часа ночи въ свѣтовую преграду вошли полнымъ ходомъ еще два парохода. Одинъ изъ нихъ уперся въ бонъ и затонулъ внѣ фарватера рядомъ съ затопленнымъ пароходомъ „Шилкою", другой, взорвавшійся на минѣ загражденія, пошелъ ко дну около „Хайлара".

Въ 2 ч. 40 м. подошелъ третій отрядъ заградителей, состоявшій уже изъ трехъ пароходовъ. Передній взорвался близко къ входному створу и моментально затонулъ, второй обогнулъ „Хайларъ" и направился за корму перваго по счету брандера, продолжавшаго безостановочно дѣлать сигналы, и затонулъ за нимъ. Наконецъ, третій (или шестой по общему счету заградителей), подойдя къ ограждавшему входъ затопленному „Эдуарду Бари", былъ прижатъ вѣтромъ и волненіемъ къ нему и легъ на дно рядомъ съ нимъ, успѣвъ выпустить три свѣтящіяся ракеты, какъ условный сигналъ по отважному предпріятію. Въ 3 ч. 10 м. приблизилась новая пара заградителей. Передній взорвался на минѣ загражденія и утонулъ рядомъ съ четвертымъ, а второй подошелъ близко къ Электрическому утесу и выбросился полнымъ ходомъ на камни у его подножія. При отраженіи этой пары заградителей выстрѣлами съ батареи № 9 былъ утопленъ японскій миноносецъ.

Намѣстникъ, какъ сказано выше, прибылъ на „Отважный" въ 1¹/₂ ч. и руководилъ отраженіемъ брандеровъ до конца. Опасность была слишкомъ велика и очевидна, но, благодаря энергіи защитниковъ, фарватеръ остался свободенъ для выхода нашего флота. Съ Крестовой горы видѣли, какъ приближавшійся десятый брандеръ, попавшій въ свѣтовою преграду, быстро повернулъ обратно и скрылся въ ночной темнотѣ. Замѣчено было, что въ этотъ разъ каждый брандеръ имѣлъ по лѣвому своему борту, противоположному батареямъ, миноносецъ. Очевидно, миноносцы были прикомандированы къ брандерамъ для спасанія и отвоза экипажей ихъ. Первоначальное же появленіе ихъ было несомнѣнно только маневромъ, хитрою уловкою вызвать изъ гавани наши миноносцы. Въ послѣднемъ случаѣ какъ охранныя суда, такъ и береговыя батареи были бы лишены возможности стрѣлять въ брандера, не рискуя утопить вмѣстѣ съ ними и свои миноносцы. Если бы это случилось, фарватеръ навѣрное былъ бы загражденъ и флотъ нашъ запертъ, окончательно, еще въ ночь на 20 апрѣля.

Записная книжка одного изъ японскихъ офицеровъ съ брандера была найдена утромъ и переведена на русскій языкъ. Изъ нея было видно, что отрядъ заградителей состоялъ изъ цѣлой дюжины пароходовъ. По показанію офицеровъ съ батарей Электрической, Крестовой и Золотой, ихъ выстрѣлами два парохода были утоплены на большой глубинѣ, далеко отъ входа въ Портъ-Артуръ. Размѣръ брандеровъ былъ отъ двухъ до трехъ тысячъ тоннъ водоизмѣщенія. Еще одно замѣчаніе, не лишенное интереса и доказывавшее прекрасно организованную японцами систему шпіонства. Японскіе миноносцы въ эту ночь пришли съ трубами, окрашенными бѣлилами, цвѣтомъ, въ который 18-го апрѣля, за день передъ атакою, были окрашены трубы нашихъ миноносцевъ. Очевидно, японцы знали это распоряженіе и воспользовались имъ для внесенія большихъ недоразумѣній защитниковъ Портъ-Артура.

Въ 4 ч. 30 минутъ, японскіе миноносцы появились снова на сцену. Они пытались спасти и снять раненыхъ и оставшихся на пароходахъ людей, производившихъ сигнализацію и не успѣвшихъ сойти на шлюпки. Но огнемъ съ батарей и охранныхъ судовъ японскіе миноносцы были принуждены удалиться къ эскадрѣ крейсеровъ, всю ночь державшихся вдали и по временамъ обстрѣливавшихъ крѣпость. Съ разсвѣтомъ японскій флотъ скрылся за горизонтъ, а наша эскадра принялась за спасеніе оставшихся японцевъ на затонувшихъ брандерахъ и за подробный ихъ осмотръ. Свѣжій юго-восточный вѣтеръ развелъ большое волненіе, препятствовавшее нашимъ шлюпкамъ приближаться къ брандерамъ, на мачтахъ, трубахъ и полузатопленныхъ палубахъ которыхъ держались японцы. Однако удалось спасти 30 человѣкъ нижнихъ чиновъ и въ числѣ ихъ двухъ смертельно раненыхъ офицеровъ. Спасенные японскіе матросы еще продолжали враждовать противъ своихъ спасителей, пуская въ ходъ оставшееся оружіе, ножи, кулаки и даже зубы.

У насъ потерь не было, несмотря на то, что съ брандеровъ и японскихъ миноносцевъ сыпался градъ изъ поставленныхъ на нихъ пулеметовъ. По подсчету оказалось, что съ охранныхъ судовъ „Гиляка", „Гремящаго", „Отважнаго" и съ береговыхъ батарей въ эту ночь было выпущено 2.972 снаряда. Какъ только японскій флотъ удалился, намѣстникъ посѣтилъ „Гилякъ" и „Гремящій", роздалъ знаки отличія нижнимъ чинамъ трехъ охранныхъ судовъ и затѣмъ убѣдился на мѣстѣ, что усилія и жертвы японцевъ остались безъ результата. Фарватеръ былъ чистъ и выходъ свободенъ для нашего флота.

III.

Исправленіе поврежденій на броненосцахъ и приведеніе въ порядокъ крейсеровъ, миноносцевъ и ихъ механизмовъ и котловъ шло бойко и энергично въ ожиданіи скораго прибытія изъ Петербурга новаго командующаго флотомъ. Еще не была потеряна полная увѣренность, что въ удобный моментъ, исправленная и умудренная большимъ опытомъ эскадра выйдетъ изъ гавани и отплатитъ врагу за все предыдущее. Но командующій не пріѣхалъ, и въ морѣ, по свѣдѣніямъ, доходившимъ отовсюду, появились транспорты съ дессантомъ. 22 апрѣля, намѣстникъ, по Высочайшему повелѣнію, выѣхалъ изъ Портъ-Артура со своимъ штабомъ въ Мукденъ, передавъ командованіе эскадрою старшему к.-а. Витгефту временно, до прибытія новаго командующаго изъ Петербурга, назначеннаго 1 апрѣля. Инструкція намѣстника гласила слѣдующее:

1) Впредь до исправленія всѣхъ большихъ судовъ, активныхъ дѣйствій не предпринимать, но ограничиваться производствомъ рекогносцировокъ крейсерами и отрядами миноносцевъ для атаки непріятельскихъ судовъ. При этомъ совмѣстную посылку миноносцевъ съ крейсерами допускать въ томъ случаѣ, если непріятель будетъ высаживаться на побережьѣ Квантуна.

2) Принять всѣ мѣры къ обезпеченію судамъ свободнаго и безопаснаго выхода въ море.

3) Продолжать съ особою заботливостью и быстротою исправленіе всѣхъ поврежденныхъ броненосцевъ и прочихъ судовъ.

4) Оказывать всякое содѣйствіе начальнику Квантунскаго укрѣпленнаго раіона и коменданту крѣпости и согласовать взаимныя дѣйствія.

Далѣе инструкція регулировала взаимныя служебныя отношенія всѣхъ, находившихся въ Портъ-Артурѣ морскихъ начальниковъ и опредѣляла довольно подробно ихъ обязанности. Приказомъ намѣстника отъ того же 22 апрѣля командиру порта, к.-а. Григоровичу впредь до прибытія командующаго флотомъ предоставлялись права главнаго командира [1]).

Военныя событія шли быстро. 23 апрѣля уже опредѣлилось мѣсто высадки японцевъ къ сѣверо-западу отъ о-ва Элліотъ въ Бицзиво, тамъ, гдѣ, въ 1894 г., во время войны съ Китаемъ, японцы высадили мортирный паркъ [2]).

Итакъ, непріятель, пользуясь временемъ, пока исправлялись наши броненосцы, высаживался на материкъ. Казалось бы, первый

---

[1]) 1 и 2 прим. къ ст. 151 Книги 1 Свода Мор. Пост.

[2]) Японско-Китайская война 1894—95 гг. Шт.-Кап. Симанскій, стр. 123.

пунктъ оставленной инструкціи, приведенный удачно въ исполненіе, могъ надѣлать много хлопотъ японцамъ. Въ виду такого соображенія намѣстникъ того же 23 апрѣля телеграфировалъ Витгефту *о своевременности и особо важномъ значеніи въ интересахъ обороны крѣпости минныхъ атакъ непріятельскихъ транспортовъ, сосредоточенныхъ въ сферѣ дѣйствія нашихъ миноносцевъ.* Но Витгефтъ былъ не только главный начальникъ въ это критическое время Портъ-Артурскаго флота, но и носитель и выразитель его мыслей, воли и понятій. Безукоризненно честный, неутомимый и трудолюбивый подчиненный, онъ не находилъ въ себѣ достаточно самоувѣренности, чтобы дѣйствовать самостоятельно, принимая на себя всю тяжесть отвѣтственности за всѣ послѣдствія распоряженій. Война рождаетъ героевъ и полководцевъ. Но морской войны Россія не имѣла со временъ Сенявина и Ушакова. Поэтому нельзя ставить въ вину покойному адмиралу, отдавшему жизнь за родину, что онъ поступалъ согласно мнѣнія морской среды, въ которой выросъ, воспитался, и не сдѣлалъ того, что намъ теперь кажется надобно было сдѣлать.

Моментъ, съ котораго началось командованіе эскадрою к.-а. Витгефтомъ, былъ исходнымъ моментомъ этой эскадры на ея безповоротномъ пути къ той неизбѣжной и безплодной для Россіи гибели, предотвратить которую было возможно лишь быстрою смѣною начальника. Къ несчастію, сообщеніе было прервано 24 апрѣля, и письма, наставленія и самыя категорическія приказанія намѣстника дальше формальнаго исполненія послѣднихъ, безъ вѣры въ ихъ цѣлесообразность и практическую исполнимость, не могли измѣнить грядущихъ событій.

Между Витгефтомъ, командовавшимъ эскадрою и выражавшимъ ея коллективную волю, и намѣстникомъ возникла рознь самая коренная. Послѣдній предвидѣлъ совершенно ясно всю опасность для эскадры, запертой въ заблокированной съ моря крѣпости, осажденной въ то же время съ материка. Предвидѣніе это вѣроятно основывалось какъ на близкомъ знакомствѣ со взглядами и характеромъ командующаго арміею, ген. Куропаткина, такъ и на историческихъ прецедентахъ.

Для поясненія вышеуказаннаго, я долженъ напомнить читателю, что генералъ Куропаткинъ 7-го февраля былъ назначенъ *самостоятельнымъ и отвѣтственнымъ* командующимъ Маньчжурскою дѣйствующею арміею и еще изъ Петербурга, въ качествѣ сначала военнаго министра, и затѣмъ командующаго, началъ распоряжаться движеніями войскъ.

Будущій военный историкъ русско-японской войны, передъ ко-

торымъ откроются всѣ архивы, произнесетъ свой безпристрастный приговоръ по поводу цѣлесообразности этихъ его распоряженій. Я же, какъ свидѣтель событій, могу утверждать лишь то, что общій планъ предстоявшей кампаніи генералъ не таилъ ни передъ кѣмъ, а наша печать слишкомъ торопливо ознакомила весь свѣтъ съ его планомъ. Терпѣніе требовалось отъ русскихъ людей. Необходимость терпѣнія объяснялась командующимъ арміею дальностію разстоянія и понималась именно такъ. Терпѣнія требовалъ и весь планъ сосредоточенія на театрѣ войны громадной русской арміи. Вслѣдъ за сосредоточеніемъ обѣщаны были полный разгромъ высадившагося и упоеннаго первыми успѣхами непріятельскаго дессанта, безпощадное преслѣдованіе его на пути отступленія къ морю, походъ въ Японію и заключеніе міра въ Токіо. Отступленіе русской арміи на сѣверъ для сосредоточенія и бѣгство японской — вотъ ходъ войны.

— „До свиданія, адмиралъ“—были послѣднія слова, обращенныя къ Рожественскому на вокзалѣ Николаевской ж. д. А. Н. Куропаткинымъ [1]), отправлявшимся командовать арміею.

Приказы всегда останутся только приказами, требующими объясненій и толкованій. Приказы конечно имѣютъ и силу и ими можно оправдываться. Такъ, на основаніи приказа можно утверждать, что ген. Куропаткинъ былъ главнокомандующимъ лишь 4½ мѣсяца и 8½ м. состоялъ въ подчиненіи у намѣстника, пользовавшагося правами главнокомандующаго и стѣснявшаго, или парализовавшаго дѣятельность командующаго. Но въ силу также самаго категорическаго приказа, ген. Куропаткинъ могъ дѣйствовать совершенно самостоятельно и вполнѣ отвѣтственно лишь передъ Верховною властью и передъ родиною, и намѣстникъ не могъ не соображаться съ особымъ положеніемъ генерала, почти фиктивно ему подчиненнаго, бывшаго шесть лѣтъ военнымъ министромъ передъ этимъ и не далѣе полугода до войны присутствовавшаго на военныхъ маневрахъ въ Японіи. Не могъ намѣстникъ не знать, если не во всѣхъ деталяхъ, то въ общихъ чертахъ плана кампаніи генерала Куропаткина и, быть можетъ, не соглашаясь съ его планомъ, не принять всѣ мѣры для спасенія флота, искавшаго убѣжища въ Портъ-Артурѣ.

Намѣстникъ, какъ явствуетъ изъ его распоряженій, надѣялся на счастливый исходъ войны только при самомъ живомъ участіи флота и для сохраненія его считалъ необходимымъ во что бы то ни стало прорваться эскадрѣ во Владивостокъ. Витгефтъ съ эскадрою

---

[1]) „Новое Время“, мартъ 1904 г.

или, правильнѣе сказать, съ ея командующимъ персоналомъ были убѣждены въ томъ, что съ помощію и при всестороннемъ участіи моряковъ Портъ-Артуръ будетъ отражать съ успѣхомъ всѣ атаки непріятеля съ моря и съ суши и выдержитъ осаду до того обѣщаннаго срока, когда генералъ Куропаткинъ явится со своею арміею на выручку морской базы и изъ нея поплыветъ въ Токіо заключать миръ.

Намѣстникъ, только отчетливо сознавая всю чрезвычайную важность флота въ эту войну, лично, на лодкѣ „Отважный" подъ выстрѣлами непріятельскихъ судовъ, руководилъ отраженіемъ брандеровъ, въ ночь на 20 апрѣля пытавшихся закупорить выходъ и обезвредить этотъ флотъ.

Напротивъ, командующій персоналъ эскадры, флагмана и командиры, за очень незначительнымъ исключеніемъ, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго хода дѣла, наибольшее значеніе придавали не флоту, а крѣпости, какъ бы забывая, что между Портъ-Артуромъ и Токіо путь лежитъ по морю. По полученіи выше цитированной телеграммы, к.-а. Витгефтъ собралъ совѣщаніе изъ флагмановъ и капитановъ, которое, принявъ въ соображеніе:

1) Затруднительность выхода въ ночное время изъ гавани между затопленными судами на рейдѣ и отдаленность пункта высадки, не дозволяющія миноносцамъ послѣ [атаки возвратиться] до разсвѣта домой;

2) Недостаточную обслѣдованность тралами забрасываемаго минами рейда и опасность для крейсеровъ, прикрывающихъ миноносцы, слѣдованія по рейду;

3) Присутствіе, охранявшихъ высадку, непріятельскихъ крейсеровъ съ двадцатью миноносцами,—совѣщаніе постановило: ***миноносцевъ къ Бидзиво не высылать, а атаковать дессантъ, только въ случаѣ высадки его на восточномъ побережьѣ Квантунскаго полуострова южнѣе Кинчжоуской позиціи***, т. е. по сосѣдству съ Портъ-Артуромъ.

Морская литература западно-европейскихъ державъ минувшую войну Россіи съ Японіею называетъ „войною за господство на морѣ". Намѣстникъ, какъ мы видѣли выше, главнѣйшею задачею эскадры считалъ обезпеченіе судамъ ея свободнаго выхода въ море. На эскадрѣ же господствовало убѣжденіе, что вся цѣль ея существованія и вся ея задача исчерпываются защитою Портъ-Артура не въ морѣ, на пути дессантныхъ корпусовъ, а на сушѣ.

Для того, чтобы исполнить задачу и достигнуть такой цѣли, к.-а. Витгефтъ собралъ новое совѣщаніе 24 апрѣля на броненосцѣ „Севастополь" уже подъ предсѣдательствомъ начальника укрѣпленнаго

раіона г.-л. Стесселя. Въ совѣщаніи приняли участіе генералы, командовавшіе отдѣльными частями, и дебатировались вопросы о совмѣстномъ дѣйствіи эскадры и гарнизона и о свозѣ съ судовъ орудій для вооруженія батарей на сухопутномъ фронтѣ[1]).

И надобно отдать полную справедливость к.-а. Витгефту и всѣмъ его помощникамъ въ Портъ-Артурѣ, не встрѣчавшимъ никакихъ препятствій и затрудненій въ общемъ великомъ дѣлѣ защиты крѣпости въ ту минуту, когда ей грозила неминуемая опасность съ сѣвера, со стороны высадившагося дессанта. Безъ этой помощи флота какъ матеріальными средствами обороны, такъ и духовными: знаніями, опытностію, неутомимостію въ исполненіи намѣченной цѣли офицеровъ эскадры, крѣпость была бы сравнительно легкою добычею непріятеля. Но энергичное участіе флота въ первое время критическаго положенія Портъ-Артура не предрѣшало вопроса о судьбѣ эскадры, о главнѣйшей его задачѣ—биться на морѣ съ японскимъ флотомъ и если не уничтожить его, то ослабить настолько, чтобы облегчить окончаніе войны для эскадры Рожественскаго.

Морскіе чины съ эскадры устроили 12 электрическихъ станцій на берегу для прожекторовъ, снятыхъ съ судовъ. Батареи съ морскими орудіями командовались и обслуживались судовыми офицерами и прислугою.

Вооружая сухопутныя батареи и развооружая корабли, Витгефтъ 1 мая послалъ транспортъ „Амуръ" въ море съ порученіемъ поставить на пути почти ежедневнаго крейсерства японскихъ броненосцевъ въ виду Портъ-Артура 50 минъ загражденія. Разсчетъ былъ вѣренъ, путь крейсерства нанесенъ былъ на карту точно. „Амуръ" передъ этимъ выходилъ слишкомъ часто, и японскіе шпіоны, несомнѣнно присутствовавшіе и обо всемъ увѣдомлявшіе японцевъ, не обратили особаго вниманія на выходъ „Амура" и 1 мая. Воспользовавшись мглою, скрывавшею его отъ наблюденія непріятельскихъ крейсеровъ, транспортъ исполнилъ порученіе, поставивъ мины восточнѣе входнаго створа въ разстояніи 10—11¾ мили отъ Портъ-Артура, 2-го мая въ 8 час. утра съ юга показались броненосцы „Хатсусе", „Шикишима" и „Яшимо", шедшіе въ кильватерной колоннѣ. Отрядъ сопровождали крейсеръ типа „Читозе" и посыльное судно „Татсута".

---

[1]) По постановленію этого совѣщанія, энергично приведенному въ исполненіе, съ судовъ эскадры было снято и установлено на береговыхъ батареяхъ между бухтою Тахэ и Суворовскимъ полемъ 10 орудій 6 дюймовыхъ, 2—120 м. м., 12—75 м. м., 10—37 м. м. и два пулемета. Между Тигровымъ полуостровомъ и Суворовскимъ полемъ поставлено 4—6 д., 1—120 м. м., 26—75 м. м., 22—47 м. м., 34—37 м. м., на Ляотешанѣ 6—6 д. и 4—120 м. м.

Первый галсъ японскій отрядъ прошелъ въ 12 миляхъ отъ берега и въ 9 часовъ повернулъ обратно. Въ 10 ч. 10 м. по сигналу съ „Хатсусе" отрядъ сталъ перестраиваться въ строй фронта. Въ этотъ моментъ подъ носомъ „Яшимо" произошелъ взрывъ. Броненосецъ сильно накренился, къ нему подошли крейсера и шлюпки. Но, вѣроятно, на „Яшимо" удалось своевременно наполнить водою противуположные отсѣки и съ помощію этого выравняться. Теченіемъ, однако, отнесло его въ сторону и когда къ нему сталъ медленно приближаться адмиральскій броненосецъ „Хатсусе", подъ послѣднимъ произошелъ новый взрывъ минъ, поставленныхъ „Амуромъ". Съ Электрическаго утеса видѣли, какъ поднялся высокій столбъ дыма на мѣстѣ взрыва гигантскаго броненосца [1]) и какъ черезъ минуту на поверхности воды отъ него остались только обломки и плавающіе люди. На оставшихся судахъ произошла паника, вызвавшая безпорядочную пальбу изъ всѣхъ орудій въ воду, какъ это было 30 марта и на нашей эскадрѣ послѣ взрыва мины подъ носомъ „Побѣды". Видимо, обѣ воюющія стороны подозрѣвали участіе во взрывахъ невидимаго врага—подводныя лодки.

Въ 12 часовъ „Новикъ" съ 16 миноносцами вышелъ изъ порта для нападенія на непріятельскія суда. Но „Яшимо" открылъ огонь по приближавшимся судамъ, а два японскихъ крейсера бросились навстрѣчу нашимъ миноносцамъ. Атаковать среди бѣлаго дня было бы неблагоразумно, и „Новикъ" съ миноносцами возвратился въ портъ, а японская эскадра повернула въ море и скрылась за горизонтомъ.

Гибель двухъ лучшихъ японскихъ броненосцевъ была хорошею расплатою за „Петропавловскъ" и в.-а.Макарова, и подготовилъ ее трудолюбивый и всегда и во всемъ удивительно терпѣливый и точный покойный Витгефтъ. Но заслуга его прошла какъ-то незамѣтно у насъ и не принесла ему, въ осажденную крѣпость съ далекой родины, словъ сочувствія и благодарности, въ которыхъ такъ нуждался временно командовавшій флотомъ, которыя подняли бы въ немъ духъ предпріимчивости, быть можетъ, подтолкнули бы на что-нибудь рѣшительное и даже безумно-отчаянное. Намѣстникъ просилъ о производствѣ Витгефта въ вице-адмиралы, вѣроятно находя необходимымъ и полезнымъ ободрить его и поощрить проявленную иниціативу. Но встрѣтились препятствія въ Петербургѣ, повышеніе младшаго въ чинѣ считались неудобнымъ въ отношеніи

---

[1]) „Хатсусе"—эскадренный броненосецъ 15.000 тоннъ водоизмѣщенія, построенъ въ Англіи въ 1899 г. Одинъ изъ лучшихъ и сильнѣйшихъ въ эскадрѣ ад. Того.

его старшихъ сослуживцевъ, и Витгефтъ произведенъ не былъ. Какое могли имѣть значеніе военныя заслуги передъ положеніемъ о цензѣ!

Въ этотъ день, вообще, несчастіе преслѣдовало японцевъ. Ихъ крейсеръ „Іошино" столкнулся съ „Кассугою" и пошелъ ко дну, другой крейсеръ наткнулся на мину въ бухтѣ Керръ и затонулъ. Ушедшій „Яшимо" [1]), какъ узнали впослѣдствіи, не достигъ Сасебо. Задувшій въ ночь свѣжій юго-западный вѣтеръ развелъ громадное волненіе, погубившее этотъ броненосецъ окончательно. Но японцы сумѣли скрыть эту потерю такъ ловко ото всѣхъ, что мы еще въ декабрѣ не были твердо увѣрены въ гибели „Яшимо" [2]). Утрата двухъ броненосцевъ, почти одной трети всего количества (по водоизмѣщенію) этого главнѣйшаго рода судовъ могла угнетающимъ образомъ подѣйствовать на предпріимчивыхъ враговъ и, напротивъ, поднять духъ нашихъ моряковъ. Къ несчастію, исправленія на броненосцахъ не были окончены. Въ отвѣтъ на поздравленія намѣстника съ успѣшнымъ миннымъ загражденіемъ, лишившимъ японцевъ двухъ эскадренныхъ кораблей и на необходимость активнаго участія флота въ войнѣ на морѣ, Витгефтъ 13-го мая отвѣчалъ: „Къ сожалѣнію, пока не будетъ очищенъ вполнѣ безопасный проходъ судамъ отъ наброшенныхъ японцами минъ, немыслимо что-либо предпринять большими судами. Миноносцы получилъ неисправными къ походамъ, исправныхъ не болѣе пяти каждаго отряда. Привожу остальные въ порядокъ. Японцы замѣнили брандеры минами съ коммерческихъ судовъ".

Японскій флотъ сталъ осторожнѣе послѣ катастрофы 3 мая, съ моря уже не бомбардировалъ портъ, что облегчало исправленіе нашихъ судовъ. Зато генералъ Ноги дѣйствовалъ энергично. 15 мая Витгефтъ доносилъ намѣстнику: „военные сдали послѣ дневнаго боя Кинчжоусскую позицію, которую обстрѣливали четыре японскіе канонерки изъ Кинчжоусской бухты. Въ Таліенванѣ блестяще обстрѣливалъ японцевъ „Бобръ" (командиръ кап. 2 р. Шельтинга), прошедшій туда ночью подъ конвоемъ миноносцевъ „Бурнаго" и „Бойкаго" и трехъ катеровъ. Одно орудіе Канэ (изъ числа двухъ сданныхъ съ эскадры) осталось въ Кинчжоу неустановленнымъ. Я не зналъ, что тамъ не было орудій противъ японскихъ лодокъ. Вообще позиція оказалась плохо подготовленною".

Въ Кинчжоусскую бухту пришли 13 мая два японскихъ крей-

---

[1]) Эскадренный броненосецъ „Яшимо" построенъ въ Англіи, имѣлъ 12.517 тоннъ водоизмѣщенія.

[2]) Кладо въ своихъ статьяхъ въ „Нов. Вр.". Послѣ ухода 2-й эскадры", въ ноябрѣ и декабрѣ „Яшимо" считалъ на-лицо.

сера, двѣ кононерки и шесть миноносцевъ. Съ помощью ихъ артиллерійскаго огня нашъ лѣвый флангъ былъ обойденъ и Кинчжоу очищенъ нашими войсками. Въ пространномъ рапортѣ о Кинчжоусскомъ дѣлѣ Витгефтъ доносилъ намѣстнику слѣдующее: „Я не считаю себя въ правѣ входить въ оцѣнку дѣйствій командующаго сухопутными силами, тѣмъ не менѣе не ожидалъ столь быстраго оставленія ими Кинчжоусской позиціи, которую считалъ сильно вооруженною".

Выше я уже сказалъ, что намѣстникъ думалъ иначе о Кинчжоу. Имѣлись ли пушки для этой позиціи на мѣстѣ? Я имѣлъ случай видѣть въ іюнѣ и складъ трофеевъ, вывезенныхъ изъ Китая послѣ возстанія 1900 года и хранившихся въ Портъ-Артурѣ. Еслибы военный министръ, бывшій тамъ и, вѣроятно, осматривавшій этотъ складъ, раздѣлялъ мнѣніе намѣстника, Кинчжоусская позиція была бы къ началу войны обращена въ недоступную твердыню, или во всякомъ случаѣ потребовала бы неимовѣрныхъ усилій со стороны генер. Ноги. Но генералъ Куропаткинъ имѣлъ свой взглядъ на защиту Портъ-Артура и, возвращаясь изъ Японіи послѣ маневровъ тамъ, въ его присутствіи, мнѣнію намѣстника вѣроятно не придавалъ серьезнаго значенія. Въ несчастный день 13 мая другой морякъ, молодой кап. 2 р. Шельтинга съ лодкою „Бобръ" и миноносцами доказалъ самымъ нагляднымъ образомъ значеніе артиллеріи при защитѣ Кинчжоу. Но никакое геройство Шельтинга не могло бороться съ предубѣжденіями относительно Кинчжоу и даже изъ двухъ 6-дюймовыхъ пушекъ, посланныхъ туда Витгефтомъ въ послѣднюю минуту, установлена была лишь одна, а другая была брошена и досталась японцамъ.

Какими бы соображеніями ни руководствовались всѣ вышеназванные генералы, потеря Кинчжоусской позиціи, а съ нею и тѣсная блокада съ сѣвера Портъ-Артура дѣлали его опаснымъ для эскадры. Это было очевидно для намѣстника, телеграфировавшаго 14 мая (№ 1753) Витгефту: „воздержитесь отъ дальнѣйшей передачи пушекъ на берегъ въ виду скорой готовности судовъ". Надобно замѣтить, что ранѣе, въ апрѣлѣ, предполагалось крейсеры „Баянъ" и „Аскольдъ" отправить во Владивостокъ при первой возможности. Витгефтъ медлилъ исполнить это предположеніе и тою же телеграммою намѣстника отъ 14 мая оно окончательно отмѣнялось, дабы не ослаблять силъ всей эскадры. Но рознь въ самыхъ существенныхъ понятіяхъ о значеніи и главнѣйшей задачѣ флота между намѣстникомъ, уже лишеннымъ возможности непосредственно вліять и направлять эскадру, и командующимъ персоналомъ ея въ этотъ критическій моментъ войны достигла своего апогея.

Предсмертная агонія Портъ-Артурской эскадры началась 14 мая, хотя, повидимому, существовало много условій избѣжать гибели и выдти съ честью изъ затруднительнаго положенія, и если не одержать полной побѣды, то подготовить ее своимъ товарищамъ по оружію.

А. Бѣломоръ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

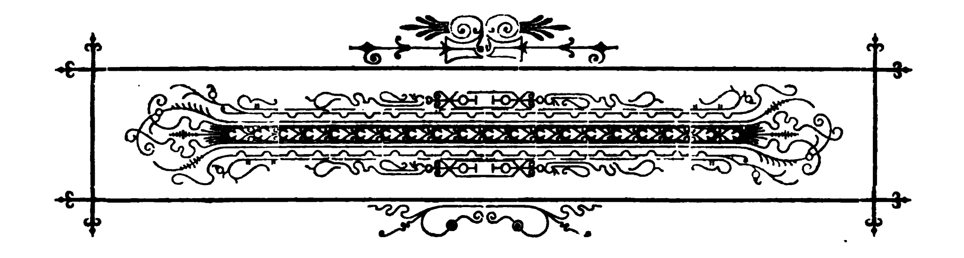
Атака брандеровъ 19го-20 Апреля 1904 года.

Условные знаки:

Пароходы затопленные нами
Брандеры затопленные 11 февр. и 14 Марта
Брандеры затопленные 20 Апреля

0 5 10 Кабельт.

Съ карты №1236 английск. изданія.

Изъ деревни.

Изъ судебно-административной практики.

Осенью 1890 года вошелъ въ мою камеру юноша-крестьянинъ. Это былъ жалкій заплаканный, ослабѣвшій духомъ человѣкъ богатырскаго тѣлосложенія.

Перекрестившись нѣсколько разъ передъ иконой, онъ опустился на колѣни, сталъ кланяться мнѣ въ ноги и просить о помощи.

Я потребовалъ, чтобы онъ поднялся на ноги и разсказалъ обстоятельно въ чемъ дѣло.

Узналъ я слѣдующее. Зовутъ его Алексѣй Иванычъ Конякинъ. Онъ восемнадцатилѣтній безграмотный крестьянинъ дальней губерніи. Живетъ онъ, вотъ уже три мѣсяца, въ имѣніи купца Шатунова. Съ недѣлю тому назадъ онъ получилъ отъ хозяина 26 рублей заработанныхъ денегъ и попросилъ товарища, крестьянина смежнаго съ нашимъ уѣзда, Дмитрія Черепкина, написать матери письмо и сходить съ нимъ на почту, для отсылки въ этомъ письмѣ двадцати пяти рублей. Черепкинъ согласился исполнить все это за полтинникъ.

Послѣ написанія письма, пошли вмѣстѣ въ село Двинское; но тамъ почты не оказалось. Пошли дальше, въ имѣніе предводителя, село Мемирово. Въ усадьбѣ предводителя, тѣсное почтовое отдѣленіе оказалось переполненнымъ народомъ. Черепкинъ протолкался, сдалъ письмо и деньги и, вручивъ Конякину почтовую расписку и пятнадцать копѣекъ сдачи съ рубля, скасалъ: За пересылку письма и денегъ 35 коп., мнѣ 50 коп., тебѣ пятіалтынный.

На обратномъ пути Черепкинъ остался въ селѣ Двинскомъ, въ трактирѣ Жиркина. Возвратясь въ имѣніе Шатунова, Конякинъ

узналъ на другой день, что Черепкинъ получилъ разсчетъ и уже не возвратится. Вчера утромъ онъ, Конякинъ, показалъ почтовую расписку въ конторѣ Шатунова;—тамъ ему сказали, что деньги посланы женѣ Черепкина. Перепуганный юноша побѣжалъ на почту въ Мемирово; но тамъ ему сказали, что деньги уже отосланы, что почта отошла вчера.

Я обѣщалъ несчастному юношѣ сдѣлать все отъ меня зависящее, чтобы деньги были ему возвращены, и добавилъ:

— Буду требовать, чтобы Дмитрія разъискали и привели ко мнѣ по этапу, если онъ не возвратитъ твоихъ денегъ. Я сначала напишу ему письмо, что, вмѣсто трехъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, назначу ему двѣ недѣли ареста, если пришлетъ ко мнѣ по почтѣ твои деньги, или доставитъ лично, хотя бы по частямъ.

— Будьте милостивы, батюшка, Господинъ Земскій! — воскликнулъ Алексѣй и, поклонившись мнѣ въ ноги, ушелъ.

Прежде всего меня возмутило, до глубины души, отсутствіе почтоваго отдѣленія въ селѣ Двинскомъ. Уже съ 1870-го года мнѣ было извѣстно, что въ Двинскомъ пять тысячъ народа работаютъ на фабрикахъ милліонера Янчикова, и что въ Двинскомъ пять заведеній съ продажей вина. Въ 1890-мъ году тамъ было уже шесть мѣстъ продажи питей и, по случаю возникновенія дѣла Конякина, обнаружилось, что почтоваго учрежденія тамъ нѣтъ, и слѣдовательно, фабрикантъ Янчиковъ, не живущій въ Двинскомъ и, лично для себя, не нуждающійся въ почтово-телеграфномъ отдѣленіи, не заботится объ открытіи почты для работающихъ на его фабрикахъ людей.

О необходимости безотлагательнаго открытія въ селѣ Двинскомъ почтово-телеграфнаго отдѣленія было заявлено начальнику почтово-телеграфнаго округа, и отдѣленіе было открыто, но не по иниціатовѣ Янчикова и не по его просьбѣ.

А дѣло по обвиненію Черепкина въ присвоеніи денегъ Конякина производилось обычнымъ порядкомъ.

Дознаніемъ, произведеннымъ полиціей, было выяснено, что Черепкинъ, послѣ отсылки Конякинскихъ денегъ своей женѣ, пьянствовалъ сутки въ Двинскомъ трактирѣ Жиркина, потерялъ тамъ свой паспортъ и выбылъ не извѣстно куда.

Получивъ паспортъ Черепкина и полагая, что онъ, по случаю утери его, не рискнетъ идти на сторонніе заработки и возвратится домой, я написалъ ему и послалъ по почтѣ письмо, которымъ извѣстилъ, что если онъ не возвратитъ немедленно растраченныхъ денегъ въ мою камеру, лично, или по почтѣ, чрезъ Мемировское почтовое отдѣленіе, будетъ сидѣть въ тюрьмѣ, а деньги все-таки буду

съ него взыскивать. Письмо оканчивалось такъ: „Для тебя выгоднѣе возвратить 25 р. 85 коп. и отсидѣть недѣли двѣ подъ арестомъ, чѣмъ лишиться заработка въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которые ты будешь сидѣть въ тюрьмѣ, по моему приговору. Но и послѣ засадки, деньги будутъ съ тебя взысканы“.

Не получивъ денегъ и отвѣта на мое письмо, я началъ канцелярскую переписку по вызову Черепкина въ мою камеру, этапнымъ порядкомъ. Переписка по этому предмету съ властями продолжалась цѣлый годъ и не дала результатовъ.

А Конякинъ продолжалъ работать въ имѣніи Шатунова и иногда навѣдывался ко мнѣ.

Я уже подумалъ сунуть дѣло въ архивъ, за нерозыскомъ Черепкина; но вотъ, въ мартѣ 1892 года, въ Мемировскомъ волостномъ правленіи, мнѣ подали полицейскую разносную книжку; въ ней оказался конвертъ съ надписью на немъ: „арестанское съ личностью Дмитрія Черепкина“.

— Наконецъ-то!—невольно воскликнулъ я и сказалъ, чтобы позвали арестанта.

Внѣшній видъ этого несчастнаго человѣка былъ по истинѣ ужасенъ: блѣдное исхудалое лицо съ темными пятнами вокругъ ввалившихся глазъ. Одѣтъ въ грязное лохмотье. Обутъ въ промокшія портянки и полуразвалившіеся лапти.

Уже во время выборной судейской службы я зналъ, что такой ужасный видъ приводимыхъ по этапу объясняется голодомъ, которому они подвергаются въ пути, и что прежде всего надо накормить подсудимаго.

Возвратившись къ моему рабочему столу, послѣ утоленія голода, Черепкинъ упалъ на колѣни, кланялся мнѣ въ ноги и вопилъ сквозь слезы:

— Виноватъ, ваше вскородіе; простите Христа ради; по пьяному дѣлу случилось.

— Получилъ ты мое письмо?

— Какое письмо? Не получалъ я отъ вашей милости письма.

— Значитъ, письмо пропало. Я писалъ тебѣ, что если пришлешь немедленно въ мою камеру Конякинскіе 25 р. 85 коп., я назначу тебѣ засидку на двѣ недѣли въ земскомъ домѣ для арестуемыхъ; а если не пришлешь, будешь сидѣть въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ; а деньги все-таки взыщу съ тебя.

— Деньги я возвращу безпремѣнно; повремените маленько.

— Дай подписку, что деньги возвратишь сполна въ трехмѣсячный срокъ.

— Извольте, ваше вскородіе.

— Но если ты обманешь меня...

*

— Да помилуйте! Вѣдь я знаю, что отъ васъ не уйдешь.

— Разскажи гдѣ ты находился и что дѣлалъ все это время.

— Я вашей милости все разскажу, какъ передъ Богомъ. Потерямши паспортъ, я первымъ дѣломъ подалъ, у себя на родинѣ, явку о его утерѣ. Сталъ это я потомъ просить писаря, въ нашей волостной, чтобы далъ старшинѣ подписать новый годовой паспортъ; а писарь говоритъ, этого, говоритъ, нельзя сдѣлать, потому какъ отъ вашей милости уже пришла въ волостную бумага, что паспортъ мой у васъ и чтобы новаго мнѣ не выдавать. Но я все-таки выпросилъ новый паспортъ и ушелъ на заработки; за мою благодарность дали мнѣ годовой паспортъ. Паспорту еще не истекъ срокъ, когда померла моя жена; я возвратился домой; дѣти малыя; безъ бабы никакъ нельзя; ну я, значитъ, женился на другой и опять хотѣлъ идти на заработки; но отъ вашей милости еще бумага пришла, чтобы меня доставить сюда по этапу; ну меня, значитъ, и заарестовали. Больше ничего не могу сказать вашей милости.

Черепкинъ подписалъ обязательство, принялъ отъ меня конвертъ въ его волостное правленіе, съ его старымъ паспортомъ и съ увѣдомленіемъ о неимѣніи препятствій къ выдачѣ ему новаго паспорта, поклонился мнѣ въ ноги и вышелъ.

Въ концѣ великаго поста 1892 года я видѣлся съ Конякинымъ въ послѣдній разъ. Онъ сказалъ, что идетъ домой, что въ наши мѣста не возвратится, а послѣ Пасхи хочетъ попытать счастье на земляныхъ работахъ какой-то дальней строящейся желѣзной дороги.

— Дмитрія приводили ко мнѣ—успокоивалъ я Алексѣя.—Онъ далъ мнѣ подписку, что возвратитъ твои деньги въ мою камеру не позднѣе іюня.

— Не отдастъ; не такой это человѣкъ.

— А если отдастъ, куда ихъ отослать?

— Пошлите нашему волостному старшинѣ, въ волостное правленіе, для выдачи моей матушкѣ Марьѣ Васильевнѣ.

Я записалъ адресъ, пожелалъ Алексѣю успѣха на дальнихъ заработкахъ и разстался съ нимъ.

Прошли условленные три мѣсяца. Не получивъ отъ Дмитрія ни денегъ, ни письма, я продѣлалъ вторично всю канцелярскую работу по вызову его въ мою камеру.

Весной 1894 года, вечеромъ, я сидѣлъ въ своей камерѣ, сумерничалъ и думалъ.

— Неужели дѣло Алексѣя Конякина проиграно? Не попросить ли частнымъ письмомъ исправника, или предводителя Черкинскаго уѣзда о его отправленіи ко мнѣ по этапу?

Къ тамошнему земскому начальнику я уже обращался, и оффиціально, и частнымъ письмомъ, но это оказалось безполезнымъ...

— Какая-то дѣвочка пришла, говоритъ, что изъ другаго уѣзда и желаетъ васъ видѣть,—доложила служанка.

— Проводите сюда.

Сумерки уже очень сгустились, когда вошла въ камеру, безшумно, точно кошка, маленькая женская фигурка и остановилась у двери.

— Здравствуйте баринъ,—сказала она. Вотъ извольте пятнадцать рубликовъ получить. Максимычъ, мужъ мой, приказалъ доставить вашей милости.

— Что такое? Какой Максимычъ?

— Митрій Максимычъ, вотъ котораго вы въ судъ вызываете.

Я зажегъ лампу и подозвалъ посѣтительницу къ столу, за которымъ сидѣлъ.

Это была худенькая, на видъ пятнадцати-лѣтняя дѣвочка. Сверхъ коротенькаго ситцеваго платья, она была закутана, съ головы до пояса, старымъ шерстянымъ платкомъ.

— Пятнадцать рублей принесла? Только?

— Пятнадцать—сказала она, опустила глазки и, казалось мнѣ, покраснѣла.—Я, баринъ, пришла къ вамъ изъ Манышевой,—продолжала она, сбиваясь и конфузясь.—Вотъ деревушка, версты двѣ отсель.

— Знаю Манышову. Ну что же?

— Тамъ сестра моя замужемъ. Ну я, значитъ, погостила у сестры, поразспросила, какъ къ вашей милости идти.

— Пятнадцать рублей я не приму.

— Почему же баринъ?

— Дмитрій растратилъ чужихъ денегъ 25 р. 85 к.

— Вы, баринъ, примите теперь пятнадцать, а потомъ онъ еще пришлетъ. Будьте такіе добрые; я вамъ въ ножки поклонюсь.

— Не кланяйтесь, не приму.

Но она уже сдѣлала земной поклонъ и стояла въ позѣ, которую любятъ крестьянки, когда тяжело на душѣ. Правую щеку она подперла ладонью правой руки, а локоть этой руки ладонью лѣвой.

— Намучился я, за три года, съ вашимъ легкомысленнымъ Максимычемъ. Достаточно. Пускай отсидитъ въ тюрьмѣ три мѣсяца; а деньги Конякинскія все-таки буду съ него взыскивать.

— Пойду къ сестрѣ; можетъ, у ней выпрошу.

— Сходите.

Жена Черепкина поклонилась и ушла.

На слѣдующій день утромъ она вошла въ мою камеру, поклонилась, положила на столъ 26 рублей и сказала:

— Извольте получить.

— Она оказалась грамотною и подъ мою диктовку написала въ кассовой книгѣ: 25 руб. 85 коп. уплатила и квитанцію получила Арина Ивановна Черепкина.

Я ей далъ квитанцію и 15 копѣекъ сдачи.

— Не надо, баринъ, не безпокойтесь,—наивно отсунула она пятіалтынный.

Я настоялъ, чтобы она взяла сдачу и сказалъ:

— Передайте эту квитанцію вашему мужу и скажите ему, что теперь, уплативъ деньги, онъ будетъ приговоренъ мною, заочно, въ случаѣ неявки по повѣсткѣ, не къ тюремному заключенію, а къ кратковременному аресту въ земскомъ домѣ для арестуемыхъ.

— Онъ проситъ не сажать его въ земскую арестную. Скажи, говоритъ, барину, что я прошу его посадить меня въ тюрьму. Я, говоритъ, добуду себѣ въ тюрьмѣ стаканчикъ чайку и бѣленькаго хлѣбца. Онъ говоритъ, что въ тюрьму добрые люди калачиковъ присылаютъ, а отъ казны горячая пища идетъ. А въ земской арестной только ржаной хлѣбъ даютъ [1]).

— Передайте, Арина Ивановна, вашему мужу, что арестъ не такое позорное наказаніе, какъ тюрьма; да и по закону нельзя замѣнять арестъ тюремнымъ заключеніемъ. Вы мнѣ лучше разскажите, какъ это вамъ удалось у сестры выпросить одиннадцать рублей?

Арина Ивановна задумалась немножко, а потомъ сказала.

— Ужъ я вамъ, баринъ, всю правду скажу. Максимычъ далъ мнѣ всѣ 26 рублей; но сказалъ, чтобы одиннадцать оставила у сестры. Можетъ, и на пятнадцати сойдетесь, сказалъ онъ. А если, говоритъ, не приметъ, тогда, дѣлать нечего, всѣ 26 отдай.

Съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ я на эту несчастную жену несчастнаго мужа и мнѣ захотѣлось еще поговорить съ нею.

— Что же это вы, Арина Ивановна, такая молоденькая, пошли замужъ за пожилаго вдовца, да еще и съ дѣтьми?

— Лучше, баринъ, въ законѣ жить, чѣмъ путаться съ кѣмъ попало.

— Это конечно.

— Вы говорите молоденькая; а мнѣ двадцатый годъ. Чего-же мнѣ было ждать, когда Максимычъ посватался? Я вѣдь сирота; у чужихъ людей въ бѣдности жила, у мужика работницей была.

---

[1]) Съ такою просьбой, и именно такъ мотивированной, ко мнѣ обращались неоднократно. Воспользовавшись избраніемъ въ гласные нашего уѣзднаго земскаго собранія, помнится въ 1888 году, я вошелъ въ земское собраніе съ представленіемъ объ отпускѣ арестуемымъ горячей пищи. Представленіе мое было уважено. Отпускается ли и теперь горячая пища, я не знаю.

— Вотъ вы, съ вашимъ Максимычемъ, грамотные. Читаете вы что-нибудь?

— Да что же читать-то?

— Есть хорошія книжки и дешевыя, по три, по пять копѣекъ.

— У насъ въ селѣ нѣтъ такихъ.

— А евангеліе есть?

— Евангеліе каждое воскресенье во время обѣдни дьяконъ читаетъ.

— Понимаете вы, когда онъ читаетъ?

— Что поймешь, а чего не дослышишь. Ну, прощайте, баринъ, будьте здоровы.—Она поклонилась и вышла.

Дѣло, которому не предвидѣлось конца, было окончено.

Получено было донесеніе объ отбытіи Черепкинымъ двухнедѣльнаго ареста.

Ожидалась росписка Маріи Васильевны Конякиной въ полученіи 25 р. 85 к., отосланныхъ ей по почтѣ, чрезъ волостного старшину, по мѣсту ея жительства. Но вотъ, что случилось.

Въ концѣ лѣта 1894 года пріѣхалъ ко мнѣ мемировскій волостной старшина, видимо испуганный, или озабоченный чѣмъ-то.

— У насъ, ваше вскородіе, несчастіе случилось,—сказалъ онъ послѣ обычныхъ привѣтствій.

— Что такое?

— Писарь нанялъ себѣ въ помощники [1]) молодого парня; а онъ отыскалъ въ нашемъ шкафу испорченную каучуковую печать (была она брошена моимъ предмѣстникомъ) да сталъ ее прикладывать къ подложнымъ довѣренностямъ.

— Къ какимъ?

— На полученіе съ почты денегъ, адресованныхъ на имя волостного правленія.

— И получалъ деньги?

— Получалъ.

— Много ли получилъ?

— За четыре раза тридцать восемь рублей.

— Кто онъ такой?

---

[1]) Давно всѣмъ извѣстно, что волостные писаря чрезмѣрно обременены работой, и при томъ не относящеюся до крестьянскаго общественнаго управленія. Чего только на нихъ не взваливаютъ и кто имъ не предписываетъ?! Помню, въ 1867 году, во время службы моей въ Виленской губерніи, въ должности мирового посредника, губернскій статистическій комитетъ требовалъ отъ меня свѣдѣній, для представленія въ Петербургъ въ центральный статистическій комитетъ, объ урожаяхъ хлѣбовъ и травъ въ шести волостяхъ моего участка. Я, съ своей стороны, требовалъ эти свѣдѣнія изъ волостныхъ правленій и посылалъ. Теперь это проще дѣлается. Губернаторъ, получивъ

— Сынъ псаломщика сосѣдняго уѣзда, почетный гражданинъ.

— Паспортъ его у васъ?

— У насъ.

— Гдѣ же теперь этотъ почетный гражданинъ?

— Скрылся. Слухъ есть, что онъ къ отцу ушелъ.

— Я не признаю этихъ помощниковъ должностными лицами крестьянскаго общественнаго управленія, и потому дознанія по этому дѣлу на себя не принимаю. Донесите становому рапортомъ о случившемся. Онъ произведетъ дознаніе и отошлетъ къ судебному слѣдователю.

Старшина уѣхалъ.

Вскорѣ я получилъ съ почты рапортъ волостного правленія по мѣсту жительства Марьи Васильевны Конякиной. На рапортѣ, за волостного старшину, какой-то сельскій староста, по безграмотности, приложилъ должностную печать. Вмѣсто фамиліи и имени волостного писаря былъ только росчеркъ. Къ рапорту приложена расписка: Двадцать пять рублей и 85 к. получила вдова Марія Конякина, а за нее, неграмотную, подписался почетный гражданинъ Пименъ Языкоогнеобразновъ.

Не повѣрилъ я этимъ документамъ и запросилъ Марію Васильевну Конякину о полученіи денегъ заказнымъ письмомъ; но отвѣта не получилъ.

Я все ждалъ, не появится ли въ нашихъ мѣстахъ Алексѣй, чтобы его самого спросить, но онъ не являлся.

В. Т—въ.

изъ центральнаго статистическаго комитета конверты, по числу волостныхъ правленій губерніи, со вложенными въ нихъ бланками затребованныхъ статистическихъ свѣдѣній, разсылаетъ ихъ въ волостныя правленія съ предписаніями о заполненіи бланокъ свѣдѣніями и отсылкѣ ихъ непосредственно въ Петербургъ въ центральный статистическій комитетъ. Часто случается, что волостной писарь, будучи заваленъ непосильной работой, удѣляетъ изъ своего жалованія на наемъ помощника и нанимаетъ, кого попало, большею частью на непродолжительное время.

Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ, митрополитъ казанскій.

(Къ исторіи пугачевскаго бунта).

Не думаемъ, чтобы многимъ было извѣстно имя казанскаго митрополита Веніамина Пуцекъ-Григоровича. А если оно и извѣстно, то развѣ только по приписываемому этому святителю сношенію съ Пугачевымъ. Между тѣмъ, это была личность недюжинная, стремившаяся принести пользу церкви и государству въ дѣлѣ просвѣщенія, на поприщѣ миссіи среди казанскихъ инородцевъ и, наконецъ, въ сферѣ административныхъ распоряженій—въ тушеніи пожара народнаго мятежа, обхватившаго въ 1773—1774 гг. казанскій край.

При составленіи нашего очерка были приняты во вниманіе всѣ доселѣ извѣстные источники, изъ которыхъ многіе—разумѣемъ относящіеся къ пребыванію Веніамина въ Казани во время пугачевскаго бунта—лишь въ недавнее, сравнительно, время получили надлежащую оцѣнку въ трудѣ покойнаго Н. Ѳ. Дубровина—„Пугачевъ и его сообщники“ [1]).

[1]) Вотъ перечень наиболѣе цѣнныхъ источниковъ для біографіи м. Веніамина: „Извѣстіе о злодѣйскомъ нападеніи на гор. Казань бунтовщика Емельки Пугачева“ (Прибавл. къ *Казанск. Вѣстн.* 1830 г., № 26), рескр. Екатерины II архіеп. Казанскому 22 окт. 1773 г. и „Два письма вел. Екатерины нижегородск. губернатору, ген.-поруч. А. А. Ступишину“ (*Сѣв. Пчела* 1883 г. № 3), „Посл. Веніамина, архіеп. казанск., своей паствѣ 1774 г.“ (*Правосл. Собѣс.* 1859 г. II), *Архангельскій*, свящ. „Преосв. Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ, м. казанск. и свіяжскій“ (*Странникъ* 1866 г. кн. I), *Любарскій*, Пл., арх. „Сбор. древ. казанск. епар. и др. приснопамятныхъ обстоятельствъ“ (изд. 1868 г.) письмо Веніамина П. Панину (*Рус. Ст.* 1870 г. II), рескр. и. Екатерины Павлу Потемкину 4 авг. 1774 т. (*Рус. Стар.* 1875, т. XIII), *Дубровинъ* Н. Ѳ., акад. „Пугачевъ и его сообщники, эпизодъ изъ истор. царств. и. Екатерины II. 1773—1774. По неиздан. источн. СПБ. 1884 т. III. Дѣла: арх Св. Синода, № 145, государств. арх. №№ 85, 468, 489 и 527.

Веніаминъ, въ мірѣ Василій Пуцекъ-Григоровичъ, родился въ началѣ XVIII ст. въ городкѣ Лохвицѣ (нынѣ уѣздный городъ Полтавской губерніи).

Отецъ его Григорій Григорьевичъ, былъ значковымъ товарищемъ малороссійскаго Лубенскаго полка [1]), мать же его происходила изъ польской дворянской фамиліи Рисеk. Василій присоединилъ впослѣдствіи къ фамиліи отца родовую фамилію матери и съ нею остался извѣстнымъ.

Василій Пуцекъ-Григоровичъ обучался въ кіевской академіи. По окончаніи курса, въ 1733 г., поступилъ учителемъ въ казанскую семинарію. Постригшись въ 1740 г. въ монашество съ именемъ Веніамина, онъ былъ назначенъ префектомъ (1741—1744) и ректоромъ (1744—1748) семинаріи, сперва въ санѣ іеромонаха, а потомъ (съ 1744 г.) въ санѣ архимандрита казанскаго Спасопреображенскаго монастыря.

Въ то время на казанской каѳедрѣ находился еп. Лука Конашевичъ, извѣстный своими заботами о распространеніи просвѣщенія и обращенія инородцевъ въ христіанство. При немъ казанская семинарія завела у себя высшіе классы, стала самою многолюдною (до 300 учениковъ) и одною изъ самыхъ благоустроенныхъ [2]). Благодаря его стараніямъ инородцы массами крестились. Это былъ, по словамъ Платона Любарскаго, „къ искорененію въ епархіи идолослуженія и магометанскаго злочестія такой ревнитель, что во время его архіерейства безчисленное множество мордвы, вотяковъ, чувашъ, калмыковъ и татаръ приняли св. крещеніе“ [3]). Лука Конашевичъ доходилъ въ этомъ дѣлѣ до крайностей, онъ насильно бралъ инородческихъ дѣтей въ школы, строилъ среди татарскихъ поселеній церкви, учреждалъ мимо татарскихъ домовъ крестные ходы и довелъ казанскихъ

---

[1]) Въ войскѣ малороссійскомъ, организованномъ, во многихъ отношеніяхъ по образцу польскихъ войскъ того времени товарищами (towarzysz) назывались легкоконные воины изъ дворянъ.

[2]) Основаніе казанской семинаріи—этого фундамента современной казанской духовной академіи, положено въ 1723 г. тогдашнимъ митр. Тихономъ. Первымъ и долгое время единственнымъ учителемъ, при томъ же много потрудившимся на пользу семинаріи, былъ Василій Свѣнтицкій, лицо несомнѣнно польскаго происхожденія. Пуцекъ-Григоровичъ его еще засталъ.

[3]) „Ист. казанск. іерархіи“, рукоп. казанск. дух. акад. *Филаретъ Черниговскій.* „Истор. руск. Цер.“ пер. 5, М. 1859, 18, примѣч. 61.—Въ 1741 г. архимандритъ Свіяжскаго Богородицкаго монастыря Димитрій Сѣченовъ, одинъ изъ помощниковъ еп. Луки въ дѣлѣ миссіи, доносилъ Синоду, что въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ „разныхъ народовъ иновѣрцы цѣлыми деревнями и всѣми уѣздами и сотнями какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ всѣ до единаго св. крещеніемъ просвѣтились.“

татаръ до того, что они едва удержались отъ поголовнаго возстанія [1]). Усерднымъ сотрудникомъ еп. Луки въ распространеніи православной вѣры былъ Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ, ѣздившій по инородческимъ селеніямъ съ проповѣдью. Онъ—пишетъ авторъ „Исторіи казанской іерархіи“ — „преосвященнымъ Лукою неоднократно посылаемъ былъ въ епархію для приведенія иновѣрцевъ въ православіе, въ которое обратилъ языческихъ народовъ многое число“ [2]). Хотя такое рвеніе Луки Конашевича причиняло ему не мало непріятностей [3]) и хотя крещенные при подобныхъ условіяхъ инородцы были очень ненадежны въ православіи, тѣмъ не менѣе въ численномъ отношеніи дѣятельность Луки Конашевича и ближайшаго его сотрудника Веніамина Пуцекъ-Григоровича вполнѣ удовлетворяла тогдашнее правительство. Такъ что въ 1748 г. Веніамина возвели въ санъ епископа нижегородскаго. Хиротонія его во епископа послѣдовала въ Петропавловскомъ соборѣ въ Петербургѣ, гдѣ въ то время (съ 1746 г.) Веніаминъ находился на „чредѣ священнослуженія и проповѣди“. На нижегородской каѳедрѣ онъ оставался пять лѣтъ.

За это время дѣло обращенія иновѣрцевъ въ нижегородской епархіи продолжалось непрерывно, было построено нѣсколько церквей и расширено помѣщеніе мѣстной семинаріи. Въ 1753 г. Веніамина перемѣстили въ Тверь, съ пожалованіемъ въ члены Св. Синода. Изъ Твери, въ 1758 г., его перевели въ Псковъ, а изъ Пскова, въ 1761 г.,— въ Петербургъ, съ возведеніемъ въ санъ архіепископа.

Преосвященный Веніаминъ управлялъ С.-Петербургскою архіепископіею менѣе года, но и въ такое сравнительно короткое время заявилъ себя въ дѣлахъ внутренняго епархіальнаго управленія человѣкомъ дѣятельнымъ, стоящимъ твердо на почвѣ законности и справедливости.

Наиболѣе крупными событіями во время управленія Веніамина Петербургскою епархіею были закрытіе домовыхъ церквей въ столицѣ и кончина императора Петра III.

---

[1]) *П. В. Знаменскій* „Руков. къ русск. церк. ист.“ К. 1876, 378.—Въ 1743—1744 г.г. предпринято было повсемѣстное истребленіе мордовскихъ кладбищъ и татарскихъ мечетей въ губерніяхъ Нижегородской и Казанской; въ послѣдней уничтожено 418 мечетей (*Дубровинъ*. „Пугачевъ и его сообщники“, I, 364).—Не одинъ Лука Конашевичъ распростанялъ подобными мѣрами православіе. Димитрій Сѣченовъ превзошелъ его. Въ 1745 г. мордва жаловалась императрицѣ, что Сѣченовъ (въ то время уже еп. нижегородскій) заставляетъ ихъ креститься силою, связанными окунаетъ въ купель. (Тамъ же).—

[2]) „Ист. каз. іер.“ у *Филарета*. „И. р. ц“. пер. 5-й. 18, прим. 61.

[3]) См. напр., вызванный его рѣзкими дѣйствіями указъ Св. Синода отъ 24 декабря 1750 г., въ *Полн. собр. зак. росс. имперіи*, т. XIII, № 9825.

Начиная съ основанія С.-Петербурга и до смерти императрицы Елизаветы Петровны въ городѣ образовалось значительное число церквей въ частныхъ домахъ. Указомъ Петра Великаго построеніе домовыхъ церквеи дозволялось „именитымъ персонамъ ради старости" и соединяемыхъ съ нею такого рода недуговъ, по которымъ они не имѣли никакой возможности посѣщать общенародныя молитвенныя собранія. Но такимъ разрѣшеніемъ скоро стали злоупотреблять. Бояре ставили въ домахъ церкви изъ видовъ роскоши и тщеславія другъ передъ другомъ. За ними начали строить у себя церкви и лица другихъ сословій, особенно богатые купцы. Такъ, что ко времени воцаренія Петра III, число домовыхъ церквей въ С.-Петербургѣ достигало 30 [1]). Петръ III въ указѣ своемъ 5 марта 1762 г., исходя изъ того положенія, что „сколь нужно для прямого истиннаго благочестія вѣры созидать храмы Божіи..., столь болѣе надлежитъ устроять вообще для всѣхъ соборы, и приходскіе церкви сохранять съ подобающимъ благолѣпіемъ...", а между тѣмъ „въ С.-Петербургѣ великое число у партикулярныхъ людей въ домахъ построено церквей, то не можно и надѣяться, чтобы общенародные соборы и церкви съ должностнымъ благолѣпіемъ сохраняемы были: потому что всякій о своей, а не объ общей, попеченіе прилагаетъ" [2]), повелѣлъ Синоду, „о семъ по должности своея разсмотря", немедленно представить, а на будущее время безъ его, государева, разрѣшенія въ частныхъ домахъ церквей строить не позволять [3]). По полученіи указа, Синодъ собралъ черезъ Веніамина свѣдѣнія о городскихъ домовыхъ церквахъ и при докладѣ представилъ ихъ императору. Петръ, разсмотрѣвъ докладъ Свят. Синода объ этихъ церквахъ, приказалъ оставить только три изъ нихъ (у ген.-фельдмаршала, кн. Н. Ю. Трубецкаго, канцлера, гр. М. И. Воронцова и вдовы генерала Е. В. Мельгуновой, впрочемъ, у послѣдней временно: до ея выздоровленія), а прочія всѣ безъ изъятія отрѣшить и впредь, безъ имяннаго его величества соизволенія, никому имѣть таковыя у себя въ домахъ не разрѣшать. 2-го апрѣля, получивъ объ этомъ объявленіе, архіеп. Веніаминъ предписалъ указомъ консисторіи ключарю Петропавловскаго собора Сергію Коноплеву привести его въ исполненіе. Ключарь отобралъ антиминсы изъ отрѣшенныхъ церквей, для храненія въ благопристойномъ мѣстѣ при Петропавловскомъ соборѣ, а самыя церкви, разобравъ,

---

[1]) Подробный перечень ихъ въ ст. свящ. Архангельскаго „Преосв. Веніаминъ..." (*Странникъ* 1866. I, 38—40).

[2]) Примѣры были налицо: соборъ св. Троицы, церковь св. ап. Матеея, Никольская церковь на Петербургской сторонѣ и нѣкоторыя другія мѣста общественной молитвы были деревянныя, ветхія, бѣдныя.

[3]) *Пол. собр. зак. р. имп.*, XV, № 11460.

запечаталъ печатью духовной консисторіи. Къ половинѣ мая все было кончено, и Коноплевъ донесъ объ этомъ, особымъ рапортомъ, консисторіи.

Прошло немного времени. Обстоятельства перемѣнились. 28-го іюня 1762 г. вступила на престолъ Екатерина II. Мѣра, предпринятая Петромъ III къ сокращенію числа домовыхъ церквей, какъ и многія другія мѣры этого несчастнаго императора, не понравилась Екатеринѣ и даже нашла себѣ осужденіе въ манифестѣ отъ 6-го іюля: „началъ помышлять о разореніи и самыхъ церквей... тѣмъ, которые по теплотѣ и молитвѣ къ Богу, за слабымъ иногда здоровьемъ, не могли отъ дому своего отлучаться, вовсе закономъ предписалъ никогда церкви Божіей въ домѣхъ не имѣть". Такъ что Веніаминъ долженъ былъ дать предписаніе тому же Коноплеву закрытыя церкви возстановить и снова разрѣшить въ нихъ богослуженіе [1]).

Въ началѣ іюля (1762 г.) Петръ III умеръ. Веніаминъ принималъ участіе въ его погребеніи. Уже позднѣе, въ бытность свою въ Казани, въ своихъ увѣщательныхъ посланіяхъ къ паствѣ по случаю пугачевщины, Веніаминъ такъ описываетъ погребеніе Петра Ѳеодоровича. Тѣло императора было привезено на утренней зарѣ въ Александроневскій монастырь, поставлено въ тѣхъ самыхъ покояхъ, въ которыхъ онъ, Веніаминъ, жилъ. Въ теченіе трехъ дней, по обычаю, приходили къ покойному для отданія христіанскаго долга: вельможи, люди всѣхъ другихъ званій и простой народъ, затѣмъ, въ сопровожденіи многочисленнаго собранія, тѣло императора перенесено съ подобающею честію въ церковь, тамъ отпѣто и имъ, Веніаминомъ, запечатлѣно земною перстію. Одновременно съ тѣмъ преосвященный Веніаминъ получилъ и разослалъ два манифеста новой государыни: о коронаціи ея, которая имѣла совершиться въ томъ году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ Москвѣ и о всѣхъ обстоятельствахъ, происшедшихъ при вступленіи Екатерины на престолъ. Манифесты были объявлены и обо всемъ, по порядку, доведено до свѣдѣнія консисторіи. Но это были уже послѣднія распоряженія архіеп. Веніамина по Петербургской епархіи.

Екатерина II желала дать ходъ новымъ лицамъ въ іерархіи, которыя могли бы соотвѣтствовать ея правительственнымъ видамъ. Малороссы, занимавшіе до того времени всѣ важные іерархическіе посты, за малыми исключеніями, не нравились ей по своимъ крайнимъ клерикальнымъ тенденціямъ. И вотъ именнымъ указомъ, дан-

---

[1]) Впрочемъ, не всѣ церкви были возстановлены: нѣкоторыя, по разнымъ обстоятельствамъ, такъ и остались не открытыми.

нымъ Свят. Синоду 25 іюля 1762 г., она вызываетъ на петербургскую каѳедру, извѣстнаго ей, казанскаго епископа Гавріила Кременецкаго, а на мѣсто послѣдняго назначаетъ Веніамина Пуцекъ-Григоровича.

Веніаминъ участвовалъ въ коронаціи Екатерины 22 сентября. По окончаніи коронаціонныхъ торжествъ онъ выѣхалъ изъ Москвы и 20 октября прибылъ въ Казань. Здѣсь онъ увидѣлъ знакомыя ему мѣстности, припомнилъ прежнюю свою дѣятельность и труды, нашелъ многихъ изъ прежняго времени знакомыхъ лицъ. Первыя десять лѣтъ своего святительскаго служенія въ Казани архіепископъ Веніаминъ посвятилъ заботамъ о развитіи образованности въ средѣ духовенства и паствы и о крещеніи иновѣрцевъ, которыхъ онъ, по отзыву современника, присоединилъ множество [1]). Изъ дошедшаго до насъ синодскаго указа, отъ 17 іюня 1773 года [2]), видно, что въ дѣлѣ обращенія иновѣрцевъ Веніаминъ продолжалъ дѣйствовать въ духѣ своего бывшаго руководителя и предшественника еп. Луки. Онъ возбудилъ ходатайство о сломкѣ двухъ каменныхъ мечетей въ Казани, построенныхъ съ разрѣшенія прежняго губернатора Квашнина-Самарина вблизи православныхъ церквей. На докладъ Сената объ этомъ, Екатерина велѣла отвѣтить: „какъ Всевышній Богъ на землѣ терпитъ всѣ вѣры, языки и исповѣданія, то и она изъ тѣхъ же причинъ, сходствуя Его святой волѣ, и въ семъ поступаетъ, желая только, чтобъ между подданными ея всегда любовь и согласіе царствовали, а впрочемъ ея величество приказать соизволили Сенату объявить, что бывшій губернаторъ Квашнинъ-Самаринъ дозволеніе строить каменныя мечети сдѣлалъ въ сходственность даннаго большаго наказа 494, 495 и 496 статей“ [3]). И Синодъ на представленіе Веніамина отвѣтилъ запрещеніемъ епархіальнымъ архіереямъ вмѣшиваться—„въ дѣла, касающіеся до иновѣрныхъ исповѣданій и до построенія по ихъ законамъ молитвенныхъ домовъ“.

Въ 1773 г. дѣятельность Веніамина получила новое направленіе.

Около того времени въ приволжской Россіи началось великое народное волненіе, извѣстное подъ именемъ пугачевскаго бунта. Разоряемые помѣщиками крестьяне, не находившіе защиты себѣ у правительства [4]), преслѣдуемые послѣднимъ за свои убѣжденія,

---

[1]) у *Филарета Черниговскаго* „И. р. ц.“, пер. 5-й, 19.

[2]) *П. с. з. р. и.* т. XIX. № 13996.

[3]) *Журналъ Сената.* 29 мая 1773 г.

[4]) О жестокомъ обращеніи помѣщиковъ съ крестьянами въ екатерининское время, также какъ и о бытѣ крестьянъ передъ пугачевскимъ бунтомъ см. VII гл. изслѣдованія *В. И. Семевскаго* „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“ (СПБ. 1881).

раскольники, принуждаемые къ принятію христіанства насильственными мѣрами, инородцы, наконецъ, вольнолюбивые казаки возстали на защиту своихъ правъ и съ оружіемъ въ рукахъ соединились вокругъ казака Зимовейской станицы донскаго войска—Емельяна Иванова Пугачева, объявившаго себя императоромъ Петромъ III. Пугачевъ зналъ, что правительство Петра III угнетенные классы считали для себя благопріятнымъ и видѣли въ судьбѣ низверженнаго и затѣмъ трагически погибшаго государя отображеніе своей собственной судьбы. Схваченный во-время Емельянъ былъ посаженъ въ казанскій острогъ. Освобожденный единомышленниками, Пугачевъ возвратился на Яикъ. Волненіе начало распространяться. Мятежники стали захватывать въ свои руки пограничныя крѣпости, пользуясь подчасъ измѣною гарнизоновъ. Готовъ былъ вспыхнуть мятежъ въ самой Москвѣ. Смуты самозванщины XVII вѣка могли легко повториться въ новомъ видѣ. Изданный императрицею манифестъ, разъяснявшій обманъ самозванца, успѣха въ народѣ не имѣлъ. Екатерина обратилась къ помощи церкви.

Рескриптомъ отъ 22 октября 1773 г. она просила Веніамина сдѣлать черезъ духовенство надлежащее наставленіе прихожанамъ и, если будетъ необходимо, сообщить о таковомъ архіереямъ сосѣднихъ епархій, для свѣдѣнія. Тогда-то выступилъ Веніаминъ со своими увѣщаніями. Послѣднія дѣлались имъ въ формѣ бесѣдъ, поученій и пасторскихъ посланій. Они должны были имѣть особенный вѣсъ, такъ какъ подъ управленіемъ Веніамина была большая часть бунтовавшаго края и такъ какъ было извѣстно, что онъ, будучи еще архіепископомъ петербургскимъ, самъ лично участвовалъ въ погребеніи настоящаго Петра III. Однако, несмотря на эти увѣщанія, бунтъ все усиливался. Пугачевъ, пользуясь неспособностью высланныхъ противъ него генераловъ, бралъ одинъ за другимъ города, безъ пощады избивая непокорныхъ; такъ, онъ взялъ Самару и двинулся къ Казани.

Тогда Веніаминъ употребилъ противъ бунтовщиковъ послѣднее духовное оружіе—предалъ ихъ анаѳемѣ.

Въ назначенный для анаѳематствованія мятежниковъ день, утромъ, Веніаминъ выѣхалъ изъ Воскресенскаго монастыря, въ которомъ въ то время имѣлъ свое пребываніе, въ берлинѣ, отдѣланномъ золотомъ, на шести лошадяхъ въ шорахъ, кучеръ былъ одѣтъ въ нѣмецкій кафтанъ и трехугольную шляпу; впереди ѣхали двое верховыхъ въ зеленыхъ епанчахъ, одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ архіерейскую мантію, другой—посохъ. На паперти собора Веніаминъ надѣлъ мантію, взялъ посохъ и вошелъ въ храмъ, а послѣ обѣдни

проклялъ Пугачева. Затѣмъ донесъ объ этомъ рапортомъ Св. Синоду [1]).

Тѣмъ не менѣе немногіе—даже изъ среды духовенства въ возставшихъ мѣстностяхъ—устояли противъ ужасовъ времени. Случаи отступленія духовныхъ лицъ отъ вѣрности престолу стали тогда особенно часты. Священники сплошь и рядомъ встрѣчали Пугачева на папертяхъ своихъ церквей съ крестомъ и св. водою и служили за него молебны, какъ за царя. Число такихъ священнослужителей было такъ велико, что Св. Синодъ, объявившій своимъ указомъ всѣхъ духовныхъ, „поползнувшихся въ вѣрности", лишенными сана, долженъ былъ смягчить строгость этой мѣры, разрѣшивъ священнослуженіе всѣмъ виновнымъ, которые приставали къ бунтовщикамъ не по единомыслію съ ними, а единственно страха ради. Какъ бы то ни было и послѣ этого изъ духовнаго званія пришлось исключить до 130, занимавшихъ разныя іерархическія степени, лицъ, въ томъ числѣ даже двоихъ архимандритовъ [2]). Въ разстриженіи одного изъ нихъ, именно архимандрита Саранскаго-Петровскаго монастыря—Александра, Веніаминъ принималъ непосредственное участіе [3]). Эти случаи сильно поколебали довѣріе правительства къ духовенству. Поэтому достаточно было малѣйшей неосторожности со стороны того или другого духовнаго лица, какъ правительство уже видѣло въ этомъ сочувствіе мятежникамъ. Самъ Веніаминъ не избѣжалъ обвиненія въ этомъ.

Обвинителемъ Веніамина выступилъ капралъ изъ дворянъ Костромской губерніи Илья Аристовъ, содержавшійся въ Казани подъ стражею за побѣгъ изъ Томскаго полка. Здѣсь освободили его изъ-подъ стражи, и онъ присоединился къ мятежникамъ. Пугачевъ пожаловалъ его чиномъ полковника. Когда самозванца разбили подъ Казанью, Аристовъ бѣжалъ въ Нижній. Тамъ схватили его, и онъ, при допросѣ 25 іюля 1774 г., между прочимъ, показалъ, что въ день прихода Пугачева подъ Казань, рано утромъ, прискакалъ къ самозванцу семинаристъ и, отъ имени Веніамина, передалъ Пугачеву вязанный кошелекъ съ золотыми деньгами, „по примѣчанію тысячъ до трехъ", что Пугачевъ взялъ деньги, приказалъ благодарить архіерея, а привезшему ихъ семинаристу поднесъ рюмку водки. Препровожденный въ Казань, гдѣ, по усмиреніи бунта, была образована, подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Павла Сергѣевича

[1]) Арх. Св. Син., д. № 145.

[2]) *Знаменскій*, 415.

[3]) Пис. *Любарскаго Н. Бантышъ-Каменск.* 16 окт. 1774 г. Госуд. арх., д. № 527.

Потемкина [1]), розыскная комиссія по пугачевскому бунту,—Аристовъ повторилъ свое показаніе, хотя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Здѣсь онъ разсказалъ, что во время раззоренія Казани онъ, Аристовъ, будучи освобожденъ мятежниками, по приказанію Пугачева, шелъ расковаться. Направляясь къ кузницѣ, онъ нагналъ казанскаго купца Александра Огородникова и, узнавъ, что тотъ голоденъ, пригласилъ его идти съ собою, и они вмѣстѣ пришли въ кузницу. Находясь тутъ, они видѣли, что, около полудня, пріѣхалъ къ ставкѣ самозванца верхомъ молодой человѣкъ, какъ бы церковникъ. По его отъѣздѣ злодѣй вышелъ изъ ставки, приказалъ своимъ наложницамъ Маѳуткѣ съ Дунькой подпороть подкладку у своего бешмета, и, подавая имъ золотые, велѣлъ разложить ихъ подъ подкладкою и простегать такимъ образомъ, чтобы имперіалы и полуимперіалы приходились около груди, а червонцы около подола; въ этомъ бешметѣ злодѣй всегда ѣздилъ.

Желая выяснить, кто именно былъ церковникъ, ѣздившій съ порученіемъ казанскаго архіепископа къ Пугачеву [2]), Пав. Потемкинъ велѣлъ отвезти Аристова въ церковь, когда служилъ архіерей. Среди собравшихся тамъ церковниковъ Аристовъ не нашелъ ни одного похожаго. Тогда Потемкинъ вздумалъ пригласить, подъ другимъ видомъ, въ секретную комиссію семинаристовъ [3]), но Аристовъ сдѣлался опасно боленъ.

Допрошенный Огородниковъ сперва говорилъ, что ничего не знаетъ, но на очной ставкѣ съ Аристовымъ (17 сентября) подтвердилъ показаніе послѣдняго о пріѣзжавшемъ церковникѣ, прибавивъ, что то былъ архіерейскій пѣвчій Лебединскій [4]). По справкѣ, Лебединскихъ оказалось два брата: одинъ Герасимъ—семинаристъ, другой—Иванъ, дьяконъ, архіерейскій пѣвчій. Потребовали въ секретную комиссію сначала семинариста. Спросили о братѣ. Онъ заявилъ, что брата нѣтъ: въ отсутствіи. Послѣдняго розыскали, доставили 1 октября въ Казань и предъявили Аристову. Аристовъ затруднился признать въ Ив. Лебединскомъ пріѣзжавшаго къ самозванцу церковника, при чемъ разсказалъ примѣты послѣдняго. Услышавъ это, Лебединскій высказалъ предположеніе, что то былъ въ

---

[1]) Впослѣдствіи графъ, троюродный братъ Таврическаго, сочинитель нѣсколькихъ поэмъ на побѣды россіянъ, переводчикъ Вольтера и Ж.-Ж Руссо. Ум. въ 1796 г. Его біографія, написанная П. П. Каратыгинымъ, въ *Историческ. Вѣстн.* 1883 г., кн. VIII.

[2]) Этого именно и требовала прежде всего императрица. (Рескр. ея Потемкину, отъ 4 августа 1774 г.—*Рус. Стар.* 1875 г., т. XIII).

[3]) Донес. его императрицѣ, отъ 17 авг. 1774 г. („Рус. Ст." 1870 г., т. II, 407).

[4]) Госуд. арх., д. 468.

должности библіотекаря и экзаменатора ставленниковъ поповъ сынъ Степанъ Львовъ. Взялись за Львова.

Послѣдній сталъ упорно отпираться, несмотря на угрозы, которыя не переставали дѣлать ему въ комиссіи, и на заявленіе Аристова и Огородникова, что это былъ именно онъ. Наконецъ, Львовъ не выдержалъ, далъ показаніе, что дѣйствительно имѣлъ подобное порученіе отъ казначея Казанскаго женскаго монастыря, діакона Алексѣя Іонина, думая, что „сіе возлагалъ онъ на меня съ повелѣнія архіерейскаго“. 3 октября взяли дьякона Іонина. Этотъ ни въ чемъ не признавался. Ему пригрозили и указывали на Львова, какъ на свидѣтеля. Іонинъ отрицалъ всякое участіе въ этомъ дѣлѣ. Но, когда на другой день, часу въ 5-мъ, принесли доску съ кольцами и хотѣли приступить къ новому допросу съ пристрастіемъ, Іонинъ испугался и объявилъ слѣдующее. 12 іюля, когда городскія войска стали къ крѣпости ретироваться, Веніаминъ, пригласивъ его къ себѣ въ спальню, велѣлъ, черезъ надежнаго человѣка, вручить Пугачеву кошелекъ съ деньгами; „я боюсь—прибавилъ при этомъ архіепископъ,—чтобы злодѣи не раззорили и не сожгли загороднаго моего дома, такъ и того, что буде они, отъ чего Боже сохрани, ворвутся въ крѣпость, то перваго меня умертвятъ“ [1]).

Показаніе дьякона Іонина произвело сильное впечатлѣніе на комиссію. Донося объ этомъ Екатеринѣ, Пав. Потемкинъ спрашивалъ, какъ ему поступить „со впавшимъ въ преступленіе, не допуская до соблазна, употребляя всевозможныя мѣры, чтобы скрыть сіе отъ народа, дабы явно не былъ вмѣшанъ человѣкъ столь высокаго сана въ дѣла разбойника“ [2]).

Случай помогъ Потемкину.

13 октября архіеп. Веніаминъ долженъ былъ переѣхать изъ с. Савинова, гдѣ онъ жилъ, въ Казань для участія въ церемоніи снятія сана съ архимандрита саранскаго Александра. Потемкинъ попросилъ архіепископа видѣться съ нимъ, затѣмъ предложилъ ему остаться въ Спасскомъ монастырѣ и вручилъ „предложеніе“ секретной комиссіи.

Комиссія, изложивъ вышеприведенныя обвиненія противъ Веніамина, предлагала: „обличить клевету показателей равными, ясными доказательствами къ лицу наперсника вашего, который долго колебался открыть вину свою, но признался въ оной“. Комиссія просила: „отвѣтъ свой написать на сіе предложеніе, дабы во всемъ могла она отвѣтствовать передъ престоломъ ея величества“, при чемъ

---

[1]) Госуд. арх., д. № 468.

[2]) Донес. отъ 8 октября 1774 г. (*Русск. Стар.* 1870 г., II, 411); Госуд. арх., д., № 489.

грозила, что если не будетъ открыта истина,—„представленъ будетъ показанный дьяконъ передъ лице ваше ко объясненію дѣла“ [1]).

Веніаминъ отвѣчалъ (14 октября) „по самой чистой совѣсти“, заклиная „себя въ томъ небомъ и землею“, что трехъ тысячъ рублей Пугачеву не посылалъ, что Воскресенскій монастырь оставилъ лишь за 6 дней до прихода самозванца, равнымъ образомъ и изъ кремля не выходилъ, а служилъ во время штурма молебны; Іонина при немъ совсѣмъ не было и „стало быть—прибавлялъ архіепископъ—онъ, дьяконъ, какъ меня, такъ и себя оболгалъ напрасно“ [2]). Веніаминъ просилъ дать ему очную ставку съ Іонинымъ. Потемкинъ не соглашался на это подъ слѣдующими предлогами: что безъ высочайшей воли не дерзаетъ приступить къ убѣжденію его таковымъ образомъ, что могли бы узнать объ этомъ и послѣднее обстоятельство послужило бы „къ униженію славы и почтенія архипастыря“ [3]).

Затѣмъ Веніамина арестовали. Потемкинъ приставилъ къ нему подпоручика Горчикова и сенатскаго секретаря Чередина, кои, выражаясь словами рескрипта Екатерины Потемкину, отъ 4 августа 1774 г., отвѣтствовали бы „за всѣ поступки изъ ума выжившаго старика сего“. Въ Воскресенскомъ монастырѣ было все опечатано, книги и рукописи взяты въ секретную комиссію.

Получивъ отъ П. С. Потемкина новыя донесенія по дѣлу Веніамина, Екатерина была не мало озадачена ими. „Показанія злодѣя, мнимаго полковника Аристова не малой суть важности...“—писала императрица нижегородскому губернатору Ступишину. Все-таки раздумье брало Екатерину. „Трудно представить—писала она Павлу Потемкину, чтобы (Веніаминъ) такъ много позабылъ самъ себя“ [4]). Во всякомъ случаѣ императрица признавала, что оставить дѣло такъ нельзя. Она рѣшила удалить Веніамина отъ управленія епархіею. Но какъ женщина дальновидная, даже въ минуты гнѣва, прежде всего заботилась объ ослабленіи впечатлѣнія, произведеннаго этимъ дѣломъ на народъ.

„Приложенное дѣло—писала Екатерина Потемкину въ запискѣ безъ числа и мѣсяца—прошу сегодня вручить преосвященному петербургскому для его собственнаго извѣстія, и понеже сомнѣнія нѣту (хотя ка-

---

[1]) Гос. арх. д. № 489; *Казанск. Губ. Вѣд.* 1844 г., № 36; *Дубровинъ,* III, 343—345.

[2]) Госуд. арх., д. № 468.

[3]) Несмотря на видимое желаніе Потемкина скрыть обстоятельства этого дѣла отъ народа, въ Казани знали объ арестѣ Лаврова, Іонина и др. (пис. Любарскаго къ Бантышъ-Каменскому отъ 9 окт. 1774 г.—Госуд. арх., д. № 527).

[4]) Рескр. отъ 4 августа 1774 г. (*Русск. Стар.* 1875 г. т. XIII).

*

занскій архіерей и отпирается) о его непростительной съ злодѣями пересылкѣ, и для того желаю я, чтобъ преосвященный петербургскій написалъ бы письмо къ казанскому архіерею съ тѣмъ, дабы сей, изъ ума выжившій старикъ, просился бы немедленно на обѣщанье, и если сіе сдѣлаетъ архіерей казанскій, то въ разсужденіе сана уже далѣе слѣдствіе производить не велю, и съ симъ письмомъ преосвященнаго вы нарочно отправьте будто къ Павлу Потемкину, а къ Москвѣ архіерею казанскому незачѣмъ ѣхать, ибо желаю утушить и слухъ сего дѣла" [1]). Павлу же Потемкину Екатерина послала копію съ письма преосвященнаго петербургскаго къ Веніамину и поручала объявить послѣднему, чтобы онъ просился на обѣщанье, куда хочетъ, кромѣ Москвы и Казани [2]).

Между тѣмъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Веніаминъ все еще сидѣлъ въ заключеніи, ожидая рѣшенія своей участи. Наконецъ, онъ сталъ просить, чтобы ему дали очную ставку съ мятежниками, изъ коихъ главнѣйшіе уже были переловлены и находились въ ту пору въ Москвѣ. Въ этомъ ему отказали. Писалъ онъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1774 г., о томъ же и всесильному гр. Петру Ив. Панину [3]), просилъ его опросить самого Пугачева,—и на это послѣдовалъ отказъ. Въ концѣ концовъ Веніамину, несмотря на то, что содержался онъ подъ крѣпкимъ карауломъ, при чемъ къ нему не приказано было никого впускать и запрещено было ему съ кѣмъ-либо переписываться, удалось черезъ чиновника своей канцеляріи Петра Васильева отправить донесеніе Св. Синоду. Если вѣрить Г. Р. Державину, современнику и очевидцу событій пугачевщины [4]), Веніаминъ отправилъ помянутаго чиновника „черезъ отверстіе нужнаго мѣста, тайнымъ образомъ". Въ своемъ донесеніи казанскій владыка просилъ, чтобы ему „повелѣно было для принесенія оправданія явиться хотя съ предписаннымъ дьякономъ передъ лице ея величества" [5]).

Ходатайство это Синодъ доложилъ государынѣ.

Екатерина приказала отправить донесеніе Веніамина въ Тайную экспедицію, въ Москву.

Тамъ рѣшили передопросить обвинителей казанскаго архіерея.

И тотъ же Аристовъ, 3 января 1775 г., показалъ, что все, что показано имъ ранѣе противъ архіепископа Веніамина—показано

---

[1]) Госуд. арх., д. № 85. *П. Лебедевъ.* „Графы Никита и Петръ Панины". СПБ. 1863. Прилож. VII.

[2]) *Русск. Стар.* 1875 г., т. XIII, 125.

[3]) *Русск. Стар.* 1870, II, 413.

[4]) *Записки* (1743—1812). М. 1860, 104. О степени достовѣрности свидѣтельствъ Державина см. у *Дубровина*, III.

[5]) Госуд. арх., д. № 468.

„подъ битьемъ палками . . . напрасно“ [1]). То же самое показали Огородниковъ, Львовъ и Іонинъ. Наконецъ, присылки Веніаминомъ денегъ Пугачеву опровергнули: самъ Пугачевъ на очной ставкѣ со Львовымъ и казаки Перфильевъ, Чумаковъ и Фофановъ.

Такимъ образомъ невинность архіепископа Веніамина была обнаружена, и Екатерина поспѣшила поправить дѣло.

26-го января 1775 г. послѣдовали рескриптъ на имя Веніамина и указъ Свят. Синоду. Содержаніе рескрипта Веніамину читаемъ у Пушкина во 2-мъ примѣчаніи къ VII главѣ его исторіи Пугачевскаго бунта“. Вотъ онъ: „Преосвященнѣйшій Митрополитъ Веніаминъ Казанскій! По пріѣздѣ моемъ, первымъ попеченіемъ было для меня разсматривать дѣла бездѣльника Аристова: и узнала я, къ крайнему удовольствію моему, что невинность Вашего Преосвященства совершенно открылась. Покройте почтенную главу вашу симъ отличнымъ знакомъ чести; да будетъ оный для всякаго всегдашнимъ напоминаніемъ торжествующей добродѣтели Вашей; позабудьте прискорбіе и печаль, кои Васъ уязвляли: припишите сіе судьбѣ Божіей, благоволившей Васъ прославить по несчастныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ тамошняго края; принесите молитвы Господу Богу, а я съ отмѣннымъ доброжелательствомъ есмь Екатерина“ [2]).

Рескриптъ отправленъ былъ въ Казань съ нарочнымъ гвардейскимъ офицеромъ, который кромѣ того вручилъ преосвященному брилліантовый крестъ на клобукъ изъ тѣхъ самыхъ брилліантовъ, которые императрица носила на себѣ [3]).

Получивъ утѣшительный рескриптъ, Веніаминъ совершилъ въ соборѣ литургію и благодарственный за здравіе государыни молебенъ въ присутствіи губернатора и множества народа [4]). Передъ литургіею были прочтены рескриптъ Екатерины и такого же содержанія высочайшій указъ. Въ указѣ было сказано: „Дознавъ твердо невинность преосвященнаго Веніамина, архіепископа казанскаго, по дѣламъ о мятежѣ тамошняго края, гдѣ онъ нагло обнесенъ былъ бездѣльникомъ Аристовымъ, въ награжденіе, удовлетворяя тѣмъ и самое правосудіе, всемилостивѣйше повелѣли мы именоваться ему отнынѣ митрополитомъ казанскимъ и носить ему по обычаю бѣлый клобукъ. Екатерина“.

---

[1]) Госуд. арх., д. № 468.—Пав. Потемкинъ, не взирая на дворянское происхожденіе Аристова, билъ его въ Казани плетьми, требуя чистосердечнаго признанія. (*Дубровинъ*, III, 330).

[2]) *Соч. Пушкина*. Изд. П. В. Анненкова, VI, 244.

[3]) Пис. кн. Потемкина митрополиту, отъ 26 янв. 1775; *Странникъ* 1866 г., I, 55.

[4]) „Записки“ *Державина*, 104.

Веніаминъ благодарилъ императрицу (6 февраля) нижеслѣдующимъ письмомъ. „Всемилостивѣйшая Государыня! Милость и судъ безпримѣрные Вашего Императорскаго Величества, кои на мнѣ соизволили удивить предъ цѣлымъ свѣтомъ, воскресили меня отъ гроба, возвратили жизнь, которую я отъ младыхъ ногтей посвятилъ на службу по Бозѣ въ непоколебимой вѣрности Вашему Монаршему престолу и отечественной пользѣ, сколько отъ меня зависитъ; а продолжалась она пятьдесятъ три года; но которую клевета, наглость и злоба противъ совѣсти и человѣчества исторгнуть покушались. Неоцѣненнымъ Монаршихъ Вашихъ щедротъ залогомъ, который съ несказаннымъ чувствованіемъ моего сердца сподобихся пріяти на главу мою, покрыся, и отъяся поношеніе мое въ человѣцѣхъ. Что жъ воздамъ Тебѣ, правосуднѣйшая въ свѣтѣ Монархиня, толико попечительному о спасеніи моемъ Господеви? Истощеніе всей, дарованной мнѣ Вашимъ Высоко-Монаршимъ великодушіемъ жизни въ возблагодареніе не довлѣетъ; развѣ до послѣдняго моего издыханія Вышняго молить не престану день и нощь, да сохранитъ дражайшую жизнь Вашу за толь сердобольное сохраненіе моей до позднѣйшихъ человѣку возможныхъ лѣтъ; да ниспошлетъ съ высоты святыя своея на вѣнценосную главу Вашу вся благословенія, коими древле благословенъ былъ Соломонъ. Крѣпкая десница Господа силъ да отвращаетъ во вся дни живота отъ превожделѣннаго здравія Вашего недуги, отъ неусыпныхъ трудовъ утомленіе, отъ возрастающей и процвѣтающей славы зависть и злобу; да будетъ Домъ, держава и престолъ Вашъ яко дніе неба. Съ таковымъ моимъ усердствованіемъ и всеподданническою вѣрностію, пока духъ во мнѣ пребудетъ, есмь Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ и богомолецъ, смиренный Веніаминъ, Митрополитъ Казанскій“ [1]).

Несправедливые обвинители Веніамина понесли заслуженное наказаніе, Аристовъ былъ битъ кнутомъ въ Москвѣ и предназначался къ отсылкѣ въ Казань для вторичнаго наказанія кнутомъ же и затѣмъ къ ссылкѣ въ Рогервикъ въ каторжныя работы. Вторичное наказаніе назначили Аристову за ложный доносъ на Веніамина. Впрочемъ, послѣднему предоставлялось „спасти пасквильника отъ такого наказанія“, а буде Веніаминъ этого сдѣлать не пожелаетъ, то „объявленное наказаніе“ — писалъ, 6 февраля того же года, гереалъ-прокуроръ, кн. Вяземскій тогдашнему казанскому губернатору кн. П. Мещерскому—„учинить прикажите, однако, съ умѣреннымъ человѣколюбіемъ и что по сему сдѣлано будетъ, прошу меня какъ наискорѣе увѣдомить“ [2]). Веніаминъ простилъ Аристова, и онъ безъ

[1]) *Соч. Пушкина*, VI, 244.

[2]) Госуд. арх., д. № 468.

вторичнаго наказанія былъ отправленъ въ Рогервикъ [1]). Огородникова сдали въ солдаты, Львова же и Іонина освободили и позволили имъ вернуться къ своимъ должностямъ [2]). Такъ окончилось дѣло по обвиненію преосвященнаго Веніамина въ измѣнѣ.

Теперь посмотримъ, какъ относятся къ этому дѣлу современники и изслѣдователи, насколько они считаютъ основательнымъ обвиненіе, взведенное на архіепископа Веніамина. По свидѣтельству Пушкина, основанному на показаніяхъ современниковъ, Веніаминъ, во время приступа Пугачева къ Казани 12 іюня 1774 г., своимъ личнымъ присутствіемъ ободрялъ защитниковъ города, затѣмъ, перейдя въ крѣпость, въ Благовѣщенскомъ соборѣ, на колѣнахъ, со всѣмъ народомъ, молилъ Бога о спасеніи христіанъ; едва умолкла пальба, онъ поднялъ чудотворныя иконы и, несмотря на нестерпимый зной пожара и на падающія бревна, со всѣмъ бывшимъ при немъ духовенствомъ, сопровождаемый народомъ, обошелъ снутри крѣпость при молебномъ пѣніи [3]). Словомъ, по удостовѣренію автора „Исторіи Пугачевскаго бунта“, архіепископъ Веніаминъ во время казанской осады проявилъ полное мужество, дѣйствія его не заслуживаютъ ни малѣйшаго упрека, и взведенное на него Аристовымъ обвиненіе совершенная клевета. Не то говоритъ Державинъ, и свидѣтельство его, какъ очевидца, на первый взглядъ заслуживаетъ большаго довѣрія, чѣмъ извѣстіе Платона Любарскаго, на которое опирается Пушкинъ. Любарскій очевидцемъ не былъ, писалъ со словъ другихъ и „о истинѣ и точности всѣхъ обстоятельствъ“ самъ не ручается [4]). Къ тому же отъ него, какъ лица духовнаго, находившагося въ отношеніяхъ подчиненности къ Веніамину [5]), трудно требовать полнѣйшаго беспристрастія въ показаніяхъ. По мнѣнію Державина, Веніаминъ былъ дѣйствительно виноватъ, но ловко вывернулся, воспользовавшись отозваніемъ въ Москву генерала Потемкина для дослѣдованія въ Тайной канцеляріи привезенныхъ туда пугачевцевъ, но что онъ былъ у Потемкина „яко изобличенный свидѣтелями измѣнникъ“ [6]).

---

[1]) Пис. кн. П. Мещерскаго кн. Вяземскому, отъ 24 февр. 1775 г. (Тамъ же).

[2]) *Дубровинъ* III, 351.

[3]) *Соч. Пушкина*, 183, 185, также 533 („извѣстіе“ архим. *Пл. Любарскаго*).

[4]) Тамъ же, 527.

[5]) Въ описываемое время Любарскій былъ архимандритомъ Казанскаго Спасскаго монастыря.

[6]) „Записки“, 103—104.

Но и къ показаніямъ Державина, уличеннаго въ стольких невѣрностяхъ Дубровинымъ (въ III т.), необходимо относиться съ неменьшею осмотрительностію.

Біографъ Никиты и Петра Паниныхъ, проф. Лебедевъ, ссылаясь на записку Екатерины Потемкину, полагаетъ [1]), что сама государыня была убѣждена „о его (Веніамина) непростительной съ злодѣями пересылкѣ“, но хотѣла замять это дѣло и прекратить слухи и воспользовалась первымъ случаемъ для примиренія съ Веніаминомъ.

Священникъ М. Архангельскій, указывая на то, какъ преосвященный Веніаминъ дѣйствовалъ противъ пугачевщины, въ показаніяхъ Аристова и др. видитъ „клевету самую открытую и безсовѣстную“ [2]). Н. Ѳ. Дубровинъ,—лучшій изслѣдователь эпохи пугачевщины, отнесся со всѣмъ вниманіемъ къ дѣлу обвиненія Веніамина въ измѣнѣ. Обстоятельства благопріятствовали ученому: ему первому удалось изучить исторію пугачевскаго бунта по первоисточникамъ, находящимся въ государственномъ архивѣ. По дѣламъ этого учрежденія онъ прослѣдилъ весь ходъ процесса Веніамина и, сопоставляя отзывы Дубровина о Веніаминѣ и о П. С. Потемкинѣ, разсѣянные по разнымъ мѣстамъ его обширнаго труда, нельзя не придти къ заключенію, что историкъ ни мало не сомнѣвается въ невинности казанскаго архіепископа. „Съ удивленіемъ и огорченіемъ, пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ [3]), прочелъ маститый старецъ (Веніаминъ) предложеніе Потемкина. Какія доказательства и при томъ ясныя могъ привести онъ въ свое оправданіе?..“ „Синодъ исполнилъ просьбу старца“ — говоритъ онъ въ другомъ [4]). „Виновникъ клеветы на архіепископа“... — выражается онъ въ третьемъ мѣстѣ [5]). Между тѣмъ, говоря о Павлѣ Потемкинѣ, академикъ Дубровинъ не скрываетъ своего къ нему нерасположенія, явившагося результатомъ подробнаго до мелочей изученія этой личности. Виновникъ несчастныхъ приключеній архіепископа Веніамина рисуется у Дубровина человѣкомъ [не особенно высокой нравственности, сильнымъ только поддержкой въ то время быстро возвышавшагося троюроднаго брата своего, явившимся въ Казань „хозяиномъ, толковавшимъ по-своему, данныя ему полномочія императрицы [6]), трусомъ [7]), лжецомъ и

[1]) „Гр. Н. и П. Панины“, 324, сн. 321.
[2]) *Странникъ* 1866 г. I, 53.
[3]) „Пугачевъ и его сообщники“, III, 345.
[4]) III, 348.
[5]) III, 351.
[6]) III, 86.
[7]) III, 96.

хвастуномъ [1]), много обѣщавшимъ, ничего не сдѣлавшимъ и свалившимъ вину на другихъ [2]). Такому человѣку, конечно, ничего не стоило погубить невиннаго ради хотя бы одного желанія прослыть распорядительнымъ и безпристрастнымъ, и если этого не случилось съ Веніаминомъ, то только благодаря счастливо измѣнившимся въ пользу святителя обстоятельствамъ.

Мнѣніе Дубровина по этому дѣлу намъ представляется наиболѣе авторитетнымъ, какъ основанное не на какихъ-либо туманныхъ выводахъ, а на вѣскихъ данныхъ разслѣдованія.

Около четырехъ мѣсяцевъ продолжались злоключенія архіепископа Веніамина. По окончаніи ихъ, онъ снова вернулся на казанскую каѳедру, уже въ санѣ митрополита, и оставался на этой каѳедрѣ еще шесть лѣтъ. Екатерина приказала выстроить для него каменный загородный домъ въ Воскресенскомъ монастырѣ. До тѣхъ поръ Веніаминъ жилъ по преимуществу въ с. Савиновѣ, гдѣ, еще пятьдесятъ лѣтъ назадъ, указывали мѣсто, на которомъ стояли деревянныя палаты митр. Веніамина къ сѣверу, за оградой церкви. Новый домъ былъ отдѣланъ въ 1781 г.

Послѣ пугачевскаго опустошенія Казани Веніаминъ ревностно занялся возобновленіемъ городскихъ церквей и возстановленіемъ принадлежащихъ духовенству зданій. Но разстроенное здоровье — параличъ, который поразилъ его при арестованіи—заставило его въ 1782 г. просить объ увольненіи. И 17 марта того же года, „за старостію и немощами“, онъ былъ уволенъ на покой. Казанцы, при послѣднемъ священнослуженіи Веніамина, разставались съ нимъ съ глубокимъ сожалѣніемъ, многіе даже плакали.

Мѣстомъ покоя была избрана самимъ Веніаминомъ Семиезерская Богородицкая пустынь [3]). Здѣсь Веніаминъ провелъ послѣдніе годы своей жизни.

Получая пенсіи 4.110 рублей въ годъ, онъ употреблялъ все на украшеніе пустыни, церквей и на обогащеніе книгами библіотеки Казанской духовной семинаріи. Скончался въ 1783 году.

Веніаминъ любилъ словесность, самъ занимался ею. Но изъ его произведеній издано одно только „слово“ на новый 1747 годъ, ска-

---

[1]) III, 86—87: цитируетъ его хвастливое и неоснованное на правдѣ дознаніе о состояніи дѣлъ въ Казани, какое онъ нашелъ по пріѣздѣ туда (*Русск. Стар.* 1870, II, 402); 95—96.

[2]) III, 96.

[3]) Семиезерская или Седміозерная пустынь—мужской монастырь въ 17 вер. отъ Казани.

занное имъ въ Петербургѣ, въ придворной церкви, во время нахожденія на чредѣ служенія и напечатанное въ Москвѣ [1]). Свящ. Архангельскій [2]) приписываетъ Веніамину еще одно „слово", произнесенное въ публичномъ собраніи казанскихъ гимназій, по возстановленіи общаго покоя и напечатанное въ Москвѣ Ю. фонъ-Каницемъ въ 1774 г. У Сопикова [3]) дѣйствительно упоминается объ этомъ словѣ, но годъ изданія его обозначенъ 1775 и не сказано, что авторомъ этого слова былъ Веніаминъ, а только, что оно издано съ портретомъ Веніамина, говорилъ же его надворный совѣтникъ Юлій фонъ-Каницъ. Обширная библіотека Веніамина еще при его жизни поступила въ собственность частію Кіевской духовной академіи, частію—Казанской духовной семинаріи [4]).

Г. А. Воробьевъ.

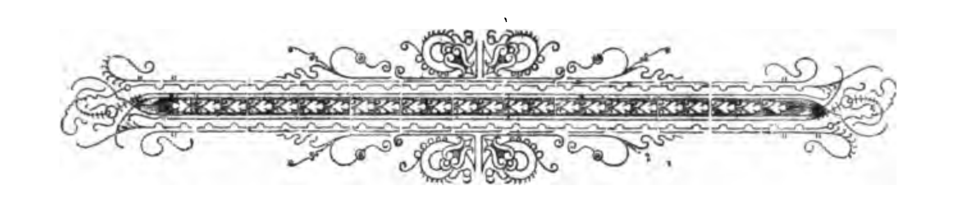
---

[1]) *Сопиковъ*, „Опытъ росс. библіогр.", ч. I. СПБ. 1813, № 1220.

[2]) *Странникъ* 1866. I, 58.

[3]) „Оп. росс. библ.", ч. 4, № 10813.

[4]) Въ Кіевскую духовную академію, послѣ пожара ея въ 1870 г., истребившаго, между прочимъ, библіотеку, м. Веніаминъ передалъ, въ числѣ многихъ дорогихъ сочиненій, большое собраніе твореній отцевъ церкви, въ прекрасномъ изданіи, и лучшія толкованія на св. Писаніе (*Странникъ* 1866, I, 57).

Изъ воспоминанія графа Ѳ. Г. Головкина [1]).

Нессельроде.

(*Окончаніе*).

Колыбелью рода графовъ священной Римской имперіи, Нессельроде, было герцогство Юлійское (отошедшее по Вѣнскому трактату къ Пруссіи и вошедшее въ составъ Прирейнскихъ провинцій), гдѣ они занимали видныя, наслѣдственныя въ ихъ родѣ должности. Одинъ изъ младшихъ членовъ этой семьи, графъ Максимиліанъ Нессельроде (1724—1810), которому не везло въ жизни, переселился въ Россію; не знаю, кто ему покровительствовалъ, но онъ былъ послѣдовательно полномочнымъ министромъ въ Лиссабонѣ и Берлинѣ, пользовался нѣкоторое время благосклонностью императора Павла I; это продолжалось впрочемъ недолго: ему повредила его страсть отпускать остроты. Онъ былъ высланъ въ Германію за то, что началъ одинъ разсказъ словами: „Я буду имѣть честь разсказать одну вещь, которая неизвѣстна ни вашему императорскому величеству, ни министрамъ вашего величества“. Ему было запрещено измышлять и передавать разные слухи, и онъ удалился во Франкфуртъ, гдѣ и скончался въ преклонныхъ лѣтахъ. Проѣздомъ черезъ этотъ городъ въ Лиссабонъ, будучи уже не молодымъ, онъ женился на дѣвицѣ Гонтаръ, дочери коммерсанта, очень милой и достойной особѣ. Отъ брака этого старика съ женщиной уже не первой молодости родился сынъ, всю жизнь походившій на недоноска, вылѣзшаго изъ спиртовой банки.

Карьера этого человѣка весьма замѣчательна. Его отецъ представилъ мнѣ его въ 1794 г., когда, проѣздомъ въ Италію, я былъ въ Берлинѣ, гдѣ онъ воспитывалъ его худо ли, хорошо и одѣвалъ гардемариномъ, такъ какъ юноша очень любилъ море и отецъ разсчитывалъ опредѣлить его въ Россіи во флотъ. Я потерялъ его изъ вида до вступле-

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. Мартъ.

нія на престолъ Павла I, который, питая особенное пристрастіе къ нѣмцамъ, назначилъ его своимъ адъютантомъ и заставлялъ скакать за собою на большой лошади въ огромной шляпѣ и широкомъ кафтанѣ. Фигура получалась преуморительная. Смерть императора, который замучивалъ его на конѣ, была его спасеніемъ, иначе онъ умеръ бы отъ переутомленія. Что же могъ онъ предпринять далѣе? Хотя я и самъ не пользовался въ то время высочайшимъ благоволеніемъ, но я задумалъ устроить его карьеру, не воображая, по правдѣ сказать, что онъ пойдетъ такъ далеко. Я уговорилъ его избрать дипломатическую карьеру, на что онъ имѣлъ нѣкоторое право по заслугамъ своего отца, и отправился съ нимъ къ министру иностранныхъ дѣлъ графу Панину, моему отъявленному врагу. Велико было удивленіе его превосходительства, когда ему доложили обо мнѣ, но я приготовился заранѣе:

„Мы не любимъ другъ друга, сказалъ я, но это не мѣшаетъ намъ дѣлать добро. Я привелъ къ вамъ человѣка достойнаго, у котораго нѣтъ ни карьеры, ни покровителя. Устройте его судьбу. Онъ не гонится за отличіями, но хотѣлъ бы заслужить ихъ. Сдѣлайте для него то, что вы можете по своему положенію и что подскажетъ вамъ сердце“ и я оставилъ ихъ однихъ [1]).

Это оригинальное свиданіе имѣло послѣдствіемъ изумительную карьеру Нессельроде. Онъ началъ службу подъ начальствомъ знающихъ и строгихъ посланниковъ, въ Берлинѣ старика Алопеуса, въ Гаагѣ графа Штакельберга; такъ что когда со временемъ Нессельроде былъ назначенъ въ Парижъ къ князю Александру Куракину, прекрасному человѣку, но самому посредственному дипломату, то секретарь посольства сдѣлался весьма полезнымъ и казался человѣкомъ высокаго ума. Бонапартъ, желавшій назначенія Куракина потому, что онъ былъ глупъ, былъ золъ на секретаря за то, что онъ стушевывалъ его глупость; наконецъ, когда дипломатическіе договоры, заключенные по окончаніи войны, выдвинули этого человѣка, то императоръ Александръ, любившій окружать себя людьми безъ связей, привыкшихъ къ канцелярской рутинѣ, назначилъ его, къ всеобщему удивленію, статсъ-секретаремъ по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ. Нессельроде тотчасъ женился на дочери всемогущаго министра финансовъ Гурьева, и все это, вмѣстѣ взятое, было причиною, что онъ былъ увѣшанъ орденами и купался въ золотѣ. Достигнувъ выс-

---

[1]) Канцлеръ Карлъ Васильевичъ Нессельроде неоднократно намекаетъ въ своихъ письмахъ, недавно опубликованныхъ въ Парижѣ его внукомъ, на дружескія отношенія, существовавшія между нимъ и графомъ Ѳедоромъ Гавриловичемъ Головкинымъ, хотя долгъ признательности по отношенію къ графу видимо не особенно тяготилъ его.

шихъ должностей, онъ выказалъ большую ограниченность и благодаря этому удержался на мѣстѣ: онъ держалъ себя такъ робко по отношенію къ императору и былъ такъ нерѣшителенъ въ веденіи переговоровъ, что это погубило бы его карьеру, если бы императоръ не хотѣлъ показать, что онъ дѣлаетъ все самъ. Въ 1821 г. Нессельроде былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Я могу привести слѣдующій поразительный примѣръ его робости.

Когда Бонапартъ вернулся, въ 1815 г., съ острова Эльбы и весь дипломатическій корпусъ удалился изъ Парижа, я рѣшилъ воспользоваться тѣмъ, что я былъ въ глазахъ французскаго правительства полнымъ ничтожествомъ, и оказать неоцѣнимую услугу Европѣ, коей главнѣйшіе монархи съ ихъ министрами находились еще въ то время на конгрессѣ въ Вѣнѣ, а именно остаться въ Парижѣ и не уѣзжать до тѣхъ поръ, пока мнѣ не удастся собрать въ военныхъ и дипломатическихъ сферахъ всѣхъ свѣдѣній, которыя могли бы выяснить, какія послѣдствія имѣло возвращеніе узурпатора. Я выполнилъ свой планъ такъ удачно, что на двадцать второй день я ѣхалъ уже въ Базель весьма освѣдомленнымъ относительно того, что имъ важно было знать, и кромѣ того везъ съ собою личнаго секретаря королевскаго принца, котораго хотѣли разстрѣлять, и одного л.-гв. драгуна, котораго меня просили спасти. Изъ Базеля я послалъ въ Вѣну обстоятельную записку, въ которой горячо совѣтовалъ не теряя ни минуты атаковать Наполеона со всѣми бывшими въ распоряженіи монарховъ силами. Князь Меттернихъ и графъ де-Мерси разсказывали мнѣ впослѣдствіи, что по полученіи моей депеши, въ одиннадцать часовъ вечера, было созвано засѣданіе конгресса, а въ два часа были посланы къ лорду Веллингтону и генералу Блюхеру курьеры съ приказаніемъ двинуть войска. Я не ожидалъ благодарности и тѣмъ болѣе награды со стороны монарха, которому было непріятно быть мнѣ, въ глазахъ Европы, столь много обязаннымъ, такъ какъ дѣйствительно всѣ считали это большою заслугою съ моей стороны и остальные монархи только и ожидали, что императоръ первый выскажетъ мнѣ свою благодарность; я полагалъ, что Нессельроде, котораго я могъ считать обязаннымъ мнѣ своей карьерой и который былъ въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ, извѣститъ меня по крайней мѣрѣ о полученіи моей депеши, но съ тѣхъ поръ прошло шесть лѣтъ, а я все еще ожидаю этого извѣщенія. Онъ зналъ, что императоръ не выкажетъ мнѣ своего удовольствія, и поэтому не счелъ нужнымъ исполнить даже общепринятыхъ, въ порядочномъ обществѣ, формъ вѣжливости. Александръ рѣшилъ, что войска не двинутся далѣе до тѣхъ поръ, пока не подойдетъ его армія, но послѣ полученія моей депеши пришлось отказаться отъ этого, и онъ не могъ

простить своему подданному того, что онъ заставилъ его измѣнить его планъ.

Человѣкъ съ характеромъ понялъ бы, что ему слѣдовало сдѣлать при этихъ обстоятельствахъ; онъ высказалъ бы свое мнѣніе, какъ подобало порядочному человѣку и министру, но этотъ человѣчекъ не имѣлъ нужныхъ для этого качествъ и трепеталъ въ присутствіи своего монарха.

Его отецъ впадалъ въ другую крайность. Онъ говорилъ все, что считалъ нужнымъ, смотря по своему настроенію, и такъ какъ онъ соединялъ со своей смѣхотворной наружностью большое остроуміе, то его остроты и насмѣшки задѣвали больно. Павелъ I, которому его супруга не давала покоя, когда дѣло шло о ея семействѣ, приказалъ старику Нессельроде устроить дѣла своего тестя, принца Людовика Виртембергскаго, состоявшаго на прусской службѣ. Въ Берлинѣ не было человѣка, которому бы онъ не былъ долженъ. Собравъ всѣ нужныя справки, Нессельроде началъ свое первое донесеніе императору такъ:

„На меренги и другія сладости 2.000 экю". Можно себѣ представить, какъ смѣялся императоръ и министры, какъ была взбѣшена императрица и какъ было неприлично увѣковѣчить въ оффиціальныхъ счетахъ подобнаго рода расходы, сдѣланные принцемъ. Императрица никогда не могла простить ему этого.

Такъ какъ старикъ Нессельроде служилъ въ молодости во Франціи и часто жилъ въ Парижѣ и затѣмъ провелъ нѣсколько лѣтъ при дворѣ Фридриха Великаго въ обществѣ окружавшихъ этого идола выдающихся умовъ, то его остроты были такъ мѣтки, что каждый остерегался попасть ему на зубокъ. Такъ какъ онъ ко мнѣ благоволилъ, то я увѣренъ, что онъ посмѣялся бы со мною отъ души надъ блестящимъ положеніемъ, достигнутымъ его сыномъ, но онъ былъ уже слишкомъ старъ въ моментъ его рожденія и потому не дожилъ до тѣхъ поръ, когда его сынъ сдѣлалъ такую изумительную карьеру.

Г-жа Нессельроде была женщина полная, высокаго роста; Карлъ Васильевичъ казался передъ ней карманнымъ мужемъ. Она была умна, обходительна, умѣла очень хорошо поставить себя по отношенію къ императору Александру и придать себѣ важность, которая совершенно не подходила бы къ тщедушной фигурѣ ея мужа, который между этимъ великимъ монархомъ, этой большой женой и своимъ блестящимъ положеніемъ казался довольно каррикатурнымъ.

Я чуть не забылъ разсказать одну любопытную остроту старика Нессельроде. Его обвиняли въ томъ, что онъ передавалъ императору Павлу I все, что онъ ни слышалъ; потому многіе избѣгали его.

„Меня обвиняютъ“, сказалъ онъ однажды во-всеуслышаніе, „въ томъ, что я передаю его величеству все, что я слышу, но клянусь, я никогда не слышалъ въ этой странѣ ничего, что стоило бы быть переданнымъ“.

Меттернихъ.

Я познакомился съ графомъ Клементіемъ Меттернихомъ, какъ его тогда звали, въ Дрезденѣ въ первыхъ годахъ текущаго (19-го) вѣка. Сынъ человѣка, ничѣмъ не выдающагося, но быть можетъ именно поэтому и достигшаго довольно виднаго положенія, и женщины очень умной и большой интриганки, онъ былъ, вскорѣ по окончаніи университета, назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ австрійскаго императора при Саксонскомъ дворѣ. Хорошо сложенный, прекрасно одѣтый, бѣлокурый, очень блѣдный, по виду разсѣянный, онъ слылъ среди женскаго пола натурой романической; мужчины считали его человѣкомъ разсудительнымъ. Нѣсколько русскихъ и польскихъ барынь, вскружившихъ ему голову, увлекли его на путь романическихъ приключеній и заставили пренебречь занятіями исторіей, какъ того требовала карьера, которой онъ себя посвятилъ. Вообще, въ немъ была какая-то надменность, подходящая для человѣка, которому суждено занимать выдающееся положеніе и извѣстный тактъ врожденнаго дипломата. Но нѣкоторое фатовство, появившееся вслѣдствіе его успѣховъ у женщинъ, поколебало то выгодное мнѣніе, которое составилось о немъ вначалѣ. Многіе полагали, что въ погонѣ за успѣхомъ у женщинъ Меттернихъ забудетъ все остальное; весьма вѣроятно, что, увлекшись этой призрачной славой, онъ потерялъ бы всѣ преимущества, которыя давали ему его врожденныя способности, если бы ему не пришли на помощь его жена, внучка знаменитаго князя Kayница, по уму достойная своего дѣда; онъ женился на ней по разсчету, и супруги, по взаимному соглашенію, предоставили другъ другу почти полную свободу; но г-жа Меттернихъ указала ему по дружбѣ на неудобство его поведенія, противъ котораго не возмущалось ея чувство. Это была единственная слабая сторона, которую я находилъ въ то время въ ея мужѣ; онъ самъ очень долго тщетно боролся съ нею, хотя, казалось бы, его занятія могли отвлечь его отъ увлеченій.

Въ общемъ, онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ умѣлъ замѣчательно хорошо держать себя, былъ очень трудолюбивъ, умѣлъ владѣть собою и не выказывать своихъ чувствъ; при всей своей вспыльчивости, онъ прекрасно владѣлъ своимъ голосомъ, жестами и выраженіями, умѣлъ быстро и плодотворно работать и обогащать себя познаніями,

предпочиталъ науку и искусство изящной словесности, казался совершенно нечувствительнымъ къ похвалѣ и критикѣ, но въ душѣ былъ очень чувствителенъ къ нимъ; наконецъ, благодаря счастливой внѣшности, умѣнью приспособляться и полученному имъ тщательному воспитанію, изъ него выработался типъ истаго дипломата.

Я очень скоро привязался къ нему. Откровенность и живость моего характера составляли такую рѣзкую противуположность съ его холодной, сдержанной натурой, что это должно было бросаться въ глаза; такъ какъ противуположность часто имѣетъ для насъ что-то привлекательное, то между нами очень быстро установились дружескія отношенія. Онъ чувствовалъ, что я былъ умнѣе и сообразительнѣе его, но что, въ то же время, онъ былъ разсудительнѣе и обдуманнѣе меня; вслѣдствіе этого, онъ былъ со мною менѣе сдержанъ, чѣмъ это можно было ожидать, судя по его характеру и положенію. Однажды, онъ пришелъ сказать мнѣ, что ему предлагаютъ мѣсто посланника въ Пруссію и что его мать очень желаетъ, чтобы онъ принялъ это мѣсто, но онъ не считаетъ себя способнымъ занять его. Дипломатическій постъ въ Берлинѣ считался въ то время весьма щекотливымъ; и хотя оба двора соединяло сознаніе общей опасности, угрожавшей имъ со стороны Франціи, но отъ ихъ представителей требовался особый талантъ, чтобы упрочить возникшія между державами дружественныя отношенія. Такъ какъ я великолѣпно зналъ страну и человѣка, о которыхъ шла рѣчь то я совѣтовалъ Меттерниху принять это мѣсто. Онъ послѣдовалъ моему совѣту и назначеніе его вскорѣ состоялось. Онъ тотчасъ отправился къ своему новому посту и такъ какъ я могъ поѣхать въ Берлинъ, вслѣдъ за нимъ только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, то я далъ ему на первое время необходимыя инструкціи, касавшіяся, разумѣется, не политики, въ которой онъ понималъ больше меня, да я и не считалъ себя въ правѣ указывать ему что-либо въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что мои совѣты могли оказаться не вполнѣ соотвѣтствующими видамъ моего правительства, но я далъ ему обстоятельныя указанія относительно тѣхъ лицъ, съ коими ему приходилось имѣть дѣло съ самаго начала. Мои указанія пошли ему на пользу и если не считать его обычной слабости ухаживанія за женщинами, доходившей до того, что даже королева находила, что онъ относился къ ней недостаточно почтительно, то можно сказать, что Меттернихъ выказалъ себя въ Берлинѣ образцовымъ дипломатомъ. Бывать у него въ домѣ всѣ считали пріятнымъ и не мудрено, ибо въ Пруссіи не было дома, гдѣ бы принимали такъ любезно и который былъ бы открытъ каждый день для посѣтителей.

Общность привычекъ еще болѣе укрѣпила нашу дружбу, но для

Европы наступали тревожныя событія, которымъ суждено было долго волновать ее. Я вскорѣ возвратился въ Россію и встрѣтился съ Меттернихомъ лишь въ 1807 г. въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ въ то время посланникомъ. Онъ отнесся ко мнѣ въ высшей степени дружелюбно, чѣмъ я былъ искренно обрадованъ. Впрочемъ онъ держалъ себя нѣсколько изысканно, повидимому желая, чтобы я видѣлъ его во всей его славѣ, что я лично прощалъ ему.

Во время нашего перваго знакомства, въ то время какъ онъ занималъ менѣе отвѣтственный постъ, онъ нерѣдко чувствовалъ себя въ затруднительномъ положеніи, не зная какъ поступить, теперь онъ считалъ себя въ состояніи дѣйствовать самостоятельно, но я былъ менѣе доволенъ имъ, чѣмъ прежде. Наши взаимныя отношенія очень измѣнились; это зависѣло отъ нашего положенія въ обществѣ, что имѣло во Франціи рѣшающее значеніе. Я имѣлъ большой успѣхъ въ обществѣ, потому что по манерамъ, разговору и даже по своимъ недостаткамъ я былъ истый французъ, а мое ничтожество въ политическомъ отношеніи было причиною, что тѣ, кои осыпали меня милостями, не видѣли въ этомъ ни малѣйшаго неудобства. Попавъ сразу въ лучшее общество, я совершенно привился къ нему и походилъ на растеніе, выросшее на мѣстной почвѣ въ доброе старое время. Я былъ независимъ, нигдѣ не служилъ, мнѣ никто не платилъ за то, чтобы кривить душой и называть черное бѣлымъ; я говорилъ громко тамъ, гдѣ никто не осмѣливался высказать свое мнѣніе, и руководилъ бесѣдой хотя бы потому, что никто не рѣшался говорить. Меттернихъ не смѣлъ нигдѣ бывать, кромѣ какъ при дворѣ и у правительственныхъ лицъ, онъ не смѣлъ ни съ кѣмъ сближаться, кромѣ какъ съ извѣстными сторонниками новаго режима. Въ иномъ обществѣ, гдѣ ему приходилось случайно бывать, онъ былъ робокъ и боязливъ. Онъ былъ прекрасно сложенъ, хорошо одѣтъ, любезенъ, но его внѣшность была чисто нѣмецкая. Словомъ, онъ былъ посланникъ и могъ что-либо узнать только за деньги и имѣть успѣхъ только изъ снисходительности, я же, не занимая никакого оффиціальнаго положенія, пользуясь даже репутаціей человѣка, къ которому при русскомъ дворѣ не особенно благоволили, имѣлъ друзей во всѣхъ партіяхъ и, ничего не затрачивая, легко могъ все видѣть и знать.

Ничто не могло быть благопріятнѣе для положенія моего бывшаго друга и для общихъ дѣлъ, какъ наша близость, но либо изъ самолюбія, либо изъ недовѣрчивости, онъ задрапировался въ величіе своего посольскаго званія и соблюдалъ таинственность. Говоря о фактахъ, которые не было возможности отрицать, онъ сознавался, что они ему извѣстны, но высокомѣрно оспаривалъ все то, что счи-

талъ возможнымъ скрыть. При томъ, мы принципіально расходились съ нимъ относительно нашей тактики. Система низкопоклонства и двоедушія, принятая европейскими дипломатами по отношенію къ Бонапарту, казалась мнѣ безполезной и унизительной. Этого побѣдителя, обязаннаго своимъ величіемъ, собственно говоря, лишь ничтожеству современниковъ, легко было смутить откровенностью и держать въ почтеніи твердостью; это надобно было знать и этимъ надобно было пользоваться, но этого не понималъ никто изъ лицъ, при немъ аккредитованныхъ, они всѣ одинаково не понимали этого и не умѣли этимъ пользоваться. Меттернихъ былъ правъ, говоря, что „всякій посланникъ, аккредитованный при Бонапартѣ, былъ первымъ министромъ того двора, коимъ онъ былъ уполномоченъ и какъ таковой долженъ былъ пользоваться подобающей властью“. Но это была только первая посылка. Вторая, несравненно важнѣйшая, о которой онъ не заботился также точно, какъ и другія лица, была— что этотъ первый министръ, находясь при иностранномъ дворѣ, никогда не долженъ былъ входить въ сдѣлку со своими принципами, или стараться усыпить самаго дѣятельнаго изъ монарховъ банальными фразами и пошлой лестью. Сколько разъ я умолялъ русскаго посланника, князя Куракина, довести до свѣдѣнія своего двора, что тотъ изъ монарховъ, который твердо и безъ всякихъ комментаріевъ отвѣтитъ на любое предложеніе Тюильрійскаго кабинета отказомъ, заставитъ Бонапарта отступить. Но всѣмъ свѣтомъ объялъ страхъ. Монархи, первые министры, посланники какъ будто лишились глазъ ушей и, что всего хуже, сердца. Имя Бонапарта производило на европейскіе кабинеты и арміи такое же впечатлѣніе, какое производитъ имя Ибудакали въ оперѣ „Калифъ Багдадскій“.

Я стоялъ позади Меттерниха во время знаменитой сцены, разыгравшейся въ Сенъ-Клу въ 1808 году, и я не былъ доволенъ имъ: не скажу, чтобы онъ плохо говорилъ въ этомъ случаѣ, но ему слѣдовало говорить громко и попытаться заставить Бонапарта замолчать. Послѣдній извергалъ громко и отчетливо цѣлый потокъ бранныхъ словъ противъ австрійскаго императора; было очевидно, что онъ обращался ко всей Европѣ. Посланникъ отвѣчалъ правильно, но по привычкѣ и изъ чувства почтительности говорилъ такъ тихо, что въ разстояніи двухъ шаговъ ничего не было слышно. Поэтому свидѣтели этой единственной, въ своемъ родѣ, сцены видѣли только деспота, распекавшаго раба, который не имѣлъ возможности оправдаться. Какъ только Бонапартъ удалился, увѣшенные орденами шпіоны стали бродить взадъ и впередъ по залѣ, стараясь разузнать, какое впечатлѣніе эта сцена произвела на присутствующихъ. Одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ, зная мою откровенность, подойдя ко мнѣ,

эталъ съ притворнымъ участіемъ сожалѣть посланника, очутившагося въ такомъ затруднительномъ положеніи. Не обращая вниманія на столпившихся вокругъ насъ придворныхъ, я отвѣчалъ, что Меттернихъ держалъ себя неподобающимъ образомъ, что онъ получилъ лишь то, что заслуживалъ, и что при всемъ моемъ уваженіи къ коронованнымъ особамъ, ничего подобнаго со мною бы не случилось.

„А что бы вы сдѣлали?"

— Я заставилъ бы императора говорить съ бо̀льшимъ достоинствомъ и сказалъ бы ему такъ громко, что мои слова были бы слышны въ концѣ галлереи:

— Ваше величество! такъ какъ мой августѣйшій монархъ не уполномочилъ меня обсуждать подобные вопросы при постороннихъ свидѣтеляхъ, то ваше величество разрѣшитъ мнѣ не отвѣчать".

Эти слова были тотчасъ переданы Бонапарту. Всѣ полагали, что онъ прикажетъ выразить мнѣ свое негодованіе, но вмѣсто этого, подумавъ съ минуту, онъ сказалъ холодно: „Это было бы сказано вполнѣ правильно, но люди, которые умѣютъ такъ отвѣтить, находятся не у дѣлъ". Мы увидимъ далѣе, какое впечатлѣніе произвели на него эти слова.

Вскорѣ послѣ этой сцены была объявлена война; дѣйствительно, говорить такъ, какъ говорилъ Бонапартъ, можно только тогда, когда рѣшено идти на разрывъ. Къ Меттерниху, который давно уже просилъ свои паспорта, явился въ одинъ прекрасный день жандармскій офицеръ, которому было приказано отвезти его до аванпостовъ австрійской арміи. Тогда я принялъ на себя заботу о его женѣ и дѣтяхъ. Хотя выказывать ему публично расположеніе, при данныхъ обстоятельствахъ, могло быть опасно, но такъ какъ я всегда былъ того мнѣнія, что слѣдуетъ дѣйствовать прямо и открыто, то я оказывалъ семейству моего друга всевозможное вниманіе. Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ, которые г-жѣ Меттернихъ пришлось провести въ Парижѣ, кромѣ меня и одной весьма близкой къ ней личности, у нея никто не бывалъ.

Однажды Фуше сказалъ мнѣ: „Вы не боитесь, что императоръ измѣнитъ свое доброе мнѣніе о васъ? Можетъ случиться, что его величество выскажетъ это вамъ при всѣхъ, чтобы намекнуть иностранцамъ, какъ имъ слѣдуетъ держать себя въ вашемъ положеніи".

— Я также считаю это возможнымъ,—отвѣчалъ я,—но, надѣюсь, императоръ не сомнѣвается, что я воспользуюсь случаемъ показать, какъ слѣдуетъ отвѣтить при подобномъ обстоятельствѣ.

Разговора, коимъ угрожалъ мнѣ министръ полиціи, не произошло, и Бонапартъ былъ со мною, какъ всегда, очень вѣжливъ.

Одинъ случай съ Меттернихомъ показалъ намъ, какъ неудобно

для дипломата имѣть любовныя приключенія. Однажды утромъ г-жа Меттернихъ получила отъ герцогини Абрантесъ (г-жи Жюно) записочку, съ просьбою пріѣхать къ ней немедленно. Она тотчасъ отправилась, но каково было ея изумленіе и страхъ, когда къ ней вышелъ герцогъ, который былъ внѣ себя отъ гнѣва, и, заперевъ двери на замокъ, сказалъ:—„Мы съ вами оба обмануты. Я сейчасъ перехватилъ письма вашего мужа къ моей женѣ и пригласилъ васъ, чтобы вы были свидѣтельницей, какъ я заступлюсь за вашу честь. Наше дѣло общее. Мы должны отомстить вмѣстѣ“.

Можно себѣ представить, въ какомъ затруднительномъ положеніи находилась эта маленькая, худенькая, не особенно краснорѣчивая женщина, передъ которой этотъ разъяренный и невоспитанный господинъ кричалъ во все горло такъ, что его было слышно на улицѣ. Ей удалось однако успокоить его, и она добилась того, что онъ позволилъ ей переговорить со своей женою, которая ожидала въ страхѣ, что онъ ее убьетъ, и, наконецъ, убѣжала изъ дома. Надобно было отправиться прямо въ Тюилери, разсказать все императору, потребовать удовлетворенія отъ Жюно и просить защиты для его жены, но г-жа Меттернихъ взглянула на дѣло иначе и, опасаясь скандала, стала убѣждать взволнованнаго Жюно оставить это дѣло; результатъ показалъ, что она поступила вполнѣ правильно, ибо Бонапартъ, при первой же встрѣчѣ, подошелъ къ ней и, поцѣловавъ ее, сказалъ: „Вы молодецъ, что сумѣли избавить меня отъ большой непріятности съ этимъ нелѣпымъ Жюно“.

Признаюсь, этотъ комплиментъ не утѣшилъ бы меня въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, которое при тогдашнихъ обстоятельствахъ было для посланницы особенно непріятно.

Меттернихъ велъ переговоры, предшествовавшіе заключенію тильзитскаго мира. Дружественныя отношенія между державами были скрѣплены бракомъ Бонапарта со старшей изъ эрцгерцогинь. Съ тѣхъ поръ я пересталъ бывать въ Тюильри и рѣдко видѣлся съ австрійскимъ посланникомъ. Мы такъ разошлись съ нимъ во взглядахъ, что между нами уже не могло существовать дружбы; каждое мое слово, каждый взглядъ казался ему, поневолѣ, упрекомъ или эпиграммой; я не претендовалъ на благодарность за мое отношеніе къ его семьѣ, и это было весьма благоразумно, такъ какъ г-жа Меттернихъ до того преклонялась передъ Бонапартомъ и ожидала отъ него такихъ великихъ дѣлъ, что мое поведеніе по отношенію къ ней, въ то время какъ они не могли выѣхать изъ Парижа, оказалось непростительной дерзостью относительно героя, которому она была предана всей душой. Событія слѣдовали одно за другимъ съ ужасающей быстротою. Меттернихъ сдѣлался вскорѣ премьеръ-мини-

стромъ; имя его было на страницахъ всѣхъ газетъ, слѣдить за его дѣятельностью было для меня интересно потому, что я не могъ не отдать справедливости его качествамъ и талантамъ, которые я могъ цѣнить болѣе всѣхъ, но меня раздражала его узкая и двоедушная политика.

Нарбоннъ.

Графъ Людовикъ Нарбоннъ-Лара, родившійся въ 1750 или 1751 г., былъ сыномъ принцессы Аделаиды. Былъ ли его отцомъ Людовикъ XV или дофинъ, неизвѣстно, но несомнѣнно это былъ одинъ изъ нихъ, поэтому впослѣдствіи говорили, что поведеніе Нарбонна во время революціи было тѣмъ непростительнѣе, что никто не былъ въ такой степени Бурбономъ, какъ онъ. Какъ только его мать сдѣлалась беременна, изъ Пармы была вызвана г-жа Нарбоннъ, женщина честолюбивая, способности коей къ интригамъ пропадали даромъ при Пармскомъ дворѣ. Она пріѣхала беременной, была назначена статсъ-дамой принцессы Аделаиды и своевременно разрѣшилась отъ бремени. Ей былъ пожалованъ титулъ герцогини, что очень подходило къ ея красивой фамиліи и было несравненно почетнѣе той роли, которую она взяла на себя. Ея мужъ, ставъ герцогомъ, сохранилъ благородныя чувства, держался въ сторонѣ отъ двора и умирая лишилъ своего мнимаго сына правъ на наслѣдство. Мальчикъ былъ хорошенькій, умненькій, привѣтливый, и принцесса Аделаида едва могла скрыть тайну, которую она то и дѣло выдавала своими заботами о маленькомъ Нарбоннѣ, который по ея просьбѣ былъ назначенъ, когда онъ подросъ, ея придворнымъ кавалеромъ (chevalier d'honneur). Вся Франція была свидѣтельницей его разгульной жизни и безумныхъ тратъ. Достаточно привести одинъ примѣръ: всякій разъ, какъ онъ давалъ ужинъ своей любовницѣ, актрисѣ французской комедіи Конта, для этого ужина привозили изъ Версаля посуду, принадлежавшую принцессѣ Аделаидѣ.

Революція обнаружила всю несостоятельность этого салоннаго героя. Онъ былъ военнымъ министромъ лишившагося престола короля, котораго ему слѣдовало, болѣе чѣмъ кому-либо, защищать до послѣдней капли крови; онъ занялъ эту должность вопреки волѣ этого добраго короля и, занимая ее, первый перешелъ на сторону революціонеровъ. Вслѣдствіе своей полнѣйшей бездарности, онъ лишился мѣста нѣсколько недѣль спустя, его окончательно погубило во мнѣніи общества письмо, написанное по его настоянію принцессами, сестрами короля, къ предсѣдателю національнаго собранія съ просьбою разрѣшить имъ выѣздъ изъ Франціи; это письмо кончалось

словами: „Имѣемъ честь быть, г. президентъ, ваши нижайшія слуги, Аделаида и Викторія, принцессы французскія". Графъ Людовикъ,— такъ звали Нарбонна въ салонахъ, гдѣ онъ имѣлъ огромный успѣхъ среди женщинъ,—женился на дѣвицѣ Монтолонъ, дочери перваго президента парламента въ Нормандіи. Молодая г-жа Нарбоннъ послѣдовала въ Италію за принцессами и за своей мнимой свекровью, герцогиней Нарбоннъ, а графъ Людовикъ жилъ то въ Англіи, то въ Швейцаріи среди эмигрантовъ, прославившись своими любовными похожденіями.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи передать одинъ анекдотъ, быть можетъ не особенно интересный, но выдающійся по тѣмъ лицамъ, о коихъ въ немъ говорится. Революція разсѣяла по поверхности земли мужей, любовниковъ, друзей. Г-жа Сталь, вынужденная удалиться въ свой замокъ въ Коппе, вспоминала нерѣдко восхитительные часы, проведенные ею въ Парижѣ въ обществѣ графа Людовика. Онъ былъ въ Лондонѣ. Она послала ему деньги на проѣздъ и умоляла его, именемъ любви и дружбы, пріѣхать къ ней какъ можно скорѣй. Получивъ это пріятное приказаніе, онъ только и былъ занятъ мыслію, какъ бы преодолѣть скорѣе препятствія, отдѣлявшія его отъ береговъ Женевскаго озера. Но въ это время въ Коппе появился одинъ шведъ, такой замѣчательный красавецъ, что противустоять ему было бы смѣшно и невозможно. Сомнѣвалась ли г-жа Сталь въ томъ, что Нарбоннъ поспѣшитъ къ ней, или же она разсчитывала, что она успѣетъ до его пріѣзда разыграть новый романъ, какъ бы то ни было, она предалась всецѣло во власть побѣдителя: но едва успѣла она испытать, какъ дѣйствуютъ чары любви на сердце сѣверянина, какъ было получено изъ Женевы письмецо, начертанное рукою графа Людовика. Какое ужасное положеніе! Какъ встрѣтятся эти соперники, полагающіе, конечно, что каждый изъ нихъ одинъ владѣетъ предметомъ любви? Но г-жа Сталь была изобрѣтательна: она написала Нарбонну, чтобы онъ ожидалъ ее въ Женевѣ. Прошло три дня, во время которыхъ она открыла красавцу шведу свою тайну, разукрашенную порядочной долею вымысла, взяла съ него клятву, что онъ не будетъ требовать отъ нея ни объясненій, ни жертвъ. Все было предусмотрѣно, обдумано и, наконецъ, красавецъ шведъ и пылкій французъ встрѣтились въ салонахъ Коппе.

День прошелъ какъ нельзя лучше. Соперники, какъ и можно было ожидать, держали себя очень холодно, и дочь великаго Неккера легла спать, наслаждаясь сознаніемъ полной побѣды. Но на слѣдующее утро все общество уже собралось къ завтраку, а знаменитые иностранцы все еще не появлялись. Хозяйка послала просить ихъ къ

завтраку; ихъ не оказалось въ домѣ; тщетно искали ихъ въ домѣ и въ саду; всѣ были удивлены, всѣ заволновались; г-жа Сталь едва могла сохранить хладнокровіе; всѣ пустились на поиски, строили разныя предположенія; но все было напрасно. Наконецъ, одинъ крестьянинъ заявилъ, что онъ видѣлъ въ 4 часа ночи двухъ мужчинъ, которые шли молча по большой дорогѣ въ Швейцарію. По его описанію это были какъ разъ исчезнувшіе господа. Г-жу Сталь осѣнило какъ молніей. Ей казалось уже, что она видитъ, какъ течетъ кровь ея друзей, которымъ угрожала опасность обоимъ въ равной степени. Отчаяніе ея было безпредѣльно; она не могла долѣе скрывать своей тайны; была готова лишить себя жизни, готовилась къ смерти и всѣмъ исповѣдывалась; во всѣ концы были разосланы люди; къ врачу хирургу была послана просьба не уѣзжать изъ города и быть готовымъ ко всякой случайности; всѣ краснорѣчивыя и нравственныя увѣщанія Неккера умершей дочери были напрасны; день уже склонялся къ вечеру, когда пріѣхалъ секретарь Неккера, Куандэ. Онъ видѣлъ лодку, изъ которой вышли эти господа, нагруженные рыбой.

Дѣло въ томъ, что Нарбоннъ, ложась спать, увидѣлъ, что шведъ приготовлялъ удочки.

— Вы любитель рыбной ловли?

— Большой.

— Вы часто удите?

— Собираюсь поудить завтра на разсвѣтѣ.

— Позвольте мнѣ сопровождать васъ; я до страсти люблю рыбную ловлю.

— Очень радъ.

И они уѣхали; ловъ былъ удачный, но противный вѣтеръ задержалъ ихъ на обратномъ пути. Послѣ этого въ замкѣ Коппе цѣлыхъ два дня никто не рѣшался взглянуть другъ на друга въ глаза. Нарбоннъ возвратился во Францію одновременно съ прочими эмигрантами; такъ какъ у него не было никакихъ средствъ къ жизни, то онъ былъ радъ занять двѣ маленькія комнатки, предложенныя ему виконтессой Лаваль, въ предмѣстьи Сенъ-Оноре, въ Парижѣ.

Онъ разсчитывалъ на свою дружбу съ Талейраномъ, но послѣдній, бывшій министромъ во времена Директоріи и консульства, не счелъ графа Людовика подходящимъ для службы при Бонапартѣ. Изящныя манеры, блестящее, но поверхностное образованіе и крайнее легкомысліе были качествами неподходящими для той эпохи, когда первымъ условіемъ карьеры были положительные таланты и отсутствіе манеръ. Нарбоннъ горько жаловался и докучалъ Талейрану, на котораго онъ возлагалъ всѣ свои надежды; такъ какъ онъ добивался

только скромнаго мѣста супрефекта или чего-либо въ родѣ этого, то Талейранъ оправдывался, говоря, что онъ не можетъ до такой степени унизить своего бывшаго друга.

Когда звѣзда князя Беневентскаго начала меркнуть по мѣрѣ того, какъ ухудшались дѣла съ Испаніей, графъ Нарбоннъ сталъ еще громче жаловаться на свою судьбу, сблизился съ врагами своего бывшаго друга и въ то время, когда императоръ воевалъ въ Австріи, всѣ были изумлены, узнавъ, что онъ вызванъ въ армію въ качествѣ дивизіоннаго генерала, а вслѣдъ затѣмъ назначенъ комендантомъ Рааба.

Одно пустяшное обстоятельство имѣло въ то время рѣшающее вліяніе на судьбу Нарбонна. Представляя императору рапортъ, онъ не передалъ его изъ рукъ въ руки, какъ дѣлали всѣ остальные, а положилъ его на шляпу и такимъ образомъ подалъ его императору.

Наполеону, жаждавшему почестей, сказали, что такъ подаютъ донесенія королямъ, и карьера Нарбонна была сдѣлана.

Вскорѣ послѣ этого онъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ въ Баварію; но онъ скучалъ въ Мюнхенѣ и просилъ меня выхлопотать ему мѣсто посланника въ Вѣну. По моимъ связямъ съ вѣнскимъ кабинетомъ это было бы нетрудно; по всей вѣроятности, я не встрѣтилъ бы препятствія и со стороны Тюильрійскаго двора, но очевидно, ему еще не суждено было въ то время получить это назначеніе. Я отложилъ всего на одинъ день переговорить объ этомъ съ княземъ Шварценбергомъ, который только-что пріѣхалъ въ званіи австрійскаго посланника, а въ это время ему предложили г. Отто, и онъ изъявилъ согласіе на его назначеніе. Между тѣмъ Нарбоннъ пріѣхалъ изъ Мюнхена, украшенный орденомъ св. Губерта, твердо рѣшивъ плѣнить дворъ и весь Парижъ.

Нѣкоторая искренность въ соединеніи съ самой искусной лестью снискала ему благоволеніе Бонапарта.

— Ваша тетушка пріѣхала? спросилъ его однажды Наполеонъ.

— Да, ваше величество.

— Говорятъ, она меня не любитъ?

— Не скрою отъ вашего величества, что она скорѣе преклоняется передъ вами.

Другой разъ, когда Талейранъ разсказывалъ Наполеону, знавшему одинъ французскій языкъ, что англійскій король говорилъ и писалъ правильно на четырехъ языкахъ. „На четырехъ языкахъ! воскликнулъ Нарбоннъ, да въ Германіи всякій лакей говоритъ по меньшей мѣрѣ на шести языкахъ“.

Другой разъ, когда императоръ сказалъ съ досадой, что онъ

не понимаетъ, почему Вѣнскій дворъ отказывается прогнать князей Ламбеска и Водемона, Нарбоннъ замѣтилъ:

— Ваше величество, отдайте ихъ этому двору. Маленькіе подарки скрѣпляютъ дружбу.

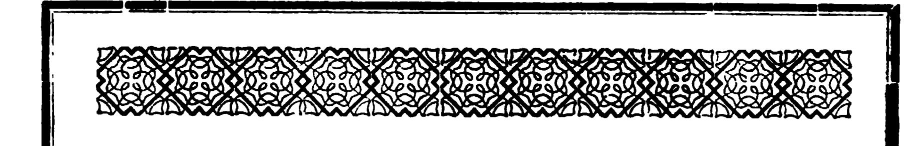
Я могъ бы привести много подобныхъ примѣровъ, но и сказаннаго достаточно, чтобы показать, какой тактики держался старый версальскій царедворецъ.

Наполеонъ проявилъ неожиданно къ людямъ прежняго режима какое-то особенное пристрастіе, что̀ очень опечалило его приближенныхъ. Онъ хотѣлъ назначить Нарбонна придворнымъ кавалеромъ новой императрицы; но герцогиня Монтебелло, не желая имѣть подлѣ себя человѣка, который училъ бы ее каждому реверансу, и находя, что графъ Богарне, надъ которымъ она насмѣхалась, болѣе подходилъ къ роли ея покорнаго слуги, каковыми она хотѣла видѣть всѣхъ окружающихъ, заставила императрицу рѣшительно отклонить это назначеніе. Тогда Нарбоннъ былъ назначенъ адъютантомъ императора, онъ походилъ на этомъ мѣстѣ на старую куклу, которую держали для поддержанія забытыхъ старинныхъ традицій. Ему было около шестидесяти лѣтъ, онъ уже двадцать пять лѣтъ не ѣздилъ на лошади и на его мѣстѣ всякій нашелъ бы эту должность тягостной, но онъ справлялся со своей обязанностью такъ хорошо, что во время злополучнаго бѣгства изъ Россіи, въ 1812 г., онъ одинъ сохранилъ настолько самообладанія и присутствія духа, что, глядя на него, императоръ могъ судить, до какой степени онъ самъ и всѣ окружающіе его растерялись. Съ назначеніемъ его посланникомъ въ Вѣну увѣнчались наконецъ его давнишнія желанія. Его друзья, а ихъ было много, выказали большую радость по поводу этого назначенія, но никто не предвидѣлъ, куда оно приведетъ его.

Онъ пробылъ посланникомъ недолго. Дѣла въ Европѣ ухудшились. Австрія вернулась къ политикѣ, которая вполнѣ согласовалась съ ея собственными интересами и отъ которой ей не слѣдовало никогда уклоняться. Нарбоннъ былъ назначенъ, вмѣстѣ съ герцогомъ Виченскимъ, полномочнымъ министромъ на конгрессъ, собравшійся въ Прагѣ, который привелъ къ походу 1813 г. Возвратясь въ главную квартиру, въ Дрезденъ, онъ засталъ тамъ Наполеона въ тотъ моментъ, когда побѣда измѣнила ему. Въ Торгау былъ помѣщенъ на храненіе сундукъ съ двадцатью пятью милліонами, и императоръ, имѣя полное основаніе положиться на честность Нарбонна, когда дѣло шло о деньгахъ, и на его преданность, когда дѣло шло о чести, назначилъ его комендантомъ этой крѣпости. Онъ продержался въ ней до тѣхъ поръ, пока французы не были изгнаны изъ Германіи, и умеръ тамъ отъ чумы, которая свирѣпствовала въ то время въ этой

странѣ. Его преемникъ, не желая пугать публику, объявилъ оффиціально что Нарбоннъ скончался отъ ушиба, полученнаго имъ при паденіи съ лошади. Друзья, оплакивавшіе его кончину, могли радоваться тому, что ему не пришлось дожить до сдачи крѣпости и испытать на себѣ презрѣніе, съ какимъ навѣрно отнеслись бы къ нему побѣдители, какъ къ человѣку, который дошелъ до забвенія всѣхъ приличій и обязанностей, которыя налагало на него его происхожденіе и милости, коими онъ пользовался со стороны своихъ законныхъ монарховъ.

Царство Польское наканунѣ конституціи 1815 года.

Трехлѣтній періодъ времени, протекшій съ оккупаціи русскими войсками великаго герцогства Варшавскаго въ 1812 г. и до дарованія Александромъ I конституціи царству Польскому въ 1815 г., до сихъ поръ мало освѣщенъ историками, даже тѣми, которые спеціально занимались разработкою исторіи Польши. Между тѣмъ, за эти три года (1813—1815 г.г.) въ судьбахъ Польши и всего польскаго народа, впервые отошедшаго окончательно подъ верховную власть царствующей въ Россіи династіи, совершился переворотъ огромной важности.

Какъ извѣстно, великое герцогство Варшавское, созданное Наполеономъ I по Тильзитскому договору, просуществовало подъ верховной властью французскаго императора всего пять лѣтъ, съ 1807—1812 г.; вслѣдъ за пораженіемъ Наполеона въ Россіи, было занято союзными войсками; на Вѣнскомъ конгрессѣ послѣдовалъ раздѣлъ великаго герцогства, большая часть котораго была отдана Россіи, образовавъ царство Польское, которое, въ свою очередь, существовало, какъ конституціонное государство, подъ главенствомъ Россіи съ 1815 до 1830 г., до возстанія, послѣ чего Польша утратила свою автономію и вошла окончательно въ составъ имперіи.

Обширный матеріалъ, который могъ бы всесторонне выяснить столь важный моментъ въ новѣйшей исторіи Польши, какимъ были эти три переходные годы, хранится еще неиспользованнымъ въ архивѣ Государственнаго Совѣта въ Петербургѣ (бумаги статсъ-секретаріата царства Польскаго), въ королевскомъ архивѣ въ Берлинѣ и въ бумагахъ князя Адама Чарторыйскаго, горячаго защитника польской конституціи передъ Александромъ I, игравшаго столь видную роль въ судьбахъ своей родины. Его бумаги перевезены

не особенно давно въ Краковѣ и не приведены еще окончательно въ порядокъ.

Монографія Іосифа Боясинскаго „Rządy Tymczasowe w królestwie polskiem, maj—grudzień 1815“ (J. Bojasinskiego), съ содержаніемъ которой намѣрены мы познакомить читателей, восполняетъ до нѣкоторой степени указанный пробѣлъ. Основываясь на данныхъ, добытыхъ главнымъ образомъ изъ варшавскихъ казенныхъ и частныхъ архивовъ, авторъ даетъ картину дѣятельности варшавскаго правительства съ мая по декабрь 1815 г., въ связи съ экономическимъ и финансовымъ положеніемъ страны, при чемъ само собою выясняется несоотвѣтствіе, существовавшее въ вопросѣ о русско-польскихъ отношеніяхъ между недоброжелательствомъ русскихъ государственныхъ дѣятелей и либеральными стремленіями императора Александра I.

---

3 мая 1815 г. между Австріей, Пруссіей и Россіей были заключены три договора, закрѣпившіе постановленія Вѣнскаго конгресса касательно Польши. Каждая изъ договаривающихся сторонъ отстаивала на конгрессѣ свое право на большую или меньшую часть великаго герцогства Варшавскаго. Россія основывала свои права на роли, которую она сыграла въ низверженіи Наполеона и въ окупаціи герцогства; Пруссія—на поддержкѣ, оказанной ею въ этомъ дѣлѣ Россіи, и на положеніи вещей, предшествовавшемъ образованію Варшавскаго герцогства; Австрія считала себя въ правѣ требовать возврата польскихъ земель, отнятыхъ у нея въ 1809 г. Послѣ длительныхъ переговоровъ, которые неоднократно грозили быть прерванными, состоялся новый раздѣлъ бывшей Рѣчи Посполитой между сосѣдними державами.

27 мая вышеупомянутые трактаты были ратификованы и царство Польское превратилось въ наслѣдственную монархію, навсегда соединенную съ Россійской имперіей, которой императоръ Александръ обѣщалъ дать конституціонное устройство.

Дѣйствуя прямодушнѣе своихъ союзниковъ—Франца I и Фридриха Вильгельма III, императоръ Александръ совершенно ясно и опредѣленно высказалъ свои намѣренія по отношенію къ Польшѣ и такъ какъ конституціонная хартія не могла быть выработана довольно скоро, то онъ, до ратификаціи договоровъ и окончательной редакціи постановленій конгресса, того же 27 мая подписалъ „Основы“ будущей конституціи (Bases de la Constitution), имѣвшія характеръ законодательнаго акта, такъ какъ варшавское правительство, до введенія конституціоннаго строя, должно было руководствоваться ими, какъ закономъ.

1944!

Слухи о переговорахъ, происходившихъ въ Вѣнѣ, и о постановленіяхъ конгресса, отъ которыхъ зависѣла судьба Варшавскаго герцогства, доходили до его жителей отрывочно и съ большимъ запозданіемъ. Послѣ радужныхъ надеждъ, поданныхъ полякамъ Наполеономъ I, герцогство два года уже находилось фактически подъ властью Россіи, было занято русскими войсками, управлялось русскими чиновниками; не мудрено, что поляки, не увѣренные въ своей дальнѣйшей судьбѣ, не зная даже, что имъ предстояло въ ближайшемъ будущемъ, ожидали извѣстій изъ Вѣны съ тягостнымъ нетерпѣніемъ. Обѣднѣніе края, застой промышленности, злополучная судьба военно-плѣнныхъ, возвращавшихся на родину, которые не имѣли по большей части, куда преклонить голову, тягость военнаго постоя, строгости военнаго времени и полицейскаго режима, неутѣшительныя вѣсти, полученныя отъ Игнатія Соболевскаго, занимавшаго уже въ то время въ Петербургѣ мѣсто секретаря по дѣламъ польскимъ, наконецъ, слова, сказанныя императоромъ Александромъ польской депутаціи, прибывшей къ нему во главѣ съ полковникомъ Владиславомъ Соболевскимъ и противорѣчившіе этимъ словамъ отзывы, слышанные той же депутаціей отъ вліятельныхъ петербургскихъ сановниковъ, все это вмѣстѣ взятое создавало атмосферу крайне тягостную и напряженную.

Первое, болѣе достовѣрное, хотя еще не вполнѣ опредѣленное извѣстіе о судьбѣ, ожидавшей Польшу, Варшава услышала 24 марта 1815 г., изъ устъ великаго князя Константина Павловича, которому генералъ Крюковецкій привезъ изъ Вѣны собственноручное письмо императора Александра съ извѣщеніемъ, что онъ получилъ на конгрессѣ относительно Польши все, что онъ желалъ.

6 мая пріѣхалъ въ Варшаву Ожаровскій, привезшій президенту сената Островскому также собственноручное письмо императора Александра, коимъ государь извѣщалъ о возстановленіи царства Польскаго и о своемъ намѣреніи даровать ему конструкцію. Письмо было помѣчено 30 апрѣля, слѣдовательно, было писано за три дня до заключенія трактатовъ съ Пруссіей и Австріей, но въ то время, когда между монархами состоялось уже соглашеніе по польскому вопросу. Островскому было разрѣшено огласить содержаніе этого письма. Увѣдомляя президента сената о томъ, что „судьба его отечества“ наконецъ рѣшена по единодушному соглашенію монарховъ, собравшихся на конгрессѣ, Александръ писалъ, что, „принимая титулъ короля польскаго, онъ хотѣлъ этимъ исполнить желаніе народа“. „Царство Польское“, продолжалъ онъ, „будетъ связано съ Россійской имперіей узами конституціи, которой я намѣренъ упрочить благоденствіе страны. Хотя высшія соображенія и необходимость обезпечить всеобщій миръ не позволили

соединить всѣхъ поляковъ подъ однимъ скипетромъ, но я старался, по крайней мѣрѣ, облегчить на сколько возможно тягость раздѣла и обезпечить имъ спокойное развитіе ихъ народности".

Ожаровскій привезъ одновременно указъ о назначеніи на епископскую каѳедру въ Краковѣ извѣстнаго горячаго польскаго патріота Воронича; Александръ I воспользовался представленнымъ ему, по вѣнскому договору, правомъ назначать епископовъ изъ представленныхъ ему кандидатовъ. Назначеніе Воронича было встрѣчено сочувственно; еще болѣе порадовали всѣхъ слова указа, что императоръ хотѣлъ „доказать, какъ ему пріятно подтвердить этимъ свое уваженіе" къ тѣмъ, „кои всегда готовы жертвовать собою для блага родины".

Но все это отнюдь не разрѣшало сомнѣній, волновавшихъ поляковъ, и они ожидали съ еще большимъ нетерпѣніемъ пріѣзда изъ Вѣны князя Адама Чарторыйскаго. Его прождали цѣлый мѣсяцъ, а тѣмъ временемъ выяснилось, что намѣченныя на конгрессѣ границы будущаго царства Польскаго далеко не соотвѣтствовали ожиданіямъ, что къ Пруссіи отошли самыя лучшія и богатыя великопольскія земли; было получено извѣстіе о вступленіи прусскихъ войскъ въ Познань, и варшавяне были свидѣтелями перемѣны, происшедшей въ великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, который, при обученіи вновь формировавшейся пѣхоты, не сдерживалъ болѣе врожденной ему горячности, относился къ ней „презрительно" и видимо считалъ возможнымъ примѣнять чисто воинскую строгость и къ публикѣ, бывшей случайно зрительницей ученій, которыя производились имъ на Саксонскомъ плацу.

13 іюня пріѣхалъ наконецъ въ Варшаву давно жданный и еще не вполнѣ оправившійся отъ перенесенной имъ болѣзни князь Адамъ Чарторыйскій; онъ привезъ оффиціальное извѣстіе о рѣшеніяхъ, принятыхъ на конгрессѣ, и о томъ, что императоромъ Александромъ уже повелѣно было приступить къ введенію въ царствѣ Польскомъ постепенно и „безъ особыхъ потрясеній" конституціоннаго образа правленія.

Тутъ необходимо сказать хотя бы въ краткихъ словахъ о томъ, въ какомъ положеніи находилось Варшавское герцогство и его внутреннее управленіе послѣ разгрома великой арміи въ 1812 г.

Въ исходѣ февраля 1813 г. вся территорія герцогства, кромѣ Кракова и нѣсколькихъ крѣпостей: Торна, Ченстохова, Замостья и Модлина была въ рукахъ русскаго войска; варшавское правительство удалилось въ Краковъ. Нѣсколько дней спустя, императоръ Александръ I учредилъ для управленія гражданскими дѣлами герцогства Верховный Совѣтъ изъ пяти членовъ: предсѣдателя — варшавскаго

генералъ-губернатора — Василія Сергѣевича Ланскаго, вице-предсѣдателя Новосильцова, князя Ксаверія Друцкаго-Любецкаго, Ѳомы Вавржецкаго и Христофора Коломба.

Въ маѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Варшаву, назначенный оберъ-полиціймейстеромъ, генералъ Гертель; онъ не былъ подчиненъ никому изъ мѣстныхъ властей и сносился только съ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Петербургѣ, гдѣ польскія дѣла сосредоточивались въ рукахъ графа Аракчеева. Этимъ вполнѣ опредѣляется характеръ управленія. Агенты Гертеля, не взирая на объявленную амнистію и не считаясь со взглядами добродушнаго Ланского, арестовывали жителей Варшавскаго герцогства по одному наговору доносчиковъ; и они ссылались въ отдаленныя губерніи Россіи. Чарторыйскій жаловался на это императору Александру, изображалъ ему въ яркихъ краскахъ бѣдственное положеніе Польши. Вслѣдствіе его жалобъ, для обузданія Гертеля, былъ учрежденъ 30 августа, подъ предсѣдательствомъ Новосильцова, особый комитетъ для надзора за дѣйствіями полицейскихъ властей.

Въ матеріальномъ отношеніи Варшавское герцогство очень страдало въ это время отъ реквизицій на содержаніе оккупаціонной арміи. Вступившее въ предѣлы герцогства побѣдоносное русское войско, еще до учрежденія Верховнаго Совѣта, продовольствовалось за счетъ польской казны; стоимость фуража и провіанта, который русская армія получала изъ запасныхъ магазиновъ и у обывателей, раскладывалась на повѣты и гмины и оцѣнивалась по тарифу, выработанному (6 февраля 1813 г.) генералъ-интендантомъ Канкринымъ и утвержденному княземъ Кутузовымъ-Смоленскимъ. Съ 1-го февраля 1813 по 1 мая 1814 г., войсками было забрано такимъ образомъ провіанта и фуража на сумму 72.382.986 польск. злотыхъ; когда же, въ виду крайняго истощенія страны, въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года, мѣстныя власти заявили, что они не въ состояніи удовлетворить дальнѣйшихъ требованій арміи, комиссія, завѣдывавшая продовольствіемъ войска, получила отъ Ланскаго извѣщеніе, что „никакія объясненія не могутъ быть приняты во вниманіе и что всѣ требованія русскаго войска должны быть удовлетворены, подъ страхомъ преданія военному суду“.

Въ августѣ мѣсяцѣ, по требованію Барклая-де-Толли, Варшавское герцогство отправило для арміи въ Силезію муки, сухарей, крупъ, овса, мяса (скота) и водки на 894.430 польск. злотыхъ.

Когда, по мѣрѣ развитія военныхъ дѣйствій, возросло число больныхъ, то Верховнымъ Совѣтомъ было издано постановленіе, коимъ жители царства Польскаго обязывались доставлять войску необходимыя лазаретныя принадлежности натурой; эта повинность, пере-

ложенная на деньги, составила вскорѣ сумму въ 1.667.221 польск. злот. Въ сентябрѣ пришлось доставить для арміи повозки и лошадей—на 3.816,000 п. злот., въ ноябрѣ потребовалось 5 тысячъ тулуповъ и т. д. Послѣдующія реквизиціи на надобности однихъ только отрядовъ, осаждавшихъ Модлинъ и Замостье, превысили 1 милліонъ польскихъ злотыхъ, а въ общей сложности, Варшавское герцогство доставило въ теченіе 1813 и первыхъ четырехъ мѣсяцевъ 1814 г. на надобности русской арміи разныхъ предметовъ на 157.928.176 польск. злотыхъ.

1814 годъ принесъ жителямъ герцогства нѣкоторое облегченіе; были отмѣнены кое-какіе налоги, разрѣшенъ ввозъ изъ Россіи скота, вина, водки и другихъ предметовъ, которые ввозились до войны, и было воспрещено производить какія бы то ни было реквизиціи безъ высочайшаго на то соизволенія: но къ этому времени матеріальныя средства Варшавскаго герцогства были уже до такой степени истощены, что за удовлетвореніемъ потребностей мѣстныхъ жителей запасовъ провіанта по разсчету генералъ-губернатора могло хватить на продовольствіе 200.000 резервной арміи и 30.000 больныхъ, пользовавшихся въ лазаретахъ, не болѣе какъ на четыре мѣсяца, а для дѣйствующей 380.000 арміи—самое большее на одинъ мѣсяцъ.

Въ апрѣлѣ 1814 г. бывшіе во Франціи остатки польскаго войска отдались подъ покровительство императора Александра, разрѣшившаго сформировать изъ нихъ одинъ корпусъ подъ наименованіемъ „войска герцогства Варшавскаго". Этому пятитысячному корпусу былъ произведенъ смотръ на равнинѣ Saint Denis, послѣ чего ему было разрѣшено возвратиться въ Варшаву. Для дальнѣйшей организаціи польскаго войска 24 апрѣля былъ учрежденъ еще въ Парижѣ, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Павловича, военный комитетъ, въ составъ котораго вошли генералы: Домбровскій, Княжевичъ, Войчинскій, Віельгорскій, Заіончекъ, Сѣраковскій и Сулковскій. Разсѣянное по Европѣ польское войско начало стягиваться со всѣхъ сторонъ въ Варшаву, куда отправились въ скоромъ времени и члены военнаго комитета.

Согласно инструкціи, полученной отъ великаго князя Константина Павловича, главнаго начальника всѣхъ польскихъ войскъ,—Домбровскій, командовавшій соединеннымъ корпусомъ этихъ войскъ, занялся ихъ сформированіемъ и составленіемъ списка лицъ, несшихъ какія-либо воинскія обязанности въ Варшавскомъ герцогствѣ и проживавшихъ въ его предѣлахъ. Чтобы облегчить распредѣленіе по частямъ военно-плѣнныхъ, возвращавшихся въ Польшу, было рѣшено расквартировать вновь формируемые полки по разнымъ губерніямъ.

На предварительную организацію этого дѣла потребовалось тотчасъ 75 тыс. польскихъ злотыхъ.

Верховный Совѣтъ былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе: на содержаніе польскаго войска не послѣдовало никакой ассигновки изъ имперскихъ суммъ, всѣ доходы временнаго герцогства уже имѣли опредѣленное назначеніе, подати поступали неправильно, поэтому было рѣшено выдать Домбровскому необходимую сумму изъ денегъ, полученныхъ изъ Петербурга на надобности лазаретовъ, о чемъ немедленно и было донесено императору. Нѣсколько недѣль спустя пришлось такимъ же путемъ удовлетворить вторичное требованіе Домбровскаго на счетъ денегъ. 15 іюля Верховный Совѣтъ получилъ отъ него извѣщеніе о томъ, что „польское войско" вступитъ въ предѣлы Варшавскаго герцогства въ началѣ августа; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ выдачи 400.000 п. зл. на уплату жалованья войску. На этотъ разъ Верховный Совѣтъ не могъ изыскать никакихъ средствъ. По представленіи о томъ императору деньги были выданы изъ русскаго казначейства; и одновременно состоялось высочайшее повелѣніе о выдачѣ ежегодно 2.127.420 пол. злот. въ распоряженіе варшавскаго генералъ-губернатора для надобностей польскаго войска съ возвратомъ этихъ денегъ со временемъ изъ суммъ Варшавскаго герцогства. Такимъ образомъ оно не несло въ то время никакихъ расходовъ по содержанію и сформированію польскаго войска.

Первое засѣданіе военнаго комитета, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Павловича, состоялось въ Варшавѣ 27 сентября 1814 г., въ ноябрѣ мѣсяцѣ комитетъ былъ извѣщенъ о непремѣнномъ желаніи императора поспѣшить съ организаціей войска въ виду возможности войны съ коалиціей. Съ назначеніемъ въ комитетъ кн. Гедройца его дѣятельность оживилась; вскорѣ было сформировано двѣ пѣхотныя дивизіи по три бригады въ каждой, двѣ дивизіи кавалеріи, два полка гвардіи, инженерный и артиллерійскій корпуса. Въ общемъ было поставлено подъ ружье около 20.000 человѣкъ; между тѣмъ назначеніе и характеръ этого войска не были еще точно опредѣлены. Въ оффиціальной перепискѣ между императоромъ Александромъ, великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ и Верховнымъ Совѣтомъ оно называлось „польскимъ войскомъ", но въ документахъ, выдаваемыхъ офицерамъ, обозначался только ихъ чинъ и номеръ полка и тщательно избѣгалось названіе „польское войско" или „войско Варшавскаго герцогства".

Вслѣдъ за военнымъ комитетомъ былъ учрежденъ комитетъ для устройства гражданскаго управленія. Въ немъ работали, подъ предсѣдательствомъ президента сената, Ѳомы Островскаго, князь Адамъ

Чарторыйскій, Вавржецкій, Іосифъ Оссолинскій, Кучинскій, Сташицъ и Новосильцевъ; впослѣдствіи къ этимъ лицамъ присоединились Нѣмцевичъ и кн. Ксаверій Друцкой-Любецкій. Комитетъ, дѣятельность котораго началась 3 іюля 1814 г., намѣтилъ рядъ реформъ: замѣну кодекса Наполеона и системы французскихъ судовъ литовскимъ статутомъ, а впослѣдствіи, новымъ польскимъ гражданскимъ и уголовнымъ уложеніемъ; улучшеніе быта крестьянъ и надѣленіе ихъ земельной собственностью, измѣненіе въ системѣ взиманія налоговъ, болѣе соотвѣтствующее потребностямъ торговли, земледѣлія и промышленности, возвращеніе духовенству конфискованныхъ у него имуществъ,—словомъ, былъ проектированъ рядъ мѣръ, клонившихся къ улучшенію матеріальнаго и культурнаго положенія страны.

Но обоимъ комитетамъ, военному и гражданскому, не удалось развить своей дѣятельности, они успѣли провести лишь самыя неотложныя мѣры, которыя только подали народу смутную надежду на лучшее будущее, но не измѣнили ни въ чемъ печальнаго положенія, въ какомъ находились финансы Варшавскаго герцогства и его населенія.

Такъ, напр., по бюджету, составленному на 1814—15 годъ (съ 1 мая 1814 по 1 мая 1815) ожидалось поступленіе доходовъ 53.836.554 польск. злотыхъ, а расходовъ 43.491.225 п. зл., слѣдовательно, къ концу бюджетнаго года въ кассѣ должно было остаться свыше 10 тысячъ польскихъ злотыхъ. Между тѣмъ уже въ декабрѣ выяснилось, что на самомъ дѣлѣ будетъ совсѣмъ иное: вслѣдствіе плохого поступленія доходовъ ожидался дифицитъ почти въ 8 тысячъ польск. злотыхъ.

Таково было матеріальное положеніе Варшавскаго герцогства въ тотъ моментъ, когда изъ Вѣны пріѣхалъ давно ожидаемый всѣми князь Адамъ Чарторыйскій, съ оффиціальнымъ извѣстіемъ объ образованіи царства Польскаго и о перемѣнахъ, предстоявшихъ во внутреннемъ управленіи страны.

Чарторыйскій пріѣхалъ въ Варшаву, какъ было сказано, 13 іюня 1815 г.; недѣлю спустя, 20 іюня, состоялось торжество оффиціальнаго провозглашенія царства Польскаго, вступленіе въ должность временнаго правительства, обнародованіе „Основъ“ будущей конституціи и манифеста, привезеннаго княземъ изъ Вѣны.

Въ день провозглашенія конституціи жители Варшавы рано утромъ были извѣщены о предстоящемъ торжествѣ 51 выстрѣлами изъ орудій. Въ 8-мъ часу утра чины правительства, собравшись въ королевскомъ замкѣ, отправились въ костелъ св. Яна, гдѣ, при огромномъ стеченіи народа, была отслужена обѣдня; послѣ проповѣди, произнесенной епископомъ Вороничемъ, секретарь Шанявскій прочелъ

манифестъ, въ которомъ Александръ I высказывалъ, между прочимъ, надежду на то, что рѣшеніе, принятое конгрессомъ по отношенію Польши, послужитъ странѣ на благо. Вслѣдъ за тѣмъ было прочитано отреченіе саксонскаго короля Фридриха-Августа отъ его правъ на Варшавское герцогство, освобожденіе его подданныхъ отъ данной ему присяги и его прощальное слово къ своимъ бывшимъ подданнымъ, въ которомъ говорилось, что онъ „вѣчно сохранитъ въ своемъ сердцѣ воспоминаніе о нихъ и будетъ возносить къ престолу Всевышняго горячія молитвы объ ихъ благополучіи, которое было всегда цѣлью его отеческихъ заботъ и попеченій".

Церковное торжество закончилось рѣчью, произнесенной Вавржецкимъ, послѣ чего члены временнаго правительства стали на ступеняхъ трона, на которомъ былъ поставленъ портретъ Александра I, и произносили за Шанявскимъ формулу присяги.

Изъ костела власти направились въ предмѣстье Воля, гдѣ были выстроены подъ командою великаго князя польское войско и русская гвардія. Послѣ молебствія и вторичнаго прочтенія манифеста великій князь объявилъ о переименованіи, по волѣ императора, батальоновъ 1-го и 5-го линейныхъ пѣхотныхъ полковъ въ гвардію и образованіи изъ нихъ отдѣльнаго л.-гв. гренадерскаго полка, о сформированіи изъ лучшихъ эскадроновъ кавалеріи стрѣлковыхъ полковъ конной гвардіи и о переименованіи одной артиллерійской батареи въ гвардейскую артиллерійскую батарею.

Въ 3 часа въ замкѣ состоялся обѣдъ на 200 чел., стоившій казнѣ 24 тысячи польск. злотыхъ. Въ 5 часовъ было угощеніе для народа; вечеромъ былъ спектакль и иллюминація.

Этотъ день обошелся казнѣ вновь созданнаго царства Польскаго 46.670 польск. зл.

Обѣщанная полякамъ конституція должна была быть вполнѣ національной „основанной на принципахъ порядка, правосудія и свободы" и приблизиться къ конституціи 3 мая 1791 г.[1]) постолько, „поскольку это позволятъ измѣнившіяся обстоятельства и требованія времени". Римско-католическая религія должна была быть предметомъ особаго попеченія правительства, безъ мельчайшаго, однако, ущерба для свободы иныхъ исповѣданій; обезпечивалась свобода печати и свобода личности, съ ссылкою на стародавній основной законъ: „neminem captivabimus"; отнынѣ никто не могъ быть арестованъ и висланъ за предѣлы царства Польскаго въ административномъ порядкѣ.

Въ отношеніи свободы печати допускалась впрочемъ возможность

---

[1]) См. „Польская конституція 3 мая 1791 г. и отношеніе къ ней Россіи". „Рус. Старина", изд. 1904. кн. апр.—іюль.

*

ограниченій (modificationis). Иностранцамъ гарантировалось покровительство закона и всѣ преимущества, какія были обезпечены мѣстному населенію, а равно право пріобрѣтать недвижимое имущество и подданство. Гражданское и уголовное право, дѣйствовавшія въ странѣ, оставались въ силѣ до выработки новыхъ законовъ и утвержденія ихъ королемъ.

Всѣ должности должны замѣщаться только одними поляками или лицами, владѣвшими недвижимымъ имуществомъ, и слѣдовательно имѣвшими право принять польское подданство. Все дѣлопроизводство и судопроизводство должны были совершаться на польскомъ языкѣ; отправленіе правосудія объявлялось независимымъ и судьи несмѣняемы. Было намѣчено улучшеніе быта духовенства. Улучшеніе матеріальнаго положенія городовъ и ихъ процвѣтаніе должно было, по словамъ манифеста, составить предметъ особыхъ заботъ правительства. Многочисленному классу крестьянъ предоставлялось право пріобрѣтать земельную собственность; имъ было обѣщано особое покровительство—„отеческое" попеченіе закона, дабы „привести ихъ постепенно къ истинному и прочному благосостоянію". Дѣйствія этихъ законовъ распространялось и на евреевъ.

Это только малая часть тѣхъ гражданскихъ свободъ, которыя были обѣщаны 37-ю статьями „Основъ" будущей конституціи, на которыхъ императоръ Александръ начерталъ собственноручно, что онѣ „будутъ служить руководствомъ и инструкціей для вновь учреждаемаго временнаго правительства царства Польскаго".

Управленіе страною въ это переходное время было возложено на временное правительство, во главѣ котораго стали бывшіе члены Верховнаго Совѣта: Ланской, Новосильцевъ, Вавржецкій и Любецкій. Вице-предсѣдателемъ былъ назначенъ кн. Адамъ Чарторыйскій. Выборъ этихъ лицъ былъ довольно удачный, но онъ доказывалъ твердое намѣреніе Александра I слѣдовать и въ этомъ случаѣ неоднократно высказанному имъ принципу „не производить слишкомъ быстрыхъ перемѣнъ во избѣжаніе могущихъ отъ этого произойти опасныхъ послѣдствій"; ради этого принципа пришлось пожертвовать на первыхъ порахъ той статьей „Основъ" конституціи, въ силу которой должностными лицами въ царствѣ Польскомъ могли быть только поляки.

Сорокапятилѣтній князь Адамъ Чарторыйскій, товарищъ дѣтства императора Александра, горячо радѣвшій о благѣ своей родины, пользовался, въ свою очередь, любовью народа, обладалъ выдающимися административными способностями, вѣрилъ въ будущее и пользовался особымъ расположеніемъ монарха. Все это давало ему возможность съ успѣхомъ стоять на стражѣ интересовъ страны

до введенія въ ней истинно конституціоннаго образа правленія.

Остальные три члена временнаго правительства и его президентъ Ланской [1]) стояли уже въ теченіе двухъ лѣтъ во главѣ управленія страною въ качествѣ членовъ Верховнаго Совѣта.

Нѣсколько грубоватый, лѣнивый, но довольно сговорчивый и въ сущности не злой человѣкъ, В. С. Ланской, за два года своего генералъ-губернаторства никого не возстановилъ противъ себя. Въ Варшавѣ ему симпатизировали, въ его домѣ любили бывать и вѣрили въ его доброжелательное отношеніе къ Польшѣ, онъ же не особенно довѣрялъ полякамъ и относился къ нимъ не сочувственно. Ему не нравился характеръ поляковъ, и онъ негодовалъ на то, что они сочувствовали Наполеону, бѣжавшему съ острова Эльбы, къ которому ихъ тянула, по его словамъ, „склонность къ грабежу, анархіи и и беззаконію".

Ланской не былъ одаренъ той широтою взглядовъ, какую выказалъ императоръ Александръ, отлично понимавшій, что послѣ событій, пережитыхъ Польшей за послѣдніе годы, нельзя было требовать отъ Варшавскаго герцогства, чтобы оно приспособилось сразу, во мгновеніе ока, къ совершенію новому порядку вещей. Ланской, напротивъ того, доказывалъ царю, что поляки должны были съ признательностью и покорностью примириться со всѣмъ совершившимся. Ланского тревожило то обстоятельство, что императоръ оставилъ Польшѣ собственное войско, онъ видѣлъ въ этомъ потворство стремленію поляковъ къ независимости и связаннымъ съ этимъ стремленіемъ чувствамъ и предвидѣлъ, что это войско могло оказаться современемъ „ядовитой змѣей" и, какъ вѣрный „сынъ отечества", пытался убѣдить Александра въ необходимости исправить „необдуманный шагъ", увѣряя его, что на поляковъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ полагаться.

Совершенно инымъ человѣкомъ былъ пятидесятилѣтній сенаторъ Новосильцевъ [2]), незаконный сынъ сестры графа А. С. Строганова, начавшій службу въ 1783 г., поступивъ въ армію въ чинѣ капитана.

---

[1]) Василій Сергѣевичъ Ланской—президентъ временнаго правительства царства Польскаго въ 1813 г., управлялъ съ 1728—1827 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; скончался въ 1831 г. членомъ Государственнаго Совѣта.

[2]) Николай Николаевичъ Новосильцевъ р. 1761 г. † 1836 г. въ званіи предсѣдателя Государственнаго Совѣта и комитета министровъ. Его дѣятельность въ Польшѣ продолжалась до 1831 г., обнаруженная имъ здѣсь строгость и даже жестокость, въ особенности по отношенію къ молодежи, вызвали ожесточеніе поляковъ и по мнѣнію нѣкоторыхъ способствовали ускоренію возстанія.

Затѣмъ онъ служилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ въ иностранной коллегіи, въ войну со Швеціей (1788—90) снова перешелъ на военную службу, отличился въ сраженіи подъ Біорнезундомъ, затѣмъ, будучи въ числѣ приближенныхъ императора Александра, принималъ дѣятельное участіе въ законодательныхъ трудахъ и, наконецъ, прибылъ съ тыломъ русской арміи въ Варшаву, гдѣ ему было суждено остаться долгое время. Помимо своего участія въ Верховномъ Совѣтѣ, управлявшемъ Варшавскимъ герцогствомъ, онъ былъ одно время предсѣдателемъ комитета высшаго надзора надъ полиціею, а впослѣдствіи ему былъ порученъ главный надзоръ за финансами въ герцогствѣ. Онъ старался всегда дѣйствовать какъ „другъ поляковъ", конституціи и либеральныхъ учрежденій, а въ то же время посылалъ въ Петербургъ секретныя записки, въ которыхъ жаловался на слабость Ланского и предлагалъ учредить въ царствѣ Польскомъ самый строгій полицейскій надзоръ. Способность къ шпіонству, которую онъ проявилъ впослѣдствіи столь блестящимъ образомъ въ Вильнѣ, не нашла еще въ то время для себя почвы, но давала ему возможность все видѣть и быть въ нужный моментъ насторожѣ. Тайный совѣтникъ Ѳома Вавржецкій былъ самымъ старшимъ изъ членовъ временнаго правительства; съ его именемъ было связано воспоминаніе о его службѣ Рѣчи Посполитой, о традиціяхъ литовскаго суда, о четырехлѣтнемъ сеймѣ и послѣднемъ возстаніи, но ему былъ уже 71 годъ, онъ былъ обремененъ непосильной работой и къ тому же былъ очень кротокъ, уступчивъ и легко поддавался мнѣнію другихъ.

Менѣе всего пользовался симпатіями поляковъ знаменитый впослѣдствіи министръ финансовъ царства Польскаго, князь Ксаверій Друцкой-Любецкій, котораго въ то время еще мало знали, да и то съ невыгодной стороны, но онъ уже выдѣлялся тогда среди товарищей дѣятельностью, огромной работоспособностью и сознавалъ своей обязанностью вознаградить своимъ трудолюбіемъ нерадѣніе своихъ коллегъ.

Таковы были люди, поставленные Александромъ у кормила правленія. Секретаремъ временнаго правленія былъ Іосифъ Шанявскій, человѣкъ нестойкихъ убѣжденій, безмѣрно честолюбивый, очень дѣятельный, ловкій, завистливый и высокомѣрный. Въ молодости горячій поклонникъ Канта, утопавшій въ метафизикѣ, онъ былъ впослѣдствіи страстнымъ поклонникомъ Наполеона и французскаго кодекса, а въ концѣ концовъ увлекся новыми ученіями, привязался къ Чарторыйскому, началъ поносить Наполеона и все французское и сдѣлался консерваторомъ.

Министромъ финансовъ былъ назначенъ Матушевичъ, знамени-

тый ораторъ четырехлѣтняго сейма, министръ финансовъ Варшавскаго герцогства, энергичный дѣятель генеральной конференціи, человѣкъ трезваго и яснаго ума, твердаго характера и безупречной честности, неустанно заботившійся о благѣ общества, хорошо знакомый съ финансовымъ вѣдомствомъ, всю важность котораго для страны въ ту переходную пору онъ отлично сознавалъ. Онъ взялся за дѣло горячо и со свѣтлыми надеждами на будущее. Его товарищъ по четырехлѣтнему сейму и редактированію Газеты Народовой, Ѳадей Мостовскій, предназначался на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, но такъ какъ онъ не могъ тотчасъ вступить въ эту должность, то временнымъ его замѣстителемъ былъ назначенъ Игнатій Соболевскій, завѣдывавшій въ Варшавскомъ герцогствѣ министерствомъ полиціи.

Главное начальство надъ войскомъ и предсѣдательствованіе въ военномъ комитетѣ осталось въ рукахъ великаго князя Константина Павловича.

Вновь назначенное временное правительство въ первый же день по открытіи своихъ засѣданій (22 іюня 1815 г.) обнародовало воззваніе, коимъ должностныя лица и обыватели царства Польскаго извѣщались о томъ, что „всѣ изданные ранѣе законы, циркуляры и распоряженія остаются въ силѣ впредь до ихъ отмѣны и что служащіе будутъ пользоваться по-прежнему присвоенными имъ правами и преимуществами“; при чемъ выражалась надежда, что они будутъ и „впредь служить вѣрою и правдою“, а правительство, со своей стороны, обѣщало „заботиться объ ихъ благосостояніи и вознаграждать ихъ за труды на пользу отечества“.

Хотя временное правительство, по своему составу и присвоенной ему власти, мало отличалось, на первый взглядъ, отъ упраздненнаго Верховнаго Совѣта бывшаго Варшавскаго герцогства, но между ними существовала большая разница. Во-первыхъ, для него былъ выработанъ наказъ, съ коимъ онъ былъ обязанъ строго сообразоваться, во-вторыхъ, въ важнѣйшихъ вопросахъ онъ долженъ былъ руководствоваться мнѣніемъ Государственнаго Совѣта. Его дѣятельность имѣла строго опредѣленный характеръ и цѣль, къ которой должны были клониться всѣ его труды; заранѣе было извѣстно, что оно должно скоро уступить мѣсто новому управленію, для котораго ему предстояло только подготовить почву. Слѣдовательно, его кратковременная дѣятельность должна была имѣть характеръ исключительно подготовительный, организаціонный. Всѣ вопросы должны были рѣшаться большинствомъ голосовъ,—при чемъ надобно замѣтить, что въ составъ административнаго совѣта входило двое русскихъ и три поляка. Между тѣмъ какъ Верховный Совѣтъ, учрежденный въ то время, когда страна была занятой оккупаціоннымъ войскомъ, долженъ

былъ управлять страною, изъ которой удалились власти; на его обязанности лежало имѣть строгій надзоръ за поведеніемъ жителей и принимать необходимыя мѣры для расквартированія и прохода русскихъ войскъ. Верховный Совѣтъ, также точно, какъ и временное правительство, рѣшалъ дѣла коллективно, съ тою разницею, что въ составъ его входило три поляка и два постороннихъ: одинъ русскій и одинъ пруссакъ; полицейская власть находилась въ рукахъ варшавскаго генералъ-губернатора, министерскія обязанности исполнялись членами Совѣта, а исполнительная власть въ столицѣ и въ провинціи находилась въ рукахъ пользовавшихся довѣріемъ Совѣта многочисленныхъ чиновниковъ.

Назначеніе въ Верховный Совѣтъ двухъ поляковъ было уступкой чисто формальнаго свойства, сдѣланной общественному мнѣнію страны, тогда какъ присутствіе среди членовъ временнаго правительства двухъ русскихъ сановниковъ противорѣчило „Основамъ" будущей конституціи. Въ первомъ случаѣ сдѣланная уступка не имѣла особеннаго значенія, отступленіе же отъ закона, допущенное при учрежденіи временнаго правительства, должно было отразиться на всей послѣдующей его дѣятельности; ибо такимъ образомъ не всѣ его члены были одинаково заинтересованы въ ходѣ работъ правительства и не всѣ одинаково были знакомы съ мѣстными нуждами и особенностями. Среди нихъ не могло быть единодушія и сплоченности, необходимыхъ для проведенія въ жизнь намѣченныхъ „Основами" реформъ. Тѣ члены временнаго правительства, которые сознавали, что ихъ власти скоро настанетъ конецъ, не могли быть одушевлены горячимъ желаніемъ работать, а ихъ коллегъ удручало сознаніе громадности возложеннаго на нихъ труда: они несли одновременно нѣсколько должностей и, кромѣ того, чувствовали себя нравственно обязанными работать вдвое за сотоварищей, которые относились къ дѣлу болѣе халатно. Ваврженцкій, напр., долженъ былъ работать не только какъ членъ временнаго правительства; онъ несъ, кромѣ того, обязанности министра юстиціи и независимо отъ этого завѣдывалъ тѣми дѣлами по управленію военнаго вѣдомства, которыми не хотѣлъ заниматься великій князь Константинъ Павловичъ. Любецкій, по своей дѣятельной натурѣ, дѣлалъ то, чего не додѣлывали другіе.

Коллегіальная форма управленія не особенно нравилась членамъ временнаго правительства. Быть можетъ, не всѣ они даже давали себѣ ясный отчетъ въ значеніи того переходнаго момента, какой переживала страна, и важности той роли, которая выпала на ихъ долю. Дѣятельность временнаго правительства вылилась постепенно въ слѣдующую форму.

На засѣданія, происходившія во дворцѣ Красинскихъ три раза въ недѣлю, первымъ пріѣзжалъ, въ 11-мъ часу, Любецкій и цѣлыхъ два часа выслушивалъ доклады завѣдывавшихъ отдѣльными частями и клалъ на нихъ резолюціи. Гораздо позднѣе пріѣзжали Чарторыйскій и Новосильцевъ и, расхаживая подъ руку, поджидали Ланского, который пріѣзжалъ съ Вавржецкимъ послѣднимъ. Засѣданіе начиналось не ранѣе двухъ часовъ. Шанявскій, секретарь, сидѣлъ за отдѣльнымъ столикомъ. Первымъ дѣломъ подписывали протоколъ предыдущаго засѣданія, который составлялся очень кратко, ибо, кромѣ номера, содержанія доклада и состоявшагося постановленія, въ немъ не было ничего существеннаго; его подписывали не читая. Послѣ этого входили завѣдующіе отдѣлами съ докладами, на которыхъ уже были положены резолюціи Любецкимъ, и подносили ихъ для подписи остальнымъ членамъ, изложивъ вкратцѣ сущность доклада. Обыкновенно всѣ соглашались съ резолюціей Любецкаго безъ возраженій. Только изрѣдка возникало разногласіе, которое всегда кончалось побѣдою Любецкаго, энергично отстаивавшаго свои мнѣнія. Около 3-хъ часовъ, сколько бы ни оставалось неразсмотрѣнныхъ дѣлъ и какъ бы они ни были важны, Ланской закрывалъ засѣданіе.

Дѣятельность временнаго правительства тормозилась многими независящими отъ него обстоятельствами, которыя коренились въ организаціи мѣстнаго управленія и въ бѣдственномъ матеріальномъ положеніи страны. Кромѣ того, великій князь Константинъ Павловичъ не желалъ согласовать своихъ дѣйствій съ видами временнаго правительства, а только „сносился“ съ ними.

Его положеніе по отношенію къ членамъ этого правительства было совершенно самостоятельное, независимое. Гражданское управленіе не было согласовано съ военнымъ, и это было камнемъ преткновенія, о который разбивались самыя лучшія намѣренія. Очень скоро пришлось убѣдиться въ томъ, что гражданское и военное вѣдомства такъ тѣсно связаны между собою, что организація войска и управленіе страною могутъ идти успѣшно только при полной согласованности въ дѣйствіяхъ этихъ двухъ вѣдомствъ. Такъ, напр., согласно повелѣнію императора Александра, а также въ силу необходимости временному правительству приходилось соблюдать величайшую бережливость и равномѣрность въ распредѣленіи расходовъ, но для того, чтобы эти старанія увѣнчались хотя какимъ-нибудь успѣхомъ, необходимо было примѣнить этотъ принципъ и къ военному вѣдомству; между тѣмъ великій князь не признавалъ экономіи и придти по этому поводу къ соглашенію съ нимъ было совершенно невозможно, тѣмъ болѣе, что и военный комитетъ со своей стороны считалъ необходимымъ не жалѣть денегъ на организацію войска.

Иначе смотрѣли на дѣло члены временнаго правительства. Чарторыйскій прежде всего былъ дипломатъ, вѣрилъ болѣе всего въ дипломатію и не придавалъ особеннаго значенія вооруженнымъ силамъ. Онъ вѣрилъ въ будущее, не допускалъ мысли, что вскорѣ можетъ явиться надобность въ войскѣ, и опасался, что военный комитетъ и великій князь Константинъ Павловичъ поведутъ организацію войска такъ широко, что когда оно въ недалекомъ будущемъ перейдетъ на иждивеніе царства Польскаго, то небольшой и истощенной странѣ не хватитъ средствъ содержать его. Каковъ былъ взглядъ на польское войско Ланского и какія опасенія вызывала въ немъ организація этого войска, намъ извѣстно изъ вышеприведеннаго отзыва, даннаго имъ Александру I при первомъ извѣстіи о сформированіи этого войска. Весьма вѣроятно, что такого же взгляда держался и Новосильцевъ. Какъ смотрѣли на дѣло остальные два члена временнаго правительства, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ всѣ предположенія военнаго комитета встрѣчались большинствомъ его членовъ несочувственно, и Чарторыйскій неоднократно дѣлалъ императору представленія о необходимости подчинить дѣло организаціи войска временному правительству, настаивалъ на упраздненіи военнаго комитета и передачѣ всѣхъ дѣлъ по военному управленію военному министерству, которое было бы учреждено на подобіе министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ и подобно имъ было бы подчинено временному правительству. Если бы это осуществилось, то временное правительство имѣло бы возможность соблюдать извѣстную экономію и въ расходованіи денегъ на войско. Впрочемъ, на первыхъ порахъ, варшавское правительство еще не испытывало денежныхъ затрудненій, вызванныхъ „расточительностью“ военнаго комитета и великаго князя Константина Павловича, такъ какъ на сформированіе войска и уплату ему жалованья высылались деньги изъ Петербурга „заимообразно“, но временное правительство опасалось огромнаго долга, который долженъ былъ лечь современемъ тяжелымъ бременемъ на царство Польское. Не имѣя точныхъ данныхъ о томъ, сколько именно расходовалось на содержаніе польскаго войска, трудно сказать, кто былъ правъ въ данномъ случаѣ, но несомнѣнно, что временному правительству приходилось сообразоваться съ бюджетами военнаго комитета въ ущербъ надобностей гражданскаго управленія.

Еще больше заботъ доставляла ему личность великаго князя Константина Павловича, его горячій, несдержанный и самовластный характеръ. Не говоря уже о томъ, что онъ занималъ въ Варшавѣ совершенно особенное, вполнѣ независимое положеніе, онъ часто вмѣшивался въ сферу дѣятельности временнаго правительства и пара-

лизовалъ его дѣятельность, подрывая довѣріе къ нему мѣстнаго населенія. Отношеніе великаго князя къ военнымъ и гражданскимъ властямъ и раньше было заносчиво и подавало часто поводъ къ столкновеніямъ. Послѣ учрежденія царства Польскаго онъ успокоился, но не надолго. Въ то время было особенно важно установить дружескія отношенія между польскимъ войскомъ и русской арміей, все еще находившейся въ Польшѣ, а между тѣмъ великій князь уже въ іюлѣ мѣсяцѣ подалъ поводъ къ серьезнымъ нареканіямъ; Чарторыйскій писалъ императору, что „его нельзя смягчить ни уступчивостью, ни покорностью; словно онъ возненавидѣлъ страну и все, что въ ней дѣлается"; онъ не относится сочувственно ни къ польскому войску, ни къ народу. Конституція въ особенности служила предметомъ самыхъ язвительныхъ съ его стороны насмѣшекъ. „Онъ смѣется надъ всѣмъ, что имѣетъ видъ законности, писалъ князь, и къ несчастью отъ словъ начинаетъ уже переходить къ дѣлу". Александръ I, находившійся въ то время въ Парижѣ, не имѣлъ возможности повліять на поведеніе великаго князя, не согласовавшееся съ благожелательнымъ въ то время отношеніемъ къ Польшѣ самого монарха. Великій князь нарушалъ зачастую даже имъ самимъ изданныя предписанія. Вопреки постановленію комитета онъ ввелъ въ войскѣ тѣлесныя наказанія, что̀, въ связи съ нѣкоторыми другими причинами, вызвало сильное неудовольствіе военныхъ; началось дезертирство, которое вскорѣ до того участилось, что Чарторыйскій даже счелъ нужнымъ предупредить императора, что если это продолжится и если великій князь останется въ Варшавѣ надолго, то нужно быть готовымъ къ самымъ неожиданнымъ событіямъ. Къ мнѣнію Чарторыйскаго присоединился даже сенаторъ Новосильцевъ. Нѣсколько времени спустя Чарторыйскій возобновилъ просьбу относительно образованія отдѣльнаго военнаго министерства и предложилъ ввѣрить главное начальство надъ польскимъ войскомъ генералу Витгенштейну.

„Ваше величество", писалъ онъ, „время не терпитъ, каждую минуту можетъ разразиться какой-нибудь скандалъ.—Ни одинъ врагъ не могъ бы причинить такого вреда в. и. и к. величеству... Въ случаѣ, ежели бы было рѣшено оставить великаго князя Константина Павловича тутъ, во что бы то ни стало, пусть ему будетъ ввѣрено только командованіе войскомъ, а не административныя и судебныя функціи". Военные и не только поляки, а главнымъ образомъ, русская гвардія, находившаяся еще въ Варшавѣ, которой приходилось особенно много терпѣть отъ строгости и грубости великаго князя, возлагали свои надежды лишь на то, что онъ будетъ вскорѣ отозванъ, многіе только поэтому не выходили въ отставку. Констан-

тинъ Павловичъ не могъ примириться съ мыслію, что военные, уволенные въ безсрочный отпускъ, а слѣдовательно не состоявшіе на дѣйствительной службѣ и не получавшіе жалованья, не были подчинены военному начальству и въ частности его власти, поэтому дѣлалъ попытки вмѣшиваться въ дѣйствія гражданскихъ властей и судебнаго вѣдомства, отъ чего значительно страдалъ авторитетъ временнаго правительства. Генералъ Хлопицкій подалъ въ отставку, масса офицеровъ и солдатъ стали уходить изъ рядовъ войска, даже безъ соблюденія какихъ бы то ни было формальностей. Для уменьшенія дезертирства, которое приписывалось „недостаточному надзору за людьми", главнокомандующій постановилъ, что „за всѣ носильныя вещи, унесенныя дезертирами, будетъ взыскиваться втройнѣ: во-первыхъ, съ полкового командира, во-вторыхъ, съ командира батальона или эскадрона, въ которомъ числились дезертиры, и въ-третьихъ, съ ихъ ротнаго командира". Константинъ Павловичъ хотѣлъ подчинить своей власти не только гражданскихъ властей, окружныхъ и областныхъ начальниковъ, но даже президента города Варшавы. Однимъ словомъ, онъ то и дѣло нарушалъ конституціонныя гарантіи, обѣщанныя „Основами", а временное правительство, которое должно было охранять ихъ, не умѣло или не могло сдѣлать этого; оно только указывало на присутствіе великаго князя „противника всѣхъ намѣченныхъ реформъ и преобразованій", какъ „на одну изъ причинъ, мѣшавшихъ его работамъ идти желаемымъ темпомъ".

Другая, пожалуй еще болѣе важная, помѣха къ плодотворной дѣятельности временнаго правительства, которая подрывала довѣріе общества не только къ нему, но и вообще къ вновь установленному режиму, заключалась въ выраженномъ монархомъ желаніи, чтобы „переходъ къ истинно конституціонному строю совершился постепенно и безъ особыхъ потрясеній", вслѣдствіе чего всѣ реформы, указанныя въ „Основахъ", вводились не сразу, а съ большой осторожностью. Многочисленная армія чиновниковъ, занимавшихъ свои мѣста съ того времени, какъ страною управлялъ Верховный Совѣтъ, сохранила благодаря стараніямъ Ланского и Новосильцева свои мѣста. Ихъ считали невозможнымъ смѣнить въ виду невыяснившагося еще политическаго положенія; такимъ образомъ въ Польшѣ осталась и часть русскаго войска со своими офицерами.

Все это крайне обременяло истощенную казну царства Польскаго.

Успѣшная дѣятельность временнаго правительства тормозилась еще однимъ обстоятельствомъ: обнищаніемъ и разореніемъ страны, вслѣдствіе чего не было людей, которые готовы были бы посвятить

себя общественной дѣятельности. Всякій предпочиталъ оставаться у себя дома, въ деревнѣ, а не ѣхать въ Варшаву, гдѣ жизнь была дорога; правительство же не имѣло средствъ привлечь нужныхъ ему людей, хорошимъ вознагражденіемъ и было вынуждено выполнить огромную работу съ самымъ ограниченнымъ штатомъ служащихъ. Такимъ образомъ сокращались расходы, но вмѣстѣ съ тѣмъ это отзывалось самымъ невыгоднымъ образомъ на дѣятельности варшавскаго правительства, которое „проводило реформы медленно и не могло проявить желательной дѣятельности“

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Грамота, данная вогуличамъ.

197 года (1689 г. по Р. Х.) Генваря въ 25 день, по указу Великихъ Государей царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Великія Государыни Благовѣрныя царевны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ и по приказу ближняго стольника и воеводы Ивана Алексѣевича Головина, по сей челобитной Чердынцомъ и посадскимъ и уѣзднымъ и инымъ Русскимъ людемъ въ Чердынской уѣздъ въ Вогульскія ясашныя угодья для соболиной и иныхъ звѣрей ловли за Кваркушъ и Березовской каменья не ходить, буде за тѣми каменьями ясашныя Вогульскія угодья, и въ тѣ угодья при прежнихъ Вогуличахъ для таковаго лову Русскіе люди не бывали въ рѣкѣ Вишерѣ, отъ Писаннаго Камени вверхъ до вершины рыбы русскимъ людямъ неводами не ловить и Вогуличъ не голодить, потому что въ писцовыхъ книгахъ писцовъ Михайла Кайсарова съ товарищи [1]) чердынцовъ волостныхъ крестьянъ рыбная ловля записана въ рѣкѣ Вишерѣ отъ рѣки Камы вверхъ по Вишерѣ до Морчана; да и потому, что-де при прежнихъ Вогуличахъ Русскіе люди въ ясашныя угодья не вступались, а ходили для рыбной ловли Русскіе люди до того Писаннаго Камени, чтобъ ихъ Вогуличъ тѣмъ не изголодить, и Великихъ Государей соболиный ясакъ въ доимкѣ-бъ не учинился и о томъ велѣть въ Чердынѣ беречь.

По повелѣнію ясашнаго сотника Ивашка Тучькова Чердынской площадной подъячей Васька Андреевъ руку приложилъ.

Кликалъ въ торговые дни, чтобы Русскіе люди про то вѣдали; а которые Русскіе люди въ ихъ Вогульскія ясашныя вышеписанныя угодья учнутъ для лову ходить и звѣрей и соболей и рыбу вылавливать, и тѣхъ людей съ ясашнымъ цѣловальникомъ съ приставомъ писать, хоть ссылать съ провожатыми въ Чердынь въ приказную избу тотчасъ и тѣмъ людямъ за то учинено будетъ по указу Великихъ Государей наказаніе; за Вогуличъ доимочные ясашные соболи доправлены будутъ на тѣхъ же людехъ безо всякой пощады.

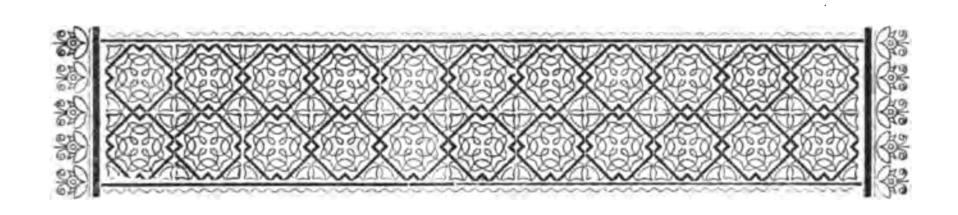
Къ сей челобитной по повелѣнію ясашнаго десятника Самка Ленькова да Терешки Рычкова Чердынской площади подъячей Елеска Швецовъ руку приложилъ.

Сообщилъ Н. Санинъ.

---

[1]) 1623—24 гг.

По поводу одного портрета.

Въ настоящее время, послѣ изданной С. П. Дягилевымъ „Русской Живописи въ XVIII вѣкѣ“, извѣстно мѣстонахожденіе большинства портретовъ, писанныхъ Д. Г. Левицкимъ. Но тѣмъ не менѣе случается встрѣчать несомнѣнныя копіи съ работъ этого мастера, въ то время какъ оригиналы ихъ до сихъ поръ неизвѣстны.

Среди такихъ работъ на портретной выставкѣ въ Таврическомъ дворцѣ былъ особенно интересенъ огромный портретъ императрицы Екатерины, привезенный изъ Курскаго имѣнія „Ивановское“ кн. Барятинскихъ.

Портретъ этотъ, изображающій Екатерину II стоящей подъ лавровымъ деревомъ, по композиціи своей былъ несомнѣннымъ произведеніемъ Левицкаго, но по сухой, непріятной, грубой живописи не могъ быть приписанъ кисти великаго мастера. Недавно, занимаясь въ архивѣ министерства императорскаго двора, мнѣ попался любопытный документъ, не попавшій въ изданіе Дягилева и проливающій нѣкоторый свѣтъ на загадочный портретъ Екатерины. Вотъ что писалъ Левицкій о заказанномъ ему портретѣ:

„По поданному мною въ 1787 году и повторенному щету слѣдовало получить за написанный мной по высочайшему повелѣнію стоячей портретъ Ея Императорскаго Величества отправленной въ томъ же году въ Мальту, двѣ тысячи рублей, но какъ оныхъ денегъ я до нынѣ еще не получалъ и ни какой резолюціи не имѣю, то высочайшій Ея Императорскаго Величества кабинетъ симъ покорнѣйше прошу о заплатѣ мнѣ за сію работу, для произведенія коей употреблялъ я свою натуру какъ на одежды, такъ и для фигуры, за что тогда же заплатилъ свои деньги, но удовлетворенія за оныя пятый годъ не получаю“.

Живописецъ Димитрій Левицкій.

октября дня
1791 года.

(Общ. арх. м-ва И. двора оп. 356/1347, кн. 5, д. 296, л. 479).

Въ слѣдующемъ документѣ сообщаются и нѣкоторыя детали: „Портретъ стоячій Государыни Императрицы въ воинскомъ одѣяніи подъ лавровымъ деревомъ и завѣсомъ написалъ, и для онаго натура и глазеты и прочіе матеріи и уборы разные своимъ коштомъ здѣланы были и сей портретъ посланъ въ Мальту чрезъ неаполитанскаго посланника сера Капріола въ 1788 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ".

Живописецъ Димитрій Левицкій.

(Тамъ же кн. 5, д. 296, л. 478).

На это послѣдовала резолюція управляющаго кабинетомъ: „1791 года декабря въ 8-й день Ея Императорское Величество высочайше повелѣть соизволила заплатить изъ кабинета живописцу Дмитрію Левицкому, за написанныя имъ портреты, одинъ Ея Императорскаго Величества, посланный въ 1788 году въ Мальту и два Ея Императорскаго Высочества великой княжны Александры Павловны [1]), взнесенныя въ комнату, и того за три портрета двѣ тысячи рублей".

Степанъ Стрекаловъ.

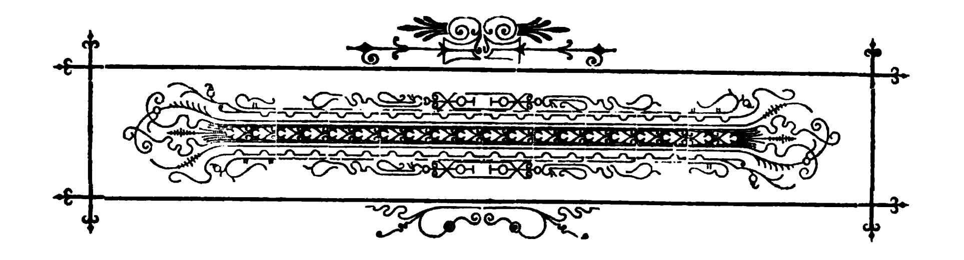
(Тамъ же листъ 477).

По всей вѣроятности, портретъ Екатерины, принадлежащій Барятинскимъ, является старинной копіей съ оригинала, отосланнаго въ Мальту, о которомъ упоминается въ вышеприведенномъ документѣ.

Сообщилъ баронъ Н. Врангель.

[1]) Портреты вел. кн. Александры Павловны, упоминаемые въ документѣ, хранятся одинъ въ Романовской галлереѣ, другой въ Китайской галлереѣ Гатчинскаго дворца.

Воспоминанія изъ жизни на Амурѣ [1]).

Къ пятидесятилѣтію Амурскаго Края.

III.

Вотъ что разсказалъ мужъ о своемъ путешествіи. Выѣхалъ онъ, какъ я уже говорила, въ первыхъ числахъ сентября на пароходѣ товарищества, которое только-что начинало свою дѣятельность, и пароходы, принятые отъ морского вѣдомства, не всѣ были приведены въ надлежащій порядокъ.

На пароходѣ, на которомъ отправился мужъ, не имѣлось буфета, вслѣдствіе чего пассажирамъ пришлось питаться чѣмъ Богъ послалъ, или же пользоваться любезностью командира.

Вода въ Уссури послѣ лѣтняго наводненія еще не спала, и пароходъ, сидѣвшій всего три фута, благополучно проходилъ всѣ перекаты, столь многочисленные въ позднее лѣтнее время. Правый берегъ Уссури, принадлежащій русскимъ, довольно высокъ и понижается лишь при впаденіи въ рѣку маленькихъ притоковъ. Лѣвый берегъ,— китайскій, представляетъ низину, покрытую травой и мелкимъ тальникомъ, и въ половодье затопляется на большое пространство.

На правомъ берегу расположены были почти на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга (приблизительно верстъ на 20) казачьи станицы, представлявшія по большей части печальную картину: обветшалыя и покосившіяся избы не исправлялись, новыхъ не строилось, поля и огороды встрѣчались рѣдко [2]).

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. Мартъ.

[2]) При заселеніи праваго берега Уссури не обращали вниманія на то, удобно ли данное мѣсто для поселка, а старались, главнымъ, образомъ расположить станицы на равномъ разстояніи одна отъ другой, чтобъ можно было устроить почтовое сообщеніе между Хабаровкой и Владивостокомъ. Поэтому нѣкоторыя станицы оказались на низкихъ мѣстахъ, подверженныхъ

Повидимому, земледѣліемъ занимались мало, предпочитая ему охоту и рыбную ловлю.

На лѣвомъ (китайскомъ) берегу изрѣдка попадались инородческія поселенія въ нѣсколько юртъ, обитатели которыхъ гольды ловили рыбу, охотились и этимъ существовали.

Повальныя болѣзни, особенно оспа появлялась почти каждую зиму въ этихъ поселкахъ, опустошая цѣлыя юрты. А въ одинъ годъ вымерло сразу нѣсколько гольдяцкихъ поселеній. такъ что пришлось отправить отрядъ казаковъ, чтобъ похоронить трупы умершихъ.

Въ 1872 году наводненіемъ затопило нѣсколько станицъ. При высокой водѣ все лѣто рыба ловилась плохо; ходъ только, что начинался, и казаки жили впроголодь.

Въ одной изъ большихъ станицъ, когда пароходъ остановился грузить дрова, къ берегу подошло нѣсколько казаковъ, и съ ними для наблюденія за порядкомъ явился старшій въ папахѣ и при шашкѣ.

Пассажиры спросили у прибывшихъ, нельзя ли купить въ станицѣ хотя соленыхъ огурцовъ. Казаки отвѣтили, что всѣ огурцы съѣдены собаками. „Это совершенно вѣрно", подтвердилъ старшій пожилой серьезный урядникъ. Сами голодаемъ, собакъ кормить нечѣмъ; онѣ и накинулись на огороды; пойдетъ кэта,—оправимся".

Пароходъ буксировалъ баржу съ казеннымъ скотомъ, а потому шелъ медленно.

У станицы Марковой, недалеко отъ рѣки Сунгари, скотъ выгрузили съ баиржи погнали берегомъ до третьяго поста, чтобъ облегчить движеніе парохода и дать скоту отдохнуть и попитаться. Сунгари протекаетъ среди необозримой болотистой равнины, покрытой высокой травой; она довольно глубока съ низкими, илистыми берегами, чрезвычайно извилиста и до того узка, что пароходъ при безпрестанныхъ, крутыхъ поворотахъ задѣвалъ берегъ то носомъ, то кормой. Буксировать даже и пустую баржу было не легко.

Во всему берегу рѣки и далѣе, насколько видѣлъ глазъ, тянулась безпредѣльная, травяная пустыня безъ всякаго жилья. На

наводненіямъ, и жители ихъ бѣдствовали 20 лѣтъ. Только въ 1879 году, когда правительство рѣшило заселять нашу манчжурскую границу, казакамъ, недовольнымъ своимъ мѣстожительствомъ, позволено было переселиться въ Южно-Уссурійскій край. Осмотрѣвъ приблизительно мѣста, они поселились на манчжурской границѣ между озеромъ Хонка и рѣкой Суйфуномъ.

всемъ протсранствѣ отъ Марковой до озера Ханка, стояло три поста: второй, третій и четвертый—уже на озерѣ.

На второмъ и третьемъ постахъ стояли жалкія землянки — зимнія почтовыя станціи, лѣтомъ совершенно пустыя. Содержатели постовъ по прекращеніи саннаго пути выжигали сухую траву (ветошь) на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагали косить, и уѣзжали въ Рыболовъ или Никольское. Въ началѣ лѣта, пока трава на выжженныхъ мѣстахъ была еще не особенно велика и груба, почтовосодержатели косили ее, ставили стоги и уѣзжали.

Къ осени трава опять вырастала до высоты человѣческаго роста и представляла изъ себя опасный матеріалъ въ случаѣ распространенія паловъ (степные, лѣсные пожары), почему ее снова выжигали на большое пространство, чтобы предохранить отъ огня заготовленное сѣно.

Когда пароходъ пришелъ на третій постъ, то скота еще не было видно; пассажиры отъ нечего дѣлать, осмотрѣвъ землянку, зашли въ сарай и тамъ увидѣли разныя рыболовныя снасти. Почтарь, пріѣхавшій выжигать траву вокругъ своихъ стоговъ, сказалъ, что въ верстѣ отъ поста есть рѣчка, гдѣ очень много рыбы, и предложилъ пассажирамъ пойти съ нимъ и половить. Пассажиры согласились. Ловля рыбы производилась очень просто: почтарь вынималъ ее палкой изъ травы, а присутствовавшіе кололи ее острогами и такимъ образомъ въ какихъ-нибудь полчаса наловили штукъ двадцать жирной, прекрасный рыбы, которую и взяли на пароходъ, разсчитывая полакомиться. Произошло разочарованіе: рыба эта—карпъ, по-мѣстному „амуръ“, до того пахла иломъ, что ѣсть ее было невозможно, и весь уловъ отдали матросамъ, привыкшимъ не разбирать ни запаха, ни вкуса. Начетвертомъ посту почтовой станціей была уже не землянка, а чистенькая бревенчатая изба, гдѣ жилъ отставной унтеръ-офицеръ перваго въ Уссурійскомъ краѣ баталіона, Балюкъ. Онъ былъ почтосодержатель и кромѣ того занимался охотой, рыбной ловлей и приготовленіемъ балыковъ и зернистой икры, которой и угостилъ наголодавшихся путешественниковъ.

Ханка было спокойно, и пароходъ благополучно пришелъ въ Камень-Рыболовъ.

Здѣсь стояла только-что сформированная изъ Забайкальскихъ казаковъ сотня. Комадиръ ея, старый кавказецъ, офицеръ Нижегородскаго драгунскаго полка Ножинъ съ восторгомъ отзывался о составѣ сотни и былъ увѣренъ, что изъ такихъ ловкихъ и толковыхъ молодцовъ получится образцовая войсковая часть, что впослѣдствіи и оправдалось.

Отъ Камень-Рыболова до Раздольнаго существовала уже колес-

*

ная, почтовая дорога; отъ Раздольнаго до Рѣчного ходилъ по Суйфуну казенный пароходъ; отъ Рѣчного до Владивостока доставлялись черезъ Амурскій заливъ на небольшомъ морскомъ пароходикѣ морского вѣдомства.

Во Владивостокъ только-что перевели изъ Николаевска военный портъ.

Въ городѣ стоялъ баталіонъ солдатъ, помѣстившійся въ такъ называемыхъ „Гридневскихъ казармахъ". Когда-то во Владивостокѣ зазимовало судно „Гридень", и команда его выстроила себѣ на зиму бараки, ихъ-то и называли Гридневскими казармами.

Въ городѣ было нѣсколько частныхъ домиковъ; начинались постройки портовыхъ сооруженій, складовъ, дома для главнаго командира и помѣщеній для служащихъ.

Изъ Владивостока мужъ отправился въ Посіетъ на казенномъ транспортѣ „Алеутъ", шедшемъ со скоростью до трехъ узловъ въ часъ. У Гамова мыса при штилѣ (мертвая зыбь) была такая невыносимая качка, что мужъ прибылъ въ Посіетъ въ полномъ изнеможеніи.

Посіетъ расположенъ въ глубинѣ обширнаго залива, въ бухтѣ того же имени. Въ 1872 году здѣсь было нѣсколько маленькихъ деревянныхъ и глинобитныхъ домиковъ, почтовая станція, домъ, гдѣ жилъ пограничный комиссаръ, и казармы постовой команды, командиромъ которой былъ когда-то извѣстный на Кавказѣ начальникъ пластуновъ, Май-Маевскій, очень хорошій и симпатичный человѣкъ.

Недалеко отъ Посіета на рѣкѣ Янчихе, въ Новокіевскомъ урочищѣ стоялъ баталіонъ солдатъ, а баталіоннымъ врачемъ былъ докторъ Лекгеръ, о которомъ скажу послѣ. Лекгеръ, какъ и мой мужъ, былъ завзятый охотникъ и прекрасный стрѣлокъ. Они сразу понравились другъ другу и въ первый же день пошли на охоту. Въ окрестностяхъ Новокіевскаго было въ то время такое множество золотистыхъ фазановъ, что охотники въ нѣсколько часовъ настрѣляли ихъ такое количество, что съ трудомъ донесли до дома.

Осмотрѣвъ воинскія зданія, мужъ снова вернулся въ Посіетъ.

Отсюда до Владивостока колесной дороги не существовало, а мужу необходимо было осмотрѣть лѣсъ на рѣчкѣ Перевальной и около Мунгугая, чтобъ выбрать мѣсто для лѣсопильнаго заведенія инженернаго вѣдомства. Пришлось попросить у постового командира хорошаго проводника и ѣхать верхомъ.

Дорога шла по лѣсной тропинкѣ, мѣстами подходившей къ морскому берегу. До первой станціи „Гладкой" добрались благополучно, но тутъ не оказалось ни лошадей, ни ямщиковъ. Пришлось остановиться и ждать, что будетъ дальше. Наступила ночь, а ямщики

не возвращались. Утромъ какой-то корейскій мальчикъ привелъ на станцію корейскую лошадку и разсказалъ, что прошлой ночью тигръ разогналъ всѣхъ лошадей, а ямщики побѣжали ихъ искать и неизвѣстно, когда вернутся.

Чтобъ не терять времени, мужъ рѣшилъ сложить вещи на корейскую лошадку и идти съ проводникомъ пѣшкомъ до слѣдующей станціи.

По дорогѣ имъ попадались дикія козы и пятнистые олени, въ которыхъ они не стрѣляли; приключеній никакихъ не было.

Со станціи „Рязановки", взявъ почтовыхъ лошадей, путешественники отправились верхомъ. Верстахъ въ пяти отъ станціи протекала рѣчка, которую нужно было переѣхать въ бродъ. Въ этой рѣчкѣ кишѣла такая масса рыбы, что лошади давили ее ногами и оставляли за собой кровавый слѣдъ.

Изъ Рязановки на Мунгугай, кромѣ проводника и ямщика, ѣхалъ еще П., знаменитый охотникъ на тигровъ, убившій ихъ на своемъ вѣку штукъ десять. Онъ разсказывалъ о необычайной силѣ этого звѣря, который, схвативъ лошадь, можетъ перепрыгнуть черезъ высокій заборъ. „Ревъ тигра,—говорилъ охотникъ,—до того страшенъ, что когда человѣкъ услышитъ его, то получаетъ такое ощущеніе, точно ему положили въ желудокъ кусокъ льда".—На этотъ разъ путешественники не встрѣтили тигра, но видѣли слѣдъ его у рѣчки „Черной", у которой сидѣли долгое время въ ожиданіи морского отлива: брода черезъ рѣчку не было, и приходилось въѣзжать въ море, чтобъ по отмели перебраться на другой берегъ.

Осмотрѣвъ лѣсъ на Мунгугаѣ, мужъ отпустилъ проводника и отправился на инженерномъ пароходѣ во Владивостокъ, а оттуда сейчасъ же дальше, потому что дѣла во Владивостокѣ не было.

По Ханкѣ пароходы уже не ходили; пришлось ѣхать верхомъ вокругъ озера, а вещи везти вьюкомъ. До Турьяго-Рога добрались благополучно. Поселившіеся здѣсь хохлы жили недурно и около домиковъ разводили сады съ фруктовыми деревьями. Мѣстечко производило пріятное впечатлѣніе.

Съ каждымъ днемъ становилось все холоднѣе; ѣхали медленно. Между пятымъ и четвертымъ постами дорога проходила по перешейку, отдѣляющему малое Ханка отъ большого, покрытому густымъ лѣсомъ дикаго персика. Плоды были величиною съ грѣцкій орѣхъ и состояли изъ большой косточки, обтянутой тонкой кожей.

Версты за три до четвертаго поста ямщикъ заявилъ, что нужно скорѣе гнать лошадей; въ воздухѣ чувствуется приближеніе пала. Дѣйствительно, какъ только всадники выѣхали изъ лѣса на поляну, то увидѣли надвигавшійся съ сѣвера палъ, и хотя сами во-время

доскакали до станціи, но ямщика съ вещами считали уже погибшимъ. Палъ шелъ безпредѣльной огненной волной; все время слышенъ былъ трескъ, похожій на ружейные выстрѣлы, а отъ времени до времени, когда огонь захватывалъ стога сѣна, раздавался грохотъ какъ бы отъ пушечныхъ залповъ. Часа черезъ два явился ямщикъ съ вещами цѣлъ и невредимъ. Замѣтивъ надвигавшійся палъ, онъ заѣхалъ въ озеро и тамъ выжидалъ, пока палъ пройдетъ.

Съ четвертаго поста мужъ съ ямщиками и вещами выѣхалъ вечеромъ при лунномъ свѣтѣ. Снѣгъ шелъ и таялъ на равнинѣ, еще не успѣвшей остыть отъ только-что прошедшаго огня, а проѣзжая тропинка была ясна, точно бѣлая лента. Проѣхали нѣсколько верстъ. Пошелъ дождь, и тропинка исчезла. Черезъ полчаса ямщикъ заявилъ, что онъ сбился съ дороги и нужно остановиться. Мужъ велѣлъ снять съ телѣги чемоданъ, надѣлъ взятую на счастье енотовую шубу и подъ дождемъ просидѣлъ на чемоданѣ до разсвѣта. Къ утру подмерзло; мокрая шуба стояла коломъ, ноги въ водѣ заледенѣли. Оставалось версты двѣ до землянки третьяго поста, гдѣ можно было отогрѣться и высушить промокшія платья и обувь.

Съ третьяго поста предстояло сдѣлать верхомъ еще два переѣзда до Марковой. Тутъ мужъ купилъ лодку и нанялъ гребцовъ. Плыли они сутокъ пять; наконецъ, за три станціи отъ Хабаровки лодку затерло льдомъ; пришлось ее бросить и, взваливъ на плечи багажъ, выйти на берегъ. До станціи Невельской оставалось добрыхъ пять верстъ. Быть можетъ, эти пять верстъ ходьбы и спасли мужа отъ смертельной простуды. Отъ Невельской до Хабаровки нужно было ѣхать верхомъ еще верстъ шестьдесятъ. Я съ интересомъ выслушала разсказъ мужа и записала, а теперь привожу его какъ иллюстрацію къ тому, что приходилось выносить амурскимъ піонерамъ тридцать лѣтъ тому назадъ.

Многимъ можетъ показаться страннымъ, зачѣмъ было доставлять себѣ столько мученій и не остаться въ Камень-Рыболовѣ до саннаго пути. Но тогда пришлось бы сидѣть тамъ цѣлый мѣсяцъ, а въ Хабаровкѣ ждали неотложныя дѣла и, наконецъ, оставалась безъ крова семья.

Тутъ нужно принять еще во вниманіе молодость и то, что люди того времени не особенно дорожили комфортомъ и здоровьемъ.

Разсказъ мужа не произвелъ никакого впечатлѣнія на Картова, который, пріѣхавъ въ Приморскую область раньше насъ, не разъ путешествовалъ верхомъ и пѣшкомъ и не находилъ въ этомъ ничего особеннаго.

IV.

Продолжаю прерванный разсказъ. На другой день по возвращеніи въ Хабаровку, мужъ пошелъ искать квартиру и конечно ничего не нашелъ. Наконецъ, одинъ отставной юнкеръ, нѣкій Дыховъ, сжалился надъ нами и уступилъ свое помѣщеніе, а самъ поселился въ зимовьѣ вмѣстѣ со своими рабочими. Онъ имѣлъ подрядъ отъ Товарищества Амурскаго пароходства на вывозку бревенъ, а потому имѣлъ много лошадей и рабочихъ, съ которыми и помѣстился въ одной избѣ, раздѣленной на двѣ половины.

Наша новая квартира съ однимъ ходомъ состояла изъ двухъ комнатъ. Первая служила пріемной, вторая спальней. Въ пріемную входили прямо со двора, и когда открывалась дверь, то клубы холоднаго воздуха врывались въ комнату и обдавали уже въ то время бѣгавшую мою дочку. А двери открывали поминутно, потому что ходить въ кухню приходилось черезъ тѣ же двери и длинный, досчатый навѣсъ. Несмотря ни на что, всѣ мы были здоровы. Мужъ занимался своимъ дѣломъ, я хлопотала по хозяйству: накупила дичи, корейскихъ свиней, насолила окороковъ, надѣлала колбасъ. Помню, корейцы привозили свиней на нартахъ; тутъ я впервые увидѣла ѣзду на собакахъ и еще разъ убѣдилась въ удивительномъ умѣ этихъ животныхъ, которыхъ всегда очень любила. Ѣзжалыя собаки были положительно умнѣе моей Пелагеи: онѣ прекрасно понимали своего коюра; скажетъ имъ—тахъ, тахъ... кахъ, кахъ... и онѣ поворачиваютъ направо или налѣво; а моя Пелагея совсѣмъ не умѣла меня понимать. Я разсказывала и объясняла ей одно и то же двадцать разъ; все напрасно. Чтобы приготовить самое незатѣйливое блюдо, приходилось цѣлые часы проводить въ кухнѣ. Нужно сказать, что хотя я и усердно штудировала „Молоховецъ", но была неопытна и потому дѣлала все очень медленно. Въ огромной, русской печкѣ мы пекли хлѣбъ и булки, приготовляли кушанья; жара въ кухнѣ была нестерпимая, а по ночамъ холодъ. Тѣмъ не менѣе до Новаго года все обстояло благополучно.

Въ январѣ наступили морозы; я не переставала бѣгать изъ комнаты въ кухню и обратно и, наконецъ, простудилась. Начались нестерпимыя боли; послали за докторомъ С. Докторъ пріѣхалъ навеселѣ, прописалъ какое-то лѣкарство и посовѣтовалъ поставить „Эшафановскій компрессъ". Лѣкарство не помогало; но когда доктора попросили въ другой разъ, то получили въ отвѣтъ: „пріѣхать не можетъ, боленъ"; другими словами—запилъ. Безъ всякой медицинской помощи, я кричала дни и ночи, а С. все пилъ, пока не заболѣлъ бѣлой горячкой. Мужъ написалъ въ жившему Казакевичевой (въ 40 верст.)

военному врачу Р., умоляя его пріѣхать въ Хабаровку. Р. отвѣтилъ, что лѣчить женщинъ не умѣетъ, да и вообще забылъ медицину и лѣчитъ только солдатъ.

Тогда мы начали дѣлать все, что только намъ совѣтовали знакомые: ванны, горчичники, припарки, компрессы холодные и согрѣвающіе. Нужно думать, что я была очень здоровый человѣкъ, потому что недѣли черезъ двѣ мнѣ стало лучше, а черезъ мѣсяцъ я, повидимому, совершенно поправилась, хотя послѣдствія этой неизвѣстной болѣзни остались на всю жизнь.

Бѣда не приходитъ одна. Пока я лежала, дѣвочка-нянька не могла уберечь ребенка; простудила ли она его или покормила чѣмъ, Богъ знаетъ. У ребенка сдѣлалось разстройство желудка, которое длилось мѣсяцы, не поддаваясь лѣченію уже протрезвившагося С. Онъ пичкалъ мою дочь всевозможными лѣкарствами и не уморилъ ее, только благодаря случайности.

Съ первымъ уссурійскимъ пароходомъ въ Хабаровку пріѣхалъ докторъ Лекгеръ, съ которымъ мужъ познакомился на Янчихе. Онъ былъ вызванъ въ Иркутскъ по дѣламъ службы и остановился на день въ Хабаровкѣ, ожидая парохода изъ Николаевска. Лекгеръ зашелъ къ намъ. Мы попросили его осмотрѣть ребенка, описали болѣзнь, и я выставила на столъ батарею пустыхъ склянокъ съ сигнатурками.

Въ то время, когда Лекгеръ, перечитывалъ рецепты, въ комнату вошелъ хабаровскій докторъ. Что говорили между собой врачи, не знаю. Помню только, что Легкеръ прописалъ лѣкарство и разсказалъ, какъ и чѣмъ кормить больную, а С. ушелъ, едва простившись съ нами, и съ тѣхъ поръ я его уже не видала. Онъ просилъ одну знакомую передать мнѣ, чтобъ я не трудилась приглашать его, потому что лѣчить въ моемъ домѣ онъ не желаетъ и не будетъ.

Лѣкарство, прописанное докторомъ Лекгеромъ, нѣсколько помогло ребенку, но все же дѣвочка была очень слаба, да и кормить ее было затруднительно, такъ какъ молочнаго она не переносила, а свѣжаго мяса, куръ, яицъ не продавалось. Чтобы не уморить ребенка съ голоду, мужъ долженъ былъ каждый вечеръ выходить за село и стрѣлять рябчиковъ, бекасовъ и вальдшнеповъ.

Сознаніе полной безпомощности, въ случаѣ ухудшенія болѣзни нашей малютки, приводило насъ въ отчаяніе, и тѣ нравственныя муки, которыя мы переживали, описать не возможно да и вспоминать не хочется. Если бы въ то время кто-нибудь спросилъ меня, чего хочу я больше всего на свѣтѣ, я, не колеблясь, отвѣтила бы: „чтобы въ Хабаровку пріѣхалъ хорошій врачъ“. Другого желанія у меня не было.

Въ самое тяжелое для меня лѣто 1873 года Хабаровку посѣтилъ великій князь Алексѣй Александровичъ, возвращавшійся послѣ кругосвѣтнаго плаванія въ Россію черезъ Сибирь.

Всѣ хабаровцы вышли посмотрѣть на его встрѣчу. Постовой командиръ, трезвый, какъ стеклышко, стоялъ во главѣ почетнаго караула, купцы поднесли великому князю хлѣбъ соль, а купецъ П. пригласилъ высокаго гостя къ себѣ въ домъ и, несмотря на то, что было только одиннадцать часовъ утра, угостилъ его шампанскимъ. При этомъ всѣ три купца выразили великому князю желаніе, въ память проѣзда его черезъ Хабаровку, основать въ селѣ первую начальную школу и просили позволенія назвать ее „Алексѣевской". Одинъ изъ купцовъ обѣщалъ пожертвовать для школы домъ, другой—выдавать на ея содержаніе ежегодно 800 рублей, а третій, самый скупой,—изъявилъ готовность „жертвовать своими трудами". Въ чемъ заключалось такое пожертвованіе, до сихъ поръ никому не извѣстно.

Великій князь поблагодарилъ купцовъ, а такъ какъ въ селѣ нечего было осматривать, то сейчасъ же уѣхалъ на пароходъ и на берегъ больше не сходилъ. Вечеромъ въ Хабаровкѣ устроили иллюминацію: на улицахъ горѣли плошки, наполняя душный лѣтній воздухъ непостижимымъ смрадомъ; въ окнахъ обывателей стояли зажженныя свѣчи, а надъ воротами дома П. красовался странный транспарантъ: „А. Х. П.", что означало: „Алексѣй Хабаровку посѣтилъ".

Іюль и августъ мужъ былъ въ разъѣздахъ по Приморской области. Карповъ наблюдалъ за работами. Строили: кузницу, складъ для матеріаловъ инженернаго вѣдомства, дома для инженернаго управленія и начальника дистанціи.

Я жила въ постоянной тревогѣ, благодаря событію, нагнавшему панику на всѣхъ обывателей. Морякъ Наумовъ, назначенный директоромъ-распорядителемъ Товарищества Амурскаго пароходства вмѣсто умершаго отъ чахотки С., пріѣхалъ въ Хабаровку и нанялъ квартиру въ концѣ села у начальника телеграфной станціи, котораго перевели въ Благовѣщенскъ. У Наумовыхъ были дѣти школьнаго возраста, а такъ какъ въ Хабаровскѣ никакихъ учебныхъ заведеній не существовало, то онъ и рѣшилъ отправить семью въ Петербургъ, а все хозяйство продать съ аукціона. Какая сумма была выручена за продажу вещей, не помню, знаю только, что вечеромъ того же дня Наумовъ, пересчитавъ деньги, спряталъ ихъ въ бюро съ прекраснымъ американскимъ замкомъ, которое стояло въ гостиной, выходившей окнами на улицу. Рядомъ въ комнатѣ спала каторжная нянька съ дѣтьми, а въ слѣдующей—родители.

На утро оказалось, что рама въ гостиной выставлена, комодъ вынесенъ на улицу и сломанъ, деньги похищены. Подозрѣніе пало на няньку, которая долго жила у Наумовыхъ и считалась честной, но тѣмъ не менѣе только при ея содѣйствіи каторжные могли войти въ домъ. Это происшествіе напугало всѣхъ жителей, потому что полиція состояла только изъ помощника исправника и двухъ десятниковъ, а каторжныхъ было человѣкъ пятьдесятъ. Я не спала цѣлыя ночи, въ ожиданіи, что и моя Пелагея введетъ ко мнѣ въ домъ своихъ знакомыхъ.

Хотя въ комнатахъ у меня не было ничего цѣннаго, но во дворѣ стоялъ скотъ, а въ амбарахъ хранилась вся купленная весною на баржахъ провизія.

Каждое лѣто на Амуръ приплывали изъ Забайкалья торговыя баржи. Выходили онѣ изъ Читы, шли по Ингодѣ, Шилкѣ и Амуру до Николаевска, останавливаясь во всѣхъ станицахъ, въ Благовѣщенскѣ и Хабаровкѣ. На этихъ баржахъ продавали живой скотъ, солонину, томское коровье масло, красный товаръ и проч. Помимо того, что приходъ баржъ вносилъ нѣкоторое оживленіе въ нашу донельзя однообразную жизнь, товары на нихъ были дешевле, разнообразнѣе и лучше, чѣмъ въ нашихъ мѣстныхъ лавкахъ. Конечно, на баржахъ, какъ и въ Хабаровскихъ лавкахъ, не было никакихъ предметовъ роскоши, потому что покупать ихъ было некому да и неначто. Если считать максимумъ жалованья, которое получали служащіе, въ 3.000 р. и принять во вниманіе, что пудъ мяса стоилъ въ то время въ Хабаровкѣ двадцать рублей, бутылка молока тридцать коп. и все въ томъ же родѣ, то можно себѣ представить, какая роскошь была доступна тогдашнему амурцу. Я купила на баржахъ быковъ, чтобъ не сидѣть всю зиму на солонинѣ, какъ въ первый годъ нашей жизни на Амурѣ, масла и разной провизіи, а потому боялась, какъ бы не увели мой скотъ и не украли запасы.

Въ концѣ августа возвратился мужъ, а въ началѣ сентября мы перешли во вновь отдѣланный старый домъ купца Чердымова. Домъ былъ довольно большой и удобный, съ отдѣльной кухней, ледникомъ и сараемъ. Мы только-что успѣли устроиться на новой квартирѣ, какъ въ Хабаровку пришелъ послѣдній пароходъ изъ Благовѣщенска и на немъ пріѣхалъ докторъ Лекгеръ съ радостнымъ для насъ извѣстіемъ, что постовой лазаретъ преобразовывается въ военный полугоспиталь, онъ—Лекгеръ, назначенъ старшимъ врачемъ.

Мы едва повѣрили такому счастію. Лекгеръ нанялъ маленькій домикъ въ двѣ комнаты, а обѣдалъ и ужиналъ у насъ, такъ какъ въ Хабаровкѣ не было никакой гостиницы. Наблюдая каждый

день за нашей дѣвочкой, онъ вылѣчилъ ее совершенно, привязался къ намъ и сталъ нашимъ искреннимъ другомъ, память о которомъ храню до сихъ поръ.

Лекгеръ соединялъ въ себѣ лучшія качества человѣка и врача. Онъ лѣчилъ добросовѣстно всѣхъ и очень удачно отъ всевозможныхъ болѣзней; въ случаѣ надобности былъ и хирургомъ, и акушеромъ, бѣднымъ давалъ лѣкарства безплатно и даже помогалъ деньгами, хотя самъ не имѣлъ ничего кромѣ жалованья.

До пріѣзда въ Хабаровку онъ провелъ годъ въ Корсаковскомъ посту на Сахалинѣ и года три въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Жизнь на Сахалинѣ была настоящей каторгой: безъ общества, безъ извѣстій извнѣ (почта приходила 2 раза въ годъ), въ суровомъ климатѣ, но зная, какъ долго еще придется служить въ Корсаковскомъ, Лекгеръ приходилъ въ отчаяніе, хотя былъ сильный духомъ человѣкъ и не меланхоликъ.

Первое время онъ имѣлъ много непріятностей отъ столкновеній съ постовымъ командиромъ и докторомъ С., но ихъ скоро перевели куда-то, а ихъ замѣстители оказались вполнѣ порядочными людьми.

Мой мужъ не имѣлъ непріятностей, но служить ему было не легко. Хотя на всю Приморскую область правительствомъ отпускалось какихъ-нибудь тридцать, пятьдесятъ тысячъ, но работы производились въ разныхъ мѣстахъ одновременно: въ Николаевскѣ, во Владивостокѣ, въ Никольскомъ, въ Хабаровкѣ. Кромѣ того, такъ какъ инженерное дѣло въ краѣ только-что начиналось, то и приходилось отыскивать для построекъ камень, вынимать известь, выдѣлывать кирпичъ, ставить лѣсопилку въ 18 верстахъ отъ Хабаровки, составлять проекты, чертежи, смѣты на предстоящія работы, писать отчеты по сдѣланнымъ, а ни служащихъ, ни рабочихъ не было. Работы производились солдатами, между которыми попадались плотники, но большинство были просто чернорабочіе, не умѣвшіе держать топора, а мастеровъ и совсѣмъ не встрѣчалось.

На все село были: одинъ порядочный столяръ изъ отставныхъ солдатъ, одинъ неумѣлый печникъ, мѣщанинъ, и одинъ кирпичникъ, поселенецъ, страшный пьяница. При такихъ условіяхъ производителямъ работъ приходилось заниматься обученіемъ чернорабочихъ всевозможнымъ мастерствамъ: плотничному, печному, столярному и т. п. Осенью 1873 г. нѣсколько пароходовъ зазимовало въ Хабаровкѣ, и публики прибавилось. Черезъ годъ ожидалось открытіе Алексѣевскаго училища, и чтобъ собрать деньги на покупку учебныхъ пособій, вздумали устроить спектакль. Инженеръ-механикъ товарищества Владыкинъ принялъ на себя трудъ устро-

ителя и режиссера. Отыскали какую-то старую казарму, привели ее въ порядокъ и на третій день Рождества изобразили „Что имѣемъ, не хранимъ, потерявши, плачемъ“. Владыкинъ оказался талантливымъ акторомъ, но остальные играли плоховато, да и въ казармѣ было такъ холодно, что многіе простудились и жалѣли, что пошли. Спектакль далъ девяносто рублей, которые отправили въ Петербургъ въ одинъ извѣстный книжный магазинъ. Прождали цѣлый годъ и наконецъ купили все нужное въ Николаевскѣ. А когда Владыкинъ телеграфировалъ товарищу, прося справиться въ магазинѣ, почему не высылаются книги, то получилъ въ отвѣтъ, что магазинъ давно уже обанкрутился и деньги пропали. Въ тѣ времена почта изъ Европейской Россіи до Хабаровки шла мѣсяца три и получалась лѣтомъ два раза въ мѣсяцъ, зимой раза три; осенью и весной во время распутицы мы бывали отрѣзаны отъ міра почти два мѣсяца. Газеты за давностью времени теряли всякій интересъ, потому что крупныя событія уже давно были всѣмъ извѣстны изъ телеграммъ, а журналы, которые выписывались немногими изъ служащихъ, прочитывались всѣми по очереди. Зима 1873—1874 года прошла безъ всякихъ событій. Знакомые навѣщали другъ друга; дамы вели безконечные разговоры о дѣтяхъ и хозяйствѣ, мужчины о дѣлахъ, каждый по своей спеціальности. Вина не пили и даже въ карты не играли за недостаткомъ партнеровъ.

Дни рожденій и именинъ праздновались у всѣхъ одинаково: къ часу собирались на обѣдъ всегда съ однимъ и тѣмъ же menu: пирогъ изъ соленой кэты, бульонъ, жаркое—какая-нибудь дичь, сладкое—желе или кремъ; пили домашнія наливки изъ голубики или брусники и американское вино кокомонго.

Правду сказать, эти празднества были достаточно томительны; когда все уже переговорено и нѣтъ ничего новаго, то трудно занимать гостей. Внѣ праздниковъ, помнится, всѣ мои знакомыя дамы, по большей части очень молодыя, рѣдко жаловались на скуку, потому что были очень заняты.

Послѣ кражи денегъ у директора-распорядителя Товарищества, всѣхъ каторжныхъ, работавшихъ въ порту, и женщинъ, бывшихъ въ услуженіи, съ первымъ пароходомъ отправили на Сахалинъ. Въ селѣ осталось очень мало женской прислуги, и хозяйкамъ стало еще труднѣе вести домъ. Быть кухаркой, нянькой и швеей въ одно и то же время дѣло не легкое, иногда приходилось самимъ оклеивать обоями квартиры и обивать мебель. Къ слову сказать, за всѣ десять лѣтъ нашей жизни въ Хабаровкѣ я не видала ни одной мамки, ни бонны, ни портнихи, ни гувернантки. Мать должна была по мѣрѣ возможности замѣнять ихъ всѣхъ,

Весной 1874 года мы переѣхали въ казенный домъ изъ семи комнатъ и кухни. При домѣ былъ садъ, т. е. отгорожено довольно большое пространство съ деревьями и прорублена одна аллея; дальнѣйшія улучшенія предоставлялось дѣлать на свой счетъ, такъ какъ казенныхъ денегъ на это не полагалось. „Излишество въ видѣ роскоши", какъ выражался мой знакомый чиновникъ изъ писарей, не входило въ программу жизни амурца. Было намъ отгорожено мѣсто и для огорода, который мы устроили на собственныя средства и засадили всевозможными овощами. Урожай получился на удивленіе! Съ кусочка земли въ полдесятины мы насолили бочки огурцовъ и капусты, овощами наполнили всѣ подвалы. Такіе запасы представляли въ то время большую цѣнность: пудъ луку стоилъ десять рублей, сотня капусты пятнадцать. Огородничествомъ въ Хабаровкѣ занималась только племянница одного купца и ежегодно отправляла въ Николаевскъ луку на тысячу рублей. Деревень въ окрестностяхъ не было. Ближайшая казачья станица Корсаковка находилась въ 20 верстахъ отъ Хабаровки. Чѣмъ занимались казаки, не знаю, но оттуда никогда ничего не привозили продавать. Корсаковку не затопляло. Жители ея, потомки Забайкальскихъ казаковъ, первыхъ переселенцевъ на Уссури послѣ Айгунскаго трактата въ 1858 году, существовали не дурно. Они поставляли лѣсной матеріалъ для инженернаго вѣдомства и частныхъ лицъ, занимались охотой и рыбной ловлей, зимою возили почту; нѣкоторые поступали на инженерныя работы; сѣяли же только для себя, находя земледѣліе занятіемъ наименѣе выгоднымъ.

V.

Лѣтомъ 1874 года въ Хабаровкѣ прибавилось нѣсколько семейныхъ домовъ, но жизнь шла по-прежнему безъ всякихъ развлеченій и даже впечатлѣній. Карповъ уѣхалъ на зиму въ Николаевскъ, и, разставаясь съ Любой, я чувствовала себя осиротѣвшей. На мѣсто него перевели изъ какого-то медвѣжьяго угла инженера Т., который бывалъ у насъ почти каждый день и производилъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе. Племянникъ одного высокопоставленнаго лица, Т. получилъ прекрасное домашнее образованіе: зналъ три иностранныхъ языка, игралъ на фортепіано, недурно рисовалъ, но уже былъ непригоденъ къ дѣлу, а только пилъ, разсказывалъ про себя то, что съ другими было, и скоро умеръ отъ водянки. Инженеръ Т.—одна изъ многихъ жертвъ скучной, тяжелой жизни на окраинѣ. Не слѣдовало бы присылать сюда людей слабой воли; это губило и вредило

дѣлу, а между тѣмъ въ первые годы нашей жизни на Амурѣ въ край очень часто назначали тѣхъ, которые ни на что не годились въ Европейской Россіи. Это доказываетъ, какое ничтожное значеніе придавали въ правящихъ сферахъ Приамурскому краю.

Зимой 1874 и 75 года въ нашу жизнь вносилъ разнообразіе пріѣзжавшій къ намъ въ гости извѣстный ученый орнитологъ Дыбовскій, который поселился съ научной цѣлью въ сорока верстахъ отъ Хабаровска, въ тайгѣ, со своими двумя товарищами. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ, когда-либо видѣнныхъ мною людей. Всегда скромно и чисто одѣтый, довольно высокій, здоровый шатенъ, красавецъ въ полномъ смыслѣ слова, онъ производилъ такое впечатлѣніе, точно никогда въ жизни не видѣлъ себя въ зеркалѣ и потому не зналъ своей красоты. Спокойный, уравновѣшенный философъ, высоко образованный, Дыбовскій какъ бы не чувствовалъ своего превосходства надъ тѣми, кого встрѣчалъ, и охотно принималъ участіе во всякомъ пустомъ разговорѣ. А когда онъ разсказывалъ о своихъ изысканіяхъ, то казалось, будто читаешь самую интересную книгу. Онъ былъ докторъ медицины, профессоръ Варшавскаго университета; вслѣдствіе безпорядковъ въ 1863 г. его сослали въ Сибирь. Сначала онъ жилъ въ Забайкальѣ, а въ 1874 году перебрался на Амуръ, чтобы изслѣдовать его фауну и флору. Жизнь въ тайгѣ, безъ всякихъ удобствъ, не тяготила его нисколько. Въ случаѣ надобности Дыбовскій могъ курить манчжурскій табакъ и ѣсть пельмени изъ енота съ кунжутнымъ масломъ, не находя въ этомъ ничего особеннаго, считая, что все въ природѣ Божій даръ. Наука и помощь больнымъ инородцамъ да окрестнымъ казакамъ замѣняли ему все въ жизни. Я ни разу не видѣла его грустнымъ, не слыхала, чтобъ онъ пожаловался на судьбу. Послѣ бесѣды съ нимъ становилось легче на душѣ и казалось, что все въ жизни пустяки и тлѣнъ, кромѣ идеи, руководящей человѣкомъ. Получивъ разрѣшеніе вернуться на родину, Дыбовскій уѣхалъ въ Европейскую Россію, но черезъ года два мы снова увидали его въ Хабаровкѣ. На этотъ разъ онъ ѣхалъ въ Камчатку уѣзднымъ врачемъ и предполагалъ, живя между прокаженными, заняться изученіемъ проказы.

Съ началомъ навигаціи Хабаровка оживлялась. Съ первыми пароходами изъ Иркутска на Амуръ пріѣзжали начальствующія лица инспектировать войсковыя части: начальникъ инженеровъ, начальникъ артиллеріи, окружной медицинскій инспекторъ, главный интендантъ, начальникъ штаба, иногда самъ генералъ-губернаторъ или какой-нибудь важный генералъ изъ Петербурга. Они осматривали

каждый свою часть, выслушивали представленія и предположенія начальниковъ отдѣльныхъ частей, дѣлали знакомымъ визиты, иногда играли въ карты, если почему-нибудь въ тотъ же день не уѣзжали дальше въ Николаевскъ или Южно-Уссурійскій край. На обратномъ пути всѣ торопились въ Иркутскъ, а тамъ въ окружномъ совѣтѣ дѣлали доклады по своимъ командировкамъ.

Помню, лѣтомъ 1875 года одинъ старый генералъ, когда разговоръ зашелъ о важности Приамурскаго края въ стратегическомъ отношеніи и о необходимости заняться его устройствомъ и заселеніемъ, сказалъ: „ничего-то Амуръ вашъ не стоитъ. Одинъ убытокъ Россіи. И зачѣмъ только его заняли! Слава Богу, земли у насъ и безъ того довольно“. Вѣроятно, такого мнѣнія были и многіе изъ инспектировавшихъ, потому что послѣ ихъ посѣщенія перемѣнъ къ лучшему не ощущалось, ассигнованіе не увеличивалось, все шло по-старому.

На то, какъ велось дѣло „Товарищества Амурскаго пароходства“, никто не обращалъ вниманія. Оно творило, что хотѣло. Въ первые годы новыхъ пароходовъ совсѣмъ не строили, а пробавлялись лишь тѣми, которые получали отъ казны; пользовались картами 60-хъ годовъ; грузы доставляли неаккуратно, въ Шилкѣ и верховьяхъ Амура часто сидѣли на мели по нѣсколько дней, благодаря тому, что мелкосидящихъ пароходовъ не было; а по озеру Ханка—вмѣсто морскихъ пароходовъ ходили тѣ же плоскодонные, что и по Уссури и Сунгари. Опытные морскіе офицеры поражались безпечностью Товарищества и предсказывали рано или поздно катастрофу, но Богъ всегда былъ милостивъ къ русскимъ, и пророчество моряковъ не сбылось. Говорили, что одинъ отставной морякъ, командиръ парохода, совершавшаго рейсы между Хабаровской и Камень-Рыболовомъ, дойдя до Ханки, сходилъ на берегъ, пароходъ отправлялъ черезъ озеро съ боцманомъ и съ тревогой ожидалъ его возвращенія изъ Камень-Рыболова. Когда кто-то изъ пассажировъ замѣтилъ ему, что это не добросовѣстно, то онъ отвѣтилъ: „у меня семья, пусть тонетъ тотъ, кто желаетъ, а я долженъ жить“. Его, кажется, скоро смѣнили.

Правленіе Товарищества находилось въ Петербургѣ. Главнаго директора-распорядителя я видѣла въ Хабаровкѣ только разъ, въ 1872 году, и не слыхала, чтобъ онъ еще когда-нибудь пріѣзжалъ. Жилъ онъ постоянно въ столицѣ, получалъ большое жалованье, дѣлалъ за границей заказы, на Амуръ присылалъ только распоряженія. Между прочимъ, путешествуя въ Англіи, онъ увидѣлъ, что пароходы на Темзѣ буксируютъ баржи формы эллипсиса. Ему почему-то показалось, что такія баржи очень удобны для плаванія по Амуру. Не долго думая, онъ заказалъ ихъ (конечно, не дешево) штуки че-

тыре и прислалъ въ Николаевскъ. Командиры грузовыхъ пароходовъ нашли эти круглоносыя суда совершенно непригодными для буксированія по рѣкамъ Приамурья; куда ихъ дѣвать, не знали, и, наконецъ, придумали обратить ихъ въ пароходныя пристани. На одной изъ этихъ баржъ была устроена и Хабаровская пристань. На носу и на кормѣ сдѣлали помѣщенія для ожидавшихъ пароходы пассажировъ. Холодъ въ нихъ былъ страшный; сквозь потолокъ протекалъ дождь. Пассажиры, простые смертные, выражали неудовольствіе на словахъ, но дальше этого не шли. О составленіи протоколовъ никому не приходило въ голову, да это и не привело бы ни къ чему.

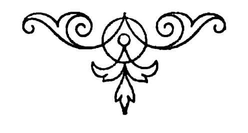
Проѣзжіе генералы на пристани никогда не останавливались; если кому-нибудь изъ нихъ предстояло переночевать въ Хабаровскѣ, то его приглашали въ знакомый семейный домъ.

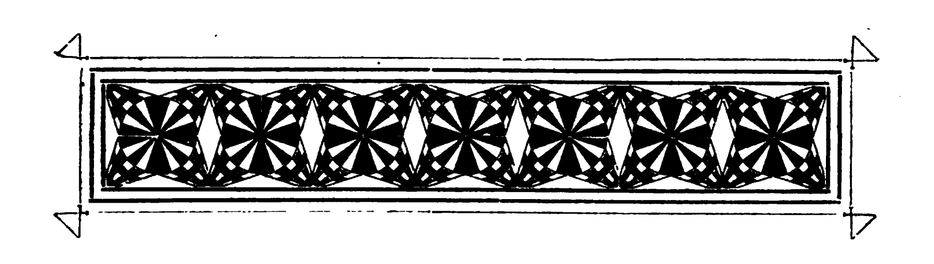
Думаю, что тѣ, кто имѣлъ несчастіе пожить на Хабаровской пристани, если только они еще живы, навѣрно страдаютъ ревматизмомъ.

Принявъ во вниманіе казенную субсидію въ 35.000 рублей, плату за частные грузы и пассажировъ, можно заподозрить, что большая часть субсидіи оставалась въ Петербургѣ, потому что жалованіе служившіе въ Товариществѣ получали небольшое и были за малыми исключеніями люди вполнѣ добросовѣстные. Мѣстные директора-распорядители получали въ первые годы существованія Товарищества пять тысячъ въ годъ.

Р. Ф.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ исторіи раскола.

Насколько прочно и свободно чувствовали себя раскольники въ началѣ прошлаго столѣтія, съ вступленіемъ на престолъ Александра I, показываетъ, напримѣръ, дѣло объ отводѣ кладбища прихожанамъ единовѣрческой московской Введенской церкви.

Единовѣрцы писали московскому военному губернатору Салтыкову.

„Неимѣніе у насъ кладбища дѣлаетъ намъ важное затрудненіе, простиравшееся иногда до того, что умершіе перевозимы бывали съ мѣста на мѣсто и погребались послѣ многихъ ходатайствъ и продолженія времени, ибо старообрядцы, къ церкви не присоединившіеся, не допускали и не допускаютъ погребать умирающихъ изъ насъ на Рогожскомъ ихъ кладбищѣ, гдѣ предки тѣхъ умершихъ, во многихъ богатыхъ въ оное вкладахъ участіе имѣющіе, положены. Хотя же по сей крайности и назначено намъ отъ преосвященнѣйшаго митрополита московскаго на время мѣсто для погребенія въ Покровскомъ монастырѣ, что въ Таганской части, но тутъ встрѣтилось другое, не меньше важное, затрудненіе, состоящее въ томъ, что въ монастырь сей всегда надобно давать не малый вкладъ, что для недостаточныхъ людей, а особливо за умирающихъ младенцевъ, крайне чувствительно, а при томъ мы не можемъ отправлять тутъ безпрепятственно и съ спокойнымъ духомъ должнаго по христіанскому закону по умершихъ надгробнаго поминовенія, потому что въ то-жъ время должны встрѣчаться съ монастырскими священнослужителями, дѣйствіе сіе надъ умершими не нашей старообрядческой церкви совершающими; сверхъ же того и погребеніе всѣхъ изъ нихъ умирающихъ вообще съ прочими христіанскаго закона людьми, не нашей старообрядческой

церкви, дѣлаетъ въ томъ монастырѣ не малое стѣсненіе, терпимымъ быть немогущее".

Единовѣрцы просили „для ободренія живыхъ и успокоенія мертвыхъ, что кости ихъ найдутъ для себя нужное и къ безпрепятственному повиновенію потомкамъ удобное мѣсто,—повелѣть отвесть оное при показанномъ Рогожскомъ кладбищѣ, отъ котораго они, единовѣрцы, могли бы отдѣлиться особымъ заборомъ".

Ходатайство единовѣрцевъ было удовлетворено; однако противъ этого возстали представители Рогожскаго кладбища.

„Таковое дѣйствіе весьма обнаруживается притѣснительнымъ, заявляли раскольники, потому что, отдѣлившись отъ нихъ тѣ церковно-прихожане навсегда согласіемъ—сближаются нынѣ паки къ нимъ, старообрядцамъ, чрезъ показанное выдуманное посредство или ради гнѣздящагося въ нихъ ничтожества, или же къ сущему старообрядцевъ стѣсненію и явной враждѣ".

Попечители Рогожскаго кладбища „о водвореніи мира и тишины" просили Салтыкова и подали ему прошеніе, по ихъ словамъ, сопровождаемое стономъ и слезами, не получивъ же желаемаго удовлетворенія, обратились къ владимірскому губернатору Руничу, энергичному защитнику раскольничьихъ интересовъ еще въ царствованіе Павла I-го. Руничъ 10-го апрѣля 1802 года доносилъ государю:

„Въ проѣздъ мой Москвы во всемилостивѣйше ввѣренную мнѣ Вятскую губернію дошло до свѣдѣнія моего отъ жительствующихъ въ Москвѣ старообрядцевъ, что при спокойномъ ихъ отправленіи обрядовъ своего богослуженія возникло для ихъ общества недовольственное происшествіе".

Изложивъ въ запискѣ, приложенной къ письму, обстоятельства дѣла и мнѣніе московскаго митрополита, полагавшаго, что для единовѣрцевъ Введенской церкви „лучше и благопристойнѣе имѣть кладбище собственное свое или возлѣ церкви или по близости оныя", Рудничъ писалъ:

„Посвятивъ жизнь мою на вѣрноподданническое служеніе, я не осмѣлился пренебречь дошедшее до свѣдѣнія моего обстоятельство въ разсужденіи московскихъ старообрядцевъ, ибо по давнему моему попеченію о дѣлахъ обитающихъ по Иргизу, Узенямъ и Уралу старообрядцевъ весьма мнѣ извѣстно, что московскіе жители сего исповѣданія, такъ сказать, яко средоточіе цѣлаго ихъ общества; а потому ни по совѣсти моей, ни по вѣрности къ службѣ вашего императорскаго величества, не могу оставить сего случая, въ Москвѣ происходящаго, въ отводѣ новаго кладбища, безъ вниманія,—но всеподданнѣйшимъ считаю долгомъ донести вашему императорскому величеству. Пріемлю всеподданнѣйшую смѣлость, со-

гласно данной резолюціи московскаго преосвященнѣйшаго митрополита Платона, быть одного съ нимъ мнѣнія, ибо по разсужденіи о благоспокойствіи каждаго исповѣдающаго истиннымъ или заблуждающимъ образомъ свою вѣру, по мнѣнію моему, есть то лучшее средство въ соблюденіи благоспокойствія общаго, чтобъ каждое исповѣданіе наслаждалось своими правами, и выгодою, но отнюдь бы вѣсовъ правды не нагибало ни на ту, ни на другую сторону. Повергнувъ сіе всеподданнѣйшее донесеніе высокомонаршему благоразсмотрѣнію вашего императорскаго величества, имѣю счастье всеподданнѣйше донести, всемилостивѣйшій государь, что, по сему происшествію въ Москвѣ, необходимостью поставилъ себѣ съ пути моего изъ Владиміра возвратиться на три дня въ Москву, ибо въ проѣздѣ чрезъ оную московскіе старообрядцы, объясняясь со мной словесно о безпокоящемъ ихъ дѣлѣ, неотступно требовали, дабы я принялъ отъ нихъ письменное объясненіе".

Въ запискѣ, представленной Руничемъ, говорилось, что предаютъ они, старообрядцы, вышеписанныя обстоятельства въ милостивое созерцаніе и къ прекращенію горькаго своего плача рабски просятъ отдалить отъ ихъ старообрядческаго Рогожскаго кладбища сближающихся, или, паче сказать, старающихся стѣсниться къ нимъ упоминаемыхъ церковноприходскихъ людей отводомъ имъ подъ погребеніе другого, вмѣсто нынѣ назначеннаго мѣста, дабы старообрядцы въ спокойномъ и безмятежномъ духѣ пребывать и безпрепятственныя. Царю царствующихъ и Господу господствующихъ мольбы возсылать могли".

Салтыкову, оставившему безъ уваженія просьбу раскольниковъ, теперь пришлось оправдываться предъ государемъ... На запросъ государя по настоящему дѣлу онъ, 24-го апрѣля, отвѣчалъ:

„Что принадлежитъ до церковной тишины и спокойствія, обстоятельство сіе я никогда не упускалъ изъ вида. Отводъ же сего мѣста не почиталъ противнымъ мнѣнію преосвященнаго митрополита, которой такъ благорасположенъ къ новоприсоединившимся, что требовалъ отъ меня приказанія, чтобъ старообрядцы имѣющуюся у нихъ на кладбищѣ часовню отдали имъ для церкви; отъ исполненія чего я однако отказался. Равнымъ образомъ, несмотря на то, что на ономъ старообрядческомъ кладбищѣ погребаются старообрядцы другой секты, безпоповщиной называемой, не позволилъ новообращеннымъ имѣть равное съ ними въ томъ участіе,—но съ другой стороны считалъ справедливымъ, чтобъ и они, новоприсоединившіеся къ церкви, получили со стороны правительства въ столь необходимомъ, но впрочемъ весьма неинтересномъ дѣлѣ, нѣкоторое снисхожденіе, могущее и ихъ удовлетворить, и ту тишину сохранить,

потому что старообрядческое кладбище, состоящее точно на такой же выгонной землѣ, окопано особымъ землянымъ валомъ и, находясь отъ новаго, своимъ заборомъ обгороженнаго бы саженъ на 10 отдѣленнымъ, не имѣетъ неминуемаго взаимнаго сообщенія. Сверхъ сего я не былъ не свѣдущъ и о тѣхъ предразсудкахъ, коими заражены нѣкоторые изъ нихъ, особливо женщины—разлученіе ихъ съ тѣлами предковъ своихъ до того уважающіе, что они почти готовы оставить новое свое къ церкви обращеніе, не упоминая о необратившихся еще. Сближивъ ихъ такимъ образомъ, я надѣялся, что послѣдніе, увидя обряды первыхъ, отъ ихъ ничѣмъ не разнствующіе, тѣмъ скорѣе пожелаютъ къ нимъ присоединиться".

Седьмого іюля 1802-го года послѣдовало высочайшее повелѣніе о предоставленіи прихожанамъ Введенской церкви выбрать себѣ мѣсто для кладбища внѣ города.

Въ томъ же 1802-мъ году не менѣе характерное дѣло возникло по прошенію купца-раскольника Андрея Смирнова, уроженца города Боровска Калужской губерніи.

Въ 1783 году отецъ его—„по внушенію отъ многихъ старообрядцевъ", оставя ту должность безъ всякаго содѣянья зла, предался стремленію, къ душеспасенію воображенія въ старообрядскія слободы, гдѣ вступилъ должностью священника и отправлялъ всякія христіанскія требы"... Смирновъ сначала жилъ въ Стародубьѣ съ отцомъ, а затѣмъ переселился къ тестю въ Калугу. Вслѣдъ за нимъ перебрался сюда изъ Стародубья и отецъ, желая „окончить остатокъ дней своей жизни" при сынѣ. Однако какъ сынъ, такъ и отецъ въ Калугѣ встрѣтили „великое притѣсненіе" со стороны полиціи, отъ городничаго Н. И. Бачурина и частнаго пристава А. Ильина.

— Я тебя и съ твоимъ отцомъ въ острогѣ уморю, али въ ссылку сошлю, говорилъ городничій Смирнову...

— По словамъ Давида: „отойди отъ зла и сотвори благо", писалъ въ своемъ прошеніи государю Смирновъ,—родитель мой, слѣдую сему, далъ гнѣву мѣсто и отъ великаго гоненія скрылся... Помню неоднократное родителя моего приказаніе, которое было при послѣдней нашей разлукѣ:

— „Любезный сынъ! употреби всѣ свои силы объ освобожденіи своего родителя... Неужели по самую смерть буду странствовать... Поѣзжай къ любезному нашему государю и напиши всеподданнѣйшую просьбу, которую подай трепещущими своими руками его императорскому величеству. Онъ человѣколюбивый и великодушный государь: всякаго званія людей прощаетъ и возвращаетъ свободу, да и многимъ даровалъ снова жизнь. А особливо къ несчастнымъ

благосклоненъ. Въ святомъ евангеліи есть: „просящему дастся, толкущему отверзется".

Прося защиты отъ притѣсненій, Смирновъ заявляетъ:

Какая бы нужда правительству, кто бы какой вѣры ни былъ и кто бы какъ ни молился, только бы не противно было закону: во-первыхъ, признавалъ бы государя, во-вторыхъ, молилъ бы Бога относительно его величества и за всю высочайшую фамилію. А между нами въ Россіи множество находится разныхъ религій, но никому такого притѣсненія нѣтъ, каковое повсемѣстно бываетъ старообрядцамъ: скорбь, тѣснота, гоненіе отъ правительства. Не вспомнимъ того, что мы всѣ смертны и по смерти нашей не будемъ ли истязаны на второмъ Христовомъ пришествіи за притѣсненіе невинныхъ. Я съ самыхъ малыхъ лѣтъ не имѣлъ спокойной и хорошей жизни и по сіе время; но я также имѣю добрую душу и нѣжное сердце"...

Свое прошеніе Смирновъ заканчиваетъ стихами:

О, Боже праведный, душъ чистыхъ покровитель!
О, Боже благости! невинныхъ защититель!
Убѣжище, покровъ несчастныхъ и отецъ!
Не скрыты отъ Тебя изгибы всѣхъ сердецъ!
Простри ко мнѣ, мой Богъ, всевидящее око;
Зри сердце Ты мое, пронзенное глубоко;
Виждь, что невиненъ я, но горьки слезы лью.—
Воззри, подаждь мнѣ щитъ!—къ Тебѣ я вопію!
Злодѣйска душа спокойна быть не можетъ,
Моя душа чиста, и Богъ мнѣ Самъ поможетъ...
Царь мудрости, блаженства нашихъ дней,
Первѣйшій въ мужахъ, Александръ, краса и честь царей!
Ты, коего духъ героевъ самыхъ выше,
Ты, коего кроткая душа зефира тише!
Щедротой, благостью сердца къ себѣ влечешь
правосудіемъ красуешься, цвѣтешь,
Отеческой рукой щедроты льешь на насъ рѣкою;
Едва восшелъ на свѣтлый тронъ—
И дверь въ темницахъ отворились,
Свобода съ милостью явились:
На тронѣ Александръ! ты прощенъ!
Рекли—и узы разрѣшились...
Отцы въ семейство возвратились.
Дѣтей, друзей своихъ обнять
И Бога въ Александрѣ прославлять...
Въ тебя-жъ, любезная Марія
Съ восторгомъ нѣжнымъ зритъ Россія,
Мать бѣдныхъ, сирыхъ и вдовицъ.
Собравъ гонимыхъ злой судьбою,

Ведешь ихъ къ трону са собою.—
И слезы сихъ печальныхъ лицъ
Уже въ послѣдній разъ струятся:
Онѣ щедротой осушатся
Отца народа своего,
Монарха сына твоего...

Отцу просителя государемъ было дано прощеніе за его бѣгство къ раскольникамъ и разрѣшено свободное проживаніе при сынѣ: мѣстнымъ властямъ было 4-го марта 1802 года предписано: „ни тому, ни другому за образъ ихъ исповѣданія никакого притѣсненія впредь чинить и чтобъ свободно проживали они, гдѣ пожелаютъ, на основаніи и подъ покровительствомъ общихъ узаконеній, если кромѣ бѣгства отца и укоризны въ старообрядчествѣ нѣтъ на нихъ никакихъ преступленій, суду ихъ подвергающихъ“.

Калужскій вице-губернаторъ Казачковскій 7 мая того же 1802 года донесъ статсъ-секретарю Трощинскому, что калужскій преосвященный Θеофилактъ „невѣдомо, по какой причинѣ“ продолжаетъ притѣснять Смирновыхъ, запрещаетъ имъ и ихъ родственникамъ отправлять домашнее молитвоприношеніе и требуетъ самого священника Смирнова въ консисторію „для какого-то слѣдствія“.

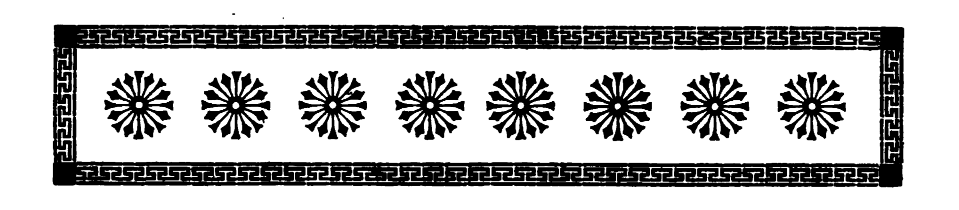
Трощинскій 13 мая увѣдомилъ петербургскаго митрополита Амвросія, что государь повелѣть соизволилъ: „чтобы ваше высокопреосвященство внушили преосвященному калужскому не дѣлать никакихъ притязаній къ сему священнику и оставить его въ покоѣ пользоваться дарованною ему свободою“.

Смирновъ-сынъ въ стихотворномъ благодарственномъ письмѣ къ Трощинскому заявляетъ.

„Многіе назадъ тому прошли годы,
Къ старообрядцы не имѣли такого блаженства и свободы.
Какими воспользовались въ царствованіе Александра перваго,
Всѣми обожаемаго монарха премудраго.
Онъ обратилъ милостивое и человѣколюбивое вниманіе
На всѣхъ вѣрноподданныхъ разнаго рода людей званія“...

Сообщилъ Д. Успенскій.

Изъ моихъ воспоминаній: въ кадетскомъ корпусѣ [1].

По мѣрѣ того, какъ корпусъ приходилъ въ нормальное состояніе, формировалась и корпусная библіотека. Основаніемъ ей служила библіотека Аракчеева въ селѣ Грузинѣ, изъ которой было передано въ корпусъ нѣсколько тысячъ томовъ, значительною частью безполезныхъ даже для учителей и офицеровъ. Пополнялась библіотека чрезвычайно медленно и бѣдно, такъ что при мнѣ она совсѣмъ не стоила своего названія. Объемъ библіотеки уменьшался еще отъ примѣненія корпуснымъ начальствомъ цензурныхъ требованій времени. Мыслебоязнь была царствующею. болѣзнью оффиціальныхъ кружковъ и слоевъ и дѣйствовала сверху внизъ въ видѣ пресса. Хотя давленіе доходило до нижнихъ слоевъ въ ослабленномъ видѣ, но за то цензурная ревность усиливалась страхомъ отвѣтственности, который многихъ исполнителей дѣлалъ совершенно слѣпыми. И кого же боялись? Рафаила Зотова, Загоскина, Лажечникова, Марлинскаго.

Помню я такой случай. Кадетъ досталъ гдѣ-то „Черную женщину“ Греча и сталъ читать ее во время прогулки по плацу, но былъ накрытъ ротнымъ командиромъ, книга отобрана, и онъ самъ оштрафованъ. Изъ этого выходило зло: во что бы то ни стало хотѣлось вкусить запретнаго плода, хотя бы для этого требовалось ослушаться, провести, обмануть, рискнувъ собственной особой. Такъ и дѣлалось, когда счастливо, а когда и неблагополучно. „Черную женщину“, напримѣръ, едва-ли знаетъ теперь самый обжорливый крокодилъ литературы, не вредна она ни въ какомъ смыслѣ, кромѣ развѣ потери времени на ея прочтеніе. А я между тѣмъ далъ себѣ задачу достать и прочесть эту книгу непремѣнно и задачу эту выполнилъ благополучно. Если бы попался, могъ бы потерпѣть, а изъ-за чего? Было такъ не только у насъ въ корпусѣ, но и во всѣхъ другихъ. Несходство можно найти развѣ въ частностяхъ примѣненія

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. январь.

общаго, обязательнаго для всѣхъ правила. Въ одномъ мѣстѣ оштрафовали бы за „Таинственнаго монаха“, въ третьемъ за „Дочь купца Жолобова“. А это совершенно одно и то же.

Слова нѣтъ, нельзя мальчугану въ школѣ давать читать все, одно подходитъ къ возрасту, другое опережаетъ умственное развитіе и т. д. Но этому могутъ способствовать цензурныя мѣры, которыя не дискредитируютъ самихъ себя. А запрещеніе какихъ-нибудь невинныхъ книжекъ, въ родѣ поименованныхъ, именно это и дѣлаетъ. Въ тогдашнее время историческаго чтенія для дѣтей и юношества почти не существовало, а потому историческій романъ получалъ двойную цѣну. Но „романъ“ было страшное слово. Въ романѣ подозрѣвалась безнравственность, нѣкое блудодѣйствіе, отъ коего юнцы и отроковицы непрестанно оберегаемы быть имѣютъ. Въ женскихъ институтахъ найденный у барышни романъ наводилъ на нее такую скверну, для очищенія отъ которой требовались чуть ли не столь же радикальныя мѣры, какъ въ Христово время противъ проказы. На заголовокъ не смотрѣли: романъ, c'est tout dit. Наиболѣе наивныя дѣвочки даже сторонились отъ прокаженной подруги, чтеніемъ романа осквернившейся. Не столь институтское, но по характеру однородное съ нимъ представленіе о романѣ имѣли, должно быть, и въ нашемъ корпусѣ. Слово „романъ“ въ вольномъ переводѣ обозначало: „смотри, братъ, въ оба“. Въ оба и смотрѣли, на русскій же историческій романъ даже въ три. А такъ какъ въ литературномъ произведеніи достоинства и недостатки не могутъ быть измѣряемы аршинами или фунтами и требуютъ оцѣнки иной, далеко не такой безусловной, то въ случаѣ сомнѣнія естественнѣе было запретить, чѣмъ разрѣшить, какъ перекланяться благоразумнѣе, чѣмъ недокланяться. „Ну васъ къ Богу; нельзя—и шабашъ, еще наживешь съ вами бѣду; учите лучше уроки“.

Завзятыхъ любителей чтенія конечно не могло быть очень много, но они все-таки были, слѣдовательно, были и старанія—раздобыться откуда-нибудь книгами. Когда хочешь до чего-нибудь добиться, то всегда найдешь пути къ исполненію своего желанія, только въ нашемъ уединенномъ редутѣ это было гораздо труднѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Укажу на себя. Книгами меня снабжалъ П. И. Бутаковъ, а если давалъ мнѣ, то конечно давалъ и нѣкоторымъ другимъ, хотя быть можетъ немногимъ. У него была собственная библіотечка изъ двухъ-трехъ сотенъ томовъ,] исключительно русскихъ и преимущественно беллетристическихъ. Сдѣлавшись учителемъ исторіи, онъ сталъ пополнять ее и книгами историческими, но мнѣ ихъ давалъ рѣдко и только нѣкоторыя. Книгами Бутакова я пользовался послѣдніе 3 года моего пребыванія въ корпусѣ и не только безъ системы, но въ за-

мѣчательной степени сумбурно. Одна изъ первыхъ книгъ, мною отъ него полученныхъ, была Иліада Гомера; она мнѣ чрезвычайно понравилась, такъ что я потомъ бралъ ее еще 2—3 раза и нѣкоторыя мѣста заучилъ наизусть. Затѣмъ давались мнѣ романы и другія сочиненія Р. Зотова, Загоскина, Лажечникова, Марлинскаго, казака Луганскаго, Булгарина, Греча и другихъ; очень немногое изъ Пушкина, еще меньше изъ Гоголя, совсѣмъ не видалъ Грибоѣдова. Надо думать, что ихъ у Бутакова и не было. Познакомился я также съ „Потеряннымъ раемъ“ Мильтона, „Освобожденнымъ Іерусалимомъ“ Тасса, Оссіаномъ. Въ перемѣшку съ этимъ шло пожираніе разныхъ переводныхъ романовъ, преимущественно Вальтеръ-Скотта, но попадались и другіе, не исключая Поль-де-Кока; этотъ послѣдній большого впечатлѣнія не производилъ. Переводы были большею частью ужасные, либо высокимъ слогомъ, почти на церковно-славянскомъ языкѣ (Мильтонъ, Тассъ), либо какимъ-то дубоватымъ языкомъ и не съ подлинниковъ, а все больше съ французскаго. *Лади* говорилось вмѣсто *лэди*, *сиръ* вмѣсто *сэръ*, *пладъ* вмѣсто *пледъ*; совершенное невѣжество переводчика и незнакомство его съ предметомъ сквозило во всякой строкѣ, что, разумѣется, не замѣчалось. Все это читалось съ такою жадностью, что по нѣкоторымъ предметамъ я сталъ въ классѣ отставать и дошелъ до балловъ еле удовлетворительныхъ, за то пристрастился къ литературѣ и къ исторіи. Послѣднему много содѣйствовалъ Вальтеръ-Скоттъ.

У насъ было не мало охотниковъ до изящной словесности, которые отличались отъ остальныхъ умѣньемъ писать ученическія сочиненія на заданныя или выбранныя ими самими темы. Говорю „не мало“, разумѣя, что хоть пара подобныхъ „писателей“ на классъ въ 30—40 человѣкъ есть процентъ большой. Въ послѣдніе два года принадлежалъ къ ихъ числу и я. Вмѣстѣ съ кадетомъ Сушко, моимъ большимъ пріятелемъ, мы читали и толковали о прочитанномъ. Спорили рѣдко, критиковали еще рѣже, потому что за образецъ критики принимали гаерство барона Брамбеуса въ „Библіотекѣ для чтенія“ и образецъ этотъ почитали недосягаемымъ для своихъ слабыхъ силъ. Къ намъ примкнуло еще 3—4 человѣка, но они перемѣнялись и участвовали въ бесѣдахъ урывками. Нѣтъ сомнѣнія, что не мы были первыми въ подобныхъ затѣяхъ, не мы и послѣдними, хоть можетъ статься другіе брались за дѣло иначе. Впослѣдствіи мнѣ стало, напримѣръ, извѣстно, что въ 1839 году, въ старшемъ классѣ, издавался подъ редакціею кадета Макшеева журналъ, но былъ накрытъ ротнымъ командиромъ, попавшіеся номера секвестрованы и журналъ прекратился.

Чтеніе наше было самое разнообразное, противуположныя по духу

и содержанію сочиненія ни мало не исключали одно другого; все шло на потребу. Читали первую часть Гётева Фауста въ переводѣ Губера и насъ мучительно интриговали исключенныя цензурою мѣста, обозначенныя пунктиромъ, которыя только позже, въ Петербургѣ, удалось добыть и перевесть. Читали книгу Фукса о кампаніи Суворова 1799 года и при томъ, что называется, въ засосъ, хотя неудовлетворительнѣе, безобразнѣе этого сочиненія трудно себѣ представить. Стали искать другихъ книгъ о Суворовѣ, нашли нѣсколько принадлежавшихъ началу нашего столѣтія, анекдотическаго характера, и Суворовъ сдѣлался нашимъ любимымъ героемъ. Вальтеръ-Скоттъ нравился всѣмъ безъ исключенія. Изъ русскихъ беллетристовъ Марлинскому принадлежало чуть ли не первенство, до того насъ прельщалъ его дутый, ходульный слогъ. Появленіе Смирдинскаго изданія „Сто русскихъ императоровъ“ составило эпоху; книга читалась на расхватъ. Литературный парадъ открывался барономъ Брамбеусомъ съ его статьею „Превращеніе книгъ въ головы, а головъ въ книги“. Мы приступали къ чтенію съ волненіемъ, которое обыкновенно предшествуетъ ожиданію чего-нибудь необычайнаго, а окончили чтеніе съ восторженными ахами и охами, которые выходили какъ будто холодны, и повѣсть нравилась каждому изъ насъ меньше, чѣмъ мы другъ другу расписывали. А сознаться не рѣшался никто потому, что это значило выдать себя головой со своей неразвитостью, незрѣлостью, мальчишествомъ. Развѣ статочное дѣло, чтобы произведеніе Сенковскаго было слабо, да еще на такую умную тему?

Въ той же книгѣ напечатана была повѣсть Каменскаго „Яковъ Моле“. Манера автора, реторическая, искусственно-торжественная заполонила насъ, горячихъ поклонниковъ Марлинскаго. Яковъ Моле занялъ мѣсто въ ряду первыхъ образцовъ и не разъ стали проскакивать въ сочиненіяхъ учениковъ дутыя фразы, написанныя слогомъ, подобнымъ гусиному шагу акробата на канатѣ. Думать надо, что Орнатскому приходилось не разъ разводить руками и спрашивать себя: „откудá мнѣ сіе?“ А высокій слогъ и торжественная надутость рѣчи продолжали гипнотизировать нашего брата и испарились (во мнѣ по крайней мѣрѣ) года черезъ 2—3 отъ прикосновенія къ Гоголю. Яковъ Моле до того понравился, что стали мы разыскивать другія сочиненія того же автора; разыскали „Танецъ смерти“ (если не ошибаюсь), потомъ открыли еще романъ „Искатель сильныхъ ощущеній“. И какихъ хлопотъ и трудовъ стоили подобныя разысканія! И сколько мытарствъ надо было пройти, сколько кружныхъ путей исколесить, чтобы выработать литературный вкусъ и усвоить сколько-нибудь здравый критерій! Почти все, что мы читали тогда (да и послѣ), не только не направляло на путь, но сбивало съ пути. Когда

годъ или два спустя вышли въ свѣтъ „Мертвыя души“ Гоголя, произведеніе это до того не гармонировало съ продуктами рядовой литературы, что вызвало нѣсколько отзывовъ, которые нынче нельзя назвать иначе, какъ идіотскими. Я помню очень хорошо одну изъ такихъ „критикъ“: разбирались параллельно „Мертвыя души“ и „Кузьма Петровичъ Мирошевъ“, романъ Загоскина, и послѣднему отдавалось неоспоримое и огромное предпочтеніе.

Страстишка къ чтенію, въ комъ изъ насъ она зародилась и развилась, не удовлетворялась сама собой, а тянула дальше, порождая страстишку къ писанію. Наши старшіе товарищи, слѣдуя по этому пути, изобрѣли, какъ было сказано, журналъ; мы тоже стали пописывать и другъ другу почитывать, но нѣсколько иначе. Какъ истиннымъ ребятамъ подобаетъ, послѣ первыхъ опытовъ внѣкласснаго сочинительства, брались мы не за что-нибудь мелкое, сравнительно легкое, а сразу за крупное, чтобы въ носъ бросалось. Одинъ принялся за какую-то повѣсть изъ временъ Зороастра; другой (нижеподписавшійся) за оригинальный романъ изъ русской жизни до татарскаго періода; третій ужъ и не знаю чѣмъ задался обогатить отечественную литературу. У меня фигурировалъ удѣльный князь, выгнанный изъ удѣла сильнымъ сосѣдомъ и поселившійся пока что въ землѣ ливовъ, гдѣ пришлые нѣмцы только-что заложили Ригу. Особенно трудно мнѣ было соорудить проповѣдь, которую единый отъ сихъ нѣмецъ говорилъ ливамъ, обращая ихъ въ христіанство; пришлось очень натуживаться въ сферѣ корпусныхъ богословскихъ познаній. Еще труднѣе оказались стихи, требовавшіяся въ видѣ грустной пѣсни изгнанника о милой родинѣ; они родились на свѣтъ послѣ многихъ потовъ. Вообще нашъ авторскій жаръ держался недолго на высокихъ градусахъ, работа шла все медленнѣе и, наконецъ, съѣхала на нѣтъ.

А. Ф. Петрушевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изнасилованіе 64 лѣтней „дѣвки“.

Рапортъ генералъ-лейтенанта Чоглокова, 30 іюня 1814 г., № 356, графу Милорадовичу.

Получа отъ Вирцбургскаго губернатора господина барона Лерхенфельда отношеніе, коимъ увѣдомилъ меня, что резервныхъ ротъ бывшихъ подъ начальствомъ полковника Титова унтеръ-офицеръ Ефимъ Игнатьевъ учинилъ насиліе 64-хъ лѣтней дѣвкѣ и причинилъ ножомъ ей смертельные удары, который преданъ мною при Гренадерскомъ корпусѣ военному суду. О чемъ Вашему Сіятельству доношу.

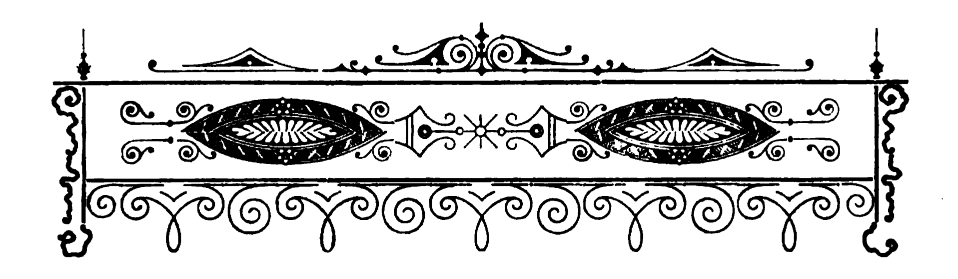
«Шалости» въ Измайловскомъ полку.

Отношеніе генералъ-лейтенанта Сабанѣева генералъ-лейтенанту Ермолову, 18 апрѣля 1814 г., № 2020.

Вчерашняго дня Его Сіятельствомъ господиномъ главнокомандующимъ найденъ за городомъ л.-гв. Измайловскаго полка рядовой Афанасій Ворачовъ, который хотѣлъ насильничать одну женщину, почему приказано было взять его подъ караулъ, гдѣ онъ и содержался до сего дня, теперь же препровождается къ Вашему Превосходительству. Г. Главнокомандующій приказать изволилъ наказать его предъ полкомъ и сей штрафъ записать въ журналъ. Командиру же Измайловскаго полка сдѣлать выговоръ за то, что солдаты его бродятъ по одиночкѣ и дѣлаютъ шалости. О чемъ для должнаго исполненія честь имѣю Ваше Превосходительство увѣдомить.

Сообщилъ Н. Соколовскій.

В. В. Стасовъ.

Къ портрету.

---

10 октября прошлаго года около 10 час. вечера скончался Владимиръ Васильевичъ Стасовъ.

Стасовъ—явленіе замѣчательное и, быть можетъ, незамѣнимое въ нашей художественно-общественной жизни. Судьбы русскаго искусства въ теченіе многихъ десятилѣтій крѣпко связаны съ его именемъ и въ этой области имъ сдѣлано столько, что, не будучи самостоятельнымъ творцомъ, онъ однако же занимаетъ здѣсь одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Растолковывая и указывая косному и равнодушному къ собственнымъ духовнымъ интересамъ обществу выдающіеся факты въ живописи, скульптурѣ, архитектурѣ и музыкѣ, вдохновляя самихъ авторовъ сюжетами и планами, наконецъ, вѣчно разыскивая и, что главнѣе, находя и прославляя новые таланты, Стасовъ прошелъ долгій путь отъ Глинки и Брюллова до Глазунова и Ел. Полѣновой, но на всѣхъ переходахъ, до конца жизни сохранилъ своеобразность своей натуры, юношескую пламенность и искренность убѣжденій. Содержательность и національность произведенія для него были дороже остальнаго, а все, что къ тому же носило отпечатокъ борьбы съ рутиной, вызывало его неподдѣльный восторгъ. Но кромѣ сего, Стасовъ—имя и въ наукѣ, гдѣ особенно важное значеніе пріобрѣла его оригинальная работа о происхожденіи русскихъ былинъ.

Лѣтопись его жизни такова.

Родился 2 января 1824 г. въ С.-Петербургѣ въ рѣдкой по интеллигентности семьѣ архитектора В. П. Стасова, строителя Измайловскаго собора. Наклонности С. сказывались съ раннихъ лѣтъ; „всѣ

мои вкусы и даже игры (говоритъ онъ во своей автобіографіи [1]) были направлены къ искусству и, когда мнѣ было еще лѣтъ 9 или много 10, я по цѣлымъ днямъ дѣлалъ маленькіе архитектурные чертежи... сочинялъ маленькіе проекты домовъ, колоколенъ и церквей... ѣздилъ со своимъ отцомъ на всѣ его постройки (особливо, когда шла постройка Измайловскаго и Смольнаго соборовъ), и цѣлые дни проводилъ на лѣсахъ". Музыка также занимала не послѣднее мѣсто и входила въ первоначальное домашнее воспитаніе. Въ 1835 году С. поступилъ въ Имп. училище правовѣдѣнія, окончивъ его черезъ семь лѣтъ. Если склонности вообще къ искусству не могли здѣсь получить дальнѣйшаго развитія, то совсѣмъ другое дѣло было съ музыкой—ею съ увлеченіемъ занимались многіе изъ воспитанниковъ и занимались серьезно; въ числѣ лучшихъ С. сдѣлался ученикомъ Гензельта на фортепіано и считался хорошимъ піанистомъ. Въ тѣ же годы правовѣдомъ былъ и А. Н. Сѣровъ, съ которымъ знакомство, а затѣмъ и дружба возъимѣли сильнѣйшее вліяніе на его жизнь, хотя художественныя вѣрованія обоихъ въ дальнѣйшемъ коренныиъ образомъ разошлись; ихъ интересная и значительная переписка, печатавшаяся въ нашемъ журналѣ въ 1875—78 г.г. и въ нынѣшнемъ 1907 году (мартъ), а также въ „Русск. Муз. Газетѣ", 1899—903 г.г., представляетъ собою живой матеріалъ для характеристики какъ самихъ авторовъ, такъ и условій тогдашней петербургской музыкальной жизни. По окончаніи курса С. служилъ въ межевомъ департаментѣ Сената, а потомъ въ герольдіи и на консультаціи при министерствѣ юстиціи. Въ маѣ 1851 г. онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу на 3 года (былъ въ Англіи, Франціи, Швейцаріи, Италіи); преимущественно жилъ во Флоренціи и Римѣ, состоя все время при А. Н. Демидовѣ. Вернувшись изъ чужихъ странъ, онъ сталъ заниматься въ Публ. Библіотекѣ, находясь съ 5 дек. 1856 г. при статсъ-секретарѣ бар. Мод. Корфѣ по особо возложеннымъ на него порученіямъ. Ему было поручено собрать матеріалы о молодости имп. Николая I, по исторіи цензуры того же времени, исторіи имп. Ивана Антоновича и его семейства и по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ. Всѣ эти изслѣдованія были написаны спеціально для имп. Александра II и поступили въ его личную библіотеку. Съ 7 іюля 1863 г. по Высоч. повелѣнію опредѣленъ во II отдѣленіе Собствен. Е. В. Канцеляріи и былъ членомъ его общаго присутствія около 20-ти лѣтъ. 27 дек. 1872 г. занялъ должность библіотекаря художественнаго отдѣла Имп. Публич. Библіотеки, состоя имъ до конца. Умеръ Стасовъ почетнымъ академикомъ.

---

[1]) См. „Русская Старина" 1880 г. № 12, 1881 г. №№ 2, 3 и 6 и Собраніе сочиненій. 1894 г. Т. III.

Всѣ ученыя статьи и изданія С. относились къ археологіи, этнографіи и исторіи литературы и искусства. Наиболѣе замѣчательны его изслѣдованія орнамента—русскаго, славянскаго и восточнаго [1]) и трудъ—„Происхожденіе русскихъ былинъ“ (1868 г.); въ немъ С. доказывалъ, что наши былины цѣликомъ заимствованы съ Востока и даютъ лишь отрывочный пересказъ его эпическихъ произведеній: что сюжеты, хотя и арійскіе, приходили къ намъ въ буддійской обработкѣ, черезъ тюркскіе народы, а время заимствованія относится къ болѣе поздней эпохѣ татарщины. Эти взгляды, не укрѣпившись въ наукѣ, принесли однако большую пользу, вызвавъ пересмотръ всѣхъ прежнихъ утвержденій о полной самобытности нашего эпоса. Впослѣдствіи мысль о восточномъ возникновеніи нашихъ былинъ проводилъ извѣстный ученый Всев. Ѳ. Миллеръ [2]).

Однако при всемъ значеніи Стасова, какъ ученаго, въ другой сторонѣ дѣятельности у него еще больше правъ на признательность всего русскаго общества. Энергія, съ которой онъ открывалъ и проводилъ все по его мнѣнію талантливое и самобытное въ русскомъ искусствѣ (а онъ довольно рѣдко ошибался), несравнима; въ теченіе болѣе полувѣка онъ собиралъ матеріалы, издавалъ ихъ и составлялъ біографіи художниковъ, композиторовъ и художественныхъ дѣятелей [3]); будучи другомъ большинства выдающихся нашихъ музыкантовъ, онъ имѣлъ важное вліяніе на возникновеніе цѣлаго ряда произведеній послѣ-глинкинской, „новой русской школы“. Любовь его къ родному была безпредѣльна и, питая такое чувство къ отцамъ нашего искусства, онъ переносилъ его и на вѣрныхъ сыновъ и внуковъ — такъ въ послѣдніе годы особенныя его симпатіи вызывали творчество Ел. Полѣновой и талантъ Ѳ. И. Шаляпина. Когда въ своихъ статьяхъ, какъ напр. „Двадцать пять лѣтъ русскаго искусства“ (1882—3 г.г.), „Тормозы русск. иск.“ (1885 г.), онъ рисовалъ начальную пору нашей художественной

---

[1]) За эту работу В. В. пожалованъ въ 1881 г. въ тайные совѣтники.

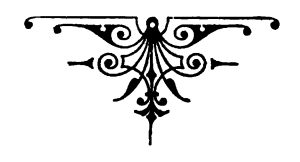
[2]) Любопытно отмѣтить, что изученіе поэзіи инородцевъ на Алтаѣ привело сибирскаго путешественника, Г. Потанина, къ тѣмъ же взглядамъ, о чемъ онъ и сообщилъ В. В.; нѣсколько лѣтъ тому назадъ Г. Потанинъ издалъ особую работу, посвященную тому же вопросу.

[3]) Антокольскаго, К. Брюллова, Н. Н. Ге, М. И. Глинки, Горностаевыхъ, А. А. Иванова, В. Гартмана, И. Рѣпина, В. Верещагина, Крамского, В. Перова, Н. Римскаго-Корсакова, М. Мусоргскаго, Вяч. Шварца, Викт. Васнецова, Ел. Полѣновой. и др. Біографіи ревнителя отечественнаго просвѣщенія П. Д. Ларина и одной изъ начинательницъ высшаго женскаго образованія въ Россіи Н. В. Стасовой. Кромѣ того ему мы обязаны изданіемъ многихъ важныхъ писемъ М. И. Глинки, которыя иначе навсегда были бы утрачены (напр. къ Ширкову).

жизни, то опредѣленно указывалъ причины такого состоянія, горячо настаивая на необходимости устраненія препятствій [1]); онъ-то именно и былъ однимъ изъ главныхъ пробудителей и виновникомъ, хотя и постепеннаго признанія нашихъ авторовъ, помѣщая радостныя замѣты по поводу появленія или исполненія каждаго сколько-нибудь замѣчательнаго произведенія [2]), каждой постановки выдающихся русскихъ оперъ въ Россіи и за границей. Столько мыслей и фактовъ накопилось за долгіе годы въ его сочиненіяхъ, что будущему историку нашего искусства обойтись безъ Стасова окажется совершенно невозможно.

Жизнь его кончилась, но его дѣла, его не ослабѣвшая, безкорыстная любовь останутся; въ русскомъ обществѣ должна быть жива благодарная память о немъ. Такіе люди не забываются...

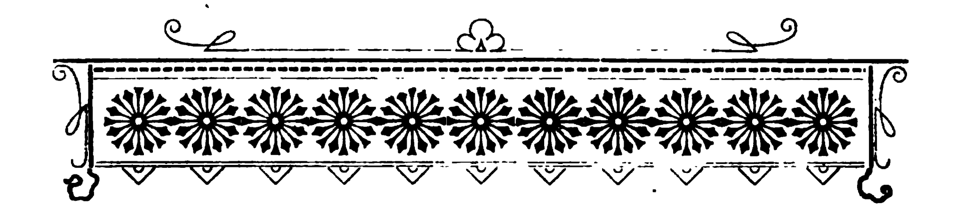
Вас. Я.

---

[1]) Общіе его взгляды на исторію искусства высказаны въ статьѣ „Ист. Европ. Искусства XIX в.“ (въ недавно вышедшемъ 4-мъ томѣ соч.), изданной въ сокращ. видѣ журн. „Нива“.

[2]) Благодаря ему состоялась постановка „Каменнаго Гостя“ Даргомыжскаго, его же стараніями были поставлены памятники Бородину и Мусоргскому.

Письма Александра Николаевича Сѣрова къ Владиміру Васильевичу Стасову.

17 сентября 1851 Спб.

...Я искренно радъ, что ты начинаешь потихоньку влюбляться въ Италію—мнѣ было бы больно, еслибъ эта страна, на которую мы, по слухамъ, привыкли смотрѣть какъ на обѣтованную землю для артистической жизни,—оказалась бы на дѣлѣ не тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ. Теперь я вижу, что ты только немножко опрометчиво осудилъ Флоренцію по первому впечатлѣнію—и вѣроятно,—одной искорки будетъ довольно, „чтобъ фейерверкъ вспыхнулъ и загорѣлся". Эту искорку зажгутъ итальянскія глазки—и вѣрно недолго этого ждать. Ахъ женщины, женщины! Какъ все кисло идетъ въ жизни безъ нихъ, безъ постояннаго сообщенія съ ними.

Что за досада, что, кромѣ Дмитрія, мнѣ рѣшительно не съ кѣмъ наслаждаться твоими письмами! Какъ бы я читалъ ихъ Соничкѣ и М. П.!—Какъ бы вмѣстѣ со мною онѣ обѣ вливали въ себя все безподобное, что ты намъ такъ щедро даришь въ каждомъ твоемъ письмѣ! Послѣднее твое письмо я читалъ вслухъ мамѣ (и для себя въ первый разъ тутъ же—вчера мнѣ Дмитрій далъ его домой, а до вчерашняго дня мнѣ не пришлось видѣть этого письма, полученнаго уже три дня назадъ)—и въ мамѣ твои строчки о Зонтагъ вызвали особенное, одушевленное сочувствіе. Какъ же бы это подѣйствовало на Соничку и М. П., гораздо болѣе мамы воспріимчивыхъ въ этихъ всѣхъ дѣлахъ! Вѣдь случится же такъ, что не съ кѣмъ дѣлить именно того, что дѣлить нужно!

Какъ бы я хотѣлъ тутъ же разомъ перелить въ другихъ то, что волнуется у меня въ душѣ, при чтеніи твоихъ нынѣшнихъ писемъ—такъ горячо и такъ славно писанныхъ, что во мнѣ ни малѣйшаго

сомнѣнія не остается на счетъ твоей настоящей, писательской дѣятельности. Отчего жъ бы въ тебѣ зародилась такая страсть къ писанію, еслибъ тебѣ не назначено было выработать изъ себя автора. и автора не безъ силы и не безъ значенія въ мірѣ искусствъ!

Вѣдь когда же нибудь выскажется огненная твоя душа во всеуслышаніе—вѣдь будетъ же то время, когда всѣ твои умственныя слова получатъ достойное тебя направленіе—все приведется къ одному знаменателю—и тогда тебѣ нельзя будетъ ограничиться письмами къ своимъ близкимъ... Я увѣренъ, что этого не долго ждать! Поѣздка твоя въ Италію во многомъ перемѣнитъ тебя, вышлифуетъ и натолкнетъ тебя на твою настоящую дорогу. Въ это я вѣрю столько же, какъ въ то, что я уже попалъ на свою дорогу и съ нея не собьюсь! Только пиши мнѣ больше и чаще—мнѣ скучно безъ тебя—мнѣ не съ кѣмъ толковать, не съ кѣмъ музицировать по-моему, по-нашему!.. А это мнѣ теперь въ 10.000 разъ нужнѣе прежняго, потому что во мнѣ съ каждымъ днемъ развиваются новыя потребности сообщительности, участія—со стороны другихъ для меня близкихъ и важныхъ. И самыхъ близкихъ, самыхъ важныхъ теперь нѣтъ вблизи меня!!... Мнѣ иногда бываетъ такъ тяжело, что я рѣшительно ничего не могу дѣлать—не только въ музыкѣ, но не могу даже читать... Иногда такое расположеніе находитъ на меня, когда я бываю у Л. К., и тогда мы славно говоримъ про тебя и про наши взаимныя отношенія. — Знаешь ли, что я скажу тебѣ: было время, что я былъ влюбленъ въ себя (въ свою способную натуру, въ свой умъ и пр.), потомъ было время—и это очень недавно, когда я сдѣлался весь гадокъ себѣ, кромѣ—таланта, котораго я какъ будто былъ недостоинъ на собственные глаза,—теперь я опять начинаю любить себя, но совсѣмъ съ новой стороны—мнѣ въ высшей степени отрадно быть всеобщимъ повѣреннымъ для всѣхъ, мнѣ близкихъ, необходимыхъ, свѣтлыхъ и прозрачныхъ,—потому что всѣ вы во мнѣ увѣрены и видите меня насквозь...

С.-Петербургъ 2/14 октября 1851 г.

Прежде всего, ввидѣ прелюдіи, мнѣ надобно вообще выразить тебѣ жалобу на неумолимое время, которое безъ всякой жалости гонитъ часъ за часомъ, день за днемъ—такъ что право невѣроятно становится, что вотъ еще пролетѣли сутки, недѣля и т. д.!.. Это истина очень не новая, но я не могу не писать объ томъ, что меня мучитъ въ ту минуту, когда я принимаюсь писать тебѣ. Я не знаю, какъ дѣлали и дѣлаютъ другіе, работающіе, чтобъ имъ было

время на все, я же никакъ не могу съ собою сладить—въ Петербургѣ у меня рѣшительно нѣтъ того необходимаго мнѣ спокойствія, которое съ избыткомъ было въ Крыму.—Я, конечно, не желаю теперь туда возвратиться, но и боюсь за себя, что всегда все будетъ такъ идти, какъ теперь—а этакъ невозможно, чтобъ изъ меня вышло что-нибудь путное. Я еще возвращусь къ этой матеріи (это мой кранъ, который, по счастливому выраженію Табаровскаго [1])—опасно открывать,—„изъ него же теченію нѣсть конца")—теперь же скажу только, что всѣ эти дни я порывался писать къ тебѣ,—порывался работать въ музыкѣ и очень часто по цѣлымъ днямъ рѣшительно не принимался за перо—чортъ знаетъ въ чемъ и какъ проходятъ дни, но проходятъ!—бѣгутъ страшно—и каждый вечеръ, ложась спать, я со вздохомъ признаюсь себѣ, что вотъ еще однимъ днемъ больше въ жизни, но ничѣмъ или почти ничѣмъ не больше въ моемъ дѣлѣ!—А тутъ еще желаніе писать тебѣ много, много, чтобъ по возможности, по крайней мѣрѣ, удовлетворить твоимъ требованіямъ и самому „отвести душу" въ бесѣдѣ съ тобой! Знаешь ли, что если бы въ точности исполнить все, какъ бы ты желалъ, чтобъ были мои къ тебѣ письма, я долженъ бы посвятить на нихъ добрую половину всего своего времени;—а я такъ глупо устроилъ, что самъ не могу раздѣлить своего дня—если мнѣ, напр., нужно писать (къ тебѣ ли, или въ Крымъ или Соничкѣ), ужъ я не могу работать ни до, ни по, чуть не цѣлый день—прибавь къ этому, что и полученіе писемъ (мнѣ же на мою бѣду пишутъ всѣ трое—знатно) тоже, по крайней мѣрѣ на нѣсколько часовъ разсѣиваетъ меня, потому что я дѣлаюсь весь полонъ полученнымъ посланіемъ, и другимъ мыслямъ нѣтъ мѣста въ головѣ. Быть можетъ, ты найдешь все это смѣшными жалобами,—и мнѣ самому очень непріятно такъ упирать на мою „работу", на мои „занятія"—тыкать ими тебѣ въ глаза—но я долженъ былъ все это высказать, потому что по неволѣ приходится жаловаться на неумолимость времени, когда съ каждымъ днемъ серьезнѣе смотришь на свое дѣло—и видишь, сколько нужно работы, чтобъ пріобрѣсть привычку, навыкъ, необходимую гимнастику! Иначе все—дилетантство...

По случаю Бакунина развѣ я не писалъ тебѣ, что именно мы играли?—Увертюру (ор. 124), фантазію, 2-ю мессу (которой онъ не раскусилъ нисколько) и 9-ю симфонію (отъ которой пришелъ въ восторгъ, потому что имѣлъ о ней самое маленькое, общее понятіе по тому, какъ я ему игралъ съ партитуры) играли тамъ же, гдѣ обыкновенно въ самое послѣднее время играли съ тобой, у

[1]) А. О. Табаровскій—пріятель семьи Сѣровыхъ.

*

васъ на верху. — Бакунинъ слушалъ на Митиномъ диванѣ— играли весьма порядочно [1]). Я иногда играю съ Димитріемъ—еще въ нынѣшнее воскресенье прошлись по Wellington's Sieg и Jahreszeiten, также по финалу Zauberflöte. Чтобъ не забыть—Дмитрій лѣтомъ получилъ полную партитуру „Ruines d'Athènes"; тамъ всего замѣчательнѣе хоръ дервишей (удивительнѣйшій по характеру, нелѣпой, сумасшедшей дикости) и извѣстный турецкій маршъ, который я тотчасъ же арранжировалъ въ 4 руки.

3 октября 1851.

Изъ новостей спѣшу передать тебѣ замѣчательнѣйшую: личный поклонъ тебѣ отъ—М. И. Глинки. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ 24 сентября и останется всю зиму (если не гораздо дольше) я узналъ объ его пріѣздѣ у Билибиныхъ, гдѣ былъ 25 сентября по приглашенію Даргомыжскаго (бывшаго у меня незадолго передъ тѣмъ). Даргомыжскій мнѣ и объявилъ о пріѣздѣ Глинки. На другой же день утромъ я побѣжалъ въ Большую Конюшенную, гостинницу Волкова, гдѣ временно остановился Глинка (теперь ужъ на своей квартирѣ, въ Моховой, въ домѣ Мелихова)—засталъ его дома (онъ почти не выѣзжаетъ, потому что нездоровъ—чуть не отнялась у него правая рука). Онъ обнялъ меня и поцѣловалъ: „очень радъ, милый баринъ, что вы здѣсь, а не въ Крыму—это какъ нельзя больше кстати.—Поздравляю васъ съ успѣхами въ нашемъ дѣлѣ—Даргомыжскій мнѣ уже много говорилъ о вашей оперѣ".—Это на „Гоголеву „Утопленницу"—я очень хорошо помню повѣсть. Сюжетъ—безподобный—желаю вамъ отъ „всей души всего, что нужно, чтобъ его исполнить". Потомъ онъ много еще говорилъ всякой всячины—музыкальнаго и немузыкальнаго. Донъ Педро [2]) тоже пришелъ тутъ, узналъ меня тотчасъ. Глинка спросилъ о тебѣ—гдѣ ты теперь—немножко удивился, что во Флоренціи—и просилъ непремѣнно написать тебѣ поклонъ отъ него и извиниться, что онъ самъ не пишетъ,—потому что, какъ мы знаемъ, если принимается за перо, то скорѣй для нотъ, чѣмъ для писемъ. Я думаю, ему очень пріятно будетъ, если ты ему напишешь изъ Флоренціи— онъ цѣнитъ такого рода вниманіе. Ему, напр., видимо пріятно

[1]) Хотя я никогда и не сравниваю этого съ нашей игрой, безъ тебя басы сиротствуютъ.

[2]) Спутникъ Глинки въ Испаніи и Россіи. *В. С.*

было, что я былъ однимъ изъ первыхъ, навѣстившихъ его по пріѣздѣ. Что меня чрезвычайно радуетъ,—это живой энтузіазмъ Глинки ко всему отличному въ искусствѣ. Онъ какъ будто помолодѣлъ, посвѣжѣлъ въ этомъ отношеніи, отчасти оттого, что въ Варшавѣ почти вовсе не слыхалъ хорошей музыки—а жажда къ хорошему въ такомъ человѣкѣ не можетъ не быть сильна. Кромѣ того, что онъ со мной говорилъ много чисто-техническаго (напр., что онъ слышалъ въ оркестрѣ свою „Молитву", мною оркестрованную—что это выходитъ хорошо, но—мертво, потому что не для оркестра сочинено—и что вообще никогда не должно переписывать на оркестръ вещей фортепіанныхъ, что это хорошо только какъ этюдъ)—онъ сказалъ мнѣ, что хочетъ имѣть вліяніе на петербургскіе концерты Львова и филармоническіе. „Помните ли, баринъ—хоръ „въ „Армидѣ" Глюка—что „птицы пѣніемъ своимъ говорятъ о „любви"—(я конечно, помню—кажется f-dur,—3/4 andantino grazioso съ тремолями)—„пусть Львовъ намъ его дастъ—а въ филармо„ническомъ я закажу,—8-ю или 4-ю симфонію Бетховена—обѣ—„чудеса!—потомъ, баринъ, попрошу васъ, если можно, на-дняхъ до„стать мнѣ кое-какія партитуры,—на первый случай „Жозефа" Ме„гюля, а послѣ—Моцартова „Tito". Мы съ вами прочитаемъ эти „партитурки—и я вамъ кое-что тамъ покажу. „Іосифа" я просто „обожаю—j'ai un culte pour cette musique-là". Я къ нему притащилъ „Іосифа" на другой день (въ четвергъ 27 сентября)—засталъ его за обѣдомъ (въ трактирѣ, онъ обѣдалъ въ 2 часа)—но его такъ разбирало любопытство взглянуть въ эту партитуру, которой онъ давно не видалъ, что онъ почти ѣсть не могъ, выскочилъ изъ-за стола и началъ внимательно смотрѣть каждую строчку (увертюры—романса—и аріи Симеона). Скоро, впрочемъ, намъ помѣшали, и онъ оставилъ партитуру у себя—а мнѣ подтвердилъ, чтобъ я къ нему (уже на его квартиру) ходилъ почаще, „обзаведусь фортепіаномъ, такъ „станемъ партитуры въ 4 руки играть—и я покажу вамъ кое-что, „что я настрочилъ въ Варшавѣ".—Онъ—фантазію свою на испанскіе мотивы (которые ты слышалъ вмѣстѣ съ „Хотой" и „Комаринскою") передѣлалъ въ видѣ сплошной увертюры—съ новыми головою и хвостомъ—„pas trop méchant—въ концѣ crescendo вамъ понравится". „Комаринскую" онъ еще не слыхалъ самъ въ оркестрѣ—слѣдовательно, здѣсь дадутъ непремѣнно и не одинъ разъ. „Хоту" также,—Константину Лядову Глинка закажетъ дать „Іосифа" на-дняхъ и „Водовоза" также.—„Іосифа" я вымѣнялъ у Ферреро [1]) на „Весталку".

---

[1]) Ферреро-контрабасистъ и начальникъ нотной конторы. *В. С.*

которая гостила у меня все лѣто—и не даромъ. Кромѣ того, я безпрестанно беру у Рихтера [1]) разныя оперы—прочиталъ основательно „l'Irato“, „les deux aveugles de Tolède“—теперь читаю „Аксура“ Салiери. У Львова будутъ давать, какъ я слышалъ отъ Ленца—3-ю, пасторальную и—IX-ю!—послѣднюю, къ сожалѣнiю, еще не навѣрно. Кромѣ того ждутъ въ Петербургъ Мейербера и Берлiоза,—а филармоническое общество дастъ цѣликомъ „Schöpfung“. Вьетанъ [2]) уже возвратился и собирается устраивать свои утреннiе квартеты. Энгельгардтъ [3]) для Глинки устраиваетъ также хорошiя квартетныя собранiя, гдѣ будутъ играть преимущественно гайдновскiе квартеты, которые, къ стыду моему, мнѣ еще не слишкомъ твердо знакомы. Какъ видишь, музыки мнѣ предстоитъ слушать не мало—боюсь только, что при всемъ этомъ, да съ итальянцами (гдѣ Formes и Ronconi), да съ Плесси (которая pour la rentrée—играла „Les contes de la Reine de Navarre“)—мнѣ еще меньше останется спокойныхъ минутъ для работы,—а между тѣмъ и самого Глинку успѣли заинтересовать моей оперой. Онъ слишкомъ гордъ, чтобы сказать мнѣ прямо, чтобы я показалъ ему что-нибудь готовое,—но я изъ многаго замѣтилъ, что онъ этого желаетъ; напр., проситъ прочитать ему либрето—засылаетъ ко мнѣ Энгельгардта;—но я дождусь, чтобъ онъ прямо сказалъ. Я, разумѣется, не замедлю явиться къ Глинкѣ (теперь—эти дни нельзя было—онъ перебирался на новоселье)—кстати покажу ему одну курьезную вещь, которая его непремѣнно займетъ—это „Marche marocaine“ Леопольда Мейера и Берлiоза.—Оркестръ въ этой вещи—удивительный,—партитура чрезвычайно интересная,—я очень радъ, что вздумалъ ее себѣ выписать. Кромѣ всѣхъ обыкновенныхъ инструментовъ полнаго оркестра—2 piccoli—которымъ дана удивительная роль—piano, терцами на высочайшей октавѣ, въ октаву противъ терцъ скрипокъ pizzicato, то же на самомъ высокомъ регистрѣ—(другiе духовые тѣ же терцы dans des diapasons respectifs—на pizzicato всего квартета)—это все вмѣстѣ и даетъ звукъ гигантскаго фортепiано—эффектъ, который такъ поразилъ насъ съ тобой въ концертѣ Бавери—своею новостью и прелестью.—Берлiозовскiя арранжировки съ фортепiанныхъ вещей могутъ служить опроверженiемъ мысли Глинки, что ихъ не должно быть—но, надо замѣтить, что тутъ все дѣло въ особенности берлiозовскихъ эффектовъ и разсчетовъ—и онъ нарочно выбираетъ такую музыку, которая подъ нихъ подходитъ, такъ какъ у него своей-то не хватаетъ. Какую онъ нечеловѣческую

---

[1]) Музыкальный магазинъ въ Петербургѣ. *В. С.*

[2]) Знаменитый скрипачъ. *В. С.*

[3]) В. П. Энгельгардтъ, родственникъ и большой поклонникъ М. И. Глинки.

коду придѣлалъ къ этому маршу—волосы дыбомъ отъ этихъ нелѣпыхъ гармоническихъ сочетаній!—а Глинка его уважаетъ очень—впрочемъ только съ „фантастической“ стороны.

Познакомился я недавно съ Ленцомъ (у Собольщиковыхъ [1]), куда онъ нарочно для меня приходилъ). Знакомство началось съ того, что онъ попросилъ меня написать ему на лоскуткѣ бумаги нѣсколько нотъ Бетховена, откуда—я хочу и не выставлять ни движенія, ни даже ключа. Я подумалъ съ минуту и написалъ ему . . . .
онъ тоже съ минуту подумалъ—ah! c'est fort—je vois à qui j'ui affaire—и подписалъ Timp, въ Scherzo IX симф.—Потомъ мы съ Дмитріемъ безпрестанно удивляли его, что не меньше его помнимъ цифры Opus: составныя части каждаго сочиненія, и даже мотивы и проч. Ему даже совѣстно стало, что онъ всю свою жизнь почти исключительно на то посвятилъ, что какимъ-то молодымъ людямъ досталось—такъ, при всемъ другомъ. Онъ бы еще съ Глинкой потягался на счетъ памяти (une mémoire atroce—какъ самъ М. И. выражается, не хуже нашей съ тобой)... Много еще хотѣлось бы мнѣ писать тебѣ разныхъ разностей—но до другого раза.

С.-Петербургъ, 23 окт. (4 ноября) 1851 г.

...Мнѣ очень, очень нужно было, чтобъ ты хорошимъ письмомъ расшевелилъ меня.—Все это время я въ самомъ гадкомъ расположеніи духа—новость для тебя какъ и для меня самого.—Прежде бывало я былъ всегда въ одинаковомъ духѣ—что тебя могло иногда порядочно бѣсить. На прошлой недѣлѣ я даже вовсе музыкой не занимался—только и дѣлалъ, что бродилъ изъ угла въ уголъ съ понуренной головой и тоску наводящимъ видомъ—да лѣниво, черезъ пень въ колоду писалъ, для „Современника“, отчетъ о нашей новой итальянской труппѣ.—Физическая причина моего нерасположенія—нездоровье, быть можетъ, вслѣдствіе моей аскетической жизни, которая наконецъ мнѣ надоѣдаетъ до крайности;—моральная причина та, что я потерялъ почти всякую надежду на пріѣздъ Х. въ Петербургъ!.. Было время, и очень недавно (въ 48 г.), когда я не понималъ вовсе душевной боли, которую могъ дѣлать другимъ, и оттого на время самъ былъ палачемъ Х., но съ тѣхъ поръ я сильно перемѣнился—мнѣ страшно подумать о душевныхъ страданіяхъ чьихъ-нибудь—вообще,—а тутъ еще страданія Х., да и я самъ отчасти ихъ причиною! Я самъ, потому что со мною вмѣстѣ Х. ни на одну секунду не думала бы о матеріальныхъ лишеніяхъ (такъ же, какъ и я о нихъ никогда не думаю)—какія бы они ни были—значитъ, она была

---

[1]) Архитекторъ Василій Ивановичъ Собольщиковъ, библіотекарь Имп. Публичной Библіотеки.

бы счастлива и теперь все ея горе только въ невозможности быть со мной!.. Сегодня пойду къ Глинкѣ, я уже больше недѣли его не видалъ;—заниматься путемъ еще ничѣмъ не могу... Вообще все какъ-то скверно идетъ.—Прощай пока.

Галерная, 6 (18 ноября) 1851 г.

Я не хотѣлъ тебѣ писать, прежде чѣмъ получу что-нибудь утѣшительное отъ М. П., но вчера пришли ко мнѣ два письма (одно очень большое и безподобное), изъ которыхъ я вижу больше и больше, что долженъ отказаться отъ всякой надежды на ея прибытіе въ Петербургъ!..

Я думаю, что и она не скупится тебѣ на іеремiады;—по возможности, значитъ, мнѣ надобно отъ нихъ повоздержаться, чтобъ не наскучить тебѣ наконецъ однимъ и тѣмъ же!—Между тѣмъ, съ тѣхъ поръ, что я въ послѣдній разъ писалъ тебѣ (23 октября), почта принесла мнѣ разные дорогіе подарки:—24-го я получилъ письмо отъ X. со вложеніемъ перваго твоего письма къ ней (оно отличное, жаркое и порадовало М. П. въ высшей степени—объ этомъ рѣчь впереди;—мнѣ только показалось, что она еще недовольно выразила свое восхищеніе,—это письмо еще большаго стоитъ, нежели что она сказала мнѣ о немъ—быть можетъ она для меня поудержалась). 26 октября пришло твое 4-е ко мнѣ письмо изъ Италіи.

Письмо твое во многомъ задѣло меня за живое, и на многое мнѣ хотѣлось бы тебѣ отвѣтить по пунктамъ (какъ ты самъ это любишь), только не знаю—успѣю ли въ этомъ письмѣ, потому что есть много и другого чего: я такъ давно уже не бесѣдовалъ съ тобой о дѣлахъ музыкальныхъ, а ты вѣдь знаешь, что безъ тебя мнѣ не съ кѣмъ утолить вполнѣ свою жажду нашей музыкальной бесѣды. Я писалъ къ тебѣ, что горе X. во многомъ меня парализуетъ—я не могу такъ работать, какъ бы хотѣлъ, и какъ долженъ; X. говоритъ въ послѣднемъ письмѣ—„мнѣ нечего просить тебя, чтобы ты еще больше любилъ свое искусство: это невозможно. Но любить—мало, надо служить ему,—служить и умереть! такъ я понимаю любовь ко всему“!—Это вѣдь правда (и чудесно высказано). Но я писалъ М. П. (еще прежде этого послѣдняго ея письма), что мнѣ, по моей отчасти нѣмецкой натурѣ, необходимо совершенное спокойствіе души для успѣшной работы; когда я взволнованъ, встревоженъ—я не могу думать объ искусствѣ столько, сколько мнѣ нужно думать, чтобы что-нибудь нужное выходило. До полученія этихъ грустныхъ извѣстій, я работалъ порядочно надъ одной весьма трудной (потому что комической) сценой своей оперы. (Сценой дѣвушекъ съ пьянымъ казакомъ—въ интродукціи)—теперь я не могу еще за это приняться

(хотя осталось уже немного труда). Быть можетъ я никогда (потому что уже поздно) не пріобрѣту способности работать быстро, вѣчно останусь при своемъ „медленномъ, безконечно-терпѣливомъ „кропаньи"—быть можетъ это необходимое условіе для моихъ успѣховъ, (потому что успѣхи есть, я не могу же ихъ не видѣть). Но для этого кропанья мнѣ нуженъ прежде всего моральный покой.—Съ весны 1848 г. по зиму 49—50 г.—я не могъ ровно ничего сдѣлать единственно потому, что эти тревоги съ папой, эти грустныя обстоятельства, отчасти безсознательно для меня тогдашняго, дѣйствовали враждебно въ отношеніи развитія моей музыкальности;—а что я готовъ былъ уже тогда къ порядочной, серьезной работѣ доказательство—мой первый опытъ фуги, не совсѣмъ дурной для перваго опыта... Только когда все мало-по-малу улеглось, не было больше треволненій, я спокойно жилъ въ Симферополѣ у Бакуниныхъ—зародилась Майская ночь—которая выйдетъ непремѣнно хорошею вещью. Съ каждымъ днемъ больше влюбляюсь я въ сюжетъ свой, съ каждою работою передо мною все шире и шире раскрываются горизонты моей оперы.—Жаль мнѣ очень будетъ, если теперь именно, когда все на свѣтѣ побуждаетъ меня работать и работать шибко... (сколько для меня это возможно)—жаль, если теперь опять будетъ такая проклятая остановка.—а время летитъ! Повѣрь, что я не лѣнюсь, и не извиняю свою лѣнь больше или меньше ловкимъ актерствомъ—передъ другими и, пожалуй, передъ самимъ собою. Ты написалъ, что безъ тебя—я живу сонно, апатично, безъ всякихъ стремленій. Это неправда, потому что—à tout bien prendre, у меня теперь должно быть одно стремленіе, и оно есть, въ порядочной дозѣ. Все остальное относится до слушанія, которое конечно мнѣ чрезвычайно необходимо, но все-таки уступить должно первое мѣсто—работѣ... Слушать мнѣ есть что, безъ всякихъ малѣйшихъ усилій съ моей стороны.—Оркестръ, иногда пѣвцы—въ итальянской оперѣ,—университетскія утра (уже начавшіяся) и Львовскіе концерты (которыхъ ужъ недолго ждать) безъ сомнѣнія отличные рябчики для моей нынѣшней гастрономической жажды. При томъ же, какъ тебѣ извѣстно, тутъ все дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ слышаннаго. Одна симфонія Гайдна, слышанная мною въ университетѣ 4-го ноября (т.-е. третьяго дня), по счастію изъ числа „тѣхъ партитуръ, которыя я, по счастію, еще не отдалъ Зарембѣ (и, слѣдовательно, могъ провѣрить дома все, что меня поразило при слушаніи)—одна эта симфонія принесла мнѣ, кромѣ высокаго наслажденія, безконечно много пользы. Я убѣдился какъ нельзя яснѣе, что оркестръ уже у Гайдна совсѣмъ превосходный, нисколько не жидкій и не бѣдный для нынѣшнихъ ушей, какъ мы

съ тобой думали одно время. Этотъ симфоническій оркестръ также восхитительно благоустроенъ, какъ напр. оркестръ Моцарта въ „Zauberflöte“ (разумѣется, условія совсѣмъ другія). Есть же люди, въ томъ числѣ Гунке, съ которымъ я спорилъ по этому случаю, которые находятъ, что и въ „Zauberflöte“ оркестръ не нынѣшній и бѣдноватый!! По-моему—такое мнѣніе crime de lèse—musique.—Хотя не слыхалъ „Zauberflöte“ въ настоящемъ видѣ, но, съ одной стороны, вполнѣ вѣрю тебѣ, а съ другой убѣждаюсь въ нелѣпости шумнаго оркестра, начиная отъ Donizetti до Мендельсона.—Бетховенскій оркестръ шире Гайдновскаго, только потому, что формы самой музыки шире, идеи глубже, „трансцендентальнѣе“,—какъ говорятъ нѣмцы. Мысль каждой симфоніи, особенно начиная съ III-й—такая, что Гайдну конечно и не снилось. Но у Гайдна употреблены рѣшительно уже всѣ средства Бетховенскаго оркестра.—Противъ Гайдновскихъ партитуръ—Бетховенскія не представляютъ на видъ никакого рѣзкаго различія, тогда какъ напримѣръ Мендельсоновскія съ перваго раза отличаются этой трескотней мѣди, вѣчными тромтетами, тромбонами—такъ же какъ віолончелями и кларнетами въ срединѣ увертюры или симфоніи на какихъ-нибудь кислѣйшихъ нѣмецкихъ мелодіяхъ. (Разъ навсегда я назвалъ эти выходки Мендельсона—*віолончельной кислотой*, которая, при большомъ количествѣ, вещь нестерпимая).

Къ стыду своему, я долженъ признаться, что слишкомъ мало знаю Гайдновскихъ симфоній и вообще всего Гайдна, напримѣръ, его квартеты, въ которыхъ столько всего! на чемъ учиться. Это первѣйшій долгъ—для всякаго, кому нужно музыкальное ученье—и кому дорога сама музыка.

Университетскихъ концертовъ до ихъ цифръ было два,—оба въ высокой степени интересные для меня.—Въ-1мъ,—1-я симфонія Бетховена, которую считаютъ всегда Моцартовскаго стиля—тогда какъ вліяніе одного Гайдна тутъ видно на каждомъ шагу—trio-scherzo—сколокъ изъ тріо же въ одномъ Гайдновскомъ менуэтѣ и увертюра Керубини „Les deux aveugles“. Съ этой увертюрой я нынче совсѣмъ помирился и люблю ее чрезвычайно. Оркестръ—особенно во вступленіи—безподобный. Сыграны были обѣ вещи—очень хорошо. Соло Concertstück Вебера чрезвычайно плохо, исполненный какою-то M-lle Беда! ужъ точно бѣда. Второй концертъ состоялъ изъ Гайдновской симфоніи—D-dur.

Вся симфонія такая прелесть, что я нисколько не призадумаюсь поставить ее наравнѣ съ Бетховенской. Идеями даже богаче—Гайдновская.—Еслибъ ты зналъ, что онъ сдѣлалъ изъ менуэта, изъ этой трели всего оркестра въ концѣ мотива—у него она приходится во

2-ой части менуэта, послѣ двухтактной общей паузы—это такъ комично, та́къ много тутъ юмору (а фаготы трель дѣлаютъ), что никто изъ слушателей не могъ удержаться отъ самаго добродушнаго смѣха—какъ будто отъ какой-нибудь продѣлки Rouget [1]) или Мартынова. Вотъ комизмъ въ музыкѣ!—А какія чудеса во всѣхъ частяхъ этой симфоніи,—ты конечно не пожелаешь, чтобъ я ихъ тебѣ разсказывалъ. Ахъ Гайднъ, Гайднъ—что это была за голова!—Слышавши эту симфонію въ очень порядочномъ исполненіи (она вѣдь не трудна нисколько ни для концепціи исполненія, ни въ техникѣ), я не могу начитаться ея партитуры. Эти звуки до сихъ поръ—живутъ во мнѣ съ воскресенья.—Послѣ скучнѣйшаго соло на віолончелѣ Шуберта (элегія, мазурка и фантазія на „Гугеноты“!!) насъ угостили увертюрой Мендельсона „Meeresstille“—я нарочно слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ, безъ предубѣжденій, желая сравнить оркестръ Мендельсона съ Гайдномъ,—тѣмъ болѣе, что одинъ и тотъ же D—Adagio мнѣ показалось превосходно: густые, какіе-то странные звуки оркестра были для меня чѣмъ-то новымъ—это въ самомъ дѣлѣ лучшее, быть можетъ, въ увертюрѣ Мендельсона, но зато Allegro—шумъ, трескотня, и я долженъ былъ придти къ тому убѣжденію, которое уже высказалъ тебѣ, при томъ это вѣчное жидовство, вѣчная „синагога“ въ мелодіи!

Недавно у Глинки, гдѣ я бываю почти всегда разъ въ недѣлю, собрался музыкальный народъ, потому что Энгельгардту хотѣлось угостить Глинку его, „Хотой“, которую Энгельгардтъ арранжировалъ на 2 ф. п., каждое въ 4 руки, была родственница Энгельгардта Рындина, былъ дирижеръ русской оперы и мой нынѣшній пріятель, К. Лядовъ, былъ альтистъ и вообще хорошій музыкантъ, нѣмецъ Мейеръ, и мы съ Дмитріемъ (котораго Энгельгардтъ давно уже звалъ къ Глинкѣ); онъ тебѣ, конечно, самъ напишетъ, какъ и что ему показалось у М. И. и какъ М. И. вспоминалъ о тебѣ. Мнѣ вообще было замѣтно твое отсутствіе. Играли кромѣ „Хоты“ (которая въ первый разъ не совсѣмъ удачно вышла, хотя мы по утру въ тотъ же день сыгрывались для этой дамы у Мельцеля), „Коріолана“ и двѣ отличныя увертюры Керубини, „Франиску“ и „Лодоиску“. Лядовъ принесъ съ собою „Мелюзину“ (все въ 8 рукъ), сыграли и ее ко всеобщему неудовольствію, всѣмъ показалась эта увертюра тѣмъ, что̀ она есть въ самомъ дѣлѣ,—кислою и донельзя растянутою. Глинка Мендельсонову музыку называетъ: „uncalmant conre la musique“. Керубини я тоже еще очень мало знаю—между тѣмъ обѣ, новыя для меня, его увертюры поразили меня своею прелестью (а о совершен-

---

[1]) Актеръ на сценѣ Михайловскаго театра. Мартыновъ—знаменитый актеръ Александринскаго театра.

ствѣ фактуры и говорить нечего—на то былъ Керубини!) На-дняхъ возьму „Фаниску“ всю у Ферреро, а не то другую Керубиніевскую оперу. Теперь у меня гоститъ „Іосифъ“, и очень кстати, потому что въ слѣдующее воскресенье я услышу его увертюру въ университетѣ. Каковъ концертъ: „Іосифъ“ и 4-ая симфонія Бетховена! На другія воскресенья назначены, въ числѣ другихъ, „пасторальная“, 5-я, 8-я и „героическая“. Это, я думаю, недурно!.. Жаль, что не сыграютъ ни одной увертюры или симфоніи Моцарта, и ни одной еще изъ столькихъ симфоній Гайдна! А будетъ что послушать.

Не забудь, что пѣвчіе у Ломакина разучили почти всю 2-ю мессу, только онъ говоритъ, что трудно до невѣроятности, главное утомительно страшно для исполнителей. Отъ многихъ частей надо совсѣмъ отказаться, по словамъ Ломакина, такъ трудно для пѣвчихъ. Такъ какъ зашла рѣчь о Ломакинѣ, то надо же мнѣ отчетъ отдать тебѣ въ твоихъ порученіяхъ. Ломакину я снесъ его „Clari“ [1]) очень давно лѣтомъ. Одоевскому отнесъ Листову „Пасторальную симфонію“ [2]) въ нынѣшнее воскресенье, послѣ университета. „Pasio musik“ Баха у него на этотъ разъ не оказалось, вѣрно затерялась гдѣ-нибудь, или кому-нибудь онъ отдалъ. Во всякомъ случаѣ обѣщалъ мнѣ возвратить, а я же долженъ буду идти къ нему, потому что онъ желаетъ непремѣнно прочитать либретто моей оперы. У Одоевскаго я познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ—замѣчательнымъ басомъ, Васильевымъ [3]): голосъ знатный, отъ верхняго mi, до самаго низкаго mi, но пѣть еще только начинаетъ. Этотъ Васильевъ очень за меня ухватился, а я за него; и въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ быть полезны другъ другу. Онъ будетъ у меня завтра (какъ при тебѣ, у насъ въ среду всегда есть кто-нибудь, и оттого я дѣлаю такъ: прихожу къ твоимъ въ воскресенье и остаюсь до среды, а другую половину дома).

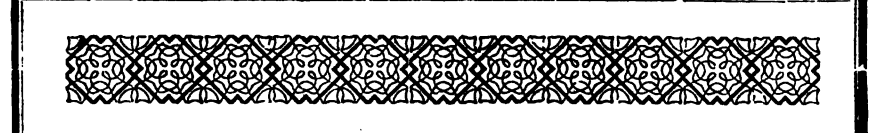
Сообщилъ **В. В. Стасовъ**.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

[1]) Старый итальянскій композиторъ дуэтовъ. *В. С.*

[2]) Листовское переложеніе „Пасторальной симфоніи“ въ 2 руки. *В. С.*

[3]) Впослѣдствіе басъ русской оперы въ Петербургѣ.

Изъ неизданныхъ стихотвореній Н. Ѳ. Щербины [1].

Мы погребли съ тобою невозвратно
Полупогасшія надежды юныхъ лѣтъ;
Что впереди—намъ ясно и понятно,
А на прошедшее въ умѣ отвѣта нѣтъ...

Не оттого ль, что это глупо было,
Что раньше разума въ насъ сердце развилось,
Что въ насъ не мысль всѣ страсти пробудила,
И въ мысль единую въ насъ чувство не слилось?

И будемъ мы—какъ странникъ утомленный,
Идущій по пути на кладбищѣ чужомъ,
Бредетъ въ свои заботы погруженный
И думаетъ тогда объ отдыхѣ ночномъ.

7 мая (1846 г.).

Изъ 3-ей тетради бумагъ Щербины: „Уѣздныя вдохновенія, Новоселовка, 1846“, стр. 17.

* * *

Случайно мы сошлись, случайно полюбили
И вѣрили мы въ то съ сердечной простотой,
Чему теперь нѣтъ вѣры никакой...
О, какъ тогда смѣшны мы были!
Мы презирали все, что не было любовь,
Страдали шутовски, надѣялись нелѣпо,
И сколько видѣли невѣроятныхъ сновъ,
И какъ имъ вѣрили мы слѣпо!...
И что же намъ отъ прошлаго осталось!
О немъ смѣшно и стыдно вспоминать.
Не любимъ мы,—любовь давно умчалась,
Намъ даже не дано другъ друга уважать.

6 марта (1846 г.).

Изъ той же 3-ей тетради, стр. 27. Имѣется также въ 4-ой тетради, стр. 5, подъ заглавіемъ: „Наша любовь. (Ямбъ)“.

[1]) См. „Русскую Старину“ декабрь 1906 г.

ДУША И ПРИРОДА.

Новою жизнію вѣетъ
Съ ярко-зеленыхъ полей.
Съ нею душа молодѣетъ,
Кажется сердце юнѣй...
Будто природа, забыло
Прошлыя вьюги оно;
Вмѣстѣ съ природой зажило,
Съ нею живетъ заодно,
Будто его не палило
Зноемъ тлетворныхъ страстей,
Будто его не знобило
Бурной судьбою моей.
Придутъ и зной и морозы;
Буду подъ ними страдать,
Буду весеннія розы,
Пѣсни весны вспоминать;
Буду я въ осень гнилую
Видѣть весну съ-далека,
Въ пору тумановъ нѣмую
Жить ожиданьемъ, пока
Звуки любви и свободы
Снова мнѣ въ сердце вольются,
Тайныя струны природы
Въ струнахъ души отзовутся.

7 іюля (1846 г.).

Изъ той же 3-ей тетради, стр. 27—28. Эти стихи напоминаютъ начало II ч. стихотворенія Щербины „Предсмертное чувство" („Полное собраніе сочиненій Н. Ѳ. Щербины", Спб., 1873, стр. 116). Послѣдніе два стиха его вошли въ стихотвореніе „Природа" (ibid., 93). См. ниже стихотвореніе подъ тѣмъ же названіемъ.

ВОПРОСЫ.

Что мнѣ ждать! Моимъ стремленьямъ
Посмѣялася судьба,
И смирна въ оковахъ тлѣнья
Прежде бурная борьба!...
Но зачѣмъ въ разгарѣ муки
Не желать бы мнѣ сотлѣть,
И при мысли о разлукѣ
Съ этимъ міромъ мнѣ блѣднѣть?
Но зачѣмъ успокоенье,
Равнодушье ко всему,
Упованье безъ сомнѣнья
Чуждо сердцу моему?
Но зачѣмъ такъ жизнь люблю я,
Жизнь безъ жизни и любви,
И зачѣмъ не подавлю я
Мысль въ душѣ и жаръ въ крови?...
Нѣтъ, средь смертнаго томленья
Мысль о гробѣ далека...
И кипитъ во мнѣ стремленье,
И томитъ меня тоска!...

9 іюля (1846 г.)

Изъ 3-ей тетради, стр. 29—30.—23 февраля 1869 г., за полтора мѣсяца до смерти, сообщая одной пріятельницѣ о своей болѣзни, Щербина писалъ ей: „О, люблю я эту землю, какъ любилъ ее нѣкогда древній грекъ, и какъ я болѣзненно ни усиливаюсь истребить у себя эту молодую косточку,—все никакъ не могу. Охъ, въѣлась она неразъятно въ мой организмъ... Вѣроятно, я къ веснѣ ужъ и умру“ (Заря“ 1870 г., № 5, стр. 75, 76).

* * *

Я наложилъ печать глубокаго молчанья
На сердце страстное, на громкія уста;
Мной жажда вѣчная горящаго желанья
Отчаяньемъ холоднымъ залита...
Но знай, что былъ бы я такъ мелоченъ душою,
Когда бъ тебя не могъ я полюбить,
И горько самъ смѣялся бъ надъ собою,
Когда бъ дерзнулъ любви твоей просить.

17 іюля (1846 г.)

Изъ 3-ей тетради, стр. 34.

* * *

Я проклялъ сладкій часъ взаимнаго признанья,
Свою послѣднюю безгрѣшную любовь,
Надежды свѣтлыя и чистыя желанья, —
И ничего не пожелаю вновь!...

И нѣтъ исхода мнѣ среди противорѣчья
Потребамъ жизненнымъ и снамъ въ душѣ моей,
Среди гніенія, застоя и увѣчья
Общественныхъ стремленій и страстей!...

Безплодно истомленъ я мелкою борьбою,
И уклонился я отъ цѣли бытія...
Съ тѣхъ поръ таинственнымъ какимъ-то сатаною
Душа смущается моя.

И горько я позналъ, что мнѣ даны напрасно
Природой щедрою духовные дары:—
Но все кого-то ждалъ, желалъ чего-то страстно
И дождался желаемой поры.

И я оставилъ цѣль служенія народу,
Чтобъ въ тѣсный кругъ свои стремленья заключить,
Чтобъ выстрадать любовь, чтобъ выплакать свободу
И сердцемъ для другого сердца жить...

Но горе прежнее опять передо мною
И кажетъ новую, безплодную борьбу,
И избранной моей я лишь принесъ съ собою
Мою жестокую судьбу!..

Отинское.
(Харьковской губ., Сумскаго уѣзда).
1845 года, 11 августа.

Изъ 4-й тетради „Эфемериды“, стр. 1.

— Н. Е. О...... —

Я поздно полюбилъ, глубоко полюбилъ,
Безъ вѣры въ будущность, безъ искры упованья,
И въ дѣвственной душѣ невольно возродилъ
Напрасныя надежды и желанья!

Съ сокрытою змѣей на радужныхъ цвѣтахъ
Я усыпилъ тебя въ чаду самозабвенья;
Ты грезишь обо мнѣ, и на твоихъ устахъ
Дрожатъ слова любви и упоенья.

Въ тревожномъ снѣ моемъ страдая и любя,
Я грежу о тебѣ и въ тернахъ засыпаю:
Я каюсь и хочу я позабыть тебя,
Но все люблю, межъ тѣмъ какъ горько знаю,

Что не достигнуть мнѣ блаженства своего,
Что съ тяжкой жизнью мнѣ бороться не по силѣ,
И что равно борьбой я-бъ не взялъ ничего,—
И жизнь моя завидуетъ могилѣ!..

1845 года, 18 іюня.
Харьковъ.

Изъ 4-й тетради, стр. 13.—Щербина говорилъ впослѣдствіи о своей былой любви: „Еслибъ вы знали, какое это для меня мучительное воспоминаніе! Лучше о немъ не говорить“. („Заря“ 1870 г., № 5, стр. 78).

СОВРЕМЕННАЯ ЮНОСТЬ.

(Н. Д. Старову).

Пришла пора, и жизнь меня стѣснила,
Какъ змѣй въ своихъ объятьяхъ ледяныхъ,
Когда позналъ, что цѣль ея—могила,
И цѣлей мнѣ не видится другихъ!..

Какъ горько жить, когда все пережито,
Какъ горько быть на утрѣ старикомъ!..
Грядущее безрадостно открыто,
А вспоминать не стоитъ о быломъ.

Не то, что-бъ жилъ,—но много пережилъ я;
Я то хотѣлъ, то не хотѣлъ бы жить;
То многаго-бъ у жизни попросилъ я,
То ничего я не могу просить;

И вотъ живу, мучительно тоскуя,
Что жизни путь я потерялъ давно,
Что жить какъ всѣ нисколько не могу я,
Что сердцемъ жить отстало и смѣшно!

Тимохино.

Записано на отдѣльномъ листкѣ; относится, судя по почерку, къ концу 40-хъ годовъ и помѣчено „13 августа".

ДУША И ПРИРОДА.

Израненный жизнью жестоко,
Разбитый безумной судьбой,
Бѣгу отъ людей одинокій,
Съ озлобленной, мрачной душой...

И всякую мысль и познанье,
Зовущую вѣчно любовь,
Какъ горе мое и страданье,
Я вырвать изъ сердца готовъ.

Вотъ вижу себя на просторѣ;
Иду и не знаю куда...
Вдали показалося море,
Надъ моремъ Киприды звѣзда.

По взгорью чернѣй зеленѣли
Оливъ, померанцевъ лѣса,
И краски заката темнѣли,
И съ моремъ слились небеса.

Межъ безднами звѣздъ выходила
Волшебница ночи луна,
Серебряной рыбкой покрыла
Сапфирная зыби она,

И чары ея непонятно
Проникнули въ душу мою,
И стало въ ней все необъятно...
Я плачу... Я гимны пою...

Замолкнули въ сердцѣ страданья;
Я мыслью высоко лечу,
И снова хочу я познанья,
Любви и познанья хочу.

1851 г., марта 13.
Москва.

Записано на отдѣльномъ листкѣ.—См. выше стихотвореніе подъ тѣмъ же названіемъ.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Не въ шумной оргіи, не съ пѣнистымъ бокаломъ,
Такъ долго жданный гость, я встрѣчу твой приходъ:
Меня ты одного застанешь, новый годъ,
Въ слезахъ о будущемъ, въ раздумьѣ о бываломъ...

Я, долю горькую съ младенчества избравъ,
Встрѣчаю, гость, тебя съ печальною мольбою:
Изъ сердца многое ты унеси съ собою
И своего слѣда ты въ сердцѣ не оставь!

Москва.
1 января 1853 г.

Изъ 4-ой тетради, стр. 33.

МАРЬѢ ПЕТРОВНѢ КОРНИЛОВОЙ.

Палимый мыслью безотрадной,
Тревогъ и горя полнотой,
Приду я въ вашъ пріютъ прохладный
Почить израненной душой
Средь сельской жизни и свободы,
На лонѣ грезы и мечты,
Подъ сѣнью дѣтства и природы—
Въ святынѣ вашей чистоты...
Да обновлюся я душою,
И да очистится она
Предъ вашей дѣтской красотою,
Покоя вашего полна:
И новыхъ звуковъ, новыхъ пѣсенъ
Душа исполнится моя...
Мнѣ міръ людей и лживъ и тѣсенъ:—
Въ природѣ правда бытія.

7 іюля 1854 г.
Москва.

Записано на отдѣльномъ листкѣ. М. П. Корниловой посвящены также стихотворенія: „Будущее“ и „Миньонѣ“. („Пусть апрѣль распускается дальше...“)—(„Полн. собр. сочин. Щ.“, Спб., 1873 г., стр. 167, 267—268; см. „Литерат. Вѣстн.“ 1904 г., кн. 4, стр. 59). См. „Отчетъ И. Публ. Библ., за 1898 г.“, Спб., 1902, стр. 72.

М. Л. ЗНАМЕНСКОЙ.

Городъ мелочной заботы,
Женъ восточныхъ пустота,
Безобщественность, расчеты
И безъ мысли красота
На меня съ тупой тоскою
Наводили вялый сонъ:—
Но Славянскою женою
Здѣсь мой жребій облегченъ...
Исполать вамъ, Марья Львовна,

И спасибо вамъ на томъ,
Что на югѣ жилъ я, словно
Какъ на сѣверѣ моемъ...
И сполàгоря мнѣ было
Здѣсь, подъ крылышкомъ у васъ,
Мнѣ и сердце говорило
О родной Москвѣ не разъ,
Укрѣпили вы собою
Вѣру въ геній русскихъ женъ,
Что всеструнной ихъ душою,
Ихъ Славянской красотою
Будетъ міръ нашъ обновленъ.

Таганрогъ.
1859 г., іюля 26.

Записано на отдѣльномъ листкѣ.—См. „Отчетъ И. П. Библіотеки за 1898 г.“, Спб., 1902 г., стр. 72.

ЭПИТАФІЯ И. И. ПАНАЕВУ.

Лежитъ здѣсь, вкушая обычный покой неизвѣстности,
Панашка, публичная дѣвка россійской словесности.

1860 г.

Изъ 8-ой тетради, листъ 168, стр. 1.—Панаева Щербина отъ всей души ненавидѣлъ и часто на него нападалъ; онъ называлъ его „городовымъ и малограмотнымъ борзописцемъ, одержимымъ бѣсами пустоты и дендизма“ („Сочин. Щ.“, 1873 г., стр. 288), „безпощаднымъ Ювеналомъ коленкоровыхъ манишекъ“, „журнальной букашкой“ (ibid., 295, 297), „кучей смраднаго навоза подъ голландскимъ полотномъ“ (ibid., 297) и самой низменной и жалкой фигурой во всей русской литературѣ (ibid., 425). Объ ихъ враждѣ см. въ „Зарѣ“ 1870 г., № 5, стр. 70.

КУРОЧКИНЪ.

Тупоумнымъ для забавы
Балаганно онъ острилъ
И на щукинскіе нравы
Беранже переложилъ.

23 мая 1863 г.

Изъ 8-ой тетради, листъ 140, стр. 1.—Рѣчь идетъ о талантливомъ сатирикѣ и переводчикѣ пѣсенъ Беранже Василіи Степановичѣ Курочкинѣ (1831—1875). Объ этой эпиграммѣ упоминается въ „Собр. соч. Щ.“, изд. 1873 г., стр. 439.

ВОПРОСЫ СПИРИТОВЪ.

„Возвѣсти намъ, духъ Ѳаддея,
„Откровенія свои:
„Кто продажнѣе Андрея
„И гнуснѣе Иліи“?
И Ѳаддей, незримо вѣя,
Начерталъ слова сіи:
„Нѣтъ продажнѣе Андрея,
„Нѣтъ гнуснѣе Иліи“.

7 октября 1865 г.

Изъ 8-ой тетради, листъ 156, стр. 2 и л. 157, стр. 2—158.— Интересно примѣчаніе Щербины къ этой эпиграммѣ:„ На одномъ изъ спиритическихъ сеансовъ у генерала Болтина медіумы, вызывая разныхъ духовъ, вызвали, между прочимъ, и духъ Ѳаддея Булгарина, какъ духъ компетентный въ мірѣ журналистовъ, чтобы предложить ему нѣсколько вопросовъ объ Андреѣ Краевскомъ и Ильѣ Арсеньевѣ“. Эпиграммы Щербины на И. Арсеньева см. въ „Собр. сочин. Щ.“, изд. 1873 г., стр. 403, 405. До насъ дошли (еще не напечатанныя) весьма дружескія письма Щербины къ А. А. Краевскому. Объ этой эпиграммѣ упоминается въ „Собр. соч. Щ.“, изд. 1873 г., стр. 439.

ПОДДѢЛЬНАЯ РОЗА.

Зачѣмъ ты розу мнѣ дарила,
Возьми назадъ ее:
Она сомнѣньемъ возмутила
Все счастіе мое.

Моя любовь такъ суевѣрна
И такъ мнѣ нà горе вѣрна...
Скажи, тобой нелицемѣрно
На память роза мнѣ дана?
Когда свой локонъ развивала,
Чтобъ вынуть розу изъ него,
Измѣны ты не замышляла
Противу сердца моего?..
Слеза съ блаженствомъ нераздѣльна:—
Ужели я несчастливъ вновь!..
Боюсь, мой другъ, когда поддѣльна,
Какъ твой цвѣтокъ, твоя любовь.

Зачѣмъ ты розу мнѣ дарила,
Возьми назадъ ее:
Она сомнѣньемъ возмутила
Все счастіе мое!...

Изъ II тетради „Первоначальныхъ опытовъ“ Щербины, съ помѣткою поэта: „не напечатано“; на тетради помѣтка: „Таганрогъ“. Въ рукописи № 5, стр. 22, это же стихотвореніе датировано: 12 апрѣля 1843 г.

---

* * *

Ты много мнѣ словъ говорила,
Въ нихъ чувство глубокое было,
Во мнѣ волновалася кровь,
Я принялъ его за любовь.

Но послѣ ты что-то сказала;
Взглянула к вдругъ замолчала

Съ какой-то улыбкою злой:—
Я грустно поникъ головой...

Зачѣмъ же такъ много любилъ я!
Зачѣмъ по тебѣ такъ грустилъ я!..
Ужели,—чтобъ нѣсколько словъ
Мою отравили любовь?..

Изъ тетради № 2, стр. 27.

---

13 іюля.

Е. П. МАКРОПУЛО.

Стояла у воротъ телѣжка почтовая,
А въ комнатѣ прощался я съ тобой:
Ты, на горе меня благословляя,
Былъ какъ-то холоденъ со мной.
Не видѣлъ я слезы, сопутницы разлуки,
Въ твоихъ потупленныхъ очахъ,
Когда душа моя, отъ чувства и отъ муки,
Безумствуя, дрожала на устахъ.
Я видѣлъ мракъ холодности угрюмой,
Сковавшій, какъ всегда, мнѣ милыя черты,
Чѣмъ облеклись скрываемыя думы,
Чѣмъ весь высказывался ты.
Прошли мои года чрезъ тернія и розы:
Я многое забылъ и много пережилъ,
Другихъ друзей забылъ я скоро слезы,
Но мрачную твою холодность не забылъ.

Изъ 3-ей тетради, стр. 32. Это же стихотвореніе въ 4-ой тетради, стр. 18, датировано: 13 іюля 1846 года.

В. А. Ф.

Не склонюсь униженно главою
Ни предъ сильными этого міра,
Ни предъ мечущей злато рукою,
Ни предъ ликомъ блестящимъ кумира.
Но я, полный святого сознанья,
Но я, гордый душой благородной,
Погруженный въ нѣмое страданье
И отъ низкой корысти свободный,
Я склонюся во прахъ головою
Предъ названьемъ однимъ человѣка
И почту умиленной душою,
По примѣру великаго грека,
Въ человѣкѣ его достоянье
И какъ грекъ я воздвигну кумиры,
Сотворю передъ нимъ возліянья
Въ своемъ сердцѣ и въ голосѣ лиры.

19 декабря.

Изъ той же тетради, стр. 36; съ этой же датой въ рукописи № 17—„В. А. Ф.......му".

ЛЮБОВЬ.

(Ямбъ).

Въ нашъ вѣкъ любовь—пустое слово...
Извѣдалъ эту я любовь!—
Ты разлюбить всегда готова,
Я полюбить всегда готовъ.

Не говори о вѣчномъ чувствѣ,
Что такъ несбыточно, смѣшно...
Оно чаруетъ насъ въ искусствѣ,
Но въ жизни не въ ходу оно...

Какъ все мужаетъ подъ луною,
Какъ мудро все идетъ впередъ...
Ужель надъ мыслію одною
Одна душа твоя заснетъ!

Въ движеньи зрѣя, мы мѣняемъ
И мысль, и чувство, и себя,
И, мигъ спустя, не довѣряемъ,
Чему довѣрились любя.

Ты въ небеса теперь несешься
Своею пламенной мечтой,
А послѣ горько посмѣешься
И надъ собой, и надо мной...

Таганрогъ, 1843 г.

Изъ 4-й тетради, стр. 14—15.—Эта пьеса также въ рукописи 17-ой, листъ *е*.

ВЪ АЛЬБОМЪ Е. А. КОВАЛЕВСКОЙ.

Свиданье наше мелькомъ было,
Но въ этотъ мигъ душа моя
Такъ много свѣтлаго открыла
Въ холодномъ мракѣ бытія.
Какъ странникъ въ жизненной пустынѣ,
Я въ васъ оазисъ свой нашелъ,
Гдѣ есть пріютъ души святынѣ,
Гдѣ грѣетъ сердца ореолъ,
Гдѣ такъ роскошно зеленѣетъ
Святая пальма красоты
И странника покой лелѣетъ
Блаженствомъ нѣги и мечты,
Гдѣ, освѣжая, протекаетъ
Ручей гармоніи живой,
И гдѣ жена намъ возвращаетъ
Эдемъ, потерянный женой.

Харьковъ.
1849 г.

Изъ той же тетради, стр. 31—32.

ПУТЬ.

Ѣду... Быстрою стрѣлою
Тройка борзая летитъ;
Надо мною и за мною
Пыли облако стоитъ.
Мой ямщикъ не бережется
Ни овраговъ, ни камней
И безъ роздыха несется,
Не жалѣя лошадей.
Но куда, зачѣмъ спѣшу я?
Кто и что меня тамъ ждетъ!..
Или счастье тамъ найду я,
Иль тамъ горе не найдетъ!..
Ждутъ ли страстныя объятья
Дѣвы избранной моей,
Или дружбы рукожатья,
Иль сочувствіе людей!
Обрѣту ли въ томъ цѣленье
Застарѣлыхъ сердца ранъ,
Иль покой, иль утѣшенье,
Иль хоть сладостный обманъ!

Отинское.
27 августа 1845 г.

Изъ рукописи № 17, листъ *б*.

---

* * *

Когда она весеннею порою
Начнетъ шутить, рѣзвиться и болтать,
Но мило такъ и съ прелестью такою,
Что я боюсь прервать иль отвѣчать,
Чтобъ одного словечка не прослушать,
А все-бъ хотѣлъ я слушать, слушать, слушать,

Какъ рѣчь ея глаза у ней зажжетъ;
И пухъ ланитъ зардѣется сильнѣе,
И перлъ зубовъ средь пурпура блеснетъ,
О, я тогда смотрю уже смѣлѣе!—
И не хочу, какъ прежде, ей внимать,
Къ ней близятся уста мои невольно,
И слушать (мнѣ) ужъ будто недовольно.
Я бы хотѣлъ лобзать, лобзать, лобзать.

1846 г.
15 декабря.

Изъ 17-й рукописи, листъ *i*; эта же пьеса на листѣ *к*. Стихи—переводъ изъ А. Мицкевича, „До Д. Д.“. („Moja pieszczotca“)...

ИЗЪ КАТУЛЛА.

Nulli se dicit mulier mea nubere malle...

Меня часто жена увѣряетъ,
Что я лучше ей всѣхъ и милѣй,
Что напрасно самъ Зевсъ потеряетъ
Обольщенья любви передъ ней...
Это такъ!.. Но что намъ напѣваетъ
Нѣжный голосъ любимой жены,—
Пусть на вѣтрѣ супругъ отмѣчаетъ
Иль на зыби игривой волны.

Изъ 17-й рукописи, листъ *д*. Помѣтка Щербины: „не напечатано“.

СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНѢ.

Повѣрь, что мы чужды душою,
Что нѣтъ между нами любви:
То чувство играетъ тобою,
То молодость пышетъ въ крови.

Ты скоро со всѣмъ примиришься,
Въ своемъ примиреньи заснешь,
Надъ мыслью одной застоишься
И дальше душой не пойдешь...
И будешь ты жить по преданьямъ
И вѣрить преданьямъ однимъ,
И нашего вѣка страданья
Въ разладѣ съ страданьемъ твоимъ.
Ты правъ своихъ дѣтски не знаешь,
Цѣпей ты не можешь не несть,
О лучшей судьбѣ не гадаешь,
На то ты не ропщешь, что есть...
Повѣрь, между мной и тобою
Не можетъ гармоніи быть:
Любить я способенъ душою,
Ты сердцемъ способна любить.

1848 г.
Харьковъ.

Изъ 17-й рукописи, листъ *е*1.—Мысли этой пьесы гораздо лучше изложены въ извѣстномъ стихотвореніи „Женщинѣ".

ПРЕВРАЩЕНІЕ.

Въ Россіи странный вѣкъ насталъ:
Смягчилось Третье Отдѣленье,—
И вновь сталъ Майковъ либералъ
Съ монаршаго соизволенья.

Изъ 6-ой тетради.—Эта эпиграмма упоминается въ „Сочин. Щ.", 1873 г., стр. 439.

(На А. Н. М.).

Онъ Булгаринъ въ „Арлекинѣ“,
А въ „Коляскѣ“ Дупельтъ онъ:—
Такъ исподличался нынѣ
Петербургскій Аполлонъ.

Изъ 6-ой тетради.—Эта эпиграмма упоминается въ „Сочин. Щ.“, 1873 г., стр. 437; тамъ же, стр. 305, см. другія эпиграммы Щербины на него же.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ УЗНИКЪ ПЕТЕРБУРГА.

Забывъ гербы своей породы,
Онъ истый мученикъ свободы...
„Za zémstchina et les moujicks!“
Таковъ его къ возстанью кликъ...
И вотъ ужъ въ русскомъ казематѣ
Томясь на щахъ, на саламатѣ,
И фрикендо̀, и фрикасе́
Лишенъ marguis de Traversé.

Москва, 25 октября 1862 г.

Изъ 8-ой тетради, л. 118—119.—Эта эпиграмма упоминается въ „Сочин. Щ.“, 1873 г., стр. 439. О маркизѣ Н. А. де Траверсе см. „Былое“ 1906 г., сентябрь, стр. 197—198. См. нашу статью „Н. Ѳ. Щербина“ въ „Историч. Вѣстн.“ 1906 г., октябрь, стр. 229.

АЛЕКСѢЕВСКІЙ РАВЕЛИНЪ.

Мѣсто, гдѣ страдалъ Рылѣевъ,
Обезсмыслено ль оно,
Оттого что дуралеевъ
Много тамъ заключено?

Иль хотѣли вы шутами
Опозорить равелинъ,
Гдѣ, окованный цѣпями,
Гаснулъ русскій гражданинъ!

7 декабря 1862 г. Спб.

Изъ 8-ой тетради, л. 119—120.—Эта эпиграмма упоминается въ „Сочин. Щ.“, 1873 г., стр. 439.

СМЕРТЬ С. С. ДУДЫШКИНА.

(На мотивы изъ Шиллера).

Въ сердце свѣжая намъ рана!
Умеръ лучшій изъ людей:
Нѣтъ достойнаго Степана,
Живъ подкупленный Андрей!

Спб. 17 сентября 1866 г.

Изъ 8-ой тетради, листъ 161, стр. 2.—Объ этой эпиграммѣ упоминается въ „Собр. соч. Щ.“, изд. 1873 г., стр. 439. См. выше еще одну эпиграмму на А. А. Краевскаго.

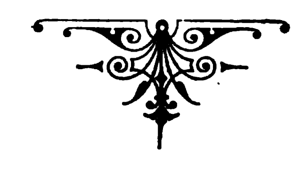
КАТКОВЪ и АКСАКОВЪ.

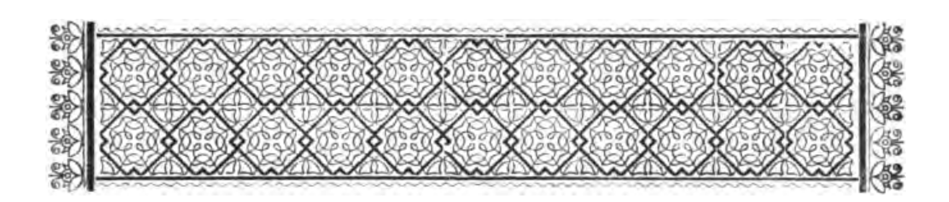
Кэткофъ лордъ да смердъ Иванецъ
Прямо дѣломъ повели,
Чтобъ не портилъ иностранецъ
Или русскій самозванецъ
Жизни русскія земли.

16 января 1867 г.

Изъ 8-ой тетради, листъ 162, стр. 2.—И. С. Аксакова, надъ которымъ Щербина иногда потрунивалъ („Собр. сочин. Щ.“, изд. 1873 г., стр. 329, 398, 399, 408), онъ называлъ „отрадной, утѣшительной личностью“, стоящей въ зенитѣ современной ему русской литературы (ibid., 425). Первый стихъ этой эпиграммы напечатанъ въ „Собр. соч. Щ.“, изд. 1873 г., стр. 439.

Сообщилъ Н. Лернеръ.

Къ исторіи масонства въ Россіи.

Предлагаемые вниманію интересующихся исторіей масонства два рапорта полковника Дибича [1]) были написаны имъ въ Мейссенѣ въ 1816 году. Считая своею обязанностью, какъ „вѣрный слуга“ государства, поддержку существующаго государственнаго строя, онъ доноситъ (въ первомъ рапортѣ) фельдмаршалу Барклаю-де-Толли о сдѣланныхъ случайно открытіяхъ, могущихъ имѣть необычайно крупныя и важныя послѣдствія. Какъ видно изъ рапорта, всѣ эти „открытія“ сводятся къ его личнымъ наблюденіямъ за тайными обществами. Здѣсь онъ является довольно освѣдомленнымъ о ихъ всемірномъ вліяніи особенно на военную среду и указываетъ, что ихъ

[1]) Братъ графа Ивана Ивановича Дибича, генералъ-фельдмаршала, героя Турецкой войны (1828—29), который, будучи главнокомандующимъ при усмиреніи польскаго мятежа въ 1830 году, умеръ отъ холеры. Полковникъ Дибичъ въ 1814 году состоялъ штабъ-офицеромъ для особыхъ порученій при генералъ-фельдмаршалѣ, а затѣмъ жилъ за границей—въ Мейссенѣ.

Dem Durchlauchtigsten Fürsten Barclay de Tolly General Feldmarschal der Russischen Heere Ritter Groskreuz aller Russischen und vieler ausländischen Orden.

Geheimer Rapport.

Eurer Durchlaucht glaube ich nicht zufällig gemachte Entdeckungen verheimlichen zu dürfen, die, wie es mir scheint, von äusserst grossen und wichtigen Folgen seyn können.

Ehe ich mich jedoch ins Detail einlasse, erlauben Euer Durchlaucht mir einige Bemerkungen:

Schon mehrmalen habe ich es gesagt: dass obgleich ich es für Pflicht halte

идеи распространились даже среди офицеровъ свиты его свѣтлости. Второй рапортъ писанъ на имя начальника генеральнаго штаба русской Императорской арміи, барона И. И. фонъ-Дибича. Въ этомъ донесеніи онъ болѣе подробно высказываетъ свое отношеніе къ тайнымъ обществамъ, указываетъ на событія послѣдняго времени и въ концѣ,—въ видѣ отдѣльнаго приложенія,—прилагаетъ свое небольшое изслѣдованіе о тайныхъ обществахъ вообще и въ частности о масонахъ. Это довольно любопытный документъ. Охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ роль тайныхъ обществъ во всемірной исторіи, признавая за ними большое моральное значеніе, баронъ Дибичъ считаетъ ихъ опасными для „всякаго человѣческаго“ государства и находитъ компрометтирующія черты въ ихъ жизни. Особенно интереснымъ представляется здѣсь сочиненный имъ діалогъ между двумя масонами—„Просвѣщеннымъ старшимъ мастеромъ“ (A) и „просвѣщаемымъ младшимъ мастеромъ“ (B). Діалогъ ярко характеризуетъ существовавшія между масонами отношенія и съ достаточной полнотою вскрываетъ общій духъ ихъ ученія, стремленія и идеалы. Авторъ говоритъ въ заключеніе, что онъ собралъ въ одинъ діалогъ нѣсколько разговоровъ, произнесенныхъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, но всѣ они носили одинъ и тотъ же характеръ.

---

alles anzuzeigen, was ich glaube, dass es dem Monarchen, dem Staate, dem Dienste, nachtheilig werden kann: so wird es doch ewig meinen Grundsätzen entgegen laufen, irgend etwas auf dem Wege des Polizeibeamten zu erfahren, oder, Ankläger eines oder des anderen Individua zu seyn—ich halte dafür, dass ich meiner Pflicht als treuer Diener und als redlicher Mann vollkommen nachkam—wenn ich von dem, was ich erfahren, Anzeige mache, ohne mich auf Specialia einzulassen, welche das Wie, Wo, durch Wen und von Wem auseinander setzen, denn mein Wille ist Nutzen zu stiften ohne zu schaden, und da ist es hinlänglich, wenn der Staat weiss, was vorfällt, er hat dann Mittel und Leute genug, zu erforschen, zu prüfen, vorzubeugen und zu thun was er will.

Ich gebe hier blos meine Erfahrungen, meine Ansicht, der Staat prüfe sie, als Wahrheit gebe ich sie nicht aus, ich kann irren—aber im Fall ich wirklich die Wahr-

Свѣтлѣйшему князю Барклаю-де-Толли, генералъ-фельдмаршалу русскихъ войскъ, кавалеру первыхъ степеней всѣхъ русскихъ и многихъ иностранныхъ орденовъ.

РАПОРТЪ.

Не осмѣлюсь скрыть отъ Вашей Свѣтлости случайно сдѣланныхъ мною открытій, могущихъ, какъ мнѣ кажется, имѣть необычайно крупныя и важныя послѣдствія.

Однако, прежде, чѣмъ приступить къ деталямъ, позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній:

Я говорилъ уже неоднократно, что хотя и считаю своею обязанностію доносить обо всемъ могущемъ, по моему мнѣнію, причинить ущербъ монарху, государству, службѣ, тѣмъ не менѣе принципы мои не позволяютъ мнѣ разузнавать о чемъ-либо черезъ полицейскихъ чиновъ, или дѣлаться обвинителемъ того или другого лица;

---

heit gefunden hätte, würde der Staat doch sehr übel dabei fahren, wenn er ohne Prüfung sie hätte verwerfen können.

Weit entfernt, über eine oder der anderen so genannten geheimen Verbindungen mich herauszulassen, dies kann niemand von mir fordern, weil ich zu keinem gehöre: finde ich den Einfluss mancher derselben, auf den Zeit-Geist ausserordentlich einwirkend— De Prads sein Werk über den Congress von Wien ist ein Beweis, wie sehr man seiner Sache gewiss sehn muss, um öffentlich das sagen zu können was er sagt.

Officiere in der Königlich Preussischen Garde sollen eben so öffentlich behauptet haben, dass keine Könige nötig wären, und der Zustand der Aufklärung der Welt, notwendig Republiken erheische.

In unserer Armee soll ein gleicher Geist unter den Officieren durch Anwerbung derselben zu geheimen Verbindungen, sowohl in Frankreich, Deutschland, Warschau,

я считаю себя вполнѣ исполнившимъ свой долгъ вѣрнаго слуги и честнаго человѣка, если сообщу о дошедшемъ до моего свѣдѣнія, не вдаваясь въ подробности о томъ какъ, гдѣ, при посредствѣ кого и кѣмъ что-либо было совершено, ибо я желаю принести пользу, не причиняя ущерба, а для этого достаточно, если государство будетъ освѣдомлено о происходящемъ, оно располагаетъ достаточными средствами и людьми, необходимыми для того, чтобы разслѣдовать, провѣрить, предупредить или поступить, какъ ему будетъ угодно.

Я привожу здѣсь только результаты своего опыта, мои личные взгляды, предоставляя государству разобраться въ нихъ,—я не выдаю ихъ за истину, ибо могу ошибаться,—если же окажется, что я дѣйствительно напалъ на истину, то государство поступило бы дурно, отвергнувъ ихъ, не провѣривъ.

Я далекъ отъ мысли высказывать свое мнѣніе о такъ называемыхъ тайныхъ братствахъ; этого отъ меня никто не можетъ требовать, такъ какъ я ни къ одному изъ нихъ не принадлежу; нахожу вліяніе нѣкоторыхъ изъ нихъ на духъ времени необыкновенно сильнымъ—трудъ Де-Прадта о Вѣнскомъ конгрессѣ является доказательствомъ того, насколько необходимо быть увѣреннымъ въ своемъ дѣлѣ, чтобы имѣть возможность высказывать открыто то, что онъ говоритъ.

Офицеры королевской Прусской гвардіи будто-бы также открыто утверждали, что государи не нужны и что состояніе міровой культуры настоятельно требуетъ учрежденія республикъ.

Petersburg etc., verbreitet seyn: und die nehmlichen Ausdrücke will man sogar von Officieren im Gefolge Eurer Durchlaucht gehört haben.

Fessler, welcher als Jesuit Jacobine sehr bekannt ist hält sich seit jahren in Russland auf: seine F. M. Schriften, seine Verhältnisse mit Zerboni, Contessa und Leipziger, welche jetzt wieder in Thätigkeit durch den sogenannten Tugendbund gekommen sind, bezeichnen diesen Mann hinlänglich, wie er denkt und was er zu unternehmen im Stande ist.

Und nun werfen Euer Durchlaucht einen Blick auf die Ritualia aller Stufen und deren Instructionen—bemerken Sie wohl, dass die Ausdrüke alle simbolisch sind, und dass der wahre Sinn dieser Symbola blos denen bekannt ist, welche die Arbeiten dirigieren.—Wie lang und breit ist die Loge?—vom Morgen zum Abend von Mittag zur Mitternacht—ob nicht die höheren Grade hierunter Ausbreitung auf der ganzen

Въ нашей арміи царитъ, будто-бы, такое направленіе, благодаря вербованію офицеровъ въ тайныя общества, подобныя существующимъ во Франціи, Германіи, Варшавѣ, Петербургѣ; подобныя же выраженія приходилось слышать даже отъ офицеровъ свиты Вашей Свѣтлости.

Фесслеръ [1]), очень извѣстный іезуитъ-якобинецъ, живетъ въ Россіи уже много лѣтъ; его донесенія на Высочайшее имя, его отношенія къ Зербони, Контессу и Лейпцигеру, возобновившимъ свою

---

[1]) Фесслеръ (Игнацъ-Аврелій) — нѣмецкій писатель и русскій общественный дѣятель (1756—1839); уроженецъ Венгріи; въ молодыхъ лѣтахъ вступилъ въ орденъ капуциновъ, затѣмъ былъ посвященъ въ священники и посредствомъ тайнаго обращенія къ императору Іосифу II добился того, что во всей австрійской монархіи были уничтожены монастырскія тюрьмы. Въ 1788 году былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности за сочиненную имъ антикатолическую трагедію „Сидней“, вслѣдствіе чего бѣжалъ въ Бреславль, перешелъ въ протестантство и женился. Переселившись потомъ въ Берлинъ (1796), вступилъ въ число масоновъ и написалъ исторію масонскаго ордена, ходившую по рукамъ въ рукописи, но не напечатанную, а также „собраніе писемъ о масонахъ“ (1804). Въ 1809 году получилъ каѳедру восточныхъ языковъ и философіи въ С.-Петербургской духовной Александро-Невской академіи, гдѣ показалъ себя атеистомъ и высланъ въ Вольскъ (Саратовской губерніи). Съ 1820 года занималъ должность евангелическаго суперъ-интендента и начальника консисторіи въ Саратовѣ, а затѣмъ генералъ-суперъ-интендента и церковнаго совѣтника евангелическо-лютеранской общины въ Петербургѣ. Фесслеру принадлежитъ много литературныхъ трудовъ, написанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ, преимущественно по философскимъ и религіознымъ вопросамъ.

Erde und Propaganda verstehen?—Wenig Licht geben die Instructionen in den ersten Graden—aber wenn es im 5 Grade, Sch.: A.: M.: heisst.

Was kann unser grosser Füllstein weiter wirken? und nach der ersten Antwort, Hat er noch einen anderen und grösseren Nutzen?

Er befreiet den menschlichen Elementarkörper (Menschliche Staatsgesellschaft) von unreinen Trieben (Herrscher System) die menschliche Seele (Geist der Zeit) setzt er in die Vereinigung des Lichts (setzt er unter Einwirkung der Verbundeten) und den Geist (die Menschheit als Ganzes) macht er so rein, (gut, duldsam) dass er durch das Band der Geschöpfe (die moralische Menschenliebe) bis in seinen Ursprung (Patriarchalische Verfassung) zurük wirken kann.

Dann deucht mir ist der Zweck wohl nicht mehr blos moralisch anzunehmen sondern die Moral dient hier einer heimlichen Polytik zum Grunde oder vielmehr zum Mantel.

дѣятельность при посредствѣ такъ называемаго „тугендбунда“, достаточно характеризируютъ этого человѣка, его образъ мыслей и все, на что онъ способенъ.

Теперь, Ваша Свѣтлость, обратите вниманіе на обрядности всѣхъ степеней и на ихъ правила, и Вы усмотрите, что всѣ выраженія символичны и что истинный смыслъ этихъ символовъ извѣстенъ только тѣмъ, кто руководитъ работами. Какова длина и ширина ложи? Съ востока до запада и съ юга до сѣвера—не разумѣютъ ли высшія степени подъ этимъ распространеніе пропаганды по всему земному шару. Правила для первыхъ степеней довольно темны, въ 5-й же степени это называется Sch. A. M. [1]).

Каково дальнѣйшее вліяніе нашего крупнѣйшаго бутоваго камня (grosser Füllstein) [2]) и приноситъ ли онъ еще какую-либо другую большую пользу?

Онъ освобождаетъ элементарное тѣло человѣчества (государство) отъ нечистыхъ побужденій (система верховной власти), душу человѣчества (духъ времени) онъ просвѣщаетъ (отдаетъ подъ вліяніе

---

[1]) Смыслъ этого разсужденія непонятенъ. Очевидно, къ рапорту было какое-нибудь приложеніе, которое впослѣдствіи утратилось, или авторъ напоминаетъ о прежнихъ донесеніяхъ, что менѣе вѣроятно, такъ какъ рапортъ имѣетъ цѣлью донесеніе о случайно сдѣланныхъ открытіяхъ.

[2]) Очевидно, авторъ называетъ здѣсь Füllstein'ами масонскія общества, которыя именовались обществами каменщиковъ, стр. 5. Іосифъ Фуше, гер-

---

Da indessen die Staaten tausenderlei Mittel haben, alles besser zu kennen als ich, so würde ich, bei der Duldung und dem Schutze welchen sie geheimen Geselschaften leisten, bestimmt schweigen, wenn nicht eben die nehmlichen Symtome jetzt erschienen, welche der französischen Revolution vorangingen.—Eine Menge vorbereitender Schriften—eine Werbeseligkeit der geheimen Gesellschaften — ein offener Streit unter diesen damit einige, im Falle der Plan scheitert, doch beibehalten und als unschädlich, erscheinend im Verborgenen reifere Zeiten erwarten können.

Mir deucht es bliebe dem Staate noch ein Mittel übrig dem Übel vorzubeugen, ohne das Gute mit zu ersticken, allein ich bin zu wenig in jeder Hinsicht, mir selbst dies Mittel deutlich machen zu können.

In tiefster Unterthänigkeit verharre
Eurer Durchlaucht

Meissen den 8/20 Februar 1816.

ganz unterthänigster Diener
Oberst Baron Diebitsch.

союзниковъ), духъ же (человѣчество въ цѣломъ) дѣлаетъ столь чистымъ (благимъ, терпѣливымъ), что путемъ связи всего живущаго (духовнаго человѣколюбія) онъ получаетъ возможность обратнаго воздѣйствія на самый первоисточникъ свой (патріархальное устройство).

Тутъ уже, мнѣ кажется, нельзя болѣе разумѣть цѣль только какъ нѣчто нравственное, ибо нравственное служитъ въ этомъ случаѣ основаніемъ, или, вѣрнѣе, личиною для прикрытія какой-то тайной политики.

Но такъ какъ государства располагаютъ тысячами всякихъ средствъ и способовъ знать все гораздо лучше меня, то въ виду терпимости и покровительства, оказываемыхъ ими тайнымъ обществамъ, я бы

цогъ d'Otranto, извѣстный французскій политическій дѣятель (1763—1820). Въ 1792 году былъ выбранъ въ конвентъ, въ 1793—вотировалъ за казнь Людовика XVI, а съ возвышеніемъ Наполеона бросилъ свой радикализмъ, сдѣлался его сторонникомъ, получилъ постъ министра полиціи и строго преслѣдовалъ якобинцевъ. Предвидя паденіе Наполеона, въ 1809 году вступилъ въ тайные переговоры съ республиканцами и англійскимъ правительствомъ, за что въ 1810 году получилъ отставку. Въ 1813 году оказался горячимъ сторонникомъ Бурбоновъ, а по возвращеніи Наполеона съ Эльбы, привѣтствовалъ его какъ избавителя отечества. Послѣ Ватерлоо настаивалъ на отреченіи Наполеона и въ 1816 году былъ изгнанъ изъ Франціи, поселился въ Австріи, гдѣ натурализовался и провелъ до конца свою жизнь.

Seiner Excellenz dem Herrn Baron von Diebitsch General Lieutenant, Ritter Groskreutz verschiedener Hohen Orden Chef des General Staabes der Russisch Kaiserlichen Heere etc.

Geheimer Rapport.

Im Jahre 1814 ward ich durch den Tages befehl, beim General Feldmarschal als Staabs Officier zu besonderen Dienstverrichtungen angestellt: da ich für diesen Posten keine Instruction erhalten habe, so glaubte ich meiner Dienstpflicht nachzukommen, wenn ich

1-o jeden mir gegebenen Auftrag pünktlich und nach meinem besten Wissen ausführte—ich glaube dass ich dieses zu thun mir bestrebte kann niemand in Zweifel setzen—

навѣрное молчалъ, если бы не появились теперь тѣ же симптомы, которые предшествовали французской революціи: масса подготовляющихъ сочиненій, усердное вербованіе въ тайныя общества, явная борьба между ними за возможность, на случай крушенія плановъ, сохранить свое существованіе и въ качествѣ, повидимому, безобидныхъ выждать болѣе подходящія времена.

Мнѣ думается, что государство располагаетъ еще однимъ средствомъ предотвратить зло, не уничтожая вмѣстѣ съ нимъ и хорошее, однако, я слишкомъ ничтоженъ во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы даже самому себѣ опредѣлить это средство основательно.

Съ глубочайшей преданностью Вашей Свѣтлости всепокорнѣйшій слуга, полковникъ баронъ Дибичъ.

Мейссенъ.
8/20 февраля 1816.

2-e Glaubte ich durch diesen Posten verpflichtet zu sein, einen unaufgeforderten Gehülfen abzugeben, überall wo ich Dienstwidrigkeiten vorfand, dieselben wenn es anderweitige Dienstverhältnisse nicht hinderten, sogleich zu heben, und im Falle dies seyn sollte, daran mit derjenigen Schonung die man bei Ehrliebenden Männer voraussetzen muss, Anzeige zu machen.—Auch hierin fühle ich stets meiner Pflicht nachgelebt zu haben: und Eure Excellenz selbst gaben mir manchmal im Dienste dieser Art Ihren Beifall zu erkennen.

Es kommt nun aberzu diesen speciellen Dienstpflichten wo möglich eine höhere, eine heiligere hinzu! In dem Schwure, welchen ich dem Monarchen leistete stehet:

dass ich es für unnachlässliche Pflicht achten soll, alles dasjenige wodurch der Ehre Russlands und seinen Monarchen etc., deren Vortheil, Wohlstand etc.: ein Nutzen zu bewirken im Stande ist, nach allen Kräften unterstützen, allen

Его превосходительству господину барону фонъ-Дибичу, генералъ-лейтенанту, кавалеру первыхъ степеней разныхъ высокихъ орденовъ, начальнику генеральнаго штаба Россійскихъ Императорскихъ войскъ и проч.

РАПОРТЪ.

Въ 1814 году я былъ назначенъ штабъ-офицеромъ для особыхъ порученій при генералъ-фельдмаршалѣ; а такъ какъ я не получилъ для этой должности никакихъ инструкцій, то и полагалъ, что и поступлю согласно долгу службы,

1) исполняя всякое данное мнѣ порученіе точно я по лучшему своему разумѣнію—думаю, что никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что я стремился къ тому на дѣлѣ;

Nachteil aber ebenso abwenden, und wenn ich dazu nicht die gehörigen Kräfte habe, davon Anzeige zu machen habe.

Mag die Welt von mir glauben was sie will, mögen die Folgen auch sein welche sie wollen: der Eid, ohne Hinsicht selbst auf Religion, ist mir schon deswegen höchst heilig, weil er meinen Nebenmenschen verbindet, in denselben unbedingtes Vertrauen zu setzen—ich kann ihn daher nicht zum Spiel der Menschenfurcht oder ängstlicher Speculation machen.

Die Natur gab mir in Euer Excellenz einen Bruder, das Geschick und der dankbare Staat gaben mir im Bruder einen Vorgesetzten, und in diesem Augenblicke fühle ich, dass ich froh bin diesen Rapport an meinen General Lieutenant einzuschicken da mein Bruder, wie ich gewiss versichert bin, weder die natürlichen Gefühle verläugnen, noch die Pflicht der Dankbarkeit und Liebe welche Er dem Staate schuldig ist, aus den

2) считая, что должность эта обязываетъ меня оказывать добровольное содѣйствіе во всѣхъ случаяхъ упущеній по службѣ, устранять ихъ, если позволятъ прочія условія службы, а въ случаяхъ, когда будетъ необходимо, доносить о томъ съ надлежащею, предполагающеюся у добросовѣстныхъ людей, осмотрительностью. И въ этомъ отношеніи я чувствую, что былъ всегда вѣренъ своему долгу, да и ваше превосходительство неоднократно сами выражали мнѣ свое одобреніе за службу такого рода.

Къ такимъ спеціальнымъ служебнымъ обязанностямъ относится, однако, еще одна, пожалуй, даже болѣе возвышенная и священная. Присяга, принесенная мною монарху, гласитъ, что я долженъ считать непремѣннымъ долгомъ своимъ поддерживать по мѣрѣ силъ все клонящееся къ пользѣ и чести Россіи, ея монарха, къ выгодѣ ихъ, благосостоянію и проч., равно какъ и предупреждать всякій ущербъ; въ случаѣ же неимѣнія достаточныхъ для того силъ, доносить о томъ, куда будетъ слѣдовать.

Что бы ни думали обо мнѣ люди, каковы бы ни были при этомъ послѣдствія, присяга, помимо даже религіи, является для меня въ высшей степени священною уже потому одному, что она обязываетъ моихъ ближнихъ относиться къ ней съ довѣріемъ, а потому я не могу играть ею страха ради человѣческаго и изъ-за мелочныхъ соображеній.

Природа даровала мнѣ въ вашемъ превосходительствѣ брата, судьба же и признательное государство дали мнѣ въ братѣ начальника, и въ настоящую минуту я радуюсь, что мнѣ приходится

Augen setzen, sondern beide Pflichten mit Vorsicht und Delicatesse doch treu, zugleich ausüben wird.

Und in dieser Hinsicht gehe ich heiter zu Werke: um so heiterer als der denkende Leser nun wohl die wahren Gründe einsehen wird, warum ich jede Gelegenheit benutzte um meine Untersuchungen fortzusetzen.

Schon in Frankreich gab mir Zufall und List, Kenntniss mancherlei, und wie ich glaube immer und derselben Verbindung, die im Geheimen eingehüllt, doch in ihren Wirkungen ziemlich am Tage liegt.

Die sehr beträchtliche Menge Russischer Officiere und Officianten, die man anwarb: die Beobachtung der Reden dieser neu Angeworbenen, welche das Herz voll hatten — die Beobachtung der ganzen Machinerien in Frankreich—die Tendenz des so genannten Tugend-Bundes — die ausgestreuten Gerüchte—die Gleichgültigkeit der Preussischen

отправлять это донесеніе моему генералъ-лейтенанту, ибо братъ мой, какъ я въ томъ непоколебимо увѣренъ, не отречется, конечно, отъ естественныхъ чувствъ и не пренебрежетъ долгомъ признательности и любви къ государству, но выполнитъ обѣ эти обязанности единовременно и добросовѣстно, хотя и съ должными осмотрительностью и деликатностью.

И въ этомъ отношеніи я смѣло приступаю къ дѣлу, тѣмъ смѣлѣе, что мыслящій читатель уразумѣетъ, конечно, истинныя причины, побудившія меня пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для продолженія моихъ изслѣдованій.

Случай и хитрость доставили мнѣ, уже во Франціи, знакомство, какъ я полагаю, все съ однимъ и тѣмъ же сообществомъ, держимымъ въ тайнѣ, по дѣйствіямъ же своимъ являющимся довольно явнымъ.

Очень значительное число русскихъ офицеровъ и чиновниковъ, вступившихъ въ общество, наблюденіе за рѣчами этихъ неофитовъ, обрадовавшихся возможности высказаться, наблюденіе за всѣми махинаціями во Франціи—тенденція такъ называемаго тугендбунда—распространяемые слухи, равнодушіе прусскихъ офицеровъ къ своему государю, превосходно усвоенное нашими офицерами во Франціи—связи этихъ обществъ съ Франкфуртомъ, Берлиномъ, Дрезденомъ, Лейпцигомъ, Бамбергомъ, Мюнхеномъ, Варшавой и С.-Петербургомъ—вѣчно возобновляющееся стремленіе вербовать вездѣ нашихъ офицеровъ, а равно и содержаніе повременныхъ изданій, все это заставляло меня предугадывать нѣчто большее, чѣмъ просто нравственныя цѣли.

Officiere gegen ihren König—das, war vorzüglich von unseren Officieren in Frankreich angeworben wurde—die Verbindungen dieser Gesellschaften mit Frankfurth, Berlin, Dresden, Leipzig, Bamberg, München, Warschau und St.-Petersburg—das ewige erneuerte Bestreben überall unsere Officiere anzuwerben—und der Inhalt der Zeitschriften, dies alles lies mir ein Mehreres als blosse Moral Zwecke erwarten!

ZB. vorzüglich suchte man — die beym Staabe des Kaysers und der Commandierenden Generale angestellten Officiere in diese Gesellschaften zu ziehen.

Ein Officier, im Staabe des Feldmarschals (№ 2) behauptet, es wären keine Kayser, keine Könige, keine Fürsten mehr nöthig.

Fouchet suchte Orleans auf den Thron zu bringen um unter seiner Firma eine Republik zu errichten.

Старались, напримѣръ, особенно усердно привлекать въ эти сообщества офицеровъ, состоявшихъ при штабѣ императора, и генераловъ, командующихъ отдѣльными частями.

Одинъ изъ офицеровъ при штабѣ фельдмаршала (№ 2) утверждалъ, что не нужно больше ни императоровъ, ни королей, ни князей.

Фуше пытался возвести на престолъ герцога Орлеанскаго съ тѣмъ, чтобы подъ эгидой его учредить республику.

Во Франціи распространили слухъ о томъ, что нашъ императоръ стоитъ за якобинизмъ и что Лагарпъ ручается за это.

Тенденція такъ называемаго тугендбунда сводится къ тому, чтобы, какъ явствуетъ изъ исторіи его, основать силу націи на пренебреженіи къ Верховной власти [1]). Прусскіе офицеры заявляютъ вездѣ, что государь имъ больше не нуженъ, а такъ какъ, благодаря преж-

[1]) Тугендбундъ или союзъ доблести былъ основанъ въ Кенигсбергѣ въ началѣ 1808 года Леманомъ, Феллегентомъ, Вортомъ, Кругомъ и др. Цѣлью его было поднятіе народнаго духа, развитіе патріотизма и, при совершенности династіи, національное воспитаніе юношества и реорганизація войскъ. Сначала общество дѣйствовало открыто, но въ 1809 году было закрыто по требованію Наполеона и члены его стали преслѣдоваться, особенно послѣ Вѣнскаго конгресса при наступленіи всеобщей реакціи.

Man sprengte in Frankreich aus, dass unser Kayser für den Jacobinismus wäre, und dass la Harpe dies garantiere.

Die Tendenz des so genannten Tugendbundes ist, wie man aus dessen Geschichte deutlich sieht, die Kraft der Nation auf Nichtachtung der Souverainen Kraft zu erheben. Die Preussischen Officiere declariren überall, keines Königs mehr zu bedürfen, und da durch die früheren Maasregeln des Tugendbundes der hohe Adel in den niedrigen Dienststufen eintrat, während nicht Adel zu höheren Dienststellen angenommen ward, so ist in Preussen der Adel so gut als verdrängt, der König kann dessen Rechte nicht mehr schützen und musste um dem Volke gefällig zu seyn Beym zum Staats-Kanzler machen damit auch einer, der nicht vom Adel entstammt diese Stelle bekleidet. Der Verfall in der Commoedie in Berlin—der Volksruf in Bayern an seinen König—Pradts Schreiberegen — die Nachrichtsverbreitung dass Napoleon nach Amerika entkommen sey—die häufigen Schriften voll Jacobinismus. Ich kann nicht

нимъ мѣропріятіямъ тугендбунда, высшее дворянство поступило на низшія служебныя должности, тогда какъ не дворяне принимались на высшія, то дворянство въ Пруссіи оказалось почти оттѣсненнымъ, король утратилъ возможность ограждать его права и былъ вынужденъ, въ угоду народу, назначить Бейма государственнымъ канцлеромъ для того, чтобы и этотъ постъ занимало лицо, непринадлежащее къ дворянству. Случай въ Берлинскомъ театрѣ, воззваніе баварскаго народа къ своему королю, поджигательныя сочиненія Прадта, распространеніе слуховъ о бѣгствѣ Наполеона въ Америку, многочисленныя сочиненія, полныя якобинскаго направленія—не постигаю, какимъ образомъ можетъ все это ускользать отъ вниманія политическихъ дѣятелей, и почему не принимается противъ этого какихъ-либо мѣръ, тѣмъ болѣе, въ виду планомѣрной дѣятельности Рима—обнаруженія доктринъ нашихъ іезуитовъ.

Въ Дрезденѣ также существуетъ пропаганда—№№ 3 и 4 состоятъ тамъ въ очень тѣсной связи—№ 3 собирался отправиться въ Италію, но измѣнилъ свой маршрутъ и, по всему вѣроятію, будетъ откомандированъ въ Россію. Оба они представлялись Фуше, не танцуютъ ни съ кѣмъ, кромѣ мадамъ Фуше, и бываютъ у него ежедневно; онъ же состоитъ въ сношеніяхъ со многими англичанами, цѣли которыхъ являются для публики полнѣйшей загадкой.

Что цѣль всего этого не исключительно, впрочемъ, нравственная, за какую ее выдаютъ, мнѣ извѣстно навѣрное, но доказать этого никто не можетъ, ибо отъ всякаго устнаго разъясненія, даннаго адептомъ высшихъ степеній, можно, вѣдь, и отречься...

Существуетъ, однако, еще одно средство, чтобы, по меньшей

---

begreifen, wie den Staatsmännern dies alles entgehen kann, wie man so gar keine Maassregeln dagegen trift, und dazu Roms planmässiges Handeln — die Entdeckung des Eifern unserer Jesuiten.

Auch in Dresden ist eine Propaganda — № 3 u. 4 sind dort sehr eng verbunden—№ 3 wollte nach Italien reisen, hat aber seinen Reiseplan verändert und wird nach Russland höchst wahrscheinlich abgeschickt. Beyde haben sich bey Fouchet vorstellen lassen, tanzen mit keiner Dame als mit Madame Fouchet, sind dessen tägliche Gesellschaft und dieser hängt mit mehrere Engländer zusammen deren Zweck dem Publico auch völlig räthselhaft ist.

Dass übrigens das Ganze, nicht wie man vorgiebt blos moralische Zwecke hat, dies weiss ich jetzt ganz bestimmt—aber beweisen kann es niemand—denn die mündliche Erklärung der höheren Grade kann ja abgeläugnet werden!!!

мѣрѣ, выиграть время, но обойдется оно дорого и потребуетъ такого умѣнья хранить тайну и подбора людей, которые врядъ ли найдутся, да и пользоваться этимъ средствомъ надо очень осторожно, потому оно не разъ уже примѣнялось, давало хорошіе результаты, но за то извѣстно теперь во всѣхъ сообществахъ.

И если іезуиты достанутъ послѣднее, что имъ нужно, т.-е. деньги, то они не замедлятъ развить свою дѣятельность; а между тѣмъ они располагаютъ, къ сожалѣнію, тысячами способовъ добывать все, что имъ требуется. Уничтоженіе этого ордена одновременно во всѣхъ государствахъ, и даже самими папами, не помѣшало, однако, тому, что при первомъ же лучѣ надежды на возстановленіе ордена они повылѣзли изъ своихъ тайниковъ и появились снова массами— можетъ ли послѣ этого оказаться дѣйствительнымъ изгнаніе ихъ изъ отдѣльныхъ государствъ. Не зная, извѣстно ли въ Россіи сочиненіе Прадта, я прилагаю его, цѣна ему 3 рейхсталера 8 грошей [1]).

[1]) О какомъ сочиненіи говоритъ полковникъ Дибичъ—не извѣстно, такъ какъ, очевидно, за утратой, его въ приложеніи къ рапорту не имѣется.

Доминикъ Дюфуръ-де-Прадтъ, аббатъ,—французскій публицистъ и дипломатъ (1759—1837). Избранный въ генеральные штаты, явился сторонникомъ стараго режима, потомъ эмигрировалъ. Возвратясь при консульствѣ въ Парижъ, сдѣлался духовникомъ Наполеона. Въ 1812 году назначенъ посланникомъ въ Варшаву и сдѣлался противникомъ Имперіи; при Людовикѣ XVIII былъ оппозиціоннымъ депутатомъ.—Несмотря на неустойчивость политическихъ воззрѣній, его произведенія, благодаря остроумію и сатирическимъ выходкамъ, имѣли въ свое время большой успѣхъ.

Noch ist ein Mittel zu benutzen, um wenigstens Zeit zu gewinnen, allein es ist kostbar, verlangt eine Verschwiegenheit und eine Auswahl, die schwerlich getroffen werden, und muss mit vieler Behutsamkeit angewendet werden denn es war schon mehrere male angewendet, hat immer seinen Erfolg gehabt, ist aber auch jetzt in Allen Verbindungen bekannt.

Erhalten die Jesuiten das letzte was ihnen nöthig ist, so wirken sie gewiss balde, es ist Geld: und dies haben sie leider tausenderlei Wege sich zu verschaffen. Die Aufhebung dieses Ordens in allen Staaten zugleich, und selbst durch die Päpsten, hat doch nicht verhindern können, dass beym ersten Strahl der Hoffnung zur Wiederherstellung desselben, sie aus ihren Schlupfwinkeln hervorkrochen und in Menge wieder erschienen—wird ihre Verbannung daher aus einzelnen Staaten, wirksam sein?—Unbewusst ob Pradts Schrift in Russland bekannt ist, füge ich dieselbe hier bey: sie kostet 3 rstr. 8 gr.

Трудно себѣ и представить, до какой степени пострадалъ въ этой части Германіи авторитетъ русскихъ офицеровъ; основаніемъ къ тому послужили прежнія времена, а теперь прибавились еще и новѣйшія событія; это заставило меня просить коменданта гор. Дрездена подполковника фонъ-Мозеля сообщить коменданту гор. Мейссена, для доклада полковнику фонъ-Прендельнъ, или же извѣстить этого послѣдняго, непосредственно о томъ, какіе именно русскіе вообще, кромѣ больныхъ, пребываютъ въ Дрезденѣ съ тѣмъ, чтобы онъ могъ убрать всѣхъ тѣхъ, чье пребываніе тамъ безцѣльно. Нѣкій комиссаръ Скудинъ, 8-го класса, велъ себя очень непристойно и, какъ я полагаю, уже отосланъ полковникомъ Розеномъ обратно.

Отъ барона Крюденера я узналъ еще обо одной исторіи, гдѣ мужъ привлекаетъ свою жену къ суду за нарушеніе супружеской вѣрности, при чемъ оказывается скомпрометтированнымъ нашъ великій князь Константинъ Павловичъ, несмотря на то, что, судя по описанію этой дамы, это былъ навѣрное не великій князь.

Похищеніе Лавалетта [1]) англичанами, которые могли укрыться

---

[1]) Графъ Антуанъ-Мари Шаманъ Лавалеттъ (1769—1830), французскій политическій дѣятель; былъ женатъ на Эмиліи-Луизѣ Богарне, племянницѣ им. Жозефины. Послѣ реставраціи, въ 1815 году, былъ преданъ суду, который обвинилъ его въ государственной измѣнѣ и приговорилъ къ смертной казни. Жена Лавалетта выхлопотала себѣ и дочери разрѣшеніе навѣстить мужа наканунѣ казни (23 декабря), обмѣнялась съ нимъ платьемъ и осталась въ тюрьмѣ, а ему удалось выйти на свободу. Послѣ двухнедѣльнаго укрывательства, англичане помогли ему переправиться черезъ границу въ Монсъ. Жена его долго оставалась въ тюрьмѣ, гдѣ и сошла съ ума. Въ 1822 году Лавалеттъ былъ прощенъ и возвратился во Францію.

Es ist unglaublich, wie sehr das Ansehen der Russischen Officiere in diesem Theile Deutschlands gesunken ist: die vorigen Zeiten haben hinzu den Grund gelegt, wozu neuere Geschichten kommen; dies hat mich veranlasst dem Commandanten von Dresden Obert-Lieutenant von der Mosel zu ersuchen, den Commandanten von Meissen zu Vorlegung an den Oberst v. Prendeln, oder directe den Oberst v. Prendeln zu benachrichtigen, welche Russen überhaupt, ausser den Kranken, sich in Dresden aufhalten, damit derselbe diejenigen so zwecklos dort sind, fortschaffen kann. Ein Commissair Skudin von der 8. Classe hat sich äusserst schmutzig betragen—und ich glaube, schon durch den Oberst Rosen zurück geschickt worden.

Durch den Baron von Krüdner habe ich eine andere Geschichte in Erfahrung gebracht wo ein Mann seine Frau des Ehebruchs vor Gericht beschuldigt, und wodurch unser Grossfürst Konstantin Pawlowitsch compromittirt wird ohnerachtet nach der Beschreibung dieser Frau, es bestimmt gar nicht der Grossfürst gewesen ist.

такимъ образомъ отъ наказанія, рѣчи въ парламентѣ, изъ кот явствуетъ, что Англія пріобрѣтаетъ, благодаря войнамъ, внутрен миръ и благосостояніе, скупаніе ею заграницей поднимающихся ру скихъ бумагъ, вслѣдствіе чего возростаютъ наиболѣе тягостные дол Россіи—все это вещи, которыя я считаю достойными вниманія.

Повидимому, все болѣе и болѣе подтверждается справедливост высказывавшихся мною въ былое время предположеній относитель того, что, въ видахъ отвлеченія насъ отъ Европы, намъ навяжут веденіе войны съ Турціей и Персіей единовременно.

Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга,
полковникъ В. Дибичъ.

Мейссенъ.
8/20 февраля 1816 г.

Сообщилъ Н.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Die Entführung Lavalets durch Engländer, welche wohl auch auf ähnliche Art, der Ahndung entgehen dürften: die Parlaments-Reden aus welchen wohl deutlich hervorgehet, dass England durch die Kriege Ruhe im Innern und Wohlstand erhält, ihr Aufkauf des im Auslande steigenden Russischen Papieres, wodurch Russlands drückenste Schulden vermehrt werden, sind Dinge, die ich einer Bemerkung würdig glaube.

Dass übrigens meine früher geäusserten Vermuthungen, dass wir einen Krieg in Persien und der Türkey zugleicher Zeit kriegen werden, um uns von Europa abzuziehen, nicht Träumerey ist, scheint sich immer mehr zu bestättigen.

Mit der schuldigsten Hochachtung habe die Ehre zu seyn

Eurer Excellentz ganz unterthänigster Diener
Oberst *B. Diebitsch*.

Meissen,
den 8/20 Februar 1816.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

критическія изслѣдованія отразившихся въ его творчествѣ литературныхъ вліяній; каждому изъ сколько-нибудь значительныхъ произведеній, помимо, конечно, примѣчаній, будутъ предпосланы историко-литературныя введенія, а небольшія пьесы всѣ снабжаются примѣчаніями. Въ этой работѣ принимаютъ участіе болѣе пятидесяти сотрудниковъ изъ числа спеціалистовъ-пушкиніанцевъ, историковъ литературы и критиковъ. Въ первомъ выпускѣ помѣщены нѣсколько крупныхъ статей: „Родъ Пушкина" (Б. Л. Модзалевскаго), „Дѣтство Пушкина" (В. В. Сиповскаго), „Пушкинъ въ лицеѣ" (Н. О. Лернера), „Антоній Гамильтонъ" (З. А. Венгеровой), „Сестра Пушкина" (Н. О. Лернера), „Пушкинъ и Оссіанъ" (Е. В. Балобановой и Н. К. Пиксанова), „Пушкинъ и Батюшковъ" (П. О. Морозова). Эти статьи заключаютъ въ себѣ обобщающія данныя и облегчаютъ читателю пониманіе Пушкина, писателя, правда, вѣчнаго, но, въ качествѣ сына своего вѣка, далеко не во всемъ доступнаго пониманію нынѣшняго читателя. Особенно же важное значеніе принадлежитъ примѣчаніямъ къ отдѣльнымъ пьесамъ; въ нихъ положительно центръ тяжести венгеровскаго изданія, и они-то и даютъ ему право называться трудомъ дѣйствительно научнымъ. Послѣднія изданія Пушкина всѣ были съ примѣчаніями, но стоитъ сравнить ихъ (и даже тѣ, которыя помѣщены въ академическомъ изданіи) съ примѣчаніями, даваемыми венгеровскимъ изданіемъ, чтобы убѣдиться, какой крупный шагъ впередъ представляетъ собою эта работа. Прежнія примѣчанія (даже майковскія, до сихъ поръ бывшія образцовыми) носятъ по большей части характеръ случайныхъ, плохо связанныхъ, отрывочныхъ свѣдѣній, мало систематизированы, не отличаются изяществомъ пріемовъ; примѣчанія г. Якушкина ко II тому академическаго изданія даже прямо грубы и неинтеллигентны. Новыя примѣчанія—настоящія изслѣдованія, тщательно отдѣланныя; мѣстами это цѣлые небольшіе экскурсы въ область общей и спеціально-пушкинской литературы. Самая же важная заслуга, принадлежащая, нужно замѣтить, исключительно редактору,—это усердная забота о выясненіи настоящаго пушкинскаго текста, наиболѣе трудная часть дѣла и наименѣе пользовавшаяся вниманіемъ прежнихъ издателей, немало способствовавшихъ затемненію и искаженію текста. Можно ожидать, что въ дальнѣйшемъ изданіе г. Венгерова развернется еще лучше, и пожелать ему распространенія, котораго оно вполнѣ заслуживаетъ. *Н. Л.*

Исторія Л.-Гв. Финляндскаго полка. С.-Петербургъ, 1906 г. Составлена того же полка капитаномъ С. Гулевичемъ.

Роскошное юбилейное изданіе, въ текстѣ котораго помѣщено значительное количество дарованныхъ полку грамотъ, плановъ, рисунковъ, касающихся столѣтней дѣятельности полка, а также воспроизведены акварели извѣстнаго художника Ѳедотова, офицера полка. Составителемъ прекрасно и обстоятельно изображена боевая, походная жизнь полка, съ надлежащими ссылками на источники. Исторія читается съ большимъ интересомъ и состоитъ изъ трехъ объемистыхъ томовъ жизни полка въ царствованіе императоровъ: Александра I (томъ первый), Николая I (томъ второй) и Александра II (томъ третій).

Памяти графа Ѳ. Келлера. А. Г. Авчинникова.

Въ этой небольшой по объему книжкѣ обстоятельно изложена біографія генеральнаго штаба генералъ-лейтенанта графа Ѳедора Эдуардовича Келлера, бывшаго начальника штаба Скобелева при переходѣ Балканъ, командира императорскихъ стрѣлковъ, директора Пажескаго Корпуса, Екатеринославскаго губернатора и, наконецъ, павшаго геройскою смертью 18 іюля 1904 года во главѣ Восточнаго отряда въ послѣднюю русско-японскую войну.

Книжка написана тепло и читается съ интересомъ.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVIII-й. МАЙ. 1907 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія:

1) Портретъ: Константина Виссаріоновича Комарова.

2) Планъ Западной границы Русскаго народа 1907 г.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1907 года.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю страи. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія «Надежда», Морская, 65.

1907.

V-я книга „Русской Старины" вышла 1-го мая 1907 года.

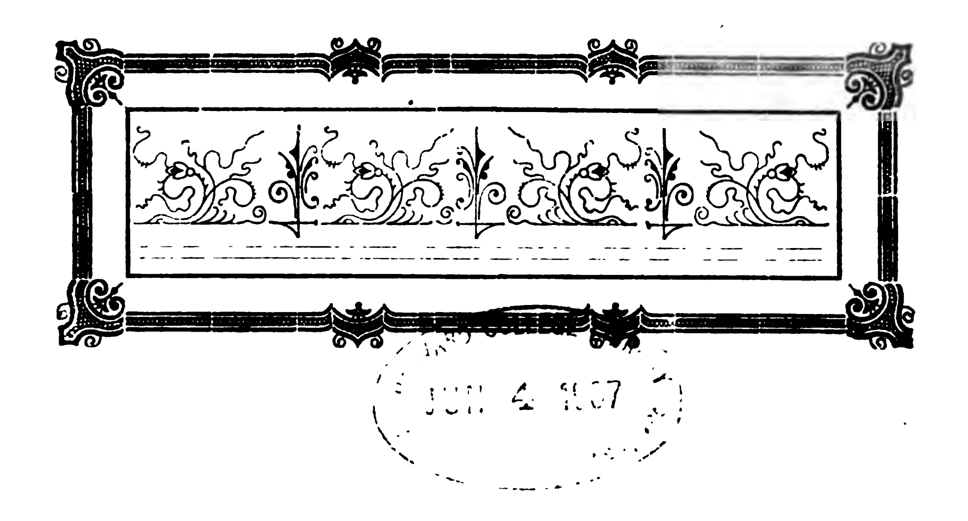

Константинъ Виссаріоновичъ

Комаровъ.

бывшій

начальникъ Ардаганскаго отряда.

Портъ-Артурская эскадра наканунѣ гибели [1]).

IV.

14 мая, въ пятницу, к.-а. Витгефтъ созвалъ совѣтъ флагмановъ и командировъ для обсужденія дальнѣйшаго хода дѣла, въ виду взятія Кинчжоу и обложенія крѣпости арміею Ноги.

Результаты совѣщанія Витгефтъ сообщилъ намѣстнику въ коротенькой телеграммѣ:

„Кинчжоу взятъ, войска отступили къ Артуру. На совѣтѣ рѣшено помогать защищать Артуръ до послѣдней крайности, послѣ чего выйти въ море „Цесаревичу“, „Ретвизану“, „Севастополю“, „Полтавѣ“, „Пересвѣту“ и крейсерамъ. Орудія не полностію. На берегу остается тридцать 6-дюймовыхъ, пятьдесятъ 75 мм. и пятьдесятъ остальныхъ. „Побѣду“ задѣлываютъ деревомъ“.

Совѣщаніе высшихъ чиновъ флота не пришло къ заключенію о единственномъ способѣ спасенія осажденной крѣпости—отчаянномъ нападеніи на японскую эскадру и если не полной побѣдѣ на морѣ, то значительному ея ослабленію.

Намѣстникъ, однако, не соглашался съ приговоромъ совѣщанія и 19 мая телеграфировалъ Витгефту: „въ виду всякой случайности, флоту надобно, защищая крѣпость, готовиться къ послѣдней крайности,—выйти въ море для рѣшительнаго боя“. Сухопутное начальство въ осажденной крѣпости также находило дальнѣйшее пребываніе флота въ Портъ-Артурѣ крайне опаснымъ.

[1]) См. „Русская Старина“ 1907, апрѣль.

Но Витгефтъ 22 мая на флагманскомъ кораблѣ собралъ совѣщаніе изъ генераловъ, командовавшихъ отдѣльными частями, и просилъ ихъ высказаться, чего и какой помощи для защиты крѣпости они ожидаютъ отъ флота? Генералъ Стессель сказалъ, что активныя дѣйствія флота сперва на сообщеніяхъ непріятеля для воспрепятствованія высадкѣ и подвозу запасовъ, а далѣе—для содѣйствія движенію арміи г.-а. Куропаткина къ Артуру совершенно необходимы, что это облегчитъ послѣднему подходъ и атаку Кинчжоусской позиціи, безъ чего армія можетъ стать въ совершенно критическое положеніе.

Ген.-л. Смирновъ (комендантъ) считалъ полезнымъ послать эскадру во Владивостокъ на соединеніе съ крейсерскимъ отрядомъ. Послѣ соединенія, говорилъ г.-л. Смирновъ, усилившаяся эскадра могла бы перейти къ активнымъ дѣйствіямъ и даже завладѣть моремъ. Онъ указывалъ также на то, что внутренній рейдъ Портъ-Артура сталъ непригоднымъ для стоянки флота, въ виду постоянной возможности закрытія японцами входа въ гавань брандерами и минами загражденія.

Генералъ Фокъ полагалъ достаточнымъ броненосному флоту выйти на внѣшній рейдъ, чтобы удержать японцевъ отъ дальнѣйшихъ покушеній на Артуръ, положеніе котораго, а равно и флота, при совмѣстныхъ и согласныхъ дѣйствіяхъ, считалось имъ не столь безнадежнымъ, чтобы они не продержались до октября, т. е. до прихода С.-Петербургской эскадры [1]).

Ген. Кондратенко находилъ, что въ виду всѣхъ усилій японцевъ одолѣть Портъ-Артуръ отъ флота требовалась самая энергичная активная дѣятельность. Онъ долженъ былъ, по мнѣнію генерала, задержать высадку непріятельскихъ войскъ и облегчить трудную задачу ген. Куропаткина по освобожденію Портъ-Артура отъ блокады и осады. Только при активной дѣятельности флота, говорилъ Кондратенко, сохранится цѣлость Квантуна, а также честь и достоинство Россіи. Генералъ Никитинъ, въ виду окончанія починокъ флота, заставлявшихъ его стоять на внутреннемъ рейдѣ, послѣ полученныхъ поврежденій, признавалъ безусловно необходимымъ эскадрѣ перейти къ активному образу дѣйствій, выходя въ открытое море на сообщенія противника и содѣйствуя нашимъ войскамъ на передовыхъ позиціяхъ и наступленію арміи ген. Куропаткина.

Нач. штаба укрѣпленнаго раіона, полк. Рейсъ, полагалъ, что эскадра, быть можетъ, не въ состояніи преодолѣть всѣхъ препятствій

---

[1]) Въ осажденномъ Портъ-Артурѣ всѣ вѣрили въ выручку его Куропаткинымъ съ сѣвера и въ деблокаду эскадрою Рождественскаго.

при переходѣ во Владивостокъ и скорѣе всего съ пользою для осажденнаго Портъ-Артура и базируясь на немъ могла бы дѣйствовать на сообщенія высадившейся на Ляодунскомъ полуостровѣ японской арміи.

Только одинъ ген. Бѣлый былъ иного мнѣнія. На основаніи, какъ онъ сказалъ, „достовѣрныхъ, а не предположительныхъ свѣдѣній о техническомъ и боевомъ состояніи Портъ-Артурской эскадры, каковое было объяснено к.-а. Витгефтомъ на совѣщаніи", г. Бѣлый думалъ, что уходъ изъ Портъ-Артура эскадры могъ бы состояться лишь при увѣренности въ успѣхѣ этой операціи и при условіи бездѣйствія японскаго флота. Возвращеніе орудій съ батарей на суда г. Бѣлый считалъ невозможнымъ.

Признавая, что флотъ былъ необходимъ Портъ-Артуру и что переходъ его во Владивостокъ очень рискованъ и опасенъ и для него и для крѣпости, г. Бѣлый пришелъ къ заключенію: а) идти на соединеніе съ Владивостокскою эскадрою и терять связь съ Артуромъ флотъ не долженъ; б) оставаясь въ Портъ-Артурѣ, флотъ долженъ оказывать крѣпости и войскамъ пассивную и активную помощь, а при обстоятельствахъ того времени даже болѣе активную, т. е. выходя въ море для дѣйствія противъ дессантовъ и для облегченія операцій нашимъ сухопутнымъ войскамъ, базируясь однако все время на Портъ-Артурѣ.

Г. Бѣлый былъ совершенно не согласенъ съ мнѣніемъ, что флотъ, соединившись съ Владивостокскими крейсерами помогъ бы главной Маньчжурской арміи и перетянулъ бы успѣхъ кампаніи на нашу сторону, хотя бы и цѣною Портъ-Артура. „Напротивъ"—сказалъ г. Бѣлый,—„флотъ долженъ стоять рука объ руку съ сухопутными въ защитѣ Портъ-Артура".

Всѣ совѣщавшіеся, за исключеніемъ коменданта, высказали единогласно мнѣніе, что Портъ-Артуръ можетъ продержаться не долѣе какъ до октября.

К.-а. Витгефтъ, донося намѣстнику объ этомъ совѣщаніи, прибавляетъ: ***„Такимъ образомъ, крѣпость вмѣсто того, чтобы быть убѣжищемъ и опорою флоту, сама требовала отъ послѣдняго защиты и активныхъ дѣйствій въ морѣ*** [1]).

Не удовлетворившись мнѣніемъ генераловъ (за исключеніемъ г. Бѣлаго) о безусловной обязанности флота дѣйствовать на морѣ, а не на сушѣ, и даже немедленно оставить Портъ-Артуръ и перейти во Владивостокъ, к.-а. Витгефтъ 23 мая собралъ новое совѣщаніе изъ флагмановъ и командировъ I ранга судовъ.

---

[1]) Рапортъ к.-а. Витгефта, 10 іюня.

Протоколъ этого совѣщанія былъ отвѣтомъ на отношеніе генерала Стесселя за № 141, въ которомъ онъ настаивалъ на необходимости немедленнаго выхода эскадры въ море, и гласилъ:

„Собраніе, выслушавъ отношеніе и обсудивъ положеніе дѣлъ съ технической стороны и боевой готовности судовъ, пришло къ нижеслѣдующему заключенію большинствомъ голосовъ:

1) Флотъ долженъ выйти въ море тотчасъ же, какъ онъ будетъ готовъ къ бою; выходъ же немедленный, какъ желаютъ г.г. сухопутные начальники, несмотря ни на какое положеніе дѣлъ на сухопутномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, невозможенъ за неготовностію судовъ.

2) О времени готовности флота къ выходу будетъ сообщено начальнику укрѣпленнаго раіона по выясненіи обстоятельствъ. Но во всякомъ случаѣ выходъ не можетъ быть сдѣланъ ранѣе конца этой недѣли [1]).

3) Выходъ же флота по частямъ недопустимъ въ тактическомъ отношеніи и не можетъ привести къ какому-либо благопріятному результату.

Протоколъ этотъ подписали вр. и. д. старшаго флагмана и командующаго эскадрою к.-а. Витгефтъ, нач. отряда броненосцевъ кн. Ухтомскій“, к.-адмиралы Григоровичъ, Лощинскій, Рейценштейнъ, Матусевичъ, командиры броненосцевъ „Ретвизанъ“, „Побѣда“, „Пересвѣтъ“, „Полтава“, „Цесаревичъ“ и крейсеровъ I ранга „Паллада“, „Діана“, „Баянъ“ и „Аскольдъ“.

Командиръ броненосца „Севастополь“, к. 2-го ранга фонъ-Эссенъ не согласился съ мнѣніемъ совѣщанія и записалъ свое, отдѣльное, не принятое во вниманіе и гласившее слѣдующее:

„Событія не ждутъ и терять драгоцѣнное время не слѣдуетъ. Если мы будемъ ждать готовности всѣхъ судовъ, то насъ забросаютъ минами, или закупорятъ въ Артурѣ и мы вовсе не выйдемъ. Надо выходить теперь же съ тѣми судами, которыя готовы. Остальныя же поторопятся тогда присоединиться къ намъ по готовности. Полагаю, даже выходъ неполной нашей эскадры повліяетъ на ходъ событій и задержитъ движеніе японской арміи“.

Препровождая протоколъ совѣщанія г.-л. Стесселю, Витгефтъ прибавлялъ, что флотъ по изготовленіи къ походу выйдетъ, несмотря на то, что ему придется выходить при такой обстановкѣ, при какой оказалась бы вся часть, принужденная идти въ атаку на развернутаго противника, стоящаго на хорошей позиціи,—„по дорожкѣ

---

[1]) 23 мая 1904 г. приходилось въ воскресенье. Выходъ флота предполагался такимъ образомъ между 23 и 29 мая.

12 верстъ, шириною на 4 человѣка, по бокамъ которой наложены фугасы".

Эскадра задерживалась неготовностію „Побѣды", а событія дѣйствительно не ждали.

Въ ночь 24 мая японцы еще разъ атаковали Артуръ заградителями. Одинъ изъ нихъ былъ взорванъ нашими миноносцами, остальные же успѣхи понаставить на рейдѣ множество минъ. До 26-го мая ихъ было выловлено и уничтожено до 50 штукъ и рейдъ все-таки остался не чистъ и не безопасенъ.

2 іюня к.-а. Витгефтъ телеграфировалъ намѣстнику: „разъ признана важность и необходимость выхода эскадры, хотя и съ рискомъ, выйду по готовности, уповая на Бога. Считаю долгомъ высказать, что безъ флота арміи не взять обратно Кинчжоу, почему я и не соглашался на немедленный выходъ эскадры, несмотря на заявленія военныхъ и заманчивость нанести ударъ японцамъ, что безусловно рискованно до очистки прохода". Трусъ.

Адмиралъ слишкомъ далеко загадывалъ впередъ о ходѣ военныхъ дѣйствій въ Маньчжуріи и готовился облегчить задачу Куропаткина, по его предположенію уже наступавшаго съ сѣвера. Но пока нашъ флотъ не былъ хозяиномъ ближайшихъ открытыхъ водъ, а японскій разгуливалъ свободно, выходъ изъ Портъ-Артура могъ быть закупоренъ и забросанъ минами и наша эскадра не была бы въ состояніи явиться на помощь сухопутнымъ войскамъ въ Кинчжоу въ критическій моментъ, если бы войска и прибыли.

Новое собраніе флагмановъ и командировъ рѣшило выйти эскадрѣ съ утреннею водою 9-го іюня, чтобы засвѣтло миновать опасную зону пространствомъ въ десять миль, забросанную японскими минами, имѣя тралъ впереди. „Побѣда" была исправлена и освободилась 8 іюня отъ кессона, но броненосецъ былъ вооруженъ лишь 4—10-дюймовыми, 2—6-д. и 10—75-м.м. На береговыхъ укрѣпленіяхъ оставлено было съ эскадры 19—6-дюймовыхъ ор., 23—75-м.м. и 53 болѣе мелкаго калибра. При этихъ орудіяхъ были оставлены на берегу морскіе офицеры и 600 человѣкъ нижнихъ чиновъ подъ командою к. 2 ранга Клюпфеля. Убыль же на судахъ была пополнена съ транспорта „Ангара" и съ другихъ мелкихъ судовъ и изъ Квантунскаго экипажа.

Очистка рейда и сборы затянулись до 9 іюня, при чемъ было уничтожено болѣе ста японскихъ минъ загражденія. Въ ночь на 10 іюня былъ высланъ въ море отрядъ изъ восьми лучшихъ миноносцевъ для крейсерства и охраны рейда въ разстояніи семи миль отъ японскихъ миноносцевъ. Ночью произошла горячая схватка между миноносцами, при чемъ были повреждены „Боевой" и „Вы-

носливый“ и ранены начальникъ отряда к. 2 ранга Елисѣевъ, минный лейтенантъ Смирновъ и два нижнихъ чина.

Въ четвергъ 10-го іюня, раннимъ утромъ, эскадра начала выходить на рейдъ и стала на якорь въ ожиданіи очистки дальнѣйшаго для нея пути тралами. Послѣдній разъ Портъ-Артуръ видѣлъ не только по наружности, но и въ самомъ дѣлѣ грозную эскадру, немного ослабленную артиллеріею. Но это все-таки была эскадра, способная внушать не безъ основанія страхъ японской. Здѣсь были „Цесаревичъ“, „Полтава“, „Севастополь“, „Пересвѣтъ“, „Побѣда“, „Ретвизанъ“, „Баянъ“, „Паллада“, „Діана“, „Аскольдъ“, „Новикъ“, „Всадникъ“, „Гайдамакъ“ и восемь исправныхъ миноносцевъ.

Это были цѣлые, прочно исправленные корабли, способные и готовые дорого отплатить непріятелю за всѣ его прежніе успѣхи и оскорбительное пиратское поведеніе 26 января и въ Чемульпо. Требовались лишь твердая рѣшимость адмирала, точно опредѣленный планъ дѣйствій, уясненный и усвоенный всѣми командирами. Побѣда на морѣ обѣщала или полную деблокаду Артура въ ближайшемъ будущемъ, или почетный миръ. Безъ флота Японія не могла бы усиливать, питать и снабжать дессантные корпуса, успѣшно воевавшіе въ Маньчжуріи. Безъ флота имъ оставался единственный путь отступленія—чрезъ Ялу въ Корею вплоть до Фузана. Наконецъ, если не побѣда, то значительный ущербъ японскому флоту, напримѣръ такой, какой былъ достигнутъ 2 мая постановкою минъ, былъ бы подготовкою свободнаго пути для Балтійскаго флота, лишилъ бы непріятеля самоувѣренности. Вышедшая изъ порта эскадра должна была немедленно стать на якорь потому, что обнаружено было, что японцы за ночь успѣли набросать множество минъ на фарватерѣ. Этому помогъ невольно и высланный наканунѣ нашъ отрядъ миноносцевъ. Съ батарей видѣли въ морѣ миноносцы, но не могли разстрѣливать ихъ, не будучи въ твердой увѣренности, свои они или японскіе. Надобно полагать, что молчаніемъ батарей и воспользовались японцы подъ покровомъ ночи. Въ этотъ разъ японцамъ помогли наши миноносцы, вопреки опыта 20-го апрѣля.

Въ 2 ч. по полудни эскадра, однако, снялась въ сопровожденіи семи миноносцевъ и двухъ минныхъ крейсеровъ. Въ погоню за понскими миноносцами, наблюдавшими за движеніями нашей эскадры, посланъ былъ „Новикъ“ съ миноносцами. Но эскадра не успѣла отойти отъ берега и 20 миль, какъ въ виду ея появился японскій флотъ.

Онъ шелъ четырьмя отрядами въ кильватерныхъ колоннахъ. Три отряда держались однимъ курсомъ съ нашею эскадрою, построившеюся также въ кильватеръ, четвертый же японскій отрядъ

направился въ обходъ нашихъ концевыхъ судовъ. Японцы имѣли: въ первомъ отрядѣ крейсеры 1 ранга „Якумо“ и „Токива“, крейсеры 2 ранга „Читозе“, „Такасаго“ и „Касаги“ и развѣдчикъ „Ніитака“, во второмъ отрядѣ—эскадренные броненосцы „Миказа“, „Шикишима“, „Асахи“ и „Фуджи“ и крейсеры „Нисинъ“ и „Касуга“, въ третьемъ—крейсеры 2-го и 3-го ранговъ „Нанива“ и „Чіода“, три малыхъ крейсера и пароходъ, въ четвертомъ отрядѣ были крейсеры „Итцукушима“, „Хашидате“, „Матцушима“ и „Идзуме“ (броненосные крейсеры 2 ранга). Кромѣ того, между вторымъ и третьимъ отрядами держался „Чинъ-Іенъ“ (китайскій броненосецъ, захваченный японцами въ 1900 году) и далеко въ сторонѣ отъ главныхъ японскихъ силъ шли два отряда изъ семнадцати и тринадцати миноносцевъ.

Витгефтъ въ своемъ донесеніи, сравнивая флоты, говоритъ, что у японцевъ было 130.000 тоннъ водоизмѣщенія и 370 орудій, у насъ же 100.000 [1]) тоннъ водоизмѣщенія и 300 орудій, считая въ томъ числѣ 75-м.м. Появленіе японскаго флота почти въ полномъ составѣ, очевидно намѣревавшагося преградить путь нашему, можетъ быть объяснено хорошо организованною службою японскихъ шпіоновъ въ Портъ-Артурѣ. Сборы эскадры къ выходу въ море, совѣщаніе по этому поводу флагмановъ и командировъ не могли оставаться въ секретѣ тѣмъ болѣе, что самый выходъ былъ актомъ, которому не сочувствовалъ почти весь составъ командующихъ (исключеніе конечно было). Планъ дѣйствій, по донесенію Витгефта, былъ такой: отойти отъ берега дальше въ море, чтобы избѣжать минныхъ атакъ, раннимъ же утромъ одиннадцатаго іюня возвратиться въ Печилійскій заливъ, разбить у Элліота японскій флотъ и возвратиться въ Артуръ. Но такъ какъ эскадра снялась окончательно только въ 2 часа дня и, перестраиваясь по „Цесаревичу“, въ 3 часа пошла въ море полнымъ (13-узловымъ) ходомъ, а японскій флотъ успѣлъ за это время собраться и миноносцы съ наступленіемъ ночи могли броситься со всѣхъ сторонъ въ атаку, Витгефтъ уже въ 7-мъ часу рѣшилъ повернуть обратно въ Портъ-Артуръ. Лишь только сѣло солнце, какъ японскіе миноносцы дѣйствительно бросились на отступавшую эскадру. Однако двѣ ихъ атаки были отражены, при чемъ три японскихъ миноносца были утоплены. Подходя къ якорному мѣсту, броненосецъ „Севастополь“ коснулся японской мины загражденія, произошелъ взрывъ, сдѣлавшій пробоину въ носу. Броненосецъ съ залитыми двумя отдѣленіями отъ этой пробоины дошелъ до Бѣлаго Волка, отстоялся тамъ въ теченіе ночи на якорѣ и утромъ

[1]) Дѣлая подсчетъ по Taschenbuch der Kriegsflotten, японцы имѣли 139.000 тоннъ, русскіе—103.000 т., за исключеніемъ миноносцевъ. „Чинъ-Іенъ“ въ 7.300 тоннъ, какъ тихоходъ, отсталъ бы отъ эскадры.

былъ введенъ въ бассейнъ. Для исправленія подъ него тотчасъ же стали подводить кессонъ „Ретвизана". Утромъ вблизи стоявшихъ на якорѣ судовъ было найдено 10 минъ Уайтхеда. Эскадра въ одну воду (это была сизигійная вода) успѣла войти въ бассейнъ, гдѣ ей суждено было нести аваріи уже съ японскихъ батарей осаждающей арміи генерала Ноги. *Въ телеграммѣ 22 іюня*, объясняющей намѣстнику причины возвращенія эскадры въ Артуръ, Витгефтъ говоритъ между прочимъ: „вышелъ не для показа, а согласно приказанія. Измѣнившіяся обстоятельства, чтобы избѣгнуть безполезной потери, требовали возвращенія. Послѣ ухода эскадры во Владивостокъ непріятель, выловивъ загражденіе, флотомъ и войсками взялъ бы въ ближайшій срокъ Артуръ, эскадру же, ослабленную еженощными атаками, съ поврежденными судами ни впередъ, ни назадъ безъ боя не пропустилъ бы. Для эскадры только два рѣшенія: или ей надобно совмѣстно съ войсками отстоять Артуръ до выручки, или погибнуть, такъ какъ моментъ выхода во Владивостокъ наступить можетъ только тогда, когда смерть одинаково будетъ сзади и спереди".

Витгефтъ былъ честный исполнительный воинъ, не боявшійся смерти, не заботившійся о сохраненіи собственной жизни во что бы то ни стало, но Витгефтъ былъ такимъ же морякомъ, воспитаннымъ и выученнымъ морскому дѣлу на берегу, какимъ былъ и весь личный составъ Портъ-Артурской эскадры, чьи мнѣнія, желанія и волю онъ выражалъ и отражалъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Служба и жизнь пріучили его, какъ пріучили нашихъ начальниковъ, рѣшеніе всѣхъ важныхъ вопросовъ возлагать на отвѣтственность коллегіи. Принципы же коллегіальности и большинства голосовъ не развиваютъ въ начальникахъ самостоятельности и смѣлости. А между тѣмъ въ борьбѣ съ такимъ адмираломъ, каковъ былъ японскій, самостоятельность, или, правильнѣе выражаясь, его безграничный военный деспотизмъ, оправдываемый безбоязненностью отвѣтственности, былъ необходимъ въ Портъ-Артурѣ болѣе, нежели гдѣ-либо. Противникъ Витгефта не былъ геніемъ, подобно Нельсону, но еще въ 1894 г., будучи только штабъ-офицеромъ, доказалъ своей родинѣ, что въ критическую минуту онъ рѣшится вызвать на бой западно-европейскія государства подъ личнымъ страхомъ и отвѣтственностью, не совѣтуясь съ профессорами международнаго права и ихъ книжками.

Въ 1894 году адмиралъ Того, въ чинѣ капитана I ранга командуя крейсеромъ „Нанива", слѣдилъ за движеніемъ китайскаго флота въ Печилійскомъ заливѣ. Война изъ-за Кореи еще не была объявлена, но ожидалась со дня на день. Китайское правительство торопилось доставить дессантъ въ Корею.

25 іюля командиръ „Нанивы“ встрѣтилъ, наконецъ, два китайскіе крейсера, конвоировавшіе громадный пароходъ подъ англійскимъ флагомъ.

Китайскіе крейсеры „Чи-юенъ“ и „Квангъ-і“ открыли огонь по „Нанивѣ“, но, получивъ отпоръ, полнымъ ходомъ скрылись съ мѣста сраженія. Того не преслѣдовалъ ихъ, замѣтивъ военныхъ китайцевъ, переполнившихъ пароходъ, смѣло и безъ малѣйшихъ опасеній торопившійся усилить Китай въ Кореѣ. На сигналъ „Нанивы“ остановиться, пароходъ не обратилъ вниманія. Тогда Того, по свидѣтельству его подчиненныхъ, закрылъ глаза *и задумался на двѣ минуты*. Затѣмъ онъ твердымъ, не дозволявшимъ ни малѣйшихъ колебаній голосомъ приказалъ открыть огонь по англійскому пароходу и утопилъ его въ нѣсколько минутъ съ дессантомъ. Это былъ пароходъ „Коушингъ“.

Буря поднялась въ Англіи. Парламентъ, биржи, университеты протестовали противъ насилія, оскорбленія флага, варварства и т. д. Но буря улеглась, профессора Холландъ и Вестлекъ даже нашли оправданіе поступку Того.

Но если бы онъ созвалъ совѣщаніе на „Нанивѣ“, пригласивъ своихъ офицеровъ и командировъ другихъ крейсеровъ, плававшихъ въ Печилійскомъ заливѣ, „Коушигъ“ вѣроятно еще не разъ бы сдѣлалъ переходъ изъ Чифу въ Чемульпо.

V.

Villeneuve

Вильневъ вышелъ изъ Кадикса съ соединеннымъ французско-испанскимъ флотомъ, узнавъ о скоромъ прибытіи адмирала Розили, посланнаго ему на смѣну. Кадиксъ не былъ осажденъ съ материка и не былъ даже заблокированъ съ моря 19 октября 1805 г. и на смѣну Вильневу, медлившему исполнить приказаніе Наполеона I, можно было изъ Парижа прислать цѣлую дюжину адмираловъ.

Совершенно иначе обстояло дѣло въ осажденномъ и заблокированномъ Портъ-Артурѣ.

Получивъ извѣстіе о возвращеніи эскадры, намѣстникъ послалъ черезъ Инкоу на миноносцѣ „Лейтенантъ Бураковъ“ не новаго флотоводца, менѣе Витгефта осторожнаго, а только категорическое предписаніе:

1) Немедленно изготовить суда къ выходу въ море, принявъ по всѣмъ частямъ полные запасы и поддерживая корабли въ постоянной готовности.

2) Въ соотвѣтствіи съ обстоятельствами оказывать всѣми ввѣренными Витгефту судами возможное содѣйствіе въ оборонѣ Портъ-

Артура, которое должно выражаться въ активныхъ дѣйствіяхъ эскадры или отдѣльныхъ ея частей.

3) Имѣть въ виду, что эскадрѣ можно оставаться въ Артурѣ лишь до того времени, пока она въ немъ въ безопасности.

4) Въ противномъ случаѣ, несмотря на исправленіе броненосца „Севастополь“, надлежитъ заблаговременно выйти въ море и, не вступая въ бой, если окажется это возможнымъ, проложить себѣ путь во Владивостокъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ намѣстникъ, отлично предвидѣвшій сопротивленіе японцевъ на морѣ, предлагалъ усилить артиллерію „Побѣды“, возвративъ три ея 6-дюймовыя пушки, сданныя на береговыя батареи, ускорить исправленіе „Севастополя“ и тщательно охранять выходъ изъ Портъ-Артура въ открытое море.

Съ тѣмъ же миноносцемъ Витгефтъ получилъ и высочайшее повелѣніе, заключавшееся въ томъ, чтобы онъ, пополнивъ запасы по изготовленіи „Севастополя“, вышелъ изъ Артура съ эскадрою во Владивостокъ, подчинивъ всѣ суда, оставленныя въ Портъ-Артурѣ, контръ-адм. Лощинскому.

Со дня полученія этого предписанія въ Портъ-Артурѣ начался послѣдній актъ морской трагедіи. Собранное совѣщаніе флагмановъ и командировъ, за исключеніемъ двухъ, высказалось за невозможность выхода въ море. Совѣщаніе было твердо убѣждено въ громадной пользѣ для крѣпости флота, съ помощью котораго ее возможно было отстоять и въ ней выждать прибытія эскадры Рожественскаго, ожидавшейся въ октябрѣ. Собравшіеся постановили отстоять Артуръ или погибнуть вмѣстѣ съ крѣпостью.

Передъ такимъ рѣшеніемъ нельзя не задуматься. Въ храбрости и презрѣніи къ смерти, принимавшихъ участіе въ совѣщаніи, едва-ли кто могъ бы усумниться. Всѣ они готовы были беззавѣтно и честно исполнить свой долгъ. Но высшимъ призваніемъ своимъ въ эту несчастную войну, исходъ которой всецѣло зависѣлъ отъ флота, считали своимъ прямымъ назначеніемъ защиту и сохраненіе крѣпости, отраженіе осаждающихъ съ суши, а не смертный бой съ непріятельскимъ флотомъ, не уничтоженіе его кораблей, хотя бы за счетъ гибели своихъ собственныхъ.

Извѣстіе о такомъ рѣшеніи, посланное изъ Портъ-Артура 22 іюня, прибыло въ Мукденъ только 26 іюня и вызвало новое предписаніе намѣстника. „Телеграмму 22 іюня получилъ“—телеграф[illegible]
„Высказанное въ ней ваше мнѣніе о существов[illegible]
только двухъ рѣшеній: отстоять Артуръ ил[illegible]
крѣпостью, настолько не соотвѣтствуетъ [illegible]
назначенію ввѣренныхъ вамъ силъ, чт[illegible]

эскадры во Владивостокъ я обязанъ предложить совѣту флагмановъ и капитановъ при участіи командира порта (контръ-адм. Григоровича). Рѣшеніе совѣта въ краткихъ и опредѣленныхъ словахъ немедленно прислать мнѣ всѣми возможными путями".

Предвидя однако нерѣшительность самого Витгефта и его боязнь отвѣтственности за возможныя неудачи, намѣстникъ пытался замѣнить его другимъ адмираломъ, сознавая, что Портъ-Артурской эскадрѣ недоставало самаго главнаго,—флотоводца, отчетливо понимающаго въ этотъ критическій моментъ войны все громадное и первостепенное значеніе морской вооруженной силы. Недоставало флотоводца, который бы только выслушивалъ мнѣнія совѣщавшихся и предоставлялъ бы рѣшеніе чрезвычайно важнаго вопроса личному усмотрѣнію, который бы гипнотизировалъ членовъ коллегіи.

Куда можно было обратиться за такимъ флотоводцемъ? Естественно и ближе всего во Владивостокъ. Къ сожалѣнію, отвѣтъ оттуда былъ полученъ неблагопріятный и мысль о смѣнѣ временно командующаго была отмѣнена.

Витгефтъ же во исполненіе предписанія намѣстника собралъ совѣтъ изъ флагмановъ и командировъ 15 іюля. Постановленіе этого совѣщанія получено было въ Мукденѣ 17 іюля [1]).

Въ общихъ чертахъ оно заключало въ себѣ предыдущія рѣшенія: цѣлесообразнѣе флоту защищать Портъ-Артуръ, стоя въ немъ, слишкомъ рискованно и опасно выходить въ море—утверждали флагманы и командиры.

Намѣстникъ не былъ согласенъ съ такимъ рѣшеніемъ начальствующихъ лицъ эскадры, о чемъ 18 іюля и сообщилъ Витгефту, прибавляя, что „протоколъ собранія флагмановъ и капитановъ представленъ на благовоззрѣніе Государя съ его, намѣстника, заключеніемъ".

Критическій моментъ наступилъ, и въ исходѣ его, какъ розни въ духовномъ элементѣ, нельзя было уже болѣе сомнѣваться. Цѣлая военская часть, лишенная вѣры въ свою силу, мыслящая совершенно иначе о своемъ назначеніи, чѣмъ она была въ дѣйствительности, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ войны, должна была погибнуть безслав[illegible] [illegible]полезно для воюющей стороны, своевременно не пр[illegible] [illegible]ѣръ къ развитію духовнаго элемента въ [illegible] [illegible]ченосецъ можно построить въ годъ или въ [illegible] [illegible]кадру по морямъ и сражаться могутъ [illegible] [illegible]и лѣтъ.

[illegible] іюля я приведу ниже. Покаже скажу [illegible]са двое: к.-а. Матусевичъ и к. 1 р. фонъ-

20 іюля намѣстникъ короткою телеграммою сообщилъ Витгефту о результатахъ своего доклада Государю:

„На представленный протоколъ собранія флагмановъ и капитановъ отъ 15 іюля Его Императорское Величество соизволилъ слѣдующимъ отвѣтомъ: „Вполнѣ раздѣляю ваше (т. е. намѣстника) мнѣніе о важности скорѣйшаго выхода эскадры изъ Артура и прорыва во Владивостокъ" г.-а. Алексѣевъ.

Передавая это, намѣстникъ еще разъ подтверждалъ свое неизмѣнное приказаніе отъ 18 іюня, изложенное въ началѣ главы и посланное на миноносцѣ „Лейтенантъ Бураковъ".

Не дождавшись отвѣта на свое донесеніе съ приложеніемъ протокола совѣщанія 15 іюля, к.-а. Витгефтъ 17 іюля вторично высказалъ взгляды флота на свою задачу въ Портъ-Артурѣ нижеслѣдующею телеграммою:

„Выхода эскадрѣ нѣтъ, рейдъ забросанъ во время тумановъ по ночамъ съ многочисленныхъ миноносцевъ и заградителей минами, особенно дрейфующими. Выловить ихъ нѣтъ силъ, что доказалъ взрывъ „Баяна" на самомъ рейдѣ. Передъ Артуромъ пять броненосцевъ, четыре броненосныхъ крейсера, десять крейсеровъ, сорокъ восемь миноносцевъ съ 390 орудіями противъ нашихъ пяти броненосцевъ, четырехъ крейсеровъ, семи миноносцевъ съ 223 орудіями. Помолившись и обсудивъ положеніе, рѣшили окончательно эскадрой или выдержать осаду, или погибнуть, защищая Артуръ. Непріятель подошелъ, наши войска отступили до фортовъ. Все время туманы. Началъ перекидную стрѣльбу по берегу".

Мы теперь уже знаемъ, что японскій флотъ въ это время насчитывалъ лишь четыре первоклассныхъ броненосца, такъ какъ 2-го мая потерялъ изъ имѣвшихся шести два лучшихъ: „Хатсусе" и „Яшимо". Пятый броненосецъ „Чинъ-Іенъ" имѣлъ наибольшій ходъ 10½ узловъ, не позволявшихъ ему гнаться за нашею эскадрою, если бы она пошла своимъ наибольшимъ ходомъ изъ Артура во Владивостокъ. Но на глазахъ нашихъ флагмановъ японская эскадра увеличивалась по мѣрѣ того, какъ наша уменьшалась безполезно для дѣла отъ невидимаго врага—набросанныхъ минъ загражденія на рейдѣ или, такъ сказать, въ ихъ собственномъ домѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, „Севастополь" вышелъ изъ строя 10 іюня, возвращаясь съ эскадрою, а крейсеръ „Баянъ" 14 іюля на рейдѣ наткнулся на японскую мину, взрывомъ которой были затоплены кочегарное отдѣленіе и угольная яма. Крейсеръ самъ вошелъ въ гавань, но активной службы уже долго не могъ нести въ будущемъ. Эскадра такимъ образомъ таяла на глазахъ Витгефта. Лишаясь матеріальной силы съ утратою каждой новой боевой единицы, онъ

терялъ бодрость духа, самоувѣренность и надежду одолѣть японцевъ на морѣ. Оставалось сопротивляться на сушѣ и въ ближайшихъ заливахъ, и это дѣлалось. Ежедневно нѣкоторые крейсеры и миноносцы, а по временамъ и броненосцы выходили для обстрѣливанія лѣваго японскаго фланга изъ бухты Тахэ. 26 іюня Витгефтъ послалъ въ заливъ Сикоу цѣлый отрядъ изъ „Полтавы", „Баяна", „Паллады", „Діаны", „Новика", трехъ лодокъ и миноносцевъ. Этотъ отрядъ столкнулся съ японскимъ, состоявшимъ изъ крейсеровъ „Хашидате", „Итцукушимы", „Хайенъ", „Сайенъ", трехъ малыхъ крейсеровъ и 16 миноносцевъ. Японцы послѣ перестрѣлки принуждены были отступить. 13-го іюля наши крейсеры снова вышли изъ порта и, встрѣтивъ японскій отрядъ изъ крейсеровъ и броненосца „Чинъ-Іенъ", принудили его удалиться въ море, причинивъ поврежденія крейсеру „Итцукушима". Крейсеръ „Чіода" въ томъ же дѣлѣ наткнулся на мину и скрылся въ Таліенванѣ.

14 іюля были высланы крейсеры: „Баянъ", „Паллада", „Аскольдъ", „Новикъ"; броненосецъ „Ретвизанъ"; лодки: „Отважный", „Гремящій" и „Гилякъ" и 12 миноносцевъ для обстрѣливанія позицій противъ Лунвантаня. Этотъ отрядъ дѣйствовалъ успѣшно съ утра до 3-хъ часовъ по полудни. Неудачно только, какъ сказано выше, возвратился крейсеръ „Баянъ". Телеграмма Витгефта отъ 17-го іюля была получена въ Мукденѣ 25-го и вызвала еще разъ подтвержденіе намѣстника все того же категорическаго приказанія: — *„Оставить Портъ-Артуръ"*. Она гласила слѣдующее: „Вновь подверждаю къ неуклонному исполненію приказанія вывести эскадру изъ Артура. Напоминаю вамъ и всѣмъ начальствующимъ лицамъ подвигъ „Варяга". Невыходъ эскадры въ море, вопреки высочайшей волѣ и моимъ приказаніямъ, и гибель ея въ гавани въ случаѣ паденія крѣпости, кромѣ тяжелой отвѣтственности передъ закономъ, лягутъ неизгладимымъ пятномъ на Андреевскій флагъ и честь родного флота. Настоящую телеграмму сдѣлать извѣстною всѣмъ адмираламъ и командирамъ и донести о ея полученіи".

И дѣйствительно, эскадрѣ грозила неминуемая гибель. Осаждающіе къ 25 іюля успѣли установить свою артиллерію на западныхъ высотахъ Волчьихъ горъ и въ десять съ половиной час. утра начали бомбардировку Артура, поражая по преимуществу внутренній бассейнъ и узкій выходъ на рейдъ. Вѣтра не было, и потому воздушные змѣи бездѣйствовали, воздушный же шаръ не былъ готовъ. Это лишало возможности опредѣлить мѣста хорошо замаскированныхъ японскихъ батарей. Тѣмъ не менѣе наблюдательные посты на Полуншанѣ, на Сироткѣ, на фортѣ № 3 и на Орлиномъ гнѣздѣ опредѣлили мѣста нѣкоторыхъ батарей и заставили ихъ замолчать по-

рекидною стрѣльбою съ судовъ и огнемъ сухопутной артиллеріи [1]). Но все-таки непріятель успѣлъ выпустить въ этотъ день около 100 снарядовъ. Два изъ нихъ попали въ „Цесаревичъ", при чемъ на послѣднемъ была разрушена телефонная станція, убитъ телефонистъ и легко ранены Витгефтъ и старшій офицеръ броненосца. Непріятель стрѣлялъ, повидимому, только изъ 120-м.м. орудій мелинитовыми и пироксилиновыми снарядами. Бомбардировка окончилась съ заходомъ солнца.

Здѣсь нельзя не припомнить, что одна изъ существенныхъ и необходимыхъ принадлежностей крѣпости—воздушный шаръ былъ отправленъ изъ Петербурга въ Портъ-Артуръ на одномъ изъ пароходовъ компаніи, пользовавшейся русскимъ флагомъ и всѣми выгодами и преимуществами, ему предоставляемыми. Но компанія только номинально числилась русскою и иностранцу-шкиперу парохода, нагруженнаго всевозможными воинскими запасами для Артура, мало было заботы до нуждъ русской крѣпости и до снабженія ея наканунѣ войны. На послѣднемъ перегонѣ между Шанхаемъ и Артуромъ этотъ пароходъ въ первый же день начала войны съ Японіею наткнулся на эскадру адмирала Того и вмѣсто русской крѣпости снабдилъ военными запасами японскую.

Подобные случаи бывали и прежде, будутъ и еще не разъ повторяться до тѣхъ поръ, пока мы не выйдемъ изъ дѣтскаго возраста и не усвоимъ себѣ разницы между наемниками, служащими Россіи какъ чуждой странѣ, расточающей золото безъ всякаго толку, и русскими гражданами, связанными съ нею кровными узами любви и сознаніемъ долга. Намъ продавали за баснословно дорогую цѣну негодные, отслужившіе свою службу пароходы, снабжая ихъ свидѣтельствами перваго класса для крейсерской службы, для воздухоплавательнаго парка и для перевозокъ казенныхъ грузовъ. „Князь Бисмаркъ", „Ланъ", „Кубань" и проч., купленные въ критическое время войны, какъ необходимый и полезный факторъ ея, оказались совершенно ни къ чему непригодными. И этотъ дорого обошедшійся и уже не разъ повторявшійся урокъ долженъ убѣдить насъ, что нельзя и опасно имѣть морское побережье и отдаленныя приморскія колоніи, не обслуживаемыя *торговымъ флотомъ своимъ*, исключительно русскимъ, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ подставные, дешево покупаемые, съ грошевою совѣстью люди, готовые прикрывать иностранное пароходство русскимъ флагомъ, дающимъ

---

[1]) Заслуга флагманскаго артиллерійскаго офицера, л. Кѣтлинскаго по оборудованію перекидной стрѣльбы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остается неоцѣненною по достоинству.

въ мирное время большія выгоды, всегда найдутся. Только совершенно точные законы о флагѣ, строгое исполненіе ихъ и внимательное отношеніе къ отечественному мореходному промыслу избавятъ нашу родину отъ разорительныхъ и безполезныхъ затратъ въ военное время на средства и возможность обслуживанія транспортныхъ надобностей на моряхъ. Въ мирное время мы затрудняемся расходовать рубли на срочные рейсы и пароходы, а въ военное расплачиваемся десятками милліоновъ и несемъ страшные убытки.

26 іюля по просьбѣ коменданта Портъ-Артура отрядъ судовъ изъ лодокъ „Бобръ“ и „Гремящій“, крейсера „Новикъ“ и миноносцевъ „Безшумный“, „Безстрашный“, „Бдительный“, „Грозовой“, „Выносливый“, „Бойкій“, „Безпощадный“ и „Властный“ вышли въ Тахэ для обстрѣливанія непріятельскихъ войскъ, занимавшихъ склоны Дагушаня. Отряду удалось остановить дальнѣйшее наступленіе японцевъ, а въ 2 часа по полудни онъ возвратился въ Артуръ. Непріятельскія береговыя батареи, въ свою очередь, начавъ раннимъ утромъ бомбардировку порта, надѣлали много вреда ему. Нѣсколько разъ загорался запасъ угля и сгорѣлъ масляный складъ. Къ счастью, огонь непріятеля, направленный на пороховые склады, не причинилъ имъ вреда.

Броненосцы, стоявшіе въ бассейнѣ и готовившіеся къ выходу въ море, умѣряли зло, причиняемое японскимъ огнемъ, энергично дѣйствуя въ свою очередь перекидною стрѣльбою. Японцамъ, однако, удалось взять Дагушань вечеромъ 26 іюля. Опасность для флота съ этого момента увеличилась.

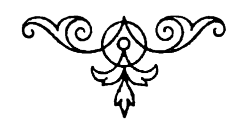
27 іюля, раннимъ утромъ, непріятель началъ бомбардировку порта, мѣтко поражая суда, стоявшія на рейдѣ, корректируя стрѣльбу съ Волчьихъ горъ, откуда весь рейдъ былъ виденъ совершенно ясно.

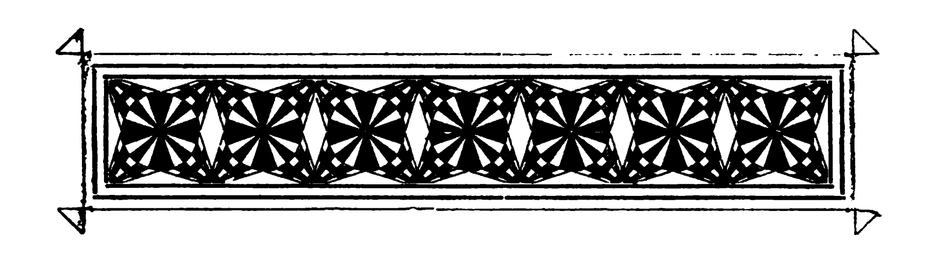
Два снаряда попали въ „Пересвѣтъ“, не причинивъ ему вреда. Одинъ изъ снарядовъ разбилъ кранъ, ставившій на этотъ броненосецъ 6-ти дюймовыя пушки, снятыя съ „Баяна“, и утопилъ баржу съ ними. Но броненосецъ „Ретвизанъ“ въ этотъ день пострадалъ значительно отъ непріятельскихъ снарядовъ. Въ него попало семь снарядовъ. Однимъ легко ранило командира (кап. 1 ранга Щенсновича) въ голову и нѣсколько нижнихъ чиновъ, другимъ, разорвавшимся въ казематѣ 6-ти дюймовыхъ орудій, убило трехъ человѣкъ, не повредивъ однако самихъ орудій. Главное же зло броненосцу надѣлалъ снарядъ, попавшій въ подводную часть и сдѣлавшій въ ней, на глубинѣ семи футъ, пробоину въ двадцать три квадратныхъ фута. Отъ этой пробоины броненосецъ принялъ 400 тоннъ воды, что̀ не могло не повліять на его качества, когда онѣ были столь драгоцѣнными въ виду попытки прорваться во Владивостокъ. Отстрѣ-

ливаясь, принимая уголь, устанавливая недостающія орудія и исправляя ежеминутно причиняемыя японскими батареями поврежденія, эскадра энергично готовилась къ выходу въ море, предпринять который к.-а. Виттефтъ наконецъ рѣшилъ на 28 іюля. Принявъ однако обратно все, что возможно было, не ослабляя береговыхъ батарей и снявъ пушки съ судовъ, оставляемыхъ по различнымъ причинамъ въ Артурѣ, на эскадрѣ к.-а. Витгефта недоставало 1 ор.— 12-дюймоваго, 10—6-дм. и 12—75-м.м.

А. Бѣломоръ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Марина Мнишекъ и второй самозванецъ [1].

III.

Происки враговъ Шуйскаго.—Иванъ Болотниковъ.—Петрашко.—Побѣды, одержанныя Шуйскимъ.—Появленіе второго самозванца.—Дѣятельность его сторонниковъ.—Начало военныхъ дѣйствій.

Въ то время какъ все вышеописанное происходило въ Самборѣ, въ Московскомъ государствѣ начиналось мятежное движеніе противъ Василія Шуйскаго, во главѣ котораго сталъ кн. Григорій Шаховской и воевода Иванъ Болотниковъ. Послѣдній, благодаря своимъ недюжиннымъ способностямъ, игралъ важную роль въ мятежномъ войскѣ.

По происхожденію холопъ князя Телятевскаго, онъ былъ въ юности взятъ въ плѣнъ татарами и проданъ ими туркамъ въ Константинополь, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ суровой неволѣ, работая въ оковахъ на галерахъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ освобожденъ христіанами и не вернулся на родину.

Находясь въ Польшѣ, онъ услыхалъ о событіяхъ, происшедшихъ въ Москвѣ, и о томъ, что его законный монархъ проживалъ изгнанникомъ въ домѣ сендомирскаго воеводы. Тогда онъ поспѣшилъ въ Самборъ, гдѣ его принялъ Молчановъ, разыгравшій роль убитаго Димитрія, и приказалъ ему отправиться въ Путивль, къ воеводѣ кн. Шаховскому.

Кромѣ этихъ лицъ, по свидѣтельству современниковъ-поляковъ, важную роль въ событіяхъ играли князь Василій Масальскій, Истома Пашковъ и нѣкто Кохановскій.

Этотъ послѣдній былъ однимъ изъ тѣхъ польскихъ авантюристовъ, которые издавна проживали въ Москвѣ. Онъ прибылъ ко двору Годунова и „передался ему“, какъ тогда говорили, одновременно съ

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1907 г.

литовскимъ канцлеромъ Львомъ Сапѣгою. Шуйскій назначилъ его воеводою, Кохановскій предпочелъ примкнуть къ его врагамъ, вѣроятно въ надеждѣ получить отъ нихъ болѣе щедрую награду:

Врагамъ Шуйскаго удалось собрать огромное войско, которое они повели въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1606 г. на Москву. Первая битва должна была произойти подъ Кромами, но царское войско, при приближеніи мятежниковъ, разбѣжалось и Болотниковъ подошелъ къ самой столицѣ. Но тутъ счастье измѣнило ему. Одержавъ въ первой стычкѣ побѣду, онъ былъ вслѣдъ затѣмъ разбитъ на-голову, вслѣдствіе измѣны одного изъ главныхъ предводителей его войска Пашкова и бѣжалъ въ Калугу.

Это пораженіе нанесло чувствительный ударъ мятежникамъ... Осуществленію ихъ замысловъ мѣшало также то обстоятельство, что Димитрій, о спасеніи котораго такъ усердно возвѣщали Шаховской и Болотниковъ, все еще не появлялся.

Тѣмъ временемъ объявился еще одинъ самозванецъ, выдававшій себя за племянника Димитрія, Петра, сына царя Ѳеодора Іоанновича. Его звали, на самомъ дѣлѣ Илейко (Илья); онъ былъ родомъ изъ Мурома. Этотъ новый „царевичъ“ появился у казаковъ на берегу Терека, еще при жизни перваго самозванца, который велѣлъ ему пріѣхать въ Москву. Петрашка, какъ называютъ обыкновенно этого самозванца, отправился въ столицу; но по пути до него дошла вѣсть отъ убіеніи Димитрія; тогда онъ повернулъ обратно, но, получивъ письмо отъ Шаховского, который просилъ его какъ можно скорѣе пріѣхать въ Путивль, онъ явился туда, ведя съ собою четырехтысячное казацкое войско.

Врагамъ Шуйскаго хотѣлось, чтобы въ Польшѣ пошелъ слухъ о существованіи этого царевича. Съ этой цѣлью онъ былъ отправленъ въ исходѣ 1606 г., подъ охраною двухъ поляковъ—Зеновича и Сенкевича, въ Оршу.

Послѣдніе разсказывали впослѣдствіи, будто они узнали о томъ, кто такой былъ ихъ спутникъ, совершенно случайно, а именно, будто, остановясь по пути изъ Могилева въ Оршу въ селѣ Романовѣ, они застали его въ этомъ селеніи, гдѣ онъ скрывался у одного крестьянина, взяли его съ собою въ Оршу, привели къ старостѣ Андрею Сапѣгѣ, которому Петрашко разсказалъ, какъ и прочимъ о своемъ происхожденіи, о томъ, какъ его мать Ирина, желая уберечь его отъ замысловъ Годунова, отдала его на воспитаніе одной женщинѣ въ селѣ Братошинѣ, какъ онъ скрывался позднѣе у одного стрѣльца въ Астрахани и какъ по смерти Бориса, узнавъ о томъ, что на престолъ вступилъ его дядя, онъ отправился къ нему въ

Москву, а въ описываемое время, въ исходѣ 1606 года, полагая, что ему удастся разыскать его въ Польшѣ, пробирался туда.

Сапѣга записалъ всѣ эти розсказни и сообщилъ ихъ Сигизмунду. Онъ хотѣлъ и самого Петрашку отправить къ королевскому двору, но сопровождавшіе его люди уклонились отъ этого и вскорѣ отбыли со своимъ „царевичемъ" изъ Орши. Между тѣмъ царскіе воеводы всю зиму осаждали Калугу, гдѣ засѣлъ Болотниковъ; осажденные терпѣли большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, но защищались храбро.

Подъ весну, когда тридцатитысячное войско подъ командою Петрашки и Шаховского подошло къ Тулѣ, часть его была послана въ Калугу и освободила Болотникова.

Въ это время Тула сдѣлалась центромъ мятежнаго движенія туда стекались съ разныхъ концовъ сторонники Димитрія, и къ нимъ все время подходили свѣжія силы.

Шуйскій, со своей стороны, сосредоточилъ огромное войско близъ Каширы и далъ мятежникамъ сраженіе, въ которомъ счастье оказалось на его сторонѣ. Мятежники понесли такое страшное пораженіе, что только остаткамъ изъ войска удалось спастись въ Тулу. Тутъ они были въ скоромъ времени окружены со всѣхъ сторонъ царскими войсками и, хотя держались еще довольно долго, но 20 октября были вынуждены сдаться, когда осаждающіе отвели теченіе р. Упы и городъ едва не былъ затопленъ.

Воспользовавшись побѣдой, Шуйскій жестоко отомстилъ своимъ врагамъ: тысячи „воровъ" (такъ называли въ то время мятежниковъ и измѣнниковъ) были обречены на казнь, Петрашко [1]) былъ повѣшенъ въ Москвѣ, а Болотниковъ, въ апрѣлѣ слѣдующаго года, сосланъ на пожизненное заточеніе въ Каргополь. Шуйскій полагалъ, что со взятіемъ Тулы имъ одержана надъ врагами рѣшительная побѣда и они ему болѣе не опасны; между тѣмъ въ іюлѣ (1607 г.) появился въ Стародубѣ давно жданный Димитрій.

Происхожденіе и предыдущая жизнь второго самозванца покрыты до сихъ поръ мракомъ неизвѣстности; хотя въ запискахъ современ-

---

[1]) Проф. Платоновъ говоритъ въ своихъ «Очеркахъ по исторіи смуты» (стр. 608), что было два самозванца, выдававшихъ себя за Петра, сына царя Θеодора Іоанновича, и что второго изъ нихъ называли Медвѣдко. Но изъ письма Станислава Куровскаго, писаннаго изъ Брянска 30 ноября 1607 г., оказывается, что это была одна и та же личность. Въ томъ же письмѣ находимъ однако извѣстіе, что въ то время въ лагерѣ Димитрія дѣйствительно появился еще одинъ самозванецъ, который выдавалъ себя за сына послѣдняго потомка Мономаха, но называлъ себя не Петромъ, а Θеодоромъ Θеодоровичемъ. *Прим. автора.*

никовъ сообщаются различныя данныя о его жизни, но они не могутъ быть провѣрены и потому не могутъ считаться достовѣрными. Несомнѣнно одно,—что новый претендентъ на Московскій престолъ не доросъ до той трудной роли, которую онъ взялъ на себя, и не обладалъ ни талантами, ни сознаніемъ величія своего монаршаго сана, чѣмъ былъ такъ богато одаренъ первый самозванецъ. Мартинъ Страдницкій, Мацкевичъ и прочіе поляки говорятъ единодушно, что это былъ человѣкъ „грубаго, непріятнаго нрава“ и по наружности „очень мало походилъ на покойнаго Димитрія“.

Вскорѣ послѣ его появленія въ Стародубѣ, туда пріѣхалъ полякъ Михаилъ Мѣховецкій, который „былъ довольно близокъ къ покойному Димитрію“ и прекрасно „зналъ всѣ его привычки и его прошлое“; онъ такъ хорошо обучилъ новаго самозванца, что послѣднему удавалось вводить въ заблужденіе даже бывшихъ товарищей Димитрія, состоявшихъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ.

Любопытныя подробности сообщаетъ по этому поводу Николай Мархоцкій [1]). Онъ разсказываетъ, что въ войскѣ второго самозванца находился одинъ бернардинскій монахъ, который хорошо зналъ Димитрія и по его словамъ даже „жилъ въ Самборѣ въ одной съ нимъ кельѣ“. Этотъ монахъ очень долго говорилъ, что война, которую вели съ Шуйскимъ, была „несправедлива“, такъ какъ новый претендентъ на царскій престолъ былъ вовсе не Димитрій, коронованный въ Кремлѣ. Но, когда онъ, однажды, побесѣдовалъ съ нимъ, то самозванецъ такъ обошелъ его, что монахъ совершенно повѣрилъ тому, что „это именно и былъ Димитрій, а не кто иной“.

По словамъ того же Мархоцкаго, новому самозванцу долго не довѣрялъ Тронбчевскій, совершившій вмѣстѣ съ Димитріемъ походъ на Москву. Онъ рѣшилъ, наконецъ, убѣдиться въ подлинности его личности и съ этой цѣлью однажды, въ разговорѣ съ нимъ, „сталъ вспоминать его первое сраженіе“, и,—какъ передаетъ Мархоцкій, „говорилъ все навыворотъ, не такъ, какъ было дѣло. Царь то и дѣло поправлялъ его“, и разсказывалъ все такъ, какъ было въ дѣйствительности. „Провѣривъ его такимъ образомъ нѣсколько разъ, Тронбчевскій былъ очень удивленъ и сказалъ:

„Милосердый царь! признаюсь тебѣ, здѣсь былъ въ войскѣ одинъ человѣкъ, котораго никакъ нельзя было увѣрить, что ты доподлинный царь, но теперь Духъ Святой осіялъ его и онъ вѣритъ, что ты тотъ самый“.

Тому подобными фокусами удалось убѣдить легковѣрныхъ людей

---

[1]) Mikołaj Marchocki, Historya wojny moskiewskiej (Poznan 1841).

въ томъ, что новый самозванецъ былъ именно тотъ самый московскій „царевичъ“, который появился въ Польшѣ въ 1603 г.

12 іюня 1607 г. новый самозванецъ прибылъ въ Стародубъ, но назвался сперва дядей царя, Андреемъ Нагимъ. Изъ Стародуба онъ разослалъ довѣренныхъ людей въ Сѣверскую Украйну съ увѣдомленіемъ, что царь Димитрій живъ и находится въ Стародубѣ. Когда эта вѣсть разнеслась, въ Стародубъ съѣхалось большое число бояръ, съ цѣлью удостовѣриться въ справедливости слуха. Сначала Димитрій не назвалъ имъ себя, но когда бояре, чтобы вывѣдать истину, рѣшили пытать его, самозванецъ, по словамъ Мархоцкаго, схватилъ палку и крикнулъ съ запальчивостью.

— Ахъ вы с.... дѣти, не узнаете меня? Я вашъ государь!

Его смѣлость заставила ихъ присмирѣть, и они тутъ же признали его истиннымъ царемъ; съ тѣхъ поръ онъ уже открыто называлъ себя таковымъ.

Всѣ старанія новаго самозванца и его приверженцевъ были направлены къ тому, чтобы какъ можно скорѣе собрать войско въ Польшѣ, такъ какъ на мѣстѣ не удалось набрать значительныхъ силъ. Въ половинѣ іюля Димитрій разослалъ по Литвѣ множество писемъ, въ которыхъ призывалъ всѣхъ „собираться въ славную Стародубскую крѣпость, послужить намъ, великому государю Димитрію Ивановичу, вмѣстѣ съ солдатами, казаками и со всѣмъ военнымъ людомъ и итти противъ нашихъ враговъ“, за что онъ обѣщалъ „пожаловать“ всѣхъ.

Особенно энергично помогали самозванцу Тышкевичъ и Николай Чарминскій; они не только увѣряли своихъ, что этотъ новый претендентъ былъ настоящій Димитрій, тотъ самый, который нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ жилъ въ Польшѣ, но всячески восхваляли его.

Ихъ старанія увѣнчались успѣхомъ. Вскорѣ войско самозванца значительно увеличилось. Однимъ изъ первыхъ явился въ Стародубъ „мозырскій хорунжій, Будзило“, который оставилъ весьма любопытный дневникъ. Въ концѣ октября Самуилъ Тышкевичъ привелъ 700 гусаръ и 200 чел. пѣхоты, вслѣдъ за нимъ пришелъ Валавскій съ 500 конницы и 400 пѣхоты. Въ декабрѣ пріѣхали Велоглавскій, Рудницкій, Хруслинскій, Казимірскій и Микулинскій. Въ то время самозванецъ вошелъ уже въ близкія сношенія съ княземъ Адамомъ Вишневецкимъ и княземъ Романомъ Рожинскимъ. Изъ знатныхъ лицъ первымъ явился въ лагерь второго самозванца Вишневецкій.

Въ ноябрѣ того же года къ Димитрію прибылъ новый самозванецъ, выдававшій себя за брата Петрашки и сына Θеодора Іоанновича. Станиславъ Куровскій писалъ о немъ 30 ноября:

„Увѣдомляю васъ, что у насъ находится еще одинъ царевичъ,

двоюродный братъ (?—племянникъ) Димитрія, его зовутъ Өеодоръ Өеодоровичъ; онъ привелъ 300 донскихъ казаковъ и присоединился съ ними къ войску нашего царя, которому онъ служитъ какъ боярскій сынъ, хотя царь оказываетъ ему особое благоволеніе".

Хотя самозванецъ не имѣлъ достаточно силъ, чтобы притти на помощь осажденнымъ въ Тулѣ, но онъ хотѣлъ быть ближе къ мѣсту военныхъ дѣйствій и съ этой цѣлью выступилъ 20 октября изъ Стародуба и 12 октября прибылъ въ Карачевъ. Тутъ онъ получилъ изъ Козельска извѣстіе, что этотъ городъ осажденъ войскомъ Шуйскаго.

„14 октября",—пишетъ Будзило въ своемъ дневникѣ—„царь послалъ Мѣховецкаго и Будзило на выручку Козельска, осажденнаго Масальскимъ и Матвѣемъ Мизиковымъ". Русскіе обратились въ бѣгство; поляки забрали лагерь со всѣмъ, что въ немъ было, а то, чего не могли взять, сожгли и торжественно вступили въ Козельскъ: жители вышли имъ навстрѣчу за городъ съ хлѣбомъ-солью.

„Непріятельское войско было разбито на-голову—пишетъ одинъ очевидецъ-полякъ, „наши получили немалую добычу: оружіе, коней, копья, которые были отобраны въ Москвѣ у нашихъ и многіе другіе военные доспѣхи".

Три дня спустя прибылъ въ Козельскъ самъ Димитрій и „благодарилъ войско" за одержанную побѣду, послѣ чего отправился въ Бѣлевъ, но когда, 20 октября, Тула сдалась Шуйскому, то самозванецъ, узнавъ о томъ и видя, что онъ не могъ противуставить ему значительныхъ силъ, отступилъ. 29 октября онъ прибылъ въ Карачевъ; однако, не чувствуя себя въ безопасности и тутъ, онъ двинулся далѣе и намѣревался даже отступить къ Путивлю. Но въ Лабушовѣ къ нему присоединился Самуилъ Тышкевичъ съ 700 чел. конницы и 200 чел. пѣхоты; туда же пришли Валавскій со своей кавалеріей и пѣхотой. Съ такимъ подкрѣпленіемъ Димитрій пошелъ къ Брянску, который по взятіи царскими войсками Тулы измѣнилъ ему и передался Шуйскому.

„Воевода брянскій Михаилъ Кашинъ",—пишетъ Будзило, „узнавъ о приближеніи царя, вышелъ противъ него со своимъ войскомъ за милю отъ крѣпости, но наши встрѣтили его дружно, прогнали московскую рать до стѣнъ крѣпости и проникли вслѣдъ за нею въ городъ. Русскіе съ воеводой заперлись въ крѣпости: поляки осадили ихъ и стали лагеремъ на развалинахъ сгорѣвшаго города".

Такъ какъ поляки дѣйствовали всегда успѣшнѣе въ открытомъ полѣ, то осада Брянска затянулась. 24 декабря на помощь осажденнымъ пришелъ кн. Масальскій, всталъ по другую сторону Брянска

и окопался. Но нѣсколько дней спустя, не захотѣвъ сражаться, онъ неожиданно отступилъ въ ночное время.

Между тѣмъ настала суровая зима; начались такіе морозы, что „войско, не будучи въ состояніи долѣе оставаться въ лагерѣ“, рѣшило уйти на зимнія квартиры. Димитрій отказался отъ мысли отъ дальнѣйшей осады Брянска и ушелъ со своимъ войскомъ къ Орлу, гдѣ по причинѣ большихъ морозовъ и обилія снѣга простоялъ нѣсколько мѣсяцевъ въ полномъ бездѣйствіи.

IV.

Недоразумѣнія съ Рожинскимъ. — Грубость самозванца. — Димитрій ищетъ поддержки у Сигизмунда III.—Записка Мнишекъ.

Въ это время въ Сѣверной Украйнѣ собиралъ войско и готовился къ походу князь Рожинскій. Онъ, повидимому, давно уже находился въ сношеніяхъ съ той московской партіей, которая вела борьбу раньше съ Годуновымъ, а теперь съ Шуйскимъ, ибо онъ находился въ свитѣ перваго самозванца, когда тотъ совершилъ свой торжественный въѣздъ въ Кіевъ въ октябрѣ 1604 г.

Теперь же, въ 1607 г., Рожинскій принялъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. „Когда прошелъ слухъ о томъ, что Димитрій остался живъ,—пишетъ Мархоцкій,—къ нему стали стекаться со всѣхъ сторонъ люди; насъ собралось вскорѣ до 4000“.

На Рождествѣ Рожинскій пошелъ къ Чернигову и ожидалъ тамъ, пока всѣ соберутся подъ его начальствомъ. Оттуда войско это отправило пословъ къ царю, бывшему въ то время въ Орлѣ, чтобы извѣстить его о нашемъ вступленіи въ предѣлы Московскаго государства и уговориться съ нимъ на счетъ условій; сами же мы двинулись далѣе только въ январѣ слѣдующаго (1608) года. Подъ Новогрудкомъ мы встрѣтились съ возвращавшимися нашими гонцами, которые передали намъ о результатѣ своихъ переговоровъ. На выраженное нѣкоторыми изъ насъ сомнѣніе, тотъ ли это самый царь, который былъ въ Москвѣ, они отвѣтили уклончиво, что „это тотъ самый, къ которому ихъ послали“.

„Отъ Новогрудка мы пошли поспѣшно въ Кромы: это была резиденція царя, отстоявшая всего въ шести миляхъ отъ Орла. Остановившись въ Кромахъ, мы снова отправили къ царю пословъ, въ числѣ которыхъ находился и я, съ извѣстіемъ о нашемъ прибытіи и съ порученіемъ заключить съ нимъ условія; а также просить у него денегъ. Посольство состояло изъ тридцати человѣкъ“.

Переговоры начались тотчасъ по прибытіи пословъ въ Орелъ,

но договориться съ Димитріемъ было не такъ легко, какъ воображало войско, а быть можетъ и сами посланные.

Уже одна просьба о деньгахъ ставила самозванца въ затруднительное положеніе, такъ какъ въ то время ихъ совсѣмъ у него не было. „Все идетъ хорошо“,—писалъ Станиславъ Куровскій,—„только денегъ у насъ нѣтъ“. Нѣкоторые изъ его товарищей жаловались, что „царю нечѣмъ платить солдатамъ, такъ какъ у него не хватаетъ денегъ“. При такихъ обстоятельствахъ просьба пословъ о деньгахъ конечно не могла быть пріятна Димитрію.

Но и помимо этого были поводы къ недоразумѣніямъ.

Наибольшимъ вниманіемъ въ его войскѣ пользовался до тѣхъ поръ Николай Мѣховецкій,—тотъ самый, который такъ хорошо обучилъ Димитрія его новой царской роли. Онъ не только командовалъ войскомъ, но вѣдалъ всѣми дипломатическими переговорами. Когда же онъ увидѣлъ, что съ пріѣздомъ Рожинскаго ему придется уступить послѣднему первое мѣсто, то онъ постарался возстановить противъ него самозванца.

Нерасположеніе Димитрія къ Рожинскому высказалось очень рѣзко на первомъ же засѣданіи.

„Когда мы явились къ царю“,—пишетъ Мархоцкій въ своемъ дневникѣ,—„произнесли обычное привѣтствіе и изложили сущность возложеннаго на насъ порученія, намъ отвѣчалъ отъ его имени панъ Валавскій, исполнявшій у него обязанность канцлера. Послѣ рѣчи Валавскаго царь самъ захотѣлъ говорить съ нами и сказалъ на своемъ московскомъ языкѣ слѣдующее:

— Я радовался, узнавъ, что Рожинскій идетъ сюда, но теперь, когда я слышу, что онъ мнѣ не вѣренъ, я предпочелъ бы, чтобы онъ вернулся обратно. Господь Богъ возвелъ меня первый разъ на престолъ безъ помощи Рожинскаго, онъ и теперь сдѣлаетъ то же— а на ваше требованіе денегъ скажу, что у меня есть изрядное число поляковъ, не хуже васъ, а я пока еще ничего имъ не далъ. Когда я бѣжалъ изъ столицы, отъ моей дорогой жены и моихъ добрыхъ друзей, я не взялъ съ собой никакихъ денегъ. А когда вы держали совѣтъ подъ Новогрудкомъ, на лодкѣ, спрашивали ли вы себя, подлинный ли я царь или нѣтъ?

„Послѣ этихъ словъ мы стали говорить съ нимъ гнѣвно и прямо сказали ему, что мы отлично знаемъ, что онъ не тотъ, ибо тотъ умѣлъ уважать благородныхъ людей, умѣлъ принять ихъ, а ты этого не умѣешь. Жаль, что мы къ тебѣ пріѣхали, коли ты такой неблагодарный, мы передадимъ все это тѣмъ, кто насъ послалъ. Они рѣшатъ, что дѣлать дальше.

„Такъ мы и разстались съ нимъ. Онъ прислалъ потомъ за нами

и просилъ насъ отобѣдать съ нимъ и не гнѣваться на его слова, говоря, что ему „такъ представили дѣло". Мы раздумывали, что бы это могло значить, и рѣшили, что наговоръ шелъ отъ Мѣховецкаго, которому было непріятно уступить командованіе Рожинскому, а онъ уже предчувствовалъ, что это такъ будетъ.

„Послѣ долгихъ уговоровъ мы согласились отобѣдать у него. На другой день мы уѣхали обратно въ болѣе спокойномъ настроеніи и, пріѣхавъ въ Кромы, донесли все, какъ было.

„Многіе изъ насъ стояли за то, что намъ слѣдовало возвратиться въ Польшу, тѣ же, кои находились съ нимъ въ Орлѣ, удерживали насъ отъ этого и просили измѣнить свое рѣшеніе, говорили, что все измѣнится, только бы самъ Рожинскій отправился къ нему".

Но и Рожинскому трудно было сговориться съ нимъ; помимо интригъ Мѣховецкаго, много портили дѣло надменность и грубость самого Димитрія.

Его мужиковатость и раньше производила неблагопріятное впечатлѣніе. Такъ, 6 октября Будзило записалъ въ дневникѣ: „наше войско обидѣлось на какія-то слова, сказанныя царемъ, взбунтовалось и, забравъ орудія, ушло, но на утро его удалось уговорить, и оно вернулось, отошедши уже три мили".

По той же, вѣроятно, причинѣ, недѣли двѣ спустя взбунтовались и покинули самозванца запорожцы.

Изъ-за неумѣстной надменности Димитрія и навѣтовъ Мѣховецкаго переговоры съ поляками едва не кончились неудачей.

Мархоцкій, которому все было доподлинно извѣстно, передаетъ это такъ:

„Рожинскій, не теряя времени, отправился въ Орелъ. Насъ ѣхало съ нимъ человѣкъ двѣсти да, кромѣ того, онъ взялъ съ собою нѣсколько человѣкъ солдатъ. Изъ Орла жители выѣхали ему навстрѣчу. Дѣло было постомъ.

На другой день Рожинскому прислали сказать, чтобы онъ ѣхалъ къ царю для цѣлованія его руки, а потомъ, когда мы собрались и ужъ тронулись съ мѣста, намъ прислали сказать, чтобы мы вернулись и обождали, пока царь займетъ свое мѣсто, а что теперь онъ моется; у него былъ обычай мыться каждый день въ банѣ. Князь Рожинскій не захотѣлъ вернуться обратно, но поѣхалъ дальше, и намъ пришлось первымъ войти въ помѣщеніе, гдѣ царь долженъ былъ принять насъ.

Затѣмъ между нами и его приближенными шелъ споръ о томъ, чтобы мы вышли изъ дома, чтобы царь вошелъ въ домъ первымъ и занялъ свое мѣсто и чтобы мы тогда только вошли и привѣтствовали его. Князь Рожинскій не хотѣлъ уступить; такимъ обра-

зомъ послѣ долгихъ пререканій царю пришлось пройти между нами. Онъ шелъ отвернувшись и не глядя въ ту сторону, гдѣ стоялъ Рожинскій.

Когда онъ сѣлъ на свой стулъ, Рожинскій сказалъ ему рѣчь и поцѣловалъ ему руку, послѣ чего и другіе подходили къ рукѣ. Послѣ этого Димитрій пригласилъ Рожинскаго и всѣхъ насъ на обѣдъ.

Рожинскій сидѣлъ съ нимъ за однимъ столомъ, а мы сидѣли за другими столами. За обѣдомъ и послѣ обѣда онъ много говорилъ съ нами, спрашивалъ о рокошахъ и о томъ, есть ли между нами участники рокоша. Наслушались мы отъ него всякихъ непотребныхъ рѣчей. Онъ говорилъ, что не согласился бы быть у насъ королемъ, ибо московскій царь не рожденъ на то, чтобы имъ управлялъ какой-нибудь архіепископъ. Всѣ отвѣчали ему на это кто какъ умѣлъ. День закончился пиршествомъ".

На другой день Рожинскій просилъ дать ему частную аудіенцію, но Димитрій, вѣроятно по наущенію Мѣховецкаго, со дня на день оттягивалъ ее. Тогда Рожинскій рѣшилъ уѣхать въ Польшу и „сталъ собираться въ путь. Уже пѣхота его ушла, и мы всѣ съѣхались. Тогда прибѣжало множество ротмистровъ и нашихъ бывшихъ товарищей, которые стали просить Рожинскаго и всѣхъ насъ, чтобы мы повременили до другого дня, „а мы соберемъ коло, говорили они. Если царь будетъ по-прежнему невѣжливъ съ вами, то мы присоединимся къ вамъ и не станемъ болѣе подчиняться Мѣховецкому, а изберемъ начальникомъ тебя, Рожинскій. Что ты захочешь сдѣлать съ войскомъ, мы противъ того прекословить не будемъ". Такъ, по ихъ настоянію, выѣхавъ изъ города, мы остались до утра въ предмѣстьи.

На утро, сѣвъ на коней, они составили коло, въ который пригласили князя Рожинскаго и насъ; Мѣховецкаго объявили лишеннымъ командованія и постановили приговоръ объ исключеніи изъ войска его и нѣкоторыхъ другихъ, а на тотъ случай, если бы онъ отважился остаться въ войскѣ, всякому предоставлялось право убить его. Князя Рожинскаго, въ присутствіи котораго составленъ приговоръ, избрали гетманомъ, а царю послали сказать: ежели онъ хочетъ, чтобы мы остались съ нимъ, то чтобы онъ назвалъ тѣхъ, кои донесли ему, будто князь Рожинскій и войско измѣняютъ ему.

Онъ не согласился назвать ихъ чрезъ посланнаго, но предложилъ самъ пріѣхать въ коло, а Рожинскій до его пріѣзда просилъ насъ потерпѣть и не бунтовать, сказавъ: „мнѣ придется за всѣхъ васъ быть въ отвѣтѣ".

Вскорѣ пріѣхалъ къ намъ царь на конѣ съ богатой сбруей, самъ въ парчевой одеждѣ. Съ нимъ пріѣхало нѣсколько бояръ; возлѣ его

лошади шло нѣсколько человѣкъ пѣхотинцевъ. Въѣхавъ въ коло и услыхавъ какой-то ропотъ, онъ подумалъ, что мы спрашиваемъ, царь ли это, выругался и крикнулъ:

— „Эй, вы, ... (тутъ онъ произнесъ очень бранное слово), помолчите! пріѣхалъ не какой-нибудь бездѣльникъ, а самъ московскій царь!

Мы переглянулись, но промолчали.

Затѣмъ Хруслинскій произнесъ отъ имени коло рѣчь и сказалъ: „мы послали къ тебѣ, милостивѣйшій государь, чтобы ты назвалъ тѣхъ, кто оговорилъ войско и гетмана въ измѣнѣ, а какъ ты пріѣхалъ самъ, то мы хотимъ слышать это отъ тебя“.

Онъ приказалъ одному московиту отвѣтить отъ его имени; но его рѣчь ему не понравилась, и онъ сказалъ:

— Вы прислали ко мнѣ своихъ посланцевъ, чтобы я выдалъ вамъ и назвалъ моихъ вѣрныхъ слугъ, кои меня предостерегали. Никогда еще не бывало, чтобы московскіе государи выдавали своихъ вѣрныхъ слугъ. Я не сдѣлаю этого не только по вашей просьбѣ, хотя бы самъ Богъ сошелъ съ небесъ и повелѣлъ мнѣ это сдѣлать.

Тутъ мы начали переговариваться съ нимъ и между прочимъ сказали:

„Что же ты хочешь: чтобы у тебя были люди, которые служили бы тебѣ тайными наговорами, или тебѣ нужно войско, которое пришло служить тебѣ вѣрой и правдой? Если ты этого не исполнишь, войско уйдетъ“.

А онъ сказалъ на то:

„Какъ знаете, уѣзжайте!

Поднялся страшный шумъ: войско заволновалось. Стрѣльцы Димитрія, схватившись за оружіе, начали бить насъ, а мы оборонялись и съ угрозами нападали на самого Димитрія. Одни кричали: „убьемъ бездѣльника, изрубимъ его!“ Другіе: „схватить его! Бездѣльникъ! повелъ насъ съ собой и отплатилъ намъ такой неблагодарностью!“

У него хватило храбрости, среди такого гвалта, оглянувшись разъ или два, сѣсть на коня и уѣхать въ городъ, на свою квартиру. Тамъ къ нему коло приставило стражу, чтобы онъ не бѣжалъ; а онъ съ отчаянія напился безъ памяти водки, желая уморить себя!

Къ счастью для самозванца, въ это дѣло вмѣшались поляки, занимавшіе при немъ высшія должности, князь Адамъ Вишневецкій, Валавскій и Харминскій: они сдѣлали все, чтобы примирить его съ войскомъ. Ихъ старанія увѣнчались успѣхомъ. „Нечего было дѣлать“,—кончаетъ Мархоцкій,—„мы согласились помириться съ нимъ“.

Онъ пріѣхалъ на другой день къ намъ въ коло и оправдывался, говоря, что онъ сказалъ эти слова (бранныя) не намъ, а своимъ

стрѣльцамъ. Мы приняли его оправданіе и, оставивъ при немъ тѣхъ, кои жили въ Орлѣ, сами вмѣстѣ съ Рожинскимъ вернулись въ Кромы".

Однако войско не удовольствовалось этимъ оправданіемъ и потребовало, чтобы поляки, взявшіе на себя посредничество въ этомъ дѣлѣ, взяли на себя также исполненіе обѣщаній, данныхъ Димитріемъ относительно уплаты жалованія, и „условій, которыя его заставили подписать". Такимъ образомъ, благодаря ихъ стараніямъ, въ войскѣ Димитрія осталось 4.000 поляковъ, подъ начальствомъ Рожинскаго. Кромѣ того, благодаря старанію его друзей и разосланныхъ ими агентовъ, къ нему „присоединилось три тысячи запорожскихъ казаковъ и около пяти тысячъ донскихъ казаковъ подъ командою Заруцкаго".

Несмотря на то, что Димитрій располагалъ уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1608 г. столь значительными силами, военныя дѣйствія, какъ выше сказано, прекратились до мая мѣсяца „изъ-за глубокихъ снѣговъ"; тѣмъ временемъ его сторонники старались заручиться помощью со стороны короля польскаго.

Съ этой цѣлью самозванецъ, въ началѣ февраля, послалъ своихъ уполномоченныхъ въ Краковъ. Однимъ изъ нихъ былъ еврей Арнульфъ Калискій.

Онъ былъ облеченъ „полномочіемъ для веденія переговоровъ съ Рѣчью Посполитой, по дѣламъ военнымъ и торговымъ". Димитрій обѣщалъ черезъ него Сигизмунду выплачивать ежегодно 500 тысячъ злотыхъ за „нѣкоторыя одолженія", относительно которыхъ, къ сожалѣнію, намъ подробно ничего неизвѣстно.

Посланнымъ самозванца былъ оказанъ при дворѣ короля польскаго весьма холодный пріемъ. Король и его совѣтники, умудренные опытомъ послѣ сношеній съ первымъ самозванцемъ, увидѣли, что въ такого рода дѣлахъ необходимо дѣйствовать съ величайшей осторожностью.

Они даже обсуждали довольно долго вопросъ о томъ, „дать ли посланцамъ Димитрія аудіенцію у короля". Наконецъ, въ концѣ апрѣля было рѣшено „выслушать ихъ, но не спѣшить съ посылкою помощи, выждавъ, какъ сложатся обстоятельства, а пока не признавать право на московскій престолъ ни Шуйскаго, ни Димитрія".

На Сигизмунда не повліяла и пространная записка, присланная по этому поводу Юріемъ Мнишекомъ.

Въ этомъ любопытномъ документѣ Мнишекъ распространялся о томъ, какъ много пострадала Рѣчь Посполитая отъ событій, происшедшихъ въ Москвѣ, писалъ, что онъ вѣритъ въ спасеніе Димитрія, и напоминалъ о необходимости придти ему на помощь „согласно

договору, заключенному имъ съ польскимъ правительствомъ". Эти слова относились къ тому тайному договору, который былъ заключенъ Сигизмундомъ съ первымъ самозванцемъ еще въ 1604 г. Для подкрѣпленія своей просьбы, воевода ссылается, на какой-то намъ неизвѣстный „особый, частный договоръ", заключенный Димитріемъ и королемъ польскимъ. Далѣе онъ излагалъ подробно тѣ выгоды, ради которыхъ Польша должна была поддержать самозванца и, наконецъ, указывалъ, какъ именно, по его мнѣнію, слѣдовало дѣйствовать.

Эта записка, хранящаяся въ двухъ спискахъ въ архивѣ Оссолинскихъ, хотя и не достигла цѣли, но прекрасно характеризуетъ Мнишека и его близкія отношенія къ Сигизмунду.

V.

Сраженіе подъ Болховомъ.—Самозванецъ подходитъ къ Москвѣ.—Битва на р. Ходынкѣ.—Переговоры между Польшей и Москвою.—Четырехлѣтнее перемиріе.

Съ наступленіемъ весны, обѣ стороны готовились къ возобновленію военныхъ дѣйствій. Армія самозванца сосредоточивалась подъ Орломъ, армія Шуйскаго—подъ Болховомъ. Хотя она была гораздо многочисленнѣе войскъ Димитрія, но она состояла главнымъ образомъ изъ татарскихъ полчищъ и всякаго сброда, который былъ плохо вооруженъ и не подготовленъ къ бою. Въ добавокъ, Василій поручилъ командованіе войскомъ своему брату Димитрію, не обладавшему ни малѣйшими военными способностями.

Прежде, чѣмъ приступить къ военнымъ дѣйствіямъ, самозванецъ постарался пріобрѣсти новыхъ сторонниковъ. Съ этой цѣлью имъ были разосланы грамоты, въ коихъ онъ говорилъ о злодѣяніяхъ, совершенныхъ Борисомъ Годуновымъ и Василіемъ Шуйскимъ, призывалъ народъ признать свою власть, обѣщалъ всѣмъ за вѣрную службу щедрую награду и предостерегалъ противъ самозванцевъ, именующихъ себя сыновьями Өеодора, послѣдняго Мономаха, но эти грамоты не произвели на народъ ни малѣйшаго впечатлѣнія.

Безъ результата осталось также письмо князя Рожинскаго къ князю Василію Голицыну и Ивану Куракину—двумъ знатнымъ боярамъ, находившимся въ обозѣ Шуйскаго. Въ этомъ письмѣ Рожинскій старался убѣдить ихъ въ томъ, что Димитрій былъ истиннымъ сыномъ Іоанна Грознаго, слѣдовательно, ихъ законнымъ царемъ, и приглашалъ ихъ покориться ему, во избѣжаніе дальнѣйшаго кровопролитія. Московскіе бояре слишкомъ хорошо знали, что такое былъ

первый савозванецъ; поэтому подобнаго рода убѣжденія не могли произвести на нихъ никакого впечатлѣнія.

Военныя дѣйствія возобновились 8 мая. Димитрій, отославъ Лисовскаго съ донцами въ Михайлово, пошелъ съ остальнымъ войскомъ къ Болхову. Узнавъ объ этомъ, Шуйскій выступилъ ему навстрѣчу, тутъ произошла двухдневная кровопролитная битва, имѣвшая рѣшающее значеніе на послѣдующія событія. Самозванецъ одержалъ блистательную побѣду надъ московитами; только одинъ Иванъ Куракинъ оказалъ ему энергичное сопротивленіе и долго сдерживалъ натискъ поляковъ, да стойко оборонялась одна нѣмецкая рота, которая почти вся легла на мѣстѣ.

Во время преслѣдованія русскихъ путь былъ усѣянъ трупами, ихъ никто не считалъ, и они долго оставались непогребенными. Въ руки побѣдителей досталось орудіе и весь обозъ со всякимъ добромъ.

Впечатлѣніе, произведенное пораженіемъ Шуйскаго, было такъ велико, что два дня спустя Болховъ сдался Димитрію.

Въ его обозѣ царствовала большая радость. Самозванецъ былъ такъ счастливъ этой побѣдой, что когда поляки, собравшись въ коло, потребовали отъ него обѣщанія, что онъ не только выдастъ имъ полностью жалованіе, но когда онъ возсядетъ на престолъ, заплатитъ имъ за всѣ ихъ труды и отпуститъ ихъ въ отечество, то онъ торжественно обѣщалъ исполнить всѣ эти просьбы. Въ то же время разстроенный до слезъ онъ, будто бы, сказалъ:

— Умоляю васъ не покидать меня. Когда я буду государемъ въ Москвѣ и тогда безъ поляковъ не могу сидѣть на престолѣ, хочу, чтобы при мнѣ всегда были поляки, хочу, чтобы, одну крѣпость охраняли поляки, другую—московиты. Я хотѣлъ бы, чтобы все золото и серебро, какія есть въ казнѣ, были ваши, съ меня довольно одной славы. Если же вамъ придется уѣхать,—сдѣлайте такъ, чтобы на ваше мѣсто изъ Польши пріѣхали другіе поляки.

Самозванецъ разсчитывалъ, что подъ впечатлѣніемъ одержанной имъ побѣды столица тотчасъ сдастся ему, поэтому онъ рѣшилъ немедля идти къ Москвѣ, но онъ скоро убѣдился въ томъ, что эта надежда была обманчива.

Василію Шуйскому, послѣ пораженія подъ Болховомъ, удалось довольно скоро собрать новое войско, надъ коимъ начальство было ввѣрено Михаилу Скопину-Шуйскому. Оно стало на р. Незнани, между Подольскомъ и Звенигородомъ. Дмитрій не пошелъ ему навстрѣчу, а повелъ свое войско на Козельскъ и Калугу и успѣлъ обойти царское войско съ праваго фланга. Вездѣ люди встрѣчали его хлѣбомъ-солью, какъ своего законнаго царя. Только въ Можай-

скѣ гарнизонъ сдѣлалъ попытку обороняться, но и эта крѣпость сдалась Димитрію послѣ однодневной осады. Изъ Можайска самозванецъ пошелъ прямо на столицу.

24 іюня онъ былъ подъ стѣнами Москвы.

„Мы стали"—пишетъ Мархоцкій—„въ неудобномъ мѣстѣ, на берегу рѣки. Подъѣзжали поближе къ столицѣ, чтобы посмотрѣть на нее; она очень велика и красива, такъ какъ у нея много златоверхихъ храмовъ. На стѣнахъ не было видно ни души.

Нѣсколько дней шли споры о томъ, гдѣ стать окончательно лагеремъ. Въ концѣ концовъ одержало верхъ мнѣніе тайныхъ сторонниковъ Шуйскаго „перейти на противоположную сторону столицы" и занять большую дорогу, по которой въ Москву подвозятъ съѣстные припасы".

Мы такъ и сдѣлали и „стали по ту сторону Москвы, въ семи верстахъ отъ города, близъ царскаго дворца", который называется Тайнинскимъ. Эта мѣстность была удобнѣе для московитовъ, нежели для насъ; вѣрно, насъ привели туда измѣнники. Нѣсколько дней спустя бывшіе съ нами московиты вошли въ сношеніе съ жителями столицы. Пушкари заклепали наши пушки, забили гвоздями затравки. Сдѣлавъ это, они бѣжали ночью изъ обоза, чтобы дать знать о томъ въ Москвѣ, но у насъ были хорошіе часовые, ихъ поймали, и они выдали другихъ участниковъ заговора. Всѣ они были казнены: однихъ посадили на колъ, другимъ тутъ же отрубили голову".

Наказавъ виновныхъ, Димитрій рѣшилъ вернуться на берегъ Москвы-рѣки, на то самое мѣсто, гдѣ раньше стоялъ его обозъ и которое заняло уже теперь войско Шуйскаго.

Чтобы выманить его оттуда, „собравшись въ коло, мы рѣшили", разсказываетъ Мархоцкій—„сдѣлать видъ, будто мы идемъ обратно къ польской границѣ. Василій не понялъ хитрости и пересѣкъ Димитрію путь „на тверской большой дорогѣ", въ мѣстности, гдѣ ему нельзя было развернуться. „Тутъ мы дали имъ битву, разбили ихъ и разсѣяли, а затѣмъ стали въ очень удобномъ и безопасномъ мѣстѣ при сліяніи р. Тушины съ Москвой-рѣкой. Это возвышенное мѣсто врѣзывается между двумя рѣками, которыя окружаютъ его на подобіе вилъ; оно настолько обширно, что на немъ могло стоять довольно большое войско. Его называютъ Тушино".

Въ началѣ іюля сюда пріѣхали посланные отъ польскихъ пословъ, Станиславъ Дморацкій и Бучинскій, которые стали убѣждать поляковъ покинуть самозванца; но всѣ ихъ убѣжденія и наговоры были напрасны.

Пока шли эти переговоры, Шуйскому удалось сосредоточить большое войско, которое стало на берегу Ходынки, отъ села

Хорошева до столицы. Такъ какъ оно превышало поляковъ численностью, то Рожинскій рѣшилъ напасть на него врасплохъ какъ можно скорѣй. Съ этой цѣлью, созвавъ на тайное совѣщаніе нѣсколько полковниковъ и ротмистровъ, пользовавшихся его довѣріемъ, онъ отдалъ 4 іюля приказаніе, чтобы войско было наготовѣ, а когда настали сумерки, приказалъ всѣмъ садиться на коней и выстроиться передъ лагеремъ съ знаменами. На другой день, на разсвѣтѣ, онъ послалъ Заруцкаго съ казаками противъ татаръ, а самъ съ польской конницей атаковалъ московскій обозъ", гдѣ всѣ спали и не ожидали нападенія. Нападеніе велось такъ энергично, что русскіе должны были искать спасенія въ бѣгствѣ.

„Побоище было ужасное, разсказываетъ Мархоцкій; по собственному счету московитовъ, на полѣ битвы полегло 14 тысячъ. Однихъ сыновъ боярскихъ убито сто человѣкъ". Поляки захватили пушки и весь обозъ.

Но когда другая часть московскаго войска, стоявшая въ другомъ лагерѣ, увидавъ погромъ своихъ, соединилась съ тѣми, кои остались живы, и напала на поляковъ, то они были окружены со всѣхъ сторонъ и хотя держались долго, но все же были прогнаны обратно за рѣку и заняли свой прежній лагерь.

Между тѣмъ положеніе Василія Шуйскаго становилось крайне затруднительнымъ; подъ вліяніемъ этого обстоятельства совершенно измѣнилось его отношеніе къ польскимъ плѣннымъ. Въ началѣ онъ думалъ при заключеніи мира съ Рѣчью Посполитой выговорить себѣ, за ихъ освобожденіе, самыя выгодныя условія; теперь же онъ думалъ лишь о томъ, какъ бы успокоить раздраженіе, съ какимъ относились къ нему въ Польшѣ, и разсчитывалъ даже прибѣгнуть къ посредничеству этихъ плѣнныхъ, чтобы убѣдить поляковъ, находившихся въ Тушинѣ, оставить самозванца.

Эта перемѣна въ отношеніи Шуйскаго произошла непосредственно послѣ пораженія подъ Болховомъ. Уже въ половинѣ мая пристава стали обходиться съ плѣнными гораздо снисходительнѣе, разрѣшали имъ прогулки, доставляли болѣе обильную и лучшую пищу, а главное, утѣшали ихъ мыслію, что они скоро вернутся на родину. Дѣйствительно, въ началѣ іюня всѣхъ знатныхъ лицъ: Марину, семейство Мнишекъ, князя Константина Вишневецкаго, Тарлова и Стадницкаго привезли въ Москву.

Въ то же время были возобновлены переговоры съ польскими послами, Николаемъ Олесницкимъ и Александромъ Госѣевскимъ, которые прибыли въ апрѣлѣ 1606 г. въ Москву, въ качествѣ представителей Сигизмунда III на свадьбѣ Димитрія и Марины. Послѣ убіенія самозванца они тщетно добивались разрѣшенія возвратиться

въ Польшу, тѣмъ временемъ Шуйскій послалъ къ королю польскому своихъ пословъ, князя Григорія Волконскаго и дьяка Андрея Иванова, которые прибыли въ Краковъ въ исходѣ декабря 1606 г. и получили аудіенцію у короля 4 января 1607 г.

Во время этой аудіенціи послы жаловались королю на то, что Сигизмундъ и поляки „навязали имъ въ цари Димитрія", заявили о желаніи новаго царя возобновить союзъ съ Польшей и просили короля послать съ этой цѣлью въ Москву спеціальное посольство.

Вслѣдъ за этой публичной аудіенціей московскіе послы выразили желаніе имѣть „частный разговоръ съ господами сенаторами", на которомъ Волконскій сказалъ между прочимъ, что бояре недовольны правленіемъ Василія Шуйскаго и хотѣли бы избрать царемъ Сигизмунда или его сына Владислава.

Это „дружеское сообщеніе" было сдѣлано, кажется, съ вѣдома Шуйскаго, который съ хитростью ожидалъ, что надежда получить московскую корону повліяетъ на дальнѣйшій образъ дѣйствій короля польскаго.

По отъѣздѣ Волконскаго и Иванова, Сигизмундъ рѣшилъ отправить къ Василію своихъ пословъ, но не особенно спѣшилъ съ этимъ. Въ исходѣ мая были назначены Витовскій и Янъ Друцкій-Соколинскій, и для нихъ была составлена инструкція, коей имъ повелѣвалось, между прочимъ, усиленно хлопотать объ освобожденіи всѣхъ поляковъ, задержанныхъ Шуйскимъ, и о вознагражденіи ихъ за причиненные имъ убытки.

Послы прибыли въ Москву 22 октября. Прежнему посольству все еще не было дано разрѣшенія выѣхать, подъ предлогомъ, что имъ слѣдовало переговорить съ ожидаемымъ посольствомъ; когда же Витовскій и Друцкій-Соколинскій, получивъ, послѣ разныхъ проволочекъ, аудіенцію у Шуйскаго, потребовали, чтобы имъ дозволили прежде всего повидаться и посовѣтоваться съ прежними послами, то царь далъ это позволеніе не прежде, какъ въ концѣ декабря.

Серьезные переговоры начались лишь послѣ битвы подъ Волховомъ, т. е. въ маѣ мѣсяцѣ 1608 г., но и тогда оказалось не легко сговориться. Московскіе бояре предъявляли всевозможныя жалобы, которыя посламъ приходилось опровергать [1]). Пререканія затянулись, и лишь 27 іюля между Москвой и Польшей было заключено перемиріе.

Согласно договору, обѣ стороны обязались въ теченіе трехъ лѣтъ и одиннадцати мѣсяцевъ воздерживаться отъ всякихъ непріязнен-

[1]) Отвѣтъ польскихъ пановъ, изложенный въ пространной запискѣ, напечатанъ въ русскомъ переводѣ въ „Сборникѣ князя Оболенскаго" № 10 и въ „Арх. Зап. Россіи", (т. IV, стр. 264—312).

ныхъ дѣйствій. Шуйскій обѣщалъ немедленно освободить всѣхъ поляковъ, задержанныхъ въ Москвѣ, и доставить ихъ на границу Рѣчи Посполитой не позже 8 октября того же года, а Юрій Мнишекъ обязывался не выдавать второго самозванца за своего зятя, не отдавать за него своей дочери, а Маринѣ—не носить впредь титула московской царицы. Сигизмундъ, со своей стороны, обязался отозвать князей Романа Рожинскаго, Адама Вишневецкаго и „прочихъ польскихъ и литовскихъ пановъ и ротмистровъ“, служившихъ Димитрію, и наблюдать за тѣмъ, чтобы прочіе его подданные строго соблюдали условія перемирія. Поляки съ трудомъ согласились включить послѣднее условіе въ договоръ и сдѣлали это, лишь убѣдившись окончательно въ томъ, что въ противномъ случаѣ они не получатъ свободы.

По подписаніи договора, польскіе послы немедленно послали Рожинскому письмо, въ которомъ требовали, чтобы онъ и всѣ прочіе поляки, бывшіе въ Тушинѣ, удалились изъ предѣловъ Московскаго государства и не нарушали заключеннаго договора, помогая самозванцу. Это требованіе осталось безъ результатовъ.

VI.

Новое польское войско подъ Москвою.—Дальнѣйшіе происки недовольныхъ.—Пріѣздъ Яна-Петра Сапѣги.—Его политическое положеніе.—Конфедерація, навязанная войскомъ Сапѣги.—Битва подъ Смоленскомъ.—Встрѣча съ партіей польскихъ плѣнныхъ.—Марина узнаетъ о смерти перваго Димитрія.—Переговоры Мнишека съ самозванцемъ.—Неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное поведеніемъ Марины.—Переговоры Шуйскаго съ Димитріемъ.

Заключая перемиріе съ Польшей, Шуйскій надѣялся не только обезпечить себѣ миръ и спокойствіе на четыре года, но и лишить Димитрія необходимой для него помощи со стороны Польши. Между тѣмъ польскіе послы совершенно основательно считали это перемиріе вынужденнымъ, поэтому не придавали ему значенія и считали для себя необязательнымъ. Впослѣдствіи (въ 1615 г.) Госѣвскій такъ и высказался совершенно откровенно московскимъ посламъ.

Требованіе Шуйскаго, чтобы поляки, находившіеся въ Тушинѣ, покинули самозванца, также не было выполнено. Въ его обозѣ остались не только всѣ тѣ, кои раньше предложили ему свои услуги, но къ нему подошло довольно многочисленное свѣжее войско.

Мархоцкій говоритъ, что каждые три мѣсяца или даже каждый мѣсяцъ подходило изъ Польши около тысячи или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько сотъ человѣкъ.

Среди нихъ было не мало авантюристовъ, которые стремились въ Тушино ради своихъ собственныхъ выгодъ и въ разсчетѣ на

щедрую награду, но были и люди, которые связывали съ побѣдой самозванца самые смѣлые политическіе планы.

Согласно распространенному до сихъ поръ мнѣнію, рокошъ (бунтъ) Зебржидовскаго [1]) окончился прощеніемъ краковскаго воеводы на сеймѣ, созванномъ въ маѣ мѣсяцѣ 1608 г. Въ дѣйствительности дѣло было совершенно иначе; битва подъ Гузовомъ не разсѣяла окончательно недовольныхъ, и въавгустѣ мѣсяцѣ того же года предводители рокоша старались завязать снова борьбу съ Сигизмундомъ. Съ этой цѣлью они созвали новый съѣздъ и готовились поддержать свои требованія вооруженной силой. Въ Польшѣ, во главѣ войска, поддерживавшаго рокошъ, сталъ Людвигъ Понятовскій, на Литвѣ душою этихъ происковъ былъ князь Янушъ Радзивиллъ.

Въ это время подъ Брестомъ стояло лифляндское войско, которое, давно уже не получая жалованія, объявило конфедерацію и заняло королевскія имѣнія. Радзивиллъ привлекъ этихъ конфедератовъ на службу рокоша и, кромѣ нихъ, собралъ значительныя силы. На Литвѣ положеніе дѣлъ осложнялось тѣмъ, что между Радзивилломъ и Ходкевичемъ, который предводительствовалъ королевскимъ войскомъ, давно уже существовали распри.

Встревоженный рокошемъ, Сигизмундъ охотно принялъ предложенія о помощи со стороны Острожскаго и Жолкѣвскаго. Послѣдній взялся за дѣло энергично. Благодаря его старанію, Зебржидовскій пріѣхалъ на съѣздъ въ Краковъ, въ іюнѣ 1605 г., и просилъ у короля прощенія.

Тѣмъ не менѣе число недовольныхъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ, было еще очень велико, но конечно имъ было трудно вести борьбу съ королемъ безъ посторонней помощи.

Они ожидали поддержки извнѣ, прежде всего со стороны Москвы, а именно отъ второго самозванца.

Какъ извѣстно, предводители рокоша еще въ 1605 г. вошли въ сношенія съ первымъ самозванцемъ, который былъ готовъ помочь имъ деньгами и войскомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что исходъ рокоша былъ бы совсѣмъ инымъ и послѣдующія событія приняли бы

[1]) Николай Зебржидовскій (1553 — 1620), одинъ изъ вожаковъ рокоша, поднятаго противъ Сигизмунда III, воспользовавшись общимъ нерасположеніемъ народа къ королю, сталъ во главѣ шляхты, созвалъ съѣздъ, на которомъ были составлены жалобы, пересланныя королю. Сначала Сигизмундъ согласился на всѣ требованія шляхты и подтвердилъ ея льготы, послѣ чего нѣкоторые перешли на сторону короля, когда же остальные бунтовщики отказались примириться съ королемъ и провозгласили безкоролевье, то на нихъ напалъ, по приказанію короля, Жолкѣвскій подъ Гузовомъ и въ кровавой битвѣ разсѣялъ ихъ.

В. Т.

вообще совершенно иное теченіе, если бы самозванецъ не былъ неожиданно убитъ.

И теперь было рѣшено искать помощи у второго самозванца, хотя польскіе сенаторы въ этомъ впослѣдствіи не хотѣли признаться, но, что таковы именно были намѣренія предводителей рокоша, видно между прочимъ изъ рѣчей, произнесенныхъ Щенснымъ-Крыйскимъ и Львомъ Сапѣгою на сеймахъ въ 1611 и 1613 гг.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ достовѣрно, кто именно игралъ въ этомъ дѣлѣ роль посредника, но повидимому эту обязанность взяли на себя три ротмистра брестской конфедераціи, пріѣхавшіе въ іюнѣ мѣсяцѣ 1608 г. въ Тушинскій лагерь, а именно: Александръ Зборовскій [1]), Андрей Млоцкій и Марекъ Виламовскій. Каждый изъ нихъ привелъ съ собой довольно значительный отрядъ войска. Они-то, по всей вѣроятности, и вели въ Тушинѣ тѣ происки противъ Сигизмунда, конечной цѣлью коихъ было посадить самозванца на польскій престолъ.

Въ августѣ того же года въ походѣ противъ Василія Шуйскаго принялъ участіе еще одинъ выдающійся человѣкъ, Янъ-Петръ Сапѣга, староста Усвятскій, но онъ предложилъ Димитрію свои услуги по совершенно инымъ побужденіямъ.

Староста Усвятскій, также какъ и все семейство Сапѣгъ, принадлежалъ къ числу преданныхъ сторонниковъ Сигизмунда. Получивъ образованіе за границей (въ Падуѣ), онъ служилъ долгое время съ отличіемъ подъ знаменами Замойскаго и Ходкевича; во время рокоша сражался за короля и даже содержалъ на свой счетъ двѣ роты гусаръ и казаковъ. Послѣ сраженія подъ Гузовомъ онъ написалъ самозванцу (въ августѣ 1607 г.), предлагая ему свои услуги; причины, побудившія его къ этому шагу, могутъ быть понятны съ точки зрѣнія общей политики фамиліи Сапѣгъ и въ особенности литовскаго канцлера Льва Сапѣги.

Этотъ выдающійся человѣкъ и большой политикъ не только много работалъ для пользы общества, но отличался также удивительнымъ умѣніемъ извлекать изъ всего выгоды для увеличенія своего родового имущества. Онъ умѣлъ прекрасно сочетать великія политическія цѣли съ достиженіемъ личныхъ выгодъ и всемѣрно старался объ этомъ, такъ какъ онъ получилъ въ наслѣдство отъ своихъ роди-

---

[1]) Въ 1613 г. Левъ Сапѣга писалъ: „Вокругъ второго Димитрія собралось наконецъ такъ много войска, что у него оказалось 16.000 всадниковъ, которые хотѣли, возведя этого самозванца на престолъ, мѣсяца черезъ два, а самое большее черезъ три, короновать его въ Краковѣ". (Рукоп. арх. XX Чартор.).

Прим. автора.

телей самыя скромныя средства. Не проходило года, чтобы онъ не увеличилъ своего имѣнія либо покупкой, либо въ видѣ щедраго дара отъ польскихъ королей, въ особенности отъ Сигизмунда III.

Онъ страстно желалъ вернуть обширныя помѣстья въ Смоленскомъ княжествѣ, которыя Сапѣги потеряли въ то время, когда московиты взяли эту крѣпость при Сигизмундѣ I. Эти имѣнія, а именно Опаковъ и Іельна, колыбель рода Сапѣгъ, принадлежали нѣкогда Богдану Сапѣгѣ, прадѣду литовскаго канцлера. Такъ какъ эти земли могли быть возвращены Сапѣгамъ только въ случаѣ обратнаго завоеванія Смоленска, то Левъ Сапѣга много лѣтъ неустанно старался либо вызвать войну съ Москвой, либо посѣять смуту въ сосѣднемъ Московскомъ государствѣ, чтобы ослабить его и легче достигнуть горячо желанной цѣли.

Поэтому онъ еще въ 1584 г. совѣтовалъ Баторію воспользоваться начавшейся въ Московскомъ государствѣ смутой и объявить войну „слабоумному" Θеодору и взять обратно Смоленскъ.

Когда въ 1603 г. появился первый самозванецъ, литовскій канцлеръ предложилъ снабдить его людьми и деньгами для войны съ Борисомъ.

Четыре года спустя, когда второй самозванецъ добивался помощи со стороны поляковъ, Янъ-Петръ Сапѣга одинъ изъ первыхъ предложилъ ему свои услуги, и это было сдѣлано имъ по совѣту его двоюроднаго брата Льва Сапѣги.

Въ 1609 г. литовскій канцлеръ усиленно уговаривалъ короля взять обратно Смоленскъ. Объ этомъ вспоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ королева Констанція.

Когда Смоленскъ былъ завоеванъ и Сигизмундъ сталъ раздавать смоленскія земли полякамъ, Левъ Сапѣга рѣшительно запротестовалъ противъ этого отъ имени всего Литовскаго княжества, и результатомъ его стараній было то, что на сеймѣ 1613 г. было постановлено, что всѣ недвижимыя имущества также въ этомъ воеводствѣ должны быть возвращены ихъ прежнимъ владѣльцамъ.

Эти вѣчныя хлопоты объ увеличеніи своего имущества вмѣстѣ съ желаніемъ расширить границы Рѣчи Посполитой, какъ нельзя лучше объясняютъ побужденія, коими руководствовался литовскій канцлеръ въ своихъ сношеніяхъ съ Москвою. Это-то и заставляло его совѣтовать королю то объявить войну Москвѣ, то поддерживать всѣ шаги, которые могли вызвать смуту въ Московскомъ государствѣ. Эти же соображенія конечно заставили его посовѣтовать своему двоюродному брату предложить свои услугу самозванцу. Въ пользу этого предположенія говоритъ еще то обстоятельство, что съ тѣхъ

поръ оба брата, т. е. канцлеръ и староста Усвятскій, дѣйствовали во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ совершенно согласно.

Таковы были цѣли, заставившія Яна-Петра Сапѣгу идти на Москву. Послѣдующія событія убѣждаютъ насъ въ томъ, что кромѣ этихъ главныхъ побужденій онъ преслѣдовалъ еще личные честолюбивые и очень далеко заходившіе политическіе планы.

Для Димитрія пріѣздъ въ Тушино такой выдающейся личности, какимъ былъ староста Усвятскій, былъ конечно весьма желателенъ. Онъ тотчасъ отвѣчалъ ему въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, обѣщая, что если ему съ помощью Божьей удастся возсѣсть на престолъ, то онъ щедро вознаградитъ его. Кромѣ того, онъ просилъ его поспѣшить и придти съ войскомъ какъ можно скорѣй.

Несмотря на это, Сапѣга прибылъ въ Тушино годъ спустя. Задержка была вызвана вѣроятно военными приготовленіями и событіями, происходившими въ то время въ Польшѣ.

28 августа, когда Сапѣга, идя въ Тушино, остановился со своимъ отрядомъ въ Царево-Займищѣ, въ 41 верстѣ отъ Вязьмы, ему донесли, что недалеко оттуда находится царица со своимъ отцомъ и прочими польскими плѣнными, будучи задержана по пути на родину отрядомъ войска, высланнымъ изъ Тушинскаго лагеря.

Чтобы убѣдиться въ справедливости этого извѣстія, Сапѣга тотчасъ послалъ нѣсколько казаковъ, которые донесли, что, дѣйствительно, сендомирскій воевода съ дочерью и многими поляками находился въ селѣ Любеницахъ, всего въ четырехъ миляхъ отъ лагеря Сапѣги. Шуйскій отпустилъ наконецъ изъ Москвы польскихъ пословъ, Марину, семейство Мнишекъ, князя Константина Вишневецкаго и много знатныхъ поляковъ. Въ числѣ освобожденныхъ былъ Каспаръ Савицкій, который записалъ много характерныхъ подробностей объ ихъ путешествіи, а въ особенности о поведеніи Марины и ея отца, которые дѣйствовали несомнѣнно въ тайномъ согласіи съ Димитріемъ.

Шуйскій вполнѣ справедливо опасался, чтобы освобожденные имъ поляки, мстя за свое продолжительное плѣненіе, не отправились въ лагерь самозванца и не увеличили, такимъ образомъ, численность его войска, окружавшаго столицу. Во избѣжаніе этого, онъ далъ для сопровожденія ихъ отрядъ въ 500 чел. конницы и разослалъ другіе отряды въ тѣ мѣста, по которымъ они должны были проѣзжать.

Поэтому же было отдано приказаніе везти ихъ не обычной большой смоленской дорогой, а окольнымъ путемъ, черезъ болота и лѣса, въ которыхъ имъ не разъ приходилось, съ топоромъ въ рукахъ, прокладывать себѣ путь.

При этихъ условіяхъ путешествіе было сопряжено съ боль-

шими затрудненіями. „Чуть не цѣлый мѣсяцъ", жалуется Савицкій въ своемъ дневникѣ, „намъ приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ, среди полей и лѣсовъ. Съѣстныхъ припасовъ у насъ было мало, и мы доставали ихъ съ большимъ трудомъ; сколько дней мы не имѣли никакого питья, кромѣ воды. Вдобавокъ, намъ грозила большая непріятность: хотя мы ѣхали кружнымъ путемъ, минуя большую Смоленскую дорогу, но все же мы не могли миновать нѣкоторыхъ мѣстечекъ, жители коихъ уже не были вполнѣ преданы Шуйскому, или даже открыто перешли уже на сторону Димитрія. Мы не чувствовали себя въ этихъ мѣстахъ безопасно, тѣмъ болѣе, что самозванецъ приказалъ всѣхъ насъ задержать, а пана воеводу и его дочь доставить въ Тушинскій обозъ".

„Когда мы доѣхали до одного перекрестка въ лѣсу, не болѣе какъ верстахъ въ семи отъ Волги, шпіоны, которыхъ мы всегда высылали впередъ, сообщили намъ, что изъ Тушино посланы конные разъѣзды, чтобы задержать насъ. Наши провожатые были того мнѣнія, что ѣхать далѣе къ Волгѣ намъ не слѣдовало, а надобно было либо свернуть съ пути, либо остановиться и обождать дальнѣйшихъ извѣстій. Послѣ двухдневныхъ, весьма оживленныхъ споровъ, голоса раздѣлились: одинъ изъ пословъ, а именно Госѣевскій, вмѣстѣ съ королевскими послами и нѣкоторыми лицами изъ шляхты (къ которымъ присоединились іезуиты), поддерживали нашихъ провожатыхъ, основываясь на томъ, что они всю дорогу относились къ намъ почтительно и вѣжливо и такъ же, какъ и мы, страстно желали какъ можно скорѣе доставить насъ на границу Рѣчи Посполитой. Другой же главный посолъ, Олесницкій,вм ѣстѣ съ воеводою сендомирскимъ и царицей и большая часть поляковъ ни за что не хотѣли ѣхать инымъ путемъ, не соглашались остановиться, но хотѣли немедленно ѣхать по Волгѣ и какъ можно скорѣе переправиться черезъ эту рѣку. Они увѣряли, что если намъ могла угрожать опасность, то единственно отъ польскаго войска, которое составляло большую часть арміи самозванца, но ихъ, какъ единоплеменниковъ, намъ нечего было опасаться".

„Обѣ стороны горячо спорили, даже старались склонить противниковъ на свою сторону просьбами, но это ни къ чему не привело: каждый остался при своемъ мнѣніи. 8 августа воевода и Олесницкій поѣхали къ Волгѣ, а Госѣевскій со своими людьми, по совѣту нашей охраны, взявъ въ сторону, прибылъ на другой день въ Переяславль. Тутъ онъ увидѣлъ двухъ московскихъ воеводъ съ 5.000 отрядомъ конницы, которымъ велѣно было подстеречь нашихъ и не допустить, чтобы они отправились въ обозъ самозванца. Эти воеводы были крайне недовольны, услыхавъ, что царица и ея отецъ и нѣ-

которые поляки отдѣлились отъ прочихъ; они тотчасъ пустились за ними въ погоню, но имъ не удалось уговорить ихъ вернуться. Принудить ихъ къ этому они также не рѣшились, такъ какъ съ сендомирскимъ воеводою было не мало испытанныхъ въ бою солдатъ, тогда какъ московская конница этимъ не могла похвастать; къ тому же среди нея были люди, не сочувствовавшіе Шуйскому. Такимъ образомъ сендомирскій воевода поѣхалъ небезопасной Смоленской дорогой, а Госѣевскій — худшей, но за то вполнѣ безопасной дорогой на Велижъ".

Самозванецъ узналъ о выѣздѣ поляковъ изъ Москвы на другой же день по ихъ отъѣздѣ. Полагая, что если бы Марина всенародно признала его своимъ мужемъ, то это послужило бы для его подданныхъ доказательствомъ, что онъ былъ истиннымъ сыномъ Іоанна Грознаго, Димитрій рѣшилъ привезти ее въ Тушино и для этого, не теряя времени, послалъ за ней отрядъ войска подъ командою полковника польскихъ войскъ Валавскаго.

Но послѣдній не оправдалъ надеждъ Димитрія, а по словамъ Мархоцкаго, „предвидя, что если бы они вернулись, то это могло бы подать поводъ къ большимъ недоразумѣніямъ, онъ умышленно не догналъ ихъ".

Тогда самозванецъ послалъ другой отрядъ подъ командою Зборовскаго и князя Василія Масальскаго, которые и догнали поляковъ недалеко отъ границы, въ селѣ Верховьѣ близъ Бѣлой, безъ труда прогнали московскую конницу, отбили у нихъ плѣнныхъ и отошли къ Любеницамъ, гдѣ отдыхали нѣсколько дней.

Туда же прибылъ и Янъ-Петръ Сапѣга, чтобы „повидать царицу и сендомирскаго воеводу" и не разставался уже съ ними до самаго Тушина.

31 августа они двинулись въ Москву.

На другой день, „по пути, — читаемъ въ дневникѣ Сапѣги, — встрѣтилъ царицу Заблоцкій, посланный царемъ съ письмами къ ней и къ воеводѣ сендомирскому, чему царица была очень рада".

Сапѣга все время оказывалъ Маринѣ почетъ какъ настоящей царицѣ, а когда они поровнялись съ его обозомъ, подъ Можайскомъ, то онъ произвелъ въ честь ея смотръ своему небольшому, но отборному войску, которое „выстроилось въ боевомъ порядкѣ, подъ знаменами".

Тутъ Марина снова отдыхала три дня. 6 сентября двинулись далѣе къ столицѣ.

Подъѣзжая къ Москвѣ, Марина была чрезвычайно опечалена, узнавъ объ убіеніи перваго самозванца, о чемъ она до тѣхъ поръ не слыхала. Щадя ея молодость, отъ нея скрывали истинное положе-

ніе вещей и поддерживали ее въ увѣренности, что ему на самомъ дѣлѣ удалось спастись,—поэтому она и была „такъ рада“ письму, привезенному Заблоцкимъ. Только тутъ она узнала впервые о смерти перваго Димитрія и о томъ, что царь, съ которымъ она должна была вскорѣ встрѣтиться, какъ его жена, не былъ ея вѣнчаннымъ супругомъ, а былъ человѣкъ ей совершенно чужой.

По словамъ Буссова, ей сказалъ объ этомъ одинъ изъ польскихъ шляхтичей, котораго за это будто бы тотчасъ связали, а потомъ даже посадили на колъ [1]).

По словамъ же Мархоцкаго, Маринѣ сообщилъ это извѣстіе князь Василій Масальскій, одинъ изъ начальниковъ отряда, посланнаго самозванцемъ, чтобы захватить польскихъ плѣнныхъ.

Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности сказать, что именно въ этомъ разсказѣ согласно съ истиной. Несомнѣнно однако, что до пріѣзда въ Тушино самъ отецъ долженъ былъ выяснить это Маринѣ и подготовить ее къ той роли, которую ей пришлось вскорѣ играть. Если ея появленіе въ Тушинскомъ обозѣ должно было послужить на пользу какъ Мнишекамъ, такъ и самому Димитрію, то, разумѣется, первымъ условіемъ успѣха являлась полная согласованность въ ихъ дѣйствіяхъ.

Но Марина не легко примирилась съ ролью, навязанной ей отцомъ и родными, и подъѣхавъ 11 сентября къ столицѣ, она даже „не пожелала отправиться въ царскій обозъ“ и остановилась вмѣстѣ съ Сапѣгой на берегу Москвы-рѣки, въ разстояніи одной версты отъ Тушина.

Такое поведеніе Марины должно было произвести крайне неблагопріятное впечатлѣніе. Димитрій также не выѣхалъ ей навстрѣчу, и, чтобы какъ-нибудь объяснить ея и свое поведеніе, онъ сказался больнымъ.

Въ тотъ же день къ Маринѣ пріѣхали князь Рожинскій и нѣсколько знатныхъ воеводъ. Первый изъ нихъ пріѣхалъ, чтобы ее привѣтствовать, и, кромѣ того, ему было поручено привезти въ Тушино

[1]) А. Гиршбергъ считаетъ разсказъ Буссова, приводимый Костомаровымъ (Монографіи, т. V, изд. 1883, стр. 154) вымышленнымъ, равно какъ и то, будто „Марина ѣхала окруженная войскомъ, какъ плѣнница“. Правда, „Сапѣга окружилъ ее войскомъ, говоритъ А. Гиршбергъ, но это было сдѣлано только для ея безопасности и для оказанія ей должныхъ почестей“. Вообще, по мнѣнію автора цитируемаго нами сочиненія, всѣ приводимыя Костомаровымъ со словъ Буссова подробности въ высокой степени неправдоподобны и, такъ какъ онѣ не подтверждаются другими источниками, то ихъ надобно признать за одну изъ тѣхъ легендъ, которыя тогда же сложились вокругъ Марины.

В. Т.

отца Марины, съ которымъ самозванецъ очевидно хотѣлъ сговориться.

„11-го сентября воевода дѣйствительно былъ у царя и привѣтствовалъ его“.

Еще раньше Димитрій вступилъ съ нимъ въ переговоры письменно и чрезъ своего канцлера полковника Валавскаго, но, судя по ходу дальнѣйшихъ событій, ясно, что между ними тогда ничего еще не было условлено.

По всей вѣроятности, въ этомъ дѣлѣ приняли участіе по желанію Димитрія Сапѣга и Олесницкій, ибо въ послѣдующіе дни оба они ѣздили неоднократно „въ царскій обозъ“; самозванецъ принималъ ихъ весьма милостиво и приглашалъ къ своему столу. Изъ дневника Сапѣги узнаемъ, какого рода велись при этомъ бесѣды.

14 сентября Сапѣга былъ у царя на обѣдѣ. „Прежде всего, подавали московскій квасъ, затѣмъ другія довольно простыя кушанья; вообще все было приготовлено очень грубо и просто и подано очень неряшливо. Изъ напитковъ было нѣсколько сортовъ меда, разнаго вкуса; ихъ было подано очень мало и скупо; лишняго ничего не было“. „Лица, пріѣхавшія съ нимъ, не особенно были довольны этимъ угощеніемъ. За обѣдомъ царь пилъ нѣсколько разъ здоровье старосты, а также за здоровье короля и всего рыцарскаго войска“.

Послѣ обѣда обсуждались условія, на какихъ Мнишеки могли признать самозванца истиннымъ Димитріемъ. Видимо, они тогда же обо всемъ уговорились съ отцомъ Марины, ибо на другой день, „15 сентября, панъ воевода былъ у царя вторично, чтобы рѣшить“, какъ ядовито замѣчаетъ авторъ дневника, „истинный ли онъ царь или нѣтъ!“

За услугу, оказанную ему Юріемъ Мнишекомъ, самозванецъ обѣщалъ щедро вознаградить его и его родныхъ и даже выдалъ ему 14 октября 1608 г. за своей подписью документъ, коимъ обязывался „если Господь посадитъ его на престолъ, выдать Мнишеку изъ казны 300 тысячъ рублей“; кромѣ того, обѣщалъ отдать ему четырнадцать крѣпостей въ Сѣверной Украйнѣ, съ принадлежащими къ нимъ землями.

Дядя Марины, Николай Олесницкій, въ награду за его посредничество, получилъ г. Бѣлый, а ея двоюродному брату, Тарло, было обѣщано 20.000 злотыхъ.

Гораздо труднѣе было Димитрію сговориться съ Мариной. Когда, 16 сентября, онъ пріѣхалъ въ обозъ Сапѣги, „царица не особенно любезно поздоровалась съ царемъ и была недовольна его пріѣздомъ“.

Даже воеводѣ сендомирскому и роднымъ едва удалось склонить

ее взять на себя ту роль, которая была навязана ей для удовлетворенія ихъ корыстолюбія и алчности. Изъ ея поздѣйшей переписки явствуетъ, что эта несчастная женщина энергично противилась этому требованію и даже затаила по этому поводу въ своей душѣ чувство злобы и досады къ отцу [1]).

Въ концѣ концовъ Марина уступила однако его настояніямъ.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ въ точности, какимъ образомъ совершился этотъ психологическій процессъ въ душѣ Марины Мнишекъ. Въ письмахъ современниковъ и въ ихъ дневникахъ не встрѣчается на это намековъ. Не подлежитъ, впрочемъ, сомнѣнію, что помимо уговоровъ отца на ея рѣшеніе повліяли ея собственныя ея безграничное честолюбіе и жажда власти [2]).

20 сентября Сапѣга отвезъ ее въ царскій обозъ. Это было обставлено весьма торжественно.

Вѣроятно, нѣсколько дней спустя она втайнѣ обвѣнчалась съ самозванцемъ. Обрядъ вѣнчанія совершилъ одинъ изъ бернардинскихъ

---

[1]) Это видно изъ одного письма Марины къ ея отцу (Собр. гос. грам. и дог., ч. II, стр. 380).

Велевицкій говоритъ, что Мнишекъ приневолилъ дочь къ супружеской жизни со вторымъ Димитріемъ (тамъ же, стр. 278).

О. Пирлингъ приводитъ разсказъ одного изъ слугъ Олесницкаго, который, вернувшись изъ Тушина, говорилъ, что Марина, увидавъ самозванца (16 сентября), выказала ему свое нерасположеніе самымъ явнымъ образомъ и держа въ рукѣ ножъ, какъ будто хотѣла имъ зарѣзаться, кричала въ отчаяніи: „скорѣй умру, но не буду его женой!“ Надобно полагать, что этотъ разсказъ относится также къ числу басенъ, сложившихся о Маринѣ.

Еще менѣе вѣроятно извѣстіе, приведенное также о. Пирлингомъ (La Russie et le Saint-siège, т. III, стр. 354) по дневнику Мартина Стадницкаго. Оно не заслуживаетъ довѣрія потому, что Стадницкій не былъ въ то время ни въ обозѣ Сапѣги, ни въ Тушинѣ, а находился плѣннымъ въ Москвѣ, во дворѣ владыки смоленскаго (см. Pamietnik Niemojewskiego, стр. 309 и 315). Вообще дневникъ Стадницкаго не заслуживаетъ никакого довѣрія.

[2]) О. Пирлингъ въ своей статьѣ „Марина Мнишекъ послѣ майскаго погрома“ („Рус. Старина“, 1903 г., т. CXIII, стр. 235—258) рисуетъ поведеніе Юрія Мнишека совершенно ошибочно, говоря, что онъ первое время въ самомъ дѣлѣ признавалъ Тушинскаго вора за истиннаго Димитрія и мужа Марины (стр. 244) и что только впослѣдствіи у него зародилось сомнѣніе въ этомъ; что его заманили въ Тушино (стр. 246) и наконецъ, что 17 сентября 1608 г., во время переговоровъ съ боярами, онъ откровенно заявилъ имъ, что второй Димитрій былъ подставной (стр. 248). По словамъ автора, воевода дважды ѣздилъ въ Тушино, съ цѣлью убѣдиться въ этомъ. О. Пирлингъ допускаетъ также, что Марина осталась въ Тушинѣ вопреки отцовской волѣ. (стр. 249).

Прим. автора.

монаховъ, сопровождавшихъ ее,—надобно полагать, о. Антонъ Любельчикъ. Все это совершилось въ такой глубокой тайнѣ, что даже родной братъ Марины, Станиславъ, узналъ объ этомъ фактѣ лишь полтора года спустя.

Хотя Марина и признала Димитрія въ концѣ концовъ своимъ мужемъ, но ея долгія колебанія и переговоры, которые велись ея отцомъ съ самозванцемъ, не могли остаться совершенно тайными. „Нельзя было скрыть того“, пишетъ Мархоцкій, „что царица и прочія лица, знавшія Димитрія въ Москвѣ, увидавъ его, не хотѣли признать его; а впослѣдствіе трудно было исправить сдѣланную ошибку“. Такимъ образомъ „ея пріѣздъ принесъ болѣе вреда, нежели пользы“.

Обо всемъ этомъ толковали не только въ Тушинскомъ обозѣ, все это „дошло и до Москвы и было какъ нельзя болѣе на руку русскимъ и многихъ отвратило отъ Димитрія.

Шуйскому также очень скоро стало извѣстно о поведеніи Марины; его увѣдомилъ объ этомъ князь Василій Масальскій. Онъ проводилъ ее до самой столицы и лишь 10 сентября „поспѣшилъ съ нѣсколькими знатными боярами въ Москву“.

Василій былъ не прочь воспользоваться этими свѣдѣніями и постарался распространить ихъ среди приверженцевъ Димитрія, чтобы привлечь ихъ такимъ образомъ на свою сторону. Вѣроятно, съ той же цѣлью онъ выразилъ желаніе вступить съ самозванцемъ въ переговоры. Димитрій принялъ это предложеніе и вскорѣ подъ самыми стѣнами столицы съѣхались уполномоченные обѣихъ сторонъ: со стороны Димитрія—Юрій Мнишекъ, князь Романъ Рожинскій, Адамъ и Константинъ Вишневецкіе. Уполномоченными Шуйскаго были „три сенатора“: Василій Бутурлинъ, князь Өедоръ Прозоровскій и одинъ изъ князей Голицыныхъ.

Очень любопытно было бы знать подробно сущность переговоровъ, которые велись людьми, вполнѣ посвященными въ это дѣло; къ сожалѣнію, мы не имѣемъ для этого никакихъ данныхъ [1]).

---

[1]) Юрій Мнишекъ упомянулъ объ этихъ переговорахъ на сеймѣ въ Варшавѣ, 4 октября 1611 г,

„Начались переговоры. По желанію московитовъ я принялъ въ нихъ участіе. . . . меня спросили: „тотъ это царь или не тотъ?“ Я отвѣчалъ правду, какъ привыкъ ее говорить: „нѣтъ, не тотъ“. О. Пирлингъ повѣрилъ этимъ словамъ Мнишека и, основываясь на нихъ, пишетъ дословно: „ . . . въ Тушинѣ онъ изобличилъ обманщика, но его совѣта не послушали“.

Прим. автора.

Въ дневникѣ Сапѣги сдѣлана лишь слѣдующая лаконическая помѣта:

„Изъ переговоровъ ничего не вышло, и мы разъѣхались ни съ чѣмъ“. Шуйскому, кажется, не удалось достигнуть цѣли, ради которой были начаты переговоры.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Къ закрытію масонства въ Россіи.

Предписаніе военнаго министра командующему гвардейскимъ корпусомъ, 17 августа 1822 г., № 1507.

Его императорское величество, рескриптомъ на имя управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1-й день сего мѣсяца, соизволилъ изъявить высочайшую волю свою, чтобы всѣ тайныя общества, подъ какими бы именованіями они ни существовали, какъ-то масонскихъ ложъ или другими, закрыть и учрежденія ихъ впредь не дозволять, а членовъ оныхъ обязать особыми подписками.

Для исполненія сего высочайшаго повелѣнія и по военной части, я, за отсутствіемъ начальника главнаго штаба его императорскаго величества, увѣдомляя объ ономъ ваше высокопревосходительство, покорнѣйше прошу сдѣлать распоряженіе, чтобы г.г. генералы, штабъ- и оберъ-офицеры и нижніе чины изъ вольноопредѣляющихся и дворянъ, равно какъ и всѣ воинскіе чиновники, при штабахъ ввѣреннаго вамъ корпуса находящіеся, были поставлены о семъ въ подлежащую извѣстность на тотъ предметъ, что если кто изъ нихъ принадлежалъ къ ложамъ масонскимъ или инымъ тайнымъ обществамъ, какъ внутри Имперіи, такъ и внѣ ея существующимъ, то сдѣлалъ бы о томъ письменное объявленіе, означивъ званіе ложи или общества и утвердивъ подпискою по прилагаемой у сего формѣ, что болѣе къ оному не принадлежитъ и впредь никогда къ подобнымъ сословіямъ не причислится. Таковыя подписки должны быть доставлены въ самомъ скорѣйшемъ времени въ инспекторскій департаментъ главнаго штаба его императорскаго величества.

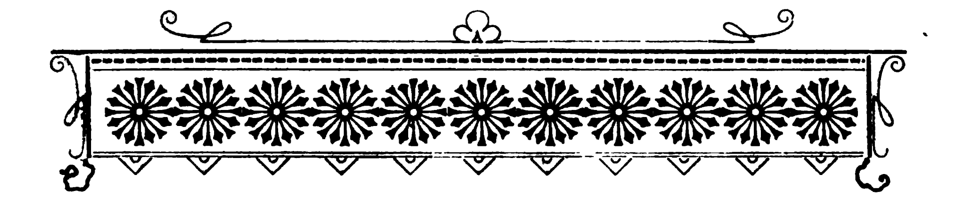
Государь императоръ надѣется, что всѣ г.г. военные чиновники поступятъ въ семъ случаѣ съ тѣмъ чистосердечіемъ и правдодушіемъ, какія приличны воинамъ, знающимъ правила чести, и обратятъ свое вниманіе на то, что, учинивъ присягу его величеству, они уже не свободны дать какую-либо другую присягу.

Къ сему нужнымъ считаю присовокупить, что настоящее распоряженіе должно быть исполнено не приказомъ по корпусу, но особыми извѣщеніями на имя командующихъ частями.

Общее по военному вѣдомству распоряженіе приводилось въ исполненіе неукоснительно. Подписки отбирались весьма тщательно. Отобрана была подписка даже отъ великаго князя Михаила Павловича, какъ командира первой гвардейской бригады.

Сообщ. Тира Соколовская.

Война за независимость славянъ [1]),

въ 1877—1878 гг.

Посмертныя записки генерала-отъ-инфантеріи П. Д. Зотова.

---

11 сентября. Новое неудобоисполнимое предписаніе отъ 10 сентября № 1207 „Кавалерійскіе отряды, посылаемые на лѣвый берегъ Вида, должны имѣть главной цѣлью по возможности уничтожить не только подвозъ продовольствія и снарядовъ къ войскамъ турецкимъ, расположеннымъ въ Плевно, но и затруднять имъ производить фуражировки въ окрестностяхъ. Имѣя въ виду, что исполненіе этого въ ближайшихъ окрестностяхъ города для кавалеріи невозможно, является необходимость прибѣгнуть къ *уничтоженію запасовъ*.—Вслѣдствіе чего великій князь приказалъ разрѣшить г.г. Крылову и Лошкареву, чтобы они изъ тѣхъ мѣстностей, которыя не могутъ обезпечить своею кавалеріею, предложили жителямъ переселиться и перевести свой скотъ и добро и объявили, что затѣмъ весь оставшійся скотъ будетъ забранъ, а запасы уничтожены.—Вообще въ отношеніи принятія мѣръ къ возможно большему затрудненію непріятелю доставать въ окрестностяхъ Плевно продовольствіе, великій князь предоставляетъ г.г. Крылову и Лошкареву полную свободу и слагаетъ съ нихъ отвѣтственность за тѣ случаи, когда, по ихъ соображеніямъ, нужно будетъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ.—Въ отношеніи предпріятій, на Софійскую дорогу, для разузнанія о подходящихъ транспортахъ и нападенія на нихъ, то эти предпріятія должны быть производимы по ***возможности далѣе отъ Плевны***, въ такомъ разстояніи, чтобы войска изъ этого города не могли подавать помощи,—

---

[1]) См. „Русская Старина“ мартъ 1907 г.

для чего предпріятія должны быть направляемы за Телишъ и производиться иногда съ соглашеніемъ и участіемъ отрядовъ изъ войскъ, занимающихъ Ловчу.—Что же касается до предпріятій противъ собирающихся вооруженныхъ жителей, то необходимо предпринимать экспедиціи и не одною кавалеріею съ артиллеріею, но можно назначить для ея поддержки и *небольшія части пѣхоты* 1, 2, 3 батальона, которые бы послѣ быстрой экспедиціи возвращались бы назадъ.—О чемъ сообщаю вашему превосходительству для доклада е. в. начальнику отряда и для распоряженія".

Все это прекрасно по теоріи, но въ примѣненіи на дѣлѣ неудобоисполнимо.—Уничтоженіе, напримѣръ, запасовъ, конечно, весьма полезная мѣра, чтобы вредить непріятелю, но въ данную минуту, при настоящей обстановкѣ, это мечъ обоюдо-острый; благодаря такимъ прекраснымъ учрежденіямъ, какъ наше интендантство и товарищество, армія наша сама живетъ средствами Болгаріи, по крайней мѣрѣ фуражное довольствіе до сихъ поръ всецѣло лежитъ на попеченіи войскъ и, ежели дѣло такъ было въ періодъ удобныхъ путей сообщенія, то нѣтъ причины предполагать, чтобы порядокъ измѣнился къ лучшему теперь, когда началась осенняя распутица.—Весьма вѣроятно, что мы захватимъ зиму подъ Плевно;—чѣмъ же будемъ питаться, когда истребимъ запасы болгаръ?—Возьмемъ другое предположеніе: „экспедиціи съ пѣхотою противъ собирающихся вооруженныхъ жителей".—Во-первыхъ, мало шансовъ, чтобы мы объ этомъ своевременно узнали, такъ какъ болгары служатъ усерднѣе туркамъ, нежели намъ. Но положимъ, что мы узнали, что вооруженныя банды собираются гдѣ-нибудь на лѣвомъ берегу Искера или въ горахъ между Видомъ и Искеромъ,—ближе этого сборъ вооруженныхъ жителей предположить трудно.—Чтобы захватить въ расплохъ подобное формированіе банды, пѣхота должна сдѣлать форсированнымъ маршемъ верстъ около 100 въ одинъ конецъ и 99 шансовъ противъ одного, что банда будетъ заблаговременно предупреждена и разсыплется или уйдетъ въ болѣе безопасное мѣсто; а мы только напрасно будемъ мучить нашу пѣхоту, которая и такъ уже замучена постоянными работами, осеннимъ ненастьемъ и недостаткомъ хорошей пищи и теплой одежды.—Послѣдній вопросъ при наступившемъ ненастьи начинаетъ выступать на первый планъ; у многихъ солдатъ утрачены шинели; полушубковъ или фуфаекъ во многихъ частяхъ совсѣмъ нѣтъ;—обувь приходитъ въ полную негодность, а вещевыхъ интендантскихъ складовъ нѣтъ, откуда бы можно было снабдить войска. — Вотъ вопіющій примѣръ: Костромской полкъ въ дѣлѣ 8 іюля утратилъ шинели, ранцы съ вещами и палатки, прошло съ тѣхъ поръ слишкомъ два мѣсяца, и полкъ, численностью въ 2.200 штыковъ,

стоитъ неподвижно въ Никополѣ, не получивъ утраченныхъ вещей.— Ближайшій вещевой интендантскій складъ оказывается въ Кіевѣ, куда и посланъ отъ полка пріемщикъ,—въ первыхъ числахъ сентября вещи получены и отправились, но когда прибудутъ къ полку, извѣстно единому Богу и управленію румынскихъ желѣзныхъ дорогъ.— Вообще руководители нынѣшней войны какъ будто бы игнорируютъ матеріальныя потребности арміи и думаютъ, что они маневрируютъ съ безплотными силами.

Пріѣхали 4 ординарца великаго князя: два Дерфельдена, Скарятинъ и Бенкендорфъ, посланные Крылову съ словесными инструкціями, какъ выразился Бенкендорфъ.—Двое Дерфельденовъ отправились чрезъ Рыбенъ, а остальные двое чрезъ Боготъ на Медованъ.

Вечеромъ получилъ донесеніе, что Лошкаревъ вернулся; транспортъ пропустили въ Плевно; у Лошкарева изъ 4-хъ полковъ раненъ одинъ рядовой—лучшее доказательство, что кавалерія своего дѣла не сдѣлала.—Должны быть: или результатъ, или потери, иначе быть не можетъ, ежели кавалерія дѣйствуетъ, какъ должна,—смѣло и рѣшительно.—По донесенію Лошкарева, Крыловъ послалъ для нападенія на транспортъ изъ 12 имѣвшихся у него полковъ кавалеріи только одну кавказскую казачью бригаду съ батареею и не хотѣлъ оказать содѣйствіе Лошкареву, пославъ ему сказать, что Лошкаревъ ему не подчиненъ.

Кавалерійскихъ генераловъ у насъ, оказывается, нѣтъ; все это ростетъ и воспитывается только на манежной ѣздѣ и на откормкѣ лошадей; а лихости, отваги нѣтъ и помину;—молодцы, подобные Андрыкаеву, встрѣчаются какъ рѣдкое исключеніе.

Прибыло отдѣленіе телеграфнаго парка, съ матеріаломъ для телеграфной линіи на 28 верстъ.—Составлю телеграфную линію отъ Порадима, чрезъ Славинцы, до моей ставки на позиціи, а оттуда до ставокъ Криднера и Померанцова. Какой у насъ во всемъ недостатокъ; у турокъ, напримѣръ, идетъ куда-нибудь отрядъ и вслѣдъ за нимъ проводится телеграфная проволока.—Въ Плевно всѣ укрѣпленія связаны между собою и со ставкою Османа проволокою.—И это вредная для дѣла экономія, на-ряду съ бросаніемъ милліоновъ въ карманы товарищества и интендантства.—Быстрота сношеній между частями войскъ въ военное время имѣетъ, безъ сомнѣнія, слишкомъ важное значеніе; посыльные же ѣдутъ тихо, сбиваются съ дороги и пр.—Лошкарева донесеніе послано въ 12 часовъ 20 минутъ и дошло до меня въ 5 часовъ, слѣдовательно, 4 часа 40 минутъ употреблено на проѣздъ 10 верстъ, насъ раздѣлявшихъ; правда, что посланный казакъ разыскивалъ меня въ Славинцахъ; но и этого не нужно бы было дѣлать, ежели бы мы были соединены телеграфомъ.

Почти каждую ночь у румынъ завязывается съ турками сильнѣйшая ружейная перестрѣлка, кто кого задѣваетъ—неизвѣстно;—но всегда остается безъ всякаго результата, только тревожатъ всѣхъ.

12 сентября. Получилъ телеграмму Непокойчицкаго, что великій князь недоволенъ медленностью работъ; но съ ограниченнымъ числомъ инструмента и при безпрерывныхъ дождяхъ работы не могутъ идти быстро;—кто-то изъ адъютантовъ, посланныхъ для повѣрки и ко мнѣ не явившихся, донесъ его высочеству.—Написалъ къ Непокойчицкому письмо съ претензіей за незаслуженное замѣчаніе.

Жалобамъ войскъ на интендантство нѣтъ конца.—Великій князь добръ, по ходатайству моему разрѣшилъ людямъ ежедневную чарку водки и по полфунта мяса сверхъ положенія; но интендантство не привозитъ спирта,—а ежели и привезутъ, то нѣтъ мѣры и спиртометровъ, такъ что нельзя опредѣлить ни количество, ни качество привезеннаго въ бочкѣ спирта; войска поставлены въ необходимость или вовсе не принимать, или принимать на вѣру, въ полномъ убѣжденіи, что они, кромѣ обмѣра, получаютъ спиртъ въ 40°—вмѣсто 80°.

Вторые сутки льетъ дождикъ; на позиціи отъ времени до времени раздаются пушечные выстрѣлы;—турки сильно укрѣпляются на Ловчинской дорогѣ—поняли, гдѣ ихъ уязвимое мѣсто.—Жизнь въ палаткѣ становится крайне непріятна.

13 сентября. О Крыловѣ ни слуху, ни духу; говорятъ, что пошелъ къ Рахову искать вооружающіяся турецкія банды.—Донесенія ни о дѣлѣ 10 числа, ни о движеніи къ Рахову нѣтъ.

14 сентября. Получаю письмо Непокойчицкаго съ разъясненіемъ повода присланной мнѣ третьяго дня телеграммы.—Возникаетъ противу меня новая претензія, что рѣдко посѣщаю принца Карла, который живетъ въ Порсдомѣ, за 10 верстъ отъ позиціи—съѣздить туда и назадъ въ теперешнюю распутицу значитъ потерять 4 часа времени, а меня ежечасно терзаютъ разнаго рода запросами и требованіями.—Я у принца бываю раза два въ недѣлю, этого слишкомъ достаточно для исполненія куртизанской стороны моего положенія.—Тутъ кроется что-то другое, видимымъ образомъ пріискиваютъ случаи быть мною недовольнымъ.—Имеретинскій давно говоритъ, что ему дивизіей командовать надоѣло—онъ такъ давно ею командуетъ, цѣлые два мѣсяца,—онъ привыкъ болѣе къ письменнымъ штабнымъ занятіямъ.—Вѣроятно, онъ и бьетъ на то, чтобы завладѣть моимъ мѣстомъ.—Ну, да Богъ съ нимъ; я не добивался званія начальника штаба румынскаго принца и предпочитаю командовать своимъ корпусомъ.

Къ вечеру, послѣ дождя подулъ сильный сѣверный вѣтеръ. Тутолмина требуютъ въ Горный Студень.

15 сентября. Изъ отряда Крылова пріѣхалъ ***Церетелли*** и разсказываетъ, что Крыловъ дѣйствительно для атаки на транспортъ послалъ только одну бригаду и что транспортъ въ 2.000 повозокъ почти безостановочно прошелъ въ Плевно.

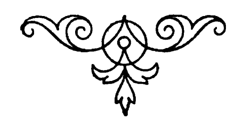
Вчера въ лагерѣ турокъ была слышна музыка и большое торжество; говорятъ, Османъ дѣлалъ смотръ прибывшимъ съ транспортомъ 5 таборамъ.

Войскамъ приказано строить землянки на занимаемыхъ ими позиціяхъ.—Къ намъ прибыла бригада донскихъ казаковъ ***Шамшева***, который по своей непомѣрной толщинѣ не можетъ ѣздить верхомъ.

Одинъ изъ полковъ приказано отправить въ Ловчу къ Карцову, а другой въ Систово—въ распоряженіе интендантства.—По просьбѣ Карцова посылаю ему роту саперъ.

П. Д. Зотовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

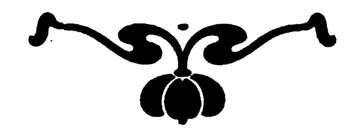
*

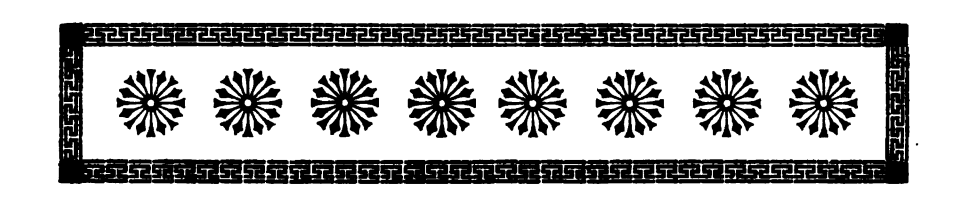
Къ матеріаламъ для послужного списка императора Александра II.

Запросъ великаго князя Михаила Павловича генералъ-адъютанту К. К. Мердеру, 23 апрѣля 1832 г., № 1171.

По назначеніи Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича въ Кавалергардскій Его Величества полкъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1830 года состоялось Высочайшее соизволеніе, чтобы считать Его Высочество по сему полку старшимъ поручикомъ. Усмотрѣвъ нынѣ, что Его Высочество имѣетъ эполеты по чину штабсъ-ротмистра, я прошу Ваше Превосходительство на будущее время извѣщать меня о подобныхъ перемѣнахъ; нынѣ же не оставить увѣдомленіемъ, въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ полагать старшинство Его Высочества въ чинѣ штабсъ-ротмистра.

Сообщилъ **Михаилъ Соколовскій.**

Ардаганскій отрядъ [1].

Воспоминанія о войнѣ 1877—1878 годовъ.

Константинъ Виссаріоновичъ Комаровъ, авторъ статьи—Ардаганскій отрядъ,—одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ генераловъ, посвятившій большую часть своей боевой службы Кавказу, который ему отлично извѣстенъ и исхоженъ имъ во многихъ 'мѣстахъ вдоль и поперекъ. К. В. Комаровъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1854—855 гг., 1859—864 гг., 1877—878 гг., былъ раненъ и контуженъ и имѣетъ почти всѣ ордена за боевыя отличія,—чинъ полковника, награжденъ золотымъ оружіемъ и орденами св. Георгія 4 и 3 степеней.

К. В. началъ въ 1859 г. свою службу прапорщикомъ л.-гв. въ Егерскомъ полку, затѣмъ, окончивъ курсъ академіи генеральнаго штаба, служилъ до 1868 г. офицеромъ генеральнаго штаба и, послѣдовательно проходя всѣ ступени военной іерархіи, командовалъ кавказскимъ гренадерскимъ стрѣлковымъ баталіономъ, 152 Владикавказскимъ полкомъ и за боевыя отличія награжденъ мундирами этихъ частей, затѣмъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Батумской области, начальникомъ Туркестанской стрѣлковой бригады, Ивангородскимъ комендантомъ, комендантомъ Варшавской крѣпости и помощникомъ командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа по управленію Варшавскимъ укрѣпленнымъ раіономъ.

Съ 1902 г. К. В. состоитъ членомъ Военнаго Совѣта въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи и числится по генеральному штабу.

Читатели „Русской Старины" прочтутъ на ея страницахъ описаніе боевой и походной жизни Константина Виссаріоновича. *Ред.*

Во время дневки я получилъ отъ уѣзднаго начальника Меписова непріятное извѣстіе, что аджарцы перешли Годерскій перевалъ въ большихъ силахъ и напали на нашъ кордонъ на Кобліанъ-Чаѣ, гдѣ было всего двѣ роты пѣхоты отъ Ахалцыхскаго гарнизона и двѣ сотни кавалеріи, подъ командою подполковника Лебедева.

Зная, что это дѣло серьезное, я вызвалъ полковника князя Эри-

---

[1]) См. „Русская Старина" 1907 г., апрѣль.

стова и приказалъ ему съ возможною поспѣшностью идти въ Ардаганъ, присоединить къ себѣ всѣ оставшіяся тамъ части Полтавскаго коннаго полка и затѣмъ спѣшить на помощь нашимъ малочисленнымъ войскамъ у Ахалцыха, направляясь въ тылъ наступавшихъ турокъ, на Годерскій перевалъ. Туда же дано приказаніе отправить и два батальона, остававшіеся въ Ардаганѣ для охраны города и нашихъ сообщеній. Я рисковалъ оставить Ардаганъ на двое сутокъ совсѣмъ безъ войскъ, увѣренный, что мѣстные жители, въ это время, ничего враждебнаго не предпримутъ.

Боевое мое счастіе въ этотъ день мнѣ не измѣнило. На привалѣ, недалеко отъ Хертвиса, явился ко мнѣ турецкій парламентеръ, сѣдовласый бимъ-баши (къ сожалѣнію, имя его неизвѣстно), съ укорами за уничтоженіе всего казеннаго имущества въ Ардanучѣ и съ требованіемъ выдать ему въ этомъ удостовѣреніе. Послѣ моего отказа, онъ выхватилъ изъ-подъ подола черкески пистолетъ, выстрѣлилъ въ меня въ упоръ и, пользуясь минутою замѣшательства, бросился съ кручи внизъ въ бѣгство. На плечахъ его очутился конвойный казакъ, урядникъ Замылло, который, послѣ короткой борьбы, отрубилъ ему голову. Пуля прошла между моею рукою и грудью, не причинивъ мнѣ ни малѣйшаго вреда, испортивъ лишь только сюртукъ, оставивъ дыры въ рукавѣ и таліи. Весь этотъ инцидентъ привелъ и меня и моихъ окружающихъ въ грустное расположеніе духа.

19-го, оставивъ пѣхоту свою отходить, я прибылъ въ Ардаганъ и очень былъ обезпокоенъ неимѣніемъ извѣстій изъ Ахалцыха. Мнѣ стало яснымъ, что вліяніе Шерифъ-Бека Аджарскаго перестало быть могущественнымъ и что Муширъ-Дервишъ-Паша, находившійся въ Батумѣ, послѣ успѣшнаго отпора, даннаго нашему Кобулетскому отряду, обратилъ вниманіе на Годерскій перевалъ, черезъ который могъ дѣлать намъ большія непріятности и заставить насъ держать здѣсь значительныя силы.

21-го я отправилъ на этотъ перевалъ еще два батальона и сформировалъ тутъ цѣлый отрядъ, подъ командою командира Севастопольскаго полка полковника Вождакина.

Своевременное прибытіе князя Эристова на линію Кобліанъ-Чай остановило успѣхи аджарцевъ; они отступили на Годересъ. Тѣмъ не менѣе здѣсь турки имѣли успѣхъ несомнѣнный. Двѣ сотни казаковъ нашихъ, подъ командою подполковника Лебедева, пострадали сильно. Самъ Лебедевъ получилъ 2 раны. Лошадей изъ строя выбыло много и до 40 человѣкъ казаковъ было убито и ранено.

Наступалъ для насъ весьма тяжкій періодъ. Турецкія силы въ это время возросли въ такомъ размѣрѣ, что мы были, считая всѣ наши отряды въ совокупности, слабѣе почти процентовъ на 40. Пре-

имущество наше заключалось лишь въ превосходствѣ артиллеріею и обозовъ.

13-го іюня генералъ-лейтенантъ Гейманъ штурмовалъ турокъ на Зивинской позиціи, прямо въ лобъ, по линіямъ, наиболѣе защищеннымъ и укрѣпленнымъ. Потерпѣлъ неудачу, понесъ около 200 человѣкъ потери и долженъ былъ отступить обратно къ Карсу. Это отступленіе разстроило превосходную комбинацію, — соединенными силами Карскаго и Эриванскаго отрядовъ, разбить Мухтаръ-Пашу гдѣ-либо въ треугольникѣ: Зивинъ, Дали-Баба, Гасанъ-Кала (мысль начать войну прямо съ наступленія на Эрзерумъ оказалась вполнѣ подтвердившеюся, но уже не теоретически, а практически, хотя и несвоевременною).

Участникъ этого штурма, мой родной братъ, генералъ-лейтенантъ Дмитрій Виссаріоновичъ Комаровъ, раненый въ этомъ сраженіи, всю неудачу приписываетъ тому, что рѣшеніе штурмовать Зивинъ послѣдовало безъ предварительнаго изученія мѣстности рекогносцировками, безъ плана. Зивинская позиція отлично обходилась съ Востока, но для этого надо было пройти еще верстъ 25 впередъ, чтобы обезпечить себѣ хорошую боевую обстановку. Силъ для этого у генерала Геймана было достаточно, даже и въ томъ случаѣ, ежели бы онъ опасался, что турки могутъ выйти изъ Зивина на его сообщенія. Вся вина неудачи подъ Зивиномъ была сложена на офицера генеральнаго штаба, подполковника Войнова, который объявилъ, что знаетъ эту мѣстность хорошо, и повелъ нашу кавалерію въ обходъ по невозможному для нея пути, съ котораго она должна была вернуться, не принеся никакой пользы. Но хорошъ и Гейманъ, полагавшійся на значеніе кавалеріи при обходѣ укрѣпленной позиціи: даже ежели бы кавалерія и дошла бы до Зивина съ юго-восточной стороны, то не принесла бы никакой пользы. Неудача, постигшая генерала Геймана, всею тяжестью легла на Эриванскій отрядъ генералъ-лейтенанта Тергукасова. Ему пришлось отступать передъ превосходными силами турокъ, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, происходившихъ отъ 2-хъ причинъ: а) одновременно съ его отступленіемъ переселялось въ наши предѣлы армянское населеніе Алашкертской долины и б) отрядъ нашъ, занимавшій Баязетъ, былъ окруженъ и ожидалъ выручки. Отступленіе это совершено не безъ потерь, но блистательно. Оцѣнить его могутъ лишь тѣ, кто сами бывали поставлены въ необходимость отступать передъ сильнымъ противникомъ. Эпизодъ этотъ еще недостаточно освѣщенъ, но онъ дѣлаетъ изумительную честь и Арзасу Артемьевичу Тергукасову, и нашимъ славнымъ войскамъ.

Одновременно съ горькими впечатлѣніями, пережитыми нами въ

центрѣ нашихъ военныхъ дѣйствій въ Малой Азіи, мы окончательно потеряли надежду пробиться, въ ту пору, то-есть въ концѣ іюня и въ теченіе іюля мѣсяцевъ, и на Батумъ. Войска Кобулетскаго отряда сами обратились въ заслонъ отъ наступленія турокъ изъ Батума въ предѣлы Кутаисской губ. По возможности этотъ отрядъ былъ ослабленъ и части войскъ переведены на усиленіе нашихъ главныхъ силъ, отступавшихъ отъ Карса и расположившихся большимъ лагеремъ на Караялѣ и Курюкъ-Дара.

Извѣстія изъ Дагестана и Чечни были тоже неблагопріятныя. Въ обѣихъ областяхъ: Дагестанской и Терской образовалось не только враждебное намъ народное движеніе, но и организовались весьма значительныя вооруженныя шайки, которыя вполнѣ прекратили гражданское теченіе жизни и заставляли насъ охранять войсками всѣ пути сообщенія въ этой обширной части Кавказа. Двѣ лучшихъ нашихъ боевыхъ дивизіи: 20-я и 21-я, расположенныя въ этихъ областяхъ, удержаны здѣсь на все время войны.

Мусульманскій мірокъ торжествовалъ, подъемъ его духа становился опаснымъ. Для насъ стало ясно, что у насъ войскъ недостаточно. Извѣстія изъ Россіи, что на усиленіе кавказскихъ войскъ прибудутъ дивизіи: 40-я изъ Саратова и 1-я гренадерская изъ Москвы, были вполнѣ своевременны, но до прихода ихъ надо было держаться оборонительно. Эту послѣднюю точку зрѣнія принялъ Лорисъ-Меликовъ. Противнаго взгляда былъ Гейманъ, имѣвшій значительную партію поклонниковъ, слѣпо-довѣрявшихъ его боевому таланту. Изъ этой разности взглядовъ конечно ничего хорошаго произойти не могло; на Лорисъ-Меликова оно дѣйствовало удручающимъ образомъ.

Отъ этого общаго обзора вновь перехожу къ описанію того, что дѣлалъ, въ это тяжкое время, Ардаганскій отрядъ.

Въ началѣ іюля отряду этому предстояла задача не только охранять пути къ Аббасъ-Туману, Боржому и Ахалкалакамъ, но и не допустить организоваться возстанію жителей въ занятыхъ нами турецкихъ провинціяхъ.

Отважный турецкій партизанъ Мирали, съ 400 всадниками, основалъ свое гнѣздо въ самыхъ трудно-доступныхъ мѣстахъ, у истоковъ р. Куры, въ дер. Мизератъ и Алтынъ-Булахъ, съ цѣлью взволновать чалдырскій участокъ, заставить мѣстныхъ жителей подняться и идти разорять наше поселеніе „въ Духоборье“, а вмѣстѣ съ тѣмъ порвать сообщенія между Ахалкалаками и Карсомъ. У мѣстныхъ жителей не было никакой охоты играть въ руку этому авантюристу, но не было и силы ему противодѣйствовать. Восточнѣе Чавдырскаго озера онъ не рисковалъ пробираться, опасаясь столкнуться съ нашими войсками, распространившими сферу своихъ дѣйствій до самаго

озера, а западнѣе надо было пробраться на Зурзуну, хорошо прикрытую войсками Ардаганскаго отряда, который съ этою цѣлью я расположилъ сѣвернѣе гельскихъ болотъ, отъ Алагеза до дер. Паныки. Первыя три недѣли іюля мѣсяца съ партизанами Мирали у меня шла игра „въ кошку-мышку“. 20 іюля онъ мнѣ попался въ западню у гельскихъ болотъ, гдѣ половина его партіи была истреблена. Самъ же онъ и другая половина успѣли ускользнуть, благодаря тому, что двѣ моихъ сотни, подъ командою нерѣшительнаго подполковника Жукова, шли вяло и не успѣли отрѣзать ему путь на южную сторону вышеназванныхъ болотъ. Замѣчательный по быстротѣ переходъ сдѣлалъ въ этотъ день 1-й кавказскій стрѣлковый батальонъ: около 45 верстъ въ 14 часовъ ходу.

Разгромленіе Мирали быстро успокоило всю страну. Это дало мнѣ возможность приступить къ закупкамъ зерна для снабженія ардаганскаго провіантскаго магазина по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Операцію эту уѣздные начальники: Ардаганскій—Меписовъ и Посховскій,—Месхіевъ выполнили блистательно, но такъ какъ я, на это время, силою своей власти, прекратилъ, заготовки нашихъ подрядчиковъ въ Ардаганскомъ округѣ, которые, имѣя цѣну 18 рублей, портили мнѣ дѣло, тогда какъ я платилъ ниже на 9 рублей, то и нажилъ себѣ большія непріятности. Жалобы подрядчиковъ и ихъ инструкціи дѣлали мнѣ большія огорченія. Впослѣдствіи эти заготовки имъ были разрѣшены, но тѣхъ крупныхъ барышей, на которые они разсчитывали, они уже не получили. Около конца іюля я былъ точно убѣжденъ, что спокойствіе въ странѣ установилось прочно, а потому я донесъ о томъ Лорисъ-Меликову и спрашивалъ его согласія командировать часть Ардаганскаго отряда въ лагерь подъ Караялъ и привесть съ собой два полка пѣхоты: Владикавказскій и Севастопольскій; въ Ардаганѣ же оставить одинъ полкъ Кубанскій. Разрѣшеніе это было получено; кажется, 31 іюля я выступилъ, направляясь на Омеръ-ага, Чатахъ, Порцухлю и далѣе по рѣкѣ Карсъ-Чаю. 2 августа я бивакировалъ впереди Порцухлю. Навстрѣчу мнѣ отъ нашихъ войскъ, расположенныхъ на Караялѣ, должна была выступить колонна подъ командою генералъ-маіора Авинова, чтобы подкрѣпить меня въ томъ случаѣ, ежели бы турки вздумали бы меня атаковать на маршѣ къ Караялу.

По недоразумѣнію приказаніе получилось поздно: колонна генералъ-маіора Авинова не вышла. Турки пробовали меня атаковать, но понесли большія потери отъ нашей артиллеріи, вслѣдствіе того что перейти Карсъ-Чай имъ не удалось и моему движенію они не воспрепятствовали. Дѣло обошлось кавалерійскою стычкою, въ ко-

торой приняла участіе только моя кавалерія. Потеря моя была ничтожна.

По прибытіи въ лагерь подъ Караялъ, я скоро ознакомился съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ, черезъ Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова и начальника штаба отряда, генерала Духовского. Они были въ разногласіи. Лорисъ-Меликовъ находилъ не только не нужнымъ, но даже и невозможнымъ дѣлать какія-либо предпріятія, а Духовской игралъ въ руку Геймана и считалъ, что мы въ силахъ разбить противника въ его неприступной позиціи на Аладжинскомъ хребтѣ, несмотря на то, что онъ превосходилъ насъ въ $1^1/_2$ раза. Главная квартира главнокомандующаго находилась въ Александрополѣ и рѣшающія приказанія для дѣйствій получались оттуда.

Для яснаго пониманія обстановки описываемой мною минуты, я долженъ возвратиться назадъ и изложить то, что узналъ въ лагерѣ подъ Караяломъ отъ самого Лорисъ-Меликова, съ которымъ видѣлся и бесѣдовалъ подолгу ежедневно.

Послѣ неудачи, понесенной нами 13 іюня подъ Зивиномъ, мы были вынуждены не только оттянуть Эриванскій отрядъ генерала Тергукасова по направленію къ Игдырю (Эр. губ.), но и снять осаду Карса. Гловнокомандующій турецкою арміею, Мухтаръ-Паша, въ это время занялъ весьма искусно позицію на Аладжинскихъ высотахъ, откуда, при превосходныхъ силахъ, могъ броситься куда угодно: на Караялъ, чтобы отбросить насъ отъ Александрополя, или на Ани, чтобы порвать наши сообщенія съ Эриванью. Вѣроятно, это такъ бы и случилось, но у турокъ не было достаточно перевозочныхъ средствъ, чтобы двигать свои артиллерійскіе парки и провіантъ, они, такъ сказать, сами себя привязали къ Аладжинскимъ высотамъ и могли дѣлать движенія лишь на одинъ, много на два перехода. За то позиція ихъ на Аладжѣ была вполнѣ неуязвима, да сверхъ того они ее и хорошо укрѣпили.

Лорисъ - Меликовъ считалъ свои силы достаточными, чтобы отстаиваться на Курюкъ-Дара и Караялѣ оборонительно, но вполнѣ недостаточными для дѣйствій наступательныхъ. Его же ближайшіе помощники: генералъ-лейтенантъ Гейманъ и начальникъ штаба генералъ-маіоръ Духовской, были мнѣнія совершенно противнаго и оба, обходными путями, доводили до свѣдѣнія главнокомандующаго, что успѣхъ атаки не только обезпеченъ, но и несомнѣненъ. Въ главномъ штабѣ арміи, въ Александрополѣ послѣднее мнѣніе считалось аксіомой, а потому, не ожидая прихода 40-й пѣхотной дивизіи, бывшей въ это время на маршѣ и уже прошедшей Ахалкалаки, составилось убѣжденіе о своевременности и необходимости атаковать Мухтара неотложно. Дабы побудить это исполнить, 3-го августа

экстренно пріѣхалъ въ лагерь на Караялѣ начальникъ штаба арміи генералъ-маіоръ Павловъ. Въ минуту его пріѣзда я находился въ палаткѣ Лорисъ-Меликова, гдѣ, около раскрытой карты, мы обсуждали наше положеніе. Лорисъ-Меликовъ былъ утомленъ и какъ-то чувствовалъ себя не въ полномъ здоровьѣ. Вошелъ генералъ Павловъ и прямо приступилъ къ разговору, ясно имѣвшему цѣль разъяснить ту переписку, которая уже нѣкоторое время велась между обѣими квартирами. „Его Императорское Высочество желаетъ, чтобы вы немедленно атаковали турокъ на Аладжѣ; доводовъ вашихъ объ отсрочкѣ этого дѣла, до прихода подкрѣпленій, онъ не признаетъ“.

— „Не могу: не съ чѣмъ“,—отвѣчалъ Лорисъ-Меликовъ,—„въ случаѣ неудачи положеніе мое сдѣлается критическимъ; я долженъ выжидать“. „Впрочемъ обождите, я дамъ отвѣтъ письменно“. Черезъ двѣ, три минуты Лорисъ-Меликовъ написалъ великому князю письмо, содержаніе коего мнѣ было неизвѣстно, на словахъ же онъ еще разъ подтвердилъ, что до прихода подкрѣпленій, всякія атаки турокъ онъ считаетъ крайне рискованными и только, повинуясь письменному приказу, рѣшится ихъ исполнить.

Письмо это было вручено генералу Павлову, который, послѣ этого, моментально уѣхалъ въ Александрополь.

„Вотъ, братецъ“, обратился ко мнѣ Лорисъ-Меликовъ: „какъ мы тутъ воюемъ; говоритъ мнѣ сердце: тутъ добра не будетъ“.

4-го числа полученъ приказъ: сдѣлать противъ турецкой арміи, расположенной на Аладжѣ, усиленную рекогносцировку.

Въ лагерѣ, при квартирѣ Лорисъ-Меликова, находился генералъ французской арміи, графъ де-Курси; это былъ бравый молодецъ, просто одѣтый въ скромную конно-артиллерійскую униформу. Расположеніе его и любовь къ русскимъ войскамъ были безпредѣльны и пересиливали обыкновенное чувство любопытства посмотрѣть, какъ русскіе дерутся и умираютъ. Онъ въ свою очередь понималъ невозможность предстоящаго предпріятія и ожидалъ исхода затѣяннаго дѣла съ какимъ-то затаеннымъ страданіемъ, которое не могъ скрывать.

4-го августа, вечеромъ, появилась диспозиція: колонна генералъ-лейтенанта Девеля должна была дѣйствовать, а ежели возможно, то и атаковать голову турецкихъ войскъ, направляясь отъ Курюкъ-Дара на укрѣпленную гору Инахъ-Тапу. Здѣсь главная атака. Генералъ Гейманъ съ своею колонною выдвинется къ Субботану и, ежели возможно, то переходитъ здѣсь болотистую рѣчку и атакуетъ турокъ въ флангъ.

Третья колонна, подъ моимъ начальствомъ въ составѣ 2-хъ пѣхотныхъ полковъ, 12 орудій, 2-хъ сотенъ казаковъ, атакуетъ позиціи турокъ на горѣ Большой-Ягны и развлекаетъ ихъ силы.

Вся линія усиленной рекогносцировки составляетъ около 20-ти верстъ; нигдѣ не было резервовъ для развитія успѣха. Такъ какъ мнѣ приходилось сдѣлать около 25 верстъ, чтобы 6-го утромъ начать дѣйствія, одновременно съ другими колоннами, то я выступилъ въ ночь съ 5-го на 6-е августа.

Итакъ, мы дѣлали усиленную рекогносцировку, опредѣленнаго ничего не было. Только этимъ и можно было объяснить столь туманную безцѣльную диспозицію.

Колонна моя шла безпрепятственно и въ 6 часовъ утра начала взбираться на гору Большую-Ягну. Единственный турецкій разъѣздъ, или вѣрнѣе пикетъ, стоявшій на вершинѣ этой горы, съ которой вся мѣстность видна на 25 верстъ въ окружности, завелъ со мною дальнюю перестрѣлку, но вскорѣ скрылся изъ вида. Отрядъ мой подтянулся и выстроился къ сѣверу отъ этой горы, чтобы войти въ связь съ ген.-лейт. Гейманомъ.

Не прошло и получаса, какъ противъ меня, со стороны Авліарскаго укрѣпленія и Визинкево стали показыватся густыя турецкія колонны. Я приказалъ начать медленное отступленіе и сообщилъ о томъ запискою генералу Гейману.

Въ 9 часовъ утра, въ громадныхъ силахъ, до 15 таборовъ, турки бросились на мой отрядъ, но были отбиты. Я успѣлъ отойти версты 4. Въ 12 часовъ дня они повторили атаку, но были отбиты вновь.

Я успѣлъ отойти еще верстъ 5 и расположиться на холмистой равнинѣ, на обширномъ турецкомъ кладбищѣ, уставленномъ могильными плитами большихъ размѣровъ. Давъ знать генералу Гейману о своемъ тяжкомъ положеніи, я просилъ отъ него подкрѣпленій и, ежели возможно, то объ атакѣ турокъ во флангъ. Полковникъ князь Эристовъ не получилъ, а привезъ отвѣтъ словесный: подкрѣпленія не будетъ.

Отступать далѣе было невозможно: позицію на кладбищѣ я считалъ за лучшую и здѣсь рѣшился отстаиваться, во что бы то ни стало. Между 2 и 5 часами по полудни, турки сдѣлали нѣсколько повторительныхъ атакъ, но каждый разъ безъ успѣха. Въ пять часовъ вечера ко мнѣ прибыли подкрѣпленія: сначала конвой Его Высочества намѣстника, а затѣмъ Нижегородскій и Сѣверскій драгунскіе полки. Кавалерія наша дважды ходила въ атаку, оба раза съ блистательнымъ успѣхомъ. Въ 8-мь часовъ вечера бой прекратился. Потеря моя убитыми и ранеными была ужасающая: изъ

двухъ полковъ я потерялъ около 600 человѣкъ! Впослѣдствіи объяснилось, что о ходѣ дѣла Лорисъ-Меликовъ получалъ донесенія съ нашего телеграфа, расположеннаго на Курюкъ-Дара, и выслалъ ко мнѣ на подкрѣпленіе нашу кавалерію, но послѣдней пришлось сдѣлать около 20 верстъ пути, прежде чѣмъ она вступила въ боевую сферу, окружающую мой отрядъ.

Къ 10-ти часамъ вечера всѣ наши войска отступили на свои позиціи къ Курюкъ-Дара и къ Караялу. День не принесъ ничего, кромѣ 1.200 человѣкъ потери убитыми и ранеными.

Лорисъ-Меликовъ былъ очень опечаленъ результатами дня, но головы не потерялъ. Уже 7-го числа у него родилось твердое намѣреніе занять впереди Курюкъ-Дара гору Кизыль-Тапу и стать тамъ твердою ногою, чѣмъ и обезпечить себѣ во всякое время возможность дѣйствовать по долинѣ рѣчки Субботанъ съ сѣвера на югъ, по правому ея берегу.

Въ Главной квартирѣ, въ Александроплѣ, смотрѣли на дѣло совсѣмъ иначе и, неизвѣстно по какимъ уважительнымъ причинамъ, ослабили отрядъ, стоявшій при Курюкъ-Дара и составлявшій авангардъ главныхъ силъ, тѣмъ, что передвинули дивизію генералъ-лейтенанта Девеля къ Ани. Правда, на мѣсто этой дивизіи къ Лорисъ-Меликову начала прибывать 40-ая пѣхотная дивизія, но задача этимъ не уяснялась, а скорѣе запутывалась: неужели въ главной квартирѣ придали вѣроятіе турецкой баснѣ о томъ, что Мухтаръ-Паша раздѣлитъ свои силы и, оставивъ заслонъ противъ Лорисъ-Меликова, съ остальными войсками двинется по направленію къ Эривани, чтобы громить стоявшій близъ урочища Игдырь отрядъ генерала Тергукасова?

7 и 8 августа производилось изслѣдованіе, почему такъ сильно пострадалъ 6 августа мой, такъ называемый, Ардаганскій отрядъ. Генералъ-де-Курси вышелъ изъ роли равнодушнаго наблюдателя и явился самымъ ярымъ моимъ защитникомъ, генералъ же Гейманъ, не подавшій мнѣ никакой помощи и потерявшій въ этотъ день не болѣе 2 дюжинъ ранеными, былъ моимъ обвинителемъ. Истина вскорѣ обнаружилась и общее сочувствіе перешло на сторону Ардаганскаго отряда.

7 августа пріѣхалъ въ Караяльскій лагерь генералъ-маіоръ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ; желаніе его было получить какое-либо значительное командованіе, и объ этомъ шла переписка между обѣими квартирами, главною и Лорисъ-Меликовскою.

8 августа Лорисъ-Меликовъ принялъ окончательное рѣшеніе усилить свой авангардъ, гдѣ, за уходомъ генерала Девеля, оставалась только одна наша кавалерія, подъ командою генералъ-лейтенанта

князя Чавчавадзе, и занять впереди лежащую гору Кизылъ-Тапу. Для производства регкогносцировки выѣхали: генералъ Черняевъ, я, генералъ-маіоръ Духовской и полковникъ Бульмерингъ. Рекогносцировка показала всю важность этой позиціи, а потому рѣшеніе занять эту гору состоялось въ тотъ же вечеръ.

На слѣдующій день туда отправленъ изъ состава пришедшей 40 дивизіи Имеретинскій полкъ, полковника Карасева, но какъ этого считалось недостаточнымъ, то рѣшено усилить еще этотъ пунктъ двумя батальонами Владикавказскаго полка и двумя батареями полевой артиллеріи.

Къ сожалѣнію, въ главномъ лагерѣ обнаружился недостатокъ сухарей, и отправленіе этихъ подкрѣпленій замедлилось, въ силу этой причины, до 11 числа. Итакъ въ теченіе нѣсколькихъ дней полкъ Карасева на Кизылъ-Тапѣ стоялъ совершенно изолированнымъ.

Генералу Черняеву предложили въ командованіе бригаду пѣхоты; онъ разобидѣлся и немедленно, 11 августа, уѣхалъ обратно въ Россію.

10, 11, 12 августа подошла вся 40 дивизія. Равновѣсіе нашихъ силъ съ турецкими нѣсколько возстановилось; безпокоило только предчувствіе за Кизылъ-Тапу, такъ какъ, подкрѣпленія туда посланныя, не могли поспѣть ранѣе 13 августа, къ полдню.

Въ три часа утра, еще до разсвѣта, при полной лунѣ, раздался первый пушечный выстрѣлъ. Турки неожиданно атаковали Кизылъ-Тапу и отъ Субботана, во флангъ нашей позиціи на Караялѣ, двинули массы войскъ. Кизылъ-Тапа попала въ руки турокъ почти моментально; полкъ полковника Карасева опрокинутъ и сброшенъ съ горы; кавалерія наша при Курюкъ-Дара отброшена по направленію къ Пирвали, съ значительнымъ трономъ.

Мой, Ардаганскій, отрядъ прибылъ на помощь авангарду въ 5 часовъ утра, но обратить дѣло въ нашу пользу, по превосходству турецкихъ силъ, уже не могъ.

На Субботанской рѣчкѣ, весьма тутъ болотистой, произошла формальная бойня.

Я былъ раненъ пулей въ грудь на-вылетъ и передалъ командованіе генералъ-маіору Гурчину, командиру кавказской стрѣлковой бригады.

Положеніе наше было нѣкоторое время весьма тяжкимъ, но благодаря подходу 2 бригады 40 дивизіи быстро смѣнилось въ наш пользу: въ 1 часъ по полудни турки начали отступать.

Наступленіе турокъ на Субботана тоже не имѣло успѣха; они были отбиты полками кавказской гренадерской дивизіи: въ 4 часа по по-

лудни мы отошли обратно на свои лагерныя мѣста на Курюкъ-Дара и Караялъ.

Потери наши доходили до 1.800 человѣкъ.

Бой этотъ выяснилъ: что турки при недостаткѣ полевой артиллеріи и полномъ отсутствіи обоза въ наступленіе перейти не могутъ и что мы спокойно можемъ ожидать на своихъ позиціяхъ подхода 1 гренадерской дивизіи генерала Ропа, двинутой на Кавказъ изъ Московскаго военнаго округа.

Для полноты пониманія описаннаго дня 13 августа, я долженъ добавить, что колонна генералъ-лейтенанта Девеля, находившаяся впереди Ани, вновь двинулась по направленію на Караялъ, чтобы принять участіе въ бою, но за дальностью подошла слишкомъ поздно и участіе въ боѣ приняла слабое, одною лишь артиллеріею. Колонна эта, послѣ боя, опять оставлена въ распоряженіи генерала Лорисъ-Меликова.

Сраженія, данныя 6 и 13 августа, при сознаніи, что силы наши недостаточны для перехода въ наступленіе и что именно съ этою цѣлью и вытребованы изъ Россіи 40 и 1 гренадерская дивизіи, кладутъ на весь періодъ военныхъ дѣйствій характеръ безсистемности и случайности.

Ежели къ этому добавить, что въ это время, для связи съ Эриванскимъ отрядомъ, была выдвинута колонна генералъ-маіора Цытовича на нижнемъ теченіи Арпачая и совершенно безцѣльно маневрировала колонна генералъ-лейтенанта Девеля, то къ Ани, то обратно къ Курюкъ-Дара, то станетъ яснымъ, что истинно быть сильными на стратегическомъ пунктѣ мы постоянно ставили на второй планъ.

15 августа главная квартира вновь была переведена изъ Александрополя на Караялъ и было принято безповоротное рѣшеніе ожидать подхода 1 гренадерской дивизіи изъ Москвы.

В. Комаровъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ лѣтописи русскаго флота.

Письмо моряка.

Предъ нами письмо русскаго контръ-адмирала Овцына, погибнувшаго въ 1798 году на Черномъ морѣ при разбитіи фрегата „Царя Константина“. Вотъ что писалъ Овцынъ дѣтямъ, предчувствуя свою скорую кончину...

„Любезный мой сыночекъ Василій Ивановичъ, голубчикъ мой Василечекъ! Будь навсегда здоровъ и да будетъ надъ тобой Божіе и мое грѣшное благословеніе. Рости и будь счастливъ, а выростешь—учись и будь къ ученію прилеженъ, мать свою почитай и слушайся и съ сестрами своими живи дружно и согласно и меня, ежели не возвращусь, поминай. Что дѣлать, Вася? видно, ты несчастливъ. Мнѣ хотѣлось тебя около Покрова видѣть и на рукахъ своихъ держать, но теперь Богъ вѣдаетъ, ворочусь ли къ вамъ живъ или убьютъ. Буди воля Божья. Двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать. Я уже пожилъ и умереть мнѣ уже можно, но того жаль, что я тобой не повеселился и не порадовался, и что три твои сестры останутся и ни одной не успѣлъ пристроить. Такъ нечаянной случай подъѣлъ. Буди воля Господня. Богъ имъ будетъ отецъ и покровитель, помощникъ и защитникъ.

Итакъ, мой другъ и сынъ Василій Ивановичъ, сіе письмо пишу я къ тебѣ, можетъ быть, первое и послѣднее. И ежели до тебя Богъ милостивъ будетъ, что ты будешь жить, то это мое къ тебѣ письмо будетъ тебѣ доказательствомъ, что ты мой сынъ, а я твой отецъ.

Еще возьми себѣ мой патентъ, данной мнѣ на чинъ капитана 2-го ранга за рукою блаженной памяти императрицы и наслѣдника, а нынѣ царствующаго императора. Грамоту же о орденѣ—Дунѣ, статутъ—Пелагеѣ, Катѣ письмо, писанное ко мнѣ отъ фельдмаршала Рѣпнина. И такимъ образомъ у всѣхъ у васъ четверыхъ будетъ по доказательству, отъ какого вы отца родились.

Еще, Васенька, нѣтъ у тебя ничего такого, чѣмъ бы тебѣ было меня помянуть: у сестеръ есть перстни алмазные, жемчугъ и часы, и еще денегъ по три тысячи рублей слишкомъ и по слугѣ, а у тебя, мой другъ, нѣтъ ни того, ни другого; то и купилъ я тебѣ добраго слугу, котораго и посылаю тебѣ при семъ и съ крѣпостью,—да на платье и обувь ему при семъ же посылаю ассигнацію въ 25 рублей; и на оныя деньги попроси мать, чтобъ одѣли его и обули. Итакъ поздравляю тебя съ слугой, котораго береги и жалуй и больше прощай, нежели наказывай. Ты будешь пяти, а онъ двадцати пяти,—и можетъ уже за тобой имѣть смотрѣніе и тебѣ служить.

Еще посылаю тебѣ для памяти золотую табакерку, вѣсомъ въ 22$^1/_2$ золотника, за которую заплатилъ сто рублей.

Вотъ, другъ мой, только у меня для тебя изготовлено.

Да тысячу рублей получи изъ тѣхъ двухъ, которыя на подполковникѣ Родзянкѣ, а другую тысячу раздѣлить Дунѣ и Пелагеѣ на свадебное платье, на постелю и на бѣлье.

Прости, мой другъ, любезной сыночекъ Василій Ивановичъ! Тебѣ завтра будетъ отъ роду годъ и двадцать недѣль ровнехонько. Полно титьку у бабы сосать,—дурно. А ѣшь хлѣбъ и молоко, супъ и кашу. Прости же, Васильюшко. Я тебя заочно цѣлую и прижимаю. Прости и молись о мнѣ Богу. Тебя мнѣ сердечно жаль, но Богъ тебя не оставитъ. Прости, мой сынъ! я теперь немного попишу къ сестрамъ моимъ...

Вы мои голубушки дочки: Авдотья, Пелагея и Катерина Ивановны! Будьте здоровы и веселы и кланяйтесь Домнѣ Васильевнѣ. Буди надъ вами Божіе благословеніе и мое отцовское. Я вамъ желаю всякаго добра и благополучія.

Я иду теперь противъ проклятыхъ французскихъ пуль и ядеръ, и какъ я на сраженіи задоренъ и сердитъ и бѣгаю вездѣ, то думаю, что меня Богъ укокошитъ; а вы, ежели сіе со мной случится, прощайте и не поминайте лихомъ. Богъ вамъ будетъ отецъ. Жениховъ послѣ меня выбирайте сами съ матерью; приданое у васъ есть.

О неоставленіи васъ писалъ я къ Николаю Семеновичу и просилъ; о томъ же писалъ къ Герингу и къ Ивану Григорьевичу.

И вамъ теперь не для чего ѣхать въ Севастополь, а дожидаться, что со мной будетъ. Добро ваше, присланное ко мнѣ, и мною кое-что заготовленное не пропадетъ; я вамъ посылаю при семъ реестръ. И ежели меня убьютъ, то къ вамъ все велятъ привезти. Жаль мнѣ, что вы осталися ни съ чѣмъ. Но потерпите, что ежели я буду живъ

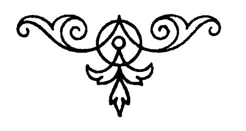
и приду назадъ, самъ за вами пріѣду; а буде умру, вамъ уже въ Крымъ незачѣмъ ѣхать.

Простите же и молитесь Богу. А я, слава Богу, здоровъ.

Отецъ вашъ Иванъ Овцынъ.

Писано во вторникъ 10 числа августа, за пять дней до Успеньева дни, 1798 году въ Севастополѣ.

Сообщилъ Д. Успенскій.

Царство Польское наканунѣ конституціи 1815 года [1]).

(*Окончаніе*).

Прежде нежели приступить къ организаціонной работѣ, временному правительству было необходимо составить себѣ ясное представленіе объ экономическомъ положеніи страны, объ ея протяженіи, населенности и производительныхъ силахъ, но для того, чтобы собрать точныя, строго провѣренныя данныя, которыя однѣ могли дать объ этомъ ясное представленіе, у него не было ни денегъ, ни времени, ни рабочихъ силъ; пришлось отказаться отъ мысли собрать новыя статистическія данныя; надобно было ограничится сводкой матеріаловъ, собранныхъ за предыдущіе годы и выводомъ изъ нихъ соотвѣтствующихъ заключеній. Полученныя такимъ путемъ свѣдѣнія во многихъ отношеніяхъ были совершенно невѣрны, а слѣдовательно и сдѣланные изъ нихъ выводы не были свободны отъ грубыхъ погрѣшностей; и дѣйствительно, даже пространство, занятое царствомъ Польскимъ, вычисленное приблизительно, на основаніи данныхъ 1810 г., съ поправкою относительно земель, отошедшихъ по Вѣнскому договору къ Австріи, Пруссіи и Краковской республикѣ, оказалось впослѣдствіи на самомъ дѣлѣ больше на цѣлыхъ шестьдесятъ семь квадратныхъ миль.

Также точно временное правительство не могло составить себѣ яснаго представленія объ экономическомъ положеніи страны, истощенной за послѣдніе три года до послѣдней крайности. Такъ, напр., по подсчету, сдѣланному Новосильцевымъ, въ первый бюджетный годъ должно было поступить въ казну 36.770.000 п. злот.; расходъ исчислялся имъ въ 24.000.000 п. зл., включая сюда и значительныя суммы, подлежавшія, согласно постановленію Вѣнскаго трактата, къ уплатѣ дворамъ Берлинскому, Вѣнскому и Виртембергскому. По

[1]) См. «Русск. Ст.» 1907 г. апрѣль.

этому подсчету оставалось, слѣдовательно, около 12 милліоновъ злотыхъ на содержаніе польскаго войска, погашеніе долговъ и пр. При утвержденіи же бюджета на 1815—16 годъ состояніе финансовъ оказалось несравненно хуже; приходъ сократился на 12 слишкомъ милліоновъ. Это налагало на временное правительство обязательство соблюдать во всемъ величайшую экономію.

Изыскивая къ тому средства, правительство рѣшило упразднить два учрежденія, созданныя во время существованія Варшавскаго герцогства, а именно главную счетную палату и народную гвардію.

Главная счетная палата, учрежденная въ 1808 г., на обязанности которой лежало составленіе годовыхъ отчетностей по всѣмъ вѣдомствамъ, обходилась странѣ свыше 104 тысячъ злот. ежегодно и не оправдала возложенныхъ на нее надеждъ; заключенія ея дѣлались произвольно, и она не только не внесла въ отчетность надлежащаго порядка, но, напротивъ, внесла въ нее нежелательную путаницу.

Вслѣдъ за счетной палатой была упразднена народная гвардія, учрежденная въ 1811 году, въ которой обязаны были нести службу всѣ жители Варшавскаго герцогства, въ возрастѣ отъ 20—50 лѣтъ исключая лицъ духовнаго званія и слабосильныхъ.

Многіе города были обязаны выставить, обмундировать и содержать на свой счетъ извѣстное число людей, зачисляемыхъ въ эту гвардію. Варшава, напр., была обязана содержать 273 человѣка, что̀ обходилось ей ежегодно свыше 255 тысячъ злотыхъ. Существованіе гвардіи было для страны тяжелымъ бременемъ; она отвлекала людей отъ ихъ повседневныхъ занятій; и они „отвыкали отъ труда“. Эта повинность не только сокращала замѣтнымъ образомъ наплывъ ремесленниковъ въ города, но заставила многихъ, издавна проживавшихъ въ городахъ, переселяться въ другія мѣста; и это отражалось самымъ невыгоднымъ образомъ на развитіи промышленности.

Временное правительство рѣшило упразднить гвардію, но не успѣло привести это въ исполненіе.

Имъ были упразднены должности „областныхъ“ и „окружныхъ“ начальниковъ; нѣкоторые изъ нихъ, получивъ большія прогонныя деньги, уѣхали въ Россію, но 18 человѣкъ осталось въ Польшѣ, въ качествѣ чиновниковъ особыхъ порученій гражданскаго вѣдомства. Учрежденіе этихъ новыхъ должностей мотивировалось тѣмъ, что присутствіе въ краѣ русскихъ и главнымъ образомъ русской арміи дѣлало необходимымъ имѣть людей, знающихъ русскій языкъ и мѣстные законы, которые были бы въ состояніи улаживать недоразумѣнія, возникавшія между русскими и мѣстными жителями, и главное между командирами отдѣльныхъ частей русской арміи и мѣстными властями. Впрочемъ, на этихъ чиновниковъ возлагались и другія

обязанности. Одинъ изъ нихъ былъ назначенъ въ распоряженіе генералъ-интенданта графа Санти, другіе командировались Ланскимъ и Новосильцевымъ въ разныя мѣста для исполненія самыхъ разнообразныхъ порученій. Четверо изъ нихъ должны были постоянно находиться въ Варшавѣ,—остальные въ провинціи, по два въ каждой губерніи.

Въ общей картинѣ той страшной неурядицы, которая царила во всѣхъ отрасляхъ управленія Польши въ разсматриваемый трехлѣтній періодъ ея существованія, особенно плачевно рисуется бѣдственное положеніе ея финансовъ; помимо общихъ экономическихъ причинъ, на нихъ особенно пагубно отразилось безтолковое хозяйничанье Христофора Коломба, бывшаго министромъ „доходовъ и имуществъ" (финансовъ) Варшавскаго герцогства съ февраля 1813 по 1 іюня 1815 г.

Онъ былъ рекомендованъ императору Александру I барономъ Штейномъ, который вслѣдъ за занятіемъ Варшавскаго герцогства русскими войсками представилъ императору записку объ управленіи герцогствомъ, въ которой, между прочимъ, указалъ на тѣхъ лицъ, кои по его мнѣнію заслуживали полнаго довѣрія администраціи. Чѣмъ руководствовался Штейнъ въ своей оцѣнкѣ этихъ лицъ, можно судить по тому, напр., что въ его спискѣ ректоръ университета Швейковскій былъ причисленъ къ числу лицъ, кои „сѣютъ среди молодежи сѣмена соблазна и внѣдряютъ въ нее ненависть къ прочимъ національностямъ". Это сужденіе свое онъ основывалъ исключительно на „крамольной" рѣчи, произнесенной ректоромъ въ Варшавѣ въ 1812 г., въ „которой онъ отозвался, по словамъ Штейна, о прусскомъ правительствѣ весьма оскорбительно и съ неблагодарностью".

Среди лицъ, рекомендованныхъ Александру I Штейномъ на разныя должности, было множество пруссаковъ, „терпѣвшихъ нужду въ Пруссіи" и которые, по его словамъ, „при измѣнившихся обстоятельствахъ охотно вернулись бы въ Варшаву, гдѣ они служили подъ владычествомъ Пруссіи". Особеннаго вниманія и полнаго довѣрія стороны императора Александра заслуживалъ, по его мнѣнію, Христофоръ Коломбъ, человѣкъ „безупречной честности, весьма талантливый, работящій, энергичный".

Благодаря поддержкѣ Штейна, Коломбъ былъ назначенъ членомъ административнаго совѣта и ему было ввѣрено завѣдываніе финансами, но онъ совершенно не оправдалъ надеждъ, возлагавшихся на его административные таланты и усердіе. Ровно черезъ годъ, въ февралѣ 1814 г., былъ положенъ предѣлъ единоличному его хозяйничанью и высшій надзоръ надъ финансами, въ которыхъ царилъ „не-

вообразимый хаосъ", былъ возложенъ по повелѣнію Александра I, на Новосильцева; но это еще болѣе запутало дѣла. Коломбъ все-таки оставался еще на своемъ посту, всѣ ассигновки и бумаги поступали сперва въ канцелярію министра, оттуда ихъ отсылали въ совѣтъ, а изъ совѣта онѣ возвращались обратно въ министерскую канцелярію для исполненія. Какъ оказывается, онѣ пересылались по большей части не пронумерованными, не вписанными въ журналъ, и нерѣдко безслѣдно затеривались либо въ канцеляріи совѣта, либо въ канцеляріи Новосильцева, либо въ министерской канцеляріи. Въ еще худшемъ состояніи находилась отчетность главной кассы, которая велась неумѣло, безо всякой системы. Предписанія совѣта, контроля и Коломба зачастую противорѣчили одно другому, и изъ кассовыхъ отчетовъ, составлявшихся на основаніи этихъ противорѣчивыхъ предписаній, нельзя было сдѣлать никакого общаго вывода.

„Финансы", по словамъ Матушевича (преемника Коломба), „пришли бы въ величайшее разстройство", если бы императоръ Александръ не уволилъ наконецъ Коломба 17 апрѣля 1815 г.

Извѣщая Коломба о состоявшемся по этому предмету высочайшемъ повелѣніи, Новосильцевъ „предложилъ ему, въ наивозможно кратчайшій срокъ, представить подробный отчетъ о состояніи финансовъ за время его управленія".

Въ отвѣтъ на это предложеніе Коломбъ доказывалъ, что отчетъ долженъ быть представленъ не имъ, а главной кассой и что представить полный отчетъ за все время его управленія, какъ того требовалъ Новосильцевъ, онъ не имѣлъ возможности, такъ какъ, получая новое назначеніе въ Познани, онъ долженъ былъ немедленно уѣхать туда на жительство; на этомъ основаніи онъ просилъ освободить его отъ работы, которая требовала не мало времени и не могла быть выполнена имъ какъ слѣдуетъ.

Въ тотъ же день Коломбъ подалъ прошеніе о выдачѣ ему паспорта для выѣзда со всей семьей въ Познань.

Временное правительство разрѣшило ему выѣхать за границу, „не освобождая его однако отъ отвѣтственности, которая могла пасть на него по разсмотрѣніи представленной имъ отчетности".

Получивъ паспортъ, Коломбъ немедленно уѣхалъ въ Познань, гдѣ онъ занялъ видный административный постъ. Отчетности, которой отъ него требовали, онъ такъ и не представилъ, но временное правительство на этомъ и не настаивало.

Въ 1816 г., въ октябрѣ мѣсяцѣ, Коломбъ обратился къ Новосильцеву съ запросомъ, лежитъ ли на немъ еще какая-либо отвѣтственность и, если нѣтъ, какъ онъ предполагалъ, то онъ просилъ выдать ему оффиціально аттестатъ; просьбу свою онъ мотивировалъ

тѣмъ, что его дѣло вызвало въ Варшавѣ крайне непріятные для него толки. Ему отвѣтили, полгода спустя, что аттестатъ не можетъ быть ему выданъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончена ревизія представленной имъ отчетности.

Дѣло было снова предано забвенію.

Между тѣмъ изъ краткаго отчета, представленнаго Коломбомъ, выходило, что по книгамъ главной кассы не значилось на приходѣ свыше двухъ милліоновъ п. злот., внесенныхъ въ нее провинціальными кассами. Куда они дѣлись, было неизвѣстно. Коломбъ объяснялъ это тѣмъ, что „провинціальныя кассы, заключивъ счета въ день подписанія Вѣнскаго договора, препроводили въ главную кассу значительныя суммы денегъ, которыя были ими занесены въ расходъ. главная же касса, заключивъ свои счета въ тотъ же день, не успѣвъ получить этихъ суммъ, не могла показать ихъ на приходѣ".

Дальнѣйшая судьба этихъ денегъ осталась невыясненной.

Въ 1826 г. Коломбъ еще разъ напомнилъ о себѣ; этотъ разъ онъ обратился къ самому императору съ просьбою объ увольненіи его окончательно въ отставку.

По этому дѣлу давалъ объясненія Любецкій. На вопросъ императора Николая I, что было причиною этой десятилѣтней проволочки, онъ доложилъ, что въ этомъ виновенъ самъ Коломбъ, не представившій своевременно отчетности, которой отъ него требовали, что онъ долженъ былъ сдѣлать въ своихъ собственныхъ интересахъ. Правительство же царства Польскаго не придавало этому дѣлу особаго значенія, такъ какъ о гражданской отвѣтственности Коломба, занимавшаго въ Пруссіи высокій служебный постъ, не могло быть и рѣчи. Вышеупомянутую неточность въ отчетной вѣдомости, представленной Коломбомъ, надлежало, по мнѣнію Любецкаго, отнести исключительно на счетъ безпорядочнаго веденія отчетности во время его управленія министерствомъ доходовъ и имуществъ; при чемъ Любецкій не допускалъ мысли о злоупотребленіи или умышленной недобросовѣстности съ его стороны или со стороны его подчиненныхъ; не допуская по отношенію къ Коломбу ни малѣйшаго подозрѣнія, Любецкій основывалъ свою увѣренность на близкомъ съ нимъ знакомствѣ и совмѣстной трехлѣтней службѣ въ административномъ совѣтѣ.

На этомъ дѣло кончилось.

Преемникъ Коломба, Матушевичъ, вступивъ въ управленіе финансами царства Польскаго 29 іюня 1815 г., принялъ тяжелое наслѣдіе; всѣ дѣла, по его отзыву, были въ состояніи „самой страшной неурядицы", положеніе финансовъ было критическое и на ихъ улучшеніе не было ни малѣйшей надежды. Предложенная имъ для провѣрки

кассовой наличности мѣра—временно пріостановить всякіе платежи—была найдена неосуществимой.

„Въ главную кассу являются толпы народа", писалъ министръ, „требуя выдачи причитающихся имъ просроченныхъ процентовъ по разнымъ бумагамъ и обязательствамъ; отказать имъ въ этомъ требованіи невозможно, успокоить ихъ обязываетъ насъ не только долгъ справедливости, но и необходимость обезпечить спокойствіе страны". Онъ считалъ необходимымъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что „временное правительство считаетъ своимъ священнымъ долгомъ удовлетворить всѣ претензіи частныхъ лицъ, но въ виду огромныхъ затрудненій, которыя правительству приходится встрѣтить на этомъ пути, оно проситъ ихъ быть терпѣливыми и повременить".

Такъ какъ въ виду всеобщаго обѣднѣнія о строгомъ взысканіи податей нечего было и думать, а торговля и промышленность не могли улучшиться въ короткій срокъ,—то для улучшенія финансовъ временному правительству царства Польскаго оставался одинъ путь—строгой экономіи.

Нижеслѣдующій краткій перечень произведенныхъ въ ближайшіе мѣсяцы расходовъ покажетъ, въ какой мѣрѣ это было достигнуто.

Первый крупный расходъ былъ вызванъ торжественнымъ празднованіемъ учрежденія царства Польскаго, продолжавшееся три дня, оно обошлось казнѣ свыше 46 тысячъ злотыхъ. Вскорѣ послѣ этого, на ремонтъ Брюлевскаго дворца, въ которомъ помѣщался великій князь Константинъ Павловичъ, было отпущено (въ разное время) болѣе 5 т. п. зл.; на меблировку его, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, израсходовано около 25 тысячъ злотыхъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ къ императору Александру, находившемуся въ Парижѣ, былъ посланъ съ донесеніемъ графъ Левъ Потоцкій, получившій на дорогу туда и обратно 12 тысячъ зл.

11 сентября праздновался день тезоименитства императора Александра, а 27 числа—годовщина его коронованія въ Москвѣ. Оба дня были торжественно отпразднованы въ Варшавѣ. Въ день именинъ императора былъ обѣдъ въ замкѣ, увеселенія для народа иллюминація города—на что было ассигновано 15.700 зл. Въ годовщину коронаціи одна иллюминація города и обѣдъ въ замкѣ обошлись 10 т. п. зл. На ремонтъ Радзивилловскаго театра, въ которомъ должна была играть, съ соизволенія Александра I, французская труппа, потребовалось 12 тыс. зл. Впрочемъ, временное правительство выговорило, что въ случаѣ „благопріятныхъ обстоятельствъ" эти деньги будутъ возвращены казнѣ. Тогда же на возобновленіе народ-

наго театра и залъ редута было выдано „безъ возврата“ 32½ тыс. злотыхъ.

Въ исходѣ октября временное правительство стало готовиться къ встрѣчѣ Александра I, который долженъ былъ посѣтить Варшаву, тріумфальныя ворота и амфитеатръ для публики обошлись 12 тыс. зл. Неудивительно, что въ теченіе 1815 г. финансы царства Польскаго не только не улучшились, но пришли въ состояніе еще большаго растройства.

Временному правительству надобно было немедленно приступить къ выполненію весьма важной и неотложной задачи: проведенія демаркаціонной линіи со стороны губерній, уступленныхъ Пруссіи—подъ названіемъ великаго герцогства Познанскаго. Передача Пруссіи этихъ губерній должна была послѣдовать черезъ 21 день послѣ ратификаціи трактатовъ, т. е. 30 мая 1815 г., но 21 мая административный совѣтъ царства Польскаго получилъ отъ князя Адама Чарторыйскаго извѣщеніе, что эта передача состоится нѣсколько дней позднѣе, а именно послѣ ревизіи кассъ 1 іюня, и что прусскія власти объ этомъ предувѣдомлены.

Между тѣмъ уже 24 мая, т. е. за четыре дня до условленнаго срока, прусскій генералъ Тюменъ занялъ Межирѣчье, „приказалъ мѣстнымъ властямъ прекратить всѣ оффиціальныя сношенія съ правительствомъ царства Польскаго и забралъ всю кассовую наличность“. Узнавъ о томъ, варшавскій генералъ-губернаторъ потребовалъ возврата денегъ и цѣнныхъ бумагъ, но это требованіе удовлетворено не было.

Прусское правительство, не дожидаясь оффиціальной передачи уступленной ему части Польши, заняло не только всѣ отнынѣ принадлежавшія ему земли, но и нѣсколько вовсе не принадлежавшихъ ему городовъ, возврата которыхъ временное правительство тщетно добивалось въ теченіе всего 1815 года.

Прусское правительство обязалось доставить временному правительству царства Польскаго необходимые для проведенія демаркаціонной линіи документы и карты, составленныя имъ въ періодъ времени съ 1793 по 1806 г. Съ той и съ другой стороны были назначены для разграниченія комиссіи; въ сентябрѣ польскіе и прусскіе комиссары съѣхались въ Млавѣ; хотя къ работамъ было приступлено немедленно, но временное правительство покончило свое существованіе прежде, нежели были окончены эти работы.

Въ половинѣ октября въ Варшавѣ ожидали прибытія императора Александра I, ѣхавшаго изъ Парижа черезъ Берлинъ. 17 октября возвратилась въ Варшаву депутація, ѣздившая въ Парижъ, чтобы вручить императору медаль, выбитую въ память учрежденія царства

Польскаго. Въ тотъ же день выѣхалъ въ Берлинъ Новосильцевъ, гдѣ онъ долженъ былъ ожидать пріѣзда императора. Онъ вернулся 9 ноября въ Варшаву съ извѣстіемъ, что царь подъѣзжаетъ къ границѣ царства Польскаго и направляется на Калишъ, куда немедленно выѣхали Адамъ Чарторыйскій, каштелянъ збоинскій и Александръ Линовскій. Торжественный въѣздъ императора совершился въ воскресенье, 12 ноября. Въ 12 часовъ императоръ подъѣхалъ къ Мокотовской заставѣ. Облачившись въ польскій генеральскій мундиръ и надѣвъ орденъ Бѣлаго орла, онъ въѣхалъ въ городъ верхомъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, принявъ у тріумфальныхъ воротъ отъ президента ключи города Варшавы; улицы были расцвѣчены флагами, дома убраны коврами; во всѣхъ церквахъ звонили въ колокола и отъ тріумфальныхъ воротъ вплоть до Саксонской площади были разставлены шпалерами войска. На Саксонской площади былъ произведенъ смотръ войску: прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ двѣнадцати тысячъ солдатъ продолжалось полтора часа. Затѣмъ императоръ Александръ въѣхалъ на Краковское предмѣстье, гдѣ были устроены амфитеатры для публики, и гдѣ государя привѣтствовали воспитанники лицея, инженернаго училища, свѣтское и монашествующее духовенство съ епископомъ во главѣ и польскіе ветераны. Члены временнаго правительства, государственный совѣтъ, сенатъ и прочія высшія гражданскія власти ожидали государя на замковой лѣстницѣ.

Императоръ прибылъ въ замокъ въ часъ дня. Послѣ представленія высшихъ военныхъ властей, президентъ сената Островскій привѣтствовалъ Александра I отъ имени царства Польскаго. Гражданскія власти представлялись ему на другой день.

Съ того момента, какъ императоръ пріѣхалъ въ Варшаву, полномочія временнаго правительства должны были прекратиться, но указомъ отъ 16 ноября они были продолжены на нѣкоторое время, съ извѣстными ограниченіями; а именно, монарху должны были докладывать ежедневно о всѣхъ распоряженіяхъ, сдѣланныхъ временнымъ правительствомъ, и обо всѣхъ поступившихъ къ нему донесеніяхъ, а всѣ вопросы законодательные и организаціонные должны были рѣшаться не иначе, какъ съ особаго его соизволенія. Того же числа приказомъ по арміи великій князь Константинъ Павловичъ былъ назначенъ „главнокомандующимъ польскаго войска“ и ему были подчинены всѣ войска царства Польскаго.

Прекрасно обученное имъ польское войско удостоилось своимъ „молодцоватымъ видомъ и отличной выправкой“ высочайшаго одобренія; назначеніемъ главнокомандующимъ великаго князя государь хотѣлъ показать войску, насколько онъ цѣнитъ труды, положенные

на него великимъ княземъ. Нѣсколько дней спустя, прошелъ слухъ о назначеніи Константина Павловича намѣстникомъ; когда этотъ слухъ не оправдался, у варшавянъ зародилась надежда, что намѣстникомъ будетъ назначенъ князь Адамъ Чарторыйскій. Этого ожидали всѣ, ожидалъ и самъ Чарторыйскій, но Александръ ни единымъ словомъ не подтверждалъ этой надежды. Выборъ будущаго намѣстника держался въ тайнѣ—объ этомъ стало извѣстно лишь по отъѣздѣ царя; тѣмъ временемъ шла напряженная работа по окончательной редакціи конституціоннаго устава. Главныя статьи конституціи, которыя стали вскорѣ извѣстны, вызвали всеобщее удовольствіе. Императоръ Александръ самъ подолгу просиживалъ надъ исправленіемъ проекта конституціоннаго устава вмѣстѣ со Станиславомъ Потоцкимъ и Новосильцевымъ, которому была поручена его окончательная редакція.

21 ноября пріѣхали въ Варшаву князь Антонъ Радзивиллъ, намѣстникъ познанскій, архіепископъ гнѣзненскій Рачинскій и генералъ Мурандъ и два дипломата: вице-канцлеръ Нессельроде и шведскій посланникъ Левенгельмъ.

Съ 8 ноября въ Варшавѣ находилась также депутація, посланная императору изъ трехъ литовскихъ губерній, Виленской, Гродненской и Минской, съ княземъ Михаиломъ Огинскимъ во главѣ, по иниціативѣ котораго она и пріѣхала [1]). Въ числѣ депутатовъ находились уроженцы этихъ губерній, издавна проживавшіе въ Варшавѣ и которые занимали даже тамъ высшія должности. Отъ Виленской губерніи были избраны Михаилъ Огинскій, Ѳома Вавржецкій, Александръ Поцѣй и Людвигъ Платеръ; отъ Гродненской—Ксаверій Любецкій, Станиславъ Нѣмцевичъ, Людвигъ Пацъ, Войцехъ Пусловскій и Суходольскій; отъ Минской—Игнатій Лахницкій, Людвигъ Радзивиллъ, Щитъ и Карлъ Любецкій.

Отъ Подоліи и Волыни также были избраны депутаты, но мѣстныя власти не дозволили имъ отправиться въ Варшаву.

Литовцамъ дана была аудіенція 26 ноября. Огинскій говорилъ отъ имени всѣхъ депутатовъ. На выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ и безграничной преданности къ нему жителей Литвы, которые возлагали на него всѣ свои надежды, Александръ I поручилъ Огинскому передать его сородичамъ, что „ихъ благополучіе было всегда предметомъ его заботъ и стараній, что онъ помнилъ о нихъ даже среди трудовъ военнаго времени и непрестанно думалъ объ улучшеніи ихъ участи“. Повелѣвъ имъ изложить свои просьбы пись-

---

[1]) Литовская депутація, прибывшая въ Варшаву съ дозволенія императора, имѣла политическую цѣль: какъ извѣстно, Огинскій представилъ императору Александру I еще въ 1811 г., проектъ образованія изъ провинцій бывшей Польши великаго герцогства Литовскаго.

менно, императоръ обѣщалъ исполнить ихъ по мѣрѣ возможности. По отъѣздѣ депутаціи, бесѣдуя съ находившимся тутъ же Ланскимъ. императоръ сказалъ: „они не ошибутся, возлагая на меня свои надежды, я сдѣлаю для нихъ болѣе, нежели они думаютъ“.

27 ноября былъ подписанъ Александромъ I польскій „конституціонный уставъ“. Всю ночь съ перваго на второе декабря императоръ занимался просмотромъ и утвержденіемъ многочисленныхъ статей органическаго статута, дополнявшаго „уставъ“. Въ тотъ же день былъ подписанъ указъ о назначеніи намѣстника, но это все еще хранилось въ тайнѣ. Лишь на слѣдующій день, поздно вечеромъ, наканунѣ своего отъѣзда, Александръ I призвалъ статсъ-секретаря Игнатія Соболевскаго и сообщилъ ему, что онъ назначаетъ намѣстникомъ Заіончека. 3 декабря, вставъ въ 5 часовъ утра, Александръ отслушалъ въ замковой церкви обѣдню и, возвратясь въ замковые покои, въ присутствіи собравшихся военныхъ, сообщилъ изумленному Заіончеку о его назначеніи, чѣмъ вся Варшава также точно была изумлена и при томъ крайне недовольна.

Сдѣлавъ распоряженіе относительно обнародованія конституціоннаго устава, который былъ оставленъ запечатаннымъ, Александръ въ тотъ же день уѣхалъ изъ Варшавы.

24 декабря, въ рожденіе императора Александра I, насталъ наконецъ давно жданный день обнародованія конституціи. Торжество началось обѣднею, послѣ чего приносились поздравленія великому князю Константину Павловичу, по случаю рожденія императора. Торжество происходило въ залѣ сенаторовъ въ замкѣ; члены временнаго правительства заняли мѣста у ступеней трона, послѣ чего Шанявскій прочиталъ высочайшій указъ объ обнародованіи конституціи и передачѣ „устава“ на храненіе въ сенатъ. Князь Адамъ Чарторыйскій, въ длинной рѣчи, прославлялъ благодѣянія, оказанныя странѣ Александромъ I, и указалъ на важность и значеніе обнародованнаго акта. Конституціонный уставъ былъ прочитанъ Игнатіемъ Соболевскимъ; прочитавъ 108 ст., въ которой говорилось о личномъ составѣ сената, къ которому принадлежали и члены императорскаго дома, онъ остановился, и великій князь Константинъ Павловичъ, стоявшій въ сторонѣ, среди военныхъ, занялъ сенаторское кресло впереди епископовъ. Когда окончилось чтеніе, президентъ сената Островскій принялъ конституціонный уставъ изъ рукъ Соболевскаго и сказалъ нѣсколько словъ; приготовленная же имъ длинная рѣчь была прочитана Нѣмцевичемъ. Затѣмъ, двое сенаторовъ, возложивъ „уставъ“ на бархатную подушку, отнесли его на храненіе вмѣстѣ съ актами коронной метрики. Наконецъ, былъ прочитанъ указъ о назначеніи намѣстника, Заіончекъ принесъ присягу и въ

краткой рѣчи указалъ на заслуги великаго князя Константина Павловича въ дѣлѣ организаціи польскаго войска, которое, по его словамъ, никогда еще не было доведено до такой степени совершенства.

Затѣмъ всѣ присутствовавшія власти отправились въ костелъ св. Яна, а оттуда, по окончаніи обѣдни и молебна—къ Новосильцеву, гдѣ состоялся обѣдъ.

На слѣдующій день, 25 декабря, принялъ управленіе намѣстникъ. Дѣятельность временнаго правительства была окончена. Его предсѣдатель, Ланской, уѣхалъ въ Россію, Новосильцевъ остался въ Варшавѣ въ качествѣ императорскаго комиссара, Чарторыйскій и Вавржецкій засѣдали въ сенатѣ, а Любецкій возвратился на Литву.

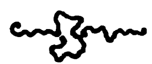

Арестъ врача за слабую попечительность о больныхъ.

(Приказъ великаго князя Николая Павловича по 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, 16 марта 1825 г., № 5).

Вопреки предписанія медицинскаго департамента, въ которомъ имянно сказано, чтобы трудно заболѣвшихъ въ полкахъ нижнихъ чиновъ не отвозить въ госпиталь, покамѣстъ они не выдутъ изъ опасности, л.-гв. павловскаго полка штабъ-лѣкарь Дьяконенковъ отправилъ рядового онаго же полка Романова въ ораніенбаумскую госпиталь, который по дорогѣ умеръ, за что г. командующій корпусомъ приказалъ штабъ-лѣкаря Дьяконенкова арестовать на двѣ недѣли, съ исправленіемъ должности, о чемъ въ предосторожность г.г. медицинскимъ чиновникамъ ввѣренной мнѣ дивизіи объявляю по дивизіи.

Сообщилъ **Михаилъ Соколовскій.**

Выговоръ за изнурительность строевыхъ занятій.

(Приказъ по л.-гв. егерскому полку отъ 12 апрѣля 1825 г.).

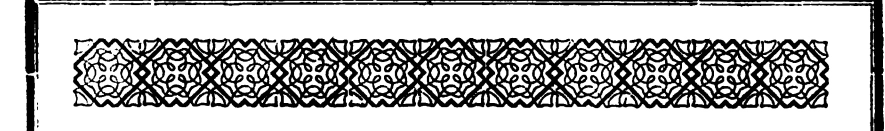
Его императорское высочество дивизіонный начальникъ [1]) изъ представленной записки о ученьяхъ, бывшихъ въ продолженіи прошедшей недѣли въ 1-мъ баталіонѣ, изволилъ замѣтить, что баталіонный командиръ полковникъ баронъ Саргеръ продолжалъ оныя отъ 8 до 12 часовъ утра, за что соизволилъ повелѣть сдѣлать ему по полку выговоръ, при семъ его высочество весьма сожалѣетъ, что полковникъ баронъ Саргеръ, бывъ старый и хорошій офицеръ, дозволилъ себѣ производить столь изнурительныя для людей ученья, отъ которыхъ, конечно, нельзя ожидать надлежащей пользы.

Сообщилъ **Михаилъ Соколовскій.**

---

[1]) Великій князь Николай Павловичъ.

Страничка о прежнемъ русскомъ масонствѣ.

(Къ характеристикѣ „правыхъ“ теченій въ русскомъ масонствѣ).

Возобновленныя при императорѣ Александрѣ I масонскія ложи работали съ вѣдома правительства: въ 1810 г. акты ложъ были истребованы министромъ полиціи для ознакомленія съ ними въ подробностяхъ. Въ 1815 г., когда расколъ въ масонской средѣ обнаружился во всей своей силѣ, братья, желавшіе сохранить старые порядки, говорили о невозможности закрыть правящую директоріальную ложу иначе, какъ по постановленію „Августѣйшаго Государя, который ее уполномочилъ“; они говорили, что „ложи, оставшіяся вѣрными обряду, который извѣстенъ этому великодушному императору, не могутъ выбрать болѣе совершеннаго регулятора ихъ трудовъ, чѣмъ эта масонская власть“ [1]).

Слѣдовательно, ложи существовали съ негласнаго разрѣшенія правительства, или, по крайней мѣрѣ, съ его вѣдома. Да иначе и быть не могло: въ масонскихъ ложахъ числилось много лицъ изъ приближенныхъ къ государю и изъ занимавшихъ высокіе административные посты (масономъ былъ самъ министръ полиціи Балашовъ).

Въ масонствѣ скоро однако возникли новыя несогласія по вопросу о значеніи внѣшней обрядности и о внутренней организаціи, даже о цѣляхъ ордена и средствахъ ихъ достиженія. Такъ какъ въ масонскомъ обрядѣ выражались масонскіе идеалы, то споръ начался съ вопроса о необходимости или безполезности высокихъ степеней. Масоны раздѣлились на двѣ главныхъ партіи, между которыми не послѣдовало умиротворенія, не взирая на всевозможныя старанія, и съ 1815 г. одна управляющая ложа (директоріальная) была замѣнена двумя равносильными, равноправными, одна отъ другой независимыми, управляющими великими ложами—старой (директоріальной, принявшей затѣмъ наименованіе провинціальной) и новой (ложей Астреи). 1816 годъ былъ годомъ лихорадочной, усиленной дѣятельности этихъ

[1]) „Моск. Рум. Муз.“, протоколъ директ. ложи, папка № 4.

новоустроенныхъ ложъ по выработкѣ законоположеній о внутреннемъ ихъ управленіи и по уясненію ихъ отношеній другъ къ другу и къ полицейской власти. Послѣдняя въ это время, обративъ особое вниманіе на масонство, обязала давать знать въ теченіе 24 часовъ о всякомъ вновь вступившемъ въ масонскій орденъ съ подробными свѣдѣніями объ его личности; точно также ложи должны были сообщать содержаніе всѣхъ рѣчей.

Обѣ великія ложи, какъ бы конкуррируя другъ съ другомъ, спѣшили изъявить свои вѣрноподданническія чувства. Отчасти это отразилось въ нѣкоторыхъ параграфахъ уложенія великой ложи Астреи, проводившей тѣмъ не менѣе принципъ конституціи въ собственномъ своемъ управленіи. Отчасти это выразилось въ изданіи въ 1816 г. перевода книги, вышедшей на нѣмецкомъ языкѣ еще въ 1779 г. [1]). Въ этой книгѣ, являющейся защитой масонства, между прочимъ излагается, что въ масонствѣ нѣтъ ничего противнаго „ни Богу, ни религіи, ни государству“ и что въ своихъ сочиненіяхъ масоны „не намѣрены пускать людямъ пыль въ глаза“.

Къ 1816 же году относится и печатаемый ниже циркуляръ, предназначенный для разсылки братьямъ, управлявшимъ ложами. Онъ мною извлеченъ изъ бумагъ Ѳеодора Глинки.

Тира Соколовская.

Краткое наставленіе управляющему ложею.

(1816 г.).

1. Ищите паче всего Бога и Его милосердія, просите отъ Него помощи и просвѣщенія, ибо отъ Него всякая премудрость исходитъ не гоняйтесь ни за какими свѣтскими суетными соотношеніями или мнимыми выгодными связями и протекціями. Любовь къ Богу, безпредѣльная преданность, вѣрность и усердіе къ государю и его службѣ, любовь къ отечеству, любовь къ братьямъ да будутъ вамъ единственными руководителями и путеводцами въ масонскомъ кругу вашего дѣйствованія. Будьте увѣрены, что Божія помощь и заступленіе васъ не оставятъ, когда вы сіи правила сохраните, и что приверженность, преданность, благоговѣніе къ царю земному привлекутъ

---

[1]) Вотъ полное заглавіе этой книги, имѣющейся въ моей библіотекѣ: „Вліяніе истиннаго свободнаго каменьщичества во всеобщее благо государствъ, обнаруженное и доказанное изъ истинной цѣли первоначальнаго его установленія (основанія). Карла Губерта Лобрейха фонъ-Плуменека. Писано въ концѣ XVIII столѣтія, въ опроверженіе соч. Як. Мозера: о терпимости св. каменьщ. сообществъ, особенно въ отношеніи къ вестфальскому миру. Переводъ со второго изданія на нѣмецкомъ языкѣ, печатаннаго въ Амстердамѣ 1779 года. Москва. 1816“. Въ университетской типографіи. VIII+211.

на васъ благословеніе Царя Небеснаго, который силенъ поддержать благія намѣренія, намѣренія истиннаго масонства.

2. Оставьте пустую, ни къ чему не ведущую наружность, то-есть обряды, ужины, частныя столовыя ложи, дѣлайте оныя какъ можно рѣже.

3. Старайтесь устроить такъ, чтобы домъ ложи вашей ни мало не похожъ былъ на трактиръ, клубъ или мѣсто увеселенія и провожденія времени, а напротивъ старайтесь вселить братьямъ сію мысль, что ложа есть храмъ премудрости, гдѣ братья должны поучаться добродѣтели и слушать чистѣйшей нравственности поученія.

4. Внѣдряйте имъ, что къ каждому собранію должны они приготовляться, яко ко вступленію въ святилище премудрости, и, убѣгая всякаго разсѣянія, съ очищенными и сокрушенными сердцами приступали бы къ работамъ. Приходить въ ложу изъ клуба, изъ трактира или изъ худшаго еще мѣста есть оскорблять Бога и навлекать на себя гнѣвъ Его.

5. Обращайте вниманіе братьевъ вашихъ на истинную масонскую науку, то-есть на познаніе Бога, натуры и себя. Безъ сихъ познаній масономъ быть не можно.

6. Обращайте всѣми силами братьевъ вашихъ къ чтенію священнаго писанія и къ вѣрованію въ воплощеннаго Бога; безъ сего нѣтъ масонства, нѣтъ ордена, нѣтъ порядка, и никогда никакой истинной цѣли ни вы, ни братья ваши не достигнете.

7. Твердите братьямъ непрестанно, чтобы они молились и чтобы въ самой слѣпотѣ своей, при самой бурѣ возстающихъ страстей, призывали имя Господа Бога, чтобы Онъ ихъ помиловалъ, вразумилъ, наставилъ и просвѣтилъ.

8. Не будьте жадны вербовать кандидатовъ. Молитесь Богу, сами къ вамъ приходить будутъ; истребите изъ всѣхъ сію мысль, что они вамъ нужны кандидаты, а напротивъ, чтобы они думали, что въ васъ нужду имѣютъ. Доведите до того, чтобы принятіе почитали они благодѣяніемъ и даромъ Божіимъ, а чтобы вы сами, чистотою житія и нравовъ вашихъ, казались бы имъ священнымъ орудіемъ, чрезъ которое милосердый Богъ хочетъ ихъ привести къ познанію истины и вкупѣ къ временному и вѣчному ихъ блаженству.

9. Старайтесь братьевъ вашихъ увѣрять и доказывать имъ, что орденъ есть дѣло Божіе, что работы его суть средства къ достиженію высочайшаго совершенства и въ полученіи тѣхъ благъ, кои Господь Богъ готовъ дать всѣмъ ищущимъ Его съ смиреннымъ и кроткимъ духомъ.

10. Не возводите такъ легко и спѣшно въ градусы. Частое про-

изводство безъ внутренняго достоинства дѣлаетъ градусы комедіею, а сіе есть величайшій грѣхъ, ибо вы будете играть и именемъ, и словомъ Божіимъ, а чрезъ сіе то на себя и на братій гнѣвъ и наказаніе Божіе навлечете.

11. Истребите изъ вашихъ братій желаніе степеней масонскихъ и скораго оныхъ пріобрѣтенія, старайтесь имъ внушить, что кто первую степень обработаетъ, обдумаетъ и познаетъ, тотъ всѣ сокровища мудрости въ ней обрящетъ и почтетъ себя столько счастливымъ ее имѣть, сколько недостойнымъ получать многія степени. Въ семъ смиреніи держите вашихъ братій и самихъ себя и знайте, что духъ истиннаго масонства есть духъ смиренія и что безъ него никто не достигнетъ до познанія существеннаго масонскаго таинства.

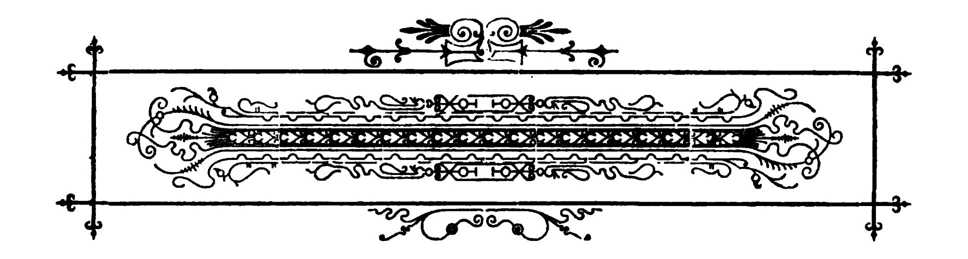
12. Сколько можно, сколько силъ вашихъ достанетъ, удерживайте братій вашихъ отъ шумныхъ и суетныхъ бесѣдъ, отъ картежной игры, отъ сладострастія и распутства, отъ обращенія съ людьми, извѣстными своимъ вольнодумствомъ, отъ чтенія модныхъ кощунствующихъ писателей, ибо все сіе ослабляетъ тѣло, портитъ сердце, убиваетъ духъ и творитъ человѣка неспособнымъ къ работамъ масонскимъ, для коихъ нужно имѣть тѣло здоровое, сердце неиспорченное и разумъ истиною просвѣщенный.

13. Молитесь за вашихъ братій, покажите имъ въ себѣ примѣръ благочестія, кротости, терпѣнія и будьте имъ во свѣтильникъ чистотою вашихъ нравовъ и христіанскими добродѣтелями. Тогда Господь Богъ благословитъ работы ваши, увѣнчаетъ Онъ благимъ успѣхомъ и сподобитъ васъ и братій вашихъ вкусить сладкіе плоды истиннаго масонства и во временности и въ вѣчности.

14. Вспоминайте и размышляйте чаще, что вы съ братьями вашими должны будете рано или поздно предстать предъ праведный судъ Божій и что должны будете дать отвѣтъ за то, что вы безсмертныя души, дорого искупленныя кровію Спасителя, подобныхъ вамъ человѣковъ вели не къ той цѣли, къ коей должны, а потому вразумляйтесь сами призываніемъ помощи Божіей и просите, чтобы вы могли съ братьями вашими, яко отецъ съ нѣжными чадами, предстать на судъ Божій и сказать безъ зазрѣнія совѣсти: се азъ и дѣти, ихъ же далъ мнѣ Богъ.

Сообщила Тира Соколовская.

Баронъ Артуръ Павловичъ Моренгеймъ и его роль во франко-русскомъ сближеніи

въ воспоминаніяхъ Ю. Ганзена [1]).

1884—1898.

16 октября 1906 г. скончался въ По, на восемьдесятъ третьемъ году жизни, бывшій посолъ въ Парижѣ баронъ Артуръ Павловичъ Моренгеймъ. Родившись въ Варшавѣ въ 1824 г., онъ принадлежалъ къ семьѣ, которая уже дала Россіи выдающагося дипломата. Его отецъ, баронъ Павелъ Осиповичъ Моренгеймъ, женатый на графинѣ Жозефинѣ Мостовской, старшей сестрѣ графинь Потоцкой, Комаръ и Сапѣга, состоялъ до 1830 г. во главѣ дипломатической канцеляріи великаго князя Константина Павловича, въ Варшавѣ.

Товарищъ Каткова, баронъ Артуръ Павловичъ, окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ. Причисленный на двадцать первомъ году жизни къ канцеляріи министра иностранныхъ дѣлъ, графа Нессельроде, онъ исполнялъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обязанности секретаря посольства въ Берлинѣ и Вѣнѣ, а впослѣдствіи, при князѣ Горчаковѣ, состоялъ совѣтникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ это время у него часто бывали столкновенія съ А. М. Горчаковымъ, недолюбливавшимъ откровенность, съ какою Моренгеймъ выражалъ свои мнѣнія.

Назначенный совѣтникомъ посольства въ Берлинѣ, баронъ Моренгеймъ имѣлъ случай близко изучить характеръ и политику Бисмарка.

---

[1]) **Ambassade à Paris du baron de Mohrenheim 1884—1898 par Iules Hansen. Paris. 1907.**

Во время франко-прусской войны ему пришлось, въ качествѣ полномочнаго посла въ Копенгагенѣ, принять участіе въ дѣлахъ общей политики, и благодаря его старанію, императоръ Александръ II, исполнивъ просьбу короля Датскаго, послалъ французскому правительству телеграмму съ предупрежденіемъ, что Россія нарушитъ свой нейтралитетъ въ томъ случаѣ, если Франція окажетъ давленіе на Данію, чтобы заручиться поддержкой противъ Пруссіи. Это посредничество создало ему въ Копенгагенѣ совершенно исключительное положеніе. Когда онъ оставилъ свой постъ, король Датскій пожаловалъ ему орденъ Слона—отличіе, коего не удостоивался до тѣхъ поръ ни одинъ изъ представителей иностранныхъ державъ.

Въ 1882 г. баронъ Моренгеймъ былъ назначенъ посломъ въ Лондонъ, гдѣ ему не понравилось и гдѣ онъ пробылъ недолго. Въ 1884 г., съ отъѣздомъ изъ Парижа русскаго посла князя Орлова, перемѣщеннаго въ Берлинъ, онъ занялъ его постъ; съ тѣхъ поръ имя его стало извѣстно, какъ имя одного изъ самыхъ блестящихъ дипломатовъ и государственныхъ людей своего времени.

Хотя въ оффиціальныхъ сферахъ еще не было въ то время рѣчи о сближеніи между Франціей и Россіей, но мысль о возможномъ союзѣ этихъ двухъ державъ проникла мало по малу въ политическія сферы Петербурга и Парижа. Съ той и съ другой стороны чувствовалась необходимость возстановить, при помощи новой группировки державъ, европейское равновѣсіе, нарушенное благодаря господству Бисмарка.

Баронъ Моренгеймъ сталъ открыто на сторону этого новаго политическаго вѣянія, хотя онъ вполнѣ сознавалъ, насколько трудно будетъ провести его въ жизнь. Надобно было преодолѣть враждебное отношеніе нѣмецкой котеріи въ Петербургѣ, порвать многочисленныя узы, созданныя традиціонной русской политикой, основанной на соглашеніи съ Берлиномъ, успокоить вѣчно боязливаго Гирса, наконецъ, устранить вліяніе нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, относившихся къ этому плану несочувственно. Но русскій посолъ понялъ, что онъ встрѣтитъ поддержку въ лицѣ императора Александра III, который былъ убѣжденъ въ необходимости союза съ Франціей и воля котораго преодолѣла всѣ препятствія.

Такъ восторжествовала идея барона Моренгейма.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1891 г., онъ ѣздилъ по повелѣнію императора въ Петербургъ, гдѣ ему были даны инструкціи для редактированія торжественнаго акта о заключеніи между Франціей и Россіей оборонительнаго союза. Онъ привезъ этотъ актъ въ Парижъ и подписалъ его вмѣстѣ съ Рибо, въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ во Франціи.

Съ тѣхъ поръ его имя стало весьма популярнымъ во Франціи; въ провинціи ему были сдѣланы восторженныя оваціи. Эта популярность возросла, когда его старшая дочь вышла замужъ за французскаго офицера виконта де-Сезъ (de-Sèze).

Въ то время на него смотрѣли во Франціи почти какъ на француза; и когда, въ виду преклонныхъ лѣтъ, онъ былъ уволенъ въ 1898 г. въ отставку, то онъ получилъ отъ русскаго правительства разрѣшеніе проживать, получая пенсію, во Франціи, несмотря на то, что онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта.

Престарѣлый дипломатъ избралъ своей резиденціей городъ По, гдѣ онъ прожилъ восемь лѣтъ, окруженный нѣжнымъ попеченіемъ своей супруги, г-жи Моренгеймъ, рожденной баронессы Корфъ, ихъ дочери и зятя и ихъ четырехъ дѣтей.

I.

Баронъ Моренгеймъ представляетъ свои ввѣрительныя граматы.—Его отношенія къ министерству Жюля Ферри.—Египетскій и среднеазіатскій вопросы.—Письма стараго французскаго дипломата о среднеазіатскомъ и афганскомъ вопросѣ.—Личное вліяніе Александра III на внѣшнюю политику: письмо изъ Москвы.—Отозваніе генерала Апперта изъ Петербурга.—Семимѣсячный отпускъ Моренгейма.—Его записка, представленная императору.

19 апрѣля 1884 г. баронъ Артуръ Павловичъ Моренгеймъ былъ представленъ г. Молларомъ президенту французской республики Жюлю Греви. Вручая ему свои ввѣрительныя граматы, вновь назначенный посолъ намекнулъ на дружескія отношенія, возникшія между Россіей и Франціей при его предшественникѣ князѣ Орловѣ.

Баронъ Моренгеймъ, по словамъ Ганзена, обладалъ огромной работоспособностью; всѣ важнѣйшіе вопросы рѣшались обыкновенно имъ лично; онъ предоставлялъ членамъ посольства только вѣдать текущими дѣлами, но ему оказали не малыя услуги состоявшіе въ то время при русскомъ посольствѣ адмиралъ Алексѣевъ, впослѣдствіи намѣстникъ на Дальнемъ Востокѣ, который, обладая обширными связями въ Парижѣ, Петербургѣ и другихъ городахъ, оказывалъ ему дѣятельную поддержку, и тайный совѣтникъ Рафаловичъ, какъ знатокъ въ финансовыхъ вопросахъ, сообщавшій ему весьма цѣнныя свѣдѣнія о состояніи финансовъ во Франціи и другихъ странахъ.

По вступленіи въ должность, Моренгейму пришлось имѣть дѣло съ Жюлемъ Ферри, президентомъ совѣта и министромъ иностранныхъ дѣлъ съ 21 февраля 1883 по 6 апрѣля 1885 г., который при-

надлежалъ къ партіи умѣренныхъ республиканцевъ; между нимъ и барономъ установились вскорѣ самыя прекрасныя отношенія, и они дѣйствовали вполнѣ согласно по всѣмъ наиболѣе важнымъ вопросамъ международной политики, а именно по египетскому и средне-азіатскому вопросу, которые стояли тогда на очереди и грозили одно время вызвать вооруженное столкновеніе между Германіей и Англіей, съ одной стороны и Россіей и Англіей съ другой.

„Особеннаго вниманія заслуживаетъ по-прежнему египетскій вопросъ",—писалъ Ганзену 26 декабря 1881 г. одинъ бывшій французскій дипломатъ; „египетское правительство, подъ давленіемъ лондонскаго кабинета, отвѣтило отказомъ на требованіе Германіи и Россіи о томъ, чтобы ихъ делегаты присутствовали въ финансовой комиссіи, учрежденной для контроля за администраціей „кассы долговъ", отвѣтъ данъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, но ничего не оспариваетъ по существу.

„Этотъ отказъ произведетъ сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что мотивы, выставленные въ оправданіе этого египетскимъ правительствомъ, не выдерживаютъ критики. Касса долговъ учреждена не по смыслу закона о ликвидаціи, обнародованнаго въ іюлѣ 1880 г.; она существуетъ съ 1876 г., и вначалѣ не вызвала между заинтересованными державами никакого постановленія, имѣвшаго международный характеръ. Эта мысль пришла Франціи и къ ней присоединились только Австрія, Италія и Англія. Слѣдовательно, доводы, на которые ссылаются нынѣ хедивъ и Нубаръ-Паша, не выдерживаютъ критики. Ясно, какъ день, что этимъ хотѣли только сдѣлать непріятное берлинскому и петербургскому кабинетамъ.

„Я слышалъ, что въ отместку за это, сѣверныя державы и Франція рѣшили не отвѣчать на послѣднія предложенія Англіи по египетскому вопросу. Англія, до полученія этого отвѣта, не хочетъ поддержать требованія Германіи и Россіи, а Германія и Россія, со своей стороны, рѣшили не отвѣчать до тѣхъ поръ, пока ихъ требованіе не будетъ удовлетворено; какъ видите, мы вертимся въ заколдованномъ кругу".

Надобно замѣтить, что въ силу соглашенія, состоявшагося между Моренгеймомъ и Жюлемъ Ферри, Россія получила въ то время право имѣть своего делегата въ финансовой комиссіи по надзору за администраціей „кассы долговъ", и такимъ образомъ она была сравнена, въ дѣлѣ контроля надъ египетскими финансами, съ прочими державами и при всѣхъ послѣдующихъ переговорахъ Франція и Россія шли рука объ руку, какъ это явствуетъ изъ протоколовъ международной комиссіи, созванной для выработки правилъ свободнаго пользованія Суэцкимъ каналомъ, которая засѣдала въ Парижѣ,

подъ предсѣдательствомъ Билло, съ 30 марта 1885 г. по 13 іюня того же года.

„Хитрово и Баррерь, русскій и французскій делегаты этой комиссіи дѣйствовали въ полномъ согласіи. Моренгеймъ очень цѣнилъ дѣятельность этого послѣдняго“.

Слѣдующая выдержка изъ письма одного бывшаго дипломата характеризуетъ положеніе дѣлъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1885 г.

„Русскіе и англичане находятся, быть можетъ, наканунѣ войны“, писалъ онъ,—„здѣсь (въ Парижѣ) упорствуютъ во мнѣніи, что главный поводъ къ конфликту удастся устранить. Двѣ такія державы, какъ Англія и Россія, не могутъ быть вовлечены въ войну неожиданно для себя, между тѣмъ на русско-афганской границѣ происходили до сихъ поръ лишь такія недоразумѣнія, которыя могутъ подорвать престижъ обѣихъ имперій, но не могутъ нанести существеннаго ущерба ихъ взаимнымъ интересамъ.

„Я долженъ однако сказать, что баронъ Моренгеймъ, русскій посланникъ въ Парижѣ, который до послѣдняго времени говорилъ въ очень оптимистичномъ тонѣ, сталъ гораздо сдержаннѣе. Онъ признаетъ, что русскіе и англичане находятся другъ отъ друга на разстояніи ружейнаго выстрѣла и что достаточно искры, чтобы воспламенить порохъ.

„Насколько я могъ понять изъ его словъ, Россія не приметъ предложеній Англіи и хотѣла бы, чтобы афганцы очистили Пенджей. Оккупація Пенджея англо-афганцами, по словамъ Моренгейма, ничѣмъ не можетъ быть оправдана, такъ какъ этотъ пунктъ, какъ видно по картамъ, составленнымъ англійскимъ генеральнымъ штабомъ, принадлежитъ туркменамъ. Слѣдовательно, афганцы, которымъ лордъ Дюфферинъ далъ такой плохой совѣтъ, должны уйти къ себѣ тогда и русскіе сдѣлаютъ то же, хотя они до сихъ поръ не переступали своей границы. На это англичане отвѣчаютъ, что тутъ идетъ дѣло о вліяніи на афганцевъ; изъ Петербурга въ свою очередь пишутъ, что если англійское вліяніе что-нибудь значитъ, то и русское вліяніе имѣетъ не меньшее значеніе. Слѣдовательно, русскіе не согласятся признать пограничной линіи, предложенной Гладстономъ, но они не отвѣтятъ категорическимъ отказомъ, а предложатъ пойти на соглашеніе, на уступки, такъ какъ отношенія между кабинетами остаются по-прежнему дружественными.

„Пока что, англичане готовятся къ войнѣ и ихъ денежный рынокъ въ паникѣ. Это очень чувствуется здѣсь, и такъ какъ между Парижемъ и Лондономъ существуютъ гораздо болѣе тѣсныя сношенія, нежели между Парижемъ и Петербургомъ, то наши газеты всевозможныхъ оттѣнковъ приняли очень скоро сторону Англіи.

„Въ Россіи этимъ оскорблены; Моренгеймъ въ особенности не можетъ простить органамъ монархической партіи ихъ пристрастія къ Англіи и обвиняетъ графа Парижскаго въ непредусмотрительности. Я отвѣчаю на это, что графъ Парижскій не имѣетъ, въ дѣлахъ внѣшней политики, непосредственнаго вліянія на газеты, преданныя интересамъ династіи, и что послѣднія освѣдомлены объ афганскомъ вопросѣ только изъ англійскихъ газетъ, получаемыхъ ежедневно въ Парижѣ.

„Какъ бы то ни было, германскій императоръ пустилъ въ ходъ все вліяніе, какимъ онъ пользуется въ Петербургѣ, чтобы уладить это дѣло, и поѣздка принца Уэльскаго въ Берлинъ повидимому увѣнчалась въ этомъ отношеніи полнымъ успѣхомъ. Но мнѣ извѣстно изъ вѣрнаго источника, что по высказаннымъ уже мною политическимъ соображеніямъ, князь Бисмаркъ относится къ этому далеко не такъ горячо, что онъ рѣшилъ доказать Англіи силу тройственнаго союза Россіи, Германіи и Австріи, заключеннаго въ 1884 г., въ Скерневицахъ, и поэтому не прочь доставить Англіи тѣ треволенія, какія она теперь переживаетъ. Во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ исходъ настоящаго недоразумѣнія (а оно окончится вѣроятно миролюбиво), все же возникаетъ вопросъ о возможности столкновенія между Россіей и Англіей въ центральной Азіи, и слѣдовательно у Англіи появилось на горизонтѣ черное облачко, которое рано или поздно разразится грозою. Таковъ, если не ошибаюсь, урокъ, который даютъ намъ послѣднія событія“.

30 марта 1885 г. палъ кабинетъ Ферри, уступивъ мѣсто министерству Бриссона. Хотя баронъ Моренгеймъ былъ весьма огорченъ отставкою Жюля Ферри, тѣмъ не менѣе онъ поддерживалъ съ его преемникомъ все время дружескія и вполнѣ корректныя отношенія.

Въ 1885 г. вниманіе политическаго міра всецѣло было поглощено афганскимъ вопросомъ, но недоразумѣнія, возникшія между Англіей и Россіей, не подали повода къ совмѣстнымъ выступленіямъ Франціи и Россіи, поэтому дѣятельность барона Моренгейма, какъ посланника, ограничивалась за это время текущими дѣлами.

Русская политика была поглощена тогда восточными дѣлами, а именно сербской войною и положеніемъ великаго княжества болгарскаго. Всѣ рѣшенія по этому вопросу исходили изъ Петербурга; императоръ Александръ III живо интересовался этими вопросами и рѣшалъ ихъ вмѣстѣ съ Гирсомъ.

Непосредственное вмѣшательство царя въ иностранную политику имѣло огромное значеніе.

Вотъ что писало по этому поводу Ганзену одно высокопоставленное лицо изъ Москвы, 2 ноября 1885 г.:

„Всѣми отмѣчено, что русскіе монархи съ особенной любовью занимаются иностранной политикой, даже тѣ изъ нихъ, которые какъ напр. императоръ Николай I по своему воспитанію не были подготовлены къ связаннымъ съ нею вопросамъ или которые вначалѣ ими совершенно не интересовались, какъ Александръ II, который, вступивъ на престолъ, признался князю Горчакову въ томъ, что онъ ничего не понимаетъ въ политикѣ; въ концѣ концовъ они начинаютъ серьезно и не безъ успѣха заниматься этими вопросами. Извѣстно, съ какимъ трепетомъ графъ Нессельроде, несмотря на свои преклонныя лѣта, оказанныя государству услуги и занимаемое имъ видное положеніе, шелъ съ докладомъ къ императору Николаю I. Случалось, что въ трудную минуту, когда ему приходилось оспаривать какое-нибудь предвзятое мнѣніе императора, онъ испытывалъ, идя къ нему, то же чувство недомоганія, какое испытывалъ, какъ говорятъ, Массена, передъ тѣмъ какъ идти въ огонь; между тѣмъ это былъ человѣкъ несомнѣнно храбрый.

„Что касается Александра II, то онъ до такой степени любилъ, въ послѣдніе годы своего царствованія, руководить лично внѣшней политикой своего кабинета, что опека князя Горчакова стала тяготить его. Александръ III, вступая на престолъ, чувствовалъ, какъ говорятъ, къ дѣламъ внѣшней политики отвращеніе; между тѣмъ, съ тѣхъ поръ какъ возникли осложненія въ Болгаріи, онъ сталъ внимательно и авторитетно слѣдить за ними. Эта перемѣна, совершившаяся во время его послѣдняго пребыванія въ Даніи, объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ: русскіе императоры отличаются двумя чертами, которыя бываютъ у нихъ сильно развиты и передаются съ удивительной правильностью по наслѣдству, а именно сознаніемъ огромной отвѣтственности, которую налагаетъ на нихъ неограниченная самодержавная власть, и извѣстное рыцарство, которое дѣлаетъ ихъ весьма щепетильными въ вопросахъ чести. Горячіе патріоты, они считаютъ себя первыми слугами (собственное выраженіе Николая I) государства, которому они должны посвящать, слѣдовательно, всѣ свои способности и все свое время.

„Какъ подумаешь, что нѣтъ ни одного доклада, ни одного дѣла во всѣхъ отрасляхъ администраціи, политики и военнаго дѣла, которое не представлялось бы на ихъ утвержденіе, не было бы снабжено ихъ подписью и очень часто ихъ замѣтками на поляхъ,—станетъ понятно, что они самые занятые люди въ имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ они смотрятъ на себя какъ на хранителей и блюстителей достоинства націи.

„Когда Александръ III наслѣдовалъ такъ неожиданно своему отцу, онъ почувствовалъ себя обязаннымъ сразу измѣнить свой

образъ жизни. Чувство долга было въ немъ такъ велико, что онъ сталъ вставать на разсвѣтѣ, просиживалъ до поздней ночи, запершись въ своемъ кабинетѣ, окруженный бумагами, коими былъ заваленъ его столъ. Изъ всѣхъ его занятій дѣла внѣшней политики менѣе всего интересовали его.

„Когда же, въ бытность въ Даніи, онъ узналъ о необдуманномъ поступкѣ Болгарскаго принца, который явно нарушилъ этимъ данное имъ въ Кремзіерѣ обѣщаніе соблюдать на Балканскомъ полуостровѣ statu quo, когда онъ увидѣлъ, что свиданіе, которое принцъ имѣлъ нѣсколько дней передъ тѣмъ съ Гирсомъ въ Франценсбадѣ, могло дать императору Францу-Іосифу поводъ усомниться въ искренности его, Александра III, то онъ послалъ, по своей собственной инціативѣ, извѣстный приказъ русскимъ генераламъ и офицерамъ, состоявшимъ на болгарской службѣ, повелѣвъ имъ немедленно возвратиться въ Россію. Успѣхъ, коимъ увѣнчалось это рѣшеніе, принятое имъ единолично, послужилъ ему поощреніемъ и онъ сталъ принимать дѣятельное и непосредственное участіе въ руководствѣ внѣшней политикой Россіи".

Нѣсколько безцвѣтная роль, какую игралъ Моренгеймъ подъ конецъ министерства Ферри, продолжалась и при управленіи Бриссона и только въ то время, когда во главѣ кабинета сталъ Фрейсине (съ 7 января 1886 по декабрь 1886 г.), посланникъ проявилъ дѣятельность и сыгралъ видную роль въ событіи, которое разыгралось во Франціи и надѣлало не мало шума. Дѣло было такъ:

Фрейсине нашелъ, что донесенія, полученныя имъ отъ французскаго посланника въ Россіи, генерала Апперта, были мало интересны. Поэтому онъ отозвалъ его въ февралѣ мѣсяцѣ 1886 г. и хотѣлъ послать на его мѣсто Билло. Между тѣмъ Александръ III былъ очень высокаго мнѣнія о генералѣ Аппертѣ и кромѣ того онъ не былъ предувѣдомленъ о намѣреніяхъ французскаго правительства замѣнить его генераломъ Билло. Царь счелъ это недостаткомъ уваженія къ себѣ, отказался принять новаго посланника и повелѣлъ барону Моренгейму откланяться и уѣхать изъ Парижа на неопредѣленное время.

Графъ д'Ормессонъ, которому временно было поручено управлять французскимъ посольствомъ въ Петербургѣ, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, сумѣлъ при этихъ крайне щекотливыхъ обстоятельствахъ, благодаря своему умѣнію и такту, поддержать дружескія отношенія между французскимъ посольствомъ и русскимъ правительствомъ. Гирсъ высоко цѣнилъ его.

Баронъ Моренгеймъ уѣхалъ въ отпускъ 3 апрѣля 1886 г., посѣтилъ прежде всего въ Ниццѣ королеву Виртембергскую Ольгу Николаевну, оттуда черезъ Миланъ и Сенъ-Готардъ отправился въ

Швейцарію, въ Люцернъ, гдѣ прожилъ нѣкоторое время. Въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ пріѣхалъ въ Мюнхенъ и Тегернзе.

Моренгеймъ везъ съ собою записку, въ которой приводилъ мысль о томъ, что сближеніе съ Франціей должно составлять цѣль русской политики. Онъ прочелъ эту записку русскому посланнику въ Мюнхенѣ, графу Остенъ-Сакену, который обратилъ его вниманіе на опасности, коимъ онъ подвергалъ себя.

„Вы рискуете потерять благоволеніе императора или быть уволеннымъ въ отставку“, сказалъ онъ.

Моренгеймъ отвѣчалъ своему коллегѣ, что онъ знаетъ, какая опасность грозитъ ему, но считаетъ долгомъ работать для блага родины и считаетъ свою программу соотвѣтствующей истиннымъ интересамъ Россіи. Баронъ препроводилъ свою записку Гирсу, который доложилъ ее императору. Въ октябрѣ мѣсяцѣ, Моренгеймъ отправился, по повелѣнію императора, въ Петербургъ и вскорѣ по пріѣздѣ получилъ высочайшую аудіенцію. Прежде чѣмъ войти въ кабинетъ императора, онъ увидалъ въ пріемной министра внутреннихъ дѣлъ, графа Дмитрія Андреевича Толстого, который пользовался особымъ довѣріемъ государя. Графъ, ознакомившійся съ запиской барона, сказалъ ему:

„Любезный баронъ, я прочиталъ съ большимъ интересомъ вашу записку императору. Я услышалъ наконецъ голосъ истиннаго патріота, что̀ такъ рѣдко можно встрѣтить въ нашемъ дипломатическомъ корпусѣ“. Ободренный этими словами, баронъ спокойно вошелъ къ императору и не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Царь принялъ его весьма милостиво. Очевидно, записка понравилась.

Затѣмъ Моренгеймъ видѣлся съ Гирсомъ, которому посовѣтовалъ просить графа д'Ормессона, чтобы выборъ посланника на мѣсто генерала Апперта былъ сдѣланъ весьма осмотрительно. Повѣренный въ дѣлахъ Франціи, снесшійся уже по этому поводу со своимъ правительствомъ, предложилъ императору Лабулэ и адмирала Жорегиберри. Александръ III отдалъ предпочтеніе Лабулэ, съ которымъ у него установились впослѣдствіи наилучшія отношенія.

Баронъ Моренгеймъ вскорѣ уѣхалъ въ Парижъ, куда онъ вернулся послѣ семимѣсячнаго отсутствія.

II.

Первый шагъ Флуранса къ франко-русскому сближенію.—Болгарскій вопросъ.—Угрозы Германіи.—Вмѣшательство царя улаживаетъ дѣло.—Несостоявшаяся поѣздка виконта де-Вогюэ въ Петербургъ.—Заключеніе союза признано несвоевременнымъ.—Раздраженіе Бисмарка противъ генерала Буланже.—Дѣло Шнебеле.—Разговоръ съ Греви 6 мая 1887 г.—Нападки на Моренгейма.—Флокэ отказывается отъ сформированія кабинета, не желая вызвать неудовольствіе русскаго императора.

Положеніе Франціи въ исходѣ 1886 г. было весьма тревожно. Ея отношенія къ Германіи были натянуты; на это вліяло въ особенности присутствіе въ военномъ министерствѣ генерала Буланже, которому въ Берлинѣ не довѣряли. Съ другой стороны, болгарскій вопросъ создалъ большія затрудненія Россіи; ея балканская политика встрѣчала противодѣйствіе со стороны Австріи и не была дѣятельно поддержана Германіей. Хотя, согласно договору, заключенному въ 1884 г. въ Скерневицахъ, русскій, австрійскій и германскій императоры обязались взаимно поддерживать другъ друга въ восточномъ вопросѣ, но Россія находила, что монархи, подписавшіе вмѣстѣ съ нею этотъ договоръ, не соблюдали ея интересовъ и дѣйствовали заодно. Петербургское правительство было крайне недовольно отношеніемъ къ нему Болгаріи, позабывшей огромныя услуги, оказанныя ей Россіей. Франція и Россія начинали мало-по-малу понимать все неудобство своего изолированнаго положенія и всѣ преимущества, какія имъ сулило сближеніе. Флурансъ первый понялъ, что Франціи было необходимо найти себѣ союзника; эта мысль занимала его непрестанно, въ то время какъ въ правительственныхъ кругахъ Парижа со страхомъ думали о возможности осложненій съ иностранными державами.

Пріѣздъ въ Парижъ, въ началѣ января 1887 г., трехъ болгарскихъ делегатовъ, явившихся просить у французскаго правительства поддержки въ конфликтѣ, возникшемъ между Болгаріей и Россіей, далъ Флурансу поводъ занять совершенно опредѣленное положеніе въ вопросѣ, который интересовалъ тогда великія державы. Принявъ болгарскихъ делегатовъ частнымъ образомъ 9 января 1887 г., министръ заявилъ имъ рѣшительно, что наилучшимъ средствомъ выйти изъ того затруднительнаго положенія, о которомъ они ему говорили, было считаться съ желаніями Россіи, которой Болгарія обязана была своимъ существованіемъ, и сдѣлать нѣкоторыя уступки императорскому правительству.

Это откровенное и категорическое заявленіе вызвало сенсацію въ европейскихъ канцеляріяхъ. Въ Петербургѣ оно произвело наилучшее

впечатлѣніе. Баронъ Моренгеймъ, уже имѣвшій случай бесѣдовать съ Флурансомъ въ самомъ дружелюбномъ тонѣ, указалъ въ своемъ донесеніи русскому правительству на чувства искренней дружбы, которыя французское правительство питало къ Россіи, и императоръ Александръ III выразилъ свое полное удовольствіе Лабулэ, только-что назначенному въ это время посланникомъ въ Петербургѣ.

Словомъ, Флурансомъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ сближенію Франціи съ Россіей, чѣмъ Бисмаркъ былъ крайне недоволенъ.

Отвѣтъ, данный Флурансомъ болгарскимъ делегатамъ, положилъ начало дружескимъ отношеніямъ между русскимъ и французскимъ правительствами, которыя выразились во взаимномъ довѣріи, установившемся между русскимъ посольствомъ въ Парижѣ и французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Такъ какъ русское правительство послѣ неудачной миссіи въ Софію генерала Каульбарса не имѣло въ Болгаріи своего представителя, то Флурансъ сообщалъ посольству весьма важныя свѣдѣнія, которыя доставлялъ ему французскій дипломатическій агентъ и которыя были крайне полезны для русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ.

Дружественныя отношенія, установившіяся между обѣими правительствами, проявились вскорѣ еще болѣе явно.

Въ исходѣ января 1887 г. французское правительство было взволновано полученными изъ Берлина извѣстіями. Въ Парижѣ прошелъ слухъ, будто графъ Гербертъ Бисмаркъ, стоявшій во главѣ германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, выражался о Франціи враждебно, обвинялъ французское правительство въ томъ, что оно вооружаетъ войска и строитъ бараки для войскъ, эшелонированныхъ вдоль германской границы. 29 января Флурансъ, видимо озабоченный, спросилъ Ю. Ганзена: „Что сказала бы, по вашему мнѣнію, Россія, если бы Германія потребовала отъ насъ объясненія по поводу того, что она называетъ нашими вооруженіями, и въ частности по поводу сооруженія, по приказанію генерала Буланже, бараковъ на границѣ?“ Я отвѣчалъ Флурансу, пишетъ Ганзенъ, что я постараюсь получить какія-либо свѣдѣнія по этому поводу, и отправился въ русское посольство, гдѣ я объяснилъ барону Моренгейму положеніе дѣла и сказалъ о желаніи, выраженномъ Флурансомъ. Подумавъ, посолъ выразилъ свою готовность быть намъ полезнымъ, разузнавъ о намѣреніяхъ петербургскаго правительства. Въ тотъ же вечеръ онъ телеграфировалъ Гирсу, сообщивъ ему о томъ, что озабочивало французское правительство. На другой день, 30 января, посланникъ получилъ по телеграфу слѣдующій отвѣтъ: „Отвѣчать будетъ Шуваловъ“.

Надобно напомнить, что графъ Шуваловъ былъ въ то время русскимъ посломъ въ Берлинѣ. Очевидно, отвѣтъ означалъ, что по-

слѣднему повелѣно было дѣйствовать въ Берлинѣ въ интересахъ Франціи. Дѣйствительно, Александръ III повелѣлъ посланнику заявить въ Берлинѣ, что Франція страна независимая и имѣетъ право дѣлать на своей территоріи, что ей заблагоразсудится, и что въ данномъ случаѣ Германія не имѣетъ ни малѣйшаго повода ссориться съ французскимъ правительствомъ.

Вмѣшательство русскаго императора совершенно измѣнило дѣло. Въ понедѣльникъ, 31 января, нѣмецкій банкиръ Блейхредеръ, на котораго Бисмаркъ возлагалъ конфиденціальныя порученія, явился къ французскому посланнику въ Берлинѣ Гербетту и сказалъ ему,— „что въ Парижѣ могутъ успокоиться; все это не болѣе какъ пустяшное недоразумѣніе“.

„Norddeutsche Zeitung“, съ своей стороны, писала, что Германія не имѣетъ намѣренія требовать отъ Франціи объясненій, а Гербеттъ телеграфировалъ въ Парижъ, что причинъ безпокоиться нѣтъ.

Такимъ образомъ Александръ III оказалъ Франціи большую услугу, но Бисмаркъ не хотѣлъ признать себя побѣжденнымъ. 6 февраля, германскій посланникъ въ Петербургѣ, генералъ Швейницъ, испросилъ, по повелѣнію своего правительства, аудіенцію у государя и опредѣленно поставилъ вопросъ о нейтралитетѣ Россіи въ случаѣ франко-германской войны. По словамъ барона Моренгейма, государь замѣтилъ на это, что Россія сохраняла нейтралитетъ во время трехъ удачныхъ войнъ, которыя Пруссія вела съ Даніей, Австріей и Франціей, хотя ея собственные интересы требовали, очевидно, чтобы она отказалась отъ этого нейтралитета, чрезвычайно выгоднаго для Пруссіи. Въ настоящее время Россія обязана считаться со своими собственными интересами, она не можетъ постоянно помогать Пруссіи. Къ тому же послѣдняя заключила союзъ съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ, и это помѣшаетъ Россіи начать войну съ этимъ послѣднимъ, которая могла бы быть для нея выгодна. Окончательный разгромъ Франціи могъ бы нарушить европейское равновѣсіе, словомъ, царь отказался гарантировать нейтралитетъ Россіи въ случаѣ франко-германской войны.

Генералъ Швейницъ и Бисмаркъ были весьма недовольны этимъ отвѣтомъ.

Въ нижеслѣдующей замѣткѣ, набросанной Ю. Гензеномъ 18 февраля 1887 г., послѣ разговора съ однимъ иностраннымъ дипломатомъ, онъ изложилъ общее положеніе дѣлъ и отношенія, существовавшія въ то время между Россіей и Германіей.

„Не подлежитъ сомнѣнію, что именно положеніе, занятое Россіей, разстроило въ это время рискованную игру, затѣянную Бисмаркомъ. Трудно сказать, справедливо или нѣтъ, но въ Петербургѣ полагаютъ,

что если бы берлинскій кабинетъ захотѣлъ, то болгарскій вопросъ былъ бы уже рѣшенъ, но Бисмаркъ не допускаетъ этого, чтобы связать руки Россіи на случай франко-германской войны. Русскіе выводятъ изъ этого заключеніе, что они должны строго соблюдать принципъ полной свободы дѣйствій; вмѣстѣ съ тѣмъ они полагаютъ, что рѣшеніе болгарскаго вопроса въ пользу Россіи не было бы достаточной компенсаціей за окончательный разгромъ Франціи, совершенный при ихъ участіи, и что можетъ представиться такой случай, когда наилучшимъ средствомъ упрочить ихъ вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ будетъ принять участіе въ войнѣ, которая можетъ вспыхнуть на Востокѣ. Слѣдовательно, отказываясь брать на себя какія бы то ни было обязательства, Россія содѣйствуетъ этимъ поддержанію мира; не подлежитъ сомнѣнію, что Германія не начнетъ войны съ нами, если у нея не будетъ увѣренности въ безопасности ея восточной границы. Точно также очевидно, что прежде чѣмъ натравить Австрію на Россію, Германія должна быть увѣрена, что ей никоимъ образомъ не придется придти на помощь Австріи".

Хотя гроза, надвигавшаяся со стороны Берлина, въ данный моментъ видимо миновала, тѣмъ не менѣе настроеніе дипломатическихъ канцелярій было напряженное и нервное. Такъ напр. г. Бурэ, французскій посланникъ въ Брюсселѣ, сообщилъ министру иностранныхъ дѣлъ, что принцъ de Chimay, въ разговорѣ съ нимъ, сказалъ: „Будьте покойны, Бельгія со своими 80.000 человѣкъ отстоитъ свой нейтралитетъ противъ всѣхъ нападеній и, если нѣмцы нарушатъ его, то наши войска будутъ защищать его вмѣстѣ съ вашими. Можетъ быть, командованіе этими войсками приметъ герцогъ Омальскій". Тогда же принцъ намекнулъ на то, что вслѣдствіе событій въ Конго король бельгійскій нуждался въ деньгахъ".

19 февраля 1887 г. Ю. Ганзенъ имѣлъ серьезный разговоръ съ барономъ Моренгеймомъ, который отправилъ наканунѣ длинную и весьма важную депешу въ Петербургъ, въ которой онъ доказывалъ, что нейтралитетъ Россіи въ 1864 и 1870 г.г. былъ нецѣлесообразенъ. „Мы объявили себя нейтральными, но на дѣлѣ этого не было"— таковъ былъ тезисъ, который посланникъ развивалъ въ этой депешѣ, присовокупляя, что сдѣланной ошибки не слѣдовало повторять въ 1887 г. „Я былъ бы удивленъ, сказалъ онъ, если бы эта депеша не произвела сильнаго впечатлѣнія на государя".

Коснувшись намѣренія Флуранса предложить русскому правительству заключить настоящій оборонительный союзъ, баронъ Моренгеймъ сказалъ Ганзену, что въ принципѣ онъ ничего не имѣетъ противъ этого проекта. „Слѣдовало бы послать въ Петербургъ какое-нибудь лицо, занимающее не особенно видное положеніе, поручивъ

ему предложить Гирсу слѣдующій вопросъ: безразлично ли для русскаго правительства или нѣтъ, какое положеніе займетъ Франція въ случаѣ войны на Востокѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, возможно ли заключеніе настоящаго союза? Затѣмъ вашъ посланный, сказалъ онъ, долженъ бы спокойно ожидать отвѣта на предложенный вопросъ".

Въ тотъ же день Ганзенъ передалъ Флурансу все сказанное русскимъ посланникомъ. Министръ замѣтилъ, что онъ уже получилъ согласіе Гобле, предсѣдателя совѣта министровъ, на заключеніе союза и не сомнѣвается въ согласіи президента республики, Греви. Оставалось, слѣдовательно, рѣшить вопросъ о томъ, на кого будетъ возложена эта миссія. Было два кандидата: виконтъ Евгеній Мельхіоръ де-Вогюэ и де-Керьегю (de Kerjégu); оба названныхъ лица, въ качествѣ секретарей посольства, принадлежали къ дипломатическому корпусу.

25 февраля, министръ при свиданіи съ Вогюэ, предложилъ ему, по рекомендаціи барона Моренгейма, отправиться въ Петербургъ и вручилъ ему письмо къ Гирсу, въ которомъ онъ писалъ: „Милостивый государь, прошу васъ оказать благосклонный пріемъ г.-Вогюэ, которому я поручилъ отправиться въ Петербургъ, чтобы переговорить съ вашимъ превосходительствомъ объ одномъ предметѣ. Въ виду того, что этотъ шагъ долженъ быть секретнымъ, я избралъ г. Вогюэ, который уже вамъ извѣстенъ и на опытность котораго я вполнѣ полагаюсь. Соблаговолите отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ тому, что онъ вамъ скажетъ отъ моего имени. Флурансъ".

Черезъ день виконтъ де-Вогюэ готовъ былъ ѣхать, когда къ Флурансу пріѣхалъ баронъ Моренгеймъ, чтобы сказать ему, что вслѣдствіе письма, полученнаго имъ отъ Гирса, поѣздку придется отложить. Русскій министръ писалъ, что царь весьма тронутъ добрыми намѣреніями французскаго правительства, съ которымъ онъ желалъ бы поддержать самыя дружественныя отношенія, но что данный моментъ представляется не вполнѣ удобнымъ для заключенія союза, который могъ бы вызвать тревогу среди прочихъ державъ.

Въ международной политикѣ наступило временно затишье; на возможность конфликта между Германіей и Франціей въ теченіе всего марта 1887 г. въ Европѣ смотрѣли оптимистично.

Весьма любопытно, что самыя точныя свѣдѣнія, полученныя въ то время въ Парижѣ касательно Германіи или, лучше сказать, касательно замысловъ Бисмарка по отношенію къ Франціи, исходили отъ римской куріи и отъ ея заграничныхъ нунціевъ. Во время кризиса, разыгравшагося въ февралѣ мѣсяцѣ, никто иной какъ папскій нунцій въ Мюнхенѣ, который былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ этомъ городѣ,

сообщилъ въ Парижъ подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ серьезны могли быть осложненія, угрожавшія въ то время Франціи; отъ посланника же при папскомъ дворѣ Лефевръ де-Бегэнъ (Lefebvre de-Behaine), который былъ особенно хорошо освѣдомленъ послѣ возвращенія въ Римъ Галимберти, были получены подробнѣйшія свѣдѣнія относительно самыхъ сокровенныхъ замысловъ политики Бисмарка. Изъ всего сказаннаго этому прелату германскимъ канцлеромъ вытекало, что Германія не собиралась напасть на Францію, но что можно было опасаться, какъ бы французскій военный министръ, Буланже, своими провокаціями, возведенными въ систему, не вызвалъ войну. Раздраженіе Бисмарка противъ генерала Буланже было такъ же сильно, какъ прежде. Германскій посланникъ въ Парижѣ, графъ Мюнстеръ, разсказывалъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ одному изъ моихъ друзей, что былъ моментъ, когда, предвидя возможность жалобы со стороны французскаго правительства на германскаго военнаго уполномоченнаго въ Парижѣ, онъ, графъ Мюнстеръ, обратился въ Берлинъ съ просьбою дать ему инструкціи на счетъ того, что ему надлежало отвѣтить на подобную жалобу; на что Бисмаркъ, будто бы, сухо отвѣтилъ посланнику по телеграфу слѣдующей фразой: „Если у васъ потребуютъ, чтобы нашъ уполномоченный былъ отозванъ, отвѣтьте ему, что вамъ приказано уѣхать одновременно съ нимъ“.

Итакъ, несмотря на оптимизмъ, царствовавшій въ европейскихъ канцеляріяхъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, отношенія между Германіей и Франціей оставались довольно натянутыми; причиною этого было въ особенности то обстоятельство, что во главѣ военнаго министерства стоялъ генералъ Буланже; это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не разразился въ концѣ апрѣля инцидентъ, извѣстный подъ названіемъ дѣла Шнебеле, который едва не сыгралъ роль искры, брошенной въ пороховой погребъ.

Не стоитъ распространяться объ этомъ, всѣмъ извѣстномъ, дѣлѣ. Что касается русскаго посольства, то оно держалось въ сторонѣ, не вмѣшиваясь въ этотъ споръ; очевидно, оно поступало такъ по приказанію, полученному изъ Петербурга. Нижеслѣдующая замѣтка набросана Ю. Ганзеномъ для памяти, 29 апрѣля 1887 г., въ то время, когда это столкновеніе, которое могло окончиться очень серьезно, уже готово было разрѣшиться.

„Во ожиданіи результата, какимъ увѣнчается дѣло Шнебеле, всѣ волнуются и продолжаютъ нервничать. Наши военныя власти были бы не прочь воспользоваться этимъ случаямъ, чтобы сосредоточить на границѣ Эльзасъ-Лотарингіи количество войскъ равное тому, какое держатъ тамъ нѣмцы. Они побороли этотъ разъ

опасенія и робость Греви; и ими уже приняты нѣкоторыя мѣры, съ цѣлью сдержать, въ случаѣ надобности, натискъ непріятеля на наши пограничныя провинціи, чтобы дать возможность произвести мобилизацію, если бы таковая оказалась нужной.

„Итакъ, арміи сближаются; съ минуты на минуту, могутъ загрохотать орудія; существуетъ только одна гарантія за то, что миръ не будетъ нарушенъ,—это боязнь той страшной отвѣтственности которая падетъ на того, кто первый совершитъ нападеніе. Германія въ особенности не можетъ взять на себя подобную отвѣтственность, не рискуя лишиться содѣйствія своихъ союзницъ, Италіи и Австріи.

„Положеніе представляется довольно безнадежнымъ, но общество не даетъ еще себѣ въ этомъ отчета и слѣдитъ довольно безучастно за надвигающейся грозою. Въ политическихъ кругахъ Парижа преобладаетъ мнѣніе, что перемѣна министерства, въ особенности отставка генерала Буланже, ослабила бы остроту положенія и дала бы возможность выиграть нѣсколько мѣсяцевъ. Всѣ эти обстоятельства сильно укрѣпляютъ положеніе нашего военнаго министерства: отъ него хотѣли бы отдѣлаться, но никто не рѣшается коснуться его.

„При всемъ томъ, возможно, что дѣло Шнебеле скоро уладится, въ этомъ не будетъ ничего удивительнаго. Германія, затѣяла неудачное дѣло; она убѣдилась, за послѣднюю недѣлю, что общественное мнѣніе высказалось съ рѣдкимъ единодушіемъ противъ дѣйствій ея полиціи; слѣдовательно, нѣмецкій комиссаръ Новеантъ будетъ принесенъ въ жертву,—это несомѣннно. Въ то время какъ на насъ обрушилось это испытаніе, намъ было ниспослано одно удовлетвореніе, котораго никто не ожидалъ.

„Англійская пресса, въ февралѣ мѣсяцѣ относившаяся къ намъ самымъ отвратительнымъ образомъ, на этотъ разъ отнеслась къ намъ въ высшей степени доброжелательно; даже само англійское правительство поддержало насъ нравственно, хотя оно дѣйствовало сдержаннѣе. Флурансъ пожалъ такимъ образомъ плоды своей благоразумной политикой: когда онъ занялъ свой постъ, наши отношенія къ Англіи были въ самомъ плачевномъ состояніи, онъ ихъ улучшилъ, и въ настоящее время они удовлетворительны. Это хорошій козырь въ нашихъ рукахъ, на тотъ случай, ежели серьезныя осложненія неизбѣжны“.

Предположенія, Ганзена, что кризисъ уладится, оправдались. Дѣйствительно, 29 апрѣля въ 4 часа дня, французскій полицейскій комиссаръ былъ освобожденъ по повелѣнію императора Вильгельма. Германіи ничего другого не оставалось дѣлать, коль скоро г.г. Гобле и Флурансъ доказали документально, что Шнебеле не превысилъ своихъ правъ, перейдя границу, чтобы снестись со своимъ нѣмецкимъ

коллегой по служебному дѣлу. Итакъ, умы успокоились, но тревога была велика.

6 мая 1887 г. Ганзенъ получилъ аудіенцію у Жюля Греви, президента республики. Вотъ какъ онъ высказался о происходящемъ: „До тѣхъ поръ, пока я буду у дѣлъ и пока дѣла будутъ въ моихъ рукахъ, Франція не будетъ дѣйствовать вызывающе и никогда не объявитъ войны. Если бы Германія напала на Францію по легкомыслію или непостижимому варварству, то я сталъ бы защищаться, я не боюсь. Дѣло Шнебеле показало, что Бисмаркъ не можетъ уже дѣлать въ Европѣ, что онъ хочетъ, и что ему приходится считаться съ общественнымъ мнѣніемъ. Даже его собственные союзники возстали бы противъ него, если бы онъ довелъ дѣло до крайности. Было бы очень желательно придти со временемъ къ какому-нибудь modus vivendi съ нашими сосѣдями, даже къ совмѣстному разоруженію, такъ какъ всѣ великія державы изнемогаютъ подъ бременемъ своихъ военныхъ бюджетовъ. Что касается Эльзаса и Лотарингіи, то мы уступили эти провинціи Германіи и неотвѣтственны за то, что тамъ происходитъ. А у Франціи и Россіи, очевидно, есть въ настоящее время общій интересъ, именно не допустить дальнѣйшаго развитія германскаго могущества. Оно угрожаетъ Россіи такъ же точно, какъ Франціи; слѣдовательно, обѣ державы должны мирнымъ путемъ поддерживать другъ друга. Коснувшись внутренней политики, Греви сказалъ, что онъ такъ же, какъ и царь, желалъ бы, чтобы министерство во Франціи упрочилось, но это зависитъ въ значительной степени отъ палатъ; при томъ Франція руководствуется въ вопросахъ политики серьезными интересами, а не личными вопросами".

Въ началѣ мая того же года, баронъ Моренгеймъ подвергся нападкамъ со стороны извѣстной части французской прессы. Его франко-фильская политика создала ему съ нѣкоторыхъ поръ враговъ среди оппозиціи; они надѣялись, устранивъ посланника, измѣнить направленіе политики.

Ю. Ганзенъ получилъ по этому поводу 13 мая 1887 г. отъ барона Моренгейма письмо слѣдующаго содержанія:

„Любезный Ганзенъ, оказывается положительно, что французская печать, вопреки тому, что я считалъ себя въ правѣ ожидать, предпочитаетъ своимъ молчаніемъ закрѣпить ту версію, которую распространяютъ нѣкоторыя, заинтересованныя въ томъ лица, относительно двусмысленнаго положенія посольства, заподозрѣннаго общественнымъ мнѣніемъ Франціи; по крайней мѣрѣ она не опровергаетъ ее. Qui ne dit mot consent. (Молчаніе есть знакъ согласія). Не трудно будетъ доказать, сославшись на это, что извѣстные недоброжелательные намеки одной петербургской газеты, противъ которой

никто не счелъ нужнымъ протестовать, были основательны. Я считалъ себя до нѣкоторой степени въ правѣ ожидать большаго! Но, разъ дѣло обстоитъ такъ, мнѣ приходится ожидать спокойно, какъ окончится затѣянная противъ меня травля.

Это молчаливое неодобреніе, выраженное мнѣ общественнымъ мнѣніемъ страны, которой я далъ, какъ мнѣ казалось, довольно существенныя доказательства своей искренней преданности, избавитъ меня отъ сожалѣній, которыя мнѣ было бы пріятно испытать при отъѣздѣ (изъ Франціи) и оставить по себѣ. Быть можетъ со временемъ, каковъ бы ни былъ мой преемникъ, почувствуютъ разницу, но кто же будетъ виноватъ въ этомъ?

Не встрѣтивъ поддержки въ органахъ, являющихся истинными выразителями общественнаго мнѣнія, и которымъ, до извѣстной степени было вмѣнено въ обязанность высказаться, такъ какъ мои противники считаютъ возможнымъ ссылаться на нихъ, я чувствую себя принесеннымъ въ жертву и безсильнымъ; у меня нѣтъ болѣе необходимаго нравственнаго авторитета, и при подобныхъ условіяхъ я не могу оставаться долѣе на своемъ посту. При семъ прилагаю текстъ опроверженія, какъ я его понимаю, и которое дало бы мнѣ нравственное удовлетвореніе. Само собою разумѣется, что для меня было бы всего пріятнѣе, если бы оно проявилось въ одномъ изъ органовъ, которые могутъ считаться выразителями правительственныхъ взглядовъ. За неимѣніемъ таковыхъ я безъ труда указалъ бы на другіе органы, но въ такомъ случаѣ это удовлетвореніе далеко не имѣло бы того значенія.

Очутившись лицомъ къ лицу передъ сильной и враждебно ко мнѣ настроенной партіей, съ которой мнѣ приходится считаться мнѣ остается только принять твердое рѣшеніе, и оно уже принято. Преданный вамъ Моренгеймъ“.

Какъ видно изъ письма, посланникъ посылалъ Ганзену свою замѣтку и выражалъ желаніе, чтобы она была напечатана въ одномъ изъ вліятельныхъ французскихъ органовъ печати. Но такъ какъ „Journal des Débats“, тѣмъ временемъ, помѣстилъ, статью весьма сочувственную барону Моренгейму, то 14 мая посланникъ писалъ ему вторично, прося оставить его вчерашнюю просьбу безъ послѣдствій:

„Я прочелъ съ величайшей благодарностью весьма лестную для меня статью, появившуюся въ Débats сегодня утромъ. Прошу васъ оставить мое вчерашнее письмо безъ послѣдствій и возвратить мнѣ приложенное къ нему. Вы меня этимъ безконечно обяжете, такъ какъ мнѣ хотѣлось бы, чтобы эта маленькая статья осталась между нами. Весь вашъ Моренгеймъ“.

Между тѣмъ Ганзенъ уже успѣлъ написать генералу Брюжеру, главному секретарю президента республики, по поводу письма отъ 13 мая, полученнаго имъ отъ барона Моренгейма. Это письмо было прочитано въ тотъ же день въ совѣтѣ министровъ, и въ ближайшіе дни большая часть французскихъ газетъ помѣстила сочувственныя статьи по адресу русскаго посланника. Такимъ образомъ дѣло было покончено.

Нѣсколько дней спустя произошелъ министерскій кризисъ: министерство Гоблэ подало въ отставку; ожидали образованія радикальнаго министерства съ Флоке въ качествѣ президента совѣта. Баронъ Моренгеймъ былъ чрезвычайно огорченъ этимъ извѣстіемъ. Онъ предвидѣлъ, что въ виду прошлаго этого политическаго дѣятеля и въ особенности въ виду надѣлавшаго въ 1867 г. шума выступленія его въ защиту Польши, императору Александру III было бы непріятно, если бы онъ сталъ во главѣ правительства. Этотъ взглядъ русскаго посланника не остался тайною для Елисейскаго дворца, и Греви послалъ къ барону Моренгейму генерала Брюжера, чтобы переговорить съ нимъ о способѣ разрѣшить министерскій кризисъ. Посолъ заявилъ, что онъ отнюдь не желаетъ вмѣшиваться въ рѣшеніе вопроса, касающагося внутренней политики Франціи, но не скрылъ того, что если во главѣ вновь формируемаго кабинета станетъ Флокэ, то ему придется, вѣроятно, уѣхать въ отпускъ. На другой день послѣдній самъ отказался отъ этого поста.

30 мая 1887 г. Рувье сформировалъ министерство, въ которомъ Флурансъ сохранилъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ.

Отношенія русскаго посланника къ кабинету Рувье, въ которомъ генералъ Буланже отсутствовалъ, были самыя дружественныя. Недовольная радикальная партія начала энергичный походъ противъ министерства, обвиняя его въ томъ, что оно идетъ на соглашенія съ правой.

Въ теченіе лѣта кабинету Рувье пришлось бороться со всевозможными внутренными осложненіями и интригами партій.

Августъ мѣсяцъ 1887 г. баронъ Моренгеймъ провелъ на дачѣ въ Bayat, гдѣ онъ часто обмѣнивался визитами съ Флурансомъ, проводившимъ лѣто въ La Bourboule, но не пожелалъ принять генерала Буланже, пріѣхавшаго нарочно изъ Клермонъ-Ферранъ, чтобы повидаться съ нимъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ прежняго острословія.

Императоръ Николай I любилъ фронтъ. Послѣ смотра онъ выражалъ какимъ-либо острымъ словечкомъ свое удовольствіе или неудовольствіе. Такъ, послѣ неудачнаго смотра сводпаго батальона военно-учебныхъ заведеній онъ назвалъ батальонъ—*бланъ манже*.

Чиновничья служба бываетъ разная. Иногда на долю чиновниковъ выпадаетъ весьма тяжелая работа. Про дѣятелей на поприщѣ воспитанія военнаго юношества справедливо писалъ въ 1836 г. Я. И. Ростовцовъ: *„чиновникъ чиновнику розь; есть вѣдомства, гдѣ чиновники ѣдутъ какъ по чугунной дорогѣ, все вошло въ колею; а есть вѣдомство, гдѣ все кипитъ и переплавляется, и чиновники везутъ возъ въ гору по грязи и рытвинамъ“*.

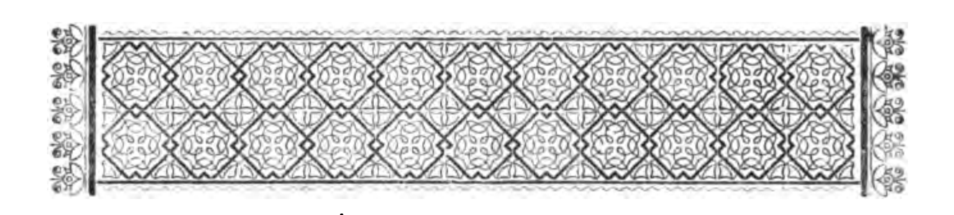
Относительно кадетскихъ куртокъ прежнихъ кадетъ Я. И. Ростовцовъ писалъ, что *куртка для кадета то же, что корсетъ для дѣвушки.*

Сколько разъ приходится слышать ораторовъ, по своей неопытности и неискусности заикающихся, повторяющихъ слова, проглатывающихъ слоги? *Плохую дикцію* Я. И. Ростовцовъ *сравнивалъ съ Боровичскими порогами.*

По поводу запроса англійскаго правительства относительно состоянія военно-учебныхъ заведеній Россіи, Я. И. Ростовцовъ писалъ: *„мнѣ одно только больно, что иностранцы знаютъ или хотятъ знать о Россіи больше, чѣмъ сами русскіе; кто изъ нашихъ вельможъ или министровъ былъ хоть разъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ или полюбопытствовалъ узнать, какъ то они идутъ“?*

Сообщ. Мих. Соколовскій.

Изъ рекрутскихъ дѣлъ во время отечественной войны.

Нѣкоторыя дѣла, сохранившіяся въ архивахъ Трубчевскаго городового магистрата и нижняго земскаго суда, бывшія въ производствѣ этихъ учрежденій—о розысканіи и поимкѣ скрывавшихся при содѣйствіи помѣщиковъ отъ рекрутчины мѣщанъ, рисуютъ довольно интересную и характерную картинку современной мѣстной жизни во время Отечественной войны.

Для розыска скрывавшихся отъ рекрутчины мѣщанъ городскою думою, по назначенію мѣщанскаго общества, отправлялись особые „ловчіе" изъ мѣщанъ. Поѣздки этихъ „ловчихъ" вызывали всегда значительные расходы, падавшіе исключительно на мѣщанское общество, и не всегда оказывались успѣшными, а иногда оканчивались даже весьма печальными послѣдствіями.

Съ однимъ изъ такихъ дѣлъ мы имѣемъ возможность познакомить читателей.

Дѣло это было въ то время, когда „непріятель, вступивъ въ предѣлы Россіи, несъ оружіе свое внутрь страны, надѣясь силою и „соблазнами потрясть спокойствіе ея и имѣлъ злобное намѣреніе „разрушить славу ея и благоденствіе, когда онъ съ лукавствомъ въ „сердцѣ и лестію въ устахъ несъ вѣчныя для ней цѣпи и оковы" [1]), и когда съ высоты престола послѣдовалъ Высочайшій призывъ, обращенный ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ земли русской, единодушнымъ и общимъ усиліемъ содѣйствовать къ пораженію врага Россіи.

16-го іюня 1813 года въ Трубчевскую городскую думу отъ мѣщанъ Петра Бирюкова, Ивана Горбачева, Алексѣя Сиваева, Аѳанасія Самойлова, Якова Шакина и Максима Крысина былъ поданъ рапортъ такого содержанія:

---

[1]) Высочайшій манифестъ 6 іюля 1812 года.

„По данному отъ оной думы на законномъ основаніи наставле-„нію отправлены мы были въ разныя мѣста для отысканія отлучив-„шихся изъ города Трубчевска безъ письменнаго вида, не платящихъ „казенныхъ податей и семейныхъ здѣшнихъ мѣщанъ, слѣдующихъ къ „отдачѣ въ рекруты, по поводу тому, что по нынѣшнему 84 рекрут-„скому набору на здѣшнемъ мѣщанствѣ состоятъ въ недоимкѣ рек-„руты. И, вслѣдствіе даннаго намъ наставленія, отыскивая людей въ „разныхъ мѣстахъ, возвращаясь сего іюня 14 дня отъ г. Брянска къ „Трубчевску по большой дорогѣ и поворотя на село Салову-Сосновку „проселочною дорогою, увидѣли въ состоящемъ близъ той дороги въ „лѣвой сторонѣ, не извѣстно намъ въ чьемъ кирпичномъ сараѣ, „Трубчевскихъ мѣщанъ, таковыхъ, которые слѣдуютъ къ отдачѣ въ „рекруты: Ефима Губина, Өедора Гермонова, которой уже былъ и „приговоренъ по оному набору въ рекруты, но предъ отправленіемъ „въ Орелъ бѣжалъ, и Макара Бирюкова. И подойдя къ сараю взяли „изъ нихъ Губина и Германова, а Бирюковъ бѣжалъ, вели ихъ на „дорогу къ посажденію на повозки, но изъ сихъ двухъ—Германовъ „вырвался и бѣжалъ, а Губина, доведя до дороги, сковали въ желѣзы, „посадили на повозку и повезли было въ Трубчевскъ. Но, когда мы „отъѣхали отъ сарая на большую дорогу, то на большой дорогѣ по-„мѣщикъ порутчикъ Николай Фаддеевъ сынъ Саловъ, въ томъ селѣ „живущій и имѣніе свое съ братьями его Васильемъ и Яковомъ Са-„ловыми имѣющій, набѣжавъ на насъ въ коляскѣ на тройкѣ лошадей „съ людьми своими, тремя сидящими на лошадяхъ верхами, держа-„щими въ рукахъ кнуты и пѣшими человѣкъ до двадцати, имѣющими „въ рукахъ дубинки. Самъ онъ, Саловъ, съ тѣми людьми остановя „насъ съ горячнѣйшимъ видомъ выйдя самъ изъ коляски, ухватилъ „изъ насъ Бирюкова за груди, за полушубокъ, разодралъ оной, билъ „руками безчеловѣчно по щекамъ, нотомъ схватя за волосы, свалял „на землю, таскалъ по землѣ, а сверхъ того изъ людей его сидѣв-„шій у него, Салова, на коляскѣ кучеромъ слѣзя съ коляски сѣкъ „кнутомъ. Послѣ онъ, Саловъ, брося Бирюкова началъ и билъ Якова „Шакина по ухамъ и схватя за волосы, сваливъ на землю, билъ ногою „выспеткомъ, наконецъ угрожая всѣхъ насъ бить и сѣчь кнутьями, „приказалъ людямъ своимъ взятаго нами Губина у насъ отнять, „что съ помощью своей силы онъ, Саловъ, исполня, освободилъ того „Губина изъ желѣзъ и потомъ посредствомъ снаряженныхъ дубьемъ „людей его, Салова, насъ и Губина взявъ какъ преступниковъ подъ „карауломъ, людей тѣхъ повезъ въ село Сосновку, въ собственный „домъ, не дѣлая намъ по дорогѣ болѣе побоевъ, опасаясь конечно „того, что во время нападенія на насъ его, Салова, съ людьми ѣхали „по большой Брянской дорогѣ и всѣ дѣйствія его, Салова, видѣли

„проѣзжавшіе на тотъ случай Трубчевской стрѣлецкой слободы одно-„дворцы Петръ Фильковъ, Иванъ и Савва Логгиновы. По привозѣ „же насъ въ домъ его, Салова, онъ, Саловъ, строжайше закричалъ „людямъ своимъ: „заготовьте колодки и забейте въ оныя ихъ“, то-„есть насъ именованныхъ. При чемъ родной его, Салова, братъ Ва-„силій Саловъ Бирюкова билъ руками по ухамъ и ступками сапогъ „въ лицо, а онъ Николай Саловъ все же съ вспыльчивостью спра-„шивалъ у насъ письменный видъ, почему мы данное намъ отъ „думы наставленіе подали ему, которое онъ взявши приказалъ людямъ „своимъ отвесть насъ подъ карауломъ на кухню, а самъ съ наста-„вленіемъ пошелъ въ господскіе покои. За тѣмъ же вскорѣ пря-„казано было отъ него, Салова, людямъ своимъ подать лошадей ѣхать „на заичью охоту. Поданы были лошади и вышелъ изъ хоромъ „прежде Трубчевской земской исправникъ Иванъ Вепрейской, сѣлъ „на лошадь верхомъ, уѣхалъ, потомъ братья его, Салова, Василій и „Яковъ Саловы такъ же сѣли на лошадей верхами и поѣхали, а „онъ Николай послѣ ихъ вышедъ хотѣлъ уѣхать, но мы увидя, что „и онъ такъ же уѣзжаетъ, вышли изъ кухни на дворъ, просили его „объ отпускѣ насъ, но онъ сказалъ: „дайте бумагу, что я васъ ни „чемъ не обижалъ и исковъ ко мнѣ никакихъ имѣть не будете, тогда „отпущу, но мы бумаги ему дать не согласились и онъ самъ уѣхалъ, „а мы остались въ его домѣ на кухнѣ и ночевали за карауломъ. „А онъ, Саловъ, съ братьями возвратился изъ охоты съ часъ ночи „въ домъ и по утру на другой день, когда начали мы просить о „освобожденіи насъ, то онъ употребя свое усиліе, угрожая намъ „боемъ и наказаніями, бумагу въ томъ, будто онъ насъ ни чемъ не „обижалъ и что мы въ томъ иска имѣть не будемъ, каковую бумагу „мы устрашась угроженій его, Салова, при тамошнихъ дьячкахъ, а „какъ ихъ звать не знаемъ, вынуждены были, но не знаемъ въ „какомъ она смыслѣ, дать и дали. Послѣ чего онъ, Саловъ, насъ и „отпустилъ, а отбитаго у насъ мѣщанина Губина оставилъ у себя, „равно и отъ повинности бѣжавшіе Германовъ и Бирюковъ оста-„лись въ домѣ его, Салова, которыхъ мы у него въ домѣ и видѣли, „но видя всѣ устрашенія его, Салова, и много окружающихъ его „собственныхъ его людей и крестьянъ, взять ихъ не могли, но по „освобожденіи, спасая жизнь свою, едва прибыли въ свое жилище. „О чемъ оной думѣ симъ почтеннѣйше рапортуя, просимъ въ такомъ „случаѣ поступить по законамъ“.

Городская дума, заслушавъ этотъ рапортъ въ полномъ своемъ присутствіи, постановила: донести губернскому правленію о случившемся и просить законнаго распоряженія о производствѣ разслѣдованія по этому дѣлу и о поступленіи съ виновными по закону. Кромѣ

осег обратиться въ Трубчевской нижній земскій судъ съ просьбою немедля нисколько истребовать отъ помѣщика Салова скрывающихся у него мѣщанъ-рекрутъ и за надлежащимъ карауломъ прислать ихъ въ думу.

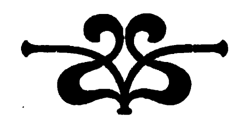
Этимъ городская дума не ограничилась — она командировала въ Салову-Сосновку еще другихъ шесть мѣщанъ для поимки укрывающихся тамъ рекрутъ, но эта поѣздка имѣла еще болѣе печальное послѣдствіе.

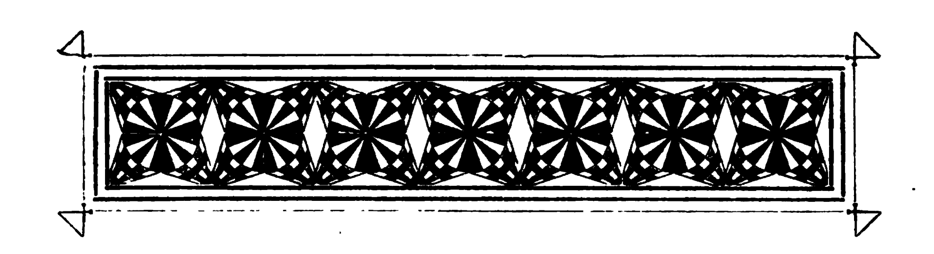
Изъ рапорта командированныхъ мѣщанъ Ивана Гамова, Семена Сѣднева, Михайлы Крысина, Козьмы Хатунцова и Ивана Сахарнаго, поданнаго въ думу 21 іюня 1813 года, видно, что когда они 19 іюня пріѣхали въ Салову-Сосновку и хотѣли забрать бывшихъ все тамъ же въ кирпичномъ сараѣ помѣщика Салова скрывавшихся отъ рекрутчины мѣщанъ: Губина, Германова и Бирюкова, на нихъ набросились крестьяне помѣщика Салова числомъ болѣе 15, вооруженные дубинками съ явнымъ намѣреніемъ убить ихъ. Видя это, они вынуждены были, спасая свою жизнь, бѣжать къ своимъ лошадямъ и успѣли вскочить въ повозки, товарищъ же ихъ Прокопъ Сушковъ не успѣлъ вскочить въ повозку, какъ на него набросился первымъ скрывавшійся рекрутъ Германовъ и ударомъ заступа повалилъ на землю. Подбѣжавшіе за тѣмъ крестьяне начали бить его, Сушкова, дубинками. „И гдѣ теперь тотъ Сушковъ, равно и живъ ли онъ, мы „не извѣстны, такъ какъ, спасая свою жизнь, мы быстро уѣхали“, заключаютъ такъ свой рапортъ мѣщане-ловчіе.

Изъ дальнѣйшаго производства этого дѣла выясняется, что избитый Сушковъ вскорости умеръ, скрывавшійся рекрутъ Германовъ былъ пойманъ 6 іюля во рву около Трубчевска и на допросѣ у городничаго показалъ, что онъ съ товарищами, съ цѣлью укрывательства отъ рекрутчины, подрядились у помѣщика Салова дѣлать кирпичъ и все время находились въ имѣніи его въ селѣ Саловой-Сосновкѣ; гдѣ теперь товарищи его, не знаетъ, а онъ пробирался къ своему дому, чтобы запастись одеждой, но былъ замѣченъ и пойманъ мѣщанами Симоновымъ и Легчилинымъ.

Послѣ обслѣдованія дѣла этого, по порученію губернскаго правленія, нижнимъ земскимъ судомъ, оно направлено было въ Орловскую палату уголовнаго суда.

Сообщ. С. Чикачевъ.

Изъ моихъ воспоминаній: въ кадетскомъ корпусѣ [1]).

(*Окончаніе*).

Если въ систему корпусного образованія не входило поощреніе кадетъ къ чтенію, зато очень благосклонно смотрѣли свыше на занятія ихъ „пріятными искусствами", какъ тогда говорилось и писалось, хотя при этомъ оставалось неизвѣстнымъ, развѣ существуютъ искусства „непріятныя", и, если да, то какія же именно? Къ пріятнымъ искусствамъ причислялись музыка, пѣніе, танцы, рисованіе. Живописцевъ или хоть рисовальщиковъ по призванію я не могу припомнить ни одного, хотя классъ рисованья и пользовался благосклонностью кадетъ. Впрочемъ, эта благосклонность коренилась больше всего на надеждѣ—заполучить, при счастьѣ, булку для собственнаго употребленія, а не для стиранія карандаша, на чтò булки предназначались. Да и учителя были не изъ такихъ, чтобы могли заронить въ комъ-нибудь любовь къ искусству. Первый изъ нихъ по времени, Аберда, на кривыхъ, совершенно колесообразныхъ ногахъ, былъ мастеръ играть въ большой пузырный мячъ и особенно „ставить свѣчи", т. е. поддавать мячъ ногою совершенно вертикально и весьма высоко, чему у него кадеты и выучились гораздо успѣшнѣе, чѣмъ рисованію. Вторымъ учителемъ рисованія былъ танцмейстеръ Шелковниковъ, третьимъ Каширинъ, про котораго кадеты говорили: вѣтеръ бушуетъ, Каширинъ тушуетъ. Каширинъ, писавшій портреты со своихъ сослуживцевъ, болѣе подходившіе впрочемъ къ категоріи вывѣсокъ, тоже не въ состояніи былъ ничего „внушить". Даже въ писаніи декорацій для кадетскихъ спектаклей его участіе было не первостепенное. Гораздо болѣе охотниковъ оказалось до другого пріятнаго искусства—музыки.

---

[1]) См. „Русская Старина" 1907 г., апрѣль.

Учителей добыли изъ музыкантовъ сосѣдняго учебнаго полка и должно быть порядочныхъ, потому что нѣкоторые изъ кадетъ сдѣлали видимые успѣхи на скрипкѣ, флейтѣ, кларнетѣ. До составленія своего собственнаго оркестра число любителей однако не простиралось; въ этомъ отношеніи дальше музыки пошло пѣніе, и въ короткое время образовался довольно сносный кадетскій хоръ, имѣвшій нѣсколько порядочныхъ солистовъ.

Къ танцованію мало имѣлъ кто склонности, но обязаны были учиться всѣ—и медвѣжата, и козлята. Танцъ-классы имѣли и практическое примѣненіе: въ корпусѣ стали даваться въ зимніе праздники танцовальные вечера, иногда даже костюмированные. Впрочемъ, на эти вечера допускались немногіе изъ кадетъ, именно лучшіе по поведенію и успѣхамъ въ наукахъ; главную же публику составляли корпусные учителя и офицеры съ ихъ семействами, да и давались эти вечера не часто. Попасть на такой балъ было очень лестно и желательно каждому, а тѣмъ паче на костюмированный. Приглашенные всѣ могли быть въ костюмахъ, не исключая кадетъ, слѣдовательно, представлялось удовольствіе, выходящее изъ ряда жизни даже не захолустной. Да и самыя приготовленія къ костюмированному балу имѣли огромный интересъ. Араловъ, сначала ротный командиръ, а потомъ младшій штабъ-офицеръ, бывалъ обыкновенно и организаторомъ, и заправилой этого дѣла, ему приходилось даже ѣздить въ Новгородъ, чтобы доставать костюмы на прокатъ. Все это было мизерно и плохо, но вполнѣ удовлетворяло всѣхъ—и мальчугановъ, и ихъ наставниковъ. Составляли костюмы и изъ собственныхъ средствъ, т. е. собирали ихъ по частямъ отъ офицеровъ и учителей, которые помогали охотно; и костюмированный вечеръ, и приготовленія къ нему занимали ихъ самихъ не меньше, чѣмъ кадетъ. Такимъ образомъ костюмированный вечеръ, продолжавшійся нѣсколько часовъ, служилъ развлеченіемъ для всѣхъ на много дней: сначала приготовленіями, потомъ разговорами и разсказами.

Еще болѣе интереса возбуждали во всѣхъ, особенно въ кадетской средѣ, спектакли. Играли большею частію кадеты, но встрѣчались въ числѣ актеровъ и наставники. Зрителями были всѣ служащіе и всѣ кадеты; уже одно это ставило спектакли въ первый номеръ развлеченій и удовольствій. Заправляли дѣломъ вышеупомянутые Араловъ и Шелковниковъ, особенно первый. Онъ писалъ собственноручно декораціи, при томъ очень сносно, готовилъ роли съ нѣкоторыми изъ актеровъ - кадетъ, распоряжался всѣмъ по уполномочію директора и вообще оказывался человѣкомъ на всѣ руки. Легко понять, сколько эта операція представляла хлопотъ и трудностей, едва одолимыхъ, такъ какъ въ нашей глуши ничего не было,

все нужное приходилось добывать Богъ знаетъ откуда, замѣняя одно другимъ, получая совсѣмъ не то, что требовалось, и изворачиваясь денежными средствами самыми мизерными.

Самымъ труднымъ дѣломъ былъ однако же репертуаръ, ибо пьесы требовались легонькія, коротенькія, съ наименьшимъ числомъ женскихъ ролей и при томъ подходящаго содержанія. Откуда было набрать такихъ пьесъ? Для начала выбрали „Сентябрскую ночь", Каратыгина, такъ какъ въ ней вовсе не было женскихъ ролей; потомъ брали и другія, напримѣръ, „Филатку и Мирошку", сокращали, перекраивали, передѣлывали, такъ что иную и узнать было нельзя. Мало того, сами стряпали комедійки, водевили и проч. изъ романовъ, повѣстей, разсказовъ. Очень хорошо помню подобную передѣлку нѣсколькихъ главъ романа Загоскина „Рославлевъ или Русскіе въ 1812 году". Кто былъ закройщикомъ и портнымъ такого репертуара, неизвѣстно, вѣроятно, главнымъ образомъ Араловъ. Сколько теперь можно сообразить, работа была грубая, по всѣмъ швамъ виднѣлись бѣлыя нитки и мочалки; тѣмъ не менѣе мы, кадеты, никакихъ изъяновъ не замѣчали и восхищались преподносимымъ намъ угощеніемъ, въ чемъ и были вполнѣ правы. Кромѣ подобнаго рода пьесъ, составлялись дивертиссементы, романсы и пѣсни въ лицахъ, воинственная или патріотическая декламація и т. п., все, что приходило заправиламъ въ голову и могло идти на потребу, а на потребу могло идти почти все. Съ годами становились смѣлѣе и рѣшительнѣе, добрались и до драмъ вродѣ извѣстнаго „Купца Иголкина". Тутъ стало исполнителямъ потруднѣе, ибо приходилось вообще вытягиваться не въ свою мѣру, чтобы только сдѣлать дѣйствующее лицо непохожимъ на обыкновеннаго смертнаго. Подобное растягиваніе человѣка на драматической дыбѣ было въ модѣ, нравилось и смотрѣлось съ особенной охотой, недаромъ же и мы, нѣкоторые кадеты-сочинители, пристращались къ авторамъ ходульнымъ. И хотя игры подчасъ не было, но вою было много, quasi - патріотическій горохъ сыпался градомъ, реторика трещала, мы чувствовали себя какъ бы въ банѣ, и трудъ нашихъ театральныхъ заправилъ оказывался вполнѣ благодарнымъ.

Заѣзжали къ намъ по временамъ фокусники, собачьи комедіи и проч., но очень рѣдко. Заурядныхъ же, повседневныхъ развлеченій было не много. Не существовало даже порядочной прогулки, такъ какъ не было сада достаточной величины для 400 человѣкъ. Гуляли по плацу, также въ палисадникѣ, гдѣ находились качели, гигантскіе шаги, разныя гимнастическія машины, но въ количествѣ незначительномъ. По праздникамъ нѣкоторые учителя и офицеры заходили въ роты, набирали по 10—20 человѣкъ и отправлялись съ ними на

прогулку за нѣсколько верстъ, большею частью берегомъ р. Мсты, иногда такимъ же образомъ удавалось кадетамъ гербаризировать съ Филипченко. Но все это находилось въ зависимости отъ времени года, отъ погоды, отъ степени любезности наставниковъ, а потому заурядным считаться не могло. Случалось, что иные учителя и офицеры брали по праздникамъ къ себѣ по 2 по 3 кадета вплоть до вечера; бывали и такіе, что приходили въ роты, бесѣдовали съ кадетами, разсказывали имъ разныя разности, даже читали что-нибудь (очень рѣдко). Бесѣдовать кадеты любили и даже искали случая, почему вступали часто въ разговоръ съ дядьками, старыми солдатами, которые и военныя кампаніи дѣлывали и въ бояхъ участвовали, но въ разсказахъ своихъ врали немилосердно.

Самымъ обыденнымъ развлеченіемъ кадетъ были игры на плацу: играли въ городки, въ лапту, въ пятнашки, въ пузырный мячъ. Настоящіе, строгіе игроки употребляли для пятнашекъ мячикъ не простой, а резинковый, сильный ударъ котораго причинялъ порядочную боль, что̀ образовало многихъ виртуозовъ этой игры, избѣгавшихъ удара мячика съ замѣчательною ловкостью. Были и другія игры, напр. бары. Играющіе дѣлились на двѣ равныя партіи, занимали позиціи, вели между собою малую войну набѣгами, брали плѣнныхъ, сторожили ихъ, освобождали съ помощью хитростей и проч. Не знаю, существуетъ ли эта игра теперь; она имѣетъ военный смыслъ, развиваетъ бдительность, находчивость и другія военныя качества.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ развлеченій ни одно не приносило кадетамъ-отшельникамъ такого огромнаго удовольствія, какъ отпускъ на Пасху и на Рождество домой. Ажитація начиналась за долго до праздниковъ и чѣмъ ближе они придвигались, тѣмъ болѣе волновались счастливцы, которымъ было куда уѣхать. Волненіе выростало не днями, а часами, когда начинали прибывать первые посланные за кадетами. Иногда пріѣзжали сами родители, или другіе родственники, чаще же присылались няньки, камердинеры, дворецкіе, приказчики. Пріѣзжали на своихъ лошадяхъ, въ незатѣйливыхъ деревенскихъ экипажахъ, иногда издалека, хотя отпускать кадетъ домой разрѣшалось верстъ за 70, не больше, но разстоянія сокращались многоразличными способами, а корпусное начальство смотрѣло сквозь пальцы на изобрѣтательность въ этомъ отношеніи кадетъ и ихъ родителей. Счастливцы-отпускные разсматривали и примѣряли присланные шубейки, тулупцы, валенки, тайкомъ выбѣгали посмотрѣть сани или кибитку, похлопать и погладить сивку, воронка или бураго. А у тѣхъ изъ ожидавшихъ кадетъ, за которыми посланные еще не явились, падало сердце, навертывались слезы; ослабѣвающая надежда укрѣплялась вслѣдъ за тѣмъ десятками предположеній ободритель-

наго свойства, а они въ свою очередь отступали передъ напоромъ новыхъ опасеній. Это повышеніе и пониженіе душевнаго барометра продолжалось до тѣхъ поръ, пока наконецъ не показывалось обвѣтренное лицо запоздавшаго Парамона или Марьи, при чемъ ихъ осыпалъ ворохъ вопросовъ о причинѣ запозданія, сначала досадныхъ и укорительныхъ, а потомъ все болѣе смягчавшихся подъ вліяніемъ сбывшагося въ концѣ-концовъ ожиданія.

Къ сожалѣнію, эта дорогая услада—побывка дома, въ семьѣ, свиданіе съ близкими сердцу людьми, вообще освѣжающее вліяніе домашняго очага,—была удѣломъ лишь меньшинства. Ѣхавшіе въ отпускъ брали иногда и кого-либо изъ своихъ товарищей, но такихъ отпускали съ большимъ разборомъ, да и ѣхали они все-таки не въ свою семью. Это обстоятельство клало на Аракчеевскій корпусъ какой-то грустный и суровый оттѣнокъ.

Къ явленіямъ, вторгавшимся по временамъ въ монотонную корпусную жизнь въ видѣ баловъ, спектаклей, отпусковъ домой и проч.,— остается прибавить еще посѣщеніе корпуса особами Императорской фамиліи, преимущественно государемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній. Посѣщенія эти были извѣстны заранѣе; все время отъ полученія подобнаго извѣстія до пріѣзда ожидаемаго высокаго гостя употреблялось на приготовленія. Однимъ изъ признаковъ приближающагося событія была сравнительная мягкость, появлявшаяся въ отношеніяхъ начальства къ кадетамъ. Мягкость эта исчезала тотчасъ по отъѣздѣ гостя. У Нюккера въ обычный курсъ классныхъ занятій вторгались діалоги, у другихъ учителей тоже происходили кое-какія перемѣны и дополненія. Но больше всего сказывался близившійся часъ на усиленномъ фронтовомъ образованіи кадетъ, ибо это былъ любимый конекъ и государя, и великаго князя. Даже не то, чтобы конекъ, а вѣрнѣе главный предметъ кадетскаго курса, который вмѣстѣ съ поведеніемъ мальчиковъ значилъ больше, чѣмъ все остальное. Кадеты охотно и ретиво отвѣчали стараніямъ начальства, но въ смыслѣ этихъ обоюдныхъ стараній существовала разница: начальство боялось, кадеты нѣтъ.

Пріѣздъ государя внушалъ меньше страху, чѣмъ посѣщеніе великаго князя Михаила Павловича. Государь осматривалъ корпусъ въ его общности и рѣдко обращалъ вниманіе на какую-нибудь мелочь; кромѣ того государь по своему недосягаемо-высокому положенію былъ спокойнѣе и ему не могло прійти на мысль — задавать страху. А великій князь именно любилъ задавать страху всегда и вездѣ. Кромѣ того онъ присматривался къ корпуснымъ порядкамъ и хозяйству ближе, чѣмъ государь, значитъ, имѣлъ и болѣе случаевъ для прило-

женія къ дѣлу системы задаванія страху. Особенно былъ онъ грозенъ въ строю, и это было для нашихъ начальниковъ страшнѣе всего, такъ какъ великій князь зналъ послѣднія мелочи фронтовой службы, какъ свои пять пальцевъ, и глазъ его былъ наметанъ, какъ ни у кого. Малѣйшая ошибка, самая незначительная погрѣшность находили въ немъ всевидящее око, и виновный получалъ кару. Такимъ образомъ всѣ наши начальники трусили сплошь, кадеты же хоть и не боялись, но находились въ сильномъ возбужденіи, тѣмъ паче, что мало кому изъ нихъ удавалось до прибытія въ корпуса видѣть особъ императорской фамиліи. Посѣщеніе государемъ или великимъ княземъ нашего захолустнаго корпуса было для насъ событіемъ въ десять разъ болѣе важнымъ, чѣмъ для кадетъ столичныхъ корпусовъ, между прочимъ уже по одной рѣдкости своей. Страхъ и суетня начальства, усиленныя занятія фронтомъ, лощеніе, чищенье, мытье— все способствовало тому же. Когда по пріѣздѣ ожидаемаго высокаго гостя, мы становились къ своимъ кроватямъ, сердце у насъ билось такъ сильно, какъ рѣдко бывало въ послѣдующей жизни, при случаяхъ поважнѣе.

Припоминается, что во время моего 6 лѣтняго нахожденія въ корпусѣ государь и великій князь посѣтили насъ раза четыре. Подробности забылись, но общее впечатлѣніе сохранилось, несмотря на длинный рядъ протекшихъ лѣтъ. Опытъ жизни убѣждаетъ, что подобные выводы изъ забытыхъ данныхъ отличаются вѣрностью: ихъ трудно бываетъ поддержать доказательно, потому что данныхъ на-лицо нѣтъ, но дорожить ими слѣдуетъ, потому что въ нихъ заключается тогдашнее истинное представленіе о предметѣ. Государь Николай Павловичъ поражалъ насъ своимъ величіемъ, приковывалъ къ себѣ глаза своею красотою; онъ казался какъ-бы другой расы, чѣмъ всѣ прочіе, не исключая и его родного брата, великаго князя. Всѣ его движенія, жесты, разговоръ, даже шутки, носили на себѣ ту же печать, т. е. вовсе не казались пріобрѣтенными, усвоенными вслѣдствіе высокаго положенія его особы, а являлись какъ бы присущими его натурѣ физической и моральной, неотдѣлимыми отъ него ни при какихъ условіяхъ. Взглядъ его, обыкновенно свинцовый, давящій, не только намъ не казался такимъ, но въ дѣйствительности имъ и не былъ; государь смотрѣлъ на насъ величаво-благосклонно, даже привѣтливо, почти ласково. Мы инстинктивно понимали, что государь можетъ *все*, но въ этомъ не видѣли ничего для себя опаснаго или устрашающаго. Развѣ ближайшіе начальники, въ родѣ директора, не могли тоже *все*, или *почти все*, въ томъ маленькомъ кружкѣ, въ которомъ наша жизнь вращалась? Про любовь къ государю, про преданность къ нему нечего и говорить; чувства эти были

внушены почти всѣмъ намъ съ младенчества, поддерживались и развивались корпуснымъ воспитаніемъ и сомнѣнію не подлежали. Но эти чувства были присущи и нашимъ ближайшимъ начальникамъ, отчего же они, эти начальники, ощущали страхъ? Такой вопросъ задавали себѣ вѣроятно многіе изъ насъ и едва-ли кому навертывалось рѣшеніе, истекающее изъ различія между дѣтьми и не дѣтьми, съ ихъ не совпадающими, а иногда и рѣзко расходящимися, правами, обязанностями, складомъ и смысломъ жизни.

Государь былъ не начальство, а царь, великій же князь—начальство, а именно верхняя его ступень. Ретивый служака, знатокъ службы въ томъ видѣ, какъ она тогда понималась и требовалась, великій князь былъ взыскателенъ, строгъ и грозенъ. Личный его характеръ поддерживалъ его репутацію: горячій, вспыльчивый, самовластный, великій князь былъ очень скоръ въ рѣшеніяхъ и поступкахъ, которые поэтому часто переступали черту благоразумія, справедливости и служебной пользы. Подобный темпераментъ человѣка, поставленнаго въ исключительное положеніе, естественно могъ наводить страхъ, особенно если къ тому же самому располагала и наружность. А у великаго князя внѣшность была грозная. Большой, плотный, сутуловатый, съ широкимъ лицомъ, пристальнымъ и строгимъ взглядомъ, онъ какъ будто всею своею фигурою говорилъ: „держи ухо востро и берегись". А когда слышался его голосъ, громкій, самоувѣренный, съ интонаціей права и силы, то предостереженіе подчеркивалось, и душа быстро уходила въ пятки. Между тѣмъ Михаилъ Павловичъ не былъ ни жестокъ, ни золъ; напротивъ, доброта была характерной его чертой и выражалась между прочимъ широкою благотворительностію. Многихъ выручалъ онъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ и даже бѣдъ; старался это дѣлать не гласно, а нѣкоторыя благодѣянія (преимущественно денежныя пособія) оказывалъ такъ скрытно, что они становились извѣстными лишь случайно, спустя продолжительное время. Но такъ какъ трепетъ подчиненнаго передъ начальникомъ, особенно высшимъ, входилъ въ программу управленія вообще и военной дисциплины въ особенности, то доброта великаго князя могла быть видна не всегда.

Великій князь называлъ насъ шишами, клопами, приказывалъ валить его на полъ, ставить на ноги, переносить на рукахъ, что̀ и исполнялось ревностно, но осторожно; однажды велѣлъ влѣзть на него самому маленькому кадету и сѣсть на шею верхомъ и въ такомъ видѣ, держа кадетика за ноги, ходилъ съ нимъ по корпусу довольно долго. По глазамъ и улыбкѣ великаго князя мы видѣли, что сердитое выраженіе у него напускное; что если онъ и разсер-

дится, то скоро отойдетъ. Понимали мы также и то, что надо умѣть держать себя примѣнительно ко времени и къ мѣсту, и особенно быть внимательнымъ и чуткимъ во фронтѣ, гдѣ малѣйшее упущеніе считалось великимъ княземъ за тяжкій грѣхъ. А это было для насъ легко, потому что по фронтовой части мы были вымуштрованы основательно, считали всѣ мелочи фронтовой службы существеннымъ условіемъ военнаго образованія и занимались строевыми упражненіями не только по обязанности, но и аматерски.

Въ дѣтскіе годы, мальчики уже обнаруживаютъ склонность ко всему военному; каски, сабли, барабаны служатъ имъ любимыми игрушками. Потомъ, съ годами, излюбленная сфера расширяется: являются жестяные солдатики, крошечная артиллерія, гусары на лошадяхъ; потомъ производятся съ товарищами игры военнаго характера, наприм. „въ казаки и разбойники“ и другія.—Естественно, что мальчикъ, поступая въ военно-учебное заведеніе, продолжаетъ отдавать предпочтеніе подобнымъ играмъ предъ другими и набрасывается на фронтовыя занятія, какъ на однородныя съ его дѣтскими вкусами. Тутъ онъ владѣетъ уже ружьемъ, близко подходящимъ къ настоящему, или саблей; на него надѣвается аммуниція, дается киверъ или каска, онъ становится въ строй, отъ котораго требуются качества настоящаго строя, изучаетъ части настоящаго военнаго устава, дѣлаетъ нѣкоторыя подобія военныхъ походовъ, участвуетъ въ маневрированіи. Все это должно ему нравиться, надо только, ради пользы человѣку и его спеціальности, вести военныя занятія такъ, чтобы „игра въ солдатики“ дѣтскихъ лѣтъ измѣнила свой смыслъ и перешла въ занятіе военнымъ искусствомъ, вообще военнымъ дѣломъ, а не сдѣлалась бы „игрою въ солдаты“, т. е. прежнею дѣтскою игрой, приспособленной лишь къ зрѣлому возрасту. А именно это въ тѣ времена и практиковалось, стало быть, въ видѣ готовой программы или курса должно было перейти и въ нашъ корпусъ.

У великихъ мастеровъ дѣла подмѣчаютъ и перенимаютъ большею частью не существенное, до котораго надо добираться и докапываться, а наглядное, что бьетъ въ глаза. Такъ съ легкой руки Фридриха Великаго вся Европа переняла и усвоила его уставъ строевой службы со сложной и мелочной системой обученія войскъ. Къ намъ занесъ эту эпидемію императоръ Петръ III и хотя царствовалъ недолго, но наслѣдіе голстинское оставилъ. Оно было поддержано и развито многими близорукими поклонниками и подражателями Фридриха и если не расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ немедленно, то лишь потому, что вѣкъ Екатерины II былъ временемъ боевымъ

по преимуществу, и высшіе военоначальники, какъ Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ (особенно послѣдній) имѣли особый взглядъ на военное дѣло. Золотой вѣкъ плацъ-параднаго военнаго искусства наступилъ при Павлѣ I и, несмотря на предостереженіе французскихъ революціонныхъ войскъ и вопреки военнымъ успѣхамъ Суворова, удержался, перейдя къ Александру I въ видѣ наслѣдія. „Военные“ принципы Петра III и Павла I потерпѣли при Александрѣ I большой ущербъ, но живучесть свою не утратили и во времена Николая Павловича расцвѣли снова, хотя не въ первоначальномъ своемъ видѣ, но все-таки въ сильной степени. Обученіе войскъ сошлось клиномъ на самой педантической муштровкѣ и дрессировкѣ, строевыя экзерциціи не имѣли никакого боевого приложенія. Не только мѣсяцами, но годами учили людей ихъ прирожденнымъ способностямъ стоять и ходить, ибо стоять надо было на вытяжку, а ходить по-гусиному. То, что дѣйствительно нужно военному человѣку—гимнастика и фехтованіе, находилось въ пренебреженіи; ружейная стрѣльба тоже; за то пріемы ружьемъ и маршировка составляли цѣлый самостоятельный курсъ, съ мельчайшимъ изученіемъ такихъ подробностей, въ которыхъ каждый палецъ руки имѣлъ свое опредѣленное положеніе, каждое движеніе ружьемъ требовало продолжительной практики и сноровки.

Такая учебная система требовала не простыхъ инструкторовъ, а утонченныхъ экзерцирмейстеровъ. Съ этою цѣлью существовали особые полки и батареи, которые назывались *образцовыми*. Были еще учебные карабинерные полки, числомъ четыре; они подготовляли унтеръ-офицеровъ для арміи, и съ этою цѣлью въ каждомъ изъ нихъ составлялось ежегодно по одной ротѣ, которая муштровалась такъ усердно, что отъ усиленныхъ ученій и неразлучныхъ съ ученьями палочныхъ экзекуцій значительная часть людей погибала. Въ учебныхъ полкахъ плацъ-парадное военное искусство доводилось до послѣднихъ предѣловъ тонкости и изящества, и человѣкъ въ строю совсѣмъ переставалъ быть человѣкомъ, а превращался въ аппаратъ для выдѣлыванія разныхъ выкрутасовъ и кандачковъ. Развелась въ военномъ сословіи категорія „фронтовиковъ“, жрецовъ искусства для искусства, которымъ въ голову не приходило, что всѣ фронтовыя упражненія мирнаго обученія имѣютъ полезное значеніе лишь въ томъ случаѣ, если отвѣчаютъ требованіямъ войны. Экзерцирмейстерство процвѣтало на всѣхъ ступеняхъ военной іерархіи; великій князь Михаилъ Павловичъ былъ по истинѣ оберъ-экзерцирмейстеромъ. Онъ наблюдалъ и изучалъ маршировку на отдѣльныхъ солдатахъ, которыхъ раздѣвалъ въ комнатѣ донага и заставлялъ маршировать въ такомъ видѣ,—какъ наиболѣе подходящемъ для анатомика—

*

фронтовыхъ изслѣдованій. Военное дѣло превратилось какъ бы въ отдѣлъ хореграфическаго искусства, пріобрѣтая значеніе декоративное. При такой его постановкѣ исполнительность безъ разсужденія стала основнымъ правиломъ, уставъ строевой службы военнымъ евангеліемъ; истинная мудрость заключалась въ томъ, чтобы держаться его слѣпо, не умствуя лукаво. Совсѣмъ забылись традиціи великихъ національныхъ мастеровъ военнаго дѣла. Не помнили, не знали или не хотѣли знать, что Петръ Великій запрещалъ держаться устава „яко слѣпой стѣны“ и грозилъ „жестокими истязаніями за неразсужденіе“, что Суворовъ, въ своемъ военномъ катехизисѣ, требовалъ, чтобы „каждый солдатъ понималъ свой маневръ“.

Въ силу сказаннаго плацъ-парадная экзерцирмейстерская система процвѣтала въ нашемъ корпусѣ неукоснительно, быть можетъ даже больше, чѣмъ гдѣ-либо; не даромъ же Аракчеевскіе кадеты заслужили тогда въ Дворянскомъ полку репутацію фронтовиковъ. Существовала на то и причина: въ близкомъ сосѣдствѣ съ нашимъ корпусомъ квартировалъ учебный карабинерный полкъ,—учрежденіе исключительно экзерцирмейстерское и рафинадно-уставное. Корпусъ находился съ этимъ полкомъ въ постоянныхъ сношеніяхъ и связи: оттуда брали въ случаѣ надобности разныхъ мастеровыхъ, инструкторовъ для фронта, музыку для батальонныхъ ученій, оттуда же получались и учителя для нашихъ музыкантовъ-любителей. Полковыя ученья учебнаго полка производились на нашемъ плацу; на эти ученья мы засматривались до упоенія. Приходилось иногда видѣть здѣсь и знаменитаго инспектора всѣхъ учебныхъ полковъ, генерала Фролова; „знаменитаго“ потому,—что Грибоѣдовъ написалъ съ него своего Скалозуба, что мы конечно тогда еще не знали.

Ученья учебнаго полка были настоящей „музыкой“ въ смыслѣ, объясненномъ выше. Стоялъ ли полкъ спокойно на мѣстѣ,—это была стѣна, ровная, гладкая; ни одинъ штыкъ не шелохнется, нигдѣ ни малѣйшаго движенія, даже на солдатскихъ лицахъ никакой игры человѣческаго лица. Шелъ ли полкъ по плацу,—двигались тонкія, туго натянутыя нити или проволоки; ни одно колѣно не поднималось больше или меньше остальныхъ; штыки торчали вверхъ съ наклономъ впередъ (носить такимъ образомъ ружье было очень трудно), на людскихъ лицахъ та же истуканская печать. Дѣлалъ ли полкъ ружейные пріемы,—опять неизмѣнная безукоризненная правильность и изумительное однообразіе, все будто по шнуру и по мѣркѣ. Мы восхищались, но вмѣстѣ съ тѣмъ начали понимать, что это совершенство дается не безъ труда и не безъ боли. А поняли мы это потому, что не проходило почти ни одного ученья, чтобы нѣсколько солдатъ не отвѣдали палки. Чуть кто проштрафится по

одному изъ смертныхъ фронтовыхъ грѣховъ (которыхъ было не 7, а скорѣе 70), то по приказу командира ближайшій унтеръ-офицеръ вытаскиваетъ изъ дула своего ружья палку и отсчитываетъ согрѣшившему указанное число ударовъ, при чемъ грѣшникъ получаетъ наказаніе стоя, одѣтый, но все-таки вьюномъ извивается подъ палкою. Подобныя эпизодическія сцены немного портили наше наслажденіе, какъ зрителей, но отъ охоты пуще неволи все-таки не отучали, и мы продолжали улавливать наши фронтовые идеалы въ учебно-карабинерномъ источникѣ.

Не мало шло нашего времени на фронтовую часть, даже въ самомъ началѣ, когда не было ни ружей, ни аммуниціи, слѣдовательно, когда обученіе могло быть лишь самымъ элементарнымъ и простымъ. Два раза въ день ходили въ классы и тоже два раза обучались фронту, не исключая 10-лѣтнихъ малышей.—Ученья, въ составѣ батальона, съ музыкой, производились рѣдко, а главная муштровка, отнимавшая почти все время, состояла въ скучныхъ подготовительныхъ ученьяхъ и учебныхъ пріемахъ. Напримѣръ, для усвоенія военнаго шага учили сначала тихому шагу, съ подыманіемъ ноги на такую высоту, до которой она при ходьбѣ человѣка никогда не поднимается, да еще каждый шагъ расчленяли на три отдѣльныхъ пріема,—и надъ каждымъ изъ нихъ бились до пота лица. Такимъ же образомъ самая простая манипуляція ружьемъ тоже расчленялась на нѣсколько отдѣльныхъ движеній и каждое движеніе доводилось до балетнаго совершенства.

Если внѣшнія формы соблазнили военныхъ законодателей, людей стоящихъ высоко, то какъ было не поддаться на ихъ удочку мальчуганамъ, чаявшихъ въ себѣ будущихъ воителей и даже героевъ? И мы съ ревностью вытягивали носки ногъ, вытягивали грудь, производили тончайшія изслѣдованія въ области ружейныхъ пріемовъ. Дѣлалось это не только по обязанности, въ назначенное время, но con amore, въ виду собственнаго развлеченія. Фронтовиковъ развелось порядочно, практиковались подобные любители и передъ зеркаломъ, и наблюдая свою тѣнь; это называлось „доводить себя“. Ружья темпистыя, т. е. производившія звуки при каждомъ темпѣ или пріемѣ, брались на расхватъ, кто прежде поспѣетъ. Подобныя ружья были бы совсѣмъ негодны для стрѣльбы, потому что издавали звуки вслѣдствіе расшатанности своихъ частей, но намъ никто этого не внушалъ, потому что цѣли передъ глазами были вовсе не учебно-боевыя, а учебно-парадныя. Не даромъ же кадеты искренно и наивно считали маршировку Бутакова (сказано выше) приготовленіемъ къ войнѣ. Оттого и длинными фронтовыми ученьями мы, вообще говоря, не тяготились, кромѣ развѣ новичковъ и отставшихъ. Случалось

зачастую, что ротный командиръ „доводитъ“ свою роту до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ находящихся въ строю не повалится отъ дурноты. Фронтовики пренебрежительно называли такихъ нѣженками и бабами.

Были у насъ и лагери, правда, тутъ же, подъ стѣнами нашего редута, т. е. въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ него, но все-таки такое переселеніе почти цѣлаго корпуса изъ заточенія на вольный воздухъ было пріятно и благодѣтельно. Чтобы сдѣлать наше перемѣщеніе въ лагерь сколько-нибудь похожимъ на такое, какъ всюду бываетъ, мы, передъ вступленіемъ на лагерную стоянку, дѣлали походъ, верстъ 15 впередъ и назадъ. Кадетамъ это было истиннымъ праздникомъ; да и не однимъ кадетамъ, а всему корпусному населенію; нѣкоторые учителя пристраивались къ нашему крохотному батальону волонтерами, пѣли вмѣстѣ съ пѣсельниками, раздѣляли наши привалы, подбодряли устававшихъ, которыхъ впрочемъ было очень мало, до того этотъ практическій походъ дѣйствовалъ на всѣхъ возбудительно.

Дисциплина въ Аракчеевскомъ корпусѣ была совершенно такая же, количественно и качественно, какъ въ другихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ того времени. Да и съ чего ей быть иною? Дисциплина создается общими постановленіями, характеръ ея вырабатывается духомъ времени, всякія уклоненія отъ руководящей мысли немедленно исправляются.

Дисциплина была тогда крѣпкая, но въ глубь человѣка проникала не далеко, потому что не была сознательною. Въ основѣ ея лежало повиновеніе безъ разсужденій, т. е. машинальное, механическое. Принципъ автоматической исполнительности дѣйствовалъ по всѣмъ отраслямъ службы, но не имѣлъ (потому что не могъ имѣть) такого безусловнаго значенія, какъ во фронтѣ. Въ сущности дисциплинирована была плоть, а не духъ; воля была больше атрофирована, чѣмъ дисциплинирована. Такая система дѣйствовала всюду, въ томъ числѣ и у насъ въ корпусѣ. Грубости офицеру, неповиновенія ему, прямого, открытаго ослушанія, сколько помню, у насъ не было ни одного случая. Даже унтеръ-офицеры изъ среды своего брата-кадета пользовались безпрекословно авторитетностью своей власти, хотя ею иногда злоупотребляли, какъ знаю по собственному опыту, ибо послѣдній годъ или полтора былъ унтеръ-офицеромъ. Вообще тягость тогдашняго положенія не только кадета, но и офицера состояла главнымъ образомъ въ томъ, что границы дисциплинарной власти, предоставленной начальству на разныхъ его ступеняхъ, были чрез-

мѣрно широки, предоставляя усмотрѣнію и произволу начальственныхъ лицъ многое такое, что̀ заслуживало незыблемой охраны закона.—Кадетская дисциплина въ строю, во фронтѣ соблюдалась еще строже обще-военной, и въ этомъ отношеніи кадетскій строй близко подходилъ къ солдатскому. Тѣ же неподвижность, тишина, точность, правильность, исполнительность, недоставало лишь механическаго совершенства уставныхъ манипуляцій. Очень трудное дѣло—подчинить живой, подвижной юношескій возрастъ такой безстрастной регламентаціи, но это было достигнуто безъ особенно суровыхъ мѣръ, благодаря нашей доброй волѣ. Подтвержденіемъ можетъ служить слѣдующій случай. Однажды великій князь Михаилъ Павловичъ производилъ кадетскому батальону смотръ. Онъ задалъ намъ порядочнаго страха и оштрафовалъ нѣсколько офицеровъ за мелкія ошибки противъ устава, но кадетами остался вполнѣ доволенъ и сдѣлалъ лишь одно замѣчаніе: въ началѣ смотра кто-то пошевелилъ головою, что̀ было замѣтно по слегка качавшемуся султану на киверѣ. Если такого мнѣнія о нашей подготовкѣ былъ самъ великій князь, судья строгій и взыскательный, и нашелъ онъ лишь одинъ грѣшокъ, то, значитъ, корпусъ нашъ былъ доведенъ и дисциплинированъ до той степени фронтового совершенства, которая удовлетворяла тогдашнимъ придирчивымъ требованіямъ. Подойдя послѣ смотра къ фронту, великій князь спросилъ, кто шевелилъ головою. Провинившійся вышелъ впередъ и былъ прощенъ, прощены и оштрафованные офицеры.

Казалось бы, что существовавшую въ нашемъ корпусѣ дисциплину, какая она ни была, нельзя было примѣнять совершенно одинаково всюду, какъ напримѣръ на плацу, во фронтѣ, при строевомъ ученьѣ и въ классной комнатѣ во время урока. Это было бы смѣшеніемъ двухъ разнородныхъ понятій. А у насъ это практиковалось, хотя по счастію не въ общемъ смыслѣ, а въ частности. Были учителя охотники командовать кадетами въ классѣ такъ, какъ командовали ими командиры на плацу. Многимъ это тогда нравилось и очень одобрялось; есть и нынѣ вздыхающіе по подобномъ повсемѣстномъ примѣненіи фронтовыхъ порядковъ. Полагать надо, что тутъ недоразумѣніе, развѣ возможно думать и соображать по командѣ и по пріемамъ, какъ дѣлается это во фронтѣ ногами и руками?

Для поясненія приведу примѣръ. Самымъ ярымъ воздѣлывателемъ классной почвы въ смыслѣ фронтовой нивы былъ Нюккеръ, что̀ изложено на одной изъ предшествовавшихъ страницъ. У него было правило назначать кого-нибудь изъ лучшихъ учениковъ для записыванія на маленькой бумажкѣ (непремѣнно на маленькой, дабы съ юности пріучаться къ бережливости) провинившихся во время

урока, съ обозначеніемъ вины. Потомъ эти записочки посылались къ ротнымъ командирамъ для взысканія съ грѣховодниковъ. Въ каждый урокъ назначался особый секретарь; какъ-то попалъ на эту должность и я. Нюккеръ излагалъ тогда устно какое-то грамматическое правило; одинъ изъ учениковъ не понималъ и сталъ переспрашивать, при чемъ вышло нѣчто въ родѣ спора между нимъ и учителемъ. Нюккеръ направилъ на меня свой длинный мускулистый палецъ и сказалъ: „пиши—Ушаковъ противговорилъ“. Я всталъ, выслушалъ приказаніе и потомъ сѣлъ, чтобы записать грѣхопаденіе Ушакова, но потомъ пришелъ въ сомнѣніе, можно ли писать по-русски слова, въ русскомъ языкѣ не существующія? А между тѣмъ записывать я долженъ былъ выраженія Нюккера точнымъ образомъ, онъ за этимъ наблюдалъ. Я снова всталъ и сказалъ: „Monseiur, on ne dis pas en russe противговорилъ; permettez moi d'écrire противорѣчилъ“. Нюккеръ поднялъ голову, снова уставилъ на меня свой палецъ и произнесъ: „Петрушевскій, пиши: Ушаковъ противговорилъ и Петрушевскій противговорилъ“. Нечего дѣлать, сѣлъ и написалъ. Но я находился въ то время уже въ возрастѣ 15 лѣтъ, былъ унтеръ-офицеромъ, на хорошемъ счету; ротный командиръ, получивъ Нюккерскую записку, разспросилъ у меня про содѣянное преступленіе и улыбнулся.

Мудреное вообще дѣло — подвести подъ одинъ и тотъ же командный режимъ съ одной стороны плацъ, гдѣ не только по долгу, но и по совѣсти надлежало нашему брату „исполнять и *не* разсуждать“, а съ другой стороны учебный классъ, гдѣ совершенно невозможно было поступать иначе, какъ „исполнять, *но* разсуждать“. Такія требованія не уясняли, а затемняли понятіе мыслящаго мальчика о сущности дисциплины, какъ „души военной службы“. Въ томъ же родѣ впечатлѣніе производили и нѣкоторые другіе пріемы, излюбленные начальствомъ. Для примѣра возьмемъ высшее лицо изъ нашего начальства, великаго князя Михаила Павловича. — На смотру онъ былъ недоволенъ нѣсколькими офицерами за сдѣланныя ими ошибки. Одного онъ услалъ за фронтъ; это былъ учитель географіи Нейманъ, объ оригинальныхъ пріемахъ котораго при преподаваніи уже говорено. Когда Нейманъ по всѣмъ правиламъ устава, мѣрнымъ шагомъ маршировалъ по фронту, направляясь въ указанное мѣсто, кадеты провожали его шопотомъ его собственными любимыми выраженіями: „черти и разсказывай; ѣду отъ города къ мысу, отъ мыса къ рѣкѣ, вотъ и доѣхалъ“. Это было уже преступленіе противъ дисциплины, вызванное неловкимъ и комическимъ положеніемъ неисправнаго учителя передъ исправными учениками. О другомъ офицерѣ, сдѣлавшемъ какую-то фронтовую

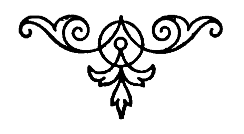
погрѣшность, великій князь спросилъ: „откуда вы его взяли“. Получивъ отвѣтъ: „изъ Бутырскаго полка“, Михаилъ Павловичъ приказалъ отправить его въ Бутырскій полкъ на гауптвахту, хотя полкъ былъ расположенъ можетъ быть въ сотняхъ верстъ отъ нашего корпуса. Третьему провинившемуся приказано было маршировать тихимъ шагомъ, передъ фронтомъ, подъ музыку. Кадеты стояли въ строю и смотрѣли, какъ Деллинсгаузенъ по прозванію синяя борода экзерцировался въ одиночествѣ въ тѣхъ упражненіяхъ, которымъ онъ училъ ежедневно кадетъ, и въ которыхъ самъ, по приговору великаго князя, оказался очень слабымъ. Смотрѣли и всѣ начальники и великій князь, а когда Деллинсгаузенъ, пройдя половину плаца, поравнялся съ нашей гауптвахтой, Михаилъ Павловичъ скомандовалъ ему „на пра-во“.—Деллинсгаузенъ пошелъ направо и пришелъ на гауптвахту, гдѣ, разумѣется, и остался, такъ какъ приказаніе великаго князя, отданное хотя въ юмористическомъ видѣ, было совершенно ясное. Юморъ былъ до того нагляденъ, что всѣ, исключая развѣ самого Деллинсгаузена, должны были улыбнуться хоть внутренно. Положимъ, Михаилъ Павловичъ только и ограничился однимъ запугиваніемъ обоихъ офицеровъ и самое наказаніе отмѣнилъ, но впечатлѣніе все-таки осталось первоначальное. Впечатлѣніе это было не въ пользу дисциплины. Будь это въ настоящемъ строю, гдѣ стоятъ взрослые военные люди, находящіеся на дѣйствительной службѣ, подлежащіе одинаковой отвѣтственности въ случаѣ вины,— тогда другое дѣло, и соблазна тутъ нѣтъ. Публичное взысканіе съ офицера доказываетъ солдату, что оба они равны передъ служебными требованіями и что льготы, послабленія въ пользу офицера нѣтъ. А въ кадетскомъ строю стоятъ дѣти, ученики и вмѣстѣ съ ними взрослые, офицеры, учителя. Отношенія между этими учениками и ихъ учителями совсѣмъ не тѣ, что̀ между солдатами и ихъ офицерами, и сходны лишь по наружному виду, да и то невполнѣ. Здѣсь выставить офицера несвѣдущимъ въ томъ, чему онъ долженъ учить кадетъ, поставивъ его при томъ въ смѣшное положеніе, значитъ компрометтировать его начальническій авторитетъ и подрывать у дисциплины воспитательное ея значеніе.

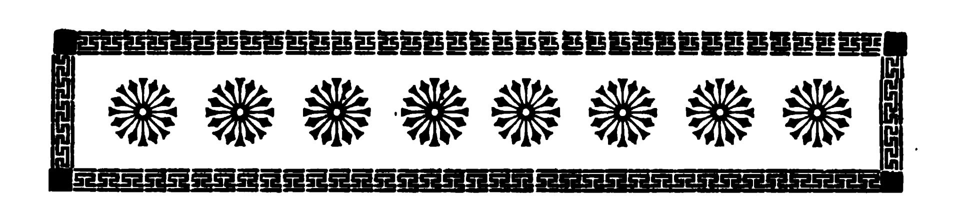
Подойдя къ концу разсказа, задаю себѣ вопросъ: нужно ли свести разбросанныя черты и данныя въ одну общую картину? Полагаю, что нѣтъ, потому что не такова была задача. Дозволяю себѣ сказать въ заключеніе лишь слѣдующее. То было для меня время юности, пора зарождавшихся и еще не развившихся надеждъ, несложившихся желаній, не сформировавшихся взглядовъ и убѣжденій; золотое

время, когда оглядываться было нечего и некуда, такъ какъ вся жизнь лежала впереди. Безъ укора, безъ горечи вспоминается это блаженное время, и тѣ стѣны, въ которыхъ оно протекло, и тѣ люди, съ которыми привелось жить, и наконецъ тѣ порядки и обычаи, въ рамкѣ которыхъ жизнь проходила. И если многое изъ этого минувшаго колетъ глазъ, претитъ сердцу и не ладится съ разумомъ, то для изображенія такихъ темныхъ сторонъ много требовалось дѣлать надъ собою усилій, отворачивая или закрывая глаза, чтобы не видѣть тотъ розовый тонъ, которымъ помимо твоей воли, сами собой окрашиваются воспоминанія о молодомъ времени, о невозвратномъ минувшемъ.

А. Ф. Петрушевскій.

(Окончаніе).

Два портретиста XVIII вѣка.

Въ Россіи XVIII-го и 1-ой половины XIX-го вѣковъ работало немало иностранныхъ художниковъ: архитекторовъ, скульпторовъ и живописцевъ, большею частію, французскаго происхожденія.

L. Dussieux въ своей книгѣ «Les artistes français à l'étranger» (Paris 1876) составилъ довольно полныя біографіи своихъ соотечественниковъ, работавшихъ въ Германіи, Италіи и Голландіи, но свѣдѣнія о большинствѣ французскихъ мастеровъ, уѣхавшихъ въ Россію, сбивчивы и неполны. Къ такимъ позабытымъ художникамъ относится Ж. Вуаль [1]).

До сихъ поръ было извѣстно довольно много портретовъ XVIII и начала XIX вѣковъ, приписываемыхъ кисти этого мастера, свѣдѣнія о которомъ у Ровинскаго, Наглера и многихъ другихъ изслѣдователей были разнорѣчивы.

На портретной выставкѣ въ Таврическомъ дворцѣ было нѣсколько портретовъ, приписываемыхъ Вуалю, но ближайшее ознакомленіе съ ними заставляетъ утверждать, что Вуалей было два: Жанъ-Вуаль-старшій и Габріэль Генрихъ Вуаль-младшій, — оба жившихъ въ Россіи.

Жанъ Вуаль (Voille), иногда писавшійся Vioiller, какъ утверждаетъ граверъ Вилль [2]), прибылъ въ Россію по словамъ Штелина и Ровинскаго въ 1737 году въ качествѣ актера и писалъ неоднократно портреты многихъ лицъ русскаго придворнаго общества. Изъ вполнѣ достовѣрныхъ произведеній этого мастера извѣстны: порт-

[1]) Вотъ что пишетъ Denis Roche объ этомъ мастерѣ: «Il serait de plus d'intérêt de reserver quelques lignes à Voille, sur lequel les notions courantes sont encore assez rares et qui fut un délicieux peintre de transition, sinon un peintre un peu attardé. Heureux qui pourra dérouler un jour le tableau de sa vie et donner la suite de toutes ses oeuvres. „Gazette des Beaux-Arts", Paris, 1905.

[2]) „Memoires et journal" Paris 1857, II, 117.

ретъ И. П. Елагина (гравировалъ Герасимовъ въ 1773 г., на гравюрѣ надпись „писалъ воалъ“), два женскихъ портрета, бывшихъ на выставкѣ 1905 г. въ Таврическомъ дворцѣ (по каталогу №№ 538 и 539) и помѣченные 1775 и 1778 г.г., подписной портретъ вел. княг. Наталіи Алексѣевны 1776 г. (въ Романовской галлереѣ) и подписной портретъ вел. кн. Павла Петровича, помѣченный 1771 г. [1]). Актеръ-живописецъ Жанъ Вуаль служилъ въ театрѣ до 1778 года, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующій ордеръ управляющаго театрами Елагина:

„Высокоблагородный и Высокопочтенный Господинъ Ассесоръ! Контрактъ французскаго актера Воаля, хотя кончится еще въ 1779 году, іюня 1-го, но какъ онъ не нравится, то я его отъ службы увольняю, а договорился съ нимъ, чтобы нынѣ выдать ему жалованье по 1-ое іюня, 778 года, которое, по полученіи сего, извольте выдать; также и на проѣздъ изъ Россіи, по контракту 300 рублей, записавъ въ расходъ съ роспискою, а контракты уничтожить.

Августа 17 дня 1777 года Иванъ Елагинъ“ [2]).

Уѣхавъ, вѣроятно, въ этомъ же году за границу, Жанъ Вуаль жилъ въ Парижѣ и, какъ извѣстно по каталогамъ того времени, выставлялъ свои произведенія въ Салонѣ 1795 года.

Однако, въ 1797 г. Вуаль-старшій снова былъ въ Россіи, о чемъ свидѣтельствуетъ старинная надпись на портретѣ вел. кн. Константина Павловича, находящемся у П. И. Щукина въ Москвѣ,—гласящая:

„Constantin Pavlovitz Grand Duc de Russie donné par son Altesse Impériale á M-r *Viollier-l'iné* Conseiller de Cour, a St. Petersbourg en Aout 1797“ [3]).

Годъ смерти и дальнѣйшая судьба Ж. Вуаля-старшаго неизвѣстны [4]).

Біографія Генриха Вуаля-младшаго написана на обратной сторонѣ портрета его 1798 г. работы Монье и гласитъ слѣдующее:

„Henri François Gabriel Viollier. Nez (sic) à Geneve le 4 octobre 1750. Il est entré au Service de l'Empereur Paul premier autocrate de

---

[1]) Ровинскій утверждаетъ, что оригиналъ этого портрета былъ подаренъ Павломъ кн. А. Б. Куракину и находился на выставкѣ 1870 г. Однако въ каталогѣ Петрова таковаго портрета не значится и портретъ, находящійся въ Романовской галлереѣ, является несомнѣннымъ оригиналомъ.

[2]) Пименъ Араповъ „Лѣтопись русскаго театра“. Спб., 1861, стр. 87.

[3]) „Русскіе портреты собранія П. И. Щукина“ М. 1900 г., выпускъ I.

[4]) Наглеръ и Dussieux утверждаютъ, что живописецъ Вуаль умеръ въ 1796 г., но только-что приведенное указаніе это отвергаетъ. Надо прибавить, что портретъ этотъ является копіей съ оригинала, писаннаго Г. Вуалемъ-младшимъ; копія была подарена вел. кн. Вуалю-старшему.

ussie en l'année *1780* en qualité d'inspecteur de Son Cabinet chargé de sa correspondence pour la partie des beaux Arts et Inspecteur des Batisses, travaux, Embellissements de terre et Maisons de Plaisance et. . . . . fètes fut nommé à Sa suite dans le voyage que le Prince fit en Europe sous le nom de comte du Nord et fait *Conseiller de collège*" [1]).

Портреты Габріэля Вуаля-младшаго рѣзко отличаются отъ работъ его однофамильца бѣлесовато-розовымъ колоритомъ и какимъ-то неподвижнымъ, застылымъ выраженіемъ глазъ на всѣхъ лицахъ, имъ написанныхъ. Изъ вполнѣ достовѣрныхъ произведеній Вуаля-младшаго извѣстны: портреты вел. кн. Александра, вел. кн. Елены Павловны и вел. кн. Константина Павловича, писанные въ 1792 г. (находятся въ Романовской галлереѣ); Марія Θеодоровна 1789 г. (въ Павловскомъ дворцѣ), принцесса Голштинская 1791 г., графъ П. А. Строгановъ 1792 г., кн. Е. Ф. Долгорукова съ дѣтьми 1788 г., гр. С. В. Панина 1791 г., гр. Н. П. Панинъ 1792 г., кн. А. Б. Куракинъ 1790 г., гр. С. А. Строганова 1787 г. (всѣ были на портретной выставкѣ въ Таврическомъ дворцѣ), и, наконецъ, портретъ вел. кн. Павла Петровича 1789 г. Этотъ послѣдній интересенъ тѣмъ, что на исполненной съ него гравюрѣ Березникова прямо указано: „писалъ *Г.* Валь" (peint par Voille), т. е. имя художника Генриха-Габріэля.

Въ 1780 г. живописецъ Вуаль былъ сдѣланъ придворнымъ художникомъ [2]). Въ 1788 году, 11 ноября, онъ признанъ „назначеннымъ" въ академики за писаніе портретовъ [3]). Въ 1799 г., 6-го сентября, въ Совѣтѣ Академіи Художествъ слушалось дѣло о присылкѣ изъ „Гардероба" оригинальнаго портрета государя, писаннаго живописцемъ Воалемъ, для снятія съ него при академіи копій [4]).

Вѣроятно, этотъ же Вуаль жилъ въ Павловскомъ дворцѣ, что̀ видно изъ оффиціальнаго описанія этого дворца 1790 года [5]).

Генрихъ Вуаль-младшій былъ женатъ на Еленѣ-Полинѣ Салиной (родилась 23-го іюля 1779 г. въ Кексгольмѣ [6]). Въ 1802 году Вуаль-младшій предлагаетъ государю купленную имъ въ Парижѣ картину „Внутренность церкви св. Іерусалима въ Мальтѣ", о чемъ

---

[1]) Портретъ былъ выставленъ въ Таврическомъ дворцѣ подъ № 464.

[2]) Wassiltchikoff, II, 34.

[3]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи И. Академіи Художествъ II, 298.

[4]) Тамъ же II, 393.

[5]) Архивъ Павловскаго городового правленія. Дѣло № 1, 1790.

[6]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ подпись на портретѣ ея, писанномъ въ 1812 г. бар. Реньо въ Парижѣ.

велась переписка между графомъ А. С. Строгановымъ и М. М. Муравьевымъ [1]).

Въ этомъ же году онъ заканчиваетъ портретъ императора Александра I, нынѣ находящійся въ Русскомъ Музеѣ Императора Александра III, и собирается уѣхать въ Парижъ, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо его государю:

Sire,

C'est avec la plus grande peine que je me vois forcé, manque d'occupation, de quitter encore une fois les Etats de Votre Majesté Imperiale. Le deperissement de ma santé m'en fait egalement une nécessité, et malheureusement mon âge déjà avancé me laisse peu d'éspoir de la recouvrer assez pour pouvoir par mon travail subvenir à mes besoins. Feu S. M. l'empereur, moins sans doute en considération de mes faibles services que de leur ancieneté et du malheur que j'ai eprouvé de perdre par la révolution le fruit pénible d'un travail de toute ma vie me fit la grace de m'accorder une pension de six cents Roubles mais quelque soit ce bienfait, Sire, dont je sens d'autant mieux le prix, qu'il est mon unique ressource; oserai-je le dire à Votre Majesté Imperiale? a peine peut il me donner le plus etroit nécéssaire.

Encouragé par la bienvaillance dont Votre Majesté a toujours daigné m'honorer, c'est avec une juste et réspectueuse confiance que je me mets à ses pieds, pour y solliciter de ses extrêmes bontés, une légere augmentation à la pension que je tiens de son auguste père.

J'ai pensé, Sire, qu'a Paris ou je vais me fixer il me serait possible de n'être pas entierement inutile à votre Majesté et continuer d'avoir le bonheur de la servir comme son commisionaire pour tout ce qui a raport aux beaux arts, à la litterature, enfin dans tout ce qu'il lui plairait m'ordonner.

Obligé comme moins dispensieux de faire mon voyage par mer, je voudrais s'il est possible profiter de la saison. Le portrait de Votre Majesté, étant la seule chose que j'aie à terminer, je prends la liberté de le lui rappeler et de lui demander ses ordres.

Veuillez, Sire, je vous en supplie, pardonner à toutes mes importunités; daigner egalement agréer l'expression des sentimens dont je suis pénétré pour Votre Majesté; des voeux que je ne cesserai de faire pour la prosperité de son règne; celle de ma reconnaissance et du respect sans bornes avec lequel j'ai l'honneur d'être,

Sire

De Votre Majesté Imperiale

---

[1]) Московскій отдѣлъ общаго архива м-ва императорскаго двора. Опись № 518, д. № 86, 1802 года.

Le très humble et très obéissant serviteur

a S-t Petersbourg 9 août

1802. Voille [1]).

Въ 1812 г. Вуаль-младшій жилъ въ Парижѣ, но собирался обратно въ Россію. Вотъ что писалъ о немъ князь А. Б. Куракинъ графу А. К. Разумовскому:

«Pavillon Coislin. Coteau de Bellevue, près Paris, le 22 Mai (3 Juin) 1812».

M-r le Comte, Permettez moi de recommander aux bontés de V. E. le *Conseiller de collège* Vioillier qui aura l'honneur de lui remettre cette lettre et qui retourne en Russie avec sa famille. Il a le bonheur de jouir de la protection de S. M. l'Imperatrice Mère, dont les bontés l'ont fixé chez nous il y a *30 ans* et lui font regarder notre pays comme sa véritable patrie. Ses connaissances dans tout ce qui tient aux beaux arts lui consilieront je l'éspère la faveur de V. E., et j'ose à ce titre lui demander pour M. Vioillier uu acceuil favorable, auquel je serai bien sensible me flattant qu'il sera aussi un effet des dispositions de V. E. à mon égard. Je la prie и проч. Le Prince Alexandre Kourakin" [2]).

Упоминаніе о чинѣ и указаніе на годъ прибытія въ Россію заставляютъ относить это письмо именно къ Г. Вуалю-младшему. Письмо это, находящееся въ Россіи въ бывшемъ архивѣ гр. А. К. Разумовскаго, доказываетъ, что Вуаль пріѣхалъ въ Россію и доставилъ письмо по назначенію. Дальнѣйшая судьба Вуаля-младшаго мнѣ неизвѣстна.

Баронъ Н. Врангель.

Мартъ 1906 года.

---

[1]) Московскій отдѣлъ общаго архива м-ва императорскаго двора, 1802 г. опись № 536, дѣло № 50.

[2]) „Русская Старина" 1878, ноябрь, 544.

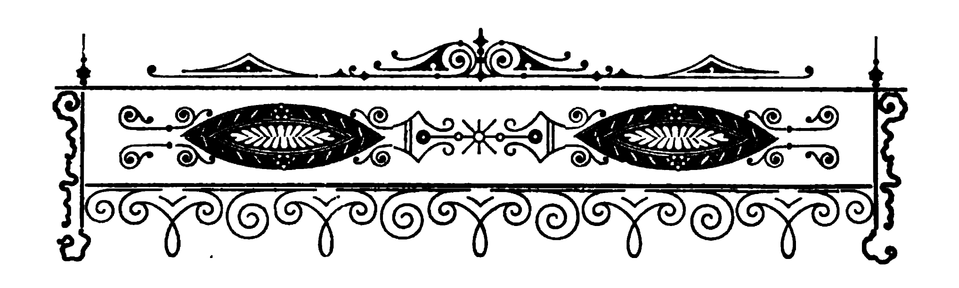
Высочайшій взглядъ на иностранные ордена.

(Отношеніе цесаревича Константина Павловича къ гр. Милорадовичу. 23 ноября 1815 г., № 5963).

На представленіе вашего сіятельства за № 2004, о исходатайствованіи высочайшаго повелѣнія на позволеніе гренадерскаго его величества императора австрійскаго полка полковнику Стесселю и подпоручику князю Шаховскому носить знаки лиліи, пожалованные имъ его величествомъ королемъ французскимъ, увѣдомляю ваше сіятельство, что какъ на всеподданнѣйшемъ представленіи моемъ о позволеніи носить помянутый знакъ лиліи л.-гв. гренадерскаго полка капиталу Рабенфельду, пожалованный ему также его величествомъ королемъ французскимъ, собственною его императорскаго величества рукою написана резолюція: *„напомнить, что на улицахъ мальчишки, которые чистятъ сапоги, бывъ въ то же самое время барабанщиками въ національной гвардіи, носятъ всѣ тѣ знаки“* и о каковой высочайшей резолюціи я отъ 15 числа сего мѣсяца за № 5753 увѣдомилъ ваше сіятельство, а посему и не осмѣливаюсь уже за сею высочайшею его императорскаго величества резолюціею сдѣлать всеподданнѣйшаго моего представленія о позволеніи полковнику Стесселю и подпоручику князю Шаховскому носить помянутые знаки, о чемъ увѣдомляя ваше сіятельство, препровождаю къ вамъ обратно доставленныя ко мнѣ грамоты на пожалованіе имъ означенныхъ знаковъ, съ тѣмъ, чтобы уже ваше сіятельство съ подобными представленіями о позволеніи носить знаки лиліи кому-либо изъ г.г. офицеровъ ко мнѣ не входили.

Сообщилъ Михаилъ Соколовскій.

Воспоминанія изъ жизни на Амурѣ [1]).

Къ пятидесятилѣтію Амурскаго Края.

Лѣтомъ 1875 года Хабаровку посѣтила извѣстная оперная пѣвица Дарья Михайловна Леонова. Проѣзжая черезъ Сибирь въ Америку, она остановилась на три дня въ нашемъ селѣ. Можно себѣ представить, какое это было событіе для людей, не слыхавшихъ пѣнія нѣсколько лѣтъ!

Въ домѣ начальника дистанціи устроили концертъ. Пѣвицѣ было подъ пятьдесятъ, но все-таки пѣла она прекрасно, биссировала безъ конца и получила триста рублей. Угощали ее на славу, поили шампанскимъ, а купецъ П., у котораго она останавливалась, подарилъ ей чудныхъ черныхъ соболей.

Осенью 1875 года открылось Алексѣевское начальное училище; пригласили образованную учительницу изъ Читы, жалованье 700 р. въ годъ. Желавшихъ учиться дѣтей обоего пола оказалось человѣкъ 40. Ежегодно въ маѣ успѣхи ихъ провѣрялись экзаменами; роль экзаменатора принималъ на себя кто-нибудь изъ Хабаровской интеллигенціи.

Въ ту же осень стали поговаривать, что село Хабаровка скоро будетъ городомъ, и обыватели начали строить дома въ ожиданіи будущихъ квартирантовъ. Инженерное вѣдомство получило приказаніе строить зданія для артиллерійскаго склада, который предписывалось весной перевести изъ Николаевска въ Хабаровку.

---

[1]) См. „Русская Старина" 1907 г. апрѣль.

Въ инженерную дистанцію пріѣхалъ молодой офицеръ, единственный кавалеръ на все село. Первое время онъ очень скучалъ отъ нашей однообразной жизни и въ комическомъ отчаяніи восклицалъ: „Боже! хоть бы что-нибудь случилось, хоть бы скандалъ какой-нибудь, что-ли!“ Но пока онъ жилъ въ Хабаровкѣ, ничего особеннаго не случилось, да и онъ, занявшись дѣломъ, успокоился и привыкъ, а весной уже уѣхалъ въ Николаевскъ строить укрѣпленія.

Пріѣздъ весною 1876 года артиллерійскихъ офицеровъ женатыхъ и холостыхъ оживилъ село. Всѣ перезнакомились между собой, и когда собирались вмѣстѣ, то могли уже поиграть въ карты, попѣть и даже потанцовать въ тѣхъ домахъ, гдѣ позволяло помѣщеніе. Иногда всѣмъ обществомъ устраивали пикники: ѣздили за 18 верстъ на лѣсопильное заведеніе инженернаго вѣдомства, гдѣ былъ выстроенъ порядочный домъ для управлявшаго лѣсопильней—механика.

Въ одинъ изъ такихъ пикниковъ, въ концѣ августа, я имѣла случай видѣть, какъ уссурійскіе казаки, числомъ до 30, ловили кэту противъ лѣсопильнаго завода. Закидывали огромные невода и въ каждой тонѣ рыба буквально кишѣла. На берегу уже были приготовлены бочки и мѣшки съ солью. Женщины тутъ же потрошили рыбу, натирали ее солью снаружи и внутри и укладывали въ бочки.

Красная рыба кэта (лососная порода) идетъ съ моря по всему Амуру, заходитъ въ его притоки и пробирается до Благовѣщенска; но сюда она приходитъ уже менѣе жирной и вкусной съ зубами и горбомъ, почему и получаетъ названіе „горбуши и зубатки“.

Во время хода кэты всѣ жители Амура: русскіе, гиляки, гольды, тунгусы ловятъ ее кто чѣмъ можетъ: неводами, снастями, крючками; русскіе преимущественно солятъ красную рыбу, а инородцы сушатъ для себя и своихъ собакъ.

Въ наше время лучшей кэтой считалась Николаевская, посолки Гольмгрена. Эта жирная, очень вкусная рыба дотого нѣжна, что въ свѣжемъ видѣ долго не сохраняется, солить ее амурцы не умѣли и поэтому всю зиму ѣли ее „съ душкомъ“, что повидимому нисколько не вредило здоровью. Сотня хабаровской кэты вѣсомъ отъ 5 до 12 фунтовъ стоила 5 рублей (Николаевская вдвое дороже), и не было дома, гдѣ не заготовлялось бы нѣсколько бочекъ этой прекрасной рыбы. Кэта—хлѣбъ Приамурскаго края, благодаря ей, тамъ не можетъ быть такого голода, отъ котораго болѣютъ и умираютъ въ Европейской Россіи.

При насъ на Амурѣ не было ни одного рыбнаго завода, хотя тамъ кромѣ кэты ловилось много другихъ хорошихъ сортовъ рыбы

бѣлой и красной: осетрина, бѣлуга, калуга, карпы и др. Намъ случалось покупать осетровъ величиной въ ростъ человѣка за 10 руб., при чемъ икры вынималось около пуда, а рыба засаливалась для прислуги. Икру очищали, подсаливали немного и ѣли; паюсной никто не умѣлъ дѣлать. Вообще, никакія богатства края не эксплоатировались, отчасти благодаря непредпріимчивости русскаго человѣка, а, можетъ-быть, и потому, что коренное населеніе, котораго было немного, находило всегда безъ риска хорошіе заработки, а изъ пріѣзжихъ, большей частью служащихъ, рѣдко кто оставался въ краѣ долѣе 10 лѣтъ.

Большинство, получивъ пятилѣтіе, десятилѣтіе и выслуживъ амурскую пенсію, уѣзжало куда-нибудь, гдѣ бы можно было учить дѣтей.

Отсутствіе учебныхъ заведеній слѣдуетъ считать однимъ изъ важныхъ неудобствъ тогдашней жизни на Амурѣ. Учить дѣтей грамотѣ начинали не ранѣе шести лѣтъ. Матери, не имѣвшія почему-либо возможности самимъ заниматься съ дѣтьми, обращались къ школьной учительницѣ, которая за недостаткомъ времени не могла имѣть много учениковъ, или же пользовались услугами знакомыхъ офицеровъ.

Амуръ славился плодородіемъ: дѣти родились часто и въ интеллигентныхъ семьяхъ умирали очень рѣдко. За десять лѣтъ въ знакомыхъ мнѣ домахъ умерло всего трое. Дѣти росли какъ грибы, вынося легко, безъ всякихъ послѣдствій, скарлатину и корь; о дифтеритѣ, тифѣ и дизентеріи между дѣтьми я не могу припомнить ни одного случая.

Климатъ въ Хабаровкѣ былъ очень здоровый. Несмотря на то, что въ августѣ и сентябрѣ во время засолки кэты Плюснитка и Чердымовка невыносимо благоухали гнившими рыбными потрохами, заразныхъ болѣзней не развивалось, вѣроятно благодаря частымъ вѣтрамъ, уносившимъ міазмы, а весной всѣ нечистоты, скопившіяся за зиму въ названныхъ выше рѣчушкахъ, при разливѣ послѣднихъ уносились въ Амуръ. Къ тому же родители безсознательно закаляли дѣтей. Установить за ними постоянный надзоръ при недостаткѣ прислуги было невозможно, и дѣти пользовались свободой, лѣтомъ бѣгая въ саду, а зимой во дворѣ во всякую погоду. Мальчики и дѣвочки знакомыхъ семействъ, жившихъ по близости, играли вмѣстѣ и общества взрослыхъ не любили. Наукой ихъ не утруждали, иностраннымъ языкамъ не учили (развѣ только читать да писать), въ балетъ и оперу не водили, игрушками во всякое время не задаривали, потому что игрушекъ въ хабаровскихъ лавкахъ почти не было, одѣвали очень просто. На Рождествѣ устраивали елки; иногда каж-

дая семья отдѣльно, приглашая знакомыхъ дѣтей, иногда дѣлали общую елку. Дерево украшали разноцвѣтными бумажными цѣпями и фонариками своей работы и серебряными и золотыми нитями со старыхъ, офицерскихъ эполетъ. На этотъ случай покупались или выписывались изъ Николаевска игрушки дешевыя и незамысловатыя—больше куклы, да звѣри. Я замѣчала, что дѣти не особенно любили игрушки, бросали ихъ и предпочитали произведенія собственныхъ рукъ и фантазіи, или же, копируя взрослыхъ, дѣвочки гладили, стирали, мальчики ѣздили верхомъ, стрѣляли, охотились и т. п. Въ общемъ, дѣти были живыя, самостоятельныя и наблюдательныя, но по умственному развитію далеко уступали петербургскимъ.

VI.

Съ переводомъ въ Хабаровку артиллерійскаго склада, а вслѣдъ затѣмъ и горнаго дивизіона, общества прибавилось настолько, что офицеры нашли нужнымъ устроить офицерское собраніе. Наняли у одного изъ купцовъ только-что выстроенный маленькій домикъ и собирались туда раза два въ недѣлю поболтать, поиграть въ карты и потанцовать подъ военный оркестръ. Новый годъ встрѣчали вмѣстѣ, при чемъ, по Амурскому обычаю, первую кадриль въ новомъ году мужья танцовали съ женами. Это время вспоминается съ удовольствіемъ. Такихъ лишеній, какъ въ первые годы нашей жизни въ Хабаровкѣ, терпѣть не приходилось.

Все необходимое уже можно было достать. Медицинская помощь имѣлась во всякое время. Общество жило очень дружно, да и ссориться не было причинъ, потому что состояло оно главнымъ образомъ изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей и ихъ субалтерныхъ офицеровъ по преимуществу холостыхъ. Начальники отдѣльныхъ частей другъ отъ друга не зависѣли, имѣли приблизительно одинаковое положеніе и средства, а потому не могло развиваться ни зависти, ни интригъ. Никакого высшаго начальства къ общему удовольствію въ Хабаровкѣ не было.

Съ переводомъ въ Хабаровку войсковыхъ частей количество инженерныхъ работъ значительно увеличилось, и недостатокъ рабочихъ рукъ сталъ еще ощутительнѣе. Какъ уже сказано, работы производились солдатами, что плохо отзывалось на ихъ строевыхъ занятіяхъ, а потому инженерное вѣдомство командировало въ Китай инженернаго офицера Унтербергера (нынѣ генералъ-губернатора Приамурскаго края) для найма китайскихъ рабочихъ.

Нанято было 140 китайскихъ мастеровыхъ въ провинціяхъ

Чилійской и Шантунской и при нихъ два переводчика, говорившихъ по-англійски. Китайцевъ доставили сначала моремъ въ Николаевскъ, куда за ними отправили изъ Хабаровки казенный пароходъ „Успѣхъ“.

Такъ какъ въ то время въ Хабаровкѣ не нашлось частнаго лица, которому можно было бы поручить встрѣтить китайцевъ въ Николаевскѣ и доставить ихъ въ Хабаровку, то обузу эту принужденъ былъ взять на себя мой мужъ. Въ концѣ іюля 1876 года въ Хабаровку прибыли китайскіе мастеровые: плотники, каменщики, кузнецы и столяры. Согласно контракта, они обязаны были въ теченіе трехъ недѣль выстроить для своего помѣщенія нѣсколько фанзъ, а затѣмъ уже приступать къ работамъ инженернаго вѣдомства. Всѣ китайцы умѣли читать, писать и считать, но ни слова не понимали по-русски, а инженеры не знали по-англійски, почему и переводчики съ англійскимъ языкомъ оказывались непригодными. Производителямъ работъ и надсмотрщикамъ было очень трудно, но это продолжалось не долго. Переводчики и рабочіе-китайцы быстро заучили нѣсколько нужныхъ русскихъ словъ, русскіе—китайскихъ, и дѣло пошло на ладъ.

Мастеровые китайцы привезли съ собой рабочіе инструменты, но нѣкоторые изъ нихъ оказались непригодными для русскихъ работъ. Китайцы скоро убѣдились въ этомъ и, несмотря на то, что получали отъ 12 до 15 серебряныхъ рублей въ мѣсяцъ, не жалѣли денегъ на покупку русскихъ инструментовъ, напримѣръ американскихъ топоровъ, которые продавались по 5 руб. штука. Работали китайцы медленно, но очень аккуратно и при этомъ не пьянствовали и не имѣли праздниковъ. Курильщиковъ опіума между ними почти не было, и нѣсколько мастеровыхъ получили въ первый годъ плату за 360 дней.

На празднованіе „бѣлаго мѣсяца“ по контракту имъ полагалось всего три дня, и благодаря этому инженеры и десятники лишены были праздничнаго отдыха, при чемъ первые прибавки жалованья не получали. Китайскіе рабочіе были въ общемъ толковы и понятливы, но ихъ все-таки приходилось учить, потому что многихъ работъ, какъ-то кровельныхъ, печныхъ и штукатурныхъ, они вовсе не знали. Только на второй годъ изъ нихъ выработалась настоящая рабочая артель, и инженерное вѣдомство могло обходиться безъ русскихъ мастеровъ, которые бросали работы и пьянствовали въ самое нужное время, чѣмъ портили много крови всѣмъ, кому приходилось имѣть съ ними дѣло.

Въ первую зиму отъ непривычныхъ холодовъ китайцы очень болѣли преимущественно цынгой и доставляли не мало хлопотъ

доктору Лекгеру, которому инженерное вѣдомство за леченіе рабочихъ платило въ мѣсяцъ всего только тридцать серебряныхъ рублей. Лекгеръ скоро отказался отъ этого вознагражденія въ пользу женатаго, младшаго врача, но китайцы не хотѣли лечиться у новаго доктора и по-прежнему обращались „къ дѣдушкѣ большая борода". Между собой чилійцы и шантунцы жили не дружно, и однажды между обѣими партіями началось форменное сраженіе, при чемъ въ ходъ пошли ножи и топоры, но ихъ сейчасъ же укротили, обѣщая строго наказать въ слѣдующій разъ, если ссора повторится.

Въ началѣ февраля, когда начался „бѣлый мѣсяцъ", всѣ рабочіе, принарядившись, явились прежде всего поздравить начальника дистанціи и благодарили его такъ: „твоя шибко хорошо, спасибо; моя работай много, много, моя деньги много много получай; моя работай мало, мало, моя деньги мало мало получай"... Затѣмъ всѣ пошли къ доктору Лекгеру и благодарили его: „твоя шибко хорошо, спасибо; моя шибко боли, твоя хорошо лечи".

Всѣ три дня праздника около фанзъ стоялъ непостижимый шумъ и крикъ, но не было ни ссоръ, ни драки.

По истеченіи контрактнаго срока часть рабочихъ уѣхала на родину, взявъ съ собой ящички съ пепломъ умершихъ товарищей; но большинство осталось работать на инженерныхъ постройкахъ въ Хабаровкѣ, а впослѣдствіи перешло во Владивостокъ и другія мѣста.

При заключеніи контракта китайцы выговорили себѣ право увезти на родину трупы умершихъ. За два года умерло человѣкъ десять. Когда китаецъ умиралъ, товарищи сколачивали гробъ изъ четырехдюймовыхъ досокъ, клали въ него трупъ, аккуратно замазывали смѣсью извести съ кунжутнымъ масломъ и уносили въ лѣсъ, гдѣ онъ стоялъ до истеченія двухъ лѣтъ. При отъѣздѣ китайцы потребовали, чтобъ, согласно контракта, имъ разрѣшено было взять гробы съ собой на суда, что стоило бы инженерному вѣдомству огромныхъ денегъ.

Только послѣ долгихъ увѣщаній согласились китайцы сжечь трупы умершихъ товарищей. Затѣмъ они сложили пепелъ въ маленькіе прочные ящики, ограшенные красной краской, приколотили къ каждому изъ нихъ по красной бумажной ленточкѣ съ надписью и взяли ихъ съ собой.

Нѣкоторые изъ бывшихъ мастеровыхъ теперь уже состоятельные люди.

Привозъ китайскихъ рабочихъ, какъ уже сказано, облегчилъ инженерному вѣдомству веденіе работъ, которыя увеличивались по мѣрѣ того, какъ въ край прибывали войсковыя части.

Китайцы, получивъ разрѣшеніе отъ своего правительства селиться по близости русской границы, по рѣкѣ Сунгари, впадающей въ Амуръ, быстро заселяли ея берега. Это обстоятельсто не могло не тревожить, хотя войны съ Китаемъ не предвидѣлось даже въ далекомъ будущемъ.

Лѣтомъ 1877 года братъ матери китайскаго императора, неизвѣстно по какому поводу, со свитой на тридцати джонкахъ спустился по Сунгари въ Амуръ и, не заходя въ Хабаровку, протокой прошелъ въ станицу Казакевичеву, яко бы для провѣрки пограничныхъ знаковъ.

Какъ разъ въ это время находился въ Хабаровкѣ главный командиръ портовъ и военный губернаторъ Приморской области Эрдманъ, проѣзжавшій изъ Николаевска во Владивостокъ.

Получивъ отъ командира уссурійскаго казачьяго баталіона извѣстіе о прибытіи въ Казакевичеву важнаго китайскаго сановника, губернаторъ пожелалъ повидаться съ нимъ и для большей торжественности пригласилъ нѣкоторыхъ хабаровскихъ офицеровъ и чиновниковъ проѣхать въ Казакевичеву какъ бы въ качествѣ губернаторской свиты. Офицеры и чиновники, въ томъ числѣ и мой мужъ, послѣдовали за губернаторомъ на инженерномъ пароходѣ „Успѣхъ“.

Какъ только найонъ узналъ, что въ станицу прибылъ губернаторъ Приморской области, то сейчасъ же торжественно, на носилкахъ со свитой явился привѣтствовать русскаго сановника, который вмѣстѣ со всѣмъ кортежемъ остановился въ домѣ командира уссурійскаго баталіона.

При свиданіи губернаторъ и найонъ наговорили другъ другу любезностей, а черезъ полчаса губернаторъ, сопровождаемый всѣми бывшими при немъ чиновниками и офицерами, пошелъ отдать визитъ китайцу.

Китаецъ угостилъ гостей обѣдомъ съ китайскими деликатессами: трепангами, тухлыми яйцами, морской капустой, грибами, свининой въ разныхъ видахъ, плохими заграничными винами и желтымъ чаемъ.

Найонъ, повидимому, избѣгалъ дѣловыхъ разговоровъ, но когда губернаторъ выразилъ желаніе, чтобъ китайское правительство разрѣшило русскимъ безпрепятственное плаваніе по Сунгари, то китаецъ сказалъ, что онъ лично ничего не имѣетъ противъ этого, но ходатайствовать о такомъ дѣлѣ не можетъ въ виду того, что въ

районѣ Сунгари очень много разбойниковъ—хунхузовъ, и плаваніе по рѣкѣ небезопасно.

Послѣ обѣда губернаторская свита вернулась въ Хабаровку, а утромъ на другой день мой мужъ получилъ отъ губернатора телеграмму съ просьбой встрѣтить и угостить китайскаго найона.

Въ три часа дня, найонъ, несомый на носилкахъ четырьмя китайцами, въ сопровожденіи свиты изъ двадцати человѣкъ торжественно приближался къ нашему дому.

Это былъ высокій старикъ съ лукавыми, умными глазами, выхоленными руками, съ плавными движеніями и любезной улыбкой. Дорогая атласная курма свѣтлолимоннаго цвѣта свидѣтельствовала, что братъ китайской императрицы—кавалеръ желтой курмы, а шапка съ павлиньимъ перомъ—что онъ и кавалеръ павлиньяго пера. Найонъ вошелъ въ комнату въ этой шапкѣ и не снималъ ея до тѣхъ поръ, пока не поздоровался съ хозяевами и не сѣлъ на предложенное мѣсто.

При появленіи въ комнатѣ какого-нибудь новаго лица, найонъ бралъ шапку изъ рукъ стоявшаго рядомъ китайца, надѣвалъ ее, вставалъ, пожималъ руку вошедшему и снова снималъ ее и отдавалъ тому же китайцу.

Вся свита стояла за кресломъ сановника, одинъ держалъ вѣеръ, другой кисетъ съ трубкой, третій знаменитую шапку; остальные смотрѣли по сторонамъ и зѣвали.

Глядя на ихъ потрепанныя курмы, ихъ можно было принять за какихъ-нибудь оборванцевъ; между тѣмъ вся свита состояла изъ чиновниковъ различныхъ ранговъ, потому что у всѣхъ на шапкахъ висѣли различные шарики.

Такъ какъ время было послѣобѣденное, то мы угощали найона шампанскимъ, мороженымъ и конфектами; разговаривали о погодѣ и о здоровьи черезъ переводчика, которымъ былъ извѣстный теперь богатый купецъ Ти-фон-тай, служившій въ то время переводчикомъ въ инженерной дистанціи за 25 р. въ мѣсяцъ.

Между прочимъ найонъ поинтересовался узнать, какъ работаютъ и ведутъ себя чилійцы и шантунцы, и былъ очень доволенъ, когда мужъ похвалилъ ихъ.

Пока мы разговаривали, свита китайскаго генерала, за исключеніемъ трехъ человѣкъ, державшихъ вѣеръ, кисетъ и шляпу, куда-то исчезла. Оказалось, что вся она отправилась въ кухню, гдѣ денщики угостили ее водкой и чаемъ.

При прощаньи найонъ просилъ меня пріѣхать къ нему на джонку въ тотъ же вечеръ, такъ какъ на утро уже собирался уходить изъ Хабаровки.

Мнѣ было интересно посмотрѣть, какъ помѣщается важный китайскій сановникъ, и я съ однимъ знакомымъ офицеромъ пошла на джонку найона.

Его джонка была самая большая, но украшеній снаружи никакихъ не имѣла. Мы видѣли только пріемную комнату, довольно большую и чрезвычайно чистую.

По стѣнамъ ея стояли низкіе мягкіе диваны, а на серединѣ большой столъ.

Найонъ встрѣтилъ насъ очень любезно и тотчасъ же сталъ угощать: сначала китайскими сушеными фруктами, потомъ наливкой и желтымъ чаемъ, а спутнику моему предложилъ покурить кальянъ.

Разговоръ не вязался; мы только пили, а найонъ все извинялся, что у него безпорядокъ, такъ какъ онъ уже собирается въ дорогу. Въ комнатѣ былъ образцовый порядокъ и, почему онъ извинялся, не знаю. Посидѣвъ съ полчаса, мы пожелали китайцу благополучнаго пути, поблагодарили за угощеніе и ушли. У меня стучало въ вискахъ, должно быть отъ желтаго чая, а спутнику моему было дурно послѣ куренья кальяна.

Посѣщеніе китайскимъ сановникомъ русскихъ владѣній не имѣло никакихъ послѣдствій.

Р. Ф.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

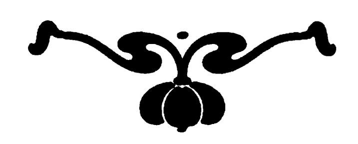

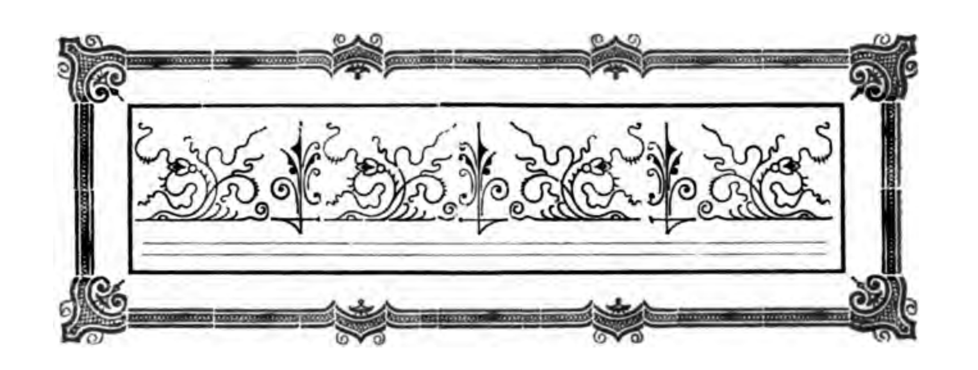
Письмо императрицы Екатерины II— графу И. П. Салтыкову.

8 октября 1795 г.

Графъ Иванъ Петровичъ! Письмо ваше, которымъ вы отказываетесь принять на себя попеченіе о дѣлахъ графа Чернышева, я получила. Причины, по которымъ я на васъ сіе возложила, были сколько связи родства вашего съ нимъ, столько и обязанность каждаго помогать въ нуждѣ ближнему своему, паче же больному и, такъ сказать, при дверяхъ смерти находящемуся старику; почему и надѣюсь я, что вы, помысливъ, въ какомъ жалкомъ состояніи онъ находится, преодолѣете представляемыя вами затрудненія и потщитеся исполнить волю мою, принятіемъ въ попеченіе ваше дѣлъ графа Чернышева, такъ чтобы отъ рачительнаго присмотра воспріяли оныя наилучшій видъ, чѣмъ не токмо пріобрѣтете благодарность его къ вамъ и похвалу общую, но и мнѣ тѣмъ удовольствіе сдѣлаете. Впрочемъ, отъ васъ зависѣть будетъ для облегченія трудовъ вашихъ избрать по вашему благоразсмотрѣнію надежнаго человѣка одного или нѣсколькихъ, которые и могутъ подъ руководствомъ вашимъ производить въ дѣйство тѣ способы, какіе вы къ поправленію состоянія графа Чернышева за благо принять признаете. Пребываю впрочемъ вамъ всегда благосклонная.

Сообщилъ Александръ Успенскій.

Отголосокъ дѣла петрашевцевъ.

Сгруппировавшійся около М. В. Буташевича-Петрашевскаго (1821—1867г.г.) въ началѣ сороковыхъ годовъ кружокъ молодыхъ русскихъ мечтателей-фурьеристовъ, къ числу которыхъ принадлежали Д. Д. Ахшарумовъ, Толь, братья Дебу, А. Н. Плещеевъ, Ѳ. М. Достоевскій, Ѳ. Н. Львовъ, С. Ѳ. Дуровъ, Пальмъ, Энгельсонъ и другіе, вздумалъ издать русскій dictionnaire philosophique. Юные мечтатели, находившіеся подъ вліяніемъ французскихъ апостоловъ соціализма—Кабэ, Консидерана, Пьера Леру, Луи Блана, Фурье, въ самую глухую пору русскаго безвременья выступили съ небольшой коллективной работою, носившей очень малозамѣтное названіе, но преслѣдовавшею цѣль произвести рѣшительное дѣйствіе на умы. Эта книга, на современный взглядъ весьма скромная, по тогдашнему времени была слишкомъ необычна, чтобы не обратить на себя вниманіе правительства, уже начинавшаго безпокойно прислушиваться къ развивавшемуся въ Европѣ политическому броженію.

Въ 1845 году вышелъ первый выпускъ „Словаря иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, издаваемаго Н. Ки-

рилловымъ“; слѣдующему выпуску, появившемуся въ 1846 г., не суждено было увидѣть свѣтъ: всѣ экземпляры были конфискованы, и изданіе, котораго не спасли ни его скромное названіе, ни посвященіе книги великому князю Михаилу Павловичу, прекратилось на буквахъ: „орд“. Книга навлекла на кружокъ друзей и знакомыхъ Петрашевскаго вниманіе правительства и послужила однимъ изъ поводовъ къ знаменитому процессу „петрашевцевъ“, окончившемуся ссылкой и каторгою для многихъ изъ нихъ; въ числѣ послѣднихъ были самъ Петрашевскій, Дуровъ, Плещеевъ, Достоевскій. Даже отчасти прикосновенные къ кружку Бѣлинскій и Валеріанъ Майковъ, участникъ „Словаря“, были избавлены отъ этой участи только смертью [1]).

Процессъ петрашевцевъ былъ завершенъ, отвязанные отъ столбовъ „преступники“ благополучно отправлены: кто въ каторгу, кто въ ссылку,—а судьба злосчастной книги еще не была окончательно рѣшена. Печатью распоряжался знаменитый бутурлинскій комитетъ въ предсѣдателѣ котораго, жалѣвшемъ о невозможности подвергнуть цензурной кастраціи священное писаніе, словно воплотился самъ Фамусовъ со своимъ совѣтомъ: „Забрать всѣ книги бы, да сжечь“. Въ ноябрѣ 1849 г. состоялось распоряженіе комитета объ изъятіи изъ обращенія вредной книги. Соглашаясь съ этимъ распоряженіемъ, государь Николай Павловичъ осторожно приказалъ, „не отбирая экземпляровъ помянутаго словаря, чтобы чрезъ то не возбудить любопытства, стараться откупить ихъ партикулярнымъ образомъ“ [2]). (Повелѣніе это относилось, конечно, къ первому выпуску, такъ какъ второй былъ конфискованъ весь). Подлежащія вѣдомства заработали, и начались усердные поиски мятежной книги, о ней заварились „дѣла“.

---

[1]) Исторія петрашевцевъ и „Словаря Кириллова“ разсказана въ книгахъ С. А. Венгерова „Исторія новѣйшей русской литературы“, Спб., 1885 года, стр. 10—31 (эта книга сожжена цензурой, о чемъ упоминается въ извѣстной запискѣ академіи наукъ, 1905 г., о свободѣ печати); А. М. Скабичевскаго „Очерки исторіи русской цензуры“, Спб., 1892 г., стр. 341; М. Лемке „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія“, Спб., 1904 г., стр. 250—253; ст. В. Семевскаго, „Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 40-хъ годовъ“—въ сборникѣ „На славномъ посту“, посвященномъ Н. К. Михайловскому, Спб., 1900 г., ч. II, стр. 98—152, и отдѣльное изданіе „Донской Рѣчи“.—См. также ст. Венгерова „Петрашевцы“ въ энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона и ст. Семевскаго „Буташевичъ“ въ „Большой Энциклопедіи“.

[2]) „Русская Старина“ 1903 г., августъ, 420—421.

Одно такое „дѣло“ попалось намъ въ одесскомъ архивѣ упраздненнаго новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернаторскаго управленія [1]).

12 января 1850 г. министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ и. д. новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, что государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ „извлечь изъ продажи всѣ нераспроданные еще экземпляры перваго выпуска изданнаго въ 1845 г. „Карманнаго словаря иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка“, но съ тѣмъ, чтобы не отбирать сихъ экземпляровъ, а стараться откупить ихъ партикулярнымъ образомъ... „Покорнѣйше прошу—писалъ министръ—приказать всѣ распоряженія по сему предмету сдѣлать секретнымъ образомъ, а нужныя на покупку означенной книги деньги позаимствовать изъ экстраординарныхъ суммъ; купленные же экземпляры не угодно ли будетъ вамъ, милостивый государь, доставить ко мнѣ, присовокупивъ, сколько издержано будетъ на сіе денегъ для возврата оныхъ изъ ввѣреннаго мнѣ министерства“. Соотвѣтствующія секретныя бумаги объ этомъ полетѣли изъ Одессы къ херсонскому, екатеринославскому и таврическому губернаторамъ, въ канцелярію бессарабскаго военнаго губернатора и къ градоначальникамъ керчь-еникальскому, таганрогскому и одесскому. Результаты не замедлили сказаться довольно быстро. 10 марта одесскій градоначальникъ А. И. Казначеевъ рапортовалъ генералъ-губернатрру, что, получивъ его приказаніе, „тотчасъ же поручилъ заняться, безъ огласки и подъ рукою, приведеніемъ въ исполненіе изъясненной Высочайшей воли полковнику корпуса жандармовъ Граве и одесскому полиціймейстеру, которые нынѣ донесли, что по розысканіи ими, со всею предписанною предосторожностью, въ книжныхъ лавкахъ упомянутаго словаря не оказалось на-лицо въ продажѣ ни одного экземпляра, но что въ лавкахъ было по нѣскольку экземпляровъ въ продажѣ, но таковые проданы разнымъ лицамъ, коихъ имена неизвѣстны“...

„За появленіемъ въ продажѣ и отысканіемъ у частныхъ лицъ „Карманнаго словаря иностранныхъ словъ“ имѣетъ быть продолжаемо дѣятельнѣйшее наблюденіе“. Усердіе чиновниковъ дало плоды.

14 марта тайный совѣтникъ Казначеевъ донесъ генералъ-губернатору, что полиціймейстеръ представилъ ему при рапортѣ 11 марта

[1]) Дѣло № 1991—2—1850 г., секретное. „О карманномъ календарѣ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, изданномъ въ 1845 году“.

экземпляръ „Словаря“, купленный у торгующаго старыми книгами еврея Ваксмана за 1 р. 10 к. серебромъ. 4 апрѣля генералъ-губернаторъ секретно рапортовалъ объ этомъ министру, посылая ему экземпляръ преступной книги. Насколько удачны были поиски въ другихъ городахъ юга, изъ дѣла не видно.

Второй выпускъ словаря, въ числѣ 1599 экземпляровъ, за исключеніемъ только одного, оставленнаго при дѣлахъ цензурнаго комитета, былъ весь сожженъ лишь 3 февраля 1853 г. въ присутствіи пропустившаго словарь цензора А. Л. Крылова, которому эта книга принесла выговоръ и едва не стоила службы [1]).

Н. Лернеръ.

[1]) „Русская Старина“, ibid, стр. 421—422.—А. В. Никитенко „Записки и дневникъ“, изд. 2-ое, т. I, Спб., 1904, стр. 365.

На ботикѣ противъ крѣпости.

Въ исторіи нашей извѣстно не мало примѣровъ мужества русскихъ моряковъ. Но, къ сожалѣнію, мы, русскіе, плохо знаемъ свою исторію, и архивы наши пока еще безмолвно хранятъ много документовъ, свидѣтельствующихъ о подвигахъ совершенно неизвѣстныхъ героевъ.

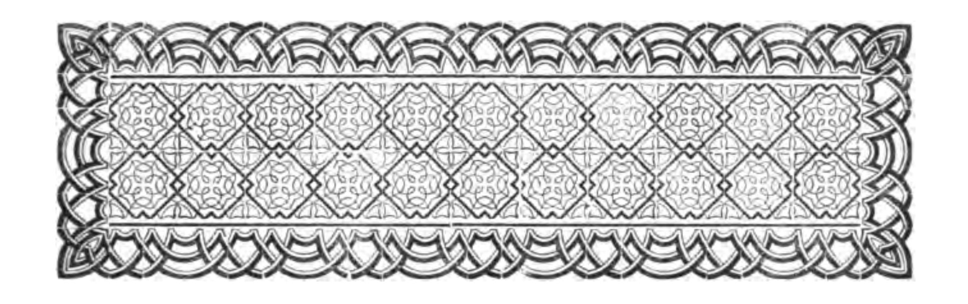
Предъ нами записки флотскаго капитана 2-го ранга Ф. Аклечѣева. Вотъ, напримѣръ, что онъ разсказываетъ о своемъ походѣ къ предѣламъ Персіи въ 1783 г. для освобожденія русскаго консула...

„Въ 1783 г. 18 февраля мѣсяца предписано мнѣ отъ эскадреннаго командира господина капитана Баскакова, чтобы мнѣ съ порученнымъ ботомъ слѣдовать въ Зинзили для доставленія вспоможенія находящемуся тамо консулу и съ купечествомъ, которой отъ гилянскаго Гедаетъ-хана захваченъ и содержался со всѣхъ сторонъ подъ карауломъ. Почему я съ порученнымъ мнѣ ботомъ въ 19 число сего мѣсяца и пошелъ въ повелѣнной мнѣ путь и пришелъ въ 27 день сего жъ февраля на Зинзилинской рейдъ, гдѣ и усмотрѣлъ, что при входѣ въ банокъ упоминаемымъ ханомъ построена уже батарея и вооружена 21 пушкой, по персидскому названію „назыри", и войскъ его находилось на сей батареѣ 450 человѣкъ. На самомъ фарватерѣ стояло вооруженныхъ киржимовъ 20, чтобы не допустить консула къ выходу съ баночнымъ судномъ на рейдъ къ безопасному для него мѣсту. По прибытіи моемъ и консулъ мнѣ далъ знать сообщеніемъ, что онъ находится подъ карауломъ въ притѣсненіи, что ханъ старается захватить его и всѣхъ россійско-подданныхъ въ свои руки. Да и отъ хана нѣсколько разъ присылаемы были ко мнѣ старшины съ ласкою и учтивостью, чтобъ также и меня могъ онъ удобнѣе захватить къ себѣ въ руки. Почему я и взялъ, соображаяся съ обстоятельствами мѣры, чтобъ консула и россійское купечество вывесть изъ банка, взять ихъ изъ варварскихъ рукъ. А какъ по мелкости фарватера мнѣ съ ботомъ идти неможно, то я и вооруживъ ботовую артиллерію состоящій тогда на рейдѣ шхоутъ купеческой, командировалъ пристойное число на оной людей и расположился идти въ банокъ для взятья консула, которой также и съ своей

стороны приготовился къ выходу. А какъ до 27 марта продолжалися безпрестанно штормы и предпріятіе начать мнѣ не можно,—по утишеніи вѣтра въ 27 день марта расположился идти въ банокъ, шхоутъ препоручилъ подштурману Нестерову и по данной ему отъ меня диспозиціи велѣлъ слѣдовать, а самъ я съ ботомъ преслѣдовалъ посланной отъ меня шхоутъ до безопаснаго мѣста. И коль скоро мы стали подходить на дистанцію къ батареѣ, то съ оной открыли по насъ огонь и сдѣлали на киржимахъ нападеніе. Мы оныхъ отражая отъ себя не только ихъ отогнали, но и батарею совсѣмъ сбили изъ нашихъ пушекъ, и киржимы прогнали и одинъ затопили и сдѣлали у нихъ не малое число урону. Пріуготовленные къ недопущенію шхоута въ банокъ великія толпы людей совсѣмъ разбили и прогнали. Почему ханъ, видя себя повсюду побѣжденнымъ, да при томъ и видя, что высокославному россійскому оружію противустоять не можетъ, прислалъ просить извиненіе, со страхомъ раскаяваяся въ своей дерзости и предпріятіяхъ, и на требованіе наше, которое съ нашей стороны было предложено, на все согласился. Да и наша польза того требовала, ибо въ тогдашнее время для лову рыбы были четыре судна въ рѣкѣ Себдурѣ; да и находящійся нашего подданства россійской подданныхъ купцовъ товаръ въ баношное судно не помѣстился, то бы они могли претерпѣть великой убытокъ и другіе бы совсѣмъ разорились. Прекратилъ я военныя дѣйствія и взялъ съ хана письменное обязательство и со всѣхъ его старшинъ, чтобы онъ впредь не осмѣливался съ россійскими подданными дѣлать никакого притѣсненія. Опять началось съ обѣихъ сторонъ коммерческое обращеніе“...

Сообщилъ Д. Успенскій.

Западно-русская граница и русская народность.

(СЪ ПЛАНОМЪ).

Волненіе на Украйнѣ въ 1768 г.—Война съ Турціею, несогласія съ Австріею.—Первый раздѣлъ Польши.—Второй и третій раздѣлы Польши.—Мысль Екатерины II.—Граница Владиміровой Руси.—Племена Кіевской Руси.—Удѣлы послѣ Ярослава.—Поляне.—Авары-обры и поляки.—Отношенія Литвы.—Покореніе Кіевской Руси Литвою. Ягайло и объединеніе съ Польшею.—Притѣсненія русскаго народа и объединеніе съ Литвою.—Съѣздъ въ Люблинѣ въ 1569 г.—Реформаты и іезуиты. — Порабощеніе русскаго народа Брестскою уніею 1596г.—Православные и уніаты. — Петръ Могила и кіевская духовная академія.—Вольные люди, казаки, Хмѣльницкій.—Паденіе Польши и диссиденты.—Александръ I и Чарторыйскій. Политика.—1812 г. и присоединеніе Ц. Польскаго къ Россіи.—Бунты 1831 г. и 1863 г.—Освобожденіе крестьянъ 1861 г.—Зависимость народа отъ помѣщика.—Отстройка церквей въ 1862 г.—Школы.—М. Н. Муравьевъ. — Преобразованія въ Привислянскомъ краѣ. — Императоръ Александръ III.—Земскіе начальники и церковно-приходскія школы. — Русское населеніе и инородцы. Законъ о вѣротерпимости.—Холмщина и отпаденіе отъ православія.—Вѣдомость русскаго населенія по губерніямъ Зап.-Русск. края.—Русское населеніе въ Забужьѣ и въ Нурской землѣ.—Граница русскаго племени.—Высшее польское общество, землевладѣльцы и двоеподданство.—Русскіе католики.—Старообрядцы З.-Р. Края.—Маіораты.—Границы Кіевской Руси совпадаютъ съ границами русскаго населенія.—Перечень урочищъ по демаркаціонной линіи русскаго населенія.—Карта разграниченія русскихъ отъ инородцевъ.

Вопросъ о несправедливостяхъ съ диссидентами въ Польшѣ вызвалъ, въ 1768 г., общее волненіе на Украйнѣ. Возстали казаки, подъ предводительствомъ Желѣзняка, имъ помогли запорожцы, присоединились гайдамаки (своевольные казаки), и началась снова рѣзня и расправа надъ поляками, евреями и уніатами, какъ то было 100 лѣтъ тому назадъ, при Хмѣль-

ницкомъ. Въ Умани вырѣзали всѣхъ жителей и трупами дѣтей наполнили глубокій колодезь. Это событіе извѣстно подъ названіемъ: Уманьской рѣзни. Въ Балтѣ на границѣ съ Турціею покололи всѣхъ евреевъ; а затѣмъ перешли турецкую границу и разорили въ конецъ поселокъ Галту.

Турція, подстрекаемая Франціею, объявила намъ войну изъ-за Галтскаго событія, а не Польшѣ, и разорила новую Сербію (Славяносербскій уѣздъ). Польша въ то время дружила съ Турціею и всю вину свалила на Россію. Генералъ Кречетниковъ унялъ гайдаматчину, а Румянцевъ и графъ Орловъ справились побѣдоносно съ Турціею.

Между тѣмъ по трактату съ Польшею въ 1768 г. сеймъ подписалъ полную равноправность диссидентовъ съ католиками, но не сдержалъ своего слова и, пользуясь нашею войною съ Турціею, король Августъ IV пожелалъ утвердить за польскою короною наслѣдственность и замѣнить право каждаго сеймоваго депутата остановить рѣшеніе сейма однимъ своимъ голосомъ „liberum veto“, большинствомъ голосовъ. Это безъ согласія Россіи, по договору 1768 г., не могло состояться. Но король, преслѣдуя свою цѣль, отказалъ Россіи во всемъ, принялъ окончательно сторону Турціи и обратился къ заступничеству Франціи и другихъ державъ.

Бывшее безкоролевье, гайдаматчина, конфедераціи и полное разложеніе Польши, съ очень незавиднымъ войскомъ, привели къ тому, что когда въ 1771 г., по окончаніи турецкой войны, Россія потребовала независимости дунайскихъ княжествъ, Молдавіи и Валахіи, то Австрія, не согласившаяся на это, грозила Россіи войною: тогда Екатерина обратилась къ прусскому королю, предлагая Фридриху II заключить союзъ противъ Австріи. Умный король себѣ на умѣ предложилъ Екатеринѣ II и Австріи уладить ссору и получить вознагражденіе Россіи, за войну съ Турціею, за счетъ ослабѣвшей Польши, какъ виновницы во всемъ и въ особенности по поводу диссидентовъ, касавшихся также Пруссіи. Это привело къ первому раздѣлу Польши, при чемъ Россія пріобрѣла въ 1773 г. Бѣлоруссію: Полоцкъ, Витебскъ, Оршу, Могилевъ, Мстиславль, Гомель—съ населеніемъ въ 1.600.000 д. обоего пола.

Только первый шагъ труденъ и, тѣмъ не менѣе, Екатерина II жалѣла Польшу и хотѣла заключить съ нею тѣсный союзъ, чтобы сберечь ея земли отъ дальнѣйшаго расхищенія, но польская партія, надѣясь на какую-то воображаемую помощь прусскаго короля Фридриха II, добилась уничтоженія договора 1768 г. и утвердила гибель-

ную конституцію 3 мая 1791 г. [1]). Тогда противная этой конституціи, русско-польская партія обратилась къ Екатеринѣ II и просила возстановить прежній порядокъ 1768 года. Неудачи польскихъ войскъ и польской дипломатіи привели къ тому, что въ Гроднѣ собрался чрезвычайный сеймъ въ 1793 году, который отмѣнилъ конституцію 3 мая и уступилъ Россіи, хотя съ колебаніемъ: Кіевскую, Волынскую, Минскую и Подольскую губерніи, съ населеніемъ въ 3 м. д. обоего пола.

Польскіе патріоты не могли помириться съ постановленіями Гродненскаго сейма и, съ помощью Франціи, образовали комитетъ общественной безопасности съ диктаторомъ Косцюшко во главѣ. Но и тутъ они потерпѣли пораженія: Варшава была взята Суворовымъ, и въ 1795 г. воспослѣдовалъ третій раздѣлъ Польши, при чемъ Россія получила всю Литву съ Гродненской губерніей и Курляндію.

Екатерина II, какъ умнѣйшая, государственная императрица, сразу поняла предложеніе Фридриха II по 1-му раздѣлу Польши. И если Пруссія жаждала объединенія своихъ разрозненныхъ владѣній, а Австрія уже привыкла все пріобрѣтать браками и дипломатическими изворотами, то для Россіи такое приращеніе населеніемъ и землями имѣло совершенно иной смыслъ: Екатерина II постоянно говорила, что она этотъ обширный край, эту Кіевскую Русь, не завоевывала, не отнимала, а только возвратила Россіи, возсоединила съ нею то, что ей съ испоконъ вѣковъ принадлежало и было отторгнуто не Польшею, а татарскимъ погромомъ и успѣхами не Польши, но Литвы. Польскаго въ этомъ краѣ, до окончательнаго соединенія Литвы съ Польшею въ XVI ст. ничего не было, и еще въ то время послѣдній русскій православный бояринъ, князь Константинъ Острожскій говаривалъ, а за нимъ весь народъ и казаки: „знай ляше, что по Санъ (рѣка) наше“. Екатерина II, зная твердо русскую исторію и памятуя великія дѣянія Петра I, которыми всегда руководствовалась, была убѣждена, что для Россіи споръ съ Польшею долженъ закончиться гибелью той или другой стороны, и она, какъ русская императрица, усвоившая себѣ русскую точку зрѣнія и принявъ на себя нелегкую задачу управлять своимъ новымъ отечествомъ, никогда не могла допускать ни униженія, ни порабощенія и рѣшилась на операцію Польскаго королевства.

Въ памяти императрицы ясно представились дѣянія польскихъ королей и магнатовъ, когда начата была интрига съ Лже-Дмитріемъ, съ котораго потребовали введенія въ Россіи католичества и духов-

---

[1]) Наслѣдственность престола, король съ исполнительною властью, рѣшенія сейма по большинству голосовъ и отмѣна всякихъ конфедерацій.

*

наго подчиненія всего русскаго народа папѣ. А затѣмъ эта долгая претензія короля Сигизмунда III и его сына Владислава IV на Московскій престолъ; а потомъ ужасное смутное время и покушеніе на жизнь Михаила Θеодоровича. Далѣе Петръ I показалъ, какъ слѣдуетъ, по диктаторски, поступать съ Польшею и не церемонился съ ихъ королемъ, земли котораго проходилъ и занималъ, будто свои. Эти картины и уроки живо воскресли въ памяти Екатерины II, и чисто мефистофельское предложеніе короля Фридриха II должно было быть принято умною императрицею.

Если посмотрѣть на чертежъ юго-западной границы Владиміровой Руси, то окажется, что эта граница та же по народности, какъ и въ наше время [1]). Червонная Русь въ Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ такая же, какъ нынѣ по народности, т. е. русская. Рѣка Санъ въ Галиціи, какъ и нынѣ, отдѣляетъ русскую народность, языкъ отъ польской народности. Города Ярославль и Перемышль существовали тогда уже, существуютъ и нынѣ. Утрачена полоса народности за Саномъ у Пряшева и Слана. За то исхудалое до нищенства русское населеніе по Карпатамъ: гуцулы, лемки и бойки держатся, изнемогая отъ нищеты. Далѣе граница Владиміровой Руси заходила за Карпаты, до рр. Теплой и Тиссы, гдѣ на всемъ пространствѣ живутъ по нынѣ угро-руссы, столь угнетенные теперь венграми. Владимірова Русь кончалась на р. Серетѣ и Быстрицѣ, сливаясь съ Кіевскою Русью. Вотъ эта-то Галиція съ прилежащими странами къ югу и западу досталась Австріи задаромъ, по первому раздѣлу, съ 3 м. русскихъ жителей. Эту землю съ населеніемъ объевреили и обвенгерили, насколько хватило силъ, но тѣмъ не менѣе, не могли уничтожить русскій народъ. Онъ, свалившись уже, все еще держится, несмотря на страшное давленіе, игоподобное, и терпѣливо выжидаетъ помощи со стороны Россіи и русскаго народа съ востока. И есть надежда, что когда-нибудь это случится, такъ какъ другой задачи у насъ на западѣ не имѣется...

А затѣмъ, что такое собственно Кіевская Русь. При появленіи Рюрика въ 862 г. вплоть до принятія христіантства въ 988 г. при Владимірѣ Святомъ и даже до Ярослава Мудраго до 1054 г., Кіевская Русь была составлена изъ русскихъ языческихъ племенъ, которыхъ въ I столѣтіи Тацитъ называетъ антами, а другіе венедами или ванами. Эти племена по родамъ раздѣлялись при появленіи Рюрика на слѣдующія группы: славяне по оз. Ильменю, р. Волхову до Ладоги; къ нимъ принадлежалъ родъ лучанъ по р. Ловати, вокругъ Холма; южнѣе тянулись кривичи отъ озера Вирцъ-Эрви, по

[1]) Славянскій міръ, стр. 62. А. Ф. Риттиха.

р. Аа лифляндской, чрезъ З. Двину и Дисну, до Орши на Днѣпрѣ. Къ кривичамъ причислялись роды: суслы и полочане. Еще южнѣе обитали дреговичи по лѣвой сторонѣ р. Припяти до г. Любеча на р. Днѣпрѣ; по р. Березинѣ до истоковъ Виліи и Нѣмана съ городомъ Минскомъ. Къ этому племени причислялись роды: обродичей, туричанъ и туровцевъ, наровяне по р. Нарову, пружане и житичи около Жидъ озера; по правой сторонѣ р. Припяти, между р. Горынью и р. Днѣпромъ осѣли древляне; по правому теченію р. Днѣпра, отъ Кіева до устья Псела жили поляне, но это было общее названіе, собирательное, для всѣхъ родовъ на благодатныхъ поляхъ р. Днѣпра, З. и Ю. Буговъ, Днѣстра и р. Роси. Къ этимъ полянамъ причислялись роды: поросянъ, дулѣбовъ, бужанъ, волынянъ, дѣдошанъ и таневцевъ отъ р. Вислы до З. Буга. Кромѣ того южнѣе по р. Пруту поселились давно, древніе анты т. е. тиверцы, а южнѣе ихъ по р. Быстрицѣ—быстряне и пѣвки въ горахъ Трансильваніи. Около пороговъ р. Днѣпра жилъ родъ угличей. Все это были русскіе роды и племена, объединенные первыми Рюриковичами: Олегомъ, Игоремъ, Святославомъ, въ Кіевскую Русь, при чемъ западная граница племеннаго народа и языка измѣнилась почти незамѣтно. Исчезли въ Курляндіи и Лифляндіи суслы, замѣнившись латышами, а на югѣ быстряне, да пѣвки и немного тиверцевъ по среднему теченію Прута, слившихся съ румынами. Все остальное осталось какъ есть, по сіе время неизмѣнено, въ этнографическомъ и народномъ смыслѣ.

Такъ какъ земли съ населеніемъ послѣ Ярослава раздавались въ удѣлъ, въ управленіе, всѣмъ княжескимъ дѣтямъ, надъ которыми стоялъ старшій изъ князей, въ стольномъ городѣ Кіевѣ, именуясь великимъ княземъ, то съ теченіемъ времени, за 200 лѣтъ до прихода монголо-татаръ въ 1237 г. образовались слѣдующія, весьма часто независимыя земли и княжества, хотя бы подъ общимъ названіемъ Руси въ тѣсномъ смыслѣ: 1) Кіевская земля со стольнымъ городомъ Кіевомъ съ поселеніями полянъ, древлянъ и отчасти дреговичей. Возлѣ него, вдаваясь на юго-востокъ въ Половецкія степи прилегало княжество Переяславское съ г. Вышегородомъ. 2) Волынь по всему бассейну Припяти съ городомъ Владиміръ-Волынскъ и съ городами: Луцкъ, Дорогобужъ, Чарторыйскъ, Овручъ, Люблинъ, Брестъ. 3) Полоцкая земля (Кривская), область З. Двины съ городомъ Полоцкомъ и съ городами Витебскомъ и Минскомъ. 4) Галиція и Червонная Русь съ землями дѣдошанъ, брежанъ, бѣлохрабатовъ въ Карпатахъ и луковлянъ съ бужанами, съ главнымъ городомъ Перемышль. 5) Новгородская земля съ Псковскою, съ громадною территоріею до Ледовитаго океана и Уральскихъ горъ и съ верхнимъ теченіемъ Волги. Главными городами были Новгородъ и Псковъ.

Худо ли или хорошо, но Кіевская Русь, собственно Западно-Русскій край отъ Ладоги до Прута и отъ Вислы до Днѣпра, объединился, имѣлъ своихъ русскихъ князей, одинъ русскій языкъ, одну православную вѣру, одно управленіе, нравы и обычаи. Это была Кіевская Русь, которую никакъ нельзя отдѣлить отъ 1000-лѣтняго существованія Русскаго государства, которое потомъ перенеслось, помимо русскаго народа, во Владиміръ въ 1169, а затѣмъ въ Москву въ 1326 году, и, наконецъ, совершивъ свой историческій оборотъ по княжеско-царской волѣ, по всей русской Европейской Россіи, отъ моря до моря, утвердилось въ императорскомъ Петербургѣ въ 1703 г.

Возвращеніе Кіевской Руси, Россіи, было послѣдствіемъ особыхъ обстоятельствъ, которыя повліяли на всю судьбу Польскаго королевства, основаннаго въ 940 г. Пястомъ. Вотъ какъ это случилось: русскіе, кіевскіе поляне, земледѣльцы бассейна р.р. Днѣпра, Роси и Южнаго да Западнаго Буга, тянулись далеко на западъ, по своимъ естественнымъ воднымъ путямъ, по одинаковому климату, почвѣ и земледѣльческому занятію, и потому не удивительно, что между р.р. Саномъ въ Галиціи и Вислою въ Польшѣ мы встрѣчаемъ въ очень ранней, лѣтописной молодости, малополянъ, а къ сѣверу за Вислою, лѣвѣе Варшавы: великополянъ. Кіевскіе и польскіе поляне были одного корня славяне, но въ разныхъ мѣстахъ на востокѣ и западѣ, и потому Несторъ называетъ однихъ полянъ—руссовъ, а другихъ полянъ—ляховъ. Также тѣ и другіе были при Владимірѣ язычники одного культа, а потомъ христіане по болгарско-моравскому ученію, братьевъ Св. Кирилла и Меѳодія, еще до основанія Польскаго королевства въ 940 г. Но вотъ этотъ ляхъ какъ будто испортилъ все польское дѣло; изъ-за него погибло потомъ цѣлое государство на слѣдующихъ основаніяхъ: арабскіе и персидскіе писатели называютъ Кіевъ Куявою. Такіе же куявы, кіевы — встрѣчаются въ старой Польшѣ, лѣвѣе р.р. Вислы и Одры. Это доказываетъ, что собственно поляне, народъ у Днѣпра и Вислы, были сродны, не отличались другъ отъ друга ничѣмъ, это было одно племя, жившее родами, со своимъ міромъ и старшиною и занимавшееся земледѣліемъ на всей своей землѣ, которая тогда принадлежала общинѣ, народу, но не какимъ-то повелителямъ, которыхъ въ то отдаленное время не знали. Пясты и Рюрики еще не народились. Имя ляхъ появляется впервые въ XI ст. и ими называютъ жителей лѣвѣе Вислы, а поляне опять стоятъ отдѣльно. Филологически объясняютъ, что ляхъ значитъ сильный, благородный, обладатель земли, землевладѣлецъ, хотя настоящій корень этого прозвища пока не отысканъ. Литовцы, древніе сосѣди русскихъ и полянъ, называютъ поляковъ ленкасами, а ихъ землю Ленкуземе. Угры ихъ зовутъ почти также. Это напоминаетъ

нѣсколько лены, ленное право и совпадаетъ съ единоличнымъ владѣніемъ землею. Во всякомъ случаѣ все это встрѣчается и употребляется по лѣвой сторонѣ Вислы, въ Старой Польшѣ, гдѣ Гнѣзно, Крушевацъ и гдѣ находилась польская корона. Тамъ же находится не мало урочищъ обровъ. Обрами называли оваръ, которые неистовствовали въ 559 г. среди полянъ-дулѣбовъ. Напоръ съ юга вѣроятно тиверцевъ, которые по р. Днѣстру имѣли множество городовъ и были многочисленны, заставили обровъ-аваръ двинуться къ сѣверу, къ Вислѣ, гдѣ они и осѣли по лѣвой сторонѣ, вокругъ Гнѣзно и Крушеваца. Набѣгамъ этихъ хищниковъ положилъ предѣлъ въ VII ст. въ первый разъ, царь Само въ Чехіи и Моравіи. Выгнанные оттуда, они, по всей вѣроятности спасаясь, снова очутились по сосѣдству среди польскихъ полянъ. Нѣмецкіе и чешскіе писатели отмѣчаютъ, что въ періодъ времени VIII по X столѣтіе тутъ случилось что-то особенное; что среди народа, полянъ, появилось новое этнографическое начало: властелинъ въ отличіе отъ порабощенныхъ; что народилось небывалое дотолѣ дворянство, верховенство, вмѣсто міра, со своимъ смуглымъ типомъ, въ отличіе отъ свѣтлаго въ народѣ. Возникъ новый строй ленный; міръ подчинился властелину, народъ сдѣлался крѣпостнымъ, быдломъ, только работникомъ на ленахъ. Такъ какъ то же самое случилось въ Венгріи, гдѣ такимъ же образомъ порабощены были славяне, венграми—уграми и вся земля съ населеніемъ очутилась во власти покорителей, а въ 962 г., русскія племена, призвавъ Рюрика, отдали свои земли и себя въ такое же беззавѣтное подданство, хотя бы по избранію, то не можетъ быть сомнѣнія, что велико и малополяне подпали нехотя подъ власть разбойниковъ аваровъ-обровъ во всей Польшѣ, гдѣ такимъ образомъ образовался особый классъ людей, повелителей, не имѣющихъ ничего общаго собственно съ народомъ. Также сами поляки, но не польскій народъ, говорятъ, похваляются, что они не славяне, и это совершенно вѣрно по отношенію всѣхъ польскихъ пановъ, магнатовъ и шляхты, безразлично всѣхъ коренныхъ католиковъ. Исключеніе слѣдуетъ сдѣлать для тѣхъ бояръ и дворянъ, русскихъ людей, Западно-Русскаго края, которые, какъ историческіе ренегаты, принявъ унію и потомъ католицизмъ, обратились по духу и языку въ поляковъ. Нравъ и характеръ славянъ всѣмъ извѣстенъ и, по выраженію Бисмарка, онъ мягокъ, гибокъ, женственъ. Таковъ онъ и теперь въ простолюдинѣ, въ Польшѣ, Бѣлоруссіи и на Украйнѣ. Совершенно иныя качества встрѣчаются среди польской шляхты, дворянства и высшаго общества, куда вошло впослѣдствіи не мало армянъ, жидовъ съ XIV ст., татаръ и нѣмцевъ, хотя съ преобладаніемъ основного элемента—обровъ. Ихъ высокомѣріе, гордость, фа-

натизмъ, своеволіе, самолюбіе и тщеславіе рѣзко отличаютъ народъ отъ шляхты. Всѣ эти качества вмѣстѣ съ типомъ: темные волосы и глаза, указываютъ на юго-восточное происхожденіе, на аваръ, которые вмѣстѣ съ ихъ сосѣдями болѣе даровитыми лаками, двинулись въ III ст. съ Кавказа къ западу и долго громили славянъ и полянъ, пока не сѣли послѣднимъ на шею. Изъ мнимыхъ полянъ и лаковъ сдѣлались поляки, какъ имѣются тѣ же авары въ Далмаціи, около моря: морлаки.

Чтобы, какъ слѣдуетъ обрисовать Западно-Русскій край, для настоящаго пониманія его злоключеній, необходимо бросить бѣглый взглядъ на Литву, его сосѣдку, которая имѣла неотразимое вліяніе на судьбу всего русскаго народа Кіевской Руси: на Бѣлоруссію и Украйну. Законъ Ярослава I на великокняжескій престолъ имѣлъ пагубное вліяніе на единство власти въ тогдашней Россіи. Пошли междоусобицы, изгнаніе князей и ихъ убійства. Послѣдовательности не существовало, что привело къ началу XIII ст. къ разслабленію княжествъ, сотворило князей-изгоевъ и къ перенесенію Кіевскаго великокняжескаго престола, въ лицѣ Андрея Боголюбскаго, изъ Кіева во Владиміръ въ 1169 г. Кіевская Русь распалась на множество мелкихъ княжествъ, волостей, изъ коихъ ни одно не было въ силахъ отстоять свою независимость, а это привело къ разгрому и татарскому игу въ 1237 году.

Литва, за время первыхъ Рюриковичей, проживая въ своихъ дремучихъ лѣсахъ, около Варяжскаго моря, была языческая, съ суровыми нравами, имѣла своихъ вождей и князей и платила дань Кіеву лыками и вѣниками. Не задолго однако же до появленія татаръ, литовскіе вожди, пользуясь слабостью сосѣдей, русскихъ князей, захватили области полоцкихъ, туровскихъ и даже смоленскихъ княженій. Литовскій князь Миндовгъ захватилъ городенскую (Гродненскую) землю и сосѣдственныя съ нею области, не много церемонясь съ беззащитными русскими князьями. Притворно онъ принялъ христіанство отъ папы и короновался въ городѣ Новогрудкѣ, но это не помѣшало его противникамъ его убить въ 1263 г. Послѣ разныхъ приключеній при польскихъ сношеніяхъ съ Галицкою Русью и съ русскою народностью въ 1315 г. восходитъ на престолъ Литвы Гедеминъ, который нуждался въ опорѣ русской народности. Въ это время русскія области, хотя и покоренныя татарами, искали въ свою очередь иного покровителя и потому признали власть Гедемина, отвергнувъ таковую татаръ. Такимъ образомъ Витебская область, Луцкъ и Волынь, по родственнымъ связямъ ихъ князей съ семьею Гедемина, присоединились къ Литвѣ. Онъ же вмѣшивался въ дѣла Пскова и Новгорода и, будучи въ родствѣ съ Владимірскимъ великимъ княземъ

Семеономъ Гордымъ, дѣлалъ то же самое, что творилось въ Москвѣ: оба великіе князя, на Руси и въ Литвѣ, собирали свои земли и должны были встрѣтиться когда-нибудь и это не обошлось впослѣдствіи безъ войнъ и кровавыхъ событій. Гедеминъ до конца жизни, 1341 г., оставался язычникомъ, хотя два раза былъ женатъ на христіанкахъ, но онъ не препятствовалъ распространяться христіанству, почитая однако же язычество и признавая его народною, государственною религіею. Послѣ немалыхъ смутъ, великимъ княземъ Литовскимъ былъ признанъ сынъ Гедемина, Ольгердъ (1345—1377 г.). Онъ отнялъ у татаръ земли: Кіевскую, Подолію и другія и даже доходилъ до Москвы. При немъ Литва уже утвердилась на всемъ пространствѣ отъ Балтійскаго до Чернаго морей, отъ р.р. Угры и Оки, до З. Буга. Итакъ, къ концу княженія Ольгерда, вся Кіевская Русь очутилась во власти Литвы. А за это же время пресѣкся родъ Рюриковичей въ Галицкой Руси, которую захватила Польша въ 1340 году при Казимірѣ Великомъ. Такимъ образомъ, къ половинѣ XIV ст. вся Бѣлоруссія и Украйна съ Червонною Русью не принадлежали больше Рюриковичамъ, старой Кіевской и Московской Руси, а Литвѣ, съ судьбою которой онѣ связались надолго и потомъ, какъ увидимъ, и Польшѣ, по наслѣдственному и захватному праву.

Ольгердъ былъ два раза женатъ на русскихъ княжнахъ, и его наслѣдникъ Ягайло, рожденный отъ Іуліаніи, Тверской княжны, былъ крещенъ и воспитанъ въ правилахъ греческаго православія. Его княженіе длилось съ 1377—1434 г. и тѣсно связано съ польскими дѣлами, которыя какъ бы слились съ литовскими. Въ Польшѣ одновременно царствовала Ядвига, которая по желанію и указанію польскихъ магнатовъ, должна была выйти замужъ за великаго князя Литовскаго Ягайло, который въ свою очередь обязался предъ Польшею соединить всѣ свои литовскія владѣнія и пріобрѣтенія съ Польшею и принять католичество, сдѣлавшись польскимъ королемъ. Бракъ состоялся въ Краковѣ, и Литва соединилась съ Польшею династически въ 1369 году. Съ этого года Кіевская Русь очутилась какъ бы подъ скипетромъ Польши, Варшавы и католичества и началось постепенное истребленіе всего русскаго по всей Литвѣ: языка, православія, нравовъ и обычаевъ. Но къ счастью, вся эта польщизна не могла проникнуть глубоко въ русскій народъ, который, несмотря на всевозможныя гоненія, угнетенія и рабство, остался вѣренъ завѣтамъ Владимірской, Кіевской Руси.

Новобрачные, пріѣхавъ въ Вильну въ 1370 г., начали съ уничтоженія литовскихъ языческихъ святынь. Язычники, уже знакомые, чрезъ русскихъ, съ христіанствомъ, не противились и окропленные святою католическою водою, надѣлялись христіанскими именами.

Одновременно вводили польскій общественный порядокъ, юридическія польскія установленія и прибѣгали ко всякимъ мѣрамъ для сліянія жителей литовскаго государства съ польскою народностью. Права не-католиковъ были тогда же ограничены, а смѣшанные браки воспрещены. Принудительныя мѣры со стороны католичества очень скоро развили рознь между католиками и не-католиками, въ особенности во всѣхъ русскихъ областяхъ, которыя глубоко чувствовали нарушеніе религіозной свободы. Въ Литвѣ также раздался ропотъ, что ихъ великій князь живетъ постоянно въ Краковѣ; что католическое духовенство и поляки надѣляются литовскими землями, и что поляки проявляютъ свое господство и затрогиваютъ даже частную жизнь. Все это вызвало возстаніе и во главѣ явился Витовтъ. Испуганный Ягайло выдалъ въ 1392 г. Витовту грамоту на великокняженіе, но въ зависимости отъ польскаго короля. Не касаясь его княженія, отмѣтимъ только, что въ 1413 г. собрался въ Городнѣ польско-литовскій сеймъ, гдѣ торжественнымъ актомъ скрѣплено было соединеніе Польши съ Литвою въ одно государство, при чемъ уравнены были права литовцевъ-католиковъ съ правами польской шляхты. Это объединеніе подѣйствовало на многихъ слабыхъ русскихъ людей Литвы, которые обратились въ польскую шляхту, измѣнивъ своей вѣрѣ и языку. При Витовтѣ же всѣ русскіи области были изъяты изъ-подъ власти московскаго митрополита, и когда константинопольскій патріархъ на это не согласился, то Витовтъ принудилъ, соборомъ всѣхъ западно-русскихъ епископовъ, избрать себѣ въ митрополиты кіевскаго болгарина Григорія Цамблака. Это уже было конечное отторженіе отъ Московскаго государства. Хотя послѣ Витовта было не мало разногласія между Польшею и Литвою при сильныхъ потрясеніяхъ для Польши, однако конечная власть оставалась все-таки въ рукахъ Польши и ея короля, какъ главы соединеннаго королевства.

Одновременно стала проникать въ Литву и Западную Русь польская гражданственность, и все княжество съ уѣздами, съ ихъ правителями, получило польскія учрежденія. Города жалованы были магдебургскимъ правомъ, т. е. самоуправленіемъ. Нахлынули польскіе управители, судьи и съ ними евреи. Главнымъ препятствіемъ къ окончательному возсоединенію была все-таки вѣра, которую ревниво охраняло отъ католичества все русское населеніе. Но и здѣсь, по завладѣніи русскими землями, поляки сумѣли водворить католическія епископства,—въ Галичѣ, Перемышлѣ, Луцкѣ и Каменцѣ въ 1362 г. и даже захватить нѣсколько русскихъ церквей обращеніемъ ихъ въ католическіе каѳедральные соборы и даже съ разореніемъ русско-княжескихъ могилъ въ Перемышлѣ. Оконча-

тельно вопросъ о соединенiи Литвы съ Польшею былъ рѣшенъ въ Люблинѣ въ 1569 г. на съѣздѣ польско-литовскихъ представителей. Образовалось на равныхъ правахъ одно государство: Рѣчь Посполитая съ сенатомъ въ главномъ городѣ Варшавѣ. Литва однако же все-таки сохранила номинально свой статутъ по-русски, свое войско, особыхъ правительственныхъ лицъ и свою печать.

За это же время, распространилось въ Польшѣ ученiе реформацiи, къ которому примкнуло не мало лицъ и семействъ польскаго дворянства. Ксендзы и католичество очень этимъ встревожились и приняли къ себѣ съ распростертыми объятiями iезуитовъ, разосланныхъ папою, для подавленiя новаго ученiя. Это по разрозненности протестантства удалось легко. Въ Вильнѣ были учреждены школы, а потомъ академiя iезуитскаго покроя. А далѣе начали насаждать такiя же коллегiи и школы въ другихъ городахъ и по западной Руси. Уже тогда Польша совокупно съ папою и всею католическою Польшею начали засматриваться на Россiю Iоанна IV, но такъ какъ посланникъ Поссевинъ потерпѣлъ неудачу при русско-московскомъ дворѣ, то было рѣшено употребить всѣ усилiя къ совращенiю изъ православiя все русское въ Западномъ краѣ населенiе и, сдѣлавъ это, воздѣйствовать потомъ на Россiю. Папа стремился поглотить Россiю своимъ главенствомъ по вѣрѣ и церкви, а Польша шла тѣмъ же путемъ, туда же, чтобы объединиться съ Россiею, какъ то случилось съ Литвою, и повелѣвать всѣмъ русскимъ народомъ, до Волги, какъ то ей удалось сдѣлать съ литовскимъ и русскимъ населенiемъ вплоть до границъ Россiи. Съ этого времени начинается борьба на жизнь и смерть между Польшею и Россiею и объясняются всѣ послѣдующiя событiя всего нашего смутнаго времени отъ Лже-Дмитрiя, до избранiя на царство Михаила Θеодоровича въ 1613 г.

Но такъ какъ окончательное слiянiе русскаго народа по вѣрѣ шло крайне туго, не поддавалось католичеству, то придумали что-то среднее: унiю, т. е. признанiе папы, со службою по-славянски и съ постепеннымъ переходомъ всѣхъ обрядностей православiя въ католичество и обращенiемъ православныхъ церквей въ католическiя. Но и это дѣло до появленiя iезуитовъ не удавалось: русскiй народъ противился, православные епископы и духовенство не поддавались, да и многiе русскiе бояре этому препятствовали во главѣ съ княземъ Константиномъ Острожскимъ. Тогда прибѣгли къ незаконному средству и начали раздавать духовныя должности съ ихъ имуществами, церквями, приходами и монастырями частнымъ владѣльцамъ, которыхъ накопилось въ Западно-Русскомъ краѣ больше, чѣмъ нужно. Высшiя должности, епископскiя, очутились въ рукахъ

знатной шляхты, которая, подражая въ жизни распущенной польской знати, попирала законы, преданія и обычаи русской жизни до полнѣйшаго растлѣнія вѣры.

Если еще что поддерживало русскую вѣру и народность, то это были братства при приходахъ со своими приходскими уставами, что на Руси было установлено издавна и имѣло особое значеніе въ день церковнаго праздника. Эти братства сильно тормозили дѣло окатоличенія, но и это учрежденіе успѣли въ 1586 г. преобразить во всесословное и отняли у него тотъ народно-православный духъ, который крѣпко стоялъ на старыхъ завѣтахъ. Утвержденіе новаго, не-народнаго братства во Львовѣ и подчиненіе ему всѣхъ братствъ Западно-Русскаго края съ утвержденія вселенскаго антіохійскаго патріарха Іоакима, отняло у русскихъ людей послѣднюю народную опору. Послѣ этого начались жестокіе споры между епископами за и противъ католичества и изъ-за уніи. Закончилось это дѣло, со страстями, подвохами и подлогами въ Брестѣ въ 1596 г., когда король Сигизмундъ III, взявъ подъ свою защиту измѣнниковъ православія Терлецкаго и Поцѣя, объявилъ манифестомъ о соединеніи церквей и объ упраздненіи русской вѣры, введеніемъ повсюду уніи. Такое своеволіе, незаконное и насильственное дѣло было причиною появленія по всей западной Руси открытаго раскола: на церковь православную и уніатскую. Не вполнѣ удачное рѣшеніе возсоединенія въ Брестѣ и появившійся расколъ вызвали новыя притѣсненія, королевскія грамоты съ карою и отлученіемъ отъ церкви противниковъ.—Митрополита кіевскаго Никифора, главнаго дѣятеля въ сопротивленіи и намѣстника константинопольскаго патріарха, заточили и уморили голодомъ. А между тѣмъ православныя церкви запечатывались, церковныя имѣнія расхищались, дѣти начали умирать безъ крестинъ, въ монастыряхъ содержался скотъ, а монахи разбѣжались, умершіе зарывались безъ молитвы, народъ остался безъ исповѣди, всякія таинства прекратились. Если не уніатъ, то ему не было ходу. И тутъ же всѣ каѳедры православныхъ митрополитовъ остались вакантными. Это продолжалось до 1620 г., когда въ это дѣло вмѣшался константинопольскій патріархъ Ѳеофанъ. Онъ, пользуясь неурядицею въ Польшѣ, посвятилъ новыхъ 3-хъ митрополитовъ въ Кіевѣ, Перемышлѣ и поставилъ въ Полоцкъ Борецкаго. Католичество прокляло послѣдняго, но дѣло было сдѣлано и не было поворота обратно.

Такое положеніе дѣлъ среди русскаго населенія имѣло послѣдствіемъ кровавую расправу; такъ, въ 1624 году, преслѣдованіе православныхъ католическимъ епископомъ полоцкимъ Іосафатомъ Кунцевичемъ закончилось его убійствомъ въ Витебскѣ. Одновременно

русскіе люди, въ особенности братства признавали, что безъ просвѣщенія народа и въ особенности ихъ учителей, духовенства, трудно было бы бороться съ католичествомъ и потому начали обзаводиться школами. Между этими особенное значеніе имѣла Богоявленская школа въ Кіевѣ, которую всѣми средствами поддерживалъ архимандритъ Кіевопечерской лавры, знатный Петръ Могила, впослѣдствіи кіевскій митрополитъ. Его система противодѣйствія католичеству и польщизнѣ состояла въ томъ, чтобы способами іезуитовъ, ихъ ученостью и ученіемъ, соорудивъ крупную нравственную ограду въ православіи, выбивать изъ русскихъ земель и народа всю неправду: колъ коломъ. Преобразивъ Богоявленскую школу въ духовную академію, съ новымъ ученіемъ и съ отправкою молодежи за границу, во Львовъ и Римъ, онъ основалъ цѣлое поколѣніе достойнѣйшихъ пастырей.

Онъ сдѣлалъ для всей Кіевской Руси, для православія и русскаго народа столько же въ нравственномъ смыслѣ, сколько впослѣдствіи сдѣлалъ Петръ Великій въ государственномъ смыслѣ для всей Россіи.

Тѣмъ не менѣе корни зла со стороны Польши были пущены по всему краю глубоко. По акту Люблинской уніи, вся Волынь, Кіевщина, Брацлавское воеводство, Подляхія отдѣлились отъ Литвы и вошли въ составъ Польскаго государства. Польскіе помѣщики получили право казнить смертью своихъ слугъ и крестьянъ закрѣпощенныхъ, которые находились на положеніи рабовъ—хлоповъ и зависѣли всецѣло отъ воли своего пана. Паны, съ своей стороны, всѣ, какъ были, воображали себя равными между собою и даже не уступали королю. Это соревнованіе и своеволіе не знали предѣловъ, и сеймы то и дѣло срывались. Развилась одновременно небывалая роскошь среди пановъ и шляхты, и на съѣзды, сеймы, поляки являлись въ пышнѣйшихъ костюмахъ, всякихъ народовъ свѣта; это не были уже польско-народные съѣзды, а безпрестанный маскарадъ, погоня за красотою, богатствомъ и знатностью. Бывало, что убранство коней этихъ пановъ, уборъ, чепраки, составляли цѣлыя состоянія, а если къ этому прибавить еще костюмъ всадника, то это было такое богатство, которымъ можно было купить нѣсколько староствъ... Заниматься хозяйствомъ и хлопомъ, и добывать деньги работою не полагалось; для этого были слуги, шляхта и главные факторы евреи, крѣпко водворившіеся въ Польшѣ съ XIV ст., съ Казиміра Великаго и введенія магдебурскаго, автономнаго городского права, съ ремесленно-цеховымъ устройствомъ. Вліяніе Польши на Кіевщину перенеслось на лѣвую сторону Днѣпра, на Полтавскую и Черниговскую области. Паны, нуждаясь все въ большихъ и большихъ средствахъ, желая,

всѣ быть королями, не стѣсняясь ничѣмъ, только требовали и драли съ холопа, раба, что только могли. Русскіе съ ихъ православіемъ считались за схизматиковъ, еретиковъ, отступниковъ отъ Бога, а потому съ ними и съ ихъ святынями можно было дѣлать, что заблагоразсудится. Появились небывалые налоги: за улей, за вола, за помолъ. Аренда евреями широко примѣнялась, и въ эту аренду вошли православныя церкви. Вымогали у крестьянина послѣдній грошъ: наложили пошлину за крещеніе младенца, за вѣнчаніе, погребеніе, освященіе пасхи и за всякія требы. Невозможность такъ жить вынуждала хлоповъ, рабовъ, бѣжать въ привольныя степи, гдѣ подъ конецъ народилась та казачья сила, которая первая показала Польшѣ, что такое русскій человѣкъ въ конечномъ его озлобленіи.

Этими вольными людьми, на коняхъ, казаками пользовалась Польша давно на крайнемъ востокѣ, съ XIV ст., какъ пограничнымъ войскомъ, отъ татаръ и набѣговъ, и тогда же они получили кой-какія права въ родѣ владѣнія землею и свое устройство по полкамъ. Вотъ эти-то казаки, обиженные въ свою очередь поляками, возстали за свою вольность, за русскій народъ и православіе и натворили неисчислимыя бѣды Польшѣ, закончивъ, какъ это изложено, присоединеніемъ сегобочной Украйны съ Кіевомъ, нынѣшней Малороссіи, къ Россіи въ 1654 г. „Волимъ подъ Царя восточнаго“ было сказано гетману Хмѣльницкому, на радѣ въ Переяславѣ, и это было началомъ предстоящихъ дѣйствій Петра Великаго и раздѣла Польши при Екатеринѣ II. Прибавимъ только къ тому, что сказано, что изъ-за присоединенія Малороссіи къ Россіи возгорѣлась война съ Польшею въ 1655 г. Русскіе взяли Вильну, Ковно и Гродно. Хмѣльницкій дошелъ до Люблина. Польша погибала. Царь Алексѣй Михайловичъ принялъ титулъ великаго князя Литовскаго, а король Янъ Казиміръ бѣжалъ въ Силезію. Наконецъ дошло до того, что на сеймѣ въ Вильнѣ рѣшили предложить царю Алексѣю Михайловичу корону польскую, за отреченіемъ отъ престола бездѣтнаго короля Яна Казиміра.

Эта тяжелая исторія русскаго народа подъ владычествомъ Польши съ ея политически-религіозными экспериментами могла бы, кажется, научить, какъ идти дальше, какъ устроить къ добру все то, что входило въ Русское государство, что говорило на одномъ языкѣ, что исповѣдывало почти одну вѣру, хотя бы въ искаженномъ уніатскомъ духѣ, все то, что называется Кіевскою Русью! Но, какъ видно, русская судьба измѣнчива, вмѣстѣ со складывавшимися обстоятельствами послѣдующихъ послѣ Екатерины II царствованій. Болѣе всего мѣшало колебаніе отъ милости къ строгости, отъ государственности къ равнодушію и непониманію своей задачи, а то и отъ незнанія своей исторіи.

Павелъ I, за короткое свое царствованіе, почти ничего не сдѣлалъ для этого вновь присоединеннаго и возвращеннаго восвояси края. Александръ I, въ своихъ войнахъ за Австрію и Пруссію, также въ началѣ ничего не сдѣлалъ. Да и это не было въ его характерѣ,—съ идеями то Лагарпа, то поэта Жуковскаго! Его дружба съ кн. Чарторыйскимъ не дозволяла ему вникнуть въ сущность польскаго вопроса, тогда какъ этотъ злой геній всего русскаго только и думалъ о томъ, какъ бы вырвать Польшу изъ рукъ Россіи. Онъ въ удобную минуту напѣвалъ Александру I о всѣхъ прелестяхъ польской жизни, но не думалъ о русскомъ народѣ, о русскомъ государствѣ. Это было не его дѣло, и потому, когда онъ былъ назначенъ попечителемъ Виленскаго округа, расцвѣли всѣ поляки, все католичество; пошла въ широкихъ размѣрахъ польская рѣчь, польскія школы получили широкій полетъ во всей Литвѣ и Бѣлоруссіи. Виленскій университетъ и католическая духовная академія, находясь подъ особымъ его покровительствомъ, широко раскинули свои крылья и не только православіе, но и уніаты были принижены до безмолвія. Русская рѣчь существовала только въ избѣ. Во всѣхъ городахъ до Днѣпра была одна рѣчь, польская. А вмѣстѣ съ этимъ торжествовало и широко жило все католическое духовенство, въ сущности свѣтскіе владыки покорно-смиреннаго русскаго народа! Витебская, Могилевская, Минская, Гродненская губерніи, въ духовномъ смыслѣ, представляли изъ себя мертвое море съ инфузоріями—людьми, только живущими, но не дѣйствующими!

Въ 1807 г., по Тильзитскому миру, присоединили Бѣлостокскую область въ обмѣнъ на Тираспольскую изъ-подъ Волыни. Но одновременно, волею Наполеона I, образовалось герцогство Варшавское, годное не столько для поляковъ, какъ для самого Наполеона, какъ авангардъ для воздѣйствія на Россію, а для этого тамъ находились французскіе агенты и такое же войско, которое усиливалось изъ года въ годъ. Понятно, что все то польское, что жило въ видѣ помѣщиковъ въ Западномъ краѣ, пѣло по камертону Варшавы, и на Руси установились порядки жизни и понятія, которые съ виду только признавали императора Александра I, а въ дѣйствительности были до безумія преданы Наполеону. Такъ подошелъ 1812 г. и, какъ только императоръ Александръ I выѣхалъ изъ Вильны, гдѣ поляки ему оказывали величайшую низкопоклонность, тамъ, вслѣдъ за нимъ, появился Наполеонъ I, поляки ему немедленно выразили свою особую вѣрноподданность съ жертвами во всѣ стороны. Польскій корпусъ Понятовскаго довершалъ общій восторгъ, и все дворянство со шляхтою принялось за травлю всего русскаго. Одинъ народъ, бѣлоруссъ, не понималъ, что случилось, и по инстинкту бѣжалъ,

безъ оглядки, въ лѣса, сжигая свои деревни... Закончившаяся кампанія въ 1812 г. застала весь край, по широкому пути отъ Вильны на Витебскъ и Смоленскъ, вполнѣ разореннымъ и долго, очень долго, эти бѣдные бѣлоруссы и литовцы питались изъ года въ годъ хлѣбомъ съ древесной корой. Народъ ослабъ и совсѣмъ замолчалъ. Русское духовенство бѣдствовало не хуже народа... Въ вознагражденіе за убытки 1812 г. и за походы до Парижа Александръ I потребовалъ себѣ герцогство Варшавское, имъ завоеванное. На Вѣнскомъ конгрессѣ въ 1815 г. разногласія почти что довели до войны, но все устроилось, и герцогство подъ названіемъ царства Польскаго осталось за Россіею. Не даромъ же польскія женщины колѣнопреклоненно просили Александра I принять Польшу въ лоно русскихъ владѣній. Ихъ мольбы были милостиво услышаны.

Казалось бы, что это на пользу Россіи, однако особый взглядъ Александра I на свое государство и на окраины причинилъ намъ почти непоправимый вредъ. Императоръ возвратилъ Финляндіи, чисто русскія владѣнія, временъ Петра В., отдѣливъ ее отъ Россіи. То же самое онъ сдѣлалъ съ царствомъ Польскимъ, давъ ему конституцію, Сенатъ, войско, монету, оставивъ тамъ дѣйствовать codex Наполеона. А во главѣ управленія былъ поставленъ намѣстникъ, въ лицѣ его брата великаго князя Константина Павловича, женатаго на полькѣ, графинѣ Ловичъ. Спрашивается, неужели вся Россія была меньше достойна для усовершенствованнаго управленія, чѣмъ Финляндія и въ особенности Польша? А намѣстникъ, между тѣмъ, нигдѣ не нравился, начиная съ похода Суворова въ Италію. Тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься русскому человѣку, и тѣмъ болѣе, что Сперанскій за одинъ проектъ, весьма слабой конституціи, былъ удаленъ отъ двора, сосланъ въ Сибирь, будто ею управлять. Мы полагаемъ, что на всѣ эти несообразности имѣло вліяніе воспитаніе Александра I, во французскомъ духѣ, при помощи русской поэзіи.

Кстати упомянемъ здѣсь вскользь о Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ бароны, съ согласія русскаго правительства, освободили крестьянъ, латышей и эстовъ отъ крѣпостной зависимости въ 1817 и 1819 г. Если бы такое великое дѣло сопровождалось земельнымъ надѣломъ, то не было бы послѣдующихъ недоразумѣній. Въ этомъ освобожденіи нѣмецкіе бароны обманули русское правительство, которое не предусмотрѣло, что все это дѣло покоится на нѣмецко-баронскихъ выгодахъ, на сдачѣ земель въ аренду безземельнымъ батракамъ, при чемъ аренда можетъ возвышаться, а хозяйство барона будетъ упрощено: командуй, взыскивай и отдыхай. Въ конецъ разоренное крестьянство кинулось въ Псковскую и Витебскую губерніи, дошло до Воронежской и до Кавказа и въ 1848 г., принимая только изъ нужды

православіе, искало спасенія у православнаго духовенства, но его разумѣется не нашло, было наказано и отвержено. Такимъ образомъ, весь западъ Россіи, отъ Финляндіи до Польши, оказался давно съ зародышемъ неудовольствій и волненій для будущаго времени. А Западно-Русскій край, послѣ всего изложеннаго, находился въ полной власти поляковъ-помѣщиковъ и ихъ многочисленныхъ факторовъ евреевъ, отъ которыхъ со времени Елисаветы Петровны отняли только произволъ въ обрядовыхъ налогахъ, за то экономическая сторона, до послѣдней курицы, была сполна въ ихъ рукахъ.

Уже подъ конецъ царствованія императора Александра I показались ростки революціи, но они затихли на время, и новый императоръ Николай Павловичъ, изъ уваженія ли къ своимъ старшимъ братьямъ или изъ-за особаго вниманія къ великому князю Константину Павловичу, намѣстнику Царства Польскаго, нашелъ нужнымъ короноваться польскою короною. И взошелъ на польскій престолъ первый русскій государь. Поляки однако жъ думали иначе и, забывъ прошлое, полагали, что и съ русскимъ царемъ имъ можно справляться точно также, какъ со своими королями. Такому положенію вещей много содѣйствовалъ великій князь намѣстникъ, своимъ неровнымъ характеромъ и непониманіемъ поляковъ. Бунтъ 1831 г., а за нимъ волненія среди поляковъ во всемъ Западно-Русскомъ краѣ, обнаружили истинныя чувства поляковъ къ своему государю и къ Россіи. Возстаніе было подавлено кн. Паскевичемъ, который надолго сдѣлался намѣстникомъ и твердо управлялъ страною новымъ органическимъ статутомъ, по которому Польша получила устройство, сходное съ устройствомъ русскихъ областей. Войска польскія были раскассированы, университеты въ Варшавѣ и Вильнѣ закрыты, и многіе виновники бунта въ Польшѣ и Литвѣ сосланы. Адамъ Чарторыйскій, переодѣвшись конюхомъ, пробрался за границу! Послѣ этого поляки держали себя спокойно до 1862 г. Страна расцвѣла, и благоденствіе народа было полное, но въ умахъ шляхты отъ Вильны до Днѣпра и З. Двины не укладывалось понятіе о русской власти; они все продолжали мечтать о Рѣчи Посполитой и liberum veto!

Съ русской стороны не мало думали, какъ бы ослабить этотъ польскій напоръ, какъ бы уменьшить его силу и численность. Уже при Екатеринѣ II, уніаты Западно-Русскаго края начали присоединяться къ православію, и это дѣло шло ходко; въ два года съ 1794—1796 г., присоединилось болѣе $1^1/_2$ м. душъ. Они же изъяли за это время изъ подъ римской куріи своихъ подданныхъ католиковъ, передавъ ихъ въ вѣдѣніе католическаго митрополита Сестренкевича. Чтобы устроить бѣлоруссовъ и изъять ихъ изъ вѣдѣнія римско-католической коллегіи, императоръ Николай I учредилъ

греко-уніатскую коллегію для управленія дѣлами уніатовъ, а затѣмъ эти дѣла перешли въ вѣдѣніе оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Эти перемѣны повліяли на то, что высшее уніатское духовенство, съѣхавшись въ Полоцкѣ въ 1839 г., сдѣлано постановленіе просить государя о разрѣшеніи уніатамъ присоединиться къ прародительской православной Всероссійской церкви. Императоръ согласился, и упія въ лицѣ многомилліоннаго народа пала легко, безъ всякихъ послѣдствій. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ видномъ дѣлѣ, объединенія по вѣрѣ съ русскимъ народомъ и государствомъ, всей Бѣлоруссіи и отчасти Украйны былъ Іосифъ Симашко, затѣмъ литовскій митрополитъ. Въ 1875 году случилось то же самое въ Холмской епархіи, и съ тѣхъ поръ въ Западно-Русскомъ краѣ нѣтъ болѣе уніатовъ. Они существуютъ и прозябаютъ въ Галиціи и Венгріи. Этотъ актъ возсоединенія уніатовъ съ православіемъ былъ не менѣе важенъ, чѣмъ возсоединеніе Кіевской Руси съ Россіею при Екатеринѣ II. Народъ такимъ образомъ совершенно отдѣлился, по своей совѣсти, отъ католиковъ-помѣщиковъ и имѣлъ свою особую, только для себя, церковь и своихъ духовныхъ отцовъ, могъ хоть съ этой стороны вздохнуть свободнѣе. Но до полной свободы было еще далеко, а власть помѣщика была велика, вѣдь всѣ они, дворяне, какъ будто служили государству во имя тишины и спокойствія, и потому экономическая сторона народа и отчасти его духовенства находилась все еще въ цѣпкихъ рукахъ пановъ католиковъ, арендаторовъ, управляющихъ, всей этой шляхты—и въ особенности евреевъ. Жить народу все еще было очень трудно, хлѣбъ былъ дурного качества, и къ началу царствованія императора Александра II въ 1855 году нищета въ народѣ чувствовалась великая.

19 февраля 1861 г. пали оковы крѣпостного права, и бывшій хлопъ, рабъ, освободился отъ пана. Но одновременно онъ попалъ въ кабалу міра, общества, которое по своей малоразвитости, темнотѣ, безграмотности и безпомощности, совсѣмъ атрофировало духъ, голосъ русскаго народа. Грубые, мало сообразительные волостные старшины, часто съ сомнительными качествами, выбираемые по назначенію и указанію, съ ихъ начальниками: мировыми посредниками, мировыми судьями и непремѣнными членами крестьянскаго присутствія, все люди собранные и назначенные правительствомъ, далеко не стояли на высотѣ своего призванія, мирволили полякамъ, будто высшей расѣ, и не защищали народъ отъ еврейскаго напора тамъ, гдѣ это случалось слишкомъ часто. Административно-полицейская власть въ губерніи была вялая, не понимавшая собственно русскаго дѣла и нерѣдко также входившая въ компромиссъ съ польскимъ обществомъ и всегда іезуитски настроеннымъ католическимъ духовен-

ствомъ. Оковы надъ народомъ пали, но правды, защиты, было не много. Дѣло раскрѣпощенія тянулось долго, около 40 лѣтъ, и было не легко для народа. Самымъ большимъ препятствіемъ, чтобы русскій народъ могъ бы встать на свои ноги и зажить своею собственною самостоятельною жизнью, была незаконченность раскрѣпощенія съ жизненной и экономической сторонъ. Свобода перемѣщенія, переселенія, совсѣмъ не коснулась раскрѣпощенія. Въ то время, въ 60-хъ годахъ, переселенцы изъ Полтавской губерніи, Украйны и не думали еще оставлять своихъ пепелищъ, а нищенская культура и почва въ Бѣлоруссіи, съ приниженностью народа, даже не знала, не понимала, что такое переселеніе. Народъ былъ скованъ и не свободенъ. Даже въ объемѣ своихъ сельскихъ произведеній на базарахъ, въ городахъ и мѣстечкахъ, онъ былъ стѣсненъ: подъѣдетъ къ околицѣ, и крестьянина обступаетъ куча евреевъ, сбивая цѣны на товаръ. Шумъ, гамъ вокругъ повозки невообразимый. Продавецъ ошеломленъ, а искусъ со всѣхъ сторонъ; его не пускаютъ на базаръ силою и, не зная настоящей цѣны, сбитый съ толку, мужикъ продаетъ свой товаръ за безцѣнокъ, лишь бы отдѣлаться отъ этой оравы безцеремоннаго захвата.

Въ 1862 г. министерство Валуева задумало улучшить церковно-обрядовое положеніе прежнихъ уніатскихъ церквей, изъ которыхъ многія обветшали, имѣли недостатки, а нѣкоторыя стояли запечатанными, такъ какъ послѣ присоединенія уніатовъ къ православію, католическіе помѣщики отказались отъ общенія съ схизматическимъ населеніемъ и для поддержанія церквей не было средствъ. Это дѣло приняла подъ свое покровительство императрица Марія Александровна. Отстройка и обновленіе церквей, съ многомилліонными затратами коснулись Витебской, Минской, Кіевской губерній и потомъ дошло даже до Холмщины и продолжалось около 15 лѣтъ. Одновременно появилось желаніе въ русскомъ обществѣ просвѣтить народъ и вмѣстѣ съ отстройкою церквей, по приговору сельскихъ обществъ, начали основываться сельскія школы, читальни, библіотеки. Но, къ несчастію, въ этихъ просвѣтительныхъ въ народномъ смыслѣ дѣлахъ не было системы, оно не было усвоено правительствомъ, которое только отстройкою и обновленіемъ бывшихъ уніатскихъ церквей полагало достичь конечной цѣли. Смыслъ просвѣщенія правильнымъ вѣроученіемъ, совокупно съ народною школою и съ улучшеніемъ земледѣльческаго хозяйства народа, лежалъ еще подъ спудомъ скудныхъ понятій о томъ, что такое Россія, что такое господствующій государственный языкъ и что такое любовь къ родинѣ, патріотизмъ, что такое, наконецъ, эта западная окраина? Все это въ то время покрывалось бюрократизмомъ, исполненіемъ безъ разсужденія и волею

центральныхъ въ Петербургѣ распорядителей, стоявшихъ часто не на высотѣ положенія, дѣйствовавшихъ по модѣ, по шаблону времени и потому слишкомъ часто спорящихъ только между собою, но на пользу дѣла и правды, а только изъ-за власти, зависти и первенства! Между тѣмъ весь русскій народъ Западнаго края, всегда признательный за малѣйшее вниманіе, встрѣтилъ отстройку церквей съ воодушевленіемъ и почти вездѣ постановлялъ возводить часовни съ иконою Александра Невскаго, ставить памятники, кресты, образа, лампады, и вездѣ благодарилъ государя за заботы о народѣ и его церквахъ. Дѣло дошло до того, что на сходахъ православныхъ по поводу церковно-строительнаго дѣла участвовали всѣ окружные русскіе люди, старообрядцы и на вопросъ, для чего они тутъ, отвѣчали: они, какъ русскіе люди, соединяются съ такими же православными, признавая своего единаго царя и стягъ русской народности. На церковную утварь отстраиваемыхъ церквей шли богатыя пожертвованія отъ императрицы, отъ купечества, изъ Москвы и другихъ городовъ. Это хорошее дѣло нашло поддержку въ Петербургѣ среди ученыхъ и обществъ, въ хорошихъ русскихъ людяхъ. Лекціи, рефераты, печать и ознакомленіе съ западно-русскимъ дѣломъ пошло довольно ходко и успѣшно. Но и время уже подоспѣло: сдѣлать что-нибудь было нужно, чтобы отстоять свои границы и права, такъ какъ вновь обнаружилось, въ 1863 г., что Царство Польское возстало бандами и уже переливается въ Литву, на Виленскую, Ковенскую, Минскую и Гродненскую губерніи. Дошло уже до того, что нашлись лица съ вѣсомъ, которые утверждали, что лучшее средство избавиться отъ этихъ періодическихъ возстаній было бы передать Царство Польское Пруссіи! Спасли Россію отъ позора умъ и твердость М. Н. Муравьева. Это былъ для того времени великій русскій человѣкъ, который не жалѣлъ крамольниковъ, зачинщиковъ, ксендзовъ, польскую знать, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зналъ убѣжденно, что дѣлалъ, за что каралъ. Казненныхъ, сосланныхъ, заключенныхъ, было не мало, а все-таки ихъ было гораздо меньше, чѣмъ въ Кіевскомъ и Варшавскомъ генералъ-губернаторствахъ. Онъ своими разумными распоряженіями сумѣлъ обуздать мутителей ксендзовъ и все католичество, опекая православіе съ его народомъ; онъ унялъ панство со шляхтою, указавъ ей границы своего хозяйничанья, и обложилъ всѣхъ землевладѣльцевъ поляковъ 10% сборомъ, т. е. ударилъ по тому карману, который давалъ средства къ возстанію. Онъ не пожалѣлъ графа Платера, который около Рѣчицы напалъ на военный транспортъ, но былъ схваченъ со всею бандою, старообрядцами около г. Рѣчицы и доставленъ къ Муравьеву. Графа Платера разстрѣляли, а Муравьева обвинили въ звѣрствѣ. Какъ бы тамъ ни было, но къ концу 1863 г.

бунтъ повсюду улегся, и можно было приступить къ радикальному излеченію польщизны, что и началось повсемѣстно. И это было вполнѣ возможно еще по той причинѣ, что вездѣ, собственно народъ: бѣлоруссы, малороссы и поляки, не принимали участія въ бунтѣ и возстаніяхъ. Поляки, шляхта, въ Западно-Русскомъ краѣ, лишившись голоса и многихъ привилегій, примолкли надолго, до 1904 г., и если направленіе, данное Муравьевымъ, не достигло окончательной цѣли, то въ томъ виною тѣ генералъ-губернаторы этихъ краевъ, въ Вильнѣ и Кіевѣ и Варшавѣ, которые если и были русскіе люди и слуги царя, но да проститъ имъ самъ Богъ, мало знали настоящую Россію, ея исторію, русскій народъ, такъ какъ всѣ они, за рѣдкими исключеніями и на короткій срокъ, были только царедворцами, и часто плохіе слуги интересовъ собственно Россіи, своего отечества! Въ Привислянскомъ краѣ произошли съ 1864 г. большія перемѣны: освобожденіе крестьянъ, губерніи увеличены вдвое, правительство стало на сторону народа и совсѣмъ его отдѣлило административно отъ помѣщиковъ и шляхты, давъ имъ самоуправленіе по гминамъ и съ сервитутами. Католическое духовенство очутилось подъ русскимъ контролемъ, и въ 1875 г. уніаты Холмщины возсоединены были съ православіемъ. Работа по Привислянскому краю Н. А. Милютина была благотворна для всего края и въ особенности для народа, который увидѣлъ свѣтъ. А когда затѣмъ были введены повсюду русскіе суды и мировыя учрежденія, русскій языкъ, русское просвѣщеніе до Варшавскаго университета включительно, то наступила совершенно новая эра, эра повиновенія русской власти и государственности, надолго. За прошедшіе послѣ того 30 лѣтъ, весь край расцвѣлъ, населеніе увеличилось, разбогатѣло, торговля Польши расширилась до всѣхъ краевъ Россіи, а поляки, получая образованіе во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи, очень скоро заполонили всю техническую сторону общей дѣятельности русской страны, что впослѣдствіи отразилось невыгодно для русскаго дѣла, для общаго спокойствія и выполненія службы честно и по присягѣ вѣрноподданныхъ. Эти rêveries, какъ выразился императоръ Александръ II, слишкомъ были увлекательны полякамъ, которые никакъ не могли помириться съ тѣмъ, что не они побѣдили, что не шляхтичъ сидитъ на ихъ безкоролевіи, а Россія и императоръ всероссійскій.

Послѣ 1863 г., дворянство, польская шляхта и католическое духовенство въ Зап.-Русскомъ краѣ, приниженное и съ виду тихое, устраненное отъ русскаго народа, было ввѣрено предводителямъ дворянства по назначенію, изъ русскихъ людей. Мировые судьи и вся земская полиція, а также городскіе головы въ городахъ были

также всѣ по назначенію. Земство какъ въ русскихъ губерніяхъ, не введено, какъ обоюдоострое оружіе, уже испытанное тогда въ рукахъ свободомыслящихъ, нерѣдко дѣйствовавшихъ противъ правительства и потому лишившихся многихъ, данныхъ земству, правъ. Послѣ реформъ императора Александра II, наступилъ періодъ пріостановки всего того, что было сдѣлано и уже испытано. Императоръ Александръ III въ рѣчи къ волостнымъ старшинамъ всей Россіи объявилъ, что никакой иной воли, кромѣ той, какая дана, не будетъ, и что слѣдуетъ слушаться своихъ предводителей дворянства и честно работать на общую русскую пользу. Но одновременно государь замѣтилъ, что среди крестьянства водворилась какая-то распущенность, и что за нимъ не было на мѣстѣ должнаго распорядка, правды, скораго и справедливаго суда и рѣшенія мірскихъ дѣлъ. Чтобы устранить такое крестьянское безначаліе, императоръ основалъ институтъ земскихъ начальниковъ, съ административно-судебною властью. Къ несчастію, все это новшество покоилось на выборѣ, изъ среды дворянъ, людей, съ опредѣленнымъ образованіемъ и съ высокими нравственными началами. Но въ это время, въ 1890 г., вообще дворянство уже обнищало, было плохо образовано, недоставало людей на эти должности, которые бы работали по убѣжденію, по духу, и все дѣло попало въ руки старыхъ и неподвижныхъ тружениковъ, съ недостаточнымъ образованіемъ, съ плохими нравственными началами, а въ Западно-Русскомъ краѣ не мало земскихъ начальниковъ были назначены изъ заядлыхъ поляковъ. Только начальническое отношеніе къ народу, безъ объѣздовъ волостей и разъясненій, рѣшенія всѣхъ дѣлъ въ своихъ камерахъ съ юпитерскимъ авторитетомъ и даже слишкомъ часто, противозаконно, какъ вздумалось, съ безапелляціоннымъ и немедленнымъ наказаніемъ, привели опять народъ къ кабалѣ и полному молчанію. И не мало крестьянъ поплатились только за то, что они русскіе и православные [1]). Вся вина въ этой неудачѣ падаетъ на правительственныхъ предводителей дворянства, рекомендовавшихъ такихъ земскихъ начальниковъ, и на губернаторовъ, ихъ утвердившихъ. Но какъ тѣ, такъ и другіе были только чиновники, все это только сидѣло на своихъ мѣстахъ изъ-за хорошаго содержанія, а что касается интересовъ края, политики, народности и пользы Россіи, то объ этихъ началахъ едва-ли кто задумывался изъ всего этого сонма правителей и устроителей. Улучшилось только положеніе дворянъ-земскихъ начальниковъ, получавшихъ каждое 20 число свое содержаніе за ихъ плохую работу.

[1]) Въ Виленской губ., земскій начальникъ, полякъ, принимая должность земскаго начальника, прибывъ на сходъ, заявилъ народу: „я вашъ царь и богъ, кого захочу помилую, кого захочу, покараю“.

То добро, которое хотѣлъ сдѣлать государь, обратилось въ зло для русскаго народа всего Западно-Русскаго края.

Другое доброе дѣло для народа хотѣлось сдѣлать императору, введеніемъ церковно-приходскихъ школъ. Но и это начинаніе, безъ особыхъ на то средствъ и по недостатку учителей, до настоящаго времени, находится въ отмѣнно плохомъ положеніи. Школы дѣйствительно вездѣ появились, но въ какомъ видѣ? Помѣщенія были кой-какъ отысканы, но сырыя, тѣсныя и безъ всякаго приспособленія. Учителей набрали, какихъ могли: грубыхъ, пьяныхъ, полуграмотныхъ и безнравственныхъ. Духовенство, съ причтомъ, само на нищенскихъ окладахъ, учило какъ могло, но не регулярно, изъ-за требъ. Сельскія общества, боясь новыхъ налоговъ и непоощряемое ближайшими властями, дѣлало видъ, будто не слышитъ: не было это прежде и не нужно! И до сего времени эти школы пребываютъ въ первобытномъ состояніи, и дѣло русскаго народа на западѣ двигается впередъ болѣе, чѣмъ медленно, и это усматривается изъ рекрутскихъ наборовъ, которые даютъ не болѣе 20 % грамотныхъ. И такъ упорядоченіе жизни, просвѣщеніе, о которомъ такъ заботился императоръ, разбились какъ могучія волны объ скалы невѣжества и индифферентизма интеллигентнаго общества.

Что представляетъ собою Западно-Русскій край, въ настоящее время въ смыслѣ русской народности, можно видѣть изъ прилагаемой вѣдомости. Эта вѣдомость важна въ томъ смыслѣ, что только она въ состояніи доказать, какой это край и въ правѣ ли требовать вся Россія, чтобы на эту русскую окраину обратили, наконецъ, вниманіе. Страну, ея границы, обороняютъ не одни только русскія войска, но и то кровное его населеніе, которое несетъ собственно всѣ государственныя тяготы.

По переписи 1897 года оказывается, что въ 9 губерніяхъ Западно-Русскаго края живетъ 19.929.000 д. об. п. Изъ этого числа русскихъ всѣхъ трехъ нарѣчій: великоруссовъ, бѣлоруссовъ и малоруссовъ, считается 68,50 % или 13.792.610 д. об. п. Остальные 31,50 % инородцевъ распредѣлены между 18 языками и нарѣчіями, при чемъ на литовцевъ приходится 11,93 % или 2.378.529 д. об. п.; на поляковъ—5,45 % или 1.096.130 д. об. п. и на евреевъ 11,79 % или 2.349.029. Какъ видно, весь край по преобладанію русскій, и не можетъ быть рѣчи, чтобы онъ былъ литовскій, такъ какъ Литва только и живетъ на сѣверо-западѣ; не можетъ онъ быть ни польскимъ, ни еврейскимъ, и евреи и поляки разсѣяны небольшими кучками съ сѣвера до юга. Всѣхъ великоруссовъ, по преимуществу старообрядцевъ—216.026—1 %. По губерніямъ это усматривается изъ нижеслѣдующаго:

Губерніи и нарѣчія.	Русское населеніе по нарѣчіямъ душъ об. п.	Процентъ населенія.	Итогъ населенія по губерніи, 1897 г. д. об. п.	Примѣчаніе.
Виленская.				
Бѣлоруссы . .	715.950	45	1.591.000	Великоруссы, по преимуществу старообрядцы.
Великоруссы .	24.501	1,54		
	740.451	46,54		
Витебская.				
Бѣлоруссы . .	908.290	61	1.489.000	Въ Витебской г. наибольшее число великоруссовъ-старообрядцевъ встрѣчается въ уѣздахъ: Двинскомъ и Рѣчицкомъ.
Великоруссы .	89.340	6		
	997.630	67		
Ковенская.				
Великоруссы .	39.233	2,54	1.545.000	Въ Ковенской губерніи наибольшее число великоруссовъ - старообрядцевъ встрѣчается въ Новоалександровскомъ уѣздѣ.
Бѣлоруссы . .	1.390	0,09		
Малороссы . .	1.081	0,07		
	41.704	2,70		
Могилевская.				
Бѣлоруссы . .	1.316.921	78,30	1.687.000	Въ Могилевской губ. наибольшее число великоруссовъ - старообрядцевъ встрѣчается въ Гомельскомъ уѣздѣ.
Великоруссы .	26.485	1,57		
Малороссы . .	3.205	0,19		
	1.346.611	80,06		
Минская.				
Бѣлоруссы . .	1.369.720	64	2.148.000	
Малороссы . .	208.141	9,69		
Великоруссы .	7.303	0,34		
	1.585.364	74,03		

Губерніи и нарѣчія.	Русское населеніе по нарѣчіямъ душъ об. п.	Процентъ населенія.	Итогъ населенія по губерніи 1897 г. д. об. п.	Примѣчаніе.
Гродненская.				
Бѣлоруссы . .	628.696	39,22	1.603.000	Сѣверная половина Гродненской губ. — бѣлорусская; южная половина — малороссійская. Гродненскую губернію даже русскіе люди продолжаютъ причислять къ Литовско-Польскимъ краямъ. Пора бы, кажется, просвѣтиться и отвыкнуть отъ того, что навязано, что крупная ложь.
Малороссы . .	590.545	36,84		
	1.219.241	76,06		
Волынская.				
Малороссы . .	2.353.435	78,77	2.989.000	
Великоруссы .	6.276	0,21		
	2.359.711	78,98		
Кіевская.				
Малороссы . .	3.037.962	85,36	3.559.000	
Великоруссы .	9.609	0,27		
	3.047.561	85,63		
Подольская.				
Малороссы . .	2.440.958	80,88	[1] 3.018.000	
Великоруссы .	13.279	0,44		
	2.454.237	81,32		

[1]) Перепись 1897 г. Племенной составъ контингентовъ русской арміи. А. Ф. Риттиха. Атласъ народонаселенія Зап.-Р. края по исповѣданіямъ 1864 г. А. Ф. Риттиха.

Но только-что представленный перечень русскаго селенія въ Западномъ краѣ не исчерпалъ бы этого предмета и не былъ бы точенъ въ границахъ жительства этого элемента, еслибъ не коснуться восточной полосы Привислинскаго края, Забужья и Прусской границы. Въ 1864 г., когда при руководствѣ Н. А. Милютина перестраивалось Царство Польское, послѣ возстанія, въ тогдашней Люблинской губерніи, теперешняя Сѣдлецкая и Люблинская губерніи, имѣлось 256 уніатскихъ малорусскихъ приходовъ съ населеніемъ въ 215.484 д. об. п. Кромѣ того было тамъ 12 православныхъ приходовъ съ населеніемъ въ 4.723 д. об. п.

Въ Августовской губерніи, также преобразованной въ Сувалкскую и Ломжинскую губерніи, считалось въ 1864 г. 4 уніатскихъ, бѣлорусскихъ прихода и 2 моленныя старообрядцевъ, великороссовъ, Сейненскаго уѣзда, съ уніатскимъ бѣлорусскимъ населеніемъ въ 8.751 д. об. п. и съ 6.329 д. об. п. старообрядцевъ великороссовъ. Такимъ образомъ въ нынѣшнихъ 4-хъ восточныхъ губерніяхъ Привислинскаго края было въ 1864 г. 224.225 д. об. п. русскихъ: малороссовъ и бѣлоруссовъ и 6.929 д. об. п. великороссовъ.

Въ 1875 г., всѣ уніаты съ ихъ 268 приходами, въ числѣ по счету 1864 г. 224.225 д. об. п. и съ наростомъ населенія за истекшіе 11 лѣтъ, возсоединены съ православіемъ, и старая граница Владиміровой Руси, Червленные города, сдѣлались опять вполнѣ русскими, по вѣрѣ и со своимъ русскимъ языкомъ. Но уже и тогда, съ помощью польско-католической пропаганды и невѣрной постановки вопроса возсоединенія, которое шло не отъ духовенства сверху, какъ въ Бѣлоруссіи, а снизу отъ народа, съ плохими полицейскими пріемами, въ смыслѣ записи, подписи и присяги, оказалось противодѣйствіе и отступничество. Это въ особенности часто замѣчалось среди новобранцевъ, въ войскахъ, гдѣ призывной списокъ указывалъ, что новобранецъ православный, самъ же онъ утверждалъ, что уніатъ или католикъ. Усложнялось такое дѣло долгою перепискою съ мѣстомъ набора и, обыкновенно, ничѣмъ не кончалось: на службѣ солдатъ считался православнымъ, а на дѣлѣ онъ имъ не былъ.

Такіе случаи, за все время съ 1875 г. могли быть не рѣдкостью, но въ общей сложности возсоединеніе прошло спокойно. Съ тѣхъ поръ, за эти 30 лѣтъ, православное населеніе Люблинской и Сѣдлецкой губерній увеличилось и приросло до 319.058 д. об. п., вмѣстѣ же въ 4-хъ губерніяхъ дошло до 344.248 д. об. п.

Если теперь считать до 150 т. отпавшихъ отъ православія и принявшихъ католичество, то остальные 194.248 д. об. п. православныхъ, оставшихся вѣрными религіи своихъ отцовъ, достойны

того, чтобы на нихъ обратили не только вниманіе, но и защитили бы ихъ отъ открытыхъ нападковъ католицизма и фанатическаго произвола хозяевъ—пановъ-католиковъ, землевладѣльцевъ. Казалось бы, что губернаторы съ высшимъ православнымъ духовенствомъ въ Холмской епархіи, съ помощью уѣздныхъ начальниковъ и ихъ помощниковъ, да православные церковные клиры, могли бы знать положительно, сколько именно отпало, сколько у нихъ осталось въ православіи и сколько обиженныхъ, батраковъ, выгнанныхъ панами и католическимъ духовенствомъ, съ работы, съ заработка насущнаго хлѣба только за то, что они православные? Этимъ, пострадавшимъ, какъ духовно-раненымъ, въ борьбѣ за вѣру, слѣдуетъ помочь средствами, отысканіемъ работы, защитою противъ всѣхъ напастей всякихъ фанатиковъ-католиковъ. Такъ дѣйствуютъ польскія общества въ Познани противъ нѣмцевъ и не безъ успѣха, и такъ слѣдуетъ поступать русской администраціи и православному духовенству въ Холмской епархіи.

Несмотря на полнѣйшее попустительство русской власти и печальное пониманіе своихъ обязанностей, какъ русскихъ чиновниковъ, такъ и управителей въ губерніяхъ, смыслъ собственно русскаго народа не измѣнился и границы его и его языка съ вѣрою, какъ были при Владимірѣ Святомъ, такъ онѣ остались почти что не-тронутыми. Это можно усмотрѣть изъ прилагаемой карты и перечня пограничныхъ урочищъ. Мы не говоримъ о Галиціи, Карпатахъ и Угорской Руси, которые намъ не принадлежатъ, но и тамъ мало перемѣнъ съ Казиміра Великаго. Русскій народъ сказалъ по границѣ Литвы и Польши: далѣе этого не смѣть идти, и граница эта удержалась крѣпко, перешла за ея предѣлы на западѣ, духомъ старообрядцевъ, которые представляютъ изъ себя тамъ, гдѣ они сидятъ въ числѣ свыше 216 т. душъ, непроницаемый оплотъ русской народности. Теперь, когда значительно облегчена тягота русской жизни всему простолюдину, отмѣною круговой поруки, окончаніемъ выкупныхъ платежей, паспортами и уходомъ по желанію, переселеніемъ изъ общины, куда угодно, русскій народъ съ запада уже появляется въ столицѣ и въ смежныхъ внутреннихъ губерніяхъ, и его работою и нравомъ довольны. Онъ настрадался и видитъ теперь разницу между паномъ и русскимъ бариномъ. Теперь начинаютъ дѣйствовать землеустроительныя комиссіи не только для надѣла землею, но съ культурною цѣлью: основаніемъ отрубнаго, хуторнаго хозяйства, уничтоженіемъ черезполосицы и передѣловъ, улучшеніемъ почвы, осушеніемъ, орошеніемъ, корчеваніемъ и насажденіемъ. Все это приведетъ къ хорошимъ послѣдствіямъ, если только будетъ введено земское хозяйство, но разумѣется безъ преобладанія въ та-

комъ хозяйствѣ поляковъ и евреевъ. Русскій элементъ, интеллигентно-народный, долженъ преобладать въ земскихъ учрежденіяхъ съ русскимъ языкомъ и это безъ попустительства. Очень удивилъ всѣхъ запросъ изъ Вильны, на какомъ языкѣ вести дѣла землеустроительныхъ комиссій? Отвѣтъ получился: разумѣется, на русскомъ... Теперь, для устройства русскаго люда на западѣ, необходимо подумать объ улучшеніи и усовершенствованіи операцій крестьянскаго банка, о насажденіи во всѣхъ волостяхъ и гминахъ ссудосберегательныхъ кассъ и объ основаніи повсюду сельскихъ школъ, и таковыхъ волостныхъ, съ подходящимъ ремесломъ, непремѣнно. Всѣхъ уѣздовъ съ Холмскою епархіею, гдѣ живетъ русскій народъ, будетъ около 100, а примѣрно волостей въ 10 разъ больше—1000. Они потребуютъ до 5 милл. руб. на фондъ ссудо-сберегательныхъ кассъ и до 1 милл. руб. на обзаведеніе ремесленными школами въ волостяхъ, всего 6 милл. руб., что̀ уже не такъ много, если имѣть въ виду нравственную оборону русскаго народа отъ натиска поляковъ, католиковъ и евреевъ.

Нельзя также пройти молчаніемъ то особое положеніе Западно-Русскаго края, въ особенности на югѣ, гдѣ паны, князья, графы и имъ подобные, очень богатые люди, носятъ двойное подданство: русское и австро-венгерское. Въ обоихъ государствахъ они у себя дома, наѣзжая только въ Россію, когда заблагоразсудится, и проживая преимущественно въ Австро-Венгріи. Случилось это изъ-за раздѣла Польши, но вѣдь съ тѣхъ поръ прошло болѣе ста лѣтъ, и эту двойственность подданства не сумѣли уничтожить! Вѣдь этими русскими землями заправляютъ по довѣренности разные управляющіе, которые имѣютъ какъ бы свой дворъ, своихъ подчиненныхъ шляхтичей, съ цѣлою оравою факторовъ. И вся эта банда, далеко не вѣрноподданныхъ людей, сидитъ на плечахъ работающихъ на экономію и пана русскихъ людей, мало сытыхъ и стѣсненныхъ жизнью и своею землею. Это дѣло необходимо исправить, заставивъ этихъ богатыхъ пановъ признать одно подданство и если не русское, то пусть они себѣ выѣзжаютъ за границу навсегда, а земли свои они должны продать крестьянамъ, съ помощью крестьянскаго банка. Такая экспропріація польскихъ помѣщичьихъ земель, на пользу крестьянства, была бы вполнѣ законна и государственна, а то не ровенъ часъ, и въ случаѣ поднятія общеславянскаго вопроса и войны, у насъ подъ бокомъ и среди войска, могутъ очутиться внезапно новыя Плевны, которыя намъ причинятъ неисчислимыя потери съ невозвратными пораженіями. А кромѣ того, что дѣлаютъ эти бары со своими дѣтьми, наслѣдниками? Они ихъ воспитываютъ преимущественно за границею на космополитическихъ началахъ, съ отвраще-

ніемъ и высокомѣріемъ ко всему русскому. Избавляя ихъ всякими способами, подкупами и другимъ образомъ отъ воинской повинности, они являютъ собою у насъ совсѣмъ ненужныхъ людей. Да какъ и нести эту повинность при двойственности подданства? Изъ поколѣнія въ поколѣніе это все не русскіе люди, полезные Россіи, а какое-то собраніе избалованныхъ, несимпатичныхъ баръ. Россіею они пользуются только для своихъ громадныхъ доходовъ, отдаваясь душою, сердцемъ и жизнью Австро-Венгріи.

Съ введеніемъ закона о свободѣ совѣсти и вѣры, въ Западно-Русскомъ краѣ обнаружилось, что вопросъ о диссидентахъ снова всплываетъ наружу. Но на этотъ разъ онъ совершенно особаго рода и это по той причинѣ, что тамъ польско-католическое духовенство фанатизирующіе поляки, считаютъ всякаго католика полякомъ. Даже литовцы 866 т. и жмудины 448 т. все католики, считаются ими поляками, хотя литовцы открещиваются отъ такой чести, желая оставаться литовцами. Теперь папа разрѣшилъ произносить проповѣди и нѣкоторыя молитвы, внѣ католическаго ритуала, пользуясь бѣлорусскимъ и малороссійскимъ нарѣчіями. Эта новость и разрѣшеніе очень важны, такъ какъ по источникамъ 1864 г. въ Западно-Русскомъ краѣ считалось въ губерніяхъ: Могилевской, Витебской, Минской, Гродненской и Виленской 261.927 душъ обоего пола бѣлоруссовъ и малороссовъ католиковъ, при чемъ въ одной Гродненской губ. ихъ было 118.823 д. об. п. [1]). Кромѣ того въ 4-хъ восточныхъ губерніяхъ Привислинскаго края считалось 251.900 д. об. п. малороссовъ и бѣлоруссовъ католиковъ [2]). Значитъ, во всѣхъ этихъ губерніяхъ, среди русскаго православнаго населенія уже 40 лѣтъ тому назадъ было 513.827 д. об. п. русскихъ католиковъ. Это число съ тѣхъ поръ съ приростомъ населенія и совращеніемъ въ католичество, дошло вѣроятно теперь, какъ публикуютъ, до 1.368.000. Законъ о вѣротерпимости теперь не требуетъ уже, чтобы русскій человѣкъ былъ непремѣнно православнымъ; ему разрѣшается, въ ущербъ православія, быть всякой дозволенной въ государствѣ вѣры. За то поляки, католическое духовенство, съ епископомъ Роопомъ во главѣ, усиленно охраняютъ свою паціональность, считая всѣхъ русскихъ католиковъ за поляковъ. Этимъ способомъ, число поляковъ увеличится болѣе, чѣмъ на цѣлый милліонъ душъ. Тѣмъ не менѣе домашній языкъ, родной, остается русскимъ, а съ разрѣшеніемъ те-

---

[1]) Атласъ народонаселенія Зап.-Русскаго края по исповѣданіямъ. 1863 г. составилъ А. Ф. Риттихъ.

[2]) Матеріалы для этнографіи ц. Польскаго, губерніи Августовская и Люблинская 1864 г. Составилъ А. Ф. Риттихъ.

перь проповѣдывать и молиться на своемъ родномъ языкѣ, эти люди, вѣроятно, не отпадутъ отъ своей народности.

Нельзя при этомъ вопросѣ не обратить вниманія на нашихъ старообрядцевъ, покидавшихъ Московское государство со времени Іоанна IV, при Алексѣѣ Михайловичѣ и Петрѣ Великомъ. Всѣ они, свыше 216 т. душъ обоего пола, живутъ разрозненно, большими группами. Ихъ работа: торговля, всякое ремесло, подряды и аренда земли. У немногихъ изъ нихъ имѣется собственная земля, большая часть арендуетъ, невыгодно, по произволу владѣтеля, и потому эти безземельные бѣдствуютъ. Казалось бы, что землеустроительныя комиссіи обязаны надѣлить безземельныхъ старообрядцевъ землею, на общихъ основаніяхъ и съ помощью Крестьянскаго банка. Этотъ народъ, какъ очень прочный столпъ русскаго народа, много страдавшій и сохранившій весь отпечатокъ старины, крѣпости и вѣрности націи, достоинъ не только вниманія, но особой заботы.

Еще слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о маіоратахъ, возникшихъ въ Западно-Русскомъ и Привислинскомъ краяхъ, вслѣдъ за возстаніями 1831 и 1863 г.г. Хотѣли надѣлить доблестныхъ защитниковъ русскаго дѣла землею, за счетъ конфискованныхъ имѣній, преступныхъ помѣщиковъ. Хотѣли ввести въ край русскій элементъ, который бы своимъ положеніемъ, вѣсомъ, вѣрноподданствомъ, измѣнилъ бы хоть нѣсколько физіономію этихъ земель, но, увы, цѣли не достигли. Маіораты эти достались людямъ службы, мало интересовавшимся и понимавшимъ сельско-хозяйственное дѣло и считавшимъ службу, да пенсію болѣе прочными, нежели доходы съ хлопотами по землѣ и хозяйству. Вотъ почему, какъ они, такъ и ихъ наслѣдники, мало знакомые съ агрономіею, мало предпріимчивые, въ большинствѣ не жили въ своихъ маіоратахъ, предоставивъ управленіе ими людямъ изъ шляхты, полякамъ, или земли отдавались въ аренду крестьянамъ. Дѣло шло плохо, доходы были, но теперь пошатнулись съ революціею, и владѣтели маіоратовъ хлопочутъ о ихъ продажѣ. Жить при теперешнихъ обстоятельствахъ въ Привислинскомъ краѣ, среди поляковъ, очень неудобно русскому человѣку, въ особенности изъ сановныхъ, и потому тамъ разрѣшеніе продать маіораты крестьянамъ, но не шляхтѣ и дворянамъ изъ поляковъ, не принесло ожидаемой пользы, и теперь ими сильно тяготятся владѣтели. Ихъ обманываютъ, бойкотируютъ, имъ угрожаютъ. Иное дѣло въ Западно-Русскомъ краѣ, въ особенности въ средѣ русско-православнаго народа. Тамъ, русскіе маіоратчики могутъ еще сослужить службу по земству, по выборамъ и по многимъ другимъ причинамъ, какъ представители русскаго начала, но при этомъ требуется, чтобы они тамъ жили сами и хозяйничали бы. Такіе радѣ-

тели національнаго духа могли бы принести большую пользу правительству и народу, какъ противовѣсъ многоземельному польскому дворянству, разсѣянному по всему краю и непрестанно ведущему свою исключительно польскую линію. Хотя здѣсь русскаго народа и очень достаточно, но онъ теменъ, безгласенъ, и нѣтъ у него другихъ заступниковъ, какъ только свое приниженное и бѣдное духовенство. Въ помощь этому-то народу, русскіе землевладѣльцы, всякаго ранга и званія, могли бы сдѣлать многое, и потому маіораты правѣе демаркаціонной линіи, отдѣляющей русскій народъ отъ инородцевъ и инославныхъ, должны бы сохраниться, хотя бы съ помощью нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣръ, меліоративнаго и ссуднаго свойства.

Теперь обратимся къ опредѣленію той черты, которая отдѣляетъ безразлично религіи, русскую рѣчь, русскій народъ отъ его западныхъ инородцевъ и инославныхъ сосѣдей: эстовъ, латышей, леттовъ, куровъ, литовцевъ, жмудь, мазуровъ, поляковъ, словаковъ и угровъ, отъ сплошного русскаго населенія на востокѣ, его демаркаціонною или разграничительною линіею. Эта линія въ межевыхъ, мелочныхъ деталяхъ можетъ отступать отъ дѣйствительности въ очень небольшихъ выгибахъ и выступахъ и составлена по урочищамъ атласа народонаселенія Западно-Русскаго края по исповѣданіямъ [1]) и по существующимъ теперь приходскимъ спискамъ, а приложенная калька составлена отчасти по этнографической картѣ Европейской Россіи императорскаго русскаго географическаго общества, при чемъ въ послѣдней урочища обозначены по родному языку и потому въ сферу русскаго населенія вошли помимо православныхъ приходовъ и инославные, но говорящіе на русскомъ языкѣ. При этомъ оказывается, что древняя Кіевская Русь, временъ Владиміра Святого, не утратила ни одной пяди своей земли, и, несмотря на жестокія гоненія со стороны поляковъ и католиковъ, русскій народъ и его родной ему языкъ, не уступили никому, напротивъ, утвердились еще въ смежныхъ пограничныхъ земляхъ и своею стойкостью доказали, что они вѣрные сыны своего отечества, родины, и что этотъ устойчивый русскій народъ гораздо сильнѣе своего правительства, которое исторически доказало, при чемъ многократно, что оно своею внутреннею политикою, дипломатіею, военною силою и законами, не могло отстоять то, что отстоялъ самъ народъ, здравымъ смысломъ и непоколебимою вѣрою въ свою здоровую народность. Это даетъ намъ право думать, что только народная, русско-національная политика, можетъ насъ спасти окончательно, не только

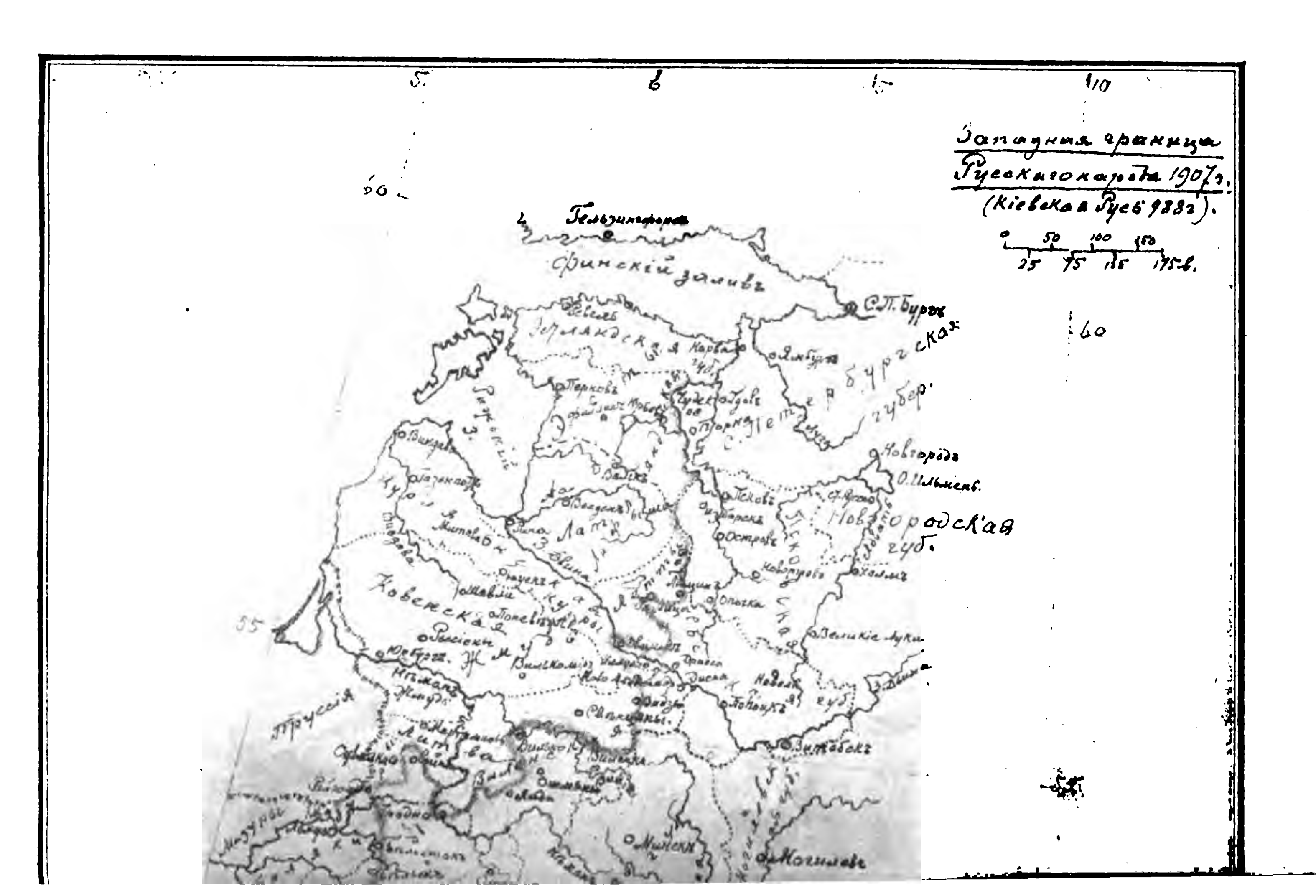
---

[1]) 10-ти верстный масштабъ.

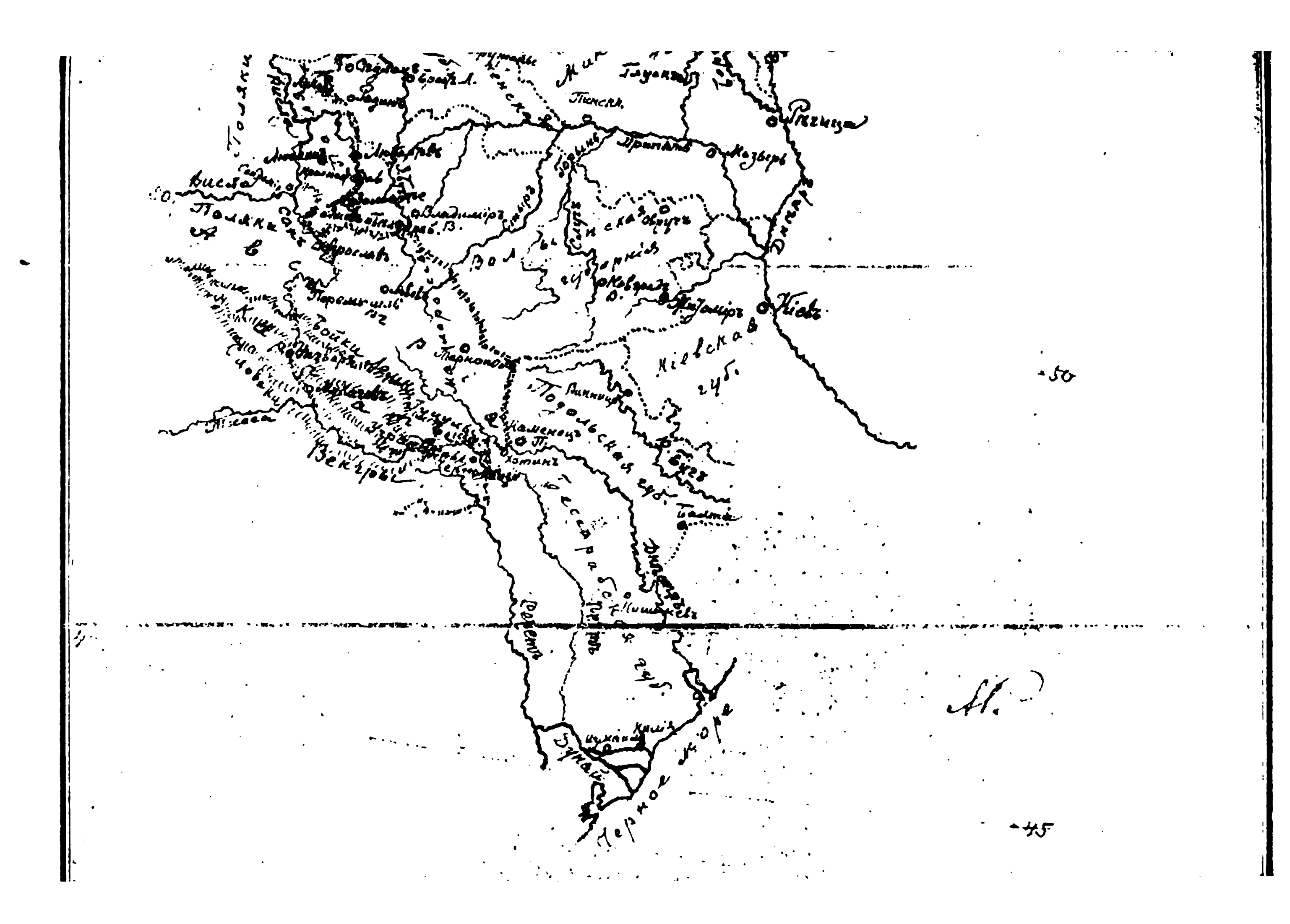
отъ распаденія на автономіи, но встать опять на ноги, въ культурномъ смыслѣ и заставить снова уважать ту Россію, которая теперь какъ бы отрѣшилась отъ великихъ предначертаній Петра Великаго и Екатерины Великой и дозволила, начиная съ Финляндіи, мечтать о ея распаденіи на части, на теоріяхъ, выдуманныхъ западомъ, но не признанныхъ русскимъ народомъ. Да будетъ стыдно вожакамъ русской неурядицы, этимъ русскимъ людямъ, этой интеллигенціи, опуститься такъ низко, до непризнанія своей народности, до отсутствія того патріотизма, который признается вездѣ, а только у насъ могъ быть отрицаемъ.

Граница русскаго племени на Западѣ.

Русскія губерніи къ востоку отъ границы.	УРОЧИЩА ПО РУССКОЙ ГРАНИЦЫ НА ЗАПАДѢ. ДЕМАРКАЦІОННАЯ ЛИНІЯ	Сосѣднія племена съ запада.	ПРИМѢЧАНІЕ.
С.-Петербургская губернія.	Мѣстечко Усть-Нарова у взморья Финскаго залива.	Эсты въ Эстляндской и Лифляндской губерніяхъ. Лютеране.	
	Городъ Нарва.		
	Рѣка Нарова.		
	Село Сыренецъ на берегу Чудскаго озера.		
	Сѣверный берегъ Чудскаго озера.		
	Деревня Радина.		Всѣ поселенія отъ деревни Радина до острова Порка, населены, по западному берегу Чудскаго озера, русскими рыболовами, старообрядцами.
	„ Черная.		
	„ Кикина.		
	„ Тихатка.		
	„ Красная Горка.		
	„ Носъ.		
	„ Лахтъ.		
	„ Калькъ.		
	„ Кузнецово.		
	„ Каргово.		
	„ Воронья.		
	Островъ Порка на Чудскомъ озерѣ.		

Западная граница
Русскаго народа 1907 г.
(Кіевская Русь 988 г.).
0 50 100 150
25 75 125 175 в.
Гельзингфорсъ
Финскій заливъ
С.П.Бургъ
С.Петербургская губер.
Новгородъ
О. Ильмень
Новгородская губ.
Эстляндская губ.
Нарва
Ямбургъ
Ревель
Перновъ
Рижскій з.
Псковъ
Островъ
Опочка
Великіе Луки
Холмъ
Витебскъ
Полоцкъ
Рига
З. Двина
Курляндская
Митава
Виндава
Ковенская
Шавли
Россіены
Юрбургъ
Ковна
Вильна
Гродно
Минскъ
Могилевъ
Пруссія

Кіевъ
Кіевская губ.
Подольская губ.
Пинскъ
Припять
Мозырь
Днѣпръ
Владиміръ
Житоміръ
Тарнополь
Каменецъ П.
Хотинъ
Винница
Бугъ
Прутъ
Серетъ
Дунай
Висла
Венгрія
Черное море
50
45

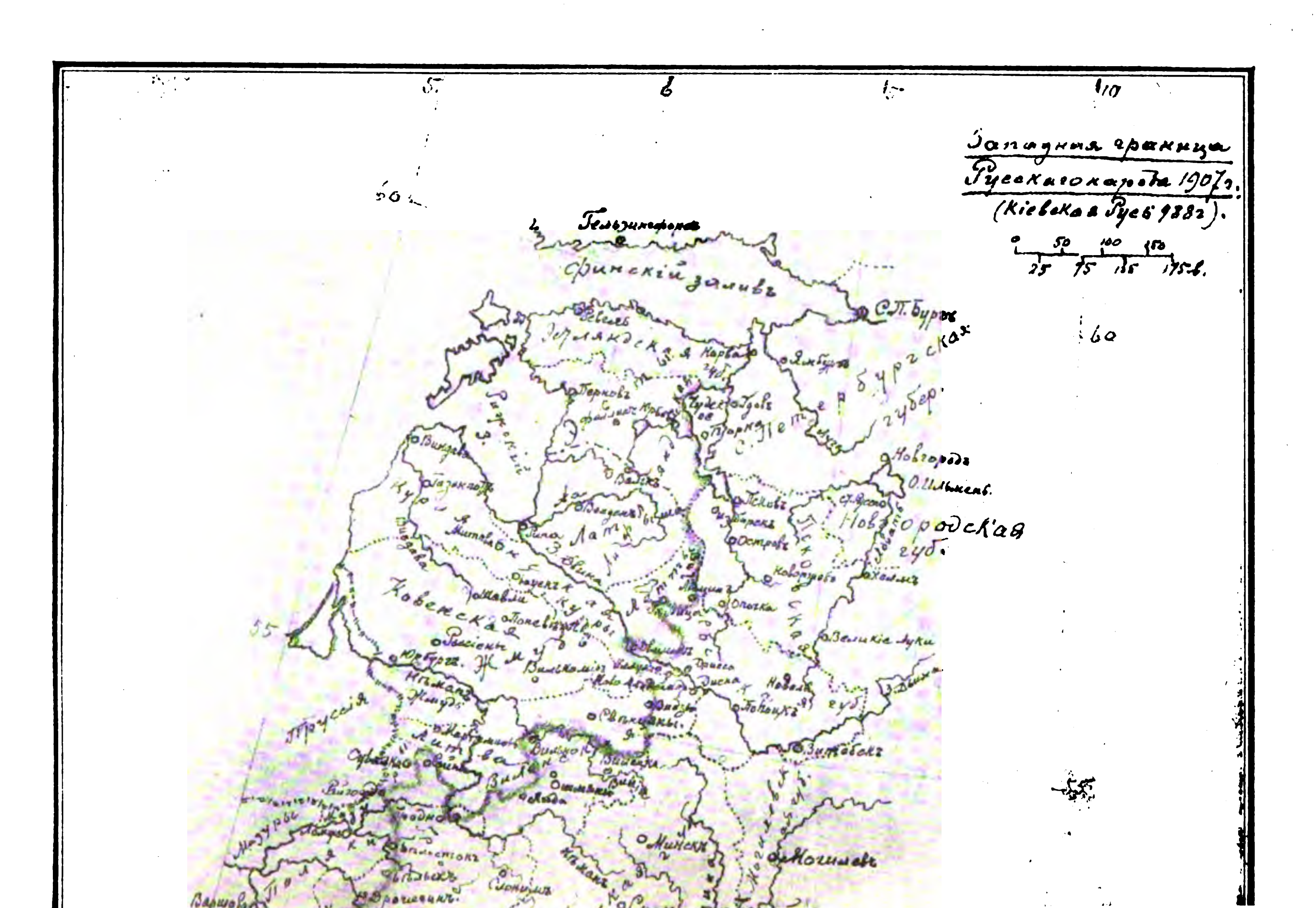
Русскія губерніи къ востоку отъ границы.	УРОЧИЩА ПО РУССКОЙ ГРАНИЦѢ НА ЗАПАДѢ. ДЕМАРКАЦІОННАЯ ЛИНІЯ.	Сосѣднія племена съ запада.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Псковская губернія.	Южный Лиманъ Чудскаго озера. Западная граница Псковской губерніи до границы Витебской губ. и къ югу, по рѣкѣ Кухвѣ и по границѣ Псковской и Витебской губ. къ юго-востоку.	Латыши Лифляндской губерніи. Лютеране и летты Витебской губ., католики.	
Витебская губернія.	До рѣки Иста. Село Синозерье Гор. Люцинъ. Село Бержегалъ. „ Низельбергъ. Городъ Рѣчица. Село Ковиста. „ Новая Слобода. „ Вартовово. „ Лявдаръ. „ Старая Слобода. Озеро Освейское. Село Освея. „ Росица. „ Генжаковъ. „ Придруйскъ. „ Креславка на Зап. Двинѣ. „ Граверы. „ Малиновка. Г. Двинскъ на Зап. Двинѣ.	Летты Инфляндскіе Витебской губерніи, католики.	

Русскія губерніи къ востоку отъ границы.	УРОЧИЩА ПО РУССКОЙ ГРАНИЦѢ НА ЗАПАДѢ. ДЕМАРКАЦІОННАЯ ЛИНІЯ.	Сосѣднія племена съ запада.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Курляндская губернія.	Деревня Горбуновка. Гор. Иллуксъ. Деревня Двтекъ. „ Подунай на З. Двинѣ. „ Смѣликъ. „ Фабіаново. „ Борня.	Латыши-куры, лютеране.	Вся эта мѣстность, крайнія восточныя части Курляндской и Ковенской губерній, населены въ перемежку бѣлоруссами, великороссами-старообрядцами, латышами, курами, литовцами жмудью, нѣмцами и евреями.
Ковенская губернія.	Дер. Димаришки. Село Веселово. Г. Ново-Александровскъ. Село Антолепты. „ Козачизна. Мѣст. Визды. Дер. Дубишки.	Литовцы-жмудь, католики.	Здѣсь все перемѣшалось. Тутъ православные, старообрядцы, католики, лютеране и евреи столкнулись, не размежевались и живутъ въ дикой мѣстности, соревнуя въ преобладаніи.
Виленская губернія.	Западная граница Дисненскаго уѣзда Виленской губерніи. Мѣст. Поставы. Западная граница Виленскаго уѣзда. Озеро Нарочъ. Село Занароча. „ Снягла.	Литовцы-католики.	

Русскія губерніи къ востоку отъ границы.	УРОЧИЩА ПО РУССКОЙ ГРАНИЦѢ НА ЗАПАДѢ. ДЕМАРКАЦІОННАЯ ЛИНІЯ.	Сосѣднія племена съ запада.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Виленская губернія.	Рѣка Нарочь. Село Рацевичи. Мѣст. Сморгонь. Гор. Ошмяны. Село Трабы. Село Залѣсье. Деревня Чапунь. Село Николаевъ на р. Нѣманъ. „ Докудовъ. Гор. Лида. Село Мыто. „ Бѣлогруды. Деревня Бѣшанка. Село Сламбока. „ Собакенцы.	Литовцы-католики.	
Гродненская губ.	Крайняя сѣверо-восточная часть Гродненскаго уѣзда и губерніи. Озеро Берщинское. „ Бѣлое. Село Езіоры. Городъ Гродно.	Литовцы-католики.	
Сувалкская губернія.	Рѣка Нѣманъ. Дер. Синевицы на р. Нѣманъ. „ Куринецъ. Рѣка Волкушъ.	Литовцы-католики.	

Русскія губерніи къ востоку отъ границы.	УРОЧИЩА ПО РУССКОЙ ГРАНИЦѢ НА ЗАПАДѢ. ДЕМАРКАЦІОННАЯ ЛИНІЯ.	Сосѣднія племена съ запада.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Сувалкская губернія.	Село Глубокій Ровъ. „ Погорѣльцы. Городъ Сейны. Село Смоляны. Дер. Буда Русская.	Литовцы-католики.	Вокругъ гор. Сейны отъ села Глубокій Ровъ до деревни Подкрулевъ усѣлись густо старообрядцы. По Нѣману и р. Волкушѣ, по границѣ Гродненской губ., отъ дер. Саенокъ до р. Лыкъ сидятъ бѣлоруссы.
	Дер. Полюкце. Мѣст. Пунскъ. Дер. Подсумово.	Литовцы, жмудь, католики.	
	Дер. Бодрилка. „ Граново. „ Краснополь. Село Бугры. Дер. Подкрулевъ.	Мазуры, католики.	
	Дер. Саенокъ. Озеро Сайно. Рѣка Нѣтта. Мѣст. Райгородъ. Рѣка Лыкъ.		Мазуры не составляютъ одно цѣльное съ поляками, имѣя свою особую отдѣльную исторію и свою отдѣльную отродность. Другая половина мазуръ, лютеране, проживаютъ въ В. Пруссіи.
Гродненская губ.	Рѣка Бобръ. Село Островъ. „ Сидерка. Мѣст. Лаша. Гор. Соколка.	Поляки-католики и евреи.	

Русскія губерніи къ востоку отъ границы.	УРОЧИЩА ПО РУССКОЙ ГРАНИЦѢ НА ЗАПАДѢ. ДЕМАРКАЦІОННАЯ ЛИНІЯ.	Сосѣднія племена съ запада.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Гродненская губернія.	Озеро Августовское.	Поляки-католики и евреи.	Крайняя западная полоса Гродненск. губерніи населена поляками, шляхтою, вышедшею изъ Польши для ополяченія Гродненской русской земли. Съ ними двинулись евреи, живущіе во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ.
	Мѣст. Кнышинъ.		
	Село Васильковъ.		
	„ Фасты.		
	„ Хорощь.		
	Городъ Бѣлостокъ.		
	Село Доймедъ.		
	„ Грудекъ.		
	„ Заблудовъ.		
	„ Суражъ.		
	„ Страбла.		
	„ Малеши.		
	„ Брянскъ.		
	Городъ Бѣльскъ.		
	Село Боцьки.		
	„ Андріанки.		
	„ Паройки.		
	„ Семятиче.		
	Городъ Дрогичинъ на р. З. Бугъ.		
Сѣдлецкая губ.	Село Стердынь.	Поляки-католики. Евреевъ много. Между ними отброшены въ бокъ бѣлорусскія селен.	
	„ Лазовъ.		
	„ Кожуховскъ.		
	Городъ Сѣдлецъ.		
	Дер. Доманице.		

Западная граница
Русскаго народа 1907 г.
(Кіевская Русь 988 г.)
0 50 100 150
25 75 125 175 в.
Гельсингфорсъ
Финскій заливъ
С.П.Бургъ
Эстляндская
Нарва
С.Петербургская губер.
Ямбургъ
Перновъ
Рижскій з.
Новгородъ
О.Ильмень
Новгородская губ.
Псковъ
Островъ
Псковская
Великія Луки
Виндава
Митава
Рига
Лифляндская
Курляндская
Ковенская
Россіены
Юрбургъ
Жмудь
Пруссія
Витебскъ
Двинскъ
Полоцкъ
Минскъ
Могилевъ
Варшава
55
60

Русскія губерніи къ востоку отъ границы.	УРОЧИЩА ПО РУССКОЙ ГРАНИЦѢ НА ЗАПАДѢ. ДЕМАРКАЦІОННАЯ ЛИНІЯ.	Сосѣднія племена съ запада.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Граница между Австріею и Венгріею.	Карпаты.	Словаки.	Въ Карпатахъ живутъ нарѣчія славянскаго корня: гуцулы, лемки, бойки, отчасти православные, отчасти уніаты. Бывшіе бѣлохробаты.
Венгрія.	Г. Унгваръ (Ужгородъ). „ Мукачевъ. Рѣка Тисса. Гор. Черновицы. Русская граница.	Словаки и Венгры.	Между Карпатами и р. Тиссою, въ Мармарошѣ, живутъ угро - руссы, сильно порабощенные венграми - уграми. Уніаты и католики.

А. Ф. Риттихъ.

27 Января 1907 г.
С.-Петербургъ.

Письмо Василія Алексѣевича Левшина къ князю Петру Васильевичу Лопухину изъ Бѣлева.

19 февраля 1799 года.

Сіятельнѣйшій князь, милостивѣйшій государь!

Крайне мало имѣлъ я счастія быть вамъ, сіятельнѣйшій князь, знакомъ лично; но извѣстно вамъ, милостивѣйшій государь, что покойной первой вашей супругѣ былъ я изъ ближнихъ родственниковъ. Сіе подало мнѣ смѣлость прибѣгнуть къ стопамъ вашимъ со всенижайшею моею просьбою по случаю несчастныхъ и крайне разстроенныхъ моихъ обстоятельствъ, кои всѣ изобразить едва-ли можно. Мнѣ почти 60 лѣтъ, въ семействѣ моемъ самъ двѣнадцатъ, имѣніе малое, которое, по малоземелью, не токмо не приноситъ столько дохода, чтобъ могъ я прилично дворянину себя содержать, но недостаетъ онаго на проценты; долги мои нажилъ не мотовски, но имѣвъ тяжбу о томъ маломъ имѣніи, которымъ владѣю, и воспитываю дѣтей. Помогалъ я сему, пока зрѣніе и здоровье мое не ослабѣло, платою за мои переводы; нынѣ же лишенъ и сего пособія. Даже, по малоимѣнію, не могъ воспользоваться и всеобщею монаршею милостію въ разсужденіи вспомогательнаго банка, чтобы уплатить всѣ мои долги, коихъ до 15 тысячъ. Итакъ, въ старости, имѣвъ десятерыхъ дѣтей, въ томъ числѣ пятерыхъ дочерей, ожидаю и съ ними остаться безъ пропитанія. Сіе простираетъ меня у ногъ вашихъ, сіятельнѣйшій князь, ободряемаго извѣстнымъ свѣту вашимъ человѣколюбіемъ и сострадательнымъ сердцемъ, со всенижайшею моею слезною просьбою исходатайствовать у монаршаго милосердія что-либо къ пропитанію цѣлаго несчастнаго семейства, котораго бѣдственнаго положенія я начертать не въ состояніи, но окруженъ всѣмъ онаго ужасомъ. Всемогущій Богъ, избравъ васъ въ покровители несчастныхъ, да подвигнетъ ваше сердце отереть мои слезы. Сея отеческія милости ожидая, съ глубочайшимъ и всенижайшимъ почитаніемъ остаюсь вашимъ, сіятельнѣйшій князь, милостивѣйшій государь, всенижайшимъ слугою.

На прошеніи написано: „Пусть терпитъ“.

Сообщилъ Н. А. Мурзановъ.

Къ исторіи масонства въ Россіи [1].

Съ цѣлью установленія дѣйствительно ли и въ какой именно мѣрѣ тайныя сообщества вредны или безвредны для существующихъ государствъ, мыслящій читатель можетъ воспользоваться нижеслѣдующими фактическими данными изъ области пережитаго мною, и тогда выяснится само собою, дѣйствительно ли приносятъ они человѣчеству ту пользу, иллюзіею которой убаюкиваютъ себя юношескій фанатизмъ, пылкое чувство любви къ ближнему и мало знакомые съ реальнымъ міромъ ученые—филантропы.

[1]) См. „Русскую Старину" апрѣль 1907 г.

Ob, und in wiefern Geheime-Gesellschaften, schädlich oder unschädlich, für bestehende Staaten sind, mögen folgende Wahrheiten, aus dem Reiche meinen Erfahrungen, dem denkenden Leser, selbst beweisen — Ob der Menscheit durch dieselben wirklich der Nutzen entspringt, welchen jugendliche Schwärmerei, heftiges Gefühl für Menschenwohl, und der, die wirkliche Welt, wenig kennende philantropische Gelehrte, sich vorgaukeln, wird denn sich selbst entscheiden.

Zu wichtig sind die Entdeckungen, die hier gemacht sind, als dass es nicht verzeihlich wäre, in einem blos der Wahrheit geweihetem Aufsatze, auch wahr zu seyn, und von Allem, vor der Hand zu abstrahieren, was Dichtung, sie sey Mithos oder Symbol, oder Hirogliphe, behauptet, und einer öffentlichen duldenden Schonung würdig ist.

Was man auch gethan hat, um den Ursprung geheimer Gesellschaften, in welchen so ganz eigentlich, das wahre Geheime derselben liegt, einerseits aufzudecken, andererseits durch historische Facta wieder; dem Auge des Forschers zu entziehen: Was man auch gethan hat, die Geschichte dieser Gesellschaft durch Benennungen, auf Facta beruhend, zu verdunkeln, und durch fremdartige Benennungen, den Forscher vom gefundenen Wege abzuleiten, so ist und bleibt es doch wahr:

1. Dass der Ursprung weit über die mosaische Schöpfungsgeschichte hinausgehet.

Слишкомъ важны сообщенныя здѣсь открытія, чтобы не было вполнѣ извинительнымъ говорить правду въ статьѣ, посвященной исключительно истинѣ, оставляя пока въ сторонѣ весь поэтическій элементъ, будь то миѳы, символы или іероглифы и все, что заслуживаетъ терпѣливаго снисхожденія со стороны публики, что бы тамъ ни дѣлалось, дабы съ одной стороны обнаружить первоисточникъ тайныхъ обществъ, въ коемъ собственно и заключается истинная таинственность ихъ, а съ другой стороны, чтобы посредствомъ историческихъ фактовъ сдѣлать его недоступнымъ для наблюдателя; что бы ни дѣлалось для затемнѣнія исторіи этихъ обществъ посредствомъ обоснованныхъ фактами и странныхъ наименованій съ цѣлью отвлеченія наблюдателя отъ найденнаго имъ пути,—достовѣрнымъ было и остается слѣдующее:

1) Что первоисточникъ этотъ относится къ эпохѣ значительно болѣе давней, чѣмъ та, о коей говорится въ книгѣ Бытія.

2) Что майосы, жрецы, софосы, брамины, левиты, платоники, іоанниты, тампліеры, франкмасоны, іезуиты, цинцендорфы, обсерванты, сведенборгіане, розенкрейцеры, иллюминаты, азіатскіе братья, африканскіе братья, кармелиты, шотландскіе каменщики и тугенбундъ— всѣ они руководятся однимъ и тѣмъ же основнымъ принципомъ, съ тою только разницею, что развиваютъ его въ разныхъ направленіяхъ, благодаря чему нѣкоторые изъ нихъ и даютъ ему, по своему разумѣнію, другое направленіе, чтобы достигнуть единой, столь ясно

---

2. Dass die Majos, die Priester, die Sophos, die Braminen, die Leviten, die Platoniker, die Johannisten, die Tempelherren, die Freymaurer, die Jesuiten, die Zinzendorfer, die Maurer der Strikten Observanz, die Swedenborgianer, die Rosenkreutzer; die Illuminaten, die Asiatischen Brüder, die Afrikanischen Brüder, die Brüder vom Berge Karmel, die Schottischen Maurer und der Tugendbund—alle sammt und sonders, das gleiche Grundprincip haben, nur dasselbe auf verschiedenen Wegen bearbeiten, daher die Einzelnen, so sie aufnehmen eine andere Richtung geben, um den Alleinigen Zweck, welchen Jesus so deutlich in seiner lieberolleu Lehre darstellt, oft gemissbraucht zu erreichen.

3. Ist der wahre Zweck, das höchste *Ideal* einer menschlichen Moralität, durch die verschiedenen Zeiten, Umständen und Ansichten, verschiedentlich ausgedrückt oder bearbeitet.

4. Sind diese Verbindungen unendlich oft, gemissbraucht von Politik und Habsucht zu Nebensachen geleitet, die man künstlich dem Zwecke anzwang.

Dies glaubte ich voran schicken zu müssen, um zu beweisen:

1. Dass die Welt den Geheimengesellschaften, vorzüglich die Aufbewahrung der reinen Moral-Lehre, auf duldende Menschenliebe begründet in Zeiten zu danken hat, wo Fanatism, Verfolgungssucht, Aberglaube, Unwissenheit und

указанной Іисусомъ въ его исполненномъ любви ученіи, цѣли нерѣдко при помощи злоупотребленій.

3) Что истинная цѣль, какъ высшій идеалъ человѣческой нравственности выражается и осуществляется различно, въ зависимости отъ эпохи, условій и взглядовъ.

4) Что общества эти слишкомъ часто руководятся политикой и жадностью до постороннихъ вещей, искусственнымъ образомъ приплетаемыми къ главной цѣли.

Я счелъ необходимымъ предпослать все вышеизложенное для того, чтобы доказать:

1) Что міръ обязанъ тайнымъ обществамъ, главнымъ образомъ, сохраненіемъ чистой нравственной философіи, основанной на всепрощающей любви къ человѣчеству въ такія времена, когда фанатизмъ, нетерпимость, суевѣріе, невѣжество и злоба въ теченіе цѣлыхъ столѣтій увлекали человѣчество со стези всеобщаго человѣколюбія.

2) Съ другой же стороны чувствуется, что такая цѣль распространенія морали всемірной любви должна по необходимости утратиться, если подобныя общества не сохранятъ своей первоначальной присущей имъ простоты, не удовольствуются, подобно своему идеалу, удѣломъ непризнанныхъ благодѣтелей рода человѣческаго и въ лицѣ неподдающагося учету большинства своихъ членовъ, путемъ богатства таковыхъ и связей съ мірскою жизнію, будутъ черпать свои

Rohheit, ganze Zeitalter vom Wege der allgemeinen Menschenliebe abführten.

2. Auf der anderen Seite fühlt man auch, dass dieser Zweck der Verbreitung einer allgemeinliebenden Moral nothwendig verlohren gehen muss: wenn dergleichen Verbindungen nicht ihre erste eigenthümliche Einfachheit behalten, sich nicht bescheiden, gleich ihrem Vorbilde, unerkannte Wohlthäter des Menschengeschlechts zu seyn: und in der ungeprüften Mehrzahl der Mitglieder, so wie im Reichthum derselben und ihren Verkettungen mit dem bürgerlichen Leben, Quellen aufsuchen, welche mit der reinen Absicht der Stiftung sich nicht vertragen.

3. Wenn diese Verbindungen so beschaffen sind, dass der mit Verbundene statt dem versprochenen Lichte, blos dunkle Deutungen sieht, daher keinen sicheren Wegweiser hat, und zufälliger Leitung überlassen bleibt: wodurch Politische und eigennützige Zwecke untergeschoben werden können, welche den oft fürs Gute am meisten empfänglichen, in der Verbindung am leichtesten auf Irrwege und zu Verbrechen leiten kann.

4. Endlich wenn die Glieder einen engeren Verbindung zur Moralitaet, besonders unmoralische Menschen sind, und ohne Rüge bleiben, wenn sie nur von der öffentlichen gesetzlichen Ahndung gerettet werden können

основанія изъ источниковъ, неимѣющихъ ничего общаго съ истинною цѣлью.

3) Если же организація этихъ обществъ такова, что вмѣсто обѣщаннаго просвѣщенія соучастникъ получаетъ только смутные намеки, онъ оказывается лишеннымъ надежныхъ указаній и остается предоставленнымъ случайному руководительству, такъ что въ результатѣ получается возможность подтасовыванія политическихъ и своекорыстныхъ цѣлей, могущихъ увлечь наиболѣе воспріимчиваго къ добру изъ членовъ общества на ложный путь и привести его даже къ преступленію.

4) И, наконецъ, если членами такого тѣснаго сообщества, преслѣдующаго нравственныя цѣли, окажутся люди особенно безнравственные и остающіеся безнаказанными всегда, когда имъ удается ускользнуть отъ гласнаго законнаго возмездія, то и подвиги экономическаго благотворенія будутъ ничѣмъ инымъ, какъ обманомъ и иллюзіей.

Если бы, впрочемъ, въ данномъ случаѣ были умѣстными глубокія изслѣдованія, то многія мѣста халдейскихъ книгъ (chaldaer Bereosus) доказали бы съ полною очевидностью, что такія тайныя общества существовали уже въ Финикіи, еще задолго до Моисеевой эры, и служили тамъ оплотомъ противъ необузданности эпохи, какъ и раньше противъ безчеловѣчныхъ воинъ, веденныхъ этимъ народомъ на востокѣ, и что впослѣдствіи дальнѣйшее существованіе

---

dann sind Grosthäten oeconomischer Wohltbätigkeit nur Spiegelfechterey und Blendwerk.

Wenn übrigens tiefe Untersuchungen hierher gehörten, so würden viele Stellen des Chaldäer Bereosus deutlich darthun, dass diese geheimen Verbindungen schon vor der Moisischen Zeitrechnung in Phönicien stattgefunden, und dort ein Damm gegen die Zügellosigkeit der Zeit, wie früher gegen die unmenschlichen Kriege, die dieses Volk im Osten führte, gewesen sind, und dass nachher die Fortpflanzung dieser geheimen Verbindungen, theils das Egyptische Priseterthum, theils die Ellesischen Misterien u. s. w. erzeugt haben: wodurch doch die Umwältzung der Dinge, mittelbar und unmittelbar hervorgetreten ist.

Dies alles ist aber hier Zwecklos, und beschränke ich mich hier nur mit dem dass die Geheimen Gesellschaften in ihrem Zwecke, so lange nicht nur unschädlich, sondern gut sind, als sie sich bemühen, durch die Aufnahme ihrer Mitmenschen, denselben zur Menschenliebe, zur Standhaftigkeit im Guten, und zu jener Demuth zu verpflichten, die sich in den Worten *liebet euren Nächsten wie euch selbst*, ausdrückt, und auf Freyheit] und Gleichheit im hohen moralischen Sinn deutet—jene Freyheit die dem marter Tode froher entgegen gehet als Unrecht zu thun — jene Gleichheit, welche auch im Geringsten und ungelehrtesten Menschen, einen Mitbruder uns betrachten lehrt!

этихъ тайныхъ обществъ повело къ возникновенію отчасти египетскаго жреческаго сословія, а отчасти элевзинскихъ мистерій и т. п., благодаря которымъ, посредственно или непосредственно, и наступила перемѣна въ міровыхъ событіяхъ.¹

Но все это въ данномъ случаѣ безцѣльно, и я ограничусь указаніемъ: что тайныя общества остаются не только безвредными, но даже и полезными, до тѣхъ поръ, пока они, принимая ближняго въ среду свою, стараются обязывать его къ человѣколюбію, къ стойкости въ добрѣ и къ тому смиренію, которое выражается словами: „люби ближняго своего, какъ самого себя“ и означаетъ свободу и равенство въ высокомъ нравственномъ смыслѣ—ту свободу, которая предпочитаетъ пойти на мученическую смерть, чѣмъ совершить несправедливость,—то равенство, которое учитъ насъ считать своимъ братомъ ничтожнѣйшаго и необразованнѣйшаго изъ людей.

Но что они должны становиться опасными для каждаго человѣческаго государства (несовершенство — удѣлъ всего создаваемаго людьми) въ тѣхъ случаяхъ, когда толкуютъ эти основные принципы наоборотъ и нетерпимость по отношенію къ несправедливости выдаютъ за свободу, а вмѣсто того, чтобы видѣть своихъ братьевъ въ людяхъ, ниже ихъ стоящихъ, требуютъ къ самимъ себѣ такого же отношенія, какъ къ болѣе полезнымъ и высокопоставленнымъ гражданамъ. Ибо это поневолѣ должно нарушить спокойствіе общественной жизни и силою вещей вести постепенно къ революціямъ.²

Возможно, впрочемъ, что организаціи эти могли быть въ свое

Dass sie aber jedem Menschlichen Staate (Unvollkommenheit ist aller menschlichen Einrichtungen Loos) gefährlich werden müssten wenn sie, diese Grundsätze umkehren und Unduldsamkeit gegen Unrecht für Freyheit ausrufen, und statt im Niederern einen Mitbruder zu betrachten, den Höhern und Nützlicheren Staatsbürger als ihres gleichen angesehen haben wollen. Denn dies muss nothwendig das glückliche Zusammenleben stöhren und gewaltsam Revolutionen nach und nach bewirken.

Übrigens mögen diese Einrichtungen vor Zeiten sehr heilsam gewesen seyn: ja sie mögen selbst in manchen Ländern ausserhalb Europa noch Nutzen zu stiften vermehren—aber in Europa.

Wo eine Jesus Religion allgemein ausgebreitet es nicht vermag die Polytik zu verbannen, dem Unrecht eine unersteigbare Barriere zu ziehen, und ein moralisches Staaten- und Menschenverein zu bewirken, dort können Gesellschaften, denen es an Rechtskraft, an Beweis rechtlicher Authorität, ja was das Schlimmste ist, an einer Verfassnug fehlt, wohl schwerlich einigen wahren Nutzen stiften, wenn derselbe nicht etwa auf Inthousiasmus der Menge—Meuterey—berechnet seyn soll.

Um indessen nicht als blosser Eiferer ohne kenntniss der Sache zu erscheinen will ich hier einiger Dinge erwähnen, die wohl die Aufmerksamkeit jedes Staates werth sein mögen, und welcher Maurer kann auftreten, und sagen es ist nicht also!

время весьма полезными: возможно, даже, что онѣ и впредь окажутся таковыми въ нѣкоторыхъ государствахъ за предѣлами Европы,—въ Европѣ же, гдѣ общераспространенное Христово ученіе оказалось не въ состояніи вытѣснить политику, поставить несправедливости непреодолимыя преграды и повести къ созданію нравственнаго политическаго и человѣческаго союза, тамъ такія общества, коимъ недостаетъ силы закона, убѣдительности законнаго авторитета и, что всего хуже, устройства, врядъ ли могутъ принести дѣйствительную пользу, если таковая не будетъ обусловлена энтузіазмомъ толпы, т. е. мятежомъ.

Чтобы не показаться простымъ ревнителемъ, незнакомымъ съ обстоятельствами дѣла, упомяну кое о чемъ, достойномъ вниманія со стороны любого государства, и противъ чего не можетъ выступить ни одинъ масонъ съ утвержденіемъ, что это не такъ.

Ни ученіе, ни правила, ни работы не составляютъ собственно тайны. Церемоніи являются только способомъ болѣе удобнаго учета сочленовъ. Знаки, пріемы, символы и гіероглифы—просто испытанія, въ видахъ облегченія распознаванія характеровъ, при чемъ фантазіи и чувству предоставляется искать толкованія таковыхъ: ибо объясненіе ихъ въ ложахъ составляетъ опять-таки особую тайну.

Этимъ-то и объясняется, что государи, принадлежащіе къ масонамъ, находятъ въ масонствѣ удовлетвореніе своимъ чувствамъ. Сластолюбцу даютъ наслажденіе, увлекающагося политикой морочатъ тоже соотвѣтствующимъ образомъ, сердечному человѣку открываютъ пер-

---

Nicht der Unterricht, Instruction, nicht die Arbeiten sind eigentlieche Geheimnisse. Die Ceremonien sind blosse Mittel der leichteren Übersicht über die Mitglieder. Zeichen, Grife, Symbole und Hyrogliphen sind blosse Proben, um die Charactere leichter erkennen zu können, indem es der Phantasie und dem Gefühle überlassen bleibt, ihre Auslegung zu suchen: denn ihre Erklaerung in den Logen ist ein neues Misterium.

Daher kommt es denn auch, dass Monarchen, welche Maurer sind, blos ihre Gefühle durch die Mauerey gechmeichelt fühlen.—Dem Wollüstling giebt man Wollust, dem Politiker macht man dergleichen Vorspiegelungen, dem Gefühlvollen zeigt man Menschenliebe, Menschenglück, dem Habsüchtigen so wie dem Verschwender lässt man Schätze erwarten: dem Schwärmer will man mit dem Geisterreiche in Verbindung setzen; und so giebt man einem jeden sein Theil. Ist es mit dem Wohle der Verbundenen nicht vereinbar dass dies in derjenigen Verbindung geschiehet, in welcher derselbe auftrat, so entstehen Rosenkreutzer und Schwedenborganer oder sonst ein anderer Name, welcher mit einem veränderten Rithmuss die Fliege im Spinngewebe zu halten hat, man befeudet sich untereinander, aber es bleibt immer beim Alten—Hierdurch gewint das Ganze sehr, denn wann irgend etwas Schändliches entdeckt wird—so heisst es, ja das sind keine Maurer, es sind Schwartze Brüder etc—oder das ist eine Winkel—Loge—aber wann entstand wirklich eine vollständige Ausrottung des Bösen?

спективы человѣколюбія и счастія человѣчества, алчному расточителю даютъ надежду на пріобрѣтеніе сокровищъ, мечтателю устраиваютъ сношенія съ царствомъ духовъ и, такимъ образомъ, каждый получаетъ свое. И если бы оказалось, что интересы тайныхъ сочленовъ не допускаютъ, чтобы это совершалось въ томъ же обществѣ, гдѣ тотъ выступилъ, то на сцену появляются розенкрейцеры и сведенборгіане или же другія какія-нибудь категоріи, которыя въ соотвѣтствіи съ измѣненіемъ ритма и продолжаютъ держать муху въ паутинѣ, враждуютъ между собою и все остается по-старому. Благодаря этому общее дѣло очень выигрываетъ, такъ какъ въ случаѣ обнаруженія чего-либо постыднаго, говорятъ: ахъ, да вѣдь это не масоны,—это черные братья и т. д., или же, что это—подпольная ложа, а между тѣмъ бывалъ ли когда-нибудь случай окончательнаго искорененія зла.

Въ районѣ мѣстопребыванія ложъ причиняемое зло не велико: самое большее, если строгіе гражданскіе принципы дѣлаются нѣсколько менѣе устойчивыми, подъ вліяніемъ призрачной филантропіи, нравственнѣе же—болѣе широкими по отношенію къ личному я.

Но вредная сторона всѣхъ подобныхъ сообществъ и заключается въ томъ именно, что помѣщеніе и самая атмосфера, гдѣ пребываютъ просвѣщенные братья-мастера и гдѣ они невѣдомо для кого-либо сѣютъ сѣмена просвѣщенія, отравленныя ядомъ ихъ основныхъ принциповъ, и возбуждаютъ къ дѣятельности въ то время, какъ сами они, предусмотрительно укрывшись въ Святомъ Святыхъ, обдумываютъ и руководятъ осуществленіемъ плановъ.

Im Bezirk der Logen, wird wenig Böses gestiftet: höchstens werden die strengen bürgerlichen Grundsätze, durch die Blendlaterne Philantropie etwas geschwächt, und die der Moral werden selbstliebend erweitert!

Aber darin liegt das Schädliche aller dieser Vereinigungen, dass das Zimmer, der freye Himmel in welchem die Erlauchten Brüder Meister wandeln, und wo sie unbelauscht den Saamen der Erläuchtung ausstreuen, durch ihre Grundsätze verpestet werden, und zum Handeln reitzen, während sie vorsichtig hinter der Decke des Allerheiligsten, Pläne brüten und leiten!

Und diese Gunst erhält kein Monarch, *kein Mensch welcher nicht Enthousiast, erprobter Enthousiast für den Zwek ist, den er bis dahin nicht kennt*, welchen man ihn höchstens *ahnden* liess!

Kann irgend ein Maurer auftreten und mich Lügen strafen wenn ich hier sage: Der Privat Unterricht höherer Grade, an Maurer aus niedrigeren Graden, ist eigentlich *das*, wonach jeder wissbegierige Maurer *dursten muss?* Dieser Unterricht aber wird nur dem zu Theil, welcher sich die besondere Freundschaft eines höheren erwarb—Diese Freundschaft aber lässt sich blos dadurch erwerben, dass man ein guter Arbeiter, das heisst Enthousiast, mit glüklichen Anlagen ist; und dieser Unterricht wird nur als eine unvollkommene Privat Meynung, ertheilt, damit Gefühl und Phantasie, Freyheit behalten.

И такой милости не удостоивается ни одинъ монархъ, и вообще никто, если онъ не энтузіастъ, не испытанный поборникъ той цѣли, которая ему до сихъ поръ не извѣстна и о которой ему, самое большее, если позволяется догадываться.

Можетъ ли кто-либо изъ масоновъ явиться и обличить меня во лжи, если я скажу, что приватное просвѣщеніе братьями высшихъ степеней братьевъ низшихъ является въ сущности тѣмъ, чего долженъ жаждать всякій любознательный масонъ. А между тѣмъ такое просвѣщеніе бываетъ удѣломъ только того, кто сумѣлъ заручиться особой дружбою кого-либо изъ высшихъ. Дружба же эта пріобрѣтается только при условіи, чтобы претендентъ на нее былъ хорошимъ работникомъ, т. е. энтузіастомъ, съ счастливыми задатками, при чемъ производится такое просвѣщеніе въ формѣ сообщенія несовершеннаго личнаго мнѣнія, чтобы не стѣснять ни чувства, ни фантазіи.

Въ этомъ-то собственно и заключается тайное, все еще остающееся невыясненнымъ, вліяніе этихъ обществъ на государства.

Трудно себѣ представить, чтобы энтузіастъ могъ сдѣлаться доносчикомъ — но если бы это даже и случилось—то въ ложахъ онъ не видалъ и не слыхалъ ничего токого, что заслуживало бы наказанія, ибо для этого они слишкомъ осторожны и, кромѣ того, охотно признаютъ, что истинныхъ масоновъ очень немного, тѣхъ же, кто масонъ только по названію, они уже сумѣютъ остеречься—да и какія же доказательства могъ бы представить доносчикъ—вѣдь слово, и даже

Hierin liegt das eigentliche geheime, nie zu entdeckende Geheime: Wirken dieser Gesellschaften auf Staaten!

Von einem Enthousiasten ist es einmal schwer zu glauben, dass er der Entdecker werden kann—ist dies aber der Fall—so hat er in den Logen nichts gesehen, nichts gehert, was sträflich seyn kann, denn dazu sind sie zu vorsichtig, auch gesteht man sich gern ein, dass es wenig wahrer Maurer giebt, und von denen die es nur heissen, wird man sich schon in Acht nehmen: übrigens welche Beveise kann der Entdecker geben—sein Wort, ja sein Schwur können dem Richter nicht mehr gelten, als das Wort und der Schwur eines anderen.

Und endlich, ist nichts zu machen! so wird der Lehrer verlassen und hinterher unter die Martyrer gerechnet, denn es war ja nur privat Meynung! er wird in einen anderen Boden versetzt und heimlich unterstützt.

Hier indessen ein Pröbchen, von diesem Privat-Unterrichte!

A. Heisse der Erlauchte Alt-Meister.

B. Der den Unterricht empfangende Jung-Meister.

Alle Logen-Ausdrücke bleiben aus dem natürlichen Grunde fort, weil das Gesetz sie eigentlich ausserhalb der Loge untersagt!

присяга его не могутъ имѣть передъ лицомъ суда большаго значенія, чѣмъ слово и присяга всякаго другого.

Въ тѣхъ случаяхъ, наконецъ, когда не представляется возможности что-либо сдѣлать, учителя предоставляютъ его собственной участи, а впослѣдствіи причисляютъ къ мученикамъ, ибо вѣдь это же было только его личное мнѣніе. Его переводятъ куда-нибудь въ другое мѣсто и тайно поддерживаютъ.

Вотъ, между прочимъ, образчикъ такого приватнаго просвѣщенія:

А. Будетъ просвѣщенный старшій мастеръ.

В. Просвѣщаемый младшій мастеръ.

Всѣ масонскіе термины выпускаются по той простой причинѣ, что внѣ ложъ они, въ сущности, воспрещены закономъ.

Такое просвѣщеніе производилось во время уединенной прогулки, вблизи рѣки, отличавшейся очень романтическими берегами. Было необыкновенно чудное теплое осеннее утро, именно такое, какое необходимо для оживленія чувствъ и сообщенія фантазіи новаго полета.

А. Взгляните на эту чудную природу, какъ счастливы могли бы быть люди,—а между тѣмъ какъ мало счастья между ними.

В. Справедливо, совершенно справедливо, но можетъ быть эта вина не столько наблюдаемаго, сколько наблюдателя, потому что онъ видитъ несчастье тамъ, гдѣ онъ самъ почувствовалъ бы себя несчастнымъ. Я изъѣздилъ тоже не мало странъ и, смѣю думать, не совсѣмъ безплодно, а между тѣмъ находилъ вездѣ, что счастливыми и несчаными люди бываютъ не столько благодаря обстоятельствамъ, сколько

Dieser Unterricht ward auf einem einsamen Spaziergange, in der Nähe eines Flusses gegeben, welcher sehr romantische Ufer hatte. Der Morgen war ein ausserordentlich schöner lauer Herbstmorgen: ganz gemacht um das Gefühl zu beleben, der Phantasie neuen Schwung zu geben!

A. Sehen Sie diese schöne Natur! wir glücklich könnten die Menschen sein—und wie wenig findet man das Glück unter denselben.

B. Wahr, sehr wahr—aber ist es auch nicht mehr die Schuld des Beobachters als des Beobachteten, wenn jener dort Unglück sieht, wo nur er sich unglücklich fühlen würde! ich habe doch auch manches Land, und wie ich mich schmeicheln darf, nicht ganz unfruchtbar durchreiset, fand aber überall, dass Glückliche und Unglückliche es weniger durch die Umstände sind, als durch ihre eignen Begriffe von Glück und durch die Mittel die sie anwenden, um ihren Zweck zu erreichen.

A. Sie reden vom Einzelnen und ich vom Ganzen! haben Sie es vergessen, dass nur das Ganze im Bestreben des Mannes würdig sey? Mein Freund so lange ich noch überzeugt seyn muss, dass Druck, Ungerechtigkeit, Aberglaube, Unwissenheit, meine Brüder tyrannisieren, so lange kann ich nicht reiner Freude theilhaftig werden—so lange Kriege, Intriguen, Herkommen, wodurch

благодаря личнымъ своимъ представленіямъ о счастьѣ и способамъ, примѣняемымъ ими для достиженія своихъ цѣлей.

А. Вы говорите о частностяхъ, а я о цѣломъ.

Развѣ вы зáбыли, что только цѣлое достойно стремленія человѣка. Другъ мой, до тѣхъ поръ, пока я вынужденъ быть убѣжденнымъ въ томъ, что гнетъ, несправедливость, суевѣріе и невѣжество продолжаютъ терзать моихъ братьевъ, я не имѣю права быть участникомъ чистой радости; пока существуютъ войны, интриги, создающая пропасть между людьми разница происхожденія, преднамѣренное распространеніе невѣжества, помѣхи просвѣщенію человѣческаго разума, до тѣхъ поръ, мой другъ, всякій истинный человѣкъ долженъ по справедливости печалиться.

В. Признаюсь, что и я нерѣдко предавался подобнымъ же размышленіямъ, сознаюсь, что я, главнымъ образомъ, для того и стремился къ высшимъ степенямъ, чтобы при посредствѣ болѣе обширной сферы гражданской дѣятельности имѣть возможность совершить большее въ интересахъ человѣчества; но кто же можетъ повелѣвать судьбою—какъ знать, что то, что мы считаемъ за благо, является, въ самомъ дѣлѣ, таковымъ для людей, и гдѣ найти себѣ сотрудниковъ.

А. Ищите и обрящете.

В. Я склоненъ усомниться въ справедливости этого изреченія—себялюбіе и своекорыстіе слишкомъ препятствуютъ всеобщему благу.

А. Истинный м(ассонъ) не долженъ никогда терять бодрости.

---

die Menschen vom Menschen gesondert werden, gestattete Ausbreitung der Unwissenheit, Hinderung in Erhellung des Menschlichen Verstandes, ihr Wesen treiben, so lange mein Freund sollte billig jeder wahre Mensch trauern.

B. Ich gestehe Ihnen ein, dass mich oft dergleichen Betrachtungen beschäftigt haben: gestehe Ihnen ein, dass ich vorzüglich darum in die Höhe strebte, damit ich durch erweiterte bürgerliche Wirkungskreise, auch mehr für die Menschheit zu wirken im Stande sey—allein wer kann dem Geschicke gebieten—wer kann auch wissen, ob das, was man für Gut hält, wirklich ein Gut für die Welt sey—und wo findet man Mitarbeiter?

A. Suchet, so werdet ihr finden!

B. Fast möchte ich an der Wahrheit dieser Sentenz zweifeln—Selbstliebe und Eigennutz stehen dem Allgemeinen Guten zu sehr im Wege.

A. Ein ächter M. soll nicht müde werden!

B. Dies darf eigentlich kein guter Mensch, aber da Sie einmal von dieser heiligen Verbindung reden, und mir höheren Unterricht zugesagt haben, dar ich Sie wohl jetzt daran erinnern? denn um nicht müde zu werden muss man das Ziel kennen, um seine Kräfte nach demselben abmessen zu können!

В. Собственно говоря, этого не долженъ дѣлать никто изъ хорошихъ людей, но такъ какъ вы ужъ заговорили объ этомъ священномъ братствѣ и обѣщали мнѣ высшее просвѣщеніе, то не позволите ли вы мнѣ напомнить вамъ теперь объ этомъ. Ибо для того, чтобы не терять бодрости, нужно знать ту цѣль, къ которой стремишься, дабы имѣть возможность соразмѣрить съ нею свои силы.

А. Просвѣщеніе это я обѣщалъ вамъ и не буду вамъ въ немъ отказывать, но вы предоставите мнѣ самому выбрать подходящее для того время: возможно, что при нѣкоторомъ вниманіи вы найдете искомое вами скорѣе, чѣмъ думаете; бываетъ же и нерѣдко, что мы не замѣчаемъ какъ разъ того, что къ намъ ближе всего.

В. Въ такомъ случаѣ другъ могъ бы помочь другу маленькимъ указаніемъ.

А. Разумѣется, если только опытный другъ замѣтитъ, что это указаніе не будетъ напраснымъ, и что сердце и разумъ подготовлены и исполнены энергіи, какъ въ тотъ моментъ, когда они выходятъ изъ рукъ Іеговы. Вы, значитъ, считаете людей счастливыми, а меня мечтателемъ—пессимистомъ.

В. Ни того, ни другого я не думаю. Я чувствую, что люди могли бы быть счастливѣе, чувствую, что ихъ гнететъ зло, которое они частью навлекаютъ на себя сами, а частью носятъ только въ своемъ воображеніи, и что они терпятъ, кромѣ того, отъ зла, бремя котораго они несутъ незаслуженно—однако, по твердому моему убѣ-

---

A. Diesen Unterricht habe ich Ihnen versprochen, und werde Ihnen denselben nicht entziehen, doch werden Sie mir die Zeit dazu selbst wählen lassen: vielleicht finden Sie, bey einiger Aufmerksamkeit das was Sie suchen, ehe Sie es vermuthen: es geschieht oft, dass wir das übersehen was uns ganz nahe liegt.

B. In diesem Falle würde der Freund dem Freunde eine kleine Bemerkung schenken.

A. Gewiss, wenn der erfahrne Freund bemerken wird, dass diese Bemerkung nicht umsonst gegeben wird, und das Herz und der Geist reif und Kraftvoll sind, wie sie aus Jehovas Händen kamen.

Sie halten die Menschen wohl wirklich für glücklich, und mich daher für einen finster sehenden Schwärmer?

B. Beides nicht. Ich fühle, dass die Menschen glücklicher seyn könnten, fühle, dass sie von Übeln gedrükt werden, die sie theils selbst sich schaffen, theils selbst blos in ihrer Einbildung mit sich herumtragen aber auch Übel erdulden, die sie ohne ihr Verschulden aufbürden müssen—allein die Schuld liegt meiner festen Überzeugung noch nicht im Plane der Schöpfung, ist Folge unserer Unvollkommenheit, die nie aufhören wird.

жденію, вина кроется не въ планѣ міроздания, а въ несовершенствѣ нашемъ, которому никогда не будетъ конца.

А. Значитъ, въ силу увѣренности нашей въ томъ, что несовершенству этому никогда не будетъ конца, мы не должны даже и пытаться сдѣлать самихъ себя и другихъ настолько совершенными, насколько это окажется возможнымъ.

В. Я думаю, что само совершенствованіе—наша обязанность; что же касается до руководительства другими въ этомъ отношеніи, то съ этимъ вопросомъ я еще не совсѣмъ порѣшилъ.

А. Если допустить, что вы правы, то возможно—совершеннѣйшій человѣкъ ничего бы не выигралъ, кромѣ необходимости переносить навлекаемое на него несовершенствомъ другихъ несчастіе съ такимъ же смиреніемъ, съ какимъ Іисусъ терпѣлъ свои страданія.

В. Неужели вы сочли бы это, въ самомъ дѣлѣ, несчастіемъ. И развѣ терпѣливое отношеніе къ недостаткамъ своего ближняго не является нашей пріятной обязанностью.

А. Въ этомъ я узнаю васъ, другъ мой, совершенно; однако всѣ ли обладаютъ такою способностью и всѣ ли такъ далеки отъ чувства мести и ненависти, какъ вы? и если не всѣ, то не получится ли ъ результатѣ торжества порока надъ добродѣтелью—побѣды животнаго начала надъ божественнымъ? и отчего бы доброму не пытаться оградить себя отъ искушенія исправленіемъ искусителя, и развѣ условія жизни остались тѣми же, что и въ древнія времена? Родные, друзья, супруги, дѣти—все это болѣе или менѣе проходитъ

A. Also weil wir *glauben* diese Unvollkommenheit kann nie aufhören, so müssen wir uns auch nicht erst bemühen, uns selber und andere so vollkommen als möglich zu machen?

B. Ich glaube uns selbst vollkommener zu machen ist Pflicht, andere dahin zu leiten—damit bin ich noch nicht ganz Eins.

A. Angenommen Sie hätten Recht, so würde der möglichst Vollkommene Mensch, weiter nichts gewinnen, als dass er das Unglück was die Unwollkommenheit der anderen über ihn bringt, mit Resignation zu ertragen, wie ein Jesus Leiden?

B. Hielten Sie dies wirklich für ein Unglück? Ist es nicht süsse Pflicht die Mängel meiner Mitbrüder mit Duldung zu tragen?

A. Hier erkenn ich Sie ganz, lieber Freund, allein ist diese Kraft einem jeden gegeben? ist ein Jeder so entfernt vom Gefühl der Rache und des Hasses als Sie? und wann das nicht ist, entstehen nicht dadurch Triumpfe des Lasters über die Tugend—der Sieg des Thiermenschen über den Gottmensch?—warum soll der Gute nicht auch suchen, der Versuchung dadurch vorzubeugen, dass er den Versuchenden bessert?—und sind denn die Verhältnisse des Lebens noch dieselben jener Vorzeit? Verwandte, Freunde, Gattin, Kinder,—dies alles ge-

вмѣстѣ съ остальнымъ, что есть хорошаго на свѣтѣ. Можно ли чувствовать себя счастливымъ, когда любимый нами человѣкъ несчастливъ? Другъ мой, такъ пріятно быть въ состояніи дѣлать всѣхъ окружающихъ счастливыми, но это удается столь рѣдко, что всякій, кто изъ эгоизма приноситъ вмѣсто счастія несчастіе, утрачиваетъ значительную долю, если не все свое достоинство. Разберемтесь въ этомъ вопросѣ серьезно, какъ мыслящіе люди. Мы видимъ во всей природѣ, мы чувствуемъ въ самихъ себѣ могучій призывъ къ наслажденію. Соотвѣтственно различнымъ категоріямъ твореній разнообразны и виды наслажденія. Съ которой бы стороны мы ни взглянули на это дѣло, а все же въ наслажденіи заключается извѣстная доля ощущенія счастья. Обратитесь къ роду человѣческому: съ какимъ упорствомъ каждый стремится къ наслажденію, но сколь безконечно разнообразно это наслажденіе, какъ счастливъ наслаждающійся и какъ несчастливъ тотъ, кто добивался наслажденія безуспѣшно. Оставимъ въ сторонѣ всѣ хитроумныя словоизверженія: счастье заключается исключительно въ наслажденіи, при томъ въ наслажденіи того именно рода, который для даннаго существа какъ разъ и является наслажденіемъ. И, стало быть, истинный другъ своихъ ближнихъ долженъ наслаждаться и способствовать наслажденію другихъ, а если онъ этого не въ состояніи сдѣлать, то, по крайней мѣрѣ, хоть не мѣшать имъ, пока человѣкъ, наслаждающійся счастьемъ, по своему пониманію, не наноситъ этимъ фактическаго ущерба счастію другихъ людей,—онъ обязанъ наслаждаться. Всякая утонченность

---

het mehr oder minder, mit dem Guten unter! wenigstens können sie nicht glücklich seyn, wenn der Geliebte unglücklich ist! Freund'es ist so süss Glück um sich her verbreiten zu können, ach dies können so selten, dass derjenige welcher um sein Selbst willen, statt Glück, Unglück giebt viel von seinem Werthe, wenn nicht seinen ganzen Werth verliert. Lassen Sie uns einmal die Sache ernstlich untersuchen als denkende Menschen!—Wir sehen im ganzen Umfange der Natur, wir fühlen in uns selbst den mächtigen Ruf nach Genuss—Nach den verschiedenen Gattungen der Geschöpfe ist auch die Art des Genusses verschieden—aber wir mögen das Ding drehen und wenden, so liegt im Genusse das Gefühl des Glücklichseyns — Sehen Sie das Menschengeschlecht, wie ununterbrochen ein jeder nach Genuss strebt, wie unendlich verschieden aber dieser Genuss ist, und wie glücklich der Geniessende, wie unglücklich der ist, der umsonst nach seinen Genuss strebte! Lassen Sie alle alte spitzfindige Declamationen fort, der Genuss allein macht glücklich, und zwar die Art des Genusses welche für dies Wesen nun einmal Genuss ist! *Der wahre Freund seiner Mitbrüder* muss also geniessen und zum Genusse anderer beytragen, und wenn er es nicht kann, denselben doch nicht hindern! so balde der Mensch durch Genuss seiner Art Glück, dem Glücke eines anderen nicht *reellen* Abbruch thut, so ist es Pflicht zu geniessen. Jede Verfeinerung des Genusses ist Erhö-

наслажденія увеличиваетъ счастье: жестоко, а слѣдовательно и несправедливо было бы критиковать наслажденіе другого человѣка или способы его дѣлать себя счастливымъ. Мы живемъ на землѣ для того, чтобы быть счастливыми. Наслажденіе счастьемъ является и должно быть основнымъ закономъ всего устраиваемаго людьми и всѣ, отъ высшаго до низшаго, обязаны чтить этотъ законъ въ отношеніяхъ своихъ къ ближнему, ибо это—Божескій законъ. Правда, что многое изъ устроеннаго людьми находится и понынѣ въ противорѣчіи съ этимъ закономъ, однако соединенныя силы любящихъ человѣчество братьевъ въ состояніи достигнуть многаго и даютъ право надѣяться, что настанетъ же наконецъ тотъ великій, чудный день, который откроетъ людямъ возможность быть счастливыми.

В. Эта надежда кажется мнѣ чрезвычайно смѣлой: ибо основаніемъ для такой надежды можетъ быть не увеличеніе численности братьевъ, а повсемѣстное распространеніе основныхъ принциповъ м(асонства).

А. И, все-таки, вы ошибаетесь. Я допускаю, что не каждый изъ братьевъ проникнутъ нашими принципами и руководится ими, какъ основными правилами своей жизни, но за то не всякій бываетъ свободнымъ каменщикомъ, а только масономъ. Первые собственно и руководятъ всѣмъ дѣломъ: они составили планъ сооруженія храма, они же назначаютъ рабочихъ, провѣряютъ работу и подводятъ зданіе подъ крышу; остальные только простые рабочіе—они видятъ планъ, ничего въ немъ не понимая; они собираютъ камни, укладываютъ

---

hung des Glückes: und es ist lieblos, also auch unrecht, den Genuss eines anderen oder die Art wir er sich glücklich fühlt zu bekritteln. Um glücklich zu seyn sind wir hier! Glück zu geniessen ist und muss das Fundamental Gesetz aller Menschlichen Einrichtungen seyn, und der Niedrigste wie der Höchste müssen diesem Gesetze für ihren Nebenmenschen volle Achtung geben, denn es ist das Gesetz der Gottheit. Freylich stehet so Manches bis jetzt diesem Gesetze in den menschlichen Einrichtungen entgegen, doch *vereinte Kräfte* menschenliebender Brüder vermögen viel, und geben das Recht zu hoffen, dass endlich der grosse schöne Tag erscheinen wird, der es der Menschheit möglich macht, glücklich zu seyn.

B. Diese Hoffnung scheint mir, ausserordentlich gewagt: denn nicht die Ausbreitung der Brüder durch Zahl, sondern das Allgemeinwerden echter M. Grundsätze kann nur Grund zu einer solchen Hofnung geben.

A. Und doch irren Sie! ich gebe zu, dass nicht ein jeder Bruder von unsern Grund sätzen durchdrungen, sie zur Handlungs---Maxime macht; aber dafür ist auch nicht ein jeder Freyer Maurer, sondern nur Frey Maurer die ersteren sind es, welche eigentlich die Arbeit führen, sie haben den Plan zum Tempel entworfen, sie stellen die Arbeiter an, sie untersuchen die Arbeiten und leiten sie zur

ихъ по всѣмъ правиламъ: одинъ на другой или одинъ возлѣ другого, обтесываютъ ихъ согласно положенному—развѣ это можетъ быть названо самостоятельной работой. И тѣмъ не менѣе они ускоряютъ сооруженіе храма. Потому-то наше искусство, искусство свободныхъ каменщиковъ и является искусствомъ владыкъ, искусствомъ господствовать при посредствѣ любви. И такъ вы видите, другъ мой, что вамъ, какъ члену нашего братства, стоящему на одной изъ высшихъ ступеней его, я даю возможность заглянуть въ глубь моего Святая Святыхъ и надѣюсь, что вы найдете теперь основаніе для надежды. Нашей чертежной доской является—весь міръ.

В. Я понимаю васъ, но простите сомнѣвающемуся, по мнѣ тутъ есть противорѣчіе, серьезное противорѣчіе. А наша присяга—а религія—отечество—монархъ.

А. Обдумайте это сами; ищущій свѣта не будетъ бродить во тьмѣ. Вы свободный каменщикъ, достойный свѣта, зачѣмъ вамъ задавать робкіе вопросы тамъ, гдѣ вы можете сами по себѣ придти къ выясненію тайны.

В. Неужели же религія, отечество, монархъ—тоже только символы?

А. промолчалъ, не выразивъ ни отрицанія, ни утвержденія.

В. Я вижу передъ собой новый лабиринтъ; привычка связывать эти слова только съ опредѣленными, общепризнанными представленіями затрудняетъ мнѣ сочетаніе ихъ съ новыми, а если бы я даже взялся за это, то предвижу себя покинутымъ на ложномъ пути.

Zinne, die anderen sind blos Arbeiter, sie sehen den Grundriss ohne ihn zu verstehen, sie tragen die Steine zusammen, legen sie Gesetzmässig auf und neben einander, behauen sie nach der Regel, wer kann dies Freye Arbeit nennen? und doch fördern sie den Bau des Tempels! Eben darum ist unsere Kunst, die Kunst der Freyen Maurer, eine Königliche Kunst, die Kunst durch Liebe zu herrschen. Sie sehen wohl'lieber Freund, ich lasse Sie, als ein hochwürdiges Glied unsrer Bruderschaft, tief in mein Allerheiligstes blicken, und hoffe Sie werden nun Grund zum Hoffen finden! Unser Reissbrett ist—die Welt.

B. Ich verstehe Sie, aber verzeihen Sie dem Zweifelnden, ich glaube Widersprüche. richtige Widersprüche zu finden—Unser Eyd!—Religion—Vaterland—Monarch.

A. Denken Sie selbst nach, wer das Licht suchet, der wird im Lichten wandeln! Sie sind ein Freyer Maurer, des Lichtes würdig, warum wollten Sie zaghaft fragen, wo Sie selbst sich das Geheimniss entwickeln können.

B. Sollten Religion, Vaterland, Monarch auch nur Symbole seyn?

A. (Blieb stumm, ohne ein Zeichen von Bejahen oder Verneinen zu geben).

B. Es eröfnet sich mir ein neues Labyrinth: die Gewohnheit mit diesen Worten nur bekannte und allgemein anerkannte Ideen zu verbinden, erschweret mir

А. Покинутымъ, нѣтъ, мой другъ, ни въ коемъ случаѣ; но скажите мнѣ, въ какой религіи вы были воспитаны?

В. Въ христіанской, проповѣданной людямъ Іисусомъ Назореемъ.

А. Прекрасно, другъ мой! но развѣ Онъ не проповѣдывалъ, почти 2000 лѣтъ тому назадъ, того же самаго, что представляется вамъ столь страшнымъ теперь? И развѣ ученіе этого Богочеловѣка не достаточно вразумительно? Любите Бога превыше всего, а ближняго своего, какъ самого себя! развѣ Онъ говоритъ что-нибудь о церковныхъ обрядахъ, гдѣ же Онъ предписываетъ какія-либо установленія? и развѣ не говорилъ Онъ совершенно опредѣленно: „когда захочешь молиться и т. д.“ и развѣ не намекаетъ Онъ постоянно, что любовь объединяетъ человѣческій родъ въ одну семью; церковныя же узаконенія только разъединяютъ его. Для счастія человѣчества необходимо устраненіе не только всего, что мѣшаетъ сближенію людей, но и того, что затрудняетъ такое сближеніе. Люди призваны быть братьями, Христово ученіе внушало это сѣдой старинѣ; къ тому же долженъ стремиться и каждый м(асонъ), всякій исповѣдующій и признающій Христово ученіе: тогда какъ все идущее съ этимъ въ разрѣзъ является внушеніемъ духа злобы, и пора уже уничтожить тотъ ореолъ, которымъ время и лѣнь окружили подобныя установленія. Счастье, уготованное человѣчеству, безпредѣльно, какъ само божество.

В. Я понимаю, конечно, что въ наше время было бы уже поздно относить вѣру и нравственность къ одной и той же категоріи по-

---

das Verbinden derselben mit Neuen, und wenn ich es auch unternehmen wollte, so sehe ich mich auf Irrwegen verlassen.

A. Verlassen, nein mein Freund, das nie: aber sagen Sie mir, in welcher Religion wurden Sie erzogen?

B. In der Christlichen, die Jesus von Nazareth dem Menschen lehrte.

A. Gut mein Freund, hat dieser nicht schon vor beinahe 2000 jahren eben das gelehrt, wofür Sie jetzt erschrecken? Ist nicht die Lehre dieses Gottmenschen deutlich genug? Liebet Gott über Alles, Euren Nächsten wie Euch selbst! wo redet er von Kirchen Gerbräuche? Wo liebt er Jnstitutionen?—und sagt er nicht ausdrücklich, wenn ihr beten wollt ect. deutet er nicht überall dahin, dass. Liebe das Menschengeschlecht zu Einer Familie bilden, Kirchen Satzungen dies Geschlecht, aber nur thörichter Weise zerspaltet? Soll die Menschheit glücklich seyn, so muss *alles* aufhören, was die Annäherung des Menschen zum Menschen nicht nur hindert, auch das muss fort, was diese Annäherung erschwert. Die Menschen sind zur Brüderschaft berufen, die Moral Jesu lehrte dies dem grauen Alterthum, und dahin muss ein jeder M., jeder der Jesu Lehre bekennt glaubt, streben; alles was diesem widerstrebt sind Einrichtungen des Thier-Menschen, es ist die Zeit nahe den Nimbus welchenihnen Alterthum und Bequämlichkeit

нятій; я очень хорошо понимаю, что было бы несправедливо ненавидѣть, преслѣдовать или, даже, только менѣе любить своего ближняго за то, что онъ родился и воспитанъ въ иной религіи; тѣмъ не менѣе отечество остается всегда центральнымъ пунктомъ для всѣхъ членовъ одной какой-либо отрасли великой семьи, и истинная преданность по отношенію къ таковому является слишкомъ естественною, чтобы быть только несправедливостью: ибо признательность за покровительство и воспитаніе въ годы юности не могутъ быть ошибкою.

А. Несправедливости само по себѣ это, конечно, не составляетъ, а только можетъ обратиться въ таковую.—Такая благодарность, такая привязанность, если она не связана тѣснѣйшимъ образомъ съ чувствомъ любви ко всему человѣчеству, будетъ несправедливостью, величайшею несправедливостью. Вы обязаны любить всѣхъ людей, какъ самого себя—тутъ нѣтъ никакого разграниченія. Ваше отечество—весь міръ, а вовсе не тотъ маленькій уголокъ его, гдѣ вы родились. Ваши сограждане—всѣ люди. Какъ ничтожно, по сравненію съ этимъ чувствомъ любви ко всѣмъ, мелкое, эгоистическое чувство патріотизма. Чувство это, столь часто бывавшее источникомъ ненависти, гоненій и кровавыхъ войнъ, вытѣсняется изъ любвеобильнаго сердца болѣе возвышеннымъ чувствомъ. А, затѣмъ, другъ мой, говоря искренно и откровенно, что же такое отечество? и развѣ существуетъ такая страна, которую было бы можно, и при томъ на законномъ основаніи, считать единой и нераздѣльной? И если отдѣльная личность имѣетъ право считать какую-нибудь страну своимъ отечествомъ

---

leihet zu vernichten. *Das Glück dem Menschengeschlechte bestimmt ist unendlich wie Gott.*

B. Ich sehe wohl ein, dass es in unseren Zeiten, zu spät wäre, Glaube mit Moral in eine Rubrik zu versetzen, sehe sehr gut ein, dass es Unrecht wäre den Bruder zu hassen, zu verfolden, ja selbst blos minder zu lieben, der in einem anderen Glauben gebohren und erzogen ist: allein das Vaterland ist doch immer ein Sammelpunkt der Glieder eines Zweiges der grossen Familie, Treue Anhänglichkeit an demselben ist zu natürlich, als dass sie Unrecht sein könte: ja Dankbarkeit für Schutz und Bildung in früheren Jahren Kann ohnmöglich Trehler seyn.

A. Unrecht an sich, ist es warrlich nicht-allein es Kann Unrecht *werden*!—Diese Dankbarkeit, diese Anhänglichkeit, wenn sie nicht mit dem Gefühle der Menschenliebe fürs Ganze Geschlecht aufs innigste verbunden ist, ist Unrecht, Höchstes Unrecht! Sie sollen Alle Menschen lieben wie sich selbst-hier ist keine Grenzlinie nicht gezogen — Ihr Vaterland ist die Welt — nicht der kleine Raum der Ihnen Daseyn gab!—Ihre Mitbürger sind alle Menschen.—Wie schwindet vor dies Gefühl der Liebe zu Allen das kleinliche, selbsshmeichelnde. Gefühl des Patriotismus! Er, der so oft die Quelle des Hasses, der Verfolgung, blutiger Kriege war ihn verscheucht aus edlem Busen, das erhabenere Gefühl!—Und dann, mein Freund, aufrichtig und offen!—was ist denn Vaterland? wo ist denn

и на этомъ основаніи посвящать исключительно только ей всѣ свои силы—о, въ такомъ случаѣ, и обыватель каждаго отдѣльнаго города, житель всякаго отдѣльнаго селенія имѣетъ и можетъ быть даже еще болѣе обоснованное право посвящать себя и свои силы на служеніе исключительно мѣсту своего жительства и считать чужимъ для себя весь ближайшій, окружающій районъ. Отечество можетъ быть и существуетъ для тѣхъ, кто, по малодушію своему, соразмѣряютъ свою любовь сообразно съ направленіемъ пограничной линіи; для сыновъ же Божіихъ существуетъ только одинъ Отчій Домъ. Свободенъ бываетъ лишь умѣющій быть добрымъ, не взирая ни на страхъ, ни на надежду, безъ принятія въ расчетъ ни времени, ни обстоятельствъ, ни арены своей дѣятельности; его не соблазняютъ и не стѣсняютъ ни религія, ни государственное устройство, ни законъ, ни выгода, ни ущербъ, ни даже надежда на загробную жизнь.

Религія, откровеніе, государственное устройство—все это только способы возвращенія падшаго человѣка на стезю свободы. Съ момента достиженія человѣчествомъ зрѣлаго возраста, они становятся только помѣхой человѣческому счастью и сами собою исчезаютъ въ мрачной безднѣ небытія. То же будетъ и съ гражданскими правами; собственность, феодальное право, наслѣдственное право—все это способы, которыми пользуется государство для направленія падшаго, лишеннаго гуманности человѣка къ человѣколюбію;—они сильно противодѣйствуютъ всеобщему благополучію, порождаютъ богатство и бѣдность, создаютъ господъ, рабовъ и адское своекорыстіе. На-

---

Elin Land, welches als Einheit zu betrachten, rechtlich zu betrachten wäre? Hat der Einzelne das Recht, ein Land als sein Vaterland zu betrachten, und ihm daher ausschliesslich seine Kräfte zu weihen—o so hat der Bürger Einer Stat, der Bewohner Eines Dorfes, vielleicht gegründeteres Recht, sich und seine Kraefte ausschliesslich dem Wohnpunkte zu weihen, und die nächste Nachbargegend als Fremde zu betrachten! Es mag ein Vaterland geben für diewelche engbrüstig ihre Liebe nach Staatengrenzen berechnen, aber für das Gottmenschengeschlecht giebt es nur ein Vaterhaus. — Nur der ist frey, wer gut zu sein verstehet ohne Rücksicht auf Furcht der Hoffnung-ohne Hinsicht auf Zeit und Umstände-ohne Hinsicht auf den Schauplatz wo er sich befindet, ihm lokt nicht, ihn hindert nicht Religion, nicht Staateneinrichtung, nicht Gesetznicht Vortheil nicht Nachtheil, nicht selbst die Hoffnund der Fortdauer nach diesem Ableben.

Religion, Offenbahrung, Staatseinrichtungen, sind nur Mittel den gesunkenen Menschen zur Freiheit zu leiten! So balde die Menschheit das reife Alter erreicht hat, sind sie nur Hindernisse dem Menschlichen Glücke, und sinken von selbst in ihr finsteres Nichts zurück! Eben so wird es mit den bürgerlichen Rechten gehen, Eigenthum, Lehnrecht, Erbrecht, sind Staatsmittel den gesunkenen *Menschen ohne Menschenliebe zur Menschenliebe zu leiten*—sie stehen

станетъ время, когда не будетъ никакой собственности, кромѣ вознагражденія за трудъ, никакого матеріальнаго вознагражденія, помимо благодарности, никакихъ наслѣдственныхъ правъ, кромѣ болѣе обширныхъ знаній и большей способности приносить пользу, пріобрѣтаемыхъ общеніемъ и воспитаніемъ.

Вы и сами хорошо понимаете, что тогда народы не будутъ уже нуждаться въ государяхъ, что наиболѣе заслуженный и лучшій изъ людей, не нося титула государя, не поддерживая своего авторитета законами, будетъ посвящать себя на служеніе человѣчеству, исключительно изъ любви къ этому послѣднему; великая же цѣпь рода человѣческаго не будетъ уже разъединена границами и расчленена на отдѣльныя звенья, но руководимая любовью станетъ жить въ любви и согласіи.

В. Любезный другъ, на это потребуется, повидимому, такъ страшно много времени, что всякому сердечному человѣку должно быть больно, когда онъ заглянетъ въ это райское будущее, а затѣмъ почувствуетъ себя въ настоящемъ—мнѣ кажется, что это время никогда не наступитъ.

А. Если бы предки наши пугались этой мысли, то мы и до сихъ поръ бродили бы во тьмѣ. Я же живу другой надеждой: безконечно многое совершилось уже, и въ наше время одна эпоха смѣняетъ другую такъ быстро, что мы можемъ предчувствовать уже наступленіе и скорое наступленіе конца временъ. Присмотритесь къ настроенію народовъ—вездѣ проявляется сознаніе человѣческаго досто-

---

dem allgemeinem Glücke mächtig entgegen, gebähren Reichthum und Armuth, Herren und Sklaven, und den höllischen Eigennutz.—Es wird einst kein anderes Eigenthum seyn, als Lohn für verdienst, kein anderes Lohn als Dankbarkeit für Verdienst durch Einkünfte-Kein anderes Erbrecht als erhöhte Kenntniss und Nützlichkeit durch Umgang und Erziehung! — Sie sehen wohl von selbst ein, dass dann die Völker keines Monarchen mehr bedürfen, dass der Verdienstvollste, der Beste der Menschen ohne Monarch zu heissen ohne die Pflicht durch Gesetze zu erhalten, sich aus Liebe zum Menschengeschlecht, für dasselbe widmen wird, und dass die grosse Kette Menschheit nicht mehr durch Grenzen getrennt, in Glieder getheilt, durch Liebe geleitet liebend leben wird!

B. Lieber Freund, dies scheint, so ungeheure Zeit zu erfordern, dass es dem fühlenden Menschen wehe thun muss, wenn er einen Blick in jenen Himmel der Zukunft thut und dann die Gegenwart fühlt—mir deucht diese Zeit wird nie werden.

A. Wenn unsere Vorfahren sich von diesem Gedanken hätten abschrecken lassen—so wanderten wir noch im Finstern—Aber ich lebe einer anderen Hofnung; es ist schon unendlich viel geschehen, und in unseren Zeiten gebährt eine Epoche so schnell die Andere, dass wir das Ende der Zeit ahnden, als nahe ahnden können. Beobachten Sie die Stimmung der Völker—überall tritt das Gefühl

инства. Великое, достойное самого божества дѣло быть созидателемъ для современнаго и будущаго поколѣній—благо тому строителю, который свѣдущъ въ своемъ искусствѣ.

В. Мнѣ кажется только, что такой полный переворотъ не можетъ произойти безъ насильственныхъ революцій, а между тѣмъ моему ограниченному пониманію представляется, что эти послѣднія не совмѣстимы со справедливостью: страданія, угнетающія человѣчество въ такія эпохи, слишкомъ многообразны, жестоки и тяжки. Невозможно же, чтобы порокъ и ненависть были благами.

А. Вы ошибаетесь, говоря: „страданія, угнетающія человѣчество въ такія эпохи"—не человѣчество, а только отдѣльныхъ личностей, которыя изъ обычнаго себялюбія противодѣйствуютъ всеобщему благу.

Я вовсе не охотникъ до безпорядка и революцій, но какъ другъ вашъ, я подѣлюсь съ вами моими мыслями насчетъ французской революціи—она представляется мнѣ необходимымъ зломъ, обусловленнымъ естественной борьбою въ человѣкѣ животнаго начала съ божественнымъ, однако, къ какимъ благословеннымъ послѣдствіямъ привела она уже. Возьмемъ, напримѣръ, Наполеона, какъ владыку міра—имъ можно было все-таки руководить; когда онъ достигъ всего и когда ему нечего уже было желать,—онъ могъ и долженъ былъ только бояться,—одному ему невозможно было избѣгнуть руководства. Первымъ шагомъ для человѣчества является миръ и невозможность войны и первымъ къ тому средствомъ, кажется, все-

---

der Menschenwürde hervor.—O es ist ein göttliches Werk, für jetzige und Kommende Generationen aufbauen—wohl dem Maurer, der seine Kunstversteht.

B. Mir deucht nur, dass eine so total Umwälzung, ahnmöglich ohne gewaltsame Revolutionen Stasthaben kann, und diese scheinen sich nach meinen eingeschränkten Begriffen nicht mit der Menschenliebe, nicht mit Billigkeit und Recht zu veitragen: die Leiden welche in solchen Zeiten die Menscheit drücken, sind zu vielfach, zu grausam, zu erdrückend. Das Laster, der Hass, sind ohnmöglich *Güter*!

A. Sie machen einen Sprachfehler, Sie sagen: die Leiden so in solchen Zeiten die *Menschheit* drücken.—Nicht die Menschheit, sonder nur, einzelne Menschen, welche aus gewohnter Eigenliebe dem allgemeinen Wohle entgegen streben.

Ich bin nichts weniger als Freund der Unordnung, und der Revolutionen› aber hier in Ihr Herz schüttet der Freund, seine Cedanken über die französische Revolution aus.—Sie schrint mir eiu notwendiges entstanden aus dem natürlichen Streite des Thiermenscheu mit dem Gottmenschen im Menschen — aber welche beseeligende Folgen hat sie schon hervorgebraht? welches Glück entstehet aus ihr für die folgenden Geschlechte? — Nehmen Sie Buonaparte als Herr der Welt ihn konnte man doch leiten, wenn er alles erreicht hatte, nichts mehr zu wünschen ihm übrig blieb,—dann konnte und musste

мірная монархія, скорѣе она можетъ выдержать радикальные перевороты безъ революціи, чѣмъ отдѣльныя государства, политически другъ съ другомъ связанныя, и политически же разъединенныя—это мое личное мнѣніе, и если бы Бонапартъ прибѣгнулъ къ другимъ средствамъ для достиженія той же цѣли, то, по моему мнѣнію, онъ пріобрѣлъ бы безсмертіе.

В. Мнѣ кажется, что, считая человѣчество зрѣлымъ, вы оказываете ему слишкомъ много чести,—пока человѣкъ привязанъ къ самому себѣ, болѣе чѣмъ къ большинству подобныхъ ему же созданій, пока богатство, болѣе обширныя знанія и высшая степень соціальной культуры даютъ ему возможность познаванія вещей, предоставляющихъ ему закономъ признанное преимущество по сравненію съ ближними, до тѣхъ поръ нечего и думать объ аркадскомъ или райскомъ совмѣстномъ житьѣ человѣческаго рода: насильственное ускореніе наступленія этого желательнаго времени предоставляется мнѣ чѣмъ-то въ родѣ тепличной культуры растеній—что за трата энергіи!—а между тѣмъ плоды никогда не отличаются при этомъ прекраснымъ естественнымъ вкусомъ.

А. Другъ мой, не овладѣло ли вами малодушіе. Какъ, изъ-за того, что мы не успѣли еще произвести опыта, мы будемъ предаваться сомнѣнію и сидѣть сложа руки. Въ такомъ случаѣ и вообще не слѣдовало бы предпринимать что-либо здѣсь, на землѣ, ибо кто же изъ смертныхъ въ состояніи предусмотрѣть всѣ безконечныя послѣдствія. Нашей цѣлью должно быть благополучіе человѣчества; къ этому

---

er nur fürchten — er konnte, der Einzelne der Leitung nicht entgehen! Der erste Schritt für die Menschheit ist — *Friede und Unmöglichkeit zum Kriege*—hiezu scheint wohl das erste Mittel *Universal Monarchie—diese leidet eher total Veränderungen ohne Revolution, als* einzelne Staaten, polytisch unter einander verbunden und polytisch getrennt—dies ist meine Ansicht und wenn Buonaparte andere Mittel, zu gleichem Zwecke ergriffen hätte, würde er meines Erachtens unsterblich gewesen seyn.

B. Mir deucht, dass Sie der Menschheit zu viel Ehre erzeugen, venn Sie solche für reif halten — so lange der Mensch mehr an sich als an die Mehrzahl ähnlicher Geschöpfe hängt, so lange er im Reichthum, in höherer Kenntniss, in grösserer Geselliger Bildung Dinge erkennt, welche ihm Vorzüge vor seine Nebenmenschen rechslich geben, so lange ist an *Arkadisches* oder *Paradisisches* Zusammenleben der Gattung wohl nicht zu glauben: mir Kommt das gewaltsame Betreiben jenär wünschenswerthen Epoche vor, wie ein Treibhaus—welchen Kraftaufwand—und die Früchte sind dann doch nie von schönan naturlichen Geschmacke.

A. Ist es nicht Kleinmuth der Sie ergreift, lieber Freund? wie, weil wir noch nicht die Erfahrung gemacht haben, sollen wir deswegen zweifeln, deswegen un-

и клонится дѣятельность каждаго отдѣльнаго человѣка; общими силами работается легче, работа дѣлается для всего міра и бываетъ плодотворной даже и въ томъ случаѣ, когда цѣлыя тысячелѣтія отдѣляютъ насъ отъ Богочеловѣка—дѣятельность его продолжаетъ оказывать вліяніе и не прейдетъ во-вѣки, священная же память о немъ сохраняется въ душѣ свято чтущихъ его братьевъ.

Горе тому юношѣ и неопытному, который съ горячей любовью къ людямъ и пылкою фантазіею попадетъ въ науку къ такому или подобному ему брату-другу—онъ шагаетъ черезъ всѣ препатствія, воображаетъ себя мученикомъ за человѣчество, богочеловѣкомъ— и счастливъ онъ, если сила законовъ сорветъ повязку съ глазъ его,—вновь подниматься не легко, а нерѣдко и вовсе невозможно.

Все это, впрочемъ, соотвѣтствуетъ истинѣ,—нѣсколько разговоровъ, которые велись въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, собраны здѣсь, ради наглядности, въ одинъ общій діалогъ, направленіе, однако, вездѣ одно и то же.

(*Окончаніе*).

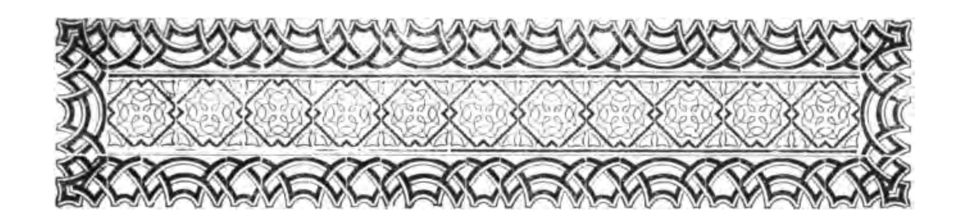
Сообщилъ Н.

thätig seyn? Dann müsste man ja garnichts in der Welt unternehmen, denn welcher Sterbliche kann die unendlichen Folgen berechnen. Unser Zweck sey Menschenglück—hierauf arbeitet der *Mensch* zu, im vereinten Kreise ist die Arbeit leichter—und bleibt für die Welt gearbeitet und Früchte tragend, auch wenn Jahrtausende der Gottmensch uns entrücket ist. — Seine Handlungen wirken und leben fort, sein geheiligtes Andenken lebt in der geheiligten Brust seiner Brüder.

Wehe dem Jüngling und Unerfahrenen, welcher mit heisser Menschenliebe und thätiger Phantasie, einem solchen und ähnlichen Bruder Freund in die Lehre kommt—er überspringt alle Schranken, wähnet sich ein Märtirer für die Menschheit, ein Gottmensch—und wohl ihm, wenn Gesetzeskraf, frühzeitig ihm die Binde vom Auge reisset. — Das Wiederaufstehen ist nicht leicht—oft ohnmöglich.

Uebrigens sind dies der Wahrheit gemäss — mehrere unterredungen, zu verschiedenen Zeiten, an verschiedenen Orten hier blos zur Uebersicht in einen Dialog gebracht—überall aber herrscht der heimliche Geist.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 г.г.

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Графъ Александръ Ѳедоровичъ Ланжеронъ родился во Франціи въ 1763 году. Въ 1777 году онъ поступилъ на военную службу и зачисленъ прапорщикомъ въ Королевскую гвардію. Не сочувствуя французской революціи, графъ Ланджеронъ въ 1789 г., будучи уже въ чинѣ полковника, перешелъ на русскую службу и былъ назначенъ въ Сибирскій гренадерскій полкъ. Въ 1790 году графъ Ланжеронъ принялъ видное участіе въ войнѣ противъ шведовъ, гдѣ, командуя канонерскими шлюпками 2-й дивизіи, отличился въ сраженіи при Біоркэ, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. Любя военное дѣло, гр. Ланжеронъ въ томъ же году принялъ участіе въ войнѣ съ Турціей и за отличіе при штурмѣ Измаила награжденъ золотой шпагой. Въ реляціи объ отличившихся сказано: „Королевской французской службы полковникъ графъ Ланжеронъ оказалъ отличную неустрашимость въ атакѣ непріятеля“. По окончаніи этой войны, мы видимъ гр. Ланжерона волонтеромъ при войскахъ союзниковъ, дѣйствовавшихъ противъ Франціи, во время первой коалиціи. Обласканный императоромъ Павломъ, гр. Ланжеронъ, въ 1797 г., былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а вслѣдъ затѣмъ и въ генералъ-лейтенанты, съ назначеніемъ, сначала начальникомъ Оренбургской инспекціи, а потомъ въ 1800 г., — Брестъ-Литовской. Съ началомъ Наполеоновскихъ войнъ съ Россіей, гр. Ланжеронъ появляется въ рядахъ русскихъ войскъ въ качествѣ отдѣльнаго начальника. Въ 1805 г., въ сраженіи подъ Аустерлицомъ, гр. Ланжеронъ командовалъ второю колонною наступавшихъ войскъ и за неудачу, постигшую нашу армію въ этомъ несчастномъ сраженіи, былъ уволенъ отъ службы. Въ отставкѣ гр. Ланжеронъ пробылъ не долго; въ 1806 г., какъ только начались военныя дѣйствія противъ турокъ, гр. Ланжеронъ состоялъ при герцогѣ Ришилье, а затѣмъ, съ 1807 г. участвуетъ въ войнѣ съ турками до конца кампаніи и въ 1812 г., въ арміи Чичагова, участвуетъ въ сраженіи на р. Березинѣ. Въ войнѣ съ турками онъ разбилъ непріятеля при Фрасинѣ въ 1809 г., а въ 1810 г. ему сдалась крѣпость Силистрія и онъ одержалъ побѣду при Дерикіой. Наградами за такія дѣйствія гр. Ланжерона были: орденъ св. Георгія 3-й степени и чинъ генерала-отъ-инфантеріи. Въ 1813 г., за участіе въ покореніи Торна, ему былъ пожалованъ орденъ

св. Георгія 2-й степени, а за послѣдовавшія сраженія, въ составѣ Силезской арміи Блюхера, гр. Ланжеронъ получилъ Императорскіе вензеля на эполеты и 30 тысячъ рублей ассигнаціями. Въ 1814 году, за взятіе Монмартрскихъ высотъ подъ Парижемъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Въ 1816 г. гр. Ланжеронъ былъ управляющимъ Новороссійскимъ краемъ, главнымъ начальникомъ Бугскихъ и Черноморскихъ казаковъ и всей Пограничной Стражи. Въ 1822 г. онъ получилъ увольненіе къ заграничнымъ минеральнымъ водамъ, но въ 1828 году, будучи 65 лѣтъ отъ роду, онъ снова на войнѣ съ Турціей, гдѣ принималъ блестящее участіе, за что былъ пожалованъ шефомъ Ряжскаго пѣхотнаго полка и одной пушкой, изъ числа взятыхъ имъ у непріятеля. Въ концѣ кампаніи, по болѣзни, гр. Ланжеронъ покинулъ военное поприще. Онъ скончался въ 1831 году, 68 лѣтъ отъ роду.

Будучи однимъ изъ образованнѣйшихъ офицеровъ своего времени, гр. Ланжеронъ отличался храбростью и выдающимся военнымъ талантомъ. Онъ 40 лѣтъ провелъ на русской военной службѣ и за все время своей, полной интереса и военныхъ доблестей, службы онъ велъ весьма подробный журналъ, „Journal des compagnes faites au service de la Russie, par le comte de Langeron"; начало этихъ записокъ относится къ 1796 году. Въ 1824 и 1827 гг. онъ перечиталъ и дополнилъ ихъ своими примѣчаніями; при чемъ первоначальный текстъ сохранилъ въ неприкосновенности. Ланжеронъ, желая придать своимъ запискамъ полную правдивость, писалъ ихъ честно, съ полной откровенностью и, конечно, съ субъективной точки зрѣнія, что особенно важно имѣть въ виду при чтеніи характеристики личностей. Хотя онъ и любилъ Россію, но въ русскимъ относился свысока, отдавая, однако же должное храбрости и выносливости нашему солдату. Въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ онъ не всегда вѣрно и безпристрастно относился къ подвигамъ другихъ и его рѣзкая и, часто, ядовитая критика порицаетъ людей не всегда того достойныхъ. Во всякомъ случаѣ, записки гр. Ланжерона чрезвычайно интересны, а въ историческомъ отношеніи представляютъ серьезный документъ.

Насколько извѣстно, онъ завѣщалъ свою объемистую рукопись библіотекѣ „Дома Инвалидовъ" въ Парижѣ, гдѣ онѣ лежали 50 лѣтъ недоступными публикѣ.

Помѣщая на страницахъ „Русской Старины" переводъ части записокъ гр. Ланжерона, касающейся войны съ Турціей 1806—1812 гг, мы думаемъ, что дадимъ полную картину не только описанія этой мало изслѣдованной войны, но въ характеристикахъ личностей и въ разсказахъ бытовыхъ читатели найдутъ описаніе эпохи того времени.

Е. К.

Примѣчаніе: Переводъ записокъ гр. Ланжерона объ Аустерлицкомъ сраженіи 1805 г. напечатанъ въ „Военномъ Сборникѣ" 1900 г. №№ 8, 9, 10, 11 и 12. Переводъ тѣхъ же записокъ о Березинской операціи 1812 г. напечатанъ въ „Изборникѣ Развѣдчика" за 1899 г. № XII. Первый переводъ напечатанъ съ нѣкоторыми купюрами.

Переводъ записокъ о войнѣ 1806—1807 гг. печатается безъ сокращеній.

Кампанія 1806 года.

Среди грома войнъ и гигантскихъ сраженій, разыгравшихся на Европейскомъ театрѣ, въ теченіе 10 лѣтъ [1]), возобновившаяся война Россіи съ Турціей быть можетъ и не заслуживала бы вниманія появиться въ отдѣльномъ описаніи, но въ виду того интереса, который проявляютъ военные, изучающіе свое дѣло, они найдутъ въ настоящемъ описаніи нѣсколько полезныхъ наставленій.

Непростительныя заблужденія и безпрестанно повторяющіяся ошибки всегда ведутъ къ дурнымъ результатамъ, но изученіе ихъ должно заставить избѣгать ихъ, подобно тому какъ благоразумная храбрость и таланты должны представлять образцы для послѣдующихъ подражаній.

Нѣкоторыя операціи нашихъ генераловъ, въ эту вторую семилѣтнюю войну, могутъ быть, въ нѣкоторомъ родѣ также полезны для изученія, какъ и операціи Фридриха II, въ войну 1756 г. Изученіе же географическихъ подробностей свойства театра военныхъ дѣйствій можетъ быть полезно русскимъ въ случаѣ новой распри съ Оттоманской Портой.

Никогда еще война не велась такъ плохо и, между тѣмъ, ни разу не кончалась такъ неожиданно счастливо. Я сдѣлалъ всю эту кампанію полностью, у меня были подъ командою весьма видные полководцы; я даже командовалъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ всею арміей, но къ счастію для меня, недолговременность этого командованія избавила меня отъ тѣхъ ошибокъ, которыя могли поставить меня въ уровень какъ съ моими предшественниками, такъ и преемниками.

Подробности этой войны мнѣ хорошо извѣстны. Я опишу ихъ съ полной правдивостью и откровенностью и не скрою тѣхъ заблужденій, ошибокъ и неустройствъ, которыя служили препятствіемъ къ достиженію цѣли и парализовали вѣрный успѣхъ.

Ужасъ, внушенный французской республикой всей Европѣ, заставлялъ всѣ державы, нѣсколько разъ, соединяться противъ нея, но всѣ эти каолиціи успѣха не имѣли.

Ни одинъ изъ государей и ни одинъ изъ ихъ министровъ не были на высотѣ обстоятельствъ и времени, настолько всѣ государства были разстроены, раздроблены, потрясены и устрашены.

---

[1]) Конца XVIII и начала XIX столѣтій. *Ред.*

Одна только Россія, отдаленная географически отъ мѣста революціи, оставалась тогда еще не втянутой въ войну; и если подъ Аустерлицемъ ея армія была побѣждена, тѣмъ не менѣе ея территорія не была затронута. Она даже воспользовалась этимъ общимъ разстройствомъ, чтобы получить Корфу и часть береговъ Иллиріи и Далмаціи и заключить съ Портою союзный и торговый договоръ, который былъ для нея весьма важенъ. Договоръ этотъ былъ заключенъ въ 1798 году и возобновленъ въ 1805 г.

Ослѣпленные или напуганные турки, казалось, не разсчитали той опасности, которая представлялась имъ, при утвержденіи русскихъ на греческихъ островахъ. Они замѣтили только, что на завладѣніе Корфу и Іоническими островами могли посмотрѣть какъ на похищеніе ихъ территоріи и что это давало ихъ естественнымъ врагамъ большія преимущества для нападенія на Грецію или же для возмущенія ея въ случаѣ войны, которую они, рано или поздно, должны были предвидѣть съ Россіей. Турки согласились пропускать корабли и войска черезъ Дарданеллы и не ставить никакихъ препятствій къ торговлѣ на Черномъ морѣ и, наконецъ, согласились замѣнять господарей Валахіи и Молдавіи не иначе какъ черезъ каждыя семь лѣтъ. [1]).

Господарями въ то время были: въ Молдавіи Александръ Мурузи, а въ Валахіи—Константинъ Ипсиланти. Послѣдній былъ сынъ стариннаго молдавскаго господаря (взятаго австрійцами, въ г. Яссахъ, въ 1788 г., и, какъ плѣнника охраняемаго въ г. Брюнѣ, въ Моравіи). Оба они принадлежали къ русской партіи, т. е. къ той, которой Россія оказывала покровительство, способствовавшей поднятію ихъ значенія, что было единственнымъ предметомъ ихъ желаній и интригъ.

Но на самомъ дѣлѣ, всѣ безъ исключенія фанарскіе греки должны быть врагами Россіи, которая поддерживаетъ единственный источникъ ихъ существованія и гордости—Молдавію и Валахію.

Мурузи обладалъ прекрасными качествами; это былъ единственный хорошій администраторъ, появившійся въ длинной серіи мизерныхъ князей, занятыхъ всегда личными стремленіями къ обогащенію, но зачастую ихъ успѣвали свергнуть или удалить раньше, чѣмъ они достигали своихъ цѣлей.

Ипсиланти было 45 лѣтъ; умомъ онъ не отличался среди прочихъ грековъ, но также, подобно имъ, имѣлъ мало разсудительности

---

[1]) Въ Италіи видѣли турецкія войска въ союзѣ съ русскими и англичанами, для возстановленія папы въ его владѣніяхъ, что было событіемъ наименѣе удивительнымъ въ этой смѣшной и ужасной революціонной выходкѣ, которая тогда возмущала свѣтъ и мѣняла всѣ интересы и всѣ прежнія отношенія.

и послѣдовательности въ своихъ мышленіяхъ; его чрезмѣрная гордость не соотвѣтствовала ни его средствамъ, ни его положенію. Онъ задался мыслію сдѣлаться королемъ Дакіи или, по крайней мѣрѣ, наслѣдственнымъ владѣтелемъ Валахіи и Молдавіи. Не надѣясь достигнуть своихъ намѣреній безъ войны Россіи съ Турціей, онъ сдѣлался главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой распрѣ.

Въ концѣ 1805 г., послѣ Аустерлицкаго сраженія, интриги Франціи были очень успѣшны и, если ей не удалось заставить турокъ прервать связь съ Россіей, то все же она добилась ослабленія вліянія ея могущества.

Турки теперь нашли, что русскія военныя транспортныя суда слишкомъ часто проходятъ черезъ Босфоръ. Кромѣ того, князья Молдавіи и Валахіи были смѣнены и, взамѣнъ прежнихъ, были назначены Карлъ Калымаки и Александръ Сутци, несмотря на то, что со времени назначенія первыхъ прошло не болѣе трехъ лѣтъ.

Оба они принадлежали къ антирусской партіи, а Сутци былъ самый ужасный фаноріотъ, безусловно преданный Франціи.

Турки не имѣли никакихъ особыхъ причинъ, чтобы смѣнить Мурузи, но для смѣны Ипсиланти ихъ было слишкомъ много. Поднявшій возстаніе въ Сербіи, онъ, какъ подданный Турціи, подлежалъ смертной казни, тѣмъ болѣе, что его интриги и честолюбивые замыслы были открыты. Въ свои грандіозные планы и надежды Ипсиланти [1]) былъ вовлеченъ французскимъ эмигрантомъ, который былъ его министромъ и первымъ совѣтчикомъ. Это былъ маркизъ Олеръ (Aulaire), знатнаго происхожденія, высокаго ума, одинъ изъ выдающихся дипломатовъ того времени; человѣкъ честный, не интересантъ, но его бойкій умъ, энтузіазмъ и пылкій характеръ вредили искренности его идей. Онъ ничего не видѣлъ и не дѣлалъ иначе, какъ въ порывѣ, въ предубѣжденіи или подъ вліяніемъ минуты. Благонамѣренный и безусловно преданный, онъ часто намъ вредилъ въ теченіе этой войны.

Князь Ипсиланти, будучи увѣренъ, что Турція объявитъ намъ

[1]) Ипсиланти умеръ въ Кіевѣ, въ 1820 г. Его старшій сынъ Александръ, былъ генералъ-маіоръ русской службы, тотъ самый, который создалъ грандіозный по безсмысленности проектъ захвата Молдавіи и Валахіи презрѣнной шайкой въ нѣсколько тысячъ разбойниковъ, бродягъ и авантюристовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ не имѣлъ успѣха въ своемъ предпріятіи, но, быть можетъ, онъ былъ причиною возстанія грековъ.

Онъ долго содержался, какъ государственный измѣнникъ, въ одной изъ крѣпостей (Богеміи). Его участь никого не интересовала. Онъ былъ твердъ при разрушеніи его плановъ и не имѣлъ ни одной черты, характеризующей партійнаго вождя.

войну и что объ этомъ слѣдуетъ предупредить, увѣрилъ русскихъ [1]), что всѣ турецкія крѣпости совершенно не подготовлены къ оборонѣ и не имѣютъ гарнизоновъ [2]) (что въ дѣйствительности такъ и было). Онъ увѣрялъ, что въ одну кампанію можно завладѣть всѣми княжествами, лежащими по лѣвому берегу Дуная (что въ самомъ дѣлѣ было вполнѣ возможно), что турки, не имѣя ни денегъ, ни значительныхъ силъ, не могутъ справиться даже съ разбойничьими шайками, опустошающими Болгарію, и конечно не могли бы оказывать и намъ серьезнаго сопротивленія [3]) и что послѣ покоренія трехъ провинцій: Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи, подавъ руку помощи сербамъ и соединившись съ ними въ нашихъ Иллирійскихъ владѣніяхъ, мы можемъ захватить всю Европейскую Турцію.

Этотъ проектъ возможно было бы исполнить, но при другихъ обстоятельствахъ; теперь же воспользоваться имъ было бы не своевременно. Какъ только этотъ проектъ сталъ извѣстенъ, онъ возстановилъ противъ Россіи (безъ помощи которой Ипсиланти не могъ ни на что надѣяться) всѣхъ грековъ Фанары и даже зависящія отъ нихъ племена. Мурузи и другіе, которые теперь потеряли надежду на пріобрѣтеніе власти, теряли также, что было еще хуже для нихъ, возможность грабить провинціи, отнынѣ ставшія добычей лишь одной фамиліи. Если бы, въ то время, русскимъ посланникомъ въ Константинополѣ былъ человѣкъ болѣе энергичный, чѣмъ г-нъ Италинскій, то несомнѣнно, что войны бы не было и турки не подали бы повода къ ея объявленію.

Италинскій былъ малороссъ; въ 1805 г. ему было уже за шестьдесятъ лѣтъ. Высокаго роста и представительной наружности, онъ былъ человѣкъ преданный своему дѣлу, честный и хорошій исполнитель приказаній свыше. Занимая видное положеніе въ обществѣ, онъ хорошо поставилъ свой домъ; но это не былъ государственный человѣкъ, онъ не готовился къ дипломатической карьерѣ. Сначала онъ былъ лекаремъ при русскомъ посольствѣ въ Неаполѣ, тамъ же былъ назначенъ секретаремъ посольства и состарѣлся бы въ маленькомъ чинѣ, если бы не милость императора Павла, который, не зная

---

[1]) Онъ дѣйствительно отправилъ въ Румелію нѣсколькихъ лицъ, которыя узнали, что противъ княжествъ рѣшено дѣйствовать какъ противъ мятежниковъ.

[2]) Приготовленій къ войнѣ еще не было. Извѣстно, что турки всегда начинали войну съ того, что вводили въ крѣпости сильные гарнизоны и снабжали ихъ значительнымъ запасомъ продовольствія. Нашъ военный министръ долженъ былъ это знать и безъ сообщенія Ипсиланти, но въ то время онъ не былъ такъ наблюдателенъ.

[3]) Однако же они и не могли желать объявленія войны.

Италинскаго, быстро его повысилъ и, какъ всегда доходящій до крайностей, какъ въ немилостяхъ, такъ и въ фаворѣ, назначилъ его сначала камергеромъ, а потомъ и посланникомъ въ Неаполь, а потомъ въ Константинополь.

Италинскій былъ человѣкъ ученый. Цѣлые дни просиживалъ онъ у себя дома, изучая восточные языки. Рѣдко покидая свой домъ, онъ мало видѣлся съ людьми, что очень неудобно для посланника, который долженъ быть популяренъ и хорошо изучить страну и общество, въ которомъ вращается; правда, что для Константинополя это представляетъ менѣе неудобствъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, но все же это вредило какъ дѣламъ, такъ и положенію, которое Россія должна была занимать въ Оттоманской Портѣ.

Секретаремъ его былъ Бобровъ, личность вполнѣ безцвѣтная, пользовавшаяся довольно сомнительной репутаціей.

Первымъ драгоманомъ русской миссіи состоялъ Іосифъ Фонтонъ (прежде онъ служилъ въ французской миссіи) [1]. О немъ и объ одномъ изъ его племянниковъ, Антонѣ Фонтонъ, я разскажу болѣе подробно, когда буду говорить о Ясскомъ конгрессѣ. Эти два драгомана были въ состояніи руководить Италинскимъ и имѣли на него большое вліяніе, но они не могли внушить ему нужной энергіи и дѣятельности; да и вообще рѣдкій подчиненный можетъ руководить дѣйствіями своего начальника, какъ бы ни былъ искусенъ. Къ несчастію, другой племянникъ Іосифа Фонтона, Петръ Фонтонъ, имѣлъ болѣе вліянія, чѣмъ его дядя и двоюродный братъ. Вліяніе это было вредное. Петръ Фонтонъ слылъ за человѣка безнравственнаго и корыстолюбиваго; онъ пріобрѣлъ громадное состояніе весьма сомнительнымъ путемъ. Его обвиняли въ томъ, что онъ нечестно распоряжался завѣдываемымъ имъ имуществомъ стараго князя Ипсиланти, но объ этомъ будетъ сказано ниже.

Хотя турецкое министерство и было сильно поколеблено интригами Франціи, но все же оно было настолько далеко отъ желанія войны, что когда Италинскій объявилъ, что онъ, вмѣстѣ съ своимъ посольствомъ, покинетъ Константинополь, если Порта не дастъ тотчасъ же удовлетворенія по всѣмъ, приписываемымъ ей беззаконіямъ, турецкіе министры, говорю я, были сильно испуганы и не только соглашались на всѣ требованія Россіи, но и высказали при этомъ малодушіе, слабость и послушаніе—качества очень рѣдкія у турокъ, по отношенію къ русскому послу. Согласившись на все, министры еще спрашивали: будетъ ли довольна Россія?

---

[1]) Родъ Фонтоновъ—французскій, болѣе столѣтія просуществовавшій въ Константинополѣ. Во время революціи 1789 г. они, какъ убѣжденные роялисты, покинули французскую службу.

Получивъ все, что требовалъ Италинскій,[1] не сомнѣвался болѣе, что дружба и согласіе между двумя имперіями будутъ возобновлены. Каково же было его удивленіе, когда, въ концѣ ноября 1806 года, Рейсъ-Эффенди, министръ иностранныхъ дѣлъ, ночью послалъ разыскать Іосифа Фонтона и объявилъ ему, что русскія войска, безъ объявленія войны, вошли въ предѣлы Бессарабіи и Молдавіи и уже заняли нѣсколько крѣпостей. Министръ спрашивалъ Фонтона о причинѣ этого внезапнаго вторженія, но Фонтонъ настолько былъ пораженъ, что ничего не отвѣтилъ, да и не могъ ничего отвѣтить. Турецкій министръ по его удивленію могъ понять, что онъ ничего не зналъ о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ и не могъ ихъ предвидѣть.

Случилось такъ, что курьеръ Италинскаго, который везъ въ Петербургъ депеши о согласіи турокъ на условія Россіи, еще не успѣлъ прибыть къ мѣсту назначенія, какъ другой курьеръ привезъ изъ Петербурга приказанія войскамъ о выступленіи въ походъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оттуда же были посланы инструкціи въ Константинополь, чтобы наше посольство покинуло столицу оттомановъ, если турки откажутся исполнить наши требованія. Италинскій не могъ себѣ представить, что его отвѣта не будутъ дожидаться.

На этотъ разъ, справедливость, право, законность, все было на сторонѣ турокъ. Фонтонъ уже ничего не могъ предпринять и ожидалъ своего ареста. Это былъ варварскій обычай турокъ—подвергать заключенію пословъ тѣхъ державъ, съ которыми Турція была въ войнѣ. Но Селимъ III былъ человѣкъ болѣе гуманный и цивилизованный, чѣмъ всѣ его предшественники, и министерство его было составлено изъ людей честныхъ и деликатныхъ. Рейсъ-Эфенди былъ человѣкъ честный, образованный, тонкаго ума, культурный и прекрасно сознававшій интересы своего министерства; онъ симпатизировалъ Россіи и былъ врагомъ Франціи.

Рейсъ-Эфенди объявилъ Фонтону, что хотя дѣйствія Россіи и не заслуживаютъ, чтобы турки слишкомъ церемонились съ русскими министрами, но что султанъ, дабы доказать самому Италинскому и лицамъ его посольства свое милостивое расположеніе и свою увѣренность въ томъ, что они были ни при чемъ во всемъ происходящемъ, позволяетъ имъ удалиться, куда угодно и какимъ угодно способомъ: моремъ или сухопутно.

Спустя трое сутокъ, Италинскій и все русское посольство выѣхали изъ Константинополя на корабляхъ англійскаго флота на

---

[1]) Дворъ приказалъ оставить Іосифа Фонтона, какъ уполномоченнаго, но чтобы придать больше значенія своему заявленію, Италинскій, по совѣту Фонтона, умолчалъ объ этомъ.

островъ Мальту, а оттуда, черезъ Италію и Германію, они прибыли въ Петербургъ.

Русское министерство, желая войны съ Турціей, такъ было убѣждено, что Порта не удовлетворитъ предложеній, сдѣланныхъ Россіей, что начало непріязненныя дѣйствія, какъ мы видѣли, раньше прибытія курьера отъ Италинскаго. Но и полученныя депеши нашего посла не измѣнили плановъ Петербургскаго кабинета, который, по обстоятельствамъ того времени, не могъ положиться ни на политику, ни на правдивость Турціи [1]. Надо сознаться, что война была предпринята довольно легкомысленно.

Въ 1805 году Наполеонъ раздавилъ Австрію; въ 1806 г. онъ уничтожилъ Пруссію въ шесть недѣль и теперь онъ шелъ противъ Россіи. Силы его были гораздо значительнѣе тѣхъ, которыя мы могли ему противупоставить, и намъ, конечно, не слѣдовало раздѣлять свои силы на два театра войны и искать новыхъ враговъ.

Прибывшіе въ Молдавію съ Михельсономъ 50 тысячъ человѣкъ не только уравняли бы нашу армію въ Пруссіи, бывшую подъ начальствомъ Беннигсена, но и дали бы значительный перевѣсъ въ нашу пользу. Съ такими значительными силами Беннигсенъ могъ бы долго и со славою бороться съ Наполеономъ.

Видимо турки были далеки отъ мысли объявлять намъ войну. Въ ихъ интересахъ было какъ можно болѣе затянуть ходъ событій, чтобы къ тому времени, какъ Наполеонъ своими быстрыми движеніями окончитъ войну на одномъ театрѣ, турецкая армія могла быть собрана вполнѣ готовою къ войнѣ. Всѣ это прекрасно понимали и были увѣрены, что турки не станутъ передвигать своей арміи зи-

---

[1]) При другихъ обстоятельствахъ, эта война, хотя и вынужденная, была необходима Россіи. Она оставила туркамъ крѣпости: Килію, Измаилъ, Аккерманъ, Бендеры и Хотинъ, но дала возможности обладать Бессарабіею между Дунаемъ, Прутомъ и Днѣстромъ. Эта провинція была населена татарами, которые могли бы легко выставить 30.000 конницы и неожиданнымъ быстрымъ набѣгомъ разрушить Одессу и опустошить страну, которую хотѣли культивировать. Аккерманъ находится отъ Одессы только въ 40 верстахъ, а Бендеры въ 100. Эти крѣпости и кордоны линейныхъ казаковъ не могли бы удержать набѣга татаръ; надо было тамъ держать цѣлую армію съ большимъ количествомъ конницы и при томъ расположенную лагеремъ, что зимою было положительно не возможно. Вѣроятно татары выбрали бы это время года для своего набѣга и тогда, по замерзшимъ Днѣстру и лиману Аккермана, они могли бы броситься на Одессу въ 4 или 5 часовъ времени.

Безъ Бессарабіи Одесса никогда не достигла бы своего благосостоянія и развитія, а при иныхъ обстоятельствахъ, она могла бы перестать существовать.

мой, и войска ихъ могли появиться на Дунаѣ не ранѣе, какъ въ іюнѣ слѣдующаго 1807 года.

Итакъ, мы имѣли 7 мѣсяцевъ, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ съ турками. Въ продолженіе этихъ 7 мѣсяцевъ можно было всѣ, находящіяся въ нашемъ распоряженіи, силы направить на Вислу, а весною небольшую часть войскъ передвинуть на Днѣпръ, куда перешла бы и сильная наша армія послѣ счастливой войны съ французами, даже и въ томъ случаѣ, если бы заключенный миръ не былъ бы для насъ удачнымъ.

Всѣ эти разсчеты были чрезвычайно просты и понятны, однако же Будбергъ, нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, не могъ понять ихъ.

Будбергъ былъ уроженецъ Ливоніи и состоялъ воспитателемъ великихъ князей. Это былъ человѣкъ гордый, тщеславный, заносчивый и жестокій; не обладающій дипломатическими талантами, но не глупый, онъ хотѣлъ, какъ онъ самъ говорилъ, имѣть готовый планъ, чтобы въ случаѣ неожиданнаго оборота въ ходѣ войны, предложить его Наполеону. Послѣ обѣщаній Ипсиланти, онъ не сомнѣвался, что мы сдѣлаемся полными хозяевами Дуная черезъ какихъ-нибудь 2—3 мѣсяца. Это и могло бы случиться, если бы не ошибки генерала Мейндорфа и трусость генерала Милорадовича.

Казалось бы, что надежда на это не должна умалять тѣхъ опасеній, которыя невольно возникли бы въ случаѣ несчастнаго окончанія нашей войны съ Франціей. Можно было предвидѣть, что черезъ годъ вся турецкая армія обрушится на насъ и мы будемъ вынуждены притягивать къ Молдавіи новыя войска, которыя намъ были бы крайне полезны въ другомъ мѣстѣ [1]).

Не я одинъ былъ того мнѣнія, что русское правительство дѣйствовало неполитично и даже несправедливо при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы тогда находились относительно турокъ, особенно начавъ войну, не объявивши ее. Это темное пятно на памяти о великомъ и уважаемомъ императорѣ.

---

[1]) Будбергъ говорилъ, что, начиная войну съ турками въ то время, когда намъ грозила болѣе серьезная война съ Наполеономъ, намъ надо было показать, что мы не страшимся этого. Это было чувство гордости, но разсчетъ оказался не вѣрнымъ. Наполеонъ торжествовалъ побѣду надъ австрійскими, прусскими и нашими войсками! Ни отвага солдатъ, ни всѣ средства, употребленныя нами, не давали намъ права относиться съ презрѣніемъ къ такому опасному сопернику. Наши генералы еще не были тѣмъ, чѣмъ они оказались впослѣдствіи, и если бы Провидѣніе (что русскіе называютъ Богомъ) не дало имъ Беннигсена—перваго генерала, который сумѣлъ сопротивляться Наполеону, надолго задержать его и выказать

Тогда Александръ не придавалъ значенія правосудію и не высказывалъ рѣзко свои таланты, которыхъ имѣлъ очень много. Онъ былъ очень уменъ и всегда поступалъ лучше своихъ министровъ, которыхъ имѣлъ ошибку черезчуръ много слушать.

Генералъ Михельсонъ тогда командовалъ на Волыни и въ Подоліи пятью дивизіями, изъ которыхъ три недавно вернулись изъ Аустерлицкой кампаніи.

По полученному приказанію, онъ долженъ былъ отправить: двѣ дивизіи въ Пруссію, одну послать взять Хотинъ и, затѣмъ, ее также направить въ Пруссію, а съ остальными двумя двинуться въ Молдавію.

Съ нимъ должны были соединиться нѣсколько казачьихъ полковъ, пришедшихъ съ Дона, и часть дивизіи генералъ-лейтенанта герцога де-Ришелье, губернатора Одессы, Херсонской и Екатеринославской губерній и Крыма.

Генералъ Михельсонъ выступилъ въ Молдавію въ 1806 году съ арміей слѣдующаго состава:

11-я дивизія. Начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Милорадовичъ.

Гренадерскіе полки: Сибирскій (3 баталіона) генералъ-маіоръ Бахметьевъ.
Малороссійскій (3 баталіона) ген.-маіоръ Герардъ.

Пѣхотные: Апшеронскій (3 бат.) полковникъ Рейхель.
Нашебургскій (3 бат.) ген.-маіоръ Ермоловъ.
Олонецкій (3 бат.) ген.-маіоръ Мичуринъ.
Одесскій (3 бат.) ген.-маіоръ Ушаковъ.
11-й егерскій (3 бат.) ген.-маіоръ Балла.

Драгунскіе: Кинбурнскій (5 эскадр.) ген.-маіоръ князь Владиміръ Долгоруковъ.
Сѣверскій (5 эскадр.) полковникъ Денисьевъ.

Гусарскій Бѣлорусскій (10 эскадр.) ген.-маіоръ Кутузовъ.

себя достойнымъ сражаться съ нимъ,—то война была бы еще гибельнѣе для насъ.

Изъ всѣхъ генераловъ, командовавшихъ русской арміей въ царствованіе императора Александра, Беннигсенъ былъ единственнымъ, достойнымъ маршальскаго жезла *). Но онъ его не имѣлъ. Это результатъ тяжелыхъ обстоятельствъ, о которыхъ я не долженъ здѣсь упоминать. Если это имѣло какія-либо основанія, то доказывало несправедливость и неблагодарность, къ счастію, подобнаго генерала.

*) Позднѣе его заслужилъ Барклай, но никто иной. 1827 г.

12-я дивизія. Начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ графъ Сергѣй Каменскій.

Полки: Фанагорійскій гренадерскій (3 бат.) полковн. Гельфрейхъ.

Пѣхотные: Орловскій (3 бат.) ген.-маіоръ Палицынъ.
Новоингерманландскій (3 бат.) полковн. Цвиленьевъ.
Нарвскій (3 бат.) ген.-маіоръ Роттъ.
Новгородскій (3 бат.) ген.-маіоръ Рѣпнинскій.
Смоленскій (3 бат.) ген.-маіоръ Колюбакинъ.

Драгунскіе: Стародубовскій (5 эскадр.) ген.-маіоръ Ниновъ.
Тверской (5 эскадр.) полковн. Бердасовъ.

Уланскій Чугуевскій (5 эскадр.) ген.-маіоръ Бедряга.

13-я дивизія была подъ начальствомъ герцога де-Ришелье, но всѣ полки, шедшіе въ Молдавію, находились подъ командою генералъ-лейтенанта графа Ланжерона.

Пѣхотные полки: Нижегородскій (3 бат.) ген.-маіоръ Хитрово.
Ладожскій (2 бат.) маіоръ Савинъ.
Бутырскій (2 бат.) полковникъ Стенье.

Егерскіе полки: Алексопольскій (3 бат.) ген.-маіоръ Ловейко.
Полтавскій (1 бат.) полковн. Золотницкій.

Переяславскіе драгуны (5 эскадр.) ген.-маіоръ Зассъ.

Кирасиры Его Величества (5 эскадр.) ген.-маіоръ Ласкинъ.

4 роты артиллеріи (12-фунтовыя пушки):

Полковника Мертенса	12	орудій
„ Веселитскаго.	12	„
Гвард. маіора Рестье	12	„
Капитана Францевича	12	„

2 роты конной артиллеріи:

Маіора Тока	12	орудій
Донскихъ.	12	„
Полковыхъ пушекъ	102	„

Казачьихъ полковъ: Грекова 8-го, Власова, Янова, Мелентьева, Чернушкина (а послѣ него Астахова), Бугскій казачій; затѣмъ: Исаева 1-го, Исаева 2-го и Мартынова.

Итого: 57 батальоновъ, 50 эскадроновъ, 11 казачьихъ полковъ и 174 пушки.

Это была армія въ 50.000 человѣкъ прекрасныхъ войскъ.

Теперь я долженъ дать нѣкоторое понятіе о генералахъ этой арміи и о ихъ качествахъ.

Михельсонъ доказывалъ, что если долго живешь, при хорошемъ здоровьѣ, то можно достигнуть всего. Ему было 70 лѣтъ, и въ эти преклонные годы онъ сохранилъ пріятную внѣшность. Безусловно, что ни умъ, ни рожденіе, ни таланты его, а тѣмъ болѣе характеръ

не готовили его командовать арміей. Это былъ ливонецъ, изъ незнатной фамиліи, неширокаго ума, ничего не понимавшій ни въ политикѣ, ни въ администраціи, несмотря на то, что онъ долгое время былъ генералъ-губернаторомъ. Онъ очень хорошо понималъ военныя операціи на картѣ и даже въ полѣ, когда ему ихъ указывали, но самостоятельно онъ не былъ въ состояніи составить плана кампаніи [1]).

Казалось, что онъ былъ обреченъ состариться въ субалтернскихъ чинахъ, но счастливый случай вывелъ его изъ неизвѣстности. Онъ имѣлъ счастье поймать и взять знаменитаго Пугачева, бунтъ котораго могъ бы сдѣлаться для Россіи очень опаснымъ, если бы его вò время не потушили.

Эта важная услуга дала Михельсону чинъ генералъ-маіора, императрица пожаловала ему ленту св. Александра Невскаго, затѣмъ онъ былъ маіоромъ конной гвардіи и генералъ-лейтенантомъ. Онъ участвовалъ въ Шведской войнѣ и потерпѣлъ неудачу подъ С.-Михелемъ. Послѣ войны онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Бѣлоруссію. Въ 1805 г. его сдѣлали главнымъ начальникомъ надъ всѣми арміями Россіи, какъ старѣйшаго изъ генералъ-аншефовъ.

Сраженія подъ Ульмомъ и Аустерлицемъ быстро окончили эту войну, и Михельсонъ не успѣлъ вступить въ фактическое командованіе арміей. Генералъ Кутузовъ, командовавшій первой арміей, перешедшей границу, началъ эту войну, и государь, не желая подчинять его Михельсону, отослалъ послѣдняго въ Россію, давъ ему въ утѣшеніе ленту св. Андрея Первозваннаго.

Въ 1806 году Михельсонъ, какъ мы уже говорили, получилъ командованіе арміей, назначенной дѣйствовать противъ турокъ. Императоръ сначала хотѣлъ поручить ее генералу Беннигсену [2]), но, затѣмъ, назначилъ его командовать войсками противъ Наполеона, чтó было гораздо лучше.

Хотя поклонники Михельсона и увѣряли, что у него очень доброе сердце, но характеръ его былъ настолько вспыльчивый и послѣдствія этихъ вспышекъ были такъ жестоки, что невозможно было считать кроткимъ того человѣка, который изъ-за малѣйшаго предлога, а часто даже не имѣя таковаго, казнилъ несчастныхъ, надъ

---

[1]) Въ продолженіе его командованія молдавской арміей всѣми операціями распоряжался инженеръ ген.-м. Гартунгъ и подполковникъ главнаго штаба Толль.

[2]) Государь поручилъ Беннигсену составить планъ войны противъ турокъ. Онъ показывалъ мнѣ его въ Межибужьѣ, и я съ изумленіемъ увидалъ, что мы затѣваемъ новую войну, несмотря на грозившую намъ войну съ Франціей.

которыми простиралась его власть; за всю его жизнь такихъ казней можно насчитать до двадцати.

За мѣсяцъ до вступленія въ Молдавію, его чрезмѣрное самолюбіе заставило его думать (и онъ это всѣмъ говорилъ), что онъ былъ единственный генералъ, котораго страшился Бонапартъ, и что тотъ, желая его отравить, избралъ для этой цѣли его злополучнаго денщика, бывшаго предметомъ ежедневныхъ вспышекъ Михельсона и въ концѣ концовъ повѣсившагося. Иной разъ бѣшенство Михельсона было просто смѣшно; если какое-нибудь блюдо было нехорошо приготовлено, онъ вскакивалъ изъ-за стола, мчался на кухню, оставляя въ недоумѣніи своихъ гостей, опрокидывалъ кушанье на голову повару, бросалъ несчастнаго въ рѣку и грозилъ его утопить, если свидѣтели этой ужасной выходки не вымаливали у него прощенія. Однажды выдѣли, какъ передъ Измаиломъ онъ приказалъ посадить коммиссаріатскаго чиновника въ мортиру и приготовился уже приложить зажженый фитиль.

Если ничто не нарушало его покой, онъ былъ вѣжливъ и кротокъ въ обществѣ, но какъ только начинался приступъ его бѣшенства, онъ выкидывалъ какую-нибудь курьезную или ужасную сцену [1]). Михельсонъ имѣлъ большое состояніе; злые языки подозрѣвали, что оно было пріобрѣтено незаконно, когда онъ былъ маіоромъ конной гвардіи и генералъ-губернаторомъ; но эти подозрѣнія, быть можетъ, и не основательны, чему я склоненъ вѣрить, такъ какъ во время его командованія Молдавской арміей онъ выказалъ себя честнымъ и неинтересаномъ. Михельсонъ былъ очень храбръ, но храбрость его была храбростью партизана, а не генерала; съ перваго выстрѣла изъ пистолета онъ терялъ голову и неслся въ середину непріятеля.

Баронъ Мейндорфъ, ливонецъ, старинной почтенной фамиліи; ему было около 60 лѣтъ; онъ прекрасно зналъ военную службу и считался самымъ искуснымъ въ маневрахъ. Но, какъ изъ ученика учебныхъ плацовъ мирнаго времени, изъ него не могло выйти военнаго офицера. Мейндорфъ хотя и былъ дѣятельнымъ, храбрымъ и образованнымъ, но какъ генералъ—былъ среднихъ дарованій, у него не было твердости; малѣйшій заходъ противника въ тылъ или неожиданное измѣненіе въ его планахъ заставляли его до такой степени

---

[1]) Этотъ самый Михельсонъ, такой горячій и жестокій со своими подчиненными и съ тѣми, кого нечего бояться, трепеталъ передъ лицомъ, игравшимъ роль при дворѣ или пользовавшимся милостью императора. Этотъ недостатокъ часто встрѣчается у русскихъ стариковъ, привыкшихъ трепетать передъ Орловыми и Потемкиными.

терять голову, что онъ дѣлался неспособнымъ отдавать приказанія. Что касается его характера, то трудно найти болѣе безнравственнаго, чѣмъ онъ; жажда добывать деньги самыми недостойными средствами была цѣлью его помысловъ и дѣйствій. Мало деликатный, игрокъ, онъ пріобрѣлъ игрою большое состояніе, которое безконечно увеличивалъ всякими средствами.

Генералу Ротгофу было не болѣе 30 лѣтъ. Онъ былъ воспитанникъ императора Павла въ Гатчинѣ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ мы называли гатчинцами [1]). Сынъ ливонскаго рабочаго, онъ въ 6 или 7 лѣтъ службы изъ младшаго офицера возвысился до генералъ-лейтенанта. Его молодость прошла очень бурно; излишество вина, употребляемаго имъ, и дебоши уронили его въ глазахъ общества и императора Александра, который никогда не хотѣлъ давать ему дивизіи и вообще назначенія, соотвѣтствующія его чину. Но, женившись, Ротгофъ, своею примѣрною жизнію, загладилъ ошибки молодости.

Это былъ честный человѣкъ, очень прямодушный, очень храбрый, мягкій, скромный, прекрасно знавшій детали службы, сильный въ линейныхъ ученьяхъ и способный даже командовать отрядомъ.

Характеристика генерала *Мирадовича* изложена въ запискахъ 1805 г.

Зассъ былъ ливонецъ, лѣтъ 60-ти. Это былъ очень умный и любезный человѣкъ. На войнѣ онъ былъ хладнокровенъ, храбръ,

---

[1]) Надо объяснить это насмѣшливое прозвище, которое должно быть загадкой для всѣхъ тѣхъ, кто не былъ въ то время въ Россіи или не существовалъ еще въ концѣ царствованія Екатерины II. Извѣстно, что эта государыня, не любившая своего сына Павла, совершенно удалила его отъ всѣхъ дѣлъ и даже имѣла въ виду устранить его отъ трона. Павелъ, никогда не имѣвшій энергіи и силы, чтобы овладѣть принадлежавшей ему короной, былъ почти сосланъ въ Гатчину, въ дачную мѣстность, въ 40 верстахъ отъ Петербурга, гдѣ ему оставили для потѣхи и для удовлетворенія его маніи—подражать пруссакамъ, и ради его исключительной любви къ парадамъ, 5 или 6 несчастныхъ морскихъ батальоновъ, которые онъ истязалъ много лѣтъ и которые были жертвами его сумасбродства. Эти батальоны, одѣтые по прусскому образцу (т. е. какъ прусская армія въ началѣ царствованія Фридриха II), сдѣлались предметомъ общихъ насмѣшекъ и хохота. Экзерцируясь по нѣсколько часовъ въ день и парадируя въ остальные часы дня, они не имѣли ни праздниковъ, ни отдыха, ни утѣшенія. Офицеры, часто битые палкой и получавшіе пощечины отъ Павла, десятками, ежедневно, сидѣвшіе подъ арестомъ, ничего не знали кромѣ карцера и караульной. Они не имѣли другихъ утѣшеній, какъ напиться въ небольшіе интервалы ихъ мученій, и всѣ пользовались въ полной мѣрѣ этимъ единственнымъ средствомъ увеселенія. Они были такъ презираемы въ арміи, что офицеры другихъ полковъ не хотѣли ихъ считать себѣ рав-

удивительно дѣятеленъ, смѣлъ въ предпріятіяхъ и твердъ въ исполненіи ихъ. Онъ всегда распознавалъ хитрости своихъ враговъ и умѣло дѣйствовалъ противъ нихъ. Его изворотливый умъ постоянно изобрѣталъ новыя средства и соображенія. Безусловно, онъ былъ одинъ изъ лучшихъ генераловъ нашей арміи. Досадно было, что столько хорошихъ качествъ помрачались однимъ недостакомъ—безнравственностью, которая возмущала всѣхъ. Ничто не было священно для него самого, и самъ Мейндорфъ могъ бы брать уроки у него.

Когда я описывалъ портретъ *фельдмаршала Каменскаго*, я не далъ портрета сына его, *графа Сергѣя*, который, къ несчастью для него и другихъ, походилъ на отца только лицомъ и, лишь отчасти, характеромъ. Но фельдмаршалъ, говорятъ, былъ очень храбръ, тогда какъ въ войнѣ 1806 года противъ турокъ графъ Сергѣй этого качества не обнаружилъ, однако же въ войнѣ съ Польшей, въ сраженіи при Мацiовицахъ, онъ выказалъ много отваги, командуя батальономъ егерей; также и въ Аустерлицкомъ сраженіи, по реляціи, онъ держалъ себя съ твердостью.

Князь Петръ Доморукій, генералъ-адъютантъ и одинъ изъ любимцевъ императора, былъ назначенъ, на нѣкоторое время, въ армію Михельсона, относившагося къ нему съ довѣріемъ, равняющемуся страху, внушаемому ему Долгоруковымъ. Онъ былъ еще молодъ, имѣя не болѣе 28 лѣтъ. (См. характеристику князя Долгорукова въ запискахъ моихъ 1805 г.). Онъ недолго оставался въ на-

---

ными и не говорили съ ними, но вскорѣ они увидѣли ихъ своими инспекторами, начальниками бригадъ и дивизій.

Несчастные солдаты этихъ батальоновъ не были свободны и должны были служить и страдать, но офицеры, въ концѣ царствованія Екатерины II, пользовавшіеся неограниченной свободой и мѣнявшіе полки по желанію, всячески старались избавиться отъ такой тяжелой и въ то же время курьезной службы. Тамъ никто не хотѣлъ оставаться кромѣ самыхъ жалкихъ, завязшихъ въ долгахъ, пьяницъ или изгнанныхъ изъ всѣхъ полковъ и принужденныхъ изъ-за нужды, стыда и бѣдности, добывать себѣ тяжелый кусокъ хлѣба и пристанище въ этомъ кабакѣ.

Когда Павелъ вступилъ на престолъ, онъ перевелъ всѣхъ своихъ офицеровъ и солдатъ въ гвардію. Вскорѣ суровость и сумасбродство Павловскихъ экзерцицій разогнали большую часть прежнихъ гвардейскихъ офицеровъ, и гатчинцы, нѣсколько времени спустя, стали назначаться въ чины полковниковъ и генераловъ. Такимъ образомъ, наша армія наводнилась этими выскочками, которые заставляли за себя краснѣть. У русскихъ, названіе „Гатчинецъ" употреблялось какъ бранное слово. Между тѣмъ, среди этихъ генераловъ было три уважаемыхъ личности и хорошіе военные люди, которые составляли исключеніе.

шей арміи и вернулся въ Петербургъ, чтобы прикомандироваться къ арміи Беннигсена. Вскорѣ по пріѣздѣ онъ умеръ и смерть его была величайшимъ счастіемъ для Россіи.

Князь Василій Долгоруковъ, старшій братъ князя Петра, не обладалъ ни его умомъ, ни его честолюбіемъ.

Дежурнымъ генераломъ [1]) Михельсонъ назначилъ генералъ-маіора Цицерова. Всѣ были очень удивлены этимъ выборомъ, такъ какъ Цицировъ ничего не представлялъ изъ себя, чтобы объяснить этотъ выборъ [2]).

Наша армія заключала въ себѣ нѣсколькихъ весьма интеллигентныхъ генераловъ, изъ коихъ генералъ Жераръ былъ офицеромъ главнаго штаба. Очень храбрый, очень образованный и хорошо знающій свое дѣло, онъ могъ дѣлать прекрасныя распоряженія на мѣстности, но онъ не имѣлъ привычки двигать войска, что̀ и привело его, однажды, во время дѣла, въ большое смущеніе. Онъ умеръ въ концѣ 1807 г. и для арміи это была большая потеря.

Генералъ *Войновъ*, племянникъ Михельсона, сынъ турка, взятаго въ плѣнъ на войнѣ 1736 г., обладалъ многими качествами, достойными уваженія. Высоконравственный, любезный, обязательный, онъ былъ отличнымъ товарищемъ, лучше котораго не надо было и желать. Его мужественность доходила до безразсудства; и племянника можно было упрекнуть въ томъ же, въ чемъ и его дядю—что онъ часто проявлялъ свои способности болѣе въ качествѣ партизана, нежели генерала. Его всегда можно было видѣть впереди всѣхъ казаковъ, а это не было его мѣстомъ.

Генералъ-маіоръ *Павелъ Кутузовъ* былъ достойный симпатіи какъ за свою блестящую отвагу, такъ и за свои уважаемыя, милыя качества.

Уланіусъ былъ финнъ, ему было 50 лѣтъ. Это былъ дѣйствительно военный человѣкъ, самый образованный и интеллигентный человѣкъ въ арміи. Если бы его происхожденіе и судьба могли способствовать производству его въ высшіе чины, то онъ могъ бы быть главнокомандующимъ. Въ 1808 г., какъ жертва климата Валахіи, онъ умеръ. Потеря его сильно чувствовалась въ арміи.

---

[1]) Дежурный генералъ—освѣдомленный во всѣхъ подробностяхъ войны; это первое мѣсто около главнокомандующаго. Надо имѣть много твердости и честности, чтобы его хорошо выполнять.

[2]) Цицировъ былъ одинъ изъ трехъ гвардейскихъ офицеровъ, извѣстныхъ своимъ бѣгствомъ, въ 1789 г., въ морскомъ сраженіи при Роченсальмѣ. (См. ихъ исторію въ запискахъ моихъ о сраженіи 1790 г., часть 1-я).

Генералъ *Балла* былъ геройски отваженъ, и это было его единственнымъ качествомъ. Ему нельзя было поручить и небольшого отряда.

Ермоловъ—храбрый, честный человѣкъ, обладавшій практическимъ умомъ и справедливостью, но довольно апатичный и малодѣятельный, не былъ въ состояніи командовать отдѣльнымъ корпусомъ.

Несмотря на то, что генералъ *Сергѣй Рѣпнинскій* былъ очень уменъ и въ одномъ дѣлѣ выказалъ свои способности съ весьма хорошей стороны, онъ не имѣлъ ни достаточной энергіи, ни военныхъ знаній, чтобы ему могли дать отдѣльный отрядъ. Нѣсколько другихъ генераловъ отличались качествами діаметрально противуположными тѣмъ, которыхъ мы въ правѣ требовать отъ человѣка, носящаго военный мундиръ. *Колюбакинъ*, *Палицынъ*, *Ловейко* (гатчинецъ) и *Михаилъ Хитрово*—были самые невозможные трусы въ Европѣ; въ особенности послѣдній, съ большими претензіями, былъ невыносимъ на службѣ. Всѣ эти господа не должны были быть въ арміи, и я не могу постичь, какъ они оставались въ такой, извѣстной своею отвагою, арміи, какъ русская. Повидимому, тамъ были черезчуръ снисходительны къ подобнымъ слабостямъ.

Михельсонъ, получивъ приказаніе вступить въ Молдавію, собралъ войска въ началѣ ноября и въ этомъ же мѣсяцѣ перешелъ Днѣстръ по четыремъ мостамъ. Къ неделикатности (—иначе нельзя этого назвать) вступленія въ страну союзниковъ непріятелемъ, безъ объявленія и даже безъ предлога войны, присоединили новую, приказавъ обмануть начальниковъ турецкихъ крѣпостей, просто попросивъ у нихъ пропуска, итти въ Далмацію [1]). Предписано было взять всѣ эти города, но только самымъ дружелюбнымъ образомъ, а никакъ не иначе. Это стало новымъ словомъ въ военномъ лексиконѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

[1]) Надо было быть настолько несвѣдущими въ географіи и апатичными, каковыми были турки, чтобы дать себя обмануть подобнымъ предлогомъ; вѣдь можно было пройти и черезъ Хотинъ, чтобы попасть въ Далмацію, но ужъ конечно Бендеры, Аккерманъ, Килія—не были дорогой туда! и какой начальникъ крѣпости, кромѣ турка, согласится отдать ее безъ особаго приказа отъ своего повелителя *).

*) Пруссаки въ 1806 г. (примѣчаніе 1827 г.).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Александръ Павловичъ; въ этой первой фазѣ игралъ главную роль графъ Н. П. Панинъ. Затѣмъ наступила вторая фаза, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся Паленъ и гдѣ уже былъ выдвинутъ вопросъ о полномъ и насильственномъ устраненіи Павла. Сама катастрофа, имѣвшая мѣсто въ ночь на 12 марта 1801 г. въ Михайловскомъ замкѣ, описана Брикнеромъ весьма рельефно.

Изложеніе профессора Брикнера, къ сожалѣнію, не достаточно провѣрено критически. Принимая за непреложную истину всѣ матеріалы, почерпнутые изъ мемуаровъ, Брикнеръ допускаетъ рядъ грубыхъ ошибокъ и неточностей. Онъ сообщаетъ напримѣръ, что „всѣ 231 офицера (?) полка были заперты въ одну изъ башенъ Кремля" (стр. 37); такого количества офицеровъ, насколько я знаю, никогда не насчитывалъ ни одинъ полкъ русской арміи. Иногда онъ употребляетъ выраженія, которыя рѣжутъ военное ухо, вродѣ, напримѣръ: „преображенскіе гвардейцы" (стр. 67). Невѣрно называетъ Брикнеръ Аргамакова генералъ-адъютантомъ Павла, тогда какъ Аргамаковъ былъ въ то время оберъ-офицеромъ (стр. 94).

Михаилъ Соколовскій.

В. К. Судравскій. Исторія Л. гв. Гренадерскаго полка. 1756—1906 гг. Томъ I. 1-й Гренадерскій полкъ. Лейбъ-Гренадерскій полкъ. 1756—1801 гг. 1906 г. VIII+328+111, съ 278-ью портретами, рисунками и планами.

Полковая исторіографія обогатилась новымъ цѣннымъ трудомъ: въ виду исполнившагося полуторавѣковаго юбилея л. гв. Гренадерскаго полка вышелъ первый томъ его исторіи, доведенный до 1801 г. и составленный капитаномъ этого полка В. К. Судравскимъ.

Съ внѣшней стороны изданіе, украшенное чуть ли не тремя стами иллюстрацій и выпущенное изъ подъ станка типографіи Голике и Вильборга, заслуживаетъ всяческой похвалы. По отношенію же къ внутреннему содержанію „исторія" должна быть отмѣчена, какъ крупный вкладъ въ нашу полковую исторіографію. Г. Судравскій съ любовью и большимъ трудолюбіемъ прослѣдилъ боевую лѣтопись полка въ XVIII вѣкѣ и довольно подробно остановился на тѣхъ крупныхъ сраженіяхъ, въ которыхъ пришлось участвовать лейбъ-гренадерамъ. Эта же боевая лѣтопись весьма пестра и даетъ богатую канву для повѣствованія. Сформированный П. А. Румянцевымъ, 1-й гренадерскій, а нынѣ Л. гв. Гренадерскій полкъ вскорѣ участвуетъ въ Семилѣтней войнѣ и получаетъ боевое крещеніе подъ Гроссъ-Егерсдорфомъ; его подвигъ въ указанномъ сраженіи отмѣчаетъ А. Т. Болотовъ. Съ ключами Берлина посылается къ государынѣ офицеръ Гренадерскаго полка. Отличается полкъ и подъ Кагуломъ. Въ бою подъ Силистріей, въ 1773 г., гренадеры выказали также большую отвагу, такъ что въ 1775 г. императрица наименовала полкъ лейбъ-гренадерскимъ, зачисливъ въ полкъ себя—полковникомъ, а полкового командира бригадира графа Воронцова—вице-полковникомъ. Плацпарадный режимъ императора Павла I вырисовывается г. Судравскимъ довольно обстоятельно, хотя авторъ мало пользуется печатными матеріалами по этой эпохѣ.

Въ приложеніяхъ помѣщены весьма интересные документы, изъ которыхъ нѣкоторые, въ родѣ инструкціи графа Воронцова ротнымъ командирамъ, представляютъ величайшую исторіографическую цѣнность. Съ полною увѣренностію можно сказать, что къ нѣкоторымъ документамъ, напечатаннымъ г. Судравскимъ, будутъ обращаться многіе историки, какъ къ первоисточникамъ.

Слѣдуетъ поздравить Лейбъ-Гренадерскій полкъ съ хорошею исторіею, на составленіе которой авторъ потратилъ, повидимому, не мало времени.

Нѣсколько вредятъ общему впечатлѣнію: частью лиризмъ, не свойственный серьезности всего труда (напримѣръ, въ общей характеристикѣ императрицы Екатерины, стр. 280), частью же совершенное замалчиваніе именъ лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь, замалчиваніе, очевидно дѣлаемое умышленно, съ цѣлью пощадить ихъ память (напримѣръ, о Баратынскомъ, стр. 299). Но автору, какъ историку, нечего было опасаться гласности: ее требуетъ исторія, какъ наука.

Михаилъ Соколовскій.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVIII-й. ІЮНЬ. 1907 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія:

1) Портретъ: **Амвросія Орнатскаго епископа Пензенскаго и Саратовскаго.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Надежда», Морская, 65.

1907.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1907 года.

Библіографическій листокъ.

Н. Д. Чечулинъ. Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II. С.-Петербургъ 1906 г. 380 стр. Ц. 2 р. 50 к.

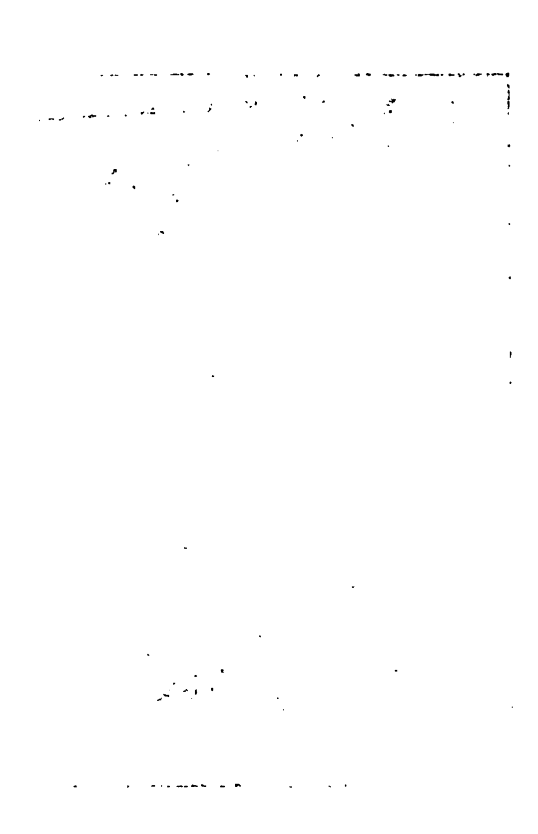
Научная исторія русскихъ финансовъ не слишкомъ богата крупными изслѣдованіями. Капитальные труды А. Лаппо-Данилевскаго и П. Милюкова, посвященные изученію финансовъ въ связи съ экономическими условіями и хозяйственнымъ бытомъ страны, работы П. Мигулина, М. Бржескаго, Шторха и нѣк. др., относящіеся къ исторіи собственно финансовъ,—исчерпываютъ едва-ли не всю библіографію вопроса. Тѣмъ болѣе должно привѣтствовать появленіе новаго изслѣдованія, авторъ котораго справедливо „полагаетъ, что въ поставленныхъ имъ предѣлахъ достаточно опредѣленно обрисовывается общая картина русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II".

Вся книга распадается на двѣ неравныхъ части; въ первой, меньшей, разсматриваются цѣли и органы финансоваго управленія, во второй, сосредоточивающей въ себѣ центръ тяжести работы, изучаются средства, поступавшія въ распоряженіе правительства и ихъ употребленіе, т. е. приходныя и расходныя статьи бюджета, а также возникновеніе и ростъ государственнаго долга. Часть эта представляетъ наибольшій интересъ, какъ по обилію данныхъ, такъ и по выводамъ. Проф. Милюковъ закончилъ свое изслѣдованіе о государственномъ хозяйствѣ при Петрѣ словами: „политическій ростъ страны опередилъ ея экономическое развитіе... Цѣной разоренія страны Россія была возведена въ рангъ европейской державы"... Не менѣе безотрадныя заключенія вытекаютъ и изъ цифръ Н. Д. Чечулина. Зарожденіе и быстрый ростъ русскаго государственнаго долга, обнищаніе населенія, застой экономической жизни страны—такова оборотная сторона блестящаго царствованія.

Въ началѣ его (1763 г.) доходы составляли 18,6 мил. руб. (чист. дох. 14,5 мил. руб.), въ концѣ (1796 г.)—73,1 мил. руб. (чист. дох. 55,4). Расходы за тѣ же годы составляютъ 17,3 и 78,2 мил. руб., т. е. бюджетъ расходовъ возросъ въ 4,5 раза; населеніе за то же время увеличилось нѣсколько менѣе, чѣмъ вдвое; такимъ образомъ съ каждаго плательщика стали взимать въ 2,3 раза больше, между тѣмъ какъ благосостояніе населенія вовсе не улучшилось; нагляднымъ признакомъ отягощенія страны можетъ служить ростъ относительныхъ издержекъ собиранія къ чистому доходу; въ первое десятилѣтіе онѣ составляли около 15%, въ послѣднее—25% всей суммы платежей, т. е. отъ 1/6 чистаго дохода поднялись до 1/3.

Всего въ это царствованіе поступило въ распоряженіе правительства 1,4 милліарда рублей, истрачено же было 1,6 милліарда; дефицитъ въ 200 мил. руб. былъ покрытъ выпускомъ ассигнацій (156,7 мил. р.), внѣшними займами (33 мил. руб.) и осталось неуплаченныхъ казною долговъ 15,6 мил. руб. Такимъ образомъ было истрачено 3 годовыхъ бюджета впередъ, и создана новая статья расхода—% по займамъ, составлявшіе въ 1781 г.—0,7 мил. руб. и возросшіе къ 1796 г.—до 4,3 мил. руб., т. е. почти до 4% всѣхъ расходовъ.

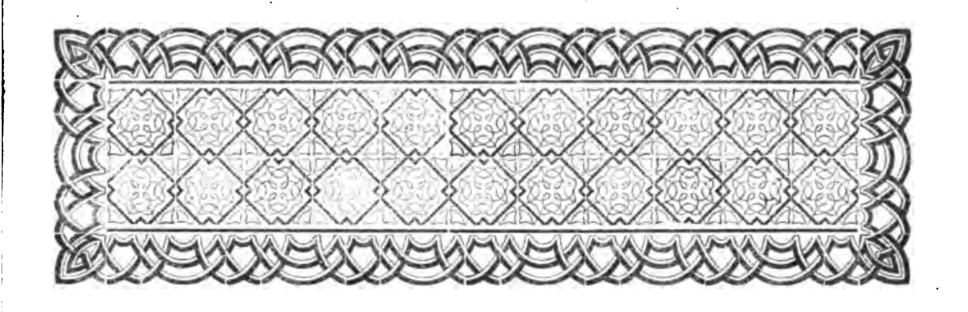
Ассигнаціи были выпущены въ 1768 г. на 1 мил. руб. и пользовались настолько крупнымъ успѣхомъ, что ассигнаціонные банки имѣли даже возможность взимать въ свою пользу 1/4—1/2% комиссіи за размѣнъ мѣдныхъ денегъ на ассигнаціи. Не обладая принудительнымъ курсомъ и, слѣдовательно, не будучи бумажными деньгами, онѣ, тѣмъ не менѣе, имѣли податное обезпеченіе, безпрепятственно размѣнивались на ходячую монету, увеличивали собой количество находившихся въ народномъ обращеніи денежныхъ знаковъ и тѣмъ содѣйствовали

Амвросій Орнатскій

Епископъ Пензенскій.

Баронъ Артуръ Павловичъ Моренгеймъ и его роль во франко-русскомъ сближеніи.

въ воспоминаніяхъ Ю. Ганзена [1]).

1884—1898.

III.

Бесѣда Шадорди и Салисбери о возможности сближенія между Англіей и Россіей—Взглядъ на это сближеніе Александра III.—Мнѣнія Шадорди о политикѣ Салисбери.—Новый президентъ Французской республики.—Происки Бисмарка по отношенію къ Франціи и Россіи.—Неосновательные слухи о войнѣ съ Австріей.—Сближеніе Моренгейма съ Флоке; слухи и интриги, вызванные этимъ фактомъ.

Осенью 1887 г. между Франціей и Англіей была заключена конвенція относительно египетскаго вопроса и свободнаго плаванія по Суэцкому каналу. 28 октября Флурансъ писалъ барону Моренгейму.

„Мнѣ пріятно сообщить вамъ, что переговоры съ Англіей относительно островов Подвѣтренныхъ, Таити и Новогебридскихъ и свободнаго плаванія по Суэцкому каналу окончены.

„Въ послѣднемъ вопросѣ мы встрѣтили поддержку и содѣйствіе со стороны Россіи, и я надѣюсь, что она присоединится къ нашей конвенціи.

„Покончивъ съ Великобританіей всѣ спорные вопросы, относи-

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. май.

тельно которыхъ рѣшеніе могло быть принято немедленно, я послѣдовалъ примѣру вашего правительства, разрѣшившаго споръ объ Афганской границѣ.

„Принимая болгарскихъ пословъ, я особенно настаивалъ на томъ, какъ справедливы, законны и безкорыстны требованія Россіи. Что касается Афганскаго вопроса, то я вполнѣ понимаю, какими благородными побужденіями руководствовался вашъ монархъ, и, начавъ переговоры (съ Англіей), я поставилъ себѣ цѣлью идти по намѣченному имъ пути.

„Надобно замѣтить, что лордъ Салисбери не только высказалъ искреннее желаніе покончить всѣ спорные вопросы съ Россіей и съ нами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно вѣрно оцѣнилъ ту опасность, какая могла бы угрожать миру и независимости народовъ со стороны вновь народившейся коалиціи державъ, которая руководится въ своихъ дѣйствіяхъ ненасытной жаждою пріобрѣтеній и стремленій расширить свои границы.

„Намѣтить путь къ соглашенію, имѣющему цѣлью великое дѣло поддержанія политическаго равновѣсія, и осуществить это соглашеніе—такова великая задача, выполненіе которой будетъ способствовать славѣ вашего августѣйшаго монарха.

„Примите и проч.“

Во время переговоровъ, которые велись по вышеупомянутымъ вопросамъ между представителями Франціи, графомъ Шадорди, и англійскимъ премьеромъ, между ними произошелъ интересный обмѣнъ мнѣній по вопросамъ международной политики.

Салисбери, только-что передъ тѣмъ занявшій постъ премьера, не выработалъ еще вполнѣ опредѣленно программу своей внѣшней политики, но, разумѣется, желалъ извлечь изъ тогдашняго положенія возможно болѣе выгодъ для Англіи. Шадорди, воспользовавшись своими дружественными отношеніями къ маркизу Салисбери, возникшими еще въ 1876 г., когда они передъ русско-турецкой войною работали вмѣстѣ въ Константинопольской конференціи, коснулся тѣхъ условій, на которыхъ Англія могла бы примириться съ Россіей. Шадорди полагалъ, вполнѣ справедливо, что сближеніе этихъ двухъ державъ и ихъ соглашеніе съ Франціей парализовало бы тройственный союзъ и могло бы вполнѣ обезпечить миръ.

Салисбери отвѣтилъ на это, что если бы царь далъ нѣкоторыя обѣщанія относительно Афганистана съ одной стороны и Босфора и Дарданеллъ съ другой, то этого было бы вполнѣ достаточно для того, чтобы установить болѣе дружественныя отношенія между Англіей и Россіей и даже повести къ соглашенію. Перейдя затѣмъ къ вопросу объ эвакуаціи Египта, англійскій министръ иностран-

ныхъ дѣлъ заявилъ рѣшительно, что „онъ намѣренъ отозвать войска изъ Нильской долины и что высшія англійскія военныя власти были противъ постоянной оккупаціи этой страны, такъ какъ въ случаѣ европейской войны англійскія войска могли бы очутиться тамъ въ затруднительномъ положеніи.“

На этомъ бесѣда Шадорди съ Салисбери кончилась, и они разстались друзьями. Въ виду возможности дальнѣйшихъ переговоровъ было весьма важно знать, какъ взглянетъ на этотъ вопросъ императоръ Александръ III. Съ этой цѣлью Ю. Ганзенъ писалъ одному изъ своихъ пріятелей, находившемуся въ то время въ свитѣ царя, въ Фреденсборгскомъ замкѣ, въ Даніи, прося его выяснить насколько возможно этотъ вопросъ.

„Судя по полученному мною отвѣту“, пишетъ Ганзенъ, „царь отнесся благосклонно къ мысли о сближеніи съ Англіей на вышеупомянутыхъ условіяхъ, о чемъ я сообщилъ Флурансу, который тотчасъ рѣшилъ назначить въ Лондонъ, вмѣсто Ваддингтона, французскимъ посланникомъ графа Шадорди, полагая, что его присутствіе въ Лондонѣ было бы весьма выгодно для Франціи. Съ этой цѣлью онъ послалъ къ Ваддингтону, находившемуся въ то время въ отпуску въ своемъ помѣстьѣ, въ департаментѣ Aine, довѣренное лицо съ письмомъ, въ которомъ Флурансъ объяснялъ ему причины, которыя заставляли его, въ интересахъ Франціи, просить о томъ, чтобы посланникъ выразилъ желаніе быть отозваннымъ. Ваддингтонъ, послѣ краткаго раздумья, написалъ прошеніе объ отставкѣ, и Флурансъ представилъ на слѣдующій день Греви для подписи два указа,—одинъ объ отставкѣ Ваддингтона, другой о назначеніи на его мѣсто Шадорди.

„Но за одни сутки все измѣнилось. Ваддингтонъ пожалѣлъ о своемъ рѣшеніи, пріѣхалъ въ Парижъ, переговорилъ съ Леономъ Се (Leon Say), который тотчасъ отправился къ Греви и просилъ его не подписывать указовъ, представленныхъ ему Флурансомъ. Такимъ образомъ эта комбинація не удалась. Криспи, узнавъ объ этомъ, былъ въ восторгѣ; въ Берлинѣ также были очень довольны. Но дѣло на этомъ не кончилось. Графъ Корти, италіанскій посланникъ въ Лондонѣ, личный другъ Шадорди и противникъ Криспи, слышалъ о переговорахъ, происходившихъ между Шадорди и Салисбери, но ни слова не сказалъ объ этомъ Криспи. Послѣдній былъ взбѣшенъ, сознавая, какія пагубныя послѣдствія могъ имѣть благопріятный исходъ переговоровъ для Италіи и тройственнаго союза, онъ просилъ короля Гумберта отозвать Корти, что́ и было исполнено. Послѣдній заболѣлъ отъ огорченія и вскорѣ скончался.

„Что касается маркиза Салисбери, то, не получая никакихъ извѣ-

стій изъ Парижа, онъ оставилъ вскорѣ мысль о сближеніи съ Россіей и повернулъ снова въ сторону тройственнаго союза, о чемъ онъ часто бесѣдовалъ съ Каталани, назначеннымъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Италіи въ Лондонѣ на мѣсто отозваннаго Корти".

„Мнѣ довелось, пишетъ Ганзенъ, совершенно случайно познакомиться съ содержаніемъ конфиденціальной телеграммы, посланной г. Каталани премьеру Криспи, изъ которой совершенно очевидно, какъ двойственна и коварна была политика Салисбери.

„Салисбери сказалъ мнѣ", писалъ Каталани 7 ноября 1887 г., „будто Бисмаркъ сообщилъ ему о томъ, что онъ поручилъ германскому посланнику ознакомить англійскаго премьера съ измѣненіемъ къ проекту союзнаго договора трехъ державъ. Такъ какъ посланника ожидаютъ здѣсь дня черезъ два, то Салисбери отложилъ обсужденіе этого вопроса въ совѣтѣ министровъ до будущей пятницы и поручилъ мнѣ передать, что англійскій кабинетъ относится весьма сочувственно къ союзу между Италіей и Австріей. Я сообщилъ Салисбери ваше письмо отъ пятаго числа с. м. касательно шаговъ, предпринимаемыхъ Россіей и Франціей въ Константинополѣ, и онъ искренно благодаритъ васъ за это сообщеніе".

Если сравнить содержаніе этой телеграммы съ заявленіями, сдѣланными Салисбери мѣсяцъ передъ тѣмъ въ разговорѣ съ Шадорди, станетъ ясно, что онъ велъ двойственную игру, льстя Франціи и Россіи, между тѣмъ какъ его истинныя симпатіи были на сторонѣ тройственнаго союза.

Ю. Ганзенъ счелъ долгомъ сообщить графу Шадорди вышеприведенную телеграмму Каталани и узнать, какъ онъ смотритъ на положеніе дѣлъ послѣ неожиданнаго поворота во взглядахъ со стороны Салисбери. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ отъ него нижеслѣдующія письма:

„Ваше удивленіе по поводу лорда Салисбери повергло меня въ изумленіе, писалъ Шадорди. Ничего не можетъ быть естественнѣе того, что онъ говоритъ и дѣлаетъ. Все это вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что имъ было высказано мнѣ. Онъ заявилъ мнѣ о своей симпатіи къ Италіи, шутилъ по поводу назначенія Криспи министромъ иностранныхъ дѣлъ, говоря, что такъ какъ онъ республиканецъ, то намъ будетъ легче столковаться съ нимъ. По его мнѣнію, Италія сдѣлала ошибку, совершивъ походъ въ Массову, но это его не касается и онъ относится къ ней благожелательно.

Относительно Австріи онъ высказался совершенно опредѣленно, говоря, что своей осторожностью и благоразуміемъ она будетъ служить для Германіи и Италіи сдерживающимъ элементомъ.

Всѣмъ давнымъ давно извѣстно, какія узы связываютъ торрійскую партію, и лорда Салисбери въ частности, съ Австро-Венгріей.

Обо всемъ этомъ я писалъ Флурансу изъ Діеппа и подтвердилъ это ему по возвращеніи въ Парижъ.

Разумѣется, послѣ этихъ разговоровъ можно было бы сдѣлать шагъ къ сближенію; это несомнѣнно, но главное надобно было дѣятельно провести все сказанное въ жизнь. Салисбери былъ не прочь отъ примиренія съ Россіей, но онъ говорилъ, что для этого ей слѣдовало отказаться отъ видовъ на Константинополь и Босфоръ.

Я не вижу, чтобы онъ скрылъ отъ меня своихъ мыслей, но я вижу, что ими не сумѣли воспользоваться. Я вполнѣ увѣренъ, что если бы съ нимъ продолжали вести переговоры, то онъ былъ бы съ нами еще любезнѣе и не отвергъ бы возможности дружескаго союза.

Что касается отставки Корти, то она была для меня неожиданностью. Я зналъ, что Криспи ставилъ ему въ вину то обстоятельство, что онъ не былъ освѣдомленъ о рѣшеніяхъ, принятыхъ нами и Салисбери; послѣдній говорилъ мнѣ, будто италіанское правительство жаловалось по поводу того, что ему объ этомъ ничего неизвѣстно. Я предупредилъ объ этомъ Флуранса, а равно и о томъ, что Бланъ, донесеніямъ котораго такъ довѣряетъ Криспи, тогда какъ сочувствующій намъ Корти считаетъ ихъ нелѣпыми, дѣйствуетъ въ Константинополѣ намъ во вредъ. Если бы я былъ въ Лондонѣ, то я могъ бы спасти Корти. Лордъ Салисбери ясно далъ мнѣ понять, что непринятіе турецкой конвенціи, вслѣдствіе нашего вмѣшательства, оскорбило англичанъ въ особенности, потому что это было успѣхомъ Россіи. Я старался загладить это впечатлѣніе. Но если положеніе дѣлъ въ Константинополѣ не измѣнится, то это впечатлѣніе можетъ появиться вновь въ особенности подъ вліяніемъ крайне враждебной по отношенію къ намъ дѣятельности Блана.

Все это для меня какъ нельзя болѣе ясно. Я не говорилъ, что лордъ Салисбери сталъ нашимъ другомъ; было бы нелѣпо думать, что его можно было склонить въ 8 дней на нашу сторону, но я говорилъ, что, дѣйствуя осторожно и настойчиво, этого можно было достигнуть. Онъ не порветъ съ Италіей и Австріей, пока не будетъ знать, чего онъ можетъ ожидать отъ насъ. Наше дѣло было предложить ему сближеніе съ Франціей и Россіей, и я считалъ это возможнымъ. Онъ былъ настроенъ очень благожелательно. Я только это и писалъ и говорилъ. Хотя Салисбери несомнѣнно очень непостояненъ, но я не вижу во всемъ этомъ ничего, свидѣтельствующаго объ его неискренности“.

4 дня спустя, Шадорди писалъ:

„Объяснить то, о чемъ вы спрашиваете, мнѣ кажется очень легко. Бисмаркъ хочетъ привлечь на свою сторону Англію и заставить ее содѣйствовать его видамъ. Поэтому онъ сообщаетъ Салисбери намѣренія тройственнаго союза и даже совѣтуется съ нимъ, дабы склонить его присоединиться къ союзу. Лордъ Салисбери сказалъ мнѣ, что онъ ничѣмъ не связанъ, это главное; онъ не могъ сказать мнѣ, что ему дѣлали подобныя сообщенія. Можетъ быть, онъ сказалъ бы мнѣ это впослѣдствіи, если бы наши бесѣды продолжились“.

Вскорѣ послѣ этой бесѣды президентъ Французской республики, Греви, долженъ быть уступить мѣсто Сади-Карно, избранному 3 декабря 1887 г. Русское посольстно отнеслось къ его избранію сочувственно, и отношенія Моренгейма къ Карно, во все время его президентства, были весьма дружественны.

Въ это время международное положеніе было весьма натянутое. Бисмаркъ выказывалъ по-прежнему свое неудовольствіе по отношенію къ Франціи и Россіи.

3 февраля 1888 г. по его распоряженію въ „Reichsanzeiger“ и „Wiener-Abendpost“ былъ напечатанъ одновременно текстъ австро-германскаго союза, заключеннаго 7 октября 1879 г. Въ то же время имъ были возобновлены съ Италіей переговоры о заключеніи военной конвенціи, направленной главнымъ образомъ противъ Франціи и косвенно затрагивавшей Россію.

Императоръ Александръ III твердо держался намѣченнаго имъ пути, и отношенія между Франціей и Россіей оставались дружественными, несмотря на прискорбное приключеніе съ „подложными болгарскими бумагами“, коимъ Бисмаркъ напрасно старался воспользоваться, чтобы породить недовѣріе между Петербургомъ и Парижемъ. Въ то время событіе съ такъ называемыми „болгарскими бумагами“ надѣлало немало шума въ европейской прессѣ. Въ бытность императора Александра III въ Берлинѣ проѣздомъ изъ Копенгагена въ Россію въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1887 г., Бисмаркъ, получивъ у него аудіенцію, не стѣсняясь обвинилъ барона Моренгейма и Ю. Ганзена въ томъ, что они поддѣлали эти бумаги съ цѣлью поссорить Германію съ Россіей.

„Царь, которому я имѣлъ честь быть лично извѣстнымъ“, разсказываетъ Ганзенъ, „бывъ представленъ ему въ Фреденсборгѣ королемъ датскимъ, Христіаномъ IX, рѣшительно отвергъ это предположеніе канцлера по отношенію ко мнѣ: нечего говорить, что обвиненіе, взведенное противъ барона Моренгейма, было также совершенно неосновательно. Тѣмъ не менѣе ярыя нападки нѣмецкой прессы противъ насъ не прекращались нѣкоторое время. Бисмаркъ безу-

спѣшно старался розыскать автора этого ложнаго слуха, ему ничего не удалось узнать".

13 января 1888 г. Вальерре писалъ Ганзену:

„Сообщу для вашего свѣдѣнія, что я имѣлъ на-дняхъ довольно продолжительную и совершенно частную бесѣду съ австро-венгерскимъ посланникомъ въ Парижѣ. Когда я упомянулъ о возможности войны между Австріей и Россіей, въ которую, между прочимъ, я лично, не особенно вѣрилъ, то онъ подтвердилъ мнѣ, между прочимъ, три вещи, не лишенныя интереса. Первая то, что Австрія не сдѣлала Россіи и не намѣрена дѣлать ей никакого запроса по поводу сосредоточенія ея войскъ на границѣ Галиціи; второе, что Россія послала въ Вѣну оффиціальную декларацію о томъ, что болгарскій вопросъ не можетъ быть поводомъ къ войнѣ между обѣими имперіями; и третье, что въ случаѣ войны между Австріей и Россіей, Германія, въ силу договоровъ, заключенныхъ ею съ Австріей и согласно требованію вооруженнаго нейтралитета, была бы вынуждена выставить свои войска на русской границѣ.

Изъ этого письма слѣдуетъ, что слухи о вооруженномъ столкновеніи между Австріей и Россіей были совершенно неосновательны. Тѣмъ не менѣе, по пословицѣ: нѣтъ дыма безъ огня, баронъ Моренгеймъ допускалъ возможность войны между этими двумя державами и поэтому былъ того мнѣнія, что Россія поступила бы вполнѣ благоразумно, подготовившись къ ней, сдѣлавъ необходимые дипломатическіе шаги и военныя приготовленія. Она могла бы разсчитывать на поддержку Франціи, но этому мѣшало одно довольно странное обстоятельство: русскій посланникъ не могъ переговорить съ президентомъ французской палаты, помимо котораго нельзя было приступить къ переговорамъ. Это подало барону Моренгейму мысль примириться съ Флоке. Въ это же время улучшились отношенія русскаго посланника къ радикальной партіи; онъ часто бесѣдовалъ съ лидерами этой партіи, Фрейсине и Маре. Такимъ образомъ въ январѣ все чаще и чаще возникалъ вопросъ о примиреніи, на которомъ настаивалъ Флурансъ.

Съ другой стороны, въ политическихъ кругахъ начинали поговаривать о возможности образованія министерства Флоке и о томъ, что послѣдній выражалъ большое желаніе войти въ близкія сношенія съ русскимъ посланникомъ.

„Флурансъ поручилъ мнѣ, пишетъ Ю. Ганзенъ, начать переговоры, которые могли бы повести къ примиренію между барономъ Моренгеймомъ и Флоке, и когда посланникъ получилъ на это согласіе своего правительства, то я увѣдомилъ Флоке о томъ, что онъ желаетъ познакомиться съ нимъ лично; было рѣшено, что Флурансъ

представить посланнику президента палаты въ домѣ Дотрема, министра торговли. Это представленіе состоялось 7 февраля 1888 г. На другой день Флоке посѣтилъ русскаго посланника. Свиданіе было весьма дружеское. Проходя черезъ библіотеку, Флоке привѣтствовалъ восторженнымъ жестомъ „великолѣпный рядъ русскихъ монарховъ, коихъ портреты украшали стѣны“ и во время бесѣды съ барономъ отозвался самымъ сочувственнымъ образомъ о стараніи Флуранса способствовать сближенію Франціи и Россіи. Моренгеймъ принялъ приглашеніе на обѣдъ, который Флоке давалъ 23 февраля президенту республики.

„Итакъ, первый шагъ къ сближенію былъ сдѣланъ; газеты, преданныя президенту палаты, не замедлили протрубить, что иниціатива сближенія исходила отъ барона Моренгейма, который выразилъ желаніе примириться съ Флоке; это было совершенно не согласно съ истиной, и Моренгеймъ былъ этимъ крайне недоволенъ. Я отправился на слѣдующій день къ Флоке, чтобы переговорить съ нимъ объ этой непріятной случайности и условиться о необходимости помѣстить въ тѣхъ же газетахъ опроверженіе. Сдѣлать это было очень трудно, и я попросилъ Флоке послать къ барону Моренгейму его племянника Маріани, французскаго посланника въ Римѣ, чтобы уладить дѣло. Это было сдѣлано въ тотъ же вечеръ, а на другой день въ газетахъ появилась слѣдующая замѣтка:

„Посѣщеніе Флоке барона Моренгейма все еще продолжаетъ быть предметомъ толковъ; обстоятельства, предшествовавшія этому маленькому политическому и дипломатическому событію, выясняются съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, при чемъ оказывается, что нѣкоторые изъ нашихъ коллегъ сильно исказили факты.

Передавали, напр., будто русскій посланникъ давно уже выражалъ желаніе вступить въ личныя сношенія съ г. Флоке.

Говорили, будто онъ (Моренгеймъ) передалъ Флоке черезъ посредство одного республиканскаго депутата, что онъ сожалѣетъ о нѣкоторыхъ фактахъ, происшедшихъ въ то время, когда Флоке только-что занялъ постъ президента палаты.

Все это чистѣйшій вымыселъ.

Мы можемъ утверждать положительно, что ни республиканскій и никакой иной депутатъ не дѣлалъ Флоке подобныхъ сообщеній и что иниціатива совершившагося сближенія отнюдь не принадлежала барону Моренгейму.

Намъ извѣстно, что г. Флоке выражалъ неоднократно желаніе, чтобы русскій посланникъ присутствовалъ на обѣдѣ, который онъ даетъ ежегодно дипломатическому корпусу: онъ говорилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, что онъ придаетъ огромное значеніе

дружескимъ отношеніямъ, которыя могли бы установиться между нимъ и русскимъ посланникомъ.

Таковы были обстоятельства, при коихъ состоялось это свиданіе".

Удовлетворенный этой замѣткой, баронъ Моренгеймъ былъ 13 февраля на обѣдѣ у президента палаты.

Нѣсколько времени спустя Ю. Ганзенъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ Моренгеймомъ, который сказалъ ему, что онъ отнюдь не желаетъ вмѣшиваться въ дѣла Франціи. Послѣдній разъ я сдѣлалъ это по дѣлу Флоке. Всѣ такъ много говорили о томъ, что этотъ политическій дѣятель долженъ стоять у власти, что по неволѣ пришлось съ этимъ помириться. Мнѣ было необходимо принять участіе въ этомъ дѣлѣ, иначе намъ поставили бы въ упрекъ, что мы старались этому помѣшать. Вдобавокъ, наши интересы требовали, чтобы мы были въ добрыхъ отношеніяхъ съ президентомъ палаты. Я буду держаться впредь образа дѣйствій, условленнаго между мною и Флоке; я буду высказываться только тогда, когда пожелаютъ знать мое мнѣніе. Но другу я могу сказать откровенно то, что я думаю.

„Во-первыхъ, я не думаю, такъ же точно, какъ и всѣ мои коллеги, чтобы министерство Флоке было долговѣчно. Эти опасенія усилились бы, если бы Флоке повелъ внѣшнюю политику Франціи инымъ путемъ, т. е. если бы онъ не обезпечилъ себѣ содѣйствіе Флуранса, это было бы съ его стороны огромной ошибкой. Положеніе Европы въ настоящее время очень неопредѣленное. Ни въ чемъ нельзя быть увѣреннымъ: всѣ крайне озабочены. Тѣмъ болѣе важно для Франціи не терять изъ-подъ ногъ пріобрѣтенной почвы и не усугублять неизбѣжныхъ внутреннихъ осложненій новыми осложненіями во внѣшней политикѣ. Если Флурансъ остается у власти, мы, русскіе, ничего не скажемъ и будемъ смотрѣть на внутреннее положеніе Франціи какъ на дѣло насъ некасающееся.

Въ противномъ случаѣ, это будетъ означать одно изъ двухъ:

1⁰ Или то, что Флурансъ не пожелалъ вступить въ новую комбинацію, а это означало бы въ свою очередь, что намѣренія Флоке не встрѣтили съ его стороны одобренія и что онъ не хочетъ быть съ нимъ солидарнымъ. Въ такомъ случаѣ иностранные кабинеты станутъ на ту же точку зрѣнія, какъ и онъ, и будутъ дѣйствовать осторожно.

2⁰ Или же Флоке и лидеры радикальной партіи не хотятъ Флуранса. Это значило бы, что они рѣшительно не одобряютъ направленія, даннаго Флурансомъ иностранной политикѣ Франціи; и такъ какъ эта политика встрѣтила полное одобреніе кабинетовъ, то послѣдніе, въ случаѣ устраненія Флуранса, были бы вынуждены при-

знать, что это совершенно не согласуется съ ихъ собственной политикой.

Слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ намъ пришлось бы дѣйствовать сдержанно и осторожно.

Что касается моего личнаго образа дѣйствій, который, признаюсь, особеннаго значенія не имѣетъ, то я уѣхалъ бы вѣроятно на нѣкоторое время на югъ Франціи. Я очень люблю эту страну“.

IV.

Общее положеніе въ Европѣ въ 1888 году.—Отношеніе русскаго кабинета къ министерству Флоке.—Тройственный союзъ и военная конвенція. - Взглядъ на союзъ берлинскаго и вѣнскаго правительства.

3 апрѣля 1888 г. образовалось министерство Флоке, въ которомъ портфель военнаго министра получилъ Фрейсине, сохранившій его въ теченіе пяти лѣтъ. Это имѣло огромное значеніе въ вопросѣ о сближеніи Франціи съ Россіей, ибо Фрейсине изо всѣхъ французскихъ министровъ болѣе всего содѣйствовалъ осуществленію франко-русскаго союза. Флурансъ не вошелъ въ новый кабинетъ, уступивъ въ немъ мѣсто Гобле. Это было крайне непріятно барону Моренгейму, поэтому его отношенія къ министерству Флоке, оставаясь корректными, были далеко не такъ дружественны, какъ его отношенія къ Флурансу.

По словамъ Ганзена, Гобле всячески старался поддержать дружественныя отношенія съ Россіей, установившіяся при Флурансѣ, и помогалъ, по мѣрѣ возможности, Фрейсине, который старался оказать услуги русскому военному вѣдомству. Такимъ образомъ 1888 годъ не принесъ замѣтнаго измѣненія въ отношеніяхъ Франціи и Россіи. Но, вообще, положеніе европейскихъ державъ не было въ это время благопріятно Франціи. Гобле приходилось бороться съ многими затрудненіями, и тревожное положеніе дѣлъ внутри государства, вызванное дѣйствіями Буланже, колебало вліяніе Франціи за границей.

Взаимное положеніе державъ въ это время прекрасно охарактеризовано въ нижеслѣдующихъ письмахъ, полученныхъ Ганзеномъ отъ Вальфрея.

„Нашей внѣшней политики болѣе не существуетъ, писалъ онъ. За границей все болѣе и болѣе распространяется мысль, что наше положеніе крайне неопредѣленно и непрочно и что никто не можетъ уяснить его себѣ до будущихъ выборовъ. Кромѣ того, нынѣшнее министерство своимъ радикализмомъ вызвало къ себѣ, въ особенности со стороны Россіи, предубѣжденіе, которое никто не въ состояніи

разрушить. Вслѣдствіе этого наше министерство иностранныхъ дѣлъ не завалено работой и занято почти исключительно одними текущими дѣлами.

„Тѣмъ не менѣе иные полагаютъ и таково мнѣніе нашего посланника въ Вѣнѣ, который находится въ данную минуту въ Парижѣ, что, несмотря на подстрекательство со стороны англійской королевы и лорда Салисбери, Австрія, приступивъ къ вооруженіямъ, отнюдь не имѣетъ въ виду сразиться съ Россіей и что весь шумъ, поднятый въ настоящее время въ столицѣ Австро-Венгріи, дѣлается съ цѣлью заставить депутатовъ вотировать безъ задержки военные кредиты, какихъ потребуетъ министерство.

Меня увѣряютъ, что кампанія, ведущаяся систематически въ Берлинѣ противъ русскихъ цѣнностей, служитъ какъ бы залогомъ дружественныхъ чувствъ къ Австріи со стороны Германіи. Россіи вооруженіе стоитъ очень много; между тѣмъ золото дорожаетъ у нея съ каждымъ днемъ. Этимъ разсчитываютъ не только поддержать миролюбіе Россіи, но косвеннымъ образомъ заставить ее распустить войско, сосредоточенное на границѣ Галиціи; между нами будь сказано, я думаю, что этотъ расчетъ въ концѣ концовъ оправдается.

Но Россія не имѣетъ ни малѣйшаго желанія измѣнять своей политики относительно Германіи, и если Бисмаркъ рѣшилъ изловить ее снова въ свои сѣти, то онъ напрасно теряетъ время. Въ добавокъ, если можно сказать, что положеніе дѣлъ неопредѣленно во Франціи, то оно также довольно неопредѣленно и въ Германіи, гдѣ Бисмаркъ, какъ ни какъ, теперь не вполнѣ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ этомъ отношеніи ничего не можетъ выясниться до смерти Фридриха III“.

„Наше внѣшнее положеніе, писалъ тотъ же корреспондентъ 11 мая, ухудшается; къ намъ относятся сдержанно, чтобы не сказать презрительно и враждебно. Нашъ посланникъ въ Берлинѣ, кажется, пріѣхалъ сюда (въ Парижъ), чтобы дать объясненіе по поводу крайне непріятной ноты, препровожденной германской канцеляріей Гоблэ по поводу случившагося въ Бельфорѣ. Нѣсколько нѣмецкихъ студентовъ-туристовъ, прибывшихъ въ этотъ городъ, расхаживали по улицамъ съ криками и шумомъ, не обращая ни на кого вниманія. Населеніе расправилось съ ними по-своему, а офицеры и солдаты не сочли нужнымъ вступиться за нихъ. Нашъ посланникъ въ Берлинѣ, Гербеттъ, не придаетъ нотѣ особаго значенія; онъ полагаетъ, что она не измѣнитъ существующаго положенія дѣлъ, хотя, по его мнѣнію, въ общемъ картина получается довольно мрачная. По его словамъ, кончина императора Фридриха есть вопросъ нѣсколькихъ недѣль; большой опасностью для мира явится то обстоятельство, что

новый императоръ никогда не видалъ поля битвы, поэтому онъ будетъ относиться къ возможности конфликта съ другими державами гораздо легче, нежели его отецъ и дѣдъ.

Надобно присовокупить, что союзы, образованные Бисмаркомъ на востокѣ и на западѣ съ цѣлью держать насъ на чеку, за послѣднее время окрѣпли. Можетъ быть, Англія еще не дошла до того, чтобы обезпечить Италію противъ нападенія со стороны Франціи, что, повидимому, и не представляется нужнымъ, но отнынѣ, всякій разъ, когда Англія захочетъ произвести морскую демонстрацію въ Средиземномъ морѣ, она потребуетъ помощи со стороны Италіи.

Говорятъ, что предстоящія въ Барцелонѣ празднества будутъ грандіозной иллюстраціей мощности этого союза. Намъ извѣстно, что французская эскадра, плавающая въ Средиземномъ морѣ, желая польстить самолюбію испанцевъ, намѣрена привѣтствовать съ большой помпой царствующую королеву въ водахъ Каталоніи. Разсказываютъ, что Криспи дѣлалъ въ Лондонѣ представленіе за представленіемъ о томъ, чтобы Англія и Италія послали въ свою очередь внушительныя силы въ тѣ же воды. Германія и Австрія также пошлютъ туда своихъ представителей, и такимъ образомъ получится точное перспективное изображеніе современной шахматной доски Европы. Съ одной стороны будутъ извѣстныя вамъ четыре державы, а съ другой — одинокая, какъ бы зажатая въ тиски Франція.

Если таковъ же будетъ дальнѣйшій ходъ событій, то это произведетъ огромное впечатлѣніе въ Европѣ, но для насъ въ этомъ будетъ мало утѣшительнаго. Правда, русское правительство не измѣнило общаго направленія своей политики, несмотря на всѣ старанія, приложенныя послѣднее время Бисмаркомъ къ тому, чтобы завоевать довѣріе царя. Но избраніе во Франціи радикальнаго министерства и неопредѣленность нашего внутренняго положенія вслѣдствіе кампаніи, которую ведутъ буланжисты—все это вмѣстѣ взятое повліяло на отношеніе къ намъ петербургскаго кабинета. Моренгеймъ сталъ очень сдержанъ, давая понять тѣмъ, кто спрашиваетъ его о причинѣ этой перемѣны, что политическія идеи, олицетворенныя кабинетомъ Флоке, внушаютъ страхъ русскимъ правительственнымъ сферамъ и что тамъ не рѣшились бы выказать ни малѣйшаго довѣрія людямъ, исповѣдующимъ столь опасную политическую платформу":

„Несомнѣнно, что въ настоящее время отношенія между Франціей и Германіей крайне обострились... Правительство (французское) безмолвствуетъ; оно давно уже предвидѣло эту бѣду, но было безсильно предотвратить ее. Нѣмцы не допускаютъ, чтобы мы могли долѣе терпѣть дѣятельность „Лиги патріотовъ", и до тѣхъ поръ, пока

эту лигу не будутъ преслѣдовать, отношенія между Парижемъ и Берлиномъ, останутся натянутыми.

Мнѣ передавали, будто графъ Гербертъ Бисмаркъ сдѣлалъ, нѣсколько недѣль тому назадъ, нашему посланнику въ Берлинѣ ужаснѣйшую сцену по поводу случая съ нѣмецкими студентами, избитыми въ Бельфорѣ. Говорятъ, будто вновь назначенный министръ до того вышелъ изъ себя, что сказалъ Герберту: „Мы дадимъ, въ будущемъ году, нашимъ согражданамъ оффиціально совѣтъ не ѣздить на вашу выставку, такъ какъ ихъ жизнь не была бы въ безопасности“. Для нѣмецкой дипломатіи было бы истиннымъ удовольствіемъ наказать насъ такимъ образомъ за симпатію, съ какою было встрѣчено у насъ извѣстіе о восшествіи на престолъ Фридриха III.

„Послѣдніе дни раздраженіе противъ Англіи во Франціи нѣсколько улеглось, такъ какъ лордъ Салисбери заявилъ или приказалъ заявить, что его политика не имѣетъ ничего общаго съ приписываемыми ему анти-французскими тенденціями. Точно также и Криспи далъ бы все на свѣтѣ, чтобы придти съ Франціей къ какому-нибудь modus vivendi по торговымъ вопросамъ. Италіанскій посланникъ въ Парижѣ, генералъ Менабреа, не только далъ вчера большой обѣдъ президенту республики, но сказалъ между прочимъ, что домъ италіанскаго посольства есть дружественный домъ для Франціи и ничѣмъ инымъ быть не можетъ. Наконецъ, русское правительство, соблюдая извѣстную сдержанность по отношенію къ нынѣшнему министерству, остается, въ общемъ, тѣмъ же, чѣмъ оно было три мѣсяца тому назадъ. 30 числа г. и г-жа Флоке приглашены вмѣстѣ съ президентомъ республики на обѣдъ къ барону Моренгейму“.

Въ исходѣ 1888 г., въ то время, когда во Франціи стояло у власти министерство Флоке, между державами тройственнаго союза и Великобританіей начались весьма важные переговоры относительно присоединенія къ этому союзу Англіи. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при этомъ былъ Криспи, настроенный къ Франціи враждебно. По его инициативѣ одинъ изъ высшихъ италіанскихъ военныхъ чиновъ отправился въ Вѣну и Берлинъ для веденія переговоровъ о заключеніи военной конвенціи между державами тройственнаго союза.

„Тройственный союзъ, играющій такую видную роль въ общей политикѣ Европы, заключенный, какъ извѣстно, 20 мая 1882 г., былъ возобновленъ первый разъ въ 1887 г. на пять лѣтъ, до 1892 г., но въ іюнѣ 1891 г., до истеченія срока, онъ возобновленъ еще на 5 лѣтъ, т. е., до 1897 г. Въ этомъ году снова возобновленъ на

пятилѣтній срокъ, и въ 1902 г., продленъ еще на 10 лѣтъ, т. е. до 1912 г.

„При заключеніи этого союза, помимо оффиціальнаго договора, между королемъ Гумбертомъ и императоромъ Вильгельмомъ состоялось устное соглашеніе, въ силу котораго монархи обязались честнымъ словомъ оставаться вѣрными союзу и вліять на рѣшеніе своихъ министровъ въ томъ смыслѣ, чтобы союзъ въ случаѣ войны не былъ нарушенъ. Это конфиденціальное соглашеніе было сообщено императору Францу-Іосифу, который присоединился къ нему.

„Императоръ Францъ-Іосифъ пожелалъ, чтобы цѣль союза, опредѣленная въ дипломатическомъ актѣ о соглашеніи, была изложена точно и обстоятельно и чтобы было точно оговорено, что цѣль союза— чисто оборонительная и что casus foederis могъ существовать лишь въ томъ случаѣ, если бы одна изъ союзныхъ державъ подверглась нападенію извнѣ, но не тогда, когда одна изъ державъ захотѣла бы сама объявить войну изъ-за какихъ-нибудь личныхъ интересовъ".

„Въ договорѣ заключался до 1902 г. одинъ пунктъ, или, лучше сказать, была оговорка, сдѣланная италіанскимъ кабинетомъ, въ силу которой тройственный союзъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы заставить Италію обнажить мечъ противъ Англіи. При возобновленіи союзнаго договора въ 1902 г. Принетти позабылъ подтвердить „оговорку" касательно Англіи".

Вотъ еще нѣкоторыя указанія, сообщаемыя Ганзеномъ о томъ, какимъ образомъ Англія примкнула къ тройственному союзу. „Она не присоединилась къ этому союзу во всей его полнотѣ, а только къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ пунктамъ, которые могли, въ извѣстныхъ случаяхъ, быть выгодны для британскихъ интересовъ.

„Въ военныхъ протоколахъ, приложенныхъ къ акту тройственнаго союза, предусмотрѣны всѣ случаи, когда каждая изъ трехъ договаривающихся сторонъ могла быть вынуждена принять участіе въ войнѣ.

„Послѣ того какъ главные пункты военной конвенціи были намѣчены въ общихъ чертахъ, въ Вѣну и въ Берлинъ отправился одинъ изъ высшихъ офицеровъ италіанскаго генеральнаго штаба для обсужденія отдѣльныхъ пунктовъ этой конвенціи.

„Этотъ офицеръ вынесъ изъ своей поѣздки впечатлѣніе, что въ Вѣнѣ смотрѣли на тройственный союзъ совершенно иначе, нежели въ Берлинѣ.

„Въ германской столицѣ были озабочены главнымъ образомъ тѣмъ, въ какой мѣрѣ германскіе интересы могли столкнуться съ французскими, тогда какъ въ Вѣнѣ болѣе останавливались на возможности столкновенія австро-венгерскихъ интересовъ съ славянскими вожделѣніями на Востокѣ. Такимъ образомъ тройственный

союзъ, воплотившись въ военную конвенцію, сталъ грознымъ орудіемъ, угрожавшимъ войною какъ Россіи, такъ и Франціи. Италіанскій офицеръ возвратился въ Италію вполнѣ убѣжденный въ томъ, что при австрійскомъ дворѣ старались придать союзу, заключенному между тремя державами, гораздо болѣе миролюбивое истолкованіе, нежели въ Берлинѣ. Кальноки, обсуждая съ нимъ вѣроятность войны, въ виду которой и велись переговоры о военной конвенціи, сказалъ дословно слѣдующее:

„Въ настоящее время война немыслима, потому что это было бы бѣдствіемъ и позоромъ. Я не думаю, чтобы въ Европѣ нашелся министръ, способный, не содрогаясь, взять на себя эту отвѣтственность. Что касается меня, то за исключеніемъ того случая, когда на Австрію было бы произведено непосредственно нападеніе, я предпочелъ бы скорѣе выйти въ отставку, нежели взять на себя иниціативу конфликта, изъ-за котораго были бы пролиты потоки крови“.

Эти слова были переданы въ Римѣ въ высшихъ сферахъ и, быть можетъ, они-то и были причиною, вслѣдствіе которой отставка Кальноки не вызвала въ этой столицѣ особеннаго сожалѣнія. Однако несмотря на столь миролюбивое настроеніе, австрійскій канцлеръ не преминулъ включить въ военные протоколы всѣ возможные случаи, когда союзныя державы были бы вынуждены вмѣшаться для поддержанія правъ Австріи противъ посягательствъ Россіи и для поддержанія австро-венгерской политики на востокѣ; не были предусмотрѣны только тѣ случаи, когда итальянскимъ войскамъ пришлось бы идти къ границѣ Рейна или къ границѣ Россіи черезъ территорію Австріи и когда итальянскому флоту пришлось бы соединиться съ германскимъ флотомъ, чтобы сразиться на сѣверѣ съ русскимъ флотомъ, но зато былъ подробно разработанъ тотъ случай, когда итальянскому флоту пришлось бы соединиться съ австрійскимъ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ русскаго флота въ Дарданеллахъ и даже за проливами.

„Я ручаюсь“, — говоритъ Ганзенъ, ссылаясь на авторитетный источникъ, изъ котораго имъ получены многія свѣдѣнія, — „что въ конвенціи оговорено, что при извѣстныхъ условіяхъ отрядъ итальянской арміи могъ быть посланъ въ Константинополь для того, чтобы оперировать на пути, ведущемъ отъ этой столицы къ русской границѣ“.

„Эти свѣдѣнія безусловно точны“,—говоритъ онъ,—„и одной изъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ Германія была всегда противъ обнародованія тройственнаго союза, было именно то, что въ этомъ договорѣ было столько же пунктовъ, направленныхъ противъ Россіи,

какъ и противъ Франціи, и обнародованіе его, разсѣявъ послѣднія колебанія Россіи, ускорило бы заключеніе франко-русскаго союза".

Коль скоро таковъ именно былъ характеръ тройственнаго союза, то легко понять, что Англія не хотѣла присоединиться къ тѣмъ статьямъ договора, которыя касались осложненій, какія могли быть вызваны въ центральной Европѣ политикой континентальныхъ державъ, и предпочла присоединиться къ тѣмъ пунктамъ договора, которые были выработаны, съ цѣлью дать Австріи возможность сдержать вожделѣнія панславизма и не допустить Францію расширить свое вліяніе на Средиземномъ морѣ.

При томъ Англія присоединилась къ союзу условно. Англійское министерство иностранныхъ дѣлъ ограничилось заявленіемъ, что въ случаѣ военныхъ дѣйствій между Австріей и Россіей, или между Франціей и Италіей, въ Средиземномъ морѣ, Великобританія могла выступить въ первомъ случаѣ противъ Россіи, а во второмъ—противъ Франціи, но это не должно было повлечь для нея никакихъ обязательствъ, вытекающихъ изъ casus foederis. Англія не имѣетъ обыкновенія заключать секретныхъ договоровъ, стѣсняющихъ надолго ея свободу дѣйствій, по этой причинѣ вышеприведенная декларація была почти равносильна заключенному договору".

Принимая во вниманіе, что тройственный союзъ долженъ еще долго существовать и что онъ имѣетъ неоспоримое вліяніе на европейскія дѣла, не безынтересно привести здѣсь еще кое-какія подробности, полученныя Ганзеномъ, по его словамъ, изъ вполнѣ достовѣрнаго источника.

„Ди-Рудини далъ королю Гумберту всѣ гарантіи, какихъ онъ требовалъ относительно обезпеченія тройственнаго союза, иначе ему не было бы поручено сформированіе кабинета. Король охотно возлагалъ на своихъ министровъ веденіе внутренней политики, но самъ руководилъ дѣлами внѣшней политики; поэтому можно сказать, что тройственный союзъ былъ дѣломъ его рукъ.

„Когда Манчини [1]), вслѣдъ за событіями въ Тунисѣ, сблизился съ Германіей и Австріей, то король не подписалъ договора съ этими державами, но обмѣнялся съ ними деклараціями, изложенными въ протоколѣ, который каждая изъ заинтересованныхъ сторонъ получила въ копіи. Въ немъ говорилось о соглашеніи, но не о союзѣ въ точномъ смыслѣ этого слова.

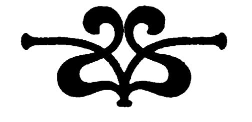
„Это соглашеніе, заключенное на пять лѣтъ, было несравненно выгоднѣе дѣйствительнаго союза, такъ какъ оно гарантировало Италіи statu quo на Средиземномъ морѣ и въ то же время Италія

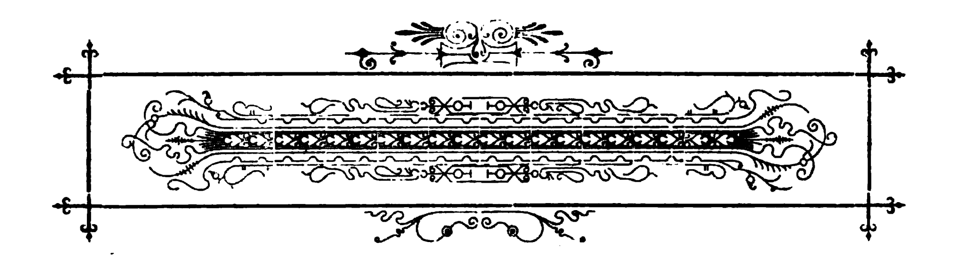
¹) Итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

обязывалась выступить на защиту Германіи лишь въ томъ случаѣ, если бы пришлось защищать независимость балканскихъ государствъ и неприкосновенность европейскихъ владѣній султана отъ посягательствъ со стороны Россіи. Бисмаркъ не напрасно старался предоставить такія выгоды Италіи; онъ поставилъ себѣ цѣлью привлечь итальянцевъ, приголубить ихъ съ тѣмъ, чтобы въ нужный моментъ залучить ихъ въ сѣти австро-германской коалиціи. Труденъ только первый шагъ: его-то и надлежало сдѣлать, а для того, чтобы склонить итальянцевъ къ сближенію, нельзя было запугать ихъ на первыхъ же порахъ, предложивъ имъ заключить слишкомъ невыгодный союзъ, на который они могли не согласиться, если бы онъ былъ сопряженъ съ слишкомъ большими обязательствами и опасностями.

Разсчетъ Бисмарка, какъ показали событія, оказался вполнѣ вѣрнымъ".

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Несостоявшееся польское возстаніе въ 1877 году [1]).

Проигранная кампанія 1831 года и подавленное возстаніе 1863 года не охладили пыла поляковъ. Не прошло и двѣнадцати лѣтъ послѣ возстанія 1863 г., не успѣли еще зажить раны на тѣлѣ польской націи, какъ ея сыны стали думать о новомъ возстаніи. Въ 1863 году поляки разсчитывали на вмѣшательство въ дѣла ихъ Франціи, въ 70-хъ годахъ они обратили свои взоры къ... Турціи. Съ половины XIX вѣка польскіе эмигранты наполняютъ Константинополь, пристраиваются здѣсь на государственную службу, и при извѣстномъ трудолюбіи и добросовѣстномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ пріобрѣтаютъ расположеніе турецкихъ властей. Достаточно вспомнить бывшаго диктатора Польши Маріана Лангевича и Михаила Чайковскаго (Садыкъ-паша) съ его проектомъ организаціи оттоманскихъ казаковъ. Результаты Крымской войны не удовлетворили ни Россію, ни Турцію. Особенно первая мечтала о реваншѣ. Не подлежало сомнѣнію, что при первомъ же удобномъ случаѣ она вмѣшается въ турецкія дѣла. Поляки-эмигранты зорко слѣдили на мѣстѣ. Ихъ галиційскіе собратья патріоты тоже не дремали. Въ 1875 г. они отправили за кордонъ, т. е. въ русскую Польшу, Бенедикта Рагозу, съ порученіемъ собрать свѣдѣнія о настроеніи умовъ и, если оно окажется подходящимъ, сдѣлать попытку образованія народно-революціонной организаціи. Рагоза потерпѣлъ фіаско и едва не поплатился жизнію. Въ Галицію онъ привезъ неутѣшительныя новости: никто въ Царствѣ Польскомъ

[1]) Настоящая ст. составлена на основаніи обширнаго матеріала, изданнаго г. Ант. Холоневскимъ въ журн. *Świat.* 1906. *Г. Е.*

и думать не хочетъ *о рухавкѣ*. Попытки въ этомъ направленіи встрѣтили энергичный отпоръ со стороны населенія. Но Рагоза не унывалъ. Онъ переселился въ Швейцарію и сталъ издавать журналъ „Wici", пропагандировавшій новое возстаніе. Но и тутъ постигло Рагозу разочарованіе. Сторонниковъ у него не оказалось. „Wici" прекратилось на 6-мъ нумерѣ.

Между тѣмъ, султана Абдулъ-Азиса низвели съ престола и умертвили. Россія стала настороже. Польскіе патріоты, желавшіе еще разъ попытать счастья, навострили уши. Во Львовѣ родилась мысль завязать сношенія съ турецкимъ правительствомъ. Ярымъ пропагандистомъ этой мысли былъ Воцлавъ Володзько, эмигрантъ 1863 г., бывшій инженеръ турецкой службы и литераторъ, писавшій подъ именемъ Кощича. Володзько-Кощичъ имѣлъ въ Константинополѣ друга — Болеслава Гольца, инженера на турецкой службѣ и тоже эмигранта 1863 г. Володьзко посвятилъ Гольца въ свои планы. Вскорѣ возникла война съ Сербіею и туркамъ было не до польскаго вопроса. Только по заключеніи побѣдоноснаго мира съ сербами въ сентябрѣ 1876 г., по удаленіи съ престола умственно-разстроеннаго Мурада и по вступленіи на тронъ Абдулъ-Гамида, турецкое правительство обратило вниманіе на польскія комбинаціи. Сторону поляковъ держалъ глава турецкаго милитаризма, непримиримый врагъ Россіи, Мидхатъ-паша. Мидхатъ пригласилъ къ себѣ польскаго эмигранта 1848 г., полковника египетскихъ войскъ Артура-бея (Циммермана), предложилъ ему войти въ переговоры съ соотечественниками и обѣщалъ со своей стороны матерьяльную и нравственную поддержку. Артуръ-бей немедленно отписалъ во Львовъ. Тамъ порѣшили составить подробный меморіалъ.

Составленіе меморіала возложили на Кощича. Кромѣ того, имѣя въ виду обѣщанія Турціи помогать „польскому дѣлу", рѣшили организовать „Конфедерацію польскаго народа 1876 года". „Работа" держалась въ секретѣ и шла быстро. Къ концу сентября организація охватила наиболѣе горючіе элементы въ краѣ. Рѣшено было завязать сношенія съ Варшавою. Туда послали, извѣстнаго въ свое время, романиста Сабовскаго. Во главѣ движенія встала „Rada generalna Konfederacyi narodu polskiego", или короче „Rada konfederacka", или „Generalicya", съ временною резиденціею во Львовѣ. Въ составъ ея входили лица, не игравшія выдающейся роли въ общественной жизни. Кромѣ Кощича, тутъ были: Теофиль Шумскій, литераторъ, Крукъ-Гейденрейхъ, б. генералъ эпохи 1863 г., а въ то время желѣзнодорожный чиновникъ, Робертъ Тиме—ротмистръ временъ возстанія, Эдмундъ Ридель — купецъ и мн. др. Главными дѣятелями и творцами организаціи были Кощичъ и Теофиль Шумскій. Подъ властію

Generalicyi находились „rady provincyonalne“ трехъ *заборовъ*: Галиціи, княжества Познанскаго и царства Польскаго. Членами галиційской rady состояли: директоръ банка Симонъ, гр. Артуръ Голуховскій, адвокатъ Семильскій, инспекторъ жел. дороги, бар. Гостковскій и портной Нѣмчиновскій, ех-капитанъ 63 г., послѣ депутатъ парламента. Во Львовѣ образовалась еще городская делегація, въ составъ которой вошли: Зима, Романовичъ, литераторъ Видманъ, позднѣйшій президентъ города Домбровскій и нѣсколько другихъ лицъ, по большей части участниковъ событій 1863 г. Въ rad'ѣ Познанской засѣдали: извѣстный полковникъ 63 г. Гиллеръ, Александръ Гуттры и Вл. Неголевскій. Въ царствѣ Польскомъ конфедерація не встрѣтила сочувствія. Rada здѣсь не была открыта. За Варшаву „думали“ во Львовѣ. Одновременно установили въ важнѣйшихъ пунктахъ за границею уполномоченныхъ. Такими агентами состояли: въ Англіи — Валерій Врублевскій, генералъ временъ парижской коммуны, во Франціи—полковникъ Рыдзевскій, въ Римѣ—гр. Вл. Кульчицкій, бывшій агентъ „Ржонда Народоваго“ въ 1863 г., въ Константинополѣ—Циммерманъ. Въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Петербургѣ—спеціальныхъ агентовъ не было. Обязанности ихъ исполняли обыкновенные конфедераты. Уполномоченные получили отъ Generalicy'и, или, точнѣе, отъ „исполнительнаго отдѣленія иностранныхъ дѣлъ“—обширную инструкцію. Они должны были стараться заинтересовать чужеземцевъ судьбою Польши, убѣдить ихъ, что при наступающихъ событіяхъ интересъ Европы требуетъ, чтобы „польскій вопросъ былъ поставленъ на остріѣ меча“. Въ случаѣ нечаяннаго столкновенія съ иностранными дипломатами, уполномоченный конфедераціи обязанъ, не выдавая тайны существованія организаціи, увѣрять, что въ Польшѣ очень легко вызвать освободительное движеніе. „Нашъ народъ всегда готовъ, стоитъ только искру бросить! Если бы этого пожелала Высокая Порта, или блистательное правительство Великой Британіи, ручаемся мы—эмигранты, что поднялся бы цѣлый край“. Тѣмъ не менѣе, уполномоченный не могъ „играть въ открытыя карты“ до тѣхъ поръ, пока не заручился „несомнѣнною гарантіею“ извѣстной какой-нибудь державы. Гарантіею могла быть доставка извѣстною державою „въ назначенное мѣсто въ краѣ“ оружія для 100.000 чел., или—по крайней мѣрѣ—извѣстной части цѣлаго количества.

Лондонскій уполномоченный, сверхъ того, обязанъ былъ побуждать датчанъ отобрать сѣверный Шлезвигъ, а въ шведахъ пробуждать сознаніе объ ихъ правахъ на Финляндію. Представители конфедераціи въ Турціи получили спеціальную инструкцію.

Организація въ краѣ распадалась на гражданскую и военную. Гражданскія власти носили старопольскія названія: воеводъ, каште-

ляновъ, хорунжихъ, старостъ и т. п. Военная организація не получила полнаго развитія. Существовалъ лишь суррогатъ ея въ видѣ десятковъ и сотенъ заговорщиковъ подъ начальствомъ десятниковъ и сотниковъ. Конфедерація возникла внезапно благодаря исключительно удивительнымъ конспиративнымъ способностямъ Володзько-Кощича. Не удивительно, что ей недоставало популярности въ массѣ и что она во многомъ уступала даже организаціи мятежа 63 года. Ощущался недостатокъ денегъ. Когда, въ концѣ 1876 г., надо было отправить въ Стамбулъ курьера съ меморіаломъ, на что требовалось сдѣлать складку, послѣдняя дала всего 80 гульденовъ... Денегъ не было, а планы были большіе. Россія обрекалась на раздѣлъ. Англія получала балтійскіе и финляндскіе острова съ Кронштадтомъ и Крымъ. За это она должна была доставить на своихъ судахъ оружіе на Жмудь и перевезти польскій легіонъ генерала Врублевскаго. Турція получала весь Кавказъ. Австрія возвращала полякамъ Галицію. За то руки ея развязывались въ отношеніи Россіи и Турціи, а одинъ изъ габсбурговъ могъ разсчитывать на польскій тронъ. Польша, выкроенная изъ границъ Австріи и Россіи, пріобрѣтала еще Херсонскую губернію и такимъ образомъ могла держать флотъ на Черномъ морѣ.

Съ такими-то планами и съ такимъ запасомъ силъ приступили къ дѣлу. Первымъ шагомъ новаго революціоннаго правительства было изданіе „манифеста" и „резолюціи". Оба эти документа отпечатали въ тайной типографіи и распространяли секретнымъ образомъ съ извѣстною осторожностью. Манифестъ сообщалъ въ краткихъ словахъ о возникновеніи конфедераціи и приглашалъ въ общихъ выраженіяхъ принять участіе „въ поискахъ принадлежащихъ польскому народу правъ при наступающихъ событіяхъ". Резолюція заявляла о томъ, что поляки стремятся принять участіе въ борьбѣ, которая, безъ сомнѣнія, возникнетъ между Россіей и Турціею и обращаются съ ходатайствомъ о поддержкѣ къ народамъ и правительствамъ, имъ сочувствующимъ. Представитель конфедераціи въ Лондонѣ, Валерій Врублевскій 6 декабря 1876 г. доносилъ: „наши резолюція и манифестъ встрѣтили превосходный пріемъ какъ въ здѣшней печати, такъ равно и въ англійскомъ обществѣ". Поощренная такимъ пріемомъ, конфедерація постановила отправить въ Стамбулъ свой меморіалъ. Авторами меморіала были Кощичъ и Гиллеръ. Конфедерація предлагала турецкому правительству помочь въ наступающей войнѣ „вооруженною диверсіею въ тылу русской арміи". Съ выходомъ русскихъ войскъ изъ предѣловъ царства Польскаго тамъ вспыхнетъ возстаніе. Волынь займутъ польскіе отряды, станутъ препятствовать движенію русскихъ и отвлекутъ часть ихъ

силъ съ главнаго театра войны. Турція за это должна хлопотать о возстановленіи Польши въ границахъ „русскаго захвата“. Въ случаѣ согласія Турція должна занять своими войсками территорію старой польской Подоліи. Сверхъ того правительство Высокой Порты обязывалось доставить изъ Виддина, via Пештъ, въ Польшу 100.000 штукъ оружія, соотвѣтственное число артиллерійскихъ орудій и припасовъ, да еще позаботиться о кредитѣ за границею, при чемъ 10.000 фун. стерлинговъ необходимы были въ началѣ весны для неотложныхъ нуждъ оргазаниціи. Когда изготовили меморіалъ, возникъ вопросъ, раньше непредвидѣнный, кто его подпишетъ? Не Кощичъ и не Шумскій... Ихъ имена ничего не говорили ни за себя, ни за „польское дѣло“. Рѣшили ограничиться приложеніемъ печатати. Подписей не было. Ех-офицеръ 1863 г., о которомъ мы упомянули выше, отвезъ меморіалъ Циммерману. Послѣдній, состоя на турецкой службѣ, стѣснялся передать меморіалъ по принадлежности. Его выручилъ изъ непріятнаго положенія неоффиціальный дипломатическій агентъ англійскаго правительства въ Константинополѣ, Дж. Бутлеръ (лордъ Northcot).

Англія предвидѣла возможность вооруженнаго столкновенія между Россіею и Турціею. Правительство и общество зорко слѣдили за обѣими державами. Они были не прочь впутать поляковъ въ будущую войну съ тѣмъ, чтобы извлечь для себя какую-либо выгоду... Наканунѣ объявленія войны англійское правительство, черезъ своего неоффиціальнаго представителя, обратилось къ полковнику Сигизмунду Милковскому съ предложеніемъ доставить деньги на возстаніе. Милковскій уклонился отъ посредничества. Тогда Бутлеръ принялъ на себя обязанность помочь полякамъ. Личныя связи помогли му. Великій визирь принялъ отъ него польскій меморіалъ и нашелъ возможнымъ вступить съ конфедераціею въ переговоры. Кромѣ Бутлера, большое участіе въ этомъ дѣлѣ принялъ Станиславъ Боуэръ де-Сентъ-Клеръ, б. капитанъ англійскихъ войскъ во время Крымской кампаніи, по матери полякъ.

Внезапно произошли перемѣны въ высшихъ сферахъ правительства Порты Оттоманской. Мидхатъ-паша вынужденъ былъ оставить постъ великаго визиря. Его мѣсто занялъ осторожный Савфетъ-паша. Савфетъ избѣгалъ поляковъ. Надежды послѣднихъ стали рушиться. Къ тому же въ Галиціи образовалась делегація съ цѣлью предостеречь турецкое правительство противъ замысловъ новой конфедераціи. Въ составъ делегаціи вышли: поэтъ Вл. Тарновскій, Рачинскій, Косиловскій и Ключинскій. Они разъяснили великому визирю, что Польша не желаетъ и не можетъ принимать участія въ будущей войнѣ, такъ какъ ея силы вычерпаны и морально и ма-

терьяльно и она не въ состояніи еще опомниться отъ пораженія въ 1863 г. Мидхатъ въ это время проживалъ въ Неаполѣ. Онъ вдругъ перемѣнилъ свои взгляды въ отношеніи участія поляковъ въ войнѣ. Пригласивъ къ себѣ довѣренное лицо — Бржозовскаго, составилъ съ нимъ планъ противодѣйстія замысламъ польскихъ патріотовъ. Изложивъ свои мысли на бумагѣ, въ видѣ записки, послалъ съ нею Бржозовскаго къ Эдхему-пашѣ, замѣнившему Савфета. Затѣмъ Бржозовскій ѣздилъ во Львовъ, къ конфедератамъ. Приняли его во Львовѣ не только холодно, но и невѣжливо, такъ что онъ поторопился вернуться въ Стамбулъ. Между тѣмъ, Махмудъ-Даматъ-паша, министръ финансовъ, зять султана, сочувствовавшій польскимъ эмигрантамъ и сносившійся съ ними черезъ своего секретаря Искендеръ-бея (Алекс. Звержховскаго), приказалъ выдать 600.000 ружей Циммерману. Оружіе отправили на 2-хъ судахъ въ Виддинъ. Rada конфедераціи не ожидала такого подарка и теперь, узнавъ о высылкѣ его, не знала, что ей дѣлать. Командировали въ Пештъ, за совѣтомъ и помощью, К. Громана и Мощанскаго. Перевезти такое количество оружія тайнымъ образомъ было невозможно, разсчитывать на помощь Австріи не было данныхъ. Въ австрійской Польшѣ образовалась сильная оппозиція конфедератамъ. Во главѣ оппозиціи всталъ вновь назначенный намѣстникъ Галиціи, гр. Альфредъ Потоцкій. Сторонники оппозиціи ясно видѣли подъ ногами пропасть, въ которую толкали бѣдный польскій народъ неразумные патріоты. Послѣдніе не пали духомъ. Они обратились къ тому же Бутлеру съ просьбою постараться привлечь на свою сторону св. отца: Пій IX былъ охотникъ до разнаго рода „вмѣшательствъ“, и Бутлеръ обѣщалъ содѣйствіе главы католической Церкви.

12 апрѣля 1877 г. Россія объявила войну Турціи. Еще въ тотъ же день русская армія перешла р. Прутъ и вступила въ предѣлы Валахіи. Турецкая армія осталась по ту сторону Дуная. Планъ совмѣстныхъ военныхъ операцій турокъ съ польскими повстанцами рушился... Не теряя, однако, надежды на успѣхъ турецкаго оружія въ будущемъ, конфедераты рѣшили заинтересовать Европу своимъ предпріятіемъ и съ этою цѣлью послать за границу Кощича. Начали съ Англіи. Кощичъ, снабженный двумя стами гульденовъ, выѣхалъ 3 мая изъ Львова и 6-го былъ уже въ Лондонѣ. Той незначительной суммы, которою онъ располагалъ и которая взята была въ займы, едва хватало на помѣщеніе въ какой-нибудь ничтожной гостиницѣ и на скромное содержаніе. При такихъ обстоятельствахъ трудно было разсчитывать на доступъ къ политическимъ дѣятелямъ-сановникамъ Великобританіи. Кощичъ возлагалъ надежды на Врублевскаго, но и тотъ не могъ ничего сдѣлать для конфедераціи. Оффиціальная

Англія уклонилась отъ переговоровъ съ конфедератами. За то народъ открыто выразилъ имъ симпатію на митингѣ въ Гайдпаркѣ (13 мая). Собралось нѣсколько тысячъ человѣкъ, развѣвались знамена съ надписями: „Niech zyje Polska!". „Smierc lub zwycięstwo"! [1]). Говорили рѣчи, въ которыхъ сильно нападали на Россію. Въ заключеніе составили резолюцію: требовать объявленія войны Россіи и возстановленія Польши. Кощичъ благодарилъ за устройство митинга и въ тотъ же самый день выѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь его ожидало полное фіаско. Не только французы, которые охладѣли къ полякамъ за дѣятельное участіе послѣднихъ въ коммунѣ, но и представители обширной польской колоніи въ Парижѣ отказались отъ всякаго участія въ новомъ возстаніи. Разочарованный Кощичъ не хотѣлъ ѣхать дальше и 23 мая вернулся во Львовъ.

Въ это время въ Турціи начали свою дѣятельность польскіе легіоны. Въ турецкой арміи съ 1855 г. существовали два польскіе легіона—казацкій и драгунскій. Ихъ организовалъ, помянутый выше, Садыкъ-паша. Мечтою легіонеровъ, горсти польскихъ эмигрантовъ, было участіе въ борьбѣ съ Россіею. Теперь представился къ тому удобный случай. Во главѣ легіоновъ всталъ уполномоченный конфедераціи, полковникъ Циммерманъ (dowódca), его помощниками были: личный адъютантъ Абдулъ-Азиса, подполковникъ Лисикевичъ и эмигрантъ 48-го года, майоръ Сокульскій. Не входя въ сношеніе съ конфедераціею, съ согласія турецкаго правительства, легіоны обратились съ воззваніемъ „къ братьямъ-изгнанникамъ, разсѣяннымъ по всей землѣ", приглашая ихъ подъ свои знамена, биться съ Россіею. Открыли бюро для вербовки. „Комитетъ польской эмиграціи" пришелъ на помощь затѣѣ легіонеровъ. 5 мая онъ издалъ свое воззваніе. „Наше мѣсто—пишетъ комитетъ—подлѣ Турціи и съ нами станутъ всѣ друзья свободы и порядка. Итакъ, къ оружію, къ оружію, которое великодушный султанъ отдалъ въ наше распоряженіе! Грохотъ орудій достигаетъ уже нашихъ ушей. Не будемъ тратить ни минуты! Расторгнемъ оковы, опутывающія нашего Бѣлаго Орла! Врагъ не будетъ въ состояніи противиться нашимъ соединеннымъ силамъ. Водрузимъ свои знамена на устьѣ Вислы, Нѣмана, Днѣпра и Днѣстра!.." Воззваніе составилъ Рагоза. Потерпѣвъ фіаско со своимъ „Wici", Рагоза уѣхалъ въ Лондонъ. Здѣсь пробивался поденной работой въ докахъ. Узнавъ о событіяхъ на Востокѣ, Рагоза, безъ гроша въ карманѣ, чуть не пѣшкомъ, добрался до Тріэста. Отсюда, при помощи турецкаго консула, уѣхалъ на пароходѣ въ Константинополь и поступилъ рядовымъ въ одинъ

---

[1]) Побѣда, или смерть!

изъ легіоновъ. Спустя четыре мѣсяца его убили. Константинопольское воззваніе не встрѣтило сочувствія въ польской прессѣ ни въ царствѣ Польскомъ, ни за границею. Вл. Плятеръ, истинный патріотъ, основатель національнаго польскаго музея въ Рапперсвиллѣ (въ Швейцаріи), выступилъ противъ него съ энергичнымъ протестомъ въ газетахъ.

Тѣмъ временемъ, извѣстному уже читателямъ, Бутлеру удалось привлечь на свою сторону популярнаго въ католическомъ мірѣ кардинала Маннинга. Послѣдній рѣшилъ принять на себя посредничество между полонофилами и папою. Тогда много помогъ Кульчицкій. Посѣщая Ватиканъ, онъ старался тамъ увѣрить, что иниціаторами освободительнаго движенія въ Польшѣ „выступили тѣ же самыя лица, которыя еще не такъ давно пріѣзжали въ Римъ просить защиты противъ преслѣдованія уніи на Подляськи". Пій IX согласился вступиться за угнетенную Польшу „при первомъ удобномъ случаѣ". „Случая" не представлялось. Необходимо было изобрѣсти. Рѣшили устроить большую польскую „пилигримку" въ Римъ. Послѣдней придали характеръ исключительно религіозный. Въ пилигримкѣ участвовало около 500 человѣкъ. Въ томъ числѣ 300 крестьянъ, преимущественно уніатовъ, около 100 ксендзовъ и 100 чел. разныхъ сословій (дворянъ, мѣщанъ и т. д.). Въ первыхъ числахъ іюня 1877 г. пилигриммы пустились въ путь партіями. Партіи соединились въ Вѣнѣ и были приняты нунціемъ, кардиналомъ Якобини. Въ „вѣчномъ городѣ" ихъ взялъ подъ свое покровительство кардиналъ Ледоховскій, свѣжая жертва прусскаго Kulturkampf'а. Итальянцы встрѣтили пилигримовъ съ восторгомъ. Дошло до того, что на кладбищѣ С.-Лоренцо одинъ изъ итальянскихъ архіереевъ поцѣловалъ руку мужика-уніата...

Попытка раскрыть интригу—доказать, что пилигримка слѣпое оружіе новыхъ конфедератовъ, встрѣтила отпоръ со стороны вліятельныхъ опекуновъ конфедераціи: Маннинга, лорда Дембига и лорда Стуартъ-Роллянда. Папа принялъ пилигриммовъ въ торжественной аудіенціи 12 іюня. Выслушавъ рѣчь Ледоховскаго и адреса галичанъ и великополянъ, Пій IX вошелъ въ толпу и произнесъ ту знаменитую рѣчь, которая сдѣлала его въ Польшѣ самымъ популярнымъ изъ римскихъ первосвященниковъ. Онъ уже во второй разъ заступался за Польшу... Въ рѣчи своей папа вспомнилъ о тѣхъ притѣсненіяхъ, какія испытываютъ поляки, призывалъ ихъ къ терпѣнію, твердости и мужеству, предсказывалъ близость „карающей десницы Божіей", которая „отомститъ за обиженныхъ дѣтей", благословлялъ „разобранное королевство Польское" и „весь несчастный польскій народъ", распространялъ

свое благословеніе „на души и на тѣла, на жизнь и на смерть". Пій кончилъ рѣчь словами: „Богъ долготерпѣливъ и много-милостивъ, но настанетъ время, когда Онъ проявитъ себя неумолимымъ, надѣйтесь, молитесь, и притѣснители ваши погибнутъ, а королевство Польское возстанетъ!" Текстъ папской рѣчи распространили газеты и отдѣльно издала его конфедерація, въ количествѣ 30.000 экземпляровъ—по-польски и 6.000—по-литовски. Замѣчательно, что редакція текста, изданнаго конфедераціею, значительно отличается отъ редакцій газетъ и оффиціальной латинской... Но въ то время никто объ этомъ не думалъ... „Курсъ" конфедераціи „поднялся". Султанъ согласился отправить Искендеръ-бея (Звержховскаго) посломъ къ конфедератамъ. Въ ряды послѣднихъ вступилъ кн. Адамъ Сапѣга, кровный аристократъ, горячій патріотъ, сражавшійся простымъ рядовымъ въ 63 году. Сапѣгѣ предложили званіе предсѣдателя (prezes) конфедераціи. Онъ согласился. Началъ дѣйствовать медленно и осторожно. Все шло по-старому. Въ исходѣ мая, по порученію rady generaln'ой, выѣхалъ въ Лондомъ Крукъ-Гейденрейхъ съ цѣлью сдѣлать заемъ на портребности возстанія. Черезъ нѣсколько дней послѣ того назначили въ Варшаву „организатора". Ему поручили открыть мѣстный „rząd narodowy". Тогда же произошло столкновеніе Кощича съ rad'ою конфедераціи. Тогда-то прибыло султанское посольство. Шумскаго въ Львовѣ не оказалось: онъ бросилъ уже „политику", переѣхалъ въ Варшаву и занялся литературнымъ трудомъ. Кощичъ уклонялся отъ участія въ дѣлахъ конфедераціи... Некому было принять посольства. Рѣшили попросить Кощича. Тотъ снизошелъ къ просьбамъ конфедератовъ. Назначили сходку на Зеленой улицѣ. На сходкѣ Искендеръ-бей, vel Звержховскій, выразилъ признательность султана польскому народу и его „высокое привѣтствіе конфедерацкой радѣ" и заявилъ, что его величество приглашаетъ Польшу „не далѣе, какъ въ теченіе 2-хъ недѣль, начать возстаніе, тогда онъ готовъ дать въ распоряженіе конфедераціи 77.000 зл. ренскихъ"[1]). Рѣчь эта произвела на участниковъ собранія впечатлѣніе холоднаго душа на разгоряченныя головы. Отвѣчалъ Кощичъ. Благодарилъ султана за высокое вниманіе къ конфедераціи, объявилъ, что о возстаніи въ теченіе 2-хъ недѣль не можетъ быть и рѣчи, что Высокая Порта виновата сама, не удовлетворивъ предложеній конфедераціи, изложенныхъ въ меморіалѣ послѣдней относительно займа и касательно занятія войсками части прежней польской территоріи. Султанскіе послы остались недовольны отвѣтомъ и поспѣшили уѣхать. Тѣмъ временемъ Крукъ добился

---

¹) То же что гульденовъ.

въ Лондонѣ доступа къ лорду Стуарту Ролляндy. При первомъ свиданіи уполномоченнаго съ лордомъ присутствовалъ лордъ Биконсфильдъ, скрытый драпировкою дверей. Крукъ домогался выплаты 1.000.000 и отправки флота въ Балтійское море, а ему предлагали 10.000 ф. стерлинговъ, т. е. столько, сколько, по мнѣнію англійскихъ государственныхъ людей, необходимо было на „устройство авантюры“ на славянскомъ востокѣ. Въ то же время Крукъ входилъ въ сношеніе съ англійскимъ генеральнымъ штабомъ. Послѣдній выдалъ ему пособіе на покупку картъ русскаго главнаго штаба. Хлопоты о займѣ продолжались. Крукъ уже добился милліона съ условіемъ, что за полученіемъ денегъ будетъ прислано извѣстное лицо, которое дастъ правительству соотвѣтственную гарантію. Стали искать такое лицо. Сапѣга отклонилъ предложеніе ѣхать въ Англію. Выборъ палъ на гр. Артура Голуховскаго, противника возстанія и въ то же время заклятаго врага Россіи. Голуховскій хворалъ, но, тѣмъ не менѣе, согласился ѣхать. Но не доѣхалъ онъ еще до Кельна, какъ Сапѣга потребовалъ его возвращенія въ Вѣну, гдѣ мѣстная „рада конфедераціи“ преобразовалась въ народное правительство (rząd narodowy); послѣдній долженъ былъ рѣшить — нуженъ заемъ, или нѣтъ. Князь Сапѣга не вѣрилъ въ помощь Англіи, не вѣрилъ онъ и въ турецкую помощь и вообще новое возстаніе считалъ пародіею „январьскихъ событій“ 63 года. У него были свои планы: втянуть Австрію въ войну съ Россіею и подъ прикрытіемъ имперіи Габсбурговъ вступить съ сѣвернымъ колоссомъ въ борьбу. Планъ Сапѣги не удался, но за то и вреда его соотечественникамъ не причинилъ. Выше мы упомянули о намѣреніи кн. Адама преобразовать конфедератовъ въ rząd narodowy. Выборъ членовъ rząd'a былъ назначенъ въ Вѣнѣ. Сюда съѣхались выдающіеся дѣятели Польши изъ всѣхъ трехъ „заборовъ“ (кс. Ф. Стаблевскій, А. Гуттры, Неголевскій, Контакъ, Тиме, Езёранскій, Венглёвскій и мн. др.); прибыли изъ-за границы Мидхатъ-паша, кардиналъ Маннингъ, лордъ Стуартъ Ролляндъ и французскій посолъ Ж. Греви, впослѣдствіи президентъ, да еще нѣсколько итальянцевъ и венгерцевъ. Какъ громъ поразила собравшихся вѣсть о побѣдѣ турокъ подъ Плевною. Энтузіазмъ сторонниковъ возстанія былъ настолько великъ, что казалось, что они тотчасъ же возьмутся за оружіе, не дожидаясь выборовъ членовъ ржонда. Сапѣга ухватился за свою мысль: во что бы то ни стало втянуть Австрію въ войну съ Россіею. Въ отелѣ „Imperial“ происходили безпрерывныя бурныя собранія съ участіемъ выдающихся членовъ Польскаго Кола. Посолъ Янко, Гнѣвошъ служили посредниками между организаторами движенія и правительствомъ, въ лицѣ Андраши. 27 іюля при-

ступили къ выборамъ. Вл. Плятеръ сталъ протестовать противъ созданія какихъ-либо rząd'овъ narodowy'хъ, поднялся крикъ, Плятеръ оставилъ залъ. Въ концѣ концовъ выбранными оказались: Сапѣга— предсѣдателемъ, Тадеушъ Окша-Оржеховскій, нѣкогда агентъ rząd'а 1863 г. на Востокѣ, а послѣ организаторъ тайной заграничной турецкой полиціи, Големберскій, бывшій членъ іюльскаго правительства 63 года, А. Гуттры и г. X. изъ Варшавы. Конфедерація, не безъ вліянія, конечно, Кощича, хотѣла во что бы то ни стало заставить новое народное правительство не сворачивать той съ дороги, которую выбралъ Кощичъ въ сентябрѣ 1876 г. Появилось новое воззваніе, уступившее дорогу Rząd'у narodow'ому конфедератовъ.

Воззваніе вышло изъ-подъ пера одной выдающейся варшавской поэтессы. Вотъ, что, между прочимъ, говорили сошедшіе со сцены конфедераты устами варшавской Сафо. „Соотечественники! Никогда еще не было болѣе удобнаго времени для войны: турокъ зоветъ для совмѣстной борьбы, въ легіонѣ надъ Босфоромъ паритъ бѣлый орелъ. Въ назначенный день и часъ, по данному знаку, во всѣхъ областяхъ Польши, развернемъ, шитыя руками нашихъ женщинъ, знамена конфедераціи польскаго народа. Жертвуя имуществомъ и жизнію, очистимъ цѣлый край и на башнѣ варшавскаго замка водрузимъ королевскую хоругвь свободы. Итакъ, къ оружію, къ оружію! Нашъ лозунгъ Богъ и отчизна!“ Возникъ военный штабъ. Въ составъ его вошли генералы Крукъ и Езёранскій, полковники Беднарчикъ и Діонисій Венглёвскій. Штабъ составилъ инструкцію для дѣйствія вооруженныхъ силъ: Турція должна была высадить на берегъ, около Одессы, 30.000 войска, Англія доставить на берега Курляндіи легіонъ Врубевскаго, кромѣ того возстанутъ Жмудь и Подлясье... Сапѣга по-прежнему не вѣрилъ въ подобныя иллюзіи. Первымъ дѣломъ его „правительства“ было отдѣлаться отъ высланнаго Турціею оружія.

По одной версіи, пароходы принуждены были отплыть въ Александрію, а по другой — ихъ затопили около Тріэста по настоянію князя. Затѣмъ новое правительство издало распоряженіе въ Галиціи и царствѣ Польскомъ пріостановить подготовку къ вооруженному возстанію, ожидая инициативы Австріи и не желая мѣшать ей. Мысль Сапѣги втянуть австрійское правительство въ войну съ Россіею нашла многочисленныхъ сторонниковъ и даже вызвала дебаты въ краевомъ (галиційскомъ) сеймѣ. Но на сколько былъ остороженъ въ своихъ дѣйствіяхъ князь, на столько были не осторожны низшіе члены организаціи. 7 августа членъ львовской городской делегаціи Громанъ созвалъ народное собраніе, въ которомъ подговаривалъ требовать отъ сейма, чтобы послѣдній подалъ императору адресъ съ

требованіемъ объявить Россіи войну. Собраніе запретили, виновника его отдали подъ судъ и посадили подъ арестъ на восемь дней. Сеймъ составилъ адресъ въ общихъ выраженіяхъ, увѣряя, что край готовъ пойти за голосомъ монарха, когда тотъ призоветъ свои вѣрные народы къ защитѣ интересовъ монархіи въ минуту опасности. Сапѣгѣ приходилось зорко слѣдить за Кощичемъ и его друзьями, которые готовы были отважиться во всякое время осуществить свои планы—поднять народъ съ оружіемъ въ рукахъ и тѣмъ—какъ казалось князю—испортить все. Все чаще и чаще приходилось Сапѣгѣ слышать укоры въ ничего недѣланіи, въ marnowanie czasu. И, вотъ, онъ пошелъ на уступки. Рѣшилъ сформировать шеститысячный корпусъ добровольцевъ — szeklerow. Шеклеры, какъ предполагали, потомки гунновъ, составляли въ 1848 г. ядро арміи Бема и отличались храбростію. Набрать 6-ти тысячнаго корпуса не удалось; собрали всего 2.000 чел.—1.700 пѣхоты и 300 конницы. Команду надъ ними предполагалъ взять извѣстный генералъ Кляпка, проживавшій въ Берлинѣ.

Кляпка пріобрѣлъ 2.000 ружей на средства, собранныя четырьмя національностями. Около 50.000 флориновъ дали венгерцы, около 50.000 гульденовъ, собранныхъ въ Англіи, прислалъ Джонстонъ, 100.000 гульденовъ пожертвовалъ Сапѣга и незначительную сумму выдала бѣдная въ финансовомъ отношеніи Турція. Вѣсть о взятіи Османомъ-пашею Гривицкаго редута подъ Плевною снова взбудоражила умы воинственныхъ патріотовъ во Львовѣ. Возникла мысль иллюминовать городъ, но власти не позволили. Но вдругъ обстоятельства измѣнились. Въ Пештѣ находился представитель Rząd'а, narodow'аго Окша-Оржеховскій. Ему пришло въ голову посвятить въ предпріятія Rząd'а, лично знакомаго Тиссу. Послѣдній снесся съ Андраши. Андраши, по телеграфу, приказалъ конфисковать полученное на границѣ съ Румыніею оружіе, пріобрѣтенное Кляпкою, и арестовать главныхъ агитаторовъ. Распоряженіе послѣдовало своевременно: шеклеры собирались вторгнуться въ Валахію; теперь имъ оставалось разойтись. Еще печальнѣе была участь польскихъ легіоновъ. Легіоновъ было въ Турціи два: европейскій и азіатскій. Въ первомъ было 100 человѣкъ — 60 пѣхоты и 40 кавалеріи безъ лошадей; во второмъ находилось 45 пѣхотинцевъ. Первымъ командовалъ маіоръ Іосифъ Ягминъ, а вторымъ — Мерчинскій, эмигрантъ 1863 года. „Легіоны“ находились въ печальномъ положеніи. Хотя и существовали въ Константинополѣ два комитета, которые поставили своею цѣлью опеку надъ ними, но, къ сожалѣнію, комитеты только ссорились другъ съ другомъ не больше занимались ими Венглёвскій, военный агентъ Rząd'а въ Турціи и Звержховскій—посолъ

Rząd'а. Тѣмъ не менѣе, горсть wiarusow польскихъ приняла участіе въ одномъ изъ боевъ съ русскими подъ начальствомъ Ягмина.

Польскій легіонъ, видя, что русскіе выбили турокъ изъ занятой ими позиціи, съ крикомъ „Niech żyje Polska!“ бросился на русскихъ и очистилъ отъ нихъ позицію. Въ этотъ моментъ упала въ средину легіонеровъ русская граната, сѣя вокругъ опустошеніе. Рагозѣ оторвало обѣ ноги, Ягмина смертельно ранило. Трупами покрылась земля...

Время летѣло. Настала осень 1877 г. Счастье стало измѣнять туркамъ. Близилась капитуляція Плевны. Минуло уже три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ кн. Ад. Сапѣга „держалъ въ своихъ рукахъ судьбу ойчизны“. „А что онъ за это время сдѣлалъ для своей ойчизны?“—чаще и чаще стали задавать этотъ вопросъ противники князя изъ лагеря конфедераціи. Пала, наконецъ, Плевна. Новое народное правительство потеряло къ себѣ довѣріе соотечественниковъ окончательно. Враги Сапѣги торжествовали.-Князь вмѣстѣ съ Окшею Оржеховскимъ получилъ вызовъ въ судъ, который состоялся 23 декабря н. с. въ Болоньи, подъ предсѣдательствомъ Корнеля Уэйскаго. Обвинителемъ выступилъ Големберскій. Обвиняли въ измѣнѣ (zdrada stanu). Сапѣга объяснилъ, что „начинать возстаніе въ Польшѣ при проблематической помощи горсточки турокъ и англичанъ, онъ считаетъ безуміемъ, самоубійствомъ народа“, что его цѣлью было „всѣми силами отдалить народъ отъ возможной катастрофы, онъ достигъ этой цѣли и совѣсть его спокойна“. Тѣмъ не менѣе, судъ обвинилъ Сапѣгу: лишилъ его чести и довѣрія, а „тайный трибуналъ“ (въ Галиціи) заочно приговорилъ князя къ смерти черезъ повѣшеніе. Rząd narodowy прекратилъ свое существованіе. 25 декабря въ Вѣнѣ возникло „Новое народное правительство“, въ составъ котораго вошли Гуттры, Големберскій, Окша. Но галиційскіе поляки патріоты не довѣряли „Новому правительству“ и 10 января 1878 г. создали во Львовѣ „Rząd narodowy Konfederacyi narodu polskiego z r. 1876“. Въ это время побѣжденная Турція просила мира. Русскія войска подвигались къ Стамбулу. Неудачи турокъ не остановили горячихъ патріотовъ. Въ своемъ воззваніи Rząd Konfederacyi обвинялъ прежнее „Народное правительство“ Сапѣги въ бездѣятельности и выражалъ надежду, что подъ знаменемъ возродившейся конфедераціи встанутъ для освобожденія родины всѣ сыны ея. Главную роль игралъ теперь Робертъ Тиме (prezes). Тѣмъ временемъ въ Константинополѣ не дремали польскіе эмигранты. Раннею весною 1878 г. нѣкто Ст. Рохетинъ, эмигрантъ 63 г., предсѣдатель „Комитета польскаго сотоварищества на востокѣ“ и капитанъ С.-Клеръ завязали сношенія съ предводителемъ младотур-

ковъ—Али-Суави. Они предложили устроить народное возстаніе въ тылу русской арміи. Суави предложеніе принялъ. Но одинъ въ полѣ не воинъ. Обратились къ представителямъ Англіи и Франціи въ Константинополѣ. Тѣ въ помощи отказали. Тогда Тиме отправился въ Лондонъ просить самого Биконсфильда о матерьяльной поддержкѣ. Биконсфильдъ отвѣтилъ отказомъ. Рѣшено было послать въ Лондонъ С.-Клера, но время уже было пропущено, и С.-Клеръ, вмѣсто поѣздки въ Англію, всталъ во главѣ повстанцевъ въ Родопскихъ горахъ. Горцы, предводимые имъ, держались въ продолженіе пяти мѣсяцевъ. С.-Клеръ разбилъ четыре русскіе батальона, взялъ въ плѣнъ нѣсколько орудій; мечталъ переправиться съ своею дружиною въ Польшу отвоевывать свободу, но мечты такъ и остались мечтами... Пробовали „патріоты" заинтересовать судьбою Польши Берлинскій конгрессъ: подавали „меморіалы", но послѣдніе остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Г. А. Воробьевъ.

Къ біографіи декабриста кн. С. Г. Волконскаго.

Декабристы вообще принимали дѣятельное участіе въ масонствѣ. Правда, нѣкоторые декабристы оставили масонскія ложи до закрытія масонства, но это должно быть объяснено, на мой взглядъ, тѣмъ, что масонство было слишкомъ пассивно и, будучи главнымъ образомъ религіозно-нравственнымъ сообществомъ, вводило въ свою дѣятельность занятіе политикою, какъ преходящее обстоятельство; декабристы же жаждали активной дѣятельности и были поглощены исключительно политикою.

Къ масонскому ордену принадлежалъ также декабристъ генералъ-маіоръ князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій. По Пыпину, онъ былъ принятъ въ ложу Соединенныхъ Друзей въ 1812 г. и, отличаясь особымъ рвеніемъ къ масонству, способствовалъ основанію новой масонской ложи трехъ добродѣтелей, гдѣ занималъ должности 2-го и 1-го надзирателей.

Ниже приводятся мною выписки изъ протоколовъ шотландской ложи Сфинкса, изъ которыхъ явствуетъ, что князь Волконскій былъ посвященъ и въ шотландскую степень, т. е. былъ масономъ высшихъ степеней.

а) Выписка изъ протокола бывшаго собранія въ ⊠ [1]) Сфинкса 16 іюля 1814 года на россійскомъ языкѣ, въ 4-й степени.

„По открытіи шотландской ложи высокопочтеннымъ намѣстнымъ мастеромъ Петромъ Ивановичемъ Левенгагеномъ къ повышенію въ избранные братья были баллотированы мастера св. Іоанна члены □ Соединенныхъ друзей: Сергѣй Волконскій, Картмазовъ и Ропоркъ и членъ □ Елизаветы къ добродѣтели Козминъ; шары въ пользу ихъ оказались всѣ бѣлые.

Изъ кружки бѣдныхъ вынуто три рубля.

Секретарь б. Семивскій".

---

[1]) Іоанновская ложа изображалась знакомъ прямоугольника: □, а шотландская—знакомъ прямоугольника съ діагоналями: ⊠.

б) Выписка изъ протокола бывшаго собранія въ ☒ Сфинкса 30 іюля 1814 года на россійскомъ языкѣ, въ 4-й степени.

„По открытіи шотландской ложи высокопочтеннымъ намѣстнымъ мастеромъ Петромъ Ивановичемъ Левенгагеномъ и по совершеніи всѣхъ обрядовъ, мастера св. Іоанна, члены ложи Соединенныхъ Друзей, братья Сергѣй Волконскій и Картмазовъ повышены и посвящены въ избранные братья.

Изъ кружки бѣдныхъ вынуто десять рублей пятьдесятъ двѣ копѣйки.

Секретарь б. Семивскій.

Упоминаемые въ первой выпискѣ Картмазовъ, Раупахъ и Козминъ встрѣчаются въ спискахъ ложъ Соединенныхъ Друзей на 1820—1821 г. и Елизаветы къ добродѣтели на 1818 г. Тамъ они означены: Алексѣй Картмазовъ—военнымъ совѣтникомъ, Иванъ Раупахъ—негоціантомъ, а Александръ Козминъ—капитаномъ гвардіи и кавалеромъ.

Сообщила Тира Соколовская.

Голштинскій вопросъ и политика Россіи на Балтійскомъ морѣ въ первую половину XVIII столѣтія [1].

III.

Сѣверная война осложнила внѣшнюю политику Россіи и намѣтила для нея новыя задачи на Балтійскомъ морѣ. Первое время послѣ Ништадтскаго мира, однако, эти задачи стояли и разрѣшались нѣсколько особнякомъ отъ другихъ, и только русско-шведской союзъ 1724 г. ввелъ ихъ въ общую сѣть дипломатическихъ отношеній Россіи къ Европѣ.

Названный союзъ являлся какъ бы первою брешью въ шведско-датскомъ мирномъ трактатѣ 1720 г., по которому Швеція обязалась не вмѣшиваться въ шлезвигскія отношенія Даніи. Лишить Данію увѣренности въ силѣ англо-французской гарантіи Шлезвига—должно было быть второю брешью въ томъ же направленіи, для чего и представлялось необходимымъ сблизиться съ болѣе податливою въ этомъ отношеніи Франціею и воздѣйствовать черезъ послѣднюю на менѣе уступчивую и болѣе независимую въ своей политикѣ Англію.

Къ этому и сводилась, главнымъ образомъ, та дипломатическая кампанія, какую послѣ заключенія указаннаго союза русская дипломатія, отчасти совмѣстно съ дипломатіей шведской, начинаетъ вести въ Парижѣ, Вѣнѣ и отчасти Берлинѣ. Характеръ этой кампаніи и ея направленіе обусловливались въ свою очередь тѣмъ, какъ слагались къ данному моменту непосредственныя отношенія Россіи къ Франціи, Австріи и Пруссіи, и какъ въ связи съ этимъ ставился уже вопросъ о ея примиреніи съ Англіей. Вспомнить эти отношенія, выдѣливъ въ нихъ, главнымъ образомъ, то, что касалось шлез-

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г., мартъ.

вигско-голштинскаго вопроса прежде всего, и представляется, поэтому, необходимымъ, прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ собственно балтійской политики Петра Великаго въ послѣдній годъ его царствованія.

Основная тенденція въ международныхъ отношеніяхъ двадцатыхъ годовъ XVIII столѣтія—обособленіе монархіи Габсбурговъ и Испаніи, съ одной стороны, и временное сближеніе Англіи и Франціи на почвѣ противодѣйствія испанскимъ реставраціоннымъ замысламъ и габсбургской торговой и династической политикѣ, съ другой стороны—опредѣлила собою до извѣстной степени и русско-французскіе переговоры въ 1722 и 1723 годахъ, и русскую политику въ Германіи за это время. Первое время послѣ Ништадтскаго мира русское правительство, повидимому, склонялось скорѣе къ болѣе тѣсному сближенію съ Франціей, что̀ объяснялось, отчасти, взглядами Шафирова, продолжавшаго еще играть руководящую роль въ дѣлахъ петербургскаго кабинета. Уже съ самаго начала, однако, французскія предложенія встрѣчали болѣе сдержанный пріемъ всякій разъ, какъ только они касались вопроса о примиреніи Россіи съ Англіей и Ганноверомъ. Ревнивое отношеніе къ этому вопросу унаслѣдовалъ отъ Шафирова и его преемникъ, Остерманъ, въ глазахъ котораго самая идея французскаго соглашенія имѣла меньшую цѣнность. По крайней мѣрѣ, соглашаясь въ будущемъ на французское посредничество, онъ еще рѣзче, чѣмъ Шафировъ, разграничивалъ примиреніе съ Англіей отъ примиренія съ Ганноверомъ и тѣмъ болѣе отъ немедленнаго включенія Англіи въ предполагаемый русско-французскій союзъ, на чемъ особенно начинаетъ настаивать французское правительство въ дни регентства герцога Бурбонскаго. Мало того, стараясь парализовать въ Германіи значеніе Ганновера и вступаясь поэтому за герцога мекленбургскаго [1]), Россія, при тѣхъ отношеніяхъ, какія существовали въ это время между Англіей и Австріей, приходитъ къ необходимости привлечь послѣднюю къ своей сѣверной политикѣ, что врядъ ли легко было согласовать съ принципомъ русско-французскаго сближенія.

Характеристика политической программы Шафирова во всемъ ея объемѣ, его дипломатическихъ симпатій и антипатій не входитъ въ задачу настоящаго очерка. Здѣсь можно лишь отмѣтить, что, являясь сторонникомъ скорѣе аггрессивной политики въ Турціи, Шафировъ очередную задачу Россіи въ Европѣ видѣлъ прежде всего въ гарантіи совершонныхъ уже завоеваній и пріобрѣтеній. Пред-

---

[1]) О мекленбургскомъ вопросѣ—см. ниже въ обзорѣ отношеній Россіи къ Австріи.

упредить возможность какого бы то ни было новаго столкновенія, которое такъ или иначе грозило бы поставить на очередь вопросъ о новыхъ русскихъ пріобрѣтеніяхъ на Балтійскомъ морѣ, представлялось поэтому для него особенно необходимымъ. Съ такой точки зрѣнія рисовалось ему желательнымъ и сближеніе съ Франціей: этимъ путемъ, по его мнѣнію, легче всего могла быть достигнута прочная гарантія русскихъ завоеваній на Балтійскомъ морѣ, и обезпечены права на русскій престолъ за царевною Анной Петровной. Все это заставляло Шафирова сочувственно относиться и къ идеѣ брака одной изъ дочерей царя—скорѣе всего Елизаветы—съ принцемъ изъ французскаго дома.

Дипломатическими соображеніями общаго характера обусловливалось отношеніе Шафирова и къ голштинскому вопросу, разрѣшенію котораго должно было, по его мнѣнію, содѣйствовать то же соглашеніе съ Франціей. Этотъ вопросъ былъ для него, главнымъ образомъ, вопросомъ о достоинствѣ Россіи, какъ новой европейской державы: русское правительство должно было прежде всего съ честью освободиться отъ взятыхъ на себя обязательствъ передъ герцогомъ. Меньше значенія придавалъ Шафировъ голштинскому вопросу, какъ оружію въ очередныхъ вопросахъ балтійской политики. Ушедшій въ сложныя дипломатическія комбинаціи, принимая во вниманіе и новое положеніе Россіи въ Европѣ и ея интересы на Востокѣ, и оцѣнивая всю важность вопроса о престолонаслѣдіи, Шафировъ отодвигалъ нѣсколько на задній планъ задачи балтійской политики и былъ готовъ порою проявить одновременно и большую уступчивость передъ Даніей въ зундскомъ вопросѣ, и большее участіе къ герцогу голштинскому, разъ это могло содѣйствовать осуществленію его политической программы во всемъ ея объемѣ [1]). Болѣе туго поддавался Шафировъ на примиреніе съ Англіей, вопросъ о чемъ, въ виду характера тогдашнихъ англо-французскихъ отношеній, неминуемо возникалъ самъ собою, разъ только заходила рѣчь о союзномъ соглашеніи съ Франціей. Ради этого послѣдняго онъ былъ готовъ, однако, и въ данномъ случаѣ пойти на уступку, разграничивъ лишь по возможности чисто англійскіе интересы отъ ганноверскихъ. Исходя изъ другихъ основаній, чѣмъ тѣ, на которыхъ стояли сторонники аггрессивной политики Россіи на Балтійскомъ морѣ—братья Бестужевы и Остерманъ—Шафировъ сходился съ ними въ стремленіи создать для Россіи большую свободу дѣйствія на случай какихъ-либо осложненій въ Германской имперіи. Ради этого хлопоталъ онъ и о

[1]) И Вестфаленъ, и Бассевицъ одинаково считали Шафирова, и повидимому вполнѣ искренне, однимъ изъ наиболѣе расположенныхъ къ себѣ русскихъ министровъ.

включеніи въ будущій союзъ герцога мекленбургскаго и постарался ввести въ русско-французскіе переговоры вопросъ объ обидахъ, чинимыхъ герцогу его недоброжелателями, т.-е. прежде всего тѣмъ же курфюрстомъ ганноверскимъ.

Оба русскіе представителя въ Парижѣ, кн. В. Л. Долгорукій и бар. Шлейницъ, зачастую не ладившіе между собою, были, повидимому, въ значительной степени солидарны съ вице-канцлеромъ и сходились съ нимъ въ пониманіи общихъ задачъ новой русской политики. Переговоры съ Франціей, въ той постановкѣ, какую они получили къ исходу 1721 года, являлись почти исключительно дѣломъ самого Шафирова и названнаго бар. Шлейница, чуть ли не бывшаго его креатурою. Меморіалъ съ новымъ предложеніемъ о союзѣ, поданный послѣднимъ французскому правительству тотчасъ послѣ заключенія Ништадтскаго мира и назначенія французскимъ уполномоченнымъ при петербурскомъ дворѣ Кампредона, можетъ считаться выраженіемъ взглядовъ самого Шафирова и проливаетъ свѣтъ на оффиціальную точку зрѣнія на этотъ счетъ русскаго правительства [1]).

Подчеркивая значеніе Россіи, какъ новой державы Сѣвера, которая можетъ замѣнить для Франціи ея прежнюю, утратившую теперь свое значеніе союзницу, Швецію, Шлейницъ въ этомъ меморіалѣ старается отмѣтить значеніе будущаго союза, какъ заключительнаго акта, который долженъ создать прочное завершеніе („une solide et ferme consistance") наконецъ-то возстановленному общеевропейскому миру. Союзъ можетъ удовлетворить такому назначенію, если въ основу его будетъ положена простая гарантія тѣхъ дипломатическихъ актовъ, которыми опредѣляется современное международное положеніе—Ништадтскаго трактата и акта отреченія испанскаго короля отъ своихъ притязаній на французскую корону. Подобный заключительный актъ, по мнѣнію автора меморіала, необходимъ въ виду вполнѣ опредѣленныхъ задачъ, игнорированіе которыхъ можетъ грозить въ недалекомъ будущемъ новыми дипломатическими осложненіями: онъ облегчитъ удовлетвореніе голштинскихъ притязаній, поможетъ Россіи и Франціи прійти къ желательному соглашенію по польскому вопросу и будетъ оказывать воздѣйствіе на Турцію. Существенное значеніе, наконецъ, можетъ имѣть этотъ актъ и для европейскихъ отношеній, поскольку эти послѣднія обусловливаются положеніемъ дѣлъ въ Имперіи: онъ подыметъ—очевидно за счетъ Австріи—авторитетъ Франціи въ глазахъ гер-

---

[1]) Memoire de baron de Sleinitz, ambassabeur extraordinaire du Czar. Reims, le 28 septembre 1721.—Recueil... VIII, 247 flg.

манскихъ государей, особенно протестантскихъ, и заставить окончательно стать на сторону Россіи и Франціи колеблющагося до сихъ поръ прусскаго короля. Наконецъ, въ случаѣ смерти германскаго императора союзъ Россіи и Франціи можетъ оказать рѣшающее вліяніе и на исходъ вопроса объ императорской коронѣ и о будущей судьбѣ самихъ габсбургскихъ владѣній. Условія, заставлявшія въ это время вѣнскій кабинетъ подготовлять прагматическую санкцію, не ускользали, такимъ образомъ, и отъ вниманія русскихъ дипломатовъ. Россія, въ интересахъ своей собственной политики какъ въ самой Германской имперіи, такъ и за ея предѣлами, перспективой раздѣла габсбургской монархіи старалась привлечь на свою сторону исконную соперницу Австріи.

Таковы были тѣ основанія, на которыхъ должно было строиться будущее русско-французское соглашеніе: гарантія новаго международнаго положенія Россіи, разрѣшеніе очередныхъ задачъ ея политики на Востокѣ и Польшѣ, поддержаніе ея достоинства въ Европѣ; какъ результатъ всего этого—довольно опредѣленная, хотя и замаскированная, антиавстрійская окраска будущаго соглашенія; ни малѣйшаго намека на ненормальность существующихъ отношеній Россіи къ Англіи и Ганноверу.

Французское правительство, какъ можно видѣть изъ инструкціи, данной Дюбуа Кампредону отъ 25 авг. 1721 г. передъ его отъѣздомъ изъ Стокгольма въ Петербургъ, предусматривало возможность новыхъ предложеній о союзѣ и готово было въ принципѣ отвѣчать на нихъ сочувственно. Основанія будущаго союзнаго соглашенія и его отношеніе къ очереднымъ международнымъ вопросамъ рисовались, однако, при этомъ парижскому кабинету нѣсколько иначе, чѣмъ представлялъ ихъ себѣ Шафировъ [1]). Преувеличивая стремленіе царя вмѣшиваться во всѣ европейскія отношенія и играя на этой струнѣ, французское правительство не удовлетворялось предложенной простой гарантіей Ништадтскаго трактата и акта отреченія, и старалось добиться отъ Россіи гарантіи цѣлаго ряда поименно перечисляемыхъ трактатовъ, которыми обезпечивались новыя пріобрѣтенія Франціи, начиная съ половины XVII вѣка. Стараясь вовлечь, такимъ образомъ, Россію въ поддержаніе сложной дипломатической системы, создавшей, прежде всего, преграду реставраціоннымъ замысламъ, которыхъ можно было бы ожидать со стороны габсбургской монархіи, французское правительство, въ то же время, лишь съ большою неохотою и крайне осторожно шло на га-

---

[1]) Le cardinal Dubois à m-r. Campredon; Paris, 25 aout 1721.—Recueil... VIII, 233 flg. Другія инструкціи Дюбуа Кампредону, изъ которыхъ наиболѣе существенное значеніе имѣетъ инструкція отъ 14 окт. 1722 г.—Сб. XLIX.

рантію тѣхъ дипломатическихъ актовъ, которыми упрочилось новое международное положеніе Россіи. Эта точка зрѣнія нашла себѣ выраженіе и въ томъ проектѣ союзнаго договора, который въ концѣ 1722 г. былъ предложенъ Кампредономъ русскому правительству [1]). Отстаивая подобную точку зрѣнія, парижскій кабинетъ—и Дюбуа не скрывалъ этого передъ Кампредономъ—имѣлъ въ виду не только чисто французскіе интересы, но и интересы союзника Франціи, англійскаго короля, прежде всего, какъ государя германской имперіи. Кампредону неоднократно предписывалось сдѣлать все возможное, чтобы добиться, если не включенія короля Георга въ будущій союзъ, то, по крайней мѣрѣ, примиренія съ нимъ царя; съ другой стороны, соглашаясь на предлагагаемую гарантію, онъ долженъ былъ добиться отъ царя обязательства не нарушать покоя въ нижнегерманскомъ округѣ. Дѣйствовать такимъ образомъ и поставить на очередь одновременно съ переговорами о союзѣ вопросъ о примиреніи Россіи съ Англіей заставляли Францію, по заявленію Дюбуа, тѣ же причины, какія въ свое время заставили ее гарантировать королю Георгу его ганноверскія владѣнія [2]).

Французская гарантія новаго положенія Россіи въ Европѣ должна была быть куплена, такимъ образомъ, дорогою цѣною преждевременнаго примиренія съ Англіей; разсматривая обязательства Россіи передъ отдѣльными мелкими германскими государями, только какъ вопросы дипломатической чести, очевидно, легко было выпустить изъ рукъ сильное оружіе прежде, чѣмъ оно было бы использовано. Яснѣе самого Шафирова это и было понято Остерманомъ, который съ половины 1722 г. начинаетъ постепенно принимать все болѣе и болѣе активное участіе въ переговорахъ о союзѣ.

Оффиціально Остерманъ былъ привлеченъ къ этимъ переговорамъ по настоянію самого Шафирова [3]). Очень близко къ нимъ вице-канцлеръ своего помощника, однако, не подпускалъ, ограничивался при немъ отвѣтами общаго характера и лишь въ его отсутствіи

---

[1]) Сб. XLIX, 233. Взаимной гарантіи, по этому проекту, подлежали трактаты: утрехтскій, баденскій, гаагскій и лондонскій и мирные договоры 1719—1721 гг. Швеціи съ Англіей, Пруссіей и Россіей. Намѣченные въ инструкціи 25 августа трактаты: вестфальскій, нимвегенскій и рисвикскій не упоминались лишь потому, что ихъ условія, относящіяся къ Франціи, въ достаточной степени повторялись во всѣхъ названныхъ трактатахъ. Съ другой стороны, въ проектѣ мы не находимъ и ограниченія, предполагаемаго въ инструкціи 25 августа, въ силу котораго гарантія должна была распространяться лишь на тѣ пункты трактатовъ, которые непосредственно относились къ французскимъ владѣніямъ. (Recueil... VIII, 241).

[2]). Recueil... VIII, 242—243.

[3]) Сб. XL, 343.

начиналъ, обыкновенно, по существу разговаривать съ Кампредономъ [1]). Въ данномъ случаѣ Шафировымъ могло руководить не одно лишь служебное соревнованіе, но и искренняя боязнь за успѣхъ близкаго его сердцу дѣла. Принимая участіе въ конференціяхъ, Остерманъ вноситъ обыкновенно въ пренія ноту болѣе рѣзкаго диссонанса, чѣмъ это обусловливалось обычными дипломатическими пріемами; онъ тщательно отмѣчаетъ всякую неясность во французскихъ предложеніяхъ и заранѣе предупреждаетъ возможность такого толкованія этихъ предложеній, которое такъ или иначе связало бы Россіи руки въ ея европейскихъ и, главнымъ образомъ, германскихъ отношеніяхъ. Паденіе Шафирова — февраль 1723 г. — и назначеніе вслѣдъ за этимъ на его мѣсто Остермана имѣло принципіальное значеніе въ развитіи русско-французскихъ переговоровъ о союзѣ: въ лицѣ Остермана русское правительство оффиціально стало выражать большую настойчивость въ своихъ требованіяхъ, поскольку будущій союзъ съ Франціей могъ затронуть отношенія Россіи къ Англіи. Еще до своего назначенія вице-канцлеромъ, однако, Остерману, повидимому, удалось уже оказать соотвѣтствующее вліяніе на тонъ русскихъ заявленій. Его перо мы узнаемъ въ тѣхъ поправкахъ русскаго правительства къ проекту Кампредона, которыя относятся, по всей вѣроятности, къ исходу 1722 или самому началу 1723 г. [2]).

Соглашаясь на детальную гарантію перечисляемыхъ во французскомъ проектѣ договоровъ и трактатовъ, русское правительство въ этихъ поправкахъ предлагало, съ своей стороны, ограничиться лишь тѣми пунктами этихъ трактатовъ, которые относятся спеціально до Франціи, ея владѣній и подданныхъ, а изъ другихъ лишь тѣми, которые не противорѣчатъ интересамъ Россіи [3]). Одновременно съ этимъ, предупреждая вопросъ о включеніи въ союзъ той или другой державы, оно тутъ же выражало желаніе включить въ него Швецію, Пруссію и герцога мекленбургскаго. Желаніе включить Швецію ясно обнаруживаетъ стремленіе тѣснѣе связать этотъ союзъ съ тою политикою, которая энергично проводилась въ это время Россіею на

---

[1]) Срав. реляц. Кампредона 15 и 16 янв. 1722 г. (Сб. XLIX, 5 слѣд.).

[2]) „Remarques sur le projets“—М. А. М. И. Д., дѣла Французскія 1723 г. № 13; тамъ же—цитируемые ниже разговоры Остермана съ Кампредономъ о примиреніи Россіи съ Англіей и о мекленбургскомъ вопросѣ. Разборъ русскихъ поправокъ съ французской стороны—Сб. LII, 49 слѣд.

[3]) Во французскомъ проектѣ читаемъ: „Leurs Majestés... sont convenues et promettent de garantir réciproquement et *dans tous leurs points et articles* les traités“... Русская редакція: Leurs dites Majestés... sont convenues de garantir réciproquement et *non seulement* dans tous leurs points et articles, *qui concernont specialement les interets de la France, ses Etats et suets, mais aussi dans les autres qui ne seront pas contraires aux interets de la Russie,* les traités“...

Сѣверѣ и которая, какъ мы уже знаемъ, отличалась сильною антианглійскою и еще болѣе антиганноверскою окраскою. Предложеніе французскаго правительства о примиреніи Россіи съ Англіей и ея королемъ при посредничествѣ Франціи, возбужденное одновременно съ переговорами о союзѣ, объясняетъ и заботы русскаго правительства о включеніи въ будущій союзъ герцога мекленбургскаго. Къ такому предложенію русское правительство, съ своей стороны, долгое время относилось, какъ извѣстно, крайне сдержанно. Еще въ сентябрѣ 1723 г. Остерманъ въ бесѣдахъ съ Кампредономъ не упускалъ случая „партикулярно съ собою разсуждать и удивляться, что сіе примиреніе съ королемъ англійскимъ, яко весьма постороннее дѣло, имѣетъ быть препятствіемъ къ заключенію такого союза". Только къ самому исходу 1723 г., очевидно, не безъ связи съ тѣмъ оборотомъ, какой приняло къ этому моменту положеніе дѣлъ въ Стокгольмѣ и Копенгагенѣ, русское правительство стало обнаруживать въ этомъ отношеніи больше податливости. По-прежнему, однако, разграничивъ вопросъ о примиреніи отъ вопроса о союзѣ съ Англіей, оно выражало готовность начать оффиціальные переговоры объ этомъ послѣднемъ лишь послѣ того, какъ будетъ заключено союзное соглашеніе съ Франціей [1]). Въ этихъ новыхъ переговорахъ, очевидно, неминуемо долженъ былъ зайти вопросъ о претензіяхъ, предъявляемыхъ герцогомъ мекленбургскимъ къ Георгу, какъ курфюрсту ганноверскому. Оговорка о включеніи герцога въ будущій русско-французскій союзъ и подготовляла почву для возможно болѣе полнаго удовлетворенія этихъ претензій. Въ тотъ моментъ, когда переговоры о союзѣ со Швеціей приближались къ успѣшному окончанію, интересы сѣверной политики, на-ряду съ другими, сильнѣе начинаютъ, такимъ образомъ, опредѣлять собою и ходъ переговоровъ съ Франціей. Настойчивѣе Шафирова выдвигая вопросъ о Мекленбургѣ, Остерманъ съ новой стороны старался нанести ударъ Ганноверу, т. е. руководился тѣми же соображеніями, какія заставляли въ это время русское правительство поддерживать и голштинскія притязанія. Мало того, сообщивъ въ декабрѣ 1723 г. Кампредону тѣ претензіи, какія оно предъявляло королю Георгу, русское правительство постаралось на этотъ разъ воспользоваться будущимъ примиреніемъ съ Англіей въ интересахъ непосредственно зундскаго вопроса: король Георгъ долженъ былъ взять на себя воздѣйствовать въ соотвѣтствующемъ направленіи на датское правительство [2]).

---

[1]) Конференція съ Кампредономъ 5 декабря 1723 г.

[2]) „Que le Roi de la Grande-Bretagne aide Sa Majesté à porter le Roy de Danemarque à accorder aux provinces de Sa Majesté, cedées par la Suede, les mêmes franchises aux deux Beltes, dont elles ont jouis cy-devant sous la domination de la Suede".

Общее положеніе дѣлъ, однако, къ этому времени, сравнительно съ началомъ 1722 г., точно также успѣло нѣсколько измѣниться. Послѣ смерти аббата Дюбуа и герцога Орлеанскаго (августъ и декабрь 1723 г.) первымъ министромъ французскаго короля былъ назначенъ герцогъ Бурбонскій, готовый въ еще большей степени, чѣмъ его предшественникъ, подчинить французскую политику англійскимъ интересамъ. Какъ видно изъ инструкціи кн. Борису Куракину отъ 27 января 1724 г., русское правительство теперь еще надѣялось обойти вопросъ о примиреніи съ Англіей при заключеніи союза съ Франціей [1]), а въ это время завѣдывавшій при герцогѣ Бурбонскомъ иностранными дѣлами гр. Морвиль опредѣленнѣе, чѣмъ Дюбуа, заговорилъ не только о необходимости примиренія съ Англіей, но и о немедленномъ включеніи короля Георга въ будущій союзный договоръ [2]).

Разсчитывать на какую-либо солидную поддержку Франціи въ голштинскомъ вопросѣ также врядъ ли было возможно. Мы видѣли, что въ 1722 г. и даже еще въ 1723 г. само русское правительство къ голштинскимъ притязаніямъ относилось еще довольно сдержанно: назначеніе же послѣ Шафирова вице-канцлеромъ Остермана должно было доставить не малое разочарованіе голштинскимъ политикамъ. Въ проектѣ Шлейница объ удовлетвореніи герцога упоминалось въ довольно неопредѣленныхъ и общихъ выраженіяхъ [3]); настаивая въ своихъ замѣчаніяхъ на французскій проектъ о необходимости включить герцога мекленбургскаго, Остерманъ о герцогѣ голштинскомъ не обмолвился ни словомъ. За то, при Остерманѣ голштинскій вопросъ въ русской дипломатической программѣ началъ терять характеръ вопроса чести и все болѣе и болѣе получалъ значеніе дипломатическаго оружія; по мѣрѣ того какъ въ Стокгольмѣ заключеніе русско-шведскаго союзнаго договора приближалось къ осуществленію, наступало время пустить въ ходъ и это оружіе. И дѣй-

[1]) Инструкція кн. Б. Куракину при его посылкѣ въ Парижъ отъ 27 янв. 1724.—Дѣла французскія 1724 № 45. В. Л. Долгорукій былъ отозванъ отъ французскаго двора въ мартѣ 1722 г., и на его мѣсто было повелѣно быть кн. А. Б. Куракину. Отецъ послѣдняго, кн. Б. И. Куракинъ, полномочный посолъ въ Голландіи, дважды былъ посылаемъ въ Парижъ съ дипломатическими порученіями: въ ноябрѣ 1722 г. и въ январѣ 1724 г.—Бантышъ-Каменскій, „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи“, IV, 93—95.

[2]) Alb. Vandal, Louis XV et Elisabeth de Russie, p. 70; Сборникъ LII, 167, 168.

[3]) „Cette plus étroite union entre le France et le Czar pourroit aussi avoir pour objet les affaires du duc de Holstein. Ce prince, ayant des obligations au Czar et à la France, et ayant des raisons essentielles à les ménager pour des vues encore plus grandes, se prêteroit sans doute à tout ce qu'on lui demanderoit dans les occurences que le temps peut amener“ (Memoire de Sleinitz—Récueil... VIII, 249).

ствительно, отдѣльные разговоры русскихъ министровъ съ Кампредономъ заставляли французское правительство предполагать, что въ дальнѣйшемъ ходѣ переговоровъ о союзѣ Россія все-таки начнетъ настаивать если не на прямомъ включеніи герцога въ союзъ, то во всякомъ случаѣ на необходимости что-либо сдѣлать въ его интересахъ. Пожеланіе о поддержкѣ герцога голштинскаго нашло уже себѣ мѣсто въ предъявленныхъ Кампредону въ декабрѣ 1723 г. претензіяхъ русскаго правительства къ королю Георгу. Какъ при Дюбуа, такъ и при Морвилѣ французское правительство заранѣе старалось, поэтому, предупредить, предъявленіе какихъ-либо мало-мальски широкихъ требованій, оговаривалось, что можетъ вступить съ царемъ лишь въ такія обязательства, которыя не будутъ противорѣчить ранѣе заключеннымъ договорамъ, и лишь съ такими оговорками соглашалось содѣйствовать герцогу въ полученіи имъ какого-либо вознагражденія за потерю Шлезвига [1]).

До самаго конца царствованія Петра Великаго русское правительство не покидало, тѣмъ не менѣе, окончательно мысли о союзѣ съ Франціей и о примиреніи съ Англіей, въ интересахъ своей балтійской политики, и ниже мы еще увидимъ, какъ повліяло на постановку этихъ вопросовъ заключеніе союза со Швеціей. Предшествовавшія перипетіи русско-французскихъ переговоровъ обнаружили, однако, съ достаточною ясностью, какъ различно было принципіальное отношеніе обѣихъ договаривающихся сторонъ къ проектируемому союзу, и какъ много камней преткновенія могло еще встрѣтиться на пути къ его осуществленію.

Переговоры съ Франціей о союзѣ поставили на очередь вопросъ о примиреніи Россіи съ Англіей и выяснили необходимость осторожно относиться къ предложенію о немедленномъ ея включеніи въ будущее русско-французское союзное соглашеніе. Цѣлью русской дипломатіи въ Германіи, поскольку ею имѣлись въ виду интересы балтійской политики, было—по возможности изолировать Ганноверъ, чтобы тѣмъ самымъ сдѣлать короля Георга болѣе податливымъ въ вопросѣ о примиреніи. Этою цѣлью руководилась русская дипломатія и въ своихъ стараніяхъ использовать въ своихъ интересахъ начинающееся охлажденіе между королемъ Георгомъ и императоромъ и въ своихъ заботахъ привлечь на свою сторону Пруссію и удержать ее отъ излишняго сближенія съ кѣмъ бы то ни было изъ сосѣдей: съ Англіей, Ганноверомъ, Австріей или Саксоніей. Въ обо-

[1]) Дюбуа Кампредону 24 іюля и 14 октября 1722 г. (Сб. XLIX, 125, 160 и 201).

ихъ случаяхъ русской дипломатіи приходилось считаться съ тѣми довольно запутанными отношеніями, какія существовали въ данный моментъ между всѣми этими державами.

Вѣнскій союзъ 1719 г., сближавшій Австрію, Ганноверъ и Саксонію и ставившій въ изолированное положеніе Пруссію, къ исходу 1721 г. не являлся уже вполнѣ точнымъ показателемъ этихъ отношеній. Новые очередные вопросы раздѣлили къ этому времени прежнихъ союзниковъ, заставили однихъ изъ нихъ сближаться съ Пруссіей, для другихъ создавали въ отношеніяхъ къ ней новые камни преткновенія. Къ числу такихъ вопросовъ относился и вопросъ о предсѣдательствѣ въ имперскомъ Corpus'ѣ Evangelicorum. Переходъ въ католичество саксонскаго кронфюста и обострившаяся съ 1717 г. по одному частному вопросу рознь между католическими и протестантскими державами имперіи давно уже поставили лицомъ къ лицу Пруссію и Ганноверъ, оспаривавшихъ другъ у друга въ интересахъ своей германской политики авторитетъ и преобладаніе въ означенномъ Corpus'ѣ. Къ началу 1720 г. между ними состоялось соглашеніе, по которому предсѣдательство въ Corpus'ѣ должно было окончательно перейти совмѣстно къ нимъ обѣимъ отъ католической Саксоніи [1]). Само по себѣ компромиссъ, это соглашеніе создавало новый поводъ къ недоразумѣнію между обѣими названными державами и Австріей. Относившаяся къ данному вопросу, по существу, довольно сдержанно, Австрія скорѣе высказывалась за сохраненіе предсѣдательства за саксонскимъ курфюрстомъ и во всякомъ случаѣ менѣе всего сочувствовала притязаніямъ Пруссіи. Затаившій въ свое время неудовольствіе и не безъ основанія усматривавшій въ вѣнскомъ союзѣ угрозу по своему адресу, король Фридрихъ-Вильгельмъ началъ теперь особенно нервно относиться ко всякому проявленію антипрусскаго настроенія въ Вѣнѣ. Столкновеніе между президентомъ имперскаго совѣта, графомъ Шенборномъ и прусскимъ

[1]) На рейхстагѣ по вопросамъ религіозной политики державы одного и того же исповѣданія могли оставаться при особомъ мнѣніи и принимать рѣшенія, только для нихъ однихъ обязательныя. Онѣ раздѣлялись въ такомъ случаѣ на Corpus Catholicorum и Corpus Evangelicorum. Предсѣдательство въ послѣднемъ съ 1653 г. принадлежало курфюрсту саксонскому. Въ 1697 г. курфюрстъ саксонскій перешелъ въ католичество. Въ 1717 г. былъ обнародованъ переходъ и его сына, и это заставляло протестантскія державы хлопотать о передачѣ предсѣдательства въ Corpus'ѣ въ другія руки. Обстоятельную характеристику взаимоотношеній по данному вопросу Австріи, Пруссіи, Саксоніи и Ганновера, на основаніи архивнаго матерьяла, даетъ A. Frantz Das katholische Directorium des Corpus Evangelicorum (Marburg 1880). Изложеніе вопроса въ связи съ общимъ направленіемъ политики названныхъ державъ—у Droysen'а (op. cit. IV, 2 passim).

представителемъ при австрійскомъ дворѣ Кангиссеромъ привело къ сентябрю 1721 г. къ почти полному разрыву дипломатическихъ отношеній между Вѣною и Берлиномъ и угрожало одно время серьезными, если не общеевропейскими, то во всякомъ случаѣ общегерманскими осложненіями. То участіе, съ другой стороны, какое проявилъ курфюрстъ Георгъ къ дѣлу протестантовъ, совпало съ тѣмъ охлажденіемъ, какое, какъ было уже отмѣчено выше, подготовлялось къ этому времени между Австріей и Англіей на почвѣ торговой политики. Допустившая въ свое время вмѣшательство Ганновера въ мекленбургское дѣло, Австрія начинала теперь съ безпокойствомъ смотрѣть на черезъ-чуръ самостоятельное хозяйничанье ганноверскихъ властей въ Мекленбургѣ. Императорская инвеститура на Бременъ и Верденъ, которая должна была узаконить за курфюрстомъ Георгомъ его новыя пріобрѣтенія, но дать которую императоръ все еще медлилъ, могла послужить въ данномъ случаѣ пригоднымъ оружіемъ въ рукахъ вѣнскаго двора противъ своего могущественнаго вассала и неуживчиваго союзника. Будучи, наконецъ, соглашеніемъ лишь по частному случаю, соглашеніемъ, инціатива котораго исходила прежде всего отъ Ганновера, и на которое берлинскій дворъ согласился, скрѣпя сердце, договоръ 1720 г. не знаменовалъ собою какого-либо крутого поворота и въ самихъ прусско-ганноверскихъ отношеніяхъ. Рѣшительный характеръ вельфской политики на сѣверѣ Германіи, однимъ изъ проявленій которой было то же вмѣшательство Ганновера въ мекленбургскій вопросъ, продолжалъ тревожить короля Фридриха-Вильгельма. Несмотря на всѣ старанія опредѣленной придворной партіи, во главѣ которой стояла сама королева Софія-Доротея, отношенія Берлина и Ганновера оставались сдержанными. Когда къ половинѣ 1722 г., частью подъ вліяніемъ тревожныхъ слуховъ о русско-французскихъ переговорахъ и въ виду угрожающаго характера морскихъ приготовленій Россіи, король Фридрихъ-Вильгельмъ и началъ обнаруживать сочувствіе къ сближенію съ королемъ Георгомъ, это было прежде всего сближеніе съ Англіей и въ гораздо меньшей степени—съ Ганноверомъ. Прусскіе и ганноверскіе интересы въ Германіи къ этому времени стояли уже въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи другъ съ другомъ, чтобы можно было разсчитывать на какое-либо прочное ихъ примиреніе путемъ формальнаго дипломатическаго акта.

Своеобразное положеніе во всѣхъ этихъ перипетіяхъ занимала третья участница союза 1719 г.—Саксонія. Заботясь о поддержаніи союза и его возобновленіи, хотя бы въ измѣненныхъ формахъ, и муссируя съ этою цѣлью тревожные слухи о сближеніи Россіи съ Франціей, саксонская дипломатія съ гр. Флеммингомъ во главѣ осо-

бенно старалась о возстановленіи добрыхъ отношеній между Пруссіей и императоромъ и дѣлала все возможное, чтобы взять это дѣло въ свои руки. Интересы въ Польшѣ саксонской династіи играли въ этихъ стараніяхъ не послѣднюю роль. Мысль о саксонской „сукцессіи", какъ надежномъ средствѣ для поддержанія общеевропейскаго покоя, пускалась въ ходъ саксонскими дипломатами въ противовѣсъ какъ политикѣ Россіи, о новыхъ замыслахъ которой они такъ кричали, такъ и политикѣ Пруссіи, объ интересахъ которой они проявляли такъ много заботливости.

Таковы были въ общихъ чертахъ тѣ условія, которыя опредѣляли работу русской дипломатіи въ Вѣнѣ и Берлинѣ въ 1722 и 1723 гг. Уклониться отъ излишнихъ обязательствъ съ Австріей, которыя могли бы втянуть Россію въ сложные счеты Габсбурговъ въ Средней и Южной Европѣ, и въ то же время, предстательствуя за герцога мекленбургскаго въ Вѣнѣ, парализовать въ Мекленбургѣ ганноверское вліяніе; привлечь на свою сторону Пруссію и тѣмъ самымъ поддерживать дальнѣйшее разногласіе между главными германскими державами—вотъ что было здѣсь ея ближайшею задачею.

Истинный характеръ отношеній между Россіей и Австріей началъ опредѣляться одновременно съ тѣмъ, какъ велись переговоры между Россіей и Франціей о союзѣ. Надо замѣтить, что о „ближайшихъ обязательствахъ" съ Россіей хлопотали въ Вѣнѣ еще въ 1720 году во время пребыванія тамъ Вейсбаха и Ягужинскаго. Тщетность этихъ хлопотъ къ 1722 г. выяснилась окончательно. За то охлажденіе, начавшееся съ 1723 г. между Австріей и Англіей, подготовляло почву для послѣдующаго новаго соглашенія между обѣими державами по очереднымъ вопросамъ балтійской политики: мекленбургскому и отчасти голштинскому.

Заключеніе сѣвернаго мира въ Ништадтѣ само по себѣ создавало уже нѣкоторое охлажденіе между Россіей и Австріей, которое при извѣстныхъ условіяхъ могло осложнить въ ближайшемъ будущемъ постановку балтійскаго вопроса. Цесарское правительство должно было отказаться отъ мысли разрѣшать сѣверный вопросъ на созванномъ германскимъ императоромъ Брауншвейгскомъ конгрессѣ и лишалось тѣмъ самымъ возможности взять въ свои руки дѣло примиренія сѣверныхъ соперниковъ въ интересахъ своей собственной политики какъ въ Имперіи, такъ и за ея предѣлами; русское правительство лишалось удобнаго случая затронуть нѣкоторые вопросы, обойденные молчаніемъ во время ништадтскихъ переговоровъ [1]). И тотчасъ послѣ заключенія Ништадтскаго мира импера-

[1]) Реляц. Ланчинскаго 27 сент. 1721 г. Русское правительство, повидимому, очень чутко относилось къ вопросу объ инвеститурѣ на Временъ и

торъ сталъ обнаруживать замѣтно больше склонности дать королю Георгу, какъ курфюрсту, инвеституру на Бременъ и Верденъ, что упрочивало за послѣднимъ его новыя пріобрѣтенія и косвенно создавало преграду дальнѣйшему усиленію русскаго вліянія въ Сѣверной Германіи. Словомъ, исчезала, казалось, всякая надежда войти въ соглашеніе съ Австріей какъ разъ по тѣмъ вопросамъ, какіе имѣло, главнымъ образомъ, въ виду русское правительство, стараясь въ 1720 г. разстроить Вѣнскій союзъ и отвлечь Австрію отъ Англіи, и какіе теперь снова выдвигались на очередь въ Копенгагенѣ и Стокгольмѣ. Старанія вѣнскаго кабинета втянуть Россію въ запутанную сѣть своихъ европейскихъ отношеній, тѣмъ не менѣе, продолжались. 10 сентября 1721 г. прибылъ въ С.-Петербургъ полномочный посолъ германскаго императора, гр. Кинскій, миссія котораго и была какъ бы послѣднимъ моментомъ въ рядѣ тѣхъ неудачныхъ попытокъ войти въ болѣе тѣсное соглашеніе съ Москвою, ка-

---

Верденъ для курфюрста ганноверскаго. Дарованіе подобной инвеституры какъ бы заранѣе предупреждало чрезмѣрно широкое толкованіе гарантированнаго германскимъ императоромъ Травендальскаго мира, утверждавшаго Шлезвигъ за герцогомъ голштинскимъ, и исключало возможность вознагражденія послѣдняго за счетъ Бремена и Вердена. Крайне несочувственно относившееся въ свое время къ попыткамъ вѣнскаго кабинета перенести мирные переговоры со Швеціей на Брауншвейгскій конгрессъ, русское правительство, послѣ заключенія мира въ Ништадтѣ, поддерживало мысль о подобномъ конгрессѣ, желая воспользоваться имъ въ интересахъ именно тѣхъ задачъ, какія оно ставило себѣ теперь на Балтійскомъ морѣ. Надѣясь, что конгрессъ все-таки соберется, оно предполагало перенести на него, между прочимъ, вопросъ о претензіяхъ герцога голштинскаго и о примиреніи Россіи съ королемъ Георгомъ, какъ курфюрстомъ, затронувъ попутно и мекленбургское дѣло (Рескр. Ланчинскому 9 окт. 1721 г.). Заводя въ разговорѣ съ прибывшимъ гр. Кинскимъ рѣчь о Брауншвейгскомъ конгрессѣ, Шафировъ точно также высказывалъ мнѣніе, что царь послѣ заключенія мира со шведами будетъ скорѣе содѣйствовать устройству этого конгресса (Реляц. Кинскаго 13 окт. 1721 г.). Вѣнскій дворъ предупредилъ, однако, всѣ подобнаго рода попытки. По полученіи извѣстія о заключеніи мира въ Ништадтѣ, расположенный къ Россіи вице-канцлеръ Шенборнъ тотчасъ же заявилъ Ланчинскому, что о Брауншвейгскомъ конгрессѣ не можетъ быть больше и рѣчи, и далъ при этомъ понять, что, созывая конгрессъ, императоръ имѣлъ въ виду исключительно международныя отношенія и не допустилъ бы обсужденія на подобномъ дипломатическомъ собраніи вопросовъ, относящихся по существу къ внутренней имперской политики: „оный конгрессъ не для имперскихъ дѣлъ назначенъ былъ, но для чужестранныхъ трактатовъ. Нынѣ же де больше трактовать некому, ибо Швеція въ Брауншвейгѣ ничего дѣлать не будетъ, а имперскія дѣла цесарь, яко домашнія, безъ конгресса опредѣлить можетъ" (реляц. Ланчинскаго 27 сент. 1721 г.).

кія за послѣднее время были предприняты австрійскимъ правительствомъ [1]).

Эта миссія была въ значительной степени отрицательнаго характера. Задачею гр. Кинскаго было, прежде всего, стоять на стражѣ и слѣдить за тѣми переговорами, какіе шли въ это время между русскимъ правительствомъ и Кампредономъ. Одновременно съ этимъ, однако, какъ видно изъ его депешъ, имъ были сдѣланы оффиціальныя предложенія отъ лица своего правительства о заключеніи новаго союзнаго соглашенія между Россіей и Австріей. Въ этихъ новыхъ предложеніяхъ съ еще большею очевидностью, чѣмъ въ 1720 году, проглядывало стремленіе австрійскаго правительства втянуть Россію въ свои сложные счеты съ обѣими монархіями Бурбоновъ и Англіей, что̀ и было своевременно замѣчено съ русской стороны, и что̀—добавимъ отъ себя—дѣлало эти предложенія особенно трудноріемлемыми въ виду того, какъ начали складываться къ этому времени русскія отношенія къ Франціи [2]).

Русское правительство съ своей стороны непрочь было войти въ соглашеніе съ Австріей по восточному вопросу и нѣкоторымъ другимъ, не отступая отъ принциповъ воспринятой имъ политической системы, не вдаваясь „въ дальности“ и добившись въ то же время кое-какихъ уступокъ въ интересахъ герцога мекленбургскаго. Въ Вѣнѣ на это теперь уже не шли; соглашеніе по восточному вопросу ставили какъ разъ въ зависимость отъ тѣхъ труднопріемлемыхъ условій, согласіе на которыя заставило бы Россію занять черезъчуръ опредѣленное положеніе въ пререканіяхъ Австріи съ Франціей и Испаніей; отношеніе же за это время вѣнскаго двора къ герцогу

---

[1]) Бантышъ-Каменскій. Обзоръ,.. I, 50—51.

[2]) Пишущему настоящія строки во время его работъ въ Вѣнскомъ Архивѣ не удалось, къ сожалѣнію, использовать инструкцію, данную гр. Кинскому при его отправленіи въ Петербургъ. Содержаніе этой инструкціи возстановляется частью по позднѣйшимъ цесарскимъ указамъ, частью по собственнымъ донесеніямъ Кинскаго. (Вѣна R. XI. 1721; R. 12а 1722 и R. 12а 1722). Свѣдѣнія о пребываніи Кинскаго въ Петербургѣ и Москвѣ пополняются кромѣ того реляціями Кампредона (Сб. XLIX), дипломатическою перепискою Ланчинскаго и записями о конференціяхъ, бывшихъ у Кинскаго съ русскими министрами (Дѣла Австрійскія 1721 № 9 и 1722 №№ 1, 3 и 6). О предложеніи вступить въ союзъ съ Австріей, сдѣланномъ имъ въ самомъ началѣ его пребыванія въ Россіи русскимъ министрамъ, гр. Кинскій упоминаетъ въ своемъ письмѣ къ гр. Шенборну отъ 21 янв. 1722 г. (Вѣна R. 12а 1722).

мекленбургскому и его дѣлу обнаруживало продолжавшееся еще вліяніе въ Вѣнѣ англо-ганноверской дипломатіи [1]).

Все это вмѣстѣ взятое обрекало миссію гр. Кинскаго на довольно безплодные результаты. Переговоры съ нимъ русскихъ министровъ носили вообще довольно случайный характеръ и были лишены той содержательности, которая хоть нѣсколько напоминала бы оживленный обмѣнъ мнѣній и предложеній, происходившій въ это время между Шафировымъ и Кампредономъ. Несмотря на безусловное сочувственное отношеніе къ идеѣ русско-австрійскаго соглашенія, замѣчавшееся уже въ то время со стороны нѣкоторыхъ изъ русскихъ дипломатовъ, дѣло ограничивалось одними отрывочными конференціями. Первая миссія имперскаго посла въ столицѣ новаго европейскаго государства, такъ торжественно предпринятая, постепенно была сведена на нѣтъ. Соглашеніе съ русскимъ царемъ по восточному вопросу при данныхъ условіяхъ было признано въ Вѣнѣ безполезнымъ, а его помощь противъ южныхъ сосѣдей опасной и нежелательной [2]). 25 мая 1722 года Кинскому былъ посланъ рескриптъ о возвращеніи, и 16 іюня онъ покинулъ Москву [3]).

Послѣ отъѣзда гр. Кинскаго въ русско-австрійскихъ отношеніяхъ наступило нѣкоторое затишье. Россія продолжала занимать выжидательное положеніе, слѣдила за происками ганноверской и саксонской дипломатіи, старалась парализовать въ Вѣнѣ англійское вліяніе и предупредить неумѣренныя и несвоевременныя голштинскія притя-

[1]) Принципіальное желаніе русскаго правительства вступить въ соглашеніе съ императоромъ высказывается въ рескриптѣ Ланчинскому 15 янв. 1722 г. Очень скоро, однако, гр. Кинскій принужденъ былъ замѣтить, что русское правительство противъ распространенія условій будущаго соглашенія на Испанію и Францію: «Czaarische Ministri haben mir... zum oftern zu verstehen gegeben, dass die mit Ew. Ks. Mt. intendirende deffensive-Alliantz wegen Frankreichs und Spaniens der grossen Entlegeniheit halber und wegen der von Czaar zu haltenden Neutralität nicht auf diese Potenzen extendiret werden konte» (его реляц. 20 апр. 1722 г.). Вообще, въ рескриптахъ Ланчинскому, въ реляціяхъ Кинскаго и протоколахъ конференцій съ нимъ русскихъ министровъ зачастую упоминается о желаніи русскаго правительства вступить въ союзъ съ императоромъ. Сопоставляя, однако, тотъ тонъ, какимъ говорило объ этомъ русское правительство, съ тѣмъ, какъ говорили въ это время съ Кампредономъ, мы должны признать въ данномъ случаѣ въ русскихъ оффиціальныхъ рѣчахъ значительную долю дипломатическаго преувеличенія: будущее соглашеніе съ императоромъ врядъ имѣло въ глазахъ русскаго правительства такое принципіальное и рѣшающее значеніе, какое оно придавало своему предполагаемому союзу съ Франціей.

[2]) Протоколъ конференціи, происходившей при участіи пр. Евгенія Савойскаго, Траутсона, Синцендорфа, Штаренберга, Виндишгреца и Шенборна отъ 23 мая 1722 г.—Вѣна R. 12b 1725.

[3]) Ibid. См. также Бантышъ-Каменскій. Обзоръ... I, 51.

занія. Австрія, не понимая цѣли русскихъ военныхъ и морскихъ приготовленій въ 1722 и 1723 годахъ, безпокоилась за цѣлость и судьбу сѣверныхъ областей имперіи, недовѣрчиво относилась къ тому, какъ складывались на Востокѣ отношенія Россіи и Франціи, заподазривая причастность къ этимъ отношеніямъ своего эмигранта Рокочи, и приняла довольно сдержанно извѣстіе о подготовкѣ союза между Россіей и Швеціей [1]). На Востокѣ русско-австрійскія отношенія до конца петровскаго царствованія сохранили сдержанно-холодный характеръ. Иначе было на сѣверѣ. Осенью 1723 года вопросъ объ остендской компаніи сдѣлался камнемъ преткновенія въ дѣлѣ соглашенія императора съ Англіей, Франціей и Голландіей. Еще въ февралѣ этого года ганноверскій дворъ, недовольный неполученіемъ инвеституры на Бременъ и Верденъ, допустилъ, въ лицѣ своего представителя въ Регенсбургѣ, Фридберга, рѣзкія выходки по адресу вице-консула Шенборна и самого императора въ одномъ изъ своихъ проектовъ, касавшихся положенія протестантовъ въ имперіи. Въ Вѣнѣ начала укрѣпляться мысль о сепаратномъ соглашеніи съ Испаніей, въ противовѣсъ тремъ названнымъ державамъ, и папскій статсъ-секретарь Спинола, слѣдуя, очевидно, указаніямъ изъ Вѣны, началъ зондировать въ этомъ направленіи испанское правительство [2]). Для Россіи, постепенно переходившей въ своей сѣверной политикѣ къ все болѣе и болѣе аггрессивному образу дѣйствія, наступалъ благопріятный моментъ, чтобы занять соотвѣтствующую своимъ интересамъ позицію въ Мекленбургѣ.

„Мекленбургскій вопросъ" былъ въ данное время больнымъ мѣстомъ внутренней германской политики. Герцогъ Карлъ-Леопольдъ Мекленбургскій еще во время Сѣверной войны, стремясь къ установленію автократическаго режима въ своей странѣ, вступилъ въ борьбу съ мекленбургскимъ дворянствомъ и старался лишить его ряда феодальныхъ привилегій. Поддержку своимъ стремленіямъ онъ думалъ найти въ Петрѣ Великомъ, старавшемся въ свою очередь въ то время привлечь на свою сторону герцога по соображеніямъ стратегическаго характера. На почвѣ такихъ взаимныхъ стремленій состоялся въ 1716 г. бракъ герцога съ племянницею царя Екатериною Іоанновною. Сближеніе русскаго государя съ герцогомъ мекленбургскимъ начало, однако, возбуждать въ Германіи и другихъ Европейскихъ державахъ тревогу.

Въ борьбѣ съ своимъ дворянствомъ герцогъ допустилъ нарушеніе нѣкоторыхъ имперскихъ конституцій, вслѣдствіе чего вопросъ

---

[1]) Реляц. Ланчинскаго 30 сент. 1723 г.

[2]) Реляц. Ланчинскаго 24 февр. и 13 марта 1723 г.

получилъ общегосударственное значеніе. Чтобы вступить въ бракъ съ племянницею царя, онъ развелся съ своею первою женою, племянницею германскаго императора, чѣмъ лично задѣлъ послѣдняго. По жалобѣ мекленбургскаго дворянства и за нарушеніе имперской конституціи надъ владѣніями герцога была назначена военная экзекуція, порученная курфюрсту ганноверскому королю Георгу, давно уже съ недоброжелательствомъ и опасеніемъ смотрѣвшему на ту позицію, которую старался занять русскій царь въ Сѣверной Германіи. Въ 1719 г. Мекленбургъ былъ занятъ ганноверскими войсками, и остававшійся тамъ еще русскій отрядъ долженъ былъ покинуть страну.

Это обострило отношенія между Россіей и Ганноверомъ, а нѣсколько позднѣе, съ того момента, когда между русскимъ царемъ и англійскимъ королемъ наступилъ открытый дипломатическій разрывъ, заступничество за герцога мекленбургскаго при императорскомъ дворѣ сдѣлалось орудіемъ въ рукахъ Петра Великаго противъ короля Георга, которое онъ пускалъ въ ходъ каждый разъ, какъ только между Вѣною и Ганноверомъ замѣчалась охлажденіе.

Къ описываемому нами времени германскій императоръ назначилъ по мекленбургскому дѣлу особую коммисію, въ которую вошелъ и курфюрстъ ганноверскій. По мѣрѣ того, однако, какъ обострялись отношенія между Англіей и Австріей, императоръ, вынужденный на подобное соглашеніе въ силу имперской конституціи и вовсе не расположенный къ герцогу мекленбургскому, начиналъ съ тревогою смотрѣть и на вмѣшательство въ мекленбургскія отношенія своего другого вассала, также не отличавшагося покорностью. Таково было положеніе „мекленбургскаго вопроса" къ тому моменту, когда онъ снова былъ выдвинутъ на очередь русскою дипломатіею.

Мекленбургское дворянство безусловно имѣло много вѣскихъ поводовъ быть недовольнымъ своимъ сюзереномъ и обращаться съ жалобою на него къ императору; несовсѣмъ неправо было, однако, и правительство герцога Карла-Леопольда, указывая на „парціальность" въ данномъ случаѣ имперской коммиссіи, въ составъ которой входили и вассалы герцога (т. е. одна изъ тяжущихся сторонъ), каковымъ былъ напримѣръ министръ курфюрста Георга, гр. Бернсдорфъ [1]). Тотчасъ же послѣ назначенія комиссіи герцогское правительство начало, поэтому, всюду искать представительства и заступничества передъ императоромъ: обращалось съ просьбой о медіаціи къ генеральнымъ штатамъ Голландіи, прислушивалось къ по-

[1]) Меморіалъ, поданный русскому правительству мекленбургскимъ посланникомъ въ Россіи Иваномъ Остерманомъ 20 авг. 1721 г. — Дѣла Мекленбургскія 1721 г. № 3.

добнымъ предложеніямъ, шедшимъ изъ Саксоніи, не прочь было отъ вмѣшательства даже Англіи, но больше всего возлагало надежду на Россію [1]). Надежда не обманула. Добиваться пересмотра мекленбургскаго дѣла, назначенія новой комиссіи въ иномъ составѣ, а въ связи съ этимъ и вывода изъ Мекленбурга ганноверскихъ войскъ было для Россіи однимъ изъ способовъ борьбы съ англо-ганноверскою дипломатіей. Воспользовавшись въ свое время Мекленбургомъ какъ опорною базою для военныхъ дѣйствій въ Сѣверной Германіи, Петръ Великій и теперь отнесся благосклонно къ просьбѣ герцога о заступничествѣ за него передъ императоромъ и поддержаніи его интересовъ предъ другими европейскими державами [2]).

Мекленбургскій вопросъ повсюду при всякомъ удобномъ случаѣ начинаетъ затрагиваться русскою дипломатіею. Мы уже знаемъ, какъ ставился этотъ вопросъ во время переговоровъ съ Франціей; противопоставляя прусскіе интересы вмѣшательству въ Мекленбургское дѣло Ганновера, ничего не имѣли, повидимому, противъ того, чтобы имъ заинтересовалась болѣе расположенная къ Россіи Пруссія [3]); но въ особенности мекленбургскій вопросъ выдвигался во время переговоровъ съ Австріей. Еще Шафировъ послѣ Ништадтскаго мира указываетъ на этотъ вопросъ какъ на такой, который могъ бы составить предметъ обсужденія на Брауншвейгскомъ конгрессѣ; позднѣе, въ переговорахъ съ Кинскимъ, удовлетвореніе герцога ставилось, какъ одно изъ условій соглашенія Россіи съ Австріей. Затрагивая мекленбургскій вопросъ, русское правительство

[1]) Реляц. Бона 5, 15 и 29 ноября 1723 г. — Дѣла Мекленбургскія 1723 № 6.

[2]) Быть можетъ и теперь соображенія стратегическаго характера отчасти опредѣляли собою образъ дѣйствія Петра Великаго Такъ склоненъ былъ объяснять въ то время русскую политику данцигскій корреспондентъ австрійскаго представителя при польскомъ дворѣ Мартельса: „S. M. Cz-ne veut avoir outre Roi de Prusse (qui est déjà tout dans ses interêts) deux autres Princes de l'Empire à son entiere disposition pour y attirer d'autres. Car ayant les ducs de Holstein et de Mecklenbourg sous sa tutela il s'assure de domaine de toute la cote depuis Reval jusqu'au delà de Lubeck et dans le voisinage de Hambourg" (экстрактъ письма изъ Данцига отъ 3 (янв.?) 1722 г. при реляц. Мартельса отъ 10 янв. 1722 г.—Вѣна R. 12a 1722).

[3]) Въ разговорѣ съ прусскими министрами о возможности примиренія Россіи съ Англіей, гр. Алекс. Головкинъ всячески старался подчеркнуть, насколько невыгодно было бы для Пруссіи утвержденіе въ Мекленбургѣ Ганновера—его реляц. 30 дек. 1723 г. Мысль прусскаго правительства о необходимости поручить выполненіе императорскихъ мандатовъ по мекленбургскому дѣлу королю прусскому, какъ директору нижнесаксонскаго округа, также, повидимому, не встрѣчала противорѣчія съ русской стороны.— Протоколъ конференціи Мардефельда съ русскими министрами 21 сент. 1721 г.

всегда предъявляло вполнѣ опредѣленное требованіе: только измѣненіе въ составѣ коммиссіи и выводъ изъ Мекленбурга экзекуціонныхъ войскъ, или, по крайней мѣрѣ, аналогичное измѣненіе ихъ состава считало оно единственно правильнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса [1]). Настроеніе въ Вѣнѣ въ этомъ отношеніи было на первыхъ порахъ крайне неблагопріятно. Герцогъ сумѣлъ возстановить противъ себя всѣхъ. Въ такомъ духѣ высказывались въ разговорахъ съ Ланчинскимъ и относившійся болѣе сдержанно къ сближенію съ Россіей вліятельный при дворѣ принцъ Евгеній Савойскій, и сторонникъ подобнаго сближенія, вице-канцлеръ Шенборнъ [2]). Будучи недовольны герцогомъ и избѣгая всего, что могло бы дать поводъ къ вмѣшательству Россіи въ сѣверо-германскія отношенія, въ Вѣнѣ очень скоро, однако, начинаютъ относиться съ недовѣріемъ и къ черезъ-чуръ рѣшительному и самостоятельному образу дѣйствія въ Мекленбургѣ Ганновера. Опасеніи подобнаго рода растутъ по мѣрѣ того, какъ растетъ охлажденіе между Австріей и Англіей. Не отвѣчая прямымъ отказомъ на русскія представленія о герцогѣ, вѣнскій дворъ ставитъ своимъ conditio sine qua non выраженіе со стороны послѣдняго полной „париціи“ цесарю [3]). Россія съ своей стороны давно уже старалась внушить герцогу мысль о необходимости подобнаго шага.

Вмѣшавшись въ мекленбургское дѣло прежде всего ради своихъ собственныхъ интересовъ и меньше всего во имя отвлеченной мысли о помощи герцогу, Петръ Великій всегда оставался, въ данномъ случаѣ, на разъ усвоенной точкѣ зрѣнія. Стараясь всѣми силами выжить ганноверцевъ изъ Мекленбурга, онъ въ то же время не хочетъ упустить этого дѣла изъ своихъ собственныхъ рукъ. Онъ противъ окончанія мекленбургскаго дѣла помимо русскаго посредничества. Отсюда та разница въ тонѣ, какимъ русское правительство и дипломатія говорятъ объ этомъ дѣлѣ въ Вѣнѣ и самомъ Мекленбургѣ; въ Вѣнѣ—настойчивыя требованія о пересмотрѣ дѣла и по возможности полномъ отстраненіи отъ него курфюрста Георга: въ

[1]) Грамоты Петра Великаго къ германскому императору отъ 14 авг. и 15 октяб. 1721 г. Дѣла Австрійскія 1721 г. № 1.

[2]) Выписка изъ реляцій Ланчинскаго—въ Дѣлахъ Мекленбургскихъ 1721 г. № 6.

[3]) „...Всеподданнѣйше прибавить долженствую, что весьма равно какъ съ одной стороны здѣшняго двора желаніе ганноверцевъ изъ Мекленбургіи вывесть и склонность Его Свѣтлости герцогу вспоможеніе учинить (если бы парицію обыкновеннымъ засвидѣтельствовать и потомъ оную исполнить изволилъ), такъ съ другой стороны боязнь угрожаемыхъ крайностей усматриваю“.—Реляц. Ланчинскаго 27 дек. 1723.

Мекленбургѣ, ради успѣха тѣхъ же требованій—постоянные совѣты герцогу быть умѣреннымъ и покорнымъ. Эти совѣты красною нитью проходятъ черезъ всѣ переговоры царя съ герцогомъ: герцогъ долженъ безпрекословно подчиниться императорской конституціи; только тогда онъ самъ можетъ жаловаться на незаконный образъ дѣйствія коммиссіи и настаивать на снятіи военной экзекуціи. Только при такихъ условіяхъ Россія соглашалась поддержать герцога, ограничиваясь, однако лишь „добрыми офиціями“ и заранѣе отклоняя вопросъ о какой бы то ни было вооруженной помощи. Къ этому и сводились всѣ русско-мекленбургскіе переговоры 1722 и 1723 гг., выразившіеся въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ посольствъ къ герцогу, которыя и заканчиваются посылкою лѣтомъ 1723 года въ Мекленбургъ генералъ-лейтенанта Бона [1]). Эта послѣдняя миссія привела къ нѣкоторымъ результатамъ. Въ августѣ 1723 года русское правительство передало императору черезъ Ланчинскаго первую „париціальную“ грамоту герцога [2]). Мотивируя тѣмъ, что герцогъ выполнилъ этимъ всѣ предъявленныя ему требованія, оно съ новою силою начинаетъ теперь настаивать на своихъ дальнѣйшихъ требованіяхъ, на выводѣ изъ Мекленбурга ганноверскихъ войскъ, и всѣми силами торопитъ съ этимъ вѣнскія канцеляріи. Только сопоставляя эти требованія съ тѣмъ, какъ складывались къ данному моменту отношенія къ Франціи, какой оборотъ принимали переговоры со Швеціей и какъ все настойчивѣе и настойчивѣе дѣлалась къ этому времени въ своихъ требованіяхъ русская дипломатія и въ Копенгагенѣ, мы получимъ ихъ настоящую оцѣнку и отведемъ имъ надлежащее мѣсто въ общей картинѣ европейской политики Петра Великаго въ исходѣ 1723 года. Здѣсь расчищалось новое поле для наступательнаго дѣйствія, конечною цѣлью котораго была все та же задача, формулированная уже въ свое время Алексѣемъ Бестужевымъ и Остерманомъ, но разрѣшаемая теперь болѣе сложными средствами.

---

[1]) Рескр. Ланчинскому 25 авг. 1723 г. О посольствахъ къ герцогу Мекленбургскому въ 1721—1723 г.г. гвардіи маіора Сем. Солтыкова, гр. Ал. Головкина, кап. Ив. Бибикова и г.-л. Бона—Бантышъ-Каменскій. Обзоръ... II, 113—115. Къ концу 1723 г. русско-мекленбургскія отношенія вообще принимаютъ болѣе оживленный характеръ. Это не ускользало и отъ вниманія иностранныхъ пословъ въ Петербургѣ, ставившихъ это въ связь съ общимъ положеніемъ дѣлъ на Балтійскомъ морѣ. Такъ Гохгольцеръ, отмѣчая крайнюю поспѣшность, съ какою была предпринята посылка Бона, сопоставляетъ эту посылку съ выходомъ въ открытое море русскаго флота. — Его реляц. 12 іюля 1723 г. (Вѣна R. 12a 1723).

[2]) Рескр. ему же 26 сент. 1723 г.

Строить какіе-либо широкіе планы исключительно на такомъ неустойчивомъ базисѣ, какъ случайное примирительное настроеніе капризнаго герцога Карла-Леопольда, было, однако, очевидно, невозможно. Пользуясь взаимнымъ охлажденіемъ Англіи и Австріи, съ одной стороны, и тѣмъ направленіемъ въ шведской политикѣ, какое къ этому времени возобладало въ Стокгольмѣ, съ другой, предстояло глубже втянуть Австрію во вновь устанавливающуюся систему отношеній на Сѣверѣ. Привлечь Австрію ко вновь заключаемому русско-шведскому союзному договору во всемъ его объемѣ, вотъ что должно было стать теперь слѣдующею очередною задачею русской политики. То отношеніе, какое неоднократно до этого времени проявлялъ вѣнскій дворъ къ голштинскому вопросу, позволяло, повидимому, также разсчитывать въ данномъ случаѣ на благопріятные результаты.

М. Поліевктовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Церковные налоги и способы взиманія ихъ въ началѣ XVIII столѣтія.

Стоглавый соборъ царя Ивана Васильевича Грознаго въ одномъ изъ „постановленій“ своихъ, отмѣтивъ запустѣніе многихъ церквей того времени, усмотрѣлъ причину этого явленія въ тяжеломъ и ненормальномъ обложеніи церквей поборами. Такъ было въ началѣ второй половины XVI столѣтія.

Къ началу же XVIII столѣтія, идя выше и выше по системѣ обложенія, налоги эти достигли уже чудовищныхъ и даже прямо нелѣпыхъ предѣловъ. Куда только и на что только не платило податей тогдашнее духовенство!

Почти всѣ дѣла по епархіи велись тогда свѣтскими чиновниками архіерейскаго дома,—его боярами, тіунами и десятильниками и на содержаніе ихъ сбиралась съ церквей дань. Отсюда возникли сборы: тіунскіе, намѣстничьи и десятильные. Деньги, собранныя съ церквей своей десятины, десятильники и старосты поповскіе должны были отправлять къ мѣсту своего назначенія и вотъ новый налогъ: „заѣзда гривна“ и болѣе.

Затѣмъ слѣдовали налоги съ памятей повѣнечныхъ, новоявленныхъ; при поступленіи на мѣсто, перехожихъ, при смѣнѣ мѣста, съ патрахельныхъ и постихарныхъ; съ грамотъ: архимандричихъ, игуменскихъ и протопопскихъ, съ разныхъ наказовъ и приказовъ. Но и это не все. Это—спеціальные налоги на содержаніе духовнаго вѣдомства и его инстанцій, а за ними идутъ новые и болѣе тяжелые налоги на вѣдомство, ничего общаго съ духовнымъ вѣдомствомъ не имѣвшее.

Для иллюстраціи высказаннаго положенія изъ патріаршихъ окладныхъ книгъ приводимъ слѣдующее мѣсто [1]): „съ церкви Пре-

---

[1]) Матеріалы къ исторіи Владимірской епархіи. „Владим. епарх. Вѣдомости“ за 1893 г., стран. 130.

ображенія Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа на погостѣ на купалищахъ“ недоимки по 1716 годъ значится „четыре рубля восемнадцать алтынъ: въ томъ числѣ:

„Въ военной полуполтинничихъ 8 алт. 2 деньги,
Въ адмиралтейской на починку кораблей по 4 алт. 2 д.,
Въ ямской—ямскихъ и полоняничныхъ по 3 алт. 2 д.,
Въ тотъ же приказъ на наемъ на дворъ по 2 алт.,
Въ земской на дачу рекрутомъ по 2 алт.,
Въ монастырской на жалованіе драгуномъ по 11 алт.,
На кормъ драгунскимъ лошадямъ и на подъемъ каменьщикомъ и кирпичникомъ по 3 алт. 2 д.,
На платежъ за пустые двора, которые собираемы въ Александрову слободу по 5 д.,
Въ С.-Петербургъ на извѣстное жженіе по полу 8 д.,
На дѣло кирпича и на покупку къ городовымъ дѣламъ припасовъ по 2 алт. 2 д.,
Въ Ревель на содержаніе морского флота: за провіантъ, за сухари, за крупы ячныя, за горохъ, за масло коровье, за мясо свиное, за сало свиное соленое, за вино по 17 алт.,
На покупку въ Ригу и Выборгскій горнизонъ провіанта по 19 алт. со двора.“

По нашему времени эти „алтынные и денежные“ налоги, конечно, не очень велики, но на тогдашнее духовенство и церкви, при ихъ крайней необезпеченности, они ложились тяжелымъ и подъ часъ прямо таки непосильнымъ бременемъ. Дѣло еще осложнялось тѣмъ, что духовенству приходилось платить дань не за себя только: со своихъ дворовъ, угодій пахотныхъ, лѣсныхъ и сѣнокосныхъ, но и съ крестьянскихъ домовъ въ приходѣ, бобыльскихъ, вотчинниковыхъ и даже „съ просвирницина двора“. Причтъ долженъ былъ сначала собрать эту дань со своихъ „разношерстныхъ“ прихожанъ, а потомъ уже отправить ее въ десятинный приказъ. Неуплата сборовъ или несвоевременная доставка ихъ въ десятину часто имѣли своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ для данниковъ „тіунское или иное нашествіе“. Десятинный приказъ посылалъ въ такихъ случаяхъ своихъ приставовъ выбивать дань на мѣстѣ, облекая ихъ большими полномочіями, а это послѣднее часто давало посланцамъ въ ихъ родѣ дѣятельности самый широкій просторъ разнаго рода злоупотребленіямъ и притѣсненіямъ данниковъ. Впрочемъ, данники не всегда были безотвѣтны. Безвыходность положенія ихъ въ такихъ случаяхъ часто разрѣшалась тѣмъ, что и въ тогдашнее темное время дикаго

произвола и насилія считалось нелегальнымъ средствомъ самозащиты или самообороны.

Дѣло обстояло такъ. „Володимерской десятины церкви Архистратига Михаила села Калитѣева попъ Федоръ (въ 1719 году не заплатилъ дани) заѣзда и казенныхъ пошлинъ и десятильнича доходу по окладу, да на покупку драгунскихъ лошадей съ приходскихъ его 29 дворовъ по десять денегъ со двора и въ нынѣшнемъ 1719 году въ разныхъ мѣсяцѣхъ и числахъ посыланы въ то село Калитѣево для высылки попа Федора во Владиміръ съ платежомъ оныхъ денегъ Володимірскаго десятильнича двора приставы съ наказными паметьми трижды“ [1]).

Въ „доѣзжихъ памятяхъ“ перваго пристава Андрея Герасимова по этому поводу написано слѣдующее:

> Пріѣхалъ-де онъ приставъ въ то село Калитѣево для высылки того попа Федора въ Володиміръ съ платежомъ денегъ и его-де попа дома не изъѣхалъ и изъ того-де села пришелъ онъ въ село Стопино въ домъ къ попу Ивану, а онъ-де попъ Федоръ въ домѣ у него попа Ивана и онъ-де приставъ сталъ его попа Федора высылать въ Володиміръ и оный-де попъ Федоръ бранилъ его пристава всячески и билъ и называлъ воромъ и Володимірскаго десятильнича двора подьячихъ бранилъ оной попъ Федоръ всякой скаредной бранью и называлъ ворами при „свидѣтеляхъ: того села Стопина при попѣ Иванѣ, да села Ельтесунова при попѣ Василіѣ Матвѣевѣ и впрежде похвалялся ихъ приставовъ бить до смерти и къ высыльной росписи руки не приложилъ“.

Десятильная полицiя на сей разъ отъѣхала изъ Калитѣева ни съ чѣмъ.

То же почти пришлось писать и второму приставу Ѳомѣ Максимову въ своемъ „доѣздѣ“ на имя Десятины.

> „Пріѣхалъ-де онъ Ѳома въ то село Калитѣево и онъде попъ Ѳеодоръ, не выслушавъ наказной памяти, идучи въ церковь обѣдни служить, метался на него пристава бить и того села у крестьянина отималъ топоръ и хотѣлъ топоромъ срубить и велѣлъ крестьяномъ запереть въ житницу и говорилъ-де такія слова, отслужа обѣдни: „жива его не пущу“ и крестьяне-де его въ житницу не посадили и изъ села отпустили“.

[1]) Дѣло о попѣ Федорѣ взято изъ матеріаловъ къ исторіи Владим. епархіи. «Владим. епарх. Вѣдомости» за 1894 г., стр. 275, 276, 277.

Неистовый служитель алтаря доведенъ былъ, видно, приставами „до каленія“! Но и власть десятинная не дремала, — она рѣшила прибѣгнуть къ другимъ и болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ. Постановлено послать въ Калитѣево цѣлую миссію съ новыми уполномочіями, въ составъ коей вошли уже не одинъ, а два пристава: „того же десятильнича двора приставы: Андрей Сорокинъ, Ѳедоръ Ивановъ, да (на подмогу къ нимъ) градской Георгіевской дьячекъ Иванъ Ивановъ, церкви Срѣтенія Господня бобыли Андрей Прокопьевъ, Василій Игнатьевъ“. Имъ велѣно было: сторонними людьми взять его попа Ѳедора и привести во Владиміръ“. Сознавая важность и отвѣтственность возложеннаго на нихъ порученіи „оные приставы, не доѣзжая села Калитѣева, имали съ собою для свидѣтельства въ понятые села Павловскаго Воздвиженскаго попа Леонтія Михѣева, да села Кишлеева дьячка Аѳанасія Яковлева“ и съ такимъ подкрѣпленіемъ прибыли на мѣсто дѣйствій.

Но и такое „чрезвычайное“ посольство не произвело на Калитѣевскаго попа должнаго впечатлѣнія. Слишкомъ ужъ взвинчены были нервы его двумя первыми визитами властей! — Двое изъ посланниковъ, особенно назойливые: приставъ Ѳедоръ Ивановъ, да Георгіевскій дьячекъ Иванъ Ивановъ сами попали „за приставы“,— были заперты въ церкви собравшимися на зовъ пастыря калитѣевскими мужиками, а остальныхъ изъ свиты посольской „онъ попъ Ѳедоръ со крестьяны выбили изъ села дубьемъ“.

Такое издѣвательство надъ приставами, конечно, не прошло ему даромъ. Владимірскаго Рождествина монастыря архимандритъ Гедеонъ о таковыхъ безчинствахъ попа, да „чтобы и инымъ смотря на него такъ дѣлать было неповадно“, сдѣлалъ отписку великому государю патріарху, а тотъ повелѣлъ приставамъ десятиннаго двора „за карауломъ привести попа къ Москвѣ“.

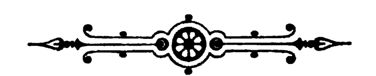
Приводить въ исполненіе приказъ патріарха не пришлось. 26 января 1720 года попъ Ѳедоръ самъ прибылъ въ Москву по своимъ дѣламъ. Съ дворовымъ человѣкомъ своего помѣщика князя Шаховскаго онъ отправился въ гостинный дворъ „купить ладану и свѣчь и вина церковнаго и сошлися съ нимъ близъ Никольскихъ воротъ казеннаго приказу капралъ съ солдаты человѣкъ съ десять пьяные“, и они схватили попа Ѳедора, „свели его въ хлѣбню и, ругаяся, посадили на большую цѣпь“, а потомъ, „снявъ цѣпь, замкнули въ чуланъ“, гдѣ онъ просидѣлъ до тѣхъ поръ, пока не былъ снятъ съ него допросъ въ патріаршемъ казенномъ приказѣ.

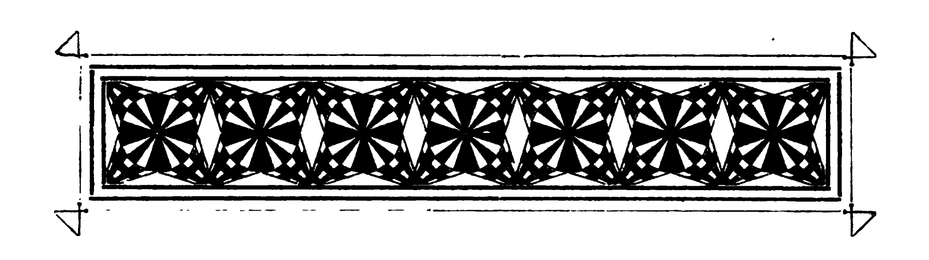
Дѣло затянулось бы надолго, если бы въ тотъ же приказъ на имя в. г. патріарха скоро не поступила челобитная вотчиника „того села Калитѣева князя Андрея Аѳанасьева Шаховскаго“.

„Вышеупомянутаго моего села церковь Божія стоитъ безъ пѣнія, а роженицы лежатъ безъ молитвъ, прошу, вели, государь, онаго попа Ѳедора для вышеупомянутыхъ церковныхъ нуждъ свободить, потому, государь, что доимки на немъ никакой нѣтъ, данныя и драгунскія деньги по прошлый 1719 годъ плачены у него попа Ѳедора въ Володимірѣ, а прошлой 1719 годъ плачены въ Москвѣ въ казенномъ приказѣ потому, что въ Володимірѣ оному попу въ платежахъ отъ подъячихъ десятильнича двора чинятся убытки немалые, а отъ присыльныхъ оныхъ разореніе и наносныя слова напрасно".

Спасибо доброму боярину князю Андрею Аѳанасьевичу Шаховскому, пролившему свѣтъ на обстоятельства дѣла, не то плохо бы пришлось за „дубье и топоръ" злополучному попу Ѳедору!

Сообщ. **Иванъ Гиляревскій.**

Записки В. А. Иксарскаго.

Неожиданное назначеніе меня московскимъ почтдиректоромъ.—Моя московская жизнь.—Роскошь казенной квартиры—Сравненіе Москвы съ Петербургомъ.—Жалкое состояніе „Большого" московскаго театра и блестящее положеніе «Малаго».—Кончина и погребеніе графа Толстого.—Посѣщеніе государемъ, наслѣдникомъ и его супругою Москвы.—Дорогой павильонъ, устроенный московскимъ купечествомъ.—Мой праздникъ.—Заключеніе.

(Окончаніе).

IV [1]).

Я упоминалъ уже, и кажется не разъ, о той милой Подмосковной, въ которой я съ семействомъ обыкновенно проводилъ лѣтнее время, когда только было можно. Возможность эта, съ зачисленіемъ меня въ безполезные и бездѣятельные члены Почтоваго Совѣта, получила самые широкіе размѣры. По принятому обыкновенію и подобно моимъ достопочтеннымъ товарищамъ, я весною скрывался изъ Петербурга и появлялся тамъ осенью. Испрашиванія отпусковъ и другихъ формальностей не существовало. Достаточно было одного заявленія директору департамента Лаубе: „я, молъ, уѣзжаю!" Такъ было и съ наступленіемъ весны 1866 года. При этомъ погруженіи въ сельскую жизнь, особою заботою моею было правильное и безостановочное доставленіе ко мнѣ писемъ, газетъ и журналовъ, для чего рузскій почтмейстеръ, такъ какъ наша Подмосковная была въ Рузскомъ уѣздѣ, нашпиговывался подробными инструкціями, которыя и исполнялись имъ самымъ отчетливымъ образомъ. Въ извѣстные дни и часы постоянно и непремѣнно присылалась ко мнѣ изъ Рузы эстафета и доставляла мнѣ письма и журналы.

[1]) См. „Русская Старина" 1907 г., мартъ.

Переселившись въ Подмосковную и предавшись прелестямъ деревенской жизни, я совершенно забылъ и Петербургъ, и мизерные интересы того служебнаго міра, къ которому принадлежалъ. Въ одинъ прекрасный іюльскій день, съ утра я отправился въ лѣсъ, вмѣстѣ съ дѣтьми. Дѣти запаслись корзинами для грибовъ, а я набилъ карманы газетами. Когда корзины были наполнены грибами, а газеты прочитаны, мы предприняли обратное путешествіе. Приближаясь къ дому, мы еще издали замѣтили привязанную къ дереву осѣдланную лошадь, что̀ и свидѣтельствовало, что изъ Рузы прислана эстафета съ письмами и газетами. Дѣйствительно, войдя въ свою комнату, я нашелъ на столѣ обычный пакетъ. Равнодушно вскрывъ его, я увидѣлъ, что на кучѣ газетъ лежало письмо Лаубе. Письмо это было слѣдующаго содержанія:

„Съ сердечнымъ утѣшеніемъ поспѣшаю порадовать Васъ, искренне уважаемый Василій Антоновичъ, извѣстіемъ о призваніи Васъ вновь на дѣйствительную и вмѣстѣ съ тѣмъ почетную службу.

„Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 27 іюня, Вы назначены московскимъ почтдиректоромъ.

„Въ этомъ назначеніи Вы увидите новое доказательство довѣрія къ Вамъ Государя и расположенія графа Ивана Матвѣевича. Въ какой же мѣрѣ я счастливъ, что могу быть проводникомъ такой доброй вѣсти, считаю излишнимъ говорить.

„Кромѣ почета, Вы выигрываете и въ матеріальномъ отношеніи. Вамъ сохраненъ Вашъ окладъ содержанія, а въ придачу Вы будете пользоваться отличною казенною квартирою.

„Передайте мое искреннѣйшее поздравленіе Нинѣ Петровнѣ и пріѣзжайте поскорѣе сюда. Горю желаніемъ дружески обнять Васъ“. 29 іюля 1866.

Пробѣжавъ это письмо, я какъ-то невольно и прежде всего вспомнилъ Гоголевскаго „Ревизора“, гдѣ Хлестаковъ разсказываетъ, какъ однажды прискакалъ къ нему курьеръ и требовалъ, чтобъ онъ шелъ тотчасъ управлять какимъ-то министерствомъ. Въ моемъ назначеніи было что-то сходное. Я не только не ожидалъ этого назначенія, но даже не зналъ, что прежній почтдиректоръ, старикъ Кожуховъ, умеръ. Самое письмо Лаубе показываетъ, что я никогда и не думалъ искать этого мѣста. Я любилъ Петербургъ и ненавидѣлъ Москву. Согласно мудрому предвидѣнію мудраго князя Александра Ивановича я успѣлъ уже „облѣниться“. Я полюбилъ уже свою свободу и независимость и не промѣнялъ бы ихъ ни на какое назначеніе, связанное съ какими бы то ни было обязательствами. Когда мнѣ постоянно предрекали мѣсто директора почтоваго депар-

тамента и С.-Петербургскаго почтдиректора, я громогласно и на всѣхъ перекресткахъ кричалъ, что ни за что не измѣню своего положенія, что бы мнѣ ни предрекали и ни предлагали. Мои милые начальники, повидимому, хорошо знали мои убѣжденія по этой части и въ справедливомъ предвидѣніи, что я откажусь отъ всякихъ предложеній, назначили меня въ Москву, безъ всякихъ предварительныхъ со мною объясненій. Меня удивляло также, что скромные, деликатные, вѣжливые, они поступили въ этомъ отношеніи по системѣ рѣшительнаго Барятинскаго. Тому бывало предложишь: „не лучше ли спросить предварительно Петербургъ?“—„Это зачѣмъ?“ —скажетъ онъ „не нужно! Еще начнутъ тамъ разсуждать. Прежде сдѣлаемъ, а потомъ уже увѣдомимъ!“ Такъ именно поступили и мои почтовые начальники. Прежде сдѣлали, а потомъ увѣдомили, какъ будто знали, что я буду сильно разсуждать и что результатъ моихъ разсужденій будетъ совершенно неблагопріятенъ ихъ видамъ. Этого мало, они какъ будто побаивались, что и послѣ назначенія я буду бунтовать. Это заключеніе ясно истекаетъ изъ видимаго стремленія Лаубе развить и представить мнѣ въ наиболѣе увлекательномъ видѣ прелести новаго моего положенія.

Буквально ошеломленный этимъ неожиданнымъ назначеніемъ, я на первыхъ порахъ погрузился въ туманъ какихъ-то неясныхъ недоумѣній и соображеній. Впечатлѣніе было похоже на впечатлѣніе человѣка, глубоко спавшаго и внезапно разбуженнаго. Въ отношеніи служебномъ и политическомъ я дѣйствительно погруженъ былъ въ глубокой сонъ и былъ убѣжденъ, что ужъ меня и не разбудятъ. Я ласкалъ себя надеждами изъ этого пріятнаго сна тихо и спокойно перейти въ другой, болѣе глубокій, безпробудный сонъ и благодарилъ Бога, что Онъ далъ мнѣ возможность такъ хорошо и безмятежно провести остатокъ дней моихъ. И вдругъ новое назначеніе, вызывающее меня на большую сцену, назначеніе, требующее энергіи, труда, хотя небольшого и неголоволомнаго, требующее способностей, нужныхъ для олицетворенія въ себѣ начальника „столь же мудраго, сколько справедливаго“. Эти соображенія, особенно среди зелени, при іюльскомъ солнцѣ, въ виду рѣки, протекающей въ двухъ шагахъ, имѣли въ себѣ что-то томящее и мало пріятное. Къ великому счастью, по свойству моей великороссійской натуры, соображенія эти не могли быть продолжительны; они только пролетали какъ-то въ моей головѣ, подобно маленькимъ птичкамъ, которыя безпрерывно рѣяли надъ моей головой. Соображенія эти быстро падали, какъ говорятъ дипломаты, „предъ совершившимся фактомъ“. Я видѣлъ, что отказываться отъ состоявшагося уже назначенія—значило бы итти на величайшій скандалъ. Я понималъ, что въ виду Высочайшаго пове-

лѣнія всякія разсужденія безполезны. Я сознавалъ, что надо плыть по теченію и отправляться немедленно въ Петербургъ.

Само собою разумѣется, что, по прибытіи въ Петербургъ, я спѣшилъ видѣться, прежде всего, съ Лаубе и разузнать подробно: какимъ образомъ совершилась вся эта продѣлка со мной? Изъ его объясненій оказалось, что тотчасъ по кончинѣ моего предмѣстника, старика Кожухова, графъ Иванъ Матвѣевичъ буквально заваленъ былъ безчисленными просьбами разныхъ лицъ, доказывавшихъ всю пользу и справедливость предоставленія имъ этого мѣста. Тутъ были преимущественно старые, заслуженные генералы; были даже сенаторы. Одни лѣзли прямо и непосредственно къ графу; другіе находили окольные пути, особенно чрезъ членовъ Императорской фамиліи. Одинъ нашелъ поддержку въ самой императрицѣ, которая и рекомендовала его графу. Императрица находилась въ это время внѣ Петербурга, кажется въ Ильинскомъ, и къ счастію или несчастію графъ не могъ лично сдѣлать доклада Ея Величеству вслѣдствіе этой рекомендаціи. Не имѣя также возможности и оставить ее безъ всякаго вниманія, графъ, вѣроятно по совѣту Лаубе, рѣшился обратиться къ самому государю съ вопросомъ: какъ онъ долженъ принять участіе императрицы: „въ видѣ ли приказанія или только желанія?“ Государь отвѣчалъ: „какъ простое желаніе!“

Тогда графъ, стѣсняемый напоромъ „жаждущихъ“, который, разростаясь постоянно, грозилъ увеличиться до страшныхъ размѣровъ, рѣшился повернуть круто дѣломъ. Къ чести его должно замѣтить, что какъ ни ограниченъ онъ былъ въ примѣненіи къ государственной дѣятельности, тѣмъ не менѣе онъ крѣпко держался нѣкоторыхъ хорошихъ принциповъ, конечно не имъ выработанныхъ. Такъ напр. онъ считалъ справедливымъ всѣ открывающіяся вакансіи въ почтовомъ вѣдомствѣ замѣщать своими и, какъ всѣ ограниченные люди, слѣдуя упорно разъ принятому правилу, нисколько не стѣснялся выраженнымъ императрицею участіемъ въ пользу лица посторонняго. Прилагая это правило, въ настоящемъ случаѣ, къ наличнымъ дѣятелямъ почтоваго міра, графъ не могъ затрудняться выборомъ. Дѣятели эти, какъ я говорилъ уже, были крайне плохи и какъ ни мало дѣлалъ я для почтоваго міра, все-таки сдѣлалъ кое-что, что сильно и рельефно отличало меня отъ моихъ почтовыхъ сотоварищей и сотрудниковъ. Не долго думая и чтобъ прекратить увеличивающійся наплывъ искателей, графъ, безъ сомнѣнія сильно поддерживаемый Лаубе, который такъ хорошо зналъ меня, сочинилъ, безъ всякихъ предварительныхъ сношеній со мною, докладъ государю, въ которомъ изъяснилъ, что ничего нельзя и представить лучшаго, какъ назначить московскимъ почтдиректоромъ именно меня. Извѣстно,

что и государь, утвердивъ этотъ докладъ, отозвался, что „это прекрасный выборъ!“

Графъ по обычаю жилъ въ Царскомъ Селѣ, въ одномъ изъ Китайскихъ домиковъ, гдѣ на лѣто обыкновенно располагаются ближайшіе царедворцы. Былъ прекрасный іюльскій день. Графъ вмѣстѣ съ женой и дѣтьми встрѣтили меня почти на самомъ подъѣздѣ. Было очевидно, что они собирались сдѣлать прогулку... Графъ былъ худъ и желтъ... Надобно замѣтить, что графъ вообще былъ представительнѣйшимъ изъ царедворцевъ. Хорошо сложенный, съ красивымъ аристократическимъ лицомъ, разумѣется съ прекрасными манерами, онъ былъ весьма эффектенъ, особенно, когда зальется въ золото своего оберъ-гофмейстерскаго мундира. Вѣроятно, за это собственно превосходство внѣшняго вида, завистники его при дворѣ и прозвали его „павлиномъ“. Въ то же время онъ постоянно казался совершенно здоровымъ человѣкомъ. Въ ту зиму, которая предшествовала моему отъѣзду въ деревню и всѣмъ разсказываемымъ здѣсь обстоятельствамъ, жена графа сильно болѣла. Говорили, что у ней чахотка и другія какія-то гадости, такъ что положеніе ея сильно озабочивало графа. Въ этотъ именно періодъ я однажды, утромъ, сидѣлъ у графа. Спустившійся сверху, гдѣ помѣщалась графиня, докторъ, Блашке, кажется, вошелъ при мнѣ къ графу и сдѣлалъ ему донесеніе о положеніи, въ какомъ нашелъ графиню. Послѣ этого донесенія докторъ спросилъ графа: „а вы какъ, ваше сіятельство?“ „Благодарю покорно“ весело отвѣчалъ графъ „вотъ уже шестой десятокъ доживаю, а благодареніе Богу—въ вашемъ братѣ не имѣлъ нужды, да надѣюсь и имѣть не буду. Вѣдь отъ васъ чѣмъ дальше, тѣмъ лучше“.

Къ сожалѣнію, графу не суждено было осуществить эти слова на дѣлѣ. Графинѣ, за которую всѣ боялись, удалось какъ-то родить и поправиться, но графъ, весьма скоро послѣ этихъ словъ, заболѣлъ сильнѣйшимъ образомъ и болѣлъ долго, такъ что князь Александръ Ивановичъ, когда пріѣзжалъ послѣдній разъ въ Петербургъ, нерѣдко говорилъ мнѣ: „бѣдный Иванъ Матвѣевичъ! Какъ онъ страдаетъ! Едва-ли поправится“. Толпа наиученѣйшихъ докторовъ съ Здекауеромъ во главѣ, рѣшила, что у графа камни въ печени. Потомъ слышно было, что графу лучше, такъ что, когда я явился къ нему, это было временемъ постепеннаго, казалось, выздоровленія. Казалось, худоба и желтизна, остатокъ прежнихъ болѣзненныхъ страданій, должны скоро пройдти, и графъ скоро превратится вновь въ красиваго и бодраго „павлина“. Увы! надеждамъ этимъ не было суждено оправдаться. Но объ этомъ послѣ...

Когда я пріѣхалъ къ графу, онъ встрѣтилъ меня словами: „Что Вы злитесь на меня?“ Само собою разумѣется, что слова эти были произнесены самымъ милѣйшимъ тономъ.

Прежде чѣмъ я успѣлъ что-нибудь отвѣтить на нихъ—графиня сказала: „Какъ странно! Неужели вы теперь москвичъ?“ „Да“ отвѣчалъ я „по волѣ моего добраго начальника!“ „Стало быть по его только волѣ, а не по вашей?“ возразила графиня. „Я даже не счелъ нужнымъ справляться у собственной воли, когда выразилась воля моего министра!“ отвѣчалъ я.

Графъ съ улыбкою слушалъ эту маленькую перепалку. Затѣмъ, предоставивъ графинѣ совершить уже безъ него, съ дѣтьми, предположенную прогулку, повелъ меня въ свой кабинетъ, гдѣ мы и углубились въ продолжительную бесѣду, гдѣ было всего по немногу: и дѣловыхъ почтовыхъ соображеній, и разсказовъ изъ придворнаго міра, и повѣствованій о Кавказѣ, и особенно о князѣ Барятинскомъ, о его дуэли, о его женитьбѣ и т. п. Въ заключеніе этой бесѣды я былъ приглашенъ графомъ къ завтраку, обставленному самымъ аристократическимъ образомъ...

О дѣловыхъ моихъ занятіяхъ въ Петербургѣ въ этотъ періодъ говорить нѣтъ никакой надобности. По части недѣловой можно упомянуть только о большомъ обѣдѣ, сочиненномъ Лаубе въ мою пользу и за тѣмъ о большомъ обѣдѣ, сочиненномъ мною у Донона въ пользу Лаубе, съ большою толпою общихъ нашихъ друзей. Такова русская натура: что бы тамъ ни было—а хорошій обѣдъ давай прежде всего. Я часто бывалъ у графа, скорѣе для приличія, чѣмъ для дѣйствительной надобности, и наконецъ, торжественно откланявшись ему, собрался отправиться въ Москву, для вступленія въ новую мою должность...

Я зналъ, что великолѣпная квартира московскаго почтдиректора занималась еще вдовою моего предмѣстника, и потому долженъ былъ, по пріѣздѣ въ Москву, остановиться въ гостиницѣ, что значительно мѣшало торжеству моего появленія на новомъ поприщѣ. Въ то же время, зная провинціальныя замашки старухи Москвы, я заранѣе писалъ экзекутору почтамта, что никакія оффиціальныя встрѣчи меня ни на станціи желѣзной дороги, ни тѣмъ менѣе въ той гостиницѣ, гдѣ я располагалъ остановиться, не должны имѣть мѣста.

Распоряженіе это, однако, не имѣло ни малѣйшей силы. Въ день моего пріѣзда въ Москву, едва я вышелъ изъ почтоваго вагона, какъ былъ встрѣченъ толпою мундирныхъ господъ, во главѣ которой были: помощникъ мой, столь извѣстный Москвѣ, восьмидесятилѣтній старецъ и въ то же время скаредный богачъ, Павловъ, и столь же юный

и столь же извѣстный Москвѣ экзекуторъ почтамта Зибертъ. Раскланявшись съ этою толпою, я объявилъ, что на другой день явлюсь въ почтамтъ, а самъ отправился въ гостиницу „Дрезденъ“.

На другой день, въ назначенный часъ, я явился торжественно въ почтамтъ. Народу, принадлежащаго къ почтамту, подъ названіемъ: экспедиторовъ, цензоровъ, пріемщиковъ, сортировщиковъ, чиновниковъ порученій, унтеръ-офицеровъ, почталіоновъ — бездна. Кромѣ того, съ моимъ назначеніемъ министръ подчинилъ мнѣ дотолѣ совершенно независимыхъ отъ почтамта чиновниковъ желѣзныхъ дорогъ, отдѣленіе почтовыхъ экипажей и т. д. Все это, расположенное въ обширныхъ залахъ почтамта, ожидало меня. Обойдя ряды этихъ господъ и затѣмъ осмотрѣвъ расположеніе почтамта, я сказалъ всѣмъ присутствующимъ рѣчь. Кончивъ эту оффиціальную часть, я поднялся на верхъ въ квартиру почтдиректора и имѣлъ грустное свиданіе съ престарѣлою вдовою Кожухова. Она просила меня позволить ей остаться въ этой квартирѣ еще нѣсколько недѣль, до прінсканія и устройства другой квартиры, на что, конечно, я изъявилъ полнѣйшее согласіе, тѣмъ болѣе, что семейство мое, пребывавшее еще въ деревнѣ, должно было, по окончаніи лѣтняго сезона, отправиться непремѣнно въ Петербургъ, для распоряженій относительно разоренія нашего тамошняго гдѣзда и передвиженія сюда всего того, что можно передвинуть. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что вслѣдствіе страшной необъятности почтдиректорской квартиры я, лично, могу, на холостую ногу, немедленно занять часть ея такимъ образомъ, что ни я Кожуховой, ни Кожухова мнѣ — мѣшать не будемъ.

Вслѣдъ за моимъ водвореніемъ въ Москвѣ былъ какой-то оффиціальный, ежегодный, обѣдъ, въ воспитательномъ домѣ, обѣдъ, знаменитый особенно тѣмъ, что тутъ подаютъ баснословный „варенецъ“. Явившись, по оффиціальному приглашенію на этотъ обѣдъ, я замѣтно сдѣлался предметомъ общаго вниманія и изученія, разумѣется, съ внѣшней стороны. Я очень радъ былъ встрѣтиться тамъ со старымъ петербургскимъ моимъ другомъ княземъ Одоевскимъ. Примкнувъ къ нему, я старался заимствовать отъ него, какъ сторожила здѣшняго, необходимыя свѣдѣнія объ общественныхъ отношеніяхъ Москвы и о тѣхъ отношеніяхъ, на которыхъ я былъ долженъ держаться. Между прочимъ я передалъ ему намѣреніе мое ограничиться визитами только генералъ-губернатору и митрополиту. „Что вы, что вы?“ встревоженно возразилъ князь „да васъ сейчасъ заѣдятъ! Ступайте, если не хотите стать на ножи съ здѣшними господами, ко всѣмъ, рѣшительно ко всѣмъ: сенаторамъ, почетнымъ опекунамъ,

*

начальникамъ отдѣльныхъ частей... Чѣмъ больше, тѣмъ лучше"! Мои возраженія противъ этихъ поголовныхъ визитовъ не имѣли ни какой силы. Князь рѣшительно и какъ-то сердито настаивалъ на исполненіи своего мнѣнія, какъ будто отъ этого зависѣло спасеніе моей жизни!

Нечего было дѣлать! Я приказалъ составить изъ календарей списокъ всѣмъ знатнымъ лицамъ Москвы. Списокъ вышелъ длиннѣйшій! Потомъ избралъ изъ почталіоновъ самаго опытнаго и всезнающаго, одѣлъ его въ ливрею и приказалъ возить себя ко всѣмъ этимъ особамъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ, по соглашенію съ кучеромъ, найдетъ наилучшимъ. Операція эта производилась ежедневно и чуть-ли не цѣлую недѣлю. Жара стояла невыносимая, и я съ трудомъ дышалъ въ каретѣ. Эта именно жара имѣла, впрочемъ, и выгодную сторону. Подвозятъ меня, напр., къ подъѣзду какого-нибудь дома, я жду, что будетъ? Почталіонъ слѣзаетъ съ козелъ и начинаетъ метаться въ запертые подъѣзды, потомъ розыскивать дворниковъ или кого-нибудь, съ кѣмъ бы можно перемолвить слово. Послѣ этихъ суетливыхъ и часто весьма продолжительныхъ розысковъ, усталый и запыхавшійся, онъ взглянетъ ко мнѣ въ окно кареты и скажетъ: „въ деревнѣ-съ", или „на дачѣ-съ... Оставилъ карточку". Потомъ вскочитъ на козлы и повезетъ меня далѣе. Я рѣшительно лѣнился даже спрашивать: кто это въ деревнѣ и куда теперь меня повезутъ? Только тогда, когда, послѣ необходимыхъ справокъ у какого-нибудь подъѣзда, почталіонъ говорилъ: „пожалуйте-съ!", я, лѣниво вылѣзая изъ кареты, спрашивалъ: „кто тутъ?"—„Сенаторъ такой-то", отвѣчалъ почталіонъ, и я шелъ знакомиться съ сенаторомъ такимъ-то, смутно сожалѣя, отчего и онъ не въ деревнѣ или не на дачѣ въ такое жаркое время? Какъ ни оригинально сдѣланы были всѣ эти визиты, я долженъ съ благодарностью сказать, что они заплачены были мнѣ съ величайшею точностью и любезностью. На прекрасный почтамтскій дворъ постоянно въѣзжала карета за каретой, и я, провожая одного сановника, долженъ былъ принимать другого. На первыхъ же порахъ я сталъ видѣть и чувствовать, что московскій почтдиректоръ, какъ предупреждали меня въ Петербургѣ, въ нѣкоторомъ родѣ самъ сановникъ...

Изъ всѣхъ безчисленныхъ визитовъ, мною исполненныхъ, я позволяю себѣ упомянуть о двухъ: московскому генералъ-губернатору и московскому митрополиту.

Московскимъ генералъ-губернаторомъ въ это время былъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, братъ князя Василія Андреевича. Надо замѣтить, что, не смотря на собственную ничтожность, я вслѣд-

ствіе различныхъ обстоятельствъ имѣлъ нѣкоторую популярность. Безъ преувеличенія можно сказать, что трудно найти человѣка, который бы такъ или эдакъ не зналъ меня или не слыхалъ обо мнѣ. Извѣстностію моей среди аристократовъ я обязанъ безспорно князю Александру Ивановичу. На хвостѣ этого орла и мое незначительное имя носилось среди великихъ міра сего. Изъ разсказовъ моихъ видно уже, что князь Василій Андреевичъ хорошо зналъ меня, и что я успѣлъ уже порядкомъ нагрубить ему, предъ кабинетомъ государя, по поводу нелѣпыхъ сказокъ о князѣ Барятинскомъ. Изъ этихъ разсказовъ видно тоже, что на Кавказѣ я сошелся на дружескую ногу съ роднымъ племянникомъ Долгорукова, княземъ Евгеніемъ Львовичемъ. Этого было уже достаточно, чтобы князь Владиміръ Андреевичъ слышалъ, по крайней мѣрѣ, мое имя. Кромѣ того, мы, вмѣстѣ съ нимъ, принимали участіе въ какомъ-то несчастномъ предпріятіи о какомъ-то изъ поземельныхъ банковъ, на которыя въ одно время была страшная мода. Наконецъ, мы постоянно встрѣчались въ Петербургскомъ Англійскомъ клубѣ, гдѣ князь принадлежалъ къ разряду любителей и отличныхъ знатоковъ билліардной игры и большею частью, послѣ знаменитыхъ субботнихъ обѣдовъ, первый начиналъ бой...

Все это въ совокупности имѣло послѣдствіемъ то, что князь принялъ меня, какъ стараго знакомаго, и до такой степени любезно, что я и изобразить не могу. Онъ увѣрялъ меня, что знаетъ меня отлично, слышалъ обо мнѣ бездну превосходныхъ отзывовъ и, вмѣстѣ съ Москвою, радуется, что Богъ послалъ ей такого почтдиректора. Послѣдствія показали, что все это не были однѣ пустыя фразы, столь обильно расточаемыя нашими царедворцами и аристократами, потому что князь постоянно сохранялъ ко мнѣ самыя любезныя отношенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь, тоже по обычаю всѣхъ аристократовъ, разсказалъ забавный, хотя не совсѣмъ вѣроятный, анекдотъ, относящійся къ дѣйствіямъ моего предмѣстника. Князь, по его словамъ, назначилъ засѣданіе какого-то комитета, гдѣ долженъ былъ участвовать и почтдиректоръ, положимъ, 10 числа такого-то мѣсяца. 9-го послана повѣстка Кожухову. 11-го, т. е. послѣ засѣданія, онъ увѣдомилъ, что участвовать въ комитетѣ не можетъ...

Митрополита Филарета, дотолѣ, я видѣлъ только въ соборахъ, въ торжественные дни, когда онъ служилъ, и разъ на болѣе ближайшей дистанціи, когда онъ посѣтилъ князя, при проѣздѣ его въ 1859 году въ Петербургъ. Впечатлѣніе, произведенное на меня внѣшнимъ его видомъ, было таково, что малѣйшее дуновеніе, казалось мнѣ, можетъ его уничтожить: до такой степени казался онъ старъ и слабъ. Это впечатлѣніе, болѣе или менѣе, подтверждалось

и общими отзывами. Самъ князь говорилъ, и весьма рельефно, что Филаретъ „походилъ на образъ“. Все это дѣлало вопросъ о моемъ представленіи митрополиту въ моихъ глазахъ довольно затруднительнымъ. Съ одной стороны старость, слабость, мудрость митрополита какъ будто-бы пугали меня нѣсколько; а съ другой мнѣ казалось какъ-то неловкимъ, безсовѣстнымъ даже, обременять такого знаменитаго человѣка совершенно пустою и безполезною формальностію. Побуждаемый, однако, моимъ положеніемъ „московскаго сановника“ и совѣтами здѣшнихъ старожиловъ, я рѣшился исполнить эту процедуру, распавшуюся какъ-то на двѣ части. Когда я пріѣхалъ въ первый разъ, лѣтомъ, въ домъ митрополита, оказалось, что его въ городѣ нѣтъ, и что онъ живетъ въ Сергіевской Лаврѣ. Я собралъ всѣхъ монаховъ, находившихся въ этотъ моментъ на лицо въ городскомъ его домѣ, и старался внушить имъ, что вотъ, дескать, я, вновь назначенный московскій почтдиректоръ, пріѣзжалъ къ его высокопреосвященству засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе, и что они должны передать ему этотъ замѣчательный фактъ ясно и положительно. Мнѣ какъ-то смутно казалось, что на этомъ дѣло и можетъ кончиться. Предположеніе это, конечно, оказалось совершенно ошибочнымъ. Когда съ наступленіемъ осенняго времени митрополитъ переселился въ городъ, когда городъ какъ-то оживленно заговорилъ о немъ, и когда я почти на каждомъ шагу слышалъ обращенные ко мнѣ вопросы: „видѣлись вы съ митрополитомъ?“, я убѣдился, что дѣло въ такомъ положеніи оставаться не можетъ, и что мое личное представленіе митрополиту составляетъ неотразимую необходимость. Въ этомъ сознаніи, въ одинъ субботній день, я поручилъ одному изъ моихъ почталіоновъ ѣхать въ домъ митрополита и самымъ осторожнѣйшимъ образомъ разузнать: когда лучше и удобнѣе можно видѣть его высокопреосвященство? Почталіону особенно приказано было не заявлять, что онъ присланъ отъ меня и что этихъ свѣдѣній требуетъ почтдиректоръ. По воспоминаніямъ моего дѣтства мнѣ казалось, что у митрополитовъ и архіереевъ должны быть особые дни, въ которые они доступны всѣмъ, жаждущимъ ихъ видѣть, и что эти дни именно воскресенья. Я думалъ, что, представившись митрополиту въ толпѣ другихъ,—я облегчу и упрощу это дѣло какъ для него, такъ и для себя. Возвратившійся почталіонъ прямо бухнулъ: „завтра, въ половинѣ перваго!“—„Злодѣй!“ тотчасъ подумалъ я. „Вѣдь ты не говорилъ, что посланъ отъ меня?“ —спросилъ я его. „Вѣдь самому митрополиту не докладывали?“ —„Нельзя было-съ, ваше превосходительство!“ отвѣчалъ почталіонъ. „Когда я спросилъ какого-то монаха, онъ сказалъ, что не знаетъ, и что надо спросить секретаря. Пришелъ секретарь. Сказалъ, что

тоже не знаетъ, и что надо спросить самого владыку. Возвратившись отъ владыки, секретарь сказалъ: завтра, въ половинѣ перваго!“ Проклянувъ мысленно искусство моего посланника, я оставался однако подъ вліяніемъ той мысли, что не для меня же одного назначено это время и что, вѣроятно, это и есть именно тотъ часъ, въ который митрополитъ принимаетъ всѣхъ...

На другой день, въ воскресенье, въ назначенный часъ, съ этою мыслію, я отправился къ митрополиту. Но въѣхавъ на обширный дворъ его дома, я тотчасъ замѣтилъ полнѣйшее отсутствіе всякихъ экипажей. Не было не только каретъ; не было даже ни однихъ извозчичьихъ дрожекъ. Когда я спросилъ кого-то: „можно ли видѣть его высокопреосвященство?“ мнѣ отвѣчали: „Его высокопреосвященство изволитъ ожидать ваше превосходительство!“ За тѣмъ меня провели чрезъ большую залу и помѣстили въ комнатѣ, имѣющей видъ гостиной, гдѣ я и предался размышленіямъ о предстоящей мнѣ съ глазу на глазъ бесѣдѣ съ знаменитѣйшимъ мужемъ нашего государства...

Ожиданіе мое не было продолжительно. Чрезъ нѣсколько минутъ изъ внутреннихъ комнатъ въ комнату, гдѣ я находился, вошелъ митрополитъ. Я изумился! Предо мной стоялъ совсѣмъ другой человѣкъ. Я ожидалъ видѣть едва двигающагося, еле дышащаго старца. Я увидѣлъ дѣйствительно старца, но бодраго и твердаго, съ глазами, полными ума и жизни. Никогда удивленіе мое не было такъ безгранично. Если бы это не было въ комнатахъ митрополита, я никогда не принялъ бы его за того „похожаго на образъ“ Филарета, котораго дотолѣ, случайно и мелькомъ, видѣлъ нѣсколько разъ. Личность эта такъ извѣстна, такъ знаменита, что мои ничтожныя слова тутъ ничего ни прибавить, ни убавить не могутъ: но я не могу не сказать о тѣхъ высокихъ впечатлѣніяхъ, которыя оставила во мнѣ весьма продолжительная бесѣда съ Филаретомъ, о той, такъ сказать, нравственной отрадѣ, которую я вынесъ изъ нея. Духовнаго въ этой бесѣдѣ не было ничего, и говорилъ больше я, говорилъ о Кавказѣ, о тамошнемъ жалкомъ и невѣжественномъ духовенствѣ, о князѣ, объ Обществѣ возстановленія христіанства на Кавказѣ, о широкихъ цѣляхъ, которыя князь стремился осуществить посредствомъ этого учрежденія. Говорятъ, есть искусство слушать. Если оно дѣйствительно есть, то Филаретъ обладалъ имъ въ высочайшей степени. Это слушанье производитъ на говорящаго великолѣпное впечатлѣніе и дѣлаетъ его краснорѣчивѣе. Я это много разъ испыталъ и въ особенности испыталъ въ настоящемъ случаѣ. Съ первыхъ моихъ словъ какъ-то стало замѣтно, что Филаретъ будетъ слушать

меня съ любовью и вниманіемъ. И дѣйствительно по мѣрѣ того, какъ разгоралась моя рѣчь, глаза митрополита говорили, что ему нравится и форма и содержаніе этой рѣчи. Что за прекрасные, ясные, выразительные глаза митрополита! Въ этихъ глазахъ, какъ на своей ладони, я читалъ ясно впечатлѣніе, производимое на него моими словами. Я видѣлъ, что впечатлѣніе хорошо, и ощущалъ что-то въ родѣ неожиданнаго счастья. Независимо отъ этихъ впечатлѣній и ощущеній я видѣлъ, при нѣкоторой опытности въ подобныхъ вещахъ, что это истинно государственный человѣкъ и что общая любовь и слава, которыми русскій народъ окружаетъ его, вполнѣ имъ заслужены. Въ концѣ нашей, повторяю, весьма продолжительной бесѣды, взаимное сочувствіе наше стало уже внѣ всякаго сомнѣнія, и я вышелъ отъ него, исполненный какой-то необъяснимой для меня самого гордости...

Не было, нѣтъ, да я думаю, никогда и не будетъ такого „сановника“, который, среди оффиціальныхъ заботъ, не думалъ бы о своихъ „домашнихъ дѣлишкахъ“. Мнѣ, лично, въ этомъ отношеніи предстояло много заботъ. Обширность и великолѣпіе квартиры московскаго почтдиректора сдѣлались извѣстными не только въ самой Москвѣ, но и въ Петербургѣ. И дѣйствительно, квартиру эту смѣло можно отнести къ разряду нелѣпостей, столь обильныхъ въ нашей административной области. Казенная квартира для нѣкоторыхъ должностей составляетъ, дѣйствительно, настоятельную потребность. Министры, напр., кажется во всемъ мірѣ, имѣютъ казенныя помѣщенія. У почтоваго министра тоже было казенное помѣщеніе, извѣстный домъ на Фонтанкѣ, близъ Лѣтняго сада, занимаемый графомъ Адлербергомъ и потомъ подаренный ему еще покойнымъ государемъ. Добрый и откровенный Иванъ Матвѣевичъ Толстой, при вступленіи въ должность министра, кажется, прежде всего, позаботился объ устройствѣ для себя казеннаго помѣщенія, и самъ наивно разсказывалъ мнѣ, какъ онъ уничтожилъ учрежденіе почтовыхъ экипажей именно для того, чтобъ завладѣть прекраснымъ домомъ, въ Большой Морской, принадлежавшимъ этому учрежденію. Къ слову сказать, на этотъ домъ потрачены страшныя суммы. Сначала, разумѣется, необходимо было сдѣлать примѣненіе его къ новымъ потребностямъ. Примѣненіе это и было сдѣлано, и, казалось, сдѣлано великолѣпно. Я самъ видѣлъ роскошную отдѣлку и передѣлку заново этого дома, тѣмъ не менѣе примѣненіе продолжалось до самой кончины графа и, конечно, не столько по собственному его желанію, сколько по затѣямъ его капризной супруги. Извѣстно, что С.-Петербургская

контрольная палата не разъ врывалась въ это дѣло съ своими протестами, но разумѣется безуспѣшно.

Повторяю, что для нѣкоторыхъ должностей казенное помѣщеніе необходимо. Такъ точно считается необходимымъ почтовыхъ чиновниковъ помѣщать въ казенныхъ зданіяхъ. На этомъ основаніи и московскій почтдиректоръ, разумѣется, имѣетъ казенную квартиру, но дѣло въ томъ—какую квартиру? Объяснить обширность и великолѣпіе моей московской квартиры словами весьма трудно. Это такой предметъ, который надо видѣть. Такой квартиры ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ нельзя нанять за 5 тыс. р. въ годъ, если и допустить возможность найти подобное помѣщеніе въ частныхъ домахъ. Это совершенный дворецъ. Показывая мое помѣщеніе знакомымъ, я самъ прибавлялъ: „моя квартира—нелѣпость". „Положимъ" говорилъ я, „что московскій почтдиректоръ, если не глупъ, можетъ принести извѣстную долю пользы; но онъ вовсе не такой государственный сановникъ, чтобъ помѣщать его въ царскихъ палатахъ". Эту мысль, только въ другой формѣ, я высказалъ самому государю....

Въ концѣ того лѣта, когда я вступилъ въ новую мою должность, Москву посѣтилъ государь, ужъ не помню, проѣздомъ ли, или для смотра войскъ, собраннымъ на Ходынскомъ полѣ. Я, въ числѣ первостатейныхъ сановниковъ Москвы, удостоенъ былъ приглашенія къ маленькому обѣду, въ собственныхъ комнатахъ государя. Насъ за обѣдомъ было всего 20 или 25 человѣкъ. На стульяхъ или креслахъ, стоящихъ кругомъ стола, прикрѣплены были надписи: кому и гдѣ садиться. Государь, между прочимъ, спросилъ меня: „ты гдѣ живешь? Тамъ, гдѣ жилъ Кожуховъ?"—„Точно такъ, ваше величество!" отвѣчалъ я.—„Говорятъ—хорошее помѣщеніе?" продолжалъ государь.— „Лучше, чѣмъ слѣдуетъ, ваше величество" рѣшительно отвѣчалъ я.

Еще большею нелѣпостью надо считать то, что, соорудивъ для московскаго почтдиректора такую великолѣпную квартиру, правительство, или высшее почтовое управленіе предоставляло каждому господину, занимающему этотъ постъ, меблировать ее, какъ знаетъ, на собственный счетъ, т. е. или разориться въ пухъ и прахъ, если у него есть какія-нибудь собственныя крохи, или, отдѣливъ для себя малую часть сей обширной квартиры, остальныя комнаты запереть и превратить ихъ въ пустые и сырые сараи... Но мои предмѣстники не были просты и изъ этихъ неудобствъ умѣли извлекать даже для себя значительныя выгоды. Они начинали плакать, что обширность квартиры ихъ подавляетъ, что, при своей крайней бѣдности, они

меблировать ее не имѣютъ никакой возможности и что, въ заключеніе, имъ совершенно необходимо, въ этомъ случаѣ, милостивое участіе благодѣтельнаго начальства, въ видѣ казеннаго пособія... Они получали пособія, часть ихъ клали въ карманъ, а на остальную покупали разнаго хламу, который потомъ продавали своимъ пріемникамъ. Такъ точно, по крайней мѣрѣ, поступилъ мой предмѣстникъ Кожуховъ, т. е. получилъ значительное пособіе и поставивъ въ квартирѣ разной дряни...

Само собою разумѣется, что всѣ эти нищенскіе пріемы я отвергъ, я не хотѣлъ ни вымаливать пособія, ни набивать въ мое помѣщеніе хламу. У вдовы Кожухова я купилъ самую незначительную часть мебели, какая оказалась маломальски годною; затѣмъ перевезъ сюда мою петербургскую мебель; наконецъ, все остальное, что требовалось для полноты и достоинства меблировки моей новой квартиры, пріобрѣтено, по особымъ заказамъ и рисункамъ, у петербургскихъ мастеровъ и также передвинуто сюда. Все это мнѣ стоило до 7 т. руб. Къ сожалѣнію, все рыцарство и безкорыстіе этихъ дѣйствій не произвело никакого шику, и оцѣнено единственно моею гражданскою совѣстью. Мое начальство смотрѣло на все это какими-то тупыми и безсмысленными глазами, и я убѣжденъ, что если бы я содралъ съ него, по примѣру моихъ предмѣстниковъ, половину этой суммы, въ видѣ пособія, мнѣніе его обо мнѣ не было бы на волосъ ни хуже, ни лучше. Никогда, во всю мою жизнь, въ продолженіе всей моей службы, не измѣняя моимъ принципамъ въ этомъ отношеніи, я тѣмъ не менѣе истинно затруднился бы отвѣчать на слѣдующій вопросъ, если бы мнѣ таковой предложили: „что лучше— просить или не просить?“ Затруднился бы потому, что изъ многолѣтней моей опытности вынесъ неутѣшительное убѣжденіе такого рода: возвышенность принциповъ, благородство, безкорыстіе—не имѣютъ большой цѣны; а попрошайство, искательство, выклянчиваніе нисколько не клеймятся достодолжнымъ презрѣніемъ и нисколько не мѣшаютъ служебному благополучію. Между тѣмъ практическіе результаты той и другой системы различны въ высшей степени...

Въ составѣ моей новой квартиры есть особая галлерея, предназначенная для зимняго сада. При Кожуховѣ въ ней стояло нѣсколько горшковъ съ чахлыми растеніями, расположенныхъ безъ всякой системы. Я долженъ сознаться, что никогда не былъ равнодушенъ къ такъ называемому „шику“. Я тотчасъ угадалъ, что въ этой галлереѣ именно можно вмѣстить много „шику“, и рѣшился не щадить никакихъ средствъ для его достиженія. Я началъ съ того, что отыскалъ и пригласилъ извѣстныхъ спеціалистовъ по части устрой-

ства зимнихъ садовъ. Самый знаменитый изъ нихъ московскій садовникъ Имберхъ, прославившійся устройствомъ изящныхъ выставокъ московскаго общества садоводства, взялъ все дѣло на свои руки, и я съ благодарностью долженъ сказать—исполнилъ его съ величайшимъ успѣхомъ. Началось съ того, что онъ далъ планъ расположенію сада и по этому плану настланы деревянные полы. На этихъ полахъ, закрытыхъ землею и зеленью, расположены въ живописномъ порядкѣ тропическія растенія, газоны, вазы, статуи. Большая часть дорогихъ растеній выписана изъ Петербурга. Посрединѣ сада устроенъ довольно обширный прудъ. Посрединѣ пруда бьетъ фонтанъ; по сторонамъ льются каскады. Въ прудѣ плаваютъ разнородныя рыбы и черепахи. Весь садъ, дороги, растенія, прудъ—обдѣланы весьма хитро, извѣстнымъ ноздреватымъ камнемъ, котораго употреблено нѣсколько сотъ пудовъ. Изъ этого камня устроены различныя возвышенія и тѣ каскады, о которыхъ сказано выше. Въ различныхъ мѣстахъ сада разбросана садовая мебель. Наконецъ, въ садъ пущено множество разнородныхъ птицъ, которыя, на свободѣ, порхаютъ безпрерывно въ различныхъ направленіяхъ. Однимъ словомъ мой садъ заслужилъ лестную извѣстность въ Москвѣ. Каждый, при входѣ въ садъ, широко раскрываетъ глаза, и въ нихъ выражается, прежде всего, великое изумленіе.

Когда такимъ образомъ московское мое жилище приведено было въ должный порядокъ, я самъ поѣхалъ въ Петербургъ за моимъ семействомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я повезъ моему министру нѣкоторыя предположенія, которыя приняты были благосклонно, утверждены государемъ, и приведенныя въ дѣйствіе, доставляютъ московскому обществу, сравнительно съ прежними порядками, величайшія удобства. Но повѣствовать о моихъ служебныхъ подвигахъ на этомъ не широкомъ поприщѣ я не намѣренъ, потому что такимъ путемъ я никогда не кончилъ бы моихъ записокъ. „Спѣша къ брегу сего обширнаго моря“, я вообще ограничусь уже чертами, почему-либо особенно замѣчательными. Замѣчательной чертой я считаю слѣдующій казусъ.

На обратномъ пути изъ Петербурга я, какъ и всегда, ѣхалъ въ почтовомъ вагонѣ, а жена моя ѣхала въ одномъ изъ только-что появившихся въ то время „спальныхъ вагоновъ“. Этотъ спальный вагонъ почему-то показался ей чрезвычайно неудобнымъ и непріятнымъ, такъ что съ наступленіемъ ночи она просила меня помѣняться мѣстами, т. е. ей съ маленькимъ сыномъ отдать мое мѣсто въ почтовомъ вагонѣ, а мнѣ занять ея мѣсто въ спальномъ вагонѣ. Нѣтъ нужды говорить, что обмѣнъ этотъ не встрѣтилъ никакихъ затрудненій и преблагополучно состоялся. Что за тѣмъ произошло,

я не буду разсказывать, а помѣщу здѣсь, для краткости и наибольшей достовѣрности, статью, появившуюся 13 декабря 1866 г. въ № 262 „Московскихъ Вѣдомостей“:

„Въ почтовомъ поѣздѣ Николаевской желѣзной дороги, отправившемся изъ Петербурга 7 декабря въ Москву, произошелъ пожаръ, отъ котораго сгорѣлъ одинъ спальный вагонъ 1-го класса. Дѣло было такъ: утромъ 8 числа, часовъ въ пять, когда рѣшительно все погружено было въ глубочайшій сонъ, ѣхавшій съ этимъ поѣздомъ московскій почтдиректоръ В. А. Инсарскій замѣтилъ въ своемъ помѣщеніи, ближайшемъ къ печкѣ спальнаго вагона, дымъ. Онъ разбудилъ состоящаго при вагонѣ артельщика, спавшаго въ корридорѣ, идущемъ чрезъ весь вагонъ, а самъ вышелъ изъ вагона и настоятельно требовалъ, чтобъ поѣздъ, шедшій при жестокомъ вѣтрѣ съ полною быстротою, былъ остановленъ посредствомъ веревки, идущей поверхъ всѣхъ вагоновъ. Это было исполнено; веревка, къ счастію, не оборвалась, и поѣздъ сталъ умѣрять быстрый ходъ. Когда началъ онъ останавливаться, почтовый вагонъ, шедшій какъ разъ позади горѣвшаго спальнаго вагона, былъ отцѣпленъ отъ него, по распоряженію г. Инсарскаго; въ то же время отцѣплена и передняя часть поѣзда. Такимъ образомъ изолированный горящій вагонъ представлялъ въ ночномъ мракѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, громадную массу пламени. Пассажиры этого вагона успѣли выскочить, но множество вещей погибло. Передняя часть поѣзда, находившаяся за горящимъ вагономъ, черезъ часъ ушла по направленію къ Москвѣ. Остальная часть, которая стояла передъ горящимъ вагономъ и во главѣ которой находился почтовый вагонъ, должна была простоять нѣсколько часовъ въ ожиданіи окончанія пожара и уборки тяжеловѣсныхъ остатковъ вагона, такъ что эта часть пришла въ Москву послѣ двухъ часовъ. Пожаръ произошелъ, сколько можно судить по первымъ свѣдѣніямъ, отъ загорѣвшихся угольевъ, которые находились подлѣ печки, и распространился съ такою поразительною быстротою, что упущеніе нѣсколькихъ минутъ могло бы подвергнуть неизбѣжной опасности всѣ остальные, послѣ загорѣвшагося, вагоны съ людьми и имуществомъ. Спасеніемъ своимъ поѣздъ обязанъ В. А. Инсарскому“.

Само собою разумѣется, что статья эта тотчасъ перепечатана была во всѣхъ другихъ газетахъ, и пожаръ на Николаевской желѣзной дорогѣ, по обычаю, сдѣлался предметомъ большихъ и оживленныхъ толковъ въ теченіе нѣкотораго времени. Я, лично, противъ всякихъ ожиданій, сдѣлался героемъ въ нѣкоторомъ родѣ. Знакомые осыпали меня безконечными вопросами о подробностяхъ событія. Мало знакомые шептали, видя меня: „вотъ Инсарскій, который

спасъ поѣздъ". Вовсе незнакомые, слыша мое имя, спрашивали: „это тотъ Инсарскій, который спасъ поѣздъ"? Милый мой министръ, при послѣдующихъ нашихъ свиданіяхъ, иначе не называлъ меня, какъ „спасителемъ"! Къ собственной чести я долженъ сказать, что я вполнѣ сознавалъ незаслуженность или крайнюю дешевизну этой, противъ моей воли, навязанной мнѣ славы и упорно всѣмъ доказывалъ, что я никого и ничего не спасалъ и что вся моя заслуга состоитъ единственно въ томъ, что я во-время проснулся, какъ бы могъ проснуться и мужикъ какой-нибудь или ребенокъ.

Затѣмъ, погрузившись въ московскую жизнь, я долженъ былъ бы, можетъ быть, сказать о впечатлѣніяхъ, производимыхъ на меня этою жизнью, т. е. вообще о Москвѣ, московскомъ обществѣ, объ общественныхъ отношеніяхъ и т. д. Но я позволяю себѣ устраниться отъ этого вопроса вслѣдствіе самой обширности его. Скажу только, что въ этихъ впечатлѣніяхъ нѣтъ ничего хорошаго и выгоднаго для Москвы. Мнѣ кажется, что сравненіе Москвы съ Петербургомъ, которое еще и теперь доводится иногда слышать, представляетъ нелѣпость необъятнѣйшихъ размѣровъ. Москва можетъ равняться, если ей угодно, съ Рязанью, Тамбовомъ и пр. и даже превосходить наши внутренніе города; но равнять себя съ Петербургомъ все то же, что равнять какого-нибудь ловкаго писаря волостнаго правленія съ какимъ-нибудь секретаремъ французскаго посольства. Изящества, которымъ такъ сильно щеголяетъ Петербургъ, въ Москвѣ и запаху нѣтъ. Чистотѣ, порядку, вѣжливости, которыя тамъ встрѣчаешь на каждомъ шагу, здѣсь противополагаются грязь, грубость, невѣжество. Надувательство и мошенничество, неразлучные спутники невѣжества, царствуютъ здѣсь повсюду. Плутуютъ мазурики, плутуютъ богатые купцы, плутуютъ члены англійскаго клуба. Съ первыхъ дней моего пріѣзда сюда мнѣ сказали, что рѣшительно ни въ одномъ клубѣ нельзя безопасно играть въ карты съ незнакомыми лицами, и это общее убѣжденіе и до днесь остается въ своей силѣ. Исторіи самаго наглаго надувательства постоянно смѣняются одна другою. Москву, какъ-то инстинктивно, я всегда не любилъ, но никогда не думалъ, чтобы она была такъ плоха, какою я нашелъ ее при ближайшемъ знакомствѣ. Мнѣ кажется, что такое невыгодное состояніе Москвы и объяснить не трудно. Все то, что разливаетъ свѣтъ, цивилизацію, общественное развитіе и т. п., сосредоточено въ Петербургѣ: тамъ дворъ, министерства, гвардія, съ безчисленною массою людей образованныхъ, просвѣщенныхъ. А въ Москвѣ что? Группа старыхъ сенаторовъ и почетныхъ опекуновъ, на ладанъ дышащихъ и едва передвигающихъ ноги! Конечно, никакого благодѣтельнаго вліянія отъ этихъ инва-

лидовъ на цивилизацію Москвы ожидать нельзя. Затѣмъ прямо выступаетъ московское купечество, богатое, грубое, невѣжественное и плутоватое. Господство этого купеческаго элемента, естественно, отражается на всей Москвѣ. Поэтому только здѣшніе старожилы могутъ любить Москву. Тамбовскіе и казанскіе провинціалы тоже могутъ, пожалуй, восхищаться ею. Но человѣку развитому, вкусившему прелести другой жизни, однимъ словомъ, истому петербуржцу, если только онъ не нищій и вслѣдствіе нужды готовый отправиться „къ чорту на кулички", можно переносить Москву только въ положеніи почтдиректора, т. е. положеніи, исполненномъ значенія и нѣкоторой пышности.

Не излишне замѣтить, что къ выгодамъ и преимуществамъ этого положенія принадлежало и то, что знаменитости литературнаго или, лучше сказать, журнальнаго міра, знаменитости, столь обаятельныя издали и, какъ я думаю, доселѣ еще представляющіяся многимъ провинціаламъ не обыкновенными людьми, но страшными великанами не только въ умственномъ, но даже въ физическомъ отношеніи—сами лѣзли ко мнѣ. Газетная экспедиція московскаго почтамта, гдѣ сосредоточивалась разсылка газетъ подписчикамъ, имѣла самое существенное соприкосновеніе съ интересами этихъ господъ. Само собою разумѣется, что ни я, лично, ни газетная экспедиція, строго и добросовѣстно исполняя свои обязанности, не могли дѣлать, если бы и хотѣли, какой-либо положительный ущербъ въ этихъ интересахъ; тѣмъ не менѣе, при безпрерывныхъ сношеніяхъ редакторовъ съ газетною экспедиціею, являлась бездна второстепенныхъ мелочей, по которымъ эти господа постоянно нуждались въ снисхожденіи почтоваго начальства.

Отсюда происходило, что редакторы держались довольно почтительныхъ отношеній къ московскому почтдиректору... Отсюда происходило тоже, что я волею, неволею, долженъ былъ лично познакомиться съ знаменитымъ Катковымъ, редакторомъ „Московскихъ Вѣдомостей", съ яростнымъ Аксаковымъ, редакторомъ „Москвы" и потомъ „Москвича", съ почтеннымъ старикомъ Погодинымъ, редакторомъ „Русскаго", съ хромымъ Бартеневымъ, редакторомъ „Русскаго Архива", съ Гиляровымъ-Плотоновымъ, редакторомъ „Современныхъ Извѣстій", съ Скворцовымъ, редакторомъ „Русскихъ Вѣдомостей" и т. д. Но подробно говорить объ этихъ личностяхъ не буду. Журнальная дѣятельность ихъ извѣстна всѣмъ и каждому. Что касается, такъ сказать, до закулисной стороны, т. е. общечеловѣческихъ ихъ отношеній, то я и прежде уже зналъ, что между дѣятелями журнальнаго міра особыхъ прелестей по этой части искать не слѣдуетъ,

и что достиженіе чисто коммерческаго барыша едва-ли не составляетъ для этихъ господъ главную цѣль...

Собственно изъ литературныхъ личностей Москвы я познакомился, прежде всего, съ Далемъ, нѣкогда игривымъ „казакомъ Луганскимъ". При первомъ свиданіи съ симъ, столь извѣстнымъ въ свое время, писателемъ, я удивился дряхлости его. Онъ показался мнѣ человѣкомъ отжившимъ уже во всѣхъ отношеніяхъ. Потомъ князь Одоевскій познакомилъ меня съ старикомъ Хавскимъ, немедленно заявивъ, что этотъ господинъ находится уже 74 года на службѣ. Хавскій почему-то особенно возлюбилъ меня и все таскалъ мнѣ свои мудреныя сочиненія. Графъ Соллогубъ, котораго я нашелъ въ Москвѣ, былъ уже старый мой знакомый, и мнѣніе мое объ этой личности, мнѣніе, не совсѣмъ благопріятное, высказано въ началѣ моихъ записокъ.

Точно также въ Москвѣ я встрѣтилъ другого моего стараго пріятоля Лонгинова; но онъ скоро былъ назначенъ орловскимъ губернаторомъ и изчезъ изъ первопрестольной столицы. Были ли и есть ли другіе литераторы въ Москвѣ—я не знаю. Не знаю даже, московскимъ или петербургскимъ литераторомъ должно считать Островскаго; во всякомъ случаѣ положительнаго и прочнаго знакомства у меня съ этимъ даровитымъ человѣкомъ не образовалось, хотя не одинъ разъ я видѣлъ его у Одоевскихъ, читающаго свои произведенія, и даже говорилъ съ нимъ...

Коснувшись наиболѣе выдающихся явленій московской жизни, я долженъ сказать, что въ то время, когда Москва рѣшительно уступала Петербургу во всемъ и уступала въ неизмѣримой степени, ея такъ называемый „Малый" театръ, къ удивленію, тоже неизмѣримо превосходилъ однородные театры Петербурга. Московскій „Большой" театръ, столь прекрасный и великолѣпный по внѣшности, на сценѣ своей представлялъ замѣчательныя гадости какъ по части балета, такъ и по части оперъ. Балетныя примадонны были большею частію домашняго и весьма плохаго произведенія, въ родѣ Собѣщанской, Шапошниковой и т. п., и могли удовлетворять только московское сѣрое населеніе, состоящее преимущественно изъ российскихъ купцовъ и отставныхъ прапорщиковъ и подпоручиковъ, нѣкогда мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. На афишахъ Большого театра вѣчно стоялъ „Конекъ Горбунокъ", повидимому наиболѣе пришедшійся по вкусу этимъ господамъ. Оперная труппа состояла изъ хлама, выброшеннаго изъ петербургской оперной труппы. Въ мужской половинѣ были одни семинаристы и бывшіе пѣвчіе придворной капеллы: Радонежскіе, Демидовы, Владиславлевы, Орловы и т. п. Зато и мочалили они самымъ безпощаднымъ образомъ двѣ оперы:

„Жизнь за Царя“ и „Аскольдову Могилу“ и то съ грѣхомъ пополамъ. Въ пѣніи этихъ господъ постоянно слышенъ былъ церковный характеръ, и я даже представить себѣ не могу, какъ бы эти господа, воспитанные и образованные на ирмосахъ, исполнили бы, напр., такую оперу, какъ „Гугеноты“, „Отелло“, „Фаустъ“ и т. п.

Совсѣмъ не то — Малый театръ! Здѣсь какими-то судьбами образовалось дивное и непостижимое соединеніе первоклассныхъ талантовъ какъ въ мужской, такъ и въ женской половинѣ, такъ что трудно сказать, кто изъ нихъ лучше и кто хуже. Садовскій, Самаринъ, Шумскій, Васильева, Ѳедотова, Никулина — это рѣшительно, какъ говорится, звѣзды первой величины и не только превосходятъ нашъ петербургскій драматическій театръ, но можно положительно сказать, что не уступятъ ничему, что мы видѣли и видимъ тамъ на французской и нѣмецкой сценахъ. Такъ называемый „ансамбль“ поразителенъ въ высшей степени и опять-таки не уступитъ нисколько прославленному французскому „ансамблю“. Именно этотъ „Малый“ театръ составляетъ единственное явленіе, которыхъ Москва, по справедливости, можетъ похвалиться...

Затѣмъ Москва — скучная провинція. Ея безконечныя и мало оживленныя улицы наводятъ тоску на господина, привыкшаго къ петербургскому движенію. По пріѣздѣ моемъ въ Москву, я тотчасъ занялся устройствомъ моей экипажной части, по старой моей любви къ этому дѣлу, и пріобрѣлъ двѣ пары великолѣпныхъ рысаковъ, одну для жены, а другую для себя.

Придерживаясь петербургскихъ порядковъ, я распорядился, чтобы моя пара ежедневно къ 2 часамъ была у подъѣзда. Вмѣстѣ съ тѣмъ на вопросы мои: какія именно улицы исправляютъ здѣсь должность Невскаго проспекта и прелестныхъ Морскихъ, я получилъ общій отзывъ: Кузнецкій мостъ и Тверская. Окончивъ утреннія дѣловыя занятія мои, я садился въ экипажъ и приказывалъ летать по Кузнецкому мосту и Тверской. Увы! благодаря моимъ прекраснымъ лошадямъ, я дѣйствительно леталъ; но это выходило какъ-то глупо! Выходило, что и Кузнецкій мостъ и Тверская столько же походили на Невскій проспектъ и Морскія, сколько можетъ походить, напр. какой-нибудь дрянной трактиришко подъ фирмою „Малоархангельскъ“ на роскошную гостиницу, въ родѣ „Belleue“ и т. п. Выходило, что, еслибъ вмѣсто прекраснаго экипажа и прекрасныхъ лошадей, я выѣхалъ на Кузнецкій мостъ и Тверскую въ простыхъ пошевняхъ, на какой-нибудь клячѣ, результатъ былъ бы тотъ же самый. На меня смотрѣть рѣшительно было некому, точно такъ же, какъ и мнѣ смотрѣть было не на кого.

Въ то время, когда въ извѣстный часъ Невскій проспектъ и Большая Морская буквально затоплялись изящными франтами, изящными женщинами — на Кузнецкомъ мосту и Тверской можно было зрѣть только мужиковъ, бабъ, извощиковъ, прикащиковъ, солдатъ и т. п. и то въ такой же скромной пропорціи, какъ и на всѣхъ другихъ улицахъ. О той жизни, о томъ изяществѣ, которымъ въ эти часы блистали Невскій и Морская, рѣшительно и помину не было, и господинъ, привыкшій къ Петербургу, неминуемо долженъ былъ испытывать какое-то непріятное, тяжелое впечатлѣніе.

Однажды я сказалъ своему кучеру: „что ты меня возишь все по пустымъ улицамъ? Ступай туда, гдѣ много народу!“ Кучеръ отвѣчалъ мнѣ: „Ваше превосходительство! Народу много бываетъ подъ Новинскомъ на масляницѣ!“...

Такимъ образомъ я стоялъ между блескомъ моего оффиціальнаго положенія и скукой частной жизни. Впечатлѣнія мои раздѣляла и жена моя, и такъ какъ у насъ въ Петербургѣ оставались старшій сынъ въ училищѣ правовѣдѣнія, и дочь, въ частномъ пансіонѣ, то мы, пользуясь этимъ приличнымъ предлогомъ, безпрерывно летали въ Петербургъ, какъ говорится, „отвести душу“ то вмѣстѣ, то по очереди. Надобно замѣтить, что еще при первыхъ переговорахъ моихъ съ министромъ о новомъ моемъ назначеніи, я выговорилъ себѣ право пріѣзжать въ Петербургъ во всякое время, когда признаю нужнымъ, для личныхъ объясненій съ нимъ или департаментомъ, безъ всякихъ формальностей, отпусковъ и дозволеній. На первыхъ порахъ новой моей дѣятельности случаевъ для этихъ объясненій дѣйствительно было много, и я пользовался ими, чтобы, какъ говорится, разомъ убить двухъ зайцевъ: и казенное дѣло обдѣлать и повидаться съ близкими сердцу.

Такъ точно, вмѣстѣ съ женой, мы пріѣхали въ Петербургъ предъ святой недѣлей 1867 г. съ разсчетомъ провести тамъ всю эту недѣлю. Разсчетъ этотъ, однако же, не оправдался. Жена осталась тамъ, а я долженъ былъ возвратиться въ Москву среди недѣли и вотъ по какому случаю. На этой самой недѣлѣ самъ государь отправлялся въ Москву, чтобъ представить сей древней столицѣ новобрачныхъ: наслѣдника и цесаревну. Я полагалъ, что грядущія тамъ торжества обойдутся безъ меня, и что въ шумѣ этихъ торжествъ отсутствіе моей личности рѣшительно будетъ незамѣтно. Не такъ думалъ мой министръ. Онъ рѣшительно сказалъ мнѣ, когда зашла рѣчь объ этомъ: „что вы, что вы? Надо непремѣнно, чтобы государь видѣлъ васъ тамъ!“ Потомъ прибавилъ: „я бы самъ поѣхалъ въ вамъ въ Москву; но Николай Өедоровичъ (Здекауеръ) требуетъ, чтобъ я немедленно отправлялся въ Карлсбадъ“.

Ужъ не знаю, почему и на какомъ основаніи, вѣроятно подъ гнетомъ какого-то невольнаго предчувствія, совершенно не кстати, совершенно нескладно я нашелъ нужнымъ сказать графу: „Николай Ѳедоровичъ отличный докторъ, но лучше поменьше его слушать!“

Графъ, принимая насъ на святой, весь залитый въ золото своего оберъ-гофмейстерскаго мундира, казался совершенно бодрымъ и здоровымъ, и потомъ, въ то время, когда я откланивался ему, онъ при мнѣ давалъ чиновнику Чаруковскому, котораго бралъ съ собою за границу, различныя наставленія и приказанія и въ самомъ веселомъ расположенія духа сыпалъ остротами. Казалось, все предвѣщало графу пріятное и благополучное путешествіе.

Богу угодно было рѣшить иначе. Въ самомъ началѣ лѣта начали раздаваться уже зловѣщіе слухи о положеніи графа. Слухи эти то затихали, то усиливались. Къ концу лѣта стало извѣстно, что графъ въ положительной опасности. Понятенъ живой интересъ, съ которымъ я слѣдилъ за извѣстіями, сюда относящимися. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ сентября разнеслась роковая вѣсть, что графъ умеръ! Государство мало теряло, ибо графъ не былъ государственнымъ человѣкомъ; но почтовый міръ собственно терялъ чрезвычайно много, ибо графъ былъ наидобрѣйшій человѣкъ и въ этомъ отношеніи былъ достойнымъ наслѣдникомъ прежнихъ начальниковъ этого міра. Говорю это безъ всякаго пристрастія, потому что въ то время, когда я въ теченіе предыдущихъ пяти лѣтъ получилъ на Кавказѣ болѣе пяти наградъ, милѣйшій графъ, царство ему небесное!—въ теченіе такихъ же пяти лѣтъ, осыпая меня постоянно величайшими любезностями, и поставивъ меня на видное мѣсто, котораго я не искалъ, но котораго съ жадностью искали другіе, не далъ мнѣ ровно ничего. Какія соображенія руководили имъ въ этомъ отношеніи неизвѣстно, и я съ моею служебною гордостію, не только не старался разслѣдовать этотъ вопросъ, но считалъ даже неприличнымъ касаться его малѣйшимъ образомъ.

Когда получено было извѣстіе о кончинѣ графа, я былъ въ нашей подмосковной, гдѣ провелъ часть и преимущественно конецъ лѣта. Само собою разумѣется, что я бросилъ подмосковную, проскакалъ чрезъ Москву и полетѣлъ въ Петербургъ встрѣчать и погребать тѣло графа, которое ожидалось изъ-за границы. По прибытіи моемъ въ Петербургъ, тотчасъ обнаружился фактъ—чисто великороссійскаго характера: тѣло графа затерялось гдѣ-то въ дорогѣ! Чиновникъ (кажется, Кохъ), которому поручена была операція перевоза тѣла, сдавъ его на желѣзную дорогу, самъ ускакалъ впередъ и объявилъ, что оно прибудетъ тогда-то. Сообразно этому заявленію, сдѣланы были установленныя погребальныя публикаціи. Назначенное

время пришло, но тѣло не пришло. Пошли розыски и отмѣны публикацій. Послѣ различныхъ треволненій, изслѣдованій и хлопотъ тѣло графа наконецъ прибыло. Я живо помню этотъ вечеръ. На станціи Варшавской желѣзной дороги заблаговременно собрались: семейные графа съ его вдовою во главѣ, родные и знакомые его и, наконецъ, громадная толпа почтовыхъ и телеграфныхъ чиновниковъ, большихъ и малыхъ, равно какъ и духовенство почтовой церкви. Въ извѣстный часъ, когда поѣздъ приблизился къ станціи, всѣ бросились къ платформѣ, на которой былъ укрѣпленъ гробъ. Укрѣпленіе, очевидно, сдѣлано было добросовѣстными нѣмецкими руками, потому что раздѣлка гроба и перенесеніе его съ платформы на галлерею станціи продолжались весьма долго. Когда гробъ былъ перенесенъ на галлерею, на особо приготовленное мѣсто, попы и діаконы облачились и совершили установленное въ этихъ случаяхъ богослуженіе. Потомъ гробъ, предшествуемый этимъ духовенствомъ, перенесенъ былъ почтовыми и телеграфными чиновниками на рукахъ въ почтовую церковь. Видъ этой ночной погребальной процессіи былъ весьма эффектенъ. Толпы народа стояли на всемъ протяженіи отъ станціи Варшавской желѣзной дороги до Почтамтской церкви. Когда гробъ былъ внесенъ въ церковь, совершена была новая литія и за тѣмъ учреждено почетное ночное дежурство при гробѣ.

На другой день совершилось отпѣваніе. Весь высшій административный и аристократическій міръ собрался въ почтовую церковь. Предъ самымъ отпѣваніемъ прибылъ государь съ великими князьями и свитою. Отпѣваніе было довольно торжественное. Золотые мундиры и черныя платья дамъ, перемѣшиваясь, представляли прекрасное зрѣлище. Когда кончилось отпѣваніе, государь первый подошелъ къ гробу и взялся за одну изъ ручекъ, къ нему придѣланныхъ. За нимъ, разумѣется, послѣдовали всѣ сильные міра сего. Такимъ образомъ гробъ былъ вынесенъ на рукахъ изъ церкви и поставленъ на приготовленную колесницу. Затѣмъ открылось, по тому же пути, который пройденъ вчера, торжественное шествіе, расположенное по заранѣе составленному церемоніалу, въ которомъ значеніе министра почтъ и телеграфовъ сливалось съ значеніемъ придворнаго сановника, какъ гофмейстера. Я помню положительно, что тутъ болтались, между прочимъ, придворные скороходы. Шествіе направлялось къ Новодѣвичьему монастырю.

Государь, такъ много любившій графа при жизни, очевидно, желалъ заявить ему самое исключительное вниманіе и по смерти. Сначала онъ шелъ за гробомъ, по Вознесенскому проспекту, до Большой Мѣщанской. На углу этой улицы ему подана была коляска. Государь сѣлъ и уѣхалъ. За нимъ разлетѣлись всѣ припѣвающіе, счи-

тающіе великимъ счастіемъ и непремѣннымъ долгомъ болтаться тамъ, гдѣ только можно попасть на глаза государю, въ совершенномъ непредвидѣніи того, что потомъ произойдетъ. По отъѣздѣ государя за гробомъ шли только тѣ, которые уже не могли не идти: семейные, родные, почтовые и телеграфные чиновники... Но едва шествіе сдѣлало половину пути, какъ государь снова пріѣхалъ и присоединился къ нему. Идя за гробомъ, государь замѣтилъ вдову покойнаго и предложилъ ей руку. государь, высокій и стройный, шелъ прямо и повременамъ отвѣчая ей, ни разу не взглянулъ на спутницу. Когда гробъ приблизился къ могилѣ, государь снова взялся за него, чтобъ опустить его на землю. Когда гробъ опустили въ могилу и пѣли „вѣчную память“, государь положительно плакалъ...

Однако я долженъ вернуться назадъ, къ Святой недѣлѣ 1867 г., когда государь предположилъ представить новобрачныхъ древней Москвѣ. Я отправился изъ Петербурга за день до выѣзда императорской фамиліи, такъ что, вмѣстѣ со мною, въ томъ же поѣздѣ, ѣхала значительная часть государевой свиты. Надо замѣтить, что вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе разъясненныхъ въ предыдущихъ моихъ разсказахъ, большая часть свиты государевой знала меня, точно такъ же, какъ я зналъ большую часть свиты. Отъ этого произошло, что ѣдущіе вмѣстѣ со мною свитскіе господа требовали, чтобъ я сидѣлъ съ ними, и чтобъ столы и стулья почтоваго вагона перенесены были въ ихъ отдѣленіе, для устройства карточной битвы. Между разнообразною болтовнею—нѣкоторые обращались ко мнѣ съ такими словами: „мы надѣемся, что вы покажете намъ Москву!“ На это я отвѣчалъ: „это трудно для меня. Я самъ недавно въ Москвѣ и плохо ее знаю. Если хотите—я лучше дамъ Вамъ холостой праздникъ со всѣми прелестями, какія найдутся въ Москвѣ!“—„Прекрасно, прекрасно!“ отвѣчали многіе. Предложеніе это я сдѣлалъ потому, что жена моя оставалась въ Петербургѣ, и я дѣйствительно имѣлъ полную возможность задать пиръ на холостую ногу, по-кавказски. Впрочемъ, ни своимъ словамъ, ни восторгу моихъ спутниковъ я не придавалъ никакого значенія, предполагая, что въ ряду приготовляемыхъ Москвою торжественныхъ праздниковъ—все это будетъ забыто... На самомъ дѣлѣ вышло не такъ...

Коснувшись этихъ приготовляемыхъ въ Москвѣ, для встрѣчи молодой Августѣйшей четы, праздниковъ, я долженъ подвергнуть ихъ двоякому раздѣленію: во-первыхъ, на праздники, данные императорскою фамиліею, во дворцѣ, и на праздники, данные Москвою императорской фамиліи и, во-вторыхъ, на праздники, устроенные въ зда-

ніяхъ, какъ напр. балы, обѣды, и праздники на открытомъ воздухѣ, какъ напр. катанья среди народа, иллюминаціи и т. п. Праздники во дворцѣ были, какъ и всегда, великолѣпны въ высочайшей степени. Затѣмъ все остальное было очень плоховато. Балъ, данный дворянствомъ, напр., былъ безъ ужина, и это одно уже много говоритъ о столь прославленномъ гостепріимствѣ и хлѣбосольствѣ Московскомъ. Кромѣ того роскошь этого бала я узналъ собственнымъ опытомъ. Въ какомъ-то изъ многочисленныхъ буфетовъ, разбросанныхъ по заламъ собранія, я взялъ яблоко. Оно оказалось чистымъ деревомъ. Полагая, что такая гадость попала на почетное мѣсто какъ-нибудь ошибкой, я положилъ яблоко на буфетъ и взялъ грушу. Еще хуже. Эту грушу я съ трудомъ сбылъ одному изъ безчисленныхъ лакеевъ и никакъ не могъ понять, гдѣ именно почтенное московское дворянство достало такіе замѣчательные фрукты и какія цѣны платили за нихъ? Если они должны были служить одною декораціею только, то лучше бы замѣнить ихъ картонными или восковыми издѣліями: по крайней мѣрѣ тогда не было бы замѣтно посягательства на отравленіе...

Праздники, такъ сказать, воздушные, по своей печальной участи, уподоблялись совершенно праздникамъ, даннымъ во время коронаціи государя, которые я описывалъ выше, въ своемъ мѣстѣ. Все время пребыванія здѣсь императорской фамиліи, погода стояла отвратительная, а тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о воздушныхъ праздникахъ — погода, разумѣется, имѣетъ громадное значеніе. Отъ этого произошло, что иллюминація, къ которой готовились такъ долго, катанье императорской фамиліи подъ Новинскомъ и еще что-то въ этомъ родѣ совершенно не удались. „Полуудалось", если можно такъ выразиться, одно предпріятіе „полувоздушное" или „полукомнатное", въ которомъ вполнѣ выразились, съ одной стороны, безвкусіе русскаго или, лучше сказать, московскаго человѣка, а съ другой—его широкая натура и презрѣніе къ разсчетливости. Дѣло въ томъ, что московское купечество предположило выстроить, для принятія государя съ молодыми, особый павильонъ на Ширяевомъ полѣ, едва только освободившемся отъ снѣга—и выстроили! Павильонъ стоилъ, какъ говорили, болѣе 40.000 руб. Какъ ни сыпали деньгами, какъ ни торопили работами, павильонъ былъ готовъ только предъ самымъ отъѣздомъ императорской фамиліи.

И дѣйствительно, день праздника въ этомъ павильонѣ былъ въ то же время и днемъ отъѣзда государя съ молодыми, такъ что его величество прямо изъ павильона отправился на желѣзную дорогу. Праздникъ вышелъ какъ-то угловатымъ и неловкимъ. Начать съ того, что павильонъ былъ холодный, т. е. безъ печей, а погода стояла,

хотя свѣтлая, но, по самому сезону, сырая. Такимъ образомъ всѣ посѣтители порядкомъ мерзли и постоянно то надѣвали, то снимали свои верхнія платья. Съѣзжаться начали, если не ошибаюсь, съ 6 часовъ. Безконечные ряды катающихся тянулись по аллеямъ Ширяева поля и Сокольниковъ; многочисленныя толпы народа окружали павильонъ. Императорская фамилія, въ англійскомъ экипажѣ, съ жокеями, появилась довольно поздно и, сдѣлавъ нѣсколько туровъ по аллеямъ, посѣтила павильонъ.

Это былъ уже девятый часъ. Государя и молодыхъ усадили предъ особою эстрадою, задернутою занавѣсью. Когда занавѣсь была отдернута, предъ лицомъ императорской фамиліи предсталъ хоръ московскихъ цыганъ. Какъ-бы ни любили москвичи цыганъ, и какъ бы высоко ни цѣнили удовольствіе ихъ слушать, но въ настоящемъ случаѣ это угощеніе, преподносимое царю, не могло не казаться, особенно цесаревнѣ, страннымъ и мало приличнымъ. Не доставало только, по замѣчанію нѣкоторыхъ остряковъ, чтобы какая-нибудь „Маня“ или „Катя“ запѣла предъ государемъ любимыя московскими купцами пѣсни: „не уѣзжай, голубчикъ мой!“ Во время сладостнаго пѣнія цыганъ подавали чай. Все это продолжалось, впрочемъ, весьма недолго, потому что наступили сумерки, и все общество, вслѣдъ за императорской фамиліей, перешло на галлереи смотрѣть фейерверкъ. Фейерверкъ вышелъ хорошъ и удаченъ. Иллюминація по аллеямъ, растянутая на огромное пространство, вышла тоже эффектна. Послѣ фейерверка государь съ молодыми отправился прямо на желѣзную дорогу, такъ какъ отъѣздъ ихъ изъ Москвы назначенъ былъ въ 10 ч. вечера. Такимъ образомъ императорская фамилія наслаждалась удовольствіями павильона, если только наслаждалась, только часъ или полтора, и этотъ, можно сказать, „краткій моментъ“ стоилъ московскому купечеству болѣе 40.000 р.!

Давно замѣчено, что дѣло и предпріятія, особенно увеселительнаго рода, къ которымъ долго, сильно и усердно приготовляются—рѣдко удаются. Такъ именно и было съ московскими праздниками, къ которымъ долго и усердно готовились. Напротивъ, чрезвычайно удаются дѣла этого рода, возникающія экспромптомъ, вдругъ, безъ всякихъ приготовленій. Такъ было съ моимъ праздникомъ, который я задалъ царской свитѣ...

Нѣтъ нужды говорить, что, болтаясь почти ежедневно на оффиціальныхъ обѣдахъ и балахъ—я постоянно встрѣчался съ свитскими господами. Не излишне замѣтить только, что въ составѣ царской свиты находилось уже много кавказскихъ личностей и, слѣдовательно, старыхъ моихъ пріятелей, которые хорошо знали таланты мои по веселой части, проявившіеся еще на Кавказѣ, какъ напр.

графъ Воронцовъ-Дашковъ, князь Долгоруковъ, князь Мирскій, Николай, князь Орбеліани и т. д. Однажды, на какомъ-то балѣ, Илларіонъ Толстой, флигель-адъютантъ, племянникъ графа Ивана Матвѣевича и сынъ Николая Матвѣевича Толстого, ѣхавшій со мною вмѣстѣ по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга, сказалъ мнѣ: „вчера всѣ мы обѣдали вмѣстѣ. Я объявилъ имъ милую твою готовность дать намъ московскій праздникъ. Всѣ пришли въ восторгъ. Пожалуйста, не откажи!“—„Выбирайте день“, отвѣчалъ я, „я готовъ!“ Помню, что выбранъ былъ четвергъ, свободный отъ всѣхъ оффиціальныхъ праздниковъ. Я взялъ себѣ въ помощь тоже стараго кавказскаго пріятеля князя Гагарина, адъютанта военнаго министра Милютина, и вотъ написанный его рукою и сохранившійся въ моихъ бумагахъ списокъ лицъ, которыя первоначально были приглашены: Рылѣевъ, Воейковъ, Татищевъ, князь Манвеловъ, князь Мирскій, князь Орбеліани, князь Долгоруковъ, князь Барятинскій (сынъ Анатолія, адъютантъ наслѣдника), графъ Орловъ-Денисовъ, князь Оболенскій, Стюрлеръ, графъ Воронцовъ - Дашковъ, Толстой, графъ Татищевъ, Тучковъ, Кирилинъ, Толмачевъ, князь Барятинскій (сынъ Владиміра), князь Гагаринъ, (князь) Давыдовъ. Изъ москвичей: Араповъ, адъютанты генералъ-губернатора: князь Урусовъ, Величковскій, Звѣгинцевъ, Римскій-Корсаковъ.

Изъ этого списка видно, что я не залѣзалъ вверхъ и желалъ составить общество, такъ сказать „себѣ по плечу“, изъ свитскихъ генераловъ и флигель-адъютантовъ. Но обстоятельства невольно вытолкнули меня изъ этихъ скромныхъ предѣловъ, и вотъ какимъ образомъ. Наканунѣ моего праздника, въ тотъ день, когда московское дворянство давало свой балъ, утромъ, пріѣзжаетъ ко мнѣ генералъ-адъютантъ и шталмейстеръ князь В. И. Ба—скій, чтобъ, по свойственной ему вѣжливости и деликатности, заплатить мнѣ мой визитъ. Послѣ обычной въ подобныхъ случаяхъ болтовни, принявъ во вниманіе крайнюю юность его сына, хотя кавалергардскаго уже офицера, я счелъ нужнымъ сказать князю: „Ваше сіятельство! я пригласилъ завтра вашего сына. Отпустите его“. Князь отвѣчалъ: „очень благодаренъ вамъ, непремѣнно. А что будетъ?“ „Будетъ толпа свитскихъ; будетъ ужинъ; будутъ цыгане... Во всякомъ случаѣ нравственность вашего милаго юноши не подвергнется никакой опасности. Это я принимаю на свою отвѣтственность“, сказалъ я. „Помилуйте... Я очень радъ... Покорно васъ благодарю... И цыгане будутъ?“—какъ-то разсѣянно и неопредѣленно говорилъ князь. „Цыгане будутъ непремѣнно!“ отвѣчалъ я. „Это прекрасно!“ замѣтилъ князь. Потомъ, помолчавъ нѣсколько минутъ, видимо соображая что-то, князь нерѣшительно сказалъ: „а мнѣ вы позволите пріѣхать?“

„Приму за великую для себя честь!“ быстро отвѣчалъ я. „Если я не рѣшился пригласить васъ, то единственно по неизмѣримому разстоянію, насъ раздѣляющему“—„Покорно васъ благодарю!“ скромно сказалъ князь, „я непремѣнно буду“. Съ этими словами онъ уѣхалъ...

Эта неожиданная атака изъ высшей сферы поставила меня въ значительное затрудненіе. Я никакъ не могъ совладать съ вопросомъ: что будетъ дѣлать князь В. И., человѣкъ уже пожилой, почтенный и значительный, среди этой чистѣйшей молодежи... Какъ бы ни былъ онъ добръ, любезенъ и внимателенъ, я зналъ хорошо, что это не его среда и въ концѣ концовъ выйдетъ то, что или онъ стѣснитъ молодежь, или молодежь стѣснитъ его. Но я рѣшительно ничего не могъ придумать къ улучшенію дѣла, да и думать-то было некогда, и такъ какъ самъ князь былъ авторомъ этой штуки, то и ея послѣдствія, хорошія или дурныя, какія выйдутъ, я отнесъ къ его отвѣтственности...

Вечеромъ, въ тотъ же день, всѣ мы были на балѣ въ дворянскомъ собраніи, о которомъ я выше упоминалъ. Среди бала князь В. И. подошелъ къ мнѣ и, прежде всего, какъ-то многозначительно посмотрѣлъ на меня. Помолчавъ нѣсколько секундъ, князь сказалъ: „я въ ужасномъ затрудненіи, Василій Антоновичъ. Я много виноватъ предъ вами. Я, право, не знаю что дѣлать?“ Эти неопредѣленныя, нѣсколько таинственныя, слова удивили меня. Съ нѣкоторымъ безпокойствомъ я спросилъ князя: „что случилось, ваше сіятельство?“ „Ничего не случилось; но я въ большомъ затрудненіи...“ отвѣчалъ князь. Съ этими словами онъ смотрѣлъ на меня и, казалось, на моемъ лицѣ искалъ разрѣшенія своихъ затрудненій. „Въ чемъ же дѣло?“ настоятельно спросилъ я. „Въ томъ, что всѣ къ вамъ просятся и пристаютъ ко мнѣ“, отвѣчалъ князь, „видите вонъ!...“ прибавилъ князь. Я взглянулъ по направленію, указанному имъ, и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ увидѣлъ графа Александра Владиміровича Адлерберга, внимательно и съ улыбкою слѣдящаго за нашими странными переговорами... „Я въ восторгѣ, ваше сіятельство!“ сказалъ я, понявъ, наконецъ, въ чемъ дѣло, „безконечно радъ... такая честь... я никогда бы не рѣшился“.—„Ну пойдемте къ нему!“ сказалъ князь. Когда мы приблизились къ графу и прежде, нежели я успѣлъ сказать что-нибудь, онъ встрѣтилъ меня словами: „развѣ это по-пріятельски, Василій Антоновичъ? Всѣхъ зовете, а меня забыли!“—Я старался выразить, что онъ слишкомъ большой баринъ, чтобъ я самъ позволилъ себѣ его приглашать, что я очень радъ и благодаренъ его милому желанію быть у меня и т. п.

Графъ прервалъ мои изъясненія словами: „ну, ужъ пригласите

и этихъ господъ; видите, какъ они ждутъ...“ и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на находившихся вблизи и пристально смотрящихъ на насъ— графа Ламберта, князя Менщикова, Кушелева... Само собою разумѣется, что я тотчасъ исполнилъ порученіе графа и такимъ образомъ, совершенно противъ моихъ разсчетовъ, но къ величайшему моему удовольствію, списокъ приглашенныхъ на мой вечеръ увеличился пятью генералъ-адъютантами. Этого мало, князь В. И., слѣдя за дѣлаемыми мною приглашеніями, въ заключеніе спросилъ меня: „хотите Шувалова?“ Шуваловъ зналъ меня, но далеко не такъ близко, какъ Барятинскіе, Адлерберги, Ламбертъ и др., такъ что вопросъ князя нѣсколько озадачилъ меня, тѣмъ болѣе, что въ этотъ моментъ графъ Шуваловъ считался на верху своей силы и значенія. Помолчавъ нѣсколько секундъ, я неопредѣленно сказалъ: „Не будетъ ли это черезъ чуръ громоздко, ваше сіятельство?“ „Ну, и то правда!“ добродушно замѣтилъ князь...

Распоряженія мои по устройству этого, истинно достопамятнаго, вечера были весьма немногосложны. Лучшему изъ московскихъ поваровъ приказано было приготовить великолѣпный ужинъ. Командиру, кажется, единственнаго въ Москвѣ цыганскаго хора Ѳедору Соколову приказано въ назначенный часъ явиться съ своимъ хоромъ въ самомъ блестящемъ видѣ и непремѣнно съ знаменитой „Маней“. Цыганка „Маня“, стройная и красивая собой, съ прекраснымъ контральтовымъ голосомъ, когда-то принадлежала душой и тѣломъ къ цыганскому хору. Красотою и своимъ пѣніемъ она плѣнила какого-то московскаго барина, богатаго аристократа, который извлекъ ее изъ хора и сдѣлалъ исправляющею должность его жены. Такимъ образомъ, „Маня“ не принадлежала уже собственно къ хору и держала себя барыней. Но по добротѣли своего сердца или по какимъ-либо таинственнымъ условіямъ съ хоромъ, въ торжественныхъ, исключительныхъ, случаяхъ она присоединялась къ нему, такъ что при договорѣ съ Ѳедоромъ Соколовымъ надобно было уже положительно и ясно опредѣлить ту статью: будетъ ли хоръ пѣть съ Маней или безъ Мани? Петербургскіе свитскіе господа пронюхали всѣ эти подробности и требовали отъ меня настоятельно, чтобы Маня непремѣнно и во что бы то ни стало была у меня. Такъ какъ тутъ все зависѣло отъ размѣра платы, то мнѣ не трудно было исполнить это требованіе. Маня была, и я съ благодарностью долженъ сказать, что ей именно, по крайней мѣрѣ на половину, обязанъ былъ мой вечеръ своимъ неожиданно блестящимъ успѣхомъ.

Наконецъ, моему старому и вѣрному камердинеру приказано было заготовить море вина. Надобно замѣтить, что тифлисскій „монтекристо“ Мирзоевъ и съ удаленіемъ моимъ съ Кавказа не пресѣкалъ

своей ко мнѣ пріязни и въ доказательство таковой высылалъ ко мнѣ транспорты лучшаго кахетинскаго вина. По настояніямъ доктора, а главное по указанію разныхъ болѣзненныхъ явленій, я въ эту пору не пилъ уже никакого, не только кахетинскаго вина и потому значительную часть его разсылалъ моимъ знакомымъ, записнымъ любителямъ этого вина. За всѣмъ тѣмъ, у меня не истощались большіе запасы его. Въ день моего праздника, отдавая приказанія моему камердинеру по винной части, я сказалъ, между прочимъ: „въ числѣ гостей будетъ много кавказцевъ. Ты держи наготовѣ кахетинское. Многіе его любятъ!"—„Что вы, сударь!" возразилъ мнѣ какимъ-то недовольнымъ тономъ мой камердинеръ, „кто же здѣсь будетъ пить кахетинское, когда есть шампанское и другія дорогія вина?"—„Ну, какъ знаешь. Я только такъ сказалъ!" уклончиво отвѣчалъ я.

Здѣсь и кончились мои распоряженія, ибо блистательное освѣщеніе моихъ великолѣпныхъ комнатъ, равно какъ и эффектнаго зимняго сада, было уже дѣломъ моихъ лакеевъ. Сборъ гостей условленъ былъ къ 11 часамъ, а потому столъ для ужина былъ накрытъ въ особой прекрасной столовой заблаговременно, до наступленія этого времени. Я разсчитывалъ, что на съѣздъ уйдетъ часъ и за тѣмъ предполагалъ въ 12 часовъ усадить всѣхъ прямо за ужинъ, зная по многочисленнымъ опытамъ, что послѣ ужина, когда всѣ подопьютъ, дѣло идетъ всегда живѣе и лучше. Въ назначенный часъ молодежь дружно начала валить въ комнаты. За нею стали появляться болѣе почетные, сверхштатные, такъ сказать, господа, о которыхъ я говорилъ выше. Въ половинѣ двѣнадцатаго пріѣхалъ графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ, и здѣсь я не могу не отмѣтить новой черты, знаменующей могущество личнаго значенія „на всякомъ мѣстѣ владычествія его".

Посѣтители, свитскіе генералы и флигель-адьютанты, по мѣрѣ прибытія, начинали первоначально бродить по всѣмъ комнатамъ и потомъ сосредоточивались въ моей великолѣпной залѣ, долженствующей быть мѣстомъ цыганскаго пѣнія и всѣхъ грядущихъ увеселеній. Сильный гулъ и говоръ стоялъ надъ собравшеюся здѣсь толпою. Когда вошелъ графъ Адлербергъ, все стихло и почтительно встрѣтило его. Я думалъ, тѣмъ и ограничится выраженіе почтительныхъ къ нему отношеній. Предположеніе это имѣло большое основаніе. Во-первыхъ, кому не извѣстна прелесть и деликатность обращенія графа Александра Владиміровича, деликатность, полная искренности и чуждая рѣшительно всякой фанаберіи? Во-вторыхъ, графъ Адлербергъ хорошо зналъ всѣхъ, у меня собравшихся, точно такъ же, какъ они знали хорошо графа Адлерберга, ибо, раздѣляясь на различныя

степени, всѣ они принадлежали къ одному и тому же корпусу царедворцевъ. Въ-третьихъ, мой вечеръ не былъ ни придворнымъ баломъ, ни дворцовымъ выходомъ, ни парадомъ и т. п., гдѣ сравнительная степень чиновъ и постовъ, такъ сказать, обязательно должны выступать наружу, и простота взгляда графа на мое предпріятіе выражается болѣе всего тѣмъ, что онъ самъ милѣйшимъ образомъ напросился ко мнѣ, забывая совершенно свое придворное и государственное величіе. Однако, несмотря на солидность всѣхъ этихъ соображеній, произошло то, чего никакъ нельзя было ожидать. Въ тотъ моментъ, когда я принималъ и усаживалъ графа, вся толпа, шумѣвшая въ залѣ, сполна и безъ исключенія, исчезла изъ залы и сосредоточилась въ сосѣдней комнатѣ. Исчезновеніе это произошло такъ неловко, что когда мы усѣлись съ графомъ—пустота залы, дотолѣ полной, поразила насъ, и графъ встревоженно сказалъ: „что же это? Неужели я разогналъ всѣхъ“? Я тотчасъ вскочилъ съ своего мѣста и началъ сгонять всѣхъ опять въ залу.

Наступило 12 часовъ. Почти всѣ собрались. Къ удивленію, не было только ни князя В. И—ча, ни его юнаго сына, тогда какъ, по существу предыдущихъ обстоятельствъ, выше мною разсказанныхъ, слѣдовало ожидать, что они явятся прежде всѣхъ. Графъ Адлербергъ объяснилъ впрочемъ, что князь Владиміръ Ивановичъ долженъ былъ заѣхать къ кому-то и что онъ непремѣнно будетъ. Послѣ нѣкотораго, какъ и всегда, малопріятнаго ожиданія, рѣшено было не дожидаться князя и сѣсть безъ него за ужинъ въ предположеніи, что онъ подъѣдетъ. И дѣйствительно, въ самомъ началѣ ужина князь пріѣхалъ и, въ самомъ веселомъ расположеніи духа, помѣстился подлѣ графа Адлерберга. Сына съ нимъ, однако, не было. На вопросъ мой о причинахъ его отсутствія князь Владиміръ Ивановичъ началъ что-то говорить о головной боли, которая удержала сына; но графъ Александръ Владиміровичъ прервалъ милѣйшимъ образомъ это объясненіе и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: „я удивляюсь вамъ, Василій Антоновичъ! Ну, можно ли спрашивать его, почему сына нѣтъ. Развѣ это не ясно безъ разспросовъ? Развѣ вы не знаете, какъ неловко и непріятно присутствіе сына, когда самъ папенька намѣренъ покутить“?

Я помѣстился за столомъ противъ графа и князя. По сторонамъ и кругомъ стола помѣстились всѣ, кто какъ хотѣлъ, безъ всякаго порядка и системы. Въ началѣ ужина, я громогласно сказалъ: „Мм. Гг., позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одно предложеніе. Предупреждаю, что оно касается собственныхъ вашихъ интересовъ. На Кавказѣ есть много туземныхъ обычаевъ. Изъ нихъ нѣкоторые очень хороши. Хорошимъ обычаемъ я считаю избраніе во всѣхъ случаяхъ.

подобныхъ настоящему, „толумбаша“. „Толумбашъ“ есть отвѣтственное лицо за веселье пира. Рекомендую вамъ князя Мирскаго. Вы знаете, что онъ храбрый офицеръ. Я знаю, что опытность его въ военныхъ дѣлахъ не превосходитъ опытности его въ дѣлахъ веселаго рода. Я увѣренъ, что онъ оправдаетъ ваше довѣріе. Хотите его толумбашемъ“? Такое начало было очень удачно. Еще въ то время, когда я говорилъ эти слова, многія улыбающіяся лица свидѣтельствовали, такъ сказать, объ общемъ удовольствіи, что дѣло принимаетъ такой оборотъ. Когда я кончилъ, шумное одобреніе утвердило мое предложеніе. Затѣмъ я объявилъ: „любителямъ кахетинскаго да будетъ вѣдомо, что источники самыхъ высокихъ сортовъ этого кавказскаго вина у меня не изсякаемы“! Вопреки соображеніямъ моего камердинера объявленіе это принято было большинствомъ съ непритворною радостью, и я тутъ же долженъ сказать, что его предпочитали всѣмъ другимъ винамъ и что потомъ, послѣ моего праздника, я посылалъ значительныя партіи его во дворецъ моимъ пріятелямъ и даже, когда они уѣзжали изъ Москвы, большой ящикъ этого вина поѣхалъ съ ними по желѣзной дорогѣ. Но что болѣе всего меня удивило—это то, что графъ Александръ Владиміровичъ, котораго никакъ нельзя считать кавказцемъ, хотя онъ и посѣщалъ, вмѣстѣ съ государемъ, Кавказъ, въ слѣдъ за моимъ объявленіемъ, сказалъ: „Ахъ, какое счастье!“ и затѣмъ дѣйствительно не пилъ никакого другого вина, кромѣ кахетинскаго.

Мирскій повелъ дѣло чрезвычайно жарко. Объявивъ о необходимости полнаго повиновенія его распоряженіямъ, онъ сталъ издавать и объявлять такія повелѣнія, которыя, несмотря на всю мою опытность, ставили меня самого въ тупикъ. Такъ напр. онъ провозглашалъ тройные тосты, т. е. обязанность выпить за одинъ разъ три раза и т. п. Удивительное дѣло! Именно графъ Адлербергъ и князь В. И. Б—кій первые подавали примѣръ безпрекословнаго исполненія приказаній „толумбаша“. Считая, не знаю, впрочемъ, почему графа особенно слабоватымъ по этой части и видя, какъ онъ постоянно глоталъ значительныя дозы кахетинскаго, я не безъ нѣкоторой тревоги сказалъ ему: „будьте осторожны, графъ“! На это онъ, какъ и всегда, чрезвычайно мило отвѣчалъ: „да что прикажете дѣлать?“ Понятно, что мнѣ никакъ не могло быть пріятно, если бы князь Мирскій, своими усиленными атаками, привелъ этого милаго человѣка въ неловкое положеніе, но послѣдствія показали, что тревоги мои были совершенно напрасны. Графъ великолѣпно пилъ и оставался крѣпче многихъ и особенно князя В. И...

Пущенные Мирскимъ: „алла верды“ и „якши іолъ“ чрезвычайно усиливали разгаръ дѣла. Я, кажется, объяснялъ уже выше сущность

и могущество этихъ словъ. Эти два слова образовывали такую безконечную и сильную цѣпь, изъ которой рѣшительно не было никакой возможности никому выпутаться. Если вамъ сказали: „алла верды“, вы обязаны схватиться за стаканъ и, сказавши: „якши iôлъ“ выпить столько, сколько выпилъ адресовавшiй къ вамъ: „алла верды“; въ то же время вы обязаны адресовать свое „алла верды“ кому хотите и опять пить... Едва вы отбились такимъ образомъ отъ одного „алла верды“, какъ на васъ несется съ другаго конца другое „алла верды“, а иногда два разомъ, а иногда три разомъ... Однимъ словомъ, человѣку, попавшему въ этотъ передѣлъ—остаться цѣлымъ рѣшительно невозможно. При томъ надо замѣтить, что эта цѣпь живетъ и дѣйствуетъ совершенно независимо отъ распоряженiй толумбаша, который своимъ порядкомъ объявляетъ то или другое повелѣнiе. Новизна увлекательна: на Кавказѣ, гдѣ туземные люди постоянно въ подобныхъ передѣлахъ, они изобрѣли разные прiемы, которые, подобно спасительнымъ лодкамъ, спасаютъ ихъ отъ конечнаго крушенiя въ этомъ винномъ морѣ. Здѣсь, у меня, не многiе владѣли подобною опытностью; большинство, состоявшее изъ молодыхъ генераловъ свиты и флигель-адъютантовъ, увлекались собственно прелестью кавказскаго обычая и желанiемъ, хоть въ этомъ отношенiи, походить на истинныхъ кавказцевъ.

Отъ этого происходило, что на всѣхъ концахъ стола только и слышались: „алла верды“ и „якши iôлъ!“ Отъ этого произошло тоже, что мой ужинъ весьма скоро, не достигнувъ, кажется, и половины, потерялъ всякую стройность и гармонiю. По плану вечера было опредѣлено, что во время ужина цыгане сосредоточатся и расположатся какъ имъ удобнѣе, въ залѣ, и что послѣ ужина всѣ мы перейдемъ тоже въ залу и будемъ слушать ихъ пѣнiе. Если бы мы съ Мирскимъ не ввели въ нашъ ужинъ кавказскихъ порядковъ—такое солидное предположенiе получило бы вѣроятно солидное исполненiе; но по милости этихъ порядковъ все пошло вверхъ дномъ...

На бѣду столовая находилась почти рядомъ съ залой и раздѣлялась только небольшимъ корридоромъ. Молодежь, увидѣвъ цыганокъ — начала вскакивать изъ-за стола и перебѣгать къ нимъ. Дезертирство это стало усиливаться болѣе и болѣе и наконецъ дошло до того, что стройные ряды, сидѣвшiе за столомъ, разорвались и остававшiяся за нимъ личности уподоблялись рѣдкимъ колосьямъ на обширномъ полѣ. Наконецъ, слышно было, что страшный любитель пѣнiя сѣлъ за рояль и при помощи цыганъ старался преодолѣть какой-то дуетъ.

Это повело къ окончательнымъ безпорядкамъ. Господа, остававшiеся еще на полѣ брани, т. е. за столомъ, видимо рвались туда же, такъ

что различныя произведенія заподряженнаго мною повара появлялись и исчезали нетронутыми. Я употреблялъ всевозможныя усилія, чтобъ возстановить и поддержать порядокъ: но усилія эти оставались рѣшительно безплодными. Графъ Александръ Владиміровичъ, слѣдя съ улыбкою за моими хлопотами по этой части, сказалъ наконецъ: „напрасно хлопочете! Ничего не сдѣлаете. Встанемъ лучше“. Я долженъ былъ послѣдовать этому совѣту, и остальная часть бывшихъ за столомъ шумно и дружно ринулась въ залу, хотя въ то же время изъ другихъ дверей столовой появились оффиціанты съ новыми произведеніями бѣднаго повара.

Громадная зала, блистательно освѣщенная, представляла слѣдующій видъ: во всю ширину залы разставлены были полукругомъ стулья, на которыхъ и размѣщались цыганки въ самыхъ лучшихъ ихъ нарядахъ.

Среди ихъ блистала красотой и костюмомъ знаменитая „Маня“. Позади цыганокъ по обыкновенію стояли ряды цыганъ, покручивая усы и сверкая своими черными, плутовскими, глазами. Противъ цыганъ разставлено было нѣсколько рядовъ креселъ и стульевъ для слушателей. Сзади этихъ рядовъ поставлены были, на извѣстномъ одинъ отъ другого разстояніи, три стола: на среднемъ изъ нихъ было шампанское, въ вазахъ со льдомъ: на одномъ изъ боковыхъ кахетинское, на другомъ изъ боковыхъ разные лафиты и другія европейскія вина. Подлѣ каждаго изъ этихъ столовъ поставленъ былъ человѣкъ съ обязанностью строго наблюдать, чтобы источники не изсякали.

Въ рядахъ цыганъ и въ отдѣлѣ винъ держался указанный порядокъ, въ рядахъ слушателей немедленно произошелъ такой хаосъ, что всякіе ряды изчезли, хотя слушатели были на-лицо.

Когда все сосредоточилось и расположилось въ залѣ, цыгане грянули пѣсню. Вино, дѣйствующее внутри, и глаза хорошенькихъ цыганокъ, дѣйствующіе извнѣ — тотчасъ привели всѣхъ присутствующихъ въ восторженное состояніе. Еще не кончилась пѣсня, какъ всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ и каждый старался примкнуть къ цыганкѣ, наиболѣе отвѣчающей его вкусу. Такъ какъ любителей красоты было больше, чѣмъ хорошенькихъ женщинъ, то нѣкоторые вдвоемъ, втроемъ и даже впятеромъ, присаживались къ одной и старались обогнать другъ друга на поприщѣ любезностей и очарованія. Цыганки, казалось, чувствовали величіе момента. Онѣ видѣли, съ ихъ безпримѣрнымъ искусствомъ видѣть все, что тутъ соединилось вокругъ нихъ все блестящее, все молодое, все богатое. Онѣ сознавали, что этотъ моментъ свелъ ихъ не съ московскими купцами, но съ графами, князьями, блестящими царедворцами.

Понятно, какъ сильно и усердно старались онѣ показать себя. Кружки, образовавшіеся около каждой изъ нихъ, такъ и оставались въ цѣлости на весь вечеръ. Разрывались они единственно за тѣмъ, чтобы обратиться къ извѣстнымъ столамъ и выпить во славу какой-нибудь: Тани, Маши или Кати.

Но истинною звѣздою первой величины блистала „Маня". Красивая, умная, видимо облагородившаяся уже, съ большими, черными ласкающими глазами, великолѣпнымъ, симпатичнымъ, голосомъ; Маня была дѣйствительною царицею вечера, и ни о какомъ соперничествѣ съ нею — не могло быть и рѣчи. За то и приковала она къ себѣ, буквально приковала, два самые великолѣпные экземпляра изъ моихъ гостей, хотя не первой свѣжести. Весело и мило было смотрѣть, какъ эти два посѣдѣвшіе уже царедворца прилѣпились къ простой цыганкѣ и ни на минуту, ни на шагъ, не отходили отъ нея. Когда она пѣла, они пристально смотрѣли въ ея выразительные глаза, по обычаю цыганокъ вѣчно сулящіе что-то. Это еще понятно. Когда она не пѣла — они неустанно говорили съ ней. Это уже не совсѣмъ понятно. Когда антракты, особенно къ концу вечера, были продолжительны, они втроемъ уединялись въ сосѣднюю комнату и тамъ тоже вели какія-то таинственныя бесѣды. Мнѣ часто приходило въ голову, какое бы впечатлѣніе испытали чопорныя супруги этихъ знатныхъ господъ, если бы какимъ-нибудь чудомъ увидѣли своихъ муженьковъ, прильнувшихъ къ черноокой Манѣ?

Само собою разумѣется, что, видя эту плѣнительную добычу въ рукахъ такихъ могущественныхъ львовъ, никто изъ остальной братіи не дерзалъ уже касаться ея. Какъ будто бы, какимъ невѣдомымъ договоромъ и соглашеніемъ, эта добыча была отмежевана сполна и нераздѣльно въ ихъ полное и безспорное владѣніе. Но если не было никакого спора со стороны, то это нисколько не мѣшало существованію внутреннихъ споровъ между самими львами. И надо по справедливости сказать, что эти споры велись ими самымъ милѣйшимъ, очаровательнымъ образомъ. Зачинщикомъ, сколько я могъ замѣтить, всегда былъ графъ А. В. Такъ напр., когда Маня смотрѣла лукаво то на того, то на другого, графъ вдругъ закрывалъ рукою лицо князя, такъ что ни Маня не могла его видѣть, ни онъ Маню. Въ другихъ случаяхъ, когда князь слишкомъ заговаривался съ Маней, графъ вставалъ и переворачивалъ стулъ князя, вмѣстѣ съ нимъ, задомъ на передъ, такъ что князь становился къ Манѣ затылкомъ. Подобныя милыя продѣлки, разумѣется, только усиливали прекрасное и веселое настроеніе общества.

Никакихъ рельефно выдающихся подробностей моего вечера рѣшительно не было. Пѣсни и пляски цыганъ, любезничанье съ хоро-

шенькими цыганками, постоянныя возліянія то въ честь этой, то во славу другой—все это чередовалось и перемѣшивалось самымъ оживленнымъ образомъ. Дневной свѣтъ давно уже установился, а никто и не думалъ напоминать о разъѣздѣ. Когда графъ Адлербергъ первый упомянулъ объ этомъ необходимомъ заключеніи всевозможныхъ вечеровъ и праздниковъ, какъ бы веселы они ни были, толпы окружили его и засыпали просьбами остаться еще „хоть немножко", какъ всегда говорится въ подобныхъ случаяхъ. Отбиваясь отъ этихъ просьбъ и съ улыбкою обратившись ко мнѣ, графъ сказалъ: „вотъ странные господа! Они пріѣдутъ домой и завалятся спать: а я долженъ разобрать кучу бумагъ, которая ожидаетъ меня на моемъ письменномъ столѣ, и итти съ докладомъ къ государю". Скоро послѣ того, при полномъ дневномъ свѣтѣ, гости мои, довольные и благодарные, шумно разъѣхались.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что шумъ о моемъ праздникѣ не только наполнилъ тотчасъ Москву, но и перешелъ въ Петербургъ. Можно думать, что онъ дошелъ и до высочайшаго свѣдѣнія. Каждый изъ знакомыхъ мнѣ москвичей, встрѣчаясь со мной, непремѣнно начиналъ говорить объ этомъ праздникѣ. Каждое письмо отъ петербургскихъ моихъ знакомыхъ непремѣнно упоминало о немъ. Петербургскіе мои пріятели, проѣзжая чрезъ Москву, непремѣнно говорили: „слышали мы, батюшка" и т. д. Само собою разумѣется, что этотъ лестный шумъ истекалъ не собственно изъ устройства моего праздника, въ которомъ и не было ничего необычайнаго, но исключительно изъ счастливаго соединенія на немъ высокихъ и блестящихъ личностей. Въ этомъ именно, счастливомъ соединеніи, я вижу, какъ и всегда, свое обычное счастіе. Мало ли въ Москвѣ аристократовъ, имѣющихъ связи съ придворнымъ міромъ, богатѣйшихъ людей, готовыхъ изъ одного тщеславія сорить тысячами? Между тѣмъ, ни одинъ изъ московскихъ аристократовъ, ни одинъ изъ московскихъ богачей не сдѣлалъ того, что сдѣлалъ я, не аристократъ и не богачъ! Не созвалъ къ себѣ придворныхъ господъ и не надѣлалъ шуму своимъ праздникомъ въ Москвѣ и Петербургѣ! Не особенное ли это счастье?

„Все это прекрасно!" замѣтитъ кто-нибудь изъ моихъ читателей съ разстроенною печенью, „только можно бы и не размазывать такъ долго обстоятельства, совершенно простого и не имѣющаго никакого серьезнаго значенія!"—„Ахъ! это совершенная правда!" чистосердечно скажу и я. Но не тщеславіе, не хвастовство водитъ моимъ перомъ въ эту минуту, а какое-то грустное тяжелое чувство, въ которомъ я и самъ не могу отдать себѣ отчета. Дѣло въ томъ, что этимъ веселымъ пиромъ я хочу заключить мои болтливыя

записки и поставить здѣсь точку. Я не могу изобразить, какъ странно дѣйствуетъ на меня это, тоже совершенно простое, обстоятельство. Мнѣ кажется, что я долженъ разстаться съ какимъ-то невидимымъ другомъ, съ которымъ такъ долго и такъ искренне бесѣдовалъ, повѣряя ему не только то, что дѣлалъ, но и то, что думалъ въ различные моменты моей жизни. Строгій читатель, такъ сурово атаковавшій меня своимъ замѣчаніемъ, если попристальнѣе взглянетъ на свое прошедшее, вѣроятно припомнитъ въ немъ явленіе слѣдующаго рода: входите вы, напр., въ какое-нибудь не совсѣмъ знакомое вамъ общество, первыя впечатлѣнія ваши неблагопріятныя: вы предвидите одну скуку и скоро погружаетесь въ соображеніе, какъ бы поприличнѣе удрать. Между тѣмъ съ вами начинаетъ говорить кто-нибудь: манера и сущность разговора вамъ нравятся; къ вамъ присоединяется кто-нибудь третій, потомъ четвертый, потомъ пятый и т. д. Бесѣда дѣлается живою и занимательною; вы входите, какъ говорится „въ ударъ“ и сыплете вашими мыслями и соображеніями. Вамъ пріятно видѣть, что васъ слушаютъ съ вниманіемъ и уваженіемъ. Вы замѣчаете, что „пора бы и по домамъ“, но вамъ уже не хочется бросить занимательной бесѣды, и вы уже сами стараетесь всѣми средствами продлить и поддержать ее. Наконецъ, когда уже, безъ нарушенія приличій, становится невозможнымъ ни продлить, ни поддержать бесѣды—вы оставляете ее съ чувствомъ какого-то сожалѣнія. „А можетъ быть вы и не испытывали подобныхъ впечатлѣній, мой суровый читатель? Въ такомъ случаѣ, я вамъ скажу, что мнѣ доводилось много разъ испытать ихъ“...

Нѣчто подобное происходило и съ моими записками. Когда я, совершенно безцѣльно, началъ чертить первыя страницы—надо мною господствовало положительно непріятное чувство. Неизвѣстность, что изъ этого выйдетъ, какъ выйдетъ, отсутствіе яснаго сознанія: для чего я начинаю писать свои записки—какъ-то томили меня, и голосъ русской лѣни, голосъ той неустойчивости русскаго человѣка, которая проявляется во всѣхъ дѣлахъ, требующихъ труда, времени, энергіи—не разъ шепталъ мнѣ: „брось эти глупости! куда забираешься? Кому нужна твоя болтовня? что въ ней интереснаго?“ Считаю тоже великимъ счастьемъ для себя, что хотя я прислушивался внимательно къ этому голосу, но не сразу ему повиновался и какъ-то замедлялъ рѣшеніемъ: быть или не быть моимъ запискамъ? Когда, замедляя это рѣшеніе и подвигая впередъ мои записки, я очутился уже въ самой глубинѣ моихъ воспоминаній—для меня стало ясно, что бросать начатое дѣло было уже поздно и что бы изъ него ни вышло—надобно вести его до конца.

Но, принявъ это рѣшеніе, я въ то же время поддался давленію какого-то смущенія предъ громадностью того, что лежитъ впереди и передъ неизвѣстностью: когда и какъ я доберусь до этого конца. Теперь, когда я подошелъ къ этому концу, я испытываю глубочайшее сожалѣніе, что долженъ разстаться съ моими записками, и если дѣйствительно черезчуръ много говорилъ о моемъ праздникѣ, то вовсе не потому, что нужно было много говорить, а потому собственно, что мнѣ не хотѣлось перестать говорить...

Говорить мнѣ больше нечего. Развившаяся въ настоящее время гласность стала говорить за всѣхъ и обо всемъ и чуть ли не больше, чѣмъ слѣдуетъ. Въ то же время ни по лѣтамъ, ни по своему расшатанному здоровью, я не ожидаю, да и не желаю, никакихъ перемѣнъ въ моемъ личномъ положеніи, которыя могли бы ввести меня въ новый и незнакомый мнѣ міръ. Если бы, противъ моихъ желаній, и послѣдовали эти перемѣны, то я убѣжденъ, что и на другомъ поприщѣ увижу то же самое, что видѣлъ доселѣ на всѣхъ другихъ поприщахъ, т. е. „мелкое плаваніе человѣчества по житейскому морю“ и то „толченіе воды“ или, „переливаніе изъ пустого въ порожнее“, о которомъ я позволилъ себѣ такъ много и такъ дерзко разсуждать выше...

Богъ съ ними, съ этими перемѣнами! я не такъ глупъ, чтобъ стремиться, подобно другимъ, подняться на полвершка повыше и чтобы одну ленту замѣнить другою. Напротивъ, я глубоко благодаренъ Богу, между прочимъ, и за то, что Онъ даровалъ мнѣ, безъ всякихъ моихъ искательствъ, лучшее изъ положеній, въ которомъ человѣкъ можетъ, не безъ пользы для государства, провести остатокъ дней... У московскаго почтдиректора есть довольно почету; есть возможность оказывать обществу разныя услуги, есть возможность, еще лучшая, дѣлать добро огромной массѣ подчиненныхъ. У московскаго почтдиректора есть, наконецъ, рѣдкое въ административномъ мірѣ благополучіе, состоящее въ томъ, что ему докладываютъ, а онъ никому не докладываетъ, благополучіе, недоступное знатнѣйшимъ чиновникамъ петербургской сферы, ибо директоры департаментовъ докладываютъ своему министру, а министры, въ свою очередь, докладываютъ государю... Въ то же время у московскаго почтдиректора нѣтъ ничего головоломнаго, ничего тревожнаго, ничего такого, что бы могло опрокидывать на него тѣ массы укоровъ, обвиненій, даже насмѣшекъ, которыми въ нынѣшнее крутое, разнузданное, время осыпаютъ гласно и нисколько не церемонясь всѣ министерства, всѣ вѣдомства и даже всѣ значительныя личности, входящія въ составъ нашего правительства. Главная задача московскаго почтдиректора состоитъ единственно въ томъ, чтобъ быть пріятнымъ публикѣ и

заботиться о ея интересахъ. Задача ни для кого, ни даже для самаго ограниченнаго господина, не трудная, и я имѣю много доказательствъ, что въ этомъ отношенiи московское общество сильно мнѣ симпатизируетъ. Послѣ всего этого не должно ли считать великимъ счастiемъ, что человѣкъ, такъ много поработавшiй на своемъ вѣку, человѣкъ, у котораго бока начинаютъ побаливать, голова начинаетъ покруживаться, человѣкъ, такъ сказать, надломленный частiю трудами, частiю кутежами, очутился, на закатѣ жизни, въ такомъ почетномъ и покойномъ положенiи и съ благодарностью Богу можетъ безмятежно ожидать перехода изъ этой жизни въ другую жизнь!

Этого мало. Если бы я былъ изъ тѣхъ людей, которые, оканчивая всѣ разсчеты съ этою жизнью, находятъ еще нужнымъ позаботиться о томъ, какiя распоряженiя должны быть исполнены при ихъ погребенiи, т. е. гдѣ и какъ ихъ положить и т. п., то и въ этомъ отношенiи мнѣ заботиться рѣшительно нечего. Московскiй почтдиректоръ, по самой силѣ вещей, долженъ быть похороненъ съ почетомъ и торжественностью, доступными немногимъ. Я знаю, что по зеленому ельнику на большое разстоянiе растянутся мои добрые почталiоны, о которыхъ я такъ много заботился; прекрасный почтамтскiй хоръ, которому я посвящалъ такъ много личнаго участья, великолѣпно исполнитъ послѣднiя погребальныя пѣсни надо мной; мои родовые гербы и заслуженныя регалiи на подушкахъ будутъ двигаться установленнымъ порядкомъ... Но я мало забочусь объ этой внѣшней сторонѣ; въ моихъ глазахъ несравненно большую цѣну имѣетъ внутренняя, духовная, сторона этой процессiи, и я не безъ нѣкоторой гордости выскажу убѣжденiе, что эта *сторона* будетъ непремѣнно на моей *сторонѣ*... Я льщу себя надеждою, что всѣ мои товарищи и сослуживцы, большiе и небольшiе, чиновные и нечиновные, экспедиторы и почталiоны, засыпавъ меня землею, скажутъ или подумаютъ: „хорошiй былъ господинъ! Крутой, но крѣпко любилъ правду!“...

„Какихъ именно цѣлей полагали вы достигнуть вашими, столь пространными, записками?“ можетъ спросить меня мой суровый и неотвязчивый читатель съ разстроенною печенью.

На это имѣю честь вновь доложить, что никакихъ цѣлей рѣшительно я не полагалъ достигать моими записками. Когда я начиналъ мои записки, я самъ положительно не зналъ, для чего предпринимаю это дѣло. Казалось, впрочемъ, мнѣ, и то весьма смутно и неопредѣленно, что какой-нибудь изъ моихъ потомковъ не безъ интереса пробѣжитъ искреннее повѣствованiе о дѣянiяхъ одного изъ

*

своихъ предковъ, значительно выдвинувшагося впередъ и занимавшаго довольно почетное положеніе. Дальше этого мои виды не простирались и никакихъ другихъ цѣлей у меня не было.

Между тѣмъ, когда записки мои кончены и когда я самъ непрочь, чтобъ онѣ появились въ свое время въ печати, мнѣ кажется, что нѣкоторыя цѣли обрисовались и выступили сами собою и что цѣли эти, если не ошибаюсь, довольно доброкачественнаго свойства.

Привычка къ дѣловой ясности побуждаетъ меня занумеровать эти цѣли въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) записки мои, прежде всего, выясняютъ, насколько у меня хватало силъ и умѣнья, обрисовать личность князя Александра Ивановича Барятинскаго, личность, во всякомъ случаѣ выходящую изъ ряду вонъ. Я думаю, что это разъясненіе не безполезно уже потому, что князь былъ фельдмаршалъ, кавказскій намѣстникъ, и, главное, первый любимецъ императора Александра Николаевича; но оно пріобрѣтаетъ еще бо́льшую цѣну въ томъ отношеніи, что общественное мнѣніе, совершенно непонятнымъ, непостижимымъ для меня образомъ, рѣшительно заблуждалось въ своихъ воззрѣніяхъ на этого человѣка и не только не отдавало ему должной справедливости, но съ какимъ-то упорствомъ низводило его съ той высокой степени, которая ему принадлежала, какъ человѣку просто, какъ аристократу и какъ государственному дѣятелю.

2) Считая князя Александра Ивановича великимъ человѣкомъ во многихъ отношеніяхъ и признавая его рѣшительно богатыремъ въ сравненіи съ другими такъ называемыми государственными людьми нашими, я не щадилъ его недостатковъ. Князь былъ лицемѣренъ, не осуществлялъ моего идеала правды, и я привелъ многія суровыя для него черты въ этомъ отношеніи. Я самъ дорого бы далъ, еслибы можно было исключить эти черты; но правды я никогда и никому, ни даже самому себѣ, не продавалъ и потому, при всемъ личномъ обожаніи моемъ князя — оставляю ихъ неприкосновенными. Кто знаетъ,—быть можетъ, эти черты, отмѣченныя рукою незначительнаго человѣка, остановятъ на себѣ вниманіе другихъ высокостоящихъ лицъ и заставятъ ихъ, такъ сказать, „подобрать поводья". Каждый изъ нихъ можетъ подумать, что и у него, въ безчисленной толпѣ подчиненныхъ, есть тоже свой какой-нибудь г. Инсарскій, который втихомолку списываетъ съ него портретъ и, вмѣстѣ съ хорошими чертами, передастъ потомству и дурныя его черты. А кому же, позвольте спросить, пріятно, при необъятномъ самолюбіи человѣчества вообще и особенно людей, высоко стоящихъ, предстать предъ потомствомъ въ нѣсколько испачканномъ видѣ? Одна мысль, что за ними, быть можетъ, слѣдятъ, одно опасеніе, что съ нихъ снимаютъ, быть можетъ, фотографическіе портреты — невольно будутъ

двигать ихъ къ совершенству, подобно тому, какъ всякій изъ насъ старается всевозможно улучшить свою фигуру, когда съ нея дѣйствительно снимаютъ портретъ. Можно думать, что эти высокостоящіе люди будутъ болѣе заботиться о безукоризненности своихъ словъ и дѣйствій и, пріобрѣтая чистѣйшее уваженіе своихъ подчиненныхъ—будутъ служить для нихъ образцомъ чести и правды. Если эти розовыя мечты мои уменьшить на 90 процентовъ, то и остатка ихъ будетъ достаточно для опредѣленія одной изъ цѣлей моихъ записокъ, тѣхъ цѣлей, которыхъ такъ настойчиво требуетъ мой суровый и желчный читатель.

3) Потомъ я положительно уже убѣжденъ, что правдивыя мои сказанія о поведеніи нашихъ аристократовъ принесутъ несомнѣнную пользу. Нельзя предположить, чтобъ мои разсказы о Кочубеяхъ, Соллогубахъ [1]) и др. не потревожили ихъ заносчивой самоувѣренности. Каждый изъ этихъ господъ увидитъ, что въ то время, когда онъ позволяетъ себѣ вовсе не аристократическія дѣлишки, полагая, что все шито и крыто, какой-нибудь другой г. Инсарскій, быть можетъ, также вноситъ ихъ въ лѣтопись и говоритъ потомству: „ты, можетъ быть, думаешь, что такой-то князь или графъ былъ хорошій человѣкъ? Ошибаешься! Ужасная дрянь! Посмотри, что онъ дѣлалъ!..“ Я увѣренъ, что мои записки, не знаю насколько, но непремѣнно смирятъ безсовѣстную прыть, съ которой какой-нибудь князь Кочубей выражаетъ презрѣніе къ общественному мнѣнію, къ тому, что говорятъ о немъ эти, какъ онъ выразился „les animeaux“. Если бы подобный храбрый господинъ выразилъ презрѣніе и къ тому, что эти „les animeaux“ будутъ говорить и писать о немъ послѣ его смерти, то у него могутъ остаться сыновья, дочери и разные „сродственники“, которые, наслѣдуя его богатства и аристократическое имя, быть можетъ, и не наслѣдуютъ его отвратительнаго равнодушія къ общественному мнѣнію, тѣмъ болѣе, что это мнѣніе постепенно пріобрѣтаетъ страшную силу и начинаетъ „показывать зубы“. Этимъ сыновьямъ, племянникамъ и другимъ „сродственникамъ“ будетъ очень неловко, когда всѣ будутъ знать, что ихъ знатный и богатый („тятенька“ или „дяденька“, имѣя всѣ средства быть хорошимъ человѣкомъ и даже обязанный быть таковымъ, въ дѣйствительности былъ „проходимецъ“. Въ свою очередь, эти сыновья, племянники и другіе сродственники, увидя подобную, вновь изобрѣтенную, казнь своего знатнаго и родовитаго „тятеньки“ или „дяденьки“, должны неизбѣжно подумать: „ахъ, чортъ возьми, какъ это скверно! Надо и намъ быть поосто-

[1]) Въ первыхъ частяхъ Записокъ.

рожнѣе“... Развѣ эта плохая цѣль, мой суровый читатель? Извините, эта цѣль перваго сорта и тѣмъ болѣе великолѣпная, что я не дѣйствовалъ, какъ Вигель, по вліянію личныхъ отношеній, а служилъ ревностно и безкорыстно одной чистой правдѣ...

4) Есть еще цѣль, и цѣль, какъ мнѣ кажется, тоже добрая. Нынѣшніе молодые люди, выскочивъ изъ заведенія съ стеклышкомъ въ глазу и съ 10 или 9 классомъ и не заявивъ не только дарованій, но даже и простого трудолюбія, лѣзутъ самымъ нахальнымъ образомъ прямо въ министры.

Встрѣчая, весьма естественно, отпоръ своимъ самолюбивымъ и ни на чемъ не основаннымъ претензіямъ, они охладѣваютъ, начинаютъ винить и бранить другихъ и прикрывать собственную несостоятельность тѣми изреченіями проклятаго нигилистическаго міра, которыя отрицаютъ все въ другихъ и оправдываютъ все въ самихъ себѣ. Въ концѣ концовъ, эти господа остаются дрянною посредственностью. Мои записки составляютъ для нихъ самый ядовитѣйшій укоръ... Онѣ говорятъ этимъ господамъ, точно такъ же, какъ я говорю своему сыну, красивому правовѣду, что трудъ, заслуга, отчетливое исполненіе долга всегда и всюду вознаграждаются и непремѣнно ведутъ къ успѣху, что кто не имѣетъ успѣха—значитъ, тотъ не хочетъ трудиться или положительно неспособенъ. Онѣ, эти записки, говорятъ, точно то же, какъ я говорю своему сыну, что если, въ лицѣ моемъ, простой мальчикъ, сынъ незначительнаго и небогатаго человѣка, безъ систематическаго образованія, безъ всякихъ связей, безъ всякой поддержки, успѣлъ трудомъ и отчетливымъ исполненіемъ своихъ обязанностей пробить себѣ дорогу и достигнуть значительнаго положенія, то для нихъ, съ ихъ образованіемъ, съ ихъ привилегіями, съ ихъ отцами, несравненно болѣе знатными и сильными, нежели мой простой отецъ, просто безсовѣстно оставаться въ сферѣ посредственности. Онѣ, нагляднымъ, практическимъ образомъ, предлагаютъ имъ, этимъ красивымъ молодымъ людямъ, такъ не ясно понимающимъ существенное различіе между обязанностями служебными и обязанностями свѣтскими, избрать одно изъ двухъ: если они желаютъ служебныхъ успѣховъ, то поставить исполненіе своего долга выше всего, если же задачу эту они признаютъ за лучшее приносить въ жертву свѣтскимъ отношеніямъ, баламъ, циркамъ, театрамъ, балетамъ, утаптыванію Невскаго проспекта и т. п., то бросить нелѣпыя претензіи на министерскія мѣста, — ибо не только министерскія, но и всякія мѣста въ государственной службѣ, требуютъ дѣловыхъ, опытныхъ и способныхъ людей, а не болвановъ съ проборами назади, въ модныхъ пиджакахъ и съ стеклышкомъ въ глазу...

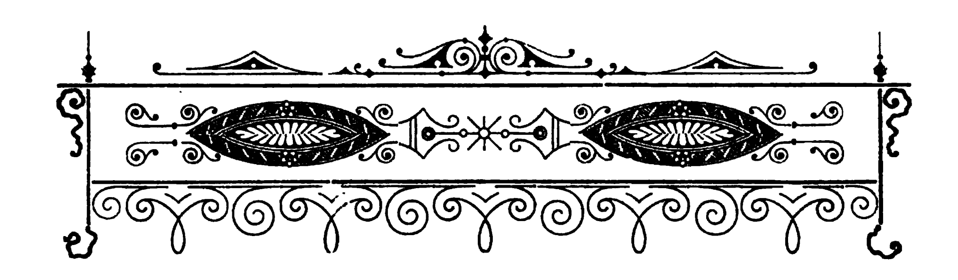
и 5) Я самъ лучше, чѣмъ кто-либо, сознаю неудовлетворительность моихъ записокъ, ихъ невыносимую плодовитость, пустую болтовню о пустыхъ и вовсе неинтересныхъ предметахъ, многія повторенія и по всей вѣроятности неумышленныя невѣрности и неточности и въ кругу своихъ близкихъ не одинъ разъ выражалъ необходимость сократить, исправить и, какъ говорится, „отдѣлать" ихъ, тѣмъ болѣе, что при составленіи ихъ употребленъ былъ мною трудъ, болѣе физическій, чѣмъ умственный, т. е. я болѣе писалъ, чѣмъ думалъ, ибо я, собственно говоря, ничего не сочинялъ и ничего не выдумывалъ. Благодаря этому обстоятельству, а также моему красивому, хотя и коварному, почерку, и вышло, что мои такъ называемыя черновыя записки, совершенно безукоризненныя во внѣшнемъ отношеніи, и рѣшительно чужды всякихъ значительныхъ исправленій и передѣлокъ. Но мое стремленіе „отдѣлать записки" постоянно встрѣчало отпоръ со стороны моихъ друзей. „Нѣтъ никакой надобности отдѣлывать", говорили они. „Оставь все, какъ есть, и ничего не выбрасывай. Это лучше отражаетъ эпоху..." Я не знаю, въ какой степени мои записки отражаютъ эпоху; но дѣйствительно, подобно тому, какъ въ старомъ сундукѣ, набитомъ разнымъ хламомъ, можетъ отыскаться какое-нибудь золотое кольцо, случайно туда попавшее, — какой-нибудь историческій гробокопатель и въ хламѣ моихъ воспоминаній найдетъ, быть можетъ, какую-нибудь цѣнную историческую черту. Потомъ есть люди, которые любятъ читать только то, что было.

Записки мои достигаютъ уже, къ удивленію вашему, мой сердитый читатель, разомъ двухъ цѣлей: во-первыхъ, онѣ открываютъ историческому гробокопателю возможность рыться въ нихъ, сколько душѣ угодно, и извлекать изъ нихъ, что ему нужно, и во-вторыхъ, представляютъ огромную массу печатной бумаги для тѣхъ, кто не интересуется произведеніями въ родѣ „Петербургскихъ трущобъ", а любитъ читать только то, что дѣйствительно было и происходило во времена нашихъ отцовъ и дѣдовъ.

В. А. Инсарскій.

(Окончаніе).

Пережитое.

(Отрывочныя воспоминанія за 25 лѣтъ службы).

I.

6 пѣхотный Либавскій принца Карла прусскаго полкъ [1]), куда я былъ произведенъ въ офицеры 16 іюня 1860 года, расположенъ былъ въ Вильнѣ.

Экипировка заняла немного времени, была не сложна и не особенно дорога. Требованія тогда были скромны и лишняго не заводилось.

Воспользовавшись 28-дневнымъ отпускомъ, я отправился по только-что открытой для движенія желѣзной дорогѣ до Динабурга (нынѣ Двинска) и далѣе лошадьми—на перекладныхъ въ Могилевъ (на Днѣпрѣ), а оттуда, послѣ отпуска, — 5 августа прибылъ въ Вильну, совершивъ черезъ м. Сморгонь переѣздъ также лошадьми, ибо желѣзной дороги въ этомъ направленіи еще не было. Подобный способъ передвиженія естественно донельзя ограничивалъ имущество армейскаго офицера.

Полкъ, въ которомъ привелось начать службу, стоялъ лагеремъ въ полномъ составѣ,—т. е. 3-хъ баталіонномъ съ стрѣлковыми ротами,—на берегу Виліи, за предмѣстьемъ Снѣпишки.

Явившись командиру полка полковнику И. А. Суркову и коменданту генералу Вяткину, я изъ временнаго своего помѣщенія на Нѣмецкой улицѣ въ гостиницѣ Миллера — перебрался въ лагерь полка, гдѣ и помѣстился въ палаткѣ, будучи зачисленъ субалтернъ-офицеромъ въ 4 линейную роту.

---

[1]) Нынѣ Фридриха-Леопольда прусскаго полкъ.

Въ виду ожидавшагося въ скоромъ времени пріѣзда въ Вильну императора Александра II и назначеннаго Высочайшаго смотра, городъ переполненъ былъ военными, такъ какъ, кромѣ Либавскаго и Ново-Ингерманландскаго полковъ съ 1 и 11 артиллерійскими бригадами, въ ближайшихъ окрестныхъ деревняхъ стояли на тѣсныхъ квартирахъ полки 1 кавалерійской дивизіи подъ командою генерала Бурхардта (Павлоградскій и Сумскій фонъ-деръ-Палена гусарскіе, два уланскихъ и два драгунскихъ полка) съ конно-артиллерійскою бригадою.

4 линейною ротою командовалъ капитанъ Обріенъ-де-Ласси (солдатами называвшійся „Евласьевъ"), человѣкъ простой и добродушный, но порядочный ханжа, постившійся по средамъ и пятницамъ на польскій ладъ, то-есть съ молочными блюдами; по тогдашнимъ порядкамъ офицеры роты у него столовались, ну и въ указанные дни волею неволею за компанію постились.

Съ полковою службою я быстро свыкся, да и не мудреная она была тогда. Такъ называемыя шагистика и ружистика были главными отдѣлами обученія, и прогрессъ послѣ крымской войны 1854—55 гг. выразился повидимому исключительно въ отмѣнѣ „тихаго учебнаго шага въ 3 пріема" и въ измѣненіяхъ формъ обмундированія и снаряженія. Строй былъ по-прежнему трехшереножный. На стрѣльбу въ цѣль мало обращалось вниманія, а о тактическихъ занятіяхъ офицеровъ не было и помину. Въ полковомъ лагерѣ ежедневно производились строевыя ученья и церемоніальный маршъ, а 4 сентября состоялся единственный за все лѣто маневръ [1]).

Тогдашній пѣхотный уставъ, изобиловавшій разнообразными построеніями, нѣсколькими видами каре и боевыми порядками,—былъ довольно сложенъ [2]).

---

[1]) Обученіе цѣльной стрѣльбѣ производилось вполнѣ поверхностно; напримѣръ, къ 7 сентября, дню смотра стрѣльбы командиромъ корпуса, изъ состава 1 стрѣлковой роты Либавскаго полка (180 человѣкъ), только 26 нижнихъ чиновъ за $1^1/_2$ мѣсяца прошли курсъ стрѣльбы до 600 шаговъ, а остальные люди роты успѣли пройти упражненія только на 200 и 400 шаговъ.

[2]) Ранжировался тогда полкъ слѣдующимъ порядкомъ: люди наиболѣе развитые умственно и физически назначались въ стрѣлковыя роты; 1, 5 и 9 линейныя роты состояли изъ людей высокаго роста; собственно въ 5 роту выбирались люди съ бакенбардами (бороды не допускались въ то время); затѣмъ сообразно роста, распредѣлялись люди между остальными ротами, при чемъ 12 рота состояла изъ людей преимущественно малаго роста и значительной части нижнихъ чиновъ полка, бывшихъ въ разрядѣ штрафованныхъ, вслѣдствіе чего эту роту въ просторѣчіи иногда называли „штрафованною".

Полкъ вооруженъ былъ ударными ружьями, заряжавшимися съ дула. Примѣрное заряжаніе безъ патрона и безъ выниманія шомполовъ, дабы не портить канала ружейныхъ стволовъ, то есть маханіе въ тактъ правою рукою надъ дуломъ, и нѣкоторая, такъ сказать, звонкость при ружейныхъ пріемахъ,—практиковались въ полной мѣрѣ [1]). Обращалось не мало вниманія на пальбу холостыми залпами развернутыхъ баталіоновъ, при чемъ прилагались старанія всячески достигнуть даже нѣкоторой, такъ сказать, „музыкальности" подобной пальбы, то есть, чтобы всѣ люди баталіона цѣлясь въ пространство и держа ружья по командѣ „кладсь" чуть не выровненными по фронту баталіона, производили выстрѣлъ одновременно, безъ затяжки; все это продѣлывалось серьезно, съ увѣренностью въ полезности подобной „безцѣльной" стрѣльбы, несмотря, повторяю, на то, что миновало лишь 5 лѣтъ послѣ крымской кампаніи и ряда неудачныхъ сраженій (Альминское, Инкерманское и на р. Черной). Очевидно, что только-что законченная война внесла мало улучшеній въ дѣло тактическаго обученія арміи и вообще боевой ея подготовки, хотя конечно внѣ сомнѣнія, что и тогда, кромѣ спеціальнаго комитета по устройству и образованію войскъ [2]), былъ рядъ безконечно засѣдавшихъ комиссій, труды коихъ солидно оплачивались суточными деньгами. Косность и упрямое отстаиваніе старыхъ отжившихъ порядковъ въ вопросахъ обученія войскъ, медленно, черепашьими шагами, двигали дѣло впередъ. То же самое повторилось и послѣ Русско-Турецкой войны 1877—78 годовъ, и, повидимому, дѣло это медленно подвигается даже и теперь послѣ недавно минувшей Русско-Японской войны, хотя, впрочемъ, нѣкоторый прогрессъ уже сказывается. Напримѣръ, всего лишь 4 года тому назадъ, однимъ изъ корпусныхъ командировъ въ росписаніи занятій лагернаго сбора указано было производство такъ называемыхъ „уставныхъ" дивизіонныхъ ученій съ артиллеріею на весьма ограниченномъ пространствомъ военномъ полѣ, то есть упражненіе въ хожденіи 16 баталіоновъ дивизіи съ артиллерійскою бригадою такъ называемымъ „ящикомъ" впередъ, назадъ, въ стороны и съ перемѣною направленія.

Движеніе подобной массы (6.000 чел. одной пѣхоты по мирному составу), да еще подъ музыку, можетъ быть, со стороны было и весьма красиво, но во всякомъ случаѣ въ боевомъ смыслѣ не только

[1]) На занятіяхъ прикладкою и прицѣлкою въ казармахъ, между прочимъ, упражнялись при прицѣлкѣ въ тушеніи свѣчи, разбивая капсюль при спускѣ курка.

[2]) Послѣ войны 1877—78 г.г. упраздненнаго, а нынѣ вновь созданнаго.

вполнѣ безцѣльно, но и вредно; точно также лѣтъ 5 тому назадъ, въ томъ же лагерномъ сборѣ, цѣлымъ корпусомъ (двѣ дивизіи пѣхоты съ артиллеріею) произведена была съ мельчайшими подробностями корпуснымъ командиромъ репетичка односторонняго тактическаго ученья съ обозначеннымъ противникомъ, долженствовавшаго быть исполненнымъ спустя два дня въ присутствіи командующаго войсками округа, что и совершилось какъ по трафарету [1]). Замѣчу, что генералъ (нынѣ покойный), для котораго произведенъ былъ этотъ спектакль войсками цѣлаго корпуса, зналъ конечно объ этой репетичкѣ, но, къ сожалѣнію, не видоизмѣнилъ тщательно проштудированнаго хода ученья, а это было бы не только вполнѣ поучительно, но послужило бы урокомъ и для автора проекта ученья, отбивъ у него охоту репетировать подобныя ученья, разсчитанныя только на показную сторону.

Я однако невольно уклонился и продолжаю о службѣ въ Либавскомъ полку. Спустя недѣлю или $1^1/_2$ я былъ переведенъ изъ 4 линейной роты въ 1 стрѣлковую, которою командовалъ дѣльный и симпатичный штабсъ-капитанъ Тризна. Стрѣлковыя роты, строившіяся по тогдашнему уставу, уступомъ по-взводно за флангами своихъ развернутыхъ баталіоновъ, были цвѣтомъ полка, имѣли людей на подборъ, и даже офицеры этихъ ротъ носили внѣшнее отличіе на фуражкахъ, а именно желтые канты на тульѣ.

Въ числѣ предметовъ снаряженія — у нижнихъ чиновъ и офицеровъ были телячьи ранцы; всѣ ремни, равно какъ и поясная портупея съ вороненою бляхою (у офицеровъ лакированная съ позолоченною бляхою и короною на ней) были изъ черной кожи. Холодное оружіе офицеровъ состояло изъ полусабли въ кожаныхъ ножнахъ, а для обязанныхъ быть въ строю верхомъ — въ желѣзныхъ на особой галунной поясной портупеѣ съ пасиками. Револьверовъ не было и въ заводѣ, и въ пистолетныхъ кобурахъ почти всѣ безъ исключенія офицеры имѣли только деревяшки, окрашенныя въ черный цвѣтъ съ кольцомъ для прикрѣпленія пистолетнаго шнура [2]). Головной уборъ,

---

[1]) Ходъ ученья организованъ былъ такъ, чтобы командующій войсками, ѣхавшій съ свитою въ экстренномъ поѣздѣ уменьшеннымъ ходомъ, могъ видѣть изъ окна вагона походное движеніе корпуса (по дорогѣ, пролегавшей вдоль желѣзно-дорожной линіи) и даже здороваться съ частями его. Поѣздъ долженъ былъ остановиться у полустанка, близъ коего, по программѣ, авангардъ начиналъ перестроеніе въ боевой порядокъ. Короче, все было пріурочено, прорепетировано, и односторонній маневръ разыгранъ какъ по нотамъ.

[2]) Подобный кобуръ, съ деревяшкою въ немъ, продавался тогда въ петербургскихъ магазинахъ Челпанова и Морозова и стоилъ со шнуромъ 3 рубля.

кромѣ фуражекъ (у нижнихъ чиновъ безъ козырька), состоялъ изъ довольно неуклюжаго параднаго кивера съ гербомъ армейскаго образца, клеенчатымъ верхомъ и помпономъ (у офицеровъ серебрянымъ) и клеенчатаго вицъ-кивера, замѣнявшагося у нижнихъ чиновъ клеенчатымъ чехломъ на парадный киверъ, при чемъ помпонъ тогда снимался; стрѣлковыя роты имѣли помпоны желтаго цвѣта (густая шерстяная надрѣзанная кисть), линейныя — бѣлые съ красными шерстинками и музыканты — красные.

Хозяйственныхъ комитетовъ не было, и полкъ управлялся своимъ командиромъ такъ сказать самодержавно, почти на арендныхъ началахъ и конечно далеко не безгрѣшно; помощниками командира полка по хозяйственнымъ операціямъ были — казначей, квартермистръ, завѣдующій полковою швальнею и особенно гевальдигеръ, командовавшій фурштатами (по-нынѣшнему нестроевою ротою), имѣвшій между прочимъ и особую форму, а именно серебряный приборъ вмѣсто золотого, каску безъ султана и черный суконный воротникъ съ синимъ кантомъ на немъ и шароварахъ. Кромѣ полкового адъютанта, не малое значеніе имѣли старшіе писаря—казначейскій (Бондарчукъ) и квартермистрскій (Лукинъ),—оба чистокровные взяточники.

Срокъ службы нижнихъ чиновъ былъ продолжительный, и довольствіе ихъ въ общемъ посредственное; при увольненіи, по выслугѣ опредѣленнаго числа лѣтъ, въ безсрочный отпускъ или отставку, нижній чинъ зачастую уходилъ домой только съ 3—4 рублями артельныхъ денегъ, выдававшихся ему по разсчету. Личный составъ офицеровъ полка былъ вообще не важный; штабъ-офицеры (8—считая командира полка и начальника стрѣлковъ), большею частью люди пожилые, уставшіе, а нѣкоторые изъ нихъ и на мѣдный грошъ воспитанные, съ познаніями не далѣе строевого устава. Большинство оберъ-офицеровъ были произведены изъ юнкеровъ по экзамену при дивизіонныхъ штабахъ; человѣкъ 6—7 были, какъ говорится, въ близкомъ родствѣ съ династіею Бурбоновъ, какъ напр. гевальдигеръ [1]) и еще два офицера, изъ коихъ одинъ началъ службу портнымъ въ полку, затѣмъ былъ закройщикомъ, а, по производствѣ въ офицеры, завѣдующимъ полковою швальнею, и конечно оказался вполнѣ на мѣстѣ; наконецъ, только 6—7 офицеровъ были произведено изъ кадетскихъ корпусовъ. Женатыхъ офицеровъ было мало, что̀ отчасти объяснялось довольно ча̀стыми тогда перекочевками армейскихъ полковъ, долго на стоянкахъ не засиживавшихся. Бо-

[1]) Поручикъ Галка, супругу коего „одѣвавшуюся по-мѣщански и совершенно не воспитанную"—офицерство по-просту—называло „Галчихою".

лѣе 30% офицеровъ полка составляли уроженцы царства Польскаго и сѣверо-западнаго края, что въ послѣдовавшихъ событіяхъ имѣло извѣстное значеніе [1]).

Либавскій полкъ имѣлъ свой лазаретъ и старшимъ лѣкаремъ былъ Гейслеръ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ въ полку; кромѣ него было нѣсколько младшихъ лѣкарей. Перепискою по суднымъ дѣламъ завѣдывалъ полковой аудиторъ Залѣсскій. Церковь была только походная и настоятелемъ ея протоіерей Мурзакевичъ, для всѣхъ чиновъ полка почти чужой и, къ тому же, по характеру—не симпатичный. Добавлю еще, что изъ 2 т. слишкомъ томовъ полковой библіотеки почти 1/3 были на польскомъ языкѣ и сочиненій по военной литературѣ было весьма мало; преобладали книги для легкаго чтенія и вообще беллетристика.

Съ конца августа начались смотры начальника 2 пѣхотной дивизіи генерала Довбышева и командира 1 корпуса генерала Лабинцова, стараго Кавказскаго ветерана, оригинала и большого чудака, имѣвшаго, какъ говорили, крупное состояніе, но въ то же время слывшаго образцовымъ скупцомъ. Въ виду наступившихъ холодныхъ ночей, полкъ въ началѣ сентября вывели изъ лагеря въ городъ, при чемъ линейныя роты размѣстились въ Игнатьевскихъ (нынѣ Виленское офицерское центральное собраніе) и Казиміровскихъ казармахъ, а три стрѣлковыя роты стали по тѣснымъ квартирамъ, въ предмѣстьи Снѣпишки.

Наконецъ, прибылъ, въ Вильну государь императоръ съ шефомъ полка принцемъ Карломъ прусскимъ, коему всѣ офицеры полка въ зданіи, нынѣ занимаемомъ штабомъ Виленскаго военнаго округа, были представлены. Въ Вильнѣ въ то время наружно все было спокойно.

Состоявшимся на лагерномъ военномъ полѣ Высочайшимъ смотромъ закончились лѣтнія занятія войскъ, собранныхъ подъ Вильною [2]). Кавалерія съ конными батареями ушла на свои квартиры въ Гродненскую и Ковенскую губерніи, одинъ баталіонъ Либавскаго полка направленъ былъ въ Свѣнцяны, остальные два съ полковымъ штабомъ остались въ Вильнѣ, и три стрѣлковыя роты разведены на

---

[1]) Еще когда Либавскій полкъ былъ въ Вильнѣ, въ концѣ марта 1861 г. арестованъ и преданъ суду офицеръ сего полка за найденныя у него при обыскѣ прокламаціи Мѣрославскаго и проч.

[2]) Всѣмъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ на смотру, Высочайше пожаловано было по 1½ рубля каждому.

Въ концѣ іюня, уже въ Плоцкѣ, всѣ офицеры Либавскаго полка получили отъ своего шефа фотографическіе его портреты, высланные изъ Берлина.

широкія квартиры по окрестнымъ мѣстечкамъ и деревнямъ. Началась для этихъ ротъ — скучная жизнь въ глуши, съ различными лишеніями и невзгодами.

Приведу нѣсколько частностей, характеризующихъ отчасти тогдашніе служебные порядки и бытъ армейскаго пѣхотнаго офицера довольно безотрадный и безсодержательный, относящійся по преимуществу къ ротамъ, расквартированнымъ въ деревняхъ на приварокъ отъ жителей. Жизненныя условія офицеровъ ротъ, стоявшихъ въ городахъ, были конечно лучше, не говоря уже о возможности систематическихъ занятій съ нижними чинами.

Ротнымъ дворомъ 1 стрѣлковой роты, въ которой я тогда состоялъ, назначена была сначала дер. Комины, а спустя недѣли 1½ дер. Крапивницы, въ 5—6 верстахъ отъ Вильны, по дорогѣ въ г. Новыя Троки; расположеніе роты по широкимъ квартирамъ было весьма разбросанно, и части нижнихъ чиновъ ея пришлось размѣститься въ деревняхъ, отстоявшихъ въ 14—15 верстахъ отъ ротнаго двора, причемъ, вслѣдствіе крайней бѣдности населенія деревень, несмотря на близость города, на каждаго солдата роты приписано было отъ 3 до 4-хъ квартиръ для довольствія [1]). Приварокъ полагался отъ жителей, и нижніе чины получали отъ казны только хлѣбъ [2]) и крупу, но и эта послѣдняя выдавалась не полностью, оставаясь въ экономіи для улучшенія довольствія въ лагерное время. Добавлю, что иногда солдатъ, помѣщенный въ какую-нибудь хату, сплошь и рядомъ переполненную членами крестьянской семьи, спустя напр. недѣлю перебирался въ другое жилье также на недѣлю, дабы не объѣдать крестьянской семьи, перебивавшейся временами, какъ говорится, съ хлѣба на квасъ. Таковы были порядки, не только ложившіеся тяжелымъ бременемъ на населеніе, но и почти исключавшіе возможность обученія нижнихъ чиновъ примѣрно съ ноября до апрѣля и фактическаго непрестаннаго наблюденія за ихъ продовольствіемъ и санитарнымъ состояніемъ. О гигіеническихъ условіяхъ жизни солдатъ въ деревняхъ лучше и не упоминать: они въ большинствѣ случаевъ были донельзя плохи, и я этому, неоднократно, былъ личнымъ очевидцемъ. Палліативомъ служилъ иногда переходъ неудачно размѣщенной роты на широкія квартиры по другимъ деревнямъ, но въ конечномъ результатѣ и тамъ были тѣ же неудобства. Рота для внутренняго управленія дѣлилась на четыре

---

[1]) По сохранившемуся письму моему 17 сентября изъ капральнаго двора въ д. Порубанки.

[2]) Полагалось на человѣка 1 п. 32 ф. муки; изъ этого на руки хлѣбомъ выдавалось 1 п. 10 ф., 8 ф. удерживалось въ казну и наконецъ 14 ф. удерживались для ротныхъ надобностей (!).

капральства, при чемъ каждое имѣло свой капральный дворъ, гдѣ и пребывалъ капральный унтеръ-офицеръ (по-нынѣшнему взводный), являвшійся зачастую фактическимъ начальникомъ нижнихъ чиновъ, такъ какъ субалтернъ-офицеровъ было иногда мало, или они, по отсутствію подходящаго помѣщенія, жили на ротномъ дворѣ или по близости, лишь отъ времени до времени объѣзжая ввѣренныя имъ капральства, больше, такъ сказать, для очистки нумера.

Съ переходомъ 1 стрѣлковой роты по деревнямъ, я съ однимъ офицеромъ—помню не безъ труда—нашелъ пристанище въ отдѣльномъ дворѣ (хуторѣ) Порубанки [1]), отстоявшемъ отъ ротнаго двора (д. Крапивницы) въ двухъ и отъ Вильны въ 7 верстахъ. Занятое нами за маленькую плату (хотя и полагалось по отводу) помѣщеніе состояло изъ одной комнаты съ каморкою, омеблированной только длинною деревянною скамьею, поломаннымъ старымъ кресломъ и шкафомъ съ хозяйскими вещами.

Комната эта служила складомъ картофеля, перетасканнаго при насъ въ погребъ, а за огромною печью былъ складъ мякины на кормъ скота; стекла въ двухъ окнахъ комнаты (конечно только съ лѣтними рамами) частью были побиты и кой-чѣмъ заткнуты. 21-го сентября выпалъ первый снѣгъ и холодъ въ квартирѣ былъ изрядный, ибо печь не держала тепла, но мы были молоды, здоровы, не избалованы и не унывали [2]). Обѣдать мы ходили въ дер. Крапивницы къ ротному командиру, у коего столовались и, послѣ ужина, возвращались домой въ свои хоромы, а по воскресеньямъ ходили пѣшкомъ (у хозяина хутора не было лошади) въ Вильну обѣдать въ извѣстномъ тогда офицерскомъ трактирѣ Іодки на Замковой (нынѣ Большой) улицѣ и такимъ же порядкомъ, то есть пѣшкомъ, къ вечеру возвращались домой. Такъ прожили мы 4 или 5 недѣль.

Въ виду слишкомъ разбросаннаго и вообще неудобнаго размѣщенія 1 стрѣлковой роты, рѣшено было ее перевести на другія квартиры въ мѣстечкѣ Нѣменчинъ (по дорогѣ на Свѣнцяны) и окрестныхъ деревняхъ, и рота туда перешла во второй половинѣ ноября, при чемъ ротный дворъ съ однимъ капральствомъ размѣстились въ мѣстечкѣ, почти сплошь съ еврейскимъ населеніемъ, а остальныя

---

[1]) Деревня состояла всего изъ 5 хатъ, принадлежавшихъ однодворцамъ, платившимъ по 50 рублей въ годъ арендной платы владѣльцу деревни—помѣщику Врублевскому.

[2]) Столъ замѣняла бочка, на половину наполненная бураками съ наложенными на бочку оконными деревянными ставнями (по сохранившемуся письму моему 5 октября 1860 года)... Описаніе квартиры фотографически вѣрно.

три капральства, въ томъ числѣ и ввѣренное мнѣ, разошлись по деревнямъ. Не найдя въ дер. Трашкуны, — мѣстѣ расположенія капральнаго двора,— даже мало-мальски свободной и порядочной комнаты въ деревенскихъ избахъ, крытыхъ повсемѣстно соломою, — я съ вѣстовымъ (родомъ изъ посада Пучежъ, Костромской губерніи. и бывшимъ лѣтъ на 15 старше меня возрастомъ) поселились въ 4 верстахъ отъ дер. Трашкуны на хуторѣ Гѣяны, принадлежавшемъ довольно бѣдному однодворцу Мицута. Ближайшимъ (въ 2 верстахъ) поселкомъ была небольшая еврейская корчма Блусина, гдѣ кромѣ хлѣба, бубликовъ, селедокъ, водки и пива, можно было купить, при надобности и сальныхъ свѣчей — „шабашувокъ". Квартира состояла изъ небольшой комнаты съ глинобитнымъ поломъ и однимъ крошечнымъ окномъ, съ выходомъ прямо въ холодныя сѣни и сосѣдній свиной хлѣвъ; въ той же конечно комнатѣ помѣщался и вѣстовой, примостившійся за печкою. Продовольствіе наше было почти исключительно вегетаріанское, такъ какъ мясо приходилось покупать только изрѣдка, при случаѣ. Стряпаньемъ занимался вѣстовой, но его кулинарныя познанія, какъ и мои, были слабы. Тѣмъ не менѣе мы насыщались все-таки каждый день, были сыты и здоровы. Полученіе писемъ, привозившихся артельщикомъ, періодически пріѣзжавшимъ съ хлѣбомъ изъ Нѣменчина, всегда было цѣлымъ событіемъ, и мы дружно дѣлились сообщаемыми въ письмахъ извѣстіями. Добавлю, что стряпня производилась всегда конечно на салѣ, а не на маслѣ. Раза два — три я былъ въ деревняхъ, занятыхъ солдатами капральства, при чемъ каждый такой объѣздъ требовалъ не мѣнѣе 2 сутокъ [1]).

Еженедѣльно, по субботамъ, являлся старослуживый капральный унтеръ-офицеръ,—малороссъ Калита,—для доклада о „благополучіи", при чемъ всегда былъ немного „на взводѣ" и имѣлъ съ собою скрипку, на которой, послѣ доклада, исполнялъ свой незатѣйливый репертуаръ, заканчивавшійся неизмѣнно игрою „бычка"; получивъ обычное вознагражденіе, онъ возвращался въ свою деревню.

Такъ, день за днемъ, миновали $2^1/_2$ мѣсяца жизни въ Гѣянахъ. Въ послѣднихъ числахъ декабря, будучи назначенъ въ полковую инструкторскую команду (соотвѣтствовавшую нынѣшней учебной) съ переводомъ въ 1 линейную роту, я перебрался въ Вильну. Городская жизнь тамъ была весьма оживленною; въ мѣстномъ театрѣ на Замковой улицѣ давались спектакли на русскомъ и польскомъ языкахъ, при чемъ особенно хорошею игрою отличался актеръ Домбровскій.

[1]) Нѣсколько разъ нижніе чины капральства были мною собираемы къ корчмѣ Блусина, гдѣ въ просторномъ стодолѣ (сараѣ) производились занятія по фехтовкѣ, гимнастикѣ, разборкѣ и сборкѣ ружей и проч.

но большею частью главная пьеса въ 2—3 дѣйствіяхъ всегда игралась на польскомъ языкѣ и лишь водевили на русскомъ. Въ дворянскомъ клубѣ устраивались семейно-танцевальные вечера и маскарады, на коихъ преобладали польскіе костюмы (кунтуши и конфедератки), при чемъ и тогда уже случалось у костюмированныхъ дамъ видѣть стальные браслеты на подобіе ручныхъ кандаловъ съ разными брелоками въ видѣ черепа, польскаго одноглаваго орла и проч.—На улицахъ и въ магазинахъ слышалась преимущественно польская рѣчь. Строился желѣзнодорожный вокзалъ и шоссе на Ковну и въ началѣ февраля 1861 года было открыто давно ожидаемое желѣзнодорожное движеніе на Динабургъ, но вскорѣ оно было временно прекращено по непрочности моста черезъ Вилію. Генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Назимовъ жилъ въ своемъ дворцѣ вообще замкнуто, изрѣдка показываясь въ городѣ, но неизмѣнно присутствуя по воскресеньямъ на разводахъ съ церемоніей; два его личныхъ адъютанта поручикъ Слизень [1]) и ротмистръ графъ Илинскій были католиками; послѣдній изъ нихъ въ 1872 году почему-то обратился въ ксендза, но спустя нѣсколько лѣтъ вновь вступилъ въ военную службу и въ 80 годахъ въ чинѣ полковника состоялъ для порученій при начальникѣ Главнаго Штаба. Превращенія по истинѣ рѣдкостныя [2]).

Еженедѣльно по четвергамъ, у командира Либавскаго полка, жившаго въ одномъ изъ домовъ на Георгіевской площади близъ часовни, устраивались вечера съ танцами и на одномъ изъ такихъ вечеровъ моимъ визави въ кадрили былъ дивизіонный квартирмейстеръ 2 пѣхотный дивизіи Генеральнаго Штаба капитанъ Звирждовскій, спустя два года бѣжавшій къ инсургентамъ, командовавшій бандою ихъ подъ именемъ Людвига Тòпора, взятый во время стычки въ плѣнъ и, по приговору полевого суда, повѣшенный въ Горы-Горкахъ, Могилевской губерніи.

Еще въ концѣ февраля 1861 года разнесся слухъ, что 2 пѣхотную дивизію рѣшено отправить въ царство Польское. Слухъ этотъ оправдался, послѣдовало оффиціальное распоряженіе о походѣ въ гор. Плоцкъ и начались къ нему приготовленія. Подобный походъ тогда особыхъ затрудненій не представлялъ, такъ какъ въ полкахъ роты были почти полнаго состава и неприкосновенныхъ запасовъ не содержалось, а находившіеся въ цейхгаузѣ кое-какіе запасы обмун-

[1]) Впослѣдствіи полковникъ и адъютантъ финляндскаго генералъ-губернатора графа Адлерберга въ 1876 году.

[2]) Въ январѣ 1861 года въ формѣ офицеровъ послѣдовало нѣкоторое измѣненіе, а именно, кромѣ мундировъ, разрѣшено было носить сюртуки.

дированія и снаряженія были игрушкою въ сравненіи съ нынѣшними. Кромѣ повозокъ полкового обоза, каждая линейная рота имѣла одну артельную телѣгу одиночной запряжки, а стрѣлковая — двѣ. 6 марта прибыли въ Вильну стрѣлковыя роты Либавскаго полка, а 11 марта изъ Свѣнцянъ 1 баталіонъ.

Желѣзная дорога еще заканчивалась постройкою отъ Двинска (Динабурга) на Варшаву и Либавскому полку предстоялъ походъ въ г. Плоцкъ пѣшкомъ.

Спѣшно приступлено было къ заготовкѣ 10-дневнаго запаса сухарей, ассигнована крупная сумма для закупки недостававшихъ казенно-подъемныхъ лошадей и командированы для этой закупки офицеры.

Либавскій полкъ въ Вильнѣ долженъ былъ замѣнить Софійскій изъ Митавы и уже 20 марта прибыли хлѣбопеки этого послѣдняго полка.

Въ концѣ марта состоялся инспекторскій смотръ, произведенный начальникомъ дивизіи. По пути на Плоцкъ хлѣбопеченіе назначено было въ Лидѣ [1], Щучинѣ, Гроднѣ, Бѣлостокѣ, Замбровѣ, Островѣ и Плонскѣ и 14 марта отправлены полковые хлѣбопеки съ двумя офицерами, назначенными завѣдывать хлѣбопеченіемъ въ пути. Весь походъ—513 верстъ—съ дневками, разсчитанъ былъ маршрутами на 41 день.

Большимъ имуществомъ не только холостые, но и семейные офицеры, тогда не обзаводились и подняться имъ въ походъ не представляло особенныхъ заботъ и расходовъ.

Въ Вильнѣ въ это время было сравнительно спокойно, но только наружно: много женщинъ появлялись въ глубокомъ траурѣ и по улицамъ днемъ и ночью высылались патрули, а на площадяхъ передъ казармами на случай тревоги бивакировали дежурныя роты. Въ день ярмарки, 23 апрѣля, мѣры охраны были особенно усилены, а именно: на каждой изъ гауптвахтъ, кромѣ карауловъ, находилось по дежурной ротѣ и на дворѣ генералъ-губернаторскаго дворца—двѣ роты съ 2 орудіями [2]).

Либавскій полкъ выступилъ въ походъ тремя эшелонами 27 и 28 апрѣля и 4 мая, при чемъ люди шли въ мундирахъ, имѣя на

[1]) Расположенный въ Лидѣ баталіонъ Ревельскаго полка тогда же былъ смѣненъ баталіономъ Нарвскаго пѣхотнаго полка.

[2]) Въ началѣ апрѣля прибылъ въ Вильну великій князь Михаилъ Николаевичъ; осмотрѣвъ музей, кадетскій корпусъ, казармы, нѣкоторые костелы, раввинское училище и пр., его высочество 12 числа выѣхалъ обратно въ Петербургъ.

себѣ, кромѣ положеннаго снаряженія, запасъ сухарей и по 60 патроновъ.

Въ продолженіе всего похода погода была вообще благопріятная и въ первой половинѣ іюня полкъ прибылъ на стоянку въ г. Плоцкъ, гдѣ и размѣстились штабъ полка съ стрѣлковыми ротами, одинъ баталіонъ направленъ былъ въ м.м. Рыпинъ и Серпецъ, другой — въ г. Липно и третій въ г. Влоцлавскъ; спустя нѣкоторое время двѣ линейныхъ роты перешли въ м. Родзіово, по ту сторону городского моста черезъ Вислу [1]).

Среди мѣстнаго городского населенія весьма замѣтно было броженіе; жители глядѣли хмуро и военныхъ видимо чуждались. Конечно, никакой встрѣчи или привѣтствія полку со стороны городского магистрата не было. Почти одновременно прибылъ въ Плоцкъ и штабъ 2 пѣхотной дивизіи съ начальникомъ ея генераломъ Довбышевымъ; штабъ этотъ тогда состоялъ изъ начальника штаба полковника Звѣрева (нынѣ члена военнаго совѣта), старшихъ адъютантовъ капитановъ Квитко и Перелыгина, квартирмейстера генеральнаго штаба капитана Ямунта, гевальдигера маіора Моллеріуса, оберъ-аудитора Худякова и дивизіоннаго жалонера капитана Прокопеуса 1, носившаго мундиръ Либавскаго полка, но головнымъ уборомъ имѣвшаго каску, равно и прочіе офицеры сего штаба. Дивизіонные гевальдигеръ и жалонеръ въ сущности никакой службы не несли.

Общій видъ Плоцка, съ чисто содержимыми улицами и площадями, вымощенными булыжникомъ и нѣсколькими красивой архитектуры костелами,—былъ довольно привѣтливъ. Въ центрѣ города находился прекрасный каштановый бульваръ, на углахъ ограды

---

[1]) Когда одинъ изъ эшелоновъ полка проходилъ г. Замбровъ (17 мая), тамъ у костеловъ были большія толпы народа, пѣвшія революціонный гимнъ, и многіе мужчины были въ кофедераткахъ, а въ Закрочимѣ привелось слышать около костела пѣніе толпою гимна, заключавшаго между прочимъ слѣдующія слова: «Панъ Богъ спаси насъ отъ тирановъ, мы съ охотою пойдемъ на штыки».

По пути, въ г. Сероцкѣ, эшелонамъ полка произведенъ былъ инспекторскій смотръ. Всѣмъ офицерамъ выдано было на подъемъ третное жалованье, въ зависимости отъ чина (подпоручику 98 рублей).

Въ сентябрѣ 1861 года послѣдовали нѣкоторыя измѣненія въ дислокаціи Либавскаго полка, а именно: 4 роты оставлены были въ Плоцкѣ, по одной ротѣ направлено въ м.м. Вышгородъ и Червинскъ, 2 роты стали въ дер. Радзіово и роты 2 баталіона направлены въ г. Липно и м.м. Скемпы и Рыпинъ.

Тогда же получены были въ полку и новыя мишени для стрѣльбы изъ 6-линейныхъ винтовокъ на 1.200 шаговъ.

коего въ день прибытія перваго эшелона полка найдены были приклеенными объявленія съ слѣдующею надписью: „w ten ogrudek wolno chodzit tylko psam i ofizeram“ (то есть: „въ этотъ садъ дозволяется ходить только собакамъ и офицерамъ“). Понятно, эти объявленія были тотчасъ же сорваны, тѣмъ не менѣе, бульваръ фактически не посѣщался мѣстными жителями, гулявшими исключительно снаружи ограды его, по тротуару [1]). На углу бульвара находилась кондитерская (цукерня) Мальчиковскаго, гдѣ заходившимъ туда военнымъ дѣлались всякаго рода придирки: напр.: почти невозможно было добиться игры на бильярдѣ,— всегда занятъ, прислуга подавала не только весьма медленно, но часто нарочно не то, что спрашивалось, отговариваясь незнаніемъ русскаго языка и т. д.

Изъ цѣлаго ряда еврейскихъ „заѣзжихъ домовъ“ и гостинницъ лучшею считалась гостинница Островскаго, обыкновенно въ обѣденное время и по вечерамъ переполненная народомъ, частью одѣтымъ въ національный польскій костюмъ (кунтушъ и пр.) и отличавшаяся хорошимъ столомъ. Офицеры однако избѣгали посѣщать эту гостинницу изъ-за постоянныхъ мелкихъ придирокъ и глумленій со стороны публики, наполнявшей обѣденный залъ. Офицеровъ и солдатъ мѣстные жители поляки—называли не только „москалями“, но, при случаѣ, величали и ругательными прозвищами въ родѣ „лайдака“, „галгана“ „кацапа„ и „капустняка“, не говоря уже о ругательствахъ вполнѣ нецензурныхъ.

Кромѣ упомянутаго выше бульвара, въ городѣ было нѣсколько „огрудковъ“, т. е. небольшихъ садиковъ съ дешевыми ресторанами. Въ городскомъ клубѣ—„рессурсѣ“—устраивались семейные вечера съ танцами, но враждебное настроеніе публики отбивало охоту офицерамъ посѣщать эти вечера. Короче, военные осуждены были почти на полную отчужденность и волею неволею жили своимъ кружкомъ или, правильнѣе, кружками. Офицерскихъ собраній и даже столовыхъ тогда еще не было. Губернаторомъ былъ генералъ Рожновъ, комендантомъ—полковникъ Познякъ и плацъ-адъютантами штабсъ-капитанъ Шило и поручикъ Купенко: послѣдній былъ ненавидимъ жителями за его энергическую дѣятельность во время манифестацій

[1]) Спустя нѣсколько дней по прибытіи полка въ Плоцкъ, выловлевъ былъ въ Вислѣ утопленникъ; жители воспользовались этимъ, выдавъ его за одного изъ убитыхъ въ Варшавѣ, и устроили торжественныя похороны, при чемъ въ процессіи участвовали и евреи и несли траурные значки и крестъ для могилы съ надписью: „несчѐнливый, замордова̀нный на улицахъ Варша̀вскихъ“.

Жителямъ нарѣдка показывавшимся все же на бульварѣ — наносились оскорбленія, побои и устраивался кошачій концертъ по ночамъ.

и пр., за что и получилъ,—какъ говорили,—нецензурную кличку, а именно „Porucznic Dupenko“. На улицахъ начали появляться мужчины, одѣтые въ черныя люстриновыя рубашки съ широкими кожанными поясами и въ, такъ называемыя, „чамарки“ и кунтуши (пока подъ пальто), а иногда и въ шапкахъ „гарибальдійкахъ“ и конфедераткахъ; дамы ходили въ глубокомъ траурѣ съ плерезами, имѣя головнымъ уборомъ большею частью гарабальдійскую шляпку съ черными перьями, и исключительно черные зонтики [1]). По немногу не только въ костелахъ, но и около нихъ началось пѣніе революціонныхъ гимновъ, начинавшихся словами „Боже, цожъ Польска, сбавь насъ отъ москалей“ и т. д. и „съ дымомъ пожаровъ“. Мотивъ гимновъ былъ довольно торжественный и они распѣвались на улицахъ и въ садахъ, даже и няньками при укачиваніи дѣтей.

Таковы были въ общихъ чертахъ тогдашній видъ Плоцка и жизнь въ немъ. Были видимые признаки надвигавшагося мятежа, но если и принимались мѣры предупрежденія безпорядковъ, то съ поразительною осторожностью, какъ бы ощупью, очевидно слѣдуя указаніямъ изъ Варшавы, гдѣ тогда намѣстникомъ былъ старикъ генералъ-адъютантъ Сухозанетъ (бывшій военный министръ).

Будучи назначенъ жалонернымъ офицеромъ и полковымъ библіотекаремъ, я устроился на небольшой квартирѣ, близъ костела Фары и городской площади. Выше упомянуто было о составѣ полковой библіотеки (привезенной на наемныхъ подводахъ въ Плоцкъ только 13 декабря, т. е. почти спустя полгода), вычеты на которую производились по 1 рублю въ треть съ каждаго офицера полка [2]) и собираемая такимъ путемъ весьма небольшая сумма расходовалась на выписку 2—3 газетъ, нѣсколькихъ толстыхъ журналовъ, произведеній беллетристики и пр. Въ виду приказанія свыше, на особый вычетъ, выписана была за 70 рублей только что вышедшая „военная игра“ Колодѣева, но это „новшество“ принято было въ полной мѣрѣ равнодушно, по причинѣ, главнымъ образомъ, отсутствія среди

---

[1]) Исключеніемъ было 1 августа—годовщина уніи Польши съ Литвою. Въ этотъ день всѣ женщины на улицахъ были въ свѣтлыхъ платьяхъ и устроена манифестація на городской площади передъ ратушей и у костеловъ: вызванными 8 ротами и 2 сотнями казаковъ толпы народа были разсѣяны и произведены аресты тѣхъ, кои дозволяли себѣ бросать въ солдатъ кирпичи, щебень и палки. (Изъ сохранившагося письма моего 3 августа 1861 года изъ Плоцка).

[2]) Содержаніе тогда выдавалось по третямъ года, напр. подпоручикъ получалъ 98 р. въ треть; сверхъ сего, собственно въ царствѣ Польскомъ давали офицерамъ „пивныя“ деньги, по 2 р. 43 коп. въ мѣсяцъ. Впослѣдствіи, по объявленіи военнаго положенія, офицерамъ производилась выдача не въ зачетъ—добавочная треть жалованья.

штабъ-офицеровъ и старшихъ оберъ-офицеровъ Либавскаго полка такихъ, кои могли бы руководить военною игрою. Осмотромъ принадлежностей игры дѣло кончилось, и она вновь была бережно уложена мною въ ящики, ну а потомъ уже было не до нея, такъ какъ начались чуть не ежедневныя манифестаціи, съ вызовомъ ротъ для ихъ разсѣянія, а въ январѣ 1863 года и мятежъ въ царствѣ Польскомъ и сосѣднихъ губерніяхъ сѣверо-западнаго и юго-западнаго края.

Публичныхъ чтеній по военнымъ предметамъ и тактическихъ занятій офицеровъ—не было, но за то процвѣтали коммерческія карточныя игры и, въ особенности, игры въ „штоссъ", „ландскнехтъ" (дьябѐлекъ — по-польски) и бильярдная игра. Стоило взглянуть въ день выдачи офицерамъ содержанія (за треть года) на квартиру полковаго казначея, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго: непремѣннымъ гостемъ въ этотъ день у казначея былъ и офицерскій портной—еврей, по фамиліи Одесскій,—которому должны были чуть не всѣ офицеры полка. Раскрытъ рядъ ломберныхъ столовъ, и около нихъ толпятся офицеры; идетъ азартная игра, при чемъ карты—понтерки—валяются всюду и на полу; только и слышны возгласы: „транспортъ съ кушемъ и кушъ мазу", на „пе", „уголъ" и проч.— Мало получали тогда офицеры денегъ, но все же,—въ общемъ,— ихъ многимъ хватало, ибо жизнь была дешевле, да и потребности скромнѣе, чѣмъ нынѣ.

Сначала на пѣніе революціонныхъ гимновъ смотрѣли сквозь пальцы и лишь въ концѣ осени, когда это пѣніе въ костелахъ и на площадкахъ около нихъ—приняло значительные размѣры, начальство наконецъ встрепенулось, но насколько нерѣшительны, слабы и безрезультатны были принятыя властями мѣры,—показали дальнѣйшія событія [1]).

Одновременно съ Либавскимъ полкомъ передвинуты были въ царство Польское и остальные полки дивизіи (5 Калужскій, 7 Ревельскій и 8 Эстляндскій), расположившіеся въ Прасанышѣ, Млавѣ и Новогеоргіевскѣ. Въ сентябрѣ получено было въ Либавскомъ полку распоряженіе о пріемѣ изъ склада корпіи и бинтовъ (по разсчету 12 арш. на каждаго солдата) и о подготовкѣ всего нужнаго для устройства походныхъ госпиталей.

---

[1]) 3 октября въ день именинъ Косцюшки, въ каѳедральномъ костелѣ установленъ былъ на высокомъ катафалкѣ гробъ и къ нему прикрѣпленъ портретъ Косцюшки; въ тотъ же день въ костелахъ и лютеранской церкви служились панихиды по сосланномъ епископѣ Фіалковскомъ, при чемъ въ костелахъ присутствовали и евреи. Мѣръ предупрежденія принято не было.
(Изъ сохранившагося письма моего 3 октября 1861 года изъ Плоцка).

Близость границы послужила поводомъ къ завязкѣ знакомствъ съ прусскими офицерами; такъ было въ Либавскомъ и Эстляндскомъ полкахъ—въ Плоцкѣ и Млавѣ [1]). Въ январѣ 1862 года черезъ пограничную таможню въ дер. Осѣки прислано было въ Либавскій полкъ отъ общества офицеровъ прусскаго ландвернаго баталіона приглашеніе на балъ въ пограничный городокъ Стразбургъ (на польскихъ картахъ „Бродницe"), находившійся приблизительно въ 5 верстахъ отъ границы по дорогѣ отъ м. Рыпина, гдѣ квартировали двѣ роты названнаго полка (и въ 85 верстахъ отъ Плоцка).

Желающими ѣхать въ Стразбургъ вызвались 7 офицеровъ, а именно маіоръ Бойе, штабсъ-капитаны Абрамовичъ и Прокопеусъ 2, поручики Драке, Торвигге и Кноррингъ и подпоручикъ Экгольмъ.

Снабженные заграничными паспортами за подписомъ варшавскаго военнаго губернатора генерала Крыжановскаго, впослѣдствіи оренбургскаго генералъ-губернатора, названные офицеры 31 января выѣхали изъ Плоцка на крестьянскихъ саняхъ (розвальняхъ), т. е. вполнѣ не парадно, по дорогѣ на г. Серпецъ, гдѣ пробывъ сутки,— позднимъ вечеромъ 3 февраля прибыли въ Стразбургъ и, едва достучавшись въ единственной тамъ гостинницѣ, помѣстились въ нѣсколькихъ нетопленныхъ нумерахъ ея. На другой день, утромъ, офицеры въ парадной формѣ сдѣлали визиты мѣстному ландрату и командиру ландвернаго баталіона и въ тотъ же день получили приглашенія на парадный обѣдъ въ той же гостинницѣ, гдѣ жили, и на балъ тамъ же. Пріемъ былъ вполнѣ любезный.

Балъ начался полонезомъ [2]), въ коемъ наши офицеры, по просьбѣ распорядителей, приняли участіе и вообще были предметомъ общаго вниманія. Послѣ полуночи начался разъѣздъ, но офицеровъ пригласили въ сосѣдній залъ, и когда внесены были чаши съ глинтвейномъ, началась, собственно говоря, попойка съ тостами и спичами, произносившимся какъ нашими офицерами, такъ и хозяевами— пруссаками. Веселье дошло даже до того, что штабсъ-капитанъ Прокопеусъ 2, снявъ мундиръ и надѣвъ прусскую каску, лихо протанцовалъ трепака къ общему удивленію и восторгу пруссаковъ. Закончился пиръ въ 7 часовъ утра. Сдѣлавъ прощальные визиты, офицеры отправились на званный обѣдъ въ пограничное имѣніе помѣщика барона фонъ-деръ Гольца, откуда, къ вечеру, прибыли въ м. Рыпинъ и на слѣдующій день въ Плоцкъ.

---

[1]) Балъ въ Млавѣ состоялся 25 января, при чемъ изъ Пруссіи прибыло до 30 большихъ саней съ прусскими уланскими офицерами и ихъ семьями.

[2]) По сохранившемуся письму моему 13 февраля 1862 года, на „балу" было до 30 дамъ и дѣвицъ, и оркестръ состоялъ всего изъ 7 музыкантовъ.

Ввиду командировки полковаго казначея въ Брестъ-Литовскую комиссаріатскую комиссію за пріемомъ годовыхъ вещей для полка (тогдашній казначейскій сѣнокосъ) [1]), мнѣ пришлось временно исполнять его должность почти въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ: въ этотъ промежутокъ времени я, по служебнымъ надобностямъ, два раза былъ въ Варшавѣ, отправившись туда въ первый разъ на почтовыхъ перекладныхъ черезъ Ловичъ, а во второй — пароходомъ по Вислѣ.

Намѣстникомъ былъ уже великій князь Константинъ Николаевичъ, жившій въ королевскомъ замкѣ на Сигизмундовой площади, и постояннымъ гарнизономъ этого замка былъ баталіонъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, а въ одномъ изъ флигелей, по направленію къ мосту черезъ Вислу, помѣщался лихой дивизіонъ кубанскихъ казаковъ, подъ командою войсковаго старшины Занкисова [2]).

Сообщу теперь то, что слышалъ и видѣлъ въ Варшавѣ, живя тамъ въ обѣ поѣздки въ королевскомъ замкѣ у коменданта.

Аресты были часты, и виновныхъ поважнѣе отвозили въ 10 павильонъ Александровской цитадели. По улицамъ днемъ и ночью высылались патрули, состоявшіе изъ нѣсколькихъ пѣхотинцевъ и одного кавалериста, и такой патруль велъ полиціантъ („циркулòвый)", а въ тылу ѣхалъ кавалеристъ, имѣя пику „на перевѣсъ". Во всѣхъ костелахъ и особенно въ костелѣ Святаго Креста (Свентѐго Кржижа) на улицѣ „Новый свѣтъ", а также на площади около него, пѣлись большими толпами народа, стоявшими большею частью на колѣняхъ, революціонные гимны [3]).

---

[1]) Пріемъ доставленныхъ въ полкъ—сукна, холста, сапожнаго товара и пр. былъ своеобразный. Всѣ вещи кучами сложены были въ полутемномъ большомъ сараѣ. Пріемная комиссія состояла изъ всѣхъ ротныхъ командировъ, но самая процедура пріема имѣла вполнѣ, такъ-сказать, домашній характеръ. Для проформы нѣкоторые ротные командиры брали на выдержку бунтъ сукна и перемѣряли число аршинъ въ немъ, трогали кожу передовъ, гнули подошвы и пр. Тамъ же подписывался всѣми и пріемный листъ, а затѣмъ всѣ гурьбою направлялись въ квартиру казначея на обычный завтракъ.

[2]) Не задолго передъ этимъ прибыли въ Варшаву полки 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ артиллеріею, лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій и Уланскій Его Величества полки съ одною конною батареею.

Послѣ долгаго ожиданія, 8 марта 1862 года доставлены были наконецъ на вооруженіе Либавскаго полка новыя 6-ти линейныя винтовки.

[3]) По сохранившемуся письму моему 12 апрѣля 1862 года—въ Варшавѣ, въ костелѣ Св. Яна, новый архіепископъ Фелинскій, говорилъ проповѣдь въ одно изъ воскресеній; находившаяся въ костелѣ публика начала свистать, кашлять и пр.; вызванныя части войскъ многихъ арестовали и по разборѣ—изъ числа арестованныхъ 12 назначены были въ полки рядовыми.

Извѣстный учредительный комитетъ, имѣвшій во главѣ талантливаго администратора Н. А. Милютина, помѣщался въ Брюлевскомъ дворцѣ. Лѣтомъ 1862 года Варшава объявлена была на военномъ положеніи, и городская жизнь рѣзко измѣнилась; даже небольшимъ группамъ не дозволялось останавливаться на тротуарахъ и проч.: виновныхъ въ нарушеніи въ чемъ-либо установленнаго порядка тотчасъ отправляли „до козы", т. е. въ полицейскій участокъ (по мѣстному—„циркулъ"). Огромный Саксонскій садъ былъ всегда почти пустъ, а на Саксонской площади съ извѣстнымъ памятникомъ полякамъ, павшимъ въ 1830 году за вѣрность престолу,—нынѣ, къ сожалѣнію, помѣщающимся на отдаленной Зеленой площади,—разбитъ былъ палаточный лагерь нѣсколькихъ баталіоновъ и установлены два, снятыя съ передковъ,—орудія, заряженныя картечью; это изображено на прилагаемомъ рисункѣ № 1 съ современной фотографіи 1862 года.

То же было и на Красинской площади, гдѣ находился лагеремъ одинъ баталіонъ съ 2 орудіями, а также на главномъ дворѣ Королевскаго замка.

Когда, во время большой манифестаціи 27 февраля 1861 года (15 числа по старому стилю) на Сигизмундовой площади данъ былъ по приказанію генерала Заболоцкаго, ротою Муромскаго полка, залпъ по напиравшей толпѣ и при этомъ, кромѣ раненыхъ, убито 5 человѣкъ [1]), начались панихиды, а женщины облеклись въ полный трауръ („жалобу" по-польски), молодые люди начали появляться въ черныхъ суконныхъ или люстриновыхъ рубашкахъ съ широкими кожанными поясами и пятью металлическими звѣздочками на нихъ, по числу 5 убитыхъ 27 февраля („na pamiètek zamordowànych 27 Lutègo na ulicach Warschàwy"). Женщинъ, появившихся на улицахъ въ свѣтлыхъ платьяхъ и шляпкахъ, всячески оскорбля-

---

1 преданъ полевому суду и 2 заключены въ крѣпость на нѣсколько недѣль.

Несмотря на не прекращавшіеся безпорядки въ Варшавѣ, ежедневно съ 4 часовъ въ Саксонскомъ саду играли два хора военной музыки, но какъ только начиналась игра, публика уходила изъ сада, и оставались въ немъ почти исключительно офицеры Варшавскаго гарнизона съ своими семьями. 19 сентября казнено было въ Варшавѣ 5 человѣкъ, обвиненныхъ въ убійствѣ полковника Любушина, при чемъ это исполнено было днемъ и не въ цитадели, а на нѣсколькихъ площадяхъ и людныхъ улицахъ. (По сохранившемуся письму моему 20 сентября 1862 года).

[1]) Процессія шла отъ церкви Паулиновъ къ Сигизмундовой площади: послѣ залпа роты, кромѣ раненыхъ, оказались убитыми: французъ мѣстнаго консульства, ксендзъ, шедшій передъ толпою, помѣщикъ и еще двое изъ толпы. Намѣстникомъ былъ тогда князь Горчаковъ.

ли и даже иногда рвали платье крючками, прилаженными къ палкѣ или тросточкѣ [1]). Иное было въ 1863 году во время разгара мятежа; такъ, въ сохранившемся письмѣ моемъ изъ Варшавы 14 ноября 1863 года, между прочимъ сказано, что „въ Варшавѣ все тихо: всѣ дамы какъ попугаи разодѣты, и ни одной уже нельзя на улицахъ видѣть въ черномъ. Въ 8 часовъ вечера никто не можетъ показываться на улицахъ, кромѣ военныхъ“.

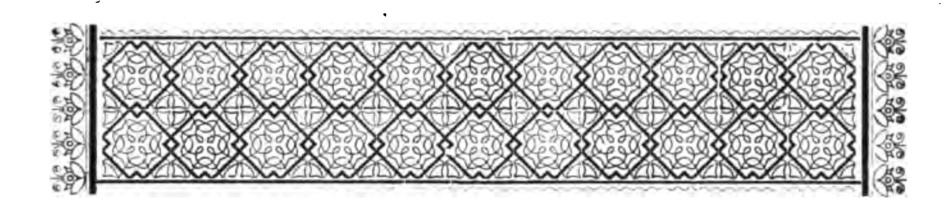
Манифестаціи въ Плоцкѣ, какъ предвѣстники мятежа, начались еще осенью 1861 года; такъ, 28 сентября на главной городской площади устроена была ночью демонстрація, скоро однако разсѣянная вызванными по тревогѣ нѣсколькими ротами Либавскаго полка, при чемъ во время натиска на толпу четыре рядовыхъ были ранены брошенными камнями, но и бунтовавшимъ порядочно досталось въ темнотѣ прикладами, а трое изъ нихъ, наиболѣе бунтовавшіе, были арестованы.

Л. Д.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

[1]) Такую тросточку съ крючкомъ я лично видѣлъ, будучи тогда въ Варшавѣ; она была отнята у блузника („лобуса“), который на допросѣ показалъ, что досталъ ее у монаха Бернардинскаго монастыря.

Изъ прошлаго.

Начало декабря 1894 года ознаменовалось для Варшавы и царства Польскаго крупнымъ событіемъ: генералъ Гурко оставилъ постъ варшавскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками варшавскаго военнаго округа.— Іосифъ Владиміровичъ болѣлъ уже давно; несокрушимое, казалось, здоровье не выдержало тягостей тѣхъ испытаній, которыя ему пришлось перенести, начиная еще съ перваго забалканскаго похода, зимняго перехода черезъ эти горы, временнаго бездѣйствія, послѣдовавшаго послѣ войны и, наконецъ, 11-ти лѣтняго управленія краемъ бывшаго царства Польскаго. Уже 6-го декабря г. Гурко, въ отвѣтъ на принесенное Государю Императору телеграфное поздравленіе по случаю тезоименитства Его Величества, получилъ слѣдующую телеграмму: „Генералъ-фельдмаршалу Гурко. Сердечно благодарю васъ и войска варшавскаго военнаго округа за принесенныя Мнѣ поздравленія и благопожеланія. Признавая важность заслугъ, оказанныхъ вами Престолу и Отечеству, глубоко сожалѣю, что здоровье не позволяетъ вамъ продолжать полезную дѣятельность. Николай“.

Телеграмма эта подтвердила ходившіе уже ранѣе слухи о возведеніи Іосифа Владиміровича въ фельдмаршальское званіе.—6 декабря, послѣ торжественнаго богослуженія въ варшавскомъ каѳедральномъ соборѣ, всѣ военные чины и многіе изъ гражданскихъ лицъ, по собственному почину, отправились въ королевскій замокъ, чтобы принести І. Вл. поздравленія съ высокою Царскою милостью. Отъ лица военныхъ фельдмаршала поздравилъ помощникъ командующаго войсками генералъ Н. Я. Звѣревъ. Когда умолкло громкое

и единодушное ура, Гурко обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ со слѣдующими словами:

„Благодарю васъ, господа, за ваши поздравленія. Всемилостивѣйше пожалованная награда мнѣ въ особенности дорога, такъ какъ, возведя меня—единственнаго уцѣлѣвшаго изъ начальниковъ отрядовъ послѣдней кампаніи [1]) въ высшее военное званіе, нашъ молодой Государь показалъ, поскольку онъ цѣнитъ труды своихъ подданныхъ на полѣ брани, и тѣмъ несомнѣнно придалъ русскому воинству новыя силы для беззавѣтно преданной службы Царю и Отечеству. Для меня же лично, господа, эта награда является въ грустномъ обликѣ, такъ какъ неразрывно связана съ окончательной разлукой, еще заживо, со всѣмъ тѣмъ, что составляло единственную цѣль моей жизни—заботами объ охранѣ чести и неприкосновенности моей родины; кромѣ того, оно соединено съ разлукой и съ вами, господа. Стоя болѣе 11 лѣтъ во главѣ войскъ варшавскаго военнаго округа, я, въ мѣрѣ моего разумѣнія, старался развить въ нихъ боевую готовность. Всю душу свою вложилъ я въ дѣло боевого воспитанія арміи, посвятилъ на это всѣ свои силы, стремясь создать изъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ несокрушимый оплотъ чести Россіи. Мечталъ я, что еще буду служить съ войсками округа— но силы измѣнили, и я разстаюсь съ вами. Благодарю васъ, господа, за то вниманіе, съ какимъ вы всегда относились къ моимъ указаніямъ и требованіямъ: былъ я строгій, взыскательный начальникъ, не легки были поставленныя мною задачи, не легко было и ихъ исполненіе. Еще разъ благодарю васъ. Служите молодому Государю такъ же, какъ служили покойному Царю, и труды ваши будутъ оцѣнены. Да будетъ вашею цѣлью то, чему, повторяю, посвятилъ я все свое разумѣніе, всѣ свои силы—боевая готовность войскъ,—и на склонѣ дней своихъ будете и вы столь милостиво награждены, какъ я награжденъ“.

Грустно было всѣмъ присутствовавшимъ слушать прощальную рѣчь любимаго начальника, грустно было смотрѣть настолько измѣнившаго физически, исхудалаго фельдмаршала. Слабый физически, съ трудомъ стоя во время этой рѣчи, І. Вл. былъ еще такъ силенъ духомъ, что рѣчь его, произнесенная съ большой сердечностью, все же дышала прежней энергіей и духовной силой. І. Вл. всегда говорилъ кратко, образно, съ оттѣнкомъ рѣшительности, ему всегда присущей, которую нѣкоторые принимали за рѣзкость. Когда голосъ этотъ въ военное время раздавался на Балканахъ или на поляхъ

---

[1]) Радецкій, Зотовъ, бар. Криденеръ, Циммерманъ.

и холмахъ за р. Видъ послѣ 30-го и 31-го августа (третья Плевна) и Горнаго Дубняка, многіе трепетали; одни—по заслугамъ, другіе—по привычкѣ, а самъ добрѣйшій І. Вл., замѣчая это, добродушнѣйшимъ образомъ улыбался, говоря: „я не виноватъ, что у меня такія басовыя ноты въ голосѣ“.

Но возвратимся къ событіямъ. Прослушавъ вышеприведенную рѣчь, у многихъ слушателей были слезы на глазахъ.—Чувствовалось, что что-то кончилось, что-то порвалось...

Все русское общество, въ большей или меньшей степени, чувствовало ту же слезу.

Поляки радовались уходу генерала Гурко, радовались и не скрывали этого настроенія, совершенно забывая, что за одиннадцать лѣтъ управленія краемъ, несмотря на массу отдѣльныхъ эпизодовъ и демонстрацій политическаго свойства, генералъ Гурко не пользовался своими обширными полномочіями и даже *отказался отъ распространенія на польскія губерніи положенія усиленной охраны.* Насколько снисходительно относился г. Гурко къ разнымъ выходкамъ, можно судить потому, что̀ когда за нѣсколько лѣтъ до его ухода изъ Варшавы предполагалось увольненіе изъ университета группы студентовъ за устроенную ими манифестацію въ столѣтнюю годовщину конституціи 3-го мая, то генералъ Гурко самъ явился ходатаемъ передъ учебнымъ вѣдомствомъ относительно оставленія манифестантовъ въ университетѣ. Враги генерала Гурко называли его mangeur des polonais (пожиратель поляковъ) что̀ совершенно не соотвѣтствовало истинѣ. Этотъ „пожиратель“ долго и упорно воевалъ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія (!), которое желало отнять у ксендзовъ право преподаванія Закона Божія католикамъ, ученикамъ школъ, передавъ его учителямъ - чиновникамъ. Этотъ „пожиратель“ выдвигалъ на первый планъ негуманность подобной мѣры и тогда, когда этотъ аргументъ не одолѣлъ, выдвинулъ другой, доказывая непрактичность задуманной мѣры и поясняя, что она приведетъ только къ одному: къ тайному преподаванію, всегда нежелательному, по невозможности контроля. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что у поляковъ не могло быть поводовъ къ личнымъ неудовольствіямъ въ отношеніи главнаго начальника края, и если его отставка, вынужденная болѣзнью, является для нихъ радостнымъ событіемъ, то причины кроются, конечно, не въ личности, а въ системѣ его управленія. Забываютъ одно: во-первыхъ, г. Гурко являлся выразителемъ того направленія, которое за тринадцать лѣтъ минувшаго царствованія господствовало въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, а съ другой стороны, общая точка зрѣнія русскаго общества на польскій вопросъ была въ то время такова, что она

являлась противодѣйствіемъ къ возобновленіямъ попытокъ управленія западными окраинами по системѣ Потапова и Альбединскаго. Г. Гурко былъ очень рѣшителенъ, но тогда, когда онъ видѣлъ въ результатѣ рѣшительной мѣры—благо. Въ одномъ изъ фабричныхъ центровъ царства Польскаго произошли большіе безпорядки рабочихъ; многочисленныя толпы буйствовали; у нихъ появилось и оружіе. Для водворенія порядка былъ посланъ помощникъ генералъ-губернатора баронъ Медемъ, но изъ его донесеній видно было, что ему не справиться, хотя ему и дано было право вызвать войска: требовалась нравственная поддержка, и вотъ, генералъ Гурко шлетъ барону открытую (не шифрованную) телеграмму: „къ вечеру возстановить порядокъ. Патроновъ не жалѣть". Телеграмма была послана утромъ, а еще съ вечера бар. Медемъ былъ предупрежденъ, чтобы содержаніе ея не только не скрывать, а наоборотъ, постараться способствовать ея распространенію до употребленія оружія. Содержаніе телеграммы стало быстро извѣстно рабочимъ; ряды ихъ порѣдѣли и поплатились ранеными только упорствующіе.

Проводить генерала Гурко, уѣзжавшаго за границу, собралось на Вѣнскій вокзалъ масса публики—русской. На платформѣ была давка. Изъ поляковъ пріѣхали только камергеръ Карницкій съ женой и дочерью. Никто изъ остальныхъ поляковъ, носившихъ придворные мундиры, не рѣшился быть на проводахъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и получили придворное званіе, благодаря представленію Іосифа Владиміровича.

Неизвѣстный поэтъ, бывшій въ замкѣ на прощаньи съ г. Гурко, написалъ слѣдующіе стихи, ходившіе по рукамъ лицъ русскаго общества, цѣнителей и почтителей Іосифа Владиміровича.

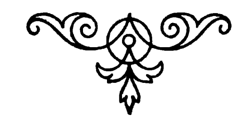
ДВА ЖЕЗЛА.

Я на концертѣ былъ. Капельмейстеръ престарѣлый
Прощался съ публикой. Ужъ много лѣтъ подъ рядъ
Смычекъ талантливый, въ рукѣ его умѣлой,
Въ восторженныхъ сердцахъ будилъ и рай и адъ.
Ликуютъ авторы, въ безсмертныя творенья
Которыхъ онъ всегда тепло и жизнь вдыхалъ,
И дирижерскій жезлъ, какъ чувства выраженье,
Съ аплодисментами ему подноситъ полный залъ.
Растроганный старикъ благодаритъ всѣхъ слезно
За ласку и привѣтъ, въ теченье долгихъ лѣтъ,
Но по глазамъ его читается: ужъ поздно!
Къ чему мнѣ жезлъ, когда оркестра нѣтъ.

* * *

Я вспомнилъ этотъ жезлъ вчера, при разставаньи
Съ сановникомъ однимъ; онъ боленъ, старъ и хилъ;
Жезлъ маршальскій, какъ высшій знакъ признанья
Его заслугъ, онъ также получилъ.
Растроганный, въ слезахъ онъ съ нами разставался,
Даривъ сподвижникамъ на память свой портретъ,
А на лицѣ его наглядно выражался
Вопросъ: къ чему мнѣ жезлъ, когда ужъ власти нѣтъ.

П. Паренсовъ.

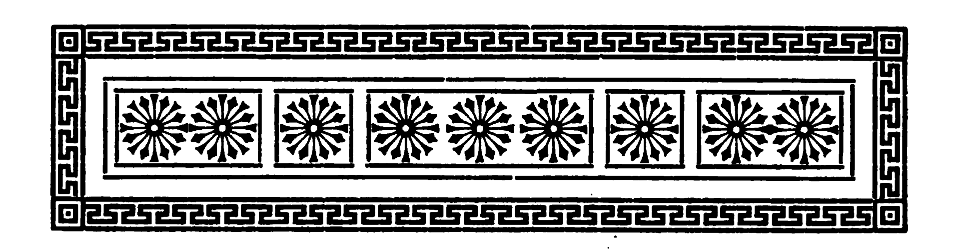
Закрытіе Кейданскаго училища.

(Высочайшій указъ цесаревичу, 20 февраля 1824 г.).

По случаю открытыхъ въ училищѣ, находящемся въ мѣстечкѣ Кейданахъ, вреднѣйшихъ правилъ и соглашеній между учащимися къ злодѣйственнымъ преступленіямъ, предписываю вашему императорскому высочеству оное училище уничтожить, дабы сіе зловредное гнѣздо было разорено.

Сообщ. **Мих. Соколовскій.**

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 г.г. [1])

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Если бы большинство не разсчитывало, въ сущности, на трусость и глупость пашей, то мы мало имѣли шансовъ на разгромъ непріятеля; и мы увидимъ, что генералъ Милорадовичъ, начавшій дѣло, такъ какъ не могъ поступить иначе, имѣлъ изъ-за этого нѣсколько непріятностей. Это былъ изъ ряда выходящій случай вести войну!

Генералъ-лейтенантъ *Эссенъ 1-й*, генералъ-губернаторъ Подоліи и Волыни и начальникъ 10-й дивизіи, имѣлъ свою резиденцію, Каменецъ-Подольскъ, въ 207 верстахъ отъ турецкой крѣпости Хотинъ. Эта крѣпость, расположенная на правомъ берегу Днѣстра, выстроенная на скалѣ, очень высоко возвышавшейся надъ рѣкою и деревней, была очень сильна и почти неприступна; она имѣла очень мало сооруженій и улучшеніе ея въ этомъ отношеніи сдѣлало бы ее еще болѣе сильной [2]).

Хотинъ былъ покинутъ турками въ 1769 г. и занятъ княземъ Голицынымъ, который, передъ тѣмъ, чтобы воспользоваться такимъ непостижимымъ оставленіемъ крѣпости, долженъ былъ выдержать противъ всей ихъ арміи, на лѣвомъ берегу Днѣстра, нѣсколько упорныхъ сраженій и принужденъ былъ отступать съ большими потерями. Въ 1788 г. Хотинъ былъ осажденъ герцогомъ Кобургскимъ и графомъ Иваномъ Салтыковымъ. Осада была долгая и городъ долженъ былъ сдаться на капитуляцію.

---

¹) См. «Русск. Ст.» 1907 г. май.

²) Въ Хотинѣ много работъ поручено произвести инженеру Гартунгу, но онъ не высоко стоялъ въ критикѣ требуемыхъ знаній (примѣчаніе 1827 г.).

14—26 ноября, генералъ Эссенъ очень спокойно перешелъ Днѣстръ и, къ великому удивленію турокъ, обошелъ крѣпость съ обѣихъ сторонъ. Ихъ удивленіе увеличилось еще болѣе, когда они увидѣли, что городъ окружили и требовали сдачи его.

Ингурли-Мехметъ-паша, командовавшій этой крѣпостью, имѣлъ очень мало войскъ, но жители крѣпостей у турокъ всѣ вооружены и, составляя ея гарнизонъ, могли защищать городъ, тѣмъ болѣе, что Эссенъ не имѣлъ ни приказа, ни средствъ, взять его силою. Онъ обманулъ пашу, пославъ къ нему переводчика Фогеля и приказавъ передать, что онъ хочетъ войти въ Хотинъ и пробыть тамъ нѣсколько дней. Паша могъ бы отвѣтить, что можно обойдти вокругъ крѣпости, но не сообразилъ этого. Онъ далъ себя уговорить и открылъ намъ ворота. Послѣ двухдневныхъ переговоровъ Эссенъ вошелъ въ городъ, поставилъ тамъ гарнизонъ и ввелъ порядокъ и дисциплину, которыя, казалось, удовлетворили жителей.

Нѣкоторое время спустя, Эссенъ, получившій за этотъ подвигъ орденъ Владиміра 2-й ст., былъ вызванъ съ своей дивизіей въ Польшу, противъ французовъ, а въ Хотинѣ оставилъ два батальона Украинскаго и Пензенскаго полковъ.

22-го ноября генералъ Мейндорфъ съ полками: Малороссійскимъ гренадерскимъ, Нашебургскимъ, Новгородскимъ и Нарвскимъ мушкатерскими, 11-мъ егерскимъ, Стародубовскимъ и Сѣверскимъ драгунскими, тремя казачьими полками и артиллеріей, перешелъ Днѣстръ у Дубоссаръ по понтоннымъ мостамъ и двинулся на Бендеры такъ быстро, что турки не успѣли опомниться. 24 ноября онъ появился передъ городомъ въ то самое время, какъ одинъ молдаванинъ Катаржи, служившій Россіи съ послѣдней войны, старался убѣдить пашу сдать городъ.

Въ это время Мейндорфъ построилъ свои войска въ длинныя колонны и заставилъ ихъ ходить передъ крѣпостью взадъ и впередъ, то въ киверахъ, то въ фуражкахъ, то въ парадной формѣ, то въ шинеляхъ, чѣмъ старался, передъ глазами турокъ, усилить впечатлѣніе о численности своихъ войскъ и заставить ихъ думать, что у него подъ начальствомъ сильная армія. Мейндорфъ аплодировалъ себѣ за этотъ стратегическій маневръ (bedit shtratacheme), который ему удался, и городъ сдался.

Гассану-пашѣ, коменданту Бендеръ, было за 80 лѣтъ, и онъ не сомнѣвался, что его обманываютъ.

Бендеры расположены, какъ и Хотинъ, на правомъ берегу Днѣстра; окружающіе его, довольно правильно, валы облицованы камнемъ и сдѣланы по новѣйшему способу, но они не имѣютъ ни прикрытаго пути, ни откосовъ, а иныя куртины были такъ непомѣрно

велики, что даже съ бастіоновъ нельзя было производить перекрестнаго огня.

Съ другой стороны Днѣстра, на русской территоріи, въ городѣ, имѣется командующая высота, поставленная на которой одна батарея въ 100 или 120 туазовъ могла бы сокрушить турецкій городъ, а тѣмъ болѣе домъ самого паши и его внутренніе апартаменты.

Мейндорфъ вызвалъ изъ Одессы генерала Хитрово съ Нижегородскимъ полкомъ и нѣсколькими пушками и поставилъ его на этой возвышенности; но такъ какъ дѣло обошлось безъ его помощи, то его отправили къ герцогу де-Ришелье.

Въ 1770 г. Бендеры были взяты русскими войсками, подъ командою графа Панина, приступомъ; осада была долгая и трудная.

Въ 1789 г. князь Потемкинъ взялъ Бендеры не осаждая ихъ. Онъ появился передъ городомъ и напугалъ турецкаго пашу, сломивъ ударомъ кулака столъ; городъ сдался.

Герцогъ Ришелье велѣлъ построить мостъ у деревни Майокъ, въ 35 верстахъ отъ Одессы, и 28-го ноября перешелъ Днѣстръ съ двумя батальонами Бутырскаго полка, тремя Алексопольскаго и двумя полками казаковъ. Онъ оставилъ на мосту Нижегородскій полкъ, возвратился къ Бендерамъ и пошелъ на Паланку. Прежде это была турецкая крѣпость—громадный квадратный редутъ, расположенный на возвышенности. Крѣпость была видна отъ дер. Майока и казалась болѣе грозной, чѣмъ была въ дѣйствительности.

Первоначально предполагали писать диспозицію для атаки крѣпости, но тамъ никого не нашли.

29-го ноября герцогъ Ришелье, съ полъ-дороги на Акерманъ, послалъ инженернаго офицера Фестера и князя Кантакузена—атамана Бугскихъ казаковъ, потребовать сдачи города, а 30-го ноября герцогъ подвинулся еще на 10 верстъ, но тутъ полковникъ Фестеръ встрѣтилъ его съ докладомъ, что его ждутъ въ крѣпости съ большимъ нетерпѣніемъ [1]).

---

[1]) Изъ моихъ записокъ объ Аустерлицкомъ сраженіи видно, что благодаря клеветѣ гр. Буксгевдена, я попалъ въ немилость послѣ войны 1805 г.; я не получилъ дивизіи и, будучи свободнымъ, я поѣхалъ въ Одессу, гдѣ разсчитывалъ опредѣлиться къ герцогу Ришелье, моему другу. Несмотря на то, что генералъ Беннигсенъ предупреждалъ меня въ Тульчинѣ, я никакъ не ожидалъ войны противъ Наполеона и уже сдѣлалъ нѣсколько попытокъ быть полезнымъ; но вмѣсто того, чтобы быть посланнымъ туда, я получилъ въ Одессѣ приказъ отъ императора, чтобы поступить въ армію Михельсона, которому также послано приказаніе о принятіи меня въ его армію. Приказъ этотъ былъ полученъ за 2 дня до Акерманской экспедиціи, и потому я сопровождалъ Ришелье.

*

Мы вошли въ городъ въ 11 ч. утра, въ полномъ парадѣ. Паша Таиръ, арнаутъ, магометанинъ, человѣкъ лѣтъ 40, казалось, былъ въ восторгѣ отъ встрѣчи съ нами [1]).

Ришелье сдѣлалъ ему визитъ; онъ отдалъ его часъ спустя. Пили кофе, много курили. Комендантомъ города Ришелье назначилъ одного маіора и одного плацъ-адъютанта. Имъ велѣли выставить наши посты и въ 2 часа все было кончено.

Акерманъ расположенъ въ 25 верстахъ отъ моря и отъ устья Днѣстра, на правомъ берегу лимана, въ 7—8 верстахъ отъ самаго широкаго мѣста, противъ котораго протекаетъ Днѣстръ. Противъ Акермана, на лѣвой сторонѣ рѣки, и въ 35 верстахъ отъ Одессы, русскіе построили, послѣ мира, въ 1791 г., крѣпость Овидіополь (городъ—Овидія).

Эта крѣпость угрожала Акерману, какъ Тирасполь Бендерамъ; но ни та, ни другая, не могли принести пользы, чтобы удержать набѣги татаръ. Для того, чтобы сохранить существованіе Одессы и часть Херсонской губерніи, надо было взять турецкіе города Бессарабіи и прогнать турокъ съ Дуная, что и было сдѣлано.

Акерманъ, расположенный на возвышенномъ утесѣ, былъ построенъ генуезцами, которые, раньше, будучи здѣсь хозяевами, торговали на Черномъ морѣ и строили много крѣпостей. Укрѣпленія Акермана выстроены въ готическомъ стилѣ. Генуезцы ставили стѣну на стѣну, которыя, такимъ образомъ, подымались все выше и выше; ровъ былъ

---

[1]) Невѣжество и апатія турокъ подтверждаются, если знать, что Таиръ-паша не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ Одессѣ. тогда какъ въ теченіе 10 лѣтъ жилъ въ городѣ, расположенномъ всего въ 35 верстахъ отъ резиденціи герцога Ришелье. Онъ такъ мало зналъ о нашихъ нравахъ, что когда узналъ, что я женатъ и не имѣю дѣтей, то предложилъ мнѣ продать ему мою жену и купить одну изъ его женъ. чтобы имѣть потомство. Онъ говорилъ совершенно серьезно. Случай этотъ курьезенъ, но вотъ другой, ужасный! ночью прибѣгаетъ ко мнѣ одинъ изъ его слугъ, грекъ, бросается въ ноги и умоляетъ спасти жизнь одной изъ женъ паши, которая ему разнравилась и которую онъ велѣлъ зашить въ мѣшокъ и бросить въ Днѣстръ, я побѣжалъ разбудить Ришелье, который поспѣшно далъ мнѣ инструкціи, но... было уже поздно. Вотъ каковы турки!

Въ Акерманѣ мы встрѣтили стараго турка, которому было 104 года звали его Мустафа-Кондуръ-Оглы. Онъ былъ взятъ въ 1733 г. подъ Очаковомъ фельдмаршаломъ Минихомъ и былъ отосланъ въ Петербургъ, откуда кн. Голицынъ возилъ его въ Парижъ, Вѣну и проч. Онъ говорилъ немного по русски, немного по-французски. Послѣ мира онъ вернулся въ Акерманъ и жилъ въ маленькой хижинѣ, откуда его выгоняли во время войнъ 1769 и 1788 г.г. Вернувшись. онъ не поинтересовался посмотрѣть Одессу. Онъ разспрашивалъ насъ о своихъ старыхъ знакомыхъ, лѣтъ 50 уже не существовавшихъ, между прочимъ о фельдмаршалѣ Кейтѣ, убитомъ въ 1758 г. въ сраженіи при Дюнкирхинѣ.

вырыть сначала въ 9 туазовъ глубины. Эти гигантскія стѣны можно было легко разрушить съ помощью батарей, выдвинуть которыя можно на очень близкое разстояніе. Предмѣстье касалось гласиса и, въ томъ случаѣ, если бы его сожгли, то осталось бы такъ много щебня, что его было бы вполнѣ достаточно, чтобы прикрыть атакующихъ; при чемъ, улицы служили бы траншеями. Взять же открытою силою, чтобы покончить дѣло разомъ, было немыслимо.

Акерманъ, со стороны Лимана, былъ еще сильнѣе, чѣмъ со стороны суши, а такъ какъ заливъ этотъ иногда замерзаетъ, то необходимо это обстоятельство имѣть въ виду.

Въ окрестностяхъ Акермана разбиты фруктовые сады и виноградники. Въ самой крѣпости не болѣе двухъ жилыхъ домовъ, но въ предмѣстьи много красивыхъ турецкихъ домиковъ, хорошо выстроенныхъ, украшенныхъ живописью и окруженныхъ садиками.

1 декабря мы еще пробыли въ Акерманѣ, но затѣмъ герцогъ Ришелье передалъ командованіе своимъ отрядомъ генералъ-лейтенанту Зассу, прибывшему съ своими Переяславскими драгунами, а мы возвратились въ Майокъ.

Ночью прибылъ къ намъ адъютантъ отъ генерала Засса и доложилъ, что три часа спустя по отъѣздѣ герцога изъ Акермана, пріѣхали депутаты отъ Хаджи-Гасейнъ-Ага, командовавшаго гарнизономъ въ Киліи и отъ Мука-Беледжи, командовавшаго въ Измаилѣ, которые вмѣстѣ съ жителями предлагали сдаться и умоляли прислать къ нимъ русскія войска, чтобы спасти ихъ отъ страха, внушаемаго имъ болгарскими разбойниками, и защитить ихъ отъ нихъ, если бы они захотѣли взять городъ силою.

Ришелье тотчасъ же послалъ Зассу приказъ немедленно выступить съ Переяславскими драгунами, 7-ю пушками и тремя батальонами, не заботясь ни о провіантѣ, ни о фуражѣ, брать что нужно по дорогѣ и прибыть въ Килію въ 4 дня.

Очевидно Зассъ хорошо понялъ этотъ приказъ и, какъ умный человѣкъ, исполнилъ его въ духѣ заключавшагося въ немъ смысла. Отъ Акермана до Киліи 130 верстъ; онъ прошелъ ихъ въ 3 дня и занялъ городъ.

Я удивлялся, отчего герцогъ Ришелье не отдалъ, въ то же время, приказа Зассу занять Измаилъ, и высказалъ ему это, но онъ мнѣ отвѣтилъ, что Мейндорфъ, къ которому онъ отправилъ курьера, навѣрное пошлетъ туда войска своего отряда, и что онъ не хотѣлъ бы отнимать у него славы этой экспедиціи.

Эта даже неумѣстная деликатность герцога Ришелье, въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы тогда находились, и съ такимъ человѣкомъ, каковъ былъ Мейндорфъ, конечно не стоившимъ такого

вниманія, была большою ошибкой. Зассъ совершилъ таковую же, не взявши на себя смѣлости занять Измаилъ; хотя у него было и мало войскъ, но на первое время ихъ было бы достаточно.

Болгарскіе разбойники были еще далеко отъ Измаила и, въ случаѣ ихъ нападенія, одного батальона съ его драгунами, соединенныхъ съ жителями, было бы достаточно, чтобы довольно долго защищать этотъ городъ. Зассъ прекрасно зналъ, что черезъ нѣсколько дней онъ получилъ бы помощь. Эта бездѣятельность и нерѣшительность Засса тѣмъ болѣе удивительны, что этотъ человѣкъ былъ очень храбръ и предпріимчивъ на войнѣ. Какъ бы то ни было, эти двѣ ошибки двухъ генераловъ повлекли за собой гибельныя послѣдствія и имъ можно приписать, также какъ и ошибкамъ Милорадовича въ Бухарестѣ, всѣ опаздыванія и отступленія въ этой войнѣ, какъ мы это и увидимъ ниже.

6 декабря мы пошли въ Бендеры. Я не могу описать того удивленія и разочарованія герцога Ришелье, когда онъ увидалъ, что Мейндорфъ не собирается воспользоваться такимъ рѣдкимъ и счастливымъ случаемъ для успѣха кампаніи. Ришелье никакъ не могъ постичь тѣхъ соображеній, которыми руководствовался Мейндорфъ въ своей бездѣятельности въ такую важную минуту. Объ этомъ я буду говорить послѣ, но въ то время ни Ришелье, ни я никакъ не могли понять его. Мы приписали это нерѣшительности его характера а это заставляло насъ опасаться за дальнѣйшія дѣйствія Мейндорфа. Настоящую причину мы узнали позднѣе.

Гергоцъ Ришелье сейчасъ же долженъ былъ послать курьера къ Зассу съ положительнымъ приказомъ занять Измаилъ. Онъ бы имѣлъ время для этого, но онъ этого не сдѣлалъ. Это была вторичная ошибка. Онъ бы могъ послать въ Килію два батальона, остававшихся въ Акерманѣ, а Нижегородскій полкъ перевести изъ Майока въ Акерманъ. Между тѣмъ, Михельсонъ съ Милорадовичемъ, Сергѣемъ Каменскимъ, княземъ Долгоруковымъ, Уланіусомъ и полками: Сибирскимъ и Фанагорійскимъ гренадерскими, Орловскимъ, Смоленскимъ, Апшеронскимъ и Олонецкимъ пѣхотными, 6-мъ егерскимъ, Стародубовскимъ, Кинбурнскимъ и Тверскимъ драгунскими, Бѣлорусскимъ гусарскимъ, Гущевскимъ казачьимъ регулярнымъ и тремя казачьими Донскими полками, перешелъ черезъ Днѣстръ 12 декабря, а 16 его авангардъ вошелъ въ Яссы. Кн. Петръ Долгоруковъ, командовавшій авангардомъ, войдя въ Яссы, тотчасъ же захватилъ и арестовалъ французскаго консула Реньярда, хотя мы тогда еще не вели войны съ Наполеономъ, и это покушеніе на чужую свободу со стороны Долгорукова не было одобрено ни генераломъ Михельсономъ, ни Дворомъ. Однако же Михельсонъ слишкомъ боялся вліянія Долго-

рукова, чтобы даровать свободу Реньярду, отправилъ его къ Ришелье, откуда, по повелѣнію императора, онъ былъ высланъ за границу.

Молдоване не ожидали нашего визита и несмотря на постройку моста въ Молдавіи, не могли себѣ представить, что мы серьезно хотимъ занять ихъ княжество. Между тѣмъ, какъ это имъ ни было непріятно, они встрѣтили насъ очень хорошо; впрочемъ иначе они и не могли поступить.

Михельсонъ оставался въ Яссахъ около мѣсяца. Онъ выдвинулъ впередъ нѣкоторые свои отряды подъ командою Милорадовича и Сергѣя Каменскаго и занялъ Бырладъ и Фокшаны. Отсюда онъ могъ угрожать Браиловскому гарнизону и войскамъ Мустафы Байрактара, который находился въ Бухарестѣ. Въ это время, казалось, Михельсонъ не имѣлъ намѣренія перейти границы Молдавіи.

Какъ только русскіе заняли Яссы, князь Карлъ Каллимаки сейчасъ же бѣжалъ оттуда. Его княженіе продолжалось всего одинъ день, и онъ даже не зналъ, что былъ свергнутъ и замѣненъ Александромъ Мурузи, по распоряженію русскаго правительства, которое, однако, не было увѣрено въ признаніи Портой такой замѣны. Съ занятіемъ княжества, Михельсонъ назначилъ княземъ Молдавіи Ипсиланти, слѣдовавшаго за нашей арміей, и самъ возвелъ его на этотъ важный постъ.

Тщеславный, интриганъ Ипсиланти и не подозрѣвалъ тогда, что мечта его—добиться наслѣдственной короны въ Дакіи—не осуществится и что онъ жестоко разочаруется въ своихъ надеждахъ.

Между тѣмъ, быстрое и неожиданное овладѣніе четырьмя крѣпостями дало Михельсону право предполагать, что Измаилъ взятъ и что достаточно оставить 4 или 5 тысячъ на р. Серетѣ и столько же гарнизонами, съ остальными 40 тысячами, находившимися въ его распоряженіи, можно бы захватить Браиловъ, Журжево и Турно, а затѣмъ занять весь лѣвый берегъ Дуная. Это предположеніе заставило его создать грандіознѣйшій планъ, который былъ сильно раскритикованъ, а между тѣмъ онъ имѣлъ бы полный успѣхъ, если бы только Мейндорфъ занялъ Измаилъ и послалъ бы взять Мачинъ, какъ лишенный всѣхъ средствъ защиты. Это мѣстечко дало бы намъ возможность блокировать Браиловъ, который и принужденъ бы былъ сдаться намъ до весны.

Взять Журжево было труднѣе. Мустафа Байрактаръ могъ собрать 20 тысячъ въ Рущукѣ и затруднять наше наступленіе, снабжая съѣстными припасами черезъ Дунай; надо было занять острова и рукава, омывающіе Журжево, и отрѣзать всѣ сношенія между двумя городами. Имѣя 40 тысячъ, сдѣлать это было не трудно и гораздо скорѣе, чѣмъ турки могли бы собрать свою армію.

Проектъ Михельсона хотя и не могъ считаться выдающимся, однако онъ не былъ лишенъ надежды на успѣхъ, а его система дѣйствій дѣлала ему честь. Вообще его операціи въ эту кампанію, несмотря на ошибки Засса, Ришелье и Милорадовича и поступокъ Мейндорфа, парализовавшій успѣхи нашей арміи, были болѣе всѣхъ достойны похвалы.

Гартунгъ и Толь помогали Михельсону, но тѣмъ не менѣе только онъ одинъ сумѣлъ понять и привести въ исполненіе ихъ указанія и совѣты.

Михельсонъ направилъ Милорадовича въ Бухарестъ, Сергѣя Каменскаго въ Браиловъ, а князя Долгорукова въ Галацъ; но Долгоруковъ совершалъ свое передвиженіе такъ медленно, что разсерженный Михельсонъ послалъ туда генерала Ушакова съ Одесскимъ пѣхотнымъ полкомъ, который и занялъ Галацъ раньше прибытія туда драгунъ.

Галацъ—очень большой, прекрасно построенный и очень богатый городъ, но не укрѣпленный. Онъ расположенъ на возвышенности, въ 57 верстахъ отъ р. Серета, въ 157 верстахъ отъ Браилова и въ 157 верстахъ отъ р. Прута; его положеніе, на лѣвомъ берегу Дуная, до развѣтвленія рукавовъ этой рѣки, очень выгодно для торговли, и онъ служилъ складочнымъ пунктомъ для 3-хъ провинцій.

Михельсонъ потребовалъ сдачи Браилова и просилъ прохода для нашихъ войскъ. Ахметъ-Назиръ-паша, комендантъ Браилова, человѣкъ умный, храбрый, привязанный къ своему повелителю и родинѣ и котораго мы позднѣе увидимъ великимъ визиремъ, играющимъ большую роль въ этой войнѣ, отвѣтилъ Михельсону, что онъ весьма удивленъ его предложеніемъ, такъ какъ великая Порта не находится еще въ войнѣ съ Россіей и что онъ не согласенъ на пропускъ нашихъ войскъ въ Молдавію; если же намъ надо было идти въ Далмацію, то Браиловъ совсѣмъ не по дорогѣ; но что если бы мы нуждались въ провіантѣ, то онъ снабдитъ насъ за деньги; при этомъ онъ добавилъ, что если онъ не производитъ на насъ нападенія, то только потому, что не получилъ объ этомъ приказа отъ Султана, но если бы мы атаковали его, то онъ будетъ защищаться, а не поступитъ такъ, какъ поступили паши Хотинскій, Бендерскій и Акерманскій [1]).

Мустафа - Байрактаръ, одинъ изъ знаменитыхъ разбойниковъ Порты, создалъ себѣ совершенно независимое положеніе въ Рущукѣ.

---

[1]) Сдача этихъ трехъ крѣпостей тѣмъ болѣе удивительна, что я могу завѣрить, что паши ихъ не были подкуплены и взятіе крѣпостей не стоило Россіи ничего, кромѣ чести.

гдѣ онъ замѣнилъ собою знаменитаго Терсенекъ-Оглу, казненнаго немного раньше [1]). Мустафа занялъ Бухарестъ сперва съ 500 чел., а затѣмъ съ 2.000, подъ предлогомъ необходимости поддержать князя Александра Сутцо, недавно назначеннаго Портой господаремъ Валахіи [2]).

Ипсиланти желалъ, изъ этого поступка Мустафы, создать передъ русскимъ правительствомъ актъ враждебныхъ дѣйствій Порты, а самый набѣгъ Мустафы онъ выставилъ какъ наступленіе авангарда, что ему и удалось; при чемъ 2.000 чел. были увеличены, въ депешахъ его въ Петербургъ, до 30.000 чел.

Въ то время, наше министерство можно было обмануть легко, такъ какъ если бы оно лучше знало положеніе дѣлъ и все то, что происходило въ Турціи, то оно ясно видѣло бы, что Мустафа, бывшій иногда непокорнымъ Портѣ и отнюдь не проводникомъ ея политики, двинулъ войска въ Валахію вовсе не для поддержки Сутцо, а только для того, чтобы воспользоваться въ своихъ интересахъ немилостью Ипсиланти и лично убѣдиться, можетъ ли онъ овладѣть или, по крайней мѣрѣ, разграбить эту богатую провинцію. Доказательствомъ того можетъ служить то обстоятельство, что онъ смотрѣлъ уже на Валахію, какъ на свою землю, такъ какъ во время пребыванія въ Бухарестѣ войска его вели себя отлично, а управленіе страною онъ оставилъ въ рукахъ народа; но Сутцо, вернувшійся въ страну какъ князь, не призналъ свое положеніе безопаснымъ и скоро покинулъ столицу.

Вступленіе русскихъ въ Молдавію сильно помѣшало Мустафѣ. Сначала онъ хотѣлъ войти въ союзъ съ русскими, но потомъ онъ сообразилъ, и не безъ основанія, что если русскіе возьмутъ Валахію, то навѣрно не для него. Тогда онъ перемѣнилъ свое первоначальное предположеніе и призналъ, что ему выгоднѣе идти противъ русскихъ. Онъ послалъ въ Бухарестъ 4—5 тыс. чел., подъ начальствомъ одного изъ вѣрныхъ ему пашей Ахмета, а адъютантомъ къ нему назначилъ ужаснаго разбойника Махмута-Тирана, внушавшаго ужасъ и страхъ не только въ жителяхъ Бухареста, но

[1]) Полагаютъ, что Терсенекъ былъ казненъ по настоянію Себастьяни, французскаго посланника въ Константинополѣ, надѣявшагося въ Мустафѣ найти человѣка преданнаго ему; но доказательствъ этого предположенія нѣтъ.

[2]) Г-ну Италинскому удалось передать владѣніе Валахіей Ипсиланти, спасавшагося въ Россіи. Г-нъ Кириковъ, консулъ Россіи, получилъ приказаніе заставить Диванъ Бухареста не признавать болѣе Сутцо, но когда узнали о вступленіи русскихъ въ Молдавію, то Мустафа счелъ нужнымъ поддержать Сутцо.

и въ Журжевскомъ пашѣ. Эти разбойники прибыли въ Бухарестъ 30 ноября.

Узнавъ объ арестѣ Реньярда въ Яссахъ, Ла-Маръ—консулъ Франціи, и Ладуксъ—вице-консулъ, тотчасъ же потребовали, какъ возмездіе, ареста русскаго консула Кирикова. Его тотчасъ же арестовали и отправили въ Рущукъ, гдѣ онъ пробылъ цѣлый мѣсяцъ въ тюрьмѣ, ежедневно опасаясь быть на завтра повѣшеннымъ, какъ ему каждый вечеръ обѣщалъ это Мустафа. Волосы Кирикова совершенно посѣдѣли за это время. Вообще Кириковъ не отличался мужествомъ.

Милорадовичъ пріѣхалъ въ Валахію гораздо раньше, чѣмъ его ожидали турки. Съ нимъ прибыли полки: Апшеронскій, Олонецкій, Орловскій, 5-й егерскій, Бѣлорусскіе гусары и два казачьихъ полка. Эти полки составляли авангардъ, начальникомъ котораго былъ Уланіусъ.

11 декабря, двигаясь изъ Бузео въ Урзичени, Уланіусъ узналъ, что изъ Бухареста выступили тысяча или полторы турокъ съ Махмутомъ-Тираномъ во главѣ. Получивъ приказаніе Милорадовича атаковать ихъ, Уланіусъ, встрѣтивъ турокъ около деревни Глодіани, въ 7 или 8 верстахъ отъ Урзичени, вступилъ съ ними въ бой и легко опрокинулъ ихъ. Его конница и казаки преслѣдовали ихъ до Урзичени, гдѣ масса ихъ потонула въ маленькой рѣчкѣ, протекающей тамъ, и въ озерѣ, находящемся возлѣ города. Тѣ изъ нихъ, которые бросились на мостъ, должны были перейти очень длинную и грязную плотину; столпившись на ней, большинство было изрублено саблями гусаръ. Только нѣкоторые спаслись бѣгствомъ на Слободзею и Обилешти, гдѣ и скрылись по деревнямъ, напугавъ мирныхъ людей, слѣдовавшихъ за Милорадовичемъ [1]); иные же спрятались въ тростникахъ; при чемъ, одинъ изъ нихъ убилъ капитана Бѣлорусскаго гусарскаго полка Ставицкаго, который проѣзжалъ верхомъ, преслѣдуя бѣглецовъ [2]).

Тѣ, которые, спасаясь, бѣжали до Бухареста, распространяли ужасъ между турками и, чтобы извинить свое бѣгство, они говорили, что вся русская армія въ Урзичени. Эти слухи вызвали безпокойство и среди начальниковъ турокъ, которые собрали совѣтъ для

---

[1]) 18 ноября, когда я выѣхалъ въ Бухареста, ночью, мои ямщики, нѣсколько разъ останавливались, чтобы распречь лошадей и удрать; они ежеминутно ожидали увидѣть турокъ, такъ что я долженъ былъ употребить силу, чтобы заставить ихъ ѣхать въ Бухарестъ; но я увѣряю, что подобное путешествіе не представляло ни малѣйшаго удовольствія.

[2]) Потеря русскихъ въ этомъ дѣлѣ была незначительна. Турки же потеряли болѣе 100 чел. и 2 знамя.

обсужденія положенія дѣлъ. Махмутъ, обозленный тѣмъ, что его такъ легко разбили, предложилъ сжечь городъ и затѣмъ уйти въ Рущукъ [1]).

Этотъ варварскій планъ навѣрное былъ бы приведенъ въ исполненіе, если бы Милорадовичъ не помѣшалъ имъ, прибывъ въ Бухарестъ съ такою поспѣшностью, которая дѣлаетъ ему честь и которая особенно была полезна жителямъ города.

Подъ конецъ Гладіанскаго сраженія, Милорадовичъ успѣлъ соединиться съ Уланіусомъ. Къ нему пріѣзжали изъ Бухареста депутаты, посланные тайно жителями, чтобы пріѣхать какъ можно скорѣе, если онъ хочетъ спасти городъ. Какъ только его главныя силы соединились съ авангардомъ, онъ тотчасъ же двинулся въ путь, не давши войскамъ ни минуты отдыха. Сдѣлавъ 50 верстъ въ 24 часа, Милорадовичъ рано утромъ, 13-го декабря, появился передъ Бухарестомъ и выслалъ переводчика съ письмомъ къ начальнику турецкихъ войскъ, гдѣ говорилъ, что если онъ сожжетъ хотя бы одинъ домъ, то онъ остріемъ меча переколетъ всѣхъ турокъ. Это письмо застало турецкихъ офицеровъ еще на совѣщаніи; оно было написано по-французски и никто изъ этихъ господъ не понялъ его, что заставило ихъ просить австрійскаго консула Бреннера перевести письмо. Пока онъ переводилъ, Милорадовичъ уже пріѣхалъ. Онъ приказалъ 2 раза выстрѣлить изъ пушки, поставленной около очень длиннаго моста, находящагося по большой дорогѣ, верстахъ въ трехъ отъ города. Эти два пушечныхъ выстрѣла произвели на турокъ магическое дѣйствіе, чему трудно было бы повѣрить, если бы то не было подтверждено самими жителями города. Моментально всѣ члены военнаго совѣта, офицеры, солдаты-турки, пораженные ужасомъ, кто пѣшкомъ, кто верхомъ, поспѣшили къ воротамъ въ Журжево. Между тѣмъ, Милорадовичъ приказалъ окружить городъ. Генералъ Мичуринъ съ Олонецкимъ полкомъ пошелъ вправо и, направляясь между Керастрели и Бонаке, вышелъ у Домбровицы на дорогу въ Питешти. Уланіусъ съ остальной пѣхотой двинулся влѣво и, также пройдя Домбровицу, вышелъ на Журжевскую дорогу со стороны монастыря Викарести. Тутъ онъ встрѣтилъ турокъ, бѣжавшихъ въ страшномъ безпорядкѣ. Если бы съ нимъ была кавалерія, онъ могъ бы уничтожить ихъ во множествѣ, но онъ имѣлъ только нѣсколькихъ казаковъ, которыхъ и послалъ преслѣдовать бѣглецовъ. Казаки гнались за ними до Сибирскаго моста у Синтешити и многихъ изъ нихъ перебили.

---

[1]) Еще послѣ отъѣзда Мустафы, Махмутъ приказалъ сжигать или грабить всѣ имѣнія и монастыри въ окрестностяхъ Бухареста.

Между тѣмъ, 300 арнаутовъ, преданные Ипсиланти и поддерживаемые русскимъ консуломъ, предложили сначала защищать Бухарестъ, но крайне осторожный Кириковъ не согласился на это; тогда эти арнауты (или хорваты), боясь турокъ, заперлись въ монастырѣ Раульвода. Построенный въ центрѣ города, монастырь былъ обнесенъ зубчатой стѣной, удобной для защиты. Турки не могли ихъ осадить, и арнауты оставались нѣсколько дней запертыми, имѣя впрочемъ запасъ съѣстныхъ припасовъ. Какъ только они услыхали пушечный выстрѣлъ, данный по приказанію Милорадовича, и увидѣли бѣгство турокъ, они тотчасъ же вышли изъ монастыря и соединились съ бывшими въ городѣ и готовыми выступить для преслѣдованія.

Милорадовичъ, извѣщенный о всѣхъ этихъ волненіяхъ, галопомъ, съ саблей въ рукѣ, и болѣе храбрый, чѣмъ осторожный, влетѣлъ въ городъ съ своими гусарами, и въ 4 часа вечера въ Бухарестѣ уже не было ни одного турка.

Милорадовича встрѣтили какъ освободителя города и дѣйствительно онъ былъ таковымъ.

Вечеромъ, арнауты устроили Милорадовичу маленькую овацію, которая по своей идеѣ достойна того, чтобы быть записанной для составленія понятія о нравахъ этой варварской націи. Какъ только они узнали, что домъ князя Гики [1]) назначенъ для русскаго генерала, они собрали всѣ турецкія головы, отрубленныя ими, и положили ихъ въ два ряда по лѣстницѣ, на дверяхъ и въ галлереѣ дома; противъ каждой головы они поставили зажженый факелъ. Милорадовичъ, занятый расположеніемъ войскъ, возвратился домой очень поздно и былъ провожаемъ арнаутами (хорватами) съ большимъ тріумфомъ. Видя издали иллюминацію, онъ былъ въ восторгѣ отъ нея, но когда онъ вошелъ во дворъ и увидѣлъ это ужасное зрѣлище, онъ на нѣсколько минутъ потерялъ сознаніе. Онъ не захотѣлъ оставаться въ этомъ окровавленномъ дворцѣ и помѣстился тамъ только нѣсколько дней спустя, когда все было вымыто и очищено.

Около 1.000 турокъ были умерщвлены въ городѣ или во время бѣгства, остальные безъ остановки бѣжали до Журжево.

Милорадовича упрекали, что онъ не пошелъ тотчасъ же туда. Этотъ упрекъ не основателенъ. Его войска были измучены 100 верстнымъ, безостановочнымъ походомъ, а отъ Бухареста до Журжево считается 88 верстъ; онъ могъ пройти ихъ только въ 2 дня и то съ большимъ трудомъ. Въ сущности онъ могъ бы захватить укрѣпленія Журжева, бывшія въ самомъ дурномъ состояніи, и сжечь сло-

[1]) Валахскій князь въ 1827 году.

боду, но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы онъ могъ овладѣть укрѣпленіями, гдѣ находились оставленныя Мустафой свѣжія войска. Но это былъ не такой человѣкъ, который испугался бы, какъ одинъ изъ его предшественниковъ, который, въ войну 1771 г., послѣ того какъ потерпѣлъ неудачу около монастыря Вакарести, покинулъ Журжево, тогда еще неимѣвшее правильныхъ укрѣпленій.

Эти два сраженія: подъ Гладіано и Бухарестомъ—были первыми въ этой долгой и жестокой войнѣ. Они не понравились Двору, который воображалъ, что три провинціи эти будутъ заняты безъ ружейнаго выстрѣла. Милорадовичъ, вмѣсто того, чтобы получить благодарность, которую онъ заслужилъ, получилъ замѣчаніе.

17 декабря Михельсонъ пріѣхалъ въ Бухарестъ; я его догналъ 18-го. Графъ Сергѣй Каменскій уже прибылъ туда со своимъ Фанагорійскимъ полкомъ, оставивъ въ Фокшанахъ полковника Цвиленева съ Новоингерманландскимъ полкомъ.

Всѣ бояре Валахіи, бѣжавшіе въ Трансильванію, возвратились на свою родину, и Бухарестъ сдѣлался очень оживленнымъ. Во время зимы давали балы, устраивали блестящіе праздники, и эта столица, въ которой въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ царили страхъ и ужасъ, вдругъ сдѣлалась центромъ веселья и удовольствій.

Кампанія 1807 года.

Генералъ Михельсонъ, желая занять Турно—маленькую крѣпость, построенную при впаденіи р. Ольты въ Дунай, назначилъ меня начальникомъ этой экспедиціи и сформировалъ для сего отрядъ изъ двухъ баталіоновъ, 4-хъ эскадроновъ, сотни казаковъ и 4-хъ двѣнадцати-фунтовыхъ пушекъ.

Для меня было большимъ счастіемъ, что обстоятельства измѣнили это предположеніе (по крайней мѣрѣ пока турки сами не призвали меня въ Турно, какъ они это сдѣлали въ Киліи), такъ какъ съ такимъ небольшимъ отрядомъ, да еще находясь подъ огнемъ Никопольскихъ укрѣпленій, я конечно былъ не въ состояніи овладѣть сильнымъ укрѣпленіемъ съ 5-ю бастіонами, окруженнымъ палисадомъ. Въ данномъ случаѣ, начинать приступъ было немыслимо, такъ какъ я самъ подвергался нападенію со стороны Никополя, Систово и Зимницы, силами, превосходившими мои. Моя звѣзда предохранила меня отъ этого дѣла, очень затруднительнаго во всякое время, но особенно непріятнаго для меня именно теперь, когда мнѣ необходимъ былъ успѣхъ.

Въ концѣ декабря, Михельсонъ, узнавъ о пораженіи Мейндорфа

передъ Измаиломъ и Засса при Замагури (я объ этомъ буду говорить послѣ), зная также, что герцогъ Ришелье страдалъ нервной горячкой и что болѣзнь эта настолько опасна, что не оставляла никакой надежды на выздоровленіе, не могъ уже больше (или по крайней мѣрѣ надолго) разсчитывать на него и, сердясь на Мейндорфа и Засса, передалъ мнѣ командованіе отрядомъ Ришелье, приказавъ отправиться въ Бессарабію, Акерманъ и Килію.

Я выѣхалъ изъ Бухареста 28 декабря 1806 г. и, проѣхавъ Фокшаны и Галацъ, прибылъ въ с. Тормозъ, около Прута, гдѣ находился Мейндорфъ, чтобы передать ему полученныя приказанія Михельсона.

Проѣзжая черезъ Вадылуйсаки, гдѣ былъ тогда генералъ Жираръ, я узналъ отъ него печальныя и въ то же время смѣшныя извѣстія о событіяхъ, происшедшихъ въ Бессарабіи, причиной которыхъ, отчасти, былъ Мейндорфъ. Жираръ также предупредилъ меня, что я буду терпѣть большія непріятности, служа съ Мейндорфомъ, въ чемъ онъ и не ошибся.

Деревню Тормозъ я нашелъ окруженною батареями и тремя густыми цѣпями часовыхъ. Увидѣвъ это, я предполагалъ, что турки, по крайней мѣрѣ, въ 20 верстахъ отъ насъ, но вскорѣ я узналъ, что все это были только предосторожности, принятыя Мейндорфомъ; а турки по-прежнему оставались въ Измаилѣ, отстоящемъ отъ Тормоза въ 80 верстахъ. Мейндорфа я нашелъ очень печальнымъ и не знающимъ, что ему дѣлать. Я пробылъ у него только одинъ день.

Передъ тѣмъ, какъ я начну говорить о своихъ операціяхъ въ Бессарабіи, я долженъ изложить, что произошло тамъ со времени моего отъѣзда изъ Бендеръ. Я покинулъ этотъ городъ 6 декабря, а Мейндорфъ еще 3 числа былъ увѣдомленъ герцогомъ Ришелье о желаніи жителей Измаила принять русскій гарнизонъ. Послѣ такого важнаго извѣстія, всякій другой въ тотъ же день отправился бы туда самъ или, по крайней мѣрѣ, послалъ бы сильный отрядъ, чтобы занять Измаилъ; это было такое интересное событіе и такая полезная и легкая экспедиція, что ни одинъ человѣкъ корпуса Мейндорфа не сомнѣвался въ томъ, что онъ рѣшится на нее. Можно свободно думать, что судьба этой кампаніи, а можетъ быть и всей войны зависѣла отъ этого рѣшенія; надо было вспомнить, чего намъ стоилъ Измаилъ въ 1789 году!

У Мейндорфа было: 15 полныхъ баталіоновъ, 15 эскадроновъ, два казачьихъ полка, много артиллеріи и проч., въ общемъ болѣе 10.000 человѣкъ. Если бы онъ не хотѣлъ брать съ собой въ Измаилъ всѣ войска, онъ могъ бы отрядить туда хоть три баталіона, 5 эскадроновъ и полкъ казаковъ, ввѣривъ ихъ генералу Войнову, какъ

храброму и дѣятельному начальнику. Этого было бы вполнѣ достаточно для такого полезнаго и необходимаго предпріятія. Но Мейндорфъ, на этотъ разъ, совершенно независимо отъ своей постоянной нерѣшительности, имѣлъ совсѣмъ другой разсчетъ.

Жадный къ деньгамъ, онъ сообразилъ, что эта полезная и почетная экспедиція, требовавшая быстроты исполненія, не могла принести ему никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Онъ объяснялъ свой поступокъ недостаткомъ продовольствія, но этотъ мотивъ былъ не только не основателенъ, но даже смѣшонъ по своей невозможности.

Полки, во время перехода изъ Дубосаръ въ Бендеры, употребили только часть сухарнаго запаса и если бы собрать всѣ оставшіеся въ обозахъ сухари, то этого вполнѣ хватило бы всему отряду на 15 дней. Сухарей было болѣе чѣмъ достаточно. Затѣмъ, въ 7 верстахъ отъ Бендеръ, въ магазинахъ Тираспольскаго полка было также очень много сухарей, которыми свободно можно было располагать въ случаѣ необходимости. Но Мейндорфъ хотѣлъ со всѣми войсками идти въ татарскія деревни и тамъ собирать продовольствіе; онъ хорошо зналъ, что тамъ можно найти всего въ изобиліи, а главное—что ему отдадутъ все даромъ.

Получивъ всѣ припасы, онъ, по соглашенію съ тѣми офицерами, которые всегда очень склонны къ подобнымъ поступкамъ, поставилъ очень высокія цѣны, будто бы заплаченныя за припасы. Разсчетъ его вполнѣ удался и доставилъ ему много выгодъ, въ совершенный ущербъ казны.

Мейндорфъ былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ Михельсономъ, который хорошо зналъ его и вовсе не уважалъ. Мейндорфъ просилъ у него денегъ, но получилъ отказъ; тогда Мейндорфъ сталъ настаивать, и ихъ переписка стала обостряться; наконецъ, Михельсонъ уступилъ. Но время уже было пропущено. Переписка о деньгахъ затянулась, и Мейндорфъ могъ выступить къ Измаилу только 17 декабря, т. е. на 13 дней позже [1]).

Оттоманская Порта совершенно не была подготовлена къ войнѣ. Вызовъ Россіи засталъ ее врасплохъ. Не имѣя достаточнаго числа войскъ, чтобы выставить ихъ противъ насъ, и зная, что всѣ крѣпости въ Бессарабіи и по Дунаю не въ состояніи служить защитой, Турція приняла такія мѣры, которыя дѣлаютъ честь какъ ея энергіи, такъ ея предусмотрительности и политикѣ. Она объявила Россіи войну. Султанъ послалъ всѣмъ недовольнымъ и возмутившимся

---

[1]) Если бы Мейндорфъ такъ крайне нуждался въ деньгахъ, онъ могъ бы взять изъ казенныхъ суммъ, какъ это сдѣлалъ Беннигсенъ въ Прусской кампаніи 1806 года.

своимъ подданнымъ, бѣжавшимъ въ Болгарію, фирманъ, которымъ даровалъ имъ прощеніе за нарушеніе закона и бѣгство, утверждалъ за ними тѣ должности и чины, которые они захватили силою, во время бунта, если только они согласятся направить своихъ единомышленниковъ соединиться съ войсками султана и вмѣстѣ съ ними отразить нападеніе непріятеля. Фирманъ этотъ имѣлъ большой успѣхъ; мятежники были очень довольны, что всѣ ихъ беззаконія прошли безнаказанно и что за ними останутся присвоенныя ими должности.

Мустафа-Байрактаръ былъ склоненъ, еще до войны, занять коронную должность паши Рущука, а состоявшаяся амнистія султана окончательно утвердила его въ этомъ званіи. Байрактаръ, еще до полученія фирмана, уже отправилъ форсированнымъ маршемъ знаменитаго Пегливана, свою креатуру и перваго друга, съ тѣмъ, чтобы онъ съ корпусомъ въ 4.000 человѣкъ занялъ бы Измаилъ. Вѣсть объ этомъ привела въ ужасъ мирныхъ жителей Киліи и Измаила.

Пегливанъ прибылъ къ Измаилу 24 декабря. Жители заперли ворота города и онъ былъ принужденъ расположиться на островѣ Четалъ. Изъ начатыхъ съ жителями переговоровъ онъ узналъ, что русскіе уже подходятъ къ городу. Тогда та часть жителей, которая не хотѣла сдаваться русскимъ, хотя ихъ было и меньшинство, поддержанная Пегливаномъ, заставила и остальныхъ отстаивать городъ и воевать съ русскими. Такимъ образомъ, Пегливанъ вошелъ въ городъ 25 декабря, а Мейндорфъ подошелъ только 26-го. Онъ даже могъ видѣть послѣднія войска Пегливана, переправлявшіяся черезъ Дунай.

Злодѣй Пегливанъ, уже успѣвшій выказать свое вѣроломство, приказалъ казнить всѣхъ тѣхъ, которые показывали какую-нибудь склонность къ русскимъ, а затѣмъ вооружилъ всѣхъ остальныхъ жителей, вселяя въ нихъ не столько довѣрія, сколько ужаса.

Прибывшаго Мейндорфа Пегливанъ встрѣтилъ очень дурно и на требованіе Мейндорфа сдать городъ послалъ ему гордый и надменный отвѣтъ, упрекая Мейндорфа въ манерѣ, съ которой мы начали вести войну.

Мейндорфъ подошелъ къ городу безъ всякихъ военныхъ предосторожностей и, попавъ подъ огонь крѣпостныхъ орудій, сильно пострадалъ. Въ одномъ каре Новгородскаго полка, гдѣ онъ самъ находился, было убито 40 чел. Такимъ образомъ, потерявъ всего болѣе 200 чел., Мейндорфъ принужденъ былъ удалиться, унося съ собой печальное сознаніе неудачи занятія Измаила. Единственнымъ утѣшеніемъ ему оставались тѣ тысячи дукатовъ, которые онъ выгадалъ за сухари, при своемъ опозданіи.

Три дня Мейндорфъ оставался передъ Измаиломъ, какъ вдругъ, 28 декабря, Пегливанъ со всей своей конницей сдѣлалъ внезапную вылазку, смялъ Житомірскій драгунскій полкъ и, открывъ дорогу въ главную квартиру, намѣревался напасть на самого Мейндорфа; но въ это время, храбрый полковникъ Денисовъ, съ двумя эскадронами Сѣверскаго полка, ударилъ во флангъ турокъ и заставилъ ихъ отступить. Въ этомъ дѣлѣ Денисовъ былъ опасно раненъ пистолетомъ въ ногу.

Потрясенный неудачею и внезапной вылазкой Пегливана, Мейндорфъ совершенно потерялъ голову и отступилъ съ такою поспѣшностью, что даже забылъ о 12 пушкахъ, которыя должны были прибыть въ этотъ самый день къ нему въ лагерь, подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ 11-го егерскаго полка съ полковникомъ Сандерсъ. Мейндорфъ отступилъ или, вѣрнѣе сказать, исчезъ къ озеру Ялтухъ, а Сандерсъ двигался къ Измаилу совсѣмъ по другой дорогѣ. Онъ уже былъ очень близко къ городу, когда, къ счастью для него и для его пушекъ, какой-то встрѣчный казакъ предупредилъ его о всемъ происшедшемъ и посовѣтовалъ возвратиться обратно.

Бессарабскіе татары, до сихъ поръ очень мирно остававшіеся у своихъ очаговъ, легко могли примкнуть къ Пегливану, и для насъ было очень важно помѣшать этому намѣренію; мы должны были силою ли страха или убѣжденія, но заставить ихъ присоединиться къ Россіи.

Мѣстоположеніе, политика и даже самъ здравый смыслъ должны были заставить Мейндорфа расположиться въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Измаила—или вправо, около оз. Ялтухъ, или влѣво—около Котлебухъ и тѣсно размѣстить войска по квартирамъ въ безчисленныхъ деревушкахъ, занимавшихъ почти всю эту часть Бессарабіи. Тамъ онъ могъ бы всегда получить всѣ нужные припасы и фуражъ для всего корпуса, на нѣсколько мѣсяцевъ. Но онъ ничего этого не сдѣлалъ, оправдываясь боязнью нападенія Пегливана съ фронта и татаръ съ тыла, что̀ впрочемъ было совершенно неправдоподобно. Но и въ этомъ случаѣ, со своими 10.000 русскихъ и отрядомъ Засса, подошедшимъ къ Измаилу, чтобы соединиться съ нимъ, онъ могъ бы всю иниціативу дѣла держать въ своихъ рукахъ.

Мейндорфъ началъ дѣло совсѣмъ не такъ, какъ слѣдовало; онъ ра̀сположилъ войска по р. Пруту, отъ Рени до Фальчи, оставивъ только свой авангардъ, подъ начальствомъ Войнова, у оз. Ялтухъ.

Зассъ отступилъ къ Киліи, и черезъ это вся Бессарабія осталась открытой. Татары, удивленные пораженіемъ Мейндорфа, испуганные угрозами Пегливана, соблазненные его обѣщаніями и связанные съ нимъ единствомъ религіи, получивъ фирманы султана, призывавшаго

ихъ на защиту вѣры, согласились сначала выслушать предложенія нашихъ враговъ и кончили тѣмъ, что приняли ихъ.

Пегливанъ началъ съ того, что разрушилъ всѣ деревни, находившіяся вблизи Измаила, заставилъ жителей этихъ деревень войти въ городъ и, такимъ образомъ, увеличилъ свои силы; а затѣмъ собралъ все зерно, которое ему нужно было для продовольствія.

И такъ, весь неуспѣхъ кампаніи 1807 г. можно приписать (какъ я уже говорилъ въ журналѣ 1806 г.) поведенію Мейндорфа. Если бы онъ взялъ Измаилъ, что, какъ мы видѣли, было очень легко сдѣлать, тогда бы всѣ Бессарабскіе татары были бы принуждены удалиться внутрь Россіи, да и Михельсонъ могъ бы располагать лишними 25.000 чел., чего было болѣе чѣмъ нужно, чтобы взять Браиловъ, Журжево, занять Мачинъ, причинить нѣкоторое безпокойство туркамъ на ихъ правомъ флангѣ и за Дунаемъ и перевести свои главныя силы въ Валахію. Тогда бы война приняла совсѣмъ другой оборотъ и, передъ перемиріемъ, весь лѣвый берегъ вполнѣ могъ быть занятъ русскими.

Михельсонъ былъ очень недоволенъ Мейндорфомъ. Поведеніе этого генерала было до того непростительно, а мотивы, которыми онъ руководствовался, такъ невѣрны, что генералъ-аншефъ долженъ бы былъ отнять отъ него командованіе, котораго онъ оказался такъ мало достоинъ. Но Михельсонъ не посмѣлъ этого сдѣлать *и въ Россіи часто такъ бываетъ, что гибельная снисходительность къ ошибкамъ виновныхъ вліяетъ на ходъ военныхъ дѣйствій.*

Судя по успѣхамъ произведенной Мейндорфомъ экспедиціи и занятому имъ расположенію войскъ, я былъ невысокаго о немъ мнѣнія, а двухчасовой съ нимъ разговоръ еще болѣе убѣдилъ меня въ этомъ. Его боязнь турокъ, нерѣшительность дѣйствій, страхъ передъ предстоящими событіями — все это вполнѣ очерчивало мнѣ его характеръ, а его штабъ уже не внушалъ мнѣ больше никакого довѣрія.

Когда генералъ всецѣло отдается разсчетамъ, подобнымъ тѣмъ, которые руководили Мейндорфомъ во время его движенія на Измаилъ, то онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, быть снисходительнымъ къ своимъ подчиненнымъ и позволять имъ, въ маломъ, то, что онъ самъ дѣлаетъ въ большихъ размѣрахъ

Но въ этомъ случаѣ, Мейндорфу не нужно было желать ничего лучшаго, такъ какъ онъ имѣлъ около себя четырехъ самыхъ отчаянныхъ грабителей, то были: его адъютантъ Широковъ, черезъ годъ,

наконецъ, выгнанный со службы княземъ Прозоровскимъ; одинъ провіантскій чиновникъ, по фамиліи Зотовъ, извѣстная личность, даже среди людей менѣе добросовѣстныхъ его профессіи; его дежурный маіоръ Деконскій и одинъ армянинъ Голаціани, служившій переводчикомъ. Эти четыре господина составляли тайный совѣтъ Мейндорфа. Изъ всѣхъ людей, окружавшихъ Мейндорфа, достойнымъ можно было назвать единственно (исключая генераловъ) барона Клодта фонъ-Юргенбургъ. Это былъ человѣкъ честный, храбрый и знающій свое дѣло, но его безпечность и апатія были такъ велики, что онѣ вредили его хорошимъ качествамъ. Онъ дѣлалъ только то, что ему приказывали, и то еще не особенно усердно.

Я прибылъ въ Бендеры 1 января 1807 г. и нашелъ тамъ Нижегородскій полкъ съ его командиромъ генералъ-маіоромъ Хитрово; онъ съ большимъ усердіемъ забиралъ въ городѣ и зерно, и лѣсъ, и все, что только могло пригодиться ему для украшенія его домовъ и имѣній въ Одессѣ. Въ Акерманѣ, по примѣру Хитрово, работалъ генералъ Ловейко, хотя и не такъ явно. Но всѣ эти плутни подчиненныхъ казались дѣтскими играми въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило въ Киліи. Какъ мы уже видѣли, 9 декабря занялъ ее Зассъ и оставилъ тамъ свою пѣхоту, а кавалерію расположилъ по деревнямъ, отъ озеръ Киліи и Котлибухъ до самаго Измаила.

Если бы Зассъ, этотъ прекрасный офицеръ, имѣлъ бы тогда ту опытность въ командованіи, которую онъ пріобрѣлъ послѣ, онъ непремѣнно занялъ бы Измаилъ. Не имѣя приказанія, онъ не считалъ себя въ правѣ занять городъ, но за то черезъ три года онъ сдѣлалъ это по своей иниціативѣ.

Нерѣшительность и боязнь скомпрометтировать себя часто поралізуютъ дѣйствія генераловъ въ началѣ ихъ карьеры, а Зассъ командовалъ отрядомъ въ первый разъ. Но если онъ былъ слишкомъ робкимъ въ военныхъ предпріятіяхъ, то далеко онъ не былъ таковымъ въ финансовыхъ спекуляціяхъ, отдаться которымъ не возможно было съ большимъ жаромъ. Состоящій подъ его командою драгунскій полкъ составлялъ тотъ источникъ, которымъ онъ пользовался для добычи денегъ.

Въ Бессарабіи не было магазиновъ, но въ покинутыхъ деревняхъ и даже въ тѣхъ, гдѣ были жители, было много зерна и фуража, стоющаго только одного труда, чтобы его собрать. Этими продуктами можно было бы, безъ ущерба для государственной казны, прокормить войско въ шесть разъ больше того, чѣмъ было у насъ. Зассъ захватывалъ всѣ эти продукты, а въ рапортахъ писалъ, что онъ покупалъ

*

ихъ, но такъ какъ онъ самъ былъ и старшимъ начальникомъ этого отряда, то онъ же самъ и назначалъ цѣны, совершенно произвольныя, доходившія до чудовищныхъ размѣровъ. Провіантская комиссія, съ которой онъ дѣлился нѣкоторою частью своихъ выгодъ, выплачивала ему какія угодно цѣны, а самъ онъ и командиры полковъ получали огромныя суммы за эти воображаемыя покупки.

Всѣ эти подробности не касаются исторіи войны, но все-таки нужно знать духъ хищенія, царствовавшаго въ эту эпоху въ русской арміи! Содержаніе этого корпуса въ Бессарабіи стоило нѣсколько милліоновъ; но при строгой, честной и ловкой администраціи, государственная казна не только не потратила бы ихъ, а наоборотъ, могла бы извлечь изъ Бессарабіи нѣсколько милліоновъ, которые не были бы потеряны, если бы только герцогъ Ришелье оставался во главѣ корпуса или, еще лучше, если бы онъ былъ на мѣстѣ Мейндорфа.

Генералу Зассу, во всѣхъ его меркантильныхъ спекуляціяхъ, всегда помогалъ инженерный полковникъ Ферстеръ, выгнанный изъ прусской службы и пріѣхавшій искать богатства въ Россіи, гдѣ всѣ эти праздношатающіеся еще находили пріютъ. Пробывъ нѣкоторое время учителемъ математики, затѣмъ гувернеромъ въ одномъ домѣ въ Москвѣ, онъ поступилъ на военную службу. Онъ былъ очень плохимъ инженеромъ, но прекраснымъ артиллеристомъ, смѣлымъ, дѣятельнымъ и энергичнымъ. Если бы онъ былъ честнымъ человѣкомъ, то былъ бы достойнѣйшимъ офицеромъ, но онъ былъ самый безнравственный развратникъ, какого я когда-либо встрѣчалъ.

Прибывъ, для принятія отъ Ришелье командованія отрядомъ, я былъ страшно возмущенъ всѣми этими злоупотребленіями, но ничего не могъ сдѣлать для прекращенія ихъ, такъ какъ Ришелье, въ это время, былъ совсѣмъ уже при смерти, и я не могъ его просить открыть глаза государю на все происходившее. Самъ же не могъ этого сдѣлать потому, что не имѣлъ ни средствъ, ни силы Ришелье и въ это время былъ еще въ немилости. Я обратился, секретно, къ Мейндорфу, но это вышло съ моей стороны крайне неудачно, такъ какъ онъ самъ слишкомъ нуждался въ снисходительности, чтобы проявить строгость къ другимъ. Тогда я обратился къ Михельсону, но директоръ канцеляріи его, Юковскій, къ которому онъ питалъ полное довѣріе, былъ на сторонѣ Мейндорфа, и всѣ злоупотребленія нисколько не удивляли и не шокировали его. Я могъ бы обратиться къ военному министру, но это было бы слишкомъ похоже на возмущеніе, на что я не былъ способенъ, такъ какъ въ моемъ поступкѣ тогда видѣли бы желаніе выдвинуться. Можно было бы назначить слѣдствіе,

но тѣ, которымъ оно было бы поручено, вѣроятно не могли бы открыть никакихъ доказательствъ злоупотребленій, такъ какъ слишкомъ много лицъ было заинтересовано въ этомъ дѣлѣ, чтобы не сумѣть скрыть слѣды своихъ дѣяній. Печальное положеніе, въ которомъ я тогда находился, повліяло и на мое поведеніе, которое совсѣмъ не согласовалось ни съ моимъ характеромъ, ни съ моими убѣжденіями. Итакъ, я принужденъ былъ только тайно страдать и стонать, чего мнѣ уже никто не могъ запретить.

Генералъ Зассъ, Ферстеръ и др. начальники частей не только заставляли государственную казну дорого платить за тѣ продукты, которые они получали даромъ, но они отправляли излишнее зерно, на купеческихъ корабляхъ, въ Одессу, гдѣ и продавали его; или же они продавали его на мѣстѣ разнымъ торговцамъ, авантюристамъ и скупщикамъ грекамъ, русскимъ, французамъ и итальянцамъ — толпами пріѣзжавшимъ изъ Одессы и Херсона. Подобныя же злоупотребленія, какъ съ зерномъ, творились и со скотомъ. Татары, по натурѣ своей народъ лѣнивый и непривычный къ земледѣлію, питались молокомъ и немного мясомъ; ихъ доходъ, главнымъ образомъ, составляла торговля скотомъ и лошадьми. Они мало сѣютъ пшеницы и ячменя, а разводятъ только маисъ (турецкая рожь), который молдоване называютъ кукурузой. Великолѣпныя пастбища Бессарабіи такъ велики, что они позволяли въ каждой деревнѣ не только держать по 20, 30 и до 100 головъ скота, но даже венгры и трансильванцы пользовались ими, пригоняя туда на зиму огромныя стада барановъ и платя за каждую голову небольшую сумму денегъ, составлявшія доходъ страны.

Командиры полковъ и разные спекуляторы изъ Одессы и Херсона сначала покупали скотъ по очень низкой цѣнѣ, отправляя его внизъ по Днѣстру и продавая его тамъ по дорогой цѣнѣ, но затѣмъ, имъ надоѣло покупать скотъ у татаръ и они стали пріобрѣтать его, по болѣе дешевой цѣнѣ у казаковъ, которые воровали его у татаръ, что̀ не представляло никакихъ затрудненій, такъ какъ стада паслись безъ всякаго призора и охраны. Несчастные татары, разграбленные и разоренные, пробовали жаловаться, но безполезно, такъ какъ никто ихъ даже не выслушивалъ. Возмущенные до послѣдней крайности, они рѣшили примкнуть къ Пегливану.

Нѣтъ сомнѣнія, что большую помощь, въ этомъ отношеніи, оказалъ имъ Мейндорфъ, который воспользовался ихъ добычей съ полнымъ безстыдствомъ. Онъ самъ, публично, продавалъ русскимъ и молдаванскимъ купцамъ огромное количество скота, которое похищалъ атаманъ казаковъ и дѣлился съ нимъ. Остававшійся на Днѣ-

стрѣ маіоръ Власовъ укрывалъ всѣ эти воровства и, конечно, при этомъ, не забывалъ и себя [1]).

Если бы тогда начальство въ Бессарабіи было поручено генералу дѣятельному, честному и, главное, хорошему администратору, то Измаилъ былъ бы уже занятъ 6-го декабря. Крымъ и берега Днѣстра и Днѣпра были бы заселены татарами; государство обогатилось бы нѣсколькими милліонами прекраснаго скота и лошадей [2]); содержаніе и продовольствіе арміи не стоило бы никакихъ издержекъ, а продажа зерна, въ покинутыхъ татарами деревняхъ, дала бы въ государственную казну значительную сумму денегъ [3]).

Одни только Акерманскіе солончаки могли бы принести массу дохода, но въ 1807 г. никто не думалъ объ этомъ, и всѣ жители береговъ Днѣстра приходили и брали соли сколько имъ было нужно; остальное пропадало. И такъ, никто и не позаботился обратить эту массу неистощимыхъ богатствъ на пользу казны. Въ 1808 г. солончаки были переданы Молдованскому Дивану, а также и привилегія на продажу водки, которая обогащала только антрепренеровъ, комендантовъ и разныхъ мелкихъ чиновниковъ.

Киллійскія прегрѣшенія могли бы быть очень выгодны, если бы ими пользовались надлежащимъ образомъ. Никогда еще государство не было такъ обкрадываемо и ему такъ плохо служили, какъ въ эту войну [4]).

Чтобы еще болѣе увеличить безпорядки и грабительства въ Бес-

---

[1]) (1827 г.) Этотъ Власовъ, будучи уже генераломъ и командуя кубанской линіей, наконецъ понесъ кару наказанія за цѣлую серію кражъ, совершенныхъ имъ въ продолженіе 30 лѣтъ. Онъ былъ лишенъ всѣхъ чиновъ и отданъ подъ судъ.

[2]) Много этого скота куплено венграми и уведено изъ нашихъ границъ.

[3]) Не только не воспользовались этимъ зерномъ, найденнымъ въ деревняхъ, но я даже крайне нуждался въ немъ для своего отряда и былъ принужденъ купить въ Киліи 1000 мѣръ пшеницы, что въ Россіи называютъ четвертью (одной четвертью достаточно прокормить 4-хъ человѣкъ въ мѣсяцъ, давая имъ ежедневно по 3 ф. хлѣба). Эти 1000 четвертей, стоющихъ мнѣ такъ дорого, были куплены въ магазинахъ Засса и Ферстера, которые имѣли дерзость утверждать, что пшеница ими куплена у турокъ, и предъявили мнѣ квитанцію, впрочемъ, вполнѣ правильную.

[4]) Государственный кредитъ, назначенный на содержаніе войскъ въ Бессарабіи, вскорѣ былъ совершенно истощенъ и части войскъ остались съ неудовлетворенными большими требованіями, которыя непреклонный князь Прозоровскій, черезъ 2 года, совершенно уничтожилъ. Командиры страшно возмутились и, по обыкновенію, показали, что эти суммы были издержаны изъ суммъ полковъ, при этомъ они страшно кричали объ убыткахъ и несправедливостяхъ, но Прозоровскій не обратилъ на это никакого вниманія и былъ правъ, такъ какъ все это было своровано.

сарабіи, герцогу Ришелье пришла роковая мысль—сформировать волонтерные полки. Подобную идею я могу отнести только къ его слабости, охватившей его во время болѣзни, такъ какъ къ этой мѣрѣ не долженъ былъ прибѣгать такой человѣкъ, какъ онъ.

Можно было заранѣе сказать, что эти полки никуда не будутъ годны и что при составленіи ихъ не будутъ обращать особенное вниманіе на выборъ, но обыкновенно воображеніе не доходитъ до истины. Они были сбродомъ Одессы, какъ онъ самъ былъ бѣглецомъ изъ Европы.

Если бы уже хотѣли увеличить число нашихъ войскъ въ Молдавіи, нужно было бы набирать въ рекруты жителей страны и, главнымъ образомъ, валаховъ, которыми такъ хорошо воспользовались австрійцы для своихъ батальоновъ и которые были гораздо лучшими солдатами, нежели молдоване. Изъ нихъ можно было бы составить роты или даже батальоны и присоединить къ регулярнымъ войскамъ, назначивъ офицеровъ изъ этихъ же полковъ. Но герцогъ Ришелье составилъ отдѣльные батальоны и командованіе ими вручилъ уволеннымъ офицерамъ или вышедшимъ изъ канцелярій. Эти штатскіе офицеры были еще худшаго состава; это былъ положительно всякій сбродъ изъ грековъ и молдованъ—презрѣннѣйшихъ изъ своихъ націй, русскихъ—выгнанныхъ со службы, писарей, прикащиковъ, одесскихъ купцовъ и лакеевъ большихъ вельможъ, бѣжавшихъ изъ Москвы. Солдаты всѣ были негодяи, дезертиры всѣхъ корпусовъ и всѣхъ націй, евреи, цыгане и проч. Никогда еще я не видалъ болѣе развратнаго сборища. Герцогъ Ришелье былъ слишкомъ боленъ, чтобы самому предсѣдательствовать при выборѣ офицеровъ, и грамоты на это званіе покупались въ его военной канцеляріи, управляемой тогда сыномъ солдата, Захаровымъ, пополнявшимъ вакансіи всѣми тѣми, кто только могъ заплатить ему за это право.

Вооруженіе этихъ волонтеровъ было еще ужаснѣе, чѣмъ личный составъ: нѣкоторымъ были даны турецкія ружья, другимъ выдали ружья разныхъ калибровъ и системъ, набранныхъ изъ арсеналовъ Одессы и Херсона, прочіе же были вооружены пистолетами, заржавленными саблями, пиками и алебардами. Люди эти напоминали мнѣ отвратительную народную толпу въ Парижѣ въ началѣ революціи.

Изъ этихъ волонтеровъ было составлено, такъ сказать, 6 полковъ: три пѣхотныхъ и три кавалерійскихъ, каждый въ 500 чел. Командиромъ ихъ Захаровъ назначилъ молдованина маіора Визиріана, подполковникомъ Батзила—грека, капитанами Гулдари и Земіота, служащаго при канцеляріи Ришелье, Мелгунова—отставленнаго отъ службы за аферы и одного француза, маіора графа Отонна, племянника графа Віомезвюль, денежныя дѣла котораго были очень по-

шатнувши, и это заставило его выдти изъ гусарскаго полка и искать себѣ такой службы, гдѣ бы онъ могъ поправить свое состояніе. Тогда онъ былъ храбрымъ и дѣятельнымъ офицеромъ.

Полковникъ Ферстеръ тоже изъявилъ желаніе выставить въ Киліи цѣлый легіонъ, который долженъ былъ состоятъ изъ 500 чел. пѣшихъ и 500 конныхъ. Онъ, по примѣру Засса, представилъ требованія на провіантъ и фуражъ, что для него, какъ для начальника, было конечно очень выгодно. Кавалеристовъ у него въ полку было не болѣе 150, но за то пѣхотинцы, состоявшіе изъ старыхъ солдатъ и дезертировъ, служили очень хорошо. Ферстеръ оставилъ за собой самое основательное изъ этого легіона, т. е. денежный ящикъ и выдачу провіанта, самое же командованіе онъ передалъ ливонцу капитану Гельфрейху, адъютанту герцога Ришелье, офицеру съ отличными качествами.

Всѣ эти начальники волонтеровъ (исключая Гельфреха), принимая и покупая полки, имѣли только одну цѣль—составить себѣ состояніе, грабить и допускать грабежъ. Подчиненные ихъ были отлично посвящены въ ихъ виды и потому, гдѣ бы они нипоявлялись, вносили съ собой полное опустошеніе. Когда они меня сопровождали, я былъ принужденъ опасаться всегда за свою жизнь.

Составленіе этихъ бандъ герцогъ Ришелье поручилъ князю Кантакузену, оставившему службу въ чинѣ подполковника. Онъ былъ родственникъ инженера Мелиссино и большой протеже Ришелье, который тогда былъ не особенно счастливъ въ своихъ выборахъ. Въ 1788 г. Кантакузенъ дѣлалъ видъ, что онъ служитъ на войнѣ, въ этой же войнѣ онъ даже и этого не дѣлалъ. Онъ очень дурно экипировалъ своихъ волонтеровъ, за то увеличилъ свой конскій заводъ и стада съ своихъ имѣніяхъ [1]).

Послѣ войны 1791 г., большая часть праздношатающихся молдаванъ, грековъ, валаховъ, нѣсколько солдатъ, прежде служившихъ въ русскихъ войскахъ, дезертировавшіе венгры, эмигрировавшіе сербы, нѣсколько русскихъ помѣщиковъ, которыхъ прельщалъ кли-

---

[1]) Быть можетъ, найдутъ, что я слишкомъ распространяюсь объ этихъ низкихъ и безчестныхъ поступкахъ, но я не могъ обойти ихъ молчаніемъ. Они имѣли роковое вліяніе на кампанію 1807 г. и гласность ихъ объяснитъ многое, что иначе для насъ было-бы загадкой; затѣмъ они открываютъ намъ виновныхъ, которые должны быть названы, чтобы быть презираемы своими компатріотами.

Должно замѣтить, что большая часть этихъ лихоимствъ и прегрѣшеній, которыя насъ такъ печалили въ эту войну, не были совершены русскими; Мейндорфъ, Зассъ, Штрандманъ (о которомъ я буду говорить позже) были ливонцы, Ферстеръ былъ нѣмецъ; тѣмъ не менѣе эти господа причинили очень много зла противъ русскихъ.

матъ—перебрались на Бугъ, гдѣ императрица Екатерина дала имъ земли, даровала большія привилегіи и освободила отъ податей, на условіяхъ, чтобы они несли службу подобно Донскимъ козакамъ. Эти колонисты составили четыре полка, одѣтыхъ почти такъ же, какъ и казаки; ѣздили они верхомъ довольно хорошо, но все-таки этимъ жалкимъ служакамъ было очень далеко до настоящихъ казаковъ. Они стояли даже ниже волонтеровъ, такъ какъ тѣ все-таки хоть иногда участвовали въ сраженіяхъ, тогда какъ Бугскіе казаки рѣшительно отказывались отъ этого. Одинъ турокъ заставлялъ обращаться въ бѣгство 30 такихъ казаковъ, такъ что послѣ перваго же сраженія принуждены были ихъ отослать въ Польшу для содержанія таможенныхъ кордоновъ.

Командиры этихъ полковъ: Ельчаниновъ и Балаевъ были страшные грабители; они опустошили Бессарабію на столько, на сколько могъ сдѣлать это и самъ Пегливанъ.

Атаманомъ этихъ казаковъ былъ генералъ-маіоръ Донскаго войска Красновъ, мужественный и прекрасно знающій свое дѣло офицеръ, но взяточничество и лихоимство, къ которымъ онъ прибѣгалъ, вынудили герцога Ришелье, подъ начальствомъ котораго онъ находился, смѣнить его и замѣстить княземъ Кантакузеномъ, о которомъ я только-что говорилъ. Кантакузенъ, въ продолженіе всей кампаніи, оставался съ Кишиневѣ, подъ предлогомъ сушки сухарей для арміи, оставляя казаковъ и волонтеровъ сражаться вдали отъ себя, хотя, впрочемъ, надо имъ отдать справедливость, они очень мало сражались.

Герцогъ Ришелье прислалъ намъ также греческій баталіонъ, изъ 180 человѣкъ, въ которомъ офицеровъ было больше, чѣмъ солдатъ. Прежде они были корсарами въ Архипелагѣ и служили подъ начальствомъ нѣкоего Ламбро Козіони, отличавшагося въ этомъ мало достойномъ ремеслѣ; затѣмъ, онъ съ своими товарищами по грабежу, избѣжавши висѣлицы, пріѣхалъ въ Одессу, гдѣ имъ дали землю и они завели свою торговлю. Они таскали съ собой свои лавки, что̀ для насъ не было особенно полезно. Я расположилъ ихъ на аванпостахъ и далъ имъ суда, которыя они вооружили, и всѣмъ этимъ я былъ очень доволенъ.

Генералъ Зассъ также сформировалъ конную артиллерію изъ 8-ми шести-фунтовыхъ пушекъ, взятыхъ въ Бендерахъ и въ Киліи. Эти пушки, англійскаго образца, были прекрасны, а главное легки. Зассъ купилъ отличныхъ лошадей и набралъ артиллеристовъ изъ своихъ драгунъ, грековъ и волонтеровъ, и эта маленькая батарея была намъ чрезвычайно полезна.

Драгунскій полкъ генерала Засса палъ жертвой его разсчетовъ, подобно тому, какъ отрядъ Мейндорфа пострадалъ черезъ своего ге-

нерала. Зассъ размѣстилъ свои эскадроны по деревнямъ съ тѣмъ, чтобы они вымогали у жителей деньги, собирали фуражъ и помогали бы обозамъ, направляющимся въ Килію. Три эскадрона, бывшихъ подъ командою графа Кизано, француза, молодого человѣка, очень дѣятельнаго, но тогда еще мало опытнаго, были размѣщены въ дер. Самогшурѣ, въ 40 верстахъ отъ Измаила, на берегу озера Китай (или Колочегулъ), которое было у нихъ въ тылу. Это озеро никакъ нельзя было переплыть и поэтому, чтобы возвратиться въ Килію, надо было дѣлать 40 верстъ обхода.

21 декабря 1806 г., Зассъ пріѣхалъ осмотрѣть расположеніе Кизано и нашелъ его очень неудачнымъ, хотя онъ самъ и указалъ его своему командиру. Уѣзжая, Зассъ сказалъ, что на другой день онъ пришлетъ приказаніе перемѣнить расположеніе. На другой день, т. е. 22 декабря, въ 8 ч. утра, Пегливанъ, извѣщенный о положеніи этихъ эскадроновъ, прискакалъ туда съ двумя или тремя тысячами конницы и тысячью пѣхоты. Бывшій на аванпостахъ, съ своими Бугскими казаками, подполковникъ Балаевъ, какъ только замѣтилъ приближеніе турокъ, тотчасъ же обратился въ бѣгство.

Тѣмъ не менѣе, Кизано имѣлъ время, чтобы приготовить къ бою свои три эскадрона и, несмотря на многочисленность турокъ, надѣялся одержать надъ ними побѣду, но неожиданность нападенія застала эскадроны врасплохъ. Одинъ эскадронъ, подъ начальствомъ маіора Брина, отступилъ, а другіе два были совершенно разсѣяны; у 80 драгунъ были отрѣзаны головы, а остальные съ трудомъ спаслись. Самъ Кизано, опасно раненый пулей въ низъ живота, всетаки имѣлъ достаточно силъ, чтобы обогнуть все озеро и верхомъ добраться до Киліи. Онъ съ трудомъ вылѣчился отъ своей раны.

Пегливанъ сжегъ многія деревни около Самагшуры и, умертвивши многихъ жителей молдованъ, возвратился обратно въ Измаилъ.

Корпусъ войскъ въ Киліи, которымъ я былъ назначенъ командовать, состоялъ изъ 12 баталіоновъ, 10 эскадроновъ, двухъ казачьихъ полковъ, четырехъ волонтерскихъ, 24 пушекъ и флотиліи.

Въ Бендерахъ стоялъ генер. Хитрово съ тремя баталіонами Нижегородцевъ, двумя Ладожцевъ (которые я перевелъ въ Килію) и 5 эскадроновъ кирасиръ ея величества, совершенно безполезныхъ въ войнѣ съ турками, а потому я ихъ отправилъ обратно въ Россію.

Въ Акерманѣ стоялъ генер. Ловейко съ двумя баталіонами Алексопольскаго полка.

Въ Килiи—генер. Зассъ съ слѣдующими войсками:

1 баталiонъ Алексопольскаго полка,
2 баталiона Бутырскаго полка,
1 баталiонъ Полтавскаго полка,
5 эскадроновъ Переяславскихъ драгунъ,
Казазачiй донской полкъ Мартынова,
2-й Бугскiй казачiй полкъ,
2 полка пѣшихъ волонтеровъ,
2 полка конныхъ волонтеровъ,
1 греческiй баталiонъ,
1 полкъ запорожцевъ Ферстера.

У генерала Мейндорфа находились: генералы Ротовъ, Жераръ, Войновъ, Репнинскiй, Ермоловъ и Балла и слѣдующiя войска:

3 баталiона Нарвскаго полка,
3 баталiона Малороссiйскаго,
3 баталiона Новгородскаго,
3 баталiона 11-го Егерскаго,
5 эскадроновъ Смоленскаго драгунскаго,
5 эскадроновъ Сѣверскаго драгунскаго,
5 эскадроновъ Стародубскаго драгунскаго,
1 полкъ волонтеровъ,
3 казачьихъ донскихъ полка: Петрова, Янова и Протопопова.
12 пушекъ 12-ти фунтовыхъ.

Какъ видно, наши силы были весьма значительны; мы имѣли подъ ружьемъ 25.000 чел., т. е. на 8 тысячъ больше, чѣмъ имѣлъ фельдмаршалъ Румянцевъ при Кагулѣ, когда онъ атаковалъ болѣе ста тысячъ турокъ, а теперь мы были въ оборонительномъ положенiи противъ 5 тысячъ разбойниковъ, такъ какъ Пегливанъ не могъ и не смѣлъ тогда выпустить больше изъ Измаила.

Невыгода и неудобство нашего оборонительнаго положенiя еще болѣе увеличивались тѣмъ, что Мейндорфъ занималъ совершенно безсмысленную позицiю вдоль р. Прута и своими совѣтами способствовалъ занятiю Зассомъ береговъ Чернаго моря и Днѣстра. Измѣнить этого я никакъ не могъ.

Я находился въ Килiи, въ 450 верстахъ отъ Мейдорфа (по прямой линiи выходило не больше 150 верстъ, но приходилось дѣлать большой обходъ). Мои курьеры, чтобы прибыть въ Фальчи, должны были проѣзжать черезъ Татарбонаръ, Акерманъ, Бендеры, Кишиневъ и Лапушну. Мнѣ нужно было 8 или 10 дней, чтобы получить отъ него отвѣтъ, а такъ какъ онъ мѣнялъ свои планы и мнѣнiя по 10 разъ въ день, можно себѣ представить, какое довѣрiе я могъ

имѣть къ тѣмъ приказаніямъ, которыя были написаны 5—6 дней назадъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ писалъ мнѣ безпрерывно, и всѣ его письма были полны проектовъ о томъ, какъ-бы задержать татаръ или заставить ихъ двинуться въ Россію. Но всѣ эти проекты были не примѣнимы и оставались однѣми иллюзіями.

Послѣ того какъ онъ пропустилъ занять Измаилъ, оставалось единственное средство, которое могло бы заставить татаръ перейти Днѣстръ—это быстрымъ налетомъ его корпуса, вмѣстѣ со мной, настичь ихъ и пригнать, какъ стадо, къ Днѣстру; ничего лучше этого не могло быть. Я предложилъ ему, что буду двигаться къ Котлибухскому озеру, тогда какъ онъ направится къ Ялпуку, вмѣстѣ съ нѣсколькими баталіонами и 2 полками казаковъ, которые стали бы заслономъ передъ Измаиломъ, гдѣ находился Пегливанъ, и замаскировали бы наше движеніе. Но Мейндорфъ отказался отъ этой полезной и легко достижимой экспедиціи. Пегливанъ внушалъ ему слишкомъ много ужаса! Мнѣ кажется, что и Михельсонъ боялся его не меньше Мейндорфа, что видно изъ того, что 13 января онъ мнѣ писалъ, что бы я принималъ величайшія предосторожности, дабы помѣшать ему пройти черезъ Дубосары въ Польшу, на соединеніе съ Наполеономъ. Я нарочно сохранилъ это письмо, какъ рѣдкій образецъ глупости и безсмысленности.

Конечно, я не боялся, что Пегливанъ пойдетъ на Кенигсбергъ, но я страшился движенія его внутрь Бессарабіи, такъ какъ этихъ набѣговъ, ни я, ни Мейндорфъ, въ силу занятыхъ нами положеній, никакъ не могли остановить.

Пегливанъ находился въ самомъ центрѣ, окружность котораго мы занимали, и могъ дѣлать все, что бы ни захотѣлъ; но не всегда онъ могъ осмѣлиться приводить въ исполненіе свои смѣлые замыслы. Противъ него, въ Измаилѣ, была большая партія; все возрастающія жестокости отчуждали отъ него даже тѣхъ, которые не мѣшали ему войти въ городъ. Ему было очень опасно выйти изъ города со всѣми своими силами, и онъ могъ производить свои операціи только съ тремя, четырьмя тысячами, оставляя столько же для охраны въ городѣ. Набѣги эти не могли возбуждать въ насъ безпокойства, какъ большія военныя операціи, но они были крайне надоѣдливы и утомительны.

Мейндорфъ предполагалъ, что, взявъ у татаръ нѣсколькихъ заложниковъ, онъ заручится ихъ вѣрностью, но онъ ошибся; судьба этихъ заложниковъ очень мало интересовала татаръ, тѣмъ болѣе, что они слишкомъ хорошо знали русскіе нравы, чтобы думать, что они ихъ убьютъ. Мейндорфъ взялъ заложниковъ изъ главныхъ деревень и

четверыхъ прислалъ ко мнѣ. Содержаніе ихъ мнѣ стоило очень дорого, но они рѣшительно ни для чего не были пригодны. Одинъ изъ этихъ татаръ, на котораго Мейндорфъ болѣе всего разсчитывалъ, назывался Реджепъ, человѣкъ ловкій, смѣлый и очень хитрый. Онъ воспользовался довѣріемъ генерала, узналъ распоряженіе нашихъ войскъ и предупредилъ объ этомъ Пегливана, въ Измаилѣ.

Генералъ-маіоръ Войновъ былъ начальникомъ авангарда, расположеннаго въ нѣсколькихъ деревняхъ, очень удаленныхъ одна отъ другой, такъ что, въ случаѣ внезапной тревоги, одинъ полкъ не могъ бы поддержать другого. Мейндорфъ, отказавшись отрѣзать путь татарамъ въ Измаилъ, долженъ бы былъ, по крайней мѣрѣ, сосредоточить всѣ свои войска въ одномъ пунктѣ, для чего представлялось полная возможность, такъ какъ въ Бессарабіи и вдоль Прута расположены довольно большія селенія, въ которыхъ можно было бы собрать значительныя силы.

Генералъ Войновъ находился въ с. Пелене, въ 15 верстахъ впереди Ялпухской долины, тогда застроенной деревнями; тамъ были расположены: баталіонъ 11-го егерскаго полка, подъ командою полковника Васильева, 2 эскадрона Стародубовскихъ драгунъ, подъ начальствомъ полковника Нани, 2 орудія Донской артиллеріи съ полковникомъ Суворовымъ и казачій полкъ Платова. Регулярныя войска находились въ огромной деревнѣ Мосандѣ, а казаки въ Каракутаѣ, въ Шумаѣ и др. деревняхъ, лежащихъ въ 5—10 верстахъ отъ Мосанда и въ 6 верстахъ отъ с. Табакъ, куда они должны были дѣлать постоянные набѣги; но Платовъ, племянникъ атамана, надѣясь на протекцію своего дяди, цѣлые дни былъ пьянъ, позволяя напиваться и спать также и своему полку.

Пегливанъ, увѣдомленный обо всемъ Реджепомъ, составилъ заранѣе обдуманный планъ, по которому, 9-го января, предполагалось произвести внезапное нападеніе на русскихъ и захватить весь отрядъ въ Мосандѣ. Прибывъ съ 4.000 конницы и 2 орудіями въ с. Табакъ, Пегливанъ провелъ тамъ ночь, чего казаки наши и не подозрѣвали, а изъ числа живущихъ въ этомъ селеніи татаръ, которыхъ тамъ было 500 домовъ, ни одинъ не пришелъ предупредить объ этомъ русскихъ—это только доказывало ихъ доброе отношеніе къ намъ!

10 января, на разсвѣтѣ, Пегливанъ, оставивъ влѣво отъ себя Каракутай и Шуму, неожиданно напалъ на Мосанду, не встрѣтивъ на своей дорогѣ ни одного казака. Передъ Мосандой не было не только пикетовъ, но даже и часовыхъ, такъ что если бы Пегливанъ сразу вошелъ въ деревню, онъ могъ бы перебить весь отрядъ. Но такъ какъ у своего врага всегда предполагаютъ больше ловкости,

нежели онъ ее имѣетъ, то и въ этомъ случаѣ Пегливанъ захотѣлъ подтянуть своихъ людей, изъ которыхъ многіе растянулись при переходѣ грязнаго ялпухскаго ручья, и поставить свои 2 пушки на небольшомъ возвышеніи въ 100 футахъ от первыхъ домовъ деревни.

Этотъ промежутокъ времени спасъ отрядъ. Нѣкоторые егеря, узнавъ о приближеніи противника, еле успѣли проснуться и коекакъ одѣвшись побѣжали къ назначенному для сбора баталіона мѣсту, гдѣ и составили изъ себя небольшое каре, которое все увеличивалось по мѣрѣ того, какъ прибѣгали другіе и присоединялись къ нимъ. Ихъ огонь остановилъ турокъ. Прибывшій съ 2 своими орудіями Суворовъ первымъ удачнымъ выстрѣломъ подбилъ одно турецкое орудіе. Драгуны стали за егерями, а казаки заняли возвышенности на флангахъ турокъ.

Три или четыре атаки со стороны турокъ окончились совсѣмъ неудачно, и Пегливанъ, опасаясь прибытія къ Мосандѣ помощи, а также видя своихъ людей совершенно измученныхъ и въ полномъ безпорядкѣ, рѣшился вернуться въ Измаилъ, увезя съ собой въ повозкѣ и подбитую пушку, но оставивъ на полѣ сраженія 300 убитыхъ и 4 значка.

Это сраженіе дѣлаетъ много чести Мосандскому отряду, особенно маіору Васильеву, также офицерамъ и солдатамъ его баталіона. Войска, застигнутыя самимъ неожиданнымъ образомъ, зимой, на разсвѣтѣ, отражаютъ нападеніе въ 4 раза сильнѣйшаго непріятеля, безъ сомнѣнія заслуживаютъ похвалъ и большихъ наградъ; но никто ничего не получилъ.

Во Франціи Платовъ навѣрное былъ бы разстрѣленъ и онъ дѣйствительно того заслуживалъ, а здѣсь его даже не выбранили.

Послѣ этого дѣла, Войновъ подкрѣпилъ и усилилъ свои аванпосты, что̀ онъ долженъ былъ сдѣлать гораздо раньше.

29-го января, одинъ изъ отрядовъ Засса былъ также застигнутъ врасплохъ въ с. Курманкинъ, какъ и отрядъ Войнова въ Мосандѣ, и также вышелъ побѣдителемъ.

Нельзя обвинять Засса въ томъ, что онъ слишкомъ растянулъ свои силы. С. Курманкинъ находится только въ 18 верстахъ отъ Киліи; въ немъ былъ размѣщенъ одинъ баталіонъ Алексопольскаго полка, подъ командою полковника Будберга, очень храбраго офицера. Чтобы добраться до этого баталіона, турки должны были совершить огромный обходъ озеръ Котлибухъ и Кочегулъ, а потому немыслимо было допустить, чтобы они рискнули на это, тѣмъ болѣе, что аванпосты были выставлены передъ озерами.

Въ этотъ день, 3.000 турокъ вышли изъ Измаила, чтобы защитить, въ случаѣ надобности, направлявшійся туда татарскій обозъ. Турки и не собирались нападать на Курманкинъ, но по дорогѣ они натолкнулись на аванпосты казаковъ; то были Бугскіе казаки, которые, завидя турокъ, ускакали за 30 верстъ. Турки бросились за ними и, преслѣдуя, достигли, такимъ образомъ, деревни Курманкинъ, куда они и влетѣли почти одновременно съ казаками. Было раннее утро, и Будбергъ едва успѣлъ собрать свой баталіонъ и двумя выстрѣлами картечью остановилъ турокъ. Два эскадрона Переяславскихъ драгунъ произвели нѣсколько энергичныхъ атакъ, въ то же время полковникъ Мартыновъ съ казаками ударилъ во флангъ. Во время одной изъ происшедшихъ стычекъ, офицеръ Переяславскаго драгунскаго полка Поляковъ, чтобы спасти своего товарища, кинулся въ самую середину турокъ, ударомъ сабли отсѣкъ голову тому турку, который намѣревался это же сдѣлать съ нимъ самимъ, и вернулся обратно, безъ малѣйшей раны.

О нападеніи турокъ одинъ казакъ предупредилъ полковника Золотинскаго, находившагося въ с. Нерушаѣ, въ 25 верстахъ отъ Курманкина, и Золотинскій тотчасъ же двинулся туда съ баталіономъ Полтавскаго полка.

Въ началѣ нападенія турокъ было не очень много и впереди были лучшіе всадники, но мало по малу, къ полудню, когда туда прибылъ полковникъ Золотинскій, турокъ собралось очень много и Будбергъ спѣшилъ скорѣе окончить дѣло. Своимъ прибытіемъ Золотинскій оказалъ ему большую услугу. Зассъ же, несмотря на то, что ему надо было сдѣлать только 18 верстъ, прибылъ къ тремъ часамъ. Причиною тому было то обстоятельство, что, когда онъ собрался выступать, лошади его конной артиллеріи отказались двигаться и везти орудія; такимъ образомъ, провозившись съ ними, онъ потерялъ 4 часа. Когда онъ прибылъ къ Курманкину, то турки уже бѣжали, оставивъ на полѣ сраженія 200 убитыхъ. Мы потеряли 3-хъ убитыхъ офицеровъ, 4-хъ раненыхъ и 80 нижнихъ чиновъ. Во время этого дѣла я былъ въ Акерманѣ. Несмотря на всѣ мои старанія, къ сожалѣнію, я никакъ не могъ наградить ни Золотинскаго, ни Будберга, ни Полякова, ни Розена (командира драгунъ), ни Мартынова, ни одного офицера, ни нижнихъ чиновъ, которые такъ прекрасно вели себя въ этомъ сраженіи.

Хотя Мейндорфъ и много разъ писалъ мнѣ, что татары наши лучшіе друзья, но я не питалъ къ его словамъ ни малѣйшаго довѣрія и все время ожидалъ ихъ эмиграціи, чего другіе никакъ не хотѣли предвидѣть.

Заложники (о которыхъ Мейндорфъ такъ мало заботился) хотя и

были въ нашихъ рукахъ, и, хотя мы и порѣшили часть татаръ, живущихъ около Бендеръ, Таланчи и Акермана, переселить въ Россію, но несмотря на это, большая часть ихъ передалась Измаилу и каждый день туда перекочевывали цѣлыя деревни. Такъ какъ они передвигались со всѣмъ своимъ имуществомъ и скотомъ, то нѣсколько кавалерійскихъ набѣговъ внутрь страны могли бы остановить многихъ изъ нихъ.

10 февраля, Пегливанъ желая обезопасить ихъ передвиженіе и заставить ихъ всѣхъ сразу подняться, прибылъ съ 5.000 человѣкъ и 6-ю пушками въ с. Кинбей, очень большую деревню, расположенную въ долинѣ, въ 15 верстахъ отъ с. Табакъ и болѣе 40 верстъ отъ Измаила, по прямой дорогѣ въ Бендеры.

Какъ только узналъ объ этомъ движеніи генералъ Войновъ, тотчасъ же собралъ вблизи расположенныя войска и двинулся въ Кинбей. Съ нимъ выступили: три баталіона Новгородскаго полка, три баталіона 11-го егерскаго полка, 5 эскадроновъ Стародубовскаго полка, 2 полка казаковъ и 6 орудій конной батареи Фока, подъ начальствомъ капитана Кривцова.

Войновъ сдѣлалъ все, что онъ долженъ былъ сдѣлать, но его обвинили, что онъ не дождался приказаній Мейндорфа и не соединился вмѣстѣ съ Ротовымъ, который, будучи въ чинѣ генералъ-лейтенанта, долженъ былъ принять командованіе отрядомъ. Но Войновъ никогда не предавался подобнымъ разсчетамъ; его главною цѣлью было не потерять ни одной минуты, такъ какъ онъ не могъ предполагать, чтобы Пегливанъ остался бы въ Кинбеѣ болѣе двухъ дней, и онъ не долженъ былъ пропустить случай разбить этотъ отрядъ. Но распоряженія его были неправильны. Онъ сформировалъ двѣ колонны: одну изъ кавалеріи, а другую изъ пѣхоты, а не смѣшалъ ихъ, какъ это всегда должно дѣлать въ войнѣ съ турками. Кавалерійская колонна, бывшая направо, прибыла раньше пѣхотной. Турки набросились на эту колонну и опрокинули казаковъ и драгунъ, захватили двѣ, оставленныя драгунами, пушки и перерубили всѣхъ артиллеристовъ въ куски. Въ это время, съ другой стороны, показалась пѣхотная колонна; турки, освободившись отъ кавалеріи, двинулись въ деревню, гдѣ они воздвигли очень плохой ретраншаментъ, передъ двумя вѣтряными мельницами, и поставили тамъ свои орудія.

Генералъ Рѣпнинскій приказалъ двумъ ротамъ Новгородскаго полка, подъ командою полковника Манаксина, храбраго офицера, но который, въ этомъ случаѣ, былъ также несчастливъ, какъ и подъ Аустерлицемъ, атаковать батарею. Обѣ эти роты, не получивъ подкрѣпленій, были окружены турками и всѣ перебиты; одно орудіе,

которое они безъ всякой пользы тащили съ собой, было взято. Манаксинъ и 3 или 4 солдата были единственными, которымъ удалось спастись изъ этой рѣзни. Остальная часть русской пѣхоты такъ и осталась на холмѣ, возвышавшемся у деревни, по дорогѣ въ Табакъ. Кавалерія вся была разсѣяна и собрать ее было трудно. Войновъ, потерявъ въ этомъ дѣлѣ 3 пушки и болѣе 400 человѣкъ, отступилъ. Если бы онъ былъ болѣе остороженъ и менѣе презиралъ своего врага, то это навѣрное кончилось бы тѣмъ, чѣмъ и должно было кончиться, т. е. полнымъ пораженіемъ турокъ. Онъ долженъ былъ, составивъ колонны изъ всѣхъ родовъ оружія, разсчитать такъ, чтобы придти въ Кинбей до разсвѣта и, занявъ Измаильскую дорогу, пересѣчь путь туркамъ; тогда успѣхъ былъ бы вѣрный.

Пегливанъ, вслѣдствіе своего неосторожнаго поведенія, чуть было не подвергнулся ужасной опасности. Одинъ турокъ, изъ его свиты, черезъ годъ послѣ этого дѣла, на своемъ восточномъ нарѣчіи, сказалъ мнѣ: „часто Провидѣніе строитъ себѣ напрасныя предопредѣленія относительно людей, которые передъ нимъ нечто иное, какъ ручьи воды. Оно однимъ дрожаніемъ земли можетъ перемѣнить всѣ ихъ теченія. Вы должны были быть поражены при Мосандѣ, а вышло, что мы всѣ были разбиты. При Кинбеѣ мы всѣ должны были погибнуть, а вы отступили“!

Пегливанъ, приведя въ исполненіе задуманный имъ планъ и сдѣлавъ все возможнее, чтобы помочь татарамъ въ ихъ переселеніи, возвратился, черезъ 2 дня послѣ дѣла, въ Измаилъ.

Михельсонъ былъ страшно разсерженъ на Войнова и дѣйствительно имѣлъ на это право, сгоряча онъ написалъ ему обвинительное письмо, но все-таки, такъ какъ Войновъ приходился ему племянникомъ, онъ не сдѣлалъ никакого донесенія ко Двору относительно трехъ потерянныхъ пушекъ и это стало извѣстнымъ только черезъ 6 мѣсяцевъ. Михельсонъ отдалъ приказъ, чтобы никогда не довѣрять пушекъ драгунамъ.

Мейндорфъ, получивъ извѣстіе объ этомъ пораженіи, совершенно растерялся. Онъ собралъ всѣ свои войска и двинулся впередъ, по берегу; потомъ онъ вдругъ повернулъ назадъ, рѣшительно не зная, что онъ дѣлаетъ и куда идетъ. Онъ приказалъ Хитрово оставить одинъ баталіонъ въ Бендерахъ, а съ остальными двумя прибыть къ нему, но Хитрово не послушалъ его, такъ какъ былъ задержанъ въ Бендерахъ своими мелкими интересами, а также онъ боялся оставить на одинъ баталіонъ весь городъ, гдѣ еще было 4 или 5 тысячъ турокъ.

Я получилъ приказаніе сдѣлать большой обходъ и соединиться съ Ротовымъ въ с. Табакъ, но благодаря нашимъ порядкамъ, я

получилъ это приказаніе только черезъ 4 дня какъ оно было написано, а на слѣдующій день мнѣ была прислана отмѣна этого приказанія; при этомъ было приложено письмо Репнинскаго, который умолялъ меня пріѣхать къ нему. Онъ писалъ мнѣ, что онъ уже не состоитъ болѣе ни подъ чьею командою и что Мейндорфъ совсѣмъ потерялъ голову и рѣшительно не способенъ ничего соображать; но о чемъ онъ не упомянулъ ни однимъ словомъ, такъ это о Кинбейскомъ пораженіи, и я узналъ объ этомъ только черезъ 14 дней изъ письма изъ Одессы. Генералъ Зассъ былъ единственнымъ, который угадалъ это. Онъ услышалъ канонаду, которая, казалось ему, удалялась въ сторону Табака, изъ этого онъ заключилъ, что Войновъ былъ разбитъ. Въ тотъ же день у насъ тоже произошло небольшое столкновеніе (о которомъ я пишу ниже), но окончившееся болѣе счастливо.

Въ день пораженія Войнова, я былъ болѣе счастливъ при оз. Котлибухъ. Я знаю, что татары собираются со всѣхъ сторонъ для переселенія въ Измаилъ и что главнымъ сборнымъ мѣстомъ назначена долина р. Кондукты, въ которой расположены были тогда десятки деревень.

Я двинулся туда съ четырьмя баталіонами, пятью эскадронами, Донскимъ казачьимъ полкомъ, Шеміотскими волонтерами и 12-ью пушками. Обогнувъ Кочегульское озеро, я настигъ, между этимъ озеромъ и оз. Котлибухъ, безчисленную толпу татаръ. Сопровождавшій ихъ небольшой конвой былъ разбитъ нашими казаками и драгунами, и мы захватили множество повозокъ, лошадей и скота но такъ какъ, когда мы натолкнулись на татаръ, было уже довольно поздно и вскорѣ наступила темнота, то почти половину добычи мы потеряли, но и другой части было достаточно, чтобы обогатить весь отрядъ.

Это была единственная экспедиція, давшая мнѣ, и при томъ довольно законнымъ образомъ, нѣсколько тысячъ дукатовъ. Я имѣлъ много подобныхъ случаевъ, но такъ какъ я никогда ничѣмъ не хотѣлъ пользоваться, то на меня смотрѣли какъ на дурака. Но я все-таки согласился казаться таковымъ; Зассъ же, наоборотъ, выказалъ себя въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, человѣкомъ съ большимъ умомъ.

Послѣ Киндейскаго дѣла, татары какъ-то совсѣмъ исчезли, а съ ними исчезли также и ихъ деревни, которыя они сами, большею частью, разрушали, а оставленные ими дома, построенные изъ глины, не продержались и мѣсяца, какъ обвалились. Отъ этихъ, когда-то великолѣпнѣйшихъ деревень Бессарабіи не осталось и помину;

слѣды ихъ существованія можно было найти только по густой и темной травѣ, выдѣляющейся на лугахъ.

Нѣкоторые изъ этихъ татаръ, какъ мы уже говорили раньше, были принуждены отправиться въ Россію, а три четверти всѣхъ эмигрантовъ направились въ Измаилъ, куда они увезли съ собой почти всѣ свои богаства, скотъ и лошадей и, поселившись тамъ, дали городу больше 4.000 защитниковъ, которыхъ теперь насчитывалось тамъ до 12.000 человѣкъ [1]).

Покидая свои деревни, татары оставили тамъ всѣхъ своихъ домашнихъ животныхъ и птицъ, которыя почти всѣ погибли отъ голода. Когда случалось приближаться къ прежнему селенію, то на далекое разстояніе слышалось мяуканье, кудахтанье и безчисленное множество кошекъ, индѣекъ, куръ, гусей и утокъ появлялось передъ человѣкомъ, какъ-бы умоляя о помощи своего законнаго покровителя. Долгое время наши казаки и солдаты питались одной только птицей.

Мейндорфъ, испуганный всѣмъ происшедшимъ, ужасно просилъ меня охранять Килію, но я былъ совершенно спокоенъ за судьбу этого города.

Килія, также какъ и Акерманъ, въ послѣднюю войну, была готической крѣпостью, построенной генуэзцами. Тотъ самый инженеръ, который перестраивалъ и уменьшилъ Измаильскіе верки, также срылъ и Килію, перестроивъ ее по-новому; но перестроенная крѣпость далеко не такъ была сильна, какъ прежняя. Это было каре изъ четырехъ бастіоновъ, облицованныхъ камнями и обнесенныхъ палисадомъ, ровъ былъ широкій, но не глубокій, тамъ былъ проложенъ прикрытый путь. Килія не могла быть взята приступомъ, а для осады ея требовалась отъ 10 до 12 дней. Верхнюю часть вала, насыпанную изъ песчаной земли, можно было легко снести полевыми батареями; также безъ особаго труда, даже безъ устройства брешь-батарей, можно было разнести эту маленькую крѣпость, не имѣвшую ни блиндажей, ни казематовъ. Для защиты ея нужно 1.500 человѣкъ.

Я хотя и не опасался атаки со стороны турокъ, но все же, чтобы успокоить Мейндорфа, приказалъ окружить предмѣстье ретраншаментами. Замѣчательно, что въ исполненіи этой мѣры предосторожности сами турки, жители Киліи, съ большимъ усердіемъ по-

---

[1]) Хитрово въ Бендерахъ, Ловейко въ Акерманѣ и Кантакузенъ въ Кишиневѣ могли бы много оставить этихъ татаръ Россіи, но они не хотѣли или не умѣли дѣйствовать самостоятельно и всегда спрашивались Мейндорфа, распоряженія котораго или совсѣмъ не приходили или получались слишкомъ поздно.

могли намъ въ этихъ работахъ и предлагали намъ принять ихъ для защиты крѣпости, такъ великъ былъ страхъ, внушаемый имъ Пегливаномъ. Я такъ былъ въ нихъ увѣренъ, что принялъ ихъ предложеніе.

Если дѣйствительно Мейндорфъ боялся, чтобы турки не предприняли чего-нибудь противъ Киліи, онъ могъ бы помѣшать имъ, приказавъ произвести демонстрацію передъ Ялпухомъ.

Турки могли бы пройти въ Килію вдоль Дуная, по очень узкой, грязной и перерѣзанной дорогѣ, на которой я разрушилъ всѣ мосты и, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога входитъ въ предмѣстье, построилъ редутъ; кромѣ того, въ Климетцѣ, что въ 20 верстахъ отъ Киліи, помѣстилъ 8 канонерскихъ лодокъ.

Флотилія наша была довольно многочисленна и вся собрана въ Киліи, куда прибыла изъ Николаева—мѣста ея сооруженія. Про нее свободно можно сказать, что она почти-что никуда не годилась какъ по своей конструкціи, такъ и по составу и значительно уступала флотиліи, взятой нами въ 1790 г. въ Измаилѣ.

Наша флотилія состояла тогда изъ кораблей всѣхъ размѣровъ и особенно изъ Lançons очень большихъ и, въ то же время, очень легкихъ. Имѣя на своихъ бортахъ большія пушки, они могли открывать сильный огонь даже во время движенія и дѣйствовать на оба борта, новыя же канонерскія лодки, сдѣланныя по самымъ плохимъ моделямъ, были страшно тяжелы, дурно ходили подъ парусами и очень медленно подъ веслами; онѣ имѣли по одной пушкѣ на носу и на кормѣ. Пушка, находящаяся на носу, дѣйствительно вертится какъ-бы на стержнѣ, но маневръ этотъ такъ затруднителенъ и медлителенъ, что выстрѣлы изъ этой пушки можно считать только прямыми. Огонь изъ фальконетовъ и камнеметныхъ мортиръ также очень незначителенъ и могъ служить только для обстрѣла причаливанья; для такой стрѣльбы надо было постоянно ставить судно поперекъ рѣки, чтобы мѣтить на берегъ. Думаютъ, что эти тяжелыя мортиры представляютъ много выгодъ для дѣйствій противъ земляныхъ батарей и во всѣхъ случаяхъ, когда берега возвышенны, или когда судовыя орудія не могутъ удачно дѣйствовать противъ береговыхъ закрытій, но флотилія сама должна преодолѣть множество трудностей, а въ узкіе каналы ей даже опасно входитъ. На каждой изъ такихъ лодокъ было по 3 или 4 матроса и по 2 артиллериста, тогда какъ нужно было, по крайней мѣрѣ, человѣкъ по 25 солдатъ изъ сухопутныхъ войскъ, для наблюденій за дѣйствіями выстрѣловъ, да и вообще требовалось много народа, котораго мы не въ состояніи были дать.

Въ 1790 г. наша флотилія представляла толпу корсаровъ, аван-

тюристовъ и другихъ негодяевъ, но въ 1807 г. она была регулиризована, раздѣленная на экипажи, дивизіи и состояла въ вѣдѣніи Императорскаго флота. Тѣмъ не менѣе, состояніе флотиліи въ настоящее время, по сравненію съ 1790 г., не было лестно для ея начальниковъ, такъ какъ если въ 1790 г. служившіе въ нашей флотиліи поражали дерзостью своихъ дѣйствій, то моряки 1807 г. были осторожны и предусмотрительны болѣе, чѣмъ это требовалось. Я думаю, что употребленіе флота на рѣкахъ и озерахъ будетъ полезно только въ томъ случаѣ, если завѣдываніе имъ будетъ поручено офицеру сухопутныхъ войскъ, не слѣдящему такъ тщательно за компасомъ и не прибѣгающему къ постоянному предлогу—противному вѣтру, составляющему вѣчное оправданіе моряковъ, не желающихъ ничего дѣлать.

Если бы въ 1790 г. русскій флотъ былъ бы порученъ морскимъ офицерамъ, онъ навѣрное не вышелъ бы изъ Крымскаго порта въ октябрѣ мѣсяцѣ, не вошелъ-бы въ устье Сульвиніи, вблизи Измаила, и миръ не былъ бы заключенъ въ слѣдующемъ году. Рибасъ, который постоянно говорилъ: „я не знаю, что значитъ вѣтеръ и хочу быть въ Измаилѣ“ —дѣйствительно достигъ своего и взялъ городъ.

Я былъ единственнымъ, который заставилъ флотъ войти въ берега Дуная, черезъ устья Киліи; моряки же утверждали, что глубина была недостаточна для канонерокъ. Дѣйствительно тамъ была большая песчаная мель, но которая все же не могла препятствовать плаванію нашихъ лодокъ. Такова-то была въ то время въ Россіи небрежность, распространявшаяся рѣшительно на все! мы хотя, за послѣдніе два года войны, и заняли Килію, Измаилъ и островъ Четалъ, но не было ни одной точной карты, ни сухопутной, ни морской, ни рѣчной.

Генералъ Кутузовъ, командовавшій въ 1791 г. въ Измаилѣ, не поставилъ себѣ въ трудъ сдѣлать что-нибудь по занятіи города. Онъ выходилъ изъ своей комнаты только для того, чтобы пройти къ одной изъ своихъ владычицъ. Въ 1790 г. я видѣлъ запорожскій флотъ, вошедшій въ Дунай черезъ устье Киліи въ самую низкую воду. Въ 1807 г., напротивъ, вода была очень высока. Прежде всего, я приказалъ измѣрить глубину и, найдя, что воды достаточно, я велѣлъ сдѣлать карту и отдалъ приказаніе войти въ устье. Моряки долго противились, но, наконецъ, послушались. Не принимая спѣшныхъ предосторожностей, они подъ парусами вошли въ рѣку и измѣрили глубину. Съ этихъ поръ и другія суда дѣлаютъ то же самое. При высокой водѣ, канонерскія лодки могутъ свободно плавать, для того же, чтобы онѣ могли держаться и при низкой, непремѣнно нужно облегчить ихъ, снявъ грузъ.

Первымъ вошелъ въ Днѣстръ капитанъ-лейтенантъ Машинъ съ 8-ю судами, за нимъ слѣдовалъ контръ-адмиралъ Семенъ Пустошкинъ.

Де-Траверсе, адмиралъ и начальникъ флота на Черномъ морѣ, постоянно занятый преувеличиваніемъ заслугъ своихъ подчиненныхъ и стараясь нравиться имъ, представилъ двору этотъ входъ въ открытое устье рѣки какъ необыкновенный подвигъ. Пустошкинъ, малодушный человѣкъ и весьма средній офицеръ, удостоился получить Анну. Онъ даже не потрудился сѣсть на одну изъ лодокъ, а просто пріѣхалъ въ каретѣ изъ Одессы къ Днѣстру. Онъ соглашался войти въ устье Дуная, только черезъ Сулинъ, когда редутъ, защищающій входъ, будетъ, по моему приказанію, взятъ. Къ счастію, я избавился отъ него, такъ какъ его перевели въ Севастополь, командовать флотомъ. Онъ (какъ увидимъ дальше) оказался очень плохимъ командиромъ. Машинъ остался начальникомъ Днѣстровской флотиліи.

Я нашелъ въ Киліи много небольшихъ турецкихъ лодокъ, которыя я вооружилъ 3-хъ фунтовыми пушками и фальконетами и придалъ ихъ греческимъ баталіонамъ, которые принесли мнѣ много пользы.

Зная по опыту, пріобрѣтенному мною въ войну 1788 г., что Измаилъ можно блокировать только въ томъ случаѣ, если будетъ взята Тульча, я составилъ планъ взятія Тульчи. Предполагая поручить эту операцію полковнику Ферстеру, я предназначилъ дать ему 4 баталіона, 2 полка волонтеровъ и сотню казаковъ. Онъ долженъ былъ, съ помощью флотиліи, взять редутъ въ устьѣ Сулины и затѣмъ двинуться на Тульчу, которая, тогда, не будучи ни защищена, ни укрѣплена, могла легко попасть въ наши руки. Я сдѣлалъ большую ошибку, что не привелъ въ исполненіе свой планъ, не испрашивая на то разрѣшенія у Мейндорфа, но еще большей ошибкой былъ отказъ его мнѣ и приказаніе прибыть къ нему на соединеніе съ его войсками. Быть можетъ, только изъ-за этихъ двухъ ошибокъ намъ и не удалось взять Измаилъ, который мы пропустили уже во второй разъ въ этой кампаніи. Я думалъ, что мнѣ, по крайней мѣрѣ, удастся добиться этой осады, занявъ островъ Четалъ, но, какъ увидимъ ниже, я также ошибся и на этомъ пунктѣ.

Не болѣе счастливѣе я былъ и въ моемъ проектѣ расположить въ нашу пользу и вооружить русскихъ эмигрантовъ, извѣстныхъ подъ именемъ некрасовцевъ [1]). Эти некрасовцы самые ужасные и

[1]) Когда великій князь Владиміръ принялъ христіанство и крестилъ народы въ X вѣкѣ, онъ выписалъ изъ Константинополя священныя книги и картины (образа) и велѣлъ перевести ихъ на русскій языкъ. Черезъ нѣсколько вѣковъ, патріархъ Никонъ, человѣкъ большого ума, нашелъ, что

злые враги Россіи; несчастны тѣ солдаты, которые попадаютъ къ нимъ въ руки, они ихъ страшно терзаютъ. Зассъ послалъ къ нимъ лазутчиковъ, съ которыми они ужасно скверно обращались; мои развѣдчики были приняты также не лучше. Некрасовцы занимаются земледѣліемъ, рыболовствомъ и торговлей; они очень богаты, имѣютъ большія деревни по берегамъ моря и Дуная; самая значительная изъ нихъ называется дунаевцы.

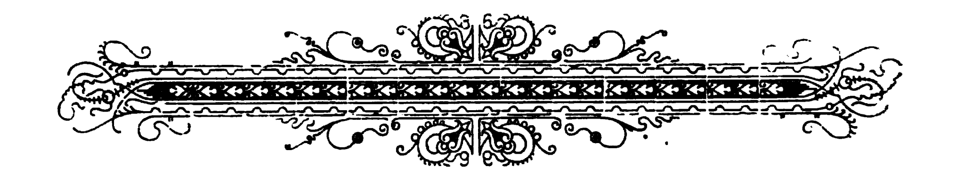
Они сложились, чтобы помочь деньгами Пегливану, который сильно въ нихъ нуждался, и выставили ему 250 казаковъ, вооруженныхъ и одѣтыхъ такъ же, какъ и наши казаки. Пегливанъ выбралъ себѣ изъ нихъ гвардію, никогда его не покидавшую и къ которой онъ имѣлъ больше довѣрія, чѣмъ къ своимъ туркамъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

картины (образа) плохо писаны, а книги плохо переведены, онъ передѣлалъ и то и другое. Много русскихъ, привыкшихъ къ старымъ обычаямъ, не захотѣли принять эти перемѣны и, такимъ образомъ, произошелъ расколъ. Эти упрямцы получили названіе староверовъ и раскольниковъ Среди нихъ-то Петръ I и встрѣтилъ больше всего сопротивленія въ цивилизаціи своей націи. Особенно сильно они держались своихъ бородъ. Петръ ихъ преслѣдовалъ, и число раскольниковъ значительно уменьшилось; но все-таки много ихъ осталось на Волгѣ и среди Донскихъ казаковъ. Во время царствованія императрицы Анны, около 1735 г., жестокій Биронъ, ея фаворитъ, снова началъ преслѣдовать раскольниковъ, и многіе изъ нихъ погибли отъ смертной казни.

Атаманомъ Донскихъ казаковъ, въ то время, былъ Данила Ефремовъ, который дѣлалъ все возможное, чтобы остановить отчаяніе этихъ несчастныхъ; но тѣмъ не менѣе онъ не могъ помѣшать жителямъ четырехъ деревень эмигрировать за Кубань, подъ главенствомъ простого казака Игнатія Некрасова. Изъ Кубани они перешли въ Крымъ, затѣмъ на правый берегъ Днѣпра, Буга, Днѣстра и Дуная, по мѣрѣ того какъ они занимали у турокъ земли, лежащія между этихъ рѣкъ. Наконецъ, они совсѣмъ сдались туркамъ, которые очень хорошо съ ними обращались и выносили всѣ ихъ фанатическія вѣрованія — это все, что должна была сдѣлать и Россія. Въ Россіи все еще много оставалось приверженцевъ этихъ сектъ: всѣ Уральскіе казаки и много крестьянъ изъ южныхъ губерній. Такъ называемые старовѣры, поселившіеся по Днѣстру и въ Бессарабіи, менѣе другихъ ожесточенные, остались въ своихъ деревняхъ, даже тогда, когда русскіе вошли туда. Суевѣріе ихъ состоитъ въ томъ, что они не могутъ курить табакъ, не терпятъ присутствія собакъ или кошекъ въ комнатахъ; они не хотятъ даже имѣть ихъ изображенія на картинахъ или въ книгѣ:

Страничка изъ Саранской старины.

Право хозяина [1]).

Утромъ, 29 декабря 1802 года, въ г. Саранскѣ стоялъ трескучій морозъ. Было тихо, и дымъ, поднимавшійся изъ городскихъ трубъ, висѣлъ въ воздухѣ сплошнымъ, тяжелымъ облакомъ, сквозь которое восходившее солнце едва просвѣчивало тусклымъ багровымъ пятномъ. Легкимъ розовымъ отблескомъ сіяла бѣлая, сверкавшая, какъ серебряная парча, поверхность снѣга, и занесенныя сугробами, ухабистыя, городскія улицы, обставленныя невысокими домами, и городскія церкви, и запушенныя инеемъ деревья, которыя какъ бы застыли неподвижно въ этой холодной тишинѣ яснаго, морознаго утра.

Морозило такъ сильно, что обывательская скотина, бродившая, обыкновенно, по улицамъ, теперь жалась на дворахъ, подъ сараями, поближе къ ворохамъ соломы, куда попрятались и дворныя собаки и даже куры, ознобившіяся на насѣсти. Не было видно и птицъ, унизывавшихъ, въ другое время, кресты колоколенъ или крыши домовъ: вся птица будто вымерла, или скрылась куда-то, чтобы не померзнуть; и только изрѣдка какая-нибудь взъерошенная галка, или ворона, поднявшись, какъ бы нехотя съ навозной кучи, на которой она сидѣла, вдругъ полетитъ, торопливо размахивая крыльями, чтобы отыскать себѣ новое пристанище.

Морозъ трещитъ и назойливо стучится въ стѣны обывательскихъ домовъ, какъ бы усиливаясь пробраться въ комнаты...

Въ квартирѣ саранскаго виннаго пристава Ростова, въ это утро, всѣ окна оказались замерзшими, даже изнутри; передній уголъ подъ образами, также промерзъ и запушился снѣгомъ, а большая, только что затопленная печь плохо нагрѣвала „покои“, состоявшіе

---

[1]) Опись дѣламъ Саранскаго полицейскаго архива, связка № 429-й, 1803 годъ, докум. 8-й.

изъ трехъ небольшихъ комнатъ, съ кухней вмѣсто прихожей, изъ которой наружная дверь вела въ холодныя сѣни.

Въ комнатахъ было холодно, такъ что виденъ былъ паръ отъ дыханія.

Квартира эта находилась гдѣ-то на Нижнихъ Тарасахъ, или въ Пичугиной улицѣ, въ небольшомъ деревянномъ флигелькѣ, принадлежавшемъ губернскому регистратору Василію Николаевичу Гаврилову, проживавшему въ другомъ домѣ, неподалеку отъ квартиры Ростовыхъ.

Раннее утро. Начинавшійся разсвѣтъ едва брезжитъ сквозь замерзшія окна, принимающія, мало по малу, синеватый оттѣнокъ. Большіе стѣнные часы съ деревяннымъ, пестрымъ циферблатомъ и съ свинцовыми гирями на бичевкахъ хрипло прозвонили семь часовъ, и вслѣдъ за тѣмъ изъ другой комнаты, имѣвшей назначеніе спальни, показался самъ винный приставъ Петръ Ивановъ Ростовъ въ ваточномъ ситцевомъ халатѣ, съ заспаннымъ, какъ бы опухшимъ лицомъ и всклокоченными полусѣдыми волосами. Притворивъ дверь въ спальню, онъ прошелъ умываться въ кухню-прихожую, гдѣ около топившейся русской печи хлопотали жена пристава и дочь-дѣвица, а въ сторонкѣ, поближе къ дверямъ, кипѣлъ самоваръ, слегка прикрытый крышкою, чтобъ не ушелъ.

Покамѣстъ приставъ умывался съ шумными всплесками, дочь-дѣвица внесла самоваръ въ зальце и поставила его на столъ, съ приготовленной на немъ чайной посудой, а жена, вслѣдъ за дочерью, поставила на тотъ же столъ огарокъ сальной свѣчи, горѣвшей въ мѣдномъ подсвѣчникѣ. Внесенная свѣча озарила скуднымъ свѣтомъ бревенчатыя, стесанныя стѣны небольшой комнатки и всю ея незатѣйливую обстановку, состоявшую изъ одного стола и полдюжины липовыхъ соломенныхъ стульевъ, чинно стоявшихъ около стѣнъ, на которыхъ красовались какія-то картины въ темныхъ деревянныхъ рамкахъ.

Когда же, послѣ умыванья, освѣженный холодной водой, приставъ вышелъ въ зальце,—его семья сидѣла уже за чайнымъ столомъ, и его супруга, „накладывавшая“ (по тогдашнему выраженію) чай, пододвинула къ нему объемистую чашку, съ горячимъ, дымившимся чаемъ и блюдечко съ бѣлымъ, крупичатымъ, липовымъ медомъ, замѣнявшимъ тогда сахаръ.

— Нѣтъ, мать, не стану,—промолвилъ приставъ, отодвигая чашку,—не могу!—добавилъ онъ и уныло опустилъ голову на грудь.

— Ай переложилъ вчера лишнее?—шутливо замѣтила жена.

— Былъ грѣхъ! Ужъ и угостились, мать, на славу! Чего только не было на столѣ: и ерофеичъ, и наливки, и мушкатель, и даже вина заграничныя... Ну понимаешь,—что называется, хоть залейся.

— Что говорить!—замѣтила жена.—Антюшины купцы первостатейные, во всей округѣ извѣстны.

— Да, могу сказать, первостатейная была выпивка, а теперь вотъ голова трещитъ!..

Приставъ на минуту умолкъ.

— Мать! поправиться бы надо, — медленно проговорилъ онъ,— и чайку бы тогда попилъ. Ты бы, мать, принесла чего-нибудь опохмѣлиться. Принесешь, что-ли?

И приставъ какъ-то робко взглянулъ на жену. Та ничего не отвѣтила на это, но тотчасъ же встала изъ-за стола и молча вышла. Приставъ проводилъ ее благодарнымъ взглядомъ и затѣмъ обратился къ дочери.

— Что, Дунюшка,—сказалъ онъ ласково,—хороша ли вечеринка была, весело ли тебѣ тамъ игралось?

— Ахъ, папенька, ужъ и не спрашивайте, такъ весело было, что чудо!—отвѣчала дочь, зардѣвшись;—бандуристъ игралъ, пѣсни пѣли, плясали до упаду.

И въ глазахъ дѣвушки загорѣлся веселый огонекъ при воспоминаніи о пріятно проведенномъ вечерѣ.

Сто лѣтъ тому назадъ, какъ и теперь, молодежь веселилась на святки, только не такъ, какъ нынѣ, а по-своему, по-старинному, когда въ Саранскѣ не имѣли еще понятія ни о клубахъ, ни о театрахъ, ни о маскарадахъ и другихъ подобныхъ удовольствіяхъ, а собирались на посидѣлки, хоронили золото, гадали разными способами, пѣли пѣсни и забавлялись пляскою.

Веселье тогда было болѣе искренно, чѣмъ теперь, и поэзіи въ немъ было несравненно больше, чѣмъ въ наше просвѣщенное время, когда поэзію совершенно изгнали изъ жизни, вмѣстѣ съ обычаями старины.

Между тѣмъ, въ комнатѣ совсѣмъ освѣтлѣло, день незамѣтно насталъ, и приставъ, отыскавъ щипцы, загасилъ оплывавшую свѣчу.

— Вотъ, поправляйся! — сказала жена, ставя на столъ графинчикъ съ настойкой, объемистую рюмку и тарелку съ нарѣзаннымъ ломтиками огурцомъ и кускомъ чернаго хлѣба.

— Вотъ за это спасибо, мать, удружила!—обрадовался приставъ, и наполнивъ, дрожащею рукою, рюмку настойкой, какъ-то особенно ловко перекувыркнулъ ее въ ротъ и послѣ того протянулъ руку къ тарелкѣ съ огурцами.

— Огурцы-то только у насъ немного испортились, промерзли,— сказала жена,—ты бы, Петръ Иванычъ, хоть бы поговорилъ когда хозяину, чтобы онъ велѣлъ хорошенько законопатить уголъ около

кадки. Деньги за квартиру платимъ хорошія, 17 рублей въ годъ, а спокою никакого нѣтъ.

— Ахъ, мать, и не говори лучше! — отвѣчалъ приставъ, замахавъ руками,—вчера я было заикнулся ему объ этомъ, а онъ какъ зарычитъ на меня, словно медвѣдь, „коли не доволенъ, говоритъ, квартирой, такъ убирайся, говоритъ, вонъ", да чуть было „шумство" не учинилъ, насилу отъ него отвязался.

— Чего отъ него ждать больше! Извѣстно, постоянно въ пьянствѣ обращается, замѣтила жена.

— Ну и нализался онъ вчера; да и всѣ хороши были... А какую смѣхотворную исторію учинилъ стряпчій Чесновскій съ лекаремъ Европеусомъ, такъ и сейчасъ безъ смѣха вспомнить невозможно;— и оживленный воспоминаніемъ о смѣхотворной исторіи вчерашняго вечера, приставъ громко расхохотался.

— Ну,—ну? произнесла жена, приготовившись слушать, а дочь, въ ожиданіи разсказа развеселившагося папеньки, уже заранѣе прикрыла себѣ ротъ платочкомъ.

— Это ужъ подъ конецъ вечера учинилось,—такъ началъ свой разсказъ приставъ,—подвыпито было уже порядочно; многіе совсѣмъ захмѣлѣли. Стряпчій же Чесновскій, хотя и много выпилъ, но какъ будто бы ничего, расхаживаетъ себѣ по комнатѣ съ трубкою въ рукахъ и пускаетъ изъ рта дымъ колечками, видно, нравилось ему это. Потомъ, невѣдомо съ какого умыслу, — подходитъ къ лекарю Европеусу, да какъ пыхнетъ ему въ лицо табачнымъ дымомъ. Тотъ, наконецъ, разсердился и говоритъ Чесновскому: „Коли вы пьяны, государь мой, такъ отправляйтесь домой, а не то я кликну бутошника и отправлю васъ на съѣзжую!"

Тутъ Чесновскій и вскипятился,—„Ахъ ты, говоритъ, жидъ проклятый, процентщикъ, какъ, меня, стряпчаго, на съѣзжую?! Да я, говоритъ, тебя подъ судъ упеку, да взыщу съ тебя деньги, которыя ты мнѣ долженъ за шляпу". „Какія деньги, за какую шляпу?" спрашиваетъ лекарь. „А помнишь, говоритъ Чесновскій, лѣтомъ ты мнѣ на бильярдѣ въ Гербергѣ у Маскинскаго проигралъ 40 рублей и обѣщалъ купить шляпу пуховую". „Ничего, говоритъ лекарь, — я этого не помню, никакой шляпы покупать я не обѣщивался". „Не помнишь?!" закричалъ тутъ на него, съ азартомъ, стряпчій,—такъ вотъ я тебѣ сейчасъ напомню, жидовская твоя душа". И съ этими словами, подходитъ Чесновскій къ лекарю, и схвативъ его одной рукой за волосы, другой принялся лупцовать по спинѣ чубукомъ. Лекарь вертится, силится какъ-нибудь вырваться у него изъ рукъ, ну, а тотъ, человѣкъ сильный, все его не упускаетъ. Всѣ глядятъ на нихъ, да хохочутъ; наконецъ, кто-то ужъ ихъ рознялъ. Тогда,

лекарь Европеусъ, обезумѣвшій отъ страха, вмѣсто того, чтобы бѣжать въ двери, да скорѣй домой, спрятался подъ столъ. И что жъ, ты думаешь? такъ вѣдь и просидѣлъ подъ столомъ до самаго конца, покамѣстъ всѣ гости не разошлись, и тогда-то даже ничѣмъ его не вызовутъ изъ-подъ стола: „онъ, говоритъ (т. е. стряпчій), меня убьетъ, коли изъ-подъ стола вылѣзу!".

Окончивъ разсказъ, приставъ весело захохоталъ. Смѣялись отъ души и мать съ дочерью, представляя, вѣроятно, смѣшную фигуру, сидѣвшаго подъ столомъ лекаря Европеуса, который въ Саранскѣ пріобрѣлъ себѣ извѣстность разными смѣхотворными казусами, которые съ нимъ постоянно случались [1]).

Не успѣлъ еще умолкнуть простосердечный смѣхъ развеселившейся семьи, какъ въ сѣняхъ вдругъ что-то загрохотало, вслѣдъ затѣмъ, дверь въ прихожей съ трескомъ распахнулась и въ облакѣ холоднаго пара, ворвавшагося въ комнату изъ сѣней, передъ изумленной семьей предсталъ во всемъ безобразіи пьянаго образа, самъ домовладыка—регистраторъ Гавриловъ, а за нимъ слѣдомъ два его брата-подростка Петя—16-ти и Ваня 15 лѣтъ.

Не снимая тулупа, „ни даже шапки", Гавриловъ прямо со двора прошелъ въ зальце, гдѣ находилась семья.

— Дверь-то, дверь затворите!—всполошилась жена пристава, чувствуя, какъ холодъ врывается въ отворенную дверь и расходится по комнатамъ.

Оба мальчика бросились было затворять стоявшую настежь дверь, но Гавриловъ съ азартомъ прикрикнулъ на нихъ, чтобъ не смѣли этого дѣлать.

— Я здѣсь хозяинъ, домъ этотъ мой, что хочу тутъ, то и дѣлаю, кричалъ онъ „въ необычайной запальчивости".

— Коли не хороши эти покои, такъ вонъ отсюда, вонъ изъ моего дома, сей же часъ, и чтобъ духомъ вашимъ тутъ не пахло!

— Ну что-жъ вы, рты-то разинули, собирайтесь, уходите, а не то я вышвырну вашъ хламъ—прикрикнулъ онъ, видя, что изумленные постояльцы не трогаются съ мѣста.

И Гавриловъ съ азартомъ началъ швырять стулья и срывать со стѣны картины и выбрасывать все это въ сѣни.

Жена и дочь пристава, перепуганные озорствомъ вошедшаго въ столь великій азартъ хозяина, съ отчаяннымъ крикомъ бросились въ спальню и изнутри ея приперли чѣмъ-то дверь. Самъ приставъ, дрожавшій отъ холода и негодованія, началъ было переговоры съ бушевавшимъ хозяиномъ.

---

[1]) Происшествіе съ Европеусомъ извлечено изъ архивныхъ документовъ Саранской полиціи.

— Василій Николаичъ, послушай, что это ты ни съ того, ни съ сего, вздумалъ выгонять насъ изъ дому, да еще въ такой морозъ... Вѣдь это безбожно! — уговаривалъ приставъ хозяина.

— Ты вчера самъ говорилъ, что мой домъ для тебя не хорошъ, ну такъ и ступай вонъ, коли не хорошъ; ну и ступай. Сейчасъ же вонъ изъ моего дома! Я тутъ хозяинъ.

— Я не порочилъ твой домъ, а только просилъ уголъ проконопатить, а ты сейчасъ и вонъ! Всякій знаетъ, что ты тутъ хозяинъ, но я вѣдь тебѣ за квартиру впередъ деньги отдалъ. Вспомни-ка хорошенько: на Введенье ты самъ съ меня 7 рублевъ получилъ, да передъ самымъ Рождествомъ матушкѣ твоей мы два рубля отдали. Ну такъ и быть, уйдемъ отъ тебя, только надо сперва квартиру отыскать. Помилосердуй, вѣдь морозъ-то какой,—куда мы пойдемъ? Хоть дверь-то дай затворить.

Такъ уговаривалъ несчастный постоялецъ немилосерднаго хозяина, но тотъ не хотѣлъ ничего слушать и все болѣе горячился.

— Дверь тебѣ затворить, дверь затворить!—приступалъ онъ къ нему вплотную, — я затворю тебѣ дверь! Гдѣ тутъ топоръ? Ребята, ищите топоръ! Я покажу ему, какъ супротивничать хозяину!

Услышавъ изъ спальни, что Гавриловъ требуетъ зачѣмъ-то топоръ, жена и дочь пристава, вообразивъ, что хозяинъ покушается на смертоубійство, подняли отчаянный крикъ и плачъ, призывая напомощь.

— Что онѣ тамъ орутъ зря, вскипятился хозяинъ, — вели имъ замолчать, а не то я вышвырну ихъ оттуда на морозъ.

Съ этими словами, Гавриловъ ринулся къ спальнѣ, но приставъ загородилъ ему дорогу, и схвативъ въ руку первый, попавшійся ему стулъ, рѣшился силою защищать свою семью.

— Стой, — крикнулъ онъ, наступавшему Гаврилову, — если ты еще одинъ шагъ сдѣлаешь къ этой двери, я вотъ этимъ самымъ стуломъ размозжу тебѣ голову! Прочь, говорятъ тебѣ!

Съ этими словами приставъ замахнулся стуломъ.

Гавриловъ отступилъ, но обозлился еще болѣе.

— Такъ ты вотъ какъ, на хозяина руку поднимаешь, смертоубійствомъ грозишь? Такъ хорошо же! Будешь меня помнить, волей, неволей съ квартиры уйдешь! Эй, ребята!—крикнулъ онъ братьямъ,— вали за мной, снимай дверь съ петель!

— Послушай же, наконецъ, опомнись! Какъ же намъ безъ двери-то въ такой морозъ! Я объявку въ полицію на тебя подамъ! — вступился опять приставъ.

— Я самъ на тебя подамъ, что убить меня намѣревался. А покамѣстъ вотъ посиди-ка пока безъ двери. Какъ таракановъ заморожу васъ тутъ, поневолѣ уйдете!

— Да и безъ этого уйдемъ, сыщемъ квартиру и уйдемъ, Богъ съ тобой!

— Ну, ребята, принимайся! разъ! готово! Вотъ такъ-то лучше,— кричалъ Гавриловъ.

Дверь была снята съ петель и затѣмъ торжественно унесена хозяиномъ съ братьями изъ дому; и чтобъ еще больше напустить холода, то, унося дверь, Гавриловъ не притворилъ и сѣней, вслѣдствіе чего морозный воздухъ, безпрепятственно, широкой волной, врывался въ комнаты, въ которыхъ стало такъ же холодно, какъ и на дворѣ.

Положеніе постояльцевъ сдѣлалось отчаянное. Пробовали было загораживать кое-чѣмъ наружную дверь, но это не помогло, и затопить печь было безполезно: развѣ вольный свѣтъ натопишь? Жена и дочь пристава, закутавшись во что попало, усѣлись въ спальнѣ на кровать и только однѣми слезами, да скорбными причитаніями изливали свое горе, протестуя на совершенное надъ ними насиліе.

Горе захватило и самого пристава. Положеніе жены и дочери, принужденныхъ страдать отъ жесточайшаго мороза, и не заслуженная обида, нанесенная, невѣдомо съ чего, всему семейству, тронули пристава до глубины души и заставили его принять рѣшительныя мѣры къ спасенію обездоленной семьи. Тогда, „оправясь отъ страха и оставя жену и дочь среди жесточайшаго холода (можно сказать на открытомъ воздухѣ)“, онъ поспѣшилъ съ жалобою къ правящему должность городничаго уѣздному судьѣ Степану Ермолаевичу Стяшкину, засѣдавшему въ эти часы въ полиціи.

Степанъ Ермолаевичъ Стяшкинъ былъ, повидимому, человѣкъ добрый и сострадательный и, потому не только что удовольствовался выслушать обиженнаго пристава, но, сочувствуя его положенію, тотчасъ же распорядился послать къ квартальному Никольскому, чтобы тотъ произвелъ надлежащее изслѣдованіе сего дѣла и принялъ бы „по силѣ законовъ“ должныя мѣры „къ защищенію и удовлетворенію обиженнаго“.

Квартальный Никольскій, по имѣющимся о немъ въ архивныхъ документахъ свѣдѣніямъ,—давно уже служилъ въ саранской полиціи и въ глазахъ начальства слылъ энергичнымъ и исполнительнымъ чиновникомъ, вслѣдствіе чего ему поручались всегда щекотливыя, что называется „казусныя“ дѣла, требующія рѣшительныхъ и смѣлыхъ дѣйствій.

Никто напр. успѣшнѣе Никольскаго не добивался сознанія обвиняемаго; какъ бы тотъ ни запирался, отрицая свою виновность, или хотя бы и на самомъ дѣлѣ былъ не виновенъ, но коль скоро онъ

попадалъ въ руки Никольскаго, то непремѣнно признавалъ себя виновнымъ въ чемъ бы то ни было и въ чемъ будетъ угодно Никольскому. Дѣяніями Никольскаго въ такомъ родѣ заполнено не мало архивныхъ документовъ.

Такъ вотъ, этому-то Никольскому и поручилъ судья разобрать Ростова съ Гавриловымъ и умиротворить ихъ къ обоюдному удовольствію.

Съ Гавриловымъ Никольскій былъ старинный пріятель, и потому направился прямо къ Гаврилову; отсюда захвативъ его съ собой прибылъ, часовъ въ 11-ть утра, въ квартиру пристава Ростова. Пріятели явились сюда, какъ видно, въ веселомъ настроеніи, потому что видъ разгрома квартиры, со снятою наружною дверью и безпорядкомъ, учиненнымъ Гавриловымъ, и даже слезы жены и дочери Ростова показались „изслѣдователямъ“ только забавными, какъ и находчивость Гаврилова выживать постояльцевъ изъ квартиры посредствомъ „снятія наружной двери“...

„Пріѣхавъ квартальный Никольскій на квартиру“, пишетъ въ въ своей жалобѣ приставъ Ростовъ,—„хотя и нашелъ оную въ описанномъ положеніи, но не сдѣлавъ никакого, по долгу службы, ни изслѣдованія, ни покровительства, какъ только посмѣялся (съ пріятелемъ своимъ Гавриловымъ) и ушелъ въ квартиру обидчика“.

Между тѣмъ морозъ дѣлалъ свое дѣло: стѣны, потолокъ и даже полъ въ квартирѣ стали покрываться снѣжнымъ инеемъ; стоявшая въ кадкѣ вода замерзла, а окна сплошь запушились толстымъ слоемъ снѣга, такъ что если бы не отворенныя наружныя двери, то въ комнатахъ было бы темно, какъ въ сумерки, несмотря на то, что въ это время на чистомъ небѣ сіяло солнце, заливавшее яркими, веселыми лучами городскія улицы, по которымъ сновала праздничная толпа, поминутно проносились по дорогѣ сани, съ катающимися обывателями, и только полозья визжали по хрусткому снѣгу, да изъ-подъ копытъ разгорячившихся коней поднималась облакомъ снѣжная пыль. Приспѣло святочное время, и народъ гулялъ. Не до веселья было только однимъ Ростовымъ.

Когда Никольскій съ Гавриловымъ покинули квартиру, то приставъ, „видя себя нетокмо защищенна, но и наипаче того оскорбленна“, снова пошелъ къ судьѣ Стяшкину, „ища себѣ защиты“. Судья, въ то время (какъ пришелъ къ нему приставъ) перебрался уже изъ полиціи въ уѣздный судъ и отмѣчалъ въ докладномъ реестрѣ поставленныя судомъ „резолюціи“. Занятый спѣшною работой судья, на просьбу пристава, отвѣтилъ, что „онъ крайне сожалѣетъ, видя его толико оскорбленна и не защищенна, но тотчасъ сего исправить не можетъ, пока не отмѣтитъ всѣ тѣ резолюціи“.

„И принужденъ былъ я ожидать въ уѣздномъ судѣ часа съ два,“—пишетъ въ своей жалобѣ Ростовъ.

Почтенный судья, отличавшійся вѣроятно слабостію характера, какъ видно, тяготился этимъ дѣломъ, опасаясь какой-нибудь продерзости со стороны Гаврилова, отличавшагося вздорнымъ характеромъ, и потому медлилъ, желая хоть немного отдалить отъ себя столь непріятную обязанность имѣть дѣло съ такимъ буяномъ, какъ Гавриловъ. Но вотъ, всѣ резолюціи уже подписаны, присутствованіе въ судѣ, затянувшееся дольше обыкновеннаго, пора было окончить и, такимъ образомъ, дальнѣйшее отлагательство сдѣлалось невозможнымъ.

Въ 3-мъ часу дня судья отправился на квартиру Ростова и нашелъ ее въ такомъ видѣ, какъ заявлялъ о томъ жалобщикъ.

На самомъ дѣлѣ дверь была снята и даже унесена, и въ квартирѣ былъ страшный холодъ, какъ на дворѣ. Поглядѣлъ судья, прошелся разъ другой по комнатѣ, заглянулъ даже въ спальну, откуда раздавался неутѣшный плачъ и жалобныя причитанья жены и дочери Ростова; разспросилъ еще разъ пристава, какъ было дѣло, и, наконецъ, рѣшился послать за Гавриловымъ, который тотчасъ же пришелъ и, конечно, въ возбужденномъ состояніи, въ особенности послѣ бесѣды съ пріятелемъ своимъ квартальнымъ Никольскимъ. Уже одинъ видъ Гаврилова подѣйствовалъ угнетающимъ образомъ на слабохарактернаго и добродушнаго судью; но дѣлать было нечего, надо было приступить „къ изслѣдованію“. Стараясь казаться спокойнымъ, судья спросилъ Гаврилова:

— Онъ ли это сдѣлалъ, и по какому праву?

Гавриловъ не отрекся, сказалъ, что онъ самъ выломалъ дверь и отнесъ ее въ домъ отца своего, съ цѣлью заставить постояльцевъ уйти изъ его дома; а учинилъ онъ это *по праву хозяина* своего собственнаго дома.

Отвѣтъ Гаврилова съ упоминаніемъ *о правахъ хозяина* до безконечности обрадовалъ судью, избавляя его отъ всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій.

— Право хозяина! Гмъ! умно сказано,—такъ размышлялъ судья. Право хозяина признается всѣми законами, по силѣ которыхъ каждый человѣкъ суть хозяинъ своей собственности какъ движимой, такъ и недвижимой. Хозяинъ дома, напримѣръ, можетъ продать этотъ домъ, заложить, перестроить, отдать внаемъ, отказать жильцамъ отъ квартиры; ссыпать въ домъ хлѣбъ, обратить его въ кладовую, въ конюшню, словомъ: дѣлать съ домомъ все, что угодно. Онъ хозяинъ дома и имѣетъ на это самое законное право, которое онъ, Стяшкинъ, „яко судія“,—отрицать не можетъ. Правда, что ему жаль бѣднаго пристава и его семью, да что подѣлаешь, законъ на

сторонѣ Гаврилова, „яко хозяина“, а противъ закона вѣдь не пойдешь.

Разсудивъ такимъ образомъ, мудрый судья, „сверхъ всякаго, со стороны пристава Ростова, ожиданія, это право хозяина за Гавриловымъ утвердилъ, заявляя Ростову, что онъ (судья) много сожалѣетъ о приключеніи, случившемся съ нимъ по волѣ Гаврилова, но чтобъ пособить тому — *никакъ не можетъ*, ибо де Гавриловъ, яко хозяинъ дома своего, если прикажетъ *впустить въ покои и лошадей*, никто ему воспретить того не можетъ“.

Послѣ этой резолюціи, высказанной авторитетно, судья, чтобы утѣшить отчасти и Ростова, „дружески потрепалъ Гаврилова по плечу, просилъ его, чтобы онъ приказалъ выломанную дверь возвратить, доколѣ онъ, Ростовъ, пріищетъ себѣ другую квартиру“.

Затѣмъ судья Стяшкинъ, добродушно улыбаясь, сердечно распрощался съ обоими соперниками и ушелъ весьма довольный, что такъ ловко выпутался изъ казуснаго дѣла, грозившаго ему многими огорченіями.

Къ сожалѣнію, однако, ласковая просьба судьи, нисколько не подѣйствовала на Гаврилова и дверь въ квартирѣ Ростовыхъ, осталась, какъ и была, ненавѣшенною.

Что оставалось, въ этомъ случаѣ, дѣлать Ростову?

„Почему, видѣвъ жену и дочь отъ несносной стужи помирающихъ“, пишетъ Ростовъ въ прошеніи „принужденъ я былъ идти къ Гаврилову и уже *изъ милости* его упрашивать, чтобы приказалъ дверь возвратить; и имѣлъ счастіе въ этомъ успѣть“,—такъ заключаетъ свою жалобу приставъ Ростовъ.

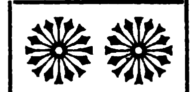
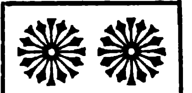
31 декабря Ростовъ подалъ на Гаврилова въ полиціи объявленіе о происшедшемъ, обвиняя его въ намѣреніи топоромъ лишить жизни его семейство и требовалъ привлеченія Гаврилова къ отвѣтственности. Изъ полиціи жалоба Ростову была возвращена съ надписью, что „за непредставленіемъ условія о наймѣ квартиры сужденіе по дѣлу невозможно“. Послѣ этого Ростовъ подалъ жалобу въ губернское правленіе, по которой и назначено „изслѣдованіе“, при чемъ оказался несомнѣннымъ только тотъ фактъ, что Гавриловъ 29 декабря выставлялъ въ квартирѣ Ростова дверь и не возвращалъ ее въ продолженіе 5 часовъ.

Былъ ли, Гавриловъ подвергнутъ какому-либо взысканію—это остается неизвѣстнымъ.

Г. П. Петерсонъ.

29 декабря 1906 г.
Г. Саранскъ.

Учебныя воспоминанія.

Гимназія.

Первоначальное образованіе я и братъ мой получили дома, подъ руководствомъ отца. По воззрѣніямъ своимъ вообще, по взглядамъ на жизнь и, въ частности, по понятіямъ о воспитаніи дѣтей онъ былъ человѣкъ, въ высшей степени оригинальный... Идея его въ дѣлѣ воспитанія дѣтей была та, что какъ первоначальное образованіе, такъ и подготовка ихъ къ жизни общественной, по полученіи высшаго образованія, должны составлять обязанность родителей. Его идеи о воспитаніи юношества, какъ и взгляды на общественныя явленія,—результатъ наблюдательности и вдумчивости, при солидномъ философскомъ образованіи,—пріобрѣли ему въ нижегородскомъ обществѣ, въ которомъ ему постоянно приходилось вращаться въ качествѣ врача съ обширной практикой, репутацію чудака. Настолько его идеи расходились съ понятіями провинціальнаго общества 40-хъ—50 годовъ. Удивлялъ публику, пока не привыкли, и его обычный костюмъ—сѣрая фрачная пара; въ тѣ отдаленныя времена, къ которымъ относится начало моего повѣствованія (30—50-ые годы 19-го столѣтія), врачи являлись къ паціентамъ не иначе, какъ во фракахъ, обыкновенно черныхъ; а мой отецъ присвоилъ себѣ сѣрый цвѣтъ, что̀ и дало ему въ средней и мелкой публикѣ кличку *сѣраго доктора*. Верхней одеждой служила ему сѣрая же шинель [1]).

---

[1]) Кстати сказать, пальто появились только въ 40-хъ годахъ; раньше—верхней одеждой служила шинель, употреблявшаяся впрочемъ только въ дурную погоду; лѣтомъ, въ хорошую погоду всѣ разъѣзжали и ходили по городу во фракахъ, сюртукахъ и вицъ-мундирахъ, нисколько не стѣсняясь отсутствіемъ верхней одежды, что̀ и дало поводъ Гоголю сказать, въ разсказѣ „Невскій проспектъ", что въ извѣстное время дня на Невскомъ наступаетъ весна; это намекъ на появленіе на улицахъ чиновниковъ, идущихъ со службы въ своихъ зеленыхъ вицъ-мундирахъ.

Но это говорю мимоходомъ: я для того только упомянулъ объ общественномъ положеніи моего отца, чтобы дать читателю понять, насколько ученіе наше могло идти правильно. Состоя врачемъ въ нѣсколькихъ казенныхъ мѣстахъ, годовымъ во многихъ домахъ помѣщичьихъ и купеческихъ, имѣя массу случайной практики, отецъ не могъ, разумѣется, удѣлять достаточно времени для занятій съ нами.

Будучи при томъ для многихъ не только прописывателемъ лекарствъ, спѣшно объѣзжающимъ своихъ паціентовъ, но и другомъ дома и больныхъ, онъ проводилъ нерѣдко цѣлые часы у постели больного или больной, утѣшая ихъ и окружающихъ. А по званію врача удѣльнаго вѣдомства ему частенько приходилось колесить по губерніи, особенно въ случаяхъ какихъ-либо повальныхъ заболѣваній, и не только между удѣльными крестьянами, но и у ихъ скота. А во все продолженіе знаменитой Макарьевской ярмарки, къ которой въ тѣ отдаленныя времена тяготѣла вся жизнь Нижняго-Новгорода, всѣ наличные врачи были заняты съ ранняго утра до ночи; нѣкоторые изъ нихъ и совсѣмъ переселялись на это время за Оку, въ мѣстонахожденіе ярмарки.

Отецъ этого не дѣлалъ, не желая разставаться съ семействомъ, но въ горячее ярмарочное время изчезалъ на весь день, не всегда даже возвращаясь къ обѣду. Для него и нѣкоторыхъ другихъ врачей эта страдная пора наступала еще задолго до начала ярмарки, съ приходомъ т. наз. „каравановъ“ съ Камы, съ солью, желѣзомъ и издѣліями горныхъ заводовъ—Строгоновыхъ, Голицыныхъ, Яковлевыхъ, Лазаревыхъ и др. Заводчики эти, доставляя на ярмарку свои продукты собственными коноводными машинами (имѣютъ ли о нихъ какое-нибудь понятіе нынѣшніе волгари?), съ собственными крѣпостными рабочими,—содержали за Окой, близъ ярмарки, и больницы для этихъ людей, изъ которыхъ многіе заболѣвали дорогой, не говоря уже о холерномъ времени. Отецъ мой и другіе врачи, занимавшіеся лѣтомъ въ этихъ временныхъ больницахъ, лечили въ остальное время года постоянно жившихъ въ Нижнемъ управляющихъ этихъ заводовладѣльцевъ и ихъ семьи конечно.

Словомъ, при маломъ вообще числѣ врачей въ тѣ времена они круглый годъ имѣли достаточно работы; а въ ярмарочное время, благодаря страсти купечества къ кутежамъ и вообще веселому препровожденію времени въ трактирахъ и Кунавинѣ (послѣ couvre-feu, полагавшагося въ 9 ч. в. и выгонявшаго ихъ изъ лавокъ, если не желали тотчасъ лечь спать), для чего и пріѣзжали обыкновенно безъ женъ (по правилу, что „въ Тулу съ своимъ самоваромъ не ѣздятъ“), заболѣваній было такъ много, что наличный персоналъ врачей едва успѣвалъ со всѣми управиться. Иногда наѣзжали врачи

изъ другихъ городовъ; а для злачныхъ пріютовъ Кунавина обыкновенно командировался врачъ-спеціалистъ изъ Москвы или Петербурга.

Надо еще замѣтить, что провинціальному врачу тѣхъ временъ приходилось, volens-nolens, набирать побольше практики, чтобы сколько-нибудь прилично существовать. Даже и при тогдашней дешевизнѣ жизни невозможно было существовать, особенно съ семействомъ, напр. на 1.500 р. ассигнаціями (428 р. с.) годового жалованья удѣльнаго врача, даже и съ прибавкой 700 р. асс. (200 р. с.), получавшихся отцомъ за леченіе всего персонала духовной семинаріи, отъ высшаго ея начальства и служащихъ—до послѣдняго семинариста (а семинаристовъ было много и хворали они усердно вслѣдствіе ужасной обстановки жизни большинства). Обычная плата за визитъ не превышала 5 р. асс. (1 р. 43 к. с.); чаще платили „цѣлковый—рубль"; 10 р. асс. считалось очень высокой, завидной платой, столько платили больше за консиліумы. Не забудьте, что при разбросанности города и непроходимой грязи весной и осенью и обилію снѣга зимою—ходить врачу пѣшкомъ было немыслимо: необходимо было имѣть экипажъ. Такъ что, если кто изъ врачей успѣвалъ составить себѣ кое-какое состояніе, то это или путемъ крайняго напряженія силъ, при таковой же бережливости и простотѣ образа жизни, какъ мой отецъ,—или же путемъ взяточничества,—въ области коего особенно хорошіе рессурсы давало свидѣтельствованіе рекрутовъ. Разсказывали, напримѣръ, что рекрутъ, у котораго свидѣтельствующій врачъ, осматривая зубы, находилъ подъ языкомъ „золотой" (полуимперіалъ), обыкновенно оказывался для службы царской непригоднымъ. Понятно, что приходилось подмазывать и прочихъ членовъ-пріемщиковъ, но врача—главнымъ образомъ... Членомъ-врачемъ въ рекрутскомъ присутствіи назначался, кажется, большею частію, инспекторъ врачебной управы [1]).

Итакъ, по роду своихъ занятій, отецъ нашъ могъ заниматься нашимъ ученьемъ только урывками, въ свободныя минуты; иногда выдавался у него и цѣлый свободный день или нездоровилось ему

---

[1]) Случалось мнѣ видѣть парней съ „забритыми" затылками, бѣгущихъ изъ «присутствія» почти голыми, въ безумной радости не чувствуя зимняго холода; случалось видѣть слезы и слышать причитаніе матерей тѣхъ несчастливцевъ, которымъ забрили лбы, въ знакъ ихъ годности, можетъ быть только потому, что у нихъ не оказалось чудодѣйственнаго «золотого».

Вспоминается, кстати, видѣнный мною однажды цѣлый обозъ еврейскихъ ребятишекъ, сваленныхъ въ кучи на телѣгахъ, въ родѣ того, какъ возятъ въ Петербургѣ телятъ. Ихъ везли куда-то, подъ конвоемъ, для приведенія въ православную вѣру, съ назначеніемъ въ кантонисты. Грустныя лица ихъ и теперь еще живы у меня въ памяти.—Изъ кантонистовъ-евреевъ военное начальство получало, кажется, лучшихъ писарей и музыкантовъ.

и онъ сидѣлъ дома. Тогда мы чуть не весь день сидѣли за книжкой, главнымъ образомъ латинской, благодаря тому, что отецъ былъ страстнымъ латинистомъ... Понятіе о регулярныхъ учебныхъ занятіяхъ было у насъ, такимъ образомъ, до того неясно, что сложилось у насъ даже такое представленіе, что въ учебныхъ заведеніяхъ ученики сидятъ цѣлыми днями безъ передышки, приходя домой только пообѣдать. Представленіе это подтверждалось отчасти и тѣмъ, что мы видѣли нашихъ сосѣдей-семинаристовъ то и дѣло, то уходящими въ семинарію, то возвращающимися и опять уходящими— утромъ, въ серединѣ дня и вечеромъ; у нихъ были, должно быть, вечерніе уроки или спѣвки; почему и казалась, что они почти-что только ночуютъ дома, а дни проводятъ въ семинаріи. Не мало поэтому мы были удивлены, узнавъ отъ товарища нашихъ дѣтскихъ игръ, поступившаго въ гимназію, что ученіе продолжается тамъ отъ 9 ч. у. до $2^1/_2$ ч. дня.

Кстати, позволю себѣ представить маленькую характеристику нижегородской духовной семинаріи 40-хъ годовъ. Отецъ, состоя при ней врачемъ, иногда возилъ насъ туда въ классы, чтобы дать намъ понятіе объ ученіи въ учебныхъ заведеніяхъ. Довольно красивое и величественное для „губерніи“ зданіе семинаріи, строенное, помнится, архитекторомъ Леeромъ (отцомъ извѣстнаго впослѣдствіи генерала, начальника академіи генеральнаго штаба), не отличалось внутренними удобствами, начиная съ того, что корридоры были холодные, безъ отопленія, вслѣдствіе чего въ классахъ, несмотря на огромныя печи, царилъ зимою большой холодъ; двери были не двойныя, плохо затворялись и сильно обмерзали отъ испареній многолюдной толпы учениковъ, одѣтыхъ большею частію въ овчинные тулупы. Прибавьте сырость стѣнъ и холодъ отъ оконъ, и станетъ понятно, почему и ученики, и учителя зимою сидѣли въ классахъ въ шубахъ, валенкахъ и галошахъ. Можно себѣ представить, каковъ былъ воздухъ въ классахъ при этихъ условіяхъ! Но въ тѣ времена санитарная часть вообще не много обращала на себя вниманія. А относительно семинаристовъ заботиться о „благораствореніи воздуховъ“ казалось и совсѣмъ лишнимъ; вѣдь и являлись-то они въ семинарію не Богъ-вѣсть изъ какой хорошей обстановки; не имѣвшіе въ городѣ родителей или родныхъ жили большею частію въ очень мизерныхъ помѣщеніяхъ, у разныхъ „хозяекъ“, удешевленія ради по нѣсколько человѣкъ въ комнатѣ, „въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ“, какъ говорится, тутъ же суша свои онучи, валенки, тулупы и прочія принадлежности одѣянія; при чемъ тѣ, что постарше, нерѣдко заражали (очищали по ихъ мнѣнію) воздухъ куреніемъ махорки, если не предпочитали нюханья табаку, услады очень

любимой нашимъ духовнымъ сословіемъ. Все это былъ народъ по преимуществу бѣдный: „великовозрастные“ ученики имѣли иногда уроки, чѣмъ и поддерживали свое существованіе; сколь ни скудна была плата „семинаристу“, нѣкоторые могли жить и одѣваться, не вися бременемъ на родительской шеѣ. Но ученики низшихъ классовъ никакихъ особыхъ ресурсовъ не имѣли, и потому у нихъ сюртукъ, напримѣръ, былъ чуть-что непозволительной роскошью; блузы, пиджаки, пальто тогда еще вовсе не были извѣстны; поэтому преобладающею одеждою семинариста низшихъ классовъ былъ халатъ, въ теплое время обыкновенно пестрядинный, въ которомъ онъ и бѣгалъ, „ничесо-же сумняся“, въ семинарію изъ своихъ логовищъ, зимою надѣвая сверхъ него нагольный или крытый нанкою—тулупъ. Разумѣется, дѣтямъ городского духовенства было во всѣхъ отношеніяхъ лучше, но они тонули въ массѣ сельской бѣдноты.

Обращеніе семинарскаго начальства и учителей (почему-то называемыхъ въ семинаріяхъ профессорами) съ учащимися было самое патріархальное, „отеческое“, какъ я тотчасъ же въ этомъ убѣдился, приведенный отцомъ въ одинъ изъ классовъ, посмотрѣть на семинарское ученіе. Ученики, въ ожиданіи прихода учителя, разумѣется, шумѣли и дурили, какъ водится, вѣроятно, во всѣхъ школахъ на бѣломъ свѣтѣ... Вдругъ влетѣлъ въ классъ инспекторъ, какъ сейчасъ помню, въ енотовой шубѣ въ накидку и, почему-то обрушившись на ученика, сидѣвшаго рядомъ со мной, разругалъ его на славу и угостилъ двумя плюхами. Можетъ быть, это былъ какой-нибудь особенно извѣстный ему озорникъ; но эта расправа нагнала на меня не мало страху. Хотя инспекторъ и зналъ меня въ лицо, но вѣдь чѣмъ чортъ не шутитъ?—онъ могъ, въ пылу азарта, ошибиться и угостить и меня вмѣсто кого-либо изъ другихъ сосѣдей-шалуновъ. Не знаю, было ли ему потомъ стыдно, что онъ, при чужомъ мальчикѣ, учинилъ такую грубую расправу съ ученикомъ, быть можетъ, будущимъ свѣтиломъ церкви... Скорѣе думается, что ничуть: вѣдь тумаки, плюхи, дранье за вихры, за уши, ставленіе на колѣни— просто и на горохъ, въ уголъ, „столбомъ“, оставленіе безъ обѣда и,—наконецъ, періодическое и экстренное дранье розгами были тогда общеупотребительными, ничуть незазорными педагогическими средствами для поощренія къ прилежанію и благонравію и для лучшаго усвоенія наукъ—не въ однихъ только семинаріяхъ духовныхъ. Въ корпусахъ и гимназіяхъ, кажется, только плюхи не были въ употребленіи; а прочая „педагогія“ примѣнялась отчасти еще и во время моего нахожденія въ гимназіи. Въ семинаріяхъ начальство обращалось грубѣе и интенсивнѣе, имѣя дѣло съ контингентомъ учениковъ, состоявшимъ, главнымъ образомъ, изъ неотесанныхъ, отъ

сохи взятыхъ продуктовъ супружеской любви сельскаго духовенства. А сельское духовенство тѣхъ старыхъ временъ стояло на очень низкой степени культурнаго развитія, чаще само опускаясь до уровня крестьянскаго быта, чѣмъ возвышая крестьянство до себя своимъ цивилизующимъ вліяніемъ... Итакъ нечего удивляться, что розга была въ очень большомъ ходу въ семинаріяхъ. Да и гимназіямъ она не была чужда; впрочемъ, за мое пребываніе въ нижегородской гимназіи въ 50-хъ годахъ, помню одинъ только случай ея примѣненія къ очень шаловливому и лѣнивому ученику; но въ инспекторство г-на Сахарова, сдѣланнаго потомъ окружнымъ инспекторомъ (еще до моего поступленія въ гимназію), какъ разсказывали мнѣ товарищи, при немъ учившіеся, всѣ ученики, 7 разъ въ недѣлю записанные учителями въ графу „шалостей“ и „неисправностей“, подвергались сѣченію регулярно по субботамъ, очищаясь такимъ образомъ отъ накопившихся за недѣлю прегрѣшеній.

Тяжело доставалась наука семинаристамъ, при грубомъ обращеніи начальства и учителей, приписывавшихъ плохіе успѣхи больше лѣности учениковъ, чѣмъ своей неспособности и небрежности при отсутствіи большею частію печатныхъ руководствъ (мало впрочемъ и доступныхъ семинаристамъ при ихъ повальной бѣдности); а между тѣмъ сколько вышло изъ нихъ ученыхъ и дѣльныхъ людей, профессоровъ, врачей, пастырей церкви, не говоря уже о такомъ выдающемся государственномъ человѣкѣ, какъ М. М. Сперанскій! Конечно, можетъ быть, что это исключенія, особенно даровитыя натуры... Но сколько же, быть можетъ, забито, стерто въ прахъ, такихъ натуръ грубымъ, жестокимъ обращеніемъ семинарскихъ педагоговъ!

Курсъ ученія въ семинаріяхъ продолжался что-то очень долго: надо было пройти подготовительное училище, потомъ классъ реторики, философіи и богословія каждый, кажется, по 2 года, если не больше. Такъ что оканчивающіе семинарію „богословы“ были уже вполнѣ „великовозрастными“ молодыми людьми, не чуждыми и выпивкѣ, и прочему такому... особенно, тѣ, что сидѣли въ классахъ дольше нормальнаго срока.

Нѣкоторымъ изъ семинаристовъ высшихъ классовъ, какъ я замѣтилъ, удавалось получать „кондиціи“, т. е. уроки, то для подготовки ребятъ въ гимназію, то для репетированія съ гимназистами—по разнымъ предметамъ, а главное, по латинскому языку. Въ математикѣ и чистописаніи семинарія была всегда довольно слаба, а потому для этихъ предметовъ приглашались учителя и репетиторы изъ школы кантонистовъ, такъ случилось и съ нами: по этой части отецъ не считалъ себя компетентнымъ и потому взялъ учителя чистописанія, а потомъ и учителя математики изъ школы кантонистовъ. Самъ же

ограничивался занятіемъ съ нами языками, преимущественно латынью, переводами и задаваніемъ уроковъ изъ прочихъ предметовъ, уроковъ, которые, надо сознаться, готовились нами кое-какъ, въ надеждѣ, что, авось, не скоро придется отвѣчать, благо у отца такъ много дѣла и заботъ о больныхъ, къ которымъ онъ относился чрезвычайно внимательно.

Въ настоящее время слово „кантонистъ“ многимъ, можетъ быть, уже и неизвѣстно, и непонятно. Для поясненія скажу, что это были солдатскія дѣти, обреченныя чуть-ли не на вѣчную службу царю и отечеству, въ качествѣ, главнымъ образомъ, полковыхъ писарей и учителей школъ кантонистовъ.

Въ Нижнемъ существовала такая школа при квартировавшемъ въ немъ 4-мъ „Карабинерномъ“ полку. Лучшіе изъ прошедшихъ эту школу получали званіе унтеръ-офицеровъ и, частію работали въ военныхъ канцеляріяхъ, частію были преподавателями въ этой же школѣ. Прослуживъ, кажется, 25 лѣтъ, они получали первый чинъ (XIV классъ), личное дворянство, офицерскую, безъ эполетъ, похожую на докторскую—форму, шпагу съ темлякомъ и „шляпу съ перомъ“, т. е. трехуголку съ чернымъ султаномъ изъ пѣтушьихъ перьевъ.

Въ школахъ кантонистовъ особенно налегалось на чистописаніе, черченіе и рисованіе; поэтому они и оказывались лучшими учителями чистописанія въ кругу мѣстныхъ обывателей; многія поколѣнія нижегородцевъ были имъ обязаны своими каллиграфическими познаніями... Мѣстная аристократія пользовалась искусствомъ военныхъ писарей также для изготовленія изящныхъ визитныхъ карточекъ, съ красивыми буквами и разными украшеніями, сдѣланными отъ руки, тушью. Надо сказать, что въ 30—40-хъ и даже въ началѣ 50-хъ годовъ прошедшаго столѣтія въ Нижнемъ не было вовсе литографій и только одна типографія—губернская, не отличавшаяся ни шрифтомъ, ни изяществомъ своихъ работъ. Такъ что визитныя карточки и пригласительные билеты, если не заказывались въ Москвѣ, „при оказіи“, то изготовлялись въ школахъ кантонистовъ.

Мудрено сказать, много ли зарабатывали кантонисты и ихъ учителя своими педагогическими и каллиграфическими дарованіями; но конечно не много. Учитель чистописанія получалъ, помнится, у насъ по 1 р. ассигнаціями (28 к. сер.) за урокъ. Это считалось довольно высокой платой; чаще платили по 50 к. асс. Учитель ариѳметики и прочей математики получалъ за 2 или 3 урока въ недѣлю по 25 р. асс. (около 7½ р. сер.) въ мѣсяцъ.

Къ числу искусствъ, въ которыхъ отличались кантонисты, надо отнести еще разрисовываніе пасхальныхъ яицъ, соотвѣтственными праздднику сюжетами, а также выскабливаніе на окрашенныхъ яйцахъ раз-

ныхъ эмблемъ и надписей. А еще было за ними искусство очинивать гусиныя перья для писанія. Гусиное перо было съ незапамятныхъ временъ главнымъ орудіемъ писанія; въ 40-хъ гг. искусство выдѣлки стальныхъ перьевъ было еще въ зачаткѣ: перья были грубы, тверды и едва-ли даже имѣлись въ провинціальныхъ магазинахъ. Для меня хорошо очиненное гусиное перо и до сихъ поръ лучше хорошаго стального. Хотя для чинки перьевъ существовали особыя машинки; но хорошія были дороги и скоро портились; поэтому преобладала ручная очинка и хорошіе чинильщики, кажется, даже ходили періодически къ „господамъ" чинить перья, въ родѣ того, какъ являются часовщики заводить часы.

Какъ ни странно и, пожалуй, безтолково шло наше ученіе, при частыхъ перерывахъ въ правильности занятій, однако кое-чему мы научились; такъ что братъ могъ поступить въ 1849 г. въ Медико-Хирургическую академію, наскоро подготовясь по программѣ (при чемъ впрочемъ вывезло его, главнымъ образомъ, прекрасное знаніе латыни); а я, въ томъ же году поступилъ въ 4-й классъ гимназіи, хотя по годамъ слѣдовало бы мнѣ поступить въ 5-й или даже въ 6-й классъ, но тогдашняя гимназическая программа была настолько обширна, особенно по исторіи, что, употребивъ все лѣто на подготовку, съ помощью жившаго у насъ домашнимъ учителемъ съ 1/2 40-хъ годовъ бывшаго ученика семинаріи, С. П. Модератова, я, по совѣту отца, не нашелъ нужнымъ переутомляться дольше и рѣшился поэтому поступить въ 4-й классъ. Да при томъ же, помнится, и по правиламъ тогдашнимъ, выше этого класса и не принимали. А тутъ я оказался по нѣкоторымъ предметамъ знающимъ больше, чѣмъ требовалось, а по инымъ меньше. Между прочимъ не мало труда и времени употребилъ я съ моимъ наставникомъ на изученіе біографій историческихъ дѣятелей, проходившееся въ 3-мъ классѣ гимназіи, должно быть въ видѣ подготовки къ изученію всеобщей исторіи въ слѣдующихъ 4-хъ классахъ. Для біографій этихъ, при томъ, не было печатнаго руководства и приходилось подбирать ихъ изъ разныхъ учебниковъ. Но при поступленіи моемъ въ гимназію оказалось, что въ томъ самомъ 1849 г. послѣдовала реформа, избавившая 3-й классъ отъ этихъ біографій, уменьшившая также, кажется, и нѣкоторыя другія требованія и раздѣлившая гимназистовъ на готовящихся къ университету и готовящихся къ гражданской службѣ... Замѣчу еще, что русская грамматика тогда почти заканчивалась въ 3-мъ классѣ; для 4-го класса оставалось только ученіе о знакахъ препинанія. Можете себѣ вообразить, какъ много и какъ основательно усваивали себѣ правила отечественнаго языка 10—12-тилѣтніе мальчуганы, да еще по малопонятному руководству Востокова! Въ

3-мъ же классѣ заканчивалась и почти вся географія, съ черченіемъ картъ; въ 4-мъ проходилась уже только географія Россіи; а затѣмъ въ 7-мъ классѣ дѣлалось общее повтореніе всего, основательно забытаго въ теченіе 4-хлѣтія послѣ 3-го класса, какъ и всего пройденнаго, начиная съ 4-го класса.

Дѣленіе гимназистовъ на будущихъ студентовъ и будущихъ чиновниковъ создано было, вѣроятно, ради того, что не всѣ юноши стремились въ университетъ и что нестремящимся туда полезнѣе знать кое-что болѣе нужное въ жизни, чѣмъ латинскій языкъ. Изученіе этого языка и пріурочено было съ 1849 г. къ 4-му и послѣдующимъ классамъ для желающихъ поступить въ университетъ; для группы же будущихъ чиновниковъ и разночинцевъ латинскій языкъ замѣнялся законовѣдѣніемъ. Но такъ какъ сіе послѣднее признано было, должно-быть, не по-плечу четвероклассникамъ, то ихъ занимали въ „латинскіе часы“ усиленными упражненіями въ рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ. Для разночинцевъ, хотя бы и латинистовъ, введено было еще изученіе бухгалтеріи и товаровѣдѣнія, для чего былъ присланъ изъ Петербурга особый учитель (г. Фиксенъ); но, кажется, оно не было обязательнымъ предметомъ. Такимъ образомъ я, значитъ, поступилъ въ гимназію въ самый моментъ проведенія реформы.

Поступленіе мое совершилось очень просто: въ одинъ сентябрьскій день 1849 г. отецъ привезъ меня въ гимназію и представилъ инспектору. Добродушнѣйшій на видъ толстякъ, Егоръ Тимоѳеевичъ Лѣтницкій, брюнетъ съ черными курчавыми волосами и квадратнымъ, изрытымъ оспою лицомъ (за которое, какъ вскорѣ я узналъ, гимназисты звали его „вафельной формой“), повелъ меня изъ класса въ классъ къ разнымъ учителямъ экзаменоваться; а изъ закона Божія, за отсутствіемъ преподавателя, проэкзаменовалъ меня самъ. Все прошло благополучно; но на географіи я чуть не провалился, когда учитель, показавъ мнѣ слѣпую карту Великобританіи, сталъ спрашивать названія городовъ и рѣкъ; но, кое-какъ, дѣло обошлось. Конечно, отлично вывезла бы меня латынь, но изъ нея мнѣ не пришлось экзаменоваться, такъ какъ, по совѣту директора Іасона Петровича Евтропова, узнавшаго, что языкъ этотъ я знаю хорошо, я поступилъ на отдѣленіе готовящихся къ гражданской службѣ, имѣя въ виду сдать латинскій экзаменъ при поступленіи въ университетъ. По сдачѣ экзаменовъ меня привели къ директору, который принялъ меня ласково и внушилъ главное хорошо себя вести, сказавъ банальную фразу: „qui proficit in litteris, sed deficit in moribus, plus deficit, quam proficit“ и заставивъ меня ее перевести по-русски.

Кстати напомню, что въ тѣ времена 3-й классъ гимназій былъ

для нѣкоторыхъ какимъ-то камнемъ преткновенія, можетъ быть вслѣдствіе трудности для дѣтскаго пониманія всего того, что въ немъ преподавалось; въ немъ иные застрѣвали по нѣсколько лѣтъ, благо тогда максимальныхъ сроковъ пребыванія въ одномъ классѣ, кажется, не было. Такіе неудачники оставляли гимназію и опредѣлялись къ „гражданскимъ дѣламъ“ или поступали въ юнкера—званіе, особенно любимое въ старое время всѣми неудачниками учебныхъ заведеній и маменькиными сынками домашняго воспитанія. Если юнкеру удавалось одолѣть экзаменъ на офицера, то онъ выходилъ въ люди; если нѣтъ, то опредѣлялся въ какое-нибудь присутственное мѣсто; а дѣти помѣщиковъ удалялись въ свои деревни и предавались излюбленному помѣщичьему занятію—псовой охотѣ.

Помню одного юношу, который не смогъ добраться даже до 3-го класса: просидѣвъ 2 года въ 1-мъ классѣ и 5 лѣтъ во 2-мъ, онъ оставилъ гимназію и поступилъ куда-то на службу, благо отбылъ тогдашній обязательный 7-лѣтній курсъ гимназіи.

Хотя, по тогдашней платѣ за право ученія, 5 р. с. въ годъ, долговременное пребываніе въ гимназіи и не было особенно разорительно для родителей учащихся, но все-таки долгое безуспѣшное пребываніе ихъ дѣтей въ школѣ не могло быть имъ особенно пріятно и, какъ люди большею частію, средняго рода, изъ мелкихъ чиновниковъ, мѣщанъ и купечества, иные довольствовались и тремя или четырьмя годами ученія, а затѣмъ опредѣляли своихъ дѣтей, кто на казенную службу, кто по коммерческой части въ лавки и магазины.

Въ противоположность неудачникамъ были и такіе юноши, что стремились въ университеты, вопреки желанію родителей поскорѣе опредѣлить ихъ на службу государственную или частную. Такимъ приходилось сдавать, при поступленіи въ университеты, дополнительно экзаменъ изъ латинскаго языка.

И вотъ я гимназистъ—„красная говядина“, какъ дразнили насъ, гимназистовъ, уличные мальчишки за наши красные воротники и околыши. Нельзя не сказать, что гимназическая форма была очень несимпатична и неудобна: темнозеленый двубортный сюртукъ съ краснымъ стоячимъ воротникомъ и бѣлыми пуговицами съ губернскимъ гербомъ и съ подписью „нижегородской“ (или другой, смотря по губерніи); мундиръ съ хвостикомъ однобортный съ краснымъ же воротникомъ, украшеннымъ петлицами изъ серебрянаго галуна; головной уборъ—фуражка съ краснымъ околышемъ и кантомъ; верхняя одежда—николаевская сѣрая шинель съ краснымъ же стоячимъ воротникомъ и рядомъ пуговицъ на правомъ борту. Военнаго покроя пальто тогда еще не были изобрѣтены; они появились уже послѣ крымской войны. Относительно верхней теплой одежды, начальство

не было придирчиво и допускало разныя отступленія, во вниманіи къ средствамъ учениковъ.

Полагалось быть всегда застегнутымъ на всѣ пуговицы и крючки. Особенно допекали воротники, которые были не скошенные, какъ впослѣдствіи, а прямые и застегивались на 3 или 4 крючка; особенно мучило это застегиванье новичковъ, пока шея не привыкнетъ къ постоянному тренію о жесткій картонъ воротника. За соблюденіемъ формы начальство смотрѣло строго; а осмѣливавшихся внѣ гимназіи надѣвать статское платье или рядиться на святкахъ имѣло на худомъ счету. Помню, какъ гимназисту 7-го класса, старшему брату извѣстнаго впослѣдствіи статистика Гацисскаго, одѣвшемуся на масленицѣ кучеромъ и катавшему въ этомъ видѣ свою семью на тройкѣ, директоръ счелъ нужнымъ сдѣлать выговоръ при полномъ собраніи учениковъ. Мнѣ за „партикулярное" платье не разъ доставалось отъ инспектора; но переносить его выговоры и угрозы сбавить баллы изъ „поведенія" было мнѣ легче, чѣмъ подвергаться постояннымъ преслѣдованіямъ и насмѣшкамъ уличныхъ мальчишекъ, которые какъ-то особенно были назойливы въ той мѣстности, гдѣ я жилъ съ родителями.

Впослѣдствіи, кажется въ началѣ 60-хъ годовъ, неудобная и отвратительная форма была замѣнена сюртуками синяго цвѣта, съ отложными воротниками; но нѣсколько лѣтъ спустя, воротники сдѣланы опять стоячими скошенными и обшиты галуномъ; должно быть, что отложные воротники, да еще безъ галуна, оказались мало способствующими преуспѣянію классицизма, въ то время усердно насаждавшагося въ гимназіяхъ. Впрочемъ, перемѣны въ покроѣ форменныхъ одѣяній и снабженіе ихъ разными внѣшними признаками, „отличками, выпушками, петличками" — явленіе у насъ всеобщее, во всѣхъ отрасляхъ службы и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ числа учебныхъ заведеній остались нетронутыми, по части „формы", со времени введенія полукафтановъ вмѣсто мундировъ съ хвостиками при Александрѣ II, кажется, только Александровскій лицей, да Училище Правовѣдѣнія.

Ясно всѣмъ, кромѣ тѣхъ только, можетъ быть, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что не та или другая форма, не цвѣтъ выпушекъ и брюкъ, не наплечные и иные знаки, не кокарды, ни прочіе разные атрибуты способствуютъ успѣхамъ ученія и усвоенію учащимися преподаваемыхъ имъ наукъ, а что содѣйствуетъ этому нѣчто другое, въ родѣ, напримѣръ, любви преподавателей къ своимъ предметамъ, умѣнія заинтересовать ими своихъ учениковъ, внѣдрить въ нихъ убѣжденія въ пользѣ знанія для жизни, а не для сдачи только экзаменовъ и полученія дипломовъ. Безъ этой любви преподавателей къ

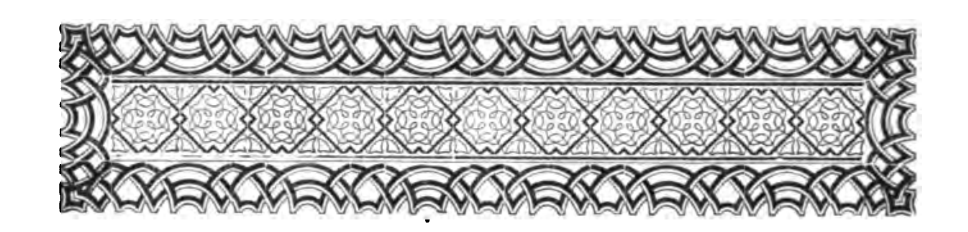
своему дѣлу, безъ любви къ учащейся молодежи всѣ эти педагогики, методики, дидактики ровно ничего не значатъ. Въ каждомъ заведеніи, въ каждомъ классѣ даже — составъ учениковъ мѣняется; ихъ характеры, способности, степень подготовки и развитія, приносимыя ими въ заведеніе, чрезвычайно различны. Чуть не для каждаго ученика требуются отъ преподавателя особые педагогическіе пріемы; а руководства къ педагогикѣ, методикѣ и дидактикѣ, мало обращая на это вниманія, даютъ для всѣхъ почти одни и тѣ же шаблоны.

Въ старину педагоги дѣйствовали на учащихся болѣе простыми способами: всякая неисправность ученика, не могущаго представить законной причины, считалась результатомъ лѣности; а для искорененія сей послѣдней лучшимъ цѣлительнымъ средствомъ считалась розга. Универсальное это средство восхвалялось даже въ особыхъ педагогическихъ стихотвореніяхъ... Словомъ, вполнѣ слѣдовали принципу, что „за битаго двухъ небитыхъ даютъ“. Грубо, пошло это было; но таковы были времена, таковы понятія, таковы нравы... Отошли эти порядки въ область исторіи, сдѣлались преданіемъ, которому даже не всѣ, пожалуй, повѣрятъ. Новая педагогія, проникнутая гуманностью, ввела много хорошаго; а толку отъ всѣхъ ея тонкостей прибавилось мало. И лучше ли стоитъ дѣло ученія въ гимназіяхъ теперь, чѣмъ шло раньше, сказать трудно... За время моего свыше 40-лѣтняго профессорства прошла черезъ мои руки не одна тысяча студентовъ,—въ большинствѣ питомцевъ разныхъ гимназій, со всѣхъ концовъ Россіи и, положа руку на сердце, я не могу сказать, чтобъ очень замѣтно было повышеніе уровня познаній и умственнаго развитія гимназистовъ—сравнительно съ старыми временами. Все также большинство юношей, прошедшихъ 8 классовъ гимназіи,—вмѣсто прежнихъ семи нашего времени,—оказывается мало подготовленнымъ къ университету, плоховато знающимъ гимназическій курсъ, съ очень и очень плохимъ знаніемъ языковъ (исключеніе—поляки, б. ч. порядочно знающіе французскій языкъ, да евреи—нѣмецкій),—мало развитымъ для усвоенія университетской науки, а главное—*мало прилежнымъ*. Вся забота, всѣми неправдами, сдать экзамены и получить дипломъ, а тамъ хоть трава не рости. Дипломъ, такъ сказать, открываетъ ворота въ область службы и общественной жизни; а съ какими познаніями проходитъ молодой человѣкъ въ эти ворота—на это отвѣтомъ служатъ раздающіяся отовсюду сѣтованія, что у насъ „людей нѣтъ“.

В. Лебедевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Амвросій Орнатскій

епископъ Пензенскій и Саратовскій [1]).

Къ портрету.

Въ декабрѣ минувшаго 1906 года исполнилось 80 лѣтъ со времени смерти одного изъ извѣстнѣйшихъ іерарховъ русской церкви въ первой четверти минувшаго столѣтія, Амвросія Орнатскаго.

Преосвященный Амвросій пользовался уваженіемъ своихъ знаменитыхъ современниковъ: Филарета Дроздова, митрополита Московскаго († 19 ноября 1867 г.) и Евгенія Болховитинова († 1837 г. 23 февраля) митрополита Кіевскаго и съ послѣднимъ изъ нихъ былъ особенно близокъ, раздѣляя его ученые труды по церковной іерархіи. Но главнѣйшій трудъ епископа Амвросія, это — „*Исторія россійской іерархіи*“, составленіемъ которой онъ былъ занятъ около 12 лѣтъ. За это сочиненіе преосвященный Амвросій былъ избранъ почетнымъ членомъ императорскаго московскаго общества исторіи и древностей.

Кромѣ своихъ ученыхъ трудовъ, преосвященный Амвросій былъ извѣстенъ какъ одинъ изъ замѣчательныхъ проповѣдниковъ своего времени и, при томъ такихъ проповѣдниковъ, которые, для своихъ поученій, брали темы изъ окружающей слушателей жизни, изъ общественныхъ интересовъ и изъ выдающихся современныхъ событій.

---

[1]) *Пензенская епархія* учреждена 16 октября 1799 года подъ именемъ Саратовской и Пензенской (съ каѳедрою въ Саратовѣ). Съ 1803 года ея епископы стали именоваться Пензенскими и Саратовскими (съ каѳедрою въ Пензѣ), а съ 1828 года, со времени учрежденія отдѣльной Саратовской епархіи, именуются Пензенскими и Саратовскими.

Оставивъ схоластическую форму проповѣди, онъ говорилъ понятнымъ для народа языкомъ и, неудивительно поэтому, что увлекалъ слушателей. Нерѣдко его проповѣдь имѣла и обличительный характеръ; онъ громилъ пороки и недостатки, относясь строго къ жизни своей паствы.

Наконецъ, епископъ Амвросій былъ извѣстенъ своей суровой, даже аскетической жизнью и, вслѣдствіе этого, пользовался глубокимъ уваженіемъ народа; Пенза смотрѣла на своего архипастыря, какъ на подвижника и безсребреника, раздававшаго все, что онъ имѣлъ, нуждающимся и обездоленнымъ.

Вотъ краткія біографическія данныя о епископѣ Амвросіи Орнатскомъ.

Епископъ Амвросій родился 27 ноября 1778 года въ Новгородской губерніи, близъ г. Кирилова, въ погостѣ Чудскомъ, и въ мірѣ назывался Андреемъ Антиповичемъ [1]). Отецъ его былъ причетникомъ въ этомъ погостѣ.

Первоначальное образованіе преосвященный Амвросій получилъ въ Кирилловскомъ духовномъ училищѣ, а съ 1792 по 1800 г. учился въ Александро-Невской семинаріи. Окончивъ курсъ въ 1800 г., Амвросій получилъ мѣсто учителя Новгородской семинаріи; въ 1804 г. былъ назначенъ ея префектомъ и, вслѣдъ за тѣмъ, принялъ монашество съ именемъ Амвросія [2]). Въ 1808 году 30-ти лѣтній Амвросій получилъ мѣсто ректора этой же семинаріи и настоятеля Антоніева монастыря и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ возведенъ въ санъ архимандрита. Съ 1811 года онъ былъ настоятелемъ Юрьева монастыря, а съ 1812—московскаго Новоспасскаго монастыря; 12 марта 1816 г. Амвросій былъ возведенъ въ санъ епископа Старорусскаго, викарія Новгородской епархіи и отсюда, 9 декабря 1819 г., назначенъ епи-

---

[1]) *„Орнатскимъ“*—преосвященный Амвросій былъ названъ при поступленіи въ духовное училище. Прежде, какъ извѣстно, смотрители и префекты духовно-учебныхъ заведеній давали учащимся произвольно фамиліи, принимая во вниманіе или наружность учащихся, или ихъ внутреннія качества, или же называли ихъ по мѣсту рожденія, или по приходскимъ храмамъ и праздникамъ; такъ произошли—Миловидовы, Гонорскіе, Сладкопѣвцевы, Бѣлокуровы, Чернявскіе, Добронравины, Благонравовы, Спасскіе, Троицкіе, Никольскіе, Крестовоздвиженскіе, Предтеченскіе и т. п. Фамилія преосвященнаго Амвросія, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ латинскаго—„Ornatus“ — украшенный.

[2]) Въ честь тогдашняго Новгородскаго и С.-Петербургскаго митрополита Амвросія Подобѣдова (былъ митрополитомъ съ 1808 по 1818 г. 6 апрѣля 1818 г. ушелъ на покой въ Золотниковскій монастырь и тамъ скончался 21 мая того же года).

скопомъ Пензенскимъ и Саратовскимъ. Пензенскую каѳедру преосвященный Амвросій занималъ до декабря 1825 года, когда по прошенію былъ уволенъ на покой. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ и тамъ скончался 26 декабря 1827 года [1]).

Самостоятельнымъ епископомъ преосвященный Амвросій былъ только 6 лѣтъ.

Онъ всегда тяготился своимъ положеніемъ, чувствуя съ ранней молодости призваніе къ строго-монашеской аскетической жизни. Между тѣмъ, епархіальныя дѣла, объѣзды церквей, столкновенія съ свѣтскими властями, приведеніе въ порядокъ запущенныхъ дѣлъ консисторіи, разрѣшеніе споровъ и ссоръ духовенства,—все это погружало его въ мірскую жизнь, полную тревогъ и волненій и, по временамъ, вызывало въ немъ раздраженіе, выражавшееся въ оригинальныхъ поступкахъ и рѣзкихъ желчныхъ словахъ, о которыхъ такъ долго и такъ много вспоминали жители Пензы. Въ статьѣ г. Жмакина („Русская Старина", 1883 г. 7 книга) приведено нѣсколько разсказовъ объ епископѣ Амвросіи и, между прочимъ, о столкновеніи его съ гражданскою и военною властью, особенно обострившемся во время пріѣзда въ Пензу императора Александра I (въ августѣ 1824 года). Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ не выдерживаютъ строгой критики, а другіе приписываются жителями Пензы преемнику епископа Амвросія на пензенской каѳедрѣ, извѣстному епископу Иринею Нестеровичу (съ 1826—1830), впослѣдствіи архіепископу Иркутскому, также въ высшей степени оригинальной и эксцентричной личности.

Намъ также довелось слышать одинъ разсказъ пензенскаго старожила, который, въ свою очередь, слышалъ его отъ своего отца, объ епископѣ Амвросіи.

Въ одинъ изъ постныхъ дней, въ среду или въ пятницу, преосвященный Амвросій былъ на званомъ обѣдѣ у губернатора, того самаго, съ которымъ имѣлъ непріятности передъ пріѣздомъ въ Пензу императора Александра І-го. Подали на столъ, какъ разсказывали въ Пензѣ, между прочимъ, ветчину подъ какимъ-то пикантнымъ соусомъ. Для архіерея и прочихъ духовныхъ лицъ, также приглашенныхъ къ обѣду, былъ изготовленъ постный столъ.

Губернаторъ, отличавшійся вообще тупоуміемъ и недалекостью, обратился къ архіерею и, указывая на блюдо съ ветчиной, сказалъ:

---

[1]) См. „Списки архіереевъ и архіерейскихъ каѳедръ со времени учрежденія Св. Правит. Синода" (1721—1871). Составилъ Юрій Толстой, С.-Петербургъ, 1872 г.

— Преосвященнѣйшій, пріимите и ядите!

Амвросій вскинулъ на него свои чудные, черные глубоко впавшіе глаза, и проговорилъ важно, медленно и съ разстановкой, какъ онъ говорилъ всегда:

— Продолжайте, ваше превосходительство.

Губернаторъ не понялъ, вопросительно смотрѣлъ на Амвросія.

— Продолжайте, я говорю,—уже сурово повторилъ Амвросій,—продолжайте то, что слѣдуетъ послѣ этихъ словъ.

Наступило томительное молчаніе; губернаторъ, все-таки не понимая, изумленно смотрѣлъ на гостей.

Амвросій молча всталъ изъ-за стола и сейчасъ же уѣхалъ изъ губернаторскаго дома.

Весьма возможно, что и этотъ разсказъ, подобно нѣкоторымъ другимъ, недостовѣренъ и маловѣроятенъ, начиная съ ветчины, поданной па званомъ обѣдѣ, и оканчивая тѣми словами, съ которыми обратился губернаторъ къ преосвященному Амвросію, суровому и „грозному владыкѣ", какъ его называли въ Пензѣ.

Въ Пензѣ, какъ и вездѣ, преосвященный Амвросій велъ жизнь простого монаха и ни съ кѣмъ изъ пензенскаго общества не сближался, посвятивъ себя всецѣло епархіальнымъ дѣламъ и аскетическимъ подвигамъ. Но еще ярче выразились его аскетизмъ и любовь къ уединенію тогда, когда онъ, оставя епархію, поселился на покоѣ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. Зимою, 1825 года, въ простыхъ деревенскихъ пошевняхъ, въ нагольномъ тулупѣ, надѣтомъ поверхъ монашеской одежды, въ лаптяхъ и въ теплой шапкѣ „съ ушами", преосвященный Амвросій отправился въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, раздавъ въ Пензѣ все, что имѣлъ, кромѣ книгъ.

Въ монастырѣ онъ затворился въ одной комнатѣ, почти никого не принималъ къ себѣ и самъ нигдѣ не бывалъ.

Онъ скончался 26 декабря 1826 года.

Заслуга епископа Амвросія, какъ выше замѣчено, заключается въ составленіи исторіи россійской іерархіи. Этому труду преосвященный Амвросій посвятилъ лучшіе годы своей жизни и только съ назначеніемъ на пензенскую каѳедру оставилъ свои ученыя изслѣдованія, не находя для нихъ досуга.

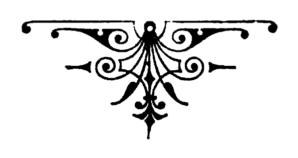
„Исторія россійской іерархіи" епископа Амвросія и до сихъ поръ служитъ важнымъ пособіемъ для всякаго, занимающагося исторіей русской церкви. Этимъ сочиненіемъ пользовался и Юрій Толстой, составившій „списки архіереевъ и архіерейскихъ каѳедръ со времени учрежденія Св. Синода".

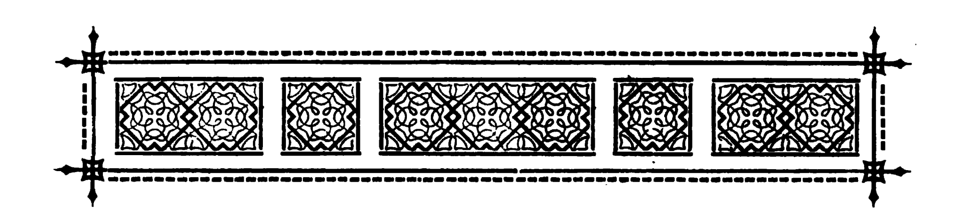
„Исторія россійской іерархіи" заключается въ 6 томахъ. Первый томъ ея былъ напечатанъ въ 1807 г. и посвященъ тогдашнему Новгородскому и С.-Петербургскому митрополиту Амвросію (Подобѣдову), второй томъ вышелъ въ 1810 г., третій въ 1812 г., четвертый въ 1814, пятый и шестой въ 1816 г. Въ первомъ томѣ заключается краткая исторія епархій и приведенъ списокъ всѣхъ іерарховъ по епархіямъ, а всѣ послѣдующіе томы заполнены описаніемъ монастырей въ алфавитномъ порядкѣ.

Главнымъ двигателемъ въ составленіи исторіи россійской іерархіи былъ Кіевскій митрополитъ Евгеній Болховитиновъ. Сближеніе епископа Амвросія съ митрополитомъ Евгеніемъ относится къ тому времени, когда первый изъ нихъ былъ префектомъ новгородской семинаріи, а второй—епископомъ Старо-Русскимъ (съ 1804—1808 г.). Въ Новгородѣ они общими силами собирали матеріалъ для исторіи іерархіи, но приведеніе его въ порядокъ и систему и вообще—подготовленіе къ изданію, принадлежало всецѣло епископу Амвросію; когда митрополитъ Евгеній былъ переведенъ въ Вологду (съ 1808—1813 г.), а потомъ въ Калугу (съ 1813—1816 г.), онъ пересылалъ весь собираемый имъ матеріалъ епископу Амвросію, который подготовлялъ его къ изданію, дополняя свѣдѣніями, получаемыми отъ разныхъ лицъ.

Второе изданіе перваго тома исторіи россійской іерархіи вышло безъ всякихъ перемѣнъ и исправленій, хотя въ немъ и были неточности, и только третье изданіе, вышедшее въ 1822 году, было исправлено и дополнено уже митрополитомъ Евгеніемъ, такъ какъ преосвященный Амвросій, получивъ самостоятельную каѳедру, не имѣлъ досуга продолжать свои ученые труды.

А. Н. Сергѣевъ.

Воспоминанія изъ жизни на Амурѣ [1]).

Къ пятидесятилѣтію Амурскаго Края.

(*Окончаніе*).

VII.

Въ 1877 году началась турецкая война.

Для защиты нашего Тихоокеанскаго побережья мобилизировали въ Посіетъ уссурійскій казачій баталіонъ. Изъ хабаровскаго артиллерійскаго склада отправили пушки, но онѣ застряли по дорогѣ въ снѣгахъ и ихъ должны были откапывать; войска же благополучно дошли до мѣста своего назначенія, испытавши за далекія путешествія не мало всякихъ невзгодъ.

Ожидали разрыва съ Англіей, но, слава Богу, этого несчастія не случилось.

Амурцы боялись войны и готовы были вѣрить даже самому невѣроятному.

Въ Николаевскѣ—одинъ молодой офицеръ Ш., зная привычку своего знакомаго О. читать оставленныя на столѣ бумаги и письма, стеръ текстъ только-что полученной изъ Владивостока—частной телеграммы и, написавъ на ней: „двадцать англійскихъ судовъ направляются въ Николаевскъ“, оставилъ ее на письменномъ столѣ въ ожиданіи прихода любознательнаго знакомаго. О., у котораго было очень хорошее зрѣніе, разговаривая съ хозяиномъ, увидѣлъ телеграмму, прочиталъ ее и, недолго думая, побѣжалъ къ начальнику штаба сообщить о предстоящей опасности. Тотъ былъ очень удивленъ и сказалъ, что ему ничего подобнаго неизвѣстно. Тогда О. отправился на телеграфную станцію выпытывать у телеграфистовъ, дѣйствительно ли Ш. получилъ телеграмму изъ Владивостока съ извѣстіемъ о приближеніи къ Николаевску англійскихъ судовъ.

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г., мартъ.

Телеграфисты сказали, что Ш. дѣйствительно получилъ сегодня телеграмму изъ Владивостока, но сообщить ея содержаніе отказались. Страшное извѣстіе какимъ-то образомъ распространилось по всему городу и нагнало на всѣхъ такую панику, что многіе стали укладывать вещи и увозить ихъ въ лѣсъ. Между прочимъ, одинъ интендантскій чиновникъ, упаковывая дорогое зеркало, разбилъ его и съ тѣхъ поръ возненавидѣлъ Ш. на всю жизнь.

Чтобъ успокоить напугавшихся обывателей, начальникъ штаба пригласилъ къ себѣ Ш. и спросилъ его, дѣйствительно ли онъ получилъ телеграмму, которая взволновала весь городъ. Ш. пресерьезно отвѣтилъ, что ничего подобнаго не получалъ и крайне удивленъ, кѣмъ распространяются подобные, нелѣпые слухи. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Какъ только началась война, хабаровцы собрали деньги на агентскія телеграммы, получали ихъ ежедневно и съ интересомъ слѣдили за ходомъ военныхъ дѣйствій. У всѣхъ появились карты; въ военной средѣ шли разсужденія и предположенія, но критиковъ за дальностью разстоянія было немного. Мѣстные инженеры отошли на второй планъ; окраина жила одной жизнью со всей Россіей до окончанія войны и изъ того времени я помню только два печальныхъ факта.

Лѣтомъ 1888 года уѣхалъ въ Европейскую Россію нашъ другъ докторъ Лекгеръ. Вспоминать грустное тяжело, а потому скажу только, что все общество провожало его, многіе плакали, да и самъ онъ былъ очень взволнованъ. Съ его отъѣздомъ Хабаровка теряла не только хорошаго врача, но и незамѣнимаго члена общества. Онъ бывалъ рѣшительно у всѣхъ, ко всѣмъ относился съ одинаковой теплотой, устранялъ возникавшія недоразумѣнія, умиротворялъ всѣхъ и былъ связующимъ звеномъ общества.

Этотъ человѣкъ, уже давно сошедшій въ могилу, жилъ точно для того, чтобъ доказать, какое важное значеніе можетъ имѣть единичная личность. Побольше такихъ людей и жить станетъ легче!

Въ то же лѣто моя подруга, Люба, проѣзжая съ маленькимъ ребенкомъ изъ Никольска въ Европейскую Россію, остановилась у меня отдохнуть. Она мечтала о томъ, какъ мужъ ея по окончаніи амурской службы вернется въ столицу и какъ хорошо они заживутъ. Смотрѣть на ея блестѣвшіе глаза, на горѣвшія чахоточнымъ румянцемъ впалыя щеки и слушать всевозможные радужные планы было невыносимо.

Прощаясь съ ней, я знала, что никогда ея не увижу. Тяжелая жизнь амурскихъ піонеровъ оказалась не подъ силу нѣжному организму Любы. Она скончалась отъ чахотки въ Петербургѣ въ томъ же году.

Послѣ турецкой войны правительство повидимому нашло нужнымъ обратить вниманіе на Приамурскій край.

Въ 1879 году ассигновались суммы на проведеніе перваго колеснаго пути отъ Владивостока до Раздольнаго, на сооруженіе разныхъ воинскихъ зданій въ Приморской области, на укрѣпленія Владивостока, начатыя въ годъ турецкой кампаніи, и на постройку для линейнаго баталіона во Владивостокѣ первыхъ въ краѣ кирпичныхъ казармъ. Постройка ихъ велась подъ наблюденіемъ мужа, который съ первымъ пароходомъ уѣхалъ во Владивостокъ, куда вмѣстѣ съ нимъ отправились мастеровые китайцы, оставшіеся въ Хабаровкѣ по истеченіи контрактнаго срока.

Такъ какъ мужу предстояло провести во Владивостокѣ почти полгода, то я рѣшила поѣхать туда съ ребенкомъ мѣсяца на три. Лѣто стояло жаркое, сидѣть въ каютѣ не было возможности, и мы цѣлые дни проводили на палубѣ.

Берега Уссури, поросшіе лѣсомъ, мѣстами очень красивы и напоминаютъ берега Рейна, съ той только разницей, что на Рейнѣ нѣтъ ни клочка необработанной земли, а Уссури представляла изъ себя почти пустыню. Нѣкоторыя станицы — уже опустѣли, потому что обитатели ихъ переселились на болѣе удобныя мѣста; оставшіяся имѣли менѣе запущенный видъ, благодаря тому, что въ послѣдніе годы былъ хорошій урожай, да и заработокъ населенія нѣсколько увеличился, вслѣдствіе постепеннаго развитія края.

Миріады слѣпней и комаровъ отравляли путешествіе; когда пароходъ останавливался грузить дрова, выйти на берегъ или сидѣть на палубѣ было положительно невозможно; приходилось спускаться въ каюту и ждать, пока пароходъ не отойдетъ отъ берега; на ходу гнусъ не такъ безпокоилъ.

Сунгача была такъ же пустынна, какъ семь лѣтъ тому назадъ, когда мужъ впервые проѣзжалъ по ней; только черепахи, точно блины, лежали на берегу и грѣлись на солнцѣ. Когда изъ Сунгачи мы входили въ Ханко, было совершенно тихо и качки не предвидѣлось, но часа черезъ два поднялся вѣтеръ, озеро взволновалось, началась качка, иллюминаторы закрыли пробками, волны заливали палубу и буфетъ. Я спустилась въ каюту, легла на диванѣ и, признаюсь откровенно, пожелала отъ всей души, чтобъ кто-нибудь изъ инспектировавшихъ генераловъ, а еще лучше самъ генералъ-губернаторъ потерпѣлъ аварію. Тогда ужъ навѣрно заставили бы „Товарищество“ завести килевые пароходы на озерѣ. Часа черезъ два буря стихла, и мы подошли къ посту „Камень Рыболова“, который показался мнѣ чрезвычайно угрюмымъ.

Отъ Рыболова до Раздольнаго приходилось проѣхать верстъ девяносто на лошадяхъ въ открытыхъ, четырехколесныхъ, маленькихъ экипажахъ, безъ спинки. Несмотря на то, что я уже тысячи верстъ

проѣхала на лошадяхъ, но сидѣть нѣсколько часовъ прямо, не прислонившись ни къ чему, было утомительно даже и для меня. Хорошо еще, что не было дождя, а то бы мы промокли до костей и не обсохли до самаго Владивостока.

Генералы этихъ неудобствъ не испытывали, потому что ихъ возили въ хорошихъ, крытыхъ тарантасахъ частныхъ лицъ. За семь лѣтъ своего существованія Владивостокъ очень измѣнился: на берегу моря на красивомъ мѣстѣ стоялъ домъ военнаго губернатора; въ городѣ было уже много казенныхъ зданій морского вѣдомства и частныхъ домовъ. Морское вѣдомство выдавало ссуды тѣмъ изъ служащихъ, которые желали устроить для себя помѣщеніе, и морская слободка быстро застроилась деревянными домиками, въ которыхъ моряки жили уютно, безбѣдно и очень весело.

Во Владивостокѣ было два учебныхъ заведенія: гимназія для мальчиковъ и школа для дѣвочекъ, которую называли почему-то институтомъ, хотя программа въ ней была не больше, чѣмъ въ прогимназіяхъ, а иностранные языки совсѣмъ не преподавались.

Общество (преимущественно морское) было довольно большое, кромѣ того во Владивостокъ часто приходили иностранныя эскадры и вносили оживленіе и разнообразіе въ мѣстную жизнь.

При мнѣ въ разное время приходило четыре эскадры: нѣмецкая, англійская, американская и японская; на послѣдней уже тогда вся команда отъ командира до послѣдняго матроса состояла изъ японцевъ.

Войдя въ бухту, иностранныя суда салютовали, и музыка играла русскій гимнъ; русскіе отвѣчали салютомъ и исполняли національный гимнъ гостей.

Затѣмъ съ иностранныхъ судовъ спускались катера и шлюпки: адмиралы обмѣнивались визитами; устраивались обѣды у губернатора, въ морскомъ собраніи, и на пришедшихъ эскадрахъ. По бухтѣ то и дѣло сновали катера.

Мы жили въ маленькомъ казенномъ домикѣ, расположенномъ на горѣ, съ которой виденъ былъ весь рейдъ.

Погода стояла чудная, безъ дождей и обычныхъ во Владивостокѣ тумановъ.

По вечерамъ мы съ наслажденіемъ сидѣли на верандѣ и слушали музыку на судахъ и пѣніе матросовъ, иногда катались по бухтѣ и посѣщали знакомыхъ.

Почти каждый день къ намъ приходили, пріѣхавшіе изъ европейской Россіи, инженеры и офицеры, и вели безконечныя разсужденія о работахъ по укрѣпленію Владивостока. Въ нашемъ домѣ постоянно говорили о дѣлахъ, и за семь лѣтъ жизни на Амурѣ я до

того къ этому привыкла, что дѣловые разговоры находила самыми интересными и слушала ихъ съ удовольствіемъ.

Помню, всѣ инженеры признавали необходимымъ создать изъ Владивостока первоклассную крѣпость, но находили, что укрѣпленіе его дѣло очень трудное и потребуетъ такихъ огромныхъ затратъ, на которыя въ тѣ времена разсчитывать было немыслимо.

Постройка казармъ китайскими и японскими рабочими артелями подвигалась быстро.

Мужъ остался во Владивостокѣ до конца сентября, чтобъ готовыя казармы передать войскамъ, а меня съ ребенкомъ отправилъ въ Хабаровку 15 сентября. На пароходѣ, выходившемъ изъ „Камень-Рыболова", всѣ каюты были переполнены пассажирами, и билетовъ больше не выдали. На наше счастіе пароходнымъ прикащикомъ оказался мой старый, хабаровскій знакомый. Онъ уступилъ намъ свою маленькую каютку, устроенную надъ колесомъ, въ которой было такъ холодно, что мы принуждены были все время держать на столѣ кипящій самоваръ.

Въ Хабаровку пришли мы рано утромъ; сходя съ парохода, я замѣтила на колесѣ ледяныя сосульки. Нужно сказать, что въ семь лѣтъ климатъ Хабаровки очень измѣнился: въ 1872—73 гг. въ мартѣ мѣсяцѣ уже выставлялись рамы, и дамы ходили по улицѣ въ ситцевыхъ платьяхъ, въ концѣ апрѣля садили въ огородахъ; лѣта были жаркія, а осень теплая и продолжительная; но затѣмъ съ каждымъ годомъ становилось все холоднѣе и холоднѣе. Жители объясняли это вырубкой лѣсовъ.

VIII.

Осенью 1879 года пришло извѣстіе, что весною изъ Николаевска переводится въ Хабаровку областное правленіе, село переименовывается въ городъ и будетъ резиденціей губернатора Приморской области.

Губернаторомъ назначенъ генералъ-маіоръ Михаилъ Павловичъ Тихменевъ, который зналъ и любилъ край, такъ какъ еще задолго до нашего пріѣзда на Амуръ служилъ въ Николаевскѣ начальникомъ штаба. Тихменевъ оставилъ по себѣ добрую память, тѣмъ не менѣе демократы Хабаровки, привыкшіе жить безъ высшаго начальства, съ неудовольствіемъ ожидали появленія въ своемъ кругу генерала. Дамы рѣшили не дѣлать первыми визита губернаторшѣ, находя это заискиваніемъ. Дома для губернатора не было, а потому предполагалось помѣстить его въ домѣ начальника дистанціи, а его перевести въ другое казенное зданіе, но губернаторъ телеграфировалъ изъ Петербурга, что онъ не желаетъ никого безпокоить и проситъ приготовить ему квартиру въ домѣ инженернаго управленія.

Зданіе это не было приспособлено для частной квартиры, а потому въ немъ пришлось кое-что измѣнить, поставить перегородки и отремонтировать.

Наконецъ, въ одинъ свѣтлый, осенній день пріѣхалъ губернаторъ съ женой и тремя сыновьями, подростками; при нихъ былъ французъ-гувернеръ и русскій учитель, молодой человѣкъ, только-что кончившій петербургскій университетъ. На другой же день губернаторъ съ женой сдѣлали визиты почти всему городу и очень понравились хабаровцамъ простотой обращенія и любезностью.

Тихменевы нисколько не измѣнили скромной жизни обывателей и служащихъ; большихъ пріемовъ они не дѣлали, тону не задавали и жили какъ всѣ. Губернаторша была умная, добрая, простая въ обращеніи, очень симпатичная женщина и при томъ образцовая мать. По слабости здоровья она не могла часто ходить въ гости, а потому больше сидѣла дома и занималась дѣтьми.

Губернаторъ былъ живой, горячій, прямой и честный человѣкъ. Онъ искренно любилъ край, желалъ принести ему пользу, сознавалъ необходимость его заселенія и въ первые же мѣсяцы сталъ энергично хлопотать по этому вопросу. Начались засѣданія, совѣщанія, пошли представленія къ генералъ-губернатору Восточной Сибири. О японцахъ тогда не думали; опасность въ будущемъ ожидалась со стороны китайцевъ; хотя они не проявляли никакихъ враждебныхъ дѣйствій на Амурѣ, но Кульджинскій вопросъ могъ вызвать осложненія, а войскъ въ Приморской области было слишкомъ недостаточно.

Лѣтомъ на пароходѣ добровольнаго флота „Россія" изъ Кронштадта во Владивостокъ благополучно пришелъ дессантъ въ 1000 человѣкъ солдатъ. Тогда же въ принципѣ рѣшено было перевозить моремъ и переселенцевъ изъ Европейской Россіи въ Южно-Уссурійскій край.

Что бы удалось сдѣлать Тихменеву для Амура, неизвѣстно, потому что онъ пробылъ въ Хабаровкѣ только 9 мѣсяцевъ. Говорили, что онъ не сошелся съ генералъ-губернаторомъ, до къ тому же здоровье жены его внушало серьезныя опасенія. Проводы Тихменева отличались неподдѣльной искренностью. Желавшихъ присутствовать на прощальномъ обѣдѣ оказалось такъ много, что устроить его пришлось въ новомъ артиллерійскомъ сараѣ, стѣны котораго украсили зеленью, флагами и оружіемъ.

За обѣдомъ было выпито много шампанскаго и сказано много прочувствованныхъ рѣчей. Вмѣсто Тихменева въ Хабаровку назначили губернатора Амурской области Баранова, который также долго жилъ въ Приамурскомъ краѣ и былъ извѣстенъ какъ очень умный, любезный, но въ достаточной мѣрѣ лѣнивый и неискренный человѣкъ.

Онъ очень любилъ общество, давалъ обѣды, былъ чрезвычайно радушный хозяинъ и пріятный партнеръ, но дѣлами занимался неохотно и интересы края не принималъ такъ близко къ сердцу, какъ его предшественникъ, хотя о пользѣ края и его заселеніи говорилъ много и краснорѣчиво.

Наконецъ, въ 1882 году, черезъ тридцать лѣтъ послѣ занятія Амура, благодаря усиленному ходатайству генералъ-губернатора Восточной Сибири, состоялось высочайшее утвержденіе мнѣнія Государственнаго Совѣта о заселеніи Приамурскаго края свободными переселенцами изъ Европейской Россіи. Съ этого времени переселенцевъ начали перевозить во Владивостокъ безплатно на судахъ добровольнаго флота; кромѣ того ихъ снабжали продовольствіемъ и орудіями. Во Владивостокѣ было образовано переселенческое управленіе. За казенными переселенцами явились и своекоштные; съ 1882 г. заселеніе окраины не прекращалось и въ 1897 году въ Южно-Уссурійскомъ краѣ образовалось уже 86 новыхъ селеній. Наконецъ-то правительство обратило вниманіе на дальній востокъ.

Въ 1884 году учреждено Приамурское генералъ-губернаторство; резиденціей генералъ-губернатора назначена Хабаровка.

Это произошло уже безъ насъ, и о дальнѣйшемъ развитіи края мы знаемъ только по слухамъ.

Въ 1882 г. исполнилось десять лѣтъ нашего пребыванія на Амурѣ. Мужъ получилъ десятилѣтнее пособіе [1]) и амурскую пенсію, и мы уѣхали въ Европейскую Россію.

Все дурное, что было пережито, забылось; осталась только любовь къ окраинѣ, гдѣ провели лучшіе годы жизни и потратили молодыя силы и даже здоровье.

Живя въ столицѣ, мы никогда не переставали интересоваться далекой окраиной.

Съ проведеніемъ желѣзной дороги Приамурскій край сталъ быстро развиваться и заселяться. Но тутъ на сцену явилась Манчжурія съ желѣзной дорогой, Артуромъ и Дальнимъ. Милліоны какъ изъ рога изобилія полились на чужую землю. Всѣ точно подъ гипнозомъ кричали о новомъ благодатномъ краѣ, о яко бы не замерзающихъ портахъ, о быстромъ развитіи новыхъ городовъ и совершенно забыли объ Амурскомъ краѣ, несчастномъ пасынкѣ матушки Россіи.

Если бы всѣ милліоны, вложенные въ чужую Манчжурію, употребить на устройство родной окраины, то, быть можетъ, не случилось бы того, что теперь переживаетъ Россія.

---

[1]) Десятилѣтнее пособіе—годовой окладъ жалованія и прогоны до того мѣста, куда пожелаетъ отъѣзжавшій.

Всѣ говорятъ: „Амуръ палъ“ и эти слова отзываются болью въ сердцахъ тѣхъ, кто жилъ въ краѣ и любилъ его. А любили его всѣ піонеры. Чѣмъ это объяснить?

Если манчжурцы сохранили хорошую память о Манчжуріи, это не удивительно: они получали огромные оклады, жили богато и весело, вернулись обезпеченными на всю жизнь.

А Амурцы-піонеры? Они тянули лямку 10 лѣтъ, чтобъ выслужить жалкую пенсію максимумъ 560 руб. въ годъ (пенсія полковника) и тѣмъ не менѣе любили Амуръ. Не потому ли, что въ тѣ далекія времена эти люди пользовались высшимъ благомъ — свободой. А свобода у насъ была полная: свобода слова—говори, что хочешь, никто тебѣ не мѣшаетъ; свободы печати не было, потому что вообще не было никакой печати. Свобода совѣсти была, въ Сибири вообще никто не придавалъ значенія національности и религіи: русскій, полякъ, нѣмецъ, раскольникъ—все равно; лишь былъ бы онъ хорошій человѣкъ. Всѣ помнятъ, какъ встрѣтили сибиряки ссыльныхъ поляковъ въ 1863 году. Ихъ не только не притѣсняли, но принимали въ общество какъ равныхъ. Въ Иркутскѣ ссыльные поляки-доктора лѣчили наравнѣ съ русскими врачами, а нѣкоторые имѣли даже больше практики, чѣмъ мѣстные.

Поляки открывали магазины, гостинницы, мастерскія и нѣкоторымъ образомъ вносили культуру въ Сибирь. Такое же отношеніе къ нимъ было и на Амурѣ. Многіе изъ нихъ, по истеченіи срока ссылки, не хотѣли возвращаться на родину, а женились на русскихъ и оставались въ краѣ. Другіе же, побывавъ въ Польшѣ, снова пріѣзжали на Амуръ.

Помимо того была еще одна привлекательная особенность амурской службы: самостоятельность и возможность личной иниціативы. За дальностью разстоянія амурскіе дѣятели не могли во всякое время обращаться за разрѣшеніями и разъясненіями къ высшему начальству, которое находилось въ Иркутскѣ, а потому большей частью дѣйствовали самостоятельно на свой страхъ и могли видѣть результаты собственныхъ трудовъ, что всегда даетъ нравственное удовлетвореніе. Къ этому нужно еще прибавить, что, живя бокъ о бокъ, люди прекрасно узнавали другъ друга, сближались безъ всякихъ матеріальныхъ разсчетовъ и пріобрѣтали вѣрныхъ, преданныхъ друзей, что̀ много скрашиваетъ жизнь и поддерживаетъ въ тяжелые дни.

Р. Ф.

Копія съ письма главнокомандующаго Финляндскою арміею графа Бусгевдена къ военному министру графу Аракчееву отъ 13 сентября 1809 года.

Удаленіе графа Буксгевдена отъ должности главнокомандующаго въ Финляндіи какъ разъ послѣ того, ккакъ вся Финляндія была окончательно завоевана трудами войскъ, имъ предводимыхъ,—составляетъ темную и неислѣдованную еще въ достаточной мѣрѣ страницу исторіи Александровскаго царствованія. Въ капитальномъ трудѣ покойнаго К. Ф. Ордина «*Покореніе Финляндіи*», на страницахъ 402—414 т. I-го и 26—78 т. II-го хотя и приведено довольно много документальныхъ данныхъ, разъясняющихъ отчасти ту интригу, которая подкапывалась подъ главнокомандующаго, подрывая къ нему довѣріе государя,—но въ этихъ данныхъ почти совершенно стушевывается роль военнаго министра графа Аракчеева.

Между тѣмъ, разсмотрѣніе документовъ нашего военно-ученаго архива, относящихся къ Финляндской войнѣ 1808—09 гг.,[1] позволяетъ уже теперь заключить, что эта роль была не изъ послѣднихъ. Такъ, можно установить такой, напримѣръ, фактъ, какъ соглядатайство за Буксгевденомъ квартирмейстерскихъ офицеровъ его собственнаго штаба, которымъ, тайно отъ Буксгевдена, поручено было доносить непосредственно Аракчееву о распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ главнокомандующаго. Дѣйствія эти настолько лишены были самостоятельности, что не только малѣйшія свои соображенія и намѣренія онъ долженъ былъ представить на Высочайшее благоусмотрѣніе непосредственно или черезъ военнаго министра, но дѣйствія его критиковались еще въ Петербургѣ, иностранными знатоками военнаго дѣла вродѣ маркиза Паулуччи,[2] или полушведа Кнорринга, который былъ генералъ-квартирмейстеромъ нашихъ войскъ въ Финляндскую войну 1788—90 гг. Мало этого, за дѣйствіями Буксгевдена все время непосредственно слѣдилъ

---

[1]) Предпринятое нами для нашего изслѣдованія „Русско-Шведской войны 1808—09 гг.". *П. Н.*

[2]) Полковникъ маркизъ Паулуччи былъ нѣсколько разъ даже командированъ на театръ военныхъ дѣйствій для провѣрки дѣятельности главнокомандующаго и составленія своихъ особыхъ плановъ.

финляндецъ Спренгтпортенъ, подвергавшій всѣ его мѣропріятія постояннымъ порицаніямъ и доносившій о томъ государю либо непосредственно, либо черезъ канцлера графа Румянцева.

Приводимое ниже письмо составляетъ лишь часть переписки, возникшей въ связи съ удаленіемъ графа Буксгевдена, котораго, между прочимъ, старались, какъ видно, обвинить даже въ казнокрадствѣ... Несомнѣнно, что хозяйственныя упущенія, всегда у насъ хроническія, были и въ эту войну, но потребно тщательное изслѣдованіе документовъ прежде, чѣмъ обвинять въ какихъ-либо злоупотребленіяхъ самого графа Буксгевдена, вина котораго, вѣроятнѣе всего, не превосходитъ извѣстной, привычной у Екатерининскихъ генераловъ распущенности по этой части, которой, какъ извѣстно, не избѣжалъ и самъ великій Суворовъ. (см. біографическій трудъ А. Ѳ. Петрушевскаго [1]).

П. Нике.

Ваше Сіятельство, въ отношеніи своемъ увѣдомили меня, что въ вѣдомости моей, представленной Государю Императору, о потеряхъ и пріобрѣтеніяхъ въ Финляндіи во время командованія моего арміею, нашли вы не вѣрное показаніе пороха; ибо вмѣсто 17 тыс. пудовъ, почитаемыхъ въ пріобрѣтеніи, по собраннымъ вами свѣдѣніямъ, поступило въ вѣдомство военное 5.663 пуда, и въ томъ числѣ вмѣсто 3.800 бочекъ, назначенныхъ въ Свеаборгъ, имѣлось его только 3.000.

Извините, Милостивый Государь мой! что я не могъ на оное отвѣчать вамъ, вскорѣ по полученіи, ибо по неимѣнію при мнѣ чиновниковъ, долженъ былъ препоручить въ разсѣянныхъ при мнѣ дѣлахъ, пріискивать нужные для повѣрки документы людямъ совершенно не опытнымъ, да и самъ обязанъ былъ улучать время, заняться къ вамъ отвѣтомъ о такомъ предметѣ, о коемъ еще не было до днесь примѣра въ Россійской Исторіи, чтобы главнокомандующій вынужденнымъ былъ рыться въ бумагахъ, дабы объяснить, куда дѣвалось нѣсколько пороха, имъ же пріобрѣтеннаго.

Если бы я не зналъ, что все, показанное мною въ донесеніяхъ Его Императорскому Величеству, основывалось на рапортахъ, дошедшихъ ко мнѣ отъ частныхъ начальниковъ, тогда не обинуясь почелъ бы долгомъ признаться въ моей ошибкѣ, но такъ какъ я въ семъ увѣренъ, то и не остается мнѣ ничего болѣе, какъ опять поблагодарить васъ за новыя попеченія, кои вы къ исправленію моихъ дѣлъ употребляете. Дѣятельность ваша по сему случаю удивительна. Дабы удовлетворить сродному вашему чувствованію столь

---

[1]) Изслѣдованіе причинъ удаленіе графа Буксгевдена отъ званія главнокомандующаго въ Финляндіи заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія, такъ какъ событіе это, внѣ всякаго сомнѣнія, отразилось отчасти и на политическомъ устройствѣ вновь завоеванной страны. Мы предполагаемъ посвятить этому вопросу особую статью. *П. Н.*

сильно, относительно ко мнѣ въ васъ господствующему, вы проницаете всѣ обстоятельства, посредственно и непосредственно до меня касающіяся. Я вижу наконецъ, соглашая всѣ ваши бумаги, что вы дѣлаете строгую рецензію на всѣ предметы за время командованія моего арміею.

Неужели, Ваше Сіятельство, источникъ, изъ котораго вы почерпаете предметы къ моему вреду, и по нынѣ не истощился. Простите мнѣ, ежели сей случай, напомнная мнѣ всѣ чувствительныя огорченія, вынудитъ меня говорить много и откровенно.

Всѣмъ извѣстна цѣль ваша. Люди просвѣщенные, знающіе порядокъ вещей, посмотря хладнокровно на всѣ ваши сугубые труды, въ отысканіи разныхъ случаевъ, къ утѣсненію служащихъ, подумаютъ, что вы конечно въ томъ поставляете всю вашу должность— многіе изъ нихъ оставятъ вамъ сіе обширное поле, и не будутъ внимать вашему неблагорасположенію. Если бы смыслъ вашихъ бумагъ и поступковъ со мною касался только лично до меня, то и меня не вынудили бы вы писать къ вамъ. Личныя оскорбленія должны лично и возбраняться; но какъ все относите вы къ униженію званія главнокомандующаго, почтеннаго отъ всѣхъ, которое я имѣлъ счастіе носить съ должнымъ усердіемъ къ Монарху и отечеству, и здалъ оное, не унизивъ своего сана въ лицѣ моемъ, то и не попущу васъ въ лицѣ же моемъ, какъ теперь, такъ и впредь, оскорблять званія сего почтеннаго, въ понятіи просвѣщеннаго свѣта.

Неужели Ваше Сіятельство, желая укорить меня въ невѣрности показаннаго въ вѣдомости моей количества пороха, думали, что моя обязанность при арміи была единственна та, чтобы повѣрять или щитать военную добычу, ибо если вы подобнаго сему не заключали, то не могли бы отысканной вами недостатокъ, въ пріобрѣтеніи силою оружія, относить ко мнѣ, какъ я нынѣ долженъ понимать изъ вашего увѣдомленія. Изъ сего видно, что Ваше Сіятельство не знаете, какимъ образомъ въ арміи идутъ дѣла сего рода, а потому я васъ черезъ сіе извѣстить честь имѣю, что вѣдомосгь общая и другія частныя вѣдомости, представляемыя Государю Императору, составлялись изъ донесеній, вѣдомостей, или изъ словесныхъ рапортовъ, полученныхъ иногда съ поля сраженія отъ частныхъ начальниковъ, кои добычу пріобрѣтали, или отъ тѣхъ лицъ, въ чье вѣдомство по принадлежности оная поступала. Первыя изъ сихъ донесеній не могли быть всегда вѣрны, ибо жребій войны уже послѣ отправленнаго рапорта могъ исторгать добычу изъ рукъ побѣдителя и возвращать ее побѣжденному. Можетъ быть, таковые примѣры Вашему Сіятельству не извѣстны, но они во всѣхъ войнахъ случаются. Сколько надобно будетъ учредить слѣдственныхъ комиссій, ежели вы захотите

заставить начальниковъ частей войскъ, занятыхъ движеніемъ и дѣйствіемъ противъ непріятеля, углубленныхъ только въ то одно, чтобы побѣдить и пользоваться побѣдою — оставить сіе и сочинять свои вѣдомости, съ такою же осторожностію, какъ комиссіонеры сидящіе въ своихъ цейхаузахъ.

Изъ тѣхъ дѣлъ, которыя по сдачѣ арміи у меня остались, на случай дабы недоброжелательствующимъ мнѣ доказать неправильные ихъ толки (о чемъ 15 марта я и писалъ къ вамъ), я нахожу, что пороха пріобрѣтено 13.677 пудъ, а имѣя у себя всѣ бумаги, поступившія ко мнѣ, во время моего командованія арміею, надѣюсь, что и остальное число пороха противъ показаннаго въ вѣдомости моей также бы открылось.

Для доказательства же основательности сего исчисленія препровождаю при семъ къ вамъ копіи съ вѣдомостей о пріобрѣтеніяхъ пороха въ Свеаборгѣ, Шварцгольмѣ и Гельзинфорсѣ, и выписку изъ рапортовъ князя Багратіона, графа Каменскаго, генералъ-лейтенанта Тучкова 1-го. Изъ оныхъ увидите вы, что въ Свеаборгѣ показывалось въ пріобрѣтеніяхъ пороха въ бочкахъ 1.020 пуд., изъ коихъ въ каждой полагалось по 3 пуда, да въ 12.853 зарядахъ къ орудіямъ разнаго калибра, по приведеніи оныхъ въ вѣсъ, полагая каждый зарядъ въ полъ-ядра, составитъ 2.173 пуда, не включая въ сіе число чиненыхъ бомбъ, гранатъ и прочаго. Въ Шварцгольмѣ найдено 800 бочекъ, въ коихъ вѣсу 2.000 пуд., да въ зарядахъ къ орудіямъ разныхъ калибровъ 821 пудъ, что и составитъ, приведя ихъ по той же пропорціи въ вѣсъ, 206 пуд. Въ Гельзинфорсѣ получено 10 пудъ, и въ разныхъ корпусахъ, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ въ отбитыхъ съ зарядами ящикахъ по меньшей пропорціи 228 пуд.

Я могъ бы еще и другія сдѣлать на счетъ сей поясненія какъ въ разсужденіи отпуска изъ Свеаборга пороха на флотиліи и къ береговымъ укрѣпленіямъ, такъ и по случаю взрыва порохового погреба въ Свеаборгѣ, не упуская при томъ изъ вида доставляемый изъ Фридрихсгама порохъ и другихъ мѣстъ; но полагаю сего увѣренія для васъ достаточно, дабы усмотрѣть, что вѣдомость моя составлена не безъ основанія.

Увидя теперь, сколько не согласны тѣ свѣденія, изъ коихъ вы старались почерпнуть свое ко мнѣ отношеніе, со свѣдѣніями, имѣющимися у меня, Ваше Сіятельство безъ сомнѣнія отнесете ошибку сію къ винѣ тѣхъ, которые о томъ представляли.

Я не оспариваю сего, но хочу только обнаружить, сколь явно и неосторожно испытываете вы противъ меня всѣ способы, дабы удовлетворить вашему строптивому стремленію. Сіе самое стремленіе

причиною, что вы не упускаете разныхъ предлоговъ посылать ко мнѣ запросъ за запросомъ, несмотря на то, что черезъ попеченіе же ваше лишась всѣхъ адъютантовъ, управлявшихъ моими дѣлами, не имѣю совсѣмъ способовъ вести переписку. Сіе же было поводомъ, что вы не помню въ какомъ-то номерѣ С.-Петербургскихъ газетъ напечатали отъ себя объявленіе купцу Косиковскому, что о удовлетвореніи его за поставленный въ Ловизскіе магазины провіантъ и за перевозку онаго отъ Гельсинфорса до Або, доводящимися по контрактамъ деньгами, слѣдуетъ ему просить бывшаго главнокомандующаго финляндскою арміею генерала графа Бусгевдена, отъ коего (пишете вы) военный министръ не получалъ еще вѣдомостей о долгахъ.

Положимъ, что о порохѣ, по донесенію частныхъ начальниковъ, могли мы ошибиться оба, а можетъ также произойти сіе и отъ описки переписчиковъ, но объявленіе, помѣщенное въ газетахъ, зависитъ собственно отъ васъ. Содержаніе его таково, что если отдали оное писать на произволъ вашего секретаря, то сіе тѣмъ хуже для вашей дѣятельности, которой вы желаете отличиться, а ежели писано по вашему приказанію, тогда совсѣмъ не согласуется съ вашимъ званіемъ и съ тою заботливостію, съ которою вы стараетесь о субординаціи, имъ вы удвоиваете общія догадки, что тѣ только дѣла признаете правильными, кои согласуются съ расположеніемъ въ тотъ часъ вашего духа.

Буде вы полагаете, что заключеніе сіе пристрастно, то велите себѣ прочесть положеніе, сдѣланное между вами и генералъ-провіантмейстеромъ, которое вы докладывали Его Величеству, и по Высочайшей Его волѣ отъ 11 апрѣля, при отношеніи своемъ, препроводили ко мнѣ для соображенія, въ немъ найдете, что заботливость ваша на щетъ доставленія въ Финляндію продовольствія ограничивалась единственно съ одной стороны до *Куопіо*, а съ другой водою до *Борго*, *Гельзинфорса*, и если можно то и до *Або*, и такъ изъ сего видно, что ежели Косиковскій поставлялъ провіантъ въ г. Ловизу (который лежитъ къ старой Финляндіи еще ближе, нежели *Борго* и *Або*), то ваша обязанность есть съ нимъ и ращитываться. Вамъ нельзя отъ сего отказаться, ибо означенное ваше разсужденіе съ генералъ-провіантмейстеромъ утверждено Государемъ Императоромъ; кажется, вамъ нельзя и не помнить, что вы о томъ мнѣ сообщали, ибо дѣятельность ваша по сему случаю была столь велика, что даже отношеніе ко мнѣ писано собственною вашею рукою; но ежели вамъ мало и сего доказательства, то разсмотрите другія бумаги, отъ васъ ко мнѣ писанныя, гдѣ вы ясно выражаете, что ваше дѣло доставлять провіантъ водою до Гельзинфорса и Або; а потому

не правда ли, Ваше Сіятельство, что вы вашимъ отзывомъ купцу въ газетахъ себя не поберегли? А при томъ и купецъ Косиковскій, видя неосновательность таковаго ему отзыва, даже и не входилъ ко мнѣ съ просьбою.

Но забываться въ дѣлахъ по неопытности можно бы еще извинить, когда бы изъ того можно было ожидать какой-нибудь пользы. Посмотримъ, достойны ли извиненія тѣ выраженія, которыя касаются до власти.

Въ объявленіи сказано: „что военный министръ отъ бывшаго главнокомандующаго финляндскою арміею, генерала графа Буксгевдена, не получалъ еще вѣдомостей о долгахъ".

Скажите пожалуйста, когда вамъ долженъ былъ главнокомандующій подавать вѣдомости о долгахъ? Неужели, какъ понимать изъ сего должно, что вы разумѣете вамъ и Государю все равно, ибо я не думаю, чтобы вы забыли Высочайше имянной ко мнѣ указъ отъ 8-го ноября прошлаго года и другія подтвердительныя повелѣнія, (кои по вашей части съ такою тщательностію сочиняемы были), въ которыхъ ясно Государь повелѣваетъ мнѣ представлять вѣдомости о долгахъ Ему, что мною по части военной давно уже исполнено. Какимъ же образомъ могли вы совокупить во-едино Государя и военнаго министра, и еще напечатать о семъ въ газетахъ.

Вотъ, Милостивый Государь мой! плоды провозглашаемой вами субординаціи и новое доказательство, какъ вы помните ходъ производимыхъ вами дѣлъ, когда желаніе ваше съ порядкомъ оныхъ не согласуется. Вы, давая мнѣ разными способами почувствовать ваше недоброжелательство, наконецъ для большаго усугубленія желая открыть оное свѣту, чрезъ припечатаніе въ газетахъ и не подумали, что вы обидите званіе, которое носилъ и которое противъ вашего властоначалія защищать я обязанъ. Знаете ли вы, Милостивый Государь мой! Что есть главнокомандующій?... Главнокомандующій, есть воинъ, испытанный въ любви къ отечеству, искусившійся на полѣ брани и служеніемъ своимъ доказавшій преданность Престолу. Государь ему вручаетъ безопасность, спокойствіе и славу своего государства, ему подчиняетъ онъ тысячи войновъ, коихъ сбереженіе и самая жизнь зависятъ существенно отъ его мановенія, не усыпности и безчисленныхъ попеченій. Принимая сей жезлъ, онъ вмѣстѣ съ симъ обязывается предъ Государемъ и Отечествомъ всѣ свои мысли и желанія устремлять къ цѣли ему назначенной и въ войнахъ, ему повинующихся, возбудить тѣ военныя добродѣтели, которыя составляютъ истинныхъ героевъ, и кои во время самой бури войны даютъ способъ поселянину воздѣлывать поля свои, несмотря на громъ, вблизи его гремящій.

И сей воинъ, теряя покой, и здоровье свое не будетъ даже нынѣ, черезъ посредство ваше, имѣть, въ предметѣ, отдать въ трудахъ своихъ отчетъ самому Государю. Скажите, откуда вы почерпнули сію всеразрушающую систему? Что подумаютъ воины, которые по сердцу и дѣламъ своимъ, достойны будутъ занять знаменитую сію степень, вами столь униженную, и съ такимъ намѣреніемъ? Неужели вы думаете чрезъ то обратить всѣхъ къ вамъ почтеніе. Нѣтъ, Милостивый Государь мой! Вы весьма ошибаетесь. Кто ни въ бояхъ, ни въ судахъ, ни въ совѣтѣ Царскомъ, не сверхъ супостатовъ, тотъ никогда не вынудитъ согражданъ къ истинному себя уваженію, какія бы онъ ни предпринималъ мѣры строптивости. Изъ сего видно, что Всемилостивѣйшій Государь нашъ, пекущійся о благѣ Государства, не знаетъ еще, кого вы, въ настоящемъ дѣлѣ, въ себѣ заключаете.

Можетъ быть покажется вамъ, что я слишкомъ неосторожно изобразилъ картину вашего властоначалія. Не прогнѣвайтесь. Любовь къ Отечеству и преданность къ Престолу руководили перомъ моимъ, и при томъ знайте, что каждая черта, клонящаяся къ обидѣ, званія, мною носимаго, и вами въ званіи вашемъ, долженствующаго быть почитаемымъ, будутъ всегда довольно важными и побудительными причинами, дабы заставить говорить мнѣ истину, а лѣта и служба даютъ мнѣ право совѣтовать вамъ, чтобы вы для блага общаго, исправили свои поступки, заслужили чрезъ то всеобщую признательность и мое особое уваженіе.

Въ ожиданіи чего имѣю честь быть и проч., графъ Бусгевденъ.

Сообщилъ В. А. Бильбасовъ.

Донесеніе генералъ-лейтенанта Скобелева главнокомандующему о занятіи Адріанополя.

Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему Дѣйствующею Арміей.

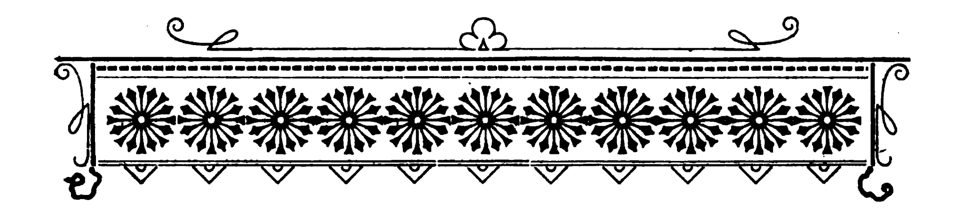
Д. Германлы 9 января 1878 г. 4 часа по полудни.

Имѣю счастіе поздравить Ваше Императорское Высочество съ занятіемъ второй столицы турецкой Имперіи, гор. Адріанополя. Подвигъ этотъ есть плодъ осмысленной рѣшимости нашей кавалеріи. Адріанополь занятъ двумя полками, носящими названія нашихъ двухъ столицъ—Московскимъ драгунскимъ и С.-Петербургскимъ уланскимъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Струкова, смѣлой рѣшимости котораго мы обязаны успѣхомъ. Генералъ Струковъ доноситъ, что жители Адріанополя всѣхъ народностей просятъ повергнуть передъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ ихъ безпредѣльную благодарность за спасеніе города отъ неистовствъ башибузуковъ и черкесовъ.

Генералъ-Лейтенантъ Скобелевъ.

Сообщилъ Д. А. Скалонъ.

Матеріалы по исторіи масонства въ прежней русской арміи.

Въ литературѣ совершенно отсутствуютъ матеріалы для исторіи масонства въ прежней русской арміи. Печатаемый ниже документъ долженъ послужить исходною точкою для разработки военно-масонской старины. При послѣдовавшемъ въ 1822 году запрещеніи масонства, отъ прежнихъ масоновъ отбирались подписки объ ихъ причастности къ масонству; на основаніи этихъ данныхъ и былъ составленъ общій списокъ военныхъ масоновъ.

СПИСОКЪ

Г.г. военнымъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ, кои принадлежали къ Масонскимъ ложамъ и, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, отказались отъ оныхъ данными подписками.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
1	Его Императорское Высочество Государь Цесаревичъ.		Въ подпискѣ, доставленной отъ Его Императорскаго Высочества, званіе ложи не означено.
	Генералы:		
2	Графъ Ламздорфъ 2.	Состоитъ по арміи и находится при Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ.	Увѣнчаннаго Меча въ Митавѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
3	Графъ Ланжеронъ.	Въ отпуску.	Эвксинскаго Понта, въ Одессѣ, и былъ почетнымъ членомъ другихъ Масонскихъ ложъ.
	Генералъ-лейтенанты:		
4	Графъ Шуваловъ	Генер.-Адъютантъ.	Les amis réunis, въ С.-Петербургѣ.
5	Бергъ 1-й	Въ Ревелѣ, комендантъ.	Изисъ, въ Ревелѣ.
6	Бороздинъ	Генер.-Адъютантъ, командующимъ 4-мъ кавалерійскимъ корпусомъ.	Къ разнымъ ложамъ, находивш. въ С.-Петербургѣ, подъ управленіемъ большой Директоріальной ложи.
7	Ротъ	Дивизіонный начальникъ 8-й пѣхотной дивизіи, нынѣ командуетъ 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ.	Ключъ къ добродѣтели, въ Симбирскѣ.
8	Инзовъ	Главный попечитель и предсѣдатель Комитета о Колонистахъ Южнаго края Россіи.	Золотой Шаръ, въ Гамбургѣ.
9	Ферстеръ	Инженер., Начальникъ Инженеровъ 2-й арміи.	Молчаливости, въ С.-Петербургѣ.
10	Бенкендорфъ.	Генер.-Адъютантъ, командиръ 1-й кавалерійской дивизіи.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
	Генералъ-маіоры:		
11	Булатовъ . . .	Командиръ 3-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи.	Трехъ Святителей и Сѣвернаго орла, въ С.-Петербургѣ.
12	Тучковъ 1-й . .	Состоитъ по арміи.	Избраннаго Михаила, въ С.-Петербургѣ; былъ почетнымъ членомъ Сѣвернаго Свѣтильника, въ Минскѣ, и Овидія, въ Кишиневѣ.
13	Портнягинъ . .	Состоитъ по кавалеріи.	Елизаветы (къ) добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
14	Петровской . .	Состоитъ по арміи.	Принадлежалъ къ Масонству, но въ какой ложѣ былъ, по болѣзни его, нельзя узнать.
15	Бергъ 2-й . . .	Комендантъ въ Выборгѣ.	Большой Директоріальной Владиміра къ порядку и Петра къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ.
16	Князь Сибирскій	Командиръ 18-й пѣхотной дивизіи.	Трехъ коронованныхъ мечей, въ Митавѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
17	Ансельмъ Де-Жибори	Состоитъ по кавалеріи.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
18	Баронъ Крейцъ	Командиръ 3-й драгунской дивизіи.	Св. Іоанна, въ Гамбургѣ.
19	Жеребцовъ I-й	Состоитъ по арміи.	Былъ великимъ мастеромъ и членомъ 27 разныхъ ложъ, въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и разныхъ Россійскихъ и иностранныхъ городахъ.
20	Горголій	Состоитъ по кавалеріи.	Донесъ, что какая-то ложа въ С.-Петербургѣ считала его своимъ членомъ.
21	Леонтьевъ	Дивизіонный начальникъ 2-й гусарской дивизіи.	Fidelité militaire, въ Видзахъ.
22	Баронъ Тейль фонъ-Сираскиркенъ	Квартирмейстерск. части, находится посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Бразиліи.	Съ 1784 г. по 1790 принадлежалъ къ 2-мъ тайнымъ обществамъ, состоявшимъ въ г. и университетѣ Лейденъ, въ Голландіи; первое изъ нихъ подъ названіемъ кавалеровъ добродѣтелей, которое существовало не долго;

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
			и второе—кавалеровъ пяти мечей; а въ 1790 г., оставивъ сіе послѣднее, вступилъ въ Масонскую ложу Добродѣтель въ Лейденѣжъ.
23	Теслевъ 1-й	Командиръ 23-й пѣхотной дивизіи.	Принадлежалъ къ одной ложѣ въ Германіи, коей званія не помнитъ.
24	Каблуковъ 1-й	Бригадный начальникъ въ 3-й кирасирской дивизіи и нынѣ командуетъ оною дивизіею.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
25	Пейкеръ 1-й.	Бригадный начальникъ въ 1-й пѣхотной дивизіи.	Петра къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ, и къ разнымъ другимъ въ разныхъ городахъ.
26	Сипягинъ	Генер.-Адъютантъ, командиръ 6-й пѣхотной дивизіи.	Св. Петра правды, въ С.-Петербургѣ.
27	Князь Мадатовъ	При отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ.	Къ Масонской ложѣ въ Парижѣ.
28	Головинъ	Командиръ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка.	Ищущихъ Манны, въ Москвѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
29	Бартоломей 1-й	Командиръ 1-й бригады въ 25-й пѣхотной дивизіи.	Петра къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ.
30	Нарышкинъ 1-й	Состоитъ при дивизіонномъ командирѣ Литовской Уланской дивизіи.	Соединенныхъ друзей въ С.-Петербургѣ, Совершеннаго союза, въ г. Валансіенъ во Франціи, и Американской консисторіи при Парижскомъ востокѣ.
31	Графъ Сухтеленъ	Состоитъ при дивизіонномъ командирѣ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
32	Графъ Браницкій	Въ Свитѣ Его Императорскаго Величества.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
33	Веревкинъ.	Въ Москвѣ комендантъ.	Славянской, въ Варшавѣ.
34	Паткуль.	Командиръ 1-й бригады 1-й гренадерской дивизіи.	Михаила, въ С.-Петербургѣ.
35	Тимофѣевъ 1-й	Командиръ гренадерской бригады Литовскаго корпуса.	Золотаго перстня, въ Бѣлостокѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
36	Князь Меньшиковъ.	Квартирмейстерск. части, Генер.-Адъютантъ, директоръ канцеляріи начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества.	Золотаго яблока или Пеликана (точно не упомнитъ) въ Дрезденѣ.
37	Муравьевъ 1-й	Былъ начальникомъ Московскаго учебнаго заведенія для колоновожатыхъ, и уволенъ отъ службы 15 февраля 1823 г.	Находясь въ Страсбургѣ, въ университетѣ, вступилъ въ братство Масоновъ, но какъ именовали ложу не помнитъ.
38	Фицтумъ фонъ-Экстедъ	Квартирмейстерск. части, непремѣнный членъ Военно-Ученаго Комитета.	Пеликана, въ Кронштадтѣ.
39	Князь Лопухинъ	Командиръ 1-й бригады 1-й уланской дивизіи.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
40	Кишкинъ 2-й	Командиръ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка.	Единость Славянская, въ Варшавѣ.
41	Трузсонъ 1-й	Командиръ С.-Петербургскаго Инженернаго корпуса.	Въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
42	Нейдгартъ 2-й	Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, начальникъ штаба гвардейскаго корпуса и почетный членъ Военно-Ученаго комитета.	Александра къ тройственному благословенію, въ Москвѣ.
43	Андрѣевскій	Командиръ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка.	Военная, въ С.-Петербургѣ.
44	Сарочинской.	Состоитъ по кавалеріи.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
45	Тухолка.	Командиръ 1-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи.	Минерва, въ Потсдамѣ.
46	Солданъ.	Бригадный начальникъ во 2-й гусарской дивизіи.	Бывшей въ мѣстечкѣ Видзахъ, когда тамъ находился Лейбъ-Гвардіи конный полкъ.
47	Вахтенъ	Начальникъ штаба 6-го пѣхотнаго корпуса.	Девяти сестеръ въ г. Туль (во Франціи).
48	Палицынъ.	Командиръ 2-й бригады 1-й Уланской дивизіи.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
49	Фонъ-Визинъ	Состоялъ по арміи и уволенъ отъ службы 25 декабра 822 г.	Александра благословеннаго, въ Москвѣ.
50	Рашетъ	Бригадный начальникъ въ 8-й пѣхотной дивизіи.	Полуночная звѣзда, въ Минскѣ.
51	Петерсонъ	Бригадный начальникъ въ 7-й пѣхотной дивизіи.	Св. Петра, въ С.-Петербургѣ, и къ ложѣ, коей именованія не помнитъ, въ Данцигѣ.
52	Шубертъ	Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, директоръ корпуса топографовъ.	Петра къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ, въ Военной ложѣ Георгія Побѣдоносца и въ Великой ложѣ Астреѣ.
53	Баронъ Гейсмаръ	Бригадный начальникъ въ 3-й кирасирской дивизіи.	Петра къ правдѣ, въ С.-Петербургѣ, и Амалія, въ Саксенъ-Веймарѣ.
54	Есаковъ.	Командиръ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка.	Былъ принятъ въ Масоны, въ Вильнѣ.
55	Баронъ Эльснеръ	Помощникъ начальника Инженернаго училища.	Peter zur Wahrheit, въ С.-Петербургѣ.
56	Андржейковичъ.	Бригадный начальникъ въ 13-й пѣхотной дивизіи.	Бѣлаго Орла, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
57	Игельстромъ 2-й	Командиръ 2-й бригады Литовской уланской дивизіи.	Принадлежалъ къ ложамъ: Новогрудской, Несвижской, Слуцкой и Рафаловской.
58	Фрейгангъ. . .	Бригадный начальникъ во 2-й гренадерской дивизіи.	Къ ложѣ Масоновъ, состоящей во Франціи въ г. Кельнѣ.
59	Беттихеръ. . .	Командиръ 2-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
60	Теннеръ. . . .	Квартирмейстерск. части, начальникъ съемки Литовской губерніи.	Славянскаго Орла, въ Вильнѣ.
61	Брозинъ 2-й . .	Свиты Его Величества по квартирмейстерской части.	Принадлежалъ къ нѣсколькимъ ложамъ, внутри Россіи и внѣ оной; но наименованій ихъ не помнитъ.
62	Ермоловъ 2-й .	Бригадный начальникъ въ 21-й пѣхотной дивизіи.	Préjugé vaincu, въ городѣ Краковѣ.

Сообщила Тира Соколовская.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1907 г.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЫЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, IЮНЬ.

Записки и воспоминанія.

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

Библіографическій листокъ.

5. В. К. Судравскій. Исторія л.-гв. гренадерскаго полка. Томъ 1-й. М. Соколовскаго (тамъ же).

6. Н. Д. Чечулинъ. Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II.— Я. Д. (на обертк҃ѣ іюньской книги).

7. В. Чернышевъ. Забытые труды К. Д. Ушинскаго.—Н. (тамъ же).

Портреты:

I. Портретъ Владиміра Васильевича Стасова. (При 4-й книгѣ).

II. Портретъ Константина Виссаріоновича Комарова. (При 5-й книгѣ).

III. Портретъ Амвросія Орнатскаго, епископа пензенскаго и саратовскаго. (При 6-й книгѣ).

Приложенія.

Планъ атаки брандеровъ 19—21 апрѣля 1904 г. у Портъ-Артура. (При 4-й книгѣ).

Планъ западной границы русскаго народа 1907 г. (При 5-ой книгѣ).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

оживленію торгово-промышленныхъ оборотовъ. (Мигулинъ). Къ 1795 г., черезъ 27 лѣтъ, ихъ уже было выпущено на 157 мил. руб. и курсъ упалъ до 146 руб., т. е. почти на 50%. Впрочемъ, какъ многія другія ошибки финансовой политики, неумѣренный выпускъ ассигнацій объясняется лишь непониманіемъ истинной природы денежнаго обращенія; еще Сперанскій доказывалъ, что „никакое количество ассигнацій не можетъ уронить ихъ курса для расчетовъ внутри государства, за продукты мѣстнаго производства, а не привозные“...

Этому непониманію, неподготовленности финансовой администраціи къ разрѣшенію задачъ, выдвигаемыхъ жизнью, приписываетъ авторъ отягощеніе страны, отсутствіе экономическаго прогресса, недостатокъ въ деньгахъ, полное разстройство финансовъ...

Въ краткой замѣткѣ невозможно даже перечислить все множество вопросовъ, затронутыхъ превосходной, полной глубокаго, захватывающаго интереса книгой г. Чечулина. Въ его изложеніи сухіе перечни, столбцы цифръ—говоритъ языкомъ самой жизни, даютъ яркіе образы, возсоздаютъ законченныя картины.

Нужно пожелать, вмѣстѣ съ авторомъ, чтобы ему удалось выполнить свои дальнѣйшіе планы, расширить рамки задачи, „тѣснѣе связать добытыя цифры съ фактами народной жизни,... раскрыть обстановку, экономическій бытъ массы потребителей, выдвинуть тѣ огромныя усилія, какія совершалъ русскій народъ, тѣ труды, какіе долженъ былъ онъ вынести въ изучаемую эпоху“... *Я. Д.*

В. Чернышевъ. Забытые труды К. Д. Ушинскаго. С.ПБ. 1907 г.

Въ этой работѣ изложены статьи знаменитаго нашего педагога-мыслителя, не вошедшія и въ послѣднее изданіе его сочиненій. Статьи эти имѣютъ крупный интересъ, а удачно сдѣланныя г. Чернышевымъ выдержки даютъ должное понятіе о взглядахъ Ушинскаго на такіе „вѣчные“ вопросы педагогіи, какъ народное и женское образованіе, о чемъ въ его изданныхъ сочиненіяхъ говорится весьма немного. Въ этихъ журнальныхъ замѣткахъ ярко выдается талантъ У. просто, основательно и независимо разрѣшать самыя трудныя задачи, которыя не выполнены у насъ и доселѣ; за исключеніемъ мнѣнія о тѣлесномъ наказаніи всѣ остальныя сужденія У. сохраняютъ полную свою авторитетность, мало того, остаются еще далеко недостигнутымъ идеаломъ. Въ высокой степени интересны мнѣнія его о первоначальномъ образованіи и выясненіе условій, почему грамотеи изъ крестьянъ не являлись лучшими людьми; элементарное ученіе не имѣетъ обязательно нравственнаго вліянія, только наука „можетъ дать человѣку новый принципъ жизни, совершенно обновить его“. Но научнымъ знаніемъ овладѣваютъ немногіе счастливцы и избранники. Для всѣхъ другихъ лицъ изученіе разныхъ предметовъ, начиная съ грамоты, не имѣетъ нравственно воспитательнаго вліянія, не имѣетъ, конечно, оно и худого вліянія на нравственность. Правдивы разсказы о томъ, какъ легко и быстро портились грамотеи изъ крестьянъ, но эти разсказы „показываютъ не то, какъ вредна грамота для русскаго человѣка, но то, до какой страшной степени заражена та среда, въ которую вводитъ ихъ грамота, и какъ беззащитенъ и безоруженъ остается въ ней простой и м. б. прекрасный человѣкъ“. По мнѣнію У. народныя книги должны быть написаны „самымъ чистымъ литературнымъ языкомъ, безъ всякихъ кривляній на мужицкій ладъ“. „Малѣйшее поползновеніе на шутливый тонъ, на мужицкій фарсъ, и порядочный русскій человѣкъ, который не любитъ болтать попустому, непремѣнно броситъ книгу“. У. горячо желалъ, чтобы женское образованіе переходило далеко за предѣлы элементарности, одинаково возставая противъ *„нѣмецко-хозяйственнаго“* и *„французско-галантерейнаго“* направленія въ этомъ дѣлѣ. Книга В. Чернышева невелика, но въ ней разбросано очень много драгоцѣнныхъ мыслей, смѣло и въ художественной формѣ высказанныхъ Ушинскимъ; ее полезно прочесть не однимъ педагогамъ. *Н.*

